

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

А АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 2007—2008 ГОДЫ

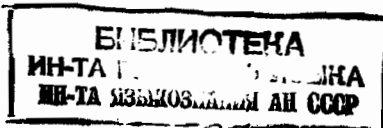
Основан в 1957 году
академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА
НАУКА
2012

УДК 930
ББК 63(2)
А87

8 (17)
А-87

94297

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы "Культура России"*

Ответственный редактор
академик Российской академии образования
С.О. ШМИДТ

Редакционная коллегия:
Ю.В. АНДРЮШАЙТИТЕ, М.П. ИРОШНИКОВ, С.М. КАШТАНОВ,
В.П. КОЗЛОВ, А.В. МЕЛЬНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Р.Г. ПИХОЯ, Н.Н. ПОКРОВСКИЙ, В.А. ЧЕРНЫХ,
С.В. ЧИРКОВ, Е.Н. ШВЕЙКОВСКАЯ

Рецензенты:
доктор исторических наук С.С. ИЛИЗАРОВ,
доктор исторических наук И.В. КУРУКИН

Археографический ежегодник / [отв. ред. С.О. Шмидт]; Археограф. комис.
РАН; Фед. архив. агентство. – М. : Наука, 1957– .
2007–2008 годы. – 2012. – 586 с. – ISBN 978-5-02-037599-4 (в пер.).

Ежегодник содержит статьи преимущественно по отечественной истории, археографии, архивоведению, источниковедению, историографии, специальным историческим дисциплинам от Средневековья до наших дней. Публикуются материалы научных конференций, посвященных изучению и изданию архивных документов о событиях 1917 г., о новом в москвоведении, статьи об "архивной революции" в России 1990-х годов, об изданиях Свода "Древнейшие источники по истории Восточной Европы", полного собрания сочинений В.А. Жуковского, о "Всероссийской мемуарной библиотеке" в Доме русского зарубежья, о редких рукописях допетровского времени, таможенных книгах, о документации времени "большого террора 1937 г." и др. Напечатаны новые дополнения к изданию "Библиотека В.И. Ленина в Кремле: Каталог". Много места уделено материалам о творчестве русских историков (В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков, О.М. Медушевская, А.А. Фурсенко и др.), их личных фондах, библиографии их трудов. Публикуются также архивные документы по истории отечественной исторической науки XIX–XX вв.

Для научных работников, сотрудников архивов, библиотек и музеев, краеведов, преподавателей и студентов.

По сети "Академкнига"

ISBN 978-5-02-037599-4 © Археографическая комиссия РАН, Федеральное архивное агентство, 2012
© Российская академия наук и издательство "Наука", продолжающееся издание "Археографический ежегодник" (разработка, оформление), 1957 (год основания), 2012
© Редакционно-издательское оформление. Издательство "Наука", 2012

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Р.Г. Пихоя

«АРХИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ ЧАСТЬ 1. АРХИВЫ ДЛЯ РОССИИ. 1990–1991

В марте 1990 г. в Свердловске, в Уральском университете, где автор этой статьи работал первым проректором, выступал кандидат в народные депутаты РСФСР Б.Н. Ельцин. Было известно, что Ельцин будет добиваться должности Председателя Верховного Совета и введения поста Президента России. Университет был в числе организаций, выдвигавших Ельцина в депутаты. Поэтому в соответствии с традициями советской избирательной системы кандидату в депутаты полагались наказания избирателей.

В наказе, адресованном Ельцину как кандидату в народные депутаты, содержались предложения о развитии системы народного образования в стране. Частично эти предложения вошли в первый Указ Президента РСФСР, изданный 11 июля 1991 г. «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР»¹.

Со своей стороны, я взялся написать Б.Н. Ельцину записку о состоянии и проблемах архивного дела в РСФСР.

Почему?

Во-первых, на историческом факультете с начала 1970-х годов существовало историко-архивное отделение, где мне пришлось без малого двадцать лет преподавать, а с 1986 г. – с моего проректорства – распределять выпускников по архивным учреждениям России и Союза.

Во-вторых, с 1974 г. существовала Уральская археографическая экспедиция, на основе которой возникли Археографическая лаборатория, проводились полевые археографические исследования на огромной терри-

¹ Вошли, как помнится, следующие положения: «подчинение органов государственного управления образованием и наукой непосредственно Президенту РСФСР; при формировании чрезвычайного бюджета РСФСР на II полугодие 1991 г. предусмотреть выделение для сферы образования необходимых средств с учетом повышения заработной платы работникам учреждений образования и дополнительных затрат на питание и другие виды обеспечения учащихся, воспитанников и студентов в связи с ростом цен; внести предложения в Верховный Совет РСФСР об освобождении учреждений, предприятий и организаций системы образования от всех видов налогов, сборов и пошлин и направлении этих сумм на развитие научной и учебной деятельности, укрепление материально-технической и социальной базы образовательных учреждений», радикальном повышении стипендий студентам и аспирантам, оплаты государством расходов на обучение российских студентов за рубежом.

тории – от Западной Сибири до Поволжья². Полевые археографические исследования были возможны лишь при научной координации с Археографической комиссией АН СССР, возглавляемой тогда С.О. Шмидтом, (наличии так называемого «открытого листа») и при согласии Главного архивного управления Совмина РСФСР.

Поэтому у меня были определенные знания и о материально-техническом состоянии российских архивов, и об уровне оплаты архивистов, и о составе архивных фондов, находившихся в юрисдикции Российской Федерации.

Моя записка касалась трех вопросов, которые представлялись принципиально важными.

Прежде всего я проинформировал Б.Н. Ельцина, что Россия давно – еще в 1938 г. – утратила право на управление российскими по происхождению архивными фондами тогда, когда Центральное архивное управление из ведения бывшего ЦИК СССР было передано в ведение НКВД СССР. После 1955 г. было восстановлено Главное архивное управление при Совмине РСФСР, которое получило право управлять только областными и краевыми архивами. В условиях угрозы суверенизации союзных республик архивные фонды российского происхождения, оказавшиеся в центральных архивах союзного подчинения, могли быть безвозвратно утрачены. Вторая проблема – это неблагоприятное материальное состояние архивной отрасли, нередко архивы находились в церковных зданиях, строительство архивов отнюдь не относилось к числу приоритетов. Нищенская зарплата архивистов, нищенская даже по сравнению с оплатой других работников социальной сферы, не могла способствовать сохранению письменных памятников.

Тогда, когда я писал эту записку, то учитывал, что для Ельцина была важна проблема суверенитета России, а состояние архивного дела – это частный случай проявления суверенитета государственного. Кроме этого, нам был известен его искренний интерес к истории страны.

Записка «О состоянии архивного дела в РСФСР», как оказалось, не пропала в бурных событиях лета 1990 г. 15 октября 1990 г. меня вызвал председатель Совмина РСФСР И.С. Силаев, попросил прокомментировать ее текст и тут же объявил, чтобы на следующий день я вышел на работу в Главное архивное управление РСФСР.

16 октября 1990 г. я оказался на должности начальника ГАУ при Совмине РСФСР. Управление занимало несколько комнат на первом этаже Центрального государственного архива РСФСР на Бережковской набережной.

Знакомство с аппаратом управления было облегчено тем, что некоторых его сотрудников я знал раньше. Следует отметить, что аппарат российского главка был немногочислен (немногим более 40 человек), но очень квалифицирован. Особенно хотел бы отметить отделы комплектования (Г.Г. Бакалинская), обеспечения сохранности документов (Л.С. Шатенштейн, Т.Е. Шабанова), правового обеспечения (В.Г. Комлев), работы с персоналом (С.И. Касперская). У российского главка было много объектов управления – более 80 архивных управлений областей, краев и республик РСФСР, проблем хватало везде – прежде всего – с обеспечением

² Подробнее см.: Книги старого Урала / сост. Р.Г. Пихоя, А.Т. Шашков, Н.А. Мудрова и др. Свердловск, 1989.

сохранности и с комплектованием. Работа была предельно конкретной – оказывать помощь на местах, разрабатывать методические указания и рекомендации, направленные на сохранение документов.

Позволю даже высказать мысль не бесспорную, но мне близкую: в ряде случаев российские республиканские органы управления были сильнее, чем их союзные начальники. Так было с Министерствами высшего образования, российским и союзным. Так же было и с Главархивами. Объяснение тому простое. Союзные органы управляли только союзными объектами, относительно немногочисленными и в основном находящимися в России – для союзного главка – 12 центральных архивов в Москве и Ленинграде, один – в Ялуторовске, и один НИИ – Всесоюзный институт документо-ведения и архивного дела. Российскому главку приходилось руководить восемью десятками областных и краевых архивных управлений.

5 ноября 1990 г. Главное архивное управление при Совмине РСФСР было преобразовано в Комитет по делам архивов при Совмине РСФСР, а 12 декабря 1990 г. Правительство определило вопросы деятельности Комитета, на который возлагались обязанности:

- формирование Архивного фонда России;
- государственное регулирование архивного дела, координация деятельности по этим вопросам министерств и ведомств РСФСР во взаимодействии с местными Советами народных депутатов;
- подготовка проектов законодательных актов и нормативных документов, направленных на обеспечение сохранности, пополнение и использование документов Архивного фонда РСФСР;
- разработка проектов и реализация государственных программ развития архивного дела;
- создание информационной сети и баз данных по документам Архивного фонда РСФСР;
- организация издания архивных документов по истории народов России;
- контроль за соблюдением законодательства по архивному делу на территории РСФСР учреждениями, организациями и предприятиями независимо от их ведомственной подчиненности или форм собственности;
- развитие и координация зарубежных связей учреждений Государственной архивной службы РСФСР, участие в работе международных организаций по архивному делу и делопроизводству.

Новым для российских архивистов стали вопросы формирования Архивного фонда республики как самостоятельной задачи деятельности Государственной архивной службы РСФСР, задача создания информационных баз данных по документам Архивного фонда, ведение международной деятельности по вопросам, связанным с архивным делом России, представление интересов РСФСР в международных архивных организациях.

Конечно, необходимо было учесть и немалый позитивный опыт, накопленный российскими архивистами. Знакомство с текущей документацией Главархива РСФСР свидетельствовало, что главк смог добиться в 1977 г. важного постановления Совмина РСФСР от 31 мая 1977 г., которым была предусмотрена программа строительства 25 зданий республиканских (АССР), краевых и областных государственных архивов, подлежащих завершению строительством. И не вина архивистов в том, что стройка мно-

гих зданий оказались классическим долгостроем. Уже попав в «титульные списки», как это называлось на советском административном жаргоне, архивные органы получали возможность настаивать на выделении средств на финансирование капитального строительства.

В ГАУ РСФСР в 1988 г. были подготовлены и приняты «Правила работы государственных районных и городских архивов»³, своего рода энциклопедия внутриархивной деятельности.

Документы текущего архива свидетельствовали, что вопрос о возвращении ряда исторических архивов в российскую юрисдикцию мои предшественники пытались поднимать в 70-е годы в переписке с союзными органами власти, впрочем, совершенно безрезультатно.

Однако выяснилось и другое. Для органов власти архивное дело было «делом десятой важности». Главархив РСФСР и Главархив СССР знали, что называется, «свой шесток». Архивные органы занимались своими внутренними проблемами – собственно архивным делом и документоведением, – благо, что там хватало проблем, и отнюдь не претендовали на участие в решении общегосударственных вопросов. Не случайно, что проект Закона «Об архивах и архивном деле» для Верховного Совета СССР подготовили люди, не имевшие прямого отношения к архивам⁴.

Огромные информационные ресурсы архивов органами власти и управления страны практически не запрашивались, ограничиваясь, в лучшем случае, юбилейными датами. Таким образом, передо мной встала задача: доказать важность и актуальность архивной информации для сегодняшнего дня. Для меня, как историка, было очевидно, что к концу XX в. Россия пришла со многими задачами, которые были сформулированы в конце XIX – начале XX в. и которые пытались решить многие люди, искали, находили и ошибались. Итоги этих поисков, находок и потерь сохранились в архивах. Поэтому было принято решение: организовать для народных депутатов РСФСР большую архивную выставку – «История российской государственности: законодательство, управление, символика»⁵. Выставка была приурочена ко Второму съезду народных депутатов РСФСР, где предполагалось рассмотреть закон о введении частной собственности на землю, принять новую Конституцию⁶, было решено создать Конституционный Суд.

Выставку готовили в очень сжатые сроки – открыть ее надо было до 2 декабря – начала работы съезда. Огромную роль в ее организации тогда сыграл В.Г. Комлев. Ему удалось договориться с руководством центральных архивов, с региональными архивами, с музеями – Эрмитажем, ГИМом, которые представили документы и экспонаты, рассказывавшие об опыте российского законодательства – от Судебника 1497 г. до советских Консти-

³ Авторами «Правил» были Альбрехт, Бакалинская Г.Г., Иноземцева З.П., Казакевич К.М., Касперская С.И., Комлев В.Г., Панченко О.Н., Петросова Н.А., Савин В.А., Сесина Л.И., Соляникова В.И., Шабанова Т.Е.

⁴ Батурин Ю.М., Федотов М.А., Энтин В.Л. Гласность и архивы: вариант законодательного решения // Вестн. АН СССР. 1989. № 10. С. 74–86.

⁵ Россия: государственная символика. Опыт законоотворчества (XV–XX вв.) // Советские архивы. 1991. № 1. С. 14–16.

⁶ О том, почему и как не приняли Конституцию на Втором съезде, см.: Зезина М.Р., Малышева О.Г., Малхозова Ф.В., Пихоя Р.Г. Человек перемен: Исследование политической биографии Б.Н. Ельцина. М., 2011. С. 236–239.

туций 1918, 1924, 1936, 1977 гг., о деятельности четырех созывов дореволюционной Государственной думы, об опыте местного самоуправления, существовавшего до революции, о государственной символике России и ее изменениях во времени.

Местом выставки стал российский «Белый дом» – здание Верховного Совета и Совмина РСФСР. Считаю важным отметить: выставку открывал Председатель Верховного Совета Б.Н. Ельцин; посещение выставки стало частью официального государственного протокола в течение следующего 1991 г. Это означало ввод архивных материалов в контекст современного государственного управления. И тогда, когда народные депутаты, разглядывая документы и подписи к ним, вдруг признавались, что те законы, над которыми они работают, уже существовали раньше – я считал, что наша цель – привлечение государственного внимания к архивам – в известной мере была выполнена.

Подготовка документальных выставок, тематически приуроченных к заседаниям съезда народных депутатов, была сохранена и в дальнейшем в течение следующего, 1991 г. Выставка фотодокументов, позволявшая увидеть советскую историю в ее неюбилейном разнообразии, была открыта в Большом Кремлевском дворце в марте 1991 г. 10 июля 1991 г. в Кремлевском дворце съездов впервые в истории России состоялась процедура вступления в должность президента России. В фойе дворца была развернута выставка, центральной темой которой стала тема исторической преемственности в развитии России. В фойе Дворца съездов, под гербами советских республик, были развернуты выставки государственных наград России и СССР с XVI до XX в., священных реликвий – книг всех конфессий страны – православия, мусульманства, буддизма, иудаизма, католицизма и протестантизма, основных законодательных актов России за всю ее историю.

Сложилась еще одна функция у архивного ведомства. Оно стало источником представления исторической информации для руководства России. Причина ясна. Россия не имела ни своей Академии наук (были академии во всех союзных республиках, была АН СССР, но в России – не было). Единственным учреждением, подчиненным российскому правительству и связанным с историческими исследованиями стал Комитет по делам архивов при Совмине РСФСР. Позже аппарату Роскомархива неоднократно пришлось предоставлять историческую информацию власти.

В первый раз эта роль Роскомархива проявилась в связи с вопросом о геральдике России. На совещании у вице-преьера российского Правительства Н.Г. Малышева при обсуждении российской геральдики я выступил с предложением – рассмотреть вопрос о возвращении исторических геральдических символов – двуглавого орла и трехцветного флага. Аргументов было, как минимум, три. Во-первых, советская геральдика была откровенно партийной, идеологической. В условиях реальной многопартийности эта особенность советской геральдики заранее закладывает поводы для политических конфликтов. Поэтому, во-вторых, необходимо учесть опыт стран восточной Европы, где повсеместно «слетели» социалистические государственные гербы, замененные геральдическими символами с их многовековой историей. И, наконец, российская геральдика – двуглавый орел и трехцветный флаг символически связаны с созданием единого Российского государства в конце XV в., с победами Петра I, они, по сути,

могут выполнять функцию объединения граждан страны вокруг ее истории и ее символики.

5 ноября 1990 г. Правительство России приняло Постановление о создании Государственного герба и Государственного флага РСФСР. Была образована Правительственная комиссия, Комитету по делам архивов было поручено организовать работу «круглого стола» с участием историков, сотрудников музеев, народных депутатов, представителей общественности. Все заседания проходили открыто, широко освещались прессой. Обсуждение было сведено к поиску ответа на один из трех вариантов:

- сохранить советскую символику;
- разработать принципиально новые символы государства;
- вернуться к исторической символике.

Совещания комиссии с участием художников, историков, музейщиков, народных депутатов РСФСР, журналистов проходили едва ли не еженедельно. Скоро отошли предложения по модернизации герба РСФСР. Политическая символичность изображений на гербе, начиная от серпа и молота и заканчивая призывом к пролетариям всех стран объединяться – мало соответствовала идее национального герба.

Бурно обсуждались вопросы – возможно ли создать новый герб России? После того, как рассмотрели все мыслимые варианты использования российской флоры и фауны, памятников архитектуры в качестве государственных символов – медведей, лосей, соболей, ласточек, берез и рябин, храмов, кремлевских башен и стен – всем стало ясно – путь этот был тупиковым. Тупик был очевиден даже тем, кто вносил предложение по созданию принципиально нового герба.

Но и со старым гербом, который был в России до февраля 1917 г. было не просто. Спорными вопросами стало: следовать ли русской традиции изображения всадника на гербе, сохранявшейся до 1856 г., или сохранить те изменения в гербе, которые были проведены по германской геральдической системе бароном Б. Кене и просуществовали до февраля 1917 г.? Какие цвета следовало использовать в гербе? Быть ли над двуглавым орлом изображениям императорских корон?

За этими деталями скрывался главный вопрос – должен ли новый российский герб точно соответствовать старому, императорскому, или он будет воплощать новый этап в развитии государственности России, менявшейся, но сохранявшей верность историческим традициям? За этими, на первый взгляд, мелочами скрывалось символическое воплощение.

В марте 1991 г. Правительственной комиссии Совмина РСФСР были представлены предложения – принять государственный бело-сине-красный флаг и двуглавого золотого орла на красном поле в качестве государственного герба⁷.

В структуре Роскомархива был образован отдел, позже – управление по геральдике, которым руководил заместитель директора Эрмитажа Г.В. Вилинбахов⁸, один из активнейших и компетентных участников разработки предложений о новой государственной символике страны..

⁷ Вилинбахов Г.В. Государственный герб России: 500 лет. СПб, 1997. С. 51–53.

⁸ Активное участие в организации работы по созданию новой российской геральдики принимал сотрудник Роскомархива В.Н. Сапрыков-Саминский. Ему принадлежат публикации по местной геральдике России. См.: Сапрыков В.Н. Государственная символика регионов России. М., 2004.

Позже архивистам пришлось представлять в Правительство сведения об организации государственной службы в Российской империи, по истории казачества, ряду вопросов истории внешней политики СССР, по поручению Правительства участвовать в межправительственных комиссиях по военнопленным (Россия – США), по так называемому Катынскому делу и ряду других.

В России, как и в СССР, не было закона об архивах. Недопустимость (и неприличие) такого положения привели к ряду попыток создать проект Закона об архивах СССР и предложить его для принятия Верховному Совету СССР. Практически одновременно были подготовлены два таких документа. Первый был разработан в Главархиве СССР, второй – группой историков и юристов, куда вошли Ю.М. Батулин, Б.С. Илизаров, А.Б. Каменский, М.А. Федотов, Э.И. Ханпира, О.В. Щемелева, В.Л. Энтин. В этих проектах ясно отразилась политическая борьба того времени, Первый – главархивовский – проект представлял собой стремление оформить в законодательном виде и сохранить ту практику, которая сложилась в деятельности Главархива СССР. Второй – радикальную попытку пересмотреть, а в ряде случаев – и сломать эту практику.

Официальный (будем так называть проект Главархива СССР) предусматривал сохранение прежней централизованной системы управления архивным делом. Вместе с тем проект содержал положения, согласно которым постоянное государственное хранение могли осуществлять не только государственные архивы, но и министерства и ведомства СССР. Среди них – Министерства иностранных дел, обороны, внутренних дел, общего машиностроения, атомной энергетики, КГБ и ряд отраслевых фондов министерств и ведомств. В проекте ни слова не говорилось об отношении к архивному фонду КПСС. Архивный фонд СССР в этом проекте представлялся прежде всего государственным архивным фондом, государство имело право учета документов не только в принадлежащих ему предприятиях, но и “в профсоюзных, кооперативных, творческих и иных общественных организациях”, при этом порядок их учета устанавливался государством. Проект Закона по сути предусматривал предоставление Государственной архивной службе, министерствам и ведомствам, ведомственным архивам права предварительной цензуры. Это право возникало из обязанности министерств, государственных комитетов, ведомств, профсоюзных, кооперативных, творческих и иных общественных организаций, ... граждан, пользующихся документами Архивного фонда СССР, “нести ответственность за искажение или фальсификацию содержащейся в ней информации”. Не трудно сообразить, что из этого бы следовал тотальный контроль и за предоставлением информации, и за ее последующим использованием. В проекте содержалась и детальная проработка отдельных архивных технологий, более уместная скорее в ведомственном положении, чем в законе⁹.

Альтернативный официальному проект был прежде всего попыткой дать не ведомственные инструкции, а именно правовые нормы регулирования архивной деятельности. Читая этот проект, трудно отрешиться от его

⁹ Резкая критика инициативного проекта содержится в анонимной статье, опубликованной в журнале – органе Главархива СССР “Советские архивы”. См.: Об инициативном проекте Закона СССР “Об архивном деле и архивах” // СА. 1991. № 1. С. 17–27.

оценки не только как правового документа, но и памятника политической мысли того недавнего времени. Предусматривалось, что Закон СССР об архивном деле и архивах будет законом прямого действия. Ясно просматривалось стремление исключить ведомственный произвол при его интерпретации. Ведомству – Главархиву СССР – составители закона не верили и попытались это ведомство истребить. На его месте предполагалось создать Главную архивную комиссию при Верховном Совете СССР, куда должны были войти народные депутаты СССР, представители КПСС и иных общественных организаций (уравнять в ту пору – летом 1989 г.¹⁰ – КПСС с иными общественными организациями – это был поступок!), а также научных и религиозных объединений. Через весь проект Закона проходят два основных положения – право создавать и хранить архивы государству, общественным объединениям и гражданам, защита этого права от произвола государства, а также тщательно расписанные права граждан на получение архивной информации. В связи с этим проектом закона запрещалось создание тайных архивов, “то есть архивных учреждений, не заявивших о себе публично через средства массовой информации”, а также не допускалось создание отраслевых архивов, имевших право постоянного хранения документов. Обратной стороной этого документа стало наличие в нем ряда положений, либо не имевших отношения к практике архивного дела (например, наличие в проекте закона статьи об “архивной находке”, либо недостаточно четко определявших отношения государства с негосударственными архивными учреждениями, с архивными учреждениями субъектов СССР).

Попытки принять закон об архивах, в любой его редакции, так и не были реализованы Верховным Советом СССР. СССР так и остался государством без архивного законодательства.

Союзного закона об архивах не было. Не было и российского. Поэтому с начала 1991 г. активизировалась работа над российским проектом закона. Первоначально следовало решить – на какой основе должен был возникнуть этот проект. После споров было принято решение – создавать заново, учитывая, естественно, все предшествовавшие попытки. Тщательно изучался и международный опыт. В группу разработчиков вошли представители двух считавшихся обычно соперничавшими групп – историки – “пользователи” и архивисты – “хранители”. Во время разработки закона его авторами были: прекрасный знаток организации архивного дела, первый заместитель Роскомархива В.А. Тюнеев, некоторые авторы инициативного проекта – заведующий кафедрой Историко-архивного института Б.С. Илизаров, организатор и директор первого в России общественного негосударственного архива, доцент РГГУ Каменский, а также председатель Роскомархива Р.Г. Пихоя, председатель Археографической комиссии АН СССР С.О. Шмидт, ученый секретарь Отделения истории АН СССР д.и.н. В.П. Козлов, председатель Российского общества историков-архивистов член-корреспондент АН СССР Я.Н. Щапов. Позже к разработке закона активно подключился начальник организационно-планового отдела Роскомархива А.Н. Артизов.

¹⁰ Основанием для датировки служит экземпляр “инициативного авторского проекта”, датированный 7 июня 1989 г.

Так изначально закладывалась “проверка на прочность” каждой будущей статьи. Важно было, что среди разработчиков были и сторонники союзного глavarхивовского проекта как более “технологичного”, так и их оппоненты – защитники тех подходов, которые были выражены в альтернативном проекте. То, что за одним столом собрались люди разных, зачастую противоположных подходов к организации архивного дела, уже было удачей. Авторы инициативного проекта отказались сотрудничать с союзным главком, заявив, что не дают “согласия на заимствование идей и положений нашего проекта” для Главархива СССР и его сотрудников¹¹. Работа велась практически постоянно в течение полугода, пока не появился первый вариант закона Российской Федерации “Об Архивном фонде РСФСР и архивах”, представленный летом 1991 г. в комиссию по культуре Верховного Совета РСФСР. Оставим вопрос о тех жарких дискуссиях, когда, казалось, исчезала сама возможность дальнейшей совместной работы. Тогда появлялась секретарь из приемной Зоя Васильевна и приносила чай с печеньем. После короткого перерыва обсуждение продолжалось. Интересы создания закона и неизменно профессиональные дискуссии создавали действительно творческую обстановку.

В процессе разработки российского проекта пришлось решить ряд новых задач. Первая среди них – это учет федеральной природы России, распределение ответственности между федерацией и ее субъектами. Закон обладает прямым действием по отношению к архивным учреждениям федерального подчинения, а в субъектах Российской Федерации его нормы должны осуществляться через местные нормативные акты. Вторая проблема была связана с учетом многообразия форм собственности, существующих в стране. Это, в свою очередь, потребовало предусмотреть в составе Архивного фонда России наличие государственной и негосударственной части. Право постоянного хранения документов государственного происхождения архивное законодательство предоставляет только учреждениям Государственной архивной службы.

К лету 1991 г. проект Закона “вчерне” был готов и мог быть представлен для обсуждения в комитетах и комиссиях Верховного Совета РСФСР.

Задача формирования (точнее – воссоздания) архивного фонда России приобрела особую остроту после принятия Постановления Верховного Совета РСФСР от 25 декабря 1990 г. “О неотложных мерах по сохранению национального культурного и природного наследия”¹². Верховный Совет РСФСР объявлял расположенные на территории РСФСР историко-культурные памятники “достоянием многонационального народа РСФСР”. Специально указывалось, что “не подлежат приватизации ... ценности, хранящиеся в государственных музеях, архивах и библиотеках включая помещения и здания, где они расположены”.

Частным случаем применения этого Постановления стал давний спор о российских архивах в союзной юрисдикции. Как уже отмечалось, после перехода Центрального архивного управления СССР и РСФСР в ведение НКВД СССР архивные учреждения в союзных республиках оказались в подчинении наркоматов внутренних дел этих республик. Наркомат вну-

¹¹ СА. 1991, № 1. С. 19.

¹² Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30.

тренних дел РСФСР был упразднен еще в 1930 г. Поэтому центральные архивы Москвы и Ленинграда, хранившие важнейшие документы русской истории XV – начала XX в., были автоматически причислены к союзному ведомству. Так изящно-бюрократически был решен давний спор советского архивоведения о том, какие документы имеют общесоюзное значение. Выяснилось, что эта роль была отведена российским историческим документам.

С конца 1980-х годов, в условиях начавшейся суверенизации, положение стало меняться радикально. Именно тогда вслух заговорили о необходимости передать в союзные республики документы, “представляющие для них исторический интерес”. Столь же неопределенная, сколь и агрессивно-наступательная тактика заставляла вспомнить о временах начала 1920-х годов, когда, руководствуясь своеобразно понятой политической целесообразностью и полностью игнорируя мнение российских историков, руководство СССР обязало передать в союзные республики и ряду соседних государств значительные объемы архивных документов. Причем были отданы не только архивные фонды, эвакуированные на территорию России в годы Первой мировой и Гражданской войн (что можно было объяснить), но и те, которые были созданы в России, но затрагивали в разной мере историю других народов, живших в Российской империи. Спор об истории архивного строительства в России утрачивал в этих условиях прежний академический характер. Возникла реальная угроза разрушения исторически сложившихся комплексов документов. Понятно, что особую тревогу вызывала судьба исторических архивов, хранивших дореволюционные фонды. Поэтому Роскомархив обратился в правительство РСФСР со своими предложениями по этому поводу. Правительство России поддержало позицию Роскомархива.

19 января 1991 г. Председатель Совета Министров РСФСР И.С. Силаев обратился в Совет Министров СССР с предложением о передаче РСФСР ряда центральных государственных архивов СССР. В письме сообщалось: “Руководствуясь Декларацией о государственном суверенитете России Совет Министров РСФСР приступает к формированию Архивного фонда РСФСР. Практическое решение этой задачи поручено Комитету по делам архивов при Совете Министров РСФСР (Роскомархиву). Просим обязать Главное архивное управление при Совете Министров СССР передать Роскомархиву центральные государственные архивы СССР, хранящие документы, образовавшиеся в период Древней Руси, Русского централизованного государства и России XVIII – начала XX века, документы по истории литературы и искусства народов России, кинофотодокументы, научно-техническую документацию, созданную учреждениями, организациями и предприятиями, действующими на территории РСФСР... а также документы высших органов государственной власти и органов государственного управления РСФСР до образования СССР... хранящиеся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР...”

В приложении к этому письму следовал перечень архивов, на которые претендовала Россия. Это были:

- Центральный государственный архив древних актов СССР;
- Центральный государственный исторический архив СССР;

Центральный государственный военно-исторический архив СССР;
Центральный государственный архив Военно-Морского флота СССР;
Центральный государственный архив литературы и искусства СССР;
Центральный государственный архив кинофотодокументов СССР;
Центральный государственный архив научно-технической документации СССР.

Совет Министров СССР поручил начальнику Главархива СССР Ф.М. Ваганову и заместителю министра СССР С.Г. Лушикову подготовить ответ российскому правительству.

29 января 1991 г. начальник Главархива СССР Ф.М. Ваганов ответил со всей решительностью и непримиримостью: “Постановка Советом Министров РСФСР вопроса о передаче РСФСР 8-ми Центральными государственными архивами СССР, хранящих документы Государственного архивного фонда СССР союзного значения, не имеет правовой основы. Общеизвестно, что правопреемником Российской империи является Союз Советских Социалистических Республик. Следовательно, и архивные документы, находившиеся до 1917 г. в ведении Российской империи, в соответствии с декретом СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. “О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР”, подписанного В.И. Лениным, были национализированы и на их базе образован единый Государственный архивный фонд Советского Социалистического государства”.

Первый заместитель министра юстиции СССР И.С. Самошенко отвечал намного осторожнее. В письме сообщалось, что “в соответствии со статьей 22 Закона СССР “О собственности в СССР” культурные и исторические ценности народов союзной республики находятся в собственности союзной республики. Вместе с тем, согласно постановлению Верховного Совета СССР от 6 марта 1990 г. положения Закона “О собственности в СССР”, относящиеся к государственной собственности: общесоюзной собственности, собственности союзных республик, автономных республик, автономных областей, автономных округов и коммунальной собственности, вступают в силу по мере разграничения имущества между указанными видами собственности. ...Полагаем, что вопрос, поставленный в письме Совета Министров РСФСР, может быть рассмотрен в ходе переговоров при выполнении указанного постановления, которым также предусматривается, что в собственность союзных республик должно входить имущество предприятий, учреждений и организаций союзного подчинения, передаваемых в собственность союзных республик”.

И, как говорил президент СССР М.С. Горбачев, “процесс пошел”.

Премьер-министр СССР В. Павлов дал поручение вице-премьеру академику Н.П. Лаверычеву, министрам культуры Н.Н. Губенко, юстиции – С.Г. Лушикову, начальнику Главархива СССР Ф.М. Ваганову, при участии Археографической комиссии, заинтересованных министерств и ведомств дополнительно рассмотреть письмо И.С. Силаева и внести предложения в Правительство СССР.

В свою очередь, председатель Совмина РСФСР И.С. Силаев 28 марта 1991 г. поручил руководителю Комитета по делам архивов при Совете Министров РСФСР Пихое Р.Г. и министру юстиции РСФСР Федорову Н.В. “принять участие в рассмотрении. О результатах проинформируйте Совет Министров РСФСР”.

Роскомархив не без ехидства отвечал, возражая на письмо ГАУ СССР: «Считаем... необходимым указать на политическую двусмысленность заявления об “общеизвестности, что правопреемником Российской империи является Союз Советских Социалистических Республик”. Такое утверждение не отвечает сути договорного процесса советских республик, объединившихся в Союз в декабре 1922 г.»

Указывалось, что заключение Ф.М. Ваганова «вступает в противоречие с Законом СССР “О собственности в СССР”, согласно которому культурные и исторические ценности народов союзной республики находятся в собственности союзной республики. ... К сожалению, в заключении Главархива СССР обойден вниманием факт передачи в 30-е – начале 40-х гг. из ведения РСФСР в ведение СССР исторически сложившихся центральных архивов Российской Федерации, в которых к тому времени были сконцентрированы документы по истории России с древнейших времен».

В обстановке нараставшего конфликта между Роскомархивом и Главархивом СССР, между союзными и республиканскими органами управления руководство союзного главка провело совещание с руководителями архивных ведомств союзных республик. 23–24 апреля 1991 г. в здании Центрального государственного архива древних актов, на втором этаже которого находилось ГАУ при Кабинете Министров СССР собрались руководители органов государственного управления архивным делом 12 республик. На совещание не приехали архивисты Литвы и Эстонии, а также руководитель архивного ведомства Армении.

Совещание должно было ответить на один вопрос – как дальше управлять архивным делом в Советском Союзе, когда уже было ясно, что государство не сохранится в прежнем виде. Уже полным ходом шел так называемый Ново-Огаревский процесс, президент СССР М.С. Горбачев вел переговоры с руководителями союзных республик, подготавливался текст нового Союзного договора и ясно было, что в будущем Союзе, если он состоится, в нем не будет ни трех прибалтийских республик, ни Грузии и Молдавии. В условиях “войны суверенитетов” республик и союзного центра начался болезненный пересмотр отношений между ведомствами.

Перед совещанием Главархив СССР разослал свои предложения о будущей системе государственного управления архивным делом. Вполне естественно, что в этих предложениях обосновывалась необходимость сохранения Главархива СССР и тех функций, которые были у него прежде. Это сохранение архивного дела как самостоятельной отрасли, ведение единой архивной политики, единой системы архивных учреждений, единого Архивного фонда СССР; разработки перспектив развития архивного дела, решение вопросов об оплате архивистов, представление интересов отрасли в союзных органах власти и управления; подготовки кадров высшей квалификации по архивному делу¹³.

Начальник Главархива СССР Ф.М. Ваганов выступал бюрократически правильно и скучно. Он сообщил, что Кабинет Министров СССР в своем постановлении от 13 апреля № 176 «О порядке реализации Законов СССР “О Кабинете Министров СССР” и “О перечне министерств и других центральных органов государственного управления СССР”» сохранил в числе

¹³ СА. 1991. № 4. С. 4.

органов государственного управления Главное архивное управление при Кабинете Министров СССР. Он сообщил, что в новом положении о ведомстве должно быть отражено, какие полномочия республики передают союзному ведомству.

Руководители республиканских архивных ведомств поддержали сохранение Главархива в системе союзных ведомств.

Прочитую стенограмму:

«Р.Г. Пихоя, председатель Роскомархива: Роскомархив считает целесообразным наличие союзного органа управления архивным делом в новых социально-политических реалиях развития СССР.

З.П. Махарадзе, начальник Грузинского республиканского государственного научно-производственного объединения “Мематиане”: Необходимо сохранение органов государственного управления архивным делом”, повторяю, сохранение и развитие профессиональных, творческих и организационных связей между ними...

С.Б. Байжанов, начальник Главархива Казахской ССР: У казахстанских архивистов однозначное мнение – общесоюзный орган управления архивным делом в стране нужен и в новых условиях федеративного устройства и суверенности республик, нас устраивает единение, а не разъединение...

Б.В. Иваненко, начальник Главархива Украинской ССР: Орган по управлению архивным делом несомненно нужен. Это доказывает опыт цивилизованных стран. Но мы против сохранения Главархива СССР с его нынешними функциями, тем более практикой”¹⁴.

Руководитель украинских архивов Б.В. Иваненко поднял проблему несоответствия функций союзного Главархива новым политическим реалиям. Эта тема в дальнейшем стала главной.

Представляя российское ведомство, я заявлял, что союзному главку следует делегировать только те функции, которые отсутствуют у республиканских архивных ведомств. “Прежде всего, это представление интересов государственной архивной службы СССР в союзном правительстве. Такое представительство целесообразно для решения проблем укрепления материальной базы архивов как центров культуры народов СССР, участия в защите социальных интересов работников отрасли. Другое дело, что союзный главк не проявил необходимой последовательности и настойчивости для постановки перед правительством решения этих проблем, и последний Указ Президента СССР коснулся лишь неотложных мер по развитию крупнейших библиотек страны, но не затронул архивы”.

По моему мнению, Главархив СССР должен быть прежде всего научно-методическим центром, уже потому, что в его структуре были два научно-исследовательских центра – Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела и научно-исследовательский центр космической документации СССР.

По мнению Роскомархива, союзный главк не должен дублировать республиканские органы управления. Зачем, например, союзному главку рассматривать на своей коллегии вопрос о работе Лихославльского и Кувшиновского райгосархивов Тверской области по организации использования

¹⁴ Там же. С. 4–5.

документов? Эта тема не союзного, а в лучшем случае областного уровня, годящегося для обсуждения в областных архивных отделах.

Наши предложения, что Главархиву СССР следует оставить функции представительства в союзных органах и научно-методическое обеспечение отрасли поддержали руководители республиканских ведомств – Грузии, Украины, Казахстана, Узбекистана.

Наиболее радикально высказался представитель Молдавии – М.М. Гициу. Он заявил: “В прежнем виде Главархив СССР не нужен, он не будет удовлетворять требования всех присутствующих на этом совещании. Главархив СССР как центр научно-методической работы – это воспринимается”.

С серьезными замечаниями выступил Б.В. Иваненко. Соглашаясь с ролью Главархива СССР как центра единой научной, технической, технологической политики, он подверг критике предложения союзного ведомства, вынесенные на обсуждение на этом совещании. “Вчитываясь в так называемые “Ориентиры...” для этой встречи, невооруженным глазом видишь главный ориентир – закрепить централизацию. Такой подход, на наш взгляд, мягко говоря, недиалектичен. Создается впечатление, что тот, кто расставлял эти “ориентиры” не в полной мере чувствует, что происходит с нашим многонациональным государством. При представлении Закона об Архивном фонде СССР в Верховном Совете СССР и при определении формулы взаимоотношений между Главархивом СССР и органами управления архивным делом союзных республик нужно решительно уйти от стереотипов, попытаться создать гибкую модель, учитывая чрезвычайную остроту национального момента”¹⁵.

На защиту союзного руководства бросились сотрудники Главархива СССР. Э.С. Кузьмина, директор ЦГАНХ СССР: “Главархив СССР должен быть не только научно-методическим центром, но и иметь функции управленческого органа”. Директор ЦГАОР СССР Б.И. Каптелов напомнил, что не только архивные НИИ, но и центральные архивы “являются научно-методическими центрами по работе с документами своего профиля”, что означало, что эти архивы должны сохранить элементы управленческих функций в новых условиях. В.А. Ильичева, начальник отдела организационной и научно-методической работы Главархива СССР заявила, что союзный орган управления архивным делом должен изучать, обобщать и распространять передовой опыт работы, в частности, разрабатывать документы по новому хозяйственному механизму, в частности, преysкуранты, связанные с оказанием платных услуг населению¹⁶.

Однако руководители республиканских ведомств не собирались делегировать управленческие функции Главархиву СССР. Я напомнил о Постановлении российского правительства о создании Роскомархива и о существенном расширении его прав и обязанностей.

Руководитель казахских архивов С.Б. Байжанов заявил, что “в соответствии с суверенитетом республик Главархиву СССР следует признать право республиканских архивных органов на полную самостоятельность: в решении вопросов развития архивного дела в своих республиках, в уста-

¹⁵ Там же. С. 6–7.

¹⁶ Там же. С. 7–8.

901 92

новлении непосредственных связей и контактов с архивами других республик СССР по горизонтали, с архивами иностранных государств, в заключении с ними локальных (двусторонних) договоров о сотрудничестве и обмене архивными документами, в допуске граждан иностранных государств для работы в архивах республики, в коммерческих сделках с ними при использовании архивных документов”¹⁷.

Ему вторила заместитель начальника Главархива Таджикистана М.А. Спевак: “Учитывая суверенитет союзных республик, следовало бы передать союзным республикам решение ряда вопросов: об установлении органами управления архивным делом республик сроков хранения документов, тарифов и расценок на услуги, оказываемые архивными учреждениями”.

Резкой критике была подвергнута деятельность (точнее – бездействие) Главархива СССР по работе над созданием Закона об архивах. Практически все представители республик заявили, что проект Главархива уже успел устареть, что республики работают над созданием собственных законов об архивах.

По существу провалилось обсуждение еще одной темы, непредусмотрительно заявленной Главархивом – “подготовка кадров высшей квалификации по архивному делу”¹⁸. Речь шла о целевом приеме из республик в Историко-архивном институте. Представителям Казахстана, Таджикистана оставалось только пожаловаться, что Ю.Н. Афанасьев, ректор МГИАИ, преобразованном к тому времени в РГГУ, практически прекратил целевой прием, а учиться на платном отделении посланцы республик Средней Азии не могут.

942 97
76 246

Перечитывая в наше время стенограмму апрельского совещания архивистов СССР, я должен признаться, что, понимая неизбежность радикальных перемен в политическом устройстве СССР, ни я, ни мои коллеги не могли себе представить, что СССР в каком-то виде перестанет существовать. Именно поэтому и я, и другие руководители республиканских архивных ведомств считали нужным сохранить союзный Главархив. Но понимание его роли в будущем представлялось иным, чем чиновникам союзного главка – не управленческий, а представительский и научно-методический орган. Руководство Главархива СССР фактически продемонстрировало на этом совещании свою недееспособность, нежелание и неумение понять меняющуюся реальность.

Совещание проявило еще одно обстоятельство, не попавшее в официальную стенограмму, но присутствовавшее при обсуждениях. Республики не скрывали своего желания переделить фонды центральных архивов.

Положение российского архивного ведомства осложнялось тем обстоятельством, что оно не вело международной деятельности, не было представлено в международных архивных органах (в частности, в Международном совете архивов при ЮНЕСКО). Следует учесть, что национальные органы власти – правительства и их МИДы в полной мере использовали ав-

¹⁷ Там же. С. 8.

¹⁸ Там же. С. 3, 9–10. Отмечу ошибку в самой терминологии. Так называемые “кадры высшей квалификации” по отечественной терминологии – это люди с учеными степенями кандидатов и докторов наук. Проблема эта находилась в компетенции Высшей аттестационной комиссии СССР, а не Главархива.

торитет решений международных организаций, где были их представители как средство давления на своих российских оппонентов, особенно когда речь шла о спорных вопросах о правах собственности на архивные фонды. Не надо было быть пророком, чтобы предвидеть, что вскоре нашими оппонентами могут стать союзные республики, неуклонно двигавшиеся по пути суверенизации – Латвия, Литва, Эстония, а следом за ними – Украина, Белоруссия, Грузия, Молдавия...

В связи с этим в аппарате был создан международный отдел, который возглавил В.П. Тарасов, несмотря на свою молодость, бывший уже опытным архивным дипломатом, работавшим прежде в Главархиве СССР.

Важной частью деятельности международного отдела стало проведение переговоров и заключение летом–осенью 1991 г. договоров с архивными органами Белоруссии, Украины, Литвы, Латвии и Эстонии. Эти соглашения заключались по образцу межгосударственных соглашений. Суть этих соглашений сводилась к признанию приоритета национального государства над архивами, расположенными на его территории. Как оказалось, эти соглашения сыграли едва ли не решающую роль для сохранения союзных центральных архивов после распада СССР, вопреки претензиям руководителей новых государств на союзные фонды. Собственность России на архивы была к этому времени уже закреплена рядом соглашений и был создан прецедент на заключение двухсторонних международных соглашений по архивам. Замечу, что претензии на фонды центральных архивов пытались высказывать и позже.

То, что изменения в государственном устройстве России неизбежны, явственно ощущалось весной–летом 1991 г. Полным ходом шла подготовка к подписанию нового Союзного договора, назначенного на 20 августа 1991 г.

В свою очередь, руководство ЦК КПСС по-своему готовилось к неприятному для него варианту развития событий. В Секретариат ЦК в марте 1991 г. была направлена совместная записка Общего и Организационного отделов ЦК КПСС “О некоторых вопросах обеспечения сохранности документов Архивного фонда КПСС”. В записке сообщалось: “В последнее время усиливается опасность захвата партийных архивов антикоммунистическими и антисоветскими силами и использования документов КПСС в деструктивных целях. В этой связи уже сейчас приняты меры по усилению охраны партийных архивов в ЦК компартий Латвии и Литвы, в обкомах партии областей Западной Украины. Однако возникает необходимость более масштабных действий, позволяющих обезопасить архивы КПСС”. Этими мерами должна была стать эвакуация ряда фондов в хранилища ЦК КПСС, передача ряда документов в ведомственные архивы, но прежде всего – уничтожение ряда документов – в частности, по учету руководящих кадров, персональные дела коммунистов, документы государственных и хозяйственных организаций, присланные в ЦК. Все это, естественно, обосновывалось задачами “улучшения условий хранения, обеспечения сохранности, учета и использования документов”. Мероприятия эти предлагалось осуществить “в максимально короткие сроки”. На основе этой записки было принято постановление Секретариата ЦК КПСС № Ст-21/6г от 20.03.91 г., первым пунктом которого было записано: “согласиться с предложениями по данному вопросу, изложенными в записке Общего отдела и Организационного отдела ЦК КПСС”.

Однако выполнение этого распоряжения натолкнулось на протест самих архивистов, служивших в партийных архивах. Это был едва ли не первый случай в истории партии, когда сотрудники партийных архивов позволили себе не выполнять прямое указание своего руководства. Именно от рядовых сотрудников партархивов общественность узнала об этом секретном постановлении, сведения о нем попали на страницы прессы. Позже Роскомархив установил, что в 12 республиках, краях и областях России эта работа вообще не проводилась (в Карелии, Туве, Чечне, в Волгоградской, Новосибирской, Костромской, Сахалинской, Ростовской, Магаданской, Ивановской, Астраханской, Архангельской областях).

В других 64 республиках, краях и областях было подготовлено к уничтожению 6 млн 569 т дел, фактически же было уничтожено 2 млн 324 т дел. Процесс уничтожения архивных дел был окончательно остановлен телеграммой и письмом Роскомархива в связи с Указом Президента России от 24.08.91 г. № 83 “О партийных архивах”¹⁹.

При всей полемике с союзными властями я не мог себе представить, что и Советскому Союзу, и его министерствам и ведомствам оставалось жить несколько месяцев.

События августа 1991 г. стали бороздой, поделившей отечественную историю на “до” и “после” путча. Они, эти события, оказали сильнейшее влияние и на состояние архивного дела в России. Августовские события, распад союзной системы управления, а следом и самого Советского Союза стремительно ускорил все процессы реформирования архивного дела в России.

В начале августа 1991 я ушел в очередной отпуск и был намерен выйти на работу 19 августа, 20 августа предстояло подписание нового Союзного договора, а на 21 августа в Роскомархиве было запланировано проведение очередной коллегии. Но 19 утром я узнал о создании ГКЧП, о срыве подписания Союзного договора. Было ясно, что в случае победы ГКЧП всем попыткам реформ в России приходит конец. Поэтому с раннего утра 19 я был в здании Правительства России, с 10 часов дня там началось экстренное заседание Правительства. Правительство поддержало Президента Ельцина, квалифицировало создание Государственного комитета по чрезвычайному положению СССР как государственный переворот. С 19 по 22 августа мне пришлось пробыть в Белом доме в числе его защитников. Уже 22 августа стало ясно, что прежняя политическая система СССР не смогла выдержать напряжения, вызванного ею же созданной ГКЧП. 22 августа стали поступать сведения о том, что в ЦК КПСС и КГБ начинают уничтожать документы. Я связался с С.В. Кулешовым, историком, работавшим раньше в Институте истории КПСС при МК и МК КПСС, имевшим определенное представление о системе организации хранения партийных документов и попросил его вместе с моим заместителем в Роскомархиве В.П. Тюнеевым подготовить проект Указа о передаче документов КПСС в государственную собственность²⁰.

¹⁹ Докладная записка начальника отдела формирования Архивного фонда Российской Федерации Г.Г. Бакалинской от 20.10.92 г. // Росархив. Текущий архив.

²⁰ О подготовке проекта этого Указа см.: Тюнеев В.П. В августе 1991 года: О приеме партархивов в ведение государственных архивных органов // ОА. 2011. № 3. С. 85–90.

Утром 23 августа стали вновь поступать сведения о том, что в зданиях ЦК КПСС на Старой площади продолжается уничтожение документов. Ясно осознавалась и другая опасность – здания были окружены многотысячными толпами демонстрантов. В случае проникновения большого числа людей внутрь судьба документов могла оказаться непредсказуемой. Утром 23 августа я обратился к Президенту России с предложением о необходимости срочно обеспечить сохранность документов ЦК КПСС. За полчаса до начала встречи Верховного Совета РСФСР с Президентом Горбачевым, вернувшимся из Фороса, помощник Президента России А.И. Корабельщиков передал распоряжение Президента Ельцина: обеспечить сохранность документов ЦК КПСС. Для выполнения этой работы следовало установить посты милиции, подчиненной российскому МВД. Добравшись до здания на Петровке, 38, удалось взять офицера милиции и, продираясь через толпы демонстрантов, зайти в здание ЦК. Из здания выходили испуганные и растерянные сотрудники аппарата ЦК, исчезла прежняя охрана ЦК, которую обеспечивал КГБ СССР, вместо нее появилась московская милиция и добровольные дружинники, которыми руководил А.И. Музыкантский, заместитель председателя исполкома Моссовета. Полы зданий ЦК были устланы толстым слоем уничтоженной текущей документации. В углах коридоров стояли забитые клочками бумаги контейнеры, выведенные из строя бумагорезки, так как второпях в них летели документы со скрепками. То ли на четвертом, то ли пятом этаже первого подъезда, святая святых ЦК КПСС, где находились кабинеты секретарей ЦК КПСС и самого Генерального секретаря М.С. Горбачева, я нашел Г.А. Орлова, первого заместителя заведующего Общим отделом ЦК КПСС. Он и сам был встревожен проблемой сохранности документов. Г.А. Орлов провел меня по зданиям, указал два крупнейших собрания документов, известных нам к тому времени – текущий архив ЦК, он же архив Общего отдела и архив единого партбилета, некоторые отделы, где существовали свои архивы. Двери этих помещений я опечатал штампом для мастичных печатей архивного ведомства, случайно, но кстати, оказавшегося у меня в кармане, а мастику без труда нашли в одном из кабинетов ЦК.

Ясно было, что предстоит громадная работа по приему партийных документов. Было понятно и то, что требуется систематическое обследование всех помещений ЦК. Я тут же предложил Г.А. Орлову перейти на работу в Роскомархив в качестве своего консультанта, так как без специалиста, знающего систему делопроизводства такого громадного учреждения, как ЦК КПСС, невозможно организовать прием, а если точнее – спасение документов. Очевидна была и важность выполнения этой работы для будущего. Без анализа партийной документации невозможно изучение истории России XX в. Замечу, что Г.А. Орлов оказал большую помощь в сборе документов, в дальнейшем его перевели на работу начальником Управления делопроизводства и архива Аппарата Правительства Российской Федерации.

Вечером 23 августа был подготовлен проект Указа Президента РСФСР о передаче партийных архивов в ведение архивных органов России.

Утром следующего дня, в субботу 24 августа, были изданы два указа Президента РСФСР. Приведу эти небольшие, но исключительно важные для истории архивного дела документы полностью:

«Указ Президента РСФСР
от 24 августа 1991 г. № 82

Об архивах комитета государственной безопасности СССР.

В целях предотвращения незаконного уничтожения в РСФСР документов архивов Комитета государственной безопасности СССР, создания условий по использованию их для нужд науки и культуры народов РСФСР постановляю:

1. Передать архивы центрального аппарата Комитета государственной безопасности СССР и его управлений в республиках в составе РСФСР, краях, областях, городах Москве и Ленинграде в ведение архивных органов РСФСР вместе с занимаемыми ими зданиями, сооружениями, штатной численностью и фондом оплаты труда.

2. Контроль за выполнением Указа возложить на Прокуратуру РСФСР, Комитет государственной безопасности РСФСР и Комитет по делам архивов при Совете Министров РСФСР.

3. Настоящий Указ вступает в силу с момента подписания.

Президент РСФСР Б. Ельцин
Москва, Кремль.”

«Указ Президента РСФСР
О партийных архивах
от 24 августа 1991 г.
№ 83

В связи с тем, что КПСС была частью государственного аппарата, образовавшиеся в ее деятельности документы подлежат государственному хранению.

В целях предотвращения незаконного уничтожения в РСФСР документов партийных архивов постановляю:

Передать Центральный партийный архив Института теории и истории социализма ЦК КПСС, текущий архив Общего отдела ЦК КПСС, партийные архивы обкомов и крайкомов КПСС, Московского и Ленинградского горкомов КПСС в ведение архивных органов РСФСР вместе с занимаемыми ими зданиями, сооружениями, штатной численностью и фондом оплаты труда.

Контроль за выполнением настоящего Указа возложить на Комитет по делам архивов при Совете Министров РСФСР.

Настоящий Указ вступает в силу с момента его подписания.

Президент РСФСР Б. Ельцин.
Москва, Кремль”.

В этот же день в Роскомархиве состоялось совещание о подготовке к приему партийных архивов. Обстоятельства огромной работы по приему партийных документов подробно и весьма точно освещены в воспоминаниях В.П. Тюнеева²¹. Он пишет: “24 августа Р.Г. Пихоя провел в Роскомархиве совещание, на котором сказал о значении указов Президента Российской Федерации, сообщил в общих чертах о посещении им зданий ЦК КПСС на Старой площади. На меня была возложена ответственность за организацию выполнения указа о партархивах. Р.Г. Пихоя попросил особое внимание уделить текущему архиву Общего отдела ЦК КПСС. Другому заместителю председателя – В.И. Абрамову, прежде работавшему в аппарате Правительства РСФСР, была поручена организация выполнения указа об архивах КГБ”.

²¹ Тюнеев В.П. В августе 1991 года. С. 85–99.

В.П. Тюнеев стал организатором приема, впрочем, уместнее использовать другие слова – собрания, перемещения, классификации документов ЦК КПСС. О масштабах этой работы свидетельствует его записка, датированная 19 сентября 1991 г.:

“Архивные подразделения аппарата ЦК КПСС располагали 43 хранилищами документов, 97 кабинетами для сотрудников и 27 рабочими комнатами для научно-справочного аппарата, оснащенными специальным оборудованием и оргтехникой. Их общая площадь более 7,3 тыс. кв. м ... Документы, находящиеся на архивном хранении, сгруппированы в 27 фондах, в состав которых входит около 432 тыс. дел и более 28,5 млн других единиц хранения. Из делопроизводства отделов, подразделений аппарата ЦК КПСС, ЦКК КПСС, ЦК КП РСФСР, ЦКК КП РСФСР в единый архив передано свыше 18 тыс. связок документов общим объемом порядка 190 тыс. дел. Для поиска необходимой информации, ведения справочной работы и использования документов формируемого ныне единого архива, имеется 35 различных картотек с общим количеством 16 млн карточек. ...” По подсчетам В.П. Тюнеева, на обработку этого массива документов, проведения экспертизы ценности, обеспечению сохранности, создания условий для использования документов исследователями “потребуется около 90 тыс. человеко-дней. Иначе говоря, для этого потребуется до 100 работников на срок 5 лет”.

В Москве существовало три крупнейших собрания партийных документов, в прошлом непосредственно подчиненных ЦК КПСС.

Первый – это архив Общего отдела ЦК. Архив комплектовался документами, созданными в делопроизводстве Секретариата ЦК и его отделов. Он располагался в шестом подъезде на ул. Ильинка (тогда – ул. Куйбышева). Именно вокруг него было решено создавать новый архив, куда должны были быть перемещены документы текущего делопроизводства ЦК и ряда отделов, вроде международного, где существовали свои собственные архивы. Было принято решение создать новый архив – Центр хранения современной документации – в штат которого были приняты многие сотрудники архивных и делопроизводственных служб аппарата ЦК КПСС. Как пишет В.П. Тюнеев, “в составе рабочих групп Роскомархива они принимали непосредственное участие в концентрации архивных и делопроизводственных документов в доме 12 по ул. Куйбышева. Сюда из кабинетов, рабочих столов и сейфов работников ЦК КПСС и ЦК Компартии РСФСР архивисты в сжатые сроки, примерно за месяц, перевезли на тележках, перенесли на руках в общей сложности более 20 млн листов документов и материалов текущего делопроизводства в россыпи. Фактов уничтожения документов, учтенных в архивах ЦК КПСС или зарегистрированных в делопроизводственных картотеках его аппарата, выявлено не было ни тогда, ни позже”²².

Кстати, тогда же произошло переселение Роскомархива в “6-й подъезд”, в здание № 12 на ул. Куйбышева (ныне – Ильинка). То, что Роскомархив сменил адрес, означало не только то, что ЦГА РСФСР на Бережковской набережной расширил свои производственные площади, но и то, что поднимался неформальный статус архивного ведомства России, первым переехавшим в комплекс зданий бывшего ЦК КПСС.

²² Там же.

Второй архив комплектовался документами Политбюро ЦК КПСС. Этот архив сложился еще в начале 1920-х годов, он был совершенно секретным, существенная часть его документов была в так называемых “особых папках” – высшей категории секретности, не отраженной в официальном советском законодательстве²³. Часть архива располагалась в Кремле, в бывшей квартире Сталина. Он существовал под несколькими названиями – кремлевский архив, сталинский архив, архив Политбюро. Официальное его название во внутреннем делопроизводстве ЦК КПСС – архив шестого сектора Общего отдела. Он хранил документы Политбюро и личные фонды высших партийных деятелей. Документы этого архива предназначались для использования только в аппарате ЦК и только с санкции высшего политического руководства КПСС. Для этого требовалась санкция самого Генерального секретаря. Так, провалилась попытка комиссии Верховного Совета СССР, возглавленная членом Политбюро А.Н. Яковлевым получить в 1989–1990 гг. доступ к подлинникам секретных протоколов пакта Риббентроп–Молотов, хранившихся в архиве 6 сектора Общего отдела. Без последствий было оставлено обращение кандидата в члены Политбюро министра обороны маршала Язова с просьбой разрешить группе военных историков использовать документы архива Политбюро для работы над исследованием по истории Великой Отечественной войны.

Указ Президента РСФСР “О партийных архивах” не распространялся на архив Президента СССР, о чем сам Михаил Сергеевич Горбачев сообщил мне телефонным звонком. Так как СССР формально-юридически продолжал существовать, то особый статус этого архива уцелел и его документы тогда не поступили в ведомство Роскомархива. Позже, в начале 1992 г. архив Политбюро – архив Президента СССР стал архивом Президента России.

Третий архив – это Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Архив располагался в сером здании на Пушкинской ул. (сейчас – Большой Дмитровке), украшенном барельефами Маркса, Энгельса и Ленина. Этот архив был создан в начале 1920-х годов историком-марксистом, академиком Д.Б. Рязановым. “По характеру деятельности и находившихся на хранении документов Центральный партийный архив являлся научно-историческим архивом КПСС, в отличие от текущего, оперативного архива ЦК партии, непосредственно входившего в структуру его аппарата” – отмечают авторы предисловия к путеводителю по фондам этого собрания²⁴.

²³ Прочитую записки помощника И.В. Сталина Б. Бажанова, относящиеся к 20-м годам: «Несколько слов об “особой папке”. В моем кабинете находился несгораемый сейф, единственный ключ от которого был у меня. В сейфе хранились особо секретные постановления Политбюро, которые должны были быть известны только членам Политбюро. Члены ЦК, которые хотели бы с ними ознакомиться, должны были просить на это разрешения Политбюро, и только с этого разрешения я мог показать им соответствующее постановление. Надо сказать, что за все время моей работы в Политбюро такого случая не было». См.: *Бажанов Борис*. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992.

²⁴ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории: Краткий путеводитель: Фонды и коллекции, собранные Центральным партийным архивом / под ред. Ю.Н. Амиантова, В.П. Козлова (гл. редактор), О.В. Наумова, З.Н. Тихоновой. М., 1993. С. V–XI.

Добавим к этому еще то обстоятельство, что, будучи научно-историческим собранием документов по истории партии, он комплектовался преимущественно по коллекционному принципу. В этот архив не поступали те документы, которые могли стать потенциально опасными для оценки в будущем исторической роли партии. Даже когда в этот архив направлялись бумаги текущего делопроизводства ЦК КПСС, они поступали не в полном объеме – без “особых папок”, многочисленных записок и аналитических материалов, прилагавшихся ко многим решениям Секретариата, Орг- и Политбюро ЦК. Сюда нередко отсылались копийные экземпляры, а подлинники продолжали сохранять в текущем архиве Общего отдела ЦК. Использование материалов Центрального партийного архива в полной мере подчинялось партийному регулированию, с той лишь разницей, что к ряду документов доступ мог быть санкционирован (а мог и не быть санкционирован) Политбюро ЦК²⁵.

Вместе с тем источниковый потенциал этого архива исключительно велик. Здесь сохранялись личные фонды Ленина, Сталина, ряда других руководителей партии, богатейшие фонды Коминтерна, документы делопроизводства Секретариата и Оргбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Этот архив по принципам организации хранения соответствовал стандартам советского архивоведения.

Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС был преобразован в Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории.

По предложению Роскомархива на основе архива Общего отдела ЦК КПСС и документов других отделов ЦК был создан Центр хранения современной документации²⁶. Параллельно с этим следовало организовать через архивные органы в краях, областях и республиках России прием и сохранность документов обкомов КПСС.

26 августа в автономные республики, края и области была отправлена телеграмма с поручением организовать передачу партархивов, текущих архивов рескомов, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов в ведение архивных органов вместе со зданиями, сооружениями, штатной численностью и фондом оплаты труда. Предлагалось решить вопросы дополнительного финансирования архивных учреждений, охраны архивных фондов. В телеграмме указывалось, что партархивы должны войти в структуру республиканских, краевых и областных государственных архивов на правах архивохранилищ.

2 сентября 1991 г. Роскомархив направил указание местным архивным органам, которое предписывало:

«Создать республиканские, краевые, областные центры документации новейшей истории, подведомственные архивным органам, на базе партархивов, занимаемых ими зданий и сооружений, штатной численности и фонда заработной платы;

Решить совместно с республиканскими, краевыми, областными финансовыми органами вопросы финансирования деятельности названных центров с учетом смет расходов и фактических затрат на содержание бывших партархивов;

²⁵ Там же. С. V.

²⁶ Постановление Совмина РСФСР от 12 октября 1991 г. № 532 “О Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории и Центре хранения современной документации”.

Обеспечить подбор и расстановку кадров центров, проявив максимум внимания к специалистам бывших партархивов. Возложить на вновь назначенных руководителей персональную ответственность за сохранность принятых от парторганов и партархивов документов, а также учетного и научно-справочного аппарата к ним;

Прием дел должен быть организован с учетом местных особенностей. Обязателен поединичный прием комплекса учетного и научно-справочного аппарата, а также особо ценных документов, визуальный осмотр коробок (контейнеров). Проверка наличия фондов и дел проводится при необходимости по решению приемодаточной комиссии;

Организовать прием в центры документации новейшей истории документов структурных подразделений рескомов, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов КПСС и других фондообразователей, документы которых подлежали сдаче в партархивы. Эти документы могут приниматься на хранение в необработанном виде, систематизированные по организациям, структурным подразделениям...

О результатах проведенной работы доложить Роскомархиву к 1 октября 1991 г.²⁷

Вся эта поистине огромная работа по спасению документов партии – от текущего делопроизводства райкомов и обкомов до громадных документальных комплексов ЦК КПСС – шла под неусыпным общественным контролем, под беспрецедентным давлением отечественной и зарубежной прессы²⁷.

В ходе организации работы по принятию и использованию документов КПСС и КГБ возникало огромное число проблем, упиравшихся в отсутствие нормативно-правовой базы. Учитывая роль Верховного Совета РСФСР как законодательного органа, Роскомархив обратился в Президиум Верховного Совета с просьбой об образовании комиссии по организации передачи-приема архивов КПСС и КГБ СССР на государственное хранение и их использование. 14 октября 1991 г. вышло Постановление Президиума Верховного Совета, которым была создана комиссия Президиума, которую возглавил историк, генерал-полковник Д.А. Волкогонов (Д.А. Волкогонов был одновременно советником Президента Ельцина по вопросам обороны). Заместителем председателя комиссии был назначен Р.Г. Пихоя, председатель Комитета по делам архивов при Совете Министров РСФСР.

Членами комиссии стала большая группа народных депутатов РСФСР, отражавшая различные политические фракции, руководящие сотрудники Министерства безопасности, Службы внешней разведки, Роскомархива, видные историки – академики И.Д. Ковальченко, Г.Н. Севостьянов, члены-корреспонденты Н.Н. Покровский, Я.Н. Щапов, большая группа экспертов, представлявших общество “Мемориал”, органы прессы, представители ряда министерств и ведомств.

Принципиально важно, что Постановление обязывало комиссию подготовить и представить на утверждение Президиума Верховного Совета РСФСР Временный регламент организации использования в научных и практических целях архивных документов КПСС и Временный регламент об архивных документах по КГБ, которые должны были действовать до

²⁷ В разгар этих событий в моём кабинете раздался звонок. Звонил президент Федерального архива ФРГ проф. Фридрих Каленберг, который рассказал, что российский прецедент с архивами КПСС был использован им в бундестаге для обоснования необходимости передачи архивов СЕПГ на государственное хранение.

принятия Закона РСФСР “Об архивном фонде РСФСР и архивах” и Закона РСФСР “О государственной тайне”.

Это положение было принципиально важным. Несмотря на то, что проект Закона “Об архивном фонде и архивах” был подготовлен и передан в комитеты и комиссии Верховного Совета, не приходилось рассчитывать на его скорое принятие. Кроме неспешной процедуры законотворчества нужно было учитывать, что на законодателей обрушилось великое множество проблем, связанных с необходимостью законодательного оформления реформ в стране.

Перемены в стране неожиданно и по-своему закончили спор о праве России на ряд центральных союзных архивов.

Союзная система управления разваливалась. Российское правительство было вынуждено передавать союзные структуры в российское ведение. 12 октября 1991 г. вышло Постановление Совета Министров РСФСР “О развитии архивного дела в РСФСР”. В нем предписывалось:

“1. Комитету по делам архивов при Совете Министров РСФСР принять от Главного архивного управления при Совете Министров СССР всю материально-техническую и финансово-экономическую базу указанного Главного управления и подведомственные ему центральные государственные архивы СССР, научно-исследовательские организации и другие учреждения и предприятия, расположенные на территории РСФСР, по состоянию на 1 сентября 1991 года.

2. Комитету по делам архивов при Совете Министров РСФСР: обеспечить возможность использования документов государственных архивов, расположенных на территории РСФСР, учреждениями, организациями, предприятиями и гражданами союзных республик; разработать совместно с Министерством экономики РСФСР и Министерством финансов РСФСР и представить в Совет Министров РСФСР предложения по программе развития архивного дела в РСФСР”.

В тот же день вышло постановление Совмина РСФСР “О Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории и Центре хранения современной документации”. В нем сообщалось, что в соответствии с указом Президента РСФСР от 24 августа 1991 г. “О партийных архивах” Совет Министров РСФСР постановил принять предложения Комитета по делам архивов при Совете Министров РСФСР о создании Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории на базе бывшего Центрального партийного архива Института теории и истории социализма ЦК КПСС; о создании Центра хранения современной документации на базе архивов бывшего аппарата ЦК КПСС; о сохранении в указанных учреждениях условий оплаты труда бывших архивных подразделений ЦК КПСС до проведения мероприятий по повышению заработной платы работников учреждений культуры и государственных архивов.

Комитету по делам архивов было поручено обеспечить возможность использования документов государственных архивов, расположенных на территории РСФСР, учреждениями, организациями, предприятиями и гражданами суверенных республик; разработать совместно с соответствующими российскими министерствами и представить в Совет Министров РСФСР предложения по программе развития архивного дела в РСФСР.

На этом этапе архивного строительства речь шла о воссоздании системы российских архивов как существенной части культурного наследия республики.

Непосредственная работа по выполнению постановления была возложена на созданную Роскомархивом комиссию под руководством первого заместителя председателя комитета В.А. Тюнева. Выступая на совещании перед руководителями областных архивных учреждений, В.А. Тюнев подчеркнул, что принятое постановление Совмина не явилось неожиданностью. По его мнению, общий ход государственного строительства неизбежно подтолкнул к изменениям и в архивном строительстве. Вопрос этот ставился неоднократно, находя поддержку в республиканских органах, в то же время тормозился в союзных. Не было проявлено понимания важности этой проблемы и руководством Главархива СССР. В условиях возникшей конфронтации невозможно решать многие вопросы и это лишь вредит архивному делу²⁸.

Осень 1991 г. для Роскомархива была горячей. Проблемы сыпались одна за другой.

Требовались новые специалисты для архивного дела. Прежняя концепция архивного ведомства – прежде всего хранить – должна была быть смещена другой – сохранить и включить документы в научный и культурный оборот. Это уже другая задача. Для ее решения требовались другие люди. Я обратился к коллегам-историкам из учреждений Академии наук. На работу в Роскомархив перешли В.П. Козлов, С.В. Мироненко, Е.А. Тюрина, К.В. Андерсон, В.Ю. Афиани.

Вторая проблема – это прием партийных архивов в республиках, краях и областях. Для местных архивистов – это необходимость собрать бумаги, текущее делопроизводство райкомов и обкомов, провести необходимые процедуры по приему местных партийных архивов, обеспечить финансирование этой работы. В областных партийных архивах зачастую отсутствовали итоговые записи, дела фондов, карточки фондов. В Калужской области, например, были выявлены неучтенными целые фонды, например, фонд “Партизанское движение”, личный фонд первого секретаря обкома КПСС.

В большинстве областей сравнительно недавно были построены партийные архивы. Как правило, в них существовал определенный резерв архивных площадей. Для большинства архивных управлений появлялась возможность хоть отчасти расширить площади архивохранилищ.

Нужда в новых площадях была огромной. Начавшееся крушение союзных органов власти, переоформление и смена собственников прежде союзных предприятий приводили к тому, что ведомственные архивы оказывались лишними для новых хозяев, находивших для помещений архивов более полезное в экономическом смысле назначение. Архивы в буквальном смысле слова выбрасывали на улицу. При помощи Правительства Роскомархив требовал от прежних собственников обеспечения сохранности документов, но в условиях административной неразберихи “крайними” оказывались архивисты, которые должны были отследить, что происходило с их “источниками комплектования”, успеть принять меры по спасению

²⁸ ОА. 1992. № 1. С. 8.

архивов, найти место, куда поместить новые десятки и сотни тысяч архивных дел.

Это не снимало с архивов ответственности по удовлетворению социальных запросов, они должны были выдавать справки, подтверждать трудовой стаж, факты участия в боевых действиях и работы в тылу в годы войны и многое другое.

Роскомархив испытывал беспрецедентное давление прессы, отечественной и иностранной. Ждали исследователи, требовавшие открыть новые партийные архивы. Передача партийных архивов в государственное ведение была одним из знаковых событий новой власти. И люди ждали реальных результатов этого события. Людей не волновало, что не было еще правовой основы для использования документов, что требовалось элементарно организовать читальные залы там, где их не было, подготовить для исследователей необходимый научно-справочный аппарат. Они справедливо считали, что эти проблемы – проблемы ведомства.

А у самих архивистов в регионах страны велись споры – нужны ли областные архивные отделы, впрочем, их острота уходила в прошлое, когда в регионах началась огромная работа по приему партийных архивов, документов ликвидированных предприятий и ведомств. Стало ясно, что никакой областной архив с такой работой не справится.

В Москве “завис” архив ЦК комсомола. На предложение Роскомархива передать архив и включить его документы в качестве отдельного фонда в один из Центров хранения документации директор комсомольского архива В.В. Хорунжий заявил, что указ Президента на него не распространяется. Но ВЛКСМ перестал существовать, архив финансировать стало некому, а потом его стали попросту выгонять из арендованного помещения...²⁹

На станции Владивосток стоял эшелон с документами Центрального государственного архива Дальнего Востока, буквально выдранными из Томска в начале 1991 г. под давлением тогдашней заместительницы председателя Верховного Совета РСФСР, депутата от Владивостока С.П. Горячевой. Эта была авантюра – для архива не было никаких условий для размещения, обеспечения сохранности и использования документов. Роскомархив был решительно против этого волюнтаристского решения – но – ничего сделать не смог, хотя делал все, чтобы убедить – сначала подготовьте условия, а потом перевозите. Перевезли вопреки Роскомархиву³⁰. Но ответственности за сохранность документов с Роскомархива это не снимало...

События архивной политики были во многом отражением политики союзной. Поражение августовского путча стало “плохой новостью” для союзных управленческих структур. На первый план выходил вопрос – что должно остаться в ведении Союза, а что – республик. 1 сентября состоялась встреча Горбачева с руководителями республик. На ней была достигнута договоренность заключить соглашение о сохранении единых Воору-

²⁹ Подробнее см.: Тюнев В.П. В августе 1991 года. С. 86–87.

³⁰ Эта эпопея продолжалась десятилетия. Эстафету “дурного патриотизма” подхватил дальневосточный губернатор Е. Кондратенко, уверявший, что для архива будет отведено здание бывшего Морского штаба, доказывавший Контрольному управлению Президента, что все будет готово в ближайшее время... О достоверности сведений, сообщенных губернатором, свидетельствует то, что перемещение архива было закончено, кажется, только в декабре 2011 (!) года, и не в здание Морского штаба, а на улицу Алеутскую...

женных Сил и едином военно-стратегическом пространстве, радикальных реформах в армии, КГБ, МВД и прокуратуре. Говорилось о намерении подготовить и подписать договор о создании Союза суверенных государств.

Президент Ельцин принял решение лично возглавить правительство в период реформ. Таким образом Роскомархив оказывался в прямом ведении Президента.

Остатки прежнего союзного Правительства сохранялись в Государственном совете СССР, работавшем под председательством президента СССР при участии руководителей союзных республик. Первое заседание этого органа состоялось 11 октября 1991 г. Выступая на этом заседании, Горбачев настаивал на возобновлении подготовки Договора о Союзе Суверенных Государств, заключении Экономического соглашения, сохранении единых Вооруженных Сил. Предложения Горбачева вызвали у участников встречи неоднозначную реакцию. Ельцин заявил, что Россия отказывается финансировать те союзные органы, которые не будут предусмотрены Договором³¹.

Председатель Верховной Рады Украины Л.М. Кравчук был радикальнее. Он предупредил, что он не может принимать участие в подготовке Союзного договора впредь до проведения референдума на Украине, на который были вынесены два вопроса – о выходе Украины из СССР и учреждении поста Президента Украины.

На втором заседании Государственного совета 4 ноября Ельцин критиковал союзный центр за то, что он пытается не замечать тех изменений, которые происходят в республиках в последние месяцы, и предупредил, что Россия пойдет на резкое сокращение финансирования союзных ведомств, так, объемы финансирования союзного Министерства иностранных дел будут уменьшены в 10 раз. Вместе с тем Ельцин настаивал, чтобы сохранилось единое управление Вооруженными Силами разваливавшегося СССР.

14 ноября на заседании Государственного совета состоялось бурное обсуждение проекта Союзного договора. Развернулся спор вокруг вопроса: союзное конфедеративное государство или конфедерация союзных государств. Горбачев настаивал на союзном государстве, а когда не встретил поддержки, то пригрозил уходом. Его оппоненты – Ельцин, Шушкевич предлагали другой вариант – конфедерацию государств, которая могла бы иметь единые вооруженные силы.

Многозначительно, и как оказалось вскоре, совершенно точно обозначил будущее СССР Л.М. Кравчук в своем интервью, данном газете “Труд” 19 ноября 1991 г. “...И я думаю, – говорил Кравчук корреспонденту газеты, – что было бы неплохо именно сейчас, когда накопилась масса трудно решаемых проблем ... нескольким республикам, скажем, Украине, Беларуси и России выступить инициатором создания такого сообщества, в котором все входящие в него государства были бы равноправными... И решать их сообща, дружно, оставаясь государством без какого-либо политического центра”³².

³¹ Грачев А. Дальше без меня...: Уход президента. М., 1994. С. 48–51.

³² Союз можно было сохранить: Белая книга: Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства / Вебер А.Б., Логинов В.Т., Остроумов Г.С., Черняев А.С.; Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). М., 1995. С. 256.

Такое отступление к политическим спорам внутри разваливающегося Советского государства представляется мне важным, так как без него трудно объяснить события, происходившие в союзной архивной отрасли. События в архивном деле России прямо и непосредственно влияли на ситуацию в других республиках. Следом за Россией, в большинстве республик были переданы в ведение архивных ведомств партархивы республиканских партийных организаций.

Постановление Совета Министров РСФСР “О развитии архивного дела в РСФСР” от 12 октября 1991 г. предписывало Роскомархиву принять союзные центральные архивы. Это решение имело очевидное влияние на союзное архивное ведомство. Через месяц, 14 ноября 1991 г., в Новоогарево участники заседания Госсовета СССР согласовали текст последнего варианта Союзного договора, предусматривавшего государственное устройство Союза Суверенных Государств как конфедерацию.

19–20 ноября 1991 г. Главархив СССР собрал совещание руководителей органов управления архивным делом республик. На совещании были представлены: РСФСР, Украина, Грузия, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Беларусь, Казахстан, Армения, Кыргызстан. На этот раз Главархив СССР вынес на обсуждение проекты по созданию межреспубликанского совета по архивному делу, о центральных государственных архивах СССР и о финансировании архивного органа страны.

Начальник Главархива СССР Ф.М. Ваганов сообщил, что “сейчас идет упразднение ряда союзных министерств и ведомств, идет открытая и скрытая борьба за властные структуры. Государственный совет принял постановление, подписанное Горбачевым, о порядке рассмотрения вопросов о ликвидации союзных министерств и ведомств... Вопрос об организации архивного дела в условиях нового государственного устройства – непостояй. ... Какая система архивных учреждений должна быть в Союзе суверенных государств, мы должны посоветоваться...”³³

Мне пришлось возражать. Я сослался на то, что в последнем проекте Союзного договора, утвержденном на Госсовете 14 ноября 1991 г., предполагается сохранение только трех союзных министерств. Остальные структуры ликвидируются. Существование союзного архивного ведомства не предусмотрено.

Возражая мне, Ваганов сослался на то, что “государственное устройство до конца не ясно. Правовой основой государственного устройства должен быть договор о политическом Союзе суверенных государств”.

Ваганов и его коллеги из союзного главка не хотели видеть ни то, что произошло в политическом устройстве России, ни признать то, что происходит с так называемым “союзным центром”, которому явно было не до архивов, культуры, образования...

З.П. Махарадзе, начальник Грузинского республиканского государственного архивно-производственного объединения “Мематиане”, сообщил, что ни Грузия, ни Армения не подписали проект договора о Союзе суверенных государств. “Надо разобраться в этих вопросах: т. Ваганов одно говорит, т. Пихоя – другое. Все предложенные нам на рассмотрение документы составлены так, как будто не было постановления о переда-

³³ ОА. 1992. № 1. С. 18.

че ЦГА СССР в ведение России. В этих документах нет ничего нового по сравнению с теми, которые мы рассматривали в апреле 1991 г. Все права, которые вы нам даете в этих документах, у нас уже есть. Дополнительно никаких прав архивным органам республик не предлагается и ничего от них не отбирается. Если будет создаваться межреспубликанский центр, то при ком он будет существовать? ... Архивная служба будет жить так, как будет жить государство”³⁴.

Э.М. Савицкий, представлявший Беларусь, сослался на то, что его позиция согласована с его Правительством. “Мы исходили из того факта, что Главархив СССР упразднен. Полагаем, что должен быть создан новый орган управления архивным делом. Мы разработали положение о межгосударственном научно-методическом центре по архивному делу. Финансироваться этот орган должен из средств тех республик, которые подписут соответствующее соглашение. Нас беспокоит формулировка п. 2 в документе, зачитанном т. Пихоя, – документы должны быть доступны всем гражданам республик. Мы исходим из принципа недробности фондов, но формулировка о доступности документов нас не устраивает, т. к. архивы не будут давать копировать фонд целиком. Я уже столкнулся с этим”.

Представитель Казахстана В.М. Чупров высказался за сохранение союзного органа управления архивным делом. “Он нужен для координации научной, методической работы, руководства научными программами. В его ведении должен быть ВНИИДАД, передавать институт в ведение Роскомархива – нецелесообразно. ... Этот орган должен управлять ЦГА СССР, НИЦКД СССР. Мы не видим оснований, чтобы все это было в ведении российских архивных структур”.

Б.В. Иваненко, начальник Главархива Украинской Республики, высказал свою озабоченность полной неопределенностью происходящего. “Никакой реакции президентских структур на проблему архивов нет. Союзный главк озабочен в основном своим выживанием. Передача архивов КГБ, партархивов главк не интересует. Нам трудно сейчас сориентироваться в отношении союзного архивного органа, т.к. не решены вопросы общего государственного устройства, на Украине также не решены проблемы государственного устройства. Создание союзной государственной структуры зависит от решения государственных властей. Главный вопрос сейчас в том, какой статус и новое положение ЦГА СССР. Вы знаете, как создавались фонды ЦГА СССР, как складывались эти архивы. Необходимо определить взаимоотношения ЦГА СССР с архивными учреждениями республик”. По мнению Иваненко, “Межгосударственный совет по архивному делу – разумное предложение. Но ему также нужен рабочий аппарат, в Главархиве СССР есть опытные работники”.

М.М. Моллаева, начальник Главархива Республики Туркменистан высказалась за сохранение Главархива, и против передачи России всех ЦГА СССР. “Этот вопрос, о ЦГА СССР, должен решаться с участием архивных органов республик, а не так, как поступило Правительство РСФСР”.

Особенно примечательно было выступление З.А. Дустмухамедова, начальника Главархива Республики Таджикистан. “Правительство и Главархив Республики Таджикистан возражают против постановления

³⁴ Там же. С. 19–20.

СМ РСФСР от 12 октября 1991 г. “О развитии архивного дела в РСФСР”, – сообщил руководитель таджикских архивов. – У него нет правовой основы, чтобы относить документы ГАФ СССР к экономической основе суверенитета РСФСР. На президиуме Кабинета министров Таджикистана обсудили вопрос о ЦГА СССР, правительство против того, чтобы ЦГА СССР переходили в ведение Роскомархива. Все должно быть согласовано с суверенными республиками, они на это имеют право. Ведь в ЦГА СССР есть документы по истории каждой республики, у нас же многих документов нет по истории нашей страны, которые хранятся в ЦГА СССР, и мы хотим иметь не равные права в пользовании этими документами (как предусматривает п. 2 постановления от 12 октября), а быть их полноправными хозяевами”. (Курсив мой. – Р.П.³⁵).

К этой позиции присоединился Т.А. Абдыкаров (Кыргызстан). “Что касается ЦГА СССР, то фонды их уникальны, многих документов по истории страны у нас нет, они есть в ЦГА СССР (например, документы о земельных спорах, карты и планы земель и т.п.). Нет необходимости передавать ЦГА СССР в ведение одной республики (РСФСР). Пересъемка копий – это большой труд и деньги. Надо дать определенные права на эти документы и союзным республикам”³⁶.

Самые тревожные опасения стали реализовываться. Желание растащить центральные архивы “по национальным квартирам” проявилось со всей очевидностью. Бездействие и беспомощность союзного главка только стимулировали желание республик быть “полноправными хозяевами” документов Российской империи, союзного аппарата управления. Оставалось только радоваться, что уже принято постановления российского Совмина от 12 октября 1991 г., уже включившее центральные архивы в российскую архивную систему.

Справедливость такого вывода подтверждается очень квалифицированным вопросом моего украинского друга Бориса Васильевича Иваненко. Он спросил Ваганова: “Как будут решаться вопросы финансирования?”

Федор Михайлович Ваганов должен был признаться: “Этот вопрос еще не решен. ЦГА СССР Роскомархив готов финансировать. Пока Минфин СССР не отказал в финансировании”.

Мне осталось напомнить, что существование союзного Минфина не предусматривается.

Ваганов должен был признать: “Вопрос о финансировании союзных архивных учреждений серьезный, но в стране некому на него ответить. Нет правительства в стране. Россия знает, что она делает и зачем. Но Государственный совет СССР работает, возможно, он что-то сделает. Идет борьба не на жизнь, а на смерть по вопросам о государственном устройстве страны. Кто кого одолеет – не ясно.

Итог первого дня совещания подвел В.А. Тюнеев, заместитель председателя Комитета по делам архивов РСФСР: “Позиция Роскомархива однозначна, она не может отличаться от позиции Правительства РСФСР. Постановлением СМ РСФСР от 12 октября Главархиву СССР отказано существовать на территории России и дано указание передать все, в том

³⁵ Там же. С. 21–22.

³⁶ Там же. С. 22.

числе и ЦГА СССР, Роскомархиву. Каждое союзное ведомство может выступить с требованием его сохранения. Весь ход совещания свидетельствует о том, что мы не вправе сейчас решать все эти вопросы”.

На следующем заседании, 20 ноября 1991 г., инициативу попыталась взять в свои руки В.А. Ильичева, своего рода идейный лидер союзного главка. Она начала с того, что “Москва – столица не только России, но и Союза. Об архивном органе страны решать будет Государственный совет СССР. Орган управления архивным делом должен быть координирующим (в этом ни у кого нет сомнения), но другим и по численности, и по функциям. Структур в нем не будет, будут крупные специалисты, они будут координировать работу по направлениям. ... Как специалисты, мы должны обосновать и обеспечить сохранение отрасли по архивному делу. Что касается ЦГА СССР, то в них есть документы и по истории суверенных республик. РСФСР не является правопреемником Российской империи, в ЦГА СССР сосредоточены документы Российской империи, территорий Кавказа и других, документы о деятельности армии. Правопреемником Российской империи является Союз государств. Так считают и ЦГА СССР (не спрашивали только мнение ЦГАСА, ЦГВИА, ЦГАВМФ). ... Финансироваться ЦГА СССР должен из союзного бюджета, его будут формировать все 10 республик. Этот вопрос будет рассматриваться на Государственном совете СССР. Как решится вопрос – не знаем, но профессиональную точку зрения мы должны высказать”³⁷.

Ее коллега Э.С. Кузьмина предложила “подготовить короткое обращение нашего совещания с двумя пунктами:

1. О признании целесообразности функционирования координационного союзного архивного органа;
2. О целесообразности создания государственной ассоциации 12 ЦГА СССР, чтобы сохранить свой статус”.

Эти предложения не только были открытым выражением неприятия постановления российского Правительства, но и создавали угрозы для будущего центральных архивов. Это был самый настоящий авантюризм.

Во-первых, какого государства будет эта ассоциация?

Во-вторых, кто станет финансировать нечто самодеятельное и никому не подчиненное?

В-третьих, в случае появления этот “кооператив из 12 архивов” будет растащен по республикам, что уже ясно проявилось в ходе предшествовавшего обсуждения.

Дальнейшее обсуждение свелось, пожалуй, к единственному вопросу: откуда деньги для архивов.

Процитирую стенограмму.

А.И. Чугунов: “Обращаюсь к вам с вопросом. Кто будет финансировать ВНИИДАД с 1 декабря с.г.? ... У нас на счету 19 тыс. рублей, а должно быть 400 тыс. Я должен искать другие формы существования института.

Р.Г. Пихоя (обращается к Ф.М. Ваганову): Можете ли вы обеспечить финансирование двух институтов, ЦГА СССР?

Э.С. Кузьмина: По решению правительства РСФСР Роскомархив нас взял, он и будет финансировать.

³⁷ Там же. С. 26.

Р.Г. Пихоя: Нам нужно платить вам деньги, они у нас есть, но нужен акт о приеме – передаче. Я оставил акт т. Ваганову”³⁸.

До Беловежского соглашения оставалось 19 дней.

Союзные архивы, российские по происхождению, по истории формирования, большей частью по источникам комплектования – эти архивы возвращались под управление российского государства.

Огромный комплекс партийного делопроизводства был включен в состав государственного архивного фонда.

Был разработан первый вариант российского закона об архивах. Закон должен был гарантировать право всех желающих знать и изучать историю своей Родины, работать с документами архивов. Закон, в котором не должно было быть “серой зоны” чиновничьего (в том числе и архивно-чиновничьего) произвола. Чтобы там было ясно записано, что разрешено и что и почему запрещено. Чтобы не было документов кем-то “ограниченного доступа”.

Этим завершался первый этап реформ в архивном деле, этап поистине революционный.

Было трудно, иногда страшно, очень интересно, потому что была надежда и уверенность, что дальше будет лучше. В том числе и для российского архивного дела.

О том, как было дальше – в следующей статье.

³⁸ Там же. С. 28.

Е.А. Мельникова

**ПОДВОДЯ ПЕРВЫЕ ИТОГИ:
К 45-ЛЕТИЮ ИЗДАНИЯ СВОДА
“ДРЕВНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ”**

“Россика” зарубежных источников начала привлекать внимание отечественных историков еще в XVII–XVIII вв. Впрочем, самые первые обращения к ней относятся к значительно более раннему времени – ко второй половине XI в., когда древнерусские летописцы познакомились с трудами Георгия Амартола и Иоанна Малалы, создали на их основе хронологическую канву древнейшей истории Руси и включили в свои компиляции фрагменты из трудов византийских писателей¹. Их последователи в XV–XVI вв. существенно расширили круг зарубежных источников, обратившись к трудам польских историков, откуда они черпали информацию о древнейшей истории Руси². Важность этих источников для освещения истории Восточной Европы того времени, когда на ее просторах складывались основные этносы, когда возникали первые государства, когда проникало и распространялось христианство, была осознана отечественными историками уже на заре исторической науки в России, в XVII в. К середине столетия в поле их зрения находились десятки иностранных произведений, в которых в разной форме содержалась информация о народах Восточной Европы, славянах, Руси. Иннокентий Гизель в “Синописе”³

¹ См.: *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси. М., 1903; *Мещерский Н.А.* Искусство перевода Киевской Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XV. С. 54–72; *Он же.* Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI–XV вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. XX. С. 198–206; *Лихачев Д.С.* Переводная литература в развитии литературы домонгольской Руси // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб., 1999. Т. 2: XI–XII века. С. 5–19.

² На этой основе возникла, например, теория о происхождении династии Рюриковичей от императора Августа, впервые изложенная в начале XVI в. в “Послании” митрополита Спиридона и подробно разработанная в “Сказании о князьях владимирских” (*Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских, М.; Л., 1955). См.: *Петрухин В.Я.* Легенда о призвании варягов в средневековой книжности и дипломатии // Норна у источника судьбы: Сб. ст. в честь Е.А. Мельниковой / под ред. Г.В. Глазыриной, Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, С.Л. Никольского, В.Я. Петрухина. М., 2001. С. 297–303.

³ Синописис или Краткое собрание от различных летописцев, о начале славяно-российского народа и первоначальных князей богоспасаемого града Киева, о житии святого и благоверного великаго князя киевского и всея России первейшаго самодержца Владимира, и о наследниках благочестивыя державы его Российския, даже до ... пресветлаго и благочтиваго государя нашего царя, и велика князя Феодора Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца. ... По благословению ... Иннокентия Гизиеля ... архимандрита тояжде святыя лавры, изображенное типом. Киев: тип. Лавры, 1680. Переиздание: *Гизель И.* Мечта о русском единстве: (Киевский синописис. 1684) / изд. И.Ю. Сапожниковой и О.Я. Сапожникова. М., 2006.

и Андрей Лызлов в “Скифской истории”⁴ широко использовали свидетельства античных авторов о скифах, которых они отождествляли со славянами. Привлекались ими и некоторые свидетельства византийских писателей. В 1715 г. в труде А.И. Манкиева специально отмечалась важность привлечения зарубежных источников⁵. В 1726 г. Академия наук пригласила немецкого филолога и историка Г.З. Байера со специальной целью собрать и исследовать античные и средневековые источники по русской истории. Хотя его занятия завершились публикацией только ряда статей, они, во-первых, значительно расширили круг привлекаемых источников (так, Г.З. Байер впервые ввел в научный оборот скандинавские саги), а, во-вторых, заложили основы критического использования зарубежных источников в исторических целях⁶.

Со времени издания исторического труда В.Н. Татищева, опиравшегося наряду с древнерусскими на античные, византийские, западноевропейские, скандинавские памятники⁷, комплексное привлечение разноязычных источников становится обычным для русских историков. Целенаправленный сбор и издание зарубежных источников осознаются теперь первоочередной задачей исторической науки. В 1760-е годы А.Л. Шлёцер начал публиковать критический обзор сообщений некоторых византийских писателей (Феофана, Скилицы, Синкелла) “Опыт изучения русских древностей в свете известий греческих писателей”, а в 1764 г. представил в Академию наук программу развития исторических исследований в России, одним из пунктов которой было *studium monumentorum extrariorum*, изучение иностранных источников, главным образом, хроник: польских, венгерских, византийских, немецких и др. начиная с X в. Он обосновывал перспективность создания такого свода необходимостью использования древнейших иностранных свидетельств по истории Руси для сравнения и проверки летописных данных⁸. Результатом предложения А.Л. Шлёцера стала публикация выдержек из византийских источников, подготовленная И. Штриттером на латинском языке и практически сразу же переведенная на русский

⁴ Завершена в 1692 г., опубликована впервые Н.И. Новиковым в 1776 и 1787 гг. Научное издание см.: Лызлов А. Скифская история / подг. текста, коммент. А.П. Богданова, отв. ред. Е.В. Чистякова. М.: Наука, 1990.

⁵ Написано в 1715 г., впервые опубликовано Г.Ф. Миллером, приписавшим авторство князю А.Я. Хилкову: Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым... Иждивением книгопродавца и университетского переплетчика Христиана Ридигера. М., 1770.

⁶ См.: Bayer G.S. De origine et priscis sedibus Scytharum // *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. 1726. Т. I. P. 367–377); *Idem*. De Scythiae situ, qualis fuit sub aetate Herodoti // *Ibid.* P. 378–400; *Idem*. De Cimmeribus // *Ibid.* 1727. Т. II. P. 367–378); *Idem*. De Varagis // *Ibid.* 1729. Т. IV. P. 276–310 (пер. на русск. яз. К. Кондратовича: Сочинение о варягах автора Феофила Сигефра Беэра, бывшего профессора восточной истории и восточных языков при Императорской Академии наук. СПб., 1767); *Idem*. De Russoorum prima expeditione Constantinopolitana // *Ibid.* 1738. Т. VI. P. 365–394); *Idem*. Origines russicae // *Ibid.* 1736. Т. VIII); *Idem*. Geographia Russiae ... ex Constantino Porphyrogenneta // *Ibid.* 1737. Т. IX. P. 367–424; *Idem*. Geographia Russiae ex scriptoribus septentrionalibus // *Ibid.* 1738. Т. X. P. 371–419; *Idem*. De Hyperboreis // *Ibid.* 1739. Т. XI. P. 330–348.

⁷ Татищев В.Н. История Российская. СПб., 1768. Т. 1–5; М.; Л., 1962–1968. Т. 1–7 (репринт: М., 1994–1996).

⁸ Аллатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985. С. 38.

язык⁹. Значительно большее количество источников было привлечено в трехтомной публикации Я. Потоцкого, который собрал “Фрагменты исторические и географические о Скифии, Сарматии и славянах” из древнегреческих, римских, византийских, латиноязычных западноевропейских и славянских памятников¹⁰. Вместе с переводами на русский язык большого числа произведений античной литературы (Овидия, Юстина, Тацита, Сенеки, Бозция и др.) своды И. Штриттера и Я. Потоцкого создали фундаментальную базу зарубежных источников по ранней истории Восточной Европы и Древней Руси.

Методический и археографический уровень их публикаций, однако, был крайне низок – с современной точки зрения: он определялся общим состоянием источниковедения того времени. Доверие к сообщению источника (главным критерием достоверности служила древность текста), использование фрагментов без учета жанровых и других особенностей памятника, а также контекста конкретного сообщения, прямолинейность интерпретаций – все эти черты были свойственны в равной степени изучению и древнерусских, и зарубежных источников.

Интерес к зарубежной “Россике” резко возрос в середине – второй половине XIX в., когда появились первые научные своды региональных групп источников: античных (К. Гана, В.В. Латышева)¹¹, арабских (А.Я. Гаркави, Б.А. Дорна)¹², скандинавских (датского антиквара К. Равна, работавшего по заказу Российской имп. академии наук)¹³. Хотя в подавляющем большинстве этих сводов комментарии отсутствовали, тем не менее, критическое издание текстов с переводами на русский (или, как в издании К. Равна, – на латинский) язык имело огромное значение. Историкам Древней Руси стали доступны новые комплексы восточных и скандинавских источников, ранее совсем или почти неизвестных, которые открывали доселе неизвестные страницы русской истории.

К началу XX в. историки-русисты получили в распоряжение обширный корпус сведений о древнейшей истории страны по византийским, арабским, немецким, скандинавским источникам. Это позволило приступить

⁹ *Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paludem Maeotidem, Caucasum, Mare Caspium, et inde magis ad Septentriones in colentium e scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae ab I. G. Strittero.* СПб. 1771–1779. Т. 1–4. Извлечения из этого собрания были переведены на немецкий язык; с этого издания был осуществлен их перевод на русский язык: *Штриттер И.* Известия византийских историков, объясняющие историю Российскую древних времен и переселения народов / пер. Василия Светова. СПб., 1771–1775. Кн. 1–4.

¹⁰ *Potocki J.* Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et le Slaves. P., 1795.

¹¹ *Ган К.* Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1884–1890. Ч. 1–2; *Латышев В.В.* Scithica et Caucasia: Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1893–1906. Т. 1–2. Переиздание: *Латышев В.В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе / подгот. А.В. Мишулиным // Вестн. древней истории. 1947–1949.

¹² *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870; *Он же.* Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. СПб., 1874; *Дорн Б.А.* О походах древних русских в Табаристан с дополнительными сведениями о других набегах их на побережье Каспийского моря. СПб., 1875.

¹³ *Rafn C.C.* Antiquites russes d’après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves. Copenhagen, 1850–1852. Т. 1–2.

к всестороннему изучению содержащейся в них исторической информации, сопоставить ее с данными русских источников, приступить к воссозданию древнейшего периода отечественной истории на основе комплексной источниковой базы. Труды В.В. Латышева и М.И. Ростовцева в области антиковедения, В.Г. Васильевского – византиноведения, Ф.А. Брауна – скандинавистики, А.А. Куника, В.Р. Розена, В.Г. Тизенгаузена – востоковедения были посвящены сквозному анализу зарубежных известий о Восточной Европе и Древней Руси. Одновременно выявлялись характерные черты каждой из региональных традиций о Восточной Европе, устанавливались пути проникновения информации в тот или иной регион античного и средневекового мира, определялись особенности и степень достоверности содержащейся в них исторической информации. Широко обсуждалась историческая интерпретация как отдельных сообщений, так и комплексов сведений – региональных или посвященных одному событию или явлению. Именно в это время, в конце XIX – начале XX в., появляются исследования связей Восточной Европы и Руси со странами Востока и Запада, в значительной части основывавшиеся на зарубежной информации¹⁴. Русь в них предстает европейской державой, имевшей тесные и разнообразные политические, экономические и культурные контакты с Византией, Германией, Польшей, Венгрией, скандинавскими странами.

Интенсивная разработка информации зарубежных источников, а также бурное развитие отечественного источниковедения в первые десятилетия XX в.¹⁵ выявили недостаточность существующих публикаций зарубежных источников. Изданные по различным принципам, с разноязычными переводами и зачастую без комментариев, публикации XIX в. уже не могли удовлетворять возросшие требования и источниковедческого, и исторического плана. Более того, были выявлены и новые источники.

Поэтому в 1910-х годах в Академии наук начал разрабатываться проект подготовки всеобъемлющего свода иностранных источников по отечественной истории. Он должен был включить разноязычные источники из всех основных регионов Европы и Переднего Востока. В обсуждении проекта принимали участие А.А. Шахматов, Ф.А. Браун, В.В. Латышев и др. Однако начало Первой мировой войны и последовавшая революция сделали невозможным его осуществление.

Упадок классического образования в СССР поставил под угрозу саму идею создания свода зарубежных источников по истории Восточной Европы: ведь для подобного многотомного издания требуется большой коллектив высокопрофессиональных специалистов в области и филологии, и археографии, и источниковедения, и собственно истории. Тем не менее, необходимость в подобном своде становилась все острее, и в 1929 г. с новой инициативой выступила Историко-археографическая комиссия при АН СССР. На заседании группы академиков – историков, социологов и экономистов Отделения общественных наук АН СССР было “доложено мнение Археографической комиссии о желательности приступить к работе

¹⁴ См., например: *Braun F. Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X.–XIV. Jahrhunderts // Festschrift für Eugen Mogk zum 70. Geburtstag. Halle a. S., 1924. S. 150–196.*

¹⁵ См. труды А.А. Шахматова, А.С. Лаппо-Данилевского и многих других.

по подготовке к изданию памятников византийских, западноевропейских и арабских, имеющих отношение к древнейшей истории Руси”¹⁶. Особую активность проявляли востоковеды: еще в 1926 г. В.В. Бартольд прочитал доклад “Арабские известия о Руси IX–X вв.” по материалам написанной в 1918 г., но не опубликованной им статьи¹⁷. И.Ю. Крачковский подготовил и опубликовал план выпуска корпуса арабских источников¹⁸, некоторые из них были впоследствии изданы¹⁹. В осуществление проекта, наряду с арабистами, включились Б.Д. Греков, С.А. Аннинский²⁰, Е.А. Рыдзевская²¹. Но и это начинание, приведшее к изданию ряда источников и исследований, оказалось неосуществленным из-за начала Второй мировой войны и наступившей затем борьбы с космополитизмом, в условиях которой изучение зарубежных источников было негласно признано не только непродуктивным, но и вредным. И хотя в 1930-е – 1950-е годы их публикация и исследование не остановились полностью, масштабы работы с ними существенно сократились²².

* * *

Изменение внутривосточной конъюнктуры позволило в 1960-е годы вернуться к проблеме зарубежных источников по истории Древней Руси. Академики Л.В. Черепнин и Б.А. Рыбаков активно поддержали инициативу В.Т. Пашуто, только что опубликовавшего монографию о внешней политике Древней Руси²³, создания в Институте истории СССР АН СССР специального сектора для изучения домонгольской Руси и других народов и государств Восточной Европы в широком евразийском контексте

¹⁶ Научно-исторический архив СПбИИ РАН. Ф. 1. Оп. 1: 1929. № 253. Л. 67; Оп. 1: 1930. № 256. Л. 12–13. См.: *Пашуто В.Т., Рыбаков Б.А.* Корпус древнейших источников по истории народов СССР // ВИ. 1974. № 7. С. 50.

¹⁷ *Умняков И.И.* Аннотированная библиография трудов академика В.В. Бартольда. М., 1976. С. 144. Статья была позднее подготовлена к печати А.П. Ковалевским и опубликована в журнале “Советское востоковедение”. 1940. Т. 1. С. 15–50. См. также: *Бартольд В.В.* Арабские известия о русах // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. II, ч. 1. С. 810–858.

¹⁸ *Крачковский И.Ю.* О подготовке свода арабских источников для истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии // Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Л., 1932. № 1. С. 55–62; *Он же.* Арабистика и история народов СССР // Вестн. АН СССР. 1938. № 5. С. 52–61.

¹⁹ *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932; Путешествие ибн Фадлана на Волгу / под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1939 (перевод и комментарии были подготовлены А.П. Ковалевским, но поскольку он был арестован, его имя в этом издании не упоминалось. Лишь в 1956 г. “Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу” была издана с именем А.П. Ковалевского на титуле); *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.

²⁰ “Хроника Ливонии” Генриха Латвийского / введ., пер. и коммент. С.А. Аннинского. 2-е изд. М.; Л., 1938.

²¹ “Россика” скандинавских саг, подготовленная Е.А. Рыдзевской, была опубликована много лет спустя после ее смерти в блокадном Ленинграде И.П. Шаскольским и М.Б. Свердловым: *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия: X–XIII века М., 1978. (Древнейшие государства на территории СССР). Ее выписки из скандинавских источников других видов хранятся в архиве ИИМК РАН.

²² *Заходер Б.Н.* Изучение в Советском Союзе восточных источников по истории стран Восточной и Центральной Европы // Советское востоковедение. 1958. № 1. С. 107–113.

²³ *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

и исследования и введения в научный оборот информации, содержащейся в иноязычных письменных источниках, об античных государствах Северного Причерноморья (этот аспект традиционно разрабатывался археологами-антиковедами), о восточных славянах, о Древней Руси и других народах и государствах Восточной Европы. Важнейшим результатом этой работы должно было стать издание многотомного собрания зарубежных источников по истории Восточной Европы домонгольского времени. Но публикация источников не рассматривалась В.Т. Пашуто как самоцель. «Задача “Корпуса” – обеспечить археографическую основу изучения истории древнейших государств нашей страны. Приведение в единую систему всего многообразного археографического (включая эпиграфику) материала от первых государственных образований – Хеттского и Митанни, с которыми были связаны предки народов СССР в первой половине II тыс. до н.э., и вплоть до появления Литовского раннефеодального государства середины XIII в. должно быть прежде всего обобщением, подводящим к точным и обоснованным историческим построениям. Единая система обработки и обнародования колоссального количества малоизвестных материалов позволит советским историкам придать новое качество научным построениям, обеспечит фундаментальность, обоснованность исторических обобщений. Появится возможность разработки сквозных тем, посвященных крупным историческим явлениям на протяжении различных эпох; вместе с тем сопоставимость публикаций откроет путь широким сравнительно-историческим исследованиям стадияльно сходных общественно-политических структур»²⁴. Тем самым в отечественной исторической науке начало формироваться новое направление, совмещавшее археографические, источниковедческие, исторические и историко-компаративистские исследования предыстории и ранней истории Восточной Европы.

Перспективность предложенного В.Т. Пашуто проекта состояла как в острой научной потребности в расширении круга письменных источников по истории домонгольской Руси – возможности интерпретации древнерусских источников были в значительной степени исчерпаны, – так и в его политическом значении: впервые отечественные историки должны были получить монументальный корпус новых, неизвестных ранее или изданных еще в XIX в. источников, подобный тем, которыми еще с XIX – первой половины XX в. обладали Германия, Польша, Венгрия и другие страны²⁵. Ценность этого предложения В.Т. Пашуто оценил и Б.А. Рыбаков, в то время академик-секретарь Отделения исторических наук, который сумел придать начинанию организационные формы: в 1970 г. в рамках Института истории СССР был учрежден сектор “Древнейшие государства на территории СССР”, который возглавил В.Т. Пашуто и главной задачей которого был сбор, изучение и публикация зарубежных источников по истории народов Восточной Европы. На протяжении первой половины 1970-х годов В.Т. Пашуто создал коллектив из филологов и историков антиковедов, востоковедов, византинистов, медиевистов, скандинавистов и славистов, а также историков-русистов, большая часть из которых целенаправленно

²⁴ Пашуто В.Т., Рыбаков Б.А. Корпус древнейших источников. С. 50–51.

²⁵ Прежде всего, такие многотомные издания, как Monumenta Germaniae historica. Hannoverae, 1819–, Monumenta Poloniae historica. Lwów, 1864–1893, Monumenta Hungariae historica. Pest, 1857–1906.

готовилась к источниковедческой и археографической работе в области древней и средневековой истории Восточной Европы.

Одновременно в спорах и обсуждениях широчайшим кругом источниковедов и историков самых разных специальностей выработывались структура и состав планировавшегося Свода, который получил наименование “Древнейшие источники по истории народов СССР” (с 1993 г. выходит под названием “Древнейшие источники по истории Восточной Европы”)²⁶. Тогда же составлялись и уточнялись списки источников, подлежащих публикации в Своде²⁷.

Первоначально предполагалось издавать две серии Свода. Первая, зарубежная, должна была включать фрагменты, содержащие сведения о Восточной Европе (позднее было сочтено необходимым в некоторых случаях публиковать произведения целиком), разноязычных и разножанровых памятников из всех регионов античного и средневекового мира: от Сирии до Исландии и от Средней Азии до Англии. Структура серии основывалась на региональном принципе: выделялось несколько подсерий: античная, восточная, византийская, западноевропейская и скандинавская. Каждый том должен был быть посвящен одному источнику или группе однотипных (одножанровых) источников. Позднее было признано целесообразным издание и “проблемных” выпусков Свода, в которых группировались разнохарактерные источники, освещавшие какое-либо крупное явление в истории Руси²⁸. Прообразом этой серии стала публикация восточных источников, подготовленная А.П. Новосельцевым²⁹. Другая серия должна была быть посвящена малоизученным или не имевшим комментированных изданий древнерусским памятникам, в первую очередь, правовым. Однако организовать работу над этой серией оказалось затруднительным, и Я.Н. Шапов подготовил несколько публикаций правовых источников, которые были изданы вне Свода³⁰.

Принципы издания Свода явились одним из главных предметов обсуждения. Был учтен опыт как классических корпусов источников (типа Monumenta Germaniae historica и др.), так и новейших критических публикаций отдельных памятников или их групп в нашей стране³¹ и за рубежом.

²⁶ Пашуто В.Т., Рыбаков Б.А. Корпус древнейших источников; Корпус древнейших источников по истории народов СССР: Материалы совещания археографов-медиевистов РСФСР 11–12 апреля 1972 г. / под ред. В.Т. Пашуто и Я.Н. Шапова. М., 1973; Пашуто В.Т. Подготовка к изданию Корпуса древнейших источников по истории народов СССР // И СССР. 1976. № 1. С. 223–226.

²⁷ Древнейшие источники по истории народов СССР: Тематика и состав выпусков по Европейскому региону: (Материалы для обсуждения) / под ред. В.Т. Пашуто и Я.Н. Шапова. М., 1976. Вып. 1; М., 1980. Вып. 2.

²⁸ Такой выпуск был посвящен истории взаимоотношений русских княжеств с крестоносцами (Матузова В.И., Назарова Е.Л., 2002; ссылки на тома свода приводятся в тексте в сокращенном виде; их перечень см. в конце статьи).

²⁹ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Шапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965 (переизд.: Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 год. М., 2000. С. 264–323).

³⁰ Древнерусские княжеские уставы: XI–XV вв. / сост. Я.Н. Шапов. М., 1976; Бенешевич В.Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований / под ред. Я.Н. Шапова. София, 1987. Т. 2.

³¹ Например, такого фундаментального издания как: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica / вступит. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.

Избранные принципы издания являлись в определенной степени максималистскими и требовали огромного труда. Публикации источника или группы источников должна была предшествовать исследовательская работа: предусматривалось полномасштабное источниковедческое изучение памятника, его исторического и культурного контекста, особенностей воплощения в нем исторической информации вообще и информации о Восточной Европе в частности. Публикацию оригинального текста (целиком или во фрагментах) предполагалось осуществлять по лучшему его современному изданию, при возможности производить издание или сличение текста по рукописям (что, естественно, было идеальным, но мало выполнимым требованием в советское время). Перевод на русский язык, являющийся одновременно и интерпретацией текста, предполагал точность и адекватность (так, например, было сочтено недопустимым “прояснение” в переводе темных мест), максимально точное отражение особенностей терминологии и ономастики (поэтому часто применяется транслитерация названий), сохранение – по возможности – стилистических особенностей произведения. Тексту было решено предпосылать исследовательскую вводную статью, прежде всего источниковедческого характера, и сопровождать его обширным комментарием, включающим текстологический, источниковедческий, лингвистический, исторический (реальный, историко-географический и терминологический) разделы. Хронология публикуемых памятников была определена в рамках от момента, когда Восточная Европа попадает на страницы письменных текстов, т.е. с античного времени, и до конца XIII в.³²

Еще продолжались обсуждения структуры и состава Свода, когда началась работа над его первыми томами, и в 1977 г. идея Свода начала воплощаться в жизнь: вышел в свет первый том (*Мельникова Е.А.*, 1977)³³ под общей редакцией В.Т. Пашуто и Я.Н. Щапова (с 1985 г. свод издается под общей редакцией В.Л. Янина, заместитель ответственного редактора – Е.А. Мельникова).

Со свойственным ему оптимизмом В.Т. Пашуто полагал, что “перспективный план изданий Корпуса (Свода. – *Е.М.*) рассчитан примерно на 70 выпусков общим объемом до 2 тыс. печатных листов. Значительная часть выпусков может быть опубликована до 2000 года”³⁴.

* * *

С тех пор прошло 45 лет. Ушли из жизни “отцы-основатели” Свода В.Т. Пашуто, А.П. Новосельцев и Я.Н. Щапов, минул 2000 год, опубликовано не 70, но всего 26 томов. Перечень источников, подлежащих публикации в Своде, еще далеко не исчерпан, и новые тома продолжают и, надеюсь, будут продолжать выходить в свет еще долгое время.

Опубликованные же к настоящему времени материалы красноречиво свидетельствуют о плодотворности начинания В.Т. Пашуто. Каждый том

³² Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Чичуров И.С., Щапов Я.Н. Итоги и задачи изучения древнейших государств нашей страны // ИСССР. 1974. № 2. С. 71–93.

³³ Второе издание с включением большого числа восточноевропейских находок вышло в 2001 г.

³⁴ Пашуто В.Т. Подготовка к изданию Корпуса древнейших источников по истории народов СССР // ИСССР. 1976. № 1. С. 224.

приносит новую информацию либо критически переосмысливает, уточняет и дополняет данные уже известных источников, происходящих из всех регионов Европы и Ближнего Востока.

Взаимоотношения античных колоний в Причерноморье с “варварскими” народами освещаются в шести выпусках Свода, включивших различные по типу, характеру и времени происхождения источники. Греческие колонисты в Северном Причерноморье первыми пришли в соприкосновение с обитателями южнорусских степей, и уже в древнейших письменных памятниках – поэмах Гомера – возникает образ Северного Причерноморья и населяющих его народов. Фантастические, окрашенные мифологическими представлениями предания постепенно сменяются достоверной информацией, объем которой неуклонно возрастает. Первый подробный и основанный на свидетельствах очевидцев обзор восточноевропейских народов – “Скифский логос” и другие фрагменты “Истории” Геродота – составил один из первых томов Свода (*Доватур А.И. и др.*, 1982). Впечатления римлянина от “северных варваров”, отразившиеся в поэтических сочинениях Овидия, сосланного императором Августом в причерноморские Томи, вошли в следующий том Свода (*Подосинов А.В.*, 1985). Опубликованы военные трактаты римского государственного деятеля, историка и географа Флавия Арриана, описывающие тактику войны с аланами и другими кавказскими народами – эти тактические приемы были проверены Аррианом, правителем Каппадокии, на собственном опыте (*Перевалов С.М.*, 2010). Специфическую группу источников составляют памятники эпиграфики, имеющие важное значение для изучения истории античных городов Причерноморья, из которых были опубликованы латиноязычные тексты из Херсонеса Таврического (*Соломоник Э.И.*, 1983).

Особое внимание почти во всех региональных подсериях Свода, в том числе античном, уделяется месту Восточной Европы в соответствующих “образах мира” – географических описаниях Земли, которые и в Античности, и в Средневековье включали этнографические и исторические сведения. Памятники, отражающие географические представления позднеримского времени и описывающие Северное Причерноморье, изданы в двух томах, включающих тексты, восходящие к римской картографической традиции (*Подосинов А.В.*, 2002), и фрагменты сочинений Плиния Старшего и Помпония Мелы (*Подосинов А.В.*, *Скржинская М.В.*, 2011). Эти два, дополняющие друг друга тома позволяют надежно воссоздать знания о Северном Причерноморье в Римской империи в I в. н.э. (тексты, основанные на так называемой “Карте Агриппы”) и их рецепцию в Западной Европе вплоть до XII–XIII вв., когда была создана Певтингерова Таблица. Значительная часть текстов, как, например, “Космография” Псевдо-Этика, “Космография” Равенского анонима и др., впервые были опубликованы с переводом на русский язык и обширным комментарием.

Начиная с V–VI вв. лицом к лицу с переселявшимися на Балканский полуостров славянскими племенами оказались византийцы³⁵. Еще несколько

³⁵ Ранние, до IX в. сообщения о славянах см.: Свод древнейших письменных известий о славянах М., 1991. Т. I / под ред. Л.А. Гиндина, Г.Г. Литаврина. 1995. Т. II / под ред. Г.Г. Литаврина.

столетий спустя Византии начали угрожать набеги “северных варваров” – росов, и на дальних рубежах империи окрепло мощное государство, Древняя Русь, которое поддерживало с империей ромеев самые тесные военно-политические и – особенно – конфессиональные связи. Опасность, исходившая от росов в IX–X вв., заставила византийских писателей и государственных деятелей пристально следить за ними и разрабатывать методы борьбы с новой угрозой: “[Знай], – писал в середине X в. византийский император Константин VII Багрянородный своему сыну, – что и у царственного сего града ромеев, если росы не находятся в мире с пачинакитами (печенегами. – *Е.М.*), они появиться не могут ни ради войны, ни ради торговли, ибо, когда росы с ладьями приходят к речным порогам и не могут миновать их иначе, чем вытащив свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, нападают тогда на них люди этого народа пачинакитов и легко... побеждают и устраивают резню”³⁶. Трактат “Об управлении империей” Константина, содержащий подробное описание плаваний росов в Византию и их “сурового образа жизни”, составил один из трех “византийских” выпусков Свода (*Константин*, 1989, 1991)³⁷. Это было первое комментированное издание на русском языке важнейшего для ранней истории Руси источника, освещавшего социальную структуру и политическую организацию общества, системы управления, сбора податей и т.п.

Второй “византийский” выпуск Свода был посвящен сообщениям о народах юга Восточной Европы в “Хронографии” Феофана и “Бревиарии” Никифора – единственных византийских источниках VIII – начала IX в., освещающих этнополитическую ситуацию в Северном и Восточном Причерноморье (*Чичуров И.С.*, 1980). Третий выпуск включает фрагменты “Истории” византийского историка XII в. Иоанна Киннама, отразившего русско-византийские отношения того времени, когда Русь уже сложилась как государственное образование и стала одной из ведущих держав средневекового мира (*Бибиков М.В.*, 1997)³⁸. Важной особенностью выпуска было то, что текст “Истории” был впервые издан по древнейшему греческому списку памятника.

По мере укрепления Древнерусского государства все большее число народов вступает с ним в разнообразные контакты, торговые, военные, политические, конфессиональные. И чем интенсивнее становились эти контакты, тем больше информации о Руси проникало на страницы хроник и анналов, писем и документов, географических сочинений и литературных произведений, тем шире был круг стран и народов, а соответственно и письменных традиций, в которых отражены сведения о Руси. В IX в. к античным и византийским источникам присоединяются арабская историко-географическая литература, а также латиноязычные памятники из Восточно-Франкского королевства (позднее – Германии).

³⁶ *Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 38/39.*

³⁷ Готовится к печати второе, исправленное и сильно расширенное издание труда Константина.

³⁸ По принципам Свода был издан комплекс византийских источников, освещавших “первое крещение Руси” – принятие христианства группой росов, совершивших (под предводительством Аскольда и Дира ?) нападение на Константинополь в 860 г.: *Кузнецов Л.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 год. М., 2003. С. 5–172.*

Интенсивные торговые связи, установившиеся с начала IX в. между как оседавшими в Восточной Европе, так и приходившими с севера скандинавами и арабским миром, отразились в живом интересе к ним восточных писателей. В многочисленных сочинениях исторического и географического характера (описания Земли, записки путешественников и т.п.) освещаются социально-политическое устройство, быт, культура народов Восточной Европы, прежде всего русов и славян. В трех томах Свода представлены эксерпты из географических трудов арабских писателей X–XIV вв. (*Калинина Т.М.*, 1988; *Коновалова И.Г.*, 2006; 2009). Наряду с накоплением новой информации, арабская географическая литература обнаруживает глубокую традиционность: писатели XII–XIV в. не только опираются на труды своих предшественников, но и прямо воспроизводят (с минимальными изменениями) устойчивые описания, восходящие к несохранившимся произведениям IX в.: таковы рассказы об острове русов, о трех видах русов и др. Но в этих рассказах, равно как и в других произведениях восточных писателей³⁹, содержится древнейшая характеристика восточнославянского общества IX – первой половины X в. – того самого периода, когда Русь становилась Русью, когда происходил процесс консолидации нескольких предгосударственных образований в Восточной Европе с различной социально-политической структурой и экономикой. В совокупности с данными древнерусских и других зарубежных источников они дают основание для реконструкции восточнославянского общества накануне образования Древнерусского государства и в самый ранний период его существования.

На Западе Европы с русами познакомились примерно в то же время, что и на арабском Востоке, но первые свидетельства этого знакомства восходят к более раннему времени, нежели арабские – к 839 г., когда посольство от “кагана” росов, оказавшихся на деле свеонами (свеями), к императору Феофилу пришло в Ингельгейм и было задержано Людовиком Благочестивым⁴⁰. В этом сообщении впервые засвидетельствован этноним *рос*.

Западно- и центральноевропейские источники опубликованы в четырех выпусках свода. Тексты английского происхождения, начиная с рассказа норвежца Отара о его плаваниях в Бьярмию и вплоть до географических описаний Восточной Европы и Прибалтики XIII в., составили один из томов (*Матузова В.И.*, 1979). Значительная часть источников впервые вводилась в контекст истории Руси и свидетельствовала о знакомстве и контактах с ней далекой Англии.

В томе Свода, охватившем немецкие латиноязычные источники с IX по XIII в., собраны ценнейшие сведения о связях Руси с Западной Европой и о политической истории древнерусских княжеств (*Назаренко А.В.*, 1993). Значительное количество немецких источников было впервые переведено на русский язык и введено в контекст древнерусской истории. Наряду с детализацией известных связей Руси с Польшей и Германией, опубликованные в этом томе источники дали возможность выявить новые устойчивые направления контактов, обнаружить системность и последовательность во

³⁹ См. переводы на русский язык фрагментов из сочинений арабских историков и других писателей: *Новосельцев А.П.* Восточные источники.

⁴⁰ *Назаренко А.В.* Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М., 2010. Т. IV. С. 17–21.

внешней политике Древнерусского государства уже в X в., в том числе с Германией. Формирование “западного” торгового пути, развитие русско-немецкой торговли, политические союзы и альянсы, закрепляемые в браках между русскими княжескими семьями и германскими правителями, обращение к германской (римской) церкви – таковы основные проявления этих связей. Они занимали существенное место в экономике и культуре Древней Руси. Но особенно важна была их роль в сложных взаимоотношениях Руси и Польши, Руси и Византии. Древнерусские князья уже в X в. обращались к Германии как к естественному союзнику в борьбе с Польшей и как к силе, способной уравновесить давление со стороны Византии. Использование польско-германских и германо-византийских противоречий было чрезвычайно выгодно для Руси и позволяло ей успешно отстаивать свои позиции на международной арене.

Новые материалы о деятельности крестоносцев в Восточной Прибалтике и отношении Тевтонского ордена с русскими княжествами Северо-Запада содержит издание фрагментов орденских хроник, папских булл и других источников (*Матузова В.И., Назарова Е.Л.*, 2002).

Наконец, в еще одном томе опубликованы средневековые (до конца XIII в.) карты, на которых представлена Восточная Европа, – этот вид источников исследован в восточноевропейском контексте впервые (*Чеккин Л.С.*, 1999)⁴¹. Публикация карт в этом томе Свода основывалась на новом для всей международной традиции издания карт принципе, предложенном несколькими годами ранее Е.А. Мельниковой⁴²: легенды на картах выносились в отдельный текст (с переводом на русский язык), что позволяло обстоятельно исследовать содержащуюся в них информацию, проследить ее накопление и выявить источники поступления новых сведений о Руси в Западную Европу. Особую ценность представляют “монастырские” карты XIII в. – Эбсторфская и Херефордская, отразившие обширную актуальную информацию, почерпнутую во время монгольского нашествия в Западную Европу и из сообщений путешественников и торговцев, посещавших Древнюю Русь после него.

Исследование западнославянских источников завершилось публикацией полного корпуса польских латиноязычных памятников (*Щавелева Н.И.*, 1990)⁴³ и фрагментов “Истории” Яна Длугоша, касающихся ранней истории Руси (*Щавелева Н.И.*, 2004).

С рубежа X–XI вв. особую ценность для освещения социально-политической истории Древней Руси приобретают скандинавские источники. С самого начала распространения письменности в Скандинавии, с XI в., восточноевропейские сюжеты и темы насыщают памятники древнескандинавской литературы. Сообщения исландских королевских саг (наименее беллетризованного вида саговой литературы) и других древнескандинавских источников проливают свет на территориально-политическую структуру Новгородской земли и место в ней Ладоги, административную

⁴¹ Исследование Б.А. Рыбакова было посвящено более поздним картам: *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974.

⁴² См.: *Мельникова Е.А.*, 1986. С. 102–124.

⁴³ К этому тому примыкает отдельное издание “Великопольской хроники”: “Великая хроника” о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / пер. Л.М. Поповой, вступит. ст. и коммент. Н.И. Щавелевой под ред. В.Л. Янина. М., 1987.

и фискальную системы. Многочисленные генеалогические сведения немецких, французских и скандинавских источников (о зарубежных браках русских князей и княгинь) в значительной степени восполняют данные русских летописей. Именно по зарубежным источникам восстанавливаются матримониальные – а, соответственно и политические – связи Ярослава Мудрого. Один из его сыновей, Изяслав, был женат на сестре польского князя Казимира I (ок. 1038–1058 гг.); другой, Всеволод, – на византийской принцессе, родственнице (дочери?) императора Константина IX Мономаха (1042–1055 гг.); три дочери, Елизавета, Анастасия (?) и Анна, были выданы замуж за королей: норвежского Харальда Сурового Правителя (1046–1066 гг.), венгерского Андрея I (1046–1060 гг.) и французского Генриха I (1031–1060 гг.) соответственно. Вероятно, и старший сын Ярослава (от первого брака) Илья был женат на сестре датского (с 1018/1019 г.) и английского (с 1016 г.) короля Кнута Великого (ум. в 1035 г.). В русле брачной политики Ярослава Мудрого находились и матримониальные связи через его сестер, одна из которых была выдана им замуж за польского короля Казимира I, а другая, возможно, за маркграфа Саксонской северной марки Бернхарда. В древнерусских же источниках есть сведения только о супруге Всеволода и родстве Ярослава с Казимиром. Брачная политика Ярослава свидетельствует о широких международных связях и активной внешней политике Руси, и зарубежные источники помогают установить родственные отношения (в частности, порядок рождения сыновей, их происхождение от различных браков) в княжеских семьях и тем самым проливают свет на механизмы междукняжеских отношений в период раздробленности.

Источникам, происходящим из стран Северной Европы, посвящены восемь томов Свода. Древнейшие и особо ценные своей одновременностью событиям скандинавские (в большинстве своем шведские) рунические надписи составили первый том Свода (*Мельникова Е.А., 1977*). Он не только ввел в науку значительный комплекс сведений о русско-скандинавских связях XI в., но и привлек внимание археологов к надписям, выполненным руническим письмом, на предметах, находимых на территории Древней Руси. Значительное количество новых находок (амулетов, граффити на арабских монетах и др.) потребовало нового издания, в котором основное место заняли рунические надписи из Восточной Европы (*Мельникова Е.А., 2001*).

Как и в издании источников из других регионов, особое внимание было уделено исследованию места Древней Руси и народов Восточной Европы в “ойкумене викингов”, отразившейся, наряду с сагами, в специализированных географических трактатах (*Мельникова Е.А., 1986*). Общие описания земли, равно как и разнообразные заметки географического содержания были впервые выделены из состава сборников и опубликованы как самостоятельные произведения, а также исследованы в своей совокупности. Несмотря на широкое обращение авторов трактатов к латиноязычной географической традиции, описания Восточной Европы восходят к эпохе викингов, несравненно обширнее и подробнее, нежели описания других регионов Европы (кроме самой Скандинавии) и отражают непосредственное и близкое знакомство с ней.

Издание сообщений исландских саг потребовало разработки особых методов в силу специфики этого вида текстов. Королевские саги, которые

можно рассматривать как особую форму историописания, сохранились в многочисленных и порой сильно различающихся редакциях. Различным образом может в них быть представлено одно и то же сообщение о Восточной Европе. Поэтому при сохранении общей структуры свода фрагменты каждой саги издавались по всем ее редакциям и комментировался не только каждый конкретный текст, но и – отдельно – каждое сообщение (условно названное мотивом). Это позволяло сопоставить варианты сообщения, установить степень их достоверности или недостоверности, определить источники информации (*Джаксон Т.Н.*, 1993, 1994, 2000 и 2-е изд., 2012). Иной жанровый характер носят “саги о викингах”, восходящие к устной традиции о деяниях скандинавов эпохи викингов, в том числе в Восточной Европе. Длительное бытование повествований в устной форме и увлекательный характер этого вида саг привели к тому, что реальные события преобразились в них в обобщенные устойчивые мотивы. Обращение к фрагментам таких саг искажает характер сообщения: оно может выглядеть достоверной информацией о некоем событии, тогда как в действительности является топосом. Поэтому саги этого вида издаются в Своде целиком, а не во фрагментах, тем более что они никогда ранее не переводились на русский язык (*Глазырина Г.В.*, 1996, 2002). При малой достоверности конкретных сообщений, эти саги являются чрезвычайно ценным источником – они отражают устойчивые представления о Восточной Европе, сложившиеся в скандинавском обществе в эпоху викингов – в виде конкретных сюжетов – и существовавшие в XIII–XIV вв. – в интерпретации этих сюжетов.

* * *

Как видим, за прошедшие годы было издано немало источников; некоторые их комплексы, например польские хроники, скандинавские рунические надписи, королевские саги, античная картографическая традиция и средневековые карты, опубликованы полностью. Однако немало источников, особенно античных и византийских, все еще ждущих изучения и публикации в Своде. Поэтому академическое издание было дополнено сначала коллективным трудом, включившим характеристику всех основных видов и групп зарубежных источников по истории Древней Руси и обобщившим содержащуюся в них информацию⁴⁴. Эта книга, оформленная в виде учебного пособия, суммировала многолетние изыскания коллектива и выдержала несколько переизданий. Она показала все разнообразие и изобилие сведений о народах и государствах Восточной Европы в зарубежных источниках и продемонстрировала острую потребность в срочном издании как уже опубликованных в Своде, так и – особенно – еще не вошедших в его тома источников. Эта задача была решена в последние годы выпуском пятитомного собрания текстов под тем же названием “Древняя Русь в свете зарубежных источников” с дополнительным указанием “Хрестоматия”⁴⁵. Сохраняя региональную структуру свода (каждый том посвящен источникам, происходящим из одного из регионов античного и средневекового миров), это издание несколько упрощает археографические принципы

⁴⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников, 1999; 2002; 2003.

⁴⁵ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия.

Свода: так, фрагменты текстов публикуются только в переводе на русский язык, пространный исследовательский комментарий заменен более или менее краткими примечаниями, вводные преамбулы содержат важнейшие справочные сведения об авторе, источнике или группе источников, но не развернутое их исследование. Тем не менее, ценность этого издания, наряду с введением в науку значительного числа новых материалов (особенно западноевропейских), заключается в комплексном охвате всех групп источников каждого из регионов. В противоположность томам Свода, изолированно исследующим один или группу однотипных источников, совокупная публикация всех важнейших источников одного региона имеет свои преимущества. Она показывает степень распространенности информации о Древней Руси и Восточной Европе в данном регионе, эволюцию объема, содержания и характера этой информации, жанровый состав источников указывает на преимущественный интерес к ней в определенных кругах общества и т.д. Это издание открывает и новые перспективы для восстановления тех представлений о Древней Руси и народах Восточной Европы, которые формировались в том или ином регионе, и их динамику – от впечатлений от первых контактов до устойчивых стереотипов XII–XIII вв.

За годы своего существования Свод создал прочную и обширную источниковую основу, существенно дополняющую и расширяющую данные русских источников. Исследуемые в своей совокупности и в сопоставлении с сообщениями источников отечественных зарубежные источники освещают кардинальные вопросы ранней истории Руси и помогают воссоздать более или менее последовательную картину зарождения, становления и развития Древнерусского государства. Широкий хронологический диапазон дал возможность проследить этнокультурные и социально-политические процессы в их непрерывном единстве и последовательности.

Список изданных томов Свода “Древнейшие источники по истории Восточной Европы” и сопутствующих ему изданий

- Бибиков М.В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы: Тексты, перевод, комментарий. М., 1997.
- Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси: Тексты, перевод, комментарий. М., 1996.
- Глазырина Г.В.* Сага об Ингваре путешественнике: Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.): Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты, перевод, комментарий. М., 1994.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – середина XIII в.): Тексты, перевод, комментарий. М., 2000.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий. 2-е изд., в одной книге, испр. и доп. М., 2012.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в “Истории” Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие / под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999; 2002; 2003.

- Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2009–2011. Т. 1–5:
- Т. 1: *Подосинов А.В.* Античные источники. 2009.
 - Т. 2: *Бибиков М.В.* Византийские источники. 2010.
 - Т. 3: *Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Петрухин В.Я.* Восточные источники. 2009.
 - Т. 4: *Назаренко А.В.* Западноевропейские источники. 2010.
 - Т. 5: *Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н., Мельникова Е.А.* Скандинавские источники. 2009.
- Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата: Тексты, перевод, комментарий. М., 1988.
- Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 2006.
- Коновалова И.Г.* Древняя Русь и народы Восточной Европы в трудах арабских географов XIII–XIV вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 2009.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий. М., 1989; 1991.
- Матузова В.И.* Английские средневековые источники: IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.
- Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Крестonosцы и Русь: Конец XII в. – 1270 г.: Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.
- Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи: Тексты, перевод, комментарий. М., 1977.
- Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий. М., 1986.
- Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации: Тексты, перевод, комментарий. М., 2001.
- Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.
- Перевалов С.М.* Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов: Тексты, перевод, комментарий. М., 2010.
- Подосинов А.В.* Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья: Тексты, перевод, комментарий. М., 1985.
- Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.
- Подосинов А.В., Скржинская М.В.* Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший: Тексты, перевод, комментарий. М., 2011.
- Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического: Тексты, перевод, комментарий. М., 1983.
- Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1999.
- Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М., 1980.
- Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М., 1990.
- Щавелева Н.И.* Древняя Русь в “Польской истории” Яна Длугоша (Книги I–VI): Текст, перевод, комментарий / под ред. и с доп. А.В. Назаренко. М., 2004.

А.С. Янушкевич

**В.А. ЖУКОВСКИЙ СЕГОДНЯ:
МЕЖДУ 1983-м и 2008-м ГОДАМИ
(К изданию его “Полного собрания сочинений и писем”)**

*Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!
Недаром – нет! – промчалась четверть века!
Не сетуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вокруг человека, –
Ужель один недвижим будет он?
Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!*

А. Пушкин

25 лет, отделяющие два юбилея Жуковского, внесли существенные коррективы в изучение его творческого наследия. Прежде всего значительно увеличилось само число публикаций о нем, его поэзии, и не только в России, но и во всей европейской и американской славистике. Активизировалась издательская деятельность, связанная прежде всего с подготовкой первого подлинно Полного собрания сочинений и писем поэта. Можно без преувеличения сказать, что жуковсковедение стало особым направлением историко-литературной науки со всеми вытекающими последствиями: рождением специальных изданий, типа “Жуковский: Материалы и исследования”, фронтальным описанием и исследованием его рукописного наследия как в отечественных, так и в зарубежных архивах, защитой многочисленных диссертаций, посвященных его творчеству, формированием научных центров по изучению его наследия, осмыслением его места и значения в русской и мировой словесной культуре и общественной мысли. Одним словом, не только сбылись пророческие слова Пушкина: “Его стихов пленительная сладость / Пройдет веков завистливую даль...”, но и сам Жуковский, его мысли, его поэзия стали объектом филологической рефлексии и общественного интереса.

В истории изучения творчества Жуковского были различные периоды: то интерес к поэзии “первого русского романтика” и “гения перевода”, споры о нем оказывались в центре литературной жизни, определяли развитие эстетической мысли, то внимание к его творчеству ослабевало, а критика забывала о нем.

Менялась оценка его поэзии, историко-литературного значения его деятельности. Но сам факт почти 200-летней истории осмысления его личности и творчества, возрастающего в последнее время интереса к нему – свидетельство жизнестойкости его поэзии и плодотворности ее исследования.

Прижизненная критика 1815–1852 гг., дореволюционная критика и академическое литературоведение 1853–1917 гг., советское литературоведение

ние 1920–1950-х годов, работы о Жуковском 1960–1980-х годов – таковы этапы в изучении наследия великого русского поэта¹. Имена В. Белинского и Н. Полевого, А. Никитенко, П. Плетнева и С. Шевырева, А. Веселовского, и В. Резанова, К. Зейдлица и П. Загарина, И. Замотина и П. Сакулина, Г. Гуковского, Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума, Ц. Вольпе и И. Семенко неразрывно связаны с прочтением Жуковского. Русские писатели от Пушкина и Гоголя до Блока, Зайцева и Цветаевой внесли свой вклад в осмысление природы его поэтического дара и притягательности его личности. Издательские проекты П. Ефремова и А. Архангельского, Ц. Вольпе, Н. Измайлова, И. Семенко способствовали вхождению его поэзии в русскую словесную культуру и ее приближению к читателю.

И все-таки Жуковский долго оставался на периферии отечественного литературоведения, а после революции на десятилетия поистине стал его “пасынком”. Обвинения поэта в монархизме и “религиозном пиетизме”, причисление к лагерю “реакционных романтиков”, недооценка поэтической оригинальности тормозили исследование его биографии и творчества, приводили к существенным купюрам при издании его произведений и эпистолярия.

Юбилей 1983 года и его последствия

Юбилей 1983 г., 200-летие со дня рождения поэта, стал переломным моментом в судьбе Жуковского, в его критико-литературоведческой интерпретации. Усиление интереса к общечеловеческим и гуманистическим ценностям, взлет отечественной поэзии и открытие ее забытых страниц, прежде всего эпохи Серебряного века, актуализировало и новое прочтение Жуковского. В этом смысле “забытый” русский поэт, “Коломб русского романтизма”, “гений перевода”, наставник и учитель Пушкина, предтеча русского символизма, “ангел-хранитель русской культуры”, воспитатель наследника, царя-освободителя Александра II оказался не просто “юбилейным”, но и в высшей степени современным. Его поэтические открытия, мировоззренческие поиски в области нравственного самоусовершенствования и политической педагогики, диалог с властью, “всемирная отзывчивость”, проявившаяся в системе переводов, стали объектом пристального интереса и серьезной научной рефлексии на двух масштабных юбилейных конференциях – в Ленинграде и Москве, собравших весь цвет отечественной филологии.

Два сборника по итогам этих конференций: “Жуковский и русская культура” (Л., 1987) и “Жуковский и литература конца XVIII–XIX века” (М., 1988), включивших в свой состав 45 статей и публикаций, стали наглядным выражением нового и заинтересованного прочтения творческого наследия юбиляра-современника.

Основательные и методологически важные суждения Г.М. Фридендера в статье “Спорные и очередные вопросы изучения Жуковского” продолжены и развиты были в работах Ф.З. Кануновой “О философско-исторических воззрениях Жуковского”, Н.Н. Петруниной “Жуковский

¹ Подробнее см.: *Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский: Семинарий. М., 1988. С. 5–47; *Иезуитова Р.В.* В.А. Жуковский: Итоги и проблемы изучения (к 200-летию со дня рождения поэта) // Русская литература. 1983. № 1. С. 8–23.

и пути становления русской повествовательной прозы”, С.А. Матяш “Жуковский и русская стиховая культура XVIII – первой половины XIX в.”, В.М. Марковича “Балладный мир Жуковского и русская фантастическая повесть эпохи романтизма” (ленинградский сборник), Н.И. Прокофьева “Образы прошлого в поэтическом мире Жуковского”, А.С. Курилова “Методологические уроки В.А. Жуковского – критика, теоретика и историка литературы”, В.Ю. Троицкого “Значение поэзии Жуковского в развитии русской романтической прозы”, С.С. Аверинцева “Размышления над переводами Жуковского” (московский сборник). Каждая из этих статей и все они вместе способствовали выявлению масштаба творческой деятельности поэта и намечали новые подходы к рассмотрению ее различных сфер.

Принципиально важны были и исследования, посвященные проблеме “Жуковский и русская литература”. Достаточно назвать статьи Н.Д. Кочетковой “Жуковский и Карамзин”, В.А. Кошелева “Жуковский и Батюшков”, Р.В. Иезуитовой, В.И. Коровина и А.А. Макарова на тему “Жуковский и Пушкин”, Е.А. Смирновой и В.И. Сахарова – посвященные вопросу творческой преемственности Жуковского и Гоголя. Каждая из них – прорыв в большое пространство традиции Жуковского, оказавшейся востребованной не только его современниками, но и всей последующей русской словесной культурой. И хотя, может быть, в то уже далекое время, еще недостаточно ощутимо просматривалось место Жуковского в литературе XX в., в поэзии Серебряного века (что станет явственно в литературоведении конца XX – начала XXI в.), размышления С.А. Кибальника, О.Б. Лебедевой, Р.Ю. Данилевского, С.В. Тураева, Л.Э. Найдич, Н.Б. Реморовой, Л.М. Аринштейна, В.Е. Багно, А.Г. Пиотровской о связи поэта с мировой культурой (античной, немецкой, французской, английской, испанской, польской) позволили увидеть весь масштаб открытий Жуковского.

Программная статья С.С. Аверинцева о характере переводческой деятельности Жуковского стала прорывом в осмыслении особой миссии поэта в диалоге культур, в обозначении мирозидительной роли его переводов, что было конкретизировано в методологически важных трудах Е.Г. Эткинды “Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина” (Л., 1973) и Ю.Д. Левина “Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода” (Л., 1985). К сожалению, книга Е.Г. Эткинды к этому времени уже фактически была запрещена, а книга Ю.Д. Левина появилась вскоре после юбилея, поэтому идеи Аверинцева, что называется, носились в воздухе, и, как говорил Г.М. Фридлиндер, переводы Жуковского “должны рассматриваться скорее как одно из высших, классических достижений подлинно поэтического русского переводческого искусства, поучительного также и для настоящего”². Столь пристальный интерес к деятельности Жуковского-переводчика был далеко не случаен. Литературоведение 1980-х годов убедительно показывало глубинную связь оригинального и переводного творчества поэта в общем контексте русского историко-литературного процесса пушкинской поры и выявляло значение этой области творческого наследия поэта для русской словесной культуры вообще.

Развитие отечественной компаративистики во многом опиралось на деятельность именно Жуковского, что нашло свое конкретное выражение

² Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 27.

в трудах М.П. Алексеева о русско-английских литературных связях, Р.Ю. Данилевского о русской рецепции творчества Виланда, Шиллера, Л. Тика, Ю.Д. Левина об “английской поэзии и литературе русского сентиментализма” и “прижизненной славе Вальтера Скотта в России”³. Появление специальных антологий “Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского” (М., 1985. Т. 1–2. Составитель А.А. Гугнин), “Английская поэзия в переводах В.А. Жуковского” (М., 2000. Составление К.Н. Атаровой, А.А. Гугнина. Предисловие и комментарии К.Н. Атаровой), “Немецкая поэзия в переводах В.А. Жуковского” (М., 2000. Составление, предисловие и комментарии А.А. Гугнина), “Французская поэзия в переводах В.А. Жуковского” (М., 2001. Составление, предисловие и комментарии Н.Т. Пахсарьян) – с параллельными текстами – стало фундаментом для исследования переводческой деятельности поэта и его литературных взаимосвязей.

Говоря о материалах юбилейных сборников, нельзя не указать на особое значение большой публикации В.Э. Вацура и М.Н. Виролайнен архивных материалов, связанных с письмами Андрея Тургенева к Жуковскому. И сама культура текстологии, мастерство комментария, и важность введенного в научный оборот материала, позволяющего увидеть генезис духовного и художественного развития поэта, и объемность характеристики “юного гения” Андрея Тургенева, недостаточно еще осмысленного русской культурой, – все это позволило превратить, казалось, вполне конкретную публикацию в методологически значимое исследование.

Одним словом, юбилей 1983 г. и юбилейная литература стали важным толчком в активизации интереса к наследию В.А. Жуковского и новому прочтению его творчества. Пришло время почувствовать созвучность его поэзии, его духовных поисков, самой его личности духу современности.

Три биографические книги о Жуковском – “Жуковский: Книга о великом русском поэте” Майи Бессараб (М., 1975), “Жуковский в Петербурге” Раисы Иезуитовой (Л., 1976) и “Жуковский” (Серия “Жизнь замечательных людей”) Виктора Афанасьева (М., 1986) обозначили необходимость нового подхода к образу самого поэта, масштабу его человеческой индивидуальности. Первая книга заканчивается словами Александра Блока: “Жуковский подарил нас мечтой, действительно прошедшей сквозь страду жизни. Оттого он наш – родной, близкий”. Вторая – суждением декабриста Николая Тургенева: “Писатели, особливо поэты, как подобно Жуковскому, могут действовать на смягчение нравов, пусть они следуют сему призванию. Труд их всегда отзовется истинною пользою для народа...” Третья – известным стихотворением Тютчева “На смерть Жуковского”, последняя строфа которого звучит как наказ последующим поколениям:

И этот-то души высокий строй,
Создавший жизнь его, проникший лиру,
Как лучший плод, как лучший подвиг свой,
Он завещал взволнованному миру...

³ См.: Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М., 1982; От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1970; Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972; Эпоха романтизма: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1975; *Danilevskij Rostislav Ju. Schiller in der russischen Literatur. 18. Jahrhundert – erste Hälfte 19. Jahrhundert.* Dresden University Press, 1998.

Поймет ли мир, оценит ли его?
Достойны ль мы священного залога?
Иль не про нас сказало божество:
“Лишь сердцем чистые, те узрят Бога!”

Впервые образ поэта в этих книгах получил объективную оценку, конкретизируя известные слова Белинского: “Творения Жуковского – это целый период нашей литературы, целый период нравственного развития нашего общества”⁴. Биографические книги М. Бессараб, Р. Иезуитовой и В. Афанасьева способствовали вниманию к “поведенческому тексту” поэта-романтика, выявлению масштаба его культуртрегерской деятельности.

Два “жуковских” проекта томских филологов и их методологическое значение

За пять лет до юбилея в издательстве Томского университета появилась первая часть коллективной монографии “Библиотека В.А. Жуковского в Томске”. В 1984 г. вышла в свет вторая ее часть, а в 1988 г. – третья. В 1991 г. авторский коллектив этого издания в составе Ф.З. Кануновой, вдохновителя и души этого грандиозного проекта, ее учеников и единомышленников Э.М. Жиляковой, О.Б. Лебедевой, Н.Б. Реморовой, В.В. Лобанова (автора библиографического описания), А.С. Янушкевича был удостоен Государственной премии России в области науки. Такое общественное признание филологического труда, поддержанного М.П. Алексеевым, Д.С. Лихачевым, Г.М. Фридендером, Е.Н. Купреяновой, Р.В. Иезуитовой, Ю.Д. Левиным, В.Э. Вацуру, свидетельствовало о его значении не только для изучения творчества В.А. Жуковского, но и для развития филологической науки в целом. Уникальность личной библиотеки русского поэта заключалась прежде всего в том, что она была наглядным воплощением его мироиздательского принципа: “Жизнь и Поэзия одно”.

Книги поэта по различным отраслям человеческого знания – по этике и эстетике, философии и истории, педагогике и общественной мысли, искусствоведению и теологии – были не просто прочитаны с карандашом в руках, но и буквально испещрены пометами их владельца. Полемические заметки, наброски конспектов, сравнительные характеристики, дневниковые записки и наброски писем, рисунки – всё это вводило в творческую лабораторию и зримо выявляло основные принципы самообразования и самоусовершенствования первого русского романтика. Тексты художественных произведений на различных языках позволяли увидеть процесс работы Жуковского над известными его переводами – от ранних элегий до гомеровской “Одиссеи”. Нередко на страницах этих сочинений обнаруживались новые его произведения. Одним словом, библиотека поэта давала огромные возможности для постановки методологически важных проблем: “Жуковский и русская литература”, “Жуковский и западноевропейская литература”, “Вопросы мировоззрения В.А. Жуковского”, “Пути становления эстетики Жуковского”, “Вопросы жанрового развития в творчестве Жуковского”. От книг поэта томские исследователи обратились к богатейшим

⁴ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. VII. С. 241.

и почти не изученным архивным собраниям Жуковского, хранящимся не только в России (РНБ, РГБ, РГАЛИ, РО ИРЛИ, РГИА, ГАРФ, РГАДА, ОПИ ГИМ), но и в Европе (Германия, Италия).

Сокровища этих рукописных источников поражали воображение. Сотни страниц конспектов по эстетике и критике, философии и истории, теологии, многочисленные планы поэм и стихотворных повестей, их наброски и первоначальные редакции, десятки неизвестных стихотворений и новых прозаических повестей, массивы неопубликованной дневниковой и эпистолярной прозы, тетради педагогических конспектов и таблиц, тысячи рисунков – все это требовало расшифровки, текстологического и проблемного осмысления. И за всем этим открывалось новое лицо Жуковского – оригинального русского мыслителя, своеобразного летописца русского и европейского историко-литературного и общественного процесса 1800–1840-х годов. Сегодня даже трудно представить, как небольшой коллектив вузовских ученых со всеми вытекающими последствиями: колоссальной учебной нагрузкой, обилием аспирантов, многочисленными “реформаторскими” заморочками, удаленных от столичных библиотек и архивов, сумел в течение десяти лет создать трехтомную монографию “Библиотека В.А. Жуковского в Томске”. И главным в этом подвижничестве был даже не объем осмысленного и введенного в научный оборот материала. Важнее был тот импульс, который обратил взор отечественной науки к фигуре почти забытого и оболганного поэта. Многочисленные рецензии, появившиеся на это издание не только в России, но и почти во всех европейских странах, подчеркивали особое значение методологических открытий томских ученых, связанных с феноменологическим принципом осмысления личности и творчества поэта. Один из рецензентов заметил: “Но главным, царским подарком, щедрым, всем равно доступным, всем желанным стал для нас *метод*. С этой книгой в нашу гуманитарную науку победно вошло новое научное мировоззрение. То, что методологи называли системным подходом, то, что предрекали и призывали, стало реальностью. Человеческая личность была осмыслена как микрокосм, малое отражение мира, бездонное и цельное. Ушла схема – вновь вступила в свои права жизнь. И произошло чудо: там, где, казалось, уже нельзя было ни сказать, ни сделать ничего по-настоящему нового, интересного, внезапно раскрылась terra incognita – непознанная, нетронутая глубина, вольная даль для поиска и вдохновения”⁵.

Вслед за коллективной монографией появились другие работы членов авторского коллектива, наметившие новые аспекты изучения творчества Жуковского и открывавшие новые сферы его творческой деятельности. Достаточно назвать книги А.С. Янушкевича “Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского” (1985), Н.Б. Реморовой “Жуковский и немецкие просветители” (1989), Ф.З. Кануновой “Вопросы мировоззрения и эстетики В.А. Жуковского” (1990), О.Б. Лебедевой “Драматургические опыты В.А. Жуковского” (1992), И.А. Айзиковой “Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского” (2004). Все они вышли в издательстве Томского университета, что способствовало превращению Томска в научный центр по изучению и изданию наследия великого русского поэта.

⁵ *Самовер Н.* Утешение наукой, или “Библиотека В.А. Жуковского в Томске” // Знание – сила. М., 1994. № 9. С. 143.

“Вольной далью для поиска и вдохновения” стал новый проект кафедры русской и зарубежной литературы Томского университета, возникший в 1997 г. Это был казавшийся тогда почти безумием замысел издания Полного собрания сочинений и писем Жуковского в 20 т. Сегодня, когда уже половина томов вышла из печати, а другая половина готовится к печати, можно подвести некоторые итоги.

Во-первых, в процессе работы стало очевидно, сколь неполными были самые “полные” собрания сочинений поэта, в том числе и вышедшее под редакцией А.С. Архангельского “Полное собрание сочинений В.А. Жуковского: В 12 т.” (СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1902). Стихотворные произведения были в нем представлены выборочно, драматургические и прозаические опыты частично и без всякого обоснования критериев отбора, дневники и эпистолярный фрагментарно, а главное – текстологическая и комментаторская работа издателя не выдерживала никакой критики. Все последующие издания послереволюционного времени, несмотря на подвижническую деятельность Ц.С. Вольпе, Н.В. Измайлова, И.М. Семенко, не могли претендовать на какую-либо полноту по цензурным обстоятельствам: изымались тексты с религиозной и монархической тематикой, купюрам подвергался эпистолярный поэт, да и объем изданий не позволял с максимальной полнотой представить наследие Жуковского. И хотя в результате разысканий ученых обогатился комментарий к его произведениям, были уточнены некоторые датировки и внесены существенные коррективы в текстологию, собрания сочинений Жуковского так и оставались “избранными”.

Во-вторых, ощущалась потребность в систематизации рукописного наследия поэта. За исключением архива Российской национальной библиотеки (фонд 286) все другие собрания не были специально описаны. Рукописи поэта были растворены в самых разных фондах и нередко при их описании были допущены ошибки в датировках, содержании единицы хранения, в указании адресатов, в приписывании копиям статуса автографа и т.д. Сравнение рукописей и их публикаций выявляло огромное количество неточностей в прочтении текстов, необъяснимое их сокращение и т.д. И хотя выявить почти в десяти архивных собраниях все автографы и тем более копии представлялось почти не возможным, тем более что многие рукописные отделы и архивы постоянно закрывались на ремонт, авторский коллектив попытался дать максимально полное описание источников каждого из текстов.

В-третьих, важно было определить эдиционные принципы предпринятого издания. Не претендуя на статус академического собрания сочинений (хотя рецензенты впоследствии говорили именно об академическом), ибо подготовка всех вариантов и редакций, описание всех копий заняли бы десятилетия и были просто не под силу небольшому авторскому коллективу, редколлекгией (гл. редактор А.С. Янушкевич) была сделана установка на максимально полное воспроизведение творческого наследия поэта, в том числе и эпистолярного. Достаточно сказать, что если в предшествующих изданиях количество писем не превышало 300, то в результате фронтальных просмотров всех архивных собраний и систематизации всех журнальных публикаций было выявлено более 2000 писем, из которых около 500 публикуются впервые. Уточнены датировки многих из них и опреде-

лены адресаты писем, публиковавшихся с заглавием: “Неизвестному”. Подобная работа была проделана и по отношению к дневниковой прозе Жуковского: расшифрованы ее новые и систематизированы все известные на сегодняшний день хронологические массивы, дан развернутый комментарий ко всем записям, составлен именной указатель, включающий около 6000 персоналий, выявляющих круг знакомств и общения поэта на протяжении почти всей его жизни. Определены были принципы воспроизведения текстов на основе известных автографов и копий, а также с опорой на сегодняшнее состояние проблемы. Не стремясь к “факсимильной точности”, члены авторского коллектива руководствовались установкой на сохранение особенностей авторской орфографии и пунктуации в стихотворных текстах, избегая излишней архаизации при публикации прозы поэта. При этом учитывалось, что в течение полувековой творческой деятельности Жуковский сам менял и орфографию, и синтаксис своих текстов, о чем свидетельствует сравнение всех его пяти прижизненных собраний сочинений. Пятое (последнее прижизненное собрание сочинений) легло в основу Полного собрания сочинений и обрело статус дефинитивного.

Предлагаемое издание, не претендуя на статус академического из-за невозможности на данном этапе выявить многочисленные варианты текстов, находящихся в различных архивных собраниях (как минимум в четырех петербургских и пяти московских, а также в нескольких зарубежных) и практически не систематизированных, – первый опыт систематизации всего творческого наследия Жуковского от первых его пансионских опытов 1787–1800 гг. до последних незаконченных сочинений 1852 г. Около 65 лет литературной деятельности поэта в возможно полном объеме предстают на страницах данного Полного собрания сочинений. Датировки целого ряда произведений в настоящем издании уточнены; а в отдельных случаях исправлены. Членами авторского коллектива проведена также фронтальная сверка всех опубликованных текстов с обнаруженными автографами и авторизованными копиями и осуществлено создание максимально полного свода автографов и копий публикуемых произведений. Текстологические справки, предваряющие комментарий к каждому тексту, включают описание известных автографов и копий, первых публикаций, предлагают возможную датировку и в преамбуле дают ее обоснование.

Настоящее Полное собрание сочинений и писем Жуковского состоит из 20 томов:

Том 1. Стихотворения 1797–1814 гг.

Том 2. Стихотворения 1815–1852 гг.

Том 3. Баллады.

Том 4. Стихотворные повести и сказки.

Том 5. Эпические стихотворения.

Том 6. Переводы из Гомера: “Илиада” и “Одиссея”.

Том 7. Драматические произведения.

Том 8. Проза 1797–1806 годов.

Том 9. Дон Кишот.

Том 10. Проза периода “Вестника Европы” (1808–1814).

Том 11 (1-й и 2-й полутома). Поздняя проза. Перевод Нового Завета.

Том 12. Эстетика и критика.

- Том 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки (1804–1833).
- Том 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки (1834–1847).
- Том 15. Письма 1797–1810 гг.
- Том 16. Письма 1811–1814 гг.
- Том 17. Письма 1815–1822 гг.
- Том 18. Письма 1823–1833 гг.
- Том 19. Письма 1834–1840 гг.
- Том 20. Письма 1841–1852 гг.

Общий принцип расположения произведений внутри каждого тома – хронологический. Материалы каждого жанрового массива располагаются по следующим разделам:

1. Основные тексты данного тома.
2. Из черновых рукописей и незавершенных текстов.
3. Конспекты, наброски и планы.
4. Dubia.
5. Приложения, включающие пояснительные статьи и примечания.
6. Указатель имен к т. 12–20.

В настоящее время завершена работа над томами 1–14: опубликованы 1–8, 12–14; в печати находятся 9–11-й тома. Все усилия авторского коллектива направлены на подготовку эпистолярного наследия поэта. Объем материала, включающего более 2000 писем к 110 адресатам, обилие недатированных посланий и писем к неизвестным лицам, сложность в расшифровке новых автографов, проблема перевода писем на французском и немецком языках, сверка автографов с имеющимися уже публикациями, которые содержат много неточностей и купюр – все это потребовало многолетней работы сотрудников кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета и помощи коллег из Москвы, Санкт-Петербурга, Тарту. Так, весь блок писем Жуковского, связанных с дуэлью и смертью Пушкина, был подготовлен научным сотрудником Пушкинского дома С.В. Березкиной, письма к П.А. Вяземскому – кандидатом филологических наук С.И. Пановым (Москва), письма к русским художникам – Л.И. Вуич (Москва). Нередко поступают сообщения от коллег из России и Европы об обнаружении автографов неизвестных писем Жуковского в архивах и даже частных собраниях. И это радует, так как наше издание Полного собрания сочинений Жуковского вызывает интерес и способствует вниманию к наследию великого русского поэта и мыслителя.

Мечта, согревающая работу авторского коллектива, – издание одного-двух томов с рисунками поэта, которые можно было бы сопроводить научным комментарием. Сотни замечательных живописных работ В.А. Жуковского находятся в различных архивохранилищах, и их систематизация сама по себе была бы полезна, ведь многие рисунки поэта – своеобразные живописные фотографии тех мест и достопримечательностей, которые видел поэт во время своих многочисленных путешествий по России и Западной Европе (Германия, Италия, Швеция, Швейцария, Англия, Франция). Но эта мечта может обрести свою реальность лишь при необходимом финансовом обеспечении. К сожалению, поиск спонсора пока не дал никаких результатов...

Параллельно с работой над двумя проектами членами авторского коллектива были подготовлены и другие издания произведений Жуковского.

В 1985 г. в московском издательстве “Искусство” вышел том “Эстетики и критики” (подготовка текстов, сост. и примеч. Ф.З. Кануновой, О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича). Затем появилась книга “В.А. Жуковский в воспоминаниях современников” (М.: “ЯРК”, 1999; сост., подгот. текстов, вступит. статья О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича). В 2008 г. в петербургском издательстве “Дмитрий Буланин” был подготовлен “Новый Завет господина нашего Иисуса Христа. Перевод В.А. Жуковского” под редакцией Ф.З. Кануновой, И.А. Айзиковой, свящ. Д. Долгушина. Почти одновременно Э.М. Жиликовой был издан том “Переписки В.А. Жуковского и А.П. Елагиной. 1813–1852” (М.: Знак, 2009). Все эти издания значительно расширяли представление о личности и творчестве поэта, заполняя существенные лакуны в издании его творческого наследия, мемуарной литературы о нем. Главное же в двух проектах томских филологов было связано с активизацией общего интереса к личности и творчеству поэта, его включению в историю русской словесной культуры и общественной мысли.

На рубеже веков

1990-е – 2010-е годы стали этапными в истории жуковсковедения. Более 500 публикаций, связанных с его личностью и творчеством, вводили в научный оборот новые материалы, расширяли представление о жизни и судьбе поэта, выявляли его место в истории русской литературы, определяли его связи с мировой культурой, намечали новые подходы к исследованию стиха Жуковского и его поэтической традиции. Одним словом, имя Жуковского получило знаковый смысл как своеобразного символа Золотого века русской поэзии, как великого современника и наставника Пушкина, как предтечи русского символизма, как воплощения идей русского гуманизма и “всемирной отзывчивости”.

Лучшие работы о его личности и творчестве расширили представление о феноменологическом подходе к литературе. В цикле статей В.А. Грехнева, посвященных поэзии пушкинского времени, со всей отчетливостью была поставлена проблема особой роли Жуковского в формировании нового художественного мышления и становлении эстетики “лирического контекста” и “сквозного слова”. Эта исследовательская установка позволила автору сказать новое слово о поэтике жанров русской поэзии, прежде всего лирики Пушкина. В своих книгах “Лирика Пушкина: О поэтике жанров” (Горький, 1985) и “Этюды о лирике А.С. Пушкина” (Нижний Новгород, 1991), размышляя о “пушкинской тайне”, В.А. Грехнев постоянно говорит о поэзии Жуковского как точке отсчета, как мериле эстетической и поэтической ценности. Так, в третьей главе последней книги «Пушкин и “невыразимое”» он с пронзительной точностью пишет: “Жуковский отважно погрузился в невыразимое и широко раздвинул в этом погружении возможности лирического искусства. Вместе с невыразимым в поэзию Жуковского вошла музыка, музыка, заключенная у него в самом предмете изображения. Зрительная зоркость Жуковского, устремленная к внешнему миру, иногда поразительна, но главное приобретение его лирики все-таки в том, что она впервые начала вслушиваться в мелодию человеческой души, вслушиваясь в слово”⁶. Это суждение одного из талантливейших исследователей рус-

⁶ Грехнев В.А. Этюды о лирике А.С. Пушкина. Нижний Новгород, 1991. С. 81.

ской поэзии, к сожалению, так рано ушедшего из жизни, корреспондирует с общей атмосферой литературоведения 1990-х годов.

В книге «Лирика пушкинской поры: “Элегическая школа”» В.Э. Вацуро делает Жуковского репрезентантом характернейших процессов и важнейших этапов русской поэзии первой четверти XIX в. “Слово Жуковского – это не только слово и не просто слово. {...} Оно эстетизировано и обобщено, потому что призвано нести логический и предметный смысл, но одновременно и быть знаком эмоционального состояния и вызывать его у читателя”⁷, – пишет автор уже в начале своего исследования. И затем на протяжении всей книги, говоря об элегической традиции, об элегическом субъекте, о пути к символической поэзии, В.Э. Вацуро последовательно раскрывает поэтические открытия и “уроки” Жуковского: «Жуковский показал роль “музыки”, “мелодии” как одного из важных факторов суггестии», “Жуковский словно шел путями Шиллера – в силу объективных законов литературной эволюции. Подчиняясь тем же законам, он делал и следующий шаг: к символическому языку романтической поэзии”⁸. Эти и многие другие суждения позволили исследователю увидеть в Жуковском носителя нового поэтического мышления и нового языка лирики.

В 2003 г. в книге “Избранных трудов” В.Н. Топорова появилась статья “Тяга к бездне (к рецепции поэзии Жуковского в начале XX века. Блок – Жуковский: проблема реминисценций)”, в примечании к которой говорится: «Переработанная и расширенная версия четвертой главы работы “Из исследований в области поэтики Жуковского”, опубликованной: *Slavica Hierosolymitana*, I (Jerusalem, 1977)». “Воздействие идей Топорова на развитие русской (и мировой) филологии второй половины XX – начала XXI века огромно и несомненно – они буквально растворились в воздухе науки”⁹, – точно и справедливо заметил Андрей Немзер. Исследования Топорова о поэтике Жуковского 1977 г. в силу конъюнктурных обстоятельств не были широко известны, но они стояли у истоков нового прочтения Жуковского. Статья о традиции Жуковского в русской культуре Серебряного века, снабженная, как это свойственно всем трудам ученого, развернутыми примечаниями, – это прежде всего осознание наследия первого русского романтика как живого феномена русской словесной культуры. Выделение в *современной поэзии* [имеется в виду поэзия начала XX в.] “особого слоя Жуковского” исследователь связывает с социокультурной и литературной ситуацией этой эпохи. «Это возрождение интереса к Жуковскому, – пишет он, – с самого начала века, начатое поколением “внуков”, осознавших независимость линии Жуковского даже в свете пушкинской поэзии, позволило им сомкнуть линию преемственности с поколением “дедушек” и “бабушек”, доживавших XIX век младших современников поэта, любивших его по воспоминаниям детства и часто “минуя” Пушкина. Отношение к поэзии Жуковского как к живому слову объединяло тех и других. Возвращению к поэзии Жуковского способствовали прежде всего поэтические опыты символистов и постепенно выкристаллизовавшиеся принципы символистской поэтики, призванной решить ряд задач, сходных с теми, что встали за столетие до этого перед

⁷ Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры:.... “Элегическая школа”. СПб., 1994. С. 66.

⁸ Там же. С. 72, 152.

⁹ Немзер Андрей. Памяти Владимира Топорова // Немзер А. Дневник читателя: Русская литература в 2005 году. М., 2006. С. 275.

Жуковским...»¹⁰ Анализ реминисценций из Жуковского в поэзии Блока получает в примечаниях свое развитие. В.Н. Топоров связывает их с общим процессом вхождения поэзии Жуковского в Серебряный век, рассматривает их в общем контексте традиции великого русского поэта. “Тем не менее сама тема Брюсов – Жуковский, собственно говоря, даже и не поставлена”, “Также обойдена литературоведением и тема Жуковский – Вяч. Иванов...”, “Не говоря о несомненном влиянии Жуковского на поэзию Вл. Соловьева...”, “Особенно следует отметить живость ассоциаций с поэзией Жуковского в творчестве русских поэтов”¹¹ – эти, к сожалению, не получившие развития заявления ученого, открывают огромные перспективы для фундаментального труда “Жуковский и Серебряный век”.

Нет необходимости говорить о воздействии на филологическую науку рубежа XX–XXI вв. открытий Ю.М. Лотмана. Это была школа исследовательского мастерства, особого “поведенческого текста” ученого, академия методологических открытий. Кажется, “все волновало нежный ум” Пушкина отечественного литературоведения. Но на первый взгляд возникает ощущение, что в творческом наследии Лотмана Жуковскому не очень повезло. В собрании сочинений его трудов нет специального тома под заглавием “Жуковский”, невозможно отыскать специальной статьи ему посвященной. Но открытия поэта, его эстетические принципы, связанные с философией невыразимого и возвышения души, его личность и мироощущение буквально пронизывают историко-литературную рефлексию ученого. Можно говорить об особой семиосфере Жуковского у Лотмана. От исследования об Андрее Кайсарове и литературно-общественной борьбе его времени через разыскания об Андрее Тургеневе, Мерзлякове, Воейкове, статью о поэзии 1790–1810-х гг., труды о Карамзине тянется след Жуковского. И он не на периферии этих процессов становления новой русской культуры; он – в ее центре. Лотман поэтические открытия Жуковского делает репрезентантом общих процессов развития отечественной словесности.

Но, конечно, особенно зримо эпохальный портрет Жуковского вырисовывается в пушкиноведческих трудах Лотмана. В книге “Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя” исследователь пишет: “Среди дружеских привязанностей Пушкина особое место занимал Жуковский. Глубокий и тонкий лирик, открывший тайны поэтического звучания, Жуковский отличался и другой одаренностью: это был бесспорно самый добрый человек в русской литературе. Доброта, мягкость, отзывчивость тоже требуют таланта, и Жуковский обладал этим талантом в высшей мере”¹². Эта характеристика Жуковского не просто приближала его к молодому читателю (ведь книга адресована “учащимся”); она в преддверии юбилея 1983 г. вводила наставника и друга Пушкина в большой контекст русской культуры и общественного сознания. Лотман открывал поколению 1980-х годов лицо “самого доброго человека в русской литературе”. В комментарии к роману “Евгений Онегин” исследователь последовательно и почти документально

¹⁰ Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003. С. 583–584. Курсив автора.

¹¹ Там же. С. 600–601.

¹² Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя: Пособие для учащихся. Л., 1982. С. 27.

выявлял масштаб его художественной мысли и поэтической образности, нашедшей свой отзвук в тексте пушкинского творения.

Но кроме многочисленных упоминаний личности поэта, его деятельности, размышлений о природе его творческого дара в наследии Лотмана есть два образца анализа текстов Жуковского. В книге “Структура художественного текста” он обращается к стихотворению (А.С. Пушкин), выявляя в нем природу глагольных форм, реализующих философский потенциал произведения и раскрывающих природу поэтического мастерства, тайну его поэзии. Анализ баллады “Три путника”, вошедший в “Книгу для учителя” (Лотман Ю.М., Невердинова В.Н. Книга для учителя: Методические материалы к учебнику-хрестоматии для IX класса. Таллин, 1984), – свидетельство приобщения молодого поколения, учащихся эстонских школ к творчеству Жуковского. Это был поистине урок гуманизма, уважения к другому языку и другой культуре, “всемирной отзывчивости”. Завершая анализ стихотворения, Лотман пишет: «Для учащихся Тарту или близко к городу расположенных полезно завершить работу над разделом “Жуковский” экскурсией по местам, связанным с памятью Жуковского, и посетить могилу Марии Протасовой-Мойер. Хорошо, если дети не забудут принести на могилу несколько цветков»¹³.

Благодаря усилиям Л.Н. Киселевой, ее коллег и учеников тартуская филологическая школа продолжила изучение творческого наследия Жуковского, опираясь на методологические и человеческие уроки своего великого учителя.

Конкретизацией этих идей выдающихся представителей русской филологической мысли 1990-х годов стали труды М.Л. Гаспарова и С.А. Матяш, посвященные открытиям Жуковского в области стиха. В книге “Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика” (М., 1984), подчеркивая особое значение первого русского романтика в развитии русского стихосложения, М.Л. Гаспаров одну из центральных глав так и называет: “Время Жуковского и Пушкина”. Имя Жуковского включается в число великих реформаторов русского стиха наряду с Ломоносовым и Державиным, Пушкиным, Некрасовым и Фетом, Блоком и Маяковским. Каждый существенный сдвиг в стихотворном языке этого времени заканчивается рефреном: “Решающие шаги здесь делает Жуковский”, “Перелом происходит в 1810-е гг., когда за освоение трехсложников берется Жуковский...”, “И решающий шаг здесь сделал все тот же Жуковский”, “Снятие запрета с дактилических рифм также было заслугой Жуковского”¹⁴. Многочисленные статьи С.А. Матяш, посвященные отдельным стихотворным текстам Жуковского, в том числе и таким малоизученным, как стихотворная повесть “Рустем и Зораб”, одновременно способствовали осмыслению его стиха как динамической творческой системы. В этом отношении этапным для жукововедения стало исследование “Метрика и строфика В.А. Жуковского”, где С.А. Матяш дала как синхронический, так и диахронический обзор этих элементов стихосложения русского поэта. Приложенные к статье строфический и метрический указатели наглядно представили суть его новаторства в области стихотворной формы¹⁵.

¹³ Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 783.

¹⁴ Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. С. 116, 121, 146, 148.

¹⁵ Подробнее см.: Матяш С.А. Метрика и строфика В.А. Жуковского // Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М., 1979. С. 14–96.

Не менее значимы были исследования этого времени, посвященные историко-литературному значению деятельности Жуковского не только как поэта, но и как общественного деятеля и мыслителя. В этом отношении показательны были труды одного из основоположников жуковсковедения нового времени Р.В. Иезуитовой, посвященные месту Жуковского в истории русской баллады, его шутливым арзамасским произведениям, его долбинским экспериментам. В 1989 г. в ленинградском издательстве “Наука” вышла ее книга “Жуковский и его время”, обобщившая многочисленные разыскания исследователя и одновременно определившая перспективы нового прочтения творческого наследия поэта, его жизни и судьбы. Три главы монографии: “Жуковский и романтизм”, “Жуковский и декабризм”, “Жуковский и Пушкин” – последовательно развивали мысль о глубинной связи поэзии и всей духовной жизни Жуковского с русским общественным сознанием, с потребностями национального самосознания. В книге Р.В. Иезуитовой первый русский романтик предстает как основоположник нового художественного сознания, как предтеча Пушкина и его литературный наставник, как мыслитель, устремленный в будущее. Книга заканчивается замечательными словами поэта, в которых сконцентрирован и пафос исследователя, и созвучность идей Жуковского не только своему времени, но и современности. “Просвещение в истинном смысле, – обращается он и к нам, – есть всеобъемлющее знание, соединенное с нравственностью. Человек знающий, но не нравственный, будет вредить, ибо худо употребит известные ему способы действия. Просвещение соединяет знание с правилами. Оно необходимо для частного человека, ибо каждый на своем месте должен знать, что делать и как поступать. Оно необходимо для народа, ибо народ просвещенный более привязан к закону, в котором заключается его нравственность, и к порядку, в котором заключается его благоденствие и безопасность. Оно необходимо и для народоправителя, ибо оно дает способы властвовать благотворно”¹⁶. Эти слова в атмосфере бурных событий отечественной истории последних двух десятилетий не потеряли своего значения. Жуковский неоднократно говорил об ответственности власти перед народом, о нравственной основе государственной политики.

Уроки “политической педагогики” Жуковского были связаны прежде всего с его миссией наставника наследника российского престола – будущего “царя-освободителя” Александра II. Этой стороне деятельности поэта посвящены специальные исследования начала 2000-х годов, среди которых нужно прежде всего выделить книги Б. Носика “Царский наставник: Роман о Жуковском” (М., 2001) и С.О. Шмидта “Василий Андреевич Жуковский – великий русский педагог” (М., 2000). Если автор первой книги дал беллетризованный портрет Жуковского, нередко забывая о заглавии своего романа и неоправданно много говоря о перипетиях частной жизни поэта, то известный исследователь русского общественного сознания С.О. Шмидт стремился прежде всего к объективной и всесторонней оценке его педагогической деятельности, рассматривая ее как “подвиг наставничества”, связывая ее с общественным самосознанием молодой российской интеллигенции. Систематизируя все размышления Жуковского-педагога, наставника,

¹⁶ Иезуитова Р.В. Жуковский и время. Л., 1989. С. 281. Ср.: Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. / под ред. А.С. Архангельского. СПб., 1902. Т. 9. С. 146.

воспитателя, ученый констатирует: “Деятельность Жуковского-воспитателя наследника – отнюдь не внешний, тем более не второстепенный фактор его творческой биографии. Именно – творческой! И фактор, многое предопределявший в отношении к нему современников”¹⁷. Главный пафос исследования – стремление показать “естественность и значение того, что в Жуковском совмещались и великий поэт, и великий педагог”. “И личность, и творчество Жуковского, – резюмирует С.О. Шмидт – в сокровищнице того ценного, что дарит Россия второго тысячелетия грядущему тысячелетию”¹⁸. Эти слова известного историка – свидетельство активного вхождения Жуковского в отечественную культуру и признания его особой роли в становлении и формировании русского общественного сознания.

Подтверждением этому стала появившаяся в 1999 г. в московском издательстве “Языки русской культуры” книга Е.Э. Ляминой и Н.В. Самовер «“Бедный Жозеф”: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского» с характерным подзаголовком “Опыт биографии человека 1830-х годов». В указателе имен около 170 раз упоминается Жуковский. Иногда ему посвящены целые фрагменты книги. И это далеко не случайно. В жизни и судьбе молодого русского интеллигента роль наставника наследника поистине судьбоносна. Тесно связанный с семейством Виельгорских, Жуковский стал для их сына не просто учителем-наставником (Иосиф обучался вместе с великим князем Александром Николаевичем), но и духовным отцом. Авторы убедительно раскрыли этапы духовной биографии человека 1830-х годов и одновременно сумели показать особую роль в этом процессе В.А. Жуковского, поэта и педагога. Многочисленные письма Иосифа Виельгорского к своему наставнику, впервые опубликованные в книге, – свидетельство их особых отношений, способствующих умственному и духовному развитию молодого русского интеллигента.

Книги Р.В. Иезуитовой, С.О. Шмидта, Е.Э. Ляминой и Н.В. Самовер, несмотря на различие материала и методологических установок, объединяет образ Жуковского-наставника. Пушкин, великий князь Александр Николаевич, Иосиф Виельгорский – каждый из них прошел школу духовного взросления благодаря присутствию в их жизни и судьбе великого поэта и талантливого педагога, а главное – удивительного человека. “Поэтическое наставничество Жуковского осуществлялось различными средствами. Это были и своеобразные уроки поэтического мастерства, и поощрение не по дням, а по часам мужающего гения, и снисходительность к порывам его молодого, необузданного темперамента, и забота о его будущей славе, и гордость его феноменальными успехами. Но еще в большей степени наставничество в понимании Жуковского было школой воспитания подлинного художника, выразителя нравственных идеалов своего времени. Отсюда высокая требовательность и к самому поэту, и к его творениям”¹⁹, – пишет Р.В. Иезуитова. «Ныне становится все яснее, что обращаясь к корневым структурам нашего культурного наследия в области отечественной педагогики, следует значительно большее внимание уделить наследию Жуковского.

¹⁷ Шмидт С.О. Общественное самосознание российского благородного сословия: XVII – первая треть XIX века. М., 2002. С. 259.

¹⁸ Там же. С. 294.

¹⁹ Иезуитова Р.В. Жуковский и его время. С. 199.

А изучая реформаторскую деятельность Александра II и брата его Константина Николаевича, которому Жуковский посвятил свой перевод “Одиссеи” Гомера, постараться выявить то, что было воспринято ими в юные годы из “уморазвивательного” и душевно обогащающего повседневного общения с великим поэтом и ближайшим другом Карамзина и Пушкина»²⁰, – замечает С.О. Шмидт и справедливо добавляет: «Представление о Жуковском-наставнике наверняка обогатится и дальнейшим изучением его взаимоотношений с Гоголем {...} Сам Гоголь почтительно и любовно обращался к нему: “Мой истинный наставник и учитель”...»²¹

Публикации новых материалов, связанных с “политической педагогикой” Жуковского, его взаимоотношениями с властью и декабристами, путешествием по России с наследником²², расширяли пространство просветительской деятельности поэта и его концепции наставничества. Тимур Гузаиров назвал Жуковского “верноподданным оппозиционером”²³. В этой, казалось бы, парадоксальной характеристике скрывается важный смысл: верный закону, противник революций, наставник великого князя последовательно развивал концепцию монарха-человека. Идеи гуманизма, гуманитарного образования определяли его позицию. “При мысли великой, что я человек, / Всегда возвышаюсь душою” – эти слова стали его жизненным девизом. Практика наставничества стала реализацией этой философии.

Перефразируя известные слова Жуковского “Жизнь и Поэзия одно”, можно сказать, что у него “История и Поэзия одно”. Обвинения поэта в солипсизме, отрыве от реальности лишены всяких оснований. Чувство истории изначально питало его мысли и творческое вдохновение. В переписке с А.И. Тургеневым начала 1810-х годов, в период работы над поэмой “Владимир” он так формулирует свою историософскую концепцию. “Я хочу прочитать всех классиков-историков, – пишет он из Белева Александру Тургеневу в 1810 г., – но для того, чтобы извлечь из них всю возможную пользу и чтобы идея об истории была не смутная, а ясная, хочу предварительно составить себе общий план всех происшествий в связи”. Многочисленные конспекты “Истории” Карамзина, сочинений европейских историков, составление исторических таблиц для занятий с наследником зримо открывают процесс постижения исторического процесса, выявления его философского и нравственного смысла. Исследования М.И. Гиллельсона, Р.В. Иезуитовой, Ф.З. Кануновой, С.О. Шмидта, А.Л. Зорина, Л.Н. Киселевой раскрывают различные аспекты и грани историзма Жуковского, его постижения русской и европейской историографии.

²⁰ Шмидт С.О. Общественное самосознание российского благородного сословия. С. 291.

²¹ Там же. С. 290.

²² См.: Киселева Л.Н. “Сердцем и мыслью верный Вам Жуковский” // Феномен русской классики. Томск, 2004. С. 76–83; Она же. Жуковский – преподаватель русского языка (начало “царской педагогики”) // Пушкинские чтения в Тарту. 3: Материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 198–228; Самовер Н.В. “Не могу покорить себя ни Булгариним, ни даже Бенкендорфу...”: Диалог В.А. Жуковского с Николаем I в 1830 году // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 6. С. 87–119; Ильин П.В. Новое свидетельство о взаимоотношениях В.А. Жуковского и декабристов // Русская литература. 2008. № 2. С. 93–101; Гузаиров Тимур. Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007. 153 с. и др.

²³ Гузаиров Тимур. Указ. соч. С. 130.

Особое место в этом контексте жуковсковедения начала 2000-х годов занимает книга молодого московского филолога И.Ю. Виноцкого “Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского” (М.: Новое литературное обозрение, 2006). Выросшая из многочисленных публикаций автора, в том числе из его работы “Утехи меланхолии” (Ученые записки Московского культурологического лицея. М., 1997. № 1310, вып. 2), книга впервые масштабно представила поэтическую историософию Жуковского как динамичную творческую систему. Выделив три этапа романтической историософии поэта: 1816–1821 гг. (от “Певца в Кремле” до путешествия по Европе в свите великой княгини), 1826–1834 гг. (от начала педагогической миссии Жуковского как наставника государя наследника до присяги последнего) и 1847–1850-е годы (жизнь поэта в Германии), исследователь раскрывает природу его поэтической семантики. Обратившись к малоизученным текстам Жуковского (“Овсяный кисель”, “Торжество победителей”, “Плавание Карла Великого”, статьи 1840-х годов), автор рассматривает их в контексте общественной жизни эпохи и выявляет их историософскую символику. Смысл и суть этой символики – в прозрении хода истории, ее скрытых смыслов. Особенно в этом отношении неожиданным выглядит прочтение перевода гомеровской “Одиссеи” как Теодиссеи нового времени. “Таким образом, – пишет Виноцкий, – классический эпос в переводе Жуковского становится аллегорической христианской поэмой о прошлом, настоящем и будущем; причем настоящее (битва сил зла с силами добра) трактуется здесь как кульминация священной истории, разрешение последней через казнь и восстановление священного союза власти с народом и Бога с человечеством. Добродушный сказочник, каким Жуковский казался современникам, превращается в финале в боговдохновенного учителя и пророка”²⁴. Опираясь на восприятие Жуковским событий революции 1848 г. и материалы его поздней публицистики, исследователь убедительно показывает природу поэтической историософии переводчика “Одиссеи”, где в основе перевода – “эстетический и моральный принцип”. «Жуковский, – резюмирует “толкователь”, – пророк не Революции (как ранние романтики), но Реставрации»²⁵, и в этом выводе содержится важнейший принцип историософии Жуковского – неустанное стремление к нравственному и духовному самоусовершенствованию каждого отдельного человека и нации в целом, к воспитанию правителя-человека. И в этом же – пафос исследования И. Виноцкого – научная реставрация (без излишней и широковещательной революционности, но и без псевдонаучности) системы поэтической историософии Жуковского.

Жуковский и время – так можно определить направление исследовательской рефлексии известного критика и литературоведа Андрея Немзера. Уже в работе 1987 г. «“Сии чудесные виденья...”»: Время и баллады В.А. Жуковского» исследователь сумел разглядеть, как, вырвавшись из плена полемик и пародий, подражаний и арзамасской буффонады, ультраромантический жанр приобретал масштаб нового слова в поэзии и прорывал “веков завистливую даль”. Заключительные слова книги: «...мы узнаем строки “певца Светланы” у Лермонтова и Некрасова, По-

²⁴ Виноцкий Илья. Дом толкователя... С. 258.

²⁵ Там же. С. 260–261.

лонского и Случевского, Блока и Маяковского. (...) Полтора с лишним века пролегли между созданием последней баллады и сегодняшним днем. Теперь кипевшие некогда споры кажутся странными. Баллады утратили ту новизну, что пленяла или раздражала современников, и стали звучать так, будто существовали в “воздухе” русской поэзии всегда²⁶ – звучат как исследовательская конкретизация известной пушкинской “Надписи к портрету Жуковского”. В статьях и эссе конца XX – начала XXI в. эта мысль приобретает методологическое значение и обретает свою плоть в размышлениях Немзера об эпохе Жуковского и соотношении Жуковского и Пушкина в русской культуре как Шиллера и Гете – в немецкой. В замечательной статье “В свете Жуковского” критик задается вопросом: Почему в отличие от Карамзина, Пушкина и Гоголя Жуковский остается без своего “периода”?²⁷ И этот вопрос требует серьезного и обстоятельного ответа. Вступив в русскую литературу, когда из нее по существу ушли бывшие литературные кумиры – Державин, Карамзин, Дмитриев, именно он на протяжении почти 20 лет (от “Сельского кладбища” до “Невыразимого”) формирует новое понимание поэзии, ее новый язык, новое мышление. “Победитель-ученик”, возведенный именно Жуковским на трон русской поэзии, всегда это чувствовал и не скрывал своей благодарности. Хорошо бы понять это и нам...

В сборнике статей “Жуковский и время” (Томск, 2007) была сделана попытка увидеть традицию поэта сквозь призму последующих открытий русской словесной культуры. В статьях “В.А. Жуковский: тема человека” Р.Ю. Данилевского, «“Горная философия” в пространстве русского романтизма (В.А. Жуковский – М.Ю. Лермонтов – Ф.И. Тютчев)» А.С. Янушкевича, А.А. Казакова и Е.Г. Новиковой о поэзии Жуковского в контексте творчества Достоевского, “Поэтическое и мирское восприятие Л.Н. Толстым творчества В.А. Жуковского” Г.В. Краснова, “След В.А. Жуковского в творчестве А.И. Введенского: несколько наблюдений” А.А. Фаустова, “К проблеме пересмотра роли Жуковского в русской литературе первой половины XIX в.” Л.Н. Киселевой и др. темы и образы поэзии Жуковского, особенности его поэтического мышления были включены в большой контекст русской культуры XIX–XX вв. В публикациях «Лекция историка М.М. Богословского 1902 года “В.А. Жуковский как воспитатель Александра II”» С.О. Шмидта, «Диалог М. Мендельсона “Сократовы разговоры о бессмертии души” в переводе В.А. Жуковского» О.Б. Лебедевой, «“Орловский журнал” 1812 года семьи Протасовых и А.П. Елагиной» Э.М. Жиляковой образ эпохи Жуковского предстает в документальных источниках, впервые вводимых в научный оборот.

1990–2000-е годы стали прорывом в исследовании религиозного мышления поэта. Его мучительный путь к вере, размышления о взаимоотношении нравственного самоусовершенствования и религии стал объектом анализа в книгах Ф.З. Кануновой и И.А. Айзиковой “Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е гг.)” (Новосибирск, 2001), священника Димитрия Долгушина “В.А. Жуковский и И.В. Киреевский: Из истории религиозных исканий русского роман-

²⁶ Зорин А., Немзер А., Зубков Н. Свой подвиг свершив... М., 1987. С. 264.

²⁷ Немзер Андрей. Дневник читателя: Русская литература в 2005 г. М., 2006. С. 336.

тизма” (М., 2009), статьях Л.Н. Киселевой о поэме “Странствующий жид”, Ю. Прозорова, И. Рейфман, посвященных переводу Нового Завета²⁸, а также в примечаниях к указанному выше изданию “Нового Завета...” в переводе В.А. Жуковского. Все эти разнообразные материалы и методологические подходы стали фундаментом для более системного и одновременно диалектического подхода к проблеме, хотя иногда стремление исследователей выпрямить эволюцию религиозных взглядов поэта, превратить его в “православного мыслителя” нуждается в существенных коррективах. Глубокий интерес Жуковского к масонской концепции “внутренней церкви”, его более чем сдержанное отношение к православной догматике в период конфликта с Е.А. Протасовой, обвинения его в пиетизме и католических пристрастиях, культ Мадонны, связь поэзии и религии в позднем творчестве, в диалоге с Гоголем – все это необходимо не просто учитывать, но и соотносить с развитием русского общественного сознания 1800–1840-х годов.

Особое место в развитии науки о Жуковском последнего времени занимает проблема “Жуковский и художественная культура его времени”. Постоянный и глубокий интерес поэта к живописи, его контакты с русскими и европейскими художниками, статьи об изобразительном искусстве, замечательная коллекция произведений известных художников, наконец, сотни рисунков, свидетельствующих о его живописном даре – все это получило в статьях Р.В. Иезуитовой, Н.В. Самовер, Л.И. Вуич, Е. Малиновской, Н.А. Марченко, Л.Е. Мисайлиди и других исследователей методологическое значение. “Жуковский-поэт и Жуковский-художник, – пишет Р.В. Иезуитова, – это две ипостаси одной творческой личности: его поэзия одушевляет его рисунки, его рисунки наглядно и предметно воссоздают особенный мир его души. Между ними существует глубокая внутренняя связь”²⁹. “Графика В.А. Жуковского, – замечает Н.В. Самовер, – позволяет прикоснуться к самым истокам его мировоззрения, к тайне гармонии его личности и творчества”³⁰ В статье с характерным заглавием «“Ландшафт судьбы” поэта Жуковского» Л.И. Вуич справедливо констатирует: “Для Жуковского художественная деятельность являлась областью серьезной и самостоятельной”³¹ и затем, обратившись к альбомам поэта, иллюстрациям к собственным произведениям, в частности фронтиспису к VII тому последнего прижизненного Собрания сочинений, убедительно раскрывает их автобиографический и автопсихологический подтекст: “Пейзажи, собранные на фронтисписе, и есть воспоминания. Рисунки перестали быть самоцелью, они превратились в графические символы – это зарубки на сердце,

²⁸ См.: Киселева Л. “Агасфер, или Странствующий Жид” как духовная автобиография // *Varietas et concordia: Essays in Honour of Pekka Pesonen*. Helsinki, 2007. P. 349–361; Из рукописного наследия В.А. Жуковского: переводы фрагментов Священного Писания / публ. и предисл. Ю.М. Прозорова // *Христианство и русская литература*. СПб., 1994. С. 128–157; Рейфман И. Автограф Нового Завета в русском переводе в Публичной библиотеке Нью-Йорка // *Новое литературное обозрение*. 2008. № 89.

²⁹ Иезуитова Р.В. В.А. Жуковский – поэт и художник: Штрихи к портрету // *Рисунки писателей: Сборник научных статей*. СПб., 2000. С. 147.

³⁰ Самовер Наталья. Графика В.А. Жуковского // *Искусствознание: Журнал по истории и теории искусства*. М., 1998. № 1. С. 356.

³¹ Наше наследие: Иллюстрированный историко-культурный журнал. М., 1997. № 41. С. 33.

оставленные жизнью”³². Анализируя акварели Жуковского, Л.Е. Мисайлиди пронизательно разглядела в этой небольшой части его живописного наследия характерные моменты эволюции: “Первоначально это только картина природы, которая постепенно оживает и одушевляется присутствием в ней человека. И, наконец, это сам человек, представленный в портретных композициях”³³. Конечно, на повестке дня стоит вопрос об издании живописного наследия Жуковского. Его немецкие, итальянские, английские, скандинавские рисунки, альбомы материалов путешествия по России с наследником 1837 г. – это не просто “живописный дневник” поэта, это и организационная часть русской художественной культуры первой половины XIX в. Это, наконец, воскрешение утраченного, так как нередко рисунки Жуковского выполняли роль живописных фотографий и фиксировали те реалии пейзажа и достопримечательностей, которые сегодня отсутствуют. Возможно, они могли бы иметь и практическую ценность для реставраторов исторических памятников. В 1982 г. Н.А. Милонов, известный тульский краевед, подготовил альбом “Тульский край в рисунках В.А. Жуковского”, пожалуй, единственное на сегодняшний день специальное издание художественного наследия поэта. Воспроизведение рисунков сопровождается современными фотографиями тех же мест, но какой же поэзией веет от пейзажей Жуковского! В них поистине душа его поэзии.

Вероятно, обзор литературы о Жуковском в пространстве двух юбилеев был бы не полон без разговора о подвижнической деятельности краеведов и архивистов, открывших целые пласты нового материала, связанного с биографией и личностью поэта. Прежде всего это замечательные книги его земляков Н.А. Милонова, В.А. Власова и И.И. Назаренко, повествующие о годах юности Жуковского, его жизни в Приокском крае, о его окружении³⁴, разыскания М.Г. Салупере о дерптском круге знакомств поэта³⁵, архивные свидетельства о родине и предках Жуковского, уточнения фактов его биографии в статьях С.Р. Долговой и А.Ю. Кононовой³⁶, Н.А. Портновой и Н.К. Фомина³⁷, многочисленные работы О.Е. Глаголевой, посвященные прояснению “темных мест” жизни и биографии Жуковского³⁸, статьи Ю. Курочкина об “уральском вояже поэта”³⁹, В. Осокина о Жуковском в Москве и Подмоскowie⁴⁰, Н.Г. Корниенко о пребывании поэта в Воро-

³² Там же. С. 39.

³³ Мисайлиди Л.Е. Акварели В.А. Жуковского в собрании Литературного музея Пушкинского Дома // В.А. Жуковский и русская культура его времени. СПб., 2005. С. 137.

³⁴ См.: Власов В., Назаренко И. “Минувших дней очарованье”: В.А. Жуковский в Приокском крае. 2-е изд., дополн. Тула, 1983; Власов Владимир. Дворянская усадьба Бунино. Орел, 2006.

³⁵ Салупере М.Г. Забытые друзья Жуковского // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 431–455.

³⁶ Долгова С.Р., Кононова А.Ю. Новые материалы о родине и предках поэта: (По документам ЦГАДА) // Там же. С. 342–345.

³⁷ Портнова Н.А., Фомин Н.К. Дело о дворянстве Жуковского // Там же. С. 346–350.

³⁸ См.: Глаголева О.Е. Детство и юность В.А. Жуковского: уточнение фактов биографии поэта: (по архивным материалам) // Жуковский и время. Томск, 2007. С. 217–229; Она же. “Кто ж родные?” Роль семьи Протасовых в жизни и творчестве В.А. Жуковского и Н.М. Карамзина // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2010. Вып. 1. С. 126–148.

³⁹ Курочкин Ю. Уральские находки. Свердловск, 1982. С. 177–270.

⁴⁰ Осокин В. Его стихов пленительная сладость... В.А. Жуковский в Москве и Подмоскowie. М., 1984.

неже⁴¹, Д.И. Белкина о посещении Нижнего Новгорода⁴², Ш.А. Трофимова – Симбирска⁴³. Хотелось бы обратить особое внимание на книгу немецкого краеведа Дитхарда Шлегеля “Поэт В.А. Жуковский, его семья и место погребения в Баден-Бадене”, впервые с документальной точностью воссоздающего последние годы жизни Жуковского⁴⁴. Заслуживает всяческого признания деятельность белевских краеведов, стремящихся возродить традицию специальных чтений, посвященных своему земляку.

Юбилеи 2003 и 2008 гг., посвященные 220-летию и 225-летию Жуковского, прошли достаточно скромно. Россия, увлеченная спорами о демократии, перестройке, многочисленными реформами, стала меньше внимания обращать на свое главное достояние – отечественную культуру. Русская словесность оказалась практически не востребована средней школой. Разумеется, Жуковский с его инвективами в адрес псевдодемократии (“И у нас собралось несколько здешних либералов для предложения правительству реформ, как и всюду. Говорили речи, спорили (однако без всякого разительного беспорядка), наконец положили *чего* требовать и сами испугались, увидя, что к их движению присоединилось движение внешнее, происходившее от толпы всякого сброда, собравшейся из разных мест”) и антинародной политики, основанной на ложных амбициях власти (“Вы тогда-то и будете иметь в глазах лучших людей истинное достоинство, когда в высоком сане, ничем Вами не заслуженном, будете высоки душой, а не поднятым вверх носом”; “Государь должен говорить самому себе: я все могу, но имею право на то только, что основано на законе нравственном и определено законом положительным”) не оказался актуальным, хотя отношение к его наследию не исключение, а общее правило сегодняшнего состояния культуры и образования.

И все-таки четыре издания 2004–2010 гг.: “Пушкинские чтения в Тарту: Материалы международной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева” (Тарту, 2004), “Жуковский и русская культура его времени” (СПб.: Всероссийский музей А.С. Пушкина, 2005), “Жуковский и время” (Томск, 2007), “Жуковский: Исследования и материалы” (Томск, 2010. Вып. 1) – свидетельствовали, что интерес научной общественности к наследию первого русского романтика и наставника русских поэтов и царей не иссяк, а диапазон исследовательских интересов значительно расширился. Разделы “Жуковский и художественная культура его времени”, “Жуковский – педагог и наставник”, материалы о взаимоотношениях Жуковского с Державиным и Херасковым, Карамзиным и Дмитриевым, Мерзляковым, Шаховским и Булгариным, размышления о его поэтической традиции и русско-европейских связях, публикации новых архивных текстов – за всем этим открываются дальнейшие перспективы исследования личности и творческого наследия Жуковского.

⁴¹ Корниенко Н.Г. В.А. Жуковский в Воронеже // Записки воронежских краеведов. Воронеж, 1987. Вып. 3. С. 91–108.

⁴² Белкин Д.И. Поэт В.А. Жуковский в Нижнем Новгороде // Записки краеведов. Нижний Новгород, 1991. С. 166–174.

⁴³ Трофимов Ш.А. В.А. Жуковский в Симбирске // Трофимов Ш.А. Симбирск литературный: Поиски, находки, исследования. Ульяновск, 1999.

⁴⁴ Schlegel Diethard. Der Dichter Vasilij Andreeich Shukovskij: Seine Familie, die Grabstätte in Baden-Baden. Baden-Baden, 2009.

“Здравствуй, племя младое, незнакомое!..”

Наука живет приливом молодых сил, развитием научных школ, и в этом отношении жуковскоеведение 1990-х – 2000-х годов не исключение. В атмосфере общего интереса отечественного и зарубежного литературоведения к личности и творчеству великого русского поэта, к его общественной и педагогической деятельности, к его вкладу в отечественное переводоведение и диалог культур, в контексте издания первого Полного собрания сочинений Жуковского этот процесс издания стал очевиден. В течение этого времени было защищено более 30 докторских и кандидатских диссертаций, посвященных его творчеству и особенностям поэтического мышления. И если докторские стали итогом большого научного пути и претворились в монографии, то кандидатские и сотни статей, апробирующих результаты исследований научной молодежи, стали отражением поиска новых подходов к изучению наследия поэта, разработки новой методологии. Многие из них открывали новые темы и проблемы жуковскоеведения, опирались на неизвестные архивные источники и расширяли само пространство научной рефлексии.

Прежде всего, назовем их в хронологической последовательности:

1. *Костин В.М.* В.А. Жуковский и А.С. Пушкин: Восприятие английской литературы и становление жанра русской романтической поэмы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1984. 20 с.
2. *Разумова Н.Е.* В.А. Жуковский и французские писатели-моралисты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985. 16 с.
3. *Скачкова С.В.* Сказки В.А. Жуковского: Генезис, источники, жанровое своеобразие: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ИРЛИ, 1985. 19 с.
4. *Цоффка В.В.* Литературно-критическая деятельность В.А. Жуковского (1810–1830-е гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1985. 24 с.
5. *Кашкина Л.И.* В.А. Жуковский и риторические традиции русского классицизма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 24 с.
6. *Иванова А.В.* Эстетические взгляды В.А. Жуковского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1986. 25 с.
7. *Власенко Т.Л.* Становление романтического метода и эволюция авторского сознания в лирике В.А. Жуковского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1987. 18 с.
8. *Айзиков И.А.* В.А. Жуковский – переводчик прозы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1988. 20 с.
9. *Барбачаков А.С.* В.А. Жуковский в творческом сознании А.А. Блока: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1992. 21 с.
10. *Виницкий И.Ю.* Русская “меланхолическая школа” конца XVIII – начала XIX века и В.А. Жуковский: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 17 с.
11. *Долгушин Д.В.* В.А. Жуковский и И.В. Киреевский: К проблеме религиозных исканий русского романтизма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000. 20 с.
12. *Макушкина С.Ю.* В.А. Жуковский и Гомер: (Путь к эпосу): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 22 с.
13. *Фрайман Т.* Творческая стратегия и поэтика Жуковского: 1800 – первая половина 1820-х годов. Тарту, 2002. 161 с.
14. *Евсеева Р.А.* Поэтика композиции лирики В.А. Жуковского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2003. 26 с.
15. *Коропова М.А.* Карамзин и Жуковский: История литературных отношений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 23 с.

16. Никонова Н.Е. Стихотворные повести В.А. Жуковского 1830-х гг.: проблемы перевода и мифопоэтики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 21 с.
17. Кузнецова Н.В. Жуковский и Гоголь: Диалог об искусстве в переписке писателей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 21 с.
18. Вяткина И.А. Диглоссия русских маргинальных жанров: (Домашняя поэзия и эпистолярный В.А. Жуковского): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 23 с.
19. Гузаиров Т. Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007. 153 с.
20. Васина В.А. Томас Мур в творческом восприятии В.А. Жуковского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 22 с.
21. Лопатина Е.Е. Поэзия В.А. Жуковского в истории русской пародии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 23 с.
22. Белоногова Е.С. Личность и творчество В.А. Жуковского в рецепции англоязычной культуры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 27 с.
23. Худорожкова О.В. Рецептивная история баллад Ф. Шиллера “Der Taucher”, “Der Handschuh” в русской и немецкой словесности XIX–XXI веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 23 с.
24. Садовников А.Г. Концепция меланхолии в художественной системе сентиментализма и творчестве В.А. Жуковского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2009. 25 с.

Кроме этих работ, в заглавии которых присутствует Жуковский, появились многочисленные кандидатские диссертации, посвященные судьбе отдельных жанров (арзамасской поэмы, послания, сонета, баллады, романса и песни, стихотворной повести), переводам из разных европейских поэтов, где Жуковскому посвящены отдельные параграфы и главы. Одним словом, молодая филология 1983–2009 гг. активно взялась за новое прочтение великого русского поэта.

Авторы работ, появившихся в конце теперь уже прошлого века, сегодня известны. Их докторские диссертации, монографии, многочисленные публикации вошли в научный оборот. И они по-прежнему не расстаются с Жуковским. Замечательные публикации, основанные на архивных материалах, высокопрофессиональные комментарии С.В. Березкиной (Скачковой) к сказкам и повестям в Полном собрании сочинений, новаторские работы о прозе поэта и редактирование прозаических томов И.А. Айзиковой, редактирование тома баллад и многочисленные комментарии в поэтических томах Н.Ж. Ветшевой, автора интересной работы об арзамасской поэме и творчестве Жуковского этого периода, размышления о прозиметрии поэта, содержательные комментарии к его лирике И.А. Поплавской, автора диссертации о жанре послания, серьезные исследования о месте и значении поэзии Жуковского в историко-литературном процессе Т. Фрайман (Степанищевой), широко известные публикации И.Ю. Виницкого – все это выросло из приобщения к жуковсковедению и было пронесено через нелегкие годы нашей филологической науки.

Знакомый не только со всеми этими исследованиями, но и со многими их авторами, могу свидетельствовать, что для них диссертации не были лишь этапом и квалификационной работой. Общение с Жуковским способствовало не только их научному, но и человеческому росту. “При мысли великой, что я человек, всегда возвышаюсь душою...” – эти слова поэта стали их жизненным девизом. И поэтому верится, что у жуковсковедения есть будущее.

О.В. Хлевнюк

НАДЗОРНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО ДЕЛАМ ОБ АНТИСОВЕТСКОЙ АГИТАЦИИ И ПРОПАГАНДЕ. 1937 год¹

Расширение проблематики и совершенствование методов исследований, являющиеся характерной чертой современной историографии советского периода, постоянно ограничиваются недостатком новых источников. Особо остро слабость документальной базы ощущается при изучении таких вопросов, как массовое сознание, повседневные практики взаимодействия человека и государства, социальная поддержка и противодействие политическому режиму. Традиционные источники, которыми пользовались историки в этих случаях – мемуары, немногочисленные дневниковые записи – в последние годы дополнились важными материалами архивного происхождения – письмами, жалобами, заявлениями, информационными сводками органов госбезопасности. Вместе с тем выявление и введение в научный оборот других источников такого рода, прежде всего массовых источников, остается актуальной научной задачей.

Исходя из этого, а также принимая во внимание большое социальное и политическое значение восстановления справедливости по отношению к жертвам сталинских репрессий, в Государственном архиве Российской Федерации проводится систематизация материалов о практике осуждения обвиняемых по известной статье 58¹⁰ Уголовного кодекса РСФСР (антисоветская пропаганда и агитация), дела которых рассматривались в надзорном порядке Прокуратурой СССР. Ниже приводятся некоторые результаты изучения комплекса дел осужденных по этой статье в 1937 г.

Надзорные производства Прокуратуры как исторический источник

Рассматриваемый комплекс документов возник в результате деятельности отдела по надзору за следствием в органах государственной безопасности Прокуратуры СССР². В советской юридической практике надзор за следствием, ведущимся органами госбезопасности, осуществлялся в специальных отделах областных, республиканских или союзной прокуратур. Прокурорский надзор оформлялся в виде надзорного дела (производства), заводившегося в органах прокуратуры параллельно с уголовными дела-

¹ Статья основана на материалах проекта по систематизации надзорных производств Прокуратуры СССР, поддержанного РГНФ (проект № 06-01-00143а). Рабочая группа проекта: В.А. Козлов, С.В. Мироненко, О.В. Хлевнюк (ответственные редакторы); Я.М. Златкис, И.А. Зюзина, О.В. Лавинская (составители).

² ГА РФ. Ф. Р-8131 (Прокуратура СССР). Оп. 31, 36.

ми, которые вели следственные органы, в соответствии с их поднадзорностью. Кроме того, надзорные дела заводились и задним числом по жалобе осужденного, либо его родственников. Для прокурорского надзора не существовало никаких ограничительных сроков давности. Таким образом, в Прокуратуре СССР одновременно велись надзорные производства как по текущим следствиям, так и в связи с пересмотром старых решений. Значительная часть осуждений 1937 г., которые являются предметом рассмотрения в данной статье, пересматривалась в 1950–1960-х годах.

Состав надзорного производства определялся нормами юридической практики. В качестве инициативного документа выступали чаще всего жалобы осужденных или их родственников с просьбой о пересмотре дела. Затем сотрудник Прокуратуры, изучив материалы дела, составлял обзорный итоговый документ – постановление, заключение или справку, в котором излагал обстоятельства дела и свое мнение насчет его опротестования. Если оно было положительным, то копия направленного в суд прокурорского протеста и последующего судебного решения приобщались к делу. Кроме того, в дело помещались другие материалы: копии обвинительного заключения, приговора, некоторых материалов уголовного дела, включая протоколы допросов, жалобы заключенного или его родственников.

Таким образом, надзорные производства являются ценным историческим источником, который имеет определенные достоинства и недостатки, обусловленные особенностями его происхождения. В значительной мере это вторичный источник, состоящий отчасти из копийных документов, отчасти из результатов обработки и обобщения первичных материалов следствия. Поэтому в нем могут отсутствовать некоторые подробности дела. Однако обобщающий характер надзорных производств делает их достаточно компактным *массовым* источником, дающим представление о характере явления. В определенной мере можно считать, что работники Прокуратуры избавили исследователей от усилий по обработке первичных материалов – самих следственных дел. Существенно также, что в отличие от следственных материалов, надзорные дела не содержат сведений, подлежащих рассекречиванию (прежде всего, информации агентурного порядка), и в настоящее время доступны для изучения.

Общее число хранящихся в ГА РФ надзорных производств Прокуратуры СССР по делам о контрреволюционных преступлениях составляет более 100 тыс. ед. хр. Этот богатейший комплекс массовых источников по истории сталинских репрессий и массового оппозиционного сознания в СССР в советское время находился на секретном хранении и был недоступен историкам. С начала 1990-х годов надзорные производства – на открытом хранении, но крайне медленно вводятся в научный оборот. Одной из главных причин очевидного противоречия между информационной ценностью источника и его слабым использованием в исследованиях сталинского и послесталинского периода является то, что существующий научно-справочный аппарат не позволяет историкам уверенно ориентироваться в огромном собрании дел. Описи содержат информацию лишь о фамилиях осужденных лиц (расположенных, к тому же не по алфавиту), а также дате заведения надзорного производства. В ряде случаев эта дата далеко отстоит как от времени совершения “преступления”, так и от времени вынесения приговора. В результате, по существующим описям нельзя судить о

том, когда именно и по какой статье Уголовного кодекса был осужден тот или иной человек.

Сплошной просмотр одним исследователем всей совокупности дел надзорного производства в поисках нужной информации потребовал бы многих лет механического труда. Ясно, что исследователи, до сих пор обращавшиеся к надзорным производствам, ограничивались поиском, изучением и публикацией документов об отдельных ярких личностях (А.Д. Сахаров, И.А. Бродский), оставляя в стороне огромное информационное богатство массовых по своему характеру источников. Немногие работы, подтверждающие плодотворность систематических источниковедческих разысканий в фонде Прокуратуры СССР³, стали возможны только благодаря созданным в ГА РФ каталогам надзорных производств по делам об антисоветской агитации и пропаганде⁴.

По понятным причинам надзорные производства, касающиеся 1937 г., занимают особое место в этом комплексе. База надзорных производств по делам осужденных в 1937 г. по статье 58¹⁰ УК РСФСР (“антисоветская агитация и пропаганда”) и соответствующих ей статей уголовных кодексов союзных республик, охватывает около 10 тыс. дел, или 10% всех надзорных дел. Специально отметим, что реализация проекта существенно увеличивает возможности поиска персональной информации, широко востребованной в современном российском обществе. О степени полноты и репрезентативности информации, содержащейся в делах за 1937 г., позволяют судить такие цифры. Число арестованных органами НКВД за антисоветскую агитацию в 1937 г. составило 234 301 человек⁵. Количество осужденных по этой статье, чьи дела представлены в комплексе надзорных производств, составляет около 25 тыс. человек, т.е. более 10% всех арестованных по этому виду обвинений. Такая репрезентативность источника открывает перед историками новое исследовательское пространство, значительную совокупность неизвестных ранее фактов политической и социальной истории СССР в период “большого террора”. Важно подчеркнуть также, что материалы надзорных производств в некоторой мере восполняют значительный дефицит источников для исследования устойчивых характеристик массовых настроений в СССР в середине 1930-х годов.

При публикации и использовании материалов надзорных производств необходимо учитывать их значительные информационные возможности. В каждом деле, как правило, содержатся важные биографические данные об осужденном: дата осуждения, год рождения, национальность, образование, партийность, сведения о прежних судимостях, профессии и месте жительства до ареста и осуждения. Также приводятся некоторые дополнительные сведения, которые расширяют представления об осужденных или причинах их ареста – членство в ВКП(б) или в иных партиях, социальное происхо-

³ Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг.: Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко. М., 2005.

⁴ 58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991: Аннотированный каталог / под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко. М., 1999.

⁵ История сталинского ГУлага: Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. М., 2004. Т. 1: Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко; отв. сост. И.А. Зюзина. С. 608.

ждение (из дворян, из предпринимателей и т.д.), сведения о раскулачивании, высылке, о службе в Белой армии и участии в антибольшевистских выступлениях и др., факт рождения за границей, наличие за границей родственников и контактов с ними и т.д. Обвинительные заключения, включенные в дела надзорных производств, содержат не только признания арестованных и показания свидетелей, но в ряде случаев цитаты из дневниковых записей, указания на наличие определенной литературы в квартирах арестованных и т.д. Представлены также сведения о дальнейшей судьбе осужденного, об изменении приговора, амнистировании, реабилитации, передаче дела на дознание, снижении срока наказания, прекращении дела с разными формулировками (за недоказанностью преступления и т.п.).

К числу проблемных качеств рассматриваемого документального комплекса можно отнести наличие большого количества групповых дел, осужденные по которым амнистировались или реабилитировались не одновременно. В ряде случаев при вынесении приговоров использовались сразу несколько статей Уголовного кодекса. Иногда дела по надзорному производству содержат сведения о нескольких осужденных, не связанных общим “преступлением”. В таких случаях при публикации и использовании важно вычленять в надзорном производстве его различные составные части. Не всегда в документах надзорных производств в полной мере представлены результаты пересмотра дела. Это объясняется неполнотой самого надзорного дела. Иногда дело состоит из минимального количества документов, в которых отсутствуют биографические данные и даже более или менее внятные сведения о совершенном “антисоветском деянии”. При публикации документов надзорных производств эти пробелы важно специально оговаривать. В ряде случаев отсутствующие в справке на осужденного сведения могут быть восстановлены на основании смежных документов: обвинительных заключений, служебной переписки, в крайнем случае, жалоб самого осужденного.

Цели террора. “Категории риска” в материалах надзорных производств

Материалы Прокуратуры о пересмотре дел осужденных в 1937 г. за “антисоветскую пропаганду и агитацию” позволяют продолжить исследование вопроса о целях “большого террора”, о тех категориях советских граждан, которые в первую очередь попадали под удар репрессий. Они подтверждают тот факт, что репрессии 1937 г. начинались как масштабная чистка против бывших оппозиционеров, а также номенклатурных работников разного уровня, которые либо сами состояли в 1920-е годы в оппозициях, либо были как-то связаны с оппозиционерами. Бывшие члены троцкистской и зиновьевской оппозиции составляли заметную часть осужденных в 1937 г. Формулировки обвинений по таким делам показывают, что органы НКВД располагали обширными картотеками, в которых фиксировались не только данные об активных деятелях оппозиций, но и о тех, кто в той или иной мере сочувствовал им⁶. Арестам подвергались даже те члены

⁶ Подробнее о картотеках НКВД и системе учета “враждебных элементов” см.: Хаустов В.Н. Развитие советских органов государственной безопасности: 1917–1953 гг. // Cahiers du Monde russe. 2001. Vol. 42/2–4. P. 370.

партии, которые в конце 1920-х годов выступали на собраниях в поддержку Троцкого или воздерживались при голосовании за линию “большинства”, невзирая на то, что в последующие годы они отходили от оппозиции и были вполне лояльны Сталину. Повторным арестам и осуждениям подвергались оппозиционеры, находившиеся в ссылке или в лагерях.

Под удар репрессий попадали также номенклатурные работники, имевшие “чистое” прошлое, но ставшие жертвами насильственной “ротации” кадров, которую предпринимало сталинское руководство в 1936–1938 гг. В результате, в рассматриваемой выборке высоким является удельный вес членов партии – чуть менее 10%.

Наряду с бывшими оппозиционерами внутри большевистской партии массовым арестам в годы “большого террора” подвергались бывшие члены других партий, в годы революции и Гражданской войны противостоявших большевикам – меньшевики, эсеры, члены армянской партии “Дашнакцутюн”, азербайджанской “Мусават” и т.д. Как свидетельствуют материалы надзорных производств, чекисты держали их на учете, следили за их высказываниями и деятельностью.

Еще одну “группу риска”, четко выделяемую в рассматриваемом документальном комплексе, составляли бывшие члены партии, выбывшие из нее или исключенные по разным причинам в ходе многочисленных партийных чисток, но, как правило, не состоявшие в оппозициях. Руководство партии было озабочено наличием слишком большого количества таких бывших коммунистов, рассматривая их как базу для недовольства. В записке заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова, направленной Сталину 15 февраля 1937 г., в частности, говорилось: “Особо следует отметить, что в настоящее время в стране насчитывается свыше 1 500 000 бывших членов и кандидатов в члены партии, исключенных и механически выбывших в разное время, начиная с 1922 года. На многих предприятиях сосредоточено значительное количество бывших коммунистов, причем иногда оно превышает численный состав парторганизаций, работающих на этих предприятиях”. Например, на Коломенском паровозостроительном заводе, сообщал Маленков, было 1408 коммунистов и 2000 бывших членов партии; на заводе “Красное Сорново” это соотношение составляло 2200 и 550; на Московском шарикоподшипниковом заводе – 1084 и 452 и т.д.⁷ Сталин использовал эти данные из записки Маленкова в своем выступлении на пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 г. и снабдил их следующим комментарием: “...все это вода на мельницу наших врагов... Все это создает обстановку для того, чтобы умножать резервы для врагов...”⁸. Исходя из такого понимания проблемы, органы НКВД относились к бывшим членам партии с особым подозрением. Многие из осужденных, дела на которых пересматривала Прокуратура, принадлежали именно к этой категории советских граждан.

Особую проблему для руководства страны с середины 1930-х годов составляли бывшие “раскулаченные” крестьяне. Разными путями в течение

⁷ РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 2. Д. 773. Л. 115.

⁸ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. 5 марта. Вечернее заседание // ВИ. 1995. № 11–12. С. 21–22.

нескольких лет они бежали из ссылки. О масштабах этого явления может свидетельствовать служебная статистика ОГПУ–НКВД, согласно которой только за 1932–1936 гг. из ссылки бежали около 600 тыс. человек, а возвращено из бегов около 200 тыс. При этом необходимо учесть, что высокой интенсивности побеги достигали также в первые годы существования спецссылки (1930–1931 гг.), по которым соответствующих данных пока нет. Известно однако, что из более 1,8 млн “кулаков”, сосланных за 1930–1931 гг., к началу 1932 г. в ссылке оставались более 1,3 млн⁹. Дополнительными факторами для размывания “кулацкой ссылки” было истечение сроков ссылки, восстановление ссылных в их гражданских правах в связи с принятием новой конституции, вступление в сознательный возраст детей бывших “кулаков”, формально невиновных, но отбывавших ссылку с родителями. Намного более значительным, чем “беглые” ссылные, был отряд крестьян, которые, не дожидаясь “раскулачивания”, бежали в начале 1930-х годов из деревни или выслались по так называемой “третьей категории” на неудобные земли в пределах своей области.

Следствием чрезвычайно жестокой политики “раскулачивания” и террора в деревне было формирование в стране значительной группы населения, причисляемой к “кулакам”. “Кулацкая угроза” в глазах властей возросла потому, что “кулаки” оседали в новых местах, в том числе на важных промышленных объектах, а также нередко возвращались в родные деревни, заявляя права на конфискованное имущество. По такому обвинению в ноябре 1937 г. был осужден, например, крестьянин из Курской области С.Т. Поветкин, который, как указано в надзорном деле, в июле 1937 г. пытался вернуть ранее принадлежавший ему дом, угрожая при этом советскому активу. Поветкин также “распространял антисоветские слухи о возврате раскулаченного имущества”¹⁰. Такие явления создавали в деревне новый клубок противоречий: между государством и восстановленными в правах “кулаками”, между “кулаками” и новыми деревенскими начальниками, многие из которых отличились в свое время на поприще “ликвидации кулачества”, между “кулаками” и колхозниками, владевшими их собственностью и т.д.¹¹ В 1937 г. было решено разрубить этот “кулацкий узел” при помощи террора. Как видно из материалов надзорных производств, большое количество арестованных в 1937 г. составляли “участники” разного рода “кулацких контрреволюционных организаций”, которые обвинялись в ведении “антиколхозной пропаганды” и “вредительстве в колхозах”. Примером могут служить 98 крестьян Ярковского района Омской области, осужденные 4 ноября 1937 г. к расстрелу как “участники контрреволюционной повстанческой организации”. Их обвиняли в том, что среди колхозников они критиковали руководителей партии и правительства, жаловались на тяжелое материальное состояние, утверждали, что “коллективизация только разорила крестьян, а ничего хорошего не принесла”¹². “Происки кулака”

⁹ Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3 т. М., 2000. Т. 1: 1900–1939 / отв. ред. В.Б. Жиромская. С. 277–279.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 11479.

¹¹ *Фитцпатрик Ш.* Сталинские крестьяне: Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 267–275.

¹² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 10991.

были удобным объяснением полного провала правительственной политики в деревне, а репрессии против “кулаков” – важным методом подавления социального недовольства и пропагандистского манипулирования.

К “кулакам” или их сторонникам причислялись и многие из тех арестованных крестьян, которые выражали недовольство политикой коллективизации или трудными условиями жизни в деревне, говорили о голоде, к которому приводит политика государства по экспроприации колхозного хлеба. Всего в рассматриваемой выборке материалов надзорных производств за 1937 г. более 12% составляли колхозники. Объектом репрессий становились также единоличники, которые отказывались вступать в колхозы, объясняя свой отказ отрицательным отношением к ним.

В связке с “кулаками” в числе обвиняемых в “контрреволюционных преступлениях” нередко выступали члены и руководители церковных общин и сект. Священников всех конфессий в нашей выборке зафиксировано около 600 человек. Как показала проведенная в январе 1937 г. перепись населения СССР, среди населения в возрасте 16 лет и старше верующих насчитывалось около 57% (более 55 млн человек), и это при том, что многие верующие, опасаясь преследований, скрывали свою принадлежность к религии¹³. Учитывая, что борьба с религией всегда рассматривалась как приоритетное направление идеологической работы партии, а атеизм – как неперемное условие лояльности режиму, перепись дала неутешительные итоги. Об опасности, которую представляли для власти религиозные организации, много говорилось на пленуме ЦК ВКП(б) в феврале–марте 1937 г. Как заявил на пленуме руководитель “Союза воинствующих безбожников” Е.М. Ярославский, в СССР насчитывалось около 39 тыс. зарегистрированных религиозных организаций (примерно около 1 млн активистов), которые он охарактеризовал как “организацию для подготовки антисоветских выборов по всей стране”. Помимо них, признал Ярославский, существует большое количество подпольных сект. Ряд председателей колхозов, по его словам, являлись одновременно церковными старостами¹⁴. Сталинское государство рассматривало церковные общины и секты как враждебную антисоветскую силу. Против служителей культов и активистов религиозных организаций чаще всего выдвигались обвинения в антиколхозной агитации. Это объяснялось прежде всего тем фактом, что большинство наиболее активных религиозных организаций действовали в деревне, где они в качестве морального авторитета противостояли официальным органам власти. Трудности колхозной жизни толкали в ряды церковных общин и сект все большее количество активных сторонников.

В числе первых жертв резкого усиления репрессивного курса были бывшие дворяне (их в выборке за 1937 г. зафиксировано 176 человек), офицеры царской и Белой армий, а также участники разного рода антибольшевистских выступлений периода Гражданской войны. НКВД вел специальный учет этой категории населения, считая этих людей, имевших боевой опыт, особенно опасными для режима. Как видно из материалов надзорных

¹³ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом “секретно”: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., 1996. С. 98, 100.

¹⁴ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. 26 февраля. Вечернее заседание // ВИ. 1993. № 5. С. 14–15.

производств, обычно им предъявлялись обвинения в создании военизированных “повстанческих организаций”. Примером может служить группа жителей города Ачинска Красноярского края, осужденных как “участники офицерско-белогвардейского заговора”, “направленного на организацию восстания в тылу Красной Армии на момент войны”¹⁵.

В 1935–1936 гг. сталинские власти неоднократно проводили массовые аресты и депортации в отношении советских национальных меньшинств – поляков и немцев, прежде всего, проживающих вдоль западных границ СССР¹⁶. Поскольку Германия и Польша рассматривались как главные потенциальные противники на западном направлении, немецкое и польское население расценивалось как потенциальная среда для шпионажа и коллаборационизма. Причем под подозрение попадали не только рядовые граждане, но и члены коммунистических партий Германии и Польши в большом количестве эмигрировавшие в СССР. В 1937 г. преследование поляков и немцев приобрело новый импульс, что нашло отражение в материалах надзорных производств.

Среди осужденных по статье о “контрреволюционной агитации” с начала 1937 г. было заметное количество советских граждан, работавших на Китайско-Восточной железной дороге в Маньчжурии и вернувшихся в СССР в 1935 г. после вынужденной продажи дороги, являвшейся советской собственностью, Японии. Прибыв на родину, “харбинцы” (так называли эту категорию переселенцев в народе и в официальных документах) оказались в крайне тяжелом положении. С одной стороны, власти рассматривали их как потенциальных японских шпионов. С другой стороны, жившие в течение долгих лет в условиях относительной материальной обеспеченности и политической свободы, эти люди были поражены той нищетой и несвободой, с которыми они столкнулись в сталинском СССР. При этом нередко они высказывали свое возмущение и разочарование в частных беседах, становившихся известными НКВД¹⁷. Многие из “харбинцев” были осуждены на основании обвинений, схожих с теми, которые были выдвинуты против инженера Центральной станции связи НКПС в Москве, который якобы посещал во время проживания в Харбине “фашистский клуб”, а также сотрудничал с японской разведкой¹⁸.

Заметным среди осужденных, сведения о которых содержатся в рассматриваемом источнике, было количество граждан СССР, в разное время попавших в страну в результате нелегального перехода границы из Польши и Румынии. Помимо людей, искавших в СССР работу, большую часть среди них составляли активисты коммунистических партий и других левых организаций, преследовавшиеся в своих странах по политическим мотивам.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 8897.

¹⁶ Репрессии против поляков и польских граждан / редкол. издат. программы общества “Мемориал”: А.Б. Рогинский (предс.) и др. М., 1997. Вып. 1; Репрессии против российских немцев: Наказанный народ / ред.-сост. И. Щербакова. М., 1999; Політичний терор і тероризм в Україні. XIX–XX ст. Київ, 2002. С. 450–454; *Мартин Т.* Империя “положительной деятельности”: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 447–451.

¹⁷ Подробнее о судьбе “харбинцев” см.: *Сутурин А.* Дело краевого масштаба. Хабаровск, 1991. С. 195–213; *Onegina S.* The Resettlement of Soviet Citizens from Manchuria in 1935–36: A Research Note // *Europe-Asia Studies*. University of Glasgow, 1995. Vol. 47, No 6. P. 1043–1050.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 69401.

В 1937 г. все они попали в категорию “подозрительных”. К этой группе репрессированных вплотную примыкали осужденные, которым вменялось в вину наличие родственников за границей и поддержание переписки с ними.

Под особым подозрением находились граждане, которые в разное время уже подвергались преследованиям со стороны ВЧК–ОГПУ–НКВД, имели судимости или арестовывались. Ранее судимых в представленной выборке насчитывается более 13%.

Еще одной целью террора в 1937 г. были заключенные лагерей. В этом случае, как и прежде, режим преследовал несколько целей. При помощи повторных репрессий (как правило, предусматривавших самые жестокие санкции вплоть до расстрела) уничтожались наиболее активные политические противники режима и поддерживалась стабильность в лагерях. В первую очередь расстрелы в лагерях были направлены против политических заключенных, членов внутрипартийных оппозиций. Эти группы заключенных отличались наибольшей сплоченностью и непримиримостью к режиму. Так, большая группа сторонников Л.Д. Троцкого была осуждена к расстрелу 3 ноября 1937 г. в Дальневосточных лагерях. Они отказывались работать больше 10 часов в день, а также в выходные и праздничные дни, приняли участие в “контрреволюционной” демонстрации 1 мая и отказались работать в этот день, рассказывали другим заключенным, что находятся в оппозиции к руководству партии¹⁹.

В 1937 г. важной причиной внутрилагерных арестов и расстрелов была также кампания, направленная против сотрудников снятого наркома внутренних дел СССР Г.Г. Ягоды. Одно из наиболее крупных таких дел было инициировано в апреле 1937 г. после ареста руководителей Дмитровского лагеря НКВД (строительство канала Москва – Волга). При помощи выбитых у них “признаний” было сфабриковано дело “контрреволюционной террористической организации”, якобы созданной по поручению Ягоды. Фантазии чекистов зашли так далеко, что они инкриминировали руководителям Дмитровского лагеря и Ягоде намерение в “момент переворота” двинуть на Москву не менее 35 тыс. уголовников, строивших канал²⁰. По делу Дмитровского лагеря наряду с чекистами были арестованы сотни заключенных и вольнонаемных сотрудников²¹.

Достаточно активно проводилась также чистка среди ссыльнопоселенцев. Существенное воздействие на настроения в ссылке в этот период оказало принятие в декабре 1936 г. новой Конституции СССР, формально провозглашавшей автоматическое восстановление в избирательных правах всех категорий населения, лишенных в свое время этих прав, и прежде всего бывших “кулаков”. Таким образом, действующее запрещение спецпереселенцам, независимо от восстановления в правах, выезжать из мест поселения вступало в противоречие с нормами Конституции. Однако власти не собирались (и в этом, и в других случаях) приводить законы в соответствие

¹⁹ Там же. Д. 41165.

²⁰ Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2004. С. 194–200.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 26975.

с новой Конституцией, которая по своей сути и замыслу имела исключительно пропагандистский характер. Это вызывало недовольство среди спецпоселенцев, что давало дополнительные основания для проведения репрессий. Даже отправив “кулаков” в отдаленные районы, режим продолжал рассматривать их в качестве потенциальной базы для антисоветских выступлений. Многие из них были осуждены в 1937 г. на основании обвинений, схожих с теми, которые 4 ноября были выдвинуты против большой группы спецпереселенцев из Омской области. Их осудили как “участников кулацкой контрреволюционной группы”, которые намеревались в случае войны “поднять вооруженное восстание против советской власти”²².

Еще одной “опасной” для государства категорией населения считались члены семей “врагов народа”. Для их изоляции проводилась специальная операция в соответствии с приказом НКВД СССР № 00486 от 15 августа 1937 г. Аресту и заключению в лагерь на срок от 5 до 8 лет подлежали жены “изменников родины”, а “социально опасные и способные к совершению антисоветских действий” дети старше 15 лет подлежали заключению “в лагеря, исправительно-трудовые колонии НКВД или в дома особого режима Наркомпросов республик”. Приказ предусматривал также передачу осиротевших детей “врагов народа” в детские дома или родственникам²³. Дела осужденных этой категории встречаются среди материалов надзорных производств. Этим людям осуждали на основании примерно таких обвинений: “Будучи женой активного троцкиста, была осведомлена о контрреволюционной деятельности мужа и скрыла это от органов власти” (Л.И. Шейнина, член ВКП(б), г. Киев)²⁴.

Для физической ликвидации или изоляции перечисленных категорий населения в 1937–1938 гг. проводились специальные репрессивные акции, которые составляли суть “большого террора”. Большое количество новых архивных документов, подтвердив общую оценку этого периода, позволили подробно исследовать ранее скрытые проблемы, а именно механизмы массовых репрессий. Документы показали, что “большой террор” представлял собой серию централизованных карательных операций против отдельных категорий населения, которые сталинский режим считал враждебными или потенциально опасными в случае войны²⁵. Хронологически эти операции охватывали период с августа 1937 по ноябрь 1938 г.

Самой массовой была акция, проводимая на основе приказа НКВД СССР № 00447 “Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов” от 30 июля 1937 г.²⁶ Приказ предписывал начать операцию с 5–15 августа 1937 г. (в зависимости от региона) и завершить ее в четыре месяца. Прежде всего в приказе определялись “кон-

²² Там же. Д. 11012.

²³ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / ответ. за выпуск и сост. Е.А. Зайцев. М., 1993. С. 86–93.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 1894.

²⁵ Новейшая историография “большого террора” огромна. Среди последних обобщающих работ см.: Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии: 1936–1938 гг. М., 2009; Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг.: Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009.

²⁶ История сталинского ГУЛАГа: Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 1. С. 268–275.

тингенты, подлежащие репрессии”. Фактически речь шла о тех категориях населения, которые уже перечислены в этой статье как “группы риска” и подвергались репрессиям в предыдущий период: “кулаки”, отбывшие срок ссылки, или бежавшие из нее; бывшие члены партий, боровшихся с большевиками, (эсеры, грузинские меньшевики, мусаватисты, дашнаки и т.д.); бывшие белогвардейцы; уцелевшие царские чиновники; “террористы” и “шпионы”, дела против которых ОГПУ–НКВД фабриковало в предыдущие годы; политические заключенные, содержащиеся в лагерях, и т.д. На одном из последних мест в этом списке шли уголовники.

Все репрессируемые, согласно приказу, разбивались на две категории: первая – подлежащие немедленному аресту и расстрелу, вторая – заключению в лагерь или в тюрьму на срок от 8 до 10 лет. Каждой области, краю и республике в приказе доводились лимиты на репрессии по каждой из двух категорий. Всего было предписано арестовать около 270 тыс. человек, из них около 73 тыс. расстрелять (в том числе 10 тыс. заключенных в лагерях). Приказ давал местным руководителям право запрашивать у Москвы дополнительные лимиты. Кроме того, заключению в лагеря или высылке могли подвергаться семьи репрессируемых. Для решения судьбы арестованных в республиках, краях и областях создавались тройки. Как правило, в их число входили нарком или начальник управления НКВД, секретарь соответствующей партийной организации и прокурор республики, области или края. Тройки получили чрезвычайные права: бесконтрольно выносили приговоры и отдавали приказ о приведении их в исполнение, включая расстрел.

Вскоре после начала операции по уничтожению “антисоветских элементов”, 11 августа 1937 г. был подписан приказ НКВД СССР № 00485 “Об операции по репрессированию членов Польской военной организации (ПОВ) в СССР”²⁷. По времени утверждения “польская операция” была второй (после упомянутой “немецкой”) среди более десятка операций против так называемых “контрреволюционных национальных контингентов”. Материалы надзорных производств Прокуратуры особенно часто фиксируют дела “польской операции”. В значительной степени по ним осуждались жители западных районов СССР, которые непосредственно граничили с Польшей. Некоторые из них были перебежчиками из Польши. Убегая в поисках лучшей жизни в СССР, они очень скоро обнаруживали, что рекламируемые советской пропагандой преимущества социализма – не более чем пустые слова. Сравнение материальных условий жизни в Польше и в СССР было далеко не в пользу последнего. Это обстоятельство нередко было темой для разговоров, в которых с ностальгией вспоминались годы, проведенные в Польше. Во многих случаях такие разговоры использовались НКВД в качестве обвинений. Значительное количество осужденных проходили по делам так называемой “Польской организации войсковой” (ПОВ), структуры, которая действительно была создана в Польше в годы Первой мировой войны и существовала на Украине в период советско-польской войны 1919–1920 гг., однако в последующий период являлась не более чем

²⁷ История сталинского Гулага. Т. 1. С. 275–277. Подробнее см.: *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* “Польская операция” НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. С. 22–43.

плодом фабрикаций ОГПУ-НКВД²⁸. Важно отметить, что в состав польских “контрреволюционных организаций” нередко включались граждане других национальностей.

Помимо поляков и немцев, жертвами карательных операций были русыны, латыши, литовцы, эстонцы, финны, греки, афганцы, иранцы, китайцы, болгары, македонцы. Все эти категории населения рассматривались сталинским руководством как потенциально опасные в условиях нарастания военной угрозы в силу возможных контактов с иностранными разведками и сочувствия возможным агрессорам. По методам проведения и целям вплотную к “национальным операциям” примыкала также операция против “харбинцев”²⁹. Как отмечалось ранее, они оценивались как потенциальные японские шпионы.

“Кулацкая операция” по приказу № 00447 и “национальные операции” составляли ядро “большого террора”. Однако одновременно с ними по приказам из Москвы проводились другие репрессивные кампании. Так, 2 октября 1937 г. на места было разослано постановление Политбюро, в котором от руководителей регионов требовалось “организовать незамедлительно показательные суды над вредителями по животноводству, имея в виду как изблеченных ветеринаров, зоотехников, лаборантов биофабрик, так и работников местных земельных и совхозных органов”. По каждой республике, краю и области Москва требовала провести от трех до шести показательных процессов по таким делам³⁰. В материалах надзорных производств представлена информация, показывающая, как осуществлялось это решение. Так, группа ветеринарных работников из Винницкой области была осуждена в качестве “участников вредительской организации”, занимавшихся “отравлением колхозного скота”, составивших фиктивные акты о плохом составе корма. Хотя в деле есть сведения и о том, что “заболевание скота вызвано грибок на кормах, образовавшимся из-за сырости”, т.е. имело вполне естественные и обычные для колхозов причины³¹.

Все эти операции, составлявшие в совокупности суть того, что позже будет названо “большим террором”, с разной степенью интенсивности проводились до ноября 1938 г. В 1937–1938 гг. органами НКВД (без милиции) были арестованы около 1,6 млн человек. Из них более 1,3 млн осуждены, в том числе более половины (примерно 682 тыс.) приговорены к расстрелу. В 1937 г., надзорные производства Прокуратуры по которому рассматриваются в этой статье, были арестованы около 937 тыс. человек, из которых осуждены примерно 797 тыс., в том числе к расстрелу 353 тыс.³²

²⁸ Подробнее см.: *Хаустов В.Н.* Из предыстории массовых репрессий против поляков: Середина 1930-х гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. С. 11.

²⁹ Приказ НКВД СССР № 00593 “Об операции по репрессированию бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги и реэмигрантов Маньчжоу-Го” см.: История сталинского Гулага. Т. 1. С. 281–283.

³⁰ РГАНИ. Ф. 89 (Документы, рассекреченные специальной комиссией по архивам при Президенте РФ в 1992–1994 гг. Коллекция копий). Оп. 48. Д. 20. Л. 1–2.

³¹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 72242.

³² История сталинского Гулага. Т. 1. С. 609. Эти цифры из ведомственных отчетов НКВД неоднократно публиковались и признаются историками адекватно отражающими масштабы “большого террора” 1937–1938 гг.

Массовые настроения в 1930-е годы: Проблемы интерпретации документов карательных органов

Характер упомянутых выше массовых операций и общие данные о численности и составе арестованных показывают, что, хотя жертвами репрессий являлись прежде всего отмеченные выше категории “врагов” и “подозрительных”, состоявшие на учете в НКВД, механизмы террора были настроены таким образом, что он захватывал широкие слои населения, формально не входившие в “группы риска”. Материалы надзорных производств в полной мере подтверждают эту тенденцию. Среди осужденных по обвинению в “антисоветской агитации”, чьи дела в надзорном порядке рассматривала Прокуратура, было немало “среднестатистических” советских граждан, которые до ареста не вступали в конфликт с властью и не были вовлечены в политическую деятельность. Это обстоятельство позволяет рассматривать материалы надзорных производств как важный источник, характеризующий массовые настроения в советском обществе в середине 1930-х годов.

Как и другие исторические источники (особенно документы советского периода и, прежде всего, составленные в карательных ведомствах), надзорные дела Прокуратуры представляют собой своеобразную амальгаму правды и фальсификации, а поэтому требуют критического анализа. Обвинительные заключения по статье 58¹⁰ “антисоветская пропаганда” содержат как вымышленную информацию о причастности того или иного осужденного к “подпольным организациям”, “терроризму”, “вредительству”, так и реальные биографические данные (членство в различных партиях, участие в оппозициях и т.д.). В них включались также некоторые “антисоветские высказывания” осужденного, известные органам НКВД либо через агентов, либо благодаря показаниям свидетелей.

При передаче сути обвинений важно учитывать, что формулировки приговоров и обвинительных заключений во многих случаях отражали не столько реальные события и высказывания, сколько их интерпретацию следователями и свидетелями. В связи с этим историки, работавшие со следственными делами 1937 г., призывают к осторожности и отмечают высокую степень риска фальсификаций³³. Как представляется, материалы надзорных производств имеют в этом отношении определенные преимущества. В отличие от следственных дел, они содержат комплекс документов, отражавших не только процесс следствия и подготовки обвинительного заключения, но и всю цепочку дальнейших событий до пересмотра приговора или отказа в пересмотре. Соответственно, под одной обложкой собирались разные по сути и происхождению документы: версия следствия, версия осужденного, высказанная в жалобах и заявлениях, версия прокурора, осуществлявшего надзор и готовившего заключения по пересмотру дела, передпросы свидетелей и т.д. Очевидно, что сопоставление таких материалов позволяет сделать более обоснованные выводы о достоверности обвинений, в частности, о достоверности высказываний, служивших основанием

³³ См.: *Kurotsuya H.* The Voices of the Dead: Stalin's Great Terror in the 1930s. New Haven; London, 2007. Книга основана на материалах следственных дел из архивов спецслужб Украины.

для обвинения. Кроме того, комплекс надзорных производств может быть сопоставлен с другими источниками, фиксировавшими массовые настроения: письмами, дневниками, информационными сводками НКВД, делами исключенных из партии и т.д., которые в последние годы активно публикуются и используются в исследованиях по социальной истории³⁴.

При публикации материалов надзорных производств, помимо фальсификаций следствия, необходимо учитывать и такой фактор, как сравнительно низкий уровень образования значительной части осужденных. При крайней малочисленности осужденных с высшим образованием основную массу составляли те, кто получил только школьное (в большинстве – начальное школьное) образование. В совокупности с информационной скудностью официальной пропаганды этот фактор способствовал распространению примитивных слухов и неадекватных представлений о действительности.

Документы надзорного производства прежде всего являются важным источником для изучения проблемы взаимоотношений государства и общества в период массовых репрессий. По этому поводу в исторической литературе уже давно ведутся споры. Коротко говоря, суть дискуссии заключается в ответе на вопрос, в какой мере современники событий осознавали реальности террора и поддерживали действия сталинского государства. По мнению одних историков, представления о “растущем или даже всеобщем страхе среди советского населения” во второй половине 1930-х годов являются неверными. Террор и страх перед ним затронули преимущественно советскую элиту. “Обычно только те, кто сам подвергался аресту, начинали понимать, что преследование невинных было широко распространено. Люди, остававшиеся на свободе, часто считали, что какие-то реальные обстоятельства действительно определяли судьбу арестованных. Чувство, что каждый может быть следующим, опирающееся на теоретическое понимание сути террора, появлялось редко”³⁵.

Оппоненты такого подхода выдвигают убедительные аргументы. Во-первых, они отмечают, что историки никогда не выдвигали “теорию всеобщего страха”, понимая, что жизнь, с ее радостями и проблемами, продолжалась и в годы “ежовщины”. Во-вторых, они отмечают, что выводы о “неведении” и общественной поддержке террора основаны преимущественно на мемуарных свидетельствах молодых людей из интеллигентных кругов, которые были особенно подвержены воздействию официальных доктрин и скорее “выиграли” от репрессий, чем были их жертвами. Между тем большинство населения и жертв репрессий составляли рядовые граждане, настроения которых вообще плохо зафиксированы³⁶.

³⁴ См., например: Общество и власть: 1930-е годы: Повествование в документах / отв. ред. А.К. Соколов; сост. С.В. Журавлев и др. М., 1998; Письма во власть: 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / сост. А.Я. Лившин и др. М., 2002; *Hellbeck J. Revolution on my Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge, Mass, 2006.

³⁵ *Thurston R.W. Fear and Belief in the USSR's “Great Terror”: Response to Arrest, 1935–1939 // Slavic Review. Summer 1986. Vol. 45, N 2. P. 213, 214, 230; Idem. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. Yale University Press, 1996.* Из последних исследований этого направления см.: *Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина: Социальная динамика репрессий*. М., 2010.

³⁶ *Conquest R. What is Terror? // Slavic Review. Vol. 45, N 2. Summer 1986. P. 235–237.*

Рассматриваемый комплекс документов в определенной мере позволяет заполнить этот отмеченный историками источниковый пробел. Они, в частности, содержат обширную информацию о реакции различных слоев населения на показательные московские процессы над лидерами бывших оппозиций и на официальные сообщения об аресте и расстреле в мае–июне 1937 г. М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича и других советских военачальников. Вокруг этих акций власти выстраивали масштабную пропагандистскую кампанию, в которую в той или иной мере был вовлечен практически каждый советский гражданин. Многие тысячи митингов и собраний “единогласно” принимали резолюции в поддержку расстрелов “врагов народа”. Однако ряд известных источников опровергал реальность этого “единодушия”, показывал, что заметная часть населения страны относилась скептически, если не осуждающе, к судебным расправам с бывшими оппозиционерами и руководителями армии. Сохранившиеся в делах надзорного производства Прокуратуры документы обвинения показывают, что многие из осужденных относились с недоверием или даже открыто критиковали судебные расправы над бывшими оппозиционерами и руководителями армии. Судя по этим документам, распространенными были сочувственное отношение к осужденным “врагам народа”, разговоры о больших заслугах осужденных перед страной и революцией, неверие в правдивость предъявленных им обвинений и т.д.

Дела надзорного производства позволяют сделать также некоторые предположения по поводу причин такой реакции части населения на пропагандистскую кампанию вокруг “больших” московских процессов. В общественном сознании эти деятели, а точнее их идеализированный образ, нередко противопоставлялись действующим властям во главе со Сталиным. Недовольные сталинскими порядками, многие граждане страны предпочитали думать, что уничтожаемые оппозиционеры заплатились за то, что пытались проводить политику, более соответствующую интересам народных масс. Например, осужденный 1 ноября 1937 г. бухгалтер из Алтайского края И.И. Шадрин утверждал, что “Троцкий – человек заслуженный и был бы он в аппарате правительства, то [...] колхозов бы не было”³⁷. Коновозчик из Новосибирской области А.П. Попов был уверен, что “Тухачевский пострадал за правду”³⁸, а группа осужденных из города Каменска Челябинской области высказывала такие мысли: “Советская власть уничтожает лучших людей, таких как Зиновьев, Каменев, Пятаков, они хотели не на словах, а на деле дать хорошую жизнь людям”³⁹. Многие крестьяне, как свидетельствуют документы, верили, что расстрелянные видные деятели партии и военные были противниками колхозов и вели дело к их ликвидации: “Дураки колхозники, что приветствуют приговор, ведь и Тухачевский и другие расстрелянные были за то, чтобы распустить колхозы, землю нам вернуть” (осужденная группа крестьян из Горьковской области)⁴⁰. Таким образом, сочувствие осужденным фактически представляло собой форму критики сталинского режима.

³⁷ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 3414а.

³⁸ Там же. Д. 62191.

³⁹ Там же. Д. 5865.

⁴⁰ Там же. Д. 7419.

Значительная часть революционно настроенных критиков режима Сталина воспринимала расстрелы заслуженных деятелей партии как предательство идеалов революции: “Не понимаю, почему Троцкого обвиняют. Я знаю его как хорошего человека, видел его на фронте, у него много достижений в работе... Во время гражданской войны красные потерпели поражение, а появился Троцкий, воодушевил бойцов и мы победили... Он очень умный, дураку партийный билет не дадут” (А.И. Горшков, рабочий из Ленинграда)⁴¹. Кроме того, многочисленные высказывания по поводу состояния демократии в СССР и массовых репрессиях позволяют говорить о том, что немалая часть населения отвергала государственный террор в принципе, требовала реального выполнения тех свобод (слова, собраний, вероисповеданий), которые были провозглашены в новой Конституции 1936 г.

Поддержка расстрелянных “врагов народа” и осуждение сталинского правительства было не единственным проявлением общественных настроений, построенных по принципу противопоставления. Заметным мотивом массового сознания выступало противопоставление дореволюционной и послереволюционной действительности. Многие думали так, как крестьянин из села Оборцы Орловской области Д.К. Черных, который говорил односельчанам: “Раньше при царизме хлеба было много, также мяса и др[угих] продуктов, а при советской власти все крестьянство столько пережило голода, что даже тяжело вспоминать”⁴². В деревне были широко распространены воспоминания, противопоставлявшие единоличную доколхозную и колхозную жизнь: “Единолично жить было лучше, каждый старался для себя, каждый старался землю удобрять, чтобы получить лучше урожай, а теперь пашут тракторами, всю землю в поле смешают, а толку от этого нет, плугом обработаешь лучше...” (колхозники деревни Пластины Татауровского района Кировской области С.И. Пластинин и В.Т. Мальцев)⁴³. Еще одна линия противопоставления касалась сравнения СССР и приграничных стран, прежде всего Польши и Румынии. Заметное число осужденных в ноябре 1937 г. были обвинены в том, что открыто завлечены (как это сделал, например, слесарь из Запорожья Н.Р. Ганин), что “в Польше народ живет лучше”⁴⁴. По понятным причинам эти высказывания чаще фиксировались в Украине и Белоруссии.

Значительная часть обвинений, зафиксированных в делах надзорных производств, касалась высказываний о международной ситуации и перспективах близкой войны. Военная угроза была самой важной проблемой, затрагивающей жизненные интересы каждого. Обострение обстановки в Европе в связи с войной в Испании и на Дальнем Востоке в связи с китайско-японской войной воспринимались как приближение большой войны, в которую будет вовлечен и СССР. В обвинительных заключениях, сохранившихся в надзорных производствах, чрезвычайно часто фигурируют пораженческие мотивы, надежды на то, что скорая война принесет освобождение от сталинского режима и отстранение коммунистов от власти.

⁴¹ Там же. Д. 45086.

⁴² Там же. Д. 4509.

⁴³ Там же. Д. 84577.

⁴⁴ Там же. Д. 72190.

Конечно, в определенной степени такие обвинения отражали представления сотрудников НКВД об образе мыслей “врагов народа”. В этом смысле факт широкого использования обвинений в пораженческих настроениях является важным свидетельством об установках, которыми руководствовались в 1937 г. сотрудники НКВД, и, соответственно, о мотивах политики “большого террора”. Вместе с тем было бы неправильно считать массовое упоминание пораженческих настроений исключительно отражением идей, циркулировавших внутри НКВД. Существовали важные факторы, которые способствовали реальному распространению ожиданий скорого военного поражения сталинского режима.

Очевидно, что причиной “антисоветских” и “пораженческих” настроений были тяжелые условия существования большей части населения страны. Чрезвычайно низким был уровень жизни крестьян, а произвол властей по отношению к ним столь же чрезвычайно высок. Растущее население городов страдало не только от перебоев в снабжении, но от жилищного кризиса и тяжелых условий труда. В настоящее бедствие превратились массовый травматизм и многочисленные аварии, нередко связанные с гибелью людей. Ситуацию в первой половине 1937 г. еще более осложняли последствия плохого урожая 1936 г. и вызванные этим перебои в снабжении, огромные очереди за хлебом в городах и голод в ряде сельских районов. Как показывают рассматриваемые материалы, особенно резкой критике и осуждению в этих условиях подвергались несколько основных направлений правительственной политики.

Прежде всего, как в деревне, так и в городе были широко распространены антиколхозные настроения. Колхозы в массовом сознании рассматривались как источник жесткой эксплуатации крестьянства и фактор общего снижения уровня жизни. Распространение таких настроений неудивительно, если вспомнить хотя бы тот факт, что поколение 1937 г. еще хорошо помнило относительное потребительское изобилие середины 1920-х годов. Надежды на скорый, вынужденный со стороны властей, роспуск колхозов связывались с фактором военной угрозы. Как показывают исследования последних лет, такие настроения существовали как в годы войны, так и в первый послевоенный период⁴⁵.

Важно, однако, подчеркнуть, что в массовом сознании (судя по публикуемым материалам) преобладали утопические надежды на возможность поражения сталинского режима и одновременно на “милость победителей” по отношению к рядовым жителям страны. Будущие противники в войне (нередко даже германские фашисты) в ряде случаев рассматривались как “освободители”, целью которых является очищение СССР от большевиков и возвращение дореволюционных порядков. Такие настроения, с одной стороны, свидетельствовали о слабой информированности и невежестве, а с другой – могут рассматриваться как проявления крайнего социального отчаяния.

Своеобразным символом жестокой мобилизационной социальной политики сталинского режима в глазах населения были многочисленные государственные займы, фактически принудительные отчисления из заработ-

⁴⁵ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 61–69.

ной платы рабочих и служащих и доходов колхозников. Как показывают расчеты экономистов, на протяжении второй пятилетки размеры займов в абсолютных размерах неуклонно росли и составляли примерно постоянную и высокую долю отчислений из скудных доходов населения. Так, в 1933 г. расходы на займы составляли 3,4 млрд руб. (4,9% расходов), а в 1937 г. – 5,9 млрд руб. (около 4% расходов)⁴⁶. Принудительные отчисления вызывали, как свидетельствуют многие источники, в том числе и рассматриваемые материалы Прокуратуры, сильное раздражение у населения. Причиной этого был общий крайне низкий уровень жизни и очевидная дифференциация доходов основной массы народа и привилегированных слоев. В силу этого в высказываниях по поводу займов нередкими были мотивы о том, что полученные средства направлялись в карман партийно-государственной бюрократии.

Во многом схожими были мотивы недовольства стахановским движением, кампанией по повышению производительности труда при помощи создания особых условий работы для отдельных отобранных “маяков”. Начавшись в сентябре 1935 г. с рекорда донецкого шахтера А.Г. Стаханова, оно было активно поддержано высшим руководством страны и быстро распространялось. С самого начала движение порождало многочисленные противоречия, столкновения между стахановцами и обычными рабочими, недовольными повышением норм выработки и особыми условиями, которые создавались для стахановцев. Со временем выявились многочисленные перекосы в организации производства, вызванные стахановской кампанией: рост некомплектной продукции и разрывы между отдельными производственными циклами, высокая аварийность и т.д. Все эти мотивы критики стахановского движения присутствуют в публикуемых формулах обвинительных заключений, что является дополнительным свидетельством о распространенности подобных настроений.

Содержание дел надзорных производств, конечно, не ограничивается перечисленными выше сюжетами и проблемами. Исследование этих материалов как массового источника, их сопоставление с другими комплексами документов, несомненно, выявит новые направления для изучения карательной политики и социальных настроений в сталинском СССР.

⁴⁶ *Zaleski E.* Stalinist Planning for the Economic Growth, 1933–1937. Chapel Hill, 1980. P. 226–227.

А.С. Усачев

**КНИГА “ВЛАДЫКИ ОФОНАСИЯ”:
О ВЛАДЕЛЬЦЕ СБОРНИКА СОЧИНЕНИЙ
ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА
РНБ . СОФ. № 1188***

В Софийском собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки под № 1188 хранится сборник сочинений Дионисия Ареопажита XVI в. (данный сборник сочинений Дионисия представляет славяно-русский перевод Исайи, опубликованный в Великих Минеях Четвхх под 3 октября¹). Рукопись уже неоднократно привлекала внимание исследователей. Так, В.В. Иткин установил, что этот сборник относится к сборникам сочинений Дионисия 1-й группы². В числе других рукописей Софийского собрания рукопись № 1188 была описана Н.Н. Розовым. Исследователь осторожно выдвинул очень интересное предположение о владельце сборника. Согласно Н.Н. Розову, им был московский митрополит Афанасий (1564–1566) (в миру – Андрей). Свое предположение историк основывал на тексте скорописной записи XVI в. на л. I рукописи: “Книга Деонисий Арепажит владыки Офанасия”³. Если предположение Н.Н. Розова верно, то появятся основания говорить о принадлежности, по крайней мере, одной рукописной книги, непосредственно митрополиту Афанасию. Необходимо отметить, что рукописные книги с его владельческими записями на настоящий момент не выявлены. Известна лишь одна рукопись, которая в течение некоторого времени могла находиться у Афанасия (еще до его пострижения – в его бытность протопопом московского Благовещенского собора Андреем). Так, как указал Б.М. Клосс⁴, согласно тексту записи на волоколамской рукописи (Апостол 1511/12 г.), ее брал на “список” Андрей-Афанасий (по-видимому, Апостол был возвращен в Волоколамский монастырь, в собрании которого хранится и поныне)⁵. Прочие рукописи этого книжника

* Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых (проект № МД-209.2012.6).

¹ ВМЧ. Октябрь. Дни 1–3. СПб., 1872. Стб. 263–785. Обобщенную сжатую характеристику корпуса сочинений, приписываемых Дионисию Ареопажиту, см.: [Дионисий (Шленов), иером.] “Ареопажитики” // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 195–201.

² Иткин В.В. О некоторых особенностях структуры древнейшего славянского списка корпуса сочинений Дионисия Ареопажита: (К вопросу о формировании структуры памятника) // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 55, примеч. 10.

³ См.: Ф. 728. Библиотека новгородского Софийского собора: Опись. Л., 1984. Машинопись. С. 708. Ч. 4.

⁴ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 263, примеч. 133.

⁵ См.: ОР РГБ. Ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря). № 426, запись на л. 1. Историк XIX–XX вв. не обратил внимание на эту рукописную книгу в связи с рассмотрением биографии Андрея-Афанасия, очевидно, в силу того, что в печатном описании

неизвестны, как неизвестны и его автографы⁶. Это тем более удивительно, что, согласно утвердившейся в историографии точке зрения, он принял самое активное участие в работе над текстом Степенной книги⁷, вобравшей в себя огромное число памятников древнерусской оригинальной и переводной литературы⁸.

Еще в начале XX в. в литературе был высказан и иной взгляд на владельца (вкладчика) сборника № 1188. Н.К. Никольский, специально комментируя текст записи о “владыке Офанасии”, на основании ознакомления с вкладной книгой Кириллова монастыря высказал предположение о том, что рассматриваемая рукопись была вложена в эту обитель ее бывшим игуменом Афанасием⁹. Это дает определенные основания усматривать во “владыке Офанасии” этого игумена.

О каком же Афанасии идет речь во владельческой записи рукописи: о митрополите московском и всея Руси или о его тезке-современнике – кирилловском игумене?

Перед тем как непосредственно подойти к ответу на этот вопрос, необходимо уточнить датировку рукописи. Согласно данным водяных знаков бумаги (знак “кабан” двух видов, подробнее см. в помещенном в приложении описании рукописи), сборник может быть датирован 50-ми годами XVI в. Однако есть основания сузить эту датировку. Н.Н. Розов в своем

собрания Волоколамского монастыря была допущена ошибка: вместо имени “Андрей” составитель описания пометил в описании рукописи “Онуфрей” (см.: *Иосиф, иером.* Опись рукописей, принесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882. С. 50).

⁶ Исключение составляют две подписи митрополита Афанасия на крестоцеловальных записях боярина И.П. Яковлева (1565 г.) и князя М.И. Воротынского (1566 г.) (см.: РГАДА. Ф. 135. Отд. III. Руб. II. Ед. № 30; № 35. Изображение первой записи опубликовано, см.: *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. М., 1996. Кн. 4, ч. 1. С. 162). Обе записи, содержание которых одинаково (“Б[о]жиею м[и]л[ос]тию, смиренный Афанасий, митрополит всея Руси”), вне всякого сомнения, выполнены одним почерком. Согласно одной точке зрения редакторская правка на полях древнейшего списка Степенной – Волковской (см.: РГАДА. Ф. 181. № 185) – принадлежала Андрею-Афанасию (см.: *Сиренов А.В.* Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 160–164), согласно другой, – правка выполнялась по поручению этого книжника одним из его помощников (см.: *Усачев А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 439–442).

⁷ Подробнее об авторстве этого памятника см.: *Усачев А.С.* Степенная книга... С. 362–465 (там же представлен разбор основных точек зрения по данному вопросу).

⁸ Подробнее об источниках Степенной см.: *Кусков В.В.* Степенная книга как литературный памятник XVI века: Дис. ... канд. филолог. наук. М., 1951; *Barnette W.* Stepennaja kniga: Sources, Their Adaptation and Development: Ph.D. diss. Nashville, 1979 (автор настоящей работы выражает признательность Г. Ленхофф за предоставление копии этой труднодоступной для российского исследователя диссертации); *Lenhoff G.* The Tale of Tamerlane in the Royal Book of Degrees // The place of Russia in Eurasia. Budapest, 2001. P. 122–129; *Idem.* How the Bones of Plato and Two Kievan Princes were baptised: Notes on the Political Theology of the “Stepennaja kniga” // Die Welt der Slaven. 2001. XLVI. S. 313–330; *Околович Н.Ф.* Жития святых, помещенные в Степенной книге / вступ. ст., публ., коммент. А.С. Усачева. М.; СПб., 2007; *Усачев А.С.* Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 210–340; *Он же.* Степенная книга... С. 198–361.

⁹ См.: *Никольский Н.К.* Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI–XVII вв.): материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей. [СПб., 1904]. Вып. 1: А–Б. С. 91; ОР РНБ. КБ. № 78/1317. Л. 62 (цит. по: *Никольский Н.К.* Рукописная книжность... С. 91).

описании обратил внимание на затертую запись на л. II: “Благословил владыка Касьян Рязанский и Муромский старца Зиновья Кирилова манастиря Булгакова”. Кассиан занимал рязанскую кафедру в 1551–1554 гг.¹⁰ В 1554 г. он был лишен сана и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, с которым, по-видимому, был тесно связан¹¹ (в этой обители он и умер в 1556 г.). Итак, рукопись была написана не позднее 1551–1554 гг. (т.е. периода занятия Кассианом рязанской кафедры). Очевидно, запись была затерта после того, как Кассиан был лишен сана, возможно, после его смерти 21.10.1556 г.¹² Таким образом, наиболее вероятным временем написания рукописи является первая половина 50-х годов XVI в. (до 1554 г.).

Рассматривая предположение о том, что упоминаемый в записи сборника № 1188 “владыка Офанасий” являлся московским митрополитом, обратим внимание на два момента. Во-первых, владелец рукописи назван “владыкой”, а не “митрополитом”. Любопытно отметить, что “владыкой” в средневековой Руси, как правило, именовался епископ или архиепископ¹³; при упоминании митрополита оговаривался его статус. Учитывая то, что до своей хиротонии в московские митрополиты Афанасий не занимал ни одной кафедры, трудно поверить в то, что поименование “владыка” могло быть адресовано ему.

Вторым важным моментом является “кирилловский след” рукописи (на это вполне однозначно указывает текст записи, упоминающей старца этой обители Зиновия и доживавшего свой век в данном монастыре Кассиана)¹⁴. Любопытно отметить, что Андрей-Афанасий, судя по всему, будучи пере-

¹⁰ *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 414.

¹¹ Об этом свидетельствуют его вклады в Кириллов монастырь – в частности, два Апостола середины XVI в. (см.: ОР РНБ. КБ. № 25/150; 26/151; Ф. 351. Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря: Опись. Л., 1985. Ч. 1. Машинопись. С. 62–63). Подробнее о связях Кассиана с Кирилловым монастырем см.: *Губин Д.В.* Опыт реконструкции связей в книжной культуре XVI века: Рязань, Иосифо-Волоколамский монастырь, Новгород // История дореволюционной России: мысль, события, люди: сб. науч. тр. кафедры древней и средневековой истории Отечества. Рязань, 2003. Вып. 2. С. 96–119; *Он же.* Источники по истории рязанской книжно-рукописной традиции и культуры XII–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 16.

¹² Во вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря смерть Кассиана датирована 1551/52 (7060) г. (см.: *Алексеев А.И.* Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е годы) // Вестн. церковной истории. 2010. № 3–4. С. 45). По-видимому, речь идет либо об описке в дате писца, написавшего вместо “64” (или “65”) “60”. В любом случае, этот источник под 1555/56 (7064) г. сообщает о крупном вкладе Кассиана в обитель (Там же).

¹³ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 268.

¹⁴ Другим, правда, косвенным аргументом в пользу кирилловского происхождения и бытования рукописи является ее нахождение в Софийском собрании, основную часть которого (наряду с книгами, хранящимися в новгородском Софийском соборе) составили рукописные книги этой обители. Об этом, например, см.: *Абрамович Д.И.* Описание рукописей С.-Петербургской Духовной академии: Софийская библиотека. СПб., 1905. Вып. 1.С. V–VI.

Как предположили комментаторы “Описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря” (1601 г.), эта рукопись могла быть одним из пяти сборников сочинений Дионисия Ареопажита “в десть”, которые упомянуты в “Описи”, см.: Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г.: комментированное издание / сост. З.В. Дмитриева, М.Н. Шаромазов. СПб., 1998. С. 128, 302.

яславцем, по-видимому, был связан с переяславскими монастырями¹⁵. Он был близок к Даниилу Переяславскому, на что вполне однозначно указывает текст его Жития (написанный, судя по всему, Андреем-Афанасием)¹⁶, а также последующая судьба основанной им обители, интересы которой Андрей-Афанасий не забывал, находясь в Москве. Так, 28 октября 1554 г. настоятель Данилова монастыря Кирилл просил у Ивана IV пожаловать монастырю два сельца – Загорье и Загорье Верхнее в Никитском стану Переславского уезда, а также деревню Оникеево в Нерльском стану Переславского уезда. Царь, прописывая в жалованной грамоте челобитье Кирилла, между прочим, отметил, что “да и отец духовный протопоп Андрей нам о том бил же челом”¹⁷ (на это обстоятельство обращал внимание и С.И. Смирнов¹⁸; данная формула крайне необычна для жалованных грамот этого времени)¹⁹. Грамотой 1554 г. забота Андрея-Афанасия о Даниловом монастыре не ограничивалась. Так, 17 марта 1564 г. (почти сразу же после хиротонии Афанасия 5 марта) эта обитель получила от нового митрополита тарханную жалованную подтвердительную грамоту на село Будовское²⁰. Выше уже отмечалась связь этого книжника с Волоколамским монастырем, из которого он получил “на список”, по крайней мере, одну рукопись. Несомненна связь Андрея-Афанасия и с Чудовым монастырем, в котором он принял постриг и в который он удалился после оставления митрополичьей кафедры в 1566 г. Согласно предположению Н.Н. Покровского²¹,

¹⁵ Подробнее о биографии Андрея-Афанасия см.: *Васенко П.Г.* “Книга Степенная царского родословия” и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 199–212; Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и чудеса его: К 400-летию Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском (15 июля 1508 г. – 15 июля 1908 г.) / изд. проф. С.И. Смирнова. М., 1908. С. VI–XV; *Макарий (Веретенников)*. Всероссийский митрополит Афанасий (1564–1566) // Макарий (Веретенников). Из истории русской иерархии XVI века. М., 2006. С. 104–125 (1-е изд. статьи – 1984 г.); *Он же.* Афанасий // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 708; *Усачев А.С.* Забытое суждение о Степенной книге: (Из неопубликованного наследия М.Я. Диева) // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 77–84; *Он же.* Об исторической достоверности чудес: (на материале Чуда о свечении под Казанью 1552 г.) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 112–116; *Он же.* Митрополит Афанасий и памятники русского летописания середины – третьей четверти XVI в. // Летописи и хроники: Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 253–274; *Он же.* Начало возвышения Андрея-Афанасия и церковно-политическая ситуация в России первой половины XVI в. // Вестн. РГГУ. 2012. Сер. “История России”. № 4. С. 20–31.

¹⁶ Об этом см.: Житие преподобного Даниила... С. VI–XV.

¹⁷ *Добронравов В.Г.* История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском. Сергиев-Посад, 1908. С. 27. № 11. На ошибку в дате публикации (1555 г.) В.Г. Добронравова указал М.И. Смирнов (см.: *Смирнов М.И.* Указатель рукописных и изданных документов Переславль-Залесского края. Переславль-Залесский, 1924. Ч. 1: Акты XIV–XVI вв. С. 25. (Доклады Переславль-Залесского научно-просветительского общества; Вып. 12)). На данную грамоту в связи с биографией Андрея-Афанасия впервые обратил внимание А.И. Свирелин, см.: *Свирелин А.И.* О начале и устройении Переславского Данилова монастыря (при жизни преподобного Даниила). М., 1863. С. 81.

¹⁸ Житие преподобного Даниила... С. X.

¹⁹ Благодарю С.М. Каштанова за консультацию.

²⁰ *Добронравов В.Г.* История... С. 6. № 2.

²¹ *Покровский Н.Н.* Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые вопросы ранней текстологии памятника // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 3–43; *Он же.* Неоконченный манускрипт: Степенная книга царского родословия // Вестн. истории, литературы и искусства. М., 2005. Т. 1. С. 280–293.

в скриптории при Чудовом монастыре создавались и древнейшие списки Степенной книги – крупнейшего литературного памятника, традиционно связываемого с именем Андрея-Афанасия. Любопытно отметить, что если связь этого книжника с переславским Даниловым, а также Иосифо-Волоколамским и московским Чудовым монастырями прослеживается достаточно отчетливо, то никаких сведений о его связи с Кирилловым монастырем источники не фиксируют.

Таким образом, можно констатировать, что, учитывая поименование владельца рукописи “владыкой”, а также ее вероятное бытование (а возможно, и написание) в Кирилловом монастыре, митрополита Афанасия можно исключить из числа возможных владельцев рукописи. Мог ли обладателем рукописи являться кирилловской игумен Афанасий?

Афанасий (в миру кн. Палецкий, родственник жены брата Ивана IV Юрия Углицкого Иулиании²²) в 1539–1551 гг. являлся игуменом Кириллова монастыря, в 1551–1564 гг. – епископом суздальским и тарусским, а в 1566–1568 гг. – архиепископом полоцким²³. Важно отметить, что, покинув Кириллов, Афанасий не порвал своих связей с обителью: в бытность свою на суздальской кафедре Афанасий сделал ряд вкладов в Кириллов²⁴; в этот монастырь он дважды возвращался – после ухода с суздальской, а позднее полоцкой кафедры (т.е. в 1564–1566 гг. и после 1568 г.); в этой обители он и умер. Таким образом, выходец из Кириллова монастыря Афанасий вполне мог быть поименован “владыкой”. Это в свою очередь позволяет констатировать, что Афанасий Палецкий может быть со всеми на то основаниями соотнесен с “владыкой Офонасием” – владельцем рассматриваемой рукописи.

Для более полной характеристики вероятного обладателя сборника сочинений Дионисия Ареопагита № 1188 отметим интерес Афанасия к рукописным книгам. Известно, что для него в скриптории при Кирилло-Белозерском монастыре переписывались книги. В 1547/48 г. “по благословению игумена Афонасия” в Кириллове было переписано Евангелие толковое от Иоанна²⁵. Год спустя (в 1548/49 г.) “повелением” игумена Афанасия было переписано толковое Евангелие от Луки²⁶. Продолжали в Кириллове переписывать книги для Афанасия и в бытность его епископом суздальским и тарусским. Так, в 1553/54 г. “в дому пречистыа Богородица в Кириллове монастыре господину епископу Суждальскому и Торусскому владыке Афанасию” была написана Псалтирь с воследованием²⁷. Писались в этой обители книги для Афанасия и после его ухода с суздальской кафедры, свидетельством чему служит список Жития Григория Омиритского, переписанный в 1566 г.²⁸ “повелением господина бывшего Суждальского

²² О нем подробнее см.: *Титов А.А.* Суздальская иерархия: Материалы для истории русской церкви. М., 1892. Вып. 4. С. 56–58.

²³ О нем см.: *Строев П.М.* Списки иерархов... Стб. 55, 655; *Никольский Н.К.* Рукописная книжность... С. 91; *Макарий (Веретенников).* Афанасий [Палецкий] // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 4. С. 14–15.

²⁴ *Алексеев А.И.* Первая редакция... С. 45.

²⁵ См.: ОР РНБ. КБ. № 11/136. Л. 1. Цит. по: Ф. 351. Ч. 1. С. 55.

²⁶ ОР РНБ. КБ. № 12/137. Л. 359 об. Цит. по: Ф. 351. Ч. 1. С. 56.

²⁷ См.: ОР РНБ. КБ. № 40/297. Л. 451. Цит. по: Ф. 351. Ч. 1. С. 130.

²⁸ Дата рукописи 7074 г. (без указания месяца), т.е. 1565/66 г. Учитывая то, что в выходной записи Афанасий упоминается как “бывший” епископ суздальский и тарусский, данную

и Торускаго епископа Афанасия²⁹. Как было отмечено выше, согласно предположению Н.К. Никольского, именно сборник № 1188 фигурирует во вкладной книге Кириллова монастыря как вклад Афанасия. По мнению В.А. Колобанова³⁰, Афанасий оказывал влияние на развитие суздальской агиографии, содействуя литературной деятельности книжника Григория, с именем которого связывается написание целого ряда житий суздальских святых (Евфросинии, Евфимия, Иоанна Суздальских и Козьмы Яхренского) и служб им³¹.

Таким образом, можно считать установленным: 1) книжные интересы Афанасия; 2) написание рукописных книг по его заказу в Кирилловом монастыре; 3) их бытование в этой обители и в более позднее время (указанные книги и поныне хранятся в собрании Кирилло-Белозерского монастыря). Учитывая отсутствие соответствующей записи в рукописи № 1188, трудно сказать, писался ли этот сборник непосредственно для Афанасия в Кирилловом монастыре (или каком-либо другом скриптории)³² или в число его книг он вошел несколько позднее. Во всяком случае, обращает на себя внимание то, что даже написанные для Афанасия (и, по всей видимости, находящиеся у него) рукописи во время пребывания на суздальской кафедре, в конце концов, оказались в библиотеке Кириллова монастыря. Очевидно, покидая Суздаль, Афанасий взял рассматриваемую рукопись с

рукописную книгу можно датировать 1566 г. (годом ухода Афанасия с суздальской кафедры).

²⁹ См.: ОР РНБ. КБ. № 24/1263. л. 366. Цит по: Ф. 351. Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря: Описание. Л., 1985. Ч. 2. Машинопись. С. 436.

³⁰ Колобанов В.А. Владимиро-суздальская литература XIV–XVI веков: Спецкурс по древнерусской литературе. Владимир, 1975. Вып. 1. С. 102; *Он же*. Владимиро-суздальские литературные памятники XIV–XVI веков: Учебное пособие. М., 1982. С. 50.

³¹ Подробнее о литературной деятельности этого книжника см.: Колобанов В.А. Владимиро-суздальская литература: Спецкурс по древнерусской литературе. Владимир, 1975. Вып. 1. С. 100–125; Владимир, 1976. Вып. 2. С. 17–70; *Он же*. Владимиро-суздальские литературные памятники XIV–XVI веков. С. 48–53; Дмитриева Р.П. Григорий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 169–172; Клосс Б.М. Избранные труды. М., 2000. Т. 2. С. 371–375; Григорий // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 12. С. 559–560; Усачев А.С. Житие Иоанна Суздальского // Вестн. церковной истории. 2008. № 2. С. 5–22; *Он же*. Списки и источники Жития Козьмы Яхренского // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44). С. 25–36.

³² Совпадение филиграней данной рукописи с водяными знаками написанной «на Москве» Миней из собрания П.А. Овчинникова (см.: ОР РГБ. Ф. 209. № 257, подробнее см. в описании рукописи № 1188 в приложении) вряд ли можно рассматривать как аргумент в пользу московского происхождения рукописи. Так, как было выявлено нами в результате специальных разысканий, одни и те же сорта бумаги в России середины – третьей четверти XVI в. могли использоваться в самых различных центрах. Например, бумага с водяным знаком «кабан» Лихачев, № 1754–1755 (1553/54 г.) использовалась в Москве, Владимирена-Клязьме, Троицком и Волоколамском книгописных центрах, а также на территории Великого княжества Литовского (см.: Усачев А.С. Первые русские печатные книги: филигранологические наблюдения // Федоровские чтения 2007. М., 2007. С. 56–72; *Он же*. Миней № 257 из собрания П.А. Овчинникова и значение ее водяных знаков для датировки ряда рукописных книг середины – третьей четверти XVI в. // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2007. Вып. 11. С. 291–308; *Он же*. Степенная книга... С. 141–153). Любопытно отметить, что помимо сборника № 1188 в библиотеке Кириллова монастыря в XVI в. также находилось еще по крайней мере два сборника сочинений Дионисия Ареопита (см.: ОР РНБ. КБ. № 124/249; № 125/250; обе рукописи начала XVI в., сообщено М.А. Шибайвым; согласно «Описи» 1601 г. их было четыре).

собой в Кириллов. Можно предположить, что она находилась в его личной (келейной) библиотеке и позднее вошла в состав библиотеки Кириллова монастыря. Таким образом, есть основания полагать, что Афанасий Палецкий обладал личной библиотекой, в число книг которой входил и рассматриваемый сборник сочинений Дионисия Ареопагита.

Подводя итоги, можно констатировать, что, во-первых, списки сочинений Дионисия Ареопагита встречались не только в крупных монастырских библиотеках, но и в книжных собраниях частных лиц, во-вторых, перечень владельцев и читателей корпуса сочинений Дионисия в России XVI в. следует пополнить именем кирилловского игумена, а позднее епископа суздальского и архиепископа полоцкого Афанасия.

Приложение

ОР РНБ. Ф. 728 (Софийское собрание). № 1188.

Сочинения Дионисия Ареопагита (без окончания).

Середина XVI в. [вод. зн.: 1) “кабан” 1-го вида (л. II, 3 и др.): тип близ. – Лауцявичюс, № 3647 (1530 г.), идентичен вод. зн. бумаги рукописи ОР РГБ. Ф. 209 (Собрание П.А. Овчинникова). № 257 (Миняя на сентябрь 1555/56 г., написана “на Москве”, л. 2, 6 и др.); 2) “кабан” 2-го вида (л. 4, 14 и др.): близ. (идентич.?) – Лихачев, № 3294 (1544 г.), Лауцявичюс, № 3657 (1551, 1554 гг.), Mareş, № 357 (1557, 1558 гг.), данный знак идентичен соответствующему вод. зн. рукописной книги ОР РГБ. Ф. 209. № 257, л. 3, 10 и др.].

Полуустав.

1° (32,6 × 20,6).

I–II, 1–410 л. (л. 1 об., II об. – без текста).

Переплет – доски в коже с тиснением (орнамент растительных и геометрических форм). Корешок переплета порван, верхняя крышка переплета с л. I–78 отходит от блока. На верхней крышке металлические гнезда для застежек. Сохранилась одна (верхняя) застежка. Жуки от переплета отсутствуют, сохранился один медный нижний наугольник на нижней крышке. На верхней крышке переплета наклейка с записью “№ 1188. Соф.” (аналогичная наклейка на обороте верхней крышки переплета). На л. 1 – оттиск печати СПбДА. Окончание рукописи не сохранилось – в конце рукописи вырван ряд (не менее 4) листов после л. 410 (в силу этого сочинение Дионисия Ареопагита “Изящнаго в философех ...” в рукописи не имеет окончания). Фолиация: чернилами в правом верхнем углу листа – номера зачеркнуты; карандашная – номера в нижней части листов (на части листов номера не проставлены – пронумерован лишь каждый десятый лист). На л. 26, [34], [49], [53], [56] на поле нарисована (в XIX в.?) рука с указующим перстом. На оборотной стороне верхней крышки переплета запись XIX в.: “№ 579”. На оборотной стороне нижней крышки переплета запись XIX в.: “398 л[истов]”. На л. I карандашные записи: “Инв. 1192”, “54”, “№ 1188”. На этом же листе скорописная запись XVI в. “Книга Деонисеи Ареопагит владыки Офанасиа”. На л. II затертая (но читаемая) запись XVI в.: “Благословил владыка Касьян Рязанский и Муромский старца Зиновья Кирилова монастыря Булгакова”. На л. 1 владельческая запись XIX в.: “Библиотеки Новгородского Софийского Собора. 1856 г.” (на л. 10, 21

запись продублирована). На л. 3 об. карандашная запись XIX в.: “NB = Исаиа 1371 г.”. На л. 4, содержащем перечень глав сборника, пометы XIX в., указывающие на номера листов, на которых они содержатся: “лист 4”, “лист 85”, “лист 345”, “л. 356”, “л. 361”, “л. 363”, “л. 369”, “л. 382”, “л. 395”. На верхнем обрезе запись, выполненная полууставом: “Деонисий Ареопагит”. Между верхней крышкой переплета и л. I помещен обрывок бумаги с фрагментом (вкладной?) записи, выполненной скорописью XVI–XVII вв. (“... и старца Леонида да ста[рца?] ... с мощьми отдал ...”).

Украшения: заставка и инициал (старопечатный стиль) в золоте (л. 13). На л. 1 оставлено место, вероятно, для заставки.

Содержание:

Предисловие без заглавия, нач.: “Понеже убо мнози премудрыми времени и леты ...” (л. 1–3 об.);

“Главы книги святого Дионисиа Ареопагита. О небесном священноначалии главизн 15. О божественных именовех главизн 13. О церковничьском священноначалии глав 7. О таинственном богословии глав 5. Посланий десять: к Гаю 4, к Дорофею 1, к Сопатру 1, к Поликарпу 1, к Димофилу 1, к Титу 1, к Богослову Иоанну и евангелисту едина”, нач.: “Достоино же есть разумети ...” (л. 4–12 об.);

“О небесном священноначальстве”, нач.: “Яко всяко божественное осияние по благодсти ...” (л. 13–93);

“Священнику Тимофею Дионисие, священник, о божественных именовех”, нач.: “Ныне же, о блаженныи, по благословенных подъязьображениах на божественных имен сказание ...” (л. 93 об.–285 об.);

“Дионисиа Ареопагита, епископа Афинскаго, к Тимофею, епископу о церковничьском священноначалии”, нач.: “Яко убо еже по нас священноначалие, детеи священных ...” (л. 285 об.–358);

“Дионисиа Ареопагита, епископа Афинскаго, к Тимофею епископу, о таинственном богословии”, нач.: “Троице пресущественаа, и пребожественнаа, и преблагаа ...” (л. 358–369 об.);

Послания:

Гаю рабу 1-е (л. 369 об.–371); Гаю 2-е (л. 371–372); Гаю 3-е (л. 372–372 об.); Гаю 4-е (л. 372 об.–374 об.); Дорофею служителю (л. 374 об.–375); Сопатру священнику (л. 375–376); Поликарпу святителю (л. 376–382); Димофилу рабу (л. 382–395); Титу святителю (л. 395–407 об.); Иоанну Богослову (л. 407 об.–410);

“Изящнаго в философех кир Феодора Педиасима о еже коя ради вины о главах святым венци вчинени быша писатися”, нач.: “Круг многыа, яко в чювьственных образех носит всех виновнаго Бога ...” (л. 410–410 об.). Окончание произведения не сохранилось – последние слова в рукописи “...паче именнаго Божества глаголати удостоянни быша”.

М.В. Корогодина

НОВОНАЙДЕННЫЕ СПИСКИ КОРМЧЕЙ ВАССИАНА ПАТРИКЕЕВА*

Кормчая Вассиана Патрикеева – одна из наиболее значительных канонических компиляций XVI в. Уже более ста лет она привлекает внимание исследователей; особенно часто к ней стали обращаться с середины XX в.¹ Однако основной интерес вызывает не сама Кормчая, а ее составитель – князь-инок Вассиан Патрикеев. Он, знакомый со всеми видными деятелями начала XVI в., был автором нескольких полемических сочинений, в том числе о земельной собственности Церкви. Вассиан Патрикеев и после пострижения в монахи яростно отстаивал свои взгляды, вступал в спор с митрополитом, как раньше – с великим князем, постоянно вмешивался в светскую и церковную политику и в конце концов был признан еретиком. К сожалению, основной труд Вассиана, которому он посвятил немало лет, – Кормчая книга, оказался во многом заслонен яркой фигурой ее составителя. Кормчая интересовала исследователей в основном как памятник антифеодалного движения; из всей огромной компиляции внимания удастаивались собственные сочинения Вассиана и отдельные переводы, сделанные Максимом Греком. Основная часть Кормчей, представляющая собой компиляцию из канонических правил, долгое время оставалась вне сферы интересов исследователей. Собственно, первая попытка специального, подробного изучения этой части Кормчей была предпринята А.И. Плигузовым (также с целью выявить полемические идеи князя-инюка). Однако и Плигузов обращался к канонической части лишь эпизодически, по преимуществу стремясь выявить оригинальные вставки в канонический текст, принадлежащие перу Вассиана. Это предопределило то, что в исследовании ученый обращался в основном к списку, отразившему наиболее поздний этап редактирования Кормчей (ВСМЗ, 5636/399).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ, грант 11-01-00184а. Автор приносит благодарность Л.В. Мошковой за ценные замечания.

¹ Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960; *Она же*. К изучению Кормчей Вассиана Патрикеева // ТОДРЛ. 1974. Т. 28. С. 345–349; Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971; Синицина Н.В. Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 286–317; *Она же*. Новые рукописи Михаила Медоварцева // Древнерусское искусство. М., 1974. Сб. 2. С. 145–149; *Она же*. Максим Грек в России. М., 1977; *Она же*. Нестыжателство и русская православная церковь XIV–XVI вв. // Религии мира: История и современность: Ежегодник. 1983. М., 1983. С. 76–101; Кюсс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980; Белякова Е.В. Особые редакции Сборника XIV титулов в византийско-славянской традиции // Церковь в истории России. М., 1999. Сб. 3. С. 41–43; Плигузов А.И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2002; Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. М., 2005. Вып. 1: Апостол – Кормчая. С. 227–239, 380–442, 455–471 (автор описаний Л.В. Мошкова).

До недавнего времени не был известен состав канонической части Кормчей Вассиана. Лишь в 2005 г. Л.В. Мошкова опубликовала подробное поштатейное описание списка Кормчей, хранящегося в РГАДА и отразившего промежуточный этап редактирования Вассиановской Кормчей². Такое описание существенно облегчает изучение и сравнительный анализ других изводов Кормчей Вассиана Патрикеева.

До сих пор было известно четыре списка Кормчей, в которых отразились различные этапы редактирования книги. Наиболее ранний этап сохранился в списке 1520-х годов, хранящемся в РГБ: собр. Д.В. Пискарева (ф. 228) № 39 (далее П); это список, написанный при жизни Вассиана³. Следующий по времени извод отразился в двух списках, относящихся к середине – третьей четверти XVI в., весьма близких по составу, хранящихся ныне в РГАДА: собр. МГАМИД (ф. 181), № 1597 (далее А) и РНБ. Ф.П.74 (из собрания Ф.А. Толстого; далее Т). Список А подробно описан Л.В. Мошковой; список Т был описан Н.П. Лихачевым⁴. Заключительный этап редактирования сохранился в списке ВСМЗ, № 5636/399 (далее С) и относится к 1520-м годам. Как следует из записей, рукопись в конце XVI в. была вложена архиепископом Иовом в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, которому и принадлежала в XVII–XVIII вв.⁵ Иов, бывший архимандрит Спасо-Евфимиева монастыря, был архиепископом Суздальским в 1589–1592 гг.⁶; этим периодом определяется время вклада рукописи в монастырь. Вторая запись о принадлежности рукописи Спасо-Евфимиеву монастырю была сделана при архимандрите Ефреме, занимавшем эту должность в 1762–1774 гг.⁷ Список С А.И. Плигузов атрибутировал как Кормчую Вассиана Патрикеева и описал его⁸. Список изобилует редакторской правкой, сделанной разными почерками (на некоторых листах исписаны кругом все поля). Исследователи до сих пор следующим образом располагали известные списки в хронологическом порядке составления изводов: П – АТ – С.

Однако этими четырьмя списками, на которые опирались исследователи Кормчей Вассиана Патрикеева, не исчерпываются дошедшие до нас

² Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в РГАДА. Вып. 1. С. 227–239, 380–442, 455–471.

³ Викторов А.Е. Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных публичным и Румянцевским музеями в 1868 г., после Д.В. Пискарева. М., 1871. № 39; Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. С. 183; Клосс Б.М. Никоновский свод. С. 69; Белякова Е.В. Особые редакции Сборника XIV титулов в византийско-славянской традиции. С. 41–43.

⁴ Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1–3. № 2714–2722; Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в РГАДА. Вып. 1. С. 227–239, 380–442 (автор описаний Л.В. Мошкова).

⁵ ВСМЗ 5636/399. Л. 5–9: “Сия книга Правила святых отец дана по преосвященном архиепископе Иеве Суждалском и Торуском и им душу его поминати и из монастыря ея никому не отдати”; Л. 12–79: “Сия книга Спасо-Евфимиева монастыря, что в Суждале, писана полуустановом, а коего году не значится, церковная, и подписал по резолюции того монастыря отца архимандрита Ефрема того ж монастыря иеромонах Илиодор” (скоропись XVIII в.).

⁶ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 655.

⁷ Там же. С. 666.

⁸ Плигузов А.И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. С. 143–144.

списки. Еще одна рукопись, написанная при жизни Вассиана и совершенно неизвестная исследователям, хранится в Рукописном отделе Библиотеки РАН. Рукопись БАН, 21.3.8 (далее Ак), 2^о, поступила в библиотеку в составе собрания Ф.О. Плигина. Она написана на 535 л., на бумаге с водяными знаками, датируемыми 1505–1519 гг.⁹, и, следовательно, была создана в 1510-х или к самому началу 1520-х годов, т.е. относится к наиболее ранним спискам Кормчей Вассиана Патрикеева. Собственные сочинения Вассиана в рукописи отсутствуют (возможно, поэтому она прошла мимо внимания исследователей). В ней имеется правка, сделанная разными почерками, но в целом рукопись производит впечатление переписанной набело. В ней нет ни писцовых, ни владельческих записей, поэтому ничего нельзя сказать о ее судьбе.

Другой полный список Кормчей Вассиана Патрикеева находится в собрании Ф.А. Толстого в составе Основного собрания Отдела рукописей РНБ: Ф.П.79. Этот список был хорошо известен в первой половине XIX в. К нему обращался И.П. Лаптев, который сравнивал его со списком А Кормчей Вассиана, о чем остались его пометы на списке А¹⁰. Рукопись Ф.П.79 упоминалась А.Х. Востоковым, который, описывая Кормчую из собрания Н.П. Румянцева (РГБ, ф. 256, № 236, далее – Рум. 236), писал, что в собрании Публичной библиотеки есть Кормчая того же состава с записью: “Перевод Вассиана старца князя правила по граням”¹¹. На основании этой записи Востоков атрибутировал оба списка кн. Вассиану Стригину-Оболенскому. На деле под “старцем князем” имелся в виду Вассиан Патрикеев. Кормчая Рум. 236, как показала Л.В. Мошкова, относится к Западнорусской редакции, имеющей много общего с редакцией Вассиана Патрикеева, поскольку в обеих в основу положен один принцип составления канонической части, – правила располагаются в соответствии с Указателем 14 титулов¹². Заметка А.Х. Востокова не была забыта исследователями, но как ни удивительно, список до сих пор не был найден. Поиски “пропавшей” рукописи были предприняты Я. С. Лурье; он даже держал в руках эту рукопись, но не заметил в ней искомой записи. В результате Лурье отметил, что рукопись Ф.П.79 принадлежит к “той же редакции”, что и Кормчая Вассиана, но не найдя в ней ни записи, ни оригинальных сочинений Вассиана Патрикеева, не смог отнести ее к спискам Кормчей Вассиана и тем более отождествить с рукописью, упомянутой А.Х. Востоковым¹³. К сожалению, замечание Лурье о том, что рукопись Ф.П.79 относится к “той же редакции”, что и Кормчая Вассиана, написанные в словарной статье, остались вне поля зрения других исследователей. На деле рукопись Ф.П.79 является именно той, о которой писал А.Х. Востоков, однако запись, процитированная им,

⁹ Филигранные: 1) тиара с крестом, близкий Piccard, I, XII, № 36 (1505–1515 гг.); 2) голова быка с крестом и розеткой, вид Briquet, № 14555 (1515 г.); 3) голова быка со змеей, вид Piccard, II, XVI, № 79–80 (1518–1519 гг.).

¹⁰ Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в РГАДА. Вып. 1. С. 234–235.

¹¹ Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума, сост. А. Востоковым. СПб., 1842. С. 313.

¹² *Белякова Е.В.* Особые редакции Сборника XIV титулов. С. 41–43; *Мошкова Л.В.* Западнорусская Кормчая особого состава // Хризограф. М., 2005. Вып. 2. С. 231–240.

¹³ *Лурье Я.С.* Вассиан (в миру князь Василий Иванович Стригин-Оболенский) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1: А-К. С. 117–118.

находится не на первом листе, а на л. 55, непосредственно перед началом канонической части рукописи; вероятно, поэтому она и не была замечена Я.С. Лурье.

Рукопись F.II.79 писана на 633 л.; почти весь кодекс выполнен на бумаге с одним водяным знаком тиара (с парными формами), который относится к 1538–1550 гг.¹⁴; лишь на одном листе встречается филигрань, отличная от основной, – четырехлепестковый цветок, датируемая 1538–1559 гг.¹⁵ Таким образом, рукопись была написана в середине XVI в., в 1540–1550-х годах. На л. 55 по верхнему полю сделана запись писцовым почерком: “Перевод Васиана старца князя. Правила по граням”; в XVIII в. рукопись находилась в Тобольске в Рождественском монастыре. Об этом говорит запись на обороте последнего листа (л. 633 об.): “Сия книга зовомая зборник Тобольскаго Рождественскаго девичя монастыря церкви Рождества Пречистые Богородицы, а потписал тояжде церкви диакон Игнатий Морков; писал в бытность того 1765 года июля 17 дня”. В рукописи F.II.79 (далее Тоб) нет заголовка и оглавления, с которых обычно начинаются списки Кормчей Вассиана Патрикеева; однако в первой тетради рукописи всего 6 листов, в то время как остальные тетради содержат по 8 листов. По-видимому, первые два листа рукописи, на которых был написан заголовок и оглавление, утрачены. Как и в Ак, в Тоб отсутствуют оригинальные сочинения Вассиана.

Третий неизвестный до сих пор список хранится в РГБ, в собрании А.Н. Овчинникова (ф. 209) № 149. Рукопись написана на 809 л. и датируется концом 1620-х – началом 1630-х годов¹⁶. Это список с Суздальской рукописи (ВСМЗ, № 5636/399), сохранившей последний вариант кормчей Вассиана, о чем говорится в писцовой записи: “Сия книга списана с книги Спаса Еоуфимьева монастыря Суждальскаго на пустыни Абызевския оу Пречистыя Богородицы Честнаго и славнаго Оуспения” (Овчин. 149, л. 4 об.–5). В новонайденной рукописи из Абызевской пустыни процитированная запись заменяет запись о написании Суздальского списка, получившую особую известность, поскольку в ней указаны рукописи, использовавшиеся Вассианом. Данная замена особенно интересна, поскольку и в Суздальской, и в Абызевской рукописях запись находится не на поле, а в тексте, в ряду других различных выписок Вассиана. Это показывает, что переписчики (их было как минимум два) Абызевской рукописи не просто копировали текст, а стремились разобраться в нем. Наше предположение подтверждается и тем, что переписчики вставляли в текст многочисленные глоссы и приписки, оставленные на полях Суздальской рукописи (свидетельство продолжающейся редакторской работы над кормчей), стремясь найти для них подходящее место. Однако в целом Абызевская рукопись (далее Аб) повторяет текст Суздальского списка, за исключением самых последних

¹⁴ Вид: *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение... № 4165 (1545 г.), Briquet. № 4982 (1538–1550 гг.).

¹⁵ Вид: *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение... № 3338 (1559 г.); Briquet, № 6318 (1538, 1559 гг.).

¹⁶ Филиграния: 1) двуглавый орел с рожком на груди (л. 1–782), вид: Водяные знаки XVII века по рукописным источникам ГИМ: Каталог / сост. Т.В. Дианова, Л.М. Костюхина. М., 1988, № 1024 (1628–1629 гг.); 2) кувшинчик с одной ручкой, полумесяцем и литерами F/IR на тулове (л. 783–809), вид: Водяные знаки XVII в., № 719 (1627–1646 гг.).

статей, располагающихся на трех последних листах Суздальской рукописи (л. 677–680). Таким образом, этот список сохранил почти полностью последний вид кормчей Вассиана, включая “Собрание некоего старца” и “Слово о еретиках”. То, что Аб до сих пор не был введен в научный оборот, можно объяснить лишь случайностью. А.Н. Овчинников, очевидно, интересовался кормчими и собирал их, в его собрании находится 12 рукописей канонического содержания (кормчих и номоканонов); однако, судя по листу использования, список Овч. 149 смотрел лишь А.А. Зимин в 1950-х годах.

Наконец, еще один список хранится в РГБ, собр. ОИДР (ф. 205) № 109 (далее О). Это неполный список Кормчей Вассиана Патрикеева, дополненный другими сочинениями, т.е., по сути, представляющий собой сборник, в который вошли Кормчая Вассиана и иные тексты. В рукописи утрачены начало и конец; из-за плохого состояния кодекса сложно судить об объеме утраченного текста. Сохранившиеся 195 листов, 2°, писаны на бумаге с одной филигранью – кабан, датируемой серединой XVI в. Рукопись писана двумя почерками, крупным полууставом, близким к уставу; все оформление рукописи говорит о том, что это был парадный список. В начале кодекса, на позднем нумерованном листе сохранилась запись XIX в.: “От купца Крупенникова”. Очевидно, в XIX в. первая часть рукописи уже отсутствовала. В этом списке также отсутствуют собственные сочинения Вассиана Патрикеева и основная часть его Кормчей – Синагога¹⁷. Можно предположить, что изначально Синагога и предшествующие ей статьи были в этом списке, поскольку нумерация сохранившихся глав соответствует полному списку Кормчей. Оставшиеся главы свидетельствуют о близости этого списка к Тоб, также датируемому серединой XVI в. Собственно, сохранившиеся главы из Кормчей Вассиана занимают меньшую часть списка О – л. 1–38 об. На остальных листах (л. 39–195 об.) записаны статьи, выписанные из различных редакций Кормчих и из Номоканона Котельера (сборника “Зонар”). Эти дополнительные статьи не находят аналогов в других списках Кормчей Вассиана Патрикеева и, по всей видимости, были внесены компилятором в середине XVI в.

Таким образом, три из четырех новонайденных списков: Ак, Тоб и О весьма близки по составу. Однако более поздние списки Тоб и О, хотя и относятся к тому же изводу, что Ак, имеют индивидуальные особенности, происхождение которых невозможно возвести к Ак. В этих трех списках отсутствуют оригинальные сочинения Вассиана, однако прослеживаются основные принципы составления компиляции, которым Вассиан следовал во всех изводах своего труда.

Ак начинается с заголовка (“Книга глаголемая Кормчая...”) и Оглавления, состоящего из 17 глав. Как уже говорилось, эти тексты отсутствуют в списке Тоб, что, по-видимому, объясняется утратой первых двух листов рукописи. Далее в списках Ак и Тоб записаны начальные статьи: заголовок (“Начинаются книги сия...”), Слово о семи Вселенских соборах (“От Вознесения Христова...”), Сказание о Вселенских и поместных соборах

¹⁷ По терминологии В.Н. Бенешевича, принятой А.И. Плигузовым, Синагога (свод) – сборник 14 титулов, “куда целиком внесены правила, относящиеся к темам граней и глав”; Бенешевич В.Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г. СПб., 1905. С. 104–115; Плигузов А.И. Полемика в русской церкви. С. 144.

(“И еще о всех святых соборах...”), Предисловие к Номоканону XIV титулов “Энагиофана” (“Пролог, рекше предисловие...”), Предисловие к Номоканону XIV титулов “фотиевское” (“Другое предисловие сведшаго правила...”). Следующие два отрывка (Сказание о Карфагенском соборе и запись о Максиме Греке) появляются лишь в поздних изводах (списках АТ и С) и отсутствуют в Ак, Тоб и П.

Следом в Ак и Тоб записан Указатель 14 титулов (“Изложение правилом апостольским...”), который присутствует во всех редакциях Кормчей, но существенно различается по составу. После Указателя в Тоб помещены два произведения, заимствованные из “Беседы трех святителей”: “Феология вкратце по вопросу и ответу ... Григория Богослова и Василия Великого” и “Устави тех же. Что есть бытие?...”. Эти апокрифические тексты отсутствуют в списках Кормчей, относящихся к более поздним этапам редактирования: П и А, Т, и можно было бы предположить, что они вставлены в Тоб при переписке в середине XVI в. Однако следы этих текстов вновь появляются на последнем этапе создания Кормчей, в списках С и Аб после записи о создании книги читаем: “Богословие вкратце по вопросу и ответу и писателныхъ сомнении разрешения, иже во святыхъ отецъ Григория Богослова и Василия”. Это доказывает, что данные тексты также были внесены Вассианом, а не поздними переписчиками. Поскольку в ранних списках Кормчей Вассиана “Феология” или “Богословие” отсутствуют (не считая заголовка в С), можно предполагать существование еще одного списка, сделанного при жизни Вассиана, в котором этот текст был. Сложная судьба “Феологии” в Кормчей Вассиана: ее появление на раннем этапе, потом исчезновение и вторичное появление в последнем изводе Кормчей отвечает общей редакторской манере Патрикеева, который постоянно отбирал тексты, отказывался от них и возвращался к ним снова.

Основной массив Кормчей занимает Синагога; за ней составитель Вассиан поместил добавочные главы с каноническими текстами, заимствованными из традиционных редакций Кормчей книги. Очевидно, эти тексты особенно интересовали Вассиана, если он выделил их из многих других, известных по каноническим сборникам. Списки Ак и Тоб разбиты на 17 глав; к первой главе относятся вводные статьи; ко второй – Синагога; а главы 3–17 являются добавочными (в Ак они занимают 38 листов из 535). В О утрачена первая часть рукописи, которая, возможно, включала в себя описанные выше тексты, в том числе Синагога и следующие за ней две главы, но зато в О сохранились остальные добавочные главы (начиная с главы 5).

Те же главы в том же порядке, что и в Ак, вошли в состав извода, представленного списком П, за исключением последней 17-й главы. В Ак глава 17 – это поучение епископа новопоставленному попу (“Егда отстоять новосвященный поп урок свои...”); в П, как и в последующих изводах, этот текст заменен на сочинение Вассиана Патрикеева, “Собрание некоего старца”. Сравнение Ак, Тоб и П показывает их близость: в них отсутствуют запись о Максиме Греке и его переводы, появляющиеся в А, Т и С; в гл. 8 “Събора иже в Карфагене правила, оставльшия от граней” действительно приведены правила Карфагенского собора, не вошедшие в Синагога (в А, Т от главы остался один заголовок, с пометой в А: “Сиа главы осмыя сбора, иже в Карфагени, правила оставшиа разведены по граням”). В 1-й грани 26-й главе в тексте толкования Карф. 71 в Ак, Тоб, как и в П, отсутствует

выписка из Хронографа 1512 г. “О отложении жен епископом из Бытии в 1-м съборе”. В начале 3-й главы 11-й грани в Ак, Тоб и П отсутствуют выписки из “Епистолии на римлян”, Деяний апостолов, Тактикона и Дионисия Ареопагита, появляющиеся в А, Т. Можно привести много других примеров близости Ак, Тоб и П.

Постатейное сравнение Ак, Тоб с П и списками последующих изводов подводит нас к мысли, что в Ак, Тоб отразился первоначальный этап составления Кормчей, предшествующий П. Принципы составления Кормчей Вассиана были описаны Л.В. Мошковой¹⁸; в числе прочего Вассиан стремился заменить тексты тех правил, которые встречались выше, отсылками к предшествующим главам. Количество отсылок возрастает не только к концу книги; оно увеличивается от извода к изводу, поскольку каждый раз редакторы выявляли новые повторы. В Ак, Тоб отсылок сравнительно мало – всего около 80, в то время как в А, Т их уже сотни, а в списке С мы видим целые страницы, исписанные отсылками. Ярким примером редактирования является 11-я глава 9-й грани, в которой в Указателе 14 титулов упоминается большое количество апостольских правил. Все эти правила в Ак, Тоб записаны полностью, с толкованиями; в П большинство из них заменены отсылками к предшествующим главам; в А, Т отсылки (которых стало слишком много) исключены и оставлены лишь те правила, которые приводятся впервые. Некоторые из этих же апостольских правил названы в Указателе в 14-й главе 9-й грани. В Ак названные правила снова приводятся целиком, а в П и А, Т заменяются отсылками.

В некоторых случаях пометы в Ак намечают путь дальнейшего редактирования Кормчей, например, в 1-й грани 34-й главе в Ак записано правило Сард. 7 с толкованием, а на поле стоит помета: “к сей грани”. В П и А, Т мы видим вместо правила отсылку к 19-й главе “сей” грани. Некоторые главы, в которых в Ак правила были записаны полностью, в П состоят из одних отсылок к предшествующим главам, а в А, Т вообще исключаются, поскольку в них не осталось ни одного текста правила. Так были исключены главы, читающиеся в Ак, Тоб с правилами, а в П с отсылками: 6 грань, глава 3; 8 грань, глава 13; 9 грань, главы 3 и 15.

В целом в Ак выписаны почти все правила по Указателю 14 титулов; в П (как и в последующих изводах) многие правила были исключены, поскольку не подходили по тематике. Так, 5-я глава 3-й грани в Ак была представлена единственным правилом Лаод. 19, заимствованным из Указателя. В П текст Лаод. 19 был заменен отсылкой к 3-й грани 1-й главе, а также добавлены отсылки к правилам Карф. 91, 92, 100, записанным в П вне Синагога, в особой главе с правилами Карфагенского собора. В следующем изводе (А, Т) отсылка к Лаод. 19 была исключена, а правила Карф. 91, 92, 100 приведены полностью.

В толкованиях правил в Ак, Тоб читаются все те ссылки на византийские законы, что и в П, а также некоторые другие. Вассиан, по-видимому, постепенно исключал ссылки на светские законы, так что в П их меньше, чем в Ак, Тоб, а в А, Т их уже нет. В Ак, Тоб отсутствуют упоминания второй книги, появляющиеся в П; отсутствует и большинство заимствований

¹⁸ Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в РГАДА. Вып. 1. С. 466–468.

из произведений Никона Черногорца, которые послужили одним из источников Кормчей Вассиана, по предположению Л.В. Мошковой¹⁹.

Список П, как и Ак, ограничивается семнадцатью главами; последующие изводы (списки А, Т и С, Аб) имеют добавочные главы в сравнении с Ак и П. Состав и последовательность дополнительных глав в Ак, тождественные составу и последовательности их в П, и сопоставление состава Синагога в разных списках позволяет нам предположить, что в Ак отразился первоначальный извод Кормчей Вассиана Патрикеева. Возможно, этот первый извод был составлен еще до того, как Вассиан написал “Собрание некоего старца”, чем и объясняется отсутствие в Кормчей собственных сочинений князя-инока.

Списки Тоб и О имеют существенные отличия от Ак в заключительной части. Возможно, эти изменения были сделаны в середине XVI в., когда создавались оба списка, и не относятся к правке Вассиана и его сотрудников. Изменяя композицию Кормчей, редактор отчасти отгалкивался от помет, сделанных в Ак. Так, в Ак напротив главы 13 (выписок из Завещания патр. Мефодия) на поле написано: “О Посникове же 57 слове и в прочих есть”. Действительно, Завещание патр. Мефодия уже было в полном виде приведено в Ак, Тоб и О выше, в главе 9. Редактор, очевидно, учел сделанную в Ак помету и полностью исключил главу 13, так что в Тоб и О вообще отсутствует глава с таким номером. Последние главы 14–17 редактор переставил, изменив их номера в сравнении с Ак. Пропустив вслед за главой 13 две главы, компилятор переписал последние два текста: “Великому Пахомию аггелом преданный устав” и поучение новопоставленному попу (“Егда отстоит новосвященный поп урок свой...”). Однако затем составитель вернулся к пропущенным главам, списав сначала гл. 15, а затем гл. 14: “Иное сказание о образе греховнем” и выписки о Григории Акрагантском и из летописных текстов. Таким образом, исключив выписку из Завещания Мефодия, дублирующую уже переписанный текст, редактор в остальном полностью воспроизвел состав дополнительных глав Ак, хотя и расположил их в иной последовательности. В такой последовательности главы воспроизведены в Тоб и О, за исключением гл. 7 (толкований правил Гангрского собора), которая отсутствует в О.

Изменения в Тоб коснулись и основной части Кормчей – Синагога. В Ак мы видим большое количество глосс, носящих характер комментариев, однако составитель Тоб внес лишь малую их часть. Если в начале рукописи Тоб составитель описывал почти все глоссы, то довольно быстро он отказался от этого, и глоссы исчезли. Некоторые пометы, имеющиеся на полях Ак и представляющие собой отсылки к другим частям книги, редактор Тоб внес в основной текст. Например, в Ак в 1-й грани 5-й главе в тексте толкования 2 всел. 2²⁰ есть отсылка к правилу 1 всел. 6: “зри в сей главе”, а к строке редакторским почерком приписано: “выше сего”. В Тоб приписка учтена, и в основном тексте отсылка звучит так: “зри в сей главе

¹⁹ Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в РГАДА. Вып. 1. С. 458–460, 468–470. Кроме Завещания патр. Мефодия, заимствованного из Пандектов и вошедшего в гл. 9 (АкТоб) и 13 (Ак) Кормчей Вассиана, в АкТоб вошли лишь выписка из гл. 4 Пандектов и гл. 32 Тактикона в 11-й грани 5-й главе.

²⁰ Здесь и далее при обозначении правил первая цифра указывает на номер собора, последняя – на номер правила.

выше сего”. В той же форме отсылка записана и в списках более поздних изводов (П, А, Т).

Другой пример: в Ак в 1-й грани 21-й главе перед толкованием 6 всел. 12 помещена отсылка к ап. 5 с пометой на поле: “зри ниже сего”, само же правило ап. 5 записано после толкования 6 всел. 12. В Тоб помета внесена в текст, а взаимное расположение правил остается тем же; в более поздних изводах (П, А, Т) правило ап. 5 помещено перед толкованием 6 всел. 12 на месте прежней отсылки.

В другом случае в 13-й грани 21-й главе в Ак правило 6 всел. 61, записанное после Карф. 60, неверно озаглавлено “того же” (т.е. Карфагенского) собора, и лишь помета на поле в Ак, сделанная почерком писца: “Събора 6-го” исправляет ошибку. В Тоб правка учтена, и в основном тексте читается: “Събора 6-го прав. 61”. Однако составителям более поздних изводов исправление, внесенное в Ак и Тоб, осталось неизвестным: в списках А, Т после Карф. 60 упоминается правило Карф. 61 с отсылкой к 7-й грани 4-й главе. Там мы действительно находим правило Карф. 61, не имеющее никакого отношения к теме 21-й главы 13-й грани.

Редактирование касалось не только отдельных правил и взаимных отсылок, но и целых глав. Большое количество глав и правил, обозначаемых цифрами, вносило путаницу, и иногда неверно указывались не только номера правил, но и номера глав в отсылках. Так, в Ак в 13-й грани 2-й главе к тексту толкования Анк. 17 на поле со знаком вставки приписано: “К сему ищи Великого [В]асилиа правило 62, 63 [9]-я грань 39 глава”. Отсылка неверна, поскольку в Ак в 9-й грани 38-й главе, и в последней 38-й главе действительно записаны правила ВВ 62 и 63. В Тоб в тексте толкования Анк. 17 упоминаются правила ВВ 62, 63, которые и приведены вслед за Анк. 17 (т.е. редактор был знаком с отсылкой в Ак, но не стал ни повторять ошибку в номере главы, ни исправлять ее, а предпочел переписать заново текст правил ВВ 62, 63). Составители более поздних изводов также были знакомы с припиской на поле Ак, но исправили номер главы на правильный, 37-й (в соответствии с нумерацией глав 9-й грани в поздних изводах).

В 13-й грани 1-й главе в Ак правило 1–2 соб. 17 не выделено (пропущен заголовок правила), и лишь редакторская помета на поле указывает на начало правила 1–2 соб. 17. Составителю Тоб помета с номером правила осталась неизвестна, и он придал правилу 1–2 соб. 17 вид второго толкования предшествующего правила Сард. 11, поставив перед началом правила 1–2 соб. 17 слово “Толк.”. Однако в более поздних изводах правила Сард. 11 и 1–2 соб. 17 разделены, т.е. редакторы учитывали помету с номером правила, оставленную в Ак.

В 12-й грани 7-й главе в Тоб исключено правило Лаод. 39, которое было записано в Ак вместо толкования к правилу Лаод. 38 и текст которого еще раз приводится в той же главе чуть ниже. В 12-й грани 11-й главе в правиле 2 всел. 7 в Тоб отсутствует толкование, хотя оно выделено в Ак. Не обязательно приводить все известные примеры того, как редакторская правка Ак учитывалась (или не учитывалась) в Тоб и других списках Кормчей. Во всяком случае, эти примеры говорят о том, что составитель Тоб (или его протографа) творчески подходил к созданию нового списка Кормчей, а не просто копировал ошибки протографа.

Знакомство со списками Ак и Тоб позволяет пересмотреть некоторые взгляды на Кормчую Вассиана Патрикеева, принятые в литературе. Расположив правила не в хронологическом порядке по соборам, а тематически, согласно Указателю 14 титулов, Вассиан Патрикеев отредактировал и сам Указатель, вычеркнув из него ссылки на правила и превратив его лишь в перечень тем – Синтагму. Однако в некоторых главах Указателя читаются отсылки к конкретным правилам; например, в списке П (до сих пор относившемся исследователями к наиболее раннему изводу) отсылки к правилам в Указателе встречаются в грани 1 главах 24 и 26, грани 13 главах 19 и 33. А.И. Плигузов полагал, что эти отсылки не были “вычищены” из источника и сохранились в П случайно²¹. Однако в Ак и Тоб мы не находим в Указателе никаких отсылок, в то время как в А и Т (принадлежащих следующему за П изводу) их количество возрастает; особенно много становится их в С и Аб, относящихся к наиболее позднему изводу Кормчей Вассиана Патрикеева. Таким образом, очевидно, что изначально все отсылки к правилам были исключены из Указателя, как мы видим в Ак и Тоб; но в дальнейшем редакторы по каким-то причинам снова вносили их (возможно, как памятку о тех исправлениях, которые надо было сделать в Синагогá).

Пометы, оставленные на листах разных списков Кормчей, позволяют вплотную наблюдать процесс редактирования книги. Прижизненные списки Кормчей (Ак, П, С) изобилуют правкой, пометами, глоссами, дополнениями, комментариями и отсылками к разным частям книги. В каждом списке есть значимые редакторские пометы, сделанные разными почерками; большая их часть учитывалась в последующих списках. Некоторые из этих почерков повторяются в разных списках, другие прослеживаются только по одному списку. Обилие различных почерков, которыми внесена принципиально значимая правка, заставляет задуматься над тем, как происходила работа над Кормчей. Кто из вносивших правку в списки Кормчей являлся обычным писцом, выполнявшим заказ, а кто – редактором, выносившим собственные соображения на поля рукописи? Как можно представить себе процесс редактирования, если допустить, что составителем и редактором был лишь один человек – Вассиан Патрикеев? Диктовал ли он свои дополнения, а писец вносил их в рукопись? Или Вассиан обсуждал с кем-либо принципы построения Кормчей и просил собеседника (или, скорее, сотрудника) провести правку определенного рода, например, выявить случаи повторения одного правила в разных гранях и поставить отсылки, – по такому принципу развивалась Кормчая от одного извода к другому. Или же редакторов было несколько, и хотя они работали под руководством одного человека (Вассиана Патрикеева), но каждый из них мог самостоятельно вносить дополнения? Изучение списков Кормчей Вассиана побуждает нас склониться к последнему предположению: инициатором и руководителем был один человек, именно Вассиан Патрикеев, но редакторскую работу выполняли несколько человек.

Изучение помет, сохранившихся на полях разных списков, в особенности тех, которые относятся к начальному этапу составления Кормчей, позволяет нам лучше понять методы работы Вассиана и его редакторов с источниками. До сих пор считалось, что комментарии к отдельным прави-

²¹ Плигузов А.И. Полемика в русской церкви. С. 145.

лам и главам Указателя 14 титулов принадлежат перу Вассиана. Эти комментарии обобщают суть отдельных правил, выделяя их среди огромного массива постановлений Кормчей книги, например: “Поставляющимися на мзде не подобает”, “О еретицех”, “Ких ради вин измещется епископ или причетник” и многие другие. На основе изучения этих помет исследователи делали выводы о том, какие темы интересовали Вассиана Патрикеева²². Между тем многие из этих помет являются характерной особенностью Чудовской редакции Кормчей; мы находим их в других списках Чудовской редакции, в том числе в списке кон. XV в. ГИМ, Муз. 798, послужившей источником для Вассиана²³. Очевидно, по этим пометам нельзя судить о том, какие темы наиболее привлекали внимание князя-инока. Так, Вассиан Патрикеев в 1-ю грань Указателя 14 титулов Кормчей заимствовал пометы из Чудовской редакции Кормчей: в 6-ю главу “О епископах, како писанием отрицаются”; в 24-ю главу “О поставляющихся мзды ради”; в 26-ю главу “Не преходити от града в град”; в 29-ю главу “О сельских епископах”. Число подобных примеров можно увеличить не только для Указателя, но и для текста Синагога. Тем большее внимание должны привлекать те глоссы, которые не были заимствованы из Кормчей Чудовской редакции и действительно принадлежат перу Вассиана, указывая на наиболее важные с его точки зрения темы.

В большинстве случаев пометы из Чудовской редакции копировались в Кормчей Вассиана в том же самом месте, где они были поставлены в источнике, однако порой помета дублировалась. Так, комментарий к правилу 4 всел. 25: “По епископе 3 месяца по преставлении минут, другаго поставити” переписан в Ак не только в основном тексте Синагога напротив самого правила, но и в Указателе напротив той главы, к которой правило относится.

Однако не все глоссы, читающиеся в Чудовской редакции Кормчей, были сразу перенесены в Кормчую Вассиана. Составители обращались к Муз. 798 не только при создании первоначального извода (Ак, Тоб), но и позже, т.е. постоянно работали не только с предыдущим изводом книги, но и с источниками. Так, помета из Чудовской редакции “О третеем браце” (к толкованию правила ВВ 50) не была внесена в Ак и Тоб, но читается в П. Некоторые комментарии делались редакторами Вассиановской Кормчей по образцу Чудовской редакции, причем в более поздних изводах ряд помет был исключен, а вместо них вносились новые.

Пометы в Кормчей Чудовской редакции играли большую роль при отборе правил. Большая часть правил, отмеченных в источнике словами “зри”, “смотри”, “внимай”, “надобно”, вошла в состав Вассиановской Кормчей. Перенесена была в Вассиановскую Кормчую и помета напротив заголовка правил Сард. 11, 12: “не найдох” (текст этих правил отсутствует как в списках Кормчей Чудовской редакции, так и в Вассиановской Кормчей). Но еще важнее пометы, определяющие тематику правила, – такие правила вносились составителем в главу с соответствующей темой. Иногда

²² Плигузов А.И. Полемика в русской церкви. С. 154–157.

²³ Об источниках Кормчей Вассиана Патрикеева см.: Корогодина М.В. Исправление кормчих книг в XVI веке (на материале Чудовской редакции) // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2010. Вып. 14. С. 263–296.

под влиянием пометы к правилу расширился заголовок главы. Например, в Кормчих Чудовской редакции правило 4 всел. 4 было прокомментировано: “Мниси да не исходят из своего пострижения, и раба чюжаго не постричи”. Глосса целиком вошла в заголовок грани 9 главы 10, в составе которой было записано это правило в Вассиановской Кормчей; можно привести много других подобных примеров.

В Кормчей Вассиана пометы выполняли еще одну функцию: они позволяли выявить правила со сходной тематикой и повторы. Помета могла относиться не к конкретному правилу, а комплексу статей на одну тему, переписывавшихся вместе в разных главах. Так, в Ак одна и та же помета пишется то напротив правила Анк. 16, то около правила ВВ 63; другая помета в равной степени сопутствует правилам ап. 25 и ВВ 3. Тематика этих правил близка, поэтому перенос пометы от одного правила к другому оказывается правомочным. Некоторые правила тематически подходили к разным граням и главам; например, правило ВВ 18 с пометой: “Колика лет приити во мнишеский ярем” было записано в Ак четыре раза.

Каково же место Ак – наиболее раннего прижизненного списка среди списков других изводов? Приведенные данные, как полагаем, достаточно убедительно показали, что другие списки не только сохраняют структуру Синагога по списку Ак (т.е. последовательность правил и отсылок в каждой главе), но и учитывают редакторскую правку, внесенную в Ак. Это позволяет нам отнести Ак к первоначальному изводу Кормчей Вассиана Патрикеева и предложить следующую схему соотношения списков и изводов Кормчей Вассиана: Ак, Тоб, О – П – А, Т – С, Аб. В то же время ряд чтений и исправлений Ак не учитывался в других известных списках. Например, в Ак в 9-й грани 1-й главе изначально не было выделено толкование в правиле 2 всел. 6, поскольку начальные слова его были пропущены. Редактор внес исправление в Ак, поставив в соответствующем месте знак вставки и приписав начальные слова толкования: “Подобает лица и житиа истязати”, а напротив знака вставки на поле киноварью пометив: “Тол.”. Это исправление не учтено в остальных списках Кормчей, в которых толкование правила 2 всел. 6 так и не было выделено из-за пропуска начальных слов.

Редакторская работа над Кормчей велась постоянно, и не всегда легко с первого взгляда понять, какую цель она преследовала. Так, в Ак мы находим ряд правил, которые были бесследно исключены в позднейших изводах: 6 всел. 59 (в 1-й главе 1-й грани), 2 всел. 3 и Карф. 68 (в 5-й главе 1-й грани) и другие. Одновременно шел обратный процесс: в последующие изводы вносились новые правила, которые не были отобраны при составлении Ак. Например, в 7-ю главу 1-й грани в изводе АТ было внесено правило Карф. 97, отсутствующее в первых двух изводах (АкТоб и П); в 28-ю главу 1-й грани в АТ внесено правило 1–2 соб. 11, – подобных примеров можно привести множество.

Итак, предварительный анализ новонайденных списков и сравнение их с другими списками Кормчей Вассиана Патрикеева показывает существование еще одного, первоначального извода Кормчей. Списки первоначального извода, вероятно, не были до сих пор замечены исследователями, потому что в них отсутствуют оригинальные сочинения Вассиана Патрикеева. Однако сочинения Вассиана не являются неотъемлемой частью

Кормчей, которая, как надеемся, нам удалось показать, изначально не включала в себя “Собрание некоего старца”.

Итак, известно уже восемь списков (вместо четырех) Кормчей Вассиана Патрикеева первой четверти XVI–первой трети XVII в., включая семь полных и один отрывок. Три из них были написаны при жизни самого Вассиана, остальные созданы уже после суда над ним. Весьма вероятно, что они имели свое продолжение в рукописной традиции. Несмотря на осуждение Вассиана как еретика, его основной труд – Кормчая – был не столь уж запрещен. Кормчая Вассиана Патрикеева продолжала переписываться в середине XVI в., причем был составлен даже парадный ее список (РГБ, ОИДР 109), предназначенный, возможно, для подношения или вклада. Это позволяет надеяться, что поиск среди рукописей середины XVI–XVIII вв. выявит и другие списки Кормчей Вассиана Патрикеева или выписки из нее.

Д.М. Володихин

ЗАМЕТКИ О СЕМЕЙСТВЕ Г.Л. СКУРАТОВА-БЕЛЬСКОГО

О Григории Лукьяновиче Скуратове-Бельском по прозвищу Малюта известно до крайности мало достоверного.

Большая часть жизни Григория Лукьяновича сокрыта от взоров потомков. Видна только финальная ее часть, да и та – лишь благодаря опричнине. С прекращением опричнины завершается и его жизненный путь: от момента, когда последние опричные учреждения исчезли, до дня, когда сгинул Малюта, прошло всего несколько месяцев. Его служебная карьера просматривается по источникам на хронологическом пространстве чуть более пяти лет: от незавершенного похода Ивана IV осенью 1567 г. на Литву до гибели при штурме Пайды 1 января 1573 г.

За это время Григорий Лукьянович сумел вырасти в крупную фигуру. Он был пожалован чином думного дворянина (1570), постом второго “дворового” воеводы (1572), значительными земельными владениями. На протяжении периода с 1568 по 1570 г. Малюта участвовал в наиболее крупных карательных операциях, произведенных по указу Ивана IV.

Учитывая то значение, которое имеет Малюта Скуратов для русской истории XVI в., важен любой факт, любое уточнение в его биографии. И настоящая статья предлагает ряд уточнений к истории ближайшей родни Г.Л. Скуратова-Бельского.

Вопрос о происхождении Малюты, о его роде изучен несколькими поколениями историков – насколько можно было исследовать его при самом скверном состоянии источниковой базы.

Худородство дюжинного служилого человека Г.Л. Скуратова-Бельского по сравнению с представителями старомосковских боярских родов и титулованной аристократии – факт, с которым согласно абсолютное большинство исследователей опричнины. П.А. Садиков приписал ошибочно Скуратовых-Бельских к числу “очень захудалых” представителей старинного боярского рода Плещеевых¹, т.е. к “второстепенным”, но “честным” семействам. Однако же он не видел в Григории Лукьяновиче ничего иного, как только провинциального “сына боярского” (так называли дворян низких чинов)². С.Б. Веселовский показал, что Малюта был сыном заурядного провинциального дворянина³. В.Б. Кобрин подозревал в Скуратовых-Бельских бывших холопов московских князей. В частности, историк писал: “Род Бельских был связан с Иваном IV какими-то не совсем обычными

¹ Следуя, вероятно, за В.О. Ключевским и С.Ф. Платоновым, также допустившими эту ошибку.

² Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 48, 111.

³ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 202.

отношениями. Во вкладной книге Иосифо-Волоколамского монастыря вклад Ивана Грозного по душе Малюты записан так: “Дал царь, государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси по холопе по своем по Григорье по Малюте Лукьяновиче Скуратове...” В записях о царских вкладах по другим людям не встречаются подобные формулировки, кроме одного случая – о вкладе по одному из родственников Малюты, Владимиру Бельскому, он тоже назван холопом царя. Не означает ли это, что Бельские – бывшие холопы московских князей, превратившиеся впоследствии в их дворян? Не в этом ли, хотя бы отчасти, лежат истоки постоянной уверенности Ивана Грозного в преданности Бельских?”⁴. Свидетельств, убедительно доказывающих правоту ученого, до сих пор не найдено. Однако, если он прав, положение рода Скуратовых-Бельских тем более нельзя назвать сколько-нибудь высоким.

Р.Г. Скрынников выдвинул гипотезу, согласно которой худородная Марфа Васильевна Собакина была отдаленной родней Скуратовых-Бельских. Марфу Собакину Иван IV сделал третьей своей женой в октябре 1571 г. Теоретически брак с нею самого царя мог резко возвысить Григория Лукьяновича, и тот, понимая, какие могут открыться перспективы, решил породниться с царем через матримониальную комбинацию⁵. Однако и для этого предположения пока не найдено доказательств. Скорее, гипотеза Скрынникова неверна, и вот почему: М.В. Собакина – победительница своего рода “конкурса красоты”, когда царскую невесту выбирали из 2000 претенденток после “многого испытания”. Иначе говоря, “подсунуть” свою кандидатку было не так уж легко. Кроме того, какое могло быть возвышение, если Марфа Собакина и месяца не прожила после свадьбы! Конечно, как пишет Скрынников, “...свахами царской невесты были жена и дочь Малюты, ее дружками на свадьбе оказались сам Малюта и его зять Борис Годунов”... Но Малюта Скуратов успел возвыситься до свадьбы Ивана IV и Марфы Собакиной. Во всяком случае, думный чин он получил не позднее мая 1570 г.⁶ Если и есть какая-то связь между Скуратовыми и Собакиными, то, скорее, она – прямо противоположного свойства. Получивший к тому времени большое влияние Малюта попытался и в царские невесты протолкнуть дальнюю родственницу (свойственницу?). “Проект”, если он существовал, не получил “развития”, но от этого сам Малюта ничуть не пострадал.

Так или иначе, Р.Г. Скрынников не отрицает крайне низкого положения Г.Л. Скуратова-Бельского на лестнице местнических счетов⁷.

Вопрос о том, куда уходят корни Малютиного рода, вызвал немало споров. Ужасно перебирать сетевые и книжные публикации научно-популярного и публицистического характера, где несколько ложных версий о происхождении Малюты без конца перекатываются, как цветные стекляшки в калейдоскопе, вступая во все новые экзотические сочетания. Из них строят “сенсационные” гипотезы, их представляют в качестве “свежего взгляда”, их даже используют как аргументы в дискуссиях по политической истории России XVI в. ...

⁴ Кобрин В.Б. Малюта Скуратов // Опричнина: Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008. С. 157.

⁵ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 435.

⁶ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 129. С. 216.

⁷ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 377.

Но под ними – пустота. Вакуум умственных спекуляций и несколько случайных фактов на дне.

Довольно долго специалисты верили родословной легенде, согласно которой семейство Скуратовых-Бельских – потомки польско-литовского шляхтича Станислава Бельского. От него протягивали нить к некому Григорию Филипповичу, получившему прозвище “Станице” или “Истонище” (шалаш, шатер) – дескать, так исковеркали на Руси имя “Станислав”. Тогда получалось, что основателем ветви Скуратовых в семействе Бельских мог быть потомок Г.Ф. Станица, некий Прокофий Зиновьевич прозвищем Скурат – представитель московских “служилых людей по отечеству” как минимум в пятом поколении, четвертый сын в семье, видная фигура конца XV в. Имя его и род встречаются в родословцах среди третьестепенных, по понятиям XVI в., но все же “честных” семейств. Близкой родней ему приходились дворяне Кучецкие⁸, а также, по другим сведениям, род Лазаревых-Станицевых, довольно заметный в XVI–XVII вв.

В связи с этим гипотетическим построением возникало немало путаницы и противоречий.

Во-первых, родословцы выводили Григория Филипповича Станице от некоего Филиппа, “мужа честна”, выехавшего на службу к Ивану Калите (сведения явно легендарного характера)... но из “Цесарской земли”, а не из Польши и не из Литвы.

Во-вторых, мифическому “Станиславу Бельскому” приписывали выход на Русь при Василии I, который правил через полстолетия (!) после Ивана Калиты. Поздновато же он родился у “папы” Филиппа!

В-третьих, человек с прозвищем “Скурат”, действительно, присутствующий в древних родословцах, оказывался в генеалогических построениях то отцом, то дедом, то дядей Малюты. Явная нестыковка выходила прежде всего из-за того, что христианское имя и отчество Малюты хорошо известны – Григорий Лукьянович. Лукьянович, а не Прокофьевич. И если он не сын Прокофия-Скурата, то почему носит родовое прозвище “Скуратов”?

Иными словами, версия, связывающая Малюту с Григорием Станице не имеет под собой фактической основы.

Проблема состоит прежде всего в том, что прозвище “Скурат” было, видимо, довольно распространенным. Так, в знатном роду Хлоповых был некий Иван Скурат, не имеющий никакого отношения к Скуратовым-Бельским⁹. “Скурат” означает “лоскут кожи”, “грубая кожа”, “вытертая замша”. Так могли назвать человека с кожным заболеванием или же просто с сильно обветренным лицом. Ничего необычного.

Сейчас большинство специалистов склоняются к иной версии. Ее обосновал С.Б. Веселовский: “Первым известным нам лицом этой фамилии был Афанасий Евстафьевич, который упоминается в 1473 г. как послух у духовной грамоты С. Лазарева в Звенигороде. Его сын Лукьян Афанасьевич, по прозвищу Скурат, в начале XVI в. владел вотчиной в Звенигороде на границе Сурожского стана Московского уезда”¹⁰. Это владение Л.А. Скурата не было значительным по размеру, центром его служила деревня Горка.

⁸ Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 144.

⁹ Там же. С. 151.

¹⁰ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 202.

Возможно, какая-то связь между родами Скуратовых-Бельских, Лазаревых, Кучецких и прочих потомков Григория Филипповича Станица имеется. Но ни доказать ее, ни опровергнуть, ни проследить с должной подробностью при современном состоянии источников невозможно.

В начале 1550-х годов были составлены два важнейших документа, дающих сведения о высшем слое русского дворянства. Это, во-первых, “Тысячная книга”. Туда попали имена тысячи семидесяти служильцев, которым собирались дать земельные участки недалеко от Москвы¹¹. И, во-вторых, “Дворовая тетрадь” (появилась примерно в конце 1552 – первой половине 1553 г.¹²). Туда записывали тех, кто служил в составе государева двора или, как тогда говорили, “по дворовому списку”. В число избранной тысячи Григорий Лукьянович не попал. А вот к государеву двору он был приписан вместе с двумя братьями – Третьяком и Нежданом – как дворовый сын боярский (т.е. дворянин невысокого чина), служивший “по Белой”¹³. Это единственное документальное известие о служебном статусе Григория Лукьяновича до 1567 г. В начале 1550-х годов Малюта не был стар или болен, и он не занимал какого-либо поста в администрации Бельского уезда. В противном случае, это обязательно отметили бы в “Дворовой тетради”.

Не известен, хотя бы и в самом грубом приближении, возраст Малюты при поступлении на опричную службу. Но, во всяком случае, начало 1550-х годов застало его на службе, а значит, он уже достиг пятнадцати лет – с такого возраста начинали служить. Из этого факта можно вывести два умозаключения.

Во-первых, Григорий Лукьянович родился, по всей видимости, не позднее 1537 г.

Во-вторых, опричину Григорий Лукьянович встретил зрелым мужчиной.

При Малюте Скуратовы-Бельские владели поместьем в районе Белой – небольшого города на Смоленщине, в прошлом являвшегося центром удельного княжения. Московскому царству эти земли перешли от Литвы в начале XVI столетия. Но имел ли род Скуратовых-Бельских литовские корни, нет ли – опять-таки непонятно. Поместье они могли получить и после закрепления Белой за Россией.

¹¹ Была ли завершена “Тысячная реформа” – вопрос, который до настоящего времени вызывает дискуссии. А.П. Павлов привел доказательства к тезису, согласно которому нет оснований считать реформу только проектом: она была реализована. Во всяком случае, активно реализовывалась правительством в 1550-х – начале 1560-х годов – Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории / отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2006. С. 209–212.

¹² Публикатор “Дворовой тетради” А.А. Зимин определил время ее создания иной датой: между сентябрем 1550 и осенью 1552 г. *Зимин А.А.* Предисловие // Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 17. Но современный исследователь К.В. Баранов после пристального изучения памятника передатировал его. По его мнению, соответствующая редакция “Дворовой тетради” появилась в конце 1552 – первые месяцы 1553 г. В книге используется датировка Баранова. *Баранов К.В.* Проблемы изучения Дворовой тетради // Государев двор в истории России XV–XVII столетий: Материалы международной научно-практической конференции. Владимир, 2006. С. 165.

¹³ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 194.

Ближайшую родню Григория Лукьяновича можно представить в виде кружевной подставки под хрустальную вазу. У этого кружева – тонкий и сложный рисунок. Когда-то оно было разорвано на множество частей. Некоторые из них навсегда потеряны. Другие сохранились, но хищная стихия времени изгрызла их по краям. Вот и получается нечто вроде “кружевного пазла”: приходится выкладывать на столе множество фрагментиков, они путаются, они то подходят один к другому, то не подходят, а то вдруг становится ясно, что в каком-то месте – дыра, и ничем ее не закрыть...

Итак, рядом с братьями Скуратовыми-Бельскими под Белой жил некий “Васюк Шемякин сын Бельского” – как видно, родич¹⁴. Сын его, “Фуник Васильев сын Шемякина-Бельского” служил с поместья, расположенного неподалеку от Вязьмы¹⁵.

В “Тысячной книге” присутствует также некий Скурат (то ли Скугря, Скутра) Григорьев сын Скуратов – новгородский помещик¹⁶, и не очень понятно, был ли он как-то связан со Скуратовыми-Бельскими. По социальному положению он оказался выше их, поскольку попал в “избранную тысячу”, а они – нет. Но, может быть, он просто оказался старше их всех, и, когда набирали “тысячников”, уже достиг требуемого возраста, а они еще ходили в отроках. Опрометчиво было бы строить гипотезы в том духе, что это сын Малюты, по одним лишь “подходящим” прозвищу и отчеству. Сын, попавший в “тысячники”, когда отец туда не попал, – почти фантастическая комбинация. Напротив, Скурат Григорьев сын Скуратов, скорее всего, превосходит Малюту возрастом. Это, тем более, и не отец Малюты – тот был, как уже говорилось, Афанасьевич. Историк П.А. Садилов высказал по этому поводу предположение: «Среди “тысячников” 1550 г. известен некий Скурат Григорьев сын Скуратов, из новгородских детей боярских; вполне допустимо, что новый слуга царя Ивана, также Скуратов Малюта, принял добавочное прозвание “Бельский” – “Белевский”, чтобы отделить себя от своих однофамильцев новгородцев»¹⁷. Гипотеза эта, несмотря на кажущуюся логичность, совершенно безосновательна. Прозвище “Бельский” носили и другие члены семейства Скуратовых, не являвшиеся сыновьями Малюты. Например, знаменитый Богдан Бельский. Что же они, на семейном совете решили разом переименоваться? Выглядит абсурдно. Да и в источнике братья Скуратовы названы Бельскими по отцу, а не как-нибудь еще: “Третьяк, да Неждан, да Малюта Скуратовы дети Бельского”.

Малюта в “Дворовой тетради” записан после двух своих братьев. Значит он – младший. Но не третий, а, скорее всего, пятый: первым назван “Третьяк” – третий сын в семье. Видимо, двух старших сыновей и отца к тому времени не было в живых или они получили поместья в других местах.

Малюта – персональное прозвище, довольно редкое. Его могли дать за малый рост и хилое телосложение взрослому человеку, либо – младенцу скромного размера. В последнем случае Малюта, достигший лет зрелости, вполне мог оказаться человеком среднего роста и даже богатырем. Бо-

¹⁴ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 194.

¹⁵ Там же. С. 191.

¹⁶ Там же. С. 91.

¹⁷ Садилов П.А. Очерки по истории опричнины. С. 149.

лее того, диковинное прозвище свое Григорий Лукьянович мог получить... в качестве дружеской насмешки над его весьма крупными габаритами.

Приходится признать: мы ничего не можем сказать о внешности Малюты по его прозвищу.

Третьяк и Неждак – такие же персональные прозвища, как и Малюта. Только в документах XVI в. они попадают гораздо чаще. Христианские имена братьев Малюты, полученные при крещении, были иными.

Историк В.Б. Кобрин много лет назад высказал идею, согласно которой прозвище Третьяк не обязательно давали третьему сыну. “В Дворовой тетради мы находим, – пишет В.Б. Кобрин, – 6 носителей имен *Второй (Другой)*, 27 *Третьяков*, 11 *Пярых*, 6 *Шестаков*, по одному *Семого* и *Осьмого* и двоих *Девярых*. Итак, *Третьяков* было в четыре с лишним раза больше, чем *Вторых* и *Других*, хотя, естественно, вторых детей было больше, чем третьих. Вряд ли и шестых детей было столько же, сколько вторых. Даже если носители порядковых имен действительно занимали соответствующие порядковые места в семье... ясно, что имена-числительные давались преимущественно третьим, пятым и шестым детям, либо имена *Третьяк*, *Пятой* и *Шестак* оторвались от своей этимологии. И то, и другое характерно скорее для имен, чем для прозвищ”¹⁸.

В данном случае выдающийся специалист по русской истории XVI в., внимательно глядя в документ, не видит за исследовательской методикой реалий обыденной жизни. А реалии таковы: удивительно, что вообще нашлись несколько нерадивых родителей, которые позволили прозвищам “Второй” и “Другой” закрепиться за их сыновьями. Сколько неприятных ситуаций может доставить взрослому мужчине прозвище “Второй” или, еще того хлеще, “Другой”?! Они неблагозвучны и дают превосходный повод для насмешек. А вот “Третьяк” – прозвище звонкое, задиристое, лихое. Отличное мужское прозвище. Разумеется, его-то и будут использовать чаще иных “порядковых прозвищ”. Ничего странного. Так что Малютин брат, названный в Дворовой тетради именно так, был, скорее всего, именно третьим сыном Лукьяна-Скурата Бельского.

Третьяка, судя по другим источникам, звали, как и Малюта, Григорием. Известно, что у него имелся сын – Петр Григорьевич по прозвищу Верига, которого иначе именовали “Веригой Третьяковым”¹⁹. Этот Верига в большие чины не пошел, но при дворе был замечен. Он не раз отправлялся в большие походы податней или рындой при государе. Так, в царском походе против крымцев, состоявшемся осенью 1570 г., “податнями” у “рынды с большим саадаком” князя Петра Хворостинина числятся Верига Третьякович Бельский и Богдан Яковлевич Бельский. В мае 1571-го тот же Верига назначается вновь податней в походе Ивана IV против хана Девлет-Гирея; такую же должность получает и его двоюродный брат – Григорий Нежданов²⁰. В весеннем 1572 г. походе к Новгороду, когда Малюта ходил в дворовых воеводах, Верига Третьяков, числился податней у рынды “с большим саадаком” – как и за год до того²¹. Известно, что в начале 1580-х годов Петр

¹⁸ Кобрин В.Б. Генеалогия и антропонимика // Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. С. 173.

¹⁹ Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. С. 25–26.

²⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II, ч. II. С. 267, 278.

²¹ Там же. С. 303–304.

Григорьевич владел сельцом Степаново Переяславского уезда²². 15 июля 1573 г. “Верига Григорьев сын Бельской” дал Иосифо-Волоцкой братии “на корм” 5 рублей “по отце по своему по Григорье”, а значит, Третьяк-Григорий Скуратов-Бельский к тому времени уже упокоился²³.

С.Б. Веселовский называл среди ближних родственников Малюты “Веригу Яковлева”²⁴, но без ссылки на источник и не ассоциируя этого человека с Веригой Третьяковым. Здесь, возможно, кроется какая-то неточность.

Неждан (так могли именовать ребенка, зачатого противу ожиданий родителей), по одной из версий, носил имя Яков. Специалистам хорошо известен значительный деятель грозненского царствования Богдан (Андрей) Яковлевич Бельский, племянник Малюты. У Богдана Бельского имелся брат Невежа Яковлевич – крупный деятель, упомянутый, например, в боярском списке 1588–1589 гг.²⁵ Следовательно, Неждана Скуратова крестили Яковом, а Богдан и Неждан Бельские – его сыновья? Однако в точности установить этого не удастся, тут есть серьезные сомнения. Во-первых, у Неждана были дети, отлично известные по разрядным источникам, – Давыд и Григорий, которые носили патроним Неждановы, а не Яковлевы (и тот же С.Б. Веселовский знает об этом)²⁶. Во-вторых, Яковом мог быть еще один брат Малюты, – один из тех, кто родился раньше Третьяка и, возможно, рано скончался.

Более обоснованной выглядит другая версия: Неждан Лукьянович Скуратов-Бельский получил во крещении имя Иван. Доказательства на сей счет следующие: весьма редкое для дворян XVI в. имя Давид (Давыд) используется в отношении Бельских дважды. Это, во-первых, уже названный Давыд Нежданов, рында в государевых походах 1576 г. под Калугу и 1577 г. на Ливонию²⁷. И, во-вторых, некий Давыд Иванович Бельский – один из младших командиров в том же ливонском 1577 г. походе Ивана IV²⁸. К исполнению обязанностей младшего офицера “рынду у самопалов” вполне могли привлечь. Весьма вероятно, что речь идет об одном человеке. А значит, его отца, Неждана Скуратова-Бельского, скорее всего, окрестили Иваном.

Вероятнее всего, старший брат Малюты окончил свои дни в стенах Иосифо-Волоцкого монастыря. В приходно-расходных книгах обители встречается некий “старец Илья, Малютин брат Скуратова”. Он же, скорее всего, Неждан Скуратов-Бельский, Иван во крещении. Для XVI в. считалось обычным делом, постригаясь во иноки, принимать монашеское имя, имевшее с мирским общую первую букву²⁹.

²² Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996. С. 166.

²³ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. М.; Л., 1980. С. 6.

²⁴ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 204.

²⁵ Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 217.

²⁶ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 204.

²⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II, ч. II. С. 403, 438.

²⁸ Там же. С. 543–544, 549.

²⁹ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 10.

Супруга Г.Л. Скуратова-Бельского Марья известна по документам, появившимся вскоре после гибели Малюты. В течение года после кончины Григория Лукьяновича вдова опричника как минимум трижды вносила значительные пожертвования “братье на корм”, а также “на молебны и на пахиды”³⁰. Затем она в течение еще нескольких лет продолжала давать поминальные вклады, но уже рядовые по размеру. Последнее пожертвование относится к 27 марта 1576 г. Позднее она сама приняла монашеский сан и вскоре скончалась под именем “иноки Маремьяны”. Сын Марья и Малюты Горяин 7 мая 1576 г. прислал в Иосифо-Волоцкую обитель 50 рублей “на вечный поминок”³¹. Сам он также в ближайшие месяцы уходит из жизни.

Марья Скуратова-Бельская могла себе позволить богатые вклады. Она получила “пансион”, что для грозненской эпохи – уникальный случай. Вдовам погибших дворян давали тогда на прожиток часть поместья, с которого служили их покойные мужья, но никак не “пенсию”. К тому же 400 рублей, ежегодно выплачиваемых вдове Малюты, – огромная сумма³². Это размер одного из крупнейших служебных окладов во всем государевом дворе. Тот же Богдан Бельский, монарший любимец, получал всего лишь 250 рублей.

Стремясь закрепить положение своего ничтожного рода на верхних ступенях служебной лестницы, Григорий Лукьянович повел тонкую “брачную политику”: четырех своих дочерей он отдал замуж за родовитых аристократов³³.

Анна Григорьевна Скуратова-Бельская сделалась супругой князя Ивана Михайловича Глинского. Князья Глинские входили в десятку высших родов русской знати... если только не в пятерку. Иван Михайлович был богат, приходился близкой родней матери самого Ивана Грозного. Как жених он обладал лишь одним недостатком: считался человеком “очень простым и почти полоумным”³⁴. Впрочем, странная “простота” совмещалась в нем с полководческим дарованием³⁵, и впоследствии он станет крупным военачальником.

Марья Григорьевна Скуратова-Бельская оказалась замужем за Борисом Федоровичем Годуновым, выходцем из старинного боярского семейства. Годунов считался, конечно, женихом более низкого ранга, чем Глинский. Но, во-первых, в нем видели, надо полагать “перспективную” фигуру. Опричное время дало ему возможность роста при дворе. Малюта не прогадал: Борису Федоровичу предстояло, пережив Ивана IV и его сына Федора Ивановича, взойти на царский трон... И, во-вторых, еще в 1567 г. Григорий Лукьянович о родстве с Годуновыми даже мечтать не мог – настолько пре-

³⁰ Там же. С. 3, 10, 19.

³¹ Там же. С. 100, 102.

³² *Альшиц Д.Н.* Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года // Исторический архив. М.; Л., 1949. Вып. IV. С. 20.

³³ Годы свадеб не известны. Существует версия, согласно которой дочери Малюты (хотя бы некоторые из них), оставшись сиротами после гибели отца в 1573 г., были выданы замуж самим царем, который решил позаботиться о семье верного подручника. – *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 210.

³⁴ *Флетчер Дж.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 44.

³⁵ Там же. С. 82.

восходили они его собственный род знатностью. А теперь он имел возможность дать дочери в приданое большую вотчину на 570 четвертей – села Васильевское и Михайловское в Тверском уезде.

Христина (по другим источникам, Екатерина (?)) Скуратова-Бельская стала женой князя Дмитрия Ивановича Шуйского. Она получила от отца в приданое обширную вотчину – 660 четвертей у села Семеновское под Переславлем-Залесским.

Наконец, еще одна дочь Малюты, Елена, оказалась супругой князя татарского происхождения Ивана Келмамаева (Келмамаевича)³⁶. В середине 1573 г. ближайшие родственники Малюты делают обширные вклады и по Иване Келмамаеве, и по его жене. Следовательно, оба к тому времени мертвы.

Таким образом, худародным девицам в мужья достались три блистательных аристократа и татарский князь.

Если “автором” блистательных матримониальных комбинаций являлся сам Малюта, то замыслы его несли в себе изрядный цинизм. Уничтожая знать, он пытался использовать ее родовые привилегии, не надеясь, что его собственное высокое положение сохранится за детьми.

За Марьей и Христиной Скуратовыми-Бельскими установилась дурная слава. Их недолюбливали, а порой и прямо называли отравительницами. Репутация отца передалась дочерям: от них ждали злодейства. Как только какое-нибудь громкое преступление совершалось в шаге от русского престола, его немедленно примеряли к этим двум женщинам. Бог весть, передалось ли им полное равнодушие отца к нравственному закону и его же холодность к чужой жизни. Существует вероятность того, что Малютины дочки не причастны ни к каким тайным убийствам.

Но народ думал иначе.

Псковская летопись содержит яркий фрагмент, превосходно показывающий, как относились современники к дочерям Григория Лукьяновича: “...злаго корени злая отрасль, яко же древняя змия льстивая, подойде княгиня Дмитриева Шуйского Христина Малютина дочь Скуратова, иже быти наперсник и злый советник и убийца при великом цари Иване и гонитель роду христианскому, той же и преосвященнаго митрополита Филиппа затуши... сего злаго плода и лютаго варвара злыя отрасли, новыя Иродияды, иже бе сестра Борисовы жены Годуновы, иже отравою окорми праведного царя Феодора, сия же злая диаволя советница, яко медь на языке ношаше, а в сердце меч скова, и пронзе праведнаго и храбраго мужа, прииде к нему с лестию, ноша чашу меда с отравою. Он же незлобивый не чая в ней злаго совета по сродству, взял чашу и испить ю; в том часе начат сердце его терзати”³⁷. Речь идет о двух смертях, в которых обвиняли Марью и Христину Скуратовых-Бельских. Царь Федор Иванович ушел из жизни в 1598 г., и ходили слухи, будто кончину его поторопили Годуновы, в частности, жена Б.Ф. Годунова Марья. Знаменитый полководец князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский умер в 1610 г. весьма молодым человеком.

³⁶ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 6. Имя указано во вкладе Вериги Третьяковича Скуратова-Бельского по “сестре” и ее супруге от 15 июля 1573 г.

³⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. 5: Псковские летописи, вып. 1. Прибавления. Окончание списка Оболенского. С. 125.

Молва приписала его смерть воздействию яда. А совершила отравление, как полагали многие, жена его родственника – князя Д.И. Шуйского.

От русских подобное отношение передалось иностранцам. Не напрасно Исаак Масса, голландский купец и дипломат XVII в., писал о Марье Скуратовой-Бельской: “Эта женщина... имея сердце Семирамиды, постоянно стремилась к возвышению и мечтала со временем стать царицей... постоянно убеждала своего мужа в том, что никто, кроме него, после смерти [царя] Федора [Ивановича] не может вступить на престол, хотя еще живы были другие, а именно [царевич] Димитрий...”. И, далее: “Во всех предприяттиях ему (Борису Годунову. – *Д.В.*) помогала жена, и она была более жестока, чем он; я полагаю, он не поступал бы с такой жестокостью и не действовал бы втайне, когда бы не имел такой честолюбивой жены”³⁸.

Наверное, и сын Малюты, Максим Григорьевич по прозвищу Горяин, удостоился бы союза со знатной женой из какой-нибудь боярской фамилии. Он рано умер и оставил по себе очень мало следов в источниках. Известно, что уже в 1576 г. его не было в живых. Богдан Бельский, племянник Малюты, сделал вклад “по брате³⁹ по своем, по Максиме по Григорьевиче Бельском, по Малютине сыне по Горяине”. Успел ли Максим Горяин жениться, не успел ли, ответа источники не дают. Скорее, второе: какие-либо наследники его не известны.

Если ситуация с женой и детьми Григория Лукьяновича, а также братьями и их отпрысками более или менее ясна, то прочая родня – стихия загадок и догадок.

Предположительно в конце 1550-х – начале 1560-х ушел из жизни (видимо, убит в бою) некий Владимир Скуратов. В 1578 г. под Кесью (Венденем) погиб некто Федор Семенович Скуратов⁴⁰. Дмитрий Федорович Скуратов, очевидно, сын последнего, в конце 1580-х имел относительно невысокий чин жильца, сохранил его до начала XVII столетия и служил с небольшого поместья в 400 четвертей⁴¹. Впрочем, в отношении Дмитрия Федоровича и Федора Семеновича есть сильные подозрения, что они – родня Хлоповых, а не Бельских.

Помимо этого у Малюты были и другие родственники. В документах второй половины XVI столетия то и дело появляются Бельские, притом в явной связи с родом Малюты. Иногда можно точно сказать: вот люди, близкие по крови Малюте – например, потомство Невежи Скуратова-Бельского (ветвь Невежиных) и Петра-Вериги Скуратова-Бельского (ветвь Веригиных). Но порой нет ни малейшего шанса проследить генеалогическую связь. Кем приходились Малюте Богдан Сидорович Бельский, Юрий Булгаков-Бельский, Иван Данилович Бельский и т.п.? Бог весть.

Если не считать Малюты, лишь двое из его многочисленного и разветвленного рода поднялись до высоких чинов и на долгий срок задержались

³⁸ *Масса И.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правление нескольких государей // *Масса И., Петрей П.* О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 31, 40.

³⁹ Речь идет, конечно же, о двоюродном брате, а не о родном.

⁴⁰ Памятники истории русского служилого сословия. С. 186, 209; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 191, 194.

⁴¹ *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. С. 209, 264.

в верхнем этаже власти. Это Богдан-Андрей Бельский – фаворит Ивана Грозного на протяжении многих лет, а также его брат Невежа, дослужившийся до чина “московского дворянина”.

По сведениям В.Б. Кобрин, на помин души Григория Лукьяновича лишь в Иосифо-Волоцкой обители была выделена огромная по тем временам сумма – 150 рублей, и еще 100 рублей отправилось в Кирилло-Белозерский монастырь⁴². По душам собственных жен и дочерей царь делал меньшие пожертвования...

Впрочем, может быть, размеры первого вклада по Малюте были даже большими. Приходная книга Иосифо-Волоцкого монастыря сообщает, что в начале мая 1573 г. у казначея Никифора Марьина “в ларчике” хранилось “Малютиных церковных денег 200 рублей”, – то ли более полная сумма первого вклада по Малюте, то ли вклад, сделанный при жизни в обитель им самим⁴³.

В храмах, по прямому указанию Ивана IV, Малюту поминали на протяжении многих лет, о чем свидетельствует Генрих Штаден⁴⁴. 21 сентября 1575 г. царь дал пожертвование по Малюте инокам Иосифо-Волоцкой обители и велел “поминати его, доколя манастырь... стоит”⁴⁵. 3 июня 1576 г. государь Иван Васильевич даровал по Малюте новые 50 рублей⁴⁶. Даже 25 мая 1579 (!) г. монарх все еще помнит службы Григория Лукьяновича и дает монастырю 10 рублей “на корм” по “Малюте по Бельском да по сыне его по Горяине”, а затем, 20 декабря, еще 10 рублей – только “по Малюте”⁴⁷. Лишь тогда государевы поминальные вклады исчерпались. Таким образом, общая сумма царских пожертвований на помин души Г.Л. Скуратова-Бельского была намного больше 150 руб., названных В.Б. Кобриным.

Велика духовная связь между Иваном IV и главным его “исполнителем”.

Родственники Малюты продолжали пользоваться большим почетом, кое-кто из них еще поднимется высоко – об этом уже говорилось. В списке служилых людей государева двора за 1573 год, т.е. после гибели Григория Лукьяновича, числятся представители его семейства: Богдан Яковлевич Бельский, Верига Третьяков-Бельский, Григорий и Давыд Неждановы-Бельские, Булгак Данилович Бельский, Афанасий Васильевич Бельский, Богдан Сидорович Бельский, Иван Богданович Бельский, Степан Ашметевич Бельский⁴⁸. Помимо них, в числе “дворовых” названы некие Иван Федорович да “Ондреец” Иванович Невежины⁴⁹ – вероятно, потомки Невежи Яковлевича Бельского. Весной 1574 г., во время похода Ивана IV к Серпухову, Богдан Бельский “розмечен” в его свиту как рында “с шеломом”, а Григорий Нежданов Бельский занял прежнюю, чуть более низкую долж-

⁴² Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. С. 25, 260.

⁴³ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 1.

⁴⁴ Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 55.

⁴⁵ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. С. 88.

⁴⁶ Там же. С. 104.

⁴⁷ Там же. С. 136, 148.

⁴⁸ Альшиц Д.Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года. С. 20–24.

⁴⁹ Там же. С. 24.

ность Б.Я. Бельского – он рында “с рогатиной”⁵⁰. Как будто унаследовал! Два года спустя, в реестре дворян, участвовавших в царском походе к Калуге, представители семейства Скуратовых-Бельских выполняют множество функций: двоим назначено “в стану у государя спать и у ночных сторож... быть”, четверо назначены рындами у государя, пятый – у царевича Ивана Ивановича⁵¹, еще один – “дозирает сторожи”⁵².

Что это значит? Родне покойного Григория Лукьяновича царь оказывает недюжинное благоволение.

Останки Малюты погребены на территории Иосифо-Волоцкой обители, куда их доставил Е.М. Пушкин⁵³. Видимо, на кладбище этой обители когда-то имелся участок, предназначенный для родового погребения Скуратовых-Бельских⁵⁴. Могильное место давно забыто. Но до сих пор иноки показывают участок, прилегающий к стене трапезной, где, по монастырским преданиям, лежит тело Г.Л. Скуратова-Бельского.

За что оказали Малюте и его семейству такие почести? В память о верной и преданной службе в роли старшего “исполнителя”? Как старательному “гаранту” безопасности государя? Как главному во всей опричнине царскому любимцу? В качестве благодарности за какие-то советы, поданные царским фаворитом по государственным делам – в конце 1571–1572 г. он занимал высокие посты по дипломатической части и в армии⁵⁵? Всё это ответы, которые, чисто теоретически, можно было бы дать на этот вопрос.

Но, думается, более вероятен другой вариант. Государь Иван Васильевич имел все основания радоваться взятию Пайды в январе 1573 г. Эта победа совершилась под личным его руководством. Таким образом, монарх вернул реноме искусного и решительного военачальника, разрушенное московским разгромом 1571 г. И пусть дальнейшее наступление русских войск захлебнулось после поражения под Коловерью – тут уж виноват не царь, отбивший после пайдинского успеха из действующей армии. Почести, оказанные Малюте посмертно, а также благодеяния, дарованные семейству Григория Лукьяновича, косвенно возвышали и самого государя: если памяти героя, павшего “смертью храбрых” при взятии мощной кре-

⁵⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II, ч. II. С. 362.

⁵¹ Это брат Богдана Бельского, по прозвищу Невежа.

⁵² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II, ч. II. С. 402–404.

⁵³ *Кобрин В.Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного. С. 25, 260.

⁵⁴ В приходных книгах Иосифо-Волоцкого монастыря часто встречаются вклады представителей разветвленного семейства Скуратовых-Бельских по ближайшей родне, пожертвования на молебны и панихиды. Кроме того, как минимум трое Бельских приняли здесь монашеские обеты: некий “старец Васьян Бельский”, старец Илья Бельский – брат Малюты (скорее всего, носивший в миру прозвище Неждан) и Григорий Ильич Скуратов-Бельский (постригся в июне 1581).

⁵⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II, ч. II. С. 305; “Выписка из посольских книг” о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. // Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. Москва; Варшава. Т. 2. С. 270, 274; Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 129. С. 216; *Кобрин В.Б.* Малюта Скуратов. С. 159; Более доступная публикация: *Новодворский В.В.* Ливонский поход Ивана Грозного: 1570–1582. М., 2010. Прилож. С. 334. Авторское название книги – “Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой” – произвольно изменено издателем в чаянии каких-то коммерческих выгод.

пости, воздаются такие почести, значит, дорогого стоит сама победа... Правда же состоит в том, что Пайда, хоть и сильный замок, а все же по ценности далеко уступает и Казани, и Полоцку. Успех – да, но частный, невеликий. Огромная армия, собранная под стенами замка, была явно избыточной для решения подобной задачи. Но бой был, кровь пролилась, погиб видный человек. Резонно возвысить смерть его, тогда вместе с нею возвысится и само приобретение, купленное кровью столь известного мертвеца.

Таким образом, смерть Григория Лукьяновича могла быть обращена Иваном IV в инструмент для извлечения политической пользы.

К.А. Левинсон

**НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО
ЯЗЫКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА
В ГОРОДАХ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ***

Такое явление, как канцелярский немецкий язык XVI–XVII вв., не становилось еще предметом специального исследования в отечественной историографии. В ходе исследования коммунального управленческого аппарата в городах Священной Римской Империи Германской Нации в XVI–XVII вв. нами были сделаны некоторые наблюдения, касающиеся языка источников и представляющие, возможно, определенный интерес с точки зрения исторической терминологии и культурной истории письма.

В первой части статьи ставится вопрос, можно ли применительно к языку коммунального делопроизводства раннего Нового Времени говорить о “профессиональном” языке чиновничества. Далее будут рассмотрены некоторые вопросы терминологии, использовавшейся в делопроизводстве, а в третьей части будет предпринята попытка дать социологическое объяснение отдельным особенностям графического оформления текстов из административного обихода.

Источниковую базу исследования составляют документы из архивов Аугсбурга, Бамберга, Бремена, Вены, Инсбрука и Франкфурта-на-Майне.

I

В раннее Новое Время лексика документов из городского административного обихода, предназначенных “для служебного пользования”, характеризуется значительным своеобразием. О конкретных ее особенностях пойдет речь ниже; для начала достаточно констатировать, что она заметно отличается как от лексики текстов, обращенных к горожанам, – постановлений, распоряжений, объявлений и т.п. – так и от литературного языка той эпохи. Таким образом, есть основания предположить, что мы имеем здесь дело с “канцеляритом” – особым языком бюрократии, которым она пользуется в своей каждодневной текущей работе, т.е. это не язык законодательства, судопроизводства, дипломатии и т.п., а язык, при помощи которого осуществляется их рутинное “обслуживание”: принятие сообщений, запись их и доведение до сведения вышестоящих лиц или органов, составление либо отдавание распоряжений о составлении документов – писем, докладов, смет, – поручение кому-либо определенных дел и принятие отчета о выполнении, протоколирование вопросов и решений на заседаниях.

* В данной научной работе использованы результаты проекта ТЗ № 65, выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

Можно ли такой язык назвать “профессиональным”? Для этого надо выяснить, принадлежал ли он какой-либо определенной профессии, т.е. являлась ли его носителем какая-то социoproфессиональная группа.

Документы городских советов, писавшиеся одним и тем же человеком – например секретарем совета или синдиком, – касаются тем, относящихся к различным профессиональным сферам: финансам, дипломатии, праву, военному делу, строительству и т.д. Поэтому если можно говорить о какой-то одной профессии, охватывающей их все, то речь надо было бы вести о профессиональных управленцах. Но существовали ли они в Священной Римской Империи Германской Нации XVI–XVII вв? Фигурирует ли в источниках профессиональное “городское чиновничество” или, другими словами, городские служащие как отдельная группа населения, или же это проекция наших представлений о чиновничестве, сформировавшихся в более позднее время?

Прежде всего обратимся к понятиям, используемым в источниках позднего Средневековья и раннего Нового Времени. Среди терминов интересующего нас семантического ряда в них наиболее часто встречается слово “diener”, которое значило “служащий”, т.е. человек, “состоящий на службе”, в отличие от работающего на рынок или вовсе не зарабатывающего на пропитание самостоятельно. Реже встречается словосочетание “gemainer Statt diener”, которое наиболее близко к оригиналу можно перевести как “служитель [всего] города”: “gemaine Statt” означало совокупность граждан, коммуну в отличие от отдельных лиц, родов, корпораций, а также городских властей. В современном немецком языке эти слова приобрели иной смысл, поэтому употребление их в литературе без разъяснений и кавычек стало невозможным, они не используются иначе как в цитатах из источников. Слово “Beamte(r)”, которым сегодня обозначаются чиновники, в принципе употреблялось уже в XVI в.¹, однако не повсеместно.

В текстах XVI–XVII вв. не встретишь слов “Bedienstete(r)” (служащий), “Beamtentum” (чиновничество), которые в наше время неразрывно связаны с этим семантическим полем: их тогда еще просто не существовало. Слово “управление” (Verwaltung) в значении институционализированной повседневной исполнительной и контрольной деятельности тоже оформилось как термин в более позднее время².

Таким образом, на терминологическом уровне мы можем зафиксировать существование категории населения, отличавшейся от “ремесленников”, “торговцев”, “духовенства”, “знати” и т.д. своим статусом, хотя термин, употреблявшийся для ее обозначения, не совпадает с тем, который используется в настоящее время. Кроме того, он не делает различия между

¹ Это слово используется наряду с несколькими другими терминами для обозначения городских и княжеских (епископских) служащих в мандатах епископа Бамбергского начиная с 1594 г. См.: Stadtarchiv Bamberg Rep. B1: Oberschultheißen-später Vicedomamt Bamberg, Nr. 60: Fürstbischöflich Bamberger Verordnungen über die Abhaltung der Märkte in der Stadt Bamberg. Marktordnungen Оно также встречается – как определение (beamte Personen) – в одной императорской инструкции примерно того же времени. См.: Wiener Stadt- und Landesarchiv. Nachtrag zu dem Eysen-buch, Vierter Theill, Enthaltend die Hof-Resolutiones und LandsFürstliche Regier[ungs] Verordnungen den Modum Administrandi Gemeiner Statt Wienn betr[effend]. Fol. 52'-59': Statt Anwalts Instruction (1598).

² *Damkowski W.* Die Entstehung des Verwaltungsbegriffs: Eine Wortstudie. Köln; Berlin; Bonn; München, 1969.

разными служащими. Состоять на службе человек мог не только у города, но точно так же у светского или духовного правителя, у монастыря, у частного лица – например, у купца или нотариуса. Служащим мог быть адвокат, архивариус, писарь, бухгалтер, интендант, управляющий, курьер, ремесленник, сторож и многие другие. Он мог быть низкого происхождения, а мог иметь дворянский титул, ученую степень и порой значительное состояние – определяющим для статуса “служащего” являлись не происхождение и не род занятий, а заключенный с неким работодателем контракт (Bestallung, Bestallungsbrief), согласно которому человек обязывался быть к его услугам (с более или менее четко очерченным кругом обязанностей) в течение определенного срока, а тот со своей стороны обещал платить ему определенное жалованье деньгами и натурой.

С точки зрения юридического статуса положение городских служащих отличалось двумя особенностями. Во-первых, если они были гражданами города (а это не всегда было так), то приносили бюргерскую присягу, но вместе с тем были освобождены от многих повинностей, связанных с гражданством: от некоторых налогов, от караульной службы и проч. Во-вторых, их деятельность, доходы и расходы, отношения главенства и подчинения и место в социальной и административной иерархии определялись – помимо бюргерской присяги, общих городских законов и контракта – еще и положением об этой должности (Ordnung), а также особой должностной присягой (Eid), приносившейся ими совету при назначении на пост. Кроме того, перед особо важными периодическими мероприятиями, такими как выборы совета, судебные заседания, сборы ежегодных налогов и т.п., все занятые в них лица, в том числе городские служащие, принимали дополнительно специальные присяги. Тексты всех присяг городских служащих сохранились – наряду с присягами членов совета, бургомистров и прочих выборных лиц – в сборнике, который обычно назывался “Городской книгой” (Stattbuch) или “Книгой присяг” (Eidbuch)³. Показательно, что бюргерские присяги в нем не содержатся. Это может рассматриваться как косвенный признак того, что в представлении городских властей, заказывавших писцу этот сборник, существовало некое единство между, скажем, бургомистром, городским каменщиком, судебным писарем и палачом, несмотря на все различия между ними (одно из важнейших различий: должности членов совета, такие как пост бургомистра, были выборными и исполнялись либо бесплатно, либо за почти символическое вознаграждение) и при всех чертах сходства между деятельностью этих людей и работой простых каменщиков, писцов и живоделов. Говоря современным языком, это единство заключалось в их принадлежности к аппарату коммунального управления и хозяйства: избранные возглавлять эту систему в течение года члены совета и служившие в ней по найму десятилетиями специалисты соседствуют

³ В Аугсбургском Городском Архиве хранится замечательно оформленный экземпляр такой книги – пергаментный манускрипт с цветными инициалами и миниатюрами: его первая часть написана и иллюминирована в 1583 г. (несомненно, на основе более древнего прототипа), вторая – в 60-е годы XIX в. Тогда же том получил новый переплет, обтянутый черным бархатом и снабженный серебряно-эмалевым изображением герба города. См.: Stadtarchiv Augsburg (далее: StA Aug). Stattbuch Der Uralten Loblichen, Kaiserlichen, vnd des Heyligen Römischen Reichs Stat Augspurg.

в “Книге присяг”, символически отделенные ее обложкой от остального населения города, которому они служат.

Существовал и другой вид документов, в которых перечислены те, кто состоял на службе у города. Это был годовой журнал ведомства, отвечавшего за расходы на нужды города, где записывались имена тех, кто в данный год занимал те или иные должности, а также выплаченные им оклады⁴.

Данные источников этих двух видов свидетельствуют о том, что с точки зрения властей городские служащие образовывали некое законченное и отграниченное целое: в эту категорию объединены были те, кто приносил особую служебную присягу и занимал должности, оплачиваемые из определенной кассы.

Посмотрим теперь, существовали ли какие-то еще признаки, объединявшие этих людей между собой и отличавшие их от прочих.

Поскольку речь идет об эпохе, когда в Западной Европе еще господствовал корпоративный строй, мы прежде всего должны ответить на вопрос: существовали ли какие-то формы групповой организации, объединявшие городских служащих, – цехи, гильдии и т.п.⁵

Насколько можно судить по литературе, городские служащие стояли чаще в стороне от цехового строя: например, в Равенсбурге в 1549 г. был издан закон, обязывавший каждого бюргера вступить либо в один из цехов, либо в патрицианское общество “У осла”; исключение составляли только городской писарь, школьные учителя и другие чиновники. Они могли согласно этому закону остаться в стороне как от цеховой, так и от родовой структуры⁶. О биберахском городском писаре Ренгере известно, что в 1470 г. он входил в патрицианское общество, а его базельский коллега Иоганн фон Бинген в 1425 г. вступил в цех виноделов⁷. В Аугсбурге в 1548 г. цеховой строй был отменен императором Максимилианом и все цехи были распущены. В предшествующую же эпоху каждый гражданин обязательно должен был быть приписан к какому-либо цеху, независимо от занятия (поэтому различались “ремесленные цехи” и “политические”). Согласно этому требованию, писарь мог состоять в цехе башмачников на том основании, что отец его занимался этим ремеслом. Особой же корпорации городских служащих не существовало.

Встречаются сведения о неформальных корпоративных элементах в практике отдельных групп служащих: например, в Аугсбурге зерномеры, несшие службу на городской зерновой бирже, и солемеры с соляной биржи ежегодно устраивали свои банкеты⁸ – а это типичный ритуал групповой

⁴ StA Aug Baumeisterbücher. Обработка см.: *Finkl N.* Konfessionalisierung und administrative Verdichtung – Die Verwaltung der Reichsstadt Augsburg im 16. und beginnenden 17. Jahrhundert, Unveröffentlichtes Manuskript der Magisterarbeit am Lehrstuhl für Bayerische und Schwäbische Landesgeschichte der Philosophischen Fakultät II der Universität Augsburg, 1996. S. 137–140; Anhang: Tafel I, Die Besoldung 1500 und 1600.

⁵ См.: *Oexle O.G.* Die mittelalterlichen Gilden – ihre Selbstdeutung und ihr Beitrag zur Formung sozialer Strukturen // *Soziale Ordnungen im Selbstverständnis des Mittelalters.* Berlin, 1979. Bd. 1. S. 203–226.

⁶ См.: *Denkbuch der Stadt Ravensburg*, Art. 496 // *Müller K.O.* Oberschwäbische Stadtrechte. T. II: Ravensburg (=Württembergische Geschichtsquellen. Bd. 21). S. 292. Z. 25–30.

⁷ *Burger G.* Die südwestdeutschen Stadtschreiber im Mittelalter. Böblingen, 1960. S. 113.

⁸ *Roth F.* Einleitung // *Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis ins 16. Jahrhundert* / Hg. durch die Historische Kommission bei der bayerischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 32 – Augsburg. Bd. 7: Chroniken des Paul Hektor Mair. Leipzig, 1917. S. I–CXLIV, S. XVI.

солидарности. Имеются также глухие упоминания о существовании в Вене “Цеха или братства писарей”, собиравшегося в заведении некоего Бартоломеуса Маршехта, “почтенного господина духовного звания”⁹.

В отсутствие институционализированных форм групповой интеграции остается искать ее проявления на уровне сознания. Так, признаками существования социопрофессиональной группы городских служащих в сознании современников можно было бы считать наличие в источниках ее названия (самоназвания) и/или других свидетельств того, что определенные люди сознавали свою или чью-то принадлежность и сопринадлежность к ней.

Специального собирательного термина и титулатуры для всех городских служащих (как, впрочем, и для отдельных их категорий) обнаружить в источниках не удастся: в нормативных текстах – законах и декретах – в тех случаях, когда речь идет об их совокупности, говорится “все городские служащие” или же перечисляются отдельные должности. А в текстах, авторами которых были отдельные лица, эта совокупность вообще не фигурирует: там речь идет о службе и принадлежности к ней, а не к корпусу служащих. Соответственно, говоря о себе, писали (в настоящем или прошедшем времени) “я служу”, “я – служащий города”, либо называли свою должность; об остальных высказывались также не собирательно, а либо конкретно, называя их по должностям и/или именам, либо говоря о неких “других служащих”¹⁰. Таким образом, современники видели и подчеркивали главным образом индивидуальную связь между служащим, с одной стороны, и его постом, его начальством, совокупностью граждан, отдельными другими служащими или посторонними лицами – с другой. Причем это следует как из текстов, авторы которых состояли на службе, так и из тех, что исходили от выборных должностных лиц или от тех, кто вообще к коммунальной административной иерархии не принадлежал.

Вообще, возникает впечатление, что более или менее тесную общность и – предположительно – некоторое групповое самосознание мы скорее найдем среди тех людей – служащих или не служащих, – которые ежедневно работали вместе. Если мы обратимся к высшему эшелону власти, то увидим, что синдик или канцлер (городской писарь) зачастую воспринимался почти заодно с членами совета и бургомистрами. Причем дело было не только в том, что он был посвящен во все государственные дела и обладал не меньшим политическим весом, чем выборные ратманы. Свою роль играл еще и сам факт постоянного тесного сотрудничества. В Иннсбруке главный городской казначей, делая запись в ведомости о раздаче “обычных квартальных премий” и “банных денег” за 1634 г., перечисляет тех, кто их получил: “Бургомистры и члены совета, а также городской писарь, всего 13 человек”; “12 сего [...], выдано моим господам [членам] Досточтимого совета, всего со мной и городским писарем, а также вдовой покойного по-

⁹ Wiener Stadt- und Landesarchiv, HA Akten 14/1620, Steuer Außzug Schreyber Zöch oder Bruderschafft alhier betr[effend].

¹⁰ Например, в 20-е годы XVII в. писарь Строительного ведомства Леонхард Халайхер в своем прошении о пожаловании ему денежного “гонорара” ссылался на общепринятую практику и писал, что такие подарки “делались в свое время другим заслуженным верным служащим”. StA Aug. Bestand Reichsstadt Akten, 1065, Stadtbedienstete Baumeisteramt Bauschreiber.

следнего господина бургомистра Ганса Циммермана 14 человек, каждому, по старинному обычаю, банных денег 1 гульден 50 крейцеров золотом”¹¹. Кроме того, в этой же ведомости записано, что “банные деньги”, хотя и в меньшем размере, а также денежные подарки на Новый Год получили еще секретарь совета (Rathsdieneger – он заведовал хозяйственной частью в ратуше и тоже постоянно вращался в непосредственной близости от центра распределения материальных благ, получая, кстати, такой же оклад, что и канцлер) и служитель городского суда (суд заседал в ратуше), вместе со своими женами¹². Другие городские служащие тоже получали какие-то денежные или натуральные подарки, но не вместе с этим “узким кругом”¹³.

Проявления солидарности на уровне малых коллективов мы встречаем в источниках неоднократно: она проявлялась как во взаимопомощи, распространявшейся даже на членов семей, так и в коллективном отстаивании своих интересов людьми, которые служили на одном объекте или занимали в разных местах одинаковые должности, связанные с одинаковым трудом: коллективно боролись за сохранение или повышение жалованья скажем, вышеупомянутые зерномеры, привратники у одних ворот или же у всех городских ворот Аугсбурга¹⁴; во Франкфурте-на-Майне “все городские курьеры” или “городские курьеры сообща”¹⁵ просили выдать им положенное обмундирование или материю для него, а в другой раз – повысить жалованье.

Обратимся к следующему критерию наличия группового сознания – отграничению собственной группы от остального коллектива горожан. Имеются ли в текстах, авторами которых являются городские служащие, какие-нибудь указания на то, что они чувствовали себя противопоставленными как единое целое тем, кто на службе города не состоял?

Просмотр источников дает здесь следующий ответ. Мы встречаемся с разграничениями между должностными лицами, которые обязаны действовать согласно инструкциям и приказам, и теми, с кем они имеют дело по долгу службы. Проиллюстрируем это одним примером: шесть грузчиков, которые служили на аугсбургской хлебной бирже, где им полагалось сгружать и нагружать мешки для крестьян, покупавших и продававших зерно, жаловались в коллективных петициях¹⁶ властям, что не все крестьяне соблюдают этот порядок – некоторые грузят сами или имеют собственных помощников. Из-за этого грузчики недополучали зарплату (им платили за каждый мешок) и не могли следить за тем, чтобы исполнялось распоряжение совета, запрещающее иногородним торговцам вывозить из Аугсбурга более трех мер зерна (а за вскрытые нарушения спрашивали с них, грузчиков). Тексты петиций передают сложность положения просителей – они

¹¹ Stadtarchiv Innsbruck, Kammeramts-Raitung 1634–1635. Fol. 28’f.

¹² См.: Stadtarchiv Innsbruck Kammeramts-Raitung 1600. Fol. 33; 1634–1635. Fol. 28’, 43’, 46’f.

¹³ Ibid. Fol. 45.

¹⁴ StA Aug. Bestand Reichsstadt Akten. 1071 Baumeisteramt Stadtbedienstete Torhüter.

¹⁵ Stadtarchiv Frankfurt am Main. Stadtkanzley Nr. 36, Rep. 292. “Geschworen” переведено здесь как “городской”, так как в данном случае “присяжный” означает “принесший должностную присягу”, т.е. “состоящий на службе города”.

¹⁶ Оба прошения без даты, судя по почерку, XVI в., но не ранее 1545 г. (год создания биржи). StA Aug. Bestand Reichsstadt Akten 1077 Rat, Stadtdiener, Ablader bei der Schranne.

оказались “между молотом и наковальней”, когда, с одной стороны, им приходилось терпеть убытки из-за своекорыстного поведения незаконно-послушных крестьян и купцов, на которое они не могли влиять, а, с другой стороны, на них обрушивался гнев начальства, не вникавшего в их проблемы. Эти шесть грузчиков говорят о себе “мы”, а о торгующих – “они”, и в этом отношении граница очевидна, но встает вопрос – кого включает это “мы”? Данные прошения, хотя они и подписаны шестерыми служащими, нельзя считать проявлениями группового самосознания чиновничества в целом, так как они исходят даже не от всех, кто служил на зернобирже, и уж тем более не претендуют на роль выражений интересов всех городских служащих. Они представляют собой самое большое свидетельство солидарности на уровне малых групп – нескольких сослуживцев, повседневно работающих рядом и столкнувшихся с общей проблемой.

Из всего изложенного следует вывод, что обозначение городских служащих в целом как единой “группы” не опирается на их собственные представления: существовало понятие о службе как особом статусе отдельного человека, связанном с определенными правами и обязанностями. Тех, кто обладал этим статусом, исследователь может ретроспективно объединить с целью изучения в “группу” под названием “городское чиновничество”, но он при этом должен все время помнить, что она представляет собой именно эвристический конструкт, а не реальность в прошлом. Для консолидации группового сознания по признаку принадлежности к коммунальному аппарату не было, очевидно, предпосылок: служащих разъединяла социальная, имущественная и профессиональная гетерогенность, а также неисключительность их статуса, ведь они зачастую могли наряду со службой заниматься ремеслом на продажу, частной юридической или писцовой практикой и т.д. в зависимости от специальности. И если в судьбе, в образе мыслей и поведении, например, высокооплачиваемого адвоката благородного происхождения и разнорабочего, ведшего существование почти на самом дне городского общества, мы обнаруживаем сходства, объяснявшиеся именно их положением служащих, то им самим эта общность, похоже, не бросалась в глаза. Во всяком случае, она не давала им повода для того, чтобы вопреки сословным, профессиональным, а в какие-то моменты также и религиозным границам ощущать себя единым целым подобно тому, как ощущали себя единым целым члены одной корпорации или – на более высоком уровне – граждане одного города.

Пожалуй, можно – пусть и с большими ограничениями – говорить о таком объединяющем факторе, как образование. Оно было двух уровней: во-первых, начальное образование (немецкая грамота, азы латыни, счет, пение, закон божий), которое городские дети, особенно в протестантских областях, получали в то время уже на сравнительно регулярной основе, посещая церковные или городские школы либо – в высших слоях общества – от домашних учителей. Это была база, общая для большинства служащих, независимо от рода службы и высоты положения. Во-вторых, так сказать, “специальное” образование, обучение профессии. Если говорить о практических специальностях, то оно происходило известным с древности путем: дети учились у своих отцов или поступали в ученики к другим ремесленникам (в том числе писарям или палачам) и перенимали от них необходимые навыки. Более интеллектуальные занятия, такие как нотари-

ат, дипломатия, бухгалтерия и т.п., в то время в значительной мере тоже осваивались за счет длительной практики: специализированного высшего образования для них еще не существовало. Но те, из-под чьего пера выходили интересующие нас тексты, – синдики, секретари совета и т.п. – имели часто (хотя и не всегда) юридическое образование: оно считалось тогда наиболее соответствующим их кругу обязанностей, так как помимо ведения протоколов, корреспонденции и счетов они должны были время от времени выступать в роли и адвокатов, и послов.

В качестве примера можно привести профессиональное становление человека, выступавшего протоколистом на заседаниях бременского городского совета в 30-е годы XVII в. Это был доктор права синдик Иоганн Вахман. Он провел детские годы в доме родственника своей матери, высокообразованного бургомистра Бремена Германа Крефтинга, имевшего богатую библиотеку. Затем учился в гимназии, потом в Марбургском университете, много путешествовал по Европе, состоял долгое время воспитателем при одном молодом юнкере, выполнял ответственные дипломатические поручения различных германских князей и, наконец, в возрасте сорока двух лет, уже получив докторскую степень по юриспруденции, Иоганн Вахман поступил – после неоднократных приглашений – на службу к совету родного города. Карьера в общем сравнительно обычная для высокопоставленного государственного чиновника в то время¹⁷.

Таким образом, мы констатируем, с одной стороны, отсутствие или, самое большее, слабую и фрагментарную проявленность таких факторов, как единство профессионального опыта и групповое самосознание, а с другой стороны – фактор однотипности образования. Следует также учесть, что в формальном и процедурном отношении работа административных органов разных городов империи была во многом довольно однотипной, в ее рамках создавались одни и те же типы документов (протоколы заседаний, письма, распоряжения, прошения, экспертные отзывы, реестры и т.п.). Это дает нам некоторое право сказать, что тексты, возникавшие в коммунальном административном обиходе немецких городов раннего Нового Времени, репрезентируют не “профессиональный” и не “групповой” язык, но язык, испытавший сильное унифицирующее воздействие образовательного опыта своих носителей, а также институционального и тематического контекста своего бытования. Это язык, особенности которого связаны с тем, что на нем писали в канцеляриях и для канцелярий, поэтому адекватным его обозначением является понятие “канцелярский немецкий” (“Kanzleideutsch”).

II

Говоря о лексических особенностях канцелярского языка XVI–XVII вв., необходимо прежде всего сказать, что по отношению к современности мы наблюдаем в нем, так сказать, “позапрошлый” лексический состав, который в значительной мере скрылся под наслоениями трех последующих эпох – полуторавековой эпохи классического германского рационального

¹⁷ Entholt H. Aus den Wachmanniana des Bremischen Staatsarchivs // Hansische Geschichtsblätter. Jg. 1925. S. 30.

чиновничьего государства (знакомого нам по описаниям М. Вебера), затем короткой, но взломавшей традиционную понятийную структуру немецкого языка эпохи нацизма, и наконец последовавшей за нею полувековой эпохи модернизированного демократического государства ФРГ. В Новейшее Время мы имеем дело в основном с общественно-политическими понятиями, которые либо приобрели свой нынешний смысл в XVIII – начале XX в., либо вообще только в то время пришли в общественно-политический обиход из других сфер – естествознания, философии, права и проч.¹⁸ То же самое может быть верно и применительно к языку государственного управления, к тем словам, которые описывают “кухню” политики, дипломатии, администрации и законодательства, т.е. имеются основания предполагать, что смысл, подразумеваемый протоколистом за теми или иными понятиями, кажущимися нам знакомыми, в чем-то может не совпадать с современным.

С другой стороны, часть понятий, употреблявшихся в XVII в., впоследствии уступили место иным – будь то немецким неологизмам или заимствованным словам. В диссертации, посвященной немецкой общественно-политической лексике эпохи революции 1848–1849 гг., Л.В. Сахарова отмечает, что решающую роль в обогащении немецкого языка новыми терминами в этой области сыграла Великая Французская Революция¹⁹. В те годы, пишет Сахарова, были заимствованы из французского языка такие общественно-политические понятия, как *administrativ*, *Bürokratie*, *Konstitution*, *Legislatur*, *Republik* и многие другие. По французскому образцу были созданы многочисленные кальки – *Abgeordnete(r)* (“делегат”, “депутат”), *abstimmen* (“голосовать”), *einstimmig* (“единогласно”), *Tagesordnung* (“повестка дня”), *Mehrheit*, *Minderheit* (“большинство”, “меньшинство”) и др. Правда, в отдельных случаях наши эмпирические исследования не подтверждают некоторые утверждения историков языка. Так, например, нельзя согласиться с Л.В. Сахаровой и Х. Мозером²⁰, которые писали, что слово *Abgeordnete(r)* (“депутат”, “делегат”, “посланник”), являющееся калькой с французского *député*, появилось в немецком языке после Великой Французской Революции: в протоколах бременского совета²¹ только за 1638 г. это слово встречается дважды, и это едва ли первое

¹⁸ В предисловии к энциклопедическому словарю “Основные исторические понятия” Р. Козеллек отмечает, что словарь в основном охватывает период с XVIII в. по современность: вторая половина XVIII в. рассматривается составителями словаря как “эпоха водораздела”, когда значения понятий в общественно-политическом языке Германии претерпели глубокие изменения, что привело к формированию современной системы понятий. И только в сравнительно небольшом числе случаев корни современных значений слов прослежены в словаре до Средневековья или Античности. См.: *Geschichtliche Grundbegriffe: Lexikon der politisch-sozialen Sprache in Deutschland* / Hg. von O. Brunner, R. Koselleck, W. Conze. 6 Bde. Stuttgart, 1972–1990. Выборочный русский перевод готовится к изданию в 2012 г. Германским историческим институтом в Москве и издательством “Новое литературное обозрение”.

¹⁹ Сахарова Л.В. *Немецкая общественно-политическая лексика эпохи революции 1848–1849 гг.* (Опыт социолингвистического анализа на материале протоколов Франкфуртского Национального Собрания): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. С. 4.

²⁰ Moser H. *Deutsche Sprachgeschichte*. Tübingen, 1969. S. 162.

²¹ О лексике речь будет вестись на примере документов из Бременского государственного архива. Первое знакомство автора с этими источниками состоялось в Москве, где они, захваченные в качестве военного трофея в конце Второй мировой войны, хранились в

его появление в немецких текстах. Некоторые сомнения вызывает также датировка слова *einstimmig* (“единогласно”) у Л.В. Сахаровой: по крайней мере, весьма близкое к нему *einmüthig* (“единодушно”) и его возможный латинский прототип *unanimi consensu* тоже наличествуют в исследованном нами тексте, появившемся за полтора столетия до 1789 г.

Второй принципиальный момент, который касается лексики “канцелярского немецкого” в раннее Новое Время, заключается в том, что письменные тексты, с которыми мы имеем дело, представляют собой продукт перевода, причем порой даже двойного. Поясним этот тезис на примере протоколов бременского городского совета. Языковая ситуация раннего Нового Времени в северогерманских городах, в том числе в Бремене, весьма интересна, в том числе и с точки зрения истории делопроизводства. После Реформации, вслед за распространением лютеранской литературы, на север Германии пришел верхненемецкий язык, который в то время, правда, еще только складывался как надрегиональный письменный язык, но уже показывал свои преимущества в качестве престижного и в чем-то более удобного инструмента для официального делопроизводства и дипломатической корреспонденции, так что нижненемецкие диалекты начали сдавать свои позиции, причем даже католические города и территории вынуждены были подчиняться общей тенденции. Постепенно все делопроизводство в северных городах и территориальных государствах перешло на верхненемецкий, причем именно юристы, получавшие образование в протестантских университетах Гессена или Саксонии, были одними из агентов его распространения здесь. По данным справочника “*Niedersächsisches Städtebuch*”, “к 1630 г. в официальных документах и процедурах городского управления в Бремене стал господствовать верхненемецкий язык”. Можно оспаривать возможность такой точной датировки, но фактом является то, что протоколы бременского совета в годы Тридцатилетней войны синдик Иоганн Вахман вел именно на верхненемецком. Из этого, однако, нельзя заключить, что и сами заседания совета велись на нем же. Если принять как гипотезу (пока еще не проверенную), что ратманы и прочие бюргеры, выступавшие на заседаниях, говорили, как это было принято в Ганзе, на нижненемецком, а при протоколировании выступлений, резолю-

Центральном (ныне Российском) государственном архиве древних актов. Три книги, хранящиеся в РГАДА в фонде “Архив ганзейского города Бремена”, обозначены в русском тексте описи как “Протоколы заседаний городского Сената” за 1613–1621, 1635–1640 и 1647–1651 гг. Относительно этого заголовка необходимо сделать два уточнения. Во-первых, городской совет Бремена стал официально называться “Сенатом” лишь с середины XIX в.; до того слово “*senatus*” использовалось только в латиноязычных текстах, а официальным немецким названием городского совета было слово *Rath* (тж. *Raht*, *Rhat*). Кроме того, словом “*Senatus*” еще иногда обозначался малый, или правительствующий, совет, члены которого приносили особую присягу, а та часть совета, что была “вне присяги”, называлась “*Wittheit*”, и заседала она обычно отдельно от сената, что и отразилось в протоколах: две более поздние книги озаглавлены в оригинале “*Wittheits protocol*” и к заседаниям сената, следовательно, не относятся. Только одна книга – за 1613–1621 гг. – содержит записи с пометками “*Wittheit*” и “*Senatus*” вперемежку. Все три книги имеют схожий состав: в них заносились дата заседания, вопросы, обсуждавшиеся на нем, и принятые решения. Записи весьма лаконичны, обычно содержат всего несколько строк. На полях даны краткие заголовки к каждому пункту повестки дня. Подробнее см.: *Das Staatsarchiv Bremen 1968. Behörde – Dokument – Geschichte // Veröffentlichungen aus dem Staatsarchiv Bremen. 1968. Heft 36.*

ций и сообщений таковые переводились на верхненемецкий, то перевод при записи в протокол был одновременно переводом с одного немецкого диалекта на другой и переводом с обыденного или с дипломатического, юридического или другого “профессионального” языка на “канцелярит”. В тексте протоколов заседаний бременского совета соседствуют записи, характеризующиеся разной степенью “переведенности” и разными способами перевода, ибо пишущий, располагая лексическим материалом верхне- и нижненемецкого, латинского, нидерландского и французского языков, мог в некоторых пределах варьировать свое словоупотребление: даже устоявшиеся канцелярские термины допускали некоторую вариативность и имели параллельные варианты в разных языках, а многие реалии и вовсе не были однозначно терминологически определены.

Тем самым мы подошли к третьему важному наблюдению. В тексте нам встречаются различные степени “кристаллизации” значения слов как терминов: например, выражение *ist geschlossen* (“решено, постановлено”) являющееся, возможно, калькой с латинского *conclusum*, также употребляемого протоколистом, имеет в канцелярском языке не то же значение, что в обиходном (“закрыто”). Некоторые выражения могут считаться специальными терминами в том смысле, что они специфичны для канцелярского языка: активно используются в нем, причем с относительно жестко фиксированным значением, а вне его малоупотребительны. Таковы выражения *abschlagliche resolution* (“отрицательное решение”), *ist verlesen vnd placitiret* (“зачитано и одобрено” – эквивалент латинского *lecta placuit*, тоже часто встречающегося в протоколах), *eodem a prandio* (“в тот же [день] после обеда [т.е. на вечернем заседании]” и др. Слово *observantz* означало в документах той эпохи “обычай” и в этом своем специфическом значении может рассматриваться как термин. То же самое касается слов *praeses* и *assessor* в значении “бургомистр, председательствующий в совете” и “его помощник”, *syndicus* (“синдик, присяжный поверенный совета”), *ein gewiſſes* как субстантивированное прилагательное (“пошлина, налог с продажи”), *gravamina* (“жалоба”, “письмо с претензиями” в дипломатическом обиходе), *intercessionales* (“коллективное письмо на высочайшее имя в поддержку кого-либо”; в обиходном языке употребительнее было слово *Fürschrift*) и некоторые другие. А такие глаголы, как *consentire* (“соглашаться”) и *recusare* (“отказывать”), сохраняя свое значение, “терминологизированы” за счет того, что используются в только в форме перфекта.

В качестве примеров здесь не случайно приведены не только немецкие, но и латинские слова и выражения: государственно-политический, дипломатический, юридический, делопроизводственный пласты административной лексики состоят в значительной степени из слов латинских либо заимствованных из латыни и онемеченных. Встречаются параллельные варианты: *resolutio* – *resolution*, *imperialis majestas* – *kayserliche mayestett*, но сравнительно редко наблюдается использование собственно немецкого слова наряду с латинским; вот немногие примеры: *abgeordneter* и *abgesandter* (“поверенный”, “посланник”) иногда заменяют *legatus* и *commissarius*, а *Beschwerde* или *Clagten* (“жалоба”) изредка встречаются на месте *Gravamina*. Немецкое *Vorschrift* (“предписание”) в изученном корпусе текстов лишь однажды встречается вместо обычного латинского *instructio*. *Raethe* (“советники”) неоднократно используется наряду с

consilarii, а слова Rat (Rhat, Raht, Rath) и Senatus как латинский и немецкий варианты понятия “совет [города]” (а не в том смысле, который они приобрели в XIX в., – см. примеч. 21) встречаются практически с одинаковой частотой.

В целом можно сказать, что юрист, писавший протоколы заседаний бременского городского совета, обычно предпочитал латинизм немецкому выражению, когда речь шла о делах государственных – политических, юридических. В записях же, посвященных повседневной жизни города, ремеслам, торговле, безусловно преобладает немецкий язык, причем порой встречаются нижненемецкие слова, такие как Orlogschiff (“военный корабль”), beede (“оба”) и т.д. Для записей, посвященных военным, дипломатическим, религиозным вопросам характерна смешанная латинско-немецкая лексика: иногда целые фразы написаны наполовину по-немецки, наполовину – по-латыни, причем слова разных языков как члены предложения морфологически согласованы друг о другом. В такого рода записях особенно много и онемеченных заимствованных слов – чаще латинских, иногда французских – gage (“оклад”), Guarnison (“гарнизон”), refrachirung (очевидно “напитки и закуски”).

Между немецкими словами и онемеченными заимствованиями нередко наблюдается параллелизм в использовании – например, admittieren и zulassen (“допустить”), inserieren и einbringen (“занести в протокол, зарегистрировать”), placitiet и beliebt (“одобрено”), offerieret и gebothen (“предложено, преподнесено”) и подобные им пары встречаются иногда в одном и том же абзаце.

Большую часть собственно латинских и французских слов, встречающихся в тексте, составляют существительные, глаголов же исчезающе мало, тогда как подавляющее большинство онемеченных латинских заимствований – наоборот, глаголы, причем чаще всего в неопределенной форме либо в форме страдательного причастия, образованных с помощью суффикса -ieg-.

Исключительно редко и только в составе словосочетаний – обычно юридических формул, таких как litispententia cameraleis (“процесс в имперском камеральном суде”) – встречаются в тексте латинские прилагательные и наречия. Почти так же редки латинские причастия и деепричастия; их определяемыми словами бывают немецкие существительные и глаголы. Практически не используются латинские личные местоимения; другие местоимения, а также предлоги и союзы – только в составе латинских же словосочетаний, часто близких по характеру к фразеологизмам: a Civitate (“городом”), Senatus et Cives (“совет и граждане”), in copia (“в достаточном количестве”), suo tempore (“в свое время”), lectum et responsum ut in litteris (здесь: “читали и отвечали на письма”), sub inquisitione (“произведя расследование”). Нет в тексте латинских числительных, если не считать иногда приписываемые к цифрам окончания: 1-mo, 2-ndo. В датах числа пишутся по-немецки, а названия дней и месяцев – по-латыни, например: Jovis 16-ten Aprilis (“четверг, 16 апреля”), Martis den 11-ten Januarij A[nno] 1638 (“вторник, 11 января 1638 года”). Таким образом, мы можем отметить очень высокую степень и специфический характер включения романской лексики в немецкую “основу” текста. При этом мы видим слова, находящиеся на разных стадиях ассимиляции; многие из них позже закрепились в немец-

ком языке и пережили период онемечивания общественно-политической лексики в конце XIX – начале XX в., хотя и обрели “соперников” в виде немецких эквивалентов.

III

Уделив внимание лексике, мы не можем оставить без рассмотрения и те средства, которыми лексические единицы зафиксированы, т.е. графическую сторону текстов.

Анализ графики как невербальной стороны письма является неотъемлемой составной частью анализа письменной культуры, однако он в исторической науке пока еще не обрел необходимой теоретической базы и инструментария. Палеография в основном описывает книжные и каллиграфические шрифты, к тому же она как правило ограничивает рассматриваемый материал Средневековьем, не заглядывая в раннее Новое Время, а графология, наоборот, сосредоточена на периоде Новейшей истории. Таким образом, для культурно-исторического исследования письма XVI–XVII вв. методологию и аналитический инструментарий приходится создавать *ad hoc*, опираясь на теоретические выкладки различных смежных с историей дисциплин, таких как история языка, социолингвистика и социология. Значительные трудности интерпретация графики представляет в связи с высокой степенью *необъяснимой вариативности*²²: написание слов, начертание букв в рамках даже одного текста бывало в изучаемый период весьма неустойчиво – гораздо более неустойчиво, чем лексика. Это заставляет искать теоретический инструментарий, позволяющий давать такие объяснения, которые сохраняют свою силу невзирая на высокую изменчивость графики.

По только что указанной причине невозможно использование “генетического” подхода, опирающегося на использование информации об авторе, заказчике, писце, адресате и пользователе текста. Анализ в этом случае основывается на оценке текста с “биографической” точки зрения, и его характеристики объясняются условиями его возникновения и бытования. Такого рода объяснения могут обладать огромной суггестивной силой, однако этот подход имеет два роковых недостатка: во-первых, при всем обилии текстов, до нас дошли как правило только скудные и разрозненные данные необходимого рода, что резко сужает круг документов, поддающихся плодотворному анализу по этому методу. Во-вторых, психологизирующие индивидуальные объяснения, даваемые в его рамках (“для автора это было естественно”, “он хотел этим показать, что ...”, “тогда это воспринимали как ...”, “это производило впечатление ...”), за редкими исключениями сугубо спекулятивны. Применяемые аналитические понятия и критерии не дефинированы сколько-нибудь строгим и единым образом, поэтому объяснения могут казаться убедительными с точки зрения житейского здравого смысла, но не поддаются верификации либо фальсификации. Тем более проблематичным оказывается такой подход при изучении

²² *Mihm A.* Zur Konvergenz von Sprachvariation und sozialen Kategorien in der stadtsprachlichen Überlieferung des Spätmittelalters // Historische Soziolinguistik des Deutschen. Forschungsansätze: Korpusbildung – Fallstudien: Internationale Tagung Rostock 1.–3.9.1992 / Hg. von G. Brandt. Stuttgart, 1994. S. 17–26, здесь 22.

массового материала: вышеупомянутая вариативность заставляет многократно придумывать, что писавший “хотел сказать” разными вариантами написания слов и почему.

Другой метод предполагает установление и интерпретацию лингвистических и графических признаков, которые могут рассматриваться как индикаторы социальной языковой жизни. Характеристики письменных текстов истолковываются при этом как социокультурные показатели, а не как проявления индивидуальной воли писавшего. Этот подход теоретически делает возможными экстраполяции данных на общезыковой и социальный уровень; в социолингвистике он пользуется широким распространением. В целом можно охарактеризовать этот метод как использование данных графематического (а равно синтаксического и лексического) материала для реконструкции социально-исторического контекста в рамках соответствующего “текстового”, или “коммуникативного” сообщества. Так, рассматриваемые здесь источники репрезентируют то “коммуникативное сообщество”, которое сложилось внутри и вокруг институтов городского управления. К нему принадлежали как члены городских советов, бургомистры, так и их подчиненные, канцелярские служащие, а также жители городов, письменно обращавшиеся к властям, и кроме того – писцы, нотариусы, школьные учителя и прочие не-чиновники, выполнявшие на заказ письменные тексты.

Применяя этот метод, попробуем объяснить такую особенность текстов раннего Нового Времени, как графическое выделение латинских, итальянских и французских слов и выражений.

Начать надо с краткого общего описания ситуации. В принципе в XVI–XVII вв. (и до середины XX в.) в немецком языке использовался шрифт, по-русски называемый “готическим”, а в по-немецки – “немецким” или “фрактурой”. Существовали его печатная и рукописная разновидности с большим разнообразием форм. Но при взгляде на страницу манускрипта, содержащую заимствования из романских языков, подобные описанным во второй части данной статьи, мы видим, что эти иноязычные слова написаны иным шрифтом – так называемым “гуманистическим курсивом”, который возник в романских странах в XVI в. на основе “антиквы” (*lettere antiche*), апробированной папской канцелярией²³. Гуманистический курсив – это тот “латинский шрифт”, каким в принципе пользуются в странах Европы и Америки по сей день. О том, как это происходило, прекрасно написано в монографии В.Н. Малова²⁴.

Недолгое время спустя новые шрифты распространились и за пределы Италии – в частности, в Германию. В первую очередь они стали использоваться для латинского языка, но примерно с середины XVI в. обнаруживаются и в немецкоязычных текстах, написанных “готическим курсивом”,

²³ Антиква появилась в XIV – начале XV в. в Италии и после серии видоизменений ее формы закрепились к XVI в. Создание этого шрифта является заслугой прежде всего двух гуманистов: секретаря папской канцелярии Франческо Поджо Браччолини и его друга Никколо Никколи. Распространению их изобретения способствовало в большой степени то обстоятельство, что за ним стоял авторитет классической Античности, поскольку авторы утверждали, что этот шрифт восходит непосредственно к римскому письму.

²⁴ Малов В.Н. Происхождение современного письма: Палеография французских документов конца XV–XVIII веков. М., 1975.

или “фрактурой”. Использовались они при этом в определенной функции: для написания включенных в немецкий текст латинских, итальянских и французских слов (сравнительно редко встречающиеся слова из английского, голландского и других нероманских языков, насколько нам известно, писались тогда готическим шрифтом, как и немецкие).

Этот феномен наблюдается по всему немецкоязычному ареалу. Тексты, в которых встречаются графически маркированные романские слова, особенно часто относятся именно к сфере управления, права и судопроизводства, дипломатии, в меньшей мере – к хроникальной литературе. Гораздо реже встречаются они в частной переписке, в записях для собственного употребления, хозяйственных документах.

Такое графическое маркирование романизмов встречается не только в чистовиках, но и в черновиках, в том числе в таких, которые явно не предназначены были для чтения кем-либо кроме того, кто переписывал их набело. При этом как в черновых, так и в чистовых текстах подобное графическое маркирование иностранных слов происходило не последовательно. Не все такие слова, встречающиеся в том или ином тексте, написаны гуманистическим курсивом (или тем, что казалось таковым пишущему). Часто гуманистическим шрифтом написано не целое слово, а только часть его – латинская основа.

Среди маркированных гуманистическим курсивом слов (если это отдельные слова, а не словосочетания) преобладают существительные и глаголы, что соответствует отмеченному выше распределению заимствованной лексики. Понятия, которые эти слова обозначают, вовсе не обязательно играют какую-то особо важную роль в каждом данном тексте: если отличающийся шрифт в данном случае выполняет какую-то функцию, то явно не ту же самую, что при вариациях формы и размера букв фрактуры. В то время как особо крупные или иной формы, иного наклона готические буквы по традиции использовались, по всей видимости, для маркирования повышенной значимости, использование круглых гуманистических букв, похоже, говорит скорее что-то об означающем, а именно – об иноязычном происхождении соответствующего слова.

Почему этот феномен, не имеющий, насколько известно, предшественников, вдруг появился в германских землях в это время? Иными словами, что могло подвигнуть пишущих – разных людей, писавших независимо друг от друга в разное время, в разных местах и по разным поводам, – на то, чтобы посреди процесса письма вдруг на какое-то время менять шрифт? Возникает искушение предположить за этим какую-то вескую практическую причину. Это невозможно объяснить ни удобством для пишущего, ни барочным стремлением к усложненной красивости: почерк в черновиках, где тоже встречается разбираемое явление, далек от претензии на изящество.

На первый взгляд может показаться убедительным такое функциональное объяснение: перемена шрифта могла служить сигналом для того, кто читал текст вслух. Ведь, несколько огрубляя, можно сказать, что на протяжении не только всего Средневековья, но и раннего Нового Времени господствовало представление, что понимание может происходить только при говорении, в том числе и тексты воспринимались именно посредством прочтения вслух. Письменные тексты, как считают современные историки, были тогда вторичными, они обретали действие только посредством акта

возвращения их в устную сферу, т.е. оглашения²⁵. Поскольку правила чтения в разных языках разные и одни и те же буквы звучат по-разному, ударения в словах ставятся по-разному и т.д., а кроме того внимание не только чтеца, но и слушателя как правило надо специально обратить на то, что следующее слово или словосочетание – иностранное, кажется вполне целесообразным использование такого оптического знака.

Однако объяснительная сила этой гипотезы гораздо меньше, чем могло показаться на первый взгляд. Ведь она не объясняет, почему выделение происходит так непоследовательно, зачем оно нужно в черновиках и почему отсутствуют какие-либо другие вспомогательные знаки в текстах, где иностранные слова *не* маркированы гуманистическим курсивом. Понадобилось бы слишком много умозрительных психологизирующих аргументов, придуманных *ad hoc*, чтобы объяснить бесчисленные случаи, когда вопреки этой предполагаемой целесообразности пишущие не использовали маркировку шрифтом для латинизмов. Мы не можем проникнуть в сознание писавшего на основе тех данных, которые у нас есть, и наши догадки будут только спекуляциями.

Поэтому если мы хотим, во-первых, удовлетворительно объяснить то, что видим в рукописях, – т.е. так, чтобы это объяснение не сразу развалилось при увеличении массы источниковых данных и не оперировало вне-научными категориями, а во-вторых, если мы хотим, чтобы знание о том, как и почему происходило в производстве рукописных текстов, помогло нам лучше понять более масштабные процессы в культуре эпохи, то нужно найти новую теоретическую базу для изучения этого материала.

Гораздо более многообещающим представляется поэтому такое объяснение, которое исходит не из проблематичного представления о конкретной осознанной *цели* каждого писавшего (тем более для каждого случая), а из гораздо более гибкого понятия *мотива* действия. В качестве такого мотива для графического выделения иностранных слов можно рассматривать следование *моде*. Слово “мода” здесь употребляется не в обиходном, а в социологическом смысле. Мода влияет на поведение людей очень сложным, часто косвенным образом, и влияние это люди осознают в различной мере и в различной мере ему поддаются. Модное поведение охватывает целый широкий спектр вариантов – от последовательного или даже болезненно-зависимого следования моде через более непринужденный учет моды при совершении сознательного выбора до более или менее полного отвержения или игнорирования моды в той или иной области. Переходы между этими вариантами плавны и зависят от множества ситуативных факторов. Поэтому если пишущий в каком-то случае пишет слово “модным” способом, а в другом – нет, или если то, что у него при этом получается, мало похоже на классические образцы гуманистической каллиграфии (сохраняются “готицизмы”, такие как завиток над “u”, готическое “A”), то такая вариативность не противоречит принятому объясне-

²⁵ См.: Knoop U. Ist der Sprachwandel ein historisches Phänomen? Überlegungen zu den Gegenständen der Sprachgeschichtsschreibung // Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen – Gegenstände, Methoden, Theorien: Heidelberger Symposium 11.–14.6.1992 / Hg. von A. Gardt, K.J. Mattheier, O. Reichmann. Tübingen, 1993. S. 19–38, здесь 32.

нию: строгая последовательность и адекватное копирование образов для модного поведения не обязательны.

Мода в письменности – это явление, которое, насколько известно, до сих пор не становилось предметом систематического изучения ни в исследованиях по истории моды, ни в истории языка, ни в палеографии, хотя в некоторых работах оно вскользь упоминается. В нижеследующих построениях мы будем опираться на теорию моды и модного поведения, изложенную в книге социолога и историка моды А.Б. Гофмана²⁶. Большая часть того, что будет здесь сказано по поводу моды вообще, заимствовано из этой книги²⁷. К этому добавлены наши соображения по поводу того, как эти положения могут быть применены к письменности раннего Нового Времени.

Объекты и образцы поведения становятся модными тогда и только тогда, когда они нагружены *модным значением*, т.е. выступают в качестве *знаков моды*. Это означает, в свою очередь, что эти образцы поведения или объекты указывают на те или иные *ценности*, которые в обществе в целом или в тех или иных социальных группах воспринимаются как “модные”.

“Современность” есть фундаментальная ценность в структуре моды. Сегодня если что-то рассматривается как “современное” в смысле “новое”, то это как правило вызывает положительные ассоциации. Однако высокая оценка современности – никоим образом не универсальное явление. Это явление историческое, и корни его – в эпохе Возрождения, когда возникло и утвердилось положительное отношение к новизне. Ренессанс стал эпохой, когда в Европе появились первые робкие ростки моды в собственном смысле этого слова. Вся констелляция факторов, необходимых для существования моды в масштабах целого общества, сложилась, конечно, позже – не ранее XIX в. До тех пор существовали только отдельные элементы моды в отдельных сегментах обществ: в высоком и позднем Средневековье при дворах, затем в наименее консервативных средах городской знати и т.д.

Наряду с другими инновациями Ренессанса, первые моды смогли распространиться и завоевать себе место в культуре европейских стран благодаря тому, что это были образцы и объекты, которые имели, как утверждалось, античное происхождение.

В Европе позднего Средневековья властвовал такой культурный регулятив, как обычай, и касалось это, в частности, методов ремесленного производства, частным случаем которого было письмо. Цель писца, как и всякого другого ремесленника, в ту эпоху заключалась в том, чтобы как можно точнее воспроизвести канонический, традиционный образец. Конечно, в силу индивидуальных особенностей человека его произведение носило тот или иной своеобразный отпечаток, а региональные образцы могли сильно отличаться друг от друга. Но не известен ни один писец, ни один скрипторий периода Средневековья, который гордился бы или прославился бы нововведениями в области графики²⁸. Следование обычаю

²⁶ Гофман А.Б. Мода и люди: Новая теория моды и модного поведения. 2-е изд. М., 2000.

²⁷ Ссылки на отдельные страницы книги далее не приводятся, так как изложение здесь представляет собой не цитирование, а резюме сказанного в ней.

²⁸ Сказанному не противоречит тот факт, что франкские короли могли реформировать алфавит, а епископ Ульфилла мог изобрести новую азбуку для готского языка: это были не рядовые писари. Эти люди стояли либо *выше* обычая, либо *до* него, т.е. они его основывали своим авторитетом.

или по крайней мере ссылка на обычай были достаточной легитимацией. Плохим обычай мог быть сочтен главным образом в том случае, если он возник достаточно недавно. Шла ли речь о церковной реформе или о тяжбе между двумя соседями-феодалами, авторитет прошлого мог быть поколеблен только за счет того, что ему противопоставляли еще более древнее прошлое. Изобретатели антиквы и гуманистического курсива утверждали, что это письмо есть не что иное, как письмо древних римлян, и именно это помогло новации найти признание как в папской курии, так и в обществе.

Несмотря на то, что сказано выше о “современности” как фундаментальной ценности в мире моды, прошлое в нем тоже может выступать как ценность, только в другом смысле. Точнее говоря, “старость” – это свойство образцов поведения и объектов, а не внутренних ценностей моды. Традиция, старина – один из важных источников, из которых черпаются модные образцы, но эти позаимствованные из прошлого образцы используются для обозначения все тех же вечных ценностей моды, в том числе – современности. Перефразируя поговорку, можно сказать, что хорошо забытое старое – это новое.

В германской истории эпоха барокко была временем “à la mode”, а это само за себя говорит: в социальной и культурной жизни стали появляться в массовом порядке феномены, которые не были частями традиции, не подчинялись старому обычаю. И тот факт, что несмотря на возмущение, которое они у многих вызывали, эти феномены не были маргинализированы, указывает на наличие у них незаурядной жизненной силы. мода стала такой силой, которая уже могла успешно противостоять обычаю.

Гуманистическое письмо не было в обычае, оно было новинкой – и быстро стало использоваться многими. Дело очевидно в том, что оно стало модным. В своей книге о “Порядке в изменениях моды” американский исследователь А. Крёбер подчеркивал: “Нет никакой мыслимой причины полагать, будто есть нечто такое в самой одежде, из-за чего на протяжении одного столетия широкие юбки сменяются узкими, а те вновь широкими”²⁹. Порок тех объяснений, которые видят причину перемен в характеристиках самих предметов или образцов поведения, в том, что модные значения необоснованно полагаются заключенными в объектах и образцах, тогда как с точки зрения семиотики значения не содержатся в знаках, не сводятся к материальным формам означающих. Модной является не форма объекта как таковая, модность – это свойство тех ценностей, к которым отсылает та или иная форма. То, что сказано по поводу одежды, верно также и по отношению к языкам и шрифтам: те или иные из них стали модными потому, что ассоциировались с ценностями, которые были модны. Италия и итальянский язык, позже Франция и французский язык, а также владение иностранными языками вообще и латинским в особенности в конце XVI и XVII вв. в Германии были в моде, а потому в моде было и использование ассоциируемого с романскими языками шрифта³⁰.

²⁹ Kroeber A. Order in changes of fashion // The Nature of Culture. Chicago, 1952. P. 336; Richardson J., Kroeber A. Three centuries of women's dress fashions: A quantitative analysis // Ibid. P. 372.

³⁰ Эта ассоциация не обязательно опиралась на факты: в самой Франции в это время гуманистический курсив еще отнюдь не господствовал, там использовались свои формы, отличные как от немецких, так и от итальянских.

Посредством участия в моде индивиды посылают друг другу сигналы о своей приверженности ценностям, лежащим в ее, моды, основе: это ценности современности, универсальности, игры, репрезентации. С этими ценностями они также ассоциируют те социальные и профессиональные группы, к которым принадлежат. И таким образом получает выражение идеальное “Я” каждого участника моды. Активнее всех участвуют в моде те слои, чье положение в обществе наименее стабильно и гарантировано. На данное обстоятельство указывал еще Г. Зиммель, хотя это и противоречило его теории спуска образца, согласно которой новые моды исходят прежде всего от наиболее социально благополучных верхних слоев. Постоянное и активное участие в моде имеет помимо всего прочего ту функцию, что оно маркирует принадлежность человека к более высокому общественному слою и, соответственно, подчеркивает дистанцию, отделяющую его от более низкого слоя. Страсть, с которой представители восходящих социальных групп и слоев ищут и реализуют модные образцы, вытекает из их повышенной чувствительности по отношению к санкциям моды: это типично для людей, стремящихся к повышению своего социального статуса, или уже достигших более высокого положения, но еще либо уже не уверенных в нем. “Парвеню часто одевается плохо, но еще чаще – слишком хорошо”³¹.

Такой восходящий социальный слой образовывали в Священной Римской Империи в раннее Новое Время служащие, или чиновники: люди разного происхождения, благодаря образованию и близости к власти зачастую проделывавшие в короткий срок путь от низов общества до самых верхов. Эту функциональную социальную категорию можно было бы вслед за Н. Луманом назвать протобуржуазной³², она была инородным телом в стратифицированной и сохранявшей гословные барьеры структуре позднефеодального общества³³. Эта новая категория населения обладала многими чертами, характерными для социальных систем позднейших эпох, – тех, в которых существует мода в широком масштабе. К таким характеристикам А.Б. Гофман относит следующие:

Динамичность. Положительное отношение к переменам, высокий инновационный потенциал. В самом деле, сталкиваясь сравнительно часто с новыми задачами и не будучи связаны строгими цеховыми технологическими регламентациями, секретари, нотариусы и другие представители пишущих профессий со временем стали проявлять ментальную гибкость и изобретательность, какие для цехового ремесла, для средневековых канцелярий и скрипториев были нетипичны.

Открытость. Контакты с другими обществами, высокоразвитые средства, каналы и сети коммуникации. Как мы знаем, переписка со множеством ближних и дальних мест, участие в дипломатических миссиях и работа с приезжими (например, купцами или наемниками) были повсед-

³¹ Goblou E. La barrière et le niveau: Étude sociologique sur la bourgeoisie française moderne. P., 1925. P. 58.

³² Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik: Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft. Frankfurt a. M., 1980. Bd. 1. S. 7f.

³³ Wissen für den Hof: Das spätmittelalterliche Verschriftungsprozess am Beispiel Heidelberg im 15. Jahrhundert / Hg. von J.-D. Müller. München, 1994. S. 23.

невным делом для множества канцелярских служащих уже и в XVI, а тем более в XVII в.

Изобилие. Должна существовать высокоразвитая система массового производства материальных и духовных благ, обеспечивающая некоторый избыток разнообразных и конкурирующих друг с другом культурных образцов и объектов, из которых могут выбирать индивиды, группы и сообщества. Это имело место в исследуемый период в том смысле, что применительно к городам раннего Нового Времени можно говорить о сравнительно “массовом производстве” грамотных людей учебными заведениями и о массовом производстве (без кавычек) письменных текстов.

Социальная дифференциация и мобильность. Отсутствие непреодолимых барьеров между общественными группами и слоями, наличие возможностей для социальной мобильности – как вертикальной, так и горизонтальной: перехода в иные социальные среды и группы, свободного заимствования культурных образцов и подражания. Нет нужды повторять, что образование, к которому в той или иной мере были причастны члены изучаемого коммуникативного сообщества, было важным каналом вертикальной мобильности. Как показали многочисленные исследования, государственные меры по регламентации поведения подданных, нацеленные на поддержание сословных различий, в основном были безуспешны – это говорит о том, что в раннее Новое Время границы между социальными группами и слоями уже не были святы. Подражание в одежде, в праздничных ритуалах, в речи – и в письме! – были для XVI в. уже вполне распространенным культурным феноменом.

Таким образом, мы видим, что люди, которых мы условно объединили под рубрикой “чиновники”, были той средой, в которой мода была вполне возможна уже в раннее Новое Время.

Референтной же группой для тех, кто участвовал в этой моде, были, по всей видимости, коллеги – *doctores*, количество и авторитет которых в обществе возрастали. Уже с конца XVI в. юристы во многих городах империи были представлены в большом числе не только среди служащих, но и среди членов выборных органов, а это повышало дополнительно их социальный престиж и побуждало многих подражать их манере вставлять в немецкие тексты латинские цитаты и термины, взятые (или якобы взятые) из юридических трактатов и сводов римского права.

Иностранные языки, прежде всего латынь и итальянский, потом – с расцветом версальского двора при короле-солнце – французский, служили символами как гуманистической образованности, так и открытости миру. Именно это сигнализировало и употребление итальянского по происхождению гуманистического курсива для выделения латинских, итальянских, французских слов: этот шрифт вызывал ассоциации с целым комплексом понятий, связанных с прошлым и настоящим романской цивилизации, с Античностью, с Ренессансом и т.д. – т.е., был связан именно с ценностями современности, универсальности и престижа.

В отличие от лексики, где пересыпание немецкой речи иностранными словами через несколько десятилетий снова вышло из моды, в области графики процесс пошел иначе – но по такому пути развития, который тоже описан теорией, излагаемой в книге А.Б. Гофмана: мода превратилась в обычай, как это произошло с вилками, кофе, наручными часами,

женскими брюками и многими другими объектами и образцами поведения. Стало *принято* использовать для иностранных слов специальный шрифт. В рукописных текстах обычай этот просуществовал до отмены готического шрифта в середине XX в., когда гуманистический курсив стал единой графической формой для немецкого и многих прочих языков. В печати же этот обычай пережил даже смерть фразктуры, хотя и претерпел некоторую мутацию: созданные на основе антиквы шрифты стали использоваться теперь для немецкого языка, а латинские фрагменты выделяются часто курсивом, который, правда, не называется как в английском языке, “*italics*”, но восходит именно к итальянскому курсивному шрифту раннего Нового Времени.

В.Б. Перхавко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОВ “КУПЧИНА” И “КУПЕЧЕСТВО” В ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ

Предваряя чтение студентам Московского университета специальных лекционных курсов “Методология русской истории”, “Терминология русской истории”, “История сословий в России”, В.О. Ключевский в конце XIX в. обращал их внимание на одну из самых важных исследовательских проблем: “Множество терминов, встречающихся в памятниках нашей истории, до сих пор затрудняют даже нас, специалистов, и тем более будут затруднять вас, начинающих. Когда мы берем в руки рукописный документ XVII в., какую-нибудь грамоту, то мы читаем со страхом, потому что не знаем, пойдем ли ее; очень легко встретить термин, перед которым нам придется остановиться в недоумении, а между тем этот термин либо объяснен в каком-нибудь акте, либо до сих пор живет где-либо в местном наречии с первоначальным своим смыслом”¹. Утверждение известного российского историка тем более справедливо по отношению к старинной торговой лексике, избилующей давно уже вышедшими из употребления специфическими терминами. Смысл целого ряда слов современного русского языка, отражающих социально-профессиональную градацию общества, далеко не всегда полностью соответствует их значению в эпоху Средневековья и в раннее Новое время. Скажем, “деловыми людьми” в допетровской России именовали не свободных предпринимателей, а зависимых людей монастырей.

Порой в исследованиях археологов, историков, лингвистов, литературоведов можно встретить поверхностные и односторонние суждения о значении устаревших слов, употреблявшихся в эпоху Средневековья и в раннее Новое время по отношению к купечеству, торговым людям и товарообмену². Нередко не принимается во внимание неоднородность терминологической базы древнерусского языка, состоявшей из нескольких разноуровневых лексических групп: 1) церковно-славянизмы; 2) официальная делопроизводственная терминология; 3) бытовая сфера; 4) простонародный язык; 5) диалектизмы. Лексические нормы и трафареты актов и законодательных памятников, конечно же, отличались от языка летописания, агиографических сочинений, эпистолярных произведений. Специфические особенности словоупотребления характерны и для переводной литературы, и для писцовых и переписных книг. Иное дело – устное

¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. VI: Специальные курсы. С. 7.

² См., например: Алешковский М.Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // СА. 1974. № 3. С. 100–111; Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001. С. 266–268; Birnbaum H. Lord Novgorod the Great: Essays in the history and culture of a medieval city state. Berkeley; Los Angeles, 1981. P. 75.

народное творчество, отразившееся в исторических песнях (старинах, былинах).

Кроме того, надо учитывать, что торгово-купеческие термины имели как социальное, так и профессиональное значение, которое не оставалось неизменным на протяжении многих столетий. Одни из них распространились довольно широко, для других характерно ограниченное употребление. Таким образом, при анализе торгово-купеческой лексики очень важно избежать огульных, недифференцированных оценок. Необходимо учитывать все нюансы и оттенки, хронологические, территориальные и словоупотребительные различия. Только при таком подходе можно создать объективную картину. В противном же случае ошибочная трактовка смысла того или иного термина может привести к искаженным представлениям о социальном статусе представителей торгового мира русского Средневековья. Проиллюстрируем выдвинутые положения на примере употребления в русском языке в допетровскую эпоху терминов “купчина” и “купечество”, образованных, как и слово “купец” от одной корневой основы *купъ*.

Купчина

В “Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)” Г.Н. Лукина приводит только одно значение слова “коупчина” = “коупць”³. Согласно договору Новгорода с немецкими городами 1190–1192 гг., ранее датировавшемуся 1189–1199 гг., “оже убьютъ купчину новгородца или немчина купчину Новегороде, то за ту голову 10 гривен серебра”⁴.

В договорных грамотах Великого Новгорода с Тверью 1264–1265 гг., 1270 г., 1304–1305, 1307–1308 гг. содержалось требование новгородской стороны к тверскому князю: из Бежиц “ни закладников приимати, ни твои княгыни, ни бояром твоим, ни слугам твоим: ни смерда, ни купцины”⁵. Одно из положений грамоты 1304–1305 гг. гласит “купцины в силу не судити в волости”⁶.

По статье 1 Русской Правды Краткой редакции (Академический список середины XV в.) за убийство свободного человека, в том числе купчины, наказывали штрафом в 40 гривен⁷. Купчинами новгородцы называли порой также иноземных купцов. 1484–1504 гг. датируется челобитная новгородских купцов и священника, оказавшихся в тюрьме в Ревеле (Таллине), колыванским (ревельским) “посадникам и ратманам”, в которой, в частности, говорится: “...и о ваших печяловатся, о ваших купчинах”⁸. Изредка использовалась уменьшительно-уничижительная форма “купчинка”: между 1535 и 1540 гг. русские власти Иван-города в послании бургомистрам Ревеля (Колывани) констатировали, “что есте поймали государя нашего купчинок Иванегородцких, а сказываετε, с лихими пенезми”⁹. И в псковской

³ Словарь древнерусского русского языка (XI–XIV вв.). (Далее – СДРЯ). М., 1991. Т. IV. С. 338–339.

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова (Далее – ГВНП). М.; Л., 1950. № 28. С. 55.

⁵ ГВНП. № 3, 6, 9. С. 12, 15, 20.

⁶ ГВНП. № 7. С. 18.

⁷ Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1984. Т. 1. С. 47.

⁸ Ревельские акты. Т. 1 // РИБ. СПб., 1894. Т. 15. № 40. Стб. 79.

⁹ Там же. Стб. 63–64.

актовой терминологии XV в. слово “купчина” (купчина) использовалось по отношению к обычным купцам (грамота Пскова Риге 1463–1465 гг.)¹⁰.

Если в XI–XIV вв. термин “купчина” применялся (особенно в памятниках новгородской письменности) по отношению к профессиональным торговцам, купцам, то с середины XV в. его смысл в Северо-Восточной Руси меняется, и это слово отныне стало использоваться только для обозначения митрополичьих и монастырских людей, слуг светских феодалов, на которых временно возлагались разного рода торговые поручения¹¹.

Впервые, пожалуй “монастырский купчина” упоминается в жалованной грамоте Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1448–1454 гг.: “А кто сю грамоту новгородскую переступить, чим изобидит купчину Сергеева монастыря... А вы, бояре двиньский. и житьи люди, и купци, бороните купчину Сергеева монастыря, хотя коли будет Новгород Великий с которыми сторонами не мирен, а вы блюдите монастырского купчину и его люди, как своих...”¹².

В XV–XVII вв. этот термин прочно входит в практику делопроизводства: “Не имали бы есте с игуменова купчины... ни мыта, ни тамги, ни осмьничее” (грамота 1486 г.); “...А вы блюдите монастырского купчину и его люди как своих” (грамота Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1448–1454 гг.); “Грамота подорожнаа, коли кого пошлеть слугу своего купчиною торговати, съ добромъ Пречистые богородици” (около 1475 г.); “Куды пошлють своего купчину с какимъ товаром ни буди во всю мою вотчину... ино с того товару... наместником моимъ... и всем пошлинником не дают мыта” (жалованная грамота удельного князя Юрия Ивановича Дмитровского Троице-Сергиеву монастырю” (1507 г.); Книга этой же обители “купчины казначея старца Иосифа, а в ней писан расход монастырскому казенному воску и меду и ладану” (1668 г.)¹³.

Между 1464 и 1473 гг. была составлена от имени митрополита Филиппа подорожная грамота, почему-то датированная в “Словаре русского языка XI–XVII вв.” 1475 г. В заглавии акта (рукопись XVI в.) указано “Послание митрополита имярек Фотиа (приписано сбоку) коли кого пошлет слугу своего купчиною торговати, с добром Пречистые Богородици”¹⁴.

Монахи, временно выполнявшие обязанности купчины занимались не только сбытом и закупкой товаров, но и приобретением недвижимости для своей обители, в том числе земли: “Пуст(о)ш(ь) купил старец наш Мака-

¹⁰ ГВНП. № 336. С. 323.

¹¹ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 1375–1376; Словарь русского языка XI–XVII вв. (Далее – СлРЯ XI–XVII вв.). М., 1981. Вып. 8. С. 133–134; СДРЯ. М., 1991. Т. IV. С. 338–339; Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край / Подгот. изд. С.И. Котков, Л.Ю. Астахина, Л.А. Владимирова, Н.П. Панкратова; под ред. С.И. Коткова. М., 1984. С. 126, 219; Деловая письменность Вологодского края: XVII–XVIII вв. Вологда, 1979. С. 40, 74, 80, 83; *Перхавко В.Б.* Монастыри как корпоративные собственники в рыночной сфере средневековой Руси // *Собственность в России: Средневековье и раннее Новое время.* М., 2001. С. 237–238; *Он же.* Торговый мир средневековой Руси. М., 2006. С. 333–335.

¹² АСЭИ. М.; Л., 1952. Т. 1. № 220. С. 155.

¹³ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 8. С. 133–134; *Срезневский И.И.* Указ. соч. Стб. 1376. АСЭИ. Т. 1. № 220. С. 155.

¹⁴ АИ. СПб., 1841. Т. 1. С. 129.

рей, купчина монастырской” (грамота 1490-х годов); “Се язъ Макарей купчина старецъ Троецкой Сергиева монастыря, купил есми в домъ Живоначальной Троицы Сергиева монастыря деревни... с пустошми... а даль есми на той земле полчетверта рубля московскими деньгами”¹⁵.

На материалах Новгородского Софийского Дома Б. Д. Греков дал верное определение этой категории людей, участвовавших в торговых операциях: «Купчина – это не купец в нашем смысле слова. “Владычный купчина” состоит на службе у владыки, и на обязанности его лежит покупать все, что нужно для Софийского Дома, особенно если нужно производить закупки где-нибудь далеко, куда нужно специально ездить. Вот для этих поездок и существуют в Софийском Доме особые “купчины”»¹⁶. В его расходных книгах фиксировалась выдача денег владычным купчинам на приобретение продуктов (рыбы, хмеля и др.), тканей (сукна и пр.), готовой одежды и других необходимых товаров.

Монастырским купчинам доверялись значительные денежные суммы, во время торговых поездок всякое могло случиться; приходилось присматривать и за товарами, и за находившимися в их подчинении слугами, возчиками, грузчиками. И одному человеку уследить за всем было подчас очень трудно. Не случайно власти Спасо-Прилуцкого монастыря в конце XVI в. назначали купчинами нередко двух старцев, вместе отправлявшихся по торговым делам: в 1590 г. соль в Москве продавали Серапион и Илинарх; в Холмогорах вели торговлю в 1593 г. Мисаил и Андрей, в 1594 г. – Мисаил и Симон, оформившие в качестве финансового отчета приходные и расходные книги¹⁷.

В Спасо-Прилуцком монастыре эта должность в хозяйственных документах обозначалась как “купчина-казначей”¹⁸. В отличие от Спасо-Прилуцкой обители, казначеи Иосифо-Волоколамского монастыря в приходо-расходных книгах конца XVI в. обычно не именуется купчинами. Их разовые обязанности, очевидно, выполняли монастырские слуги либо выборные крестьяне. В записи от 30 апреля 1574 г. речь идет об одном из таких людей: “дано купчине Климку рубль денег на Волок на покупку, покупать ему рукавицы и холаты”¹⁹.

Как советовали составители Домостроя, “приказному человеку дворецкому или ключнику или купчине на ком вера положена или самому государю всегда в торгу смотрити всяково запасу к домашнему обиходу...”²⁰. Согласно уставным грамотам таможене Соли Вычегодской 1590 и 1619 гг., “люди княженецкие и боярские, и митрополита ростовцкого, и владыки

¹⁵ Срезневский И.И. Указ. соч. Стб. 1376; Сл.РЯ XI–XVII вв. Вып. 8. С. 133–134; АСЭИ. Т. 1. С. 472.

¹⁶ Греков Б.Д. Новгородский Дом святой Софии: (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). СПб., 1914. Ч. 1. С. 86. Примеч. 5.

¹⁷ См.: РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–7; Д. 116. Л. 1–20; Д. 30. Л. 1–6; Д. 40. Л. 1–13; Д. 42. Л. 1–16.

¹⁸ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. / под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1979. Вып. II. С. 287, 362–364 и др.

¹⁹ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. / под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1980. Вып. I. С. 83.

²⁰ Домострой / подгот. изд. В.В. Колесов и В.В. Рождественская. СПб., 2001. С. 112.

вологодского дети боярские и слуги монастырские, и купчины”, приезжавшие с товарами зимой и летом, должны были, как и прочие торговцы, уплачивать сборы – тамгу и явку²¹.

Жители Мещанской слободы, основанной в Москве в 1671 г., ежегодно избирали из своей среды купчину и целовальника, отвечавших за хозяйственное обслуживание иностранных посольств, которые останавливались на двух Посольских дворах (старом и новом). Они закупали провиант и дрова для посольских людей, фураж для их лошадей. Эта служба представляла собой натуральную повинность для торговцев и ремесленников Мещанской слободы и была для них довольно обременительной, посему с 1677 г. в качестве частичной компенсации купчина стал получать денежную подмогу в размере 1 рубля в месяц²². Августом 1698 г. датируется челобитная Федьки Федорова, крестьянина деревни Крапивного, что на Владимирщине, игуменьи Марфе и келарю старице Анастасии с просьбой освободить его с 1 сентября от обременительных обязанностей выборного купчины, которые он выполнял в течение года²³.

Купчинами называли также в XVI–XVII вв. иноземных и русских торговцев, выполняющих поручения властей по казенным закупкам (хлеба, мехов и пр.), а также тех посланцев за рубеж, которые имели задание по продаже царских товаров и приобретении для казны иностранных вещей. В описи архива Посольского приказа 1626 г. не раз упоминаются “кизылбашские” купчины, приезжавшие в Россию торговать от имени персидского шаха²⁴. В 1627 г. окольник Ф.Л. Бутурлин давал прощальную аудиенцию двум купчинам персидского шаха²⁵. В 1643 г. шах послал в Россию вместе с послом “в купчинах человека своего Шах-Бабу и грамоту свою купчинную ему дал”²⁶. Ученый и путешественник из Голштинии Адам Олеарий описал быт персидских купчин, приезжавших в Астрахань во второй четверти XVII в.²⁷. “Да в Астрахань же приезжают безпрестанно шаховы и хановы купчины со многими товары, а с собою привозят в Астрахань, и из Астрахани в верховые города, и из верховых городов в Астрахань и из моря многих торговых людей со многими товары, и называют всех своими людьми и своими товары, и оттого в таможенных пошлинах чинится недобор великой”, – отмечалось в царском наказе окольничему князю М.А. Волконскому, определенному воеводой в Терек (14 мая 1697 г.)²⁸. В 1670 г. астраханские воеводы “купчинных же товаров у казаков у Стенки

²¹ Кистерев С.Н. Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI – начала XVII в. М., 2003. № 1–2. С. 22, 25. (Материалы для истории таможенного дела в России XVI–XVII веков; Т. I).

²² Богоявленский С.К. Московская Мещанская слобода в XVII в. // Богоявленский С.К. Научное наследие: О Москве XVII в. М., 1980. С. 117–119.

²³ Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край. № 204. С. 219.

²⁴ Опись архива Посольского приказа 1626 г. / подгот. к печ. В.И. Гальцов, под ред. С.О. Шмидта. (Далее – ОАПП 1626 г.). М., 1977. Ч. 1. С. 82, 285–287, 341–342, 344, 399–401, 409.

²⁵ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 916.

²⁶ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1933. Ч. 1. С. 175.

²⁷ Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / введ., пер. с нем., примеч. и указ. А.М. Ловягина. СПб., 1906. С. 406–408, 411.

²⁸ ПСЗ. 1830. Собр. I. Т. 3. С. 318.

Разина в неволю иметь не смели”²⁹. Арсений Суханов в “Проскинитарии” 1653 г. описывал, как “турки сидели на корабле, торговые люди человек десять цареградских купчин”³⁰.

Обязанности государевых купчин во время зарубежных поездок нередко выполняли члены привилегированных купеческих корпораций. 1626 г. датируется “отписка из Астарахани ... да о купчине о госте Томиле Тараканове, да под нею роспись государеве казне, что купили за морем государевы торговые люди москвитин Иван Ипатьев да казанец Иван Моисеев Муратов казны про государев обиход и что купили на себя...”³¹. Порой близким приходилось отвечать за неудачные операции родственника-купчины: “А в Третьяково место Кляпикова в купчининных деньгах стоит на правеже брат ево”, – отмечалось в документах российского посольства М.Н. Тиханова в Персию 1613–1615 гг.³²

В 1695–1697 гг. для закупки золота по царскому указу был “отпущен с Москвы в Китайское государство купчина гостиные сотни Спиридон Лянгусов с товарищи, для купецких его великого государя дел, а с ним для своих торгов гостиные приказчики, и гостиные сотни и московских розных слобод, и городовые торговые люди”³³. Иногда это наименование государевых торговых людей использовалось и в первой четверти XVIII в. “А в Купецкую Полату к купчинам послать его великаго государя указ”, – предписывалось в одном из постановлений Сената (1711 г.)³⁴.

Гораздо реже термин “купчина” использовался в документах, касавшихся торговых связей России со странами Западной и Северной Европы. В 1670 г. в Архангельске гостю Ивану Климшину, “да купчинам московскому иноземцу Томосу Кельдермону да Володимеру Воронину” было поручено “продавать товары розных приказов”, согласно царским грамотам, оформленным в Приказе Большой казны. Эти же купчины вместе с гостем Семеном Потаповым сбывали там же в 1671 г. государев смольчуг³⁵. В письме Посольского приказа шведским послам 30 апреля 1674 г. упоминаются “купчины, новгородцы торговые люди”, отправленные в Ругодив (Нарву) “для покупок меди царского величества в казну”. Но шведские власти Нарвы, задержав русских купчин, вынудили их закупить необходимые казне товар по повышенной цене³⁶. Западноевропейских (датских, шведских) коммерсантов, выполнявших в России аналогичные функции, именовали факторами (комиссарами), агентами³⁷. А в литературных произведениях XVII в., например, в “Комидии притчи о блуднем сыне”

²⁹ Дополнения к актам историческим. СПб., 1857. Т. 6. № 2. С. 18–19.

³⁰ Православный палестинский сборник. СПб., 1889. Т. VII, вып. 3(21). С. 9.

³¹ ОАПП. 1626 года. Ч. 1. С. 381–382 (Л. 679 об.).

³² Памятники дипломатических и торговых отношений России с Персией. СПб., 1892. Т. 2. С. 247.

³³ АИ. СПб., 1842. Т. 5. № 268. С. 491.

³⁴ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1880. Т. I. С. 93.

³⁵ Привилегированное купечество России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в.: Сб. док. / сост. Т.Б. Соловьева (отв. сост.), Т.А. Лаптева. (Далее – ПКР). М., 2004. Т. 1. № 45. С. 209, 213.

³⁶ Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. М.; Стокгольм, 1978. № 86. С. 143–144.

³⁷ Там же. № 34. С. 62–63; ПКР. Т. 1. № 78, 98. С. 319, 381.

Симеона Полоцкого, слово “купчина” использовалось для обозначения любого купца-профессионала³⁸.

Кроме того, в писцовых книгах Великого Новгорода конца XVI в. упоминаются “корыстные” (“корыстовные”) купчины, занимавшиеся, очевидно, сбытом чужих товаров в городе на условиях получения части торговой прибыли, а также отъезжие купчины, выезжавшие из города в другие места с целью скупки и перепродажи товарной продукции сельского хозяйства и ремесленного производства³⁹. Чем же конкретно они отличались от прасолов, упоминающихся порой вместе в одних и тех же новгородских документах, например, в меновой грамоте Пантелея Федорова сына прасола Мине Климентьеву сыну корыстного купчины (от 16 марта 1591 г.), сказать трудно⁴⁰. В отличие от других торговых людей, и прасолы, и отъезжие купчины изначально отправлялись в деловые поездки с деньгами, но без товаров. Как и прочие посадские люди, новгородские корыстные купчины (Лукьян Леонтьев, Меншик Буросов, Игнатий Афанасьев с Никитиной улицы и др.) не раз в конце XVI в. выполняли обязанности таможенных целовальников⁴¹. В 1578–1579 гг. корыстный купчина Ларион Степанович Кокоря за 110 рублей брал на откуп сбор полавочной пошлины на Торговой стороне Великого Новгорода⁴².

Купечество

Под собирательным наименованием “купечество” (“купьчство”) в русском языке с XI и до конца XVII в. подразумевалась торговля как деятельность купца⁴³. В таком значении оно использовалось в переводных памятниках церковной литературы, например, в сочинении “XIII слов Григория Богослова” (XI в.): “Аще беда тебе есть, не отъпасти отънудь винограда купьчствомъ (διὰ τῆς ἐμπορίας)”⁴⁴. Лишь Устав (Рукописание) новгородского князя Всеволода Мстиславича торговой корпорации при храме св. Иоанна Предтечи на Опоках, датирующийся концом XIII в. либо началом XIV в., но сохранившийся в самых ранних списках XV– первой трети XVI в. (“А кто хочеть въ коупечество вложитися въ иваньское, и дасть коупцамъ пошлымъ людемъ вклада 50 гривен сребра, а тысячскому сукуно ипское”), кажется, допускает еще одно толкование термина “купечество” – купеческая организация, купеческое сообщество⁴⁵. Впро-

³⁸ Полоцкий Симеон. Избранные сочинения / подгот. текста, статья и коммент. И.П. Еремина. М.; Л., 1953. С. 177–178.

³⁹ Майков В.В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911. С. 168; Греков Б.Д. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI в. СПб., 1912. С. 20; Великий Новгород во второй половине XVI в.: Сб. док. / Сост. К.В. Баранов. (Далее – Великий Новгород). СПб., 2001. С. 62–63.

⁴⁰ Великий Новгород. С. 140.

⁴¹ Там же. С. 28, 30, 35.

⁴² Там же. С. 39.

⁴³ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 8. С. 127.

⁴⁴ Будилович А.С. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи императорской Публичной библиотеки XI века. СПб., 1875. С. 88.

⁴⁵ Древнерусские княжеские уставы / подгот. изд. Я.Н. Щапов. М., 1976. С. 161; Но вряд ли правомерно, смешивая понятия “корпорация” и “сословие”, именовать иванское купечество “купеческой сословной организацией”, существовавшей при церкви Ивана на Опоках в Новгороде. См.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 8. С. 127.

чем, под словом “купечество” в Рукописании князя Всеволода могла подразумеваться и торговая деятельность, как и в уставной подтверждающей грамоте великого князя литовского и польского короля Жигимонта (Сигизмунда) I Полоцкой земле от 23 июля 1511 г., где говорится о местных боярах, “которые бы с них хотели купечеством або ремеслом которым обыходити...”⁴⁶

Термин “купечество” и в XVI–XVII вв. использовался крайне редко для обозначения купеческого дела, торговли. Именно в таком смысле он употреблен в “наказной памяти” купцу Семену Борзунову, отпущенному в апреле 1571 г. вместе с посланником Андреем Кузьминским в Царьград, для дальнейшей доставки царской милостыни православным монастырям Афона и Синая, а также Александрийскому патриарху: «А нечто его вспросят про какие про московские вести, и ему говорити, что он ч(е)л(о)в(е)к купецкой молодой, вестеи ему по чему ведати: “Мы знаем свое купечество”»⁴⁷. Гонец императора Священной Римской империи Юрий Кремер, прибывший в Москву в 1576 г., “объявился у государя, приехав, купцом, и грамоты с ним от цесаря об одном о купечестве”⁴⁸. В 1545 г. мещане Луцка, жаловавшиеся королевским властям на незаконное взимание шляхтой мытных сборов, утверждали: “...Иньшии многии з нас купецтво свое оставили...” И здесь под словом “купецтво” подразумевается купеческое дело, торговля⁴⁹. В сочинении “Козмография сииречь всемирное описание земель” (по списку хронографа Н.И. Егорова, XVII в.) слово “купецтво” также используется для обозначения торговли⁵⁰.

С конца XVII в. словом “купечество” стали обозначать в русской литературе не только торговую деятельность, но и совокупность торговцев-профессионалов. И произошло это, по всей вероятности, под белорусским влиянием. О “купецтве” в собирательном смысле говорится, в частности, в решении собрания купцов Могилева от 23 марта 1623 г. о создании денежного фонда для оказания помощи пострадавшим от ограбления⁵¹. В первый в России поэтический рукописный сборник “Вертоград многоцветный” (1678 г.) Симеона Полоцкого включено стихотворение “Купецтво”, в котором оно обвиняется в восьми тяжких грехах⁵².

Для собирательного обозначения лиц, основным занятием которых являлась торговля, в XVII в. чаще всего использовались во множественном числе словосочетания “гости”, “гостиные и суконные сотни торговые люди”, “торговые люди”, “торговые люди всяких чинов”, “государевы

⁴⁶ Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / сост. А.Л. Хорошкевич. М., 1980. № 323. С. 89.

⁴⁷ Россия и греческий мир в XVI веке: В 2 т. / отв. ред. С.М. Каштанов; подгот. к публ. С.М. Каштанова, Л.В. Столяровой, Б.Л. Фонкича. М., 2004. Т. 1. № 151. С. 304.

⁴⁸ Памятники дипломатических сношений с Римскою империею. СПб., 1851. Т. I. С. 495.

⁴⁹ Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1859. Т. 4, отд. 2. С. 125–126; Торговля на Україні: XIV – середина XVII століття: Волинь і Наддніпрянина. Київ. 1990. № 51. С. 64.

⁵⁰ *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 484.

⁵¹ Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. док. и мат-лов: в 3 т. Мн., 1959. Т. 1. № 143. С. 330.

⁵² *Полоцкий Симеон.* Избранные сочинения. С. 7–8.

торговые люди”, “купецкие люди”⁵³. Челобитная царю в июле 1627 г. составлена от имени гостей и торговых людей разных городов⁵⁴. Причем, порой люди именовали себя в уничижительной форме. Между 28 сентября 1645 г. и 9 января 1646 г. к царю Алексею Михайловичу с жалобой на иностранных коммерсантов обратились “гостишка гостиные и суконные сотни и черных сотен торговые людишка”⁵⁵. В тексте “Вечного” мира 1686 г. между Россией и Речью Посполитой говорится о пополнении “от торговых купецких людей промыслов”⁵⁶. По условиям “Вечного” мира 1686 г. между Россией и Речью Посполитой подтверждался переход к России Левобережной Украины “с войском Запорожским и со всем служилым и купецким и пашенным народом”⁵⁷.

Постепенное внедрение в лексику русского языка с конца XVII в. слова “купечество” связано с началом заключительного этапа оформления купеческого сословия, завершившегося в последней четверти XVIII в. Сказанное выше относится и к другим собирательным терминам, применявшимся по отношению к формировавшимся постепенно сословным группам русского общества. Термин “дворянство” для обозначения принадлежности к высшему сословию даже во второй половине XVII в. использовался сравнительно редко⁵⁸. Прилуцкому полковнику Лазарю Горленко 17 ноября 1665 г. велено было жалованную грамоту на дворянство дати⁵⁹. Понятие “духовенство” в XV–XVII вв. имело два значения: 1) религия, культ (“Тяжчайше есть пред богом, аще в его духовенстве согрешится”, говорится в рукописном Брунона Вирибургского толковании на Псалтирь 1535 г., в переводе Дм. Герасимова, список XVII в.; 2) принадлежность к духовному чину (“через духовенство” в пересказе послания папы польскому королю 1438 г. из Львовской летописи⁶⁰. Под словом “крестьянство” в XVI–XVII вв. тоже подразумевались и христианская вера, и принадлежность к низшему земледельческому классу: “отнюдь некоторыми делы крестьянству убытка не было” (Строгановские столбцы 1558 г.); “из крестьянства в холопство” (документ 1622 г.)⁶¹.

В новгородских и псковских источниках XI – первой половины XVI в. термин “купчина” (“купщина”) являлся синонимом слова “купец” и означал “профессиональный торговец”. В ином смысле оно стало применяться с середины XV в. в Северо-Восточной Руси, где так именовали монаха либо крестьянина, временно выполнявшего возложенные на него поручения торгового характера. Но, в отличие от слова “купец”, купчиной в конце XV – начале XVIII в. ни в законодательных памятниках ни в актовых

⁵³ См., например: Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. № 72, 85, 100. С. 114, 140–141, 154; ПКР. Т. 1. № 23. С. 114, 116–117, 119–121.

⁵⁴ ПКР. Т. 1. № 18. С. 100.

⁵⁵ Там же. № 37. С. 157.

⁵⁶ ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 2. № 1186. С. 781.

⁵⁷ Там же. С. 788.

⁵⁸ СлРЯ XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 195.

⁵⁹ АИ. 1842. Т. 4. № 183. С. 348.

⁶⁰ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 4. С. 389; ПСРЛ. СПб., 1910 Т. 20, ч. 1. С. 255.

⁶¹ Яковлев А. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1943. Т. 1. С. 348; См. также грамоту Крутицкого епископа 1683 г.: ЧОИДР. М., 1902. Кн. 4. С. 207; СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 8. С. 50–51.

источниках таможенного характера. никогда не называли любого покупателя товаров и недвижимости⁶².

Одни и те же по написанию и звучанию торговые термины порой имели разный смысловой оттенок, в зависимости от сферы их использования – законодательно-правовой, таможенной, бытовой, литературной, церковной, фольклорной. Поэтому надо различать, когда слово “купчина” употребляется в письменных источниках XI–XVII вв. в профессиональном значении, в каких случаях оно имеет социальное звучание, а в каких – функциональное. Сказанное выше в полной мере относится и к терминам “купец”, “купчина”, “купечество”.

⁶² Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 171, 173, 372, 402, 406; Соборное Уложение 1649 г. Л., 1987 (Гл. X. Ст. 209, 244; Гл. XVII. Ст. 13, 34; Гл. XVIII. Ст. 15 ; Гл. XXV. Ст. 11); *Перхавко В.Б.* История русского купечества. М., 2008. С. 141–142.

А.И. Раздорский

**ТАМОЖЕННЫЕ КНИГИ XVII–XVIII вв.
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
И ИХ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА**

Таможенные книги, составлявшиеся в местных таможах, располагавшихся до таможенной реформы 1753 г. по всей территории страны, являются ценным источником по социально-экономической истории различных регионов России XVII – первой половины XVIII в.¹ Составление товарных таможенных книг продолжалось до 1754–1755 гг. Однако в ряде городов книги, в которых фиксировались некоторые специальные виды таможенных сборов, в частности, с конской торговли, продолжали вестись вплоть до начала 1770-х годов.

В рассматриваемых документах содержатся сведения о географии торговых связей городов, ассортименте, ценах и объемах поставок товаров, привозившихся на региональные рынки, номенклатуре, правилах взимания и размерах таможенных пошлин, действовавших в том или ином населенном пункте, системе мерных и тарных единиц, бытовавших на данной территории. Имеющиеся в таможенных книгах данные о социальном и персональном составе участников торговых операций придают этим памятникам значение важного источника информации для биографических, генеалогических и просопографических разысканий. Так, например, в курских таможенных книгах 1640–1660-х годов зафиксирован древнейший известный предок св. Серафима Саровского (в миру – Прохора Мошна) – курский посадский человек Иван, по прозвищу Машня (Мошна)². Важно подчеркнуть, что таможенные книги включают материалы по истории торговли, купечества и таможенного дела не только того города, в таможе которого они были составлены, но и других населенных пунктов, поддерживавших с этим городом торговые связи.

Рассматриваемые источники позволяют установить целый ряд статистических показателей, позволяющих проследить динамику развития региональных рынков, конкретно:

- общее количество таможенных явок продавцов и покупателей;
- общую совокупную стоимость предложенных к продаже и скупленных товаров;

¹ *Базилевич К.В.* Таможенные книги как источник экономической истории России // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933. Сб. 1. С. 110–129; *Он же.* К вопросу об изучении таможенных книг XVII в.: (Проблема внутренней критики источника) // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Сб. 2. С. 71–90; *Мерзон А.Ц.* Таможенные книги XVII века: Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М., 1957; *Кафенгауз Б.Б.* Таможенные книги XVIII века // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 127–137; *Раздорский А.И.* О составлении и публикации регестов таможенных книг XVII–XVIII вв. // ОА. 2007. № 1. С. 31–40.

² См.: *Раздорский А.И.* О древнейшем известном предке Серафима Саровского // Клио. 2008. № 1. С. 121–122.

- средний размер торговых операций (отношение совокупной стоимости товаров или денег на покупку к числу явок);
- группировку явок в стоимостном выражении;
- количественный и географический состав городов и уездов, жители которых регистрировали товары или деньги на покупку в таможене;
- количество явок, сделанных жителями отдельных городов и уездов;
- совокупную стоимость товаров, проданных и скупленных жителями отдельных городов и уездов;
- ассортимент товаров, зарегистрированных в таможене;
- количество явок, объемы поставок и совокупную стоимость отдельных видов товаров;
- средние цены в торговле отдельными видами товаров (отношение общего объема к совокупной стоимости);
- уровень торговой специализации (количественное соотношение чистых и смешанных товарных партий);
- персональный состав торговцев;
- количество явок, сделанных отдельными лицами и совокупную стоимость проданных и скупленных ими товаров (регулярность и размеры личных торговых операций);
- количество явок, сделанных представителями отдельных социальных групп;
- совокупную стоимость товаров, проданных и скупленных представителями отдельных социальных групп;
- количество явок по месяцам (сезонные колебания в деятельности рынка).

Таможенные книги – региональные по своему происхождению источники – имеют ключевое значение для решения одной из фундаментальных проблем всей отечественной историографии – проблемы формирования единого всероссийского рынка, который в сложившемся виде представлял собой систему взаимосвязанных местных рынков, объединенных в целое общей функцией – осуществлением товарообмена между производителями и потребителями в масштабе всей страны на основе товарного производства и географического разделения труда. Поэтому для исследования процесса его эволюции ключевое значение имеет многоаспектное и детальное изучение развития его составляющих – местных рынков, ибо, не познав частное, невозможно познать целое. Это тот случай, когда изучение собственно региональной истории помогает установить закономерности развития всей страны в целом.

Подавляющее большинство таможенных книг хранится в различных фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве. Это, прежде всего, фонды 137 (“Боярские и городские книги”), 210 (“Разрядный приказ”), 214 (“Сибирский приказ”), 273 (“Камер-коллегия”) и 829 (“Таможни и кружечные дворы”). Таможенные книги имеются также в некоторых других фондах РГАДА, например, в фондах местных таможен (например, Астраханской, Вятской, Сольвычегодской, Севской, Серпуховской, Трубчевской, Тульской и др.), фондах некоторых региональных государственных учреждений (например, в фондах Шацкой ландратской канцелярии, камерирской и рентмейстерской конторы, Илимской воеводской канцелярии) и др.

Значительное собрание таможенных книг XVII–XVIII вв. сосредоточено в Архиве С.-Петербургского института истории РАН (СПБII). В нем присутствуют документы по Тихвинскому посаду и Александро-Свирской слободе XVII – начала XVIII в., а также по Архангельску, Верховажской ярмарке, Шенкурску, Галичу, Мезени, Пустозерску и Кевроли XVIII в.³ В Архиве СПБII хранятся отрывки наиболее древней из дошедших до наших дней таможенной книги Морёвской слободы (Деревская пяттина Новгородской земли) 1599 г.⁴ В Российской государственной библиотеке имеется конволют, в котором переплетены таможенные книги различных южных городов за 1661/62 г., отражающие состояние рынков этого региона в момент кульминации финансового кризиса, вызванного выпуском в обращение медных денег⁵. Несколько источников рассматриваемого типа представлены в фондах Государственного Исторического музея. Это две таможенные книги Москвы 1690-х годов, таможенная книга Саранска 1691/92 г., отрывок холмогорской таможенной книги 1658 г. Все названные книги из собрания ГИМ опубликованы⁶.

Имеются таможенные книги и в некоторых региональных архивах и музеях. Так, в древлехранилище Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника имеется комплекс таможенных книг Пскова с пригородами 1670/71 г.⁷, псковские таможенные книги XVIII в.⁸ и фрагмент таможенной книги Томска 1711 г.⁹, в Государственном архиве Псковской области – псковские таможенные книги XVIII в.¹⁰; в Государственном архиве Астраханской области – таможенные книги Астрахани¹¹, Гурьева, Красного Яра и Черного Яра XVIII в. (выявлены автором настоящей статьи при обследовании описей архива), в Государственном архиве Воронежской области – таможенная книга Воронежа 1705 г.¹², в Государственном архиве Архангельской

³ О таможенных книгах XVIII в. в Архиве СПБII см.: *Малышева И.А.* Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск, 1997. С. 177–178.

⁴ См.: *Раздорский А.И.* “Того ж дни продал старорушанин два луба соли без розмеры”: Таможенная книга Морёвской слободы 1599 г. // ИА. 2011. № 5. С. 155–171.

⁵ ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). Ед. хр. 9988.

⁶ Саранская таможенная книга за 1692 г. / под ред. А.И. Яковлева. Саранск, 1951; *Сакович С.И.* Из истории торговли и промышленности России конца XVII века. М., 1956. (Тр. ГИМ; Вып. 30); Книги Московской Большой таможни – 1693–1694 гг.: Новгородская, Астраханская, Малороссийская. М., 1961. (Тр. ГИМ; Вып. 38); *Тимошина Л.А.* Холмогорская таможенная книга 1658 г. // *Очерки феодальной России.* М., 2000. Вып. 4. С. 186–236.

⁷ *Чистякова Е.В.* Псковский торг в середине XVII в. // Изв. 1950. Т. 34. С. 198–235.

⁸ *Алексеева О.А.* Источники по истории торговли и промыслов Псковского края в XVIII в. (1725–1800 гг.) // Материалы XV Всерос. научн. конф. “Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков”: К столетию со дня рождения П.А. Колесникова. М., 2008. С. 32.

⁹ *Перевалов В.А.* Сибирские документы XVII–XVIII вв. в собрании Псковского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника // *Тобольский исторический сборник.* Тобольск, 1997. Вып. 2, ч. 2. С. 41–44.

¹⁰ *Алексеева О.А.* Источники... С. 32.

¹¹ *Юхт А.И.* Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е гг. XVIII в.). М., 1994. С. 8.

¹² *Мизис Ю.А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII в. Тамбов, 2006. С. 581. – В историографии приведена иная да-

области – таможенные книги Кевроли 1729 г. и Шенкурска 1743 г.¹³, в Государственном архиве Тюменской области – комплекс таможенных книг Тюмени XVIII в.¹⁴. К сожалению, целенаправленного и систематического выявления таможенных книг в региональных хранилищах до сих пор не произведено. По-видимому, эти памятники могут быть обнаружены и в других архивах и музеях страны, хотя их количество едва ли может быть значительным.

Некоторые таможенные книги оказались за пределами России и хранятся сейчас в зарубежных архивах. Так, в Государственном архиве Швеции в Стокгольме находятся подлинники древнейших русских точно датированных таможенных книг: новгородских 1610/11, 1613/14 и 1614/15 гг., повенецкой 1612 г. и Невского устья 1616 и 1618 гг. (все они опубликованы¹⁵), а также ряд тихвинских таможенных книг XVII в.¹⁶.

Несмотря на то, что изучение таможенных книг началось еще в середине XIX в.¹⁷, до сих пор нет более или менее четкого представления о том, по каким городам и регионам и за какой период эти источники сохранились¹⁸. Нами была предпринята попытка установить состав населенных пунктов, по которым имеются таможенные книги XVII и XVIII вв.

Сведения о таможенных книгах Европейской России XVIII в., хранящихся в РГАДА, собраны нами в ходе обследования описей различных фондов этого архива¹⁹. В “Описании документов и бумаг, хранящихся

тировка этого источника – 1706 г. (см.: *Проторчина В.М.* Торговые связи Воронежа по таможенной книге 1706 года // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 93–103).

¹³ *Мальшиева И.А.* Памятники... С. 178.

¹⁴ *Черкасова А.С.* Таможенные книги о социальном составе населения горнозаводских центров Урала первой половины XVIII столетия // Уральский археографический ежегодник за 1971 год. Свердловск, 1974. С. 34–41.

¹⁵ Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов. СПб., 1996; *Чернякова И.А.* Таможенная книга, составленная на Повенецком рядке. 1612 г. // Рабочая тетрадь по курсу русской палеографии: Учебное пособие. Петрозаводск, 2003. С. 88–100; Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10. С. 384–482.

¹⁶ *Дадыкина М.М.* Таможенные книги Тихвинского монастыря в Государственном архиве Стокгольма (Riksarkivet) // Материалы XV Всерос. научн. конф. “Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков”. С. 113.

¹⁷ См.: *Раздорский А.И.* Из истории изучения таможенных книг XVII в. М.П. Заблочкин-Десятовским // ОА. 2010. № 6. С. 18–22.

¹⁸ Историографический обзор изучения внутренней торговли России XVII и XVIII вв. по материалам таможенных книг и библиографию публикаций этих источников см.: *Раздорский А.И.* Торговля Курска в XVII веке: (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001. С. 15–58; *Он же.* Книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г.: Исследование. Текст. Комментарии. СПб., 2007. С. 5–10; *Он же.* Исследования и публикации таможенных и кабацких книг в 2002–2009 гг. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. мат-лов Второй междунар. научн. конф. (Курск, 2009 г.). Курск, 2009. С. 9–21; *Он же.* Публикации таможенных книг России XVII–XVIII вв.: (Историико-библиографический обзор) // Библиография. 2011. № 2. С. 77–83.

¹⁹ Подробнее см.: *Раздорский А.И.* Таможенные книги Европейской России XVIII в. в фондах РГАДА: (количественная, хронологическая и географическая характеристика) // АЕ за 2005 год. М., 2007. С. 394–462. – После сдачи статьи в печать автором дополнительно к 1240 учтенным были выявлены еще две таможенные книги XVIII в.: “Книга о сборе таможенных денег по торгам бурмистрами Аленчиковым, Лариным и Самариным” в Шацке в 1716 г. (Ф. 904. Оп. 1. Ед. хр. 657) и “Книга сасовского и коргошинского таможенного

в Московском архиве министерства юстиции” таможенные книги учтены, как правило, вместе с синхронными кабацкими книгами (книгами кружечных дворов), причем в описаниях эти источники часто не разведены друг с другом. Таможенные и кабацкие книги обычно составляли единый комплекс приходно-расходной документации, но так было не во всех случаях. По некоторым городам за тот или иной год имеется только таможенная или только кабацкая книга. Данное обстоятельство не позволяет с исчерпывающей точностью определить состав таможенных и кабацких книг по отдельности. Информация о сибирских таможенных книгах XVII в. получена из путеводителя по РГАДА и проверена по изданию “Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа”, составленного Н.Н. Оглоблиным²⁰. Перечень таможенных книг Европейской России XVII в. уточнен по межфондовой описи “Книги московских приказов в фондах ЦГАДА”²¹. Сведения о таможенных книгах, находящихся вне РГАДА, приведены по материалам, опубликованным в историографии.

Таможенные книги XVII–XVIII вв. выявлены по 289 городским и сельским населенным пунктам России, в том числе за XVII в. – по 160 и за XVIII в. – по 197. Источники, относящиеся к обоим столетиям, выявлены по 68 населенным пунктам (см. Прил.).

Точный количественный состав таможенных книг XVII–XVIII вв. до сих пор неизвестен. По Европейской части России в РГАДА выявлено 1242 книги XVIII в. Н.Н. Оглоблиным учтено 880 приходных и 234 соборных сибирских таможенных книг за 1616–1717 гг. В описи книг московских приказов (далее – КМП) учтено в общей сложности 216 таможенных книг²². Многочисленные таможенные книги южных городов, хранящиеся в фонде Разрядного приказа, не подсчитаны. Можно предположить, что общее количество сохранившихся таможенных книг России XVII–XVIII вв. приближается примерно к трем тысячам.

По некоторым населенным пунктам (обычно это пригороды, села или погосты) нет самостоятельных таможенных книг. Сведения о сборе таможенных пошлин в этих местах приведены, как правило, в составе таможенных книг их уездных центров. Так, например, в сольвычегодских таможенных книгах XVII в. имеются разделы о деятельности волостных торжков в погостах Ильинском, Лальском, Объячевском и Ношуле Сольвычегодского уезда. В комплекс псковских таможенных книг 1670/71 г., помимо самого Пскова, входят данные по псковским пригородам (Опочка, Остров, Изборск, Велье, Выбор, Владимирец). Таможенные записи по городам Недрыгайлово и Каменному объединены с пудивльскими.

сбора” Шацкого уезда 1718 г. (Там же. Ед. хр. 739). Данные об источниках Европейской части страны XVII в. и Сибири XVIII в., имеющихся в РГАДА, извлечены из путеводителя по этому архиву (Российский государственный архив древних актов: Путеводитель: в 4 т. М., 1997. Т. 3, ч. 1. С. 163–195, 669–688).

²⁰ Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1897. Ч. 2: Документы таможенного управления. С. 106–115.

²¹ Книги Московских приказов в фондах ЦГАДА: 1495–1718 гг.: Опись / отв. сост. В.Н. Шумилов; под ред. Л.В. Черепнина. М., 1972.

²² Раздорский А.И. Таможенные и кабацкие книги XVII в. в составе городских книг московских приказов в фондах РГАДА // Русское Средневековье: Сб. ст. в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева. М., 2012. С. 164–198.

Представленные сведения о географической номенклатуре таможенных книг носят предварительный характер и будут дополнены и уточнены в ходе изучения описей различных фондов РГАДА, а также в результате обследования других библиотек, архивов и музеев страны.

Количество населенных пунктов, по которым сохранились таможенные книги XVII в., распределяется между различными “областями” городов России XVII в. следующим образом²³: Сибирские города – 36, Польские – 27, Замосковные – 18, Поморские – 16, Слободские – 13, Немецкая Украина – 12, Украинные, Литовская Украина – по 9, Рязанские – 8, Северские – 6, Заоцкие – 4, Понизовые – 1. Как видим, в географическом плане рассматриваемые источники наиболее широко представлены по южной части страны (польские, украинные, северские и слободские города) – всего по 55 населенным пунктам, а также по Сибири. Практически полностью отсутствуют таможенные книги по поволжским городам. Нет этих документов по большинству городов густонаселенного в XVII столетии Замосковья.

Количество населенных пунктов, по которым сохранились таможенные книги XVIII в., распределяется между провинциями (существовавшими на 1745 г.)²⁴ так: Шацкая провинция – 17, Новгородская – 15, Тобольская – 14, Иркутская, Кунгурская, Московская, Севская – по 11, Архангелогородская – 10, Вятская, Нижегородская, Тамбовская – по 8, Белозерская – 7, Ярославская – 6, Орловская, Тульская, Углицкая – по 5, Белгородская, Воронежская, Елецкая, Устюжская – по 4, Астраханская губ., Алатырская и Владимирская провинции – по 3, Галицкая, Енисейская, Костромская, Пензенская, Переславль-Залесская, Юрьев-Польская – по 2, Вологодская, Калужская, Переяславль-Рязанская, Псковская, С.-Петербургская губ., Свяжская, Смоленская – по 1. В географическом плане таможенные книги XVIII в. представлены более широко, чем аналогичные памятники XVII в. Они имеются по всем губерниям России, существовавшим в середине XVIII в., за исключением Оренбургской, а также Киевской (в Малороссии до таможенной реформы 1753 г. действовала автономная система таможенного обложения) и новозавоеванных в ходе войн со Швецией территорий Выборгской, Ревельской и Рижской губ. Из провинций, на которые делились губернии до екатерининской губернской реформы, таможенных книг нет только по Суздальской провинции Московской губ., Великолуцкой и Тверской провинциям Новгородской губ., Арзамасской провинции Нижегородской губ., Бахмутской провинции Воронежской губ., Казанской и Симбирской провинциям Казанской губ.

К сожалению, в сохранившемся корпусе таможенных книг имеются существенные лакуны. Не выявлены (и, видимо, вряд ли будут обнаружены) таможенные книги по таким крупным торговым центрам России XVII–XVIII вв., как Казань, Калуга, Кострома. За XVII в. полностью лишены таможенных книг Архангельск, Астрахань, Коломна, Нижний

²³ При распределении населенных пунктов по различным регионам мы ориентировались на сведения, приведенные С.Ф. Платоновым (см.: *Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время.* 5-е изд. М., 1995. С. 7–80).

²⁴ Сведения об административно-территориальной принадлежности населенных пунктов даны по: *Арсеньев К.И. Статистические очерки России.* СПб., 1848. С. 83–88.

Новгород, Серпухов, Тула, за XVIII в. – Вологда, Смоленск, Тверь, Тотма. По Москве имеется богатое собрание таможенных книг XVIII в., однако за предшествующее столетие сохранились только отрывки таможенных книг 1690-х гг. и конских таможенных книг конца 1620 – начала 1630-х годов. Лишь фрагментарно сохранилась таможенная документация и по Петербургу.

Приложение

Географическая номенклатура таможенных книг XVII и XVIII вв.

Населенный пункт	Наличие документов XVII в.	“Область” городов XVII в.	Наличие документов XVIII в.	Провинция (на 1745 г.)
Алатырь	–		+	Алатырская
Алекسانдро-Свирская слобода	+	Немецкая Украина	+	Новгородская
Алексин	–		+	Тульская
Алешня	+	Слободские	–	
Андомский погост	–		+	Новгородская
Архангельск	–		+	Архангелогородская
Астрахань	–		+	Астраханская губ.
Ахтырка	+	Слободские	–	
Бадеево, с. (Боровский у.)	–		+	Московская
Балахна	–		+	Нижегородская
Бежецк	–		+	Углицкая
Белгород	+	Польские	+	Белгородская
Белев	+	Украинные	+	Орловская
Белозерск	+	Замосковные	+	Белозерская
Белокогодск	+	Польские	–	
Белополье	+	Слободские	–	
Белый	+	Литовская Украина	–	
Березов	+	Сибирские	+	Тобольская
Бирюльская таможня	+	Сибирские	–	
Благовещенская ярмарка (Шенкурский у.)	–		+	Архангелогородская
Благовещенское, с. (Шацкий у.)	–		+	Шацкая
Богданово, с. (Шацкий у.)	–		+	Шацкая
Болхов	+	Украинные	+	Орловская
Борисоглебская сл. (Романовский у.)	+	Замосковные	–	
Борисоглебское, с.	–		+	Тамбовская
Боровск	+	Замосковные	+	Московская
Братский острог	+	Сибирские	+	Иркутская
Бронницы, с. (Коломенский у.)	–		+	Московская
Брянск	+	Северские	+	Севская
Бурмакино, с. (Ярославский у.)	–		+	Ярославская
Валуйки	+	Польские	+	Белгородская
Велиж	+	Литовская Украина	–	
Великие Луки	+	Литовская Украина	–	

Населенный пункт	Наличие документов XVII в.	“Область” городов XVII в.	Наличие документов XVIII в.	Провинция (на 1745 г.)
Великий Устюг ¹	+	Поморские	+	Устюжская
Велье	+	Немецкая Украина	-	Тульская
Венев	-		+	
Верхний Чусовской городок (Соликамский у.)	-		+	Кунгурская
Верховажский посад	-		+	Вологодская
Верхомуллинское, с. (Соликамский у.)	-		+	Кунгурская
Верхососенск	+	Польские	-	Тобольская
Верхотурье	+	Сибирские	+	
Весьегонское, с. (Устюжно-Железопольский у.)	-		+	Белозерская
Владимирец	+	Замосковные	-	Воронежская
Вологда	+	Замосковные	-	
Вольный	+	Польские	-	Калужская
Воронеж	+	Польские	+	
Воротынский	-		+	Владимирская
Всегодичи, с. (Владимирский у.)	-		+	
Выбор	+	Немецкая Украина	-	Шацкая
Вышенская пристань (Шацкий у.)	-		+	
Вязниковская слобода (Владимирский у.)	+	Замосковные	-	Смоленская
Вязьма	+	Литовская Украина	+	
Гавриловская слобода	-		+	Юрьев-Польская
Галич	-		+	Галицкая
Гремячий	+	Рязанские	-	Астраханская губ.
Гурьев	-		+	
Данков	+	Рязанские	-	Тульская
Дедилово	-		+	
Дедюхино, с. (Соликамский у.)	-		+	Кунгурская
Добрый	+	Польские	+	Тамбовская
Дорогобуж	+	Литовская Украина	-	Шацкая
Дубровка, с. (Шацкий у.)	-		+	
Елатьма	-		+	Шацкая
Елец	+	Польские	+	Елецкая
Енисейск	+	Сибирские	+	Енисейская
Епифань	+	Рязанские	-	Елецкая
Ефремов	+	Украинные	+	
Зарайск	+	Рязанские	-	Тульская
Иван-Озеро, с. (Веневский у.)	-		+	
Изборск	+	Немецкая Украина	-	Иркутская
Илгинская таможня	+	Сибирские	-	
Илимский острог	+	Сибирские	+	
Ильинская застава (Якутский у.)	+	Сибирские	-	

Населенный пункт	Наличие документов XVII в.	“Область” городов XVII в.	Наличие документов XVIII в.	Провинция (на 1745 г.)
Ильинский погост (Сольвычегодский у.)	+	Поморские	–	
Ильинское (Обва Ильинская), с. (Соликамский у.)	–		+	Кунгурская
Инжавино, с. (Шацкий у.)	–		+	Шацкая
Ирбитская ярмарка	+	Сибирские	+	Тобольская
Иркутск	+	Сибирские	+	Иркутская
Истобенск, с. (Орловский у.)	–		+	Вятская
Кадом	–		+	Шацкая
Кайгород	–		+	Вятская
Калязинская Никольская слобода (Кашинский у.)	–		+	Углицкая
Каменный	+	Северские	+	Севская
Карачев	+	Украинные	+	Севская
Каргополь ²	+	Поморские	+	Белозерская
Карпов	+	Польские	–	
Касимов	+	Рязанские	+	Шацкая
Кашин	–		+	Углицкая
Кашира	+	Замосковные	+	Московская
Кевроль	–		+	Архангелогородская
Кежемская слобода	–		+	Иркутская
Керенск	–		+	Шацкая
Кетск	+	Сибирские	–	
Кижский погост (Олонцкий у.)	–		+	Новгородская
Кимры, с. (Кашинский у.)	–		+	Углицкая
Киренский острог	+	Сибирские	+	Иркутская
Кириллов	–		+	Белозерская
Киртасская застава	+	Сибирские	–	
Клементьевская слобода	–		+	Московская
Троице-Сергиева монастыря (Московский у.)				
Клин	–		+	Московская
Кляземский городок (Суздальский у.)	+	Замосковные	–	
Княгинино, с. (Нижегородский у.)	–		+	Нижегородская
Козлов	+	Польские	+	Тамбовская
Кола	–		+	Архангелогородская
Коломна	–		+	Московская
Коренная ярмарка (Курский у.)	–		+	Белгородская
Коротояк	+	Слободские	–	
Котельнич	–		+	Вятская
Краснополье	+	Слободские	–	
Красноярск	+	Сибирские	–	
Красный Яр	–		+	Астраханская губ.
Кромы	+	Украинные	+	Севская

Населенный пункт	Наличие документов XVII в.	“Область” городов XVII в.	Наличие документов XVIII в.	Провинция (на 1745 г.)
Кузнецк	+	Сибирские	+	Тобольская
Кунгур	–		+	Кунгурская
Кунчукурская таможня	–		+	Архангелогородская
Курмыш	–		+	Алатырская
Курск	+	Польские	+	Белгородская
Лальск	+	Поморские	+	Устюжская
Лебедин	+	Слободские	–	
Лебединь	+	Польские	–	
Леденгское усолье (Тотемский у.)	+	Поморские	–	
Ливны	+	Польские	+	Елецкая
Лихвин	+	Заоцкие	–	
Лысково (Макарьевский у.)	–		+	Нижегородская
Люблино, с. (Каширский у.)	+	Замосковные		
Майкор, с. (Соликамский у.)	–		+	Кунгурская
Макарьевская ярмарка	–		+	Нижегородская
Мангазея	+	Сибирские	+	Енисейская
Маяцкий	+	Слободские	–	
Мезень	–		+	Архангелогородская
Мещовск	+	Заоцкие	–	
Миасская слобода	–		+	Тобольская
Мирополье	+	Слободские	–	
Михайлов	–		+	Переяславль-Рязанская
Можайск	+	Замосковные	–	
Морёвская слобода	+	Немецкая Украина	–	
Морша, с. (Тамбовский у.)	–		+	Тамбовская
Мосальск	+	Заоцкие	–	
Москва	+	Замосковные	+	Московская
Мошенская таможня (Каргопольский у.)	–		+	Белозерская
Мурашкино, с. (Нижегородский у.)	–		+	Нижегородская
Муром	–		+	Владимирская
Мценск	+	Украинные	+	Орловская
Нарым	+	Сибирские	+	Тобольская
Невель	+	Литовская Украина	–	
Недельное, с. (Оболенский у.)	–		+	Московская
Недрыгайлов	+	Северские	+	Севская
Нежегольск	+	Польские	–	
Нерчинск	+	Сибирские	+	Иркутская
Нижний Новгород	–		+	Нижегородская
Новгород	+	Немецкая Украина	+	Новгородская
Новое Усолье, с. (Соликамский у.)	–		+	Кунгурская
Новосиль	+	Украинные	+	Орловская
Новоудинская слобода	+	Сибирские	+	Иркутская

Населенный пункт	Наличие документов XVII в.	“Область” городов XVII в.	Наличие документов XVIII в.	Провинция (на 1745 г.)
Новый Оскол	+	Польские	–	Вятская
Нолинское, с.	–		+	
Ношуль (Сольвычегодский у.)	+	Поморские	–	Тобольская
Обдорск	+	Сибирские	+	
Обоянь	+	Польские	–	Новгородская
Объячевский погост (Сольвычегодский у.)	+	Поморские	–	
Олекминский острог	+	Сибирские	–	Новгородская
Олонец	–		+	
Ольшанск	+	Слободские	–	Иркутская
Опочка	+	Немецкая Украина	–	
Орел	+	Украинные	–	Вятская
Орленская слобода	–		+	
Орлов	–		+	Кунгурская
Орлов	+	Польские	–	
Орлов городок (Соликамский у.)	+	Поморские	+	Воронежская
Остров	+	Немецкая Украина	–	
Острогожск	+	Слободские	+	Новгородская
Оштинский погост (Олонецкий у.)	–		+	
Павлово, с. (Нижегородский у.)	–		+	Воронежская
Павловск (Воронежская губ.)	–		+	
Палатов	+	Польские	–	Тобольская
Пелым	+	Сибирские	+	
Пенза	–		+	Переславль-Залесская
Перевитск	+	Рязанские	–	
Переславль-Залесский	–		+	Ярославская
Перяславль-Рязанский	+	Рязанские	–	
Пертома, с. (Пошехонский у.)	–		+	Переславль-Залесская
Петровск	–		+	
Петрозаводск	–		+	Новгородская
Плес	–		+	
Повенец	+	Поморские	+	Новгородская
Погостская таможня (Муромский у.)	–		+	
Поречье, с.	+	Литовская Украина	–	Ярославская
Пошехонье	–		+	
Псков	+	Немецкая Украина	+	Новгородская
Пудож	–		+	
Пурдышки, с. (Шацкий у.)	–		+	Архангелогородская
Пустозерск	–		+	
Путивль	+	Северские	+	Севская
Ржева Пустая	+	Немецкая Украина	–	

Населенный пункт	Наличие документов XVII в.	“Область” городов XVII в.	Наличие документов XVIII в.	Провинция (на 1745 г.)
Рогнедино, с. (Брянский у.)	–		+	Севская
Романов ³	+	Замосковные	+	Воронежская
Рыбная пустошь, с. (Тамбовский у.)	–		+	Тамбовская
Рыбная слобода (Ярославский у.)	–		+	Ярославская
Рыльск	+	Северские	+	Севская
Салтов	+	Слободские	–	
Санкт-Петербург	–		+	С.-Петербургская губ.
Сапожок	+	Рязанские	–	
Саранск	+	Понизовые	+	Пензенская
Сасово, с. (Шацкий у.)	–		+	Шацкая
Свинская ярмарка	–		+	Севская
Святнаволоцкая Лопская таможня (Олонецкий у.)	–		+	Новгородская
Севск	+	Северские	+	Севская
Селенгинский острог	–		+	Иркутская
Серпейск	+	Заоцкие	–	
Серпухов	–		+	Московская
Сидоровское, с. (Костромской у.)	–		+	Костромская
Скопин	–		+	Елецкая
Смоленск	+	Литовская Украина	–	
Сокольск	+	Польские	–	
Солигалич	–		+	Галицкая
Соликамск	–		+	Кунгурская
Сольвычегодск	+	Поморские	+	Устюжская
Сосновка, с. (Тамбовский у.)	–		+	Тамбовская
Спасское, с. (Шацкий у.)	–		+	Шацкая
Старая Русса	–		+	Новгородская
Стародуб Ряполовский	+	Замосковные	–	
Старое Сысоево, с. (Тамбовский у.)	–		+	Тамбовская
Старый Оскол	+	Польские	–	
Суджа	+	Слободские	–	
Сургут	+	Сибирские	+	Тобольская
Тазовское зимовье	+	Сибирские	–	
Талецкий	+	Польские	–	
Тамбов (с уездом)	+	Польские	+	Тамбовская
Тара	+	Сибирские	+	Тобольская
Тверь	+	Замосковные	–	
Темников	–		+	Шацкая
Тихвинский посад	+	Немецкая Украина	+	Новгородская
Тобольск	+	Сибирские	+	Тобольская
Толвуйский погост	–		+	Новгородская
Томск	+	Сибирские	+	Тобольская
Торжок	+	Замосковные	–	
Торопец	+	Литовская Украина	–	

Населенный пункт	Наличие документов XVII в.	“Область” городов XVII в.	Наличие документов XVIII в.	Провинция (на 1745 г.)
Тотьма	+	Поморские	–	
Троицкий острог	–		+	Шацкая
Трубчевск	–		+	Севская
Тула	–		+	Тульская
Туринск	+	Сибирские	+	Тобольская
Туруханское зимовье	+	Сибирские	–	
Турчасов	–		+	Белозерская
Тыренская слобода (Шацкий у.)	–		+	Шацкая
Тюмень	+	Сибирские	+	Тобольская
Углич	–		+	Углицкая
Усерд	+	Польские	–	
Усмань	+	Польские	–	
Усть-Киренский острог	+	Сибирские	–	
Усть-Кутский острог	+	Сибирские	+	Иркутская
Усть-Мошский погост	–		+	Белозерская
Усть-Цильма, с. (Пустозерский у.)	–		+	Архангелогородская
Устюжна-Железопольская	+	Замосковные	–	
Федоровка, с. (Шацкий у.)	–		+	Шацкая
Филипова (Филиповская) слобода (Хлыновский у.)	–		+	Вятская
Харьков	+	Слободские	–	
Хатунь, с. (Московский у.)	–		+	Московская
Хлынов (Вятка)	+	Поморские	+	Вятская
Холмогоры	+	Поморские	+	Архангелогородская
Хотмышск	+	Польские	–	
Чадромская волость (Устьянские волости)	+	Поморские		
Чаронда	+	Поморские	–	
Чебоксары	–		+	Свияжская
Черनावск	+	Польские	–	
Черный Яр	–		+	Астраханская губ.
Чернь	+	Украинные	+	Орловская
Чечуйская таможня	+	Сибирские	–	
Чугуев	+	Слободские	–	
Чуйское зимовье (Якутский у.)	+	Сибирские	–	
Чусовской городок	–		+	Кунгурская
Шадринск	–		+	Кунгурская
Шальский погост	–		+	Новгородская
Шангальская волость (Устьянские волости)	+	Поморские		
Шацк (с уездом)	–		+	Шацкая
Шенкурск	–		+	Архангелогородская
Шестаков	–		+	Вятская
Шунский погост (Олонецкий у.)	–		+	Новгородская
Шуя	–		+	Юрьев-Польская

Населенный пункт	Наличие документов XVII в.	“Область” городов XVII в.	Наличие документов XVIII в.	Провинция (на 1745 г.)
Щекинская таможня (Пошехонский у.)	–		+	Ярославская
Юрьев-Польский	+	Замосковные	–	
Юрьево-Повольский	–		+	Нижегородская
Яблонов	+	Польские	–	
Ядрин	–		+	Алатырская
Якутск	+	Сибирские	+	Иркутская
Яндинский острог (Илимский у.)	+	Сибирские	–	
Яренск	–		+	Устюжская
Ярославль	+	Замосковные	+	Ярославская

¹ Имеются также книги Комарицкой, Уфтюжской, Черевковской, Юрьев-Наволоцкой и Ягрышской таможен Устюжского уезда.

² Имеется также таможенная книга Коротецкой пристани Каргопольского уезда.

³ Имеется также таможенная книга Троицкой ярмарки Романовского уезда.

М.Ф. Шумейко

**ПЕРВЫЙ СЪЕЗД ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
БЕЛОРУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ И АРХЕОГРАФИИ
1926 года***

Этот съезд, состоявшийся 17–18 января 1926 г. в Минске, занимает особое место в истории гуманитарных наук Беларуси. С одной стороны, он как бы продолжал традиции археологических съездов¹, заложенные еще в 1869 г., а с другой – являлся своеобразным смотром национально-го научного потенциала гуманитарного профиля, консолидировавшегося в рамках деятельности созданного в 1922 г. высшего научного учреждения республики – Института белорусской культуры². Подобно предварительному комитету IX Археологического съезда в Вильно (1893 г.) основную организационную работу по его подготовке взяла на себя созданная в начале октября 1925 г. Историко-археологическая комиссия Инбелкульта во главе с М.В. Довнар-Запольским. В состав президиума съезда кроме председателя комиссии вошли проф. А.А. Спицын, В.И. Пичета³, А.А. Смолич, а также секретарь Инбелкульта И.Л. Дыло, руково-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ, договор № Г12Р–017 от 15.04.2012, № госрегистрации 20122476.

¹ Всего состоялось 15 общероссийских археологических съездов (первый – в Москве в 1869 г., последний – в Новгороде в 1911 г.). Их материалы (все они изданы) позволяют составить представление о широком диапазоне обсуждавшихся на них вопросов; это – проблемы археологии, археографии, архивоведения, а также история архивного дела и даже филология и др. Подробнее об архивной составляющей в работе съездов см.: *Бржостовская Н.В.* Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869–1911 гг.) // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 89–105.

² Подробнее об этом см.: Адраджэне: Літаратурна-навуковы веснік Інстытута беларускай культуры = (Возрождение. Литературно-научный вестник Института белорусской культуры). Минск, 1922. Сшит. 1. (Здесь и далее в названиях изданных в 1920-е годы на белорусском языке работ сохранены орфография оригинала и другие языковые особенности, характерные для того времени.)

³ Будучи арестован осенью 1930 г. по так называемому академическому делу, В.И. Пичета на допросе 26 сентября 1930 г. о своем участии в работе этого съезда говорил буквально следующее: “Так, по инициативе Довнар-Запольского был создан съезд архивистов и археографов Белоруссии. Я получил повестку на организационное собрание по поводу этого съезда лишь только тогда, когда уже был самый съезд и я узнал об этом на другой день из газет, где я очутился в составе президиума. Деятели Инбелкульта совершенно сознательно меня не уведомили с тем, чтобы я, как архивный специалист, два года тому назад на своих плечах вынесший первоархивный съезд Белоруссии, где я прочел 7 докладов, не решился выступить с докладом на этом съезде. Все доклады были в руках Довнар-Запольского и отдельных белорусских деятелей” (Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Архив-угол. дело № П-65245. Т. 19. Л. 119–132; опубл. в кн.: Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад: С.М. Ходзін, М.Ф. Шумейка, А.А. Яноўскі. Мінск, 2011. С. 281). В том, что ректора БГУ действительно не было на съезде, свидетельствует тот факт, что с приветствием к его участникам обращался доцент университета В.Д. Дружниц (см.: Працы Першага зьезду

дитель Центрархива Беларуси Д.Ф. Жилунович. Секретариат составил из членов Инбелкульта Д.И. Довгялло, В.Д. Дружича, М.В. Мелешко и И.А. Сербова.

Современный исследователь помимо изданных отдельной книгой собственно материалов съезда в год его проведения⁴, располагает и другой значительной литературой, посвященной работе данного научного форума: это публикации в энциклопедических изданиях, сборниках статей, материалах конференций, разделы в монографических исследованиях и др.⁵ Но первыми “историографами” съезда, как это уже не раз бывало и в прошлом, стали не слишком грамотные следователи НКВД⁶, допрашивавшие в 1930-е годы некоторых его участников. При этом не без помощи услужливых конформистов-историков съезд под их пером превратился в “сборище националистов”, проходившее под руководством и при участии “национал-фашистов Балицкого, Смолича, Дыло, Жилуновича и др.”⁷

К сожалению, отсутствие первичных материалов съезда (стенограммы или протокола) не дает возможности говорить о том, как шло обсуждение вопросов, как формировались мнения для принятия по ним резолюций и пр.⁸ Отметим, что открытие съезда по времени совпало с началом очередной идеологической акции, проводившейся в республике. Речь идет о принятом 16 января 1926 г. и носившем строго секретный характер постановлении бюро ЦК КП(б)Б о создании “комиссии по интеллигенции”, возглавляемой председателем ЦКК КП(б)Б и наркомом РКИ БССР

дасьледчыкаў беларускае архэалёгіі і архэаграфіі 17–18 студзеня 1926 году. Менск, 1926. С. 10). Известно, что у В.И. Пичеты были весьма непростые отношения с М.В. Довнар-Запольским, обусловленные в числе прочего и притязаниями последнего на пост ректора БГУ.

⁴ Працы Першага зьезду дасьледчыкаў беларускае архэалёгіі і архэаграфіі 17–18 студзеня 1926 году. Менск, 1926. 86 с.

⁵ Энциклопедия гісторыі Беларусі. У 6 т. Мн., 1999. Т. 5. С. 479; *Шумейко М.Ф.* М.В. Довнар-Запольский и первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии // Трэція міжнародныя Доўнараўскія чытанні. (Рэчыца, 14–15 верасня 2001 г.). Мн., 2002. С. 132–139; *Улащик Н.Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973; *Алексеев Л.В.* Археология и краеведение Беларуси XVI в.–30-е годы XX в. Мн., 1996. С. 178–182; *Шумейко М.Ф.* Собрать рассеянное: О реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем. Мн., 1997; *Он же.* Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло. Мн., 2002. С. 74–80 и др.

⁶ Составлявшиеся ими протоколы изобиловали грамматическими ошибками: так, вместо “нацдемов” (национал-демократов) фигурировали “нацмены”, вместо Довнар-Запольского – Давид Запольский и т.п. (см.: *Шумейко М.Ф.* Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло. С. 154–155.)

⁷ Подробнее об этом см.: *Шумейко М.Ф.* М.В. Довнар-Запольский и проблема реституции белорусских архивов в 1920-е годы // Чацвёртыя міжнародныя Доўнараўскія чытанні. (Рэчыца, 18–19 верасня 2003 г.): В 2 ч. Гомель, 2004. Ч. 1. С. 59–60; *Он же.* Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло. С. 152–153 и др.

⁸ В просмотренных нами документах фонда Инбелкульта (Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси. Ф. 67) не удалось обнаружить не то что стенограммы или протокола заседаний съезда, но даже каких-либо записей, имевших отношение к его созыву и работе. Объяснение этому может носить двоякий характер. Во-первых, документы могли быть уничтожены в годы войны, как погибли многие другие материалы Инбелкульта. Во-вторых, после публикации материалов съезда (довольно краткой) его полная стенограмма (или протокол) могли быть сознательно уничтожены ввиду присутствия там конфиденциальной информации.

В.А. Радус-Зеньковичем⁹. Отсюда – в выступлении заместителя наркома просвещения республики А.В. Балицкого (буквально через пару недель, в феврале 1926 г., он займет пост наркома просвещения) не только призыв к интеллигенции отдать все силы культурному и научному строительству в республике, но и попытка ее дифференцировать, выделив при этом три основные группы: “большинство интеллигенции у нас в Беларуси склонно к работе с Советской властью”; “но есть еще и такая часть интеллигенции, которая терпит Советскую власть”; “наконец, [есть] третья группа интеллигенции, которая открыто ведет борьбу с Советской властью”¹⁰.

Заметим также, что в отличие от Академической конференции по реформе белорусского правописания и азбуки, проходившей в ноябре 1926 г., и находившейся под пристальным контролем высшего партийного органа республики¹¹, каких-либо решений ЦК КП(б)Б относительно созыва съезда археологов и археографов не принималось¹². Да и центральные периодические издания (газеты “Звезда”, “Савецкая Беларусь”) ограничились помещением в разделе “Объявления” набранных мелким шрифтом кратких информационных сообщений об открытии съезда и его повестке. Возможно, такой “камерный характер”, который хотели придать работе съезда власть предрезающие, был обусловлен ее нежеланием широко афишировать вопросы, касавшиеся проблем реституции культурных ценностей; возможно, дело было в руководителе съезда М.В. Довнар-Запольском, на которого к этому времени в ЦК КП(б)Б уже имелся значительный компромат¹³.

Как нам представляется, само название научного форума – съезд исследователей белорусской археологии и археографии – во многом было обусловлено продолжавшим еще сохраняться отсутствием дифференциации между двумя этими близкими, но все же различными научными дисциплинами: археологией и археографией. Имело значение и то обстоятельство, что М.В. Довнар-Запольский помимо участия в ряде всероссийских археологических съездов, на которых рассматривался широкий спектр научных проблем гуманитарного профиля, в конце XIX – начале XX в. фактически возглавлял Археографическую комиссию Московского археологического общества. Кстати, как выше уже отмечалось, и возглавляемая им комис-

⁹ См.: Перед крутым поворотом: Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.): Отражение времени в архивных документах. Минск, 2001. С. 158–159.

¹⁰ Працы Першага зьезду дасьледчыкаў. С. 9.

¹¹ См., например: Перед крутым поворотом. С. 167–170; 174–177; Беларусізацыя: 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы. Мінск, 2001. С. 102–109 и др.

¹² В фонде ЦК КП(б)Б нам не удалось обнаружить подобного рода документов. Не удалось этого сделать и автору-составителю ряда аналитически-документальных работ о политической и духовной жизни в Беларуси в 1920–1930-е годы Р.П. Платонову, тщательно исследовавшему весь корпус источников по данной проблеме.

¹³ 28 января 1926 г. бюро ЦК КП(б)Б принимает постановление о книге М.В. Довнар-Запольского “История Белоруссии”, в котором последняя квалифицируется как работа, выражающая позицию белорусского национального демократизма, в корне искажающая историю Беларуси. 4 февраля 1926 г. появляется очередное постановление высшего партийного органа республики – о создании комиссии с целью подготовки и публикации в газетах “серии статей ... для систематического опровержения белорусского национализма по книге Довнар-Запольского”. И как апофеоз кампании против ученого – постановление ЦК КП(б)Б от 2 апреля 1926 г. о его фактической высылке из Беларуси (См.: Перед крутым поворотом. С. 159–160, 167.)

сия Института белорусской культуры носила наименование Историко-археологической, хотя преимущественно она выполняла функции археографической комиссии.

Оставляя в стороне археологическую составляющую в работе съезда (отметим лишь, что она была весьма значительной), обратимся далее к анализу рассматривавшихся на нем вопросов архивно-археографического характера. Среди них центральное место занимало обсуждение реституционных процессов, начавшихся еще в 1920–1921 гг., после подписания Советской Россией затрагивавших судьбу белорусских архивов мирных договоров с Литвой, Латвией, Польшей, и продолжившихся после принятия 18 сентября 1925 г. Президиумом ЦИК СССР постановления о передаче Украине и Беларуси находившихся в России их архивных материалов¹⁴.

К сожалению, эти процессы оказались под сильным внеученым влиянием, оказываемым государствами – соседями Беларуси; отсюда очевидно присутствие в решениях съезда политической составляющей. Мы имеем в виду прежде всего комплекс архивных документов, создававшихся в продолжение нескольких веков на территории бывшего Великого княжества Литовского и хранившихся во время проведения съезда (как и ныне) в Москве – так называемую Литовскую метрику. Именно докладом Д.И. Довгялло о Литовской метрике¹⁵ открывал свою работу съезд; в первом пункте принятой им резолюции “О Литовской метрике” также читаем: “Довести до сведения Правительства БССР о необходимости хранения Литовской Метрики в пределах СССР, ибо она является исторической собственностью трудящихся Беларуси”¹⁶.

А еще раньше, открывая работу съезда, и подчеркивая важность изучения памятников прошлого Беларуси, “как тех, что находятся в пределах БССР, так и вывезенных в Польшу и РСФСР”, А.В. Балицкий также считал необходимым акцентировать внимание участников форума на Литовской метрике. Он, в частности, отмечал: “Одним из интереснейших наших памятников является Литовская Метрика, которая находится в Москве. Польша домогается до СССР, чтобы этот наш памятник забрать себе. Мы должны заявить здесь, что этот памятник древности – наш и только белорусская Советская власть имеет на него право”¹⁷.

Как известно, получив отказ в выдаче Метрики на мирных переговорах в Риге, польская сторона, тем не менее, не оставляла надежд заполучить ее. На очередном съезде польских историков в Познани (декабрь 1925 г.) была принята резолюция о “возвращении” Метрики в Польшу.

¹⁴ См.: *Шумейко М.Ф.* Собрать рассеянное: С. 78–79.

¹⁵ Будучи арестованным в декабре 1937 г., Д.И. Довгялло на одном из допросов достаточно скромно оценивал научную значимость этого доклада, считая его не более чем рефератом работ М.В. Довнар-Запольского и С.Л. Пташицкого о Метрике. Причины этого вполне объяснимы: следователи усматривали в некоторых положениях доклада проявление национализма, поэтому Довгялло и заявлял, что, дескать, он в отличие от уже умерших к этому времени М.В. Довнар-Запольского и С.Л. Пташицкого не является специалистом в области изучения Метрики. Между тем доклад представлял собой оригинальное исследование, которое неоднократно переиздавалось как в Беларуси, так и за ее пределами и на которое считали необходимым ссылаться позднейшие исследователи (см., например: *Бережков Н.Г.* Литовская метрика как исторический источник. М.; Л., 1946. Часть первая: О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 год. С. 154).

¹⁶ Працы Першага съезду. С. 5.

¹⁷ Там же. С. 8.

Своего рода ответом на эту акцию стала публикация статьи председателя Историко-археологической комиссии Инбелкульта, будущего председателя Первого съезда исследователей белорусской археологии и археографии М.В. Довнар-Запольского¹⁸. Антипольская ее направленность, кстати говоря, не характерная для ученого, очевидна. Так, говоря об изданиях Метрики бывшей Императорской археографической комиссией (1903–1915 гг.), Довнар-Запольский писал: “Этот факт был явлением не очень приятным для польских шовинистов, ибо содержание Метрики весьма ярко свидетельствует об господстве белорусского языка, белорусской культуры, белорусской самостоятельности и выясняет несоответствие польских утверждений о будто бы широком распространении у нас в Беларуси польской культуры с давних времен.”¹⁹

Однако претензии на Метрику заявляла не одна только Польша, но и Литва; об этом, в частности, говорил, выступая на Первой всебелорусской конференции архивных работников в Минске (май 1924 г.) ректор БГУ В.И. Пичета, бывший, как известно, экспертом в Смешанной советско-польской комиссии по реализации условий Рижского мирного договора в части распределения архивов²⁰. С учетом этого обстоятельства можно согласиться с предположениями современных литовских исследователей о том, что поднятый на съезде белорусских археологов и археографов вопрос о Метрике в определенной мере был инициирован внешнеполитическим ведомством СССР²¹.

Как известно, в 1925–1926 гг. между СССР и Литвой велись переговоры о подписании договора о ненападении и мирном разрешении конфликтов (заключен 28 сентября 1926 г.). Поскольку литовская сторона, по словам современного литовского историка А. Дубониса, “твердо и решительно настаивала на возвращении культурных и архивных ценностей, созданных за столетия на территории Литовского государства”, советская сторона вынуждена была принять некоторые защитные меры. “Нарком СССР по иностранным делам, – пишет Дубонис, – обратился в соответствующие органы Белорусской ССР с требованием заявить претензию на Метрику. 17–18 октября [курсив наш. – М.Ш.] 1926 г. съезд археологов и археографов БССР принял резолюцию, в которой высказывалось прямое требование вернуть Литовскую Метрику трудящимся Беларуси. Таким же

¹⁸ Доўнар-Запольскі М. Літоўская Мэтрыка // Савецкая Беларусь. 1925. 24 сьнежня. С. 5.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Первая Всебелорусская конференция архивных работников 12–15 мая 1924 г.: Документы и материалы. Минск, 1999. С. 34.

²¹ См.: Дубоніс А. Літоўская Мэтрыка: Даследаванні і публікацыі у Літве // Кантакты і дыялогі. 2001. № 9/10 (68/69). С. 8–9; *Он же*. Праблемы Літоўскай мэтрыкі: погляд з Вільнюса // *Metriciana: Даследаванні і матэрыялы Мэтрыкі Вялікага княства Літоўскага*. Мінск, 2003. Т. 2. С. 23–24; *Анужыцце Л.* Канстанцінас Яблонскі і Літоўская мэтрыка // Там же. С. 214, и др.

Выявленные А.К. Кавко в Историко-дипломатическом департаменте МИД Российской Федерации документы полностью подтверждают предположение А. Дубониса о том, что инициатива съезда – заявить претензии на хранившуюся в Москве Литовскую метрику, выдачи которой требовала литовская сторона в связи с подготовкой пакта о ненападении с СССР, исходила от союзного внешнеполитического ведомства (см.: Скарыніч: Літаратурна-навуковы гадавік. М., 2008. Вып. 7. Беларус у маскоўскай прасторы. С. 176–177.

образом должна была действовать Украинская ССР. В результате главный архив ВКЛ остался в Москве”²².

Оставляя в стороне явную ошибку литовского историка с датой проведения съезда, отметим, тем не менее, что он, как и его коллеги, очевидно, располагают документами, подтверждающими обращение внешнеполитического ведомства СССР в адрес руководства Беларуси с рекомендациями провести акцию в защиту Метрики²³.

Вопрос о Метрике, обсуждавшийся на съезде, несмотря на его важность и актуальность, представлял собой, тем не менее, лишь фрагмент проблемы о реституции белорусских архивов, которую поднял М.В. Довнар-Запольский в двух своих докладах. С первым – “О старых белорусских архивных фондах за границами СССР” – ученый выступал на первом заседании, после доклада Д.И. Довгялло “Литовская метрика и ее значение для изучения прошлого Беларуси”, со вторым – “О старых белорусских архивных фондах, находящихся в РСФСР” – на втором (вечернем) заседании первого дня работы съезда, после бурного обсуждения доклада А.Н. Лявданского о белорусских городищах (оба доклада в форме краткого перечисления ряда документов белорусского происхождения, с которыми в свое время работал М.В. Довнар-Запольский в архивах и библиотеках Ленинграда, Москвы, Варшавы, Кракова, Вильно, Львова, опубликованы в трудах съезда).

Заметим, что доклады М.В. Довнар-Запольского не носили строго научного характера; скорее, они представляли собой некие рабочие заметки, основанные на выписках из архивов и библиотек, сохранившихся у ученого. В некоторых случаях их содержание противоречило друг другу. Так, характеризуя в первом докладе бывший Виленский центральный архив древних актов, М.В. Довнар-Запольский утверждал, что хранившиеся там актовые книги Витебской, Минской, Могилевской и др. губерний в большинстве своем не эвакуированы и остались на месте²⁴. В то же время в протокольной записи второго доклада читаем: “В Ярославле находятся эвакуированные книги бывших Витебского и Виленского центральных архивов древних актовых книг”²⁵.

²² Дубоніс А. Літоўская Метрыка. С. 8–9.

²³ К такому выводу нас подводит аналогичная акция в защиту Метрики, имевшая место уже после подписания договора о ненападении между СССР и Литвой. Мы имеем в виду письмо председателя СНК БССР И.А. Адамовича в Отдел Прибалтики НКВД СССР от 9 ноября 1926 г., в котором автор просит внешнеполитическое ведомство воздержаться от передачи Литве Метрики “в виду того, что БССР имеет все исторические и практические основания для получения этой Метрики”. Далее глава правительства республики информирует адресата о том, что уполномоченному Наркоминдела СССР в Правительстве БССР С.Л. Козьре поручено подготовить подробную докладную записку по этому вопросу и просит до ее получения не предпринимать никаких решений. Письмо И.А. Адамовича опубликовано во втором томе сборника документов и материалов “Знешняя палітыка Беларусі” (Мн., 1999. С. 257), а также перепечатано с комментариями в нашей публикации «“Страсти по Метрике”: попытка создания в 1920-е гг международного института по изучению и публикации Литовской метрики» (Беларускі археаграфічны штогоднік. Мн. Вып. 4. 2003. С. 5).

²⁴ Працы Першага зьезду. С. 52.

²⁵ Там же. С. 17. Мы намеренно акцентируем внимание на этих расхождениях, поскольку в историографии истории архивного дела Беларуси до сих пор нет ясности о том, когда и откуда все-таки актовые книги Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний возвратились в места их происхождения.

В отличие от “зарубежного” доклада М.В. Довнар-Запольского, вызвавшего ряд вопросов со стороны участников съезда²⁶, с “внутренним” докладом ученого все было ясно (учитывая принятое высшим законодательным органом СССР решения о возвращении из России в Беларусь ее архивов).

По предложению представителя Витебского музея И.И. Василевича съезд принял резолюцию “О белорусских архивных фондах за границами БССР”, в первом пункте которой высказывалось пожелание как можно скорее вернуть находившиеся в России белорусские архивные фонды, во втором – просьба к правительству республики поднять вопрос о возвращении из Польши старых белорусских архивов, в третьем – просьба включить представителя Беларуси в состав советско-польской комиссии, рассматривавшей вопрос “о *редукции* архивов”²⁷.

В отличие от докладов руководителей Историко-археологической комиссии Инбелкульта и принятых по ним резолюций, носивших явно выраженный “защитный” характер в отношении белорусских архивов, выступления представителей Смоленского губернского архивного бюро В. Дмитриева, Витебского окружного отдела Центрархива Беларуси А.Н. Ясенева и фактического руководителя архивной службы республики М.В. Мелешко представляли собой информацию о положении архивного дела в республике и у ее восточных соседей, и потому съезд ограничился принятием их к сведению и рекомендацией к публикации.

Между тем и в докладе Мелешко излагались факты вывоза из Беларуси во время Первой мировой войны в отдаленные места России архивных материалов различных учреждений, где они в большинстве своем погибли. Докладчик говорил также о вывозе поляками и немцами архивного материала из Беларуси.

Критически оценивая состояние архивного дела до 1917 г. (“В дореволюционное время архивы Беларуси не имели правильного управления”), Мелешко подчеркивал, что “только благодаря победе революции и созданию БССР возникла возможность упорядочить архивы Беларуси, поместить архивные материалы в соответствующие архивохранилища, собрать разбросанные за пределами Беларуси архивные единицы хранения и привести архивный фонд в такое состояние, чтобы им можно было пользоваться в практических и научных целях”²⁸. Как о первом архивном законе говорил он о принятом 12 сентября 1922 г. ЦИК БССР постановлении об утверждении Положения о Центральном архиве Беларуси.

Большое внимание докладчик уделил родовым архивам (Тышкевичей, Любомирских, Хрептовичей, Слизней, Хмаров и др.), имевшимся в Беларуси и хранившим, по его словам, “интереснейшие первоисточники”. К сожалению, констатировал он, отсутствие у Центрархива необходимых средств не позволило обследовать наиболее интересные поместья; однако, и в результате сделанного в Центрархив поступили: “Архив Хма-

²⁶ В частности, И.И. Василевич, интересовавшийся и у Д.И. Довгялло о состоянии дел с “возвращением” Метрики в Беларусь, задал вопрос и М.В. Довнар-Запольскому о том, поднят ли вопрос о возвращении из Польши старых белорусских архивов.

²⁷ Працы Першага з'езду. С. 5.

²⁸ Там же. С. 61.

ры – из “Семкава Городка”, Завишей, Вайсенгофа, Прозора, Семашки и Немаршинских, Ельских, Зиберга, Обуховича – из поместья Сидельники на Мозыршине, Любомирских (Дубровенских), древние акты XVI–XVIII веков разных панов, собранные Могилевским отделом охраны древностей и Печковского”²⁹. При этом приводились факты тщательного сокрытия владельцами своих архивов (архив Хмаров был замурован в стене, архив в Сидельниках сложен в обитый железом ящик и спрятан под полом), распыления их среди лиц, не имевших отношения к происхождению документов и т.п.

В еще более плачевном состоянии, по мнению докладчика, пребывали церковные и монастырские архивы, которые в соответствии с декретом об отделении церкви от государства должны были поступить в ведение Центрархива.

“С расширением БССР на Витебск и Могилев, – отмечал далее докладчик, – Центральному архиву БССР стали подчиняться богатые архивные собрания Витебска и Могилева. Деятельность значительно была расширена. Необходимо было придать одинаковый вид архивного дела”³⁰. Для решения всех накопившихся вопросов в области архивного строительства была созвана в мае 1924 г. первая всебелорусская архивная конференция. Высоко оценивая результаты ее деятельности, М.В. Мелешко особо выделил кадровую проблему, обсуждавшуюся на конференции. При этом он вполне в духе своего времени и установок политического руководителя архивной службы РСФСР М.Н. Покровского исходил из того, что “архивы стали не только источниками для ученых, они стали еще и оружием политической борьбы в руках пролетариата. Архивы стали совсем иными, чем они были до революции. И разумеется, при изменениях архива должен измениться и его сотрудник”³¹.

Финальная часть доклада руководителя архивной службы республики свидетельствует, что в нем каким-то странным образом сочетались, с одной стороны, политизированные, вульгаризаторские взгляды Покровского и иже с ним на роль и значение архивов («Интерес, который обнаруживается теперь к архивам нашими научными, государственными и политическими учреждениями, требует *повышенного внимания к архивам* [курсив наш. – М.Ш.]. Содержание архивов не должно быть “тайной”; все то, что пряталось царскими властями, теперь должно стать известно широким рабочим и крестьянским кругам»), а с другой, намного опередившие свое время и только сегодня осваиваемые нами мысли известных российских архивоведов А.П. Воронова, И.Л. Маяковского и др. о феноменальных свойствах архивов как живых, развивающихся организмов³² (“Задачей наших архивов является не только собрать и сохранить знания прошлого,

²⁹ Там же. С. 63

³⁰ Там же. С. 64

³¹ Там же. С. 65

³² Мы имеем в виду тезис А.П. Воронова: “...библиотека есть нечто, тогда как архив *некто* [курсив наш. – М.Ш.]...” (Воронов А.П. Архивоведение: Конспект лекций, читанных в С.-Петербургском археологическом институте. СПб., 1902. С. 16). Разделявший его взгляды будущий профессор Московского гос. историко-архивного института И.Л. Маяковский также называл архив “самостоятельным живым организмом” (Цит. по кн.: Хорхордина Т.И. “Неизвестный” Маяковский. М., 2001. С. 24.).

но и показать эти знания широким кругам общественности, сделать архив *живым учреждением* [курсив наш. – *М.Ш.*], необходимым как для научных исследований, так и для практических целей в строительстве Советской Беларуси”).

В докладе А.Н. Ясенева наряду с общей информацией о составе Витебского окружного отдела Центрархива также приводились данные об эвакуированных из губернии в годы Первой мировой войны и до того времени не возвращенных в Витебск архивах. В их числе – находившийся в Симбирске архив Полоцкого кадетского корпуса, во Владимире – архив Полоцкого духовного мужского училища, в г. Ростов Ярославской обл. – архив Полоцкого Спасо-Евфросиньевского женского духовного училища, а также вывезенные в Москву фамильный архив Убри, в Нижний Новгород – архив Двинского военно-окружного суда.

Помимо обсуждавшихся на съезде вопросов архивной реституции речь шла и о музейных, библиотечных собраниях. По музейной составляющей, заслушав доклады представителей Минского и Витебского музеев П.В. Харламповича и И.И. Василевича, съезд принял резолюцию о необходимости поднять перед Правительством БССР вопрос о возвращении в музеи республики предметов археологии и искусства, вывезенные в разное время за пределы Беларуси и находившиеся в музеях РСФСР. При этом указывались 25 картин, вывезенных из Горок и находившихся в Смоленском музее, “сундук с серебром и шкатулка с алмазами, эвакуированные из Минского музея” в Москву, часть музейных вещей белорусского историка А.В. Жиркевича, находившихся в Ульяновске³³.

Выступавший с внеочередным докладом директор Минской государственной библиотеки И.Б.Симановский поведал делегатам съезда о подлежавших, по его мнению, возвращению в Беларусь Щорсовской библиотеки графа К.А. Хрептовича-Бутенева, переданной в 1913 г. Киевскому университету³⁴, библиотеки бывшей Полоцкой униатской семинарии, выве-

³³ Реакцией на данное решение съезда стало постановление СНК СССР “О возвращении в Белорусский государственный музей некоторых музейных экспонатов из музеев РСФСР” от 19 июля 1926 г. В нем было предложено СНК РСФСР вернуть белорусскому музею вывезенные в Смоленск из Горок 25 картин итальянских и нидерландских мастеров XIV–XVII вв., а в случае невозможности, компенсировать их. Что касается вещей Жиркевича, то была принята к сведению справка Наркомпроса РСФСР, согласно которой находившиеся в Ульяновском музее предметы из коллекции Жиркевича были вывезены им самим и проданы Наркомпросу РСФСР. По поводу находившихся в Эрмитаже и Историческом музее найденных в Беларуси кладов и коллекций ввиду их “общесоюзного значения” а также того, что они были найдены до войны и революции, было принято решение не считать их принадлежащими Беларуси (Национальный архив Республики Беларусь Ф. 42. Оп. 1. Д. 1927. Л. 208). Заметим, что накануне принятия данного постановления дочь Жиркевича обращалась к директору БАН СССР акад. С.Ф. Платонову с просьбой приобрести часть архива ее отца (Каталог архива академика С.Ф. Платонова. СПб., 1994. Вып. 1. С. 204.) Очевидно, решение Платонова было отрицательным, поскольку в 1930 г. научный сотрудник Исторического института Белорусской академии наук А.И. Цвикевич сообщал об архиве А.В. Жиркевича как находящемся в Московском центрархиве и переданном туда при посредничестве сотрудника Толстовского музея К.С. Шохор-Троцкого (См.: *Шумейко М.Ф.* Собрать рассеянное. С. 102–104.)

³⁴ Подробнее об этом см.: *Шумейко М.* К истории щорсовского библиотечно-архивного собрания графов Хрептовичей // Пам’ятки: Археографічний щорічник. Київ, 2008. Т. 8. С. 19–39.

зенной из Витебска в Киевскую духовную академию, а также библиотеки новоборисовского помещика, коллекционера-библиофила И.Х. Колодеева по истории войны 1812 г., переданной согласно завещанию ее владельца в Исторический музей. Съезд принял резолюцию о возвращении библиотек³⁵.

Подводя итоги настоящей статьи, отметим, что несмотря на во многом декларативный, а в ряде случаев и заказной характер вопросов, обсуждавшихся на съезде, последний, тем не менее, стал своеобразной вехой в истории культурного строительства в республике вообще, архивно-археографического, в частности. Его решения в значительной своей части не только обозначали “болевые точки”, существовавшие в сфере архивной, археографической, музейной, библиотечной отраслей, но и намечали пути к их устранению. Съезд явился также демонстрацией реального сотрудничества историков и археологов с архивными, музейными, библиотечными работниками республики в деле сохранения и преумножения отечественного культурного наследия. И остается лишь сожалеть, что Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии так и остался единственным съездом, не получив в дальнейшем продолжения и развития.

³⁵ Вопрос о библиотеке Хрептовича неоднократно поднимался в Беларуси, начиная с 1920-х годов. Однако, он не так прост, как это может показаться на первый взгляд. Как известно, переговоры о передаче рукописей и манускриптов Щорсовской библиотеки начались еще летом 1909 г. и велись при посредничестве профессора Киевского университета М.В. Довнар-Запольского. В сентябре этого же года были согласованы условия передачи. Библиотека передавалась университету во временное пользование на 25 лет. За год до окончания срока хранения в университете ее собственник должен был сообщить о судьбе коллекции: или вернуть библиотеку в Щорсы или передать в Виленский университет при условии восстановления последнего. При отсутствии такого распоряжения коллекция еще на 25 лет оставалась в университете. Если по окончании и этого срока не поступало требований от владельца библиотеки или от новозданного Виленского университета, то она должна была навечно остаться в Киевском университете. Первый срок, учитывая передачу библиотеки в 1913 г., заканчивался в 1938 г., но еще в 1927 г. библиотеку Киевского университета вместе с Щорсовской коллекцией передали во Всенародную библиотеку Украины (ныне НБУ им. В.И. Вернадского) (см.: *Пракопчык Л. Шчорсаўскі скарб // Пракопчык Л. Дрэмле памятка дзён: Краязнаўчыя нарысы. Мінск, 1991. С. 58–60; Себта Т., Черкаська Н. Фонди магнатських архівів та судово-адміністративних установ КЦАДА у контексті взаємних претензій Рейхскомісаріату України та Генерал-губернаторства Польщі // Архіви України. 2003. № 4–6. С. 262–263 и др.). Данный пример свидетельствует о том, насколько запутанными, непредсказуемыми могут оказаться пути и условия, по которым культурные ценности перемешались с территории своего происхождения.*

А.Н. Бачинин

НЕИЗДАННЫЙ КУРС ЛЕКЦИЙ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ РУССКОЙ ИСТОРИИ И.П. КОЗЛОВСКОГО

В последние дни 1930 г. в ленинградскую Государственную Публичную библиотеку пришла почтовая бандероль с принесенной в дар машинописной рукописью, озаглавленной “Источниковедение русской истории. Лекции, читанные в различных высших учебных заведениях Нежина, Варшавы и Ростова-на-Дону в 1909–1929 гг.”¹. Дарителем и автором рукописи был профессор Ростовского (Северо-Кавказского) госуниверситета Иван Павлович Козловский. Внешняя история подготовленного к печати труда, казавшегося Козловскому в 1920-х годах полезным и своевременным, рассказана им самим в публикуемой ниже сопроводительной записке, составленной незадолго до ареста.

В авторской аннотации рукописи сказано (стилистика сохранена): “изучение различных типов источников русской истории и характеристика работ русских ученых в области их изучения и оценки составляет предмет настоящей книги. Таким образом она заключает в себе обозрение всех видов источников, перечень и характеристику важнейших из них, обозрение мест хранения этих памятников, их распределение по хранилищам столиц и провинции и указание важнейших изданий. Отсюда ясна и цель книги: она должна служить справочною книгою и пособием для всех начинающих работников в области русской истории, знакомя их как с источниками для изучения, так и с тем, в каком издании или в каком месте эти источники могут быть представлены в распоряжение исследователя. Одновременно она должна явиться и посильным подведением итогов в деле развития русского источниковедения и разработки источников в дореволюционный период”².

Насколько можно судить не только по записке И.П. Козловского, но и по заявленной им самим концепции, и по содержанию рукописи, книга, которая задумывалась как максимально сжатый и дополненный новейшими источниковедческими сюжетами “Иконников”, иконниковский “Опыт русской историографии”³, подверглась радикальной переработке.

¹ См.: Краткий отчет Рукописного отдела за 1914–1938 гг. / ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина; Под ред. Т.К. Ухмыловой, В.Г. Геймана. Л., 1940. С. 72 (№ 452). ОР РНБ. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 2. Д. 622. Текст набран на развернутых по вертикали листах школьной тетради в линейку, с многочисленными полосками вклеек и правкой (рукопись в переплете в 2 частях; 1930 г.; ч. 1: IV, 233 л.; ч. 2: 1, 230 л.).

² ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 622. Л. 6–7.

³ По своему замыслу этот утраченный труд является отдаленным предшественником уникальной монографии ростовского историка и источниковеда А.П. Пронштейна: *Пронштейн А.П. Источниковедение в России: Период феодализма. Ростов-на-Дону, 1989; Он же. Источниковедение в России: Период капитализма. Ростов-на-Дону, 1991.*

Однако трансформация текста несколько не прибавила шансов на ее издание. Если в середине 1920-х годов такую книгу просто не на что было издать, то в конце 1920-х годов другие известные экономические и внешнеэкономические обстоятельства “реконструктивного периода” (в том числе развернутая война со старой “помещичье-буржуазной” историографией и ее персональными носителями) делали издание “Источниковедения” шестидесятилетнего профессора не только не нужным, но и невозможным в принципе. К сожалению для себя Козловский понял это довольно поздно.

При беглом знакомстве с рукописью ГПБ ощущается нерешенная автором специфическая проблема формата: лекционный курс по определению исключал введение в текст объемного научно-справочного материала, углубление в детали той или иной проблематики, а монография даже с энциклопедическим уклоном стилистически не совсем вписывались в тип издания для неопределенно широкого круга “начинающих работников”. Видимо, Козловский отдавал себе отчет в своего рода гибридности созданного им текста, но поделаться с этим уже ничего не мог или не хотел.

Профессиональная деятельность И.П. Козловского была лишена публичного профиля и проходила далеко от высших сфер науки. Однако в его лице воплотились некоторые существенные черты нестоличного учено-преподавательского сословия, как в годы его качественного роста, так и в пору общественного регресса и деградации. Биография И.П. Козловского полна крупных лагун, устранить которые пока не представляется возможным; догадки и комментарии к ним преждевременны в виду отсутствия надежной информации.

Иван Павлович Козловский родился в Тамбове 6 января 1870 г. (25 декабря 1869 г.). Среднее образование получил в местной классической гимназии. В 1892 г. закончил историко-филологический факультет университета Св. Владимира с дипломом первой степени и золотой медалью за сочинение “Сильвестр Медведев. Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII века” (под руководством В.С. Иконникова)⁴. Учительствовал в Киеве в женской гимназии Бейтель, Женской торговой школе, Первом коммерческом училище, на женских курсах при гимназии Жекулиной и Довнар-Запольского. В 1899–1900 гг.

⁴ На титульном листе книги после заглавия напечатано: “Ивана Козловского, окончившего курс историко-филологического факультета. Киев, 1895”. В приложении (и отдельным оттиском) Козловский опубликовал “Краткое сказание лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяно во гражданстве” по Григоровичскому списку библиотеки Новороссийского университета. В конце 1894 г., когда набор книги был завершен, вышла в свет публикация этого памятника по списку Оболенского с исследованием А.А. Прозоровского, поместившего Григоровичский список, наряду с другими известными списками, в варианты, однако без убедительных на то аргументов. (См.: *Прозоровский А. Сильвестра Медведева “Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяно во гражданстве”* // ЧОИДР. 1894. Кн. 4. Отд. 2. С. [III]–LII, 1–197. См. также: *Богданов А.П. К вопросу об авторстве “Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяно во гражданстве”* // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 114–146; *Он же. Сильвестр Медведев* // ВИ. 1988. № 2. С. 84–98.

сдал магистерские экзамены в Киевском университете⁵. Защитил магистерскую диссертацию “Ф.М. Ртищев. Историко-биографическое исследование” (Киев, 1906) в Харьковском университете (1907 г.). Приват-доцент Киевского университета. В 1907 г. переведен в гимназию при Нежинском Историко-филологическом институте кн. Безбородко, с 1908 г. читал лекции в самом институте. Экстраординарный профессор кафедры русской истории Варшавского университета (1909 г.), исполняющий должность ординарного профессора (с 1912 г.). Преподавал на Высших женских курсах при Варшавском университете и в частных учебных заведениях Варшавы – в гимназии Гурского, Женских коммерческих курсах Семирадзской. Член ученых обществ – Киевского Нестора-летописца, Нежинского Историко-филологического, Варшавского истории, филологии и права, варшавского отдела имп. Русского военно-исторического общества, церковно-археологического отдела при Московском Обществе любителей духовного просвещения⁶. К перечисленным биографическим фактам следует добавить еще один: в варшавский период Козловский был одним из редакторов последней и лучшей “Детской энциклопедии” дореволюционной России⁷.

В конце 1908 г. И.П. Козловский принял приглашение Варшавского университета, возобновившего учебный процесс после революции, занять вакантную кафедру русской истории. Из варшавских студентов Козловского в последние годы своей жизни приобрел известность А.Н. Сперанский⁸. И.П. Козловскому пришлось сыграть эпизодическую роль в судьбе молодого Б.Д. Грекова, остро нуждавшегося в деньгах, но не хотевшего совмещать работу над диссертацией с заработками на жизнь в Петербурге. Пойдя навстречу С.Ф. Платонову, И.П. Козловский по его просьбе возбудил ходатайство факультета перед Министерством народного просвеще-

⁵ К этому времени относятся его брошюры с компилятивным очерком истории русской торговли для слушательниц своего курса и библиографическая роспись киевских “Университетских известий” (См.: *Козловский И.* Краткий очерк истории русской торговли. Киев, 1898–1899. Вып. 1–2; *Он же.* Систематический указатель к “Университетским известиям” за 1884–96 гг. / под ред. В.С. Иконникова. Киев, 1898).

⁶ См.: Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1901–1912. Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1913. С. 31. (По другим, скорее всего ошибочным, данным год рождения Козловского — 1868. См: Новый энциклопедический словарь: В 48 т. / под ред. К.К. Арсеньева. Пг., [1915]. Т. 22: Кнорр–Которосль. Стб. 102). Нежинский биографический справочник, откуда мы заимствуем все данные, является единственным официальным изданием, содержащим сведения об И.П. Козловском.

⁷ Детская энциклопедия / под ред. проф. Ю.Н. Вагнера, С.А. Князькова, проф. И.П. Козловского, Н.А. Морозова, проф. С.И. Метальникова, М.В. Новорусского: В 10 т. М., 1913–1914. Переписка членов редколлегии энциклопедии в 1970-е годы хранилась в архиве МГИАИ. Ф. А.Н. Сперанского (см.: *Булгаков М.Б.* Обзор фонда А.Н. Сперанского // АЕ за 1969 год. М., 1971. С. 288), однако ко времени передачи фонда в АРАН значительная часть архива А.Н. Сперанского, в том числе и архив редколлегии энциклопедии, оказалась утраченной (См.: *Мельников А.В.* Неизданная работа А.Н. Сперанского об исторической науке в Московском университете // АЕ за 1997 год. М., 1997. С. 353).

⁸ Вспускное сочинение А.Н. Сперанского 1914 г.: “Русское общество в конце XVII в. (по розыскным делам о Ф.Л. Шакловитом)” (См.: *Булгаков М.Б.* Указ. соч. С. 285; Подробнее об А.Н. Сперанском см.: *Каменцева Е.И., Простоловцова Л.Н.* Основатель кафедры вспомогательных исторических дисциплин Александр Николаевич Сперанский (1891–1943) // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации. М., 1994. С. 157–169).

ния о назначении 1500-рублевой стипендии для прикрепленного к кафедре на один год магистранта Грекова⁹. Благодаря этому ходатайству последний весь 1911 г. занимался на казенный счет исключительно собственной диссертацией, не имевшей никакого отношения к составленной самим же Козловским программе магистрантской подготовки. Профессор официально одобрил и утвердил отчет Б.Д. Грекова, чем вызвал недоумение и ропот на факультете¹⁰.

Защитив магистерскую диссертацию с большими трудностями¹¹ в 37 лет, Козловский продолжил работу над излюбленными сюжетами¹², сохраняя интерес к личности и культурной среде кануна Петровской эпохи. Его мало смущал тот факт, что подобного рода проблематика в начале XX в. отдалялась на периферию русского историографического процесса. Обращение к биографии дельца А.А. Виниуса¹³ в конечном счете вылилось в очерки истории становления международной почтовой системы в России, связанной с его именем¹⁴. Но защита монографии в качестве докторской диссертации не состоялась. Поначалу Козловский подал исследование в Киевский университет. В марте 1913 г. П.П. Смирнов писал из Киева С.Б. Веселовскому: “У нас объявлен конкурс и будет закрыт в июне месяце. Конкурс на кафедру русской истории, и конкурировать будут: [...] Е.Д. Сташевский, Максимович и, может быть, варшавский профессор Козловский [...]. Козловский прост и немудрен, но человек души высокой. Евгений Дмитриевич злохитр вельми и пронирылив. Максимович гораздо менее талантлив, чем он. Самый достойный – Козловский, но он имел бы шансы доктором. Он и подал к нам в университет диссертацию

⁹ См.: *Горская Н.А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 202–203. (Письмо Б.Д. Грекова Д.М. Петрушевскому от 20 мая 1910 г.).

¹⁰ См.: Академик Б.Д. Греков: начало творческого пути. 1910–1912 / публ. А.И. Комиссаренко // ИА. 2007. № 3. С. 143–144, 150–151, 162 (док. № 6, 8, 12). В среде молодых столичных историков Варшавский университет определенно имел негативную репутацию. В частной переписке Д.М. Петрушевский назвал Варшавский университет “помойной ямой” (*Иванов Ю.Ф.* К истории докторской диссертации Д.М. Петрушевского // *История и историки*. М., 1990. С. 302).

¹¹ Поддавшись соблазну тенденциозности в трактовке источников и выйдя в оценках и обобщениях за пределы академического дискурса, Козловский гипертрофировал образ Ф.М. Ртищева, представив его величайшей фигурой XVII в., едва не предтечей русского освободительного движения. Книгу завершал совершенно неуместный фрагмент стихотворения Н.А. Некрасова, посвященного памяти Н.А. Милютина. (Подробное см.: Отзыв ординарного проф. П.Н. Буцинского о книге: Ф.М. Ртищев. Историко-биографическое исследование И. Козловского // *Зап. Харьковского имп. ун-та*. 1908. Харьков, 1909. Кн. 4. Ч. офиц. С. 1–6).

¹² См.: *Козловский И.П.* Значение XVII века в русской истории и характеристика предшественников Петровских реформ // *Университетские изв.* Киев, 1908. № 2. С. 1–14.

¹³ См.: *Козловский И.П.* Андрей Виниус, сотрудник Петра Великого (1641–1717). СПб., 1911. См. также: *Он же.* Сношения древней Руси // *Варшавские унив. изв.* 1911. № 5. С. 1–23. К откликам на темы текущей историографии принадлежат две статьи: *Он же.* Новая попытка решения вопросов о месте и времени крещения княгини Ольги // *Там же.* 1912. № 2. С. 1–14; *Он же.* Новые материалы для биографии Михаила Федоровича Романова и их значение в науке // *Зап. Общ-ва истории, филологии и права при Варшавском ун-те.* 1911. Вып. 5. С. 76–91.

¹⁴ *Козловский И.П.* Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве: Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII в. Варшава, 1913. Т. 1–2. (С посвящением “глубокоуважаемому учителю, профессору Владимиру Степановичу Иконникову, с чувством искренней признательности...”). Второй том монографии (“Приложения”) состоял целиком из документов, извлеченных из “Почтовых дел” МГАМИД (РГАДА. Ф. 162).

о почтах на доктора. Но, думаю, Довнар ее задержит до минования срока конкурса”¹⁵. По всей вероятности, так и произошло. Одновременно, на случай отказа принять диссертацию в Киеве, Иконников, видимо, просил Платонова иметь в виду это обстоятельство, на что последний отвечал: “И.П. Козловского знаю я с хорошей стороны и с удовольствием сделаю, что смогу”¹⁶. Платонов держал слово, однако не все от него зависело. Упования на А.С. Лаппо-Данилевского оказались напрасными. В середине сентября 1913 г. Платонов обнадежил Иконникова: «Судьба благосклонна к И.П. Козловскому: Лаппо-Данилевский сказал мне сегодня, что его книга “бледна и слаба”, но, что если я ее приму, то он [...] согласен выступить на диспуте. [...] я буду иметь случай еще и еще убедиться в добром настроении Л[аппо]-Данилевского. Если оно не изменится (капризны не одни только дамы!), то можно будет и поступить сообразно сему, чтобы не давать К[озловского] на пропятие»¹⁷. Книга уже была представлена в Совет факультета, но в последний момент все сорвалось: Лаппо-Данилевский, писал Платонов Иконникову, «не изменил своим обычаям и сегодня отказался участвовать в диспуте И.П. Козловского, после того, как месяц держал меня в уверенности, что будет возражать. Он назвал книгу “детским лепетом”, а не исследованием. [...] У нас теперь диспут немислим»¹⁸. Вскоре с резко критической оценкой монографии выступил А.Е. Пресняков; затем появились уничижительная заметка А.М. Гневушева и, в развязном, вызывающе оскорбительном тоне статья В.И. Пичеты, изобличавшие Козловского в примитивизме, некомпетентности и всяческом непрофессионализме¹⁹. Действительно, разные части книги имели ощутимый налет компилятива, бросалась в глаза поверхностная обработка текста, часто сбивающаяся на простой пересказ вводимого в оборот нового

¹⁵ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М., 2001. С. 326. (Письмо от 18 марта 1913 г.).

¹⁶ Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. М., 2003. Т. 1: Письма С.Ф. Платонова. 1883–1930. С. 177. (Письмо от 12 февраля 1913 г.).

¹⁷ Там же. С. 185. (Письмо от 19 сентября 1913 г. из Петербурга).

¹⁸ Там же. С. 186. (Письмо от 9 октября 1913 г.); С. 187. (Письмо от 15 ноября 1913 г.). О том, что в Петербурге дело с диссертацией Козловского “не пошло и ему придется устраивать ее в другом университете”, писал Веселовскому М.А. Дьяконов (Переписка С.Б. Веселовского. С. 131. Письмо от 19 ноября 1913 г. из Петербурга). Козловскому наверняка были известны мнение и позиция Лаппо-Данилевского, погубившие диссертацию, однако это не помешало ему отозваться о нем, как о “самом выдающемся из русских ученых в области методологии истории”. В своем курсе историографии методологии истории он позволил себе лишь замечание относительно некоторых случаев необходимости методических сомнений, отмеченных Лаппо-Данилевским: “Правильнее должно думать, что никаких ограничений для приложени критики быть не может. [...] Критика нужна все равно – есть сомнение или нет” (*Козловский И.П. Методология истории и новейшие направления в русской историографии: Курс, читанный в имп. Варшавском университете в 1914–15 акад. году. Варшава, [1915]. С. 60*). Объективистский оттенок имела характеристика Платонова: “Его общественная деятельность, – замечал Козловский, – принесла лавры, которые он пожинает, благодаря своему красноречию. Это обстоятельство заставило его сделаться эклектиком. В своих последних статьях он является вполне эклектиком и делает построения, может быть, и красивые, но основанные более на логических соображениях, чем на строго проведенной определенной мысли, возникшей из непосредственного глубокого изучения источников” (Там же. С. 131).

¹⁹ См.: Научный исторический журнал. 1914. Т. 2, вып. 1. С. 108–112 (А.Е. Пресняков); Голос минувшего. 1914. № 5. С. 268–270 (В. Пичета); Русская мысль. 1914. Кн. 5. С. 168–169 (А. Гневушев).

архивного материала. Сознательная осторожность в выводах граничила с их отсутствием, мизерностью, отдавала подчеркнутым нежеланием или даже неумением обобщать факты. В этом отношении автор “Ртищева” представлял полную противоположность самому себе. Монография очевидно нуждалась в тщательной редакторской отделке и по академическим меркам выглядела слишком поспешно изданной. “Первые почты...” представляли собой один из начальных опытов исследований истории коммуникаций, которая только спустя полвека обрела свой методологический инструментарий. Произошел конфликт, характерный для ситуации с выделением нового объекта исследования, способом его описания и прежними методами изучения. Выученик школы Иконникова, Козловский строго держался традиционных установок и потому выводы его казались такими размытыми и бесплодными. Глубоко задетый за живое грубостью и тенденциозно-поверхностной критикой, Козловский писал: «Мы бы считали ниже своего достоинства отвечать на такие рецензии, как “рецензии” гг. Пичеты и Гневушева, если бы они не появились на страницах таких почтенных журналов [...]. Что же касается рецензии г. Преснякова, то, не соглашаясь с громадным большинством ее замечаний, считаем своим нравственным долгом принести уважаемому рецензенту нашу глубокую благодарность за обстоятельность и академически выдержанный тон его рецензии. Она именно принадлежит к типу таких рецензий, которые только способствуют уяснению вопроса и пробуждают в авторе не негодование, а лишь горячее желание еще и еще поработать над вопросами, может быть – действительно недостаточно еще выясненными»²⁰.

Каковы бы ни были дальнейшие планы Козловского в отношении докторского диспута (шанс защитить диссертацию у него теоретически сохранялся), война разрушила все расчеты. Летом 1915 г. русские войска оставили Варшаву, университет эвакуировался в Ростов-на-Дону и Козловский потерял с ним связь, приняв на себя директорство Нежинским Историко-филологическим институтом (1916–1918 гг.). Должно быть, наиболее существенная часть его деятельности в качестве главного администратора определялась целью сбережения богатейшего исторического архива и коллекций института от порчи и расхищения²¹. По всей видимости в Нежине Козловский приступил к переработке своих прежних специальных курсов в “Очерк русской историографии в связи с источниковедением”. К тому времени он был уже далеко не молодым человеком, отцом пятерых детей. В тихом провинциальном Нежине, по-видимому, никто не требовал от него выражения политических симпатий, а сам профессор дорожил более всего благополучием семейства и возможностью работать по профессии.

Зачисленный в Донской университет в декабре 1918 г., Козловский переехал из Нежина в Ростов только в сентябре 1919 г., когда городом еще владели белые (армия Буденного вошла в Ростов 10 января 1920 г.). Семья профессора – жена, четыре дочери и внучка (сын находился “за границей” (?–А.Б.), где именно – неизвестно), сумела каким-то образом разместиться на жилплощади, состоящей из комнаты и угла. Заполняя анкетные данные,

²⁰ Козловский И.П. Ответ рецензентам сочинения “Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве...” // Варшавские унив. изв. 1915. № 5. С. 12.

²¹ См.: Отчет о состоянии коллекций института князя Безбородко к 1 января 1918 года, составленный директором института И.П. Козловским // Изв. Историко-филологического ин-та князя Безбородко в Нежине. Нежин, 1918. Т. 32.

Козловский осмотрительно аттестовал себя как беспартийного демократа²². Местные большевики посчитали профессора достаточно благонадежным и поручили ему заведывать Центральным историческим архивом Ростова-на-Дону (с мая 1920 по 1922 г.), пока не нашли замены в лице партийного товарища²³. Архивные труды Козловский совмещал с привычным пока преподаванием русской истории и археографии в университете и Донском Археологическом институте²⁴. С 1924 г. на социально-экономическом отделении университета (вместо упраздненного исторического) Козловский начал читать курсы “Методологии общественных наук”, экономической и социальной истории “докапиталистической эпохи”²⁵. Печатался редко; из всего опубликованного им в 1920-е годы наиболее значимой является статья с критическим обзором новейшей литературы по русской историографии (В.И. Пичеты, М.В. Нечкиной, М.Н. Покровского, А.С. Лаппо-Данилевского, Д.И. Багаля, П.Г. Клепатского и А.М. Большакова)²⁶. Историю в приходящей в моду трактовке “экономического материализма”

²² См.: *Енина И.А.* Иван Павлович Козловский // Донской архив: Историко-генеалогический альманах. Ростов н/Д., 2008. Вып. 4. С. 9–10. Насколько об этом можно судить по дореволюционным трудам Козловского, он был вполне либеральным монархистом.

²³ Козловский непосредственно руководил организацией Первого краевого съезда музейно-архивных деятелей в Ростове (1921 г.), на котором выступил с докладами о задачах проводимой в Донской области реформе архивного дела и ее значения для научного изучения архивов. (См.: *Енина И.А.* Указ. соч. С. 10–14; *Лукьяшко Е.П.* Прошлое Ростовского архива // Донской временник: Красведческий библиотечно-библиографический журнал (далее – ДВ). 2005. № 4. [Электрон. дан.]: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m16/3/art.aspx?art_id=595; *Козловский И.П.* Научное изучение архивов и задачи центральных исторических архивов // Архивное дело: Сб. Кубанско-Черноморского областного архивного управления. Краснодар, 1921. Вып. 1. См. также: *Маяковский И.Л.* Архивное дело и его работники в Донской области // Наука и ее работники. 1921. № 3. С. 23–24). В дальнейшем Козловский оставался консультантом Донского окружного архивного бюро.

²⁴ Ростовский-на-Дону (впоследствии Донской) Археологический институт учрежден 1 мая 1918 г. как частное высшее учебное заведение группой профессоров Донского университета. В январе 1920 г. институт был национализирован. Назначенный ректором А.И. Яцимирский читал курс славяно-греческой палеографии, его заместитель проф. А.М. Ладыженский – курс социологии; историю и теорию искусства читал проф. Н.Н. Сретенский, историю архитектуры – проф. Академии художеств, знаменитый архитектор “мирискусим” Н.Е. Лансере, побывавший в застенках ростовского ЧК. Упразднен летом 1922 г. (См.: *Румская З.Н.* Донской Археологический институт // ДВ. 1998. № 2. [Электрон. дан.]: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m14/1/art.aspx?art_id=207

²⁵ См.: *Хроника // Борьба классов.* 1924. № 1–2. Отд. 4. С. 386.

²⁶ *Козловский И.П.* Новые труды по русской историографии (с 1920 г.) // Изв. Донского ун-та. 1925. Т. 6. С. 95–108. На уникальность статьи обратил внимание А.Н. Артизов, имея в виду содержащуюся в ней оценку книги Покровского “Борьба классов и русская историческая литература” представителем “буржуазного лагеря” (*Артизов А.Н.* Проблемы отечественной историографии в трудах ученых старой школы в послеоктябрьский период // ИСССР. 1988. № 6. С. 76). См. также: *Козловский И.П.* Один из эпизодов революционных движений на Дону в XVIII веке (1772 г.) (По поводу документов, недавно поступивших в Ростовское н/Д архивохранилище) // Изв. Северо-Кавказского гос. ун-та. Ростов н/Д., 1926. Т. 10. С. 125–134. Последние публикации И.П. Козловского относятся к 1928 г.: *Козловский И.П.* Донские архивы (Отчет о поездке, предпринятой по поручению С.-К. краевой Ассоциации научно-исследовательских институтов летом 1927 г.) // Сб. статей по вопросам культуры. Ростов н/Д., 1928. С. 72–85. (Труды Сев.-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов, № 43. Институт местной экономики и культуры при СКГУ, вып. 4.); *Он же.* Тмуторокань и Таматарха – Матарха – Тамань // Изв. Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1928. Т. 2. С. 58–72.

Козловский, как и большая часть старой ученой интеллигенции, всерьез попросту не воспринимал²⁷.

С самого начала ростовского периода жизни Козловский вовлекается в деятельность Донского Общества археологии и истории искусств²⁸. В 1925 г. после смерти А.И. Яцимирского Козловский избирается председателем правления Общества. По словам еще очень молодого в то время энтузиаста-краеведа Б.В. Лунина, в его лице оно обрело “большого ученого, опытного и чуткого руководителя и исключительного по своей любви и преданности науке человека”²⁹. Это обстоятельство и предопределило дальнейшую судьбу профессора.

4 февраля 1931 г. правление общества в полном составе было арестовано. Сотрудничество упомянутого Б.В. Лунина со следствием вылилось в глуповатые показания-характеристики на членов “нелегальной контрреволюционной группировки”, зафиксированные языком идеологических штампов того времени, но ничего криминального и тем более антигосударственного не содержавшие. Руководители общества Козловский и Ладыженский³⁰ причислялись “к фаланге реакционной профессуры философски-идеалистического направления”. “Идеалистическое мировоззрение” наличествовало и у других арестованных, в частности, у С.А. Вязигина, “сына харьковского профессора, расстрелянного или умершего во время пребывания под арестом в ЧК”³¹; «в гнилой среде ростовских

²⁷ “Кому придется держать в руках эту историю (“Русскую историю с древнейших времен” М.Н. Покровского. – *А.Б.*), – пояснял студентам в 1915 г. Козловский, – тот увидит, к каким искажениям может привести одностороннее освещение исторических фактов”. В качестве эффективного примера того, “до каких курьезов вообще могли дойти сторонники экономического материализма”, он сослался на объяснение Реформации “протестом мясников” против большого количества церковных постов. (*Козловский И.* Методология истории. С. 115).

²⁸ Учреждено в июле 1922 г. группой профессоров и преподавателей закрытого Донского государственного археологического института. В него также вошли члены-основатели Ростовского-на-Дону Общества истории, древности и природы (1909 г.), А.М. Ильин, А.Т. Стефанов, М.Б. Краснянский и др. Преобразовано в краевое Общество археологии, истории и этнографии, впоследствии – в Северо-Кавказское краевое общество истории, этнографии и краеведения.

²⁹ *Луниц Б.* Северо-Кавказское краевое Общество археологии, истории и этнографии [1925 г.] // ДВ. 2011. № 8. [Электрон. дан.:] http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m4/3/art.aspx?art_id=737

В Обществе (скорее это был просто интеллигентский кружок) Козловский отводил себе скорее символическую роль, ограничиваясь редкими, по-преимуществу информационно-мемориальными докладами и сообщениями: “Характер древнерусской торговли” (1922), “Воспоминание о В.С. Иконникове” (1923, совместно с Н.Н. Любовичем и Г.З. Кунцевичем), “Архивная выставка в Ростове н/Д”, “200-летие Академии наук”, на заседании, посвященном 100-летию восстания декабристов (1925), “Памяти А.И. Яцимирского” (1926) и т.д. (См.: Хроника. Указ. соч. С. 385).

³⁰ Ладыженский Александр Михайлович (1891–1972), выпускник юридического факультета Московского университета (1914 г.), приват-доцент кафедры международного права (1917 г.). С 1920 г. – в штате Донского университета. Женат на дочери Д.И. Багалая. Впоследствии проф. Юридического института Прокуратуры СССР, проф. юридического факультета МГУ, научный сотрудник Института государства и права Академии наук. В 1952–1963 гг. – проф. юридического факультета Ростовского госуниверситета, в дальнейшем – проф. МГИМО и Института внешней торговли.

³¹ Вязигин Андрей Сергеевич (1867–1919) – историк-медиевист, проф. всеобщей истории Харьковского университета, депутат III Государственной Думы, один из основателей и лидеров Харьковского отделения “Союза русского народа” и правомонархического движения, член “Русского собрания”. В мае 1919 г. заключен в тюрьму, затем вывезен в числе заложников

археологов он был “поддакивающим”»). М.Б. Краснянского, одного из основателей Ростовского Общества истории, древностей и природы, Ростовского городского музея, Лунин характеризовал как “реакционную [...] фигуру, [...] человека крайне неустойчивого [...], в психическом отношении не совсем здорового [...]”; А.Т. Стефанова и Л.А. Ширман – выставил “политическими обывателями”. 8 сентября 1931 г. И.П. Козловский, Е.А. Черноусов, А.М. Ладыженский и Б.В. Лунин были осуждены Особым Совещанием (ст. 58–10), причем последний получил условный срок (три года высылки в Казахстан) и вышел на свободу; М.Б. Краснянский, А.Т. Стефанов, С.А. Вязигин, Л.А. Ширман были репрессированы по ст. 58–11³².

О дальнейшей судьбе Козловского, почти ничего не известно. В отличие от Лунина, он отправился в настоящую ссылку³³. Сначала это был Челябинск; вероятно, некоторое время он преподавал в Челябинском пединституте (основан в 1932 г.), затем мог быть направлен в пединститут Уральска Западно-Казахстанской области (основан в 1934 г.), где продолжал работать до самой смерти. Умер Козловский 30 ноября 1942 г.³⁴.

В декабре 1940 г., Козловский отправил из Уральска в Москву в дар Государственной публичной исторической библиотеке рукопись под заглавием “Источниковедение истории народов СССР”, – окончательную редакцию своего труда, предназначенного, по его словам, “главным образом для молодых научных работников”³⁵. “Настоящая книга, – писал Козловский, – представляет собою текст лекций, читанных автором в 1909–1940 гг. в высших учебных заведениях Варшавы, Нежина, Ростова-на-Дону,

харьковскими чекистами и убит в Орле 11 сентября 1919 г. (См.: Каплин А., Степанов А. Предисловие // Вязигин А.С. Манифест созидательного национализма / сост. и коммент. А. Каплина и А. Степанова. М., 2008. С. 5–33; См. также: Бузескул В.Л. Памяти ученика, профессора-страдальца. (Там же. С. 359–364).

³² *Штаддакер Л.А.* “Сама судьба отвела мне роль старейшего донского краеведа...”: Борис Владимирович Лунин (1906–2001) // *Донской временник*. 2011. № 59. [Электрон. версия:] http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m4/4/art.aspx?art_id=734. (В статье частично использованы материалы “дела” ростовских краеведов из местного архива УФСБ).

³³ Особое Совещание при Комиссии (Коллегии) ОГПУ обладало правом высылки социально-опасных лиц из местности проживания (с запретом дальнейшего их проживания в данной местности) на срок не свыше трех лет. Осужденные по 58 ст. лишались права на пенсию по старости.

³⁴ По справке департамента юстиции Западно-Казахстанской области от 17.10.2012 г., копию которой любезно сообщил автору уральский археолог-краевед Д.В. Марышкин. На могиле Козловского установлен короткий крест из полосового железа. На проржавевшей поверхности креста поверх сплошь осыпавшейся белой краски нанесена неизвестно когда и кем надпись: “Козловский И.П. 1863. 7 янв. – † 31 нояб. 1943 г.” (sic!); там же ниже: “Ильин Н.Н. (?–А.Б.) 19 6/V 09–19 4/III 42)”. На могиле дочери Козловского Марии Ивановны Козловской (4 марта 1903 – 8 декабря 1975) в бетонное надгробье вмонтирована дощечка с надписью: “Алешенька 28.04–1.05.1904 г.” (По современным фотографиям, предоставленным Д.В. Марышкиным.)

³⁵ Письмо от 12 декабря 1940 г. (автограф). Подпись: “И. Козловский Профессор Уральского педагогического института, доктор (так. – А.Б.) русской истории”. Докторской степени Козловский не имел, хотя в научно-справочной литературе 1920-х годов она зафиксирована. (См.: Наука и научные работники СССР. Л., 1928. Ч. 6: Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. С. 177). Поверх письма резолюция замдиректора ГПИИБ М. Леонтьева от 20 декабря 1940 г.: “Включить в фонд отдела рукописей и редких книг. Написать автору, приславшему свою рукопись, письмо с благодарностью” (*Козловский И.П. Источниковедение истории народов СССР // ГПИИБ. ОИК. № 39320. [Л.] 1*).

Челябинска и Уральска. Источниковедение истории народов кавказских и восточных затронуто лишь постольку поскольку эти источники затрагивались русской исторической литературой. Примечания к тексту имеют в виду интересы аспирантов и молодых научных работников”.

На отдельную страницу вынесено посвящение:

Многолетний труд мой
Посвящаю
светлой памяти
безвременной угасшей жизни
дорогой дочери моей
врача-бактериолога
Александры Ивановны Козловской³⁶

Текст рукописи – 514 пронумерованных страниц с оборотом – также как и в 1930 г. напечатан на вертикально развернутых листах школьной тетради в линейку. Отдельную пагинацию имеют именной и географический указатели (соответственно 18 и 8 с. в две колонки), “Оглавление” (на 4 с. без об.) продублировано от руки на латинском языке (на 2 с). Суммарный объем рукописи составляет около 23 авторских листов. К первым экземплярам машинописного текста относится только начало труда, остальные приходятся, по-видимому, на последующие.

Текст рукописи разбит на четыре несимметричных по объему отделения: “Предварительные сведения” (С. 4–26), “Памятники отечественные” (С. 27–248), “Иностранные известия о России” (С. 249–335), “Хранилища исторических материалов” (С. 337–435). Завершают рукопись “Примечания и дополнения” (С. 437–514).

В “Предварительных сведениях” даются общие понятия об “источниках истории” в их развитии – от зарождения историографии в древности до летописания средневековой Европы и византийских хроник; приводятся краткие сведения о летописании в Закавказье и у балтийских славян. Здесь же освещается начало и развитие письменности на Руси до XIII в. Второе отделение “Памятники отечественные” структурировано по главам. В первой главе “Летописи, хронографы и летописные компиляции” (С. 27–99) рассматриваются традиционные вопросы происхождения русского летописания, терминология, классификация, проблематика “Сильвестровского свода” (“Первоначальной летописи”), дальнейшее развитие летописания до его прекращения, характеристика и обзор летописей, их издания, хронографы и первые попытки связного исторического изложения. По сравнению с редакцией 1930 г. историографический материал этой главы подвергся сокращению и вынесен в “Примечания”. Тем не менее, глава осталась самой большой.

Вторая глава “Памятники повествовательного характера” (С. 100–148) посвящена сказаниям, житиям святых, запискам современников, описанию путешествий. Третья глава “Памятники официального характера” (С. 149–209) дает понятие об актах (международные договоры, правительственные грамоты, духовные грамоты, законодательные памятники, делопроизводство, частные акты, графические материалы). Четвертая глава – “Памятники устной и письменной словесности. Научные сочинения. Критика и

³⁶ Там же. С. [23]?

публицистика. Письма” (С. 210–241). В пятой главе “Памятники вещественные” (С. 242–247) дана характеристика вещественных памятников как исторического источника с кратким обзором трудов по их изучению.

Третье отделение отведено известиям иностранцев как историческому источнику, классификации их на “виды и роды”; в хронологическом порядке приводятся сведения о первых иностранных известиях о славянах и Руси, затем о Московском царстве, Украине, Белоруссии и России XVIII–XIX вв. Четвертое отделение посвящено обозрению истории архивов, библиотек и изданию исторических источников дореволюционной России; раздел о развитии архивного дела в СССР написан под влиянием материалов разоблачительных передовиц и статей из журнала “Архивное дело” 1930-х годов. В “Примечания” вынесены в основном библиографические данные, краткие аннотации и комментарии, цитаты из источников.

Из небольших “Дополнений” видно, что Козловский до последних дней следил за новой литературой, оставляя при этом за собой право самостоятельных суждений. Главное из них относится к оценке учебного издания “Русской правды” 1940 г. “Деление списков Русской Правды на Краткую и Пространную не имеет большого научного значения, – считал Козловский. – Предпочтительнее держаться мнений Соболевского, Карского и Обнорского о большей древности Пространной Правды. Изучение Русской Правды не может считаться законченным и можно предположить, что новейшие издатели, несмотря на сделанные ими большие успехи в изучении деталей, поторопились с общими выводами. Напомним также сомнения Сергеевича о преимуществах Академического списка”³⁷.

Примечательно, что Козловский совершенно не заботился ни о строгости определений, ни о точности формулировок ключевой для предмета терминологии. Этот факт можно объяснять и весьма распространенной у части историков недооценкой теоретической работы, и органической неспособностью к усвоению новых догм, в которые он не верил и которым бессознательно противился³⁸, наконец, тяжелым потрясением от репрессии за “идеалистическое мировоззрение”. Впрочем, стремление не усложнять поданный материал дефинициями, сторониться раскрытия методологических оснований, характерны для большинства изданных курсов лекций. В этом отношении образчиком стиля Козловского является рассуждение о преимуществах того или иного вида источников: “Определить, какой вид источников имеет для историка наибольшую ценность, – писал Козловский, – невозможно, в виду того, что каждый из них имеет свои достоинства и недостатки [...]. Еще недавно считалось наиболее приемлемым мнение Фримана, что самым важным родом источников истории являются произведения повествовательного содержания. Принимая во

³⁷ Там же. С. 513; ср.: Предисловие // Правда Русская. Учеб. пособие / отв. ред. акад. Б.Д. Греков. М.; Л., 1940. С. 5–6. (В основу учебного издания было положено одновременно вышедшее в свет новое академическое издание “Русской Правды”. Классификация и установление соотношения списков принадлежит В.П. Любимову.)

³⁸ Оба коммунистических вождя упоминаются или цитируются Козловским примерно с десяток раз, но в соответствующих контекстах выглядит это несуразно, искусственно, конъюнктурно. Имя Сталина впервые появляется на 153-й странице – в связи с критикой актов, имя Ленина (занимающего “наиболее выдающееся место среди публицистов последнего времени”) – на 229-й. Первое учебное пособие для высшей школы по источниковедению М.Н. Тихомирова, вышедшее в свет в том же, 1940 г., обошлось без ритуальных цитат классиков.

внимание, что всякое произведение письменности отражает на себе прежде всего индивидуальность автора, приходится признать, что в классовом обществе каждое такое произведение является лишь кривым зеркалом истины и наименее искажают последнюю те произведения, которые являются результатом того или иного соглашения между входящими в столкновение общественными элементами, т.е. памятники юридические”³⁹. Тема классификации источников исчерпывается лаконичным высказыванием: “В настоящее время общепризнанным способом группировки источников является способ Бестужева-Рюмина (1872)” с позднейшими дополнениями⁴⁰.

Козловский давно ожидает своего кропотливого исследователя. Но уже сейчас трудно избавиться от ощущения, что “Источниковедение” в редакции 1940 г. уступает в качестве редакции 1930 г. Конечно, и та и другая редакции курса Козловского по большей части вторичны, ибо он шел не от самостоятельной исследовательско-источниковедческой практики, а от практики преподавания, источниковедческая проблематика которой сама по себе была для нее хотя и существенной, но лишь вспомогательной частью. Однако будь этот курс соответствующим образом издан в свое время, имя Козловского ценилось бы несоизмеримо выше, чем имя автора “Первых почт и почтмейстеров”.

И.П. Козловский принадлежал к поколению историков, целиком сформированных досоветской классической университетско-научной и культурной средой. Это был тонкий и очень непрочный интеллектуальный слой, деформированный ужасными катаклизмами войн и революции. Воспитанный в традиции старой историографии, Козловский сделался ее транслятором и хранителем. Курс “Источниковедения”, очень простой и внятный, обобщал и доставлял начальные специальные сведения, без которых немислимо живое освоение ремесла историка. Рукопись Козловского дает конкретный материал, на основании которого следует судить о том, чему и как учили студентов в раннесоветские годы старые профессора. Но ценность этого курса заключается не только в узнавании контекста истории исторического образования. Пособие Козловского позволяет судить и о мере отрефлексированности важных сдвигов отечественной историографии рубежа XIX–XX вв. в сознании одного из рядовых ее представителей.

Приложение

Краткая историческая записка о труде И.П. Козловского “Источниковедение русской истории”, составленная автором этого труда

21 год тому назад, получив кафедру в Варшавском университете, я усердно принялся за обработку моих специальных курсов по источниковедению и литературе русской истории. Мною было пересмотрено за это время множество изданий, сочинений и статей; я внимательно следил

³⁹ Там же. С. 4.

⁴⁰ Классификацию Бестужева-Рюмина Козловский назвал “самую удобною”; “суживают ее” Устрялов и Коялович, “расширяют” – Клепатский (1921) и Пичета (1922). (Там же. С. 437, примеч. 3).

за всеми новостями научной печати в этой области. До 1924 г. я находился в постоянной связи с моим учителем, знаменитым русским историографом, академиком В.С. Иконниковым¹. Курсы мои по вышеуказанным специальным предметам были 6 раз изданы в литографированном виде студентами². Оставив временно университет в 1916 г., я принялся за научную обработку этих курсов и превратил их в цельный труд: “*Очерк русской историографии в связи с источниковедением*”. Труд этот в 1924 году был совершенно закончен и готов к печати³. Он представлял сжатую энциклопедию русской историографии, подводящую итоги всем работам в этой области в дореволюционный период. Появление труда в таком виде оказало бы большую услугу всем занимающимся русской историей, давая им возможность познакомиться со всеми итогами разработки каждого важного вопроса в русской истории и со всеми достижениями дореволюционной науки. Новейшие течения в этой области также были отмечены и продолжали отмечаться, но исключительно ради полноты; наука, конечно, никогда не остановится; но я отмечаю именно законченность труда по отношению к дореволюционной работе в этой области, законченность, дающую возможность быстро ориентироваться в старой литературе и приступить к новой исследовательской работе. Всякий понимает преимущество “историографического” труда над “библиографией”, дающей лишь один перечень работ.

При живом общении с учащейся молодежью и молодыми научными работниками, я скоро почувствовал настоятельную необходимость в издании моего труда. Я обратился в общественно-экономическую предметную комиссию Педфака Ростовского университета с просьбой посодействовать напечатанию его на счет университета. Комиссия поручила проф. А.И. Яцимирскому⁴, преп. В.И. Писареву и студ. Кирию составить отзыв о моем труде; их рецензия была направлена в Правление университета, и Предметная комиссия ходатайствовала об изыскании средств на напечатание. За недостатком средств, было сделано предложение напечатания труда в “Известиях”⁵, и труд был передан на рецензию проф. Инн. Т. Филиппову⁶. Тот одобрил его, но находил его слишком большим; печатание в течение нескольких лет он признал неудобным и предложил мне напечатать лишь последнюю часть его, начиная с Ключевского. Я, по долгом размышлении, отказался, потому что эта часть органически связана со всем трудом, а главное – цель моего труда совершенно не была бы достигнута. С открытием Северо-Кавказской Ассоциации научно-исследоват[ельских] институтов, я обратился к ней. Ассоциация поручила просмотр моего труда проф. Ключкову⁷. Я передал ему мою работу, но его мнение осталось мне неизвестным. Тем временем учен[ым] секр[етарем] В.Н. Котовичем мне было сказано, что препятствием к печатанию моего труда является его большой объем и отсутствие его отношения к изучению местного края.

Позже, когда мне пришлось ходатайствовать о пенсии, М.В. Ключков прислал мне свой отзыв. Вот его копия:

“В Президиум Северо-Кавказской Ассоциации Научно-исследовательских институтов.

В силу поручения Президиума СКАНИИ, представляю краткий отзыв о рукописной работе проф. Козловского И.П. по источниковедению и русской историографии.

Работа проф. Козловского под названием “О русской историографии в связи с источниковедением” по внешности представляет несколько рукописных тетрадей, объемом по беглому подсчету свыше 20 листов печатного текста. Она распадается на 4 части: 1) в первой дан обзор источников русской истории (Fontes*); 2) во второй – указаны хранилища исторических материалов (Thesauri); 3) в третьей излагается развитие русской исторической науки в лице виднейших ее представителей (Auctores); 4) четвертая охватывает примечания (Addenda), библиографию по историографии (Libri); сравнительную таблицу по периодизации и указатель (Index) личных имен.

Наибольшее значение имеют части первая и третья. В первой главе внимание сосредоточено на летописном материале. Основное содержание этого отдела взято из трудов Иконникова и Шахматова⁸, но некоторые части являются результатом самостоятельного изучения автором летописного материала.

Помимо летописей в той же первой части автор дает обзор главных видов источников; им рассмотрены сказания, путешествия, записки, эпистолярный материал, публицистическая литература, иностранные известия, памятники юридического быта, памятники народного творчества, археологический материал и проч.

В части третьей автор, давши общий обзор главных течений русской исторической науки, подробно останавливается на школах Шлецера⁹, Карамзина¹⁰, Каченовского¹¹, Соловьева¹², Антоновича¹³, на трудах Ключевского¹⁴ и его учеников; последняя глава трактует об экономическом направлении, правильнее сказать, о марксизме в русской исторической науке (Плеханов¹⁵, Ленин¹⁶, Рожков¹⁷, Покровский¹⁸).

Таков внешний обзор работы И.П. Козловского, преимущественно основных частей ее.

О цели такой работы автор отзывается так: он хотел бы дать читателю “полное руководство по источниковедению и историографии, которое познакомило бы его с важнейшими видами источников и ученых трудов, дало бы ясное представление о наиболее выдающихся из них, подвело бы итоги 200 летней работе наших ученых и дало бы первоначальный справочный библиографический материал для занимающихся научным трудом”.

При оценке этой работы нужно сказать, что автор ее – давний работник исторической науки, превосходный знаток архивного дела. Его перу принадлежит ряд работ: о Сильвестре Медведеве, Ф.М. Ртищеве, о почтах и почтмейстерах в Московском государстве (XVII в.) и др. Автор, как знаток эпохи торгового капитала в России, широко осведомлен в источниках и памятниках Московского времени и многие стороны исторического процесса проработаны им самостоятельно.

Вот эти стороны и показаны в его работе по источниковедению. Обзор летописей, характеристика видов исторических материалов даны с большой обстоятельностью и знанием дела.

* Здесь и далее латинские слова вписаны от руки.

Что касается историографического обзора, то в отношении старых школ фактический материал подобран также обстоятельно и разработан умело, глава же о марксистской школе требует пересмотра и дополнительной проработки.

Я считал бы возможным, после некоторых изменений, напечатание этой работы в трудах Ассоциации, как полезного издания по источниковедению и русской историографии.

Проф. Кубанского Педагог[ического] института М. Клочков”¹⁹.

Я делал попытки обращения к фирмам московским и ленинградским, ответом был отказ с мотивировкой убыточности издания; таковым, вероятно, было и мнение Ростовской фирмы “Буревестник”, к которой я обращался через А.И. Воскресенского²⁰.

Когда редактором унив[ерситетских] “Изв[естий]” сделался А.Ф. Вишневский²¹, то я еще раз возобновил мои попытки. 7 мая 1927 г. мне было предложено печатать мой труд в приложениях в Унив[ерситетских] “Изв[естиях]”, но не весь целиком; но это, по-видимому, было лишь мимоходом брошенное предложение. Оно сменилось другим: 24 окт[ября] – предложением стеклографирования. Тем временем начал выходить труд Института Красной Профессуры “Русская историческая литература в классовом освещении” под ред. М.Н. Покровского²². Это заставило меня пока отказаться от издания 2-й части моего труда (историографии) и заняться только первой (источниковедение). В январе 1928 г. я взялся за переделку этой части в самостоятельный труд под загл[авием] “Источниковедение русской истории”. Весною я эту переделку закончил и обратился в Историко-правовую предметную комиссию снова с просьбою заново дать отзыв о моем труде. Снова была образована комиссия, в которую вошли профессора и преподаватели – С.Г. Лозинский²³, В.И. Писарев, О.Н. Чаадаева, А.Ф. Вишневский и студ[ент] Гусарев. На этот раз член Правления университета доц[ент] Вишневский нашел возможным (раньше чем был выработан отзыв комиссии) исходатайствовать 100 р[ублей] на переписывание моего труда на машинке с тем, чтобы 4 экземпляра были переданы мною в библиотеку Университета. Осенью 1928 г. переписка была закончена и упомянутые экземпляры поступили в библиотеку.

Было мне в 1928 г. сделано предложение из-за границы (от П.Н. Савицкого²⁴ из Праги) сделать попытку напечатать мой труд там, но я не решил послать рукопись; вторично такое предложение последовало в октябре 1929 г. и снова было мною отклонено.

Весною 1929 г. мною написано было подробное оглавление “Источниковедения”, которое я отдал напечатать на машинке и послал 1 экз[емпляр] в Киев, Москву (Ю.В. Готье²⁵) и Ленинград (С.Ф. Платонову²⁶). В 1930 г. я послал это оглавление в копии акад[емику] В.П. Бузескулу²⁷ в Харьков. Платонов и Бузескул отозвались очень похвально о содержании книги, насколько они могли судить о нем по этому оглавлению.

В июне 1930 г. я послал “Оглавление” проф. П.П. Смирнову²⁸ в Ташкент.

В августе 1930 г. работа целиком была прочтена проф. Е.А. Черноусовым²⁹, высказавшим о ней весьма лестное мнение.

Переписанный на машинке труд “Источниковедение русской истории” с поправками и дополнениями от руки, сделанными в 1929 и 1930 годах,

ныне препровождается в дар Ленинградской Государственной Публичной библиотеке.

“ ” декабря 1930 г.
г. Ростов н/Д

ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 621. Л. II–IV. Машинописная копия, с авторской правкой. Текст печатается по орфографии и в соответствии с пунктуацией документа. Курсивом выделены подчеркнутые места текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Иконников Владимир Степанович (1841–1923), проф. Киевского университета (1871), академик Петербургской АН (1914), академик РАН (1917). “Иконников,— писал В.И. Пичета, — представитель школы научного реализма, стоящий всегда на почве факта и только от него отрывающийся. Всякого рода философско-исторические обобщения ему совершенно чужды [...]. Козловский также принадлежит к школе научного реализма, являясь ближайшим учеником Иконникова” (Пичета В.И. Введение в русскую историю (исторники и историография). М., 1922. С. 166, 167). Своего университетского наставника Козловский считал эклектиком. (См.: Козловский И. Методология истории. С. 3).
- ² Литографированный экземпляр курса “Методология истории и новейшие направления в русской историографии” (Варшава, 1915) хранится в ГПИБ. Труд этот заслуживает отдельного сообщения.
- ³ Сообщение об упомянутом в письме Козловского “Очерке русской истории в связи с источниковедением” (переработка курсов, читанных в высших учебных заведениях Нежина, Варшавы и Ростова н/Д в 1909–1924 гг.) см. в: Хроника. Указ. соч. С. 386. Таким образом, рукопись ГПБ “Источниковедение русской истории” (1930 г.) можно принять за вторую редакцию, а рукопись ГПИБ “Источниковедение истории народов СССР” (1940 г.) – за третью редакцию.
- ⁴ Яцимирский Александр Иванович (1873–1925) – филолог-славист, доктор славянской филологии (“Григорий Цамблак: Очерк его жизни, административной и книжной деятельности”. (СПб., 1904)). Проф. Варшавского университета (с 1912), проф. Донского университета (1920–1925). (Некролог см.: Козловский И. Профессор А.И. Яцимирский // Изв. Донского университета. 1925. Т. 6. С. 3–5).
- ⁵ Имеются в виду “Известия Донского университета”.
- ⁶ Филиппов Иннокентий Тимофеевич (1888–1927) – проф. Северо-Кавказского госуниверситета (СКГУ).
- ⁷ Клочков Михаил Васильевич (1877–1952) – ученик Е.Ф. Шмурло, М.А. Дьяконова, С.Ф. Платонова. Проф. Харьковского университета (1913–1919), затем Кубанского педагогического института. Магистерская диссертация: “Население России при Петре Великом”. (СПб., 1911). Докторская диссертация: “Очерки правительственной деятельности времени Павла I”. (СПб., 1916).
- ⁸ Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) – академик Петербургской АН (1899), председательствующий в Отделении русского языка и словесности АН (1906), проф. Петербургского университета (1910). Филолог, лингвист, историк, исследователь древнерусского летописания и литературы.
- ⁹ Шлёцер Август Людвиг фон (1735–1809) – адъютант (1762), иностранный почетный член Петербургской АН (1769). На русской службе в 1761–1767 гг. Российский и германский историк, филолог, статистик, публицист. Основоположник источниковедения русской истории.
- ¹⁰ Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – писатель, журналист, историограф, автор “Истории государства Российского”.
- ¹¹ Каченовский Михаил Трофимович (1775–1842) – историк, издатель и литературный критик “Вестника Европы” (1805–1830), проф. (1810), ректор (1837–1842) Московского университета; родоначальник “скептической школы” русской историографии.
- ¹² Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) – историк; проф. (1848), ректор (1871–1877) Московского университета, академик Петербургской АН по отделению русского языка и словесности (1872).
- ¹³ Антонович Владимир Бонифатьевич (1834–1908) – украинский историк, этнограф, археолог, проф. русской истории Киевского университета (1878), чл.-корр. Петербургской АН (1901); основатель “киевской школы” историков.

- ¹⁴ Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – историк, академик (1900), почетный академик (1908) Петербургской АН, проф. Московского университета (1882).
- ¹⁵ Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) – основоположник и пропагандист марксизма в России, основатель и деятель российского социал-демократического движения.
- ¹⁶ Ленин Владимир Ильич (1870–1924) – российский и советский политический и государственный деятель, один из организаторов и руководителей Октябрьской революции, председатель СНК РСФСР, основатель СССР.
- ¹⁷ Рожков Николай Александрович (1868–1927) – историк, ученик В.О. Ключевского, деятель революционного движения, социал-демократ. Основной труд: “Русская история в сравнительно-историческом освещении: (основы социальной динамики)” (1918–1926).
- ¹⁸ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – историк-марксист, социал-демократ, советский политический деятель в сфере науки и идеологии. Академик Белорусской АН (1928), академик АН СССР (1929). Заместитель наркома просвещения (с 1918), один из организаторов Социалистической (1918, с 1924 – Коммунистической) академии, Института красной профессуры (1921), заведующий Центрархивом (с 1920), председатель Общества историков-марксистов (с 1925), редактор журналов “Красный архив”, “Историк-марксист”, “Борьба классов”.
- ¹⁹ Дата отзыва не указана.
- ²⁰ Воскресенский Алексей Иванович (1890–?) – преподаватель педагогического факультета СКГУ, член президиума СК краевого бюро краеведения.
- ²¹ Вишневский Александр Фомич (1896–1937) – доцент СКГУ, автор работ по марксистской философии и истории материализма.
- ²² Имеется в виду первый том сборника статей “Русская историческая литература в классовом освещении” (М., 1927).
- ²³ Лозинский Самуил Горацевич (1874–1945) – историк, приват-доцент Петроградского университета и нескольких ленинградских вузов (1917); ректор Еврейского университета (1919–1926, с 1920 – Институт высших еврейских знаний) в Петрограде, где читал курсы лекций по новой и новейшей, а также экономической истории евреев в середине века; проф. истории еврейского народа в Белорусском госуниверситете (1921–1922); проф. по курсу истории классовой борьбы и истории хозяйственного быта СКГУ и СК коммунистического университета (1926–1930); делегат Первой конференции историков-марксистов в Москве (1929). Историк папства и инквизиции.
- ²⁴ Савицкий Петр Николаевич (1895–1968) – экономист, философ, географ, один из основоположников идеологии евразийства.
- ²⁵ Готье Юрий Владимирович (1873–1943) – историк, выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1895); докторская диссертация: “История областного управления в России от Петра I до Екатерины II” (М., 1913), приват-доцент (1903–1915), проф. Московского университета (1917); академик АН СССР (1939; чл.-корр. 1922). Ученый секретарь Румянцевского музея, заместитель директора Всесоюзной Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (1898–1930).
- ²⁶ Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк, приват-доцент (1889), проф. (1890), заслуженный проф. (1912) Петербургского университета; академик РАН (1920), председатель Археографической комиссии (1918–1929), директор Пушкинского Дома (1925–1928), директор БАН (1925–1929), академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и член Президиума АН (1929). В январе 1930 г. арестован ГПУ, в августе 1931 г. выслан в Самару, где умер.
- ²⁷ Бузескул Владислав Петрович (1858–1931) – историк античности, историограф. Приват-доцент и проф. Харьковского университета (1885–1924). Академик АН СССР (1922), академик НАН Украины (1925).
- ²⁸ Смирнов Павел Петрович (1882–1947) – историк, выпускник историко-филологического факультета Киевского университета (1907). Магистерская диссертация: “Города Московского государства в первой половине XVII века” (Киев, 1919). Проф. Среднеазиатского университета в Ташкенте (1927–1934).
- ²⁹ Черноусов Евгений Александрович (1869–?) – византист, востоковед. Преподаватель, приват-доцент Харьковского университета (1906–1918). Главный труд: “Очерки по истории Римской империи 180–235 гг. Подготовка смуты III в.” (Харьков, 1911).

А.Н. Медушевский

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА МЕДУШЕВСКАЯ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

Для истории России XX столетия центральной проблемой самоопределения личности стал выбор между идеологией и наукой – иллюзорной картиной мира, насаждавшей деспотическим государством, и полноценной информацией, открывавшей путь к свободе и сохранению человеческого достоинства. Трагедия русской интеллигенции, мечтавшей при самодержавии о демократических переменах, в советский период русской истории состояла в полной утрате смысла существования в условиях революционного террора, торжества коллективистских представлений, поддерживавшихся низким уровнем культуры и агрессивным насаждением примитивных уравнилельных идей. Уничтожение классической дореволюционной науки после Октябрьского переворота 1917 г., порабощение мысли идеологическими догматами и преследованиями в сталинский период, манипулирование массовым сознанием со стороны репрессивного политического режима вплоть до его крушения в 1991 г., казалось, не оставляли никаких надежд на сохранение преемственности традиции гуманитарного познания, критической мысли и интеллектуальной свободы.

В условиях крушения всей дореволюционной культуры задача мыслящей части научного сообщества состояла прежде всего в осмыслении кризиса гуманитарного познания и путей выхода из него, элементарном сохранении классических традиций русской исторической науки, этических основ профессионального сообщества и поддержке научной школы для ее возможного возрождения в будущем. Это была очень трудная задача, требовавшая высокой нравственности, максимальных усилий мысли и воли, почти религиозного самоотречения. Все эти черты в полной мере присущи Ольге Михайловне Медушевской (6 октября 1922 – 9 декабря 2007 г.) – выдающегося представителя русской общественной мысли, науки и интеллигенции – первого заслуженного профессора РГГУ (ранее – Московского историко-архивного института)¹. В ее трудах и научном наследии представлены ответы на основные вопросы эпохи: объяснение существа процессов в мировой и русской гуманитарной мысли и исторической науке; обоснование теоретического источниковедения как эпистемологии гуманитарного знания, противостоящей идеологическому и догматическому видению мира; разработка теории когнитивной истории, имеющей характер новой

¹ Биография О.М. Медушевской представлена в следующих трудах: Россия-2000: Современная политическая история: 1985–1999. М., 2000. Т. 2: Лица России: Справочно-энциклопедическое издание. С. 594; Кто есть кто в РГГУ. М., 1993 (2000 и др. изд.). С. 161; *Чернобаев А.А.* Историки России: Кто есть Кто в изучении российской истории: Биобиблиографический словарь. Саратов, 2008. С. 226; Мастера русской историографии: Ольга Михайловна Медушевская // Исторический архив. 2010. № 3. С. 112–127 и др.

научной парадигмы; создание образовательной концепции и международной научной школы теоретического источниковедения; выдвижение идеи университета нового типа. Анализ вклада ученого по этим направлениям, представленный в настоящей статье, составляет основу понимания современной ситуации в российской историографии и перспектив ее развития в будущем.

Человек и гуманитарное познание XX века: трудности и способы их преодоления

В гуманитарном познании XX в. констатируются трудности, связанные как с отсутствием теории, адекватной современному состоянию науки, так и с отсутствием четких понятий, которыми могли бы оперировать разные области знаний. Основная причина этих трудностей – *несоответствие традиционных методов познания новой социальной реальности*. Три основных проблемы приобрели ключевое значение в новейшее время: глобализация, информатизация и познание “другого”, т.е. мотивации поведения индивида, картина мира которого отличается от установившихся стереотипов данной цивилизации. Первый из этих процессов – *глобализация* – привел к разрушению устойчивых исторически сформировавшихся границ культурной и национальной идентичности, а его следствием стало крушение европоцентризма как доминирующего подхода гуманитарных наук и связанных с ним иерархических приоритетов (постепенное осознание этого процесса проходило по мере расширения контактов с обществами, ранее находившимися на периферии магистрального пути мирового развития). Второй процесс – *информатизация* (рост объема информации и скорости ее распространения в результате появления новых технологий) – уже к середине XX в. привел к крушению линейной модели истории (поскольку стал возможен непосредственный обмен информацией между представителями разных культур вне учета их исторического генезиса). Третий процесс – *познания “другого”* – связан с необходимостью восприятия чужой культуры и мотивации поведения (человеческой одушевленности) и ее интерпретации в нейтральных научных понятиях (т.е. таких, которые не были бы перенесены автоматически из одной культуры в другую как эталон для сравнения). Конфликтный потенциал глобализации и информатизации не может быть осмыслен вне привлечения всего исторического опыта человечества как эволюционного и коэксистенциального целого.

Общим результатом этих процессов, – как показала О.М. Медушевская, стал *кризис традиционной*, восходящей к метафизическим и эволюционистским философским доктринам XIX в., *методологии гуманитарного познания*. Он проявился в отказе от системности концепции мировой истории, в отрицании за историей звания полноценной науки (известное противопоставление наук о природе и наук о духе, выдвинутое в германской неокантианской философии истории начала XX в.), отрицании сравнительного метода как способа познания общественных закономерностей и явлений (как идиографических – неповторимых и уникальных), наконец, в отсутствии единых критериев доказательности в гуманитарном познании. Действительно, основная проблема методологии исторического познания связана с самим объектом исследования: внутренний мир человека ненаблюдаем и подвижен; внешнее поведение индивида и групп не охваты-

вает сущностных свойств человека; эксперимент и непосредственное наблюдение возможны лишь в ограниченной степени. Это приводит многих современных исследователей к выводу о невозможности исторического познания в принципе или, во всяком случае, невозможности такого познания как строго научного. Критика позитивистских традиций исторического метода в концепциях Школы “Анналов”, постановка проблемы исторического синтеза в работах Л. Февра, М. Блока, А. Тойнби, Р.Дж. Коллингвуда не завершились созданием адекватной теории исторического познания. Крупные направления современной исторической мысли часто вместо содержательных объяснений выдвигают метафоры, не дающие оснований для оптимизма: диалог цивилизаций (бесконечный?); вечный “танец смыслов” (при отсутствии этого понятия в единственном числе?); зеркало (отражение как источник новой информации?); игра (человек играющий?). Метафоры правомерны в каждом отдельном случае, но в целом создают общее впечатление тупика и отсутствия объективированных признаков прогресса в области культуры и познания. Вопрос о доказательности исторического знания по существу уходит из сферы внимания профессионала.

С проблемой доказательного познания социальных явлений оказались неспособны справиться основные философские доктрины XIX–XX вв. – классический позитивизм и исторический материализм (поскольку придерживались в общем и целом упрощенной теории “отражения”); неокантианский релятивизм и постмодернизм (поскольку исходили из другой крайности – непознаваемости мира и привнесения сознания исследователя в историю). Феноменологический подход предложил альтернативный двум предшествующим доктринам вариант решения, сформулировав проблему различения объекта и предмета познания – соотношения вещи и информации, которую из нее возможно получить (вещь сама по себе и вещь для нас). Феноменологический подход означал несомненный шаг вперед, приняв идею познаваемости явлений, но он не разработал методов такого познания в гуманитарных науках.

Что – спрашивала О.М. Медушевская – отличает зрелую науку от повседневного знания? И отвечала: это – область логики науки. Подобно тому, как осмысление собственного поведения отличает личность от индивида, а осмысление своей исторической судьбы отличает народ от населения, так и зрелая наука отличается от знания тем, что она осмысливает свою научную стратегию, свой метод. Выделяются такие признаки науки как наукоучение; исследование метода; сообщество, обсуждающее метод; утверждение образовательной модели – университетского курса (образа науки в университетском образовании). Появление логики науки обеспечивает освоение теоретической концепции сообществом, способным принять соответствующие критерии новизны, доказательности и системности исследовательского результата. Иначе говоря, возникает проблема формирования методов, адекватных исследованию систем функционирования человеческих сообществ в режиме их одновременного взаимодействия.

Такова была, по мнению О.М. Медушевской, внутренняя причина начавшейся в XX в. смены парадигм теории и методологии истории, в рамках которой следует рассматривать динамику проблем исторического познания в XX – начале XXI в. Перед нами два алгоритма: один – традиционной исторической критики, другой – источниковедческого метода. Первый соответствует нарративному повествованию как способу предоставления

обществу исторического опыта поколений. Логика исторического нарратива традиционна, она не есть создание научных понятий – это логика исторического воображения, логика искусства и повседневного сознания: историк создает образ прошлого по-своему согласно априорному представлению о нем, связывая детали прошлого с помощью метафизических, поэтических или идеологических стереотипов своего собственного времени. Второй – источниковедческий – соответствует предоставлению исторического опыта обществу не в форме рассказа, нарратива, но в форме информационной аналитики. Цель источниковедческого метода – развернуть, раскрыть информационное богатство источника и представить его в преобразованном (систематизированном) виде.

Решение данной проблемы оказалось возможно в результате создания когнитивного метода в гуманитарном познании. Отправной точкой стал поиск ответа на главный общий вопрос в философской и эмпирической эпистемологии: какова эмпирическая база для изучения самоорганизации сообществ, групп, систем, их функционирования в режиме целостности (диахрония, настоящее). Теория когнитивной истории, разработанная О.М. Медушевской, стала результатом научного синтеза ряда направлений гуманитарного знания – информатики и когнитивных наук (изучающих человеческое мышление), с одной стороны, историографии, источниковедения, структурной лингвистики, антропологии, – с другой. Речь идет о новом синтезе теории информации и методологии классического источниковедения, получившего особое развитие в России XX в. Поскольку подлинная научная дискуссия в середине и большей части второй половины XX в. здесь была практически невозможна, внимание лучших сил науки концентрировалось на источниковедении – области знаний, стремившейся формулировать новые научные выводы путем непосредственного обращения к тексту документа или его детальной критической интерпретации. На этой основе стало возможным формирование международной научной школы О.М. Медушевской, которая, по сути, стала школой всего Историко-архивного института.

Научное творчество О.М. Медушевской и ее вклад в науку можно условно подразделить на три этапа. *Первый этап* (1940–1950-е годы) формирования взглядов связан с разработкой проблем пространства и времени – исторической географии и картографических источников, классификации источников. *Второй* (1960–1980-е годы) – можно определить как “критический”: он связан с решением проблем теоретического источниковедения и методологии истории в условиях растущей дезориентации мировой исторической науки и догматизации советской. *Третий* (с начала 90-х годов XX в. до 2007 г.) представляет собой новый научный подход, завершившийся созданием интегральной теории когнитивной истории, выдвижением на ее основе новых принципов профессиональной этики, образовательной модели и педагогической школы.

Формирование взглядов: пространство, время и смысл существования в науках о человеке

Формирование картины мира в процессе информационного обмена включает конструирование категорий пространства и времени, фреймов восприятия, а также их фиксации в понятиях и материальных формах.

Пространство и время выступают как всеобщие формы бытия. Предметом изучения с этих позиций становятся протяженность пространства и его метрические свойства, выражающие особенности связей структурных элементов; реальность трехмерного пространства; развертывание человеческой деятельности в условиях реального пространства и времени. Пространственно-временные координаты источника, – считала О.М. Медушевская, – необходимы историку-источниковеду как определение опорной точки на карте горизонтальной синхронии – времени и места, ситуацию которого (исторического времени) он собирается изучать. Он нацелен на получение новых информационных данных об этой эпохе. То, что ему доподлинно (если подлинность уже подтверждена) известно об этой эпохе – это то, что она себя обнаружила спонтанным проявлением в ней данного эмпирического продукта человеческой деятельности (исторического источника).

Историческая география и ее перспективы особенно интересны с этих позиций, потому что они представляют собой редкий феномен эффективного, междисциплинарного по существу взаимодействия естественных (география) и гуманитарных (историческая) наук, формируя особое метадисциплинарное пространство. Перспективы исторической географии как науки и университетской дисциплины в эпоху глобализации более чем очевидны. Для профессионализма гуманитариев и особенно историков, – подчеркивала О.М. Медушевская, – эта дисциплина создает пространственное видение, ориентирует на изучение системных связей исторического настоящего. Это, в свою очередь, способствует развитию междисциплинарных контактов по различным направлениям естественно-научного знания. Вводя понятие “исторического пространствования” исследователи науки отмечают его “конструктивную междисциплинарность” и многообразие проблематики возможных научных и общекультурных проектов.

В рамках этой системы идей сформировались научные и общественные взгляды О.М. Медушевской. В Историко-архивном институте (ныне РГГУ) историческая география стала частью единого комплекса исследовательских методов и начала преподаваться на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин с 1939 г.² В то время, когда кафедрой заведовал профессор А.И. Андреев (1943–1949 гг.), он пригласил для создания лекционного университетского курса исторической географии проф. В.К. Яцунского. В основу концепции ученый положил свои представления о предмете, задачах и методах исторической географии³. Позднее он продолжил чтение подобного курса также в МГУ, где был создан учебник для высшей школы. В.К. Яцунский как историко-географ и А.И. Андреев как историк научного географического знания и источниковед создали по существу новое направление междисциплинарных, метадисциплинарных исследований. Эти две фигуры, продолжавшие традиции дореволюционной школы А.С. Лаппо-Данилевского в российской историо-

² См.: Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2001.

³ Яцунский В.К. Историческая география: История ее возникновения и развития в XIV–XVIII вв. М., 1955; Вопросы географии. М., 1960.

графии, оказали преимущественное влияние на формирование взглядов О.М. Медушевской⁴.

В 1952 г. О.М. Медушевская защитила кандидатскую диссертацию на тему: “Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке (50-е – начало 80-х годов XVIII в.)”⁵, в 1957 г. опубликовала работу “Картографические источники в XVII–XVIII вв.”⁶, а в 1964 г. – “Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв.”⁷. Эти работы стали классикой российской исторической географии и не утратили научного значения до настоящего времени. Поразительное свойство информационной емкости картографического документа и в то же время его визуальная наглядность и доступность в отличие от письменного документа, – подчеркивала исследовательница, – связано с особенностями когнитивных возможностей человеческой разумности. Для гуманитаризации любого высшего образования вместо двух отдельных курсов истории и географии, – считала она, – вполне можно представить себе наддисциплинарный курс исторической географии – столь необходимый в современных условиях небывало быстрого и потому остроконфликтного взаимного узнавания и встреч ранее далеких друг от друга и изолированных культур. Историческая география реально доказала эффективность и взаимодополняемость наук о природе и наук о человеке⁸. Для данного направления характерно, при разнообразии тем и подходов, соединение системного, пространственного подхода (в том числе к изучению региональной истории и географии) с вводимым в научный оборот новым документальным информационным ресурсом и взаимодополняемостью письменных источников картографическими⁹.

Диалог ученых-историков и ученых-географов оказался взаимодополняющим и полезным для тех и других. Этот диалог, реализовавшийся в создании нового историко-географического направления данной научной школы, способствовал обращению географического сообщества, весьма широкого по интересам, к проблематике и научным связям в области исторической географии¹⁰. Основные направления данного междисциплинарного взаимодействия, сформированного позднее О.М. Медушевской, определялись как исследование проблем исторической географии (политической, экономической, географии населения, топонимики, географических открытий и освоения новых регионов) – на основе широкого круга источников информации, – материалов переписей населения, писцовых книг, статистики, сказаний иностранцев, и особенно картографических материалов,

⁴ Медушевская О.М. История науки как динамический процесс: К 120-летию со дня рождения А.И. Андреева // Вестн. РГГУ. 2008. № 4. С. 312–328.

⁵ Медушевская О.М. Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке: (50-е – начало 80-х годов XVIII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952.

⁶ Медушевская О.М. Картографические источники XVII–XVIII вв. М.: МГИАИ, 1957.

⁷ Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. М., 1964.

⁸ Медушевская О.М. Новое знание о человеке // Историческая компаративистика и историческое построение. М., 2003.

⁹ Подробнее о начальном этапе творчества: Беленький И.Л. Путь научного поиска О.М. Медушевской // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 212–220.

¹⁰ Медушевская О.М. В.К. Яцунский и преподавание исторической географии // История географии и историческая география. М., 1975. С. 10–11.

старинных чертежей и карт. С этих позиций стала возможной постановка О.М. Медушевской вопроса о переосмыслении методологических основ исторической науки, в частности в рамках цивилизационного подхода¹¹.

Один из примеров развития данного подхода на современном этапе – предложенная О.М. Медушевской тема научной конференции в РГГУ, посвященной специально этой проблеме – “Исторический источник: человек и пространство” (М., 1997) – отражает разнообразие аспектов историко-географических исследований и их междисциплинарный состав участников¹². Тематика исторической географии была постоянно представлена в материалах других научных конференций ИАИ –РГГУ¹³. В настоящее время по аналогичным основаниям теории, источниковедческой образовательной модели и успешного диалога истории и ряда фундаментальных точных наук формируются новые метадисциплинарные направления – исторической генеалогии, исторической хронологии, исторической метрологии. Данные направления разрабатываются с учетом классического наследия учителей, современными научными трудами в том числе – концептуальными корпусами учебных программ и научно-педагогических практик.

Уже для начального этапа деятельности О.М. Медушевской характерно четкое понимание смысла жизни как творческой самореализации. Это – космический масштаб размышлений о природе, обществе, научном познании и интеллектуальной свободе, вообще характерный для русской науки в лице таких ее представителей, как В.И. Вернадский и А.С. Лаппо-Данилевский¹⁴, а в новейшее время А.Д. Сахаров. Отсюда – специфическое отношение О.М. Медушевской к вопросам веры. С одной стороны, это был типичный для ученого-рационалиста скептицизм: трудно допустить существование Бога, если в мире существует столько зла; с другой – глубокое понимание единства вселенной, нравственное чувство и понимание долга в стиле категорического императива, не оставляющее сомнений в существовании индивидуальной миссии человека на земле. В конечном счете по отношению к вопросам веры был характерен определенный редукционизм: не нужно пытаться понять то, что находится за пределами нашего понимания и тем более, стремиться возлагать на сверхъестественные силы то, что можешь сделать сам и за что несешь ответственность.

Ключевой момент феномена человеческой разумности, – подчеркивала О.М. Медушевская, – способность фиксировать результат мышления в материальном структурированном интеллектуальном продукте – имеет системообразующее значение как для индивида, так и для сообщества. Поток сознания у человека дискретен, разделен на этапы, проявляющие себя последовательным поведением, связанным с созданием фиксированных образов. Следовательно, возникает эффект самонаблюдения, самокоррекции,

¹¹ Медушевская О.М. Понятие “цивилизация” и современная историография // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 195–196.

¹² Исторический источник: человек и пространство. М., 1997.

¹³ См.: Вспомогательные исторические дисциплины: Специальные функции и гуманитарные перспективы. М., 2001; Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления. М., 2006.

¹⁴ Медушевская О.М. Методология истории как строгой науки // Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2010. Т. 1. С. 23–84.

эксперимента в связи проекта с реальностью, выбора дальнейшего поведения, что соответственно стимулирует мыслительный процесс. Измерение есть познавательный процесс – определение отношения одной (измеряемой) единицы к другой, принимаемой за постоянную единицу измерения. Феномен измерения и его практики выступает как “часть всякой культуры, только в более низкой или более высокой степени совершенствования” (Э. Гуссерль). Понятие меры и измерения очерчивается как центральная проблема в философии, истории науки, исторической антропологии, исторической географии. Историческая метрология предстает как одна из наук о человеке, университетская дисциплина в системе профессионализма историка, антрополога, географа, историка науки. Отсюда – подчеркнутое внимание к категории меры, технике измерения, проблеме единиц измерения для достижения точного и верифицируемого знания¹⁵.

Итак, поставив вопрос о том, что такое человек, О.М. Медушевская определяла его как такую живую систему, которая способна превращать энергию своего мышления в материю интеллектуального продукта. И не просто способна это делать, но не может существовать иначе. Возникает вопрос о том, как человек познает свою историю, каков макрообъект истории как науки. История – эмпирическая наука и она познаваема путем обращения к целенаправленно создаваемым продуктам человеческой деятельности, выступающим в качестве исторических источников. Стоит внимательно присмотреться к этому макрообъекту, и это могут сделать только историки.

Структура и метод в исторической науке: учение о классификации источников

В отечественном источниковедении проблематика теоретических дискуссий о структурных параметрах исторических источников и архивных документов и хронологически (1950–1960-е годы), и содержательно совпадает с эпохой подъема структурализма в мировой науке. Центральной проблемой логики науки становится структурализм. Поиск структур – общая позиция любой эмпирической науки, но сами структуры различны, и соответственно различны структуралистские методы. Науки, изучающие эмпирически данные множества, нацелены на выявление однопорядковых объектов, а за однотипными объектами выявляют совокупности их свойств, правила, способствующие их формированию. Структуры проявляются как воспроизведения аналогичных конфигураций, представленных в виде материальных образов, что наводит на мысль об их типологичности, выражающей постоянно воспроизводящиеся отношения, связи частей и целого¹⁶.

Пристальное внимание к этим связям может привести исследователя к установлению закономерностей, типологий. Особенно важно выявление связи структур с функциями, что позволяет раскрыть и объект данной науки как систему. В гуманитарном знании этот путь прошла лингвистика,

¹⁵ Медушевская О.М. Точное знание в истории: структуралистский аспект // Медушевская О.М. Теория исторического познания: Избранные произведения. М., 2010. С. 279–287.

¹⁶ Медушевская О.М. Проблема структуры в науках о человеке // Медушевская О.М. Теория исторического познания. С. 394–410.

превратившись в итоге в науку о системе языка, точную, открывшую для себя компаративистику в исследовании системы языка в ее эволюции и синхронном коэксистенциальном взаимодействии. Этот успех придал мощный импульс другим областям гуманитаристики¹⁷. Но не все они имели уже пройденный этап исследования классификаций, множеств структур. Поэтому в ряде гуманитарных наук (в том числе истории) структуры, хоть и желанные, оказались неуловимыми, что и привело в конечном счете к отказу от их поиска в структурализме. Он сформулировал, однако, вызов, на который историческая наука должна была дать ответ.

В свете анализа общих тенденций эпистемологии гуманитарного знания XX в. смысл спора интерпретируется О.М. Медушевской вполне определенно: либо системный подход к корпусу взаимосвязанных (генетически) источников как исторических явлений, как феноменов культуры, либо – представление о неструктурированном “океане” источников, в котором познающий субъект свободен выбрать нечто “важное” по его собственной иерархии ценностей. Проблема исторического синтеза включает соотношение методологии источниковедения и методологии исторического построения. В рассматриваемый период 1960-х – начала 70-х годов XX в. поиск ответа на этот вопрос делал актуальным переосмысление классического наследия – прежде всего двух различных методологических подходов А.С. Лаппо-Данилевского и А.А. Шахматова, а также их развития в работах И.М. Гревса, Н.Д. Кондратьева, А.Е. Преснякова, С.Н. Валка, Т.И. Райнова¹⁸.

Концентрированное выражение этот поиск находил в изучении произведения как явления культуры и как источника информации о реальности. Мы имеем в виду прежде всего дискуссии о проблемах теории источниковедения и классификации исторических источников, привлечших тогда внимание ряда историков, архивистов, философов и педагогов-практиков. Начало им положила дискуссия ученых и преподавателей Историко-архивного института (среди них были В.К. Яцунский, Л.В. Черепнин, А.А. Зимин, С.О. Шмидт, А.П. Мерзон, А.Т. Николаева, М.Н. Черноморский) о концепции курса общего источниковедения и принципах классификации источников в создававшейся программе курса. Ученым уже тогда была ясна эпистемологическая основа спора – обосновывалась научная классификация источников по видам, причем ученым удалось отвести настойчиво предлагающуюся альтернативу – группировать источники тематически (по принципу обзоров, “отнесением к ценности” более и менее важных и т.д.)¹⁹. Та же по сути эпистемологическая альтернатива прослеживается при современном взгляде на дискуссии о классификационных представлениях в архивистике – искусственных тематических сериях или, напротив, сохранении естественно-исторических связей документа и фонда, что рассматривал В.Н. Автократов²⁰.

¹⁷ Медушевская О.М. Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании: проблемы методологии // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996. С. 6–27.

¹⁸ Медушевская О.М. Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография. М., 1996. С. 42–77.

¹⁹ Яцунский В.К. К вопросу о классификации письменных исторических источников в курсе источниковедения истории СССР // Труды МГИАИ. М., 1958. Т. 11.

²⁰ Автократов В.Н. Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении // Автократов В.Н. Теоретические проблемы архивоведения. М., 2001. С. 306–309.

В методологии истории О.М. Медушевской представляется наиболее актуальным созданное понятие *вид* (интеллектуального продукта). Вид – это и есть понятие структуры, конфигурации, которую принимает продукт. Структуралистский видовой метод опирается на общее понятие об историческом источнике (интеллектуальном продукте) как реализованном продукте целенаправленной человеческой деятельности. Это – общее родовое понятие, определяющее однородность множества – продукт структурирования в соответствии с целеполаганием. Особенно важно, что продукт создается в конкретно-историческом действующем сообществе в его системе опосредованного информационного обмена и поэтому структурирован в соответствии с теми функциями, которые этим сообществом востребованы (необходимы для поддержания баланса системы). Вид – структурная классификационная единица для разделения совокупности продукта на классы по признаку общности (сходства) структуры и функции. Вид, следовательно, есть подмножество интеллектуального продукта, имеющее общие признаки структуры, оптимально соответствующей той функции (предназначения), для выполнения которой данный продукт создавался. Основания для структуралистского подхода в истории и образовательной модели определялись следующим образом: 1) эмпирическая данность макрообъекта совокупного интеллектуального продукта; 2) однородность (все создано человеком) и структурированность этого макрообъекта (продукт создан целенаправленно для выполнения функции); 3) через структуру и функции можно познавать систему информационного обмена человека и действующую информационную систему сообщества.

В контексте этих структуралистских дискуссий о понятии вида и классификации источников становится понятно обращение О.М. Медушевской к фундаментальным проблемам исторического познания – методологии истории, теоретического источниковедения и определение его метода в современных исторических, антропологических²¹, компаративных²² и социологических исследованиях. В этом отношении заслуживают внимания ее последующие труды по исторической антропологии, компаративистике²³, исторической географии, теории источниковедения²⁴. Внимание к структурализму, обсуждение того, что такое структура, как ее выявить и измерить, что является единицей измерения – всегда были в центре ее внимания. Отсюда вывод о важности компаративистики – сравнительных методов с учетом принципа сравнения сравнимого. Подлинная компаративистика – это теоретическое источниковедение, а единицей сравнения выступает исторический источник. Становится понятен генезис основной идеи когнитивной методологии истории – опосредованного обмена информацией через продукты человеческой деятельности.

²¹ Медушевская О.М. Историческая антропология как феномен гуманитарного знания // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 17–26.

²² Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном познании. М., 1996.

²³ Медушевская О.М. Современная компаративистика: Проблемы методологии // Современная американистика в поисках новых подходов. М., 1998.

²⁴ Медушевская О.М. Источниковедение: Теория, история и метод. М., 1996.

**Методология научного познания:
обоснование теоретического источниковедения
как особого направления гуманитарного познания**

Для современной научной мысли принципиальное значение имеет не только анализ результатов научных дискуссий, но и логика их формирования, отражающая исторические особенности эпохи и трудности становления. В 1975 г. О.М. Медушевская защитила докторскую диссертацию “Теоретические проблемы источниковедения”, в которой была выдвинута *новая научная концепция источниковедения как теоретической и методологической основы гуманитарного знания*, позволяющей сделать это знание точным и доказательным. В условиях господства догматизированного советского марксизма, обращение к этой тематике требовало большого личного мужества. В период, получивший позднее выразительное наименование “застоя”, было не принято обсуждать какие-либо теоретические понятия, выходящие за рамки официального марксизма-ленинизма, а тем более предлагать их собственную интерпретацию. Поэтому в советской науке вводимое О.М. Медушевской понятие “теоретическое источниковедение” было встречено с глубоким недоверием и подозрением. Зачем, – спрашивали критики, – нужно выделять “теоретическое источниковедение” в особую отрасль знания, если уже существуют марксистская “теория исторического процесса” и “теория исторического познания и исследования”? Не означает ли введение этого понятия уступку неокантианству: сознательный разрыв методологии и методики, т.е. стремление противопоставить теоретическое источниковедение – источниковедению без теории? Наконец, целесообразно ли распространение строгих методов источниковедческой критики на тексты идеологического происхождения, в частности – партийные документы?

В контексте стремления неосталинистской части научного руководства (а именно таковым было тогдашнее руководство МГИАИ во главе с реакционным партийным функционером С. Мурашевым) взять реванш за предшествующий период “Оттепели” и установить идеологический “порядок” в “ненадежной” среде гуманитарного вуза после восстаний в Венгрии и Чехословакии – все эти вопросы были отнюдь не схоластическими. Поэтому на защите докторской диссертации столкнулись представители двух направлений – советских догматиков и ученых, стремившихся к модернизации понятийного аппарата и языка гуманитарного познания. Драматическую ситуацию, ощущавшуюся в наэлектризованной обстановке начала защиты, удалось переломить благодаря мощной поддержке академика Л.В. Черепнина, выступавшего первым оппонентом по диссертации. Черепнин – выдающийся специалист по истории российского феодализма²⁵, воспитанный в духе классической дореволюционной академической традиции, к этому времени был усталым человеком, сломленным сталинскими репрессиями (значительное время провел в ссылке) и опасавшимся высказывать свое мнение по вопросам методологии истории (как это видно, например, из его статьи о Лаппо-Данилевском)²⁶. Он поэтому начал

²⁵ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. М., 1948–1950. Т. 1–2.

²⁶ Анализ идей Черепнина см.: Медушевская О.М. Л.В. Черепнин и становление науки об источниках // Феодализм в России. М., 1987. С. 53–58.

выступление с осторожных сомнений в правомерности понятия “теоретическое источниковедение”, но тут же выступил с полной поддержкой этого направления. “Это, – уверенно заявил он, – тема высокого уровня, ибо от глубины разработки методологии и теории исторического источниковедения зависит успех научного исследования, зависит плодотворность его результатов... Справиться с такой темой может только опытный и зрелый ученый, и потому работу над ней можно расценивать как достойное испытание творческих возможностей автора”. И далее: “О.М. Медушевская, как мне представляется, со своей работой справилась и написала книгу, которая органически войдет в советскую науку. Это известный итог того, что сделано в области теории источниковедения и в то же время перспектива ее дальнейшего движения”²⁷.

Стремясь защитить диссертанта от возможных идеологических обвинений, Черепнин вывел вопрос в техническую плоскость. “Т. Медушевская, – продолжал он, – продуманно и осознанно оперирует теоретическим понятийным аппаратом, она обоснованно выделяет существенные проблемы исторического источниковедения, являющиеся объектом изучения в существующей литературе или должны быть таковыми стать.” “Труд т. Медушевской вызывает удовлетворение и в чисто профессиональном отношении. Источниковедческая методика располагает целым комплексом очень тонких приемов, разработанных и разрабатываемых далее рядом вспомогательных исторических дисциплин. Они требуют овладения ими и умелого применения. Т. Медушевская эту культуру источниковедческого труда восприняла”.

Реабилитация самой постановки проблемы была представлена в заключении зав. кафедрой источниковедения истории СССР исторического факультета МГУ, членом-корр. АН СССР, проф. И.Д. Ковальченко: “Автором, – констатировал он, – сформулированы определения теории источниковедения, основные методологические принципы теоретического источниковедения, и разрабатываемых им проблем.” “Рассматривая основные этапы развития теории советского источниковедения, О.М. Медушевская особое внимание уделяет исследованию понимания таких важных проблем, как социальная природа исторического источника, осмысление источника как продукта общественного развития, определенной общественной среды.” Позднее некоторые из этих идей получили развитие в трудах самого Ковальченко²⁸.

Наконец, поддержку методологическим выводам диссертанта оказал известный томский философ истории Г.М. Иванов, написавший книгу об историческом познании²⁹. Во-первых, им было поддержано само понятие “теоретическое источниковедение”, которое, как он верно предвидел, “будет полезным при решении не только теоретических, но и тех практических источниковедческих задач, с которыми приходится сталкиваться историку”. Во-вторых, не менее важна была констатация важности данной парадигмы для всего комплекса дисциплин гуманитарного познания.

²⁷ Здесь и далее цитаты из выступлений на защите докторской диссертации О.М. Медушевской приводятся по стенограмме, сохранившейся в архиве автора.

²⁸ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

²⁹ Иванов Г.М. Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973.

“О.М. Медушевская, – подчеркнул он, – рассматривает развитие теоретического источниковедения на широком фоне тех процессов, которые происходят в других общественных науках; она учитывает те особенности, которые характеризуют развитие современной науки вообще”, а потому полученные ею методологические выводы “имеют значение не только для исторической науки, но и для других общественных наук”. В-третьих, была справедливо отмечена связь предложенных идей с дискуссиями в мировой науке: “Ольга Михайловна, – сказал он, – является не только первым, но и пока единственным советским источниковедом, обратившимся к исследованию сложнейших процессов методологических поисков современных буржуазных историков в области теории источниковедения”, таких как Л. Февр, Ш. Самаран, А.И. Марру, П. Рикер и др., что позволяет выявить “ведущие тенденции западноевропейской источниковедческой мысли”. Создание О.М. Медушевской нового научного направления – теории источниковедения – подчеркивалось в выступлениях профессоров К.И. Рудельсон и С.О. Шмидта и отзывах таких известных научных центров как Археографическая комиссия АН СССР, ВНИИДАД, Институт социальных исследований АН СССР, отзыве зав. сектором историографии и научной информации Института славяноведения и балканистики В.А. Дьякова, зав. кафедрой источниковедения Киевского гос. университета В.И. Стрельского и проф. А.П. Пронштейна.

В результате в ходе этой дискуссии научным сообществом были поддержаны и приняты ключевые положения диссертации О.М. Медушевской, сохраняющие актуальность с позиций современной науки – *определение теории источниковедения и видового подхода к структуре источников*. В диссертации теория источниковедения определялась как «такая форма научного мышления, которая позволяет получить зафиксированную в источниках информацию о социальных процессах на уровне “объективной истины”». “Видом, – пишет она, – мы называем такую группу памятников, которая имеет устойчивую общность признаков, возникающих и закрепляющихся в силу общности функций этих памятников в жизни общества”³⁰. Как отмечала сама О.М. Медушевская в заключительном слове по диссертации: «понятие “теоретическое источниковедение” не противопоставляется конкретному в том смысле, что в последнем нет теории. Имеется в виду лишь то, что в первом случае предметом исследования являются вопросы теории (классификация, интерпретация), а не конкретные источники».

В это и последующее время выходят ставшие классическими труды О.М. Медушевской: “Теоретические проблемы источниковедения”³¹; “Современное зарубежное источниковедение”³²; “История источниковедения XIX–XX вв.”³³; “Источниковедение: теория, история и метод”³⁴ и др. Определяющим стал ее вклад в разработку концепции и структуры нового учебника: “Источниковедение: Теория, история, метод; источники россий-

³⁰ Медушевская О.М. Теоретические проблемы источниковедения: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975. С. 383.

³¹ Медушевская О.М. Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977.

³² Медушевская О.М. Современное зарубежное источниковедение. М., 1983.

³³ Медушевская О.М. История источниковедения XIX–XX вв. М., 1988.

³⁴ Медушевская О.М. Источниковедение: теория, история и метод. М., 1996.

ской истории”³⁵. В это время О.М. Медушевская создала курс *источниковедения русской истории*, сочетавший глубину теоретического анализа с огромной информационной насыщенностью. Этот курс воспитывал критическое мышление и противостоял всем внешним идеологическим схемам, которые стремились навязать обществу государство.

Смена парадигм: создание общей теории когнитивной истории

В качестве определяющей тенденции развития исторического профессионального сообщества XX–XXI вв. констатируется *смена научных парадигм* – переход от традиционалистского нарративизма к парадигме истории как науке, способной к достижению точного доказательного и систематизированного знания о человеке в истории³⁶. Понятие смены парадигм введено, как известно, философом и историком науки Т. Куном в середине XX в. и связало познавательные векторы науки с динамикой научного сообщества³⁷. Парадигма как общепринятая сообществом концептуальная модель, общая основа исследовательской деятельности, по мере накопления научных знаний, сменяется другой, причем это происходит не всегда столь быстро (революционно) как представлялось с позиций теоретика структуры научных революций.

Наука, – подчеркивала О.М. Медушевская, – отличается от повседневного знания тем, что в ней возникает область осмысления самого способа познания, “знание о знании”, что и делает науку знанием системным, единым. Смена парадигм в исторической науке проявляет себя тем, что в ней утверждается область наукоучения, теория и методология науки. В самой этой области наиболее актуальны направления, открывающие перспективы корректной компаративистики. Проблема истории как нормальной, а следовательно, стремящейся к точности науки не есть, поэтому, вопрос ее статуса или амбиций ее сообщества, но заключается в ответе на вопрос: способно ли человечество подняться на уровень осознания собственного опыта в его целостности и системности, и прежде всего осознания своего типа мышления и когнитивных его механизмов и пределов.

Данный подход подчеркивает роль когнитивных наук и теории информации для разработки эвристического подхода в гуманитарных науках, обеспечивающего возможность сконструировать “мост” между гуманитарными и естественными науками с их методами верификации научных знаний. *Когнитивная история* – наука, предметом которой является изучение человека как живого существа, обладающего разумом и проявляющего свою разумность созиданием целенаправленно создаваемого интеллектуального продукта. Она выявляет закономерности, которые имеют в своей основе общность когнитивных возможностей человека. Прежде всего его способность к фиксации информации – выводить информационный ресурс

³⁵ *Источниковедение: Теория, история, метод; источники российской истории*. М., 1998 (и последующие издания).

³⁶ *Медушевская О.М.* Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений // Медушевская О.М. Теория исторического познания. С. 207–224.

³⁷ *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1973.

из пределов биологической системы в более устойчивую материальную и обратно – вводить фиксированную информацию в свою биологическую систему. *Фиксация смысла* осуществляется в понятиях, интеллектуальных продуктах (вещах) и различных системах кодирования. *Целенаправленная деятельность* фиксирует самое себя и создает множество интеллектуальных продуктов. *Интеллектуальный продукт* есть, в конечном счете, та фундаментальная связь, которая соединяет социум и обеспечивает его информационный ресурс (выступающий как *макрообъект истории*)³⁸. Благодаря этой способности человечество фиксирует свое целенаправленное поведение в материальном образе. Это делает человечество способным к самопознанию, а когнитивную историю – эмпирической наукой³⁹.

Кант сказал когда-то, что больше всего его удивляет небо над нами и нравственный закон внутри нас. О.М. Медушевская возражала: больше всего удивляет способность человека видеть (различать) в этом бесконечном небе (с помощью инструментов, сделанных им же самим) то, что находится в миллиардах световых лет от нас. Мы не затеряны в космосе, но наблюдаем его и даже фиксируем свои наблюдения в материальном образе интеллектуального продукта: каждый интеллектуальный продукт, которого коснулись ум и руки человеческого существа, несет на себе точный след его создания, вполне материальный отпечаток его руки, его пальцев, а потому интеллектуальный продукт мышления уже невозможно спутать ни с каким другим⁴⁰. Тайну человеческого мышления теория познания действительно не сможет разгадать вне когнитивной истории, запечатляющей в материальном образе созданный продукт. Создавая интеллектуальный продукт, мы ставим на нем свою индивидуальную, ни с кем другим не спутываемую подпись⁴¹.

Переход *от интерпретации к пониманию* возможен только при наличии общей картины мира двух индивидов, позволяющей осмыслить *выбор* одного из них в категориях, понятных другому. Отсутствие таких категорий делает содержательный диалог культур невозможным. Эта познавательная ситуация может быть определена как конфликт интерпретаций или герменевтический круг – попытка воссоздания логики мышления другого индивида по аналогии с собственной. Выход из герменевтического круга возможен через соотнесение фонового знания с выраженным путем использования сравнимых категорий. Данный подход означает переход от ненаучных наивно-герменевтических приемов к когнитивным методам анализа информации, ориентированным на постижение смысла⁴². История, подобно антропологии и структурной лингвистике, обретает свой метод, становится строгой и точной наукой⁴³.

³⁸ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 345–358.

³⁹ Когнитивная история: концепция, методы, исследовательские практики: Чтения памяти профессора О.М. Медушевской. М., 2011.

⁴⁰ Медушевская О.М. Новое знание о человеке // Историческая компаративистика и историческое построение. М., 2003. С. 2–13.

⁴¹ Медушевская О.М. Эмпирическая реальность исторического мира // Медушевская О.М. Теория исторического познания. С. 411–420.

⁴² Медушевская О.М. История в общей системе познания: смена парадигм // Медушевская О.М. Теория исторического познания. С. 20–26.

⁴³ Медушевская О.М. Методология истории как строгой науки // Медушевская О.М. Теория исторического познания. С. 27–46.

Каждый новый виток информационного обмена идет не по кругу, а постоянно наращивает общий объем информационного ресурса, участвующего в информационном обмене. Есть в этой схеме преобразовательные ситуации, которые индивид совершает в глубине своего сознания. Это – *идея обретения смысла*, понимания, творчества, когда мысль выступает в виде идеального образа будущего интеллектуального продукта. Основы данного подхода, заложенные в феноменологической философии Э. Гуссерля⁴⁴ и методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского⁴⁵, получили последовательное развитие в трудах О.М. Медушевской⁴⁶. *Смысл* – качественное преобразование в сознании исходной суммы данных, одномоментное изменение картины мира в сознании индивида, сопровождающееся эмоциональным энергетическим подъемом (определяемым понятием “эврика”). Постижение смысла – завершающий момент размышления, – когнитивная ситуация, в ходе которой индивид по-разному группирует набор имеющихся данных, рассматривая их временную последовательность или их связь в динамической последовательности или логической ситуационной взаимосвязи⁴⁷. Это – мгновенное выявление внутренних связей между набором исходных данных, позволяющее понять системные отношения эмпирического объекта и информационного универсума.

В рамках этой теории в трудах О.М. Медушевской завершающего периода творчества проанализированы такие проблемы, как информационный обмен; соотношение динамической и статической информации; психические параметры коммуникативного процесса и его инструментов; отчуждение информационного ресурса; когнитивные механизмы постижения смысла; фиксация информации и формирование картины мира; понимание и объяснение; значение когнитивной теории для научного сообщества и гуманитарного образования⁴⁸. Эти направления исследований представлены на основании широкого междисциплинарного синтеза и опираются на достижения философии, социологии, антропологии, структурной лингвистики, истории, исторической географии, источниковедения, документоведения, архивоведения и всего круга вспомогательных исторических дисциплин.

Данные подходы помогают понять фундаментальные человеческие свойства – привносить в познание окружающего мира человеческую меру пространства (метрология, историческая география, конструирование социального ландшафта⁴⁹ и обозначение его географических рамок, например, с помощью географических карт)⁵⁰, меру времени (хронология),

⁴⁴ Гуссерль Э. Логические исследования // Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.

⁴⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2010. Т. 1–2.

⁴⁶ Румянцева М.Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации О.М. Медушевской // Вестн. РГГУ. 2009. № 4. С. 12–22.

⁴⁷ Медушевская О.М. Феноменология культуры: концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Медушевская О.М. Теория исторического познания. С. 288–328.

⁴⁸ Определения этих понятий см.: Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. С. 345–358.

⁴⁹ Медушевская О.М. Исторический источник: человек и пространство // Исторический источник: человек и пространство. М., 1997. С. 35–61.

⁵⁰ Медушевская О.М. Картографические источники XVII–XVIII вв.; Она же. Картографические источники XIX в. М., 1959; Она же. Историческая география. М., 1959.

изучение феномена письма и других способов кодирования информации (палеография)⁵¹, способность документировать познание и сохранять добытое знание в архивах на различных носителях информации⁵², реализовать “творческий союз источниковедческой мысли с практической археографией и архивоведением”⁵³. В этом контексте актуальны различные формы сохранения и поддержания исторической памяти. Выступая как своеобразные точки пересечения социологических, эколого-географических, психологических, демографо-генетических проблем человеческой истории, такое научное направление, как генеалогические исследования, становится неотъемлемой частью перспективных междисциплинарных направлений гуманитарной мысли⁵⁴. История из науки, описывающей явления прошлого, становится дисциплиной, осуществляющей конструирование и моделирование процессов, упреждающее прогнозирование⁵⁵.

Это направление является основополагающим для всех трудов О.М. Медушевской последних десятилетий, опубликованных в книге “Теория исторического познания: избранные произведения”⁵⁶ и итоговом труде – “Теория и методология когнитивной истории”⁵⁷, сыгравшим, по общему признанию, фундаментальную роль в методологической переориентации всей постсоветской историографии⁵⁸. В многочисленных комментариях отмечалось, что концепция когнитивной истории представляет собой новую парадигму, способную преодолеть существующие методологические противоречия, вывести исследователей на новый междисциплинарный синтез, открыть перспективы формирования доказательного гуманитарного знания и добиться создания непротиворечивой картины российского исторического процесса⁵⁹. Данная теория определила общее направление дискуссий о содержании методологии истории в современной России⁶⁰. Речь идет

⁵¹ Медушевская О.М. Феномен письма в науках о человеке // Вспомогательные исторические дисциплины: социальные функции и гуманитарные перспективы. М., 2001. С. 44–46.

⁵² Медушевская О.М. Источниковедение и архивоведение в современной гуманитарной ситуации // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: проблемы взаимодействия на современном этапе. М., 1999. С. 20–25.

⁵³ Эта формула взята из Адреса Археографической комиссии РАН по случаю празднования юбилея О.М. Медушевской (2002 г.) (за подписью С.О. Шмидта).

⁵⁴ Медушевская О.М. Генеалогия в зарубежных исследованиях // Генеалогические исследования. М., 1993. С. 50–58.

⁵⁵ Медушевская О.М. Когнитивно-информационная теория в социологии истории и антропологии // Социологические исследования. 2010. № 11.

⁵⁶ Медушевская О.М. Теория исторического познания: Избранные произведения. СПб., 2010.

⁵⁷ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 345–358.

⁵⁸ См.: Крутлый стол по книге О.М. Медушевской “Теория и методология когнитивной истории” // Российская история. 2010. № 1. С. 131–166.

⁵⁹ См. новейшие рецензии на книги О.М. Медушевской: Шелохаев В.В. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 163–164; Сабенникова И.В. // Российская история. 2009. № 2; 2011. № 1. С. 205–207; Миронов Б.Н. Новая апология истории (размышления над книгой О.М. Медушевской) // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 139–148.

⁶⁰ Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4. С. 3–22; Он же. Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 70–92; Он же. Когнитивно-информационная теория в философии, истории и антропологии // Человек: образ и сущность: Когнитология и гуманитарное знание. М., 2010. С. 226–250.

о появлении наукоучения, способного стать полноценным ориентиром для всех гуманитарных дисциплин, а главное – обеспечить доказательные критерии проверки достоверности получаемого знания, превратив историю в строгую и точную науку⁶¹.

Принципы этики научного сообщества: значение профессионального выбора

Социология науки изучает науку как социальный институт, исследует взаимоотношение науки как социального института с социальной структурой: виды сообществ, форм коммуникации, смена научных парадигм, социальные роли ученых, ценностные ориентации, механизмы признания, отношение к другим областям знания – наука и общество, наука и образование, формы коммуникации. Наука есть социальный институт со своей системой ценностей, нормами поведения, мотивацией, карьерой и оценкой. Функция науки – получение нового достоверного знания. Открытие обменивается на признание – фактор, определяющий престиж, статус и карьеру. Смена парадигм (переход от нарративизма к когнитивной науке) ставит научное сообщество перед вполне реальной дилеммой – занятие строгой наукой (и тогда разработка методов критической проверки данных и установление критериев доказательности выводов) или искусством, т.е. следование релятивистским установкам, размывающим научные методы и оперирующим псевдопонятиями, лишенными научного значения. *Выбор на индивидуальном и коллективном уровне* зависит от ряда внешних факторов, определяемых социологией науки, но в то же время диктуется осознанной нравственной позицией.

Этос сообщества ученых, – подчеркивала О.М. Медушевская, – в том, чтобы передать реальное знание. Фундаментальной ценностью выступает наука, а люди сами определяют свое поведение – стремиться к добыванию нового знания или имитации этой деятельности в угоду массовому успеху или идеологическим установкам политической власти. Дилемма различения подлинной и мнимой информации, а также различных способов приспособления к ней была прекрасно понятна для ученых XX в., вынужденных скрывать свои мысли или использовать эзопов язык для придания им идеологической легитимности. Будучи чрезвычайно чувствительна ко всякому обману и лицемерию русская интеллигенция советского периода вынуждена была искать формы адаптации к враждебной социальной реальности используя самоцензуру.

Для О.М. Медушевской было характерно поэтому тонкое понимание значения подлинной информации в отличие от ее имитационных, суррогатных форм. Официальная, идеологическая, партийно-бюрократическая риторика со всеми ее символами и атрибутами воспринималась как фальшивая и оказывалась по одну сторону, и наоборот подлинная, научная, интересная – по другую. Это проявлялось не только в науке, но и на бытовом уровне в подчеркнутом внимании к языку: когда в детстве я повторил

⁶¹ Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Сборник памяти О.М. Медушевской. М., 2008; Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики: Чтения памяти профессора О.М. Медушевской. М., 2011.

некоторые выражения, использовавшиеся моей няней из простонародья, мне было строго разъяснено, что так говорить нельзя, потому что это неправильный и нечистый язык, которым говорят мещане. Точно также некоторые “революционные” темы, дававшиеся учителями для подготовки докладов и сочинений в школе – вызывали ее насмешливое отношение. О некоторых книгах речи даже не было – хватало одной ее иронической улыбки, чтобы понять, что это макулатура. Ольга Михайловна прекрасно знала всю мировую литературу, но особенно любила Пушкина. Любимые книги, которые мы вместе читали и обсуждали, как я теперь могу констатировать, все были так или иначе связаны с критическим анализом информации и источников, – начиная от “Мифов Древней Греции” Куна или “Песни о Гайавате” Лонгфелло в переводе Бунина до сочинений Пушкина, Аксакова, А.К. Толстого, Булгакова и современной для того времени классики – Бредбери и братьев Стругацких (особенно книга – “Трудно быть Богом”). Позднее к ним прибавилась книга Дж. Оруэлла – “1984” и “Архипелаг Гулаг” Солженицына, доступные тогда только в самиздате. Поскольку я, совершенно свободно обсуждая политические вопросы в семье, часто говорил в школе то, что думал, существенное внимание обращалось на кодекс моего поведения и речи: четко разъяснялось, что можно говорить и что нет, до какой степени это опасно и почему. Это была прекрасная школа работы с информацией и, одновременно, практическое освоение принципов теоретического источниковедения⁶².

В информационном пространстве общения, – считала О.М. Медушевская, – параллельно существуют два языка, обслуживающих различные цели – выражения достоверной информации для обеспечения адекватного знания реальности и манипулирования поведением людей. В первом случае система понятий более проста: говорить правду легче, особенно, когда информация берется на веру, воспринимается без критической проверки. Во втором – имеет место более сложный тип информационного поведения (знаменитое “двоемыслие”), основанный на использовании метафор, образов, неопределенных или “танцующих” понятий. Не случайно искусство, имеющее функцию освоения негативной реальности, привыкания к ней, – говорила она, – дает такое большое количество ситуаций обмана (Отелло), самообмана (король Лир), подозрения обмана и стремления освободиться от него (Гамлет), гиперподозрения и коварства (“Коварство и любовь”) и прозрения (“Горе от ума”). Таким образом, анализ психологии информационного процесса возможен с использованием художественных образов. Однако наука и искусство преследуют разные цели: последнее имеет дело с типичными познавательными ситуациями, наука – с избранными.

В условиях однопартийной диктатуры сознательно избранная этическая позиция могла включать две различных схемы поведения: есть вопросы, по которым можно (а иногда необходимо) пойти на компромисс с действующей властью (если это касается тактических уступок), но есть вопросы, по которым категорически нельзя – когда уступки затрагивают существо работы ученого или его совесть, поскольку в этом случае компромисс означает утрату творческой способности – самого ценного досто-

⁶² Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф. О.М. Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения // Российская история. 2009. № 1. С. 141–150.

яния мыслящего человека. Соответственно выстраивалась оценка представителей советской историографии: от глубокого уважения к тем, которые смогли выстоять, несмотря на преследования (как Андреев и Яцунский) до скептического (в отношении М.Н. Покровского и его “школы”) или просто иронического отношения к “официальным” историкам (как, например, М.В. Нечкина и ее окружение), не говоря о многочисленных одиозных представителях так называемой “историко-партийной” науки.

Сама О.М. Медушевская, принадлежавшая к потомственной либеральной интеллигенции⁶³, обладала редким стоицизмом. Когда было совсем трудно или кто-то жаловался, всегда коротко и холодно говорила: “бывает хуже”. Для человека, заставшего период сталинских репрессий (затронувших многих близких людей), видевшего взрыв Храма Христа-Спасителя (обломок стены которого пробил окно и влетел в ее комнату), пережившего войну (с ее холодом, продовольственными карточками и сбором зажигательных бомб, сбрасываемых немцами на Москву), непосредственно наблюдавшего кампанию по борьбе с “низкопоклонцами перед Западом” (одной из жертв которой стал ее учитель Андреев), а затем вынужденного десятилетия выживать в серых советских буднях, каждодневно отстаивая право на занятие наукой – эта короткая фраза весила очень много. Смерть Сталина, вызвавшая шок в советском обществе, была для ее семьи, напротив, знаком раскрепощения и возможных перемен к лучшему. Эти перемены, связанные с “оттепелью”, воспринимались, конечно, позитивно, но без всякого ложного энтузиазма. В этом отношении характерно и сдержанное отношение к так называемым “шестидесятникам” как в целом конформистской и лояльной режиму части интеллигенции: они, что же, узнали о сталинских преступлениях и “прозрели” только после XX съезда? – иронически спрашивала она.

Ольга Михайловна не испытывала ни малейших иллюзий в отношении официальных поощрений или наград, часто повторяя известную сентенцию советских заключенных: “ни о чем не жалею, ничего не проси и ни на что не надейся”. Она, конечно, надеялась на общественное признание, но никогда не ставила его выше своего долга. На мой вопрос о значении для ученого прижизненного признания его заслуг заметила однажды: “нужно стремиться сделать максимум, не думая о признании, и тогда, возможно, когда-нибудь придет оценка труда”. При этом она обладала необыкновенным оптимизмом и самоотдачей – работала до последнего дня, никогда не жаловалась, всегда знала, что нужно делать в данный момент. Ей было свойственно четкое, ясное и светлое отношение к жизни. Возможно, с этими качествами была связана ее поразительная способность к предвидению. Когда я, будучи школьником, в период расцвета так называемого “развитого социализма” задал наивный вопрос – почему правительство не может вернуть А.Д. Сахарова из ссылки и принять его программу преобразований, она отвечала: сделать это, конечно, можно, но тогда – не будет СССР. Могу совершенно определенно заявить: все данные ею прогнозы – от необходимости принятия новой методологии истории до обреченности

⁶³ Подробнее см: Мастера русской историографии: Ольга Михайловна Медушевская // Исторический архив. 2010. № 3. С. 112–127.

советского эксперимента, включая чрезвычайно точные оценки политических явлений, событий и лиц, – подтвердились в полной мере.

Функционирование науки как социального института, – подчеркивала О.М. Медушевская, – регулируется совокупностью обязанностей и норм, ценностей, составляющих этос науки и образования. “Убеждена, – говорила она в последнем интервью, – что деятельность любого научного сообщества, – и сообщество историков не исключение, – что профессиональные и этические принципы тесно взаимосвязаны. Например, установка на то, что любой нарратив имеет право на существование поскольку история – не наука и изучает одни “высказывания” и что историческая истина недостижима, и что, следовательно, согласованность суждений есть лишь вопрос конвенции, взаимного соглашения, – такая установка разрушает этос сообщества. Напротив, установка на достижение точного результата, пусть труднодостижимого, установка на нелицеприятную критическую проверку, имеет важное, объединяющее этическое значение для сообщества профессионалов. Точно так же и в работе молодого историка: установка как “воля к истине”, на достижении доказуемого, проверяемого знания воспитывает истинный профессионализм как этический принцип. Пусть сообщество получит небольшой, но зато надежный результат”⁶⁴.

Решение проблемы соотношения науки и образования и выбора стратегии последнего на современном этапе состоит, следовательно, в *профессионализации научного сообщества* как осознанном этическом выборе.

Наука и образование: создание концепции гуманитарного университета нового типа

В условиях смены парадигм становятся актуальны три задачи: анализ сложившейся структуры исторической науки в новейшее время с целью выявить необходимый потенциал системного, точного и нового знания о человеческом опыте; переориентация на ценности профессионализма в рамках научного сообщества; формирование и реализация такой образовательной модели, которая ориентирована на доказательное познание. *Образовательная модель*, – говорила О.М. Медушевская, – образ науки; университетская образовательная модель – ее зеркало, в которое она, как королева из сказки, постоянно смотрится, чтобы вести мониторинг своей идентичности; и – не вина зеркала, если образ оказывается непривлекательным.

Для О.М. Медушевской на завершающем этапе творчества стала совершенно очевидна исчерпанность традиционной модели образования и необходимость перехода к качественно новой, связанной с когнитивной теорией и необходимостью обучения методу доказательного познания. Сопоставляя свой подход с настроениями самых разных представителей профессионального сообщества, она констатировала интеллектуальную робость научного сообщества историков – отсутствие новых познавательных теоретических идей, желания модифицировать традиционную образовательную модель; защитную реакцию робкого и скованного догматами сознания, проявляющуюся в агрессивном отрицании всякой теории и методологии, либо в чисто прагматическом подходе, не осознающем цели и задачи исторической науки в условиях изменившегося мира.

⁶⁴ Аудитория. 2007. № 35–36. С. 2–3.

Критикуя наивное представление (например, английского методиста Д. Тоша и его русских последователей) о том, что для исторического профессионализма вполне достаточно здравого смысла и общей эрудиции, она сравнивала эту установку с идеями мольеровского героя Ж. Дандена, потрясенного открытием, что он говорит прозой или фонвизинского недоросля, “здравый смысл” которого отрицал абстрактное понятие прилагательного на том прагматическом основании, что дверь действительно прилагается – к стене дома. Для современного научного сообщества ею констатировалось своеобразное двоемыслие: традиционалистская историография транслирует обществу устоявшееся знание, но не обсуждает методы добывания нового знания и способы его верификации. Необходимо понять, – считала О.М. Медушевская, – что положение человечества достаточно серьезно для того, чтобы историк мог оставлять аналитику собственного положения в распоряжении специалистов, не находящих в себе уверенности работать в полную силу, т.е. честно рассматривать проблемы истории и ее метода в рамках общенаучного сообщества.

Новая концепция образования, предложенная О.М. Медушевской с позиций когнитивной теории, подчеркивала приоритетное значение обучения *методу*. Она включала, во-первых, выбор в качестве системообразующего принципа новой образовательной модели обучение овладению методом (а не трансляции готовых знаний); во-вторых, опору на фундаментальные свойства человека – его способность создания новой реальности; в-третьих, признание принципиальной возможности познания человека через его произведения и разработку приемов такого познания. В реальности полноценного исследовательского процесса возникает возможность синтеза трех направлений: *антропологического*⁶⁵, поскольку существует возможность опираться на глобальное единство человечества, с его историко-антропологическими универсалиями, *исторического*⁶⁶, поскольку каждая эпоха и ситуация включены в эволюционное целое исторического процесса; и, наконец, что существенно важно, – *единства источниковедческой парадигмы*, опоры на реализованные продукты целенаправленной деятельности – исторические источники⁶⁷.

Этот подход объединяет *университетские курсы*, в разное время читавшиеся О.М. Медушевской. Так, курс “*Методология истории*” раскрывал проблемы исторического синтеза; место истории в системе наук о человеке и междисциплинарных исследованиях⁶⁸; курс “*Источниковедение и методы исторического исследования*” был призван дать целостное представление о том, как добывается новое знание о прошлом. Цель курса

⁶⁵ Медушевская О.М. Историческая антропология и антропологически ориентированная источниковедческая концепция: интеграция исследовательской и образовательной программ // Российско-французский центр исторической антропологии им. Марка Блока: Программы курсов. М., 2002. С. 15–20.

⁶⁶ Медушевская О.М. Вещь в культуре: источниковедческий метод историко-антропологического исследования // Российско-французский центр исторической антропологии. С. 25–49.

⁶⁷ Медушевская О.М. Послевузовское образование в РГГУ: концептуальные основания // Образовательная программа в аспирантуре РГГУ: Материалы к заседанию Ученого совета РГГУ 25 июня 2002 г. М., 2002. С. 9–10.

⁶⁸ Медушевская О.М. Методология истории: программа курса // Я иду на занятия: Учебно-методический модуль по методологии и теории истории. М., 2002. С. 15–28.

“Текстология и источниковедение” заключалась в применении новых методов исторического познания в практике изучения источников – их классификации, условий происхождения, авторства, обстоятельств создания, интерпретации текста и его информационного потенциала, подлинности и достоверности свидетельств. Курс “Зарубежное источниковедение” концентрировался на анализе методов источниковедческого анализа и синтеза, раскрытии видовой структуры исторических источников различных эпох и регионов мира, интерпретации ключевых понятий современной философской, историко-антропологической и собственно источниковедческой историографии⁶⁹. Курс “Вещь в культуре” имел предметом изучение произведений материальной культуры общества в их разнообразных социальных функциях для получения данных о культуре, образе жизни, культурном обмене. Курс “Вспомогательные исторические дисциплины. Палеография” делал акцент на проблеме кодирования и передачи информации на различных носителях, прежде всего письменных источниках⁷⁰. Наконец, самый важный курс “Источниковедение русской истории” соединял все эти направления анализа воедино применительно ко всему массиву и видовому разнообразию источников русской истории⁷¹. В целом эти курсы представляют собой единую концепцию исторического познания и междисциплинарного синтеза, реализуя его задачи применительно к таким областям гуманитарного знания, как история, историческая антропология, культурология, философия, политология, весь круг вспомогательных исторических дисциплин, документоведение, архивоведение, археография (они читались на соответствующих факультетах или имели общеуниверситетский статус).

Теория когнитивной истории давала мощный импульс и весомые аргументы в пользу сохранения фундаментального гуманитарного университетского образования, основное преимущество которого (по сравнению с различными вариантами прагматического или прикладного образования) усматривались прежде всего в передаче молодым поколениям навыков самостоятельной оценки и критического анализа информации⁷². Цель такого образования, – подчеркивала О.М. Медушевская, – формирование новой личности, способной добывать и критически анализировать информацию, противостоя различным приемам идеологической мифологизации и манипулирования сознанием в том числе с использованием новых информационных технологий. Данная образовательная модель впервые была реализована в Историко-архивном институте, а затем возникшем на его основе РГГУ. О.М. Медушевская не только теоретически обосновала ее,

⁶⁹ Медушевская О.М. Источниковедческое научно-педагогическое направление: гуманитарное знание как строго научное // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2001. С. 8–32.

⁷⁰ Медушевская О.М. Феномен письма и палеографический метод в науках о человеке // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы. С. 44–46.

⁷¹ См. программы лекционных курсов: Источниковедение: Теория, история и метод. М., 1995; Источниковедение: Источники российской истории. М., 1996; Источниковедение: Вещественные источники. М., 1996 и др., а также их модернизированные издания в 2000-х годах.

⁷² Эта тема является центральной в последнем интервью О.М. Медушевской. См.: Аудитория. 2007. № 35–36. С. 2–3.

но и участвовала в практической реализации: в 1990 – 2000-е гг. в качестве ученого секретаря Ученого совета университета она определяла программу развития РГГУ⁷³, входила в рабочую группу, сформированную “в целях подготовки вопроса “Историко-архивный институт РГГУ: перспективы развития”, сформулировав задачи реформы высшего гуманитарного образования”⁷⁴. “Теперь уже всем очевидно, – писал один из выдающихся представителей историко-архивной школы профессор С.О. Шмидт, – что Медушевская создала фундаментальное научно-педагогическое направление в российском источниковедении, в теории познания прошлого”. Подчеркивая моральную строгость ученого и педагога, он заключает, что она была “по существу уникальна, а потому и недостижима”⁷⁵.

Признавая О.М. Медушевскую “одним из создателей и лидеров современной российской источниковедческой школы” – первый ректор РГГУ Ю.Н. Афанасьев, обращаясь к ней, подчеркивал: “Удивительно естественным и достойным был Ваш выход из области источниковедения и исторической географии в область эпистемологии гуманитарного знания, теории и методологии истории, исторической антропологии, в область взаимодействия культур, наук, дисциплин. Как некогда Вы сыграли значительную роль в разработке тех методов преподавания исторических дисциплин, которые определили неповторимый облик Историко-архивного института, так ныне с Вашим энергичным участием возникает гуманитарный Университет нового столетия.”⁷⁶

Действительно, основополагающей идеей концепции нового гуманитарного университета – РГГУ, стала именно теория и методология когнитивной истории, открывавшая перспективы точного гуманитарного познания⁷⁷. Она заложила основу такой образовательной модели, которая должна стать доминирующей в современном обществе, поскольку указывает путь самостоятельного поиска подлинной информации. Когнитивно-информационный подход, несомненно, обогащает социологию образования, анализируя социальные и этические факторы гуманитарного познания⁷⁸, отношения опыта и знания, проводя разграничение подлинного и мнимого знания, творческого (основанного на обучении методу) и транслирующего (вторичного) образования⁷⁹. Траектория метода как исследовательского пути и стратегии высшего образования предстает как аналитика эмпирических данных интеллектуального продукта (источника информации), его имплицитной (эмпирической) достоверности и принятых логических вы-

⁷³ Медушевская О.М. О работе ученого совета РГГУ // Ученый совет РГГУ в 1992 году. М., 1993 и др. выпуски до 2007 г.

⁷⁴ Медушевская О.М. Основные положения // Концепция развития Историко-архивного института РГГУ. М., 2002. С. 3–7.

⁷⁵ Шмидт С.О. Ольга Михайловна Медушевская как профессор Историко-архивного института // Когнитивная история: Концепция, методы, исследовательские практики. М., 2011. С. 37, 45.

⁷⁶ Речь Ю.Н. Афанасьева цитируется по изданию: Аудитория. 2002. Ноябрь. С. 3.

⁷⁷ Медушевская О.М. Идея РГГУ // Universitas humana: Гуманитарный университет третьего тысячелетия / под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 2000. С. 386–388.

⁷⁸ Медушевская О.М. История как наука: когнитивный аспект и профессиональное сообщество // Медушевская О.М. Теория исторического познания. С. 7–19.

⁷⁹ Медушевская О.М. Когнитивно-информационная модель в науках о человеке // Образ науки в университетском образовании. М., 2005. С. 8–19.

водов, каждый из которых открыт для выдвижения контраргументов⁸⁰. Это в свою очередь является признаком именно научной теории, т.е. теории, принципиально могущей быть оспоренной в ходе развития знания. В результате постижения смысла возникает понимание, а в результате понимания возникает идея новой познавательной деятельности.

Бывают личности, масштаб которых становится более ясен последующим поколениям, нежели современникам. Сейчас очевидно, что О.М. Медушевская – выдающийся научный и общественный деятель России XX – начала XXI в., центральная фигура в российской гуманитарной мысли, возможно, равная по значению Лаппо-Данилевскому для начала XX в. Человек эпохи крови и железа, она оказалась способна в условиях тоталитаризма последовательно отстаивать гуманистические идеалы, противопоставить науку идеологическому мифу, сформулировать целостную теорию гуманитарного познания, выразившую смену парадигм в исторической науке. Вклад О.М. Медушевской характеризуется необычайной цельностью и единством научной теории, этических принципов и педагогической практики. Ее деятельность обеспечила не только сохранение научной преемственности, но и возможности возрождения подлинного доказательного научного знания, формирование научно-педагогической школы мирового уровня. Эта сильная, мудрая и прекрасная личность навсегда останется подлинным нравственным ориентиром и одной из символических фигур русской интеллигенции.

⁸⁰ Медушевская О.М. Теория и методология истории как университетской дисциплины // Медушевская О.М. Теория исторического познания. С. 47–50.

В.Ю. Афиани, В.П. Козлов

**АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ФУРСЕНКО
КАК ИСТОЧНИКОВЕД И ПУБЛИКАТОР ДОКУМЕНТОВ
XX ВЕКА**

Александр Александрович Фурсенко (1927–2008) – выдающийся российский историк, педагог и общественный деятель, был ярким представителем петербургской исторической школы, создателем ленинградской/петербургской школы американистов.

В Ленинградском университете ему вместе с другими известными в будущем историками Б.В. Ананьичем, Р.Ш. Ганелиным, Н.Е. Носовым, В.М. Панеяхом посчастливилось учиться у Б.А. Романова, который стал высшим научным и нравственным авторитетом. Семейные традиции, особая атмосфера спецсеминара Б.А. Романова, способствовали становлению А.А. Фурсенко-историка. Как-то А.А. Фурсенко даже сказал, что Б.А. Романов для него был “человеком не менее близким, чем родной отец, а в каких-то отношениях даже более близким”¹.

А.А. Фурсенко родился в Ленинграде 11 ноября 1927 г. в известной своими научными традициями семье. Его отцом был известный палеонтолог и специалист в области нефтяной геологии, член-корр. АН Белорусской ССР А.В. Фурсенко, и это сыграло определенную роль в будущем, в выборе тем для исследования. Под влиянием своего отца, посоветовавшего сыну, что “хорошо бы написать книгу по нефтяной истории”², Фурсенко начал свои исследования в этой области и несколько раз возвращался к теме роли нефти в политике США и в мировой политике. С годами, как теперь видно, эта тема только приобрела еще большую актуальность.

Жизнь А.А. Фурсенко неразрывно связана с Ленинградом-Санкт-Петербургом. После окончания университета и аспирантуры Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ) он до последних дней работал в ЛОИИ, позднее преобразованном (с его активным участием) в Санкт-Петербургский институт истории РАН, где стал (с 1988 г.) заведующим отделом всеобщей истории. В 1987 г. А.А. Фурсенко был избран членом-корреспондентом, а в 1990 г. – действительным членом АН СССР. В 1989–1996 гг. работал первым заместителем председателя Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН. С 1996 по 2002 г. избирался академиком-секретарем Отделения истории РАН и членом Президиума РАН, а с 2002 г. руководил секцией истории Отделения историко-филологических наук РАН.

А.А. Фурсенко автор более 300 работ, в том числе 14 монографий, автор и редактор таких фундаментальных трудов, как «Борьба за раздел

¹ Историк А.А. Фурсенко рассказывает // ВИЕиТ. 2000. № 2. С. 5 (отд. оттиск).

² Там же.

Китая и американская доктрина “открытых дверей“ в 1895–1900», “Нефтяные тресты и мировая политика: 1880-е годы – 1918 г.”, “Династия Рокфеллеров” (вышла двумя изданиями, переводы опубликованы в ГДР, Венгрии, Чехословакии), “Нефтяные войны: Конец XIX – начало XX в.” (опубликована на английском языке), “История США”, “История внешней политики и дипломатии США”, “Становление американского государства”, “Американская буржуазная революция XVIII в.”, “Американская революция и образование США”, “Критическое десятилетие Америки – 60-е годы”, “Президенты и политика США – в 70-е годы”, “Словарь американской истории”, “Россия и международные кризисы: Середина XX века” и др. Многие его труды были посвящены актуальным проблемам мировой истории, в том числе роли нефти в мировой политике.

В соавторстве с американским ученым, профессором Т. Нафтали, академик Фурсенко написал книгу «The secret history of the Cuban missile crisis. “One Hell of a Gamble”: Khrushchev, Kastro and Kennedy: 1958–1964», которая стала бестселлером в США и Англии. С тем же соавтором он в 2006 г. издал книгу “Khrushchev’s Cold War: The Inside Story of an American Advisory”. Его научные исследования получили широкое международное признание. Он был удостоен медали герцога Вестминстерского (2007 г.) за последний труд с Т. Нафтали, признанный лучшим в номинации “Военная и дипломатическая история”.

Многие труды А.А. Фурсенко сначала были посвящены собственно Соединенным Штатам Америки, их истории, политике и политикам разных исторических эпох, начиная с образования американского государства в XVIII в. С годами круг интересов ученого все больше и больше расширялся. В орбиту его исследований входит международная политика и политическая история СССР середины – второй половины XX в. В последние годы А.А. Фурсенко одновременно с разработкой зарубежной истории, обратился к проблемам отечественной истории XX столетия, политическим событиям послевоенного периода СССР, активно добиваясь расширения источниковой базы научных исследований, рассекречивания документов. Под его редакцией и при непосредственном участии подготовлена фундаментальная публикация архивных документов в трех томах “Президиум ЦК КПСС: 1954–1964” и продолжено другое издание – второй том “Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС” за 1952–1958 гг. Спорный вопрос – какой период творческой деятельности ученого наиболее плодотворен? Нам, специалистам по отечественной истории кажется, что последний период едва ли не самый успешный в его творческой биографии, хотя американисты здесь могут поспорить.

А.А. Фурсенко являлся членом и членом-корреспондентом зарубежных академий и научных обществ. С 1986 г. он входил в состав исполкома Международной ассоциации экономической истории как представитель России, в 1999 г. стал членом Европейской Академии (Academia Europa). Неоднократно читал лекции в университетах Англии, США и Франции. За свои научные заслуги и большую общественную деятельность А.А. Фурсенко награжден правительственными наградами России.

Человек яркого, подчас, взрывного характера, и, одновременно, чрезвычайно демократичный и доброжелательный, А.А. Фурсенко вносил и в свою деятельность, и в свои труды неиссякаемую энергию и динамизм.

Александр Александрович скончался 30 июня 2008 г. в Москве, был похоронен на мемориальном кладбище в Комарово под Санкт-Петербургом.

От своего учителя Б.А. Романова А.А. Фурсенко унаследовал любовь к историческому источнику, к скрупулезности исследования. Для его исследований характерен особый стиль, сочетающий кропотливые архивные изыскания с легкостью и доступностью изложения. Анализ сложных проблем дополняется яркими портретными зарисовками государственных деятелей, политиков, банкиров и других отечественных и зарубежных деятелей.

Труды А.А. Фурсенко тесно связаны и с источниковедением, и с археографией, и, естественно, с архивами. Изучение его вклада в этих областях, – тема чрезвычайно объемная и, очевидно, что в одной статье ее не удастся раскрыть с достаточной степенью подробности и глубины. Мы рассматриваем свою работу как первый подход к этой теме, неизбежно имеющий обзорный характер. В этой теме есть несколько важных подтем:

- изучение А.А. Фурсенко опубликованных источников новейшего времени, главным образом, зарубежных. Это чрезвычайно важное направление для каждого российского историка, если он серьезно хочет заниматься новейшей историей зарубежных стран;

- доступ к архивным источникам из зарубежных архивов, особенно по таким вопросам как международные отношения, решения лидеров государств, работа дипломатических и спецслужб в решении политически острых событий и т.п. Вопреки иной раз высказываемому у нас мнению, он чрезвычайно затруднен и в зарубежных архивах, если вообще бывает возможен. Поэтому для историка, отдаленного от зарубежных архивов, необходимо полноценно владеть методами критики опубликованных источников и самих публикаций;

- другое, особенно важное, для А.А. Фурсенко в последние годы направление его деятельности – архивная эвристика, кропотливый поиск необходимых источников в отечественных и зарубежных архивах. И здесь нужны дополнительные навыки архивной эвристики, критического анализа архивных документов.

Сразу же нужно сказать, и теми, и другими методами научного анализа ученый владел блестяще.

В самом начале своей научной деятельности А.А. Фурсенко в своих исследованиях истории США, по необходимости, должен был довольствоваться опубликованными источниками и документами из отечественных архивов. Со временем возможности доступа А.А. Фурсенко к отечественным и зарубежным архивам, даже к самым секретным, неизмеримо расширились и это самым прямым образом сказалось на его трудах этого времени и в целом на характере его деятельности.

Нужно еще раз отметить значимость для А.А. Фурсенко принадлежности к петербургской/ленинградской исторической школе. Он постоянно подчеркивал в разговорах ее особенно глубокое отношение к историческому источнику как основе исторического познания, серьезного исследования. У нас возникали даже споры о том, что не только в Петербурге, но и в Москве есть серьезные традиции источниковедения, например, в школах А.А. Зимина или С.О. Шмидта. Традиции школы Б.А. Романова, внимательного отношения к источнику, архивному документу имели для

А.А. Фурсенко огромное значение. Учитель своим личным примером воспитывал уважение не только к источнику по истории древнейших периодов или Средневековья, – традиционной области тогдашнего источниковедения, – но и к источникам новейшего времени. И это был для того времени совсем не тривиальный подход.

Для А.А. Фурсенко фактически не существовало преград в получении доступа к архивным документам, если он считал это необходимым для продолжения своего исследования. Об этих способностях ученого до сих пор ходят легенды. Он стал первым иностранцем (и, конечно, первым российским историком), который еще в 1968 г. получил доступ в семейный архив Рокфеллеров, на доверительных условиях – все выписки делать на английском языке, публиковать только то, что будет разрешено. Так родилась переведенная на несколько языков книга “Династия Рокфеллеров”. Обаяние ученого помогло ему подружиться с архивистом Рокфеллеров – доктором Джозефом Эрнстом.

Другой, может быть, еще более сложный случай.

Заинтересовавшемуся историей Кубинского кризиса ученому для освещения деталей процесса решения вопроса об урегулировании кризиса потребовалась телеграмма резидента КГБ в Вашингтоне А. Феклисова, хранящаяся в архиве Службы внешней разведки. Получить ее оказалось невозможным несмотря на все усилия ученого – государственный секрет. Тогда он обратился через пресс-службу к тогдашнему руководителю Службы внешней разведки – Е.М. Примакову. И тот ответил своему пресс-секретарю: “Я его знаю хорошо. Это вообще неплохой человек и ученый. Почему не дать ему возможность познакомиться с документами?”³ Это предыстория рождения знаменитой книги А.А. Фурсенко, написанной совместно с американским историком Т. Нафтали, о Карибском (Кубинском) кризисе. Ее публикация в США и Англии вызвала шквал положительных рецензий в крупнейших американских, английских, немецких газетах и журналах.

Как уверяет А.А. Фурсенко в одном из своих интервью, “по случайному совпадению”, он был включен в комиссию по архиву Сталина⁴. Зная Александра Александровича, вряд ли кто будет сомневаться, что он туда попал совсем не случайно. Документы архива Сталина могли открыть много нового для вдумчивого историка. Опубликованный в журнале “Звезда” (1999, № 12) очерк был только началом фундаментальной работы ученого над темой послевоенной истории. К сожалению, в полном объеме, реализовать этот проект он уже не успел.

Об отношении А.А. Фурсенко к архивам, архивным документам ярче всего свидетельствует тот факт, что в уже преклонном возрасте, обремененный должностями в Академии наук, вынужденный постоянно “кочевать” между Санкт-Петербургом и Москвой, он постоянно стремился попасть в архив: “Сейчас каждый раз, когда я приезжаю в Москву на заседание Президиума, я работаю один день, полтора дня, а иногда и два дня в архиве. Если посчитать за несколько лет, то это довольно внушительный срок”⁵. Этими словами он закончил одно из своих интервью.

³ Историк А.А. Фурсенко рассказывает. С. 10, 12.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Там же. С. 16.

А позднее, для того, чтобы добиться рассекречивания документов Президиума ЦК КПСС 1950–1960-х годов, ему пришлось обратиться к В.В. Путину, правда, тогда еще не Председателю Правительства РФ, и не к президенту России, но уже занимавшему ответственный государственный пост.

Но в то же время А.А. Фурсенко был классическим историком, нацеленным на монографическое исследование проблем, объективное воссоздание прошлого, на историческое повествование. Он не часто обращался к жанру собственно источниковедческих исследований. Но каждое такое “отклонение” посвящено важному или ключевому для его исследования источнику. Это анализ “Нефтяного досье” Госдепартамента США 1920-х годов, истории болезни и смерти Сталина, доклада Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности Сталина или следственного дела американского летчика-шпиона Ф.Г. Пауэрса. В одних случаях это были “микроисследования” в составе трудов, реже, обстоятельные статьи. Такой была написанная совместно с одним из авторов этого доклада, статья на основе большого комплекса архивных документов, посвященная истории зарождения самой идеи и длительной подготовки знаменитой речи Н.С. Хрущева. Она опубликована в малотиражном “Археографическом ежегоднике за 2002 год” и недостаточно известна специалистам⁶.

А.А. Фурсенко не боялся писать на исторические темы, которые могли выглядеть для поверхностного наблюдателя необходимой данью времени, идеологии, политическим заказом. В эпоху “перестройки”, активного американско-советского диалога, он, например, выпускает книгу “Президенты и политика США: 70-е годы”. Речь идет о событиях, которые отстоят от историка всего на каких-нибудь 15–20 лет. Ничтожный, с точки зрения истории, для исторической дистанции период. И, может быть, больше граничащий с политологией, чем с историей. Но никто не может обвинить его труды в том, что какие-либо из них несут печать конъюнктурности. Причина – фундаментальность использованной источниковой базы, добросовестность и скрупулезность ее разработки. Поэтому книги ученого, даже посвященные самой новейшей истории, с годами не устаревали, а как хорошее вино, приобретали дополнительный аромат. Поэтому А.А. Фурсенко совершенно справедливо планировал переиздать ряд своих старых трудов без особых изменений.

В 1990-х годах одновременно с продолжением своих исторических исследований США, международных кризисов и отношений, А.А. Фурсенко все глубже входит в проблемы отечественной истории XX столетия, особенно в период позднего сталинизма и хрущевской “оттепели”. Одновременно он все больше погружается в работу с архивными документами, в их изучение и публикацию.

Одна из первых публикаций исторических источников, вышедших в этот период при непосредственном участии ученого, это публикация 1990 г. в серии “Памятники исторической мысли” трудов одного из “отцов-основателей” США, выдающегося американского мыслителя, демократа и третьего президента Т. Джефферсона, а еще – естествоиспытателя, историка и архи-

⁶ Афиани В.Ю., Фурсенко А.А. Доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС “О культе личности и его последствиях”: (Из истории подготовки и издания) // АЕ за 2002 год. М., 2003. С. 56–74.

тектора⁷. Это была первая публикация полного текста сочинений на русском языке. Тем самым была заполнена существенная лакуна в источниковой базе на русском языке. Произведения выдающегося основателя США, оригинального мыслителя не были достаточно известны широкому советскому читателю, труды которого стали популярным чтением у американцев сразу же после их издания. Для публикации были избраны наиболее квалифицированные научные издания трудов в США в 1959 и 1955 гг. А в статье А.А. Фурсенко подробно рассмотрена история создания и публикация текстов.

Оказалось, что публикация классического исторического памятника по истории США как бы подвела черту под многолетними исследованиями А.А. Фурсенко в области собственно американистики и увенчала их. Хотя тема США будет прямо или косвенно звучать и во многих последующих трудах, проблематика, интересующая ученого, значительно расширится. В центр его интересов входит мировая политика: внешняя политика СССР, конфликты с США на разных направлениях и в различных уголках мира, связь внешней политики Кремля с внутренней, с борьбой мнений и различных точек зрения внутри кремлевского руководства. Его все больше интересуют такие политические фигуры как Сталин и Хрущев.

Исторические эпохи отечественной истории, обозначенные именами И.В. Сталина и Н.С. Хрущева, богатые драматическими событиями, все больше притягивали внимание историка. Получив возможность работать с документами архива Сталина, А.А. Фурсенко опубликовал очерк о послевоенных событиях в СССР (журнал “Звезда”, № 12 за 1999 г.) и главы в своей монографии⁸. Но не ограничился этим. С одним из авторов этой статьи им была разработана программа научных мероприятий, приуроченных к 50-летию со дня смерти Сталина, направленная на глубокое осмысление “сталинской эпохи” и личности вождя всех народов. Планировалась многотомная публикация архивных документов по теме – необходимого фундамента для научных исследований. Но фактически реализован был только один пункт этой программы – выставка архивных документов и музейных артефактов в Выставочном зале федеральных архивов под названием “1953 год: Между прошлым и будущим”. В научной разработке экспозиции, в подготовке предисловия к каталогу выставки А.А. Фурсенко принял самое непосредственное участие⁹. Интуиция ученого, понимание потребностей общества в освещении тех или иных исторических событий и на этот раз не обманули А.А. Фурсенко. Выставка стала самой посещаемой за всю историю работы Выставочного зала федеральных архивов. Закономерен был одновременный интерес ученого и к “ниспровергателью” Сталина – Н.С. Хрущеву и важнейшим событиям эпохи 1950–1960-х годов.

Эти исследования завершились известными, успешными уже стать классическими трудами, изданными у нас и за рубежом: По истории кубинского кризиса: “One Hell of a Gamble”¹⁰, на русском языке – “Безумный

⁷ Томас Джефферсон: Автобиографии. Заметки о штате Виргиния / коммент. В.Н. Плешкова; пер. В.М. Большакова с участием В.Н. Плешкова. Л., 1990.

⁸ Россия и международные кризисы: Середина XX века. М., 2006.

⁹ Афиани В.Ю., Фурсенко А.А. 1953: Между прошлым и будущим // 1953 год: Между прошлым и будущим: Каталог выставки. М., 2003. С. 4–27.

¹⁰ One Hell of a Gamble: Khrushchev, Castro and Kennedy. 1958–1964. New York; London, 1997. Совместно с Тимоти Нафтали.

риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г.” (М., 2006), “Khrushchev’s Cold War”¹¹ и последняя монография – “Россия и международные кризисы”¹².

Монографии просто насыщены архивными документами, почерпнутыми преимущественно из отечественных хранилищ: Архив МИД, Исторический архив и военно-мемориальный центр Генштаба ВС РФ, ГРУ Генштаба ВС РФ, Служба внешней разведки РФ, Архив Президента РФ, Российский государственный архив новейшей истории, и зарубежных публикаций рассекреченных документов, таких как “Foreign Relation of the United States”, или публикаций по международному проекту “Холодная война”.

Широчайшее привлечение только что рассекреченных и даже еще не рассекреченных, но сообщенных ему в доверительном порядке, документов, позволило создать исследования, получившие международную известность. Но А.А. Фурсенко не изменял своему уже выработанному академическому стилю трудов, где в основном тексте документы приводились, цитировались ровно настолько, насколько это было нужно для хода исторического повествования.

А.А. Фурсенко не только перенял у своего учителя уважительное, даже можно сказать, “трепетное” отношение к источнику. Он постепенно выработал метод использования источника в историческом исследовании, который можно назвать классическим. Как правило, в исследование вовлекался огромный комплекс разнообразных, основательно изученных источников. Но источник, текст источника, не приобретал в историческом повествовании самодовлеющего характера, как в работах других исследователей прошлого, предоставляющих страницу за страницей своих трудов текстам исторических документов. За подчас краткими упоминаниями таких источников, архивных документов, стояло предварительное глубокое изучение источника. В монографии А.А. Фурсенко как скульптор, отсекал все лишнее от источника, и иногда оставалась только одна цитата, но она вставляла, что называется, “на свое место”. У ученого использование источника, архивного документа, очень точно выверено, объем цитаты гармонично соотносится с текстом исторического повествования.

Научное исследование у А.А. Фурсенко, построенное на огромном фундаменте источников, конечно, прежде всего адресовалось специалистам. Одновременно его труды – увлекательное чтение и для широкого читателя. Но при этом они не снижают своего научного уровня. Это, что называется, “фирменный стиль” ученого. Его труды написаны великолепным русским языком. Внешняя простота и прозрачность языка и стиля исторических трудов А.А. Фурсенко заставляет забыть о том мощном источниковедческом и историографическом фундаменте, на котором покоится каждый его труд. (Это, кстати сказать, и глубокая отечественная научная традиция, восходящая к Н.М. Карамзину.)

Монографические исследования ученого последнего времени во многом основаны на его постоянной кропотливой работе в бывших архивах ЦК КПСС – Архиве Президента РФ и в Российском государственном архиве новейшей истории.

¹¹ Khrushchev’s Cold War: The Inside Story of an American Adversary. New York; London, 2006. Совместно с Тимоти Нафтали.

¹² Россия и международные кризисы: Середина XX века. М., 2006.

В 2002 г. в серии “Культура и власть от Сталина до Горбачева” вышло первое научное издание доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС “О культе личности и его последствиях”, подготовленное с учетом всех редакций и разночтений документа. К выходу этого сборника документов было приурочено фундаментальное исследование истории подготовки этого эпохального документа А.А. Фурсенко и В.Ю. Афиани¹³. Основанное на большом комплексе в то время впервые ставших доступными архивных документов, исследование позволило опровергнуть многие мифы и легенды, ввести подготовку доклада в реальный исторический контекст, показать его подготовку в тесной зависимости от внутривластной борьбы в так называемом коллективном руководстве СССР после смерти Сталина.

В “Исторических записках” появилась и еще одна публикация документов, подготовленная с предисловием А.А. Фурсенко, о проекте реформ в науке и Академии наук СССР, задуманных Хрущевым в начале 1960-х годов и нацеленных, как он думал, на повышение эффективности науки и укрепление связей с промышленностью¹⁴. Очередную реформаторскую затею, грозившую, в конце концов, ликвидацией Академии наук, остановила только вынужденная отставка Хрущева со всех государственных и партийных постов. В публикации описаны отношения науки и власти более полувековой давности. Но многие из этих документов достаточно актуальны и сегодня.

Но главным, крупнейшим археографическим проектом, которому А.А. Фурсенко фактически отдал 10 лет жизни, был проект публикации записей заседаний Президиума ЦК КПСС за 1954–1964 гг. – высшего органа партийно-государственной власти в хрущевский период¹⁵. К счастью, ученый успел увидеть его полностью реализованным. Последний третий том этого издания вышел за несколько месяцев до его кончины, и он планировал в сентябре 2008 г. провести широкую презентацию-обсуждение всего этого фундаментального издания общим объемом 180 печатных листов. Формально от выхода первого тома до выхода третьего прошло только пять лет. Но, на самом деле, изданию предшествовала огромная работа по выявлению, рассекречиванию и подготовке к публикации текста документов и комментария. В этой работе довелось принять участие и авторам настоящей статьи.

В первом томе издания был впервые опубликован весь корпус черновых протокольных записей и стенографические записи заседаний Президиума ЦК КПСС за все хрущевское десятилетие. Черновые записи вел, что называется “для себя”, заведующий Общим отделом ЦК КПСС В.Н. Малин, отвечавший за формирование протокола заседания Президиума. Эти записи А.А. Фурсенко в предисловии к первому тому справедливо назвал

¹³ Афиани В.Ю., Фурсенко А.А. Доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС “О культе личности и его последствиях”. С. 56–74.

¹⁴ “У кого наука, у того будущее”: Записка Н.С. Хрущева о науке 1963 / предисл. А.А. Фурсенко; публ. В.Ю. Афиани // ИЗ. 2005. №8 (126). С. 417–440.

¹⁵ Президиум ЦК КПСС: 1954–1964 гг.: Черновые протоколы заседаний. Стенограммы. Постановления / гл. ред. А.А. Фурсенко; редколл.: В.Ю. Афиани, В.П. Козлов, Н.Н. Покровский, Н.Г. Томилина, А.О. Чубарьян; сост.: В.Ю. Афиани (отв. сост.), Э.К. Водопьянова, А.М. Орехов, А.Л. Панина, А.С. Стыкалин, М.Ю. Прозуменщиков. М., 2003–2008. Т. 1–3.

уникальными. Записывать ход заседаний Политбюро в целях, как говорилось в соответствующих постановлениях, “конспирации” было запрещено еще в 1920-х годах. И историкам многие десятилетия оставалось часто только домысливать, что происходило на заседаниях кремлевского ареопага, кто какую позицию занимал по важнейшим обсуждаемым вопросам и какие аргументы при этом выдвигались.

Эти записи, часто чрезвычайно отрывочные, фрагментарные, в две–три строчки, но иногда дословно воспроизводящие отдельные фразы выступающих, впервые позволили заглянуть в святая святых коммунистического руководства – на заседания Президиума ЦК. И они сразу осветили многие чрезвычайно важные исторические проблемы, будь это ход подготовки доклада о культе личности Сталина, выработка позиции, отнюдь не единодушной, в отношении революции в Венгрии в 1956 г., подготовка соглашений с США и западными державами по вопросам разоружения или о Карибском ракетном кризисе и др.

Вклад А.А. Фурсенко в реализацию этого проекта можно также назвать уникальным. Он – ответственный редактор этого издания, автор предисловия, но этим его вклад далеко не ограничивался. Именно он, и только он, мог и сумел добиться рассекречивания огромного корпуса записей, постановлений Президиума ЦК и материалов к ним. Для этого ему пришлось заинтересовать этим изданием В.В. Путина, возглавлявшего тогда Контрольное управление Администрации Президента РФ. И впоследствии, как рассказывал ученый, проявлявшего интерес к этому изданию. Последний, третий том, А.А. Фурсенко успел сам передать В.В. Путину.

При подготовке издания была проведена огромная организационная работа. Архивисты выявили около тысячи постановлений Президиума ЦК КПСС, не считая записей и многочисленных материалов к постановлениям (всего около 3 тысяч документов). Над рассекречиванием документов работало около 30 экспертов из различных министерств и ведомств. И вся эта работа шла совсем не просто, требовала постоянного вмешательства А.А. Фурсенко, иногда, что называется, “проталкивания” работы.

А.А. Фурсенко принадлежит и сама концепция издания: издания в первом томе черновых и стенографических записей, а в последующих двух томах самих постановлений, которым посвящены эти записи, и материалов к ним. Формально эта концепция в определенной степени противоречила археографическим традициям, по которым черновые, подготовительные документы публикуются в дополнение к основным, т.е. самим постановлениям. Но именно такие методы публикации, предложенные А.А. Фурсенко, позволили выполнить одну из главных задач публикации – донести до заинтересованного читателя, специалистов, уникальную историческую документальную информацию.

Научному уровню издания А.А. Фурсенко придавал особое значение. Он строго спрашивал с публикаторов за те или иные ошибки или неточности, к сожалению, почти неизбежные в такой масштабной работе. Это был важный критерий, с которым он подходил и к собственным работам, и к публикациям других. Об этом свидетельствуют, в частности, его выступления на Президиуме РАН, посвященные обсуждению крупных археографических проектов. Публикация, как говорил А.А. Фурсенко, должна отличаться “академическим” уровнем подготовки текста и комментария.

Достаточно сказать, что в первом томе комментария посвящено почти 500 страниц текста, набранного убористой печатью. Его обеспечила совместная работа архивистов, сотрудников РГАНИ, Архива Президента РФ и сотрудников академических учреждений, Института славяноведения. Кстати сказать, А.А. Фурсенко и здесь принимал участие непосредственно в составлении ряда комментариев, посвященных сложным политическим вопросам, в первую очередь, Карибскому кризису.

Пришлось потрудиться и сотрудникам издательства РОССПЭН, так как по требованию А.А. Фурсенко постоянно вносились исправления, улучшения и дополнения. Как прозорливо писал А.А. Фурсенко в предисловии к первому тому, эта публикация “займет почетное место среди важнейших публикаций источников по истории этой эпохи”. И действительно, выход публикации сразу же был встречен несколькими рецензиями известных отечественных и зарубежных историков¹⁶.

Как и задумал А.А. Фурсенко, презентация всего проекта прошла в стенах Института современного развития, хотя и на год позже, осенью 2009 г. Сначала помешала его кончина, а потом кризис. Обсуждение этого издания и видными историками, и известными журналистами, и публицистами, высоко оценившими его, еще раз показало значение этой публикации и в целом публикации архивных документов для исторической науки. На обсуждении говорилось и о значимости всей деятельности ученого, добивавшегося рассекречивания и введения в научный и общественный оборот важнейших комплексов источников по ключевым проблемам истории XX столетия. И что рассекречивание и публикация архивных документов по политически острым событиям отечественной истории XX века должно стать одним из важнейших направлений в противодействии фальсификациям истории России и всемирной истории. Трехтомник “Президиум ЦК КПСС” был последним вышедшим при жизни А.А. изданием.

Но после смерти ученого реализован еще один археографический проект, начатый под его руководством. Речь идет о втором томе сборника документов в серии “Академия наук СССР в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС: 1922–1991”, посвященном “хрущевскому” периоду деятельности Академии в 1950-х годах¹⁷. И здесь А.А. Фурсенко добился рассекречивания огромного комплекса архивных документов по истории Академии наук за 1950–1960-е годы и написал обстоятельное предисловие к сборнику. Он активно участвовал в разработке концепции серии, потребовавшей внесения изменений в концепцию этого тома, в связи с изменившимися историческими обстоятельствами, изменениями в системе высших партийно-государственных органов в СССР, принимавших важнейшие решения по истории науки, Академии наук.

¹⁶ Данилов А.А., Пыжиков А.В. (ВИ. 2004. № 4. С. 162–165); Таубман У. Об издании протокольных записей Президиума ЦК КПСС 1954–1964 годов (НиНИ. 2004. № 6. С. 79–83); Хлевнюк О.В. (ОИ. 2004. № 6. С. 179–181).

¹⁷ Академия наук в решениях ЦК КПСС: Бюро Президиума, Президиум, Секретариат ЦК КПСС / редколл.: Ю.С. Осипов (предс.), А.И. Григорьев, А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, А.А. Гончар, В.И. Васильев, В.Д. Есаков, В.П. Козлов, Б.В. Левшин, С.В. Мироненко, А.Д. Некипелов, Ю.А. Поляков, А.Н. Сахаров, А.В. Степанов, Н.Г. Томилина, А.А. Фурсенко, А.О. Чубарьян; сост.: В.Ю. Афиани (отв. сост.), В.Д. Есаков (отв. сост.), Т.А. Джалилов, Т.В. Домрачева, И.Ф. Кишкина-Иваненко. М., 2010. [Т. 2]. 1120 с. (Серия: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС: 1922–1991).

В это фундаментальное издание объемом более 100 печатных листов вошло 322 постановления Президиума и Секретариата ЦК КПСС, а выявлено в фондах Архива Президента РФ и РГАНИ и рассекречено – более 740. Публикацию полного корпуса документов, на чем настаивали некоторые члены творческого коллектива, было невозможно реализовать как из-за объема, так и из-за неравноценности выявленных документов. Вставала сложнейшая задача разработки научных принципов отбора документов для публикации, учитывающих необходимость как публикации документов о важнейших, уникальных событиях в истории Академии наук, так и отражения типичных для того времени явлений в советской науке. Отбор документов для публикации, т.е. решение источниковедческо-археографической задачи, проведение экспертизы ценности документов, не могли не сопровождаться дискуссиями и спорами, порой жаркими, в творческом коллективе. И здесь авторитет Александра Александровича как ученого играл решающую роль.

Изменение политического курса советского руководства после смерти И.В. Сталина, повлияло и на его научную политику. 1953–1958 гг. – один из самых плодотворных периодов в истории Академии наук, получившей возможность значительно расширить свои права и сферу деятельности. Новое время, конечно, не изменило принципов взаимоотношений науки и власти, не устранило повседневного контроля партийных органов. Но академическое сообщество во главе с президентом АН СССР А.Н. Несмеяновым постепенно стало отвоевывать право более свободного от партийного диктата проведения научных исследований, в том числе научных дискуссий. Опубликованные в томе документы показывают не только негативные моменты в этих отношениях, но и то, какое значение имели постановления Президиума ЦК КПСС, Секретариата ЦК КПСС, аппарата ЦК КПСС и других партийных органов в организации, финансировании фундаментальных исследований, способствовавших достижениям отечественной науки мирового уровня в ракетно-космической и ядерной области, возобновлению глубоких исследований в области биологии, “реабилитации” генетики и др.

Труды историка Александра Александровича Фурсенко продолжают свой путь к читателю, свою жизнь в науке.

О.Г. Агеева, А.Е. Иванов, А.М. Кантор

ЮБИЛЕЙ ЛЬВА НИКИТОВИЧА ПУШКАРЕВА*

12 мая 2008 г. исполнилось 90 лет со дня рождения ведущего научного сотрудника-консультанта Института российской истории РАН, доктора исторических наук Льва Никитовича Пушкарева.

О вкладе этого неординарного исследователя в развитие отечественного источниковедения и археографии, этнологии и фольклористики, литературоведения и славистики, в изучение истории культуры и общественной мысли России различных эпох красноречиво говорит большой список его научных трудов. В нем более 500 названий, в том числе 9 монографий, 5 брошюр, более 200 исследовательских статей, главы в 11 коллективных трудах, около 100 рецензий, 30 публикаций источников общим объемом более 370 п.л. Около 150 солидных текстов для словарей и энциклопедий, размещенных в интернете, 27 титульных рецензий на монографии исследователей открыли им дорогу к изданию. Известно и многолетнее плодотворное сотрудничество Л.Н. Пушкарева с научными коллективами Отдела древнерусской литературы Института мировой литературы, Института русской литературы (Пушкинского Дома), Института русского языка, Института славяноведения, Отдела этнологии русских Института этнологии и антропологии РАН.

Л.Н. Пушкарев родился в 1918 г. в с. Лобаново Тульской области, рос в многодетной семье сельских интеллигентов. Проявляя большой интерес к литературе, после окончания средней школы в г. Ефремове в 1936 г. поступил на филологический факультет Московского государственного индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта. Уже на первых курсах, увлекшись анализом произведений немецких романтиков XVIII в., обнаружил талант исследователя, но путь в большую науку прервала война.

Осенью 1941 г. Л.Н. Пушкарев стал солдатом-добровольцем 3-й Коммунистической дивизии г. Москвы, участвовал в обороне столицы, в боях на 2-м Белорусском фронте, закончил войну в мае 1945 г. в г. Штеттине на Одере. Имея 19 наград, в том числе ордена Отечественной войны I степени и Красной звезды, Лев Никитович считает самой дорогой для себя медаль “За отвагу” – “солдатский орден”, полученный в 1941 г. после боя за освобождение одной деревеньки в Калининской области.

Трижды раненый, получивший контузию, лечившийся не раз в госпиталях, Л.Н. Пушкарев не прекращал учебы. При поддержке старших коллег-фольклористов (В.И. Чичерова, В.Д. Кузьминой), снабжавших его книгами, он в немногие дни между госпиталем и фронтом сдал экстерном экзамены

* В основе статьи текст, опубликованный к 80-летию ученого (ВИ. 1998. № 2. С. 215–216), исправленный и дополненный.

за последний год обучения в институте и стал дипломированным специалистом. Борясь с рецидивами контузии (в 1942 г. она обернулась для бойца Л.Н. Пушкирева временной потерей памяти), благодаря негибкому характеру, воле и упорству, поступил в 1945 г. в аспирантуру филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Под руководством академика Н.К. Гудзия Л.Н. Пушкирев продолжил исследовательскую работу. Сферой его интересов стала древнерусская литература и традиционный русский фольклор. Его опубликованная в 1980 г. кандидатская диссертация “Сказка о Еруслане Лазаревиче” получила признание в нашей стране и за рубежом (здесь и далее см. Список печатных трудов).

Еще в суровых условиях войны Л.Н. Пушкирев по совету крупного ученого-фольклориста В.И. Чичерова записывал фронтовой фольклор. Вернувшись к мирной жизни, став с 1949 г. сотрудником Института истории СССР АН СССР, он подготовил уникальную книгу “По дорогам войны” – анализ записей фронтового фольклора – народные песни, сказки, частушки. Но книга увидела свет лишь в 1995 г., поскольку собранный материал, бесхитростно отразивший общие настроения простых солдат, не соответствовал идеологическим запросам того времени об образе “плакатного” воина, защищавшего родину под руководством Сталина. Как солдат Второй мировой войны и ученый-филолог и историк рассказал о войне с неожиданной стороны, которая не должна быть забыта. Теперь к этим уникальным записям, изданным отдельной книгой, каждый год, стремясь не погрешить против правды жизни, обращаются создатели телепередач и статей ко Дню Победы в Отечественной войне.

В 1950-е годы, работая в Институте истории СССР (в группе членкорреспондента АН СССР А.И. Яковлева), Л.Н. Пушкирев активно участвовал в издании делопроизводственных, литературных и других нарративных памятников XVII–XVIII вв.

Любовь к историческому источнику и упорный труд в архивах стали предпосылкой научного открытия Л.Н. Пушкирева тех лет. Речь шла об обнаруженных ученым и ставших основой одного из рукописных фондов РГАЛИ материалов публициста-демократа 60-х годов XIX в. историка И.Г. Прыжова, считавшихся утерянными. Первым введя их в научный оборот, издав работу И.Г. Прыжова “Декабристы в Сибири на Петровском заводе”, а затем и ряд статей о нем, Л.Н. Пушкирев внес заметный вклад в декабристоведение.

Как археограф и редактор он принимал самое непосредственное участие в подготовке многих изданий исторических памятников. Среди них – “Таможенные книги Московского государства XVII в.” (т. I–III), “Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в.” (т. 1–3), “Материалы по истории СССР” (Вып. 1–6) и др. Совместно с видными источникововедами С.Н. Валком и А.А. Новосельским Л.Н. Пушкирев участвовал в создании первых российских “Правил издания исторических документов” 1953 г., в формировании Сектора источниковедения в Институте истории СССР. Он неоднократно выступал на конференциях по источниковедческим проблемам археографического изучения древних рукописей в Москве, Тбилиси и других городах страны.

Весомым вкладом Л.Н. Пушкирева в отечественное источниковедение стало описание (а затем издание отдельной книгой) хранящихся в РГБ

35 списков хронографа редакции 1512 г. Каждый такой список – рассказ о событиях всемирной и русской истории – это 600–700 листов, написанных убористой скорописью XVI–XVII вв. Каждый список требовал внимательного прочтения и углубленного комментирования.

С теоретическим источниковедением связана и докторская диссертация Л.Н. Пушкарева “Классификация русских письменных источников по отечественной истории” (М., 1975). В ней обобщен опыт русской, советской и зарубежной историографии в области систематизации и классификации источников. Это была новаторская тема, а книга стала капитальным исследованием, получившим большой научный резонанс, не утратившим значения по сей день. В этой книге были разработаны сложные и недостаточно изученные кардинальные проблемы теоретического источниковедения. Исторический источник определяется с гносеологической и источниковедческой точки зрения, впервые даны графические схемы циклической и линейной классификации источников. Фрагменты книги сразу были опубликованы за рубежом, а предложенная Л.Н. Пушкаревым классификация источников вошла в практику преподавания на исторических факультетах.

Скрупулезная текстологическая работа с древними памятниками пробудила у Л.Н. Пушкарева вкус к изучению проблем истории культуры России. Увлеченность этой существенной частью истории культуры стала отличительной чертой его научной биографии. Большую роль сыграла блестящая эрудиция и широкий кругозор Л.Н. Пушкарева, отточенное умение сочетать методы и приемы различных гуманитарных дисциплин, давнее стремление работать на “стыке наук” (истории и этнографии, литературоведения и философии, психологии и фольклористики). Эти качества Льва Никитовича как ученого и сделали его одним из интересных, своеобразных и ярких российских историков.

Сферой особых научных интересов Л.Н. Пушкарева в 1960–1970-е годы стал XVII в. – время, когда “старина с новизной перемешались”, время вызревания предпосылок петровских реформ. Его монографии по истории духовной культуры и общественной мысли России этого периода – “Общественно-политическая мысль России: Вторая половина XVII в.: Очерки истории” (М., 1982) и “Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII вв.” (М., 1994) раскрыли связь русской повести XVII в. с народным творчеством, указали на значение литературных повестей для характеристики менталитета и общественной мысли. Благодаря экстраординарным познаниям в области лексикологии и фольклористики, исследователь в этих книгах глубоко проник в духовный мир русского труженика допетровской эпохи.

Вопреки распространенному мнению о “темноте” и “невежестве” русского крестьянства в исследованиях Л.Н. Пушкарева были явлены присущие крестьянам размышления о проблемах богатства и бедности, справедливости и правды, о нравственном воспитании и совершенствовании личности. Книги Л.Н. Пушкарева о деятелях культуры той же эпохи – о первом (тогда малоизвестном) российском поэте Симеоне Полоцком, о богослове-философе, историке и экономисте хорвате Юрии Крижаниче – значительно расширили представление о допетровской эпохе, о ее связях со славянским миром. Назвав в книге “Юрий Крижанич: Очерк жизни и творчества” (М., 1984) своего героя, священника-миссионера “пев-

цом славянского единства”, Л.Н. Пушкарёв убедительно доказал, что его идеи опередили свое время и не имеют ничего общего с приписывавшимся ему агрессивным панславизмом. Исследование Л.Н. Пушкарёва получило широкий и благодарный отклик югославских ученых, а сочинения яркого мыслителя прошлого стали активно использоваться авторами обобщающих трудов и учебников, составителей хрестоматий.

Сохраняя завидное творческое долголетие, Л.Н. Пушкарёв по сей день остается в рядах историков, изучающих отечественную духовную культуру. Как ученый он обладает обостренным чувством нового, интересом к проблемам культурно-интеллектуальной и гендерной истории, истории ментальностей. В книге “Человек о мире и самом себе: (источники об умонастроениях русского общества рубежа XVII–XVIII вв.)” (М., 2000) дано определение менталитета применительно к основным сословиям русского общества – крестьянства, купечества, духовенства, придворных деятелей, дан обзор важнейших источников, позволяющих охарактеризовать представления людей разного социального, экономического и культурного положения. Книга также успешно используется в учебном процессе вузов. Его значительную работу, излагающую историю русской паремологии вкупе с общими процессами обмирщения общественного сознания в XVII в. (“Семья и воспитание детей по рукописным сборникам русских пословиц XVII в.”), опубликовал в 2005 г. французский научный журнал “Revue des études slaves”.

Весьма плодотворной была долголетняя работа Л.Н. Пушкарёва в редакциях “Словаря русского языка XI–XVII вв.”, серии “Памятники исторической мысли” и др.

Последние годы, как и прежде, отмечены вкладом Л.Н. Пушкарёва в распространение гуманитарных знаний, в развитие современного образовательного процесса через рецензии, словарные статьи в биографическом словаре “Русские писатели 1800–1917 гг.” в Интернет-энциклопедии “Кругосвет”, где они охватывают персоналию и события отечественной истории X–XVIII вв.

Опыт работы ученым секретарем Института истории СССР позволил Л.Н. Пушкарёву стать позже его своеобразным “летописцем”, создавшим собственную “Историю института истории в самом сжатом очерке”. Этот полный юмора и метких наблюдений текст был опубликован одновременно с фронтовой лирикой ученого в сборнике стихов и рассказов “Вторая муза истории” (М., 2003).

Л.Н. Пушкарёв известен вниманием к молодому поколению российских историков, созданием вокруг себя атмосферы истинной интеллигентности, доброжелательности, спокойствия, умением убедить ученика в правильности выбранного им собственного научного пути. Продолжателей своего научного дела (среди них многие защитили уже не только кандидатские, но и докторские диссертации), он умело направляет к поиску нового, поощряя нестандартные решения и разделяя с ними радости признания.

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2007 ГОДА “НОВОЕ В МОСКВОВЕДЕНИИ: ПУБЛИКАЦИИ 1997–2007 гг.”

Хроника заседания

19 июня 2007 г. состоялись традиционные ежегодные Тихомировские чтения, организованные Археографической комиссией РАН совместно с Главным архивным управлением г. Москвы и Историко-архивным институтом РГГУ и посвященные теме: “Новое в москвоведении: публикации 1997–2007 гг.”.

Открывая заседание, почетный председатель АК, председатель Союза краеведов России, заведующий кафедрой москвоведения ИАИ РГГУ профессор *С.О. Шмидт* отметил «неосновательность суждений, будто празднование 850-летия Москвы позволило, прежде всего, заполнить книжный рынок множеством компилятивных скороспелых изданий. Такие издания, действительно, появились, на них был даже кратковременный спрос, но вскоре к ним уже никто не обращался, и продолжавшие серьезно интересоваться прошлым и настоящим Москвы стали с большим вниманием отбирать для себя литературу по москвоведению и поняли, что юбилей в наибольшей мере обеспечил возможности подготовки и продолжения изданий, являющихся вкладом в развитие москвоведения. И некоторым комплексам таких изданий и отдельным изданиям, рассчитанным на долголетие, и посвящаются нынешние Тихомировские чтения. Конечно, в программу удалось включить доклады не обо всем, заслуживающем специального внимания, научного анализа и справочной информации. В частности, нет обзора многообразных изданий, подготовленных в связи с 250-летием старейшего в России Московского университета.

Обращение именно к москвоведческой теме на чтениях памяти М.Н. Тихомирова обосновано и тем, что академик М.Н. Тихомиров был и уроженцем Москвы, и историком Москвы, и в связи с юбилеем Москвы издавались и его при жизни напечатанные труды и выявленные в архивах. Теме “М.Н. Тихомиров и Москва” посвящены и некоторые материалы в АЕ за 1997 год, подготовленном к юбилею столицы и удостоенном награды на Всероссийской книжной ярмарке 1997 года, проводившейся по традиции в сентябре, т.е. именно тогда, когда концентрировалось внимание на юбилейной дате.

Как председатель экспертной комиссии издательской программы Правительства Москвы имею основание говорить о многообразии москвоведческих изданий нашей программы, и о приоритете именно этой тематики среди изданий и по истории, и относящихся к сфере искусств и художественной и мемуарной литературы; особенно много издано книг по проблематике истории Великой Отечественной войны и по теме “Пушкин и Москва”. Следует особо отметить издания, где сосредоточены данные о Москве в жизни и творчестве широко известных наших соотечественников.

Приятно указать на то, что появляется все больше в Москве и Подмосковье местных изданий по местной же тематике – о своей “Малой Родине”. Такие, обычно малотиражные издания, вызывают и неизменные интерес и поддержку на ежемесячных “Встречах на Никольской”, организуемых руководимой В.Ф. Козловым кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ. (Информация о таких встречах публикуется в журнале “Библиография”.) Готовя статьи для “Московской энциклопедии”, мы теперь можем во многом опираться уже и на многообразную литературу последнего десятилетия».

Сотрудник аппарата Московской городской думы *В.Н. Быков* рассказал об исторических публикациях и выставках, регулярно организуемых Думой при участии Главархива Москвы и ГИМ, в частности, о подготовке биографического словаря “Гласные Московской городской думы”¹. Это капитальное справочное издание содержит сведения о 1463 депутатах Думы до 1917 г. и среди них об историках С.В. Бахрушине, В.И. Герье, Д.И. Иловайском, Н.В. Калачове.

Заведующий кафедрой краеведения и региональной истории ИАИ РГГУ *В.Ф. Козлов* в докладе «Десятилетний опыт подготовки и издания книг по истории Москвы издательским центром “Московведение”» сделал подробный обзор его изданий². Центр, созданный в 1997 г. при участии Департамента образования Правительства Москвы и Мосгорархива, имеет своей основной задачей обеспечение квалифицированной научно-популярной и методической литературой учащихся и преподавателей нового факультативного предмета “краеведение” в начальной и средней школе. Эти издания бесплатно поступают в школы, подавшие заявки в Департамент образования. Среди изданных книг – учебные пособия “Здравствуй, Москва” (для начальных классов), “Наш город” (для средней школы), сборник воспоминаний “Подвиг Москвы в Великой Отечественной войне”, серия популярных путеводителей по музеям и отдельным районам Москвы, историко-биографическая серия “Патриоты Москвы и России”, искусствоведческие издания “Каменное узорочье Москвы”, “Москва изразцовая”, “Рисунки Т.А. Мавриной”. Отличительными особенностями изданий Центра является строгая научность и, вместе с тем, доступность изложения для учащихся, насыщенность книг схемами, картами, иллюстрациями, в том числе и впервые публикуемыми. Высокий уровень работы Центра обеспечивается научным руководством С.О. Шмидта и предварительным рецензированием его изданий крупными историками и педагогами.

Заместитель начальника Главархива г. Москвы *М.М. Горинов* в докладе, подготовленном при участии сотрудников Главархива М.Ю. Морукова и Л.Н. Селиверстовой, рассказал об изданиях Главархива по московведению, в частности – о краеведческом альманахе “Московский архив”. Он особенно подчеркнул дружную совместную работу сотрудников архивов, музеев, академических учреждений, учебных заведений, центра “Московведение” и Департамента образования, воодушевленных единой задачей, без какой-либо конкуренции. Среди изданных работ он назвал четырехтомную хрестоматию для школьников по истории Москвы, вышедшую в

¹ Доклад – в основе статьи, публикуемой в настоящем издании (с. 241–256).

² Доклад – в основе статьи, публикуемой в настоящем издании (с. 257–264).

1995–1997 гг., тематические публикации документов “Москва военная”, “Москва прифронтовая”, “Москва послевоенная”, серию “Московская монография”, в которую вошли книги о Московском печатном дворе, о московской буржуазии, о братьях Бахрушиных, биографические издания о выдающихся москвичах. Важной особенностью четырех вышедших выпусков альманаха “Московский архив”, как и других изданий Мосгорархива, является публикация в нем документов разной идеологической направленности, вышедших как из “красного” так и “белого” лагеря, стремление к всестороннему освещению острых исторических проблем без какой-либо предвзятости и тенденциозности.

С.Ю. Шокарев (РГГУ) в сообщении, подготовленном совместно с *Н.Н. Митрофановым* и *С.А. Уваровым*, осветил ход подготовки к изданию первых томов капитальной “Московской энциклопедии”. Эта работа ведется с 1997 г. под научным руководством С.О. Шмидта. Энциклопедия содержит более 10 000 персоналий – энциклопедических статей о выдающихся (ныне покойных) москвичах – администраторах, военачальниках, промышленниках, деятелях культуры, священнослужителях – всех, в честь кого названы улицы Москвы, кому воздвигнуты памятники и установлены мемориальные доски. Все статьи содержат сведения об адресах и месте захоронения.

Заместитель декана исторического факультета МГУ *Л.С. Леонова* в докладе “История Московского университета в трудах ученых исторического факультета МГУ: (К 250-летию Московского университета и 70-летию исторического факультета)” показала широкую панораму изданий, освещающих историю первого российского университета, преподавания и изучения в нем исторических дисциплин. Она особо остановилась на традициях выдающихся историков – создателях всемирно известных научных школ – М.Н. Тихомирова, А.В. Арциховского, на трудах ученых более молодых поколений, также создавших научные школы в области источниковедения, историографии, археологии, вспомогательных исторических дисциплин – С.П. Карпова, И.Д. Ковальченко, Ю.С. Кукушкина, А.В. Муравьева, И.В. Поздеевой.

А.Г. Смирнова в совместном с *А.В. Топычановым* (РГГУ) докладе “Из опыта преподавания москвоведения в Историко-архивном институте РГГУ” подчеркнула значение школы М.Н. Тихомирова – С.О. Шмидта и студенческого кружка источниковедения отечественной истории, работавшего под руководством С.О. Шмидта в течение полувека, в развитии исторического краеведения. Она отметила также закономерность и своевременность выделения москвоведения в отдельную краеведческую дисциплину и создание кафедры москвоведения под руководством С.О. Шмидта. С 2003 г. в ИАИ возникла специализация “краеведение и исторический туризм”, экскурсии по историческим местам Москвы и Подмосковья стали неотъемлемой частью учебного процесса. В дипломных работах по новой специальности широко используются архивные документы.

В заключительном слове *С.О. Шмидт* отметил широкий интерес в обществе к проблемам исторического краеведения и истории Москвы и высказал пожелание, чтобы и научно-популярные издания снабжались необходимым справочным аппаратом, в частности – ссылками на источники и указателями имен.

В. Ч.

В.Н. Быков

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА: ПУБЛИКАЦИИ И ВЫСТАВКИ В 1997–2007 гг.

С принятием нового федерального законодательства в 1990-е годы начался новый этап в развитии местного самоуправления России. Поступательное развитие страны и государственное строительство предполагают обращение к дореволюционному опыту земского и городского самоуправления, выявление и донесение до управленческих элит и населения материалов о деятельности прежних поколений общественных деятелей. Полезным становится знание структуры и видов ответственности существовавших в прошлом органов местного самоуправления, судьбы созданных органами самоуправления учреждений, а также биографические сведения об активных деятелях самоуправления дореволюционного периода¹.

В выступлении на конференции и подготовленной на его основе статье в сборнике², выходящем в свет в 2012 г., ставится задача познакомить участников, ученых, московских краеведов с публикаторской и просветительской деятельностью по вопросам городского управления и самоуправления, проводимой за последние 10–15 лет Московской городской думой, а также издательствами, действующими в контакте с Думой или по ее поручениям. В этой работе принимают участие сотрудники московских научных учреждений, институтов Российской академии наук, высших учебных заведений, в том числе кафедры Российского государственного гуманитарного университета, Московского государственного университета, управления при Правительстве Москвы, сотрудники Главного архивного управления города Москвы. В издательской программе Правительства Москвы участвуют коллективы ученых и практические работники, литераторы, краеведы. Для реализации различных тематических проектов привлекаются негосударственные исследовательские учреждения, в том числе Центр исследования городского управления и самоуправления³.

¹ С 1997 г. сотрудники Центра исследования городского управления и самоуправления занимаются изучением истории городского управления второй половины XVIII – начала XX столетий. Избранные временные рамки – это особый, качественно новый, цельный и самостоятельный этап в развитии города, его властных структур. См.: *Быков В.Н.* Источниковая база издательского проекта по составу органов Московского городского общественного управления // АЕ за 2009–2010 годы (в печати). В ней представлена информация об издательском проекте, реализуемом Правительством Москвы к 15-летию деятельности Московской городской думы – “Московская власть: гласные Городской думы 1863–1917 гг.: Энциклопедия биографий”.

² Заявленная автором на конференции “Тихомировские чтения 2007 г.” тема выступления “Московская городская дума: публикации и выставки в 1997–2007 гг.” получила в данной статье развитие на материалах книг, увидевших свет в последующее время – в 2008–2010 гг.

³ Небольшая часть материалов словаря была опубликована: *Быков В.Н.* Гласные Московской городской думы (1863–1917) // Московский журнал. 2008. № 10, 12; 2009. № 1, 2/3.

С возрождением Московской городской Думы в 1994 г. начал формироваться информационный комплекс по современной истории управления и самоуправления в составе *документальной базы данных текущей законотворческой деятельности думы*. В ней представлены действующие правовые акты высшего представительного и законодательного органа власти города Москвы – субъекта Российской Федерации – Московской городской думы. Правовые акты, принимаемые Московской городской думой, являются итогом законотворческой деятельности депутатов, специалистов и экспертов, обсуждаемых на заседаниях постоянных и временных комиссий, прорабатываемых в экспертных совещаниях и затем утверждаемых на заседаниях думы. Деятельность экспертов и депутатов выражаются в Законах города Москвы, Постановлениях и Обращениях городской думы. Законы города Москвы подписываются Мэром Москвы, Постановления и Обращения думы – Председателем Московской городской думы. По данным председателя Московской городской думы, приведенным в июле 2007 г., ежегодно в ходе двух сессий принимаются 50–70 Законов города Москвы.

Правовые акты города Москвы публикуются в периодических изданиях, печатаются в сборниках “Ведомости Московской городской думы”⁴, газете “Тверская, 13”, в газетах, выходящих в свет по информационным программам префектур Москвы. С 1994 г. при участии ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ответственными сотрудниками Московской городской думы и Мэрии Москвы готовятся к печати специальные сборники документов. Публикация Законов города Москвы, Постановлений и Обращений городской думы и других документов началась и продолжается в Издательстве ИЗСП⁵. Увидели свет несколько публикаций Указателей к законам и постановлениям думы⁶.

За последние десятилетия вышло в свет несколько ценных публикаций *по истории Московского городского общественного управления*, популярных изданий и книг, освещающих отдельные направления деятельности Московской городской думы, Городской управы, других общественных институтов, характеризующие видных общественных деятелей и благотворителей Москвы. Среди них монографии, научно-популярные издания, в создании которых принимали участие сотрудники специализированных институтов РАН, отраслевых НИИ министерств и ведомств, высших учебных заведений, краеведы Москвы. Историография органов общественного управления и особенно освещение его дореволюционного периода наиболее полно представлена в работах доктора исторических наук Л.Ф. Пи-

⁴ “Ведомости Московской городской думы” (Госкомпечати регистрационный № А-0385; Индекс издания в каталоге Моспочтамта 73040).

⁵ Законы города Москвы. 1994–1996. Официальное издание (По состоянию на 31 декабря 1996 г.) М., 1997; Законы города Москвы. 1997. М., 1998; Постановления Московской городской думы. 1994–1997. М., 1998; Законы города Москвы. Постановления Московской городской думы. 1998. М. 1999; Законы города Москвы. Постановления Московской городской думы. 1999. М., 2000.

⁶ Указатель к официальному изданию “Законы города Москвы. Постановления Московской городской думы (По состоянию с 1.01.1994 по 31.12.1999)”. М., 2000.

сарьковой, много лет посвятившей исследованию истории московского самоуправления⁷.

Не менее представительна тематика работ о последующем периоде московских городских органов управления, наступившем в 1918 г. – о советских органах власти – имеющая значительную литературу. В последние десятилетия перед перестройкой вышло несколько книг Н.М. Алешенко и Т.П. Коржихиной, имеющих добротную документальную основу и историографические разделы⁸.

Современный этап развития городской агломерации находит отражение в периодических изданиях, где публикуются статьи и мнения депутатов Московской городской думы, членов Правительства Москвы как субъектов законодательной инициативы при подготовке законов. Лично Мэр Москвы и председатель Московской городской думы, представляющие властные институты одного из регионов России, активно работают над обеспечением взаимодействия двух ветвей городской власти – государственного управления и общественного самоуправления Москвы. Структурные подразделения московской Мэрии и Правительства Москвы, культурно-просветительные учреждения и периодические издания заинтересованно и в разной форме ведут информирование населения о текущей деятельности органов власти, проблемах и достижениях современного мегаполиса.

К интересным и познавательным работам, освещающим как дореволюционный, так и современные этапы развития органов городской власти и управления, следует отнести публикации участников современного государственного строительства и городского управления. Мэр Москвы Ю.М. Лужков с начала деятельности в 1992 г. в своих выступлениях, интервью и публикациях постоянно уделял внимание истории городского управления, созданным еще в XVIII в. формам городского самоуправления, органам власти, их деятелям, накопившим к 1917 г. значительный и полезный опыт⁹. В работе, написанной к 10-летию Московской городской Думы, депутат Т.А. Портнова, сумела проанализировать опыт предыдущих поколений городских общественных деятелей, избравшихся в Городскую думу, осветить современный этап государственного строительства, развития регионального управления и местного самоуправления, охарактеризовать участников этой многообразной работы, общественных деятелей, получивших не только московскую, но и общероссийскую известность¹⁰.

⁷ См. библиографические обзоры в следующих работах: Писарькова Л.Ф. Московское городское общественное управление с середины 1880-х годов до первой русской революции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980; Писарькова Л.Ф. Московская городская дума. 1863–1917 гг. М., 1998. 568 с.

⁸ Алешенко Н.М. Московский совет в 1917–1941 гг. М., 1976; *Он же*. Московский совет в 1941–1945 гг. М., 1980; *Он же*. Московский совет в 1945–1961 гг. М., 1989; *Он же*. Московский Совет в 1961–1977 гг. М., 1993; *Он же*. Руководители власти Москвы 1917–1993 годы: Исторические портреты. М., 2004; Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1994, и др.

⁹ Лужков Ю.М. “Мы дети твои, Москва”. М., 1996.

¹⁰ Портнова Т.А. Московская Дума: история и современность. М., 2003.

При подготовке к 850-летнему юбилею Москвы оживилась деятельность по исследованию многообразной по формам и весьма содержательной по фактам трехсотлетней истории городского самоуправления Москвы. Опубликованные в те годы книги историков, литераторов, краеведов и популяризаторов истории основываются на достоверных сведениях и дают пищу для размышлений. Они нашли своих читателей и завоевали популярность, в том числе благодаря издательским программам Правительства Москвы.

В сотрудничестве с издательством “Вся Москва-информ” (Москва) и “Британика медиа” (С.-Петербург, Лондон) в 1997 г. был подготовлен к печати справочник “Москва – центр культуры и туризма”, 19 тематических разделов которого в различной форме освещают опыт городского управления и самоуправления и его деятелей. Ряд разделов представляют сведения о московских коллекционерах, видных предпринимателях, московских достопримечательностях. В биографическом разделе помещается статья к.и.н. О.А. Ионовой о деятельности князя Д.В. Голицына, московского генерал-губернатора в 1820–1840-е годы. Был собран и впервые после долгого перерыва опубликован материал о нескольких общественных деятелях Москвы, избравшихся в должность городского головы¹¹. К обобщению и переработке материалов были привлечены сотрудники Института культурологи РАН и Министерства культуры, МГУ им. М.В. Ломоносова, Российской государственной библиотеки.

Комбинированный подход к формированию структуры справочников был поддержан, развит и получил воплощение в нескольких красочных альбомах других издательств, увидевших свет при поддержке подразделений Мэрии Москвы. В них получило отражение современное видение текущего периода в развитии Москвы и истории города как со стороны заказчиков, инициаторов издательских проектов, в роли которых выступали сотрудники информационно-аналитических подразделений Мэрии и Правительства Москвы, так и издателей, принимавших участие в реализации проектов¹².

К заключительному этапу программы подготовки 850-летия Москвы в подарочном исполнении вышли в свет два биографических справочника о прежних и современных главах московских властей. Издательское объединение “Мосгорархив”, основываясь на материалах, выявленных в архивных хранилищах сотрудниками государственных и центральных архивов города Москвы, подготовило к изданию справочник “От губернатора до мэра”. В помещенных в ней кратких биографических очерках, был освещен жизненный путь московских генерал-губернаторов и главнокомандующих, начальствующих в Москве и губернии по гражданской части, других руководителей губернской администрации почти за 300 лет¹³. Биографические

¹¹ Москва – центр культуры и туризма / Быков В.Н. (рук.), Аки А.А., Андриюшина С.В. и др. М., 1997. 816 с.: ил., карты-схемы.

¹² Душа Москвы М., 1997; Глушкова В.Г. Москва: история, география, краеведение великого города и его окрестностей. М., 1997; История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3 т. М., 1997–2000, и др.

¹³ От губернатора до Мэра: Главы московских властей. 1708–1995: Портретная галерея. М., 1997. 272 с.; ил.

материалы данного справочника удачно дополняются иллюстративным рядом, составленным на основе коллекций Государственного Исторического музея.

Одновременно сотрудники Центра исследования городского управления и самоуправления (ЦИГУС) подготовили к изданию книгу о Московских городских головах. В основу материалов биографических очерков были положены архивные сведения, подобранные во второй половине XIX в. Н.А. Найденовым и вошедшие в изданные тогда же “Материалы для истории московского купечества”, а также современные архивные данные, поиск которых был осуществлен Л.Ф. Писарьковой при подготовке докторской диссертации, аналитические материалы В.Н. Быкова и М.Б. Шапошникова о московском гильдейском и биржевом купечестве, работы О.Ф. Павловой по истории московского городского самоуправления. Документальная основа, иллюстрации из дореволюционных изданий, факсимиле семейных мемориальных документов, воспроизведенные в книге, позволили наглядно проиллюстрировать жизненный путь почти пяти десятков лиц из разных социально-политических групп московского общества, избравшихся в должности городского головы после городской реформы Екатерины II (1782 г.) и вплоть до 1917 г. В заключительной части сборника представлены материалы о современных руководителях органов власти Москвы, включая биографии В.М. Платонова и В.А. Максимова как первых председателей современной думы и Ю.М. Лужкова. Размещение биографии действующего мэра Москвы обосновано тем, что часть функций, присвоенных современной должности мэра, в дореволюционный период была отнесена к должности городского головы, как председательствующему в заседаниях думы, так и лицу, осуществлявшему руководство деятельностью Городской управы – исполнительному органу власти муниципалитета, стоявшему во главе многочисленных учреждений городского хозяйства Москвы¹⁴.

В том же году сотрудники аппарата Правительства Москвы под руководством начальника управления организационно-аналитического обеспечения документами Мэрии Москвы Л.С. Катковой и начальника финансово-хозяйственного управления Мэрии Москвы В.С. Трифонова подготовили к печати полезный справочник по истории управления, включающий материалы о дореволюционной думе¹⁵. В составлении материалов книги, содержащей краткие сведения об основных законодательных актах по вопросам городского управления, структурных подразделениях органов городской власти в прошлом и настоящем, участвовали ученые из нескольких московских научных учреждений, преподаватели вузов. Помимо очевидных достоинств книги следует отметить, что приведенные в справочнике краткие биографические заметки об администраторах и деятелях городского самоуправления разных периодов проигрывают в сравнении с материалами о законодательстве, органах власти и учреждениях Москвы.

К вышеназванным изданиям близки по тематике несколько книг содержащих биографические очерки о московских генерал-губернаторах, город-

¹⁴ [Быков В.Н., Павлова О.Ф., Писарькова Л.Ф., Шапошников М.Б.] Московская власть: городские головы (1782–1997): Иллюстрированные биографии руководителей городского самоуправления. М., 1997. Вып. I. 208 с.

¹⁵ Москва: городское управление: 300 лет истории управления городом: Справочник. М., 1997. 518 с.

ских головах и гласных Городской думы, депутатах современной городской Думы, руководителях Правительства Москвы. Издательство “Терра”, отличающееся амбициозными проектами по истории России, выпустило в свет добротную по содержанию книгу историка и писателя Вальдемара Баязина с неудачным, по нашему мнению, названием – “Московские градоначальники”, сильно принижающим статус видных государственных деятелей, наместников русских самодержцев и центральной власти в московском регионе. Позже, при переиздании материалов книги в издательстве “Тверская, 13”, предоставленные автором тексты поменяли название на более отвечающее реалиям – “Императорские наместники Первопрестольной”, а в издательстве “Кучково поле” – “На службе у Подмосковья”¹⁶.

В 1998 г. была презентована и получила развитие новая серия Издательского объединения “Мосгорархив”. Под грифом “Московская монография” увидели свет несколько представительных научных монографий, подготовленных на основе архивных документальных комплексов сотрудниками Института истории РАН, сотрудничающими с нашим Центром: Л.Ф. Писарьковой “Московская городская Дума. 1863–1917”, Г.Н. Ульяновой “Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914”. В монографии И.В. Поткиной “На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917” (2004) содержатся значительные по составу архивные материалы, наблюдения и обобщения. Введение в научный оборот новых документов позволило по новому взглянуть на владельцев Никольской мануфактуры, представить их общественно значимую деятельность. Среди них интересные зарисовки о нескольких гласных Городской думы, входивших в клан Морозовых–“Тимофеевичей” – сам Тимофей Морозов, его сын Савва, безуспешно баллотировавшийся в 1900-е годы на пост Московского городского головы, зятя Морозовых – А.А. Назаров и Г.А. Крестовников, два внука основателя этой ветви морозовской династии по линии дочери Анны Тимофеевны – А.Г. и Т.Г. Карповы. Именно к ним вместе со старшим братом Ф.Г. Карповым в 1910-е годы перешло управление одним из гигантов текстильной промышленности России.

В январе 1998 г. по инициативе ЦИГУС было издано информационное издание “Московская городская дума. Второй созыв”, приуроченное к пятилетию деятельности современного представительного и законодательного органа городской власти, вновь учрежденного в 1993 г. указом Президента Российской Федерации¹⁷. Скромное по форме издание в виде буклета в информационном плане оказалось востребовано и положило начало серийному изданию материалов о депутатах каждого нового созыва Московской городской думы. В указанном и последующих изданиях по данной тематике, содержались материалы по составу вновь избранных депутатов, создаваемых депутатами новых структурных подразделений и направлениям деятельности думы, составу избирательных округов, атрибутам городской власти, структуре и составу аппарата думы. Часть материалов этой

¹⁶ Баязин В.Н. Московские градоначальники. М., 1997. 400 с.; *Он же*. Императорские наместники Первопрестольной: 1709–1917 гг. М., 2000. 496 с.; *Он же*. На службе у Подмосковья. Жуковский, 2004. 480 с.

¹⁷ Московская городская дума. Второй созыв. 1997–2001. М., 1998. 32 с.: ил. и схема; The Moscow municipal Duma. М., 2000. 16 p.; Московская городская дума. М., 2000. 20 с.; Московская городская дума. М., 2002. 36 с., и др.

издательской серии была заимствована и размещена в солидных изданиях, вышедших при участии информационно-аналитического управления Правительства Москвы и Комитета по телекоммуникациям и СМИ – “Москва 2000” и “Москва город для людей”¹⁸.

В 1999 г. по инициативе председателя думской Комиссии по присуждению звания “Почетный гражданин города Москвы” профессора В.Ф. Ковалевского, сотрудники аппарата думы, московского архивного управления и Фонда им. И.Д. Сытина подготовили к печати сборники материалов о почетных гражданах города Москвы. Небольшая книжка малого формата кратко повествует о 12 москвичах и дипломатах дружественных России государств, удостоенных этого звания в дореволюционный период, а также о пятерых наших современниках, получивших его в 1990-е годы. В обращении к читателям Мэр Москвы Ю.М. Лужков писал: “В преддверии празднования 850-летия Москвы родилось предложение восстановить институт почетных граждан столицы, пополняя его именами достойнейших из достойных. Депутаты Московской думы не только поддержали эту идею, но и приняли соответствующий Закон¹⁹, а главное – решили непростую задачу: определили первых пять достойных москвичей, которые удостоились этой чести. Убежден, что они не ошиблись в своем выборе”²⁰. Книга “Почетные граждане Москвы. 1866–1917 гг. и 1997 г.” была издана в подарочном варианте, и, к сожалению, небольшим тиражом. Десять лет спустя, к 15-летию Московской городской думы, просветительский ряд думских изданий был дополнен новой книгой в виде двуязычного альбома “Почетные граждане города Москвы (1866–1917 гг.)”²¹.

Публикаторская деятельность ЦИГУС по изучению и популяризации истории, традиций и деятелей государственного и общественного управления столицы осуществляется совместно с издательством “Владом”. Работа по поиску фотографий, графических и живописных работ с московской символикой ведется с целью последующего оформления представительного изобразительного ряда статей и работ. Патриотическая направленность и краеведческий характер наших проектов поддерживаются рядом коммерческих структур. В них принимали участие руководство и Музей Московской межбанковской валютной биржи, Музей Микояновского мясокомбината, Музей меценатов и благотворителей, Региональное отделение Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг (ФКЦБ РФ в ЦФО) и др.

Основной упор в деятельности центра делается на *подготовку публикаций в формате биографий*, вышедших в свет в издательстве “Владом”²².

¹⁸ Москва 2000: Московский справочник. М., 2000. 456 с.; Москва город для людей: Московский справочник. М., 2002. 312 с.

¹⁹ О Почетном гражданине города Москвы. Закон города Москвы от 29 января 1995 г. № 3–9 // Законы города Москвы. 1994–1996: Официальное издание (По состоянию на 31 декабря 1996 г.). М., 1997. С. 225–228.

²⁰ Почетные граждане Москвы: 1866–1917 гг. и 1997 г. М., 1999. С. 14–15.

²¹ При участии сотрудников московских и иностранных музеев, под научным руководством директора Института российской истории РАН члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова авторский коллектив С.А. Комиссарова, В.Г. Кошкидько, К.А. Соловьев подготовили двуязычный книгу-альбом: Почетные граждане города Москвы (1866–1917 гг.): Историко-биографическое издание. М., 2009. 312 с.

²² Быков В.Н., Шапошиников М.Б. Московская власть и Биржа: биографический словарь (1828–1918). М., 1999. 320 с.: ил.; Пушкинская мемориальная Москва / [Быков В.Н. (рук.),

Мы учитываем следующие факторы, обуславливающие интерес и актуальность этой формы популяризации прошлого. Биографические справочники, в том числе биографии городских общественных деятелей, являются одной из разновидностей мемориализации вклада видных москвичей, чья жизнь и деятельность были посвящены общественному служению²³. Они отражают духовную сущность интересного человека, бравшего на себя иногда неблагодарный труд изменить текущую жизнь города, вмешаться в события и этим выразить эпоху. Биографические очерки позволяют восстановить и обнародовать сведения об отдельном человеке, оставившем свой след в прошедших в городе событиях, проявившем себя в собственных делах или в деятельности на благо города, выявить судьбу созданных им муниципальных объектов, культурных, просветительных, социальных и иных учреждений. Сведения о героях биографических очерков, собранные специалистами из множющихся год от года публикаций, сведенные и опубликованные в виде словарных статей, позволяют дополнить энциклопедии, справочники, мемуарную литературу. Популяризация отвечает задачам курса Москвоведения для школ и колледжей Москвы и этим способствует удовлетворению интереса любителей истории родного города. При этом учитывается, что *биографика* – один из самых актуальных форматов в издательском искусстве, интерес к которому подтверждается устойчивым спросом на этот вид книжной продукции у наших современников.

* * *

Наряду с общественно значимой публикаторской деятельностью Московской городской думы, осуществляемой в рамках государственной информационной политики Правительства Москвы, заслуживают внимания другие хорошо зарекомендовавшие себя направления и формы просветительской работы, реализуемые по ее инициативе или по согласованию с ней. Это и проведение круглых столов в Городской думе и других законодательных органах власти в центре и на местах, участие в выездных мероприятиях, проводимых депутатами в России и за рубежом нашей родины, прием и дискуссии в Москве с членами парламентов городов из столичных центров стран Европы, Азии, Северной и Южной Америк.

Одним из наглядных проявлений нормотворческой деятельности современных депутатов является распространение информации о современных символах города Москвы. Введение законами Москвы парадной символики города, позволило включить часть из них в состав наглядного ряда, частично представленного в резиденции думы²⁴. В рекреации на 6-м этаже

Базарова Э.Л., Велиховский Л.Н., Захаров В.Н. и др.]. М., 1999. 196 с.: ил. (Сер. Московская власть; Вып. 3). Московская власть и инвестиции: 1864–1999 / [Быков В.Н., Писарькова Л.Ф., Чернявская Е.Н., Шапошников М.Б.]. М., 1999. Вып. 4. 176 с.: ил.; Москва биржевая и городское самоуправление: 1798–1998: Энциклопедическое издание. М., 2002. Т. 1. 640 с.: ил. (Сер. Московская власть; Вып. 6).

²³ Сборник биографий увидит свет под рубрикой “Традиции и деятели городского управления и самоуправления”, реализуемой ЦИГУС по издательской программе Правительством Москвы к 15-летию Московской городской думы: “Московская власть: гласные Городской думы. 1863–1917 гг.: Биографический словарь”.

²⁴ По регламенту, Знамя города Москвы находится на хранении в резиденции Мэра Москвы на Тверской, 13.

думского здания, в стеклянной витрине расположенной напротив зала заседаний, на публичное обозрение гостям городской думы представлены Устав города Москвы, Книга Почетных граждан города Москвы, образцы значка, знака и грамоты Почетных граждан города Москвы.

Яркой и весьма содержательной по форме информационной работой сотрудников аппарата думы являются постоянно действующие выставки. В фойе 6-го этажа нового корпуса думы представлен портретный ряд лиц, удостоенных звания Почетный граждан города Москвы. В фойе зала заседаний старого корпуса думы можно познакомиться с несколькими десятками рисунков, выполненных на основе живописных портретов и фотопортретов дореволюционных общественных деятелей, избравшихся в должности Московского городского головы. Готовятся к демонстрации портреты дореволюционных Почетных граждан города Москвы.

С 1996 г. аппарат Московской городской думы стал практиковать проведение тематических сменяемых выставок, представляемых заинтересованными творческими организациями и художниками в официальной резиденции, расположенной на улице Петровка²⁵. Возведение в начале 2000-х годов на месте здания дореволюционной постройки современного корпуса и перенесение в него зала заседания депутатов современной городской думы, ряда подразделений, обеспечивающих их деятельность, привело к увеличению состава рекреационных помещений, увеличению выставочной площади в комплексе думских зданий. Теперь выставки проходят в помещениях 3, 4, 5-го этажей нового корпуса, на 1-м и 3-м этажах старого корпуса думы, что позволяет одновременно проводить сразу несколько тематических вернисажей.

Сначала выставки в резиденции городской Думы были своеобразным отчетом членов художественных объединений города Москвы и некоторых иногородних мастеров. Затем состав творческих деятелей города Москвы, участников выставок, направления и тематика экспозиций расширились. Кроме живописных произведений, появились работы, выполненные в других техниках, в том числе литография и офорт, роспись по шелку и скульптура, эмалевая мозаика и аппликации, скульптура и малые формы. Увеличилась частота проводимых выставок. Одновременно в различных рекреациях думы могут быть представлены работы нескольких художников, с разнохарактерной художественно-тематической направленностью.

Как правило, широко представлена московская тематика, связанная с работами, посвященными истории Москвы и темам Москвы современной.

Художник Елена Абаренкова – правнучка В.А. Гиляровского, известный мастер городского пейзажа, на выставках, прошедших в декабре 1997 и 1998 г., и ко Дню города в сентябре 2001 г. представила несколько своих живописных и графических циклов, в том числе тонкие акварельные зарисовки уходящей Москвы²⁶. Несколько репродукций ее работ украсили

²⁵ Резиденция Московской городской думы с января 1994 г. располагается на стыке ул. Петровка, 22 и Рахмановского переулка, в бывшем здании Свердловского районного совета, еще ранее являвшемся жилым домом. С ним связаны имена артистов Андрея Александровича и Марии Владимировны Мироновых и Александра Семеновича Менакера, с 1941 по 1960 г. проживавших здесь в одной из квартир.

²⁶ Елена Абаренкова: Каталог выставки. М., 1997.

изданные ЦИГУС книги: “Пушкинская мемориальная Москва” (1999) “Москва биржевая и городское самоуправление” (2002).

Художник Алексей Евстигнеев рисует Москву ассоциативно, на основании известных фотографий из дореволюционного прошлого Первопрестольного града. Перед зрителем предстают изображения некоторых запоминающихся уголков Москвы с известных фотографий, художественно преображенные в живописных работах мастера.

Широко представлены в думе работы фотохудожников.

Одним из ярких и оригинальных отображений прошлой и современной Москвы в жанре фоторепродукций стала выставка “Московское время”. Идею и концепцию выставки, представляющую сопоставление в фотографиях старого и современного города, предложил создатель компании и бренда “Би Лайн” Дмитрий Борисович Зимин – потомок Московского городского головы 1850-х годов Е.Ф. Гучкова.

Собственно начало этому думскому фотопроекту было положено в XIX в. В одном из своих выступлений на заседании Городской думы предприниматель и крупный биржевой деятель Н.А. Найденов произнес знаменательные слова: “Сохранить на память будущему виды Москвы”, – и предложил сделать полное историческое описание города. Получив в 1877 г. поддержку коллег-гласных и городского головы того времени льняного фабриканта и коллекционера Сергея Михайловича Третьякова, наняв для выполнения работ несколько фотографов из известных фотографических компаний, Найденов, говоря современным языком начал “фотофиксацию” московских видов. Собранные в паспарту листы-репродукции с фотографиями улиц, площадей и зданий составили несколько крупноформатных фотоальбомов, изданных Н.А. Найденовым на средства, выделенные Городской думой.

130 лет спустя идея знатока Москвы вернулась в городской парламент, получив оригинальное продолжение. В 2007 г. в думе была развернута выставка “На память будущему... Московское время”. Десятки снимков экспозиции выставки представляли собой “перекличку” старинных и современных фотографий (сделанных в 2003–2005 гг., по возможности, с тех же точек съемки, что и прежние) и напечатанных размером, близким к оригиналу. Реализацией и развитием проекта занимаются основанные Д.Б. Зиминим Фонд некоммерческих программ “Династия” и фонд “Московское время” – организации, ведущие культурно-просветительскую и издательскую деятельность с целью ознакомления общественности в России и за рубежом с историей Москвы, московскими традициями, с изменениями облика города²⁷.

* * *

С 2000 г. в выставочной деятельности в городской Думе участвуют Главное архивное управление города Москвы, его подразделения: Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ), Центральный архив

²⁷ Издания фонда “Московское время”: Книга-альбом “Московское время”. М., 2003; Каталог коллекции “Московское время”. М., 2004; Книга “О, незабвенные прогулки...”. М., 2005; Папка с постерами “Виды Москвы, XIX–XXI вв.”. М., 2005; Компакт-диск “Московское время”. М., 2006.

аудиовизуальных документов Москвы (ЦААДМ), Центральный Московский Архив-музей личных собраний (ЦМАМЛС) и Научно-справочная библиотека Главархива Москвы. Привлекаются другие исследовательские и культурные центры, располагающие фотоинформацией, в том числе ЦИГУС.

В октябре 2002 г. для выставки “Московский городской голова Н.А. Алексеев” (к 150-летию со дня рождения) по инициативе ЦИГУС и Главархива были собраны материалы, отражавшие деятельность яркого представителя известной купеческой фамилии. Пройдя с 1877 по 1893 г. на общественной службе путь от члена дирекции Московского отделения Императорского Русского музыкального общества и Московской консерватории, гласного Московского уездного и губернского земства, гласного городской думы до Московского городского головы, Алексеев, по выражению Б.Н. Чичерина, “как метеор пронесся над Москвой”. Избранный в должности мэра Москвы²⁸ в октябре 1885 г. 33-летний Алексеев внес заметный вклад в строительство современных технических сооружений, реконструкцию культурно-исторического центра Москвы. Принятые при нем градостроительные решения во многом донныне определяют современный архитектурный облик Воскресенской и Красной пл., Васильевского спуска и Старой пл.

Выставки, посвященные Алексею, в 2002 г. прошли в резиденции Московской городской думы, на заводе “Электрокабель”, созданном его предками в 1785 г. и в 1880–1890-е годы действовавшем при его активном участии, в Психиатрической клинической больнице № 1 имени Н.А. Алексеева, в Государственном выставочном зале “На Солянке”, других общественных центрах.

В мероприятиях приняли участие руководители города. На выставке в Государственном выставочном зале “На Солянке”, устроенной Московским домом фотографий и ЦИГУС, присутствовали председатель Московской городской думы В.М. Платонов и посол Украины в России Николай Белоблоцкий. В здании бывшего народного училища, построенном в 1884 г. на его средства (ныне Музыкальная школа имени Н.А. Алексеева на ул. Николоямская, 44) по инициативе руководства школы и начальника Управления культуры ЦАО В.В. Крылова-Иодко, был проведен капитальный ремонт. На торжестве открытия отреставрированного здания член Правительства Москвы префект ЦАО Г.В. Дёгтев открыл мраморный бюст Н.А. Алексеева работы известного скульптора А.А. Бичукова и концертный зал на 150 мест. К юбилею Н.А. Алексеева – инициатора строительства Городского скотопригонного двора с бойнями, признанными специалистами крупнейшими и лучшими в Западной Европе, были приурочены памятные мероприятия на “Микояновском мясокомбинате”. Руководство современного комплекса по производству мясной продукции «Микояновского мясокомбината–АВК “ЭКСИМА”» во главе с Н.Я. Деминым (ныне располагается в районе современного Волгоградского проспекта) к 205-летию учреждения в 1798 г. бойни за Рогожской заставой подготовило к печати буклет, раскрывающий

²⁸ Так в иностранной официальной традиции понималась и переводилась должность Московского городского головы. См.: Relation officielle du séjour à Paris de mm. Goutchkoff et Poutchkoff – maire et conseiller municipal de Moscou; et du voyage à Moscou et à Saint-Petersbours d’une Délégation du Bureau du Conseil Municipal de Paris (1911–1912). Paris Imprimerie Nationales. MDCCCXIV.

не только производственную сторону деятельности предприятия, но и работу Мясной биржи, Городской думы и руководства боен по обеспечению мясной продукцией социальных объектов города. В обновленной экспозиции своего Музея раскрывается деятельность учреждений санитарно-гигиенического профиля, первого в Москве промышленного холодильника, складывание обновленных производственных мощностей в советскую эпоху²⁹.

Хоть в малой мере эти памятные акты, проведенные в Москве в 2002 г., возвратили долг памяти видному московскому городскому деятелю. Отчеты о них были опубликованы в периодической печати³⁰.

Представительный ряд документальных репродукций и фотоматериалов из московских архивов были развернут в сентябре 2003 г. на выставке “Московский городской голова Борис Николаевич Чичерин” (к 175-летию со дня рождения). Они отражали в экспозиции недолгую по времени, но знаменательную по результатам деятельность на посту московского городского головы экс-профессора Московского университета историка права Б.Н. Чичерина. В их числе были документы по однодневной переписи населения 21 мая 1882 г., дела Городской управы о строительстве Устьинского моста и Преображенской больницы, о присуждении Чичерину звания Почетного члена Московского университета, датированный 1900 годом, и др.

Еще на одной думской выставке, посвященной 175-летию со дня рождения князя А.А. Щербатова (1929–1902), в документах была рассказано о деятельности первого дворянина, избранного на пост Московского городского головы. Такое нововведение стало возможным после принятия в 1862 г. “Положения об общественном управлении города Москвы”, признававшего всеобщий принцип формирования состава гласных Городской думы. Пробывший в должности городского головы два срока, в течение шести лет, князь во многом заложил основы городского хозяйства. При нем был осуществлен ряд крупных по тем временам проектов в области благоустройства города. На конкурсах, проведенных городским общественным управлением при участии российских и зарубежных фирм, по контракту с фирмой А. Букье и Н. Гольдсмита (Лондон), часть городских улиц получила газовое освещение (1863); в 1865 г. был построен газовый завод в Сыромятниках, и Москва получила сетевое газовое освещение. На месте деревянного Дорогомиловского моста из металлоконструкций, изготовленных на коломенском заводе братьев Н. и А. Струве (гласных Мосгордумы), был построен железный Бородинский мост (1868). В городе, остро ощущавшем недостаток воды, начал сооружаться дополнительный водопровод из Ходынских ключей, велось строительство мини-сетей от артезианских колодцев. С участием ученых Московского университета был разработан проект открытия на Пресненских прудах Зоопарка (1864), со временем получившего дальнейшее развитие.

Признанием заслуг Щербатова перед Москвой было решение в апреле 1866 г. выбранных от пяти сословий гласных о присвоении ему, первому из

²⁹ Микояновский мясокомбинат. 205 лет (1798–2003): Информационное изд. М., 2003.

³⁰ Голова вчера и сегодня // Коммерсантъ. 24.10.2002. № 194 (2563); *Хачатуров С.* Головная боль: Открылись выставки о Москве и московской власти // Время новостей. 25.10.2002. № 198.

москвичей, звания “Почетный гражданин города Москвы”. Князь А.А. Щербатов, сын московского генерал-губернатора 1840-х годов А.Г. Щербатова, был избран в 1866 г. городским головой на второй срок, но спустя два года по семейным обстоятельствам ушел в отставку. До конца своих дней он продолжал служить общественному делу и Москве: избирался почетным мировым судьей, много сделал для строительства зданий 1-й городской детской больницы имени Св. Владимира (открытой городом в 1876 г. на средства, пожертвованные железнодорожным подрядчиком П.Г. фон Дервизом). В 1890-е годы возглавил Попечительство о бедных Пресненского участка. В 1902 г., после кончины князя Щербатова, Московская дума присвоила его имя нескольким городским учреждениям, созданным при его непосредственном участии.

По тематике близкой к мемориализации деятельности руководителей городского общественного управления стала выставка, посвященная лицам, впервые в истории Москвы в 1866 г. удостоенным звания “Почетный гражданин города Москвы” – князю А.А. Щербатову, ремесленнику О.И. Комиссарову-Костромскому и капитану флота США Г.В. Фоксу.

Поводом для подготовки и проведения выставки на рубеже 2006 и 2007 гг. стало несколько событий в истории города. В 2007 г. отмечался 200-летний юбилей установления в 1807 г. дипломатических отношений между Североамериканскими Соединенными Штатами и Российской империей, в 2006 г. – 140-летие визиту в Москву делегации Конгресса США. Памятная дата подводила итог яркому событию Гражданской войны в США – военно-дипломатическому демаршу Российской империи у берегов Америки, имевшему место в 1863–1864 гг. Пребывание двух эскадр военно-морского флота Российской империи в Нью-Йорке, Бостоне и Сан-Франциско отвело беду от портов Америки, не позволив состояться интервенции европейских держав против территорий, подчинявшихся североамериканскому правительству.

В августе 1866 г. с ответным визитом в крепость Кронштадт прибыла американская эскадра, доставившая делегацию Конгресса США. Делегация прибыла в Россию, чтобы засвидетельствовать уважение императору Александру II, спасенному во время покушения 4 апреля 1866 г. ремесленником О.И. Комиссаровым-Костромским, удостоенным звания “Почетный гражданин города Москвы”. Делегацию возглавлял Густавус Вильямс Фокс, заместитель военно-морского министра США и близкий сотрудник погибшего в 1865 г. от рук убийцы президента США Абрахама Линкольна.

В документах выставки отражен беспрецедентный в истории дипломатии визит в Россию, официальной делегации Конгресса США, которая посетила Великий Новгород, Тверь, Москву, Нижний Новгород, Кострому и Рыбинск, несколько русских деревень. На приеме в резиденции Московской городской думы на Воздвиженке, 6 капитан 1-го ранга Г.В. Фокс был уведомлен о том, что приказом Городской думы он удостоен почетного звания “Почетный гражданин города Москвы”. Почетная грамота первому и единственному в истории Московского городского общественного управления, гражданину США была направлена в Вашингтон спустя два года. На выставке в современной городской Думе наряду с материалами ЦИАМ были представлены копии документов, полученных ЦИГУС из нескольких архивов США, в том числе копия грамоты “Почетный гражданин

города Москвы”, подготовленная для Г.В. Фокса (автор академик живописи В.О. Шервуд), хранящаяся в Смитсоновском институте – национальном архивохранилище США. Итогом поездки Фокса в Европу и Россию стала публикация мемориальных записок секретаря миссии французского герцога Ж. Луба, которые еще ждут своего издателя³¹.

В историко-документальных выставках в думе отражается не только деятельность руководителей городского самоуправления, но и рядовых гласных, оставивших свое имя в истории дореволюционной Москвы. К уже упомянутым работам известных фотографов 1880-х годов, снимавших под руководством Н.А. Найденова московские достопримечательности, можно добавить выставку фоторабот Н.М. Шапова – гласного дореволюционной Городской думы. Фотонегативы снимков Москвы начала XX в., сделанные начинающим фотографом Колей Шаповым – студентом Московского технического училища (ИМТУ), сохраненные в течение жизни им самим и заботами его сына, члена-корреспондента РАН историка Я.Н. Шапова, они были в 1990-е годы переданы в Центральный московский архив электронных и аудиовизуальных документов. В 2007 г. часть материалов была представлена на выставке фотографий “Московские зарисовки. Фотографии Н.М. Шапова”. Переходя от фотографии к фотографии, посетитель выставки мог увидеть улицы города, людей, события, сценки городской жизни конца XIX – начала XX в., запечатленные человеком, влюбленным в свой город. Наблюдательный мемуарист Н.П. Вишняков, в свою очередь, писал об инженере-гидротехнике, своем молодом коллеге, хорошо поработавшем в Городской думе в 1913–1916 гг.: «Выступал иногда в думе по вопросам своей специальности. Мне памятно одно его выступление. Когда в думе возмущались безобразной резкостью гудков автомобилей и был сделан доклад об однообразии сигнальных рожков, он энергически выступал против этого, уверяя, что “разнообразие звуков служит к украшению уличной жизни в Москве”»³².

Эта выставка стала еще одним из примеров того, как через десятилетия можно “пожать руку” своим коллегам, думцам XXI в.

Одним из знаменательных явлений в общественной жизни Москвы стало возникновение с конца XVIII в. клубов. Представляя на выставку в думу архивные материалы из истории московских клубов, организаторы отмечали, что начало клубному движению положили иностранцы. С ними было связано появление Английского клуба и Клуба для иностранных купцов, организованного французом П. Монтанье. Некоторые клубы носили сословный характер (Дворянский, Купеческий, торгово-промышленных служащих, клуб и общество купеческих приказчиков и др.). Другие были общекультурным явлением, объединяя людей в зависимости от их интересов (Русский автомобильный, Женский, Сокольнический клуб спорта, яхт-клуб).

Поскольку в материалах выставки мало внимания было уделено сословным клубам, остановимся более подробно на истории создания и появлении московского топонима “Клубная улица”, с которым связана улица Большая Дмитровка.

³¹ *Loubat J.F. Narrative of the Mission to Russia, in 1866, of the Hon: Gustavus Vasa Fox, Assistant-secretary of the Navi (From the journal and Notes of J.F. Lubat). New York, 1873.*

³² *Вишняков Н.П. Гласные Московской городской думы 1897–1916 гг. М., 1917. С. 117.*

Дворянский и Купеческий клубы появились после введения “Жалованной грамоты городам” и “Жалованной грамоты дворянству” (1785). В донесении генерал-губернатора П.Д. Еропкина от 14 декабря 1788 г. говорилось что в “...в стоящем близ Тверской улицы у Охотного ряда в каменном доме, где учрежден дворянский клуб”, случился пожар и выгорели пять комнат, “...а протчие, особливо же большой зал, составляющий украшение тому дому и удовольствие публике, остались в целости”³³. Тогда же в Китай-городе, торговом центре Москвы на улице Ильинка, был открыт Московский коммерческий клуб (1786). В 1804 г. по аналогии с Дворянским клубом, он был переименован в Московское купеческое собрание.

Дворянский клуб – с 1810 г. Российское благородное дворянское собрание – являлся административным центром дворянского самоуправления и одновременно культурно-досуговым заведением дворянства Московской губернии. С 1784 г. он размещался на нечетной стороне улицы Б. Дмитровка и стыке Охотного ряда, в здании, построенном для генерал-губернатора В.М. Долгорукова. Сюда, же на “клубную улицу” (прозванную так из-за обилия аналогичных сословных культурных заведений), в дом Н.Н. Муравьева, находившийся на пересечении Б. Дмитровки и Столешникова переулка, после войны 1812 г. переехал Английский клуб; затем в здание переехал Приказчиный клуб (ныне ул. Б. Дмитровка, 13).

Московский городской голова В.А. Куманин (1793–1863), представитель семейства переславских фабрикантов и крупный яхтинский чаеоторговец, в 1839 г. предложил для рассмотрения купечества идею перемещения Купеческого собрания на новое место. Этот интерес первого лица в табели о рангах городского общественного управления тем более понятен, если учесть что городской голова по должности одновременно был председателем купеческого отделения и мещанского отделения Дома градского общества. Сговорившись о цене, он оформил на общественные деньги аренду усадьбы дворян Мятлевых. Расположенный в конце ул. Б. Дмитровка дом Мятлевых фактически был центром городской усадьбы графов Салтыковых (примечательно, что в течении XVIII в. четыре представителя этого рода состояли в должности Московского главнокомандующего³⁴).

Здесь Купеческий клуб пробыл 70 лет, до 1909 г. Вошедший в историю Москвы как один из центров культуры и деловой жизни, он стал ме-

³³ *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы: Материалы и исследования (1762–1812). М., 1954. Т. 2. С. 229.

³⁴ Усадьба сформировалась в результате объединения нескольких участков в XVIII в., когда ее владельцем стал генерал-аншеф С.А. Салтыков, в 1732–1741 гг. московский главнокомандующий. Его сын Владимир Семенович в 1741–1751 гг. занимал пост вице-губернатора Москвы. Старший сын С.А. Салтыкова – Петр Семенович, прославленный полководец елизаветинских времен, генерал-фельдмаршал, победитель Фридриха II, с воцарением Екатерины II он 8 лет занимал пост московского главнокомандующего (1763–1771). При его сыне – Иване Петровиче завершилось оформление территории усадьбы: со стороны Козицкого переулка к главному дому подступал огромный тенистый сад. И.П. Салтыков, боевой генерал, одержал ряд побед в 1790-е годы над шведами, был московским главнокомандующим при Павле I и Александре I (в 1797–1804 гг.). Унаследовали его огромное состояние дочери – Анна Ивановна, в замужестве Орлова, и Прасковья Ивановна, по мужу Мятлева. Усадьба на Б. Дмитровке сначала стала собственностью А.И. Орловой, затем перешла к П.И. Мятлевой, а затем – к ее внуку Петру Ивановичу, проживавшему в С.-Петербурге.

стом общения, отдыха и неформальных семейных встреч нескольких поколений московских и подмосковных предпринимателей, проведения ярких культурных акций. По наблюдениям князя В.М. Голицына, он “отличался весьма веселыми и шумными маскарадами, где общество бывало самого разнообразного состава, особенно женский его контингент. Одни представительницы его посещали эти маскарады с целью позабавиться, поинтриговать из-под масок, другие же с надеждой, редко их обманывавшей, воспользоваться любезностью благодушного кавалера и хорошо поужинать на его счет”³⁵. Примечательные истории из клубной жизни и биографий его членов остались в воспоминаниях многих московских литераторов и мемуаристов. Особенно характерные зарисовки, полные тонких и иногда язвительных наблюдений, сохранил и донес В.А. Гиляровский в своих памятных записках “Москва и москвичи”.

В начале XX в. Купеческое собрание переехало в специально построенное для него здание на улице Малая Дмитровка, 6 (1907–1909, проект арх. И.А. Иванова-Шица, заведующего чертежной мастерской при Городской думе, одного из ярких представителей московского модерна; ныне здесь действует театр “Ленком”). Здание на Б. Дмитровке в последующее время использовали как театральное. С 1940 г. в нем располагается Московский академический музыкальный театр имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко (после реконструкции в начале 2000-х годов, осуществленной при поддержке Правительства Москвы, в нем объединены старая и новая части).

Клубное движение стало одним из ярких проявлений культурной жизни столицы в XIX–XX вв. Документы выставки позволили воссоздать деятельность московских клубов, показать их многочисленность и разнообразие и тем самым расширить существующие представления о дореволюционной Москве.

Часть материалов о выставках нашла отражение в альбоме, изданном к 15-летию современной Московской городской думы³⁶.

³⁵ Голицын В.М. Старая Москва // Российская государственная библиотека. Зап. ОР РГБ. М., 2000; Вып. 51. *Он же*. Дневник 1917–1918 годов. М., 2008. С. 157.

³⁶ Архивные выставки в Московской городской Думе: 20 экспозиций Главархива Москвы. 2000–2008 / сост. Е.В. Агеева, к.и.н. Н.Н. Попова. М., 2008.

В.Ф. Козлов

**ДЕСЯТЬ ЛЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МОСКВОВЕДЕНИЕ»
1997–2007 гг.**

Итоги и перспективы*

Гласность и перестройка вызвали появление на книжном рынке столицы огромного числа книг по истории и культуре Москвы. В 1995 г. в Правительстве Москвы зародилась идея – создать специальный комплексный учебный предмет – москвоведение, посвященный городу. По некоторым сведениям, инициатором введения москвоведения в московские школы выступила тогдашний председатель Комитета образования Правительства Москвы Л.П. Кезина. В первой половине 1990-х годов в ряде московских школ уже преподавались предметы “москвоведение”, “история и культура Москвы”. Автор этих строк в это время читал “москвоведение” в школе культуротворчества на Соколе (на ее основе в 1992 г. была создана Государственная академия славянской культуры). Решение московских властей еще более активизировало издательскую деятельность; появились десятки учебных пособий, рабочих тетрадей, хрестоматий, однако большинство этих изданий отличались невысоким качеством, что вызвало сложности и для учителей, и для родителей. Не существовало и единого подхода к школьному москвоведению, почти не было хороших методических пособий для учителей.

В то же время в Москве был накоплен значительный опыт по всестороннему изучению города. Здесь находились краеведческие организации – Союз краеведов России (основан в 1990 г.), Московское краеведческое общество (основано в 1990 г.), “Старая Москва” (возобновлено в 1990 г.), Общество изучения русской усадьбы (возобновлено в 1992 г.) и другие, объединявшие сотни москвоведов-историков, музейных работников, педагогов.

С целью упорядочения разработки и издания разнообразной литературы для нового школьного предмета, привлечения лучших специалистов к написанию учебных пособий было решено создать особый центр общемосковского масштаба. Инициатором организации такого издательского центра стал генеральный директор типографии “Московские учебники и картолитография” (ул. Зорге, 15) С.М. Линович. Я хорошо помню, как 15 февраля 1997 г. в кабинете С.М. Линовича по ул. 2-й Песчаной состоялась знаменательная встреча-заседание, на которой присутствовали:

* Об Издательском центре «Москвоведение» см.: *Козлов В.Ф.* Пять лет деятельности Издательского центра «Москвоведение» // Пять лет развития программы «Москвоведение»: (материалы научно-практической конференции 15 апреля 2002 г.) М., 2003. С. 17–21; *Мельничук Г.А., Степанова Н.В.* Продукция Издательского центра «Москвоведение» // Библиография. 2008. № 5. С. 47–49.

первый заместитель председателя Комитета образования Л.Е. Курнешова, академик РАО, председатель Союза краеведов России, профессор РГГУ С.О. Шмидт, генеральный директор типографии С.М. Линович, автор настоящей статьи (тогда – председатель Московского краеведческого общества, декан факультета архивного дела РГГУ), а также Л.Ю. Ханукаева и С.И. Козленко (скончался в 2012 г.). Тогда были определены общероссийские задачи нового некоммерческого издательства в области школьного москвоведения. Мне было предложено возглавить некоммерческую организацию «Издательский центр “Москвоведение”» (далее – ИЦМ) и стать ее главным редактором, а Л.Ю. Ханукаева и С.И. Козленко стали моими заместителями. Официально ИЦМ был создан распоряжением мэра Москвы Ю.М. Лужкова в июне 1997 г. Учредителями Центра стали Московский комитет образования, типография “Московские учебники и картолиотография” и объединение “Мосгорархив”.

Для нового издательства соблазнительно было быстро выпустить несколько авторских учебных пособий, но это не решило бы проблемы в целом, и мы пошли другим путем. Во-первых, привлекли лучших знатоков Москвы – краеведов, учителей-практиков, составивших обстоятельные критические рецензии на всю изданную к тому времени москвоведческую литературу. Затем силами опытных методистов, историков и педагогов из Московского института повышения квалификации работников образования (МИПКРО), Московского института развития образовательных систем (МИРОС), Мосгорархива, РГГУ была разработана стройная концепция преподавания курса школьного москвоведения. Большая заслуга в методическом сопровождении этой работы принадлежала заместителю директора ИЦМ, заведующему кафедрой МИПКРО С.И. Козленко.

Почти параллельно с составлением концепции развернулась работа по составлению четырех базовых учебных пособий по москвоведению для всех возрастных групп школьников.

К работе над текстами были привлечены лучшие силы москвоведов. Учебник для 2–4 классов писали сотрудники МИРОСа и ГИМ, для 5–7 и 8–9 классов – сотрудники МИПКРО и Педагогического университета, а пособие для старших 10–11 классов создавали специалисты Мосгорархива в сотрудничестве с преподавателями МГУ. Все члены авторских коллективов уже имели опыт составления различных пособий и преподавания москвоведения. В качестве консультантов и рецензентов выступили опытные москвоведы.

Нелегкая коллективная работа над четырьмя базовыми учебниками была завершена в 1998–1999 гг. и прорецензирована крупными учеными-москвоведами, в числе которых были академик РАО С.О. Шмидт и академик РАН Ю.А. Поляков, педагоги из Историко-архивного института РГГУ. Рукописи учебников прошли обсуждение на представительных собраниях школьных учителей, их одобрил Экспертный совет по москвоведению.

Мы постарались как можно доступнее и занимательнее изложить материал, хорошо проиллюстрировать все учебники. Так, в учебнике для начальной школы “Здравствуй, Москва!” (М., 1998) мы поместили более 250 оригинальных цветных рисунков, специально выполненных известными художниками Ю.Н. Богачевым, Т.Ю. Никитиной, а также несколько десятков неопубликованных работ заслуженного художника РСФСР Т.А. Мавриной.

Учебные пособия “Наш город” для 5–7 и 8–9 классов и “Москва – столица России” для 10–11 классов (М., 1999) снабжены значительным числом фотографий.

В том же 1999 г. были подготовлены и изданы четыре рабочие тетради по москвоведению, тоже богато иллюстрированные. Всего же в течение первых трех лет существования ИЦМ новая школьная дисциплина была обеспечена десятью базовыми учебными пособиями, на которые получены доброжелательные отклики учителей, специалистов-москвоведов.

В августе 1999 г. коллектив, участвовавший в разработке концепции курса “Москвоведение” и в подготовке учебных пособий по этому предмету, был удостоен премии Правительства РФ. Дипломы десяти лауреатам – ученым и учителям, в числе которых были С.О. Шмидт, В.Ф. Козлов, С.И. Козленко, вручил председатель Правительства РФ В.В. Путин.

Общий тираж этих пособий, подготовленных в ИЦМ, достиг 828 тысяч экземпляров, а учебник “Здравствуй, Москва!” переиздали дважды. Наши книги по новому школьному предмету стали популярны не только у учащихся, но и у их родителей, всех интересующихся историей нашего города. Особое внимание уделялось и разработке пособий по школьному москвоведению для учителей. В 1997–1998 гг. ИЦМ были составлены и изданы два сборника методических и программных материалов, призванные оказать помощь педагогам, руководителям школ в деле организации изучения московского краеведения. В 2001 г. выпущена первая книга для учителя “Москвоведение в начальной школе”. Следует сказать, что в 2005–2007 гг. ИЦМ переиздал отдельными книгами все учебные пособия по москвоведению со 2-го по 9-й класс.

Сокращение объема преподавания москвоведения в начале 2000-х годов поставило перед ИЦМ новые задачи, связанные, прежде всего, с подготовкой и выпуском москвоведческой литературы для дополнительного чтения. Школьное краеведение безусловно должно развиваться в тесной связи с краеведением вузовским.

К юбилейным датам в жизни наших замечательных земляков – А.С. Пушкина и А.В. Суворова в 1999 г. ИЦМ были изданы предназначенные для старшеклассников, их родителей и учителей сборник “Пушкин и Москва” (совместно с издательским домом “Синергия”) и книга “Суворов в Москве”. В помощь школьникам вышли в 1999–2000 гг. популярные книги по москвоведению М.В. Коротковой “Город и горожане: из истории быта старой Москвы” и В.Л. Зверева “Москва белокаменная”.

Москвоведение – уникальный школьный предмет, несущий и большие воспитательные функции. Нашими учебниками мы стараемся привить школьникам любовь к Москве, уважение к традициям и обычаям, православным святыням и памятникам старины и природы, воспитать чувство гордости за деяния наших предков. Когда-то С.О. Шмидт произнес ставшие крылатыми слова: “Краеведение – это всегда краелюбие”. Перефразируя их можно смело сказать: «Москвоведение – это “москволюбие”». Человек, хорошо знающий историю и культуру своего города, не может быть равнодушным к своему дому, подъезду, улице, микрорайону. В этом отношении у школьного москвоведения, как самого практичного, “зримого” учебного предмета, большое будущее.

Учебное москвоведение выполняет еще одну важную функцию, через свою малую Родину прививает любовь к Отчизне. Поэтому сразу же после принятия в 2001 г. Правительством России программы по патриотическому воспитанию граждан России ИЦМ стал разрабатывать две серии книг по москвоведению для дополнительного чтения: “Москва в защите Отечества” и “Патриоты Москвы и России”. В 2002–2006 гг. вышли в свет книги серии “Москва в защите Отечества”: Б.В. Арсеньева “Ратная юность Москвы: XII–XIV века” и “Москва и Куликовская битва: 1380 год”, С.Ю. Шокарева “Москва и преодоление Смуты: 1612 г.”, Л.В. Зайченко “Москва в Отечественной войне 1812 года”, М.М. Горинова “Подвиг Москвы: 1941–1945”. Этими и другими изданиями патриотического содержания мы стараемся показать старшекласснику, простому москвичу, как первопрестольная и ее жители выстояли в труднейшие военные годы и не раз спасали Россию.

Для молодежи важны и примеры жизненного пути замечательных москвичей-патриотов. В серии “Патриоты Москвы и России” мы уже выпустили хорошо иллюстрированные жизнеописания знаменитых москвичей: книги А.И. Фролова “Алексей и Прасковья Уваровы – хранители московской старины”, И.К. Кучмаевой “Жизнь и подвиг великой княгини Елизаветы Федоровны”, М.Д. Ковалевой “Старая Москва графа Сергея Шереметева”.

В Центре были разработаны книжные серии “Москвоведение в экскурсиях” и “Московские музеи – школьникам”. В столице долго не издавались хорошие иллюстрированные путеводители, и мы создали ряд доступных для учащихся и широкого круга москвичей книг о самых “московских” музеях. Первые книги этой серии появились в 2002–2003 гг. (Е.А. Богатырев, Е.И. Потемина “Государственный музей А.С. Пушкина: путеводитель”; коллективный труд «Музей “Палаты в Зарядье”: Путеводитель»; Е.И. Ядохина, Л.С. Кудрявцева. “Музей-квартира художника Аполлинария Васнецова”).

ИЦМ постепенно превратился в один из признанных москвоведческих центров города. С Центром сотрудничали, пожалуй, все известные москвоведы, здесь издавали свои книги хорошо знакомые читателям В.Б. Муравьев, С.К. Романюк и др. С 2003 г. Центр стал издавать рассчитанные на широкий круг москвичей хорошо иллюстрированные путеводители. Уже выпущены состоящие из отдельных прогулок-экскурсий путеводители по центру и окраинам Москвы, составленные В.Ф. Козловым и А.В. Святославским (М., 2007), изданы первые авторские путеводители С.К. Романюка по историческому центру “Кремль и Красная площадь” (М., 2004), “Москва. Китай-город” (М., 2007). Все изданные путеводители имеют детальные планы-схемы, созданные знатоком Москвы, археологом и художником В.Ю. Пироговым. Об авторитете ИЦМ говорит и тот факт, что созданная в 2000 г. редакция “Московской энциклопедии” первоначально входила в структуру Центра.

С начала 2000-х годов в ИЦМ стала разрабатываться серия книг, комплексно отражающих различные лики старой Москвы и представляющие своеобразные путеводители (или справочники): М.Ю. Коробко “Москва усадебная” (М., 2005); С.И. Баранова “Москва изразцовая” (М., 2006); “Москва многонациональная” (сост. В.Ф. Козлов, М., 2006); В.А. Янговская “Дворянская Москва пушкинского времени” (М., 2007). В этой серии

к публикации готовятся рукописи В.Ф. Козлова “Москва старообрядческая” и М.Ю. Романова “Москва стрелецкая”.

Социологические исследования показывают, что наши учебники и дополнительная литература популярны не только у учащихся и учителей, но и у родителей и к тому же понятны им. Так москвоведение вошло в каждую семью, а пособия иногда приобретали характер семейных учебников. Именно поэтому москвоведение как охватывающее значительный слой населения города может существенно помочь и в осуществлении городской социальной политики – обустройстве домов, дворов, личного жилища москвичей. Нужно издавать литературу с рассказами по истории домов, кварталов, повседневной жизни, экологии жилища. В 2004 г. напечатано оригинальное учебное пособие Р.Б. Котельникова и А.В. Рогачева по школьному краеведению нового московского квартала.

ИЦМ с 1997 г. совместно с кафедрой региональной истории и краеведения, Центром исторического краеведения и москвоведения РГГУ и Московским краеведческим обществом стал инициатором проведения регулярных представлений краеведческой общественностью города всех новых книг по москвоведению и краеведению (“Встречи на Никольской”). За десять лет в старинном здании Историко-архивного института РГГУ на Никольской прошло более 80 встреч с авторами, составителями, редакторами, представлено более 400 изданий. Мы стараемся приучить учителей к тому, чтобы они использовали в педагогической практике широкий круг книг краеведческого характера.

Сотрудничество ИЦМ с отечественными вузами, где преподается краеведение, принесло свои плоды. Так, ИЦМ совместно с ИАИ РГГУ и Союзом краеведов России в конце 1997 г. провели научно-практическую конференцию о методике преподавания краеведения и москвоведения в высших учебных заведениях, а в 2001 г. был издан сборник материалов этой проблематики.

В деятельности ИЦМ немало трудностей, связанных в первую очередь с сокращением в последние годы преподавания москвоведения в школах и с проблемами финансирования проектов по изданию дополнительной литературы по предмету. Собственно сам творческий коллектив ИЦМ совсем невелик и состоит сегодня из главного редактора В.Ф. Козлова и координатора программ Н.В. Орловой.

В планах Центра – продолжение разработки многих новых оригинальных москвоведческих проектов. В ближайшее время появятся путеводители С.К. Романюка “Вокруг Кремля и Китай-города”, “Москва: Остров”. В серии “Москва в защите Отечества” запланирован выход книги А.Г. Смирновой “Москва в Первую мировую войну”, в серии “Патриоты Москвы и России” идет разработка проектов книг, посвященных И.Е. Забелину и П.Д. Барановскому. Идет работа с рукописью А.Н. Лариной “История Москвы в почтовой открытке”. Одобрен проект издания серии “Герои Родины в названиях улиц Москвы”. Рукопись первой книги из этой серии (подготовлена С.А. Андреевым) уже находится в редакции. В серии “Московские музеи – школьникам” ведутся переговоры о создании путеводителя по музею-заповеднику “Коломенское”, и т.д.

В 2000–2003 г. ИЦМ по заказу Фонда развития экономических и гуманитарных связей “Москва – Крым” подготовил, отредактировал и из-

дал пять объемных историко-краеведческих альманахов “Москва – Крым” (главный редактор В.Ф. Козлов, заместитель главного редактора А.В. Ефимов, координатор Н.В. Орлова). Появление такого межрегионального издания было высоко оценено крымской и московской общественностью, краеведами страны.

Главное же достижение ИЦМ состоит в том, что за десять лет школьный предмет “московведение” воспитал целое поколение юных москвичей, прекрасно знающих историю и современные проблемы города, заботящихся о его культурном наследии.

В заключение хотелось бы назвать имена тех, кто в разные годы работал в ИЦМ или сотрудничал с ним: С.И. Козленко, Л.Ю. Ханукаева, З.И. Вихрова, Н.Л. Водолазова, Е.В. Завалишина, А.В. Святославский, Ю.Н. Курнешов (с 2004 г. генеральный директор ИЦМ), Н.И. Гнатива, Е.М. Кострова и др.

Особо следует отметить неизменную поддержку и помощь во всех вопросах деятельности ИЦМ заместителя председателя Московского комитета образования Л.Е. Курнешовой, генерального директора АО “Московские учебники и Картолитография” С.М. Линовича, его помощника Н.М. Раковой.

За десять лет своего существования ИЦМ стал не только ведущим издательством столицы в области подготовки и выпуска книг по новому школьному предмету, но и одним из авторитетных московведческих центров столицы.

Приложение

Книги, изданные Издательским центром “Московведение” за 10 лет существования. 1997–2007 гг.

1997

Методические материалы по школьному московведению. М. 160 с.

1998

Московведение. Здравствуй, Москва!: Учебник для 2–4 кл. нач. шк. / Н.М. Поникарова, Н.А. Горелова, И.Н. Кузина, О.Е. Тесленко. М. 256 с.: ил.

Московведение. Наш город: Учебник для 5–7 кл. общеобразовательных учреждений / А.И. Алексеев, Э.В. Ким, С.И. Козленко, А.В. Рогачев, Т.Д. Рюмина, Ю.С. Рябцев, А.В. Святославский, Г.И. Старобинская. М. 288 с.: ил.

Программные материалы по школьному московведению. М. 104 с.

1999

Иголина Г.С., Горелова Н.А. Здравствуй, Москва! Москва – наш город: Рабочая тетрадь по московведению для 2 класса общеобразовательных учреждений / под ред. С.И. Козленко. М. 48 с.: ил.

Иголина Г.С., Горелова Н.А. Здравствуй, Москва! Путешествие в прошлое Москвы: Рабочая тетрадь по московведению для 3-го класса / под ред. С.И. Козленко. М. 48 с.: ил.

Ким Э.В. Наш город: Рабочая тетрадь по московведению для 5 класса / под ред. С.И. Козленко. М. 48 с.: ил.

Короткова М.В. Город и горожане: Из истории быта старой Москвы: Учебное пособие для старших кл. М. 240 с.: ил.

Лебедев Б.Б., Козлов В.В. Суворов в Москве / под ред. Козленко. М. 160 с.: ил.

- Московедение: Наш город: учебник для 8–9 классов общеобразовательных учреждений / А.И. Алексеев, В.Г. Глушкова, Э.В. Ким, С.И. Козленко, Т.Д. Рюмина, Ю.С. Рябцев, А.В. Святославский, Г.И. Старобинская. М. 288 с.: ил.
- Московедение: Москва – столица России: Учебник для 10–11 кл. общеобразовательных учреждений / М.М. Горинов, А.Н. Казакевич, В.А. Низовцев, Н.В. Тепцов, Л.А. Аникеева, Ю.А. Королев, Н.А. Тесемникова. М. 448 с.: ил.
- Пушкин и Москва / сост. Н.И. Михайлова. М. 416 с.: ил.
- Старобинская Г.И.* Наш город: Рабочая тетрадь по московведению для 6–7 классов / под ред. С.И. Козленко. М. 96 с.: ил.

2000

- Иголина Г.С., Горелова Н.А.* Здравствуй, Москва! О чем рассказали названия московских улиц: Рабочая тетрадь по московведению для 4-го класса общеобразовательных учреждений / под ред. С.И. Козленко. М. 48 с.
- Москва – Крым: Историко-публицистический альманах / гл. ред. В.Ф. Козлов. М. Вып. 1. 304 с.: ил.
- Москва – Крым: Историко-публицистический альманах / гл. ред. В.Ф. Козлов. М. Вып. 2. 352 с.
- Новиков А.А.* Суворов в Швейцарии: Современное прочтение истории похода. М. 144 с.: ил.
- “Ты, солнце святое, гори!”: Книга о московском учителе словесности Иване Ивановиче Зеленцове / под ред. С.О. Шмидта. М. 320 с.: ил.

2001

- Зверев В.Л.* Москва белокаменная: Очерки естественной истории Московского края, природных достопамятностей, промыслов, обычаев, жизни и развлечений московских жителей. М. 336 с.: ил.
- Москва – Крым: Историко-публицистический альманах / гл. ред. В.Ф. Козлов. Вып. 3. М. 352 с.
- Преподавание краеведения и московведения в высших учебных заведениях: Сборник / сост. В.Ф. Козлов, С.О. Шмидт. М. 292 с. (Библиотека краеведа).

2002

- Богатырев Е.А., Потемина Е.И.* Государственный музей А.С. Пушкина: путеводитель. М. 176 с.: ил. (Московские музеи – школьникам).
- Горелова Н.А., Иголина Г.С.* Московведение в начальной школе: Книга для учителя / под ред. Козленко С.И. М. 304 с.
- Иванов О.А.* Герои ратных дел отчизны / отв. ред. В.Ф. Козлов. М. 320 с.: ил.
- Москва – Крым: Историко-публицистический альманах / гл. ред. В.Ф. Козлов. М. Вып. 4. 352 с.
- Шокарев С.Ю.* Москва и преодоление Смуты: 1612 год. М. 208 с.: ил. (Москва в защите Отечества).

2003

- Горинов М.М.* Подвиг Москвы: 1941–1945. М. 272 с.: ил. (Москва в защите Отечества).
- Ковалева М.Д.* Старая Москва графа Сергея Шереметева. М. 240 с.: ил. (Патриоты Москвы и России).
- Козлов В.Ф., Святославский А.В.* Москва в экскурсиях: Книга для учителей, учащихся и их родителей. М. 256 с.: ил.
- Москва – Крым: Историко-публицистический альманах: Крым в Великой Отечественной войне: дневники, воспоминания, исследования. М. Вып. 5. 472 с.: ил.
- Музей “Палаты в Зарядье”: Путеводитель / Г.К. Щуцкая, Е.Н. Заклинская, Т.М. Игнатьева, Л.В. Садовникова, Е.Л. Трегубова. М. 224 с.: ил. (Московские музеи – школьникам).
- Муравьев В.Б.* История Москвы в пословицах и поговорках. М. 256 с.: ил.
- Фролов А.И.* Алексей и Прасковья Уваровы: Хранители московской старины. М. 368 с.: ил. (Патриоты Москвы и России).

2004

- Котельников Р.Б., Рогачев А.В.* Моя малая родина: Школьное краеведение московского квартала: Методические рекомендации для учителей и учащихся московских школ / отв. ред. В.Ф. Козлов. М. 134 с.: ил.

Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития: Материалы Всероссийского семинара краеведов “Любовь к малой родине – источник любви к Отчизне”. Зарайск. 30 января 2004 г.” / отв. ред. В.Ф. Козлов. М. 304 с.: ил. (Библиотека краеведа).

Кучмаева И.К. Жизнь и подвиг великой княгини Елизаветы Федоровны. М. 272 с.: ил. (Патриоты Москвы и России).

Романюк С.К. Кремль и Красная площадь: Путеводитель. М. 384 с.: ил. (Новый московский путеводитель).

Ядохина Е.И., Кудрявцева Л.С. Музей-квартира художника Аполлинария Васнецова / отв. ред. В.Ф. Козлов. М. 208 с.: ил. (Московские музеи – школьникам).

2005

Арсеньев Б.В. Москва и Куликовская битва: 1380 год / отв. ред. В.Ф. Козлов. М. 384 с.: ил. (Москва в защите Отечества).

Арсеньев Б.В. Ратная юность Москвы. XII – XIV века / отв. ред. В.Ф. Козлов. М. 304 с.: ил. (Москва в защите Отечества).

Горелова Н.А. Московведение: Путешествие в прошлое Москвы: Учебник для 3 кл. нач. школы. М. 96 с.: ил.

Истомина Э.Г. Золотые руки мастеров Подмосковья: Истоки и традиции ремесел и промыслов / Отв. ред. В.Ф. Козлов. М. 256 с.: ил.

Коробко М.Ю. Москва усадебная: Путеводитель / Отв. ред. В.Ф. Козлов. М. 336 с.: ил.

Кузина И.Н., Тесленко О.Е. Московведение: О чем рассказали названия московских улиц: Учебник для 4 кл. нач. школы. М. 96 с.: ил.

Поникарова Н.М. Московведение: Москва – наш город: Учебник для 2 кл. нач. школы. М. 96 с.: ил.

2006

Алексеев А.И., Э.В. Ким, А.В. Рогачев. Московведение: Учебник для 5 кл. М. 96 с.: ил.

Баранова С.И. Москва изразцовая / отв. ред. В.Ф. Козлов. М. 400 с.: ил.

Дудина Т.А., Никитина Т.Н. Каменное узорочье Москвы: Храмы и монастыри Москвы в рисунках художника Н.Я. Тамонькина / отв. ред. В.Ф. Козлов. М. 264 с.: ил.

Зайченко Л.В. Москва в Отечественной войне 1812 года / отв. ред. В.Ф. Козлов. М. 464 с.: ил. (Москва в защите Отечества).

Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития. Воронеж – Москва. 2005: Материалы II Всерос. Семинара краеведов “Любовь к малой родине – основа патриотизма” (Воронеж, 31 января – Москва, 1 февраля 2005 г.) / гл. ред. С.О. Шмидт, отв. ред. В.Ф. Козлов. М. 328 с. (Библиотека краеведа).

Москва многонациональная: Сборник / сост. В.Ф. Козлов. Коллектив авторов. М. 256 с.

Русская усадьба в отечественной литературе XVIII – XX вв. / отв. ред. В.Ф. Козлов; сост. М.Д. Ковалева, Г.В. Булгакова. М. 400 с.: ил.

Рябцев Ю.С. Московведение: Учебник для 6 кл. М. 96 с.: ил.

Рябцев Ю.С. Московведение: Учебник для 7 кл. М. 128 с.: ил.

Шелудченко А.Г. Москва в творчестве Татьяны Мавриной / отв. ред. В.Ф. Козлов. М. 312 с.: ил.

2007

Козлов В.Ф., Святославский А.В. По Москве пешком: Путеводитель. 320 с.: ил.

Козлов В.Ф., Святославский А.В. По старым московским окраинам: Экскурсии. М. 272 с.: ил.

Ривкин Е.Ю. Школьное краеведение: Методика и практика преподавания курса “Московведение”. М. 288 с.

Романюк С.К. Москва: Китай-город: Путеводитель / отв. ред. В.Ф. Козлов. М. 320 с.: ил.

Рябцев Ю.С., Святославский А.В. Московведение: XIX век: Учебник для 8 класса общеобразовательных учреждений. М. 208 с.: ил.

Янтовская В.А. Дворянская Москва пушкинского времени / отв. ред. В.Ф. Козлов. М. 352 с.: ил.

**ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ РАН
“СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ И ИЗДАНИЯ
АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ О СОБЫТИЯХ 1917 ГОДА”**

Хроника заседания

26 ноября 2007 г. в здании ИРИ РАН состоялось ежегодное пленарное заседание Археографической комиссии. В этом году оно было посвящено теме “Современное состояние изучения и издания архивных материалов о событиях 1917 года”. Заседание было организовано совместно с Государственным архивом Российской Федерации и Архивом РАН. Открывая заседание, почетный председатель АК *С.О. Шмидт* почтил память скончавшихся в этом году членов АК – М.В. Кукушкиной и академика Л.В. Милова и многолетней нашей сотрудницы (с 1957 г.) Н.А. Долдобановой.

Докладчик особо подчеркнул, что в год юбилея революций 1917 г. в России, когда состоялись международные научные конференции, комиссия, конечно, тоже не могла остаться в стороне от такого значительнейшего события всемирной истории XX в. Сейчас отмечается не только изменение критериев оценки его, но и происходит расширение источниковой и историографической базы изучения проблемы. При этом в рамках деятельности комиссии следует, конечно, особое внимание сосредоточить на том, что нового в познании России 1917 года можно узнать из деятельности российских и московских архивохранилищ и архивоведческих изданий.

Директор ГА РФ *С.В. Мироненко* посвятил свое выступление организованной архивом выставке о “мифах” революции. Докладчик отметил на ряде примеров удивительную твердость устоявшихся отдельных представлений о революции, формировавшихся не только в советской историографии, но и в среде эмигрантов, на поверку, не выдерживающих критики источниками. В частности о финансировании подпольной деятельности большевиков германским Генштабом или о заговоре русских генералов, великих князей, о значительной роли И.В. Сталина в Октябрьском перевороте и др. На отдельных примерах из переписки великих князей докладчик нарисовал картину острых противоречий внутри императорской фамилии накануне падения царского режима. Мгновенные рисунки-зарисовки художника Ю. Арцыбушева удивительно точно передают образы политиков 1917 г., среди которых нет И.В. Сталина, миф об активном участии которого в октябрьском перевороте – один из наиболее известных конъюнктурных примеров. Концепция выставки преследовала цель отобразить, как могут соотноситься политические мифы и реальная история, что нужно стремиться демифологизировать эти события.

Доклад вызвал заинтересованную реакцию слушателей. В частности *А.Д. Степанский* (РГГУ), поинтересовался у докладчика: “Сейчас много говорят о немецких деньгах у большевиков, а на какие деньги жили меньшевики и эсеры? Этот вопрос не освещался?”. По словам С.В. Мироненко,

вопрос этот «вообще, честно говоря, нигде не освещался. Здесь есть одна, как я понимаю, вещь: большевики деньги брали. У меня, например, никакого сомнения нет, что если бы немецкий Генштаб дал Ленину денег, он бы взял с удовольствием, обратил бы это в свою пользу и наплевал бы двадцать раз после того, как выиграл... Но немецкий Генштаб денег не давал. Давали деньги немецкие социал-демократы и швейцарские социал-демократы. Мы демонстрировали на выставке протокол заседания ЦК большевистской партии мая 1918 г., когда обсуждались вопросы: возвращать деньги или не возвращать? И деньги, по тем временам, были немалые. Но, в конце концов, решили, что честные люди должны эти деньги вернуть. Но этих денег, в любом случае, не хватило бы на подготовку революции. А.П. Ненарокову принадлежит выразительная фраза в нашей статье – “Черти не заведутся, если заводи не будет”. Понимаете: не заведутся черти, если не будет условий для того, чтобы произошла революция. Большевики на деньги социал-демократии, как я понимаю, напечатали большое количество агитационной литературы. Они их не проели, не пропили, не прогуляли. Они печатали огромными тиражами листовки, будоражили народ, издавали свои газеты. Что касается эсеров и меньшевиков, я что-то никогда не слышал, чтоб у них хоть какие-то крупные деньги водились. Все-таки они были как-то победнее».

Директор РГАЛИ *Т.М. Горяева*, отметив содержательное выступление С.В. Мироненко, попросила рассказать, отразится ли концепция выставки, выработанная в ходе ее подготовки, каким-то образом на публикационной работе архива.

Е.Н. Швейковская (АК) поинтересовалась у докладчика, если царская семья уже в декабре 1916 г. понимала, что состояние династии столь угрожающе, то могла ли она действовать как-то более активно и почему бездействовала? И каким образом было конституировано, не обязательно законом, право наследования царской власти? С.В. Мироненко отвечал: «Начну с последнего. Павел I утвердил “Учреждение об императорской фамилии” 1797 г., которое впервые, после эпохи дворцовых переворотов ввело очень ясный и твердый принцип наследования престола по мужской линии. Если нет у царствующего императора детей, то следующий претендент – его старший брат. В данном случае Михаил. Но у Николая был сын Алексей, законный наследник престола. Однако он был смертельно болен. У него гемофилия – несвертываемость крови. Первоначально в проекте отречения говорилось об отречении Николая в пользу сына при регентстве Михаила до наступления его совершеннолетия. Но пришел лейб-медик Федоров и сказал: “Что вы делаете?! Вы что, не понимаете, что он может умереть в любую минуту?! Он не просто болен, он смертельно болен!” И тогда Николай принял решение отречься за себя и за Алексея. Был написан второй вариант отречения, который адресован начальнику штаба. Как они могли не понимать, что их сын смертельно болен – это для меня абсолютная загадка. Они, которые пережили 1912 год, когда только чудо, спасло наследника. У сестры Александры Федоровны, Ирены Прусской, погиб в детском возрасте сын-гемофилик, который упал с балюстрады, ушибся и умер. Гемофилия – болезнь, тайна которой до сих пор не раскрыта. Существует только один способ ее лечения: полное переливание крови. Но тогда об этом не догадывались. Оставить империю в разгар войны наследнику, который в любой момент мог умереть, – это вообще было невыносимо».

Теперь то, что касается семьи. Все складывалось постепенно. В сентябре 1915 г. Николай совершил трагическую ошибку: он уехал в ставку, стал верховным главнокомандующим и большую часть времени проводил в ставке. Понятно, что для самодержавного государства император, являющийся средоточием власти, который в сложный для страны момент длительное время не находится в столице империи – это вещь чрезвычайно опасная. Последней каплей, обострившей ситуацию до крайности, стало распоряжение императрицы арестовать убийцу Распутина – великого князя Дмитрия Павловича. Она вызвала петроградского генерал-полицмейстера Максимовича и приказала арестовать Дмитрия Павловича. Встал вопрос: кто в действительности правит государством? По закону она – никто! Она жена и все. Как она могла отдать приказание арестовать члена императорской семьи?! На каком основании она это сделала? Все увидели в этом подтверждение того, что правит не Николай, а правит она. И вот тут они впервые начали серьезно обсуждать: что им делать. Нет Распутина, зато есть Николай. Николай обожает свою жену. Как вы ее удалите? Как вы это конституируете? Что – собрать консилиум, арестовать ее домашним арестом? А она с детьми, дети болеют корью... И пока они собирались – время ушло. Причем Николай все упустил сам. Ведь поначалу М.В. Родзянко предлагал ему дать стране ответственное министерство – не перед императором, а перед Думой. Николай сначала колебался, говорил, что “нет, я не знаю”, потом – “я согласен”, но было уже поздно. Ему оставалось только одно – отречься. И он отречься».

Директор РГАЛИ *Т.М. Горяева* в своем докладе, говоря о масштабной собирательской и публикаторской работе архива, акцентировала внимание на проблеме “1917 год глазами деятелей культуры”, хотя в архиве и не выделяли никогда такую тему как самостоятельную. В дневниках, мемуарах, переписке 1917 год проходит водоразделом. *Т.М. Горяева* привела примеры крупных деятелей культуры – писателей, художников (*В.В. Маяковский, В.Э. Мейерхольд, М.И. Цветаева и М.А. Кузмин, И.Е. Репин и Н.Е. Базилевский*), обратила внимание на восприятие ими революционных событий и о роли художников и писателей в формировании идеологии революционного времени.

Т.М. Горяева рассказала о ведущейся архивом работе по изданию переписки *Андрея Белого, дневника Леонида Андреева; рукописей и записных книжек и переписки М.И. Цветаевой; публикации вернувшегося к нам из эмиграции архива поэтессы (может быть, недостаточно известной в России, но принадлежавшей к поэтам-символистам) Любови Столицы; дневников, рукописей и рукописных книг А.М. Ремизова; материалов из философского архива Н.А. Бердяева; документов Санкт-Петербургского религиозно-философского общества; работах по изданию архива Б.Л. Пастернака; дневников покинувшего в 1917 г. Россию художника А. Яковлева; документов о частной опере С.И. Зимина, уничтоженной революцией, и др. В РГАЛИ сохранилась часть рисунков Ю. Арцыбушева, и докладчик обратила на это внимание С.В. Мироненко, предложив возможность их совместной межархивной публикации.*

Затронутый *Т.М. Горяевой* вопрос из истории комплектования РГАЛИ фондами деятелей культуры, вне зависимости от их политических взглядов или предпочтений, вызвал реплику *А.В. Елпатьевского*, отметившего удив-

ление докладчицы, что во времена Главлита все было принято и сохранено. Многолетний практический опыт архивиста в области комплектования и экспертизы ценности документов убедил А.В. Елпатьевского, “что единственное, что в отечественном архивоведении все время советской власти было не идеологизировано, не основывалось на классовом подходе – это комплектование и экспертиза. Принималось все то, что действительно, как мы понимали, было важно. Да, это запералось на семь ключей, да, это лишь иногда описывалось, но это хранилось, это было принято, и хотелось бы пожелать архивистам продолжать сейчас то же самое. Сейчас много знаков поменялось, может быть, нам что-то не нравится, но это все надо принимать, и коммунистов надо принимать”.

Доклад директора АРАН *В.Ю. Афиани* был посвящен источникам отражающим революционные события по архивным фондам Академии наук и подготовке публикации мемуарного наследия микробиолога С.Н. Виноградского, дневников В.И. Вернадского и др. В докладе была затронута проблема восприятия учеными революционных событий.

Главный редактор журнала “Исторический архив” *А.А. Чернобаев* осветил работу журнала, в особенности в 2007 г., по введению в научный оборот источников по истории революции.

В прениях выступил *В.А. Черных* (АК) поставивший вопрос о необходимости выявления и изучения документов (мемуаров, писем), которые не специально были посвящены событиям 1917 г., а затрагивают эти события мимоходом. Их, конечно, никогда и никто не учитывал. Но такие документы сохранились, в том числе особенно много в РГАЛИ и в АРАН, так как деятели литературы и искусства и науки переписывались в эти годы, многие фонды хранят переписку этих людей с 1900 до 1930 г. и в том числе 2–3–4 письма, посвященные событиям 1917 г., зачастую абсолютно непредвзятые. Во многих случаях эти люди совсем даже не определили свою позицию, но просто пишут о том, что они видели, что они переживали. Тем самым для нас раскрывается живая повседневность тех событий. В виде примера *В.А. Черных* привел вышедшую из печати подготовленную им “Летопись жизни и творчества Анны Андреевны Ахматовой”, в которой также нашла отражение тема, которую никто никогда не поднимал: “Анна Ахматова в 1917 г.”, или наоборот: “События 1917 г. глазами Анны Ахматовой”. *В.А. Черных* также отметил необходимость библиографирования печатных источников, зачастую забытых или малотиражных изданий, хранившихся в спецхране. Отдельный вопрос – частные, семейные, архивы, хранящие подобную документацию. *С.О. Шмидт*, согласившись с *В.А. Черных*, обратил внимание и на такие значительные собрания документальных материалов, как Отделы рукописей РГБ и РНБ, РО ИРЛИ.

С.О. Шмидт в заключительном слове отметил значимость соучастия в заседании сотрудников хранилищ документов и более широкий, чем прежде, подход к рассмотрению и оценке событий 1917 г. Он обратил внимание и на то, что в 1920-е годы допустимо было различие суждений и считалась важной информация и об исторических деятелях, не придерживавшихся социалистических взглядов. В советской России тех лет со вниманием относились и к эмигрантским изданиям. Показательно, что в кабинете В.И. Ленина в Кремле (куда позднее допускались экскурсанты) много такой литературы (об этом приходилось писать в сборнике статей в

честь академика Н.Н. Покровского и в других работах). Это отражено было в книгах, в еще большей мере в журналах, даже в справочных изданиях. В частности, в первом издании “Большой советской энциклопедии”, в томах, вышедших до 1930-х годов, находим статьи об эмигрантах (братьях Долгоруковых, адвокате Грузенберге, меньшевиках, эсерах и др.). Еще показательнее то, что в списке авторов энциклопедических статей – имена специалистов по общественным наукам, известных несогласием с новыми партийными установками.

Это делает насущной задачей детально охарактеризовать напечатанное в советской стране в первое послереволюционное десятилетие и сопоставить этот историографический и источниковый материал с произведениями художественной литературы и публицистики и того же времени и последующего. Важная для историка, и особенно источниковеда, задача и сравнительное изучение памятников именно 1917 г. – дневников, писем – и мемуаров о том же времени, но написанных позднее.

А.В. Мельников

С.О. Шмидт

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Разрешите открыть заседание, тема которого: “Современное состояние изучения и издания архивных материалов о событиях 1917 года”. К сожалению, начать нам приходится с печального напоминания о том, что Археографическая комиссия, и не только комиссия, понесла немалые утраты за протекшее время. В начале года скончалась Маргарита Владимировна Кукушкина, доктор исторических наук, видный историк и археограф. Когда она была заведующей Отделом рукописей и редких книг Библиотеки Академии наук, то очень способствовала проведению совместных конференций, совместных изданий не только по тематике памятников допетровской эпохи, но и памяти С.Н. Валка и других. Последние года два-три она была уже в состоянии неработоспособном, но, тем не менее, это очень тяжелая утрата.

Не неожиданно, но это все равно огромная, невосполнимая потеря для науки: буквально несколько дней назад мы хоронили академика Л.В. Милова, ученика М.Н. Тихомирова, заведующего кафедрой Московского университета, человека, значение трудов которого сейчас становится все явственней. У меня не было близких и даже теплых отношений с Леонидом Васильевичем, поэтому думаю, что могу объективно сказать, что, пожалуй, именно он – самый крупный ученый в области изучения истории России периода феодализма за последние четверть века. Он не только масштабнейшие темы новаторски поднимал: историю русского народа, крестьянства в целом, социоэкономические темы; он не только сумел после ухода из жизни академика И.Д. Ковальченко сохранить на должном уровне работу Аграрного симпозиума, но он изначально был крупнейшим специалистом в области традиционных специальных исторических дисциплин: палеография, и др., и в тоже время разрабатывал современные математические методы. Помнится, мне даже сделали потом внушение, когда возник журнал “История СССР”, и я стоял у истоков этого издания как заместитель редактора, фактически ведущий все дела, и меня на первой пресс-конференции в Государственной публичной исторической библиотеке спросили: “Какой материал Вы считаете самым лучшим за первый год?” – я сказал: “Статью об экономических примечаниях Милова”. Мне сказали: “Ну что Вы, статья, о XVIII веке, напечатанная в год сорокалетней годовщины революции 1917 г., а Вы такое называете!” Это очень большая утрата и для науки и для высшей школы.

И утрата совершенно невосполнимая для нашей Комиссии: ушла из жизни Нина Андреевна Долдобанова. Те, кто связаны с Комиссией, понимают, что она была, по существу, душой комиссии, воплощением принципа достойнейшего служения нашему делу. Она все номера “Археографического ежегодника” вела, и тяжело больная, ушедшая на пенсию, продолжала

работать. У меня был с ней типичный для Нины Андреевны разговор: “Я уже не могу работать, я не должна получать зарплату” – “Нина Андреевна, еще не вышел ежегодник, Вами отредактированный; и не сдан ежегодник частично Вами отредактированный”. С трудом тогда удалось отговорить от подачи заявления об уходе ее с работы. Нина Андреевна была редактором и доброжелательным и требовательным, эрудированным историком, продолжавшим расширять эту эрудицию при редактировании менее знакомой тематики материалов. Ей обязаны и составлением первого “Библиографического указателя продолжающихся изданий Археографической комиссии РАН и ее отделений” (М., 2000). Благоприятный микроклимат в нашей Комиссии определялся в значительной мере именно личностью и образом поведения Нины Андреевны Долдобановой. Прошу почтить память ушедших от нас вставанием.

Совершенно понятно, что в 2007 г. Археографическая комиссия не могла не отметить такого значительнейшего события всемирной истории XX в., как революционные события 1917 года в России. Меняется оценка этих исторических явлений, меняется представление о том, что нужно рассматривать под знаком “плюс” и знаком “минус”, но для всех, а для людей старшего поколения тем более, совершенно очевидно несравнимое ни с чем другим всемирно-историческое значение того, что произошло в России. Россия действительно в значительной степени перевернула мир, а через некоторое время спасла мир уже в 1945 г. от фашизма. За прошедшие годы, вы знаете, Археографическая комиссия, естественно, отмечала события 1917 г. специальными заседаниями и немало таких материалов в той или иной степени напечатано во всех разделах нашего “Археографического ежегодника” и в материалах конференций, организованных Археографической комиссией совместно с другими учреждениями. В частности, когда было совместное заседание Государственного архива Российской Федерации, в связи с юбилеем архива, то в какой-то мере касались и относящегося к этой тематике. Сейчас, заметьте, другой подход, но он все равно заставляет нас обращаться к событиям 90-летней давности. Сейчас уже говорят не только о том, что велико было значение Великой Октябрьской революции, но и революции Февральской, и рассматриваются революции вместе, что отражено, на мой взгляд, в очень интересной, новаторски сделанной выставке, которая до сих пор еще открыта в ГА РФ. И главное, к выставке успели выпустить буклет, в котором можно прочесть то, что трудно увидеть в очень, мне кажется, интересно задуманном построении, но не для глаз тех, которые родились вскоре после Октябрьской революции. Удачное построение выставки помогает расширению наших представлений и о том, что происходило в 1917 г. в России и о том, какова источниковая база изучающих эту проблематику.

Во-вторых, ясно совершенно, что сейчас мы имеем иные возможности, чем двадцать и даже десять лет назад. Если двадцать лет назад преимущественно ограничивались тем стандартным набором материалов, ну, несколько с более либеральным уклоном, который был введен в обиход еще в конце 1929–1930 г., ну, начиная, скажем, с 1927 г., когда разные участники революции, члены разных партий, могли публично высказываться, и им давали анкеты участников революции 1917 г. В 1937 г. тех, кто “не на

той стороне” участвовал, не было, и анкету было дать некому, и поэтому предпочли к такому способу не прибегать. В 1997 г. было заметно преимущественное внимание к тому, что ранее по-другому изображалось; была научно нетерпимая “желтизна”, если можно употребить такой цвет применительно к сугубо красного цвета событиям.

Сейчас мы видим, насколько все-таки объективность начинает входить в свои права в истории, и не только в замечательно задуманной экспозиции картины Юона, которая демонстрирует кто первоначально был изображен и какие изменения-измышления были внесены позднее.

Важно и другое: поскольку я связан с краеведением, то подчеркну то, что открыли снова закрытую часть истории края. Ведь история, имеющая воспитывающее значение для формирования исторических взглядов, общественных воззрений, в целом конкретна. Нужны конкретные люди, а оказывалось так, что главными событиями до Великой Отечественной войны признавали события революционные 1917 года. Но это была безымянная история, потому что почти в каждом крае те, кто подписывали приказы и поднимали красное знамя, потом вычеркивались из истории и печатались документы: “Председатель РИКа” – без имени. Вот теперь можно начать возрождать память о деятелях тех лет. И интерес к этому возрастает. Я председатель отборочного жюри школьных конкурсов работ – и большого научного по замыслу конкурса с участием “Мемориала” и РГГУ “Человек в истории: Россия – XX век” и традиционного конкурса, который проводится по всей России, и вижу, как возрастает к этим событиям интерес ребят-школьников, вовсе не намеренных заниматься дальше исторической работой. Они все очень прагматичные – планируют работать в сфере, где платят гораздо больше, чем тем, кто занят историей, но для своих школьных сочинений они выбирают то, что их действительно интересует. Есть умные учителя – наставляют в нужном направлении их мысль. И они открывают новое в источниках революционных лет.

Затем, сейчас ощутимо, как историография истории 1917 года расширилась. Историография теперь – не только то, что вышло в границах СССР, но и что писали за рубежом – и эмигранты и многие иностранцы, потому что революция, конечно, привлекла внимание многих, и писали они по документам не только отечественным, но и по документам зарубежных архивов. Стало яснее и то, что документами для изучения этих событий являются не только памятники государственно-политической истории, не только памятники официального назначения, пресса. Эти события отражены в душах очень многих, в написанном обычными и выдающимися людьми, и тогда и потом. Это событие, которое произвело колоссальное впечатление на всех, отразилось в общественном сознании, и потому возрастает значимость современных свидетельств о каждодневности, дневниковых записей, писем, справок, запечатлевших особенности быта, как менялись люди и их настрой, взаимоотношения, как изменялись цены и условия жизни, и др.

Конечно, происходившее отражено в художественных произведениях – в литературе, изобразительном искусстве – и не только мгновенная фиксация, но и предвидение. Сейчас мы по-другому, глубже познаем суть,

скажем, картины Бориса Григорьева “1917 г. Крестьяне” в Русском музее. Как он мог, уже в 1917 г., эмигрировав потом, увидеть то, что осознавалось не сразу. Очевидно, вообще художники и писатели, их интуиция, не только великого Пушкина, но и людей значительно меньшего масштаба, очень многое выражает.

Однако, на заседании Археографической комиссии мы, естественно, основное внимание сосредоточиваем на том, что нового в познании России 1917 г. можно узнать из деятельности архивохранилищ и архивоведческих изданий.

С.В. Мироненко

О ВЫСТАВКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ “МИФЫ РЕВОЛЮЦИИ”

Почему я сегодня решился выступить перед вами и почему я принял приглашение Сигурда Оттовича участвовать в заседании? Потому что я считаю, что события 1917 г. – это события, несмотря на море исследований, до сих пор недооцененные, по-настоящему не проанализированные и не осмысленные.

Когда мы, в Государственном архиве Российской Федерации, стали думать, как нам отметить 1917 г., мы поняли, что выставку “1917 год” сделать не так уж и просто. После некоторого раздумья мне в голову пришла мысль, а не подготовить ли нам выставку о мифах. Внимательно читываясь в литературу, я вдруг понял, что благодаря господству различных мифов мы совсем не так представляли себе, что же происходило на самом деле в 1917 г. И вступительную статью к каталогу, которую мы написали с Альбертом Павловичем Ненароковым, мы начали так – мифы сами по себе это, может быть, и не так плохо. Мифы существовали в древности у всех народов. Есть мифы Древней Греции, всем известны подвиги Геракла, скандинавские мифы. В новое время вокруг исторических событий – Великой Французской революции, Второй мировой войны – также формируется своя мифология. Как-то я прочел статью известного английского историка Доминика Ливена, который тогда только начинал изучать войну 1813–1814 годов, заграничные походы русской армии, и с удивлением узнал, что роль Веллингтона в битве при Ватерлоо в английской историографии необыкновенно преувеличена, и что английская историография видит Ватерлоо до сих пор глазами Веллингтона, что Веллингтон создал миф о Ватерлоо. Миф, который продержался 170 лет. И только на исходе XX столетия этот миф стал постепенно разрушаться.

То есть ничего удивительного в том, что мифы существуют, нет. Но в истории 1917 г. мы имеем дело не с обычными мифами, мы имеем дело с мифами, которые насильно, в угоду определенной политической конъюнктуры, схеме, внедрялись в сознание советских людей. Кстати сказать, мифы создавались и существовали не только в Светской России. Они были распространены и в среде эмиграции. И свое выступление я хотел бы начать не с мифов “Краткого курса”, а с мифов, которые рождены в среде российской эмиграции. Как, например, миф о том, что Ленин будто бы был немецким шпионом. Миф, который был подхвачен в перестроечное время. Даже такие известные историки как директор института российской истории РАН А.Н. Сахаров, говорили и писали о том, что Ленин был немецким шпионом, и что октябрьская революция сделана на немецкие деньги. Но ведь давно и убедительно доказано, что книжка Ф. Оссендовского – это подделка, и документы, которые он приводит в доказательство предательства Ленина и

подкупа большевиков немцами, очевидная фальшивка. Я вообще не понимаю, как после фундаментального исследования В.И. Старцева “Немецкие деньги и русская революция: Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского” (М., 2006. 3-е изд.), который все просто разложил по полочкам, а потом трудов С. Ляндерса, профессора университета Нотр-Дам (США), который показал всю беспочвенность утверждений, что русская революция сделана на немецкие деньги¹, можно всерьез держаться за этот миф.

В среде русской эмиграции этот миф имел большой успех. Даже такой хороший историк как С.П. Мельгунов не избежал искушения и опубликовал книгу «“Золотой немецкий ключ” к большевистской революции» (Париж, 1940), в которой пытался доказать недоказуемое. Но даже и это не самое важное. В русской эмиграции первой волны на вопрос, почему пало самодержавие, чаще всего отвечали и отвечают до сих пор: потому что генералы предали царя! Вот предали царя и все! И когда показываешь им телеграммы, которые генерал Алексеев, начальник штаба ставки, получил от командующих фронтами, где все они так или иначе, с большей или меньшей степенью верноподданности (великий князь Николай Николаевич писал: “Я как верноподданный считаю по долгу присяги и по духу присяги необходимым коленопреклоненно молить ваше императорское величество спасти Россию и вашего наследника”, передав ему “ваше наследие. Другого выхода нет”) единодушно признавали единственным путем к спасению страны отречение Николая, в сознании таких людей признание развала самодержавия трансформируется в то, что “а если б вот они не предали – все было бы хорошо: государь-император продолжал бы царствовать, война бы продолжалась, волнения в Петрограде были бы подавлены”. Меня поражает, с какой уверенностью и нежеланием ничего понимать эти люди продолжают защищать эту точку зрения. Причем она свойственна не только пожилым людям. Выходят легковесные, с достаточной степенью желтизны, книги, где они продолжают отстаивать эту мысль. И никому из них не приходит в голову, что свидетельства того, что командующие фронтами в ответ на волнения в Петрограде единодушно ответили царю, что он должен отречься – это явное свидетельство кризиса. Кризиса глубокого, всеобъемлющего, который захватил Россию к весне 1917 г.

Я позволю себе привести еще два свидетельства, которые были обнаружены не так давно в Государственном архиве Российской Федерации среди переписки великих князей. Напомню, что в феврале 1916 г. императрица Мария Федоровна внезапно уехала из Петербурга. Она уехала в Киев, под благовидным предлогом организовать там госпиталь, чтобы помогать раненым. На самом деле Мария Федоровна уехала, поскольку она больше не могла смотреть на то, как разваливается государственная власть. Сейчас опубликованы дневники императрицы Марии Федоровны, и побудительная причина, заставившая ее покинуть Петроград, стала очевидной. Причем она была женщина с поразительно развитой интуицией. С 1912 г. она чувствовала, что дело идет к катастрофе. Еще не началась война, а в 1912 г. у нее в дневниках впервые появляется слово “катастрофа”: “надвигается катастрофа”. И чем дальше, тем больше она ощущала свое бессилие изме-

¹ Lyandres S. The Bolsheviks’ “German Gold” Revisited: An Inquiry into 1917 Accusations. Pittsburgh, 1995.

нить ситуацию и прежде всего удалить Распутина. Совершенно ясно, что Распутин и “распутинщина”, вне зависимости от того, что собственно за феномен был сам Распутин и как он влиял на царскую семью, стали символом разложения государственной власти. В истории бывает такое, когда личность превращается в явление и это явление живет вне зависимости от реального расклада вещей. Так произошло с Распутиным. Распутин не был немецким шпионом, как о том говорили в стране, он не был таким уж всесильным кукловодом, как его представляли и т.д. Но толпе это было уже безразлично. Распутин и “распутинщина” компрометировали власть, и сделали очень многое, чтобы создать почву для ее падения. Мария Федоровна уехала, и благодаря этому появилась возможность переписываться с великими князьями. Будь она в Петрограде, мы лишились бы интереснейшего исторического источника. И, конечно, здесь самое интересное – переписка вокруг убийства Распутина. Идея, что убийство царского фаворита было результатом великокняжеского заговора, всегда витала в воздухе. Я думаю, что великокняжеского заговора в прямом смысле слова не было. Но было сформировавшееся в части семьи Романовых убеждение, что если не принять решительных мер, вплоть до устранения Николая с трона, Россия погибнет. И этот вот заговор против Распутина и убийство Распутина – это было последнее средство, или не последнее средство, а наоборот, только начало того процесса, который, с точки зрения, в частности, Михайловичей (детей великого князя Михаила Николаевича, сына императора Николая I), был необходим для спасения России.

Распутин был убит в декабре 1916 г. и в декабре, заметьте, в том же декабре, великий князь Николай Михайлович писал императрице Марии Федоровне: “После того как мы убрали гипнотизера, нужно попробовать убрать загипнотизированную”. Были произнесены страшные слова: “Она должна исчезнуть”. (Элен Карерр д'Анкосс, непременный секретарь Французской академии, великолепный историк, специалист по истории СССР и России, в ответ на мою просьбу прокомментировать слова великого князя Николая Михайловича, сказала: “Он употребил страшное слово, это синоним того, что ее надо убить”). Потом, правда, Николай Михайлович немного смягчил свою позицию: “Нужно ее отослать как можно дальше или в санаторий (т.е. в сумасшедший дом. – С.М.) или в монастырь”. И дальше слова, которые показывают, что ни Николай Михайлович, ни после него генералы не понимали ситуации. Он считал, что “речь идет о спасении престола не династии, которая еще прочна, но теперешнего государя”². Т.е. слова, что династия еще крепка, но трон под Николаем уже шатается и не исключено, что этот трон рухнет – были произнесены в декабре 1916 г. Еще за два месяца до начала революции. Удивительно, что Мария Федоровна не возмутилась. Она не воскликнула: “что Вы такое пишете про моего любимого сына!”. Она промолчала, она не ответила Николаю Михайловичу. В том же декабре в Киев приезжал зять Марии Федоровны великий князь Александр Михайлович. О чем они там говорили – это покрыто мраком неизвестности, но можно не сомневаться, что одной из тем

² Мироненко С.В., Барковец А.И. Минни и Аликс: История одного противостояния, приведенного к трагедии // Императрица Мария Федоровна: жизнь и судьба: Каталог выставки. М., 2006.

их разговоров была ситуация, возникшая в стране после убийства Распутина. Кто знает, может быть, будут найдены новые документы, и мы сможем еще немного продвинуться вперед.

Во всяком случае, мы теперь твердо знаем, что в декабре 1916 г. в семье Романовых обсуждалась возможность отречения императора Николая II от престола. До революции оставалось всего два месяца.

Еще одно удивительное письмо, которое нам удалось обнаружить, – это письмо великого князя Дмитрия Павловича. Дмитрий Павлович – участник убийства Распутина, был сослан в Персию, находился на Кавказском фронте, и 2 апреля 1917 г. он писал отцу, дяде Николаю II, великому князю Павлу Александровичу удивительное письмо (цитирую по памяти): “Ты же помнишь, мы все единодушно осуждали этот прогнивший режим”. То есть оказывается, что оба они – и отец и сын – вместе осуждали “этот прогнивший старый режим”. Тут уже полная аналогия с Французской революцией. И дальше удивительные слова: “Но ты знаешь, – писал он отцу (следующие слова чрезвычайно важны для понимания последующих событий) – как странно получается: люди приняли за свободу возможность делать все, что угодно; делать то, что раньше делать было нельзя. Почему народ не понимает, что свобода это огромная ответственность, ответственность за то, что ты делаешь?” И дальше: “Неужели были правы люди старого правительства, которые говорили, что Россия не доросла до демократии?” Это он писал, я повторю, через месяц после отречения императора, 2 апреля 1917 г.! Когда я это прочел, я сначала подумал, что это просто ошибка датировки, ведь он дожил до 1942 г. Нет! Неужели в апреле 1917 г. он уже видел, к чему ведет этот “разгул” демократии?

Вот такие два документа, которые, как мне кажется, вообще по-другому помогают нам понять, во-первых, что происходило внутри императорской семьи; во-вторых, яснее представить себе разные позиции, которые занимали ее члены в сложное предреволюционное время. И совершенно очевидно, что внутри семьи было твердое убеждение, что режим требует серьезной реконструкции. Теперь уже не кажется удивительным, что великая княгиня Елизавета Федоровна прислала приветственную телеграмму Временному правительству. Елизавета Федоровна! – это вообще в голове не укладывается – приветствовала Временное правительство. И что бы там не говорили потомки великого князя Владимира Кирилловича, но это факт, что после получения известия об отречении императора он с красным бантом во главе Гвардейского экипажа прошел перед Таврическим дворцом, приветствуя свершившуюся революцию.

Удивительный документ, который раньше не привлекал внимания – это отказ от принятия престола великого князя Михаила Александровича. Я, например, как-то недооценивал результат этой бумаги. Собственно говоря, отречение Николая еще не положило конца самодержавию. Конец династии Романовых, конец самодержавию в России положил собственноручно написанный Михаилом отказ от принятия престола, которым он оставлял выбор формы правления на решение Учредительного собрания. Но хорошо известно, что самодержавная форма правления не терпит вакуума власти, нельзя от нее отказаться, потом ее взять обратно – будет поздно. В декабре 1825 г. произошло нечто подобное. Когда умер император Александр I в Таганроге, документы о передаче престола от одного брата к другому, от

Константина к Николаю, не были оглашены; вся страна присягнула Константину, три недели императором был Константин, и только на 14 декабря была назначена переприсяга. И вот что произошло: гвардия вышла на площадь и попыталась вмешаться в борьбу за власть... Тогда самодержавию удалось пережить это испытание на прочность. Поводом и в значительной степени причиной восстания декабристов стала неясность: у кого есть права на русский престол. В 1917 г. сложилась похожая ситуация – власть принадлежала непонятно кому, но повторить то, что было сделано в 1825, в 1917 уже не удалось. И то, что Михаил написал: если русский народ, в лице Учредительного собрания, решит призвать его на престол, то он может стать конституционным монархом, – уже никого не интересовало. Именно отказ Михаила от принятия власти, от принятия престола положил конец династии Романовых, положил конец самодержавию в России.

Теперь я хочу ваше внимание привлечь к совершенно необычному виду исторического источника. Это мгновенная зарисовка. В Государственном архиве Российской Федерации хранится коллекция рисунков Юрия Арцыбушева. Это был меткий на глаз художник, который весь 1917 г. ходил и делал зарисовки. Надо сказать, что он, видимо, очень не любил Владимира Ильича. Вот уж почему ему Владимир Ильич не глянулся – я не знаю, но он у него получался все время ужасно демонический. Такой, знаете, с чертами дьявола. Даже Троцкий, и тот выходил у него поблагодарнее, хотя тоже и Троцкому досталось от Арцыбушева. Таких рисунков сохранилось около сотни. На этих рисунках есть все большевики: есть Ленин во многих позах, есть Коллонтай, есть Дзержинский... Но ни на одном из них Сталина нет! И эти зарисовки удивительный и своеобразный документ, ясно показывающий, что Сталин не то что не был лидером Октябрьской революции, но просто не был ее активным участником. Кстати это наблюдение подтверждается и тем, что в единственном подлинном сохранившемся списке членов Военно-революционного комитета Сталина также нет. Когда вышел “Краткий курс истории ВКП(б)”, надо было придумать “расширенный состав” Военно-революционного комитета. И придумали, и нашли тех, кто “вспомнил”, что был “расширенный состав”, там якобы Сталин был и Сталин руководил восстанием. Вот такой революционный миф. Сталин действительно был членом ЦК, он поддерживал ленинскую линию. Но среди старых сотрудников Института марксизма-ленинизма ходила шутка, что Сталин проспал Октябрьскую революцию. В прямом смысле этого слова. Я уж не знаю, чего здесь больше: исторического анекдота, или, может быть, он действительно ее проспал. Ясно одно, что все картины советских художников, на которых Сталин постепенно вытесняет Троцкого и становится вместе с Лениным вторым лидером октября – это картины, конечно, живые, картины не объективные, не рисующие того истинного положения, которое занимал Троцкий в то время.

Еще один миф советской истории – миф о вождях Октябрьской революции. Сразу после революции ни у кого не было сомнений, что было два признанных лидера революции – Ленин и Троцкий. Но с течением времени, когда обострилась внутривластная борьба, Ленина уже не было в живых, Троцкого из лидеров убрали, и постепенно его место заместил “великий” Сталин, верный ученик и продолжатель дела Ленина. Затем партия разоблачила Сталина, и у октября остался один лидер, один тво-

рец – Ленин. Имя Троцкого оставалось долгие годы под запретом, и только горбачевская перестройка извлекла его имя из исторического небытия в нашей стране.

А вот как было на самом деле? 25 октября в 2 часа 35 минут Троцкий на заседании Петроградского совета объявил о том, что Временное правительство низложено, большинство министров арестовано, а те, которые не были арестованы – будут арестованы. Через 10–15 минут в зал Смольного дворца вошел Ленин, который уже не мог сидеть сложа руки (напомню, он был на конспиративной квартире, так как Временное правительство выдало ордер на его арест) и уже весь трясся от желания принять участие в стремительно разворачивавшихся событиях. Он вошел, его встретили громом оваций. Троцкий произнес зажигательную речь о роли Ильича в подготовке революции, Октябрьского переворота, потом предоставил слово Ленину и Ленин произнес ставшие впоследствии знаменитыми слова: “Пролетарская крестьянская революция, о необходимости которой говорили большевики, совершилась!” Куда деваться мифотворцам? Как сделать так, чтобы убрать из истории председателя Петроградского совета Троцкого? И придумали штурм Зимнего! Перенесли все эти события на вечер. Выступление Ленина перенесли на II съезд советов, проходивший в этот же день, но не в Смольном, а в Таврическом дворце. Перенесли, хотя все прекрасно знали, что Ленин на съезде советов не выступал. Конечно, никакого штурма не было, потому что никакого смысла штурмовать Зимний дворец не было. По одной простой причине: как в свое время Николай II, почти год тому назад, не имел никакого авторитета, так и Временное правительство не имело тех, кто бы стал его защищать. И штурма не было... Самый простой вопрос: хорошо известны жертвы Февральской революции. Мы знаем, жертв Февральской революции хоронили все, были пышные похороны на Марсовом поле. А где жертвы Октябрьской революции в Петрограде? Где они? Если был штурм, если были пулеметные очереди, был женский батальон, юнкера – где жертвы штурма, неизбежной перестрелки?! Никого не было! С трудом нашли трех-четыре погибших. И то, злые языки утверждают, что они захлебнулись вином, дорвавшись до винных подвалов Зимнего.

Так что история русской революции 1917 г. еще не написана. Нет честной, подробной истории этой революции. Вот то, что мы сделали в этой выставке – это только предложение людям обратить внимание, что есть и новые документы, и необычные источники, которые могут помочь вдумчивому исследователю по-новому разобраться в событиях 1917 г. Наша выставка – это лишь небольшой эскиз, и то, что я вам рассказал – это только небольшая часть того, что мы, в конце концов, сделали. Так что дело за новым поколением историков. К сожалению, непопулярна эта тема. Не хотят читать Ленина. У нас есть совершенно поразительные записи в книге посетителей, когда молодые люди только из нашей выставки узнают, что были Ленин и Троцкий. Не помнят. Не говоря уже о том, что не помнят работ Ленина. Последнее, что я скажу. Моя любимая работа Ленина, я еще с университетских времен ее запомнил: “Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата”. Замечательная работа! Там весь смысл стратегии Ленина на 100% ясен. Ленин анализирует в этой статье итоги выборов в Учредительное собрание: победили эсеры, где-то эсеры с меньшевиками,

большевики проиграли выборы (набрали около четверти процентов голосов избирателей, но этого было явно недостаточно для того, чтобы сформировывать правительство). И Ленин говорит: “Какие смешные люди! Они хотят, чтоб мы отдали власть! ... Это просто игра какая-то в демократию, что это такое?! Мы самые лучшие, мы взяли эту власть навсегда, надолго. Мы никому ее и никогда не отдадим, как бы эти буржуазные филистеры не хотели у нас эту власть забрать. Пусть так и знают – власть не отдадим!” Тут квинтэссенция ленинского представления о том, что такое демократия, что такое революция и что такое – как бы это сказать поточнее – советская власть.

В.Ю. Афиани

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА В ПУБЛИКАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Архив Российской академии наук специально проблемами истории революций 1917 г. в советский период не занимался. На то были существенные причины. Императорская академия наук, как известно, Февральскую революцию приветствовала, а Октябрьскую не приняла. Общее собрание Академии 21 ноября 1917 г. в своем обращении назвало ее “великим бедствием”, постигшим Россию, а большевиков “насильниками, захватившими власть”. В трудах по истории АН эти факты фактически замалчивались. Наоборот подчеркивались заслуги советской власти, особенно В.И. Ленина, в ее сохранении и развитии. В “Кратком очерке истории Академии наук СССР” директора Архива АН СССР Г.А. Князева, вышедшем после Великой Отечественной войны несколькими изданиями, например, говорилось: “В.И. Ленину обязана Академия своим вторым рождением как Советская Академия Наук – центр научной мысли страны, строящей социализм”¹. Это были обязательные, “ритульные” моменты в исторических трудах того периода.

В то же время источники по истории событий эпохи революций в Архиве РАН представлены достаточно широко. В изучении проблем, связанных с революциями в России, для Архива Российской академии наук ближе всего тема “Интеллигенция и революция”. Эта тема разрабатывалась и в советский период, была достаточно популярна. Понятно, что оценки места и роли интеллигенции в революционных и послереволюционных событиях оценивались, главным образом, с одной точки зрения: одни представители российской интеллигенции поняли значение революции и пошли сотрудничать с советской властью, а другие интеллигенты не поняли эпохального значения революции. (Нужно заметить, что судьба у многих “понявших” и “не понявших” дальше была схожей, и весьма печальной в репрессиях 1920–1930-х годов). Люди, по оценкам литературы этого периода, не понимавшие значения революции, шли на работу – в архивы, библиотеки и музеи, занимались краеведением. И здесь была велика роль Академии наук. Это определялось их искренним желанием спасти культурные ценности, культурное наследие от уничтожения. Так появилась возможность изучения биографий и деятельности таких представителей “старой интеллигенции”, она возникла не сразу, уже в послевоенный период, особенно, с 1950–1960-х годов, но эта возможность была крайне ограничена. Деятельность Союза российских архивных деятелей, который возглавляли академики А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов, например, длительное время

¹ *Князев Г.А.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л., 1945. С. 63–64.

характеризовалась только негативно. И многие аспекты этой проблемы в советской историографии не могли затрагиваться.

Оценивая негативно большевистский переворот, ученые считали необходимым продолжение деятельности Академии наук на благо страны, невзирая на политические катаклизмы. При обсуждении в начале 1918 г. предложения Наркомпроса о сотрудничестве, была сформулирована позиция Академии: “Академия всегда готова, по требованию жизни и государства, приняться за посильную и научную, и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром”². Процесс сотрудничества Академии с советской властью налаживался очень сложно, как очень не однозначно было это сотрудничество в 1920–1930-х годах, когда многие выдающиеся ученые и рядовые сотрудники академических учреждений пали жертвой политических репрессий. Но сложные проблемы отношений научной интеллигенции и советской власти, “черные страницы” истории Академии наук, десятки лет затрагивать было нельзя. В исследованиях рисовалась благостная, не отражавшая реальную историю, картина положения ученого в Советской России, отношений Академии наук и партийно-государственной власти. Но углубляться в изучение этой темы не представлялось возможным.

С.В. Мироненко обозначил очень важную и парадоксальную тему. Тему мифов в истории, в общественном сознании. 70 лет насаждались в наше сознание мифы об Октябрьской революции, насаждались властью, с активной помощью официальных историков, с помощью препарированных документальных публикаций.

Сейчас коммунистические мифы развеиваются, но... насаждаются новые! Мне как неспециалисту трудно разобраться, получал Ленин деньги Германского штаба или не получал? Регулярно по телевидению показывают документальные передачи, детально доказывающие, что получал. Хотя я согласен с Сергеем Владимировичем, что это принципиально для Ленина и большевиков не меняло дело. Для них был важен лозунг “цель оправдывает средства”. Мне иногда кажется, что общественное сознание в принципе не может жить без каких-то мифологических мотивов, что этот древнейший метод познания действительности человеком не исчез, а таится в древнейших слоях нашего мозга.

Противоядие против мифов существует – это подлинные документы. Но и здесь не все просто. Почти уже 100 лет идет выявление архивных материалов по теме 1917 г. Опубликован огромный массив документов – у нас в стране и, достаточно крупный (применительно к мемуарам) – за рубежом (я уже не говорю про количество написанной литературы). И в то же время мы вынуждены констатировать, что полноценной научной истории революции у нас до сих пор нет. Причины – основные – лежат на поверхности, они всем хорошо известны. Идеологический диктат и жесткий контроль партийно-государственной власти в СССР. Сборники архивных документов должны были подтверждать официальную точку зрения.

² *Соболев В.С.* Нести священное бремя прошедшего...: Российская академия наук. Национальное культурное и научное наследие. 1880–1930 гг. СПб., 2012. С. 111–112.

Я не знаю, можно ли назвать это мифом, но, очевидно, что исследования советского периода не могли дать полного, достоверного описания событий, многих из которых вообще нельзя было касаться. В то же время схемы и идеологические штампы, навязывавшиеся науке, неизбежно проникали в сознание историков того времени, в наше сознание. Поэтому объективной, научной истории отечественной науки XX в., истории Академии наук мы до сих пор не имеем.

Отношение ученых к Октябрьской революции, шире – к советской власти, тема еще во многом глубоко не изученная. И с точки зрения неприятия революции, и с точки зрения сотрудничества с большевистской властью. Перед историками и архивистами простирается огромное поле для работы. Характеризуя слабые стороны советской историографии науки, нельзя забывать и о той большой проделанной работе по собиранию фактологического материала, по оценке развития тех или иных областей собственно науки, тех или иных научных открытий. Нельзя бросаться в другую крайность. Об этом, мне кажется, хорошо написал известный историк Б.Г. Литвак в рецензии на первый том документальной серии “Академия наук в решениях Политбюро”, что если в советский период труды по истории Академии наук нередко имели характер “апологетического освещения взаимоотношений власти и науки”, то с конца 1980-х, в 1990-е годы начал преобладать публицистический подход к истории науки, с “нагнетанием ужасов” “репрессированной науки”³. Мне кажется, что теперь мы иногда не понимаем, например, тех представителей российской интеллигенции, которые искренне приняли и разделяли идеи революции, идеи марксизма. А это затрудняет объективную оценку их деятельности.

Учитывая это, Архив РАН начал реализацию проекта по изучению фонда Коммунистической академии⁴. Проблемы истории Коммунистической академии, как ни странно, слабо разрабатывались и в советский период. Архивные материалы ее были на положении полузакрытых для исследователей. Отчасти это было связано с тем, что архив Коммунистической академии после ее ликвидации поступивший на хранение в Московское отделение Архива АН СССР, был плохо описан, отчасти потому, что содержал информацию не вписывающуюся в официальную историографию тех лет, в частности, информацию о деятельности многих ученых-марксистов, впоследствии репрессированных или попавших в опалу, как М.Н. Покровский.

В 1990-е годы обрели права исследования по таким направлениям, связанным с темой революций, как “репрессированная наука” и русское научное зарубежье, деятельность ученых, эмигрировавших из Советской России. Сотрудники Архива РАН и Санкт-Петербургского филиала АРАН подготовили фундаментальные публикации документов и исследования в рамках этих направлений⁵.

³ Литвак Б.Г. Академия наук в решениях Политбюро // Новый журнал. 2002. № 227.

⁴ Проект возглавлял главный научный сотрудник Архива РАН Б.И. Козлов. Учитывая низкий уровень описания документов, разработка фонда началась с создания информационно-поискового аппарата. См.: Савина Г.А. Создание электронной базы данных “Коммунистическая академия ЦИК СССР (1924–1936)” в Архиве Российской академии наук: новые исследовательские возможности // Вестник РГНФ. М., 2001. № 1. С. 76–82.

⁵ Здесь нужно отметить многочисленные публикации М.Ю. Сорокиной.

Увлечение исследователей прошлого и настоящего политической историей этой эпохи – взятие Зимнего дворца, II съезд Советов, Брестский мир, фронты Гражданской войны, покушение на Ленина... не оставляет места для вопросов: “а как жил человек в это время?” “как жил ученый в это время?” “о чем он думал ежедневно?”. Это направление исследований, ставшее необычайно популярным в зарубежной науке, а в последнее время у нас, получило название “истории повседневности”. Но еще не затронута сфера повседневной жизни человека, ученого в эпоху революции. А что такое была революция в реальности, нельзя по-настоящему понять, если мы будем заниматься только чисто политическими событиями, не обращаясь к повседневной жизни людей. Людей чрезвычайно разных, одни – делали революцию, другие – ей противостояли, третьи – может быть, были нейтральны. В результате скрещения этих миллионов судеб получилось то, что получилось в истории. И здесь нужны новые документы, которые раньше, может быть, не были востребованы или не прочитаны. Это документы личных фондов ученых.

Архив РАН опубликовал два комплекса архивных источников, представляющих замечательный источник для истории повседневности, день за днем описывающий события жизни ученого, науки, в том числе в эпоху революций. Оба они связаны с именем великого ученого – Владимира Ивановича Вернадского, его переписка с женой и дневник. Это еще недостаточно оцененный источник не только по истории науки.

Я хотел бы немного более подробно рассказать еще об одном археографическом проекте, который подходит к стадии завершения. У нас хранится архив микробиолога Сергея Николаевича Виноградского. И.И. Мечникова и И.П. Павлова мы все знаем. Имя Сергея Николаевича, к сожалению, не так широко известно, хотя недавно праздновался его юбилей. Академик Г.А. Заварзин в “Вестнике Академии наук” написал статью “Гений естествознания”⁶, издан сборник под названием “Рассказы о великом бактериологе С.Н. Виноградском”⁷.

Причины нашего незнания объяснимы. Виноградский оказался в эмиграции. Эмигранты долгое время были у нас не в почете. Но в отношении Виноградского были предприняты беспрецедентные решения. Виноградский – единственный кто в 1923 г. был избран, когда находился в эмиграции, почетным членом Российской академии наук и не исключен впоследствии. Он умер в эмиграции, но академический институт носит его имя. Он не признавал до своей смерти революции, но академическая медаль его имени существует. Виноградский был иностранным членом Французской академии наук, еще бесконечного количества зарубежных академий и научных обществ; после войны выдвигался на Нобелевскую премию. Академик Г.А. Заварзин, выступая на заседании в Архиве РАН, заявил, что по своему научному вкладу С.Н. Виноградский, если можно так сравнивать, выше, чем нобелевский лауреат Мечников, с которым они были знакомы и вместе работали.

Вот такая парадоксальная история. С одной стороны – широко известен, с другой стороны – неизвестен. Личный архив Виноградского

⁶ Заварзин Г.А. Гений естествознания: К 150-летию со дня рождения почетного члена АН СССР С.Н. Виноградского // Вестник РАН. 2006. Т. 76, № 8. С. 722–736.

⁷ Рассказы о великом бактериологе С.Н. Виноградском. СПб., 2002.

в Архиве РАН, – часть личного архива ученого, документы были переданы вдовой в СССР в 1960-е годы, после его смерти. Как выяснилось, это достаточно тщательно отобранная часть архива, вдовой была проведена своего рода экспертиза. Среди других документов были переданы его неопубликованные мемуары. И вот, старший научный сотрудник Архива РАН Галина Александровна Савина завершает подготовку к публикации эти интересные мемуары.

Мемуары охватывают большой исторический период и, естественно, Сергей Николаевич касается событий, которые он переживал – революцию, Гражданскую войну. Он эмигрировал из Одессы в 1919 г.

Два слова о нем, о его биографии, наверное, надо еще сказать и в этой аудитории. Сергей Николаевич – человек фантастический: он начал учиться на юридическом факультете университета, затем учился на физико-математическом факультете, потом закончил консерваторию по классу фортепиано. Но стал знаменитым микробиологом, приобрел мировую известность, возглавил Институт экспериментальной биологии в Санкт-Петербурге. Еще в 1887–1888, работая в лаборатории де Бари во Франции, впервые показал возможность получения энергии за счет окисления сероводорода и использования ее для ассимиляции углекислого газа, открыв таким образом хемосинтез (осуществляющие этот процесс организмы он назвал аноргоксиданты).

После того как его здоровье ухудшилось, он переехал в свои имения на Украину, в Городок Каменец-Подольской губернии, – и там наладил очень эффективное в экономическом и финансовом отношении сельскохозяйственное производство и промышленную обработку продукции. В 1922 г. по предложению Эмиля Ру, директора Института Пастера, создал при институте отдел сельскохозяйственной биологии (агробактериологии) в Бри-Колет-Робер недалеко от Парижа, которым руководил до самой смерти.

Как он встретил 1917 год? Вот цитата: «Во время моего пребывания в Одессе стряслась Февральская революция. “Погибла Россия!” – сказал я себе». “Начинается развал и не замедлит дойти до конца. Пошли смотреть как Одесса празднует революцию. Подходя к Пушкинской услышали Марсельезу – это войска дефилировали в честь наступившей свободы: неряшливые ребята в поддевах, барашковых серых колпаках и парусиновых блузах, при каждой их части – импровизированное красное знамя. [...] Спешим уйти, а по дороге взгляд падает на субъекта в дворянской фуражке, который жметя к двери с выражением ужаса на лице. [...] Это сведенный к бессильным, беззащитным единицам символ и моей судьбы теперь – подумал я мимоходом”. 1917 год в Одессе: “В Одессе был хаос. Власти то забирали в руки бразды, то исчезали, в продолжении четырех месяцев город был во власти большевиков. Был совдеп или ревком, издававший декреты и приводивший их в исполнение под охраной китайской стражи. Одно время, короткое впрочем, город занял атаман Григорьев”. Вот такая небольшая хроника более или менее известных нам событий. И вот, отрезанный от своих практических занятий, отрезанный от своих научных занятий, деятельный Сергей Николаевич не мог не заниматься ничем, он решил: “Тогда я решил посвятить свое время ознакомлению с политическими и социальными вопросами, в частности, с историей Французской революции, которую так усердно обезьянничали наши революционеры всех толков, вплоть

до миллюковцев. И как ею не интересоваться в виду параллельности событий, несмотря на разные эпохи: и там, и у нас был старый режим, и там и у нас он кончился революцией. Как разгорелся революционный процесс? Каковы характеристики его заправил? Как он протекал и что он обещал? [...] Погрузился в чтение источников по социализму, выдвинутому на первый план политических событий". Ученый – он взялся за это серьезно. «Прежде всего, взялся за “Капитал” Маркса и нудился над этим толстым томом неделю за неделей”. Потом взялся за большевистские тексты, за их выступления на партийных форумах, в частности, очень внимательно – изучил доклады Бухарина и Ленина на VIII съезде РКП(б). «Изучение социализма при помощи индуктивного метода меня заинтересовало настолько, что я не только прочел, но и написал статью “Экспериментальный социализм”, надеясь найти случай ее напечатать, и полагая, что она пригодна для заполнения существующего пробела в истории социалистической доктрины, которую стараются основать исключительно на политических и социальных факторах, между тем как при введении ее в жизнь важнейшую роль играет (фактор) психологический. Статья осталась ненапечатанной, рукопись дактилографированная (так в рукописи. – В.А.) сохранилась в моих бумагах. Создав себе идею, насколько пригодна в жизни доктрина чистого социализма в насилии неповинного, обратился к его исчадию – к большевизму. Материалом послужил доклад Ленина на VIII съезде РКП(б), доклад пространный, сопровождавшийся дискуссией и полемикой. Картина большевизма получилась настолько полная и отчетливая, как только можно пожелать. Она послужила мне материалом для статьи “Автопортрет большевизма”. Затем последовали еще два этюда о большевизме: “День мирного восстания” и “Деревня под игом рабоче-крестьянского правительства”».

Вот с этого момента мы очень заинтересовались: а что такое его “Этюды”, где они находятся, и какова их судьба? Г.А. Савиной удалось выяснить, что какие-то публикации были в местной одесской печати этого времени. Но несмотря на ее большие усилия – она работала в библиотеке федеральных архивов, в ГА РФ, где есть редкие газетные издания, обследовала библиотеки Москвы и Санкт-Петербурга) – нигде невозможно было найти эти газеты. Может быть, они сохранились в Одессе? Но до Одессы доехать не удалось, хотя в хранилищах Киева она работала. Галина Александровна даже поехала по туристической путевке во Францию, с прицелом посмотреть на какие-то материалы Виноградского.

После этого я, по другому проекту, поехал в командировку во Францию и решил ознакомиться с частью фонда архива Виноградского, который лежал в Архиве Института Пастера, где Сергей Николаевич работал с 1922 г. Кстати сказать, Мечников его приглашал еще в 1890 г. возглавить отдел в Институте Пастера. И выяснилось, что там лежит полноценная часть архива Сергея Николаевича, ровно разделенная между Москвой и Парижем, конечно, по идеологическим мотивам. Все материалы антибольшевистские, конечно, супруга не стала передавать в Советский Союз. В Институте Пастера хранится очень интересный пласт документации. Там хранятся рукописи его лекций, статей, переписка. Среди них рукописи публицистических работ, рукописи, машинописные тексты с рукописной правкой, экземпляры газет с публикациями статей Виноградского. А также ряд

рукописных статей, написанных на французском языке, которым, увы, я не владею. Это большой комплекс документов. Решение было очевидное, скопировать все, что было возможно за короткий период. В Архиве Института Пастера работают очень милые люди, они помогли мне, разрешили снимать на цифровую камеру. Сейчас мы решаем вопрос о публикации публицистических статей в приложениях к мемуарам. Очевидно, что без этих документов представление о взглядах одного из крупнейших ученых российских (его по праву украинцы считают и своим ученым, потому что он родился в Киеве и его имение было на Украине; но в то же время он и российский ученый). Мы им по праву гордимся и должны знать его взгляды на общественно-политические события, свидетелем которых он был.

Наверное, надо думать и о будущей научной публикации его публицистики (и переписки). В археографическом плане это не очень простая задача. В публикации в приложении к мемуарам мы решили ограничиваться только печатным текстом как источником публикации. Хотя и здесь не все просто, газеты уже настолько потемнели, они уже стали коричневыми (представляете, какого качества в Одессе газетная бумага была в Гражданскую войну!). На помощь приходит цифровая техника – сейчас можно после некоторых усилий улучшить эти фотографии. Полное, научное издание всего комплекса этой публицистики представляет несомненный интерес, конечно, она чисто антибольшевистская, но это публицистика великого ученого и с позиции ученого. Виноградский публиковал в газетах “Этюды натуралиста”, где касался злободневных политических тем, писал о том, что “нам, натуралистам, надо объединиться, чтобы свою точку зрения на события проводить”.

Вот это один из примеров того, что можно почерпнуть в фондах Архива Академии наук и что, безусловно, когда это будет напечатано, обогатит новыми фактами, новым взглядом на революцию с точки зрения выдающегося, великого российского ученого Сергея Николаевича Виноградского.

А.А. Чернобаев

**НОВЕЙШИЕ ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ
О СОБЫТИЯХ 1917 г. В РОССИИ
В ЖУРНАЛЕ “ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ”**

За прошедшую осень только в Москве состоялось больше десяти конференций, посвященных 90-летию революции 1917 г. в России. Всего же в стране в связи с этим юбилеем было проведено свыше ста конференций и симпозиумов, что свидетельствует о продолжающемся интересе научной общественности к событиям тех лет. Причем важно, что за последние годы отношение к ним стало несколько иным, чем в начале постсоветского периода.

В 1990-е годы авторы многих исследований по истории русских революций и вообще освободительного движения в России подчеркивали в основном негативные их моменты и последствия. Это дало основание академику РАН Ю.А. Полякову сделать вывод, что в освещении революционных событий 1917 г. в “лихие 90-е” был полный беспредел. Конечно, и сегодня имеют место подобные подходы. Продолжают публиковаться материалы о “немецких деньгах”, с помощью которых большевики якобы подготовили и свершили Октябрьский переворот. Нередко можно встретить утверждения, что главным и чуть ли не единственным побудительным мотивом у народных масс в период революции было стремление к грабежу и разрушению. Немало и других подобных примитивных трактовок событий 1917 г. И все же в целом тональность новейших публикаций о революции стала более взвешенной и многогранной.

Широкий общественный резонанс вызвала статья А.И. Солженицына “Размышления над Февральской революцией”¹. Соглашаясь во многом с именитым писателем, считаю более чем спорным такой его вывод: “Февраль трагически изменил не только судьбу России, но и ход всемирной истории”. Если уж говорить о событии 1917 г., которое действительно оказало колоссальное влияние на все последующее развитие нашей страны и мира, то это, несомненно, Октябрьская революция. Именно с ней связаны глубочайшие социальные, имущественные и иные изменения в России, как бы мы сегодня к ним не относились и не оценивали. Неоспоримо большое, а может быть, и решающее влияние Октябрьской революции на международные отношения, на внешнюю и внутреннюю политику всех государств на протяжении XX столетия. Это понимали многие выдающиеся мыслители прошедшего века. Так, крупнейший английский философ Б. Рассел писал в начале 1920-х годов: “Российская революция – одно из величайших героических событий в мировой истории. Ее сравнивают с Фран-

¹ См.: Независимая газета. 2007. 27 февраля.

цузской революцией, но в действительности ее значение еще более велико". С революционными событиями в России Б. Рассел связывал начало фундаментальной экономической реконструкции в мире, "чреватой весьма глубокими изменениями в образе мыслей и чувств, в философии и искусстве, личных отношениях", что представлялось ему абсолютно необходимым "для того, чтобы материальное производство стало слугой человека, а не его господином"².

По данным многочисленных социологических опросов, проведенных отечественными и зарубежными исследователями в конце 2006 – начале 2007 г., в современной России по-прежнему велик процент граждан, признающих огромное значение Октябрьской революции. Похоже, что в настоящее время понимание ее значения наблюдается и на государственном уровне, что нашло отражение в произведенных недавно изменениях в Федеральном законе о днях воинской славы и памятных датах России. Этот закон был принят Государственной думой 10 февраля и подписан Президентом РФ 13 марта 1995 г. (№ 32-ФЗ). В соответствии с редакцией закона, утвержденной 29 декабря 2004 г. (№ 200-ФЗ), 7 ноября было отнесено к дням воинской славы России с формулировкой: "День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 год)". (Надо же было додуматься до такой "витиеватой" формулировки!) Минуло еще несколько лет, и 28 февраля 2007 г. появляется новая редакция статьи 1.1 Федерального закона. Теперь 7 ноября не только день воинской славы, но и памятная дата России: "День Октябрьской революции 1917 года". Напомню, что в преамбуле закона сказано: памятные даты в истории Отечества – это даты, "связанные с важнейшими историческими событиями в жизни государства и общества".

С.О. Шмидт попросил меня охарактеризовать новейшие документальные источники о событиях 1917 г. в России. Понятно, что в небольшом выступлении сделать это практически невозможно, даже при условии, что их количество в постсоветский период резко сократилось. В этой связи, прежде всего хочу обратить ваше внимание на недавно изданный справочник "Открытый архив – 2", подготовленный сотрудником Архива Президента Российской Федерации И.А. Кондаковой³. Анализ сведений, представленных в этой книге, дан в ее статье "Документы революций 1917 г. в свете статистики"⁴. В ней приведены подсчеты, какого рода и по каким направлениям, начиная с 1917 и по 2000 г., были опубликованы документальные сборники. По данным И.А. Кондаковой, за указанный период в различных издательствах СССР (после 1991 г. – в издательствах РФ) вышло в свет 439 документальных сборников, посвященных 1917 г. Вне зависимости от тематики сборники документов в количественном отношении преобладали над сборниками воспоминаний. Менее всего издавались изобразительные материалы, причем, в 1920-е годы публиковались

² Рассел Б. Теория и практика большевизма. М., 1991. С. 5–6.

³ См.: Открытый архив – 2: Справочник сборников документов, вышедших в свет в отечественных издательствах в 1917–2000 гг. / авт.-сост. И.А. Кондакова. М., 2005.

⁴ См.: Кондакова И.А. Документы революций 1917 г. в свете статистики // ИА. 2007. № 5. С. 210–218.

преимущественно плакаты времен революции, а в последующие десятилетия – фотографии, рисунки, репродукции картин, кадры кинохроники.

Если рассматривать весь комплекс изданий документов и воспоминаний с точки зрения тематики, то наибольшее их количество посвящено 1917 г. на местах. Особенно многочисленны документальные сборники, отражающие события на Украине и в Российской Федерации – это Москва и Петербург (Петроград). Всего один (в 1990-е годы) вышел сборник документов, специально посвященный роли и месту интеллигенции в революции 1917 г.⁵

Подводя итог проведенному исследованию, И.А. Кондакова пишет: “Статистический анализ, при всей его схематичности и условности, тем не менее, позволяет сделать некоторые выводы в отношении идеологических приоритетов в различные десятилетия, соотношении государственного заказа в книгоиздательском деле и читательского интереса, изменения политической конъюнктуры в стране”⁶.

Главный недостаток в археографическом отношении советских публикаций о событиях 1917 г. состоял в том, как осуществлялся отбор документов, как они комментировались. В основном публиковались материалы, обосновывающие закономерность революции, о деятельности большевистских организаций, но и они выборочно, с большим количеством купюр, которые не оговаривались, и потому даже фундаментальное десяти томное документальное издание об Октябрьской революции во многом из-за этого теряет свою научную ценность, хотя и сбрасывать его со счетов было бы неправильно. К сожалению, в настоящее время эти недостатки также присущи ряду публикаций исторических источников, разница лишь в том, что теперь “героями” стали представители не большевиков, Красной армии, а иного, “белого” лагеря. В какой-то мере это правомерно, потому что ранее, в советские годы, публикаций на этот счет было мало.

Думаю, не выдам ни военных, ни государственных тайн, если скажу, что сейчас в Российском гуманитарном научном фонде проходит экспертиза заявок на исследовательские и издательские гранты на 2008 г. Как эксперт, я просмотрел многие из них. Заявки – чрезвычайно интересные! Например, на издание дневников А.В. Орешникова, в 1883–1933 гг. заведующего нумизматическим отделом и фондами Государственного исторического музея, члена-корреспондента АН СССР. Их публикация, а они охватывают период с 1915 г. и чуть ли не до конца жизни ученого, позволит во многом по-новому понять и оценить ситуацию предреволюционных и последующих лет⁷.

Готовясь к сегодняшнему выступлению, я открыл первый, “пилотный” номер журнала “Исторический архив” (очень рад, что в этом зале немало членов редсовета, редакции и авторов нашего журнала). Уже тогда в нем в рубрике “Россия на переломе” был опубликован дневник генерала А.Н. Куропаткина за 1917 г.⁸ В дальнейшем, как в этой рубрике, так

⁵ Кондакова И.А. Документы революций 1917 г. в свете статистики. С. 217.

⁶ Там же. С. 218.

⁷ Дневники опубликованы. См.: Орешников А.В. Дневник. 1915–1933: в 2 кн. М., 2010. Кн. 1: 1915–1924; М., 2011. Кн. 2: 1925–1933.

⁸ См.: Дневник генерала А.Н. Куропаткина. 1917 год / подгот. И.В. Карпеев, Е.Ю. Сергеев // ИА. 1992. С. 159–172.

и в других (“Первая мировая война”, “Архив вождей”, “Экономика и финансы”, “Внешняя политика”, “Русское зарубежье”, “Государство и церковь”), сюжеты, связанные с событиями русских революций, нашли широкое отражение. Этого массива впервые введенных в научный оборот документов о кануне, событиях 1917 г. и их последствиях вполне хватит на солидный сборник.

В преддверии настоящего юбилея мы обратились к историкам и архивистам с предложением принять участие в подготовке тематического номера по данной проблематике. В результате в редакцию были присланы материалы не только отечественными, но и зарубежными (из Швеции, Дании, Японии) исследователями. Всего в 2007 г. в номерах 4, 5 и 6 журнала опубликовано (или выйдут до конца года) более 20 подборок соответствующих материалов. Среди них – дневниковые записи за январь–март 1917 г. профессора Московской духовной академии А.Д. Беляева, который не принял ни Февральской, ни Октябрьской революций⁹; письма историка, культуролога и религиозного мыслителя Г.П. Федотова за апрель–ноябрь 1917 г. к Т.Ю. Дмитриевой, сыгравшей в его судьбе не маловажную роль¹⁰; донесение сотрудника посольства Французской Республики в России Э. Пети министру вооружения А. Тома за октябрь – начало ноября 1917 г.¹¹ и др.

Следует отметить, что с первых номеров в “Историческом архиве” публиковались документы, отражающие позицию кадетов и большевиков, монархистов и анархистов, меньшевиков и эсеров. Так, в № 4 журнала за 2007 г. в рубрику “Армия и революция” включены два материала – воспоминания солдата Первой мировой войны К.М. Гребенкина¹² (публикацию подготовил его внук, кандидат исторических наук, старший преподаватель Рязанского государственного университета И.Н. Гребенкин, в семейном архиве которого документ хранится) и записки о событиях в Кронштадте в марте–июне 1917 г. комиссара Временного правительства, видного кадета В.Н. Пепеляева, впоследствии расстрелянного вместе с А.В. Колчаком (публикатор доктор исторических наук, заведующий сектором Института истории Сибирского отделения РАН, профессор Новосибирского государственного университета В.И. Шишкин¹³; документ выявлен в ГА РФ). Об отношении того и другого к описываемым событиям красноречиво свидетельствуют заголовки публикаций: воспоминания К.М. Гребенкина – “Была бы справедливость, о большем и не мечтали”; записки В.Н. Пепеляева – “Один из возмутительнейших эпизодов нашей революции”. Очевидно, что это – два взгляда, две позиции, во многом диаметрально противоположные, на события и процессы, происходившие в стране, прежде всего

⁹ См.: “Печально что-то и страшно”: Впечатления и размышления профессора Московской духовной академии А.Д. Беляева. Январь–март 1917 г. / подгот. М.И. Одинцов // ИА. 2007. № 5. С. 3–38.

¹⁰ См.: “Теперь судьба России в руках авантюристов”: Письма Г.П. Федотова к Т.Ю. Дмитриевой. Апрель–ноябрь 1917 г. / подгот. А.В. Антошенко // ИА. 2007. № 4. С. 111–118.

¹¹ См.: “Керенский не умеет и не хочет бороться”: Донесение сотрудника посольства Французской Республики в России Э. Пети министру вооружения А. Тома. Октябрь 1917 г. / подгот. Т.И. Филимонова // ИА. 2007. № 5. С. 39–74.

¹² См.: ИА. 2007. № 4. С. 45–69.

¹³ Там же. С. 70–110.

в армии и на флоте, накануне и в ходе русской революции, что позволяет с разных сторон подойти к их анализу и осмыслению.

Материалы, опубликованные в “Историческом архиве” в юбилейном году, отражают не только политические события, но и проблемы экономики¹⁴, взаимоотношений государства и церкви¹⁵, отношение к советской власти технической интеллигенции¹⁶. Несомненный научный интерес представляют материалы и документы о В.И. Засулич за 1917–1931 гг.¹⁷, а также ретроспективный взгляд на Октябрьскую революцию и одного из ее вождей И.В. Сталина в ранее не публиковавшихся статьях лидера эсеров В.М. Чернова¹⁸.

Публикации в “Историческом архиве” о событиях 1917 г. – лишь незначительная часть документального наследия, изданного в связи с 80-летним юбилеем Февральской и Октябрьской революций. Вместе с тем масштабная публикация документов по их истории далека от завершения. Массив опубликованных материалов о сложных и противоречивых процессах, происходивших в то время во всех сферах жизни страны, не сопоставим с объемом информации, хранящейся в архивах. Введение в научный оборот документальных источников о трагических и героических страницах российских революций остается одной из важнейших задач историков и архивистов.

¹⁴ См.: Революция и иностранный бизнес: Из истории шведских телефонных компаний в России. 1915–1918 гг. / подгот. М.А. Чичуга // ИА. 2007. № 5. С. 75–87 (документы выявлены в Архиве по истории бизнеса в Швеции).

¹⁵ См.: Письма монархистов Поместному Собору Православной Российской Церкви. Август–октябрь 1917 г. / подгот. М.А. Бабкин // ИА. 2007. № 4. С. 130–145.

¹⁶ См.: “Мы должны работать независимо от политики”. Творческое наследие инженера-конструктора и изобретателя В.Г. Шухова на рубеже эпох / подгот. И.Л. Макаревич, Г.А. Медведева, Л.В. Успенская // Там же. С. 119–129.

¹⁷ См.: “России, которую я знала и любила, нет больше на свете”: Материалы и документы о В.И. Засулич. 1917–1931 гг. / подгот. Т.А. Богданова // ИА. 2007. № 6. С. 63–81.

¹⁸ См.: “Повелитель тысячи ведомств, которые в России всевластны”: В.М. Чернов о И.В. Сталине / подгот. А.П. Новиков // ИА. 2007. № 4. С. 4–28.

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2008 ГОДА
“ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПАМЯТИ АКАДЕМИКА
СЕРГЕЯ ФЕДОРОВИЧА ПЛАТОНОВА
(к 75-летию со времени кончины)”

Хроника заседания

19 и 20 июня 2008 г. в Санкт-Петербурге в Зале заседаний Российской национальной библиотеки состоялась “Всероссийская научная конференция памяти академика Сергея Федоровича Платонова (К 75-летию со времени кончины) – Тихомировские чтения 2008 г. Археографической комиссии РАН”. Настоящие Тихомировские чтения, ежегодно проводимые Археографической комиссией, явились одним из пунктов подержанного Отделением историко-филологических наук РАН “Плана мероприятий в честь 75-летия со дня смерти и 150-летия со дня рождения академика С.Ф. Платонова в 2008–2010 гг.”, включающего проведение научной конференции и издание ее материалов, публикацию собрания сочинений, эпистолярного наследия и биобиблиографии С.Ф. Платонова, сборника статей о жизни и творчестве историка, открытие мемориальной доски. В чтениях под эгидой Отделения приняли участие: учреждения РАН – Археографическая комиссия, Санкт-Петербургский институт истории, Библиотека, Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Российская национальная библиотека; Санкт-Петербургский государственный университет; ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Самары; родственники историка.

Тематика докладов охватывала научно-педагогическую и административную деятельность С.Ф. Платонова, вопросы изучения и публикации его научного наследия, современное состояние изучения проблематики, бывшей предметом исследований С.Ф. Платонова. Ко времени проведения чтений в ОР РНБ была развернута выставка новых поступлений в личный архивный фонд С.Ф. Платонова. Переданные внучкой ученого Н.М. Игнатовой уникальные фотографии первой половины 1860-х годов – первой трети XX в., некоторые документы, существенно обогатили источниковую базу исследования биографии историка.

Первый день чтений открылся приветствием генерального директора РНБ *В.Н. Зайцева*. От имени Отделения историко-филологических наук РАН к участникам чтений обратился академик *Б.В. Ананьич*, охарактеризовавший роль С.Ф. Платонова в формировании Петербургской исторической школы. Почетный председатель АК РАН академик РАО *С.О. Шмидт* во вступительном слове рассказал о мероприятиях Археографической комиссии, направленных на изучение и пропаганду научного наследия С.Ф. Платонова, в частности о подготовке совместно с РНБ собрания сочинений ученого в шести томах, его переписки.

Доклад *А.И. Алексеева* (РНБ) “Фонд академика С.Ф. Платонова в ОР РНБ: формирование, описание, использование”, сопровождавшийся показом слайдов, был посвящен истории приобретения, обработки и изучения одного из самых крупных архивных фондов Отдела рукописей, печатный “Каталог” которого готовил трагически погибший В.А. Колобков. *А.В. Сиренов* (СПбГУ) доложил о ходе подготовки к печати первых томов “Собрания сочинений” С.Ф. Платонова и некоторых проблемах текстологии изданий ученого. Особенный интерес у слушателей вызвали наблюдения докладчика над уникальным (с авторскими маргиналиями) экземпляром первого издания магистерской диссертации С.Ф. Платонова, хранящегося в подсобной библиотеке ОР РНБ. *А.П. Павлов* (СПбГУ) посвятил доклад изучению С.Ф. Платоновым служилого сословия XV–XVI вв. *Е.А. Ростовцев* (СПбГУ) по материалам неопубликованного дневника жены С.Ф. Платонова Н.Н. Платоновой проследил изменение восприятия в семье историка, близкого к династии, лиц императорской фамилии на протяжении всего периода царствования последнего императора.

Неподдельный интерес участников заседания вызвало выступление *Н.М. Игнатовой*, продемонстрировавшей специально доставленные в зал заседания мемориальные вещи С.Ф. Платонова: академическую шапочку, пресс-папье и печати, табличку с двери квартиры; уникальные документы: автограф сонета, посвященного С.Ф. Платонову великим князем Константином Константиновичем (К.Р.), и фотографию великого князя с дарственной надписью С.Ф. Платонову, фотографии из следственного дела арестованных вместе с С.Ф. Платоновым его дочерей и подлинное свидетельство о последовавшей в Самаре смерти историка.

Трудам и просветительской деятельности С.Ф. Платонова в 1920-е годы были посвящены доклады: *Н.П. Копаневой* (СПбФ АРАН) – о книге С.Ф. Платонова “Петр Великий: Жизнь и деятельность” и противостоянию ученого цензуре и тенденциям, утверждавшимся в науке М.Н. Покровским; *А.В. Мельникова* (АК РАН) – о малоизвестных работах С.Ф. Платонова в газетах и периодических научно-популярных изданиях этого времени.

Среди докладов второго дня заседания выделялся блок выступлений о взаимосвязях С.Ф. Платонова и историков его времени: чл.-корр. РАН *И.П. Медведева* (СПБИН РАН) “С.Ф. Платонов и его учитель византист В.Г. Васильевский”, *И.Л. Тихонова* (Музей СПбГУ) “С.Ф. Платонов и А.А. Спицын”, *А.Н. Цамутали* (СПБИН РАН) “С.Ф. Платонов в переписке А.Е. Преснякова”. О научно-административной деятельности С.Ф. Платонова как директора Императорского женского педагогического института рассказала *Е.М. Колосова* (РГПУ им. А.И. Герцена). О С.Ф. Платонове как директоре БАН сделал доклад (подготовленный в соавторстве с *Е.А. Савельевой*) нынешний директор библиотеки *В.П. Леонов*. Выступление В.П. Леонова, затрагивавшее в числе прочего и причины “академического дела”, специальный доклад об этом трагическом для исторической науки событии академика Б.В. Ананьича, а также выступление *В.П. Прозоровой* (ИРЛИ РАН) “Н.В. Измайлов об Академическом деле (по материалам архива)” вызвали активную плодотворную дискуссию и обмен мнениями среди присутствовавших.

В завершение заседания, *А.В. Кобак* (Фонд им. Д.С. Лихачева) рассказал об увековечении памяти С.Ф. Платонова в Санкт-Петербурге, продемонстрировал проект мемориальной доски на доме по Каменноостровскому проспекту № 75/73 (в нем ученый жил в 1916–1930 гг.), установка которой намечена на октябрь 2008 г.

Материалы чтений, в том числе и тех докладов, что были включены в программу, но не были доложены на конференции, решено издать отдельной книгой.

А.В. Мельников

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

В.Н. Малов

ЗАПАДНЫЕ РУКОПИСИ В ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ХРАНИЛИЩАХ РОССИИ: ПОЛЬСКО-ИТАЛЬЯНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ РЯЗАНСКОГО АРХИВА

В научной библиотеке при Государственном архиве Рязанской области (ГАРО) хранятся пять переплетенных томов документов XVIII в. (с 1763 по 1798 г.) на итальянском языке. О них упомянуто в статье Д.В. Губина и А.А. Севастьяновой, опубликованной в местном издании “Рязанская вивлиофика”¹. Авторы правильно определили хронологические рамки всего комплекса и отдельных томов, равно как и имя “хозяина” фонда, жившего в Польше каноника Гиджотти (Ghigiotti), – хотя им, видимо, осталось неизвестным должностное положение последнего. Ошибочным оказалось определение статуса итальянских корреспондентов Гиджотти (“из апостольской канцелярии в Риме”); осталось неотмеченным различие в характере томов: все документы были сочтены “письмами из Рима в Варшаву”.

В действительности комплекс содержит три вида документов: 1) оригиналы полученных из Рима писем: ГАРО № 13097; 2) копии отправленных в Рим писем: ГАРО № 13098 и 13096; 3) полученные из Рима сводки политических событий, отправлявшиеся еженедельно – так называемые “бюллетени” под заглавием “Новости из Рима” (Nuove di Roma): ГАРО № 13120 и 13120 доп.

Итальянец Газтано Гиджотти (1728–1796) впервые прибыл в Польшу в 1760 г. как секретарь и казначей папского нунция Висконти; очень скоро заслужил доверие короля Августа III и в начале 1763 г. стал его личным “агентом” в Риме, а затем и посланником там же от всей Речи Посполитой. После смерти Августа III (5 октября 1763 г.) при наступившем бескорольевьи Гиджотти выехал из Рима в Польшу чтобы получить от новых властей подтверждение своей должности. Он добился даже большего, сумев так понравиться новоизбранному королю Станиславу-Августу Понятовскому, что тот сразу же после избрания, в сентябре 1764 г. назначил его секретарем своего личного кабинета, ведающим сношениями с Италией (прежде всего, естественно, с Ватиканом). С 1774 г. канцелярия Гиджотти заняла свое место в системе государственных органов Речи Посполитой, став Итальянским (или Церковным) отделом в Департаменте иностран-

¹ Губин Д.В., Севастьянова А.А. Материалы к описанию собрания рукописей Государственного архива Рязанской области // Рязанская вивлиофика: Исторический альманах. Рязань, 2001. Вып. 2. С. 13.

ных дел созданного сеймом Постоянного совета. Во время всего правления Станислава-Августа Гиджотти оставался одним из его близких доверенных лиц и выполнял самые разнообразные королевские поручения. Итальянский отдел он возглавлял до 1788 г., когда вышел в отставку, передав свою канцелярию молодому помощнику Федерико Баччарелли (1756–1829), сыну своего доброго друга Марчелло Баччарелли (1731–1818; первый художник двора, архитектор, создатель Лазенок); но и после этого он продолжал вести собственную корреспонденцию с Италией.

Прибыв в Польшу простым аббатом, Гиджотти в 1767 г. стал каноником Вармийского капитула во Фромборке (как некогда Коперник), в 1776 г. получил титул “домашнего прелата” папы, а в 1780 г. – апостолического протонотария. Около 1777 г. стал кавалером Мальтийского ордена. Кроме всего этого, он был видным масоном, имевшим звание великого милостынника Великого Польского Востока.

Скончался Гиджотти 29 марта 1796 г. в Варшаве, только на четыре месяца пережив отречение Станислава-Августа от престола уже не существовавшего государства; бывшая польская столица была по условиям раздела Польши оккупирована прусскими войсками.

После Гиджотти остался обширный архив, основная часть которого (около 10 тыс. документов), до Второй мировой войны находившаяся в частном архиве Потоцких в Яблонне (бывшее имение Понятовских), ныне хранится в Главном архиве древних актов (Archiwum Głównie Akt Dawnych, AGAD) в Варшаве, где составляет особый фонд (“Архив Гиджотти”)².

От архива откололось несколько фрагментов. Сам Станислав-Август, находившийся под почетным арестом в Гродно, узнав о смерти ближайшего сотрудника, предписал своему архивисту Альбертранди разобраться в бумагах Гиджотти и, отделив документы государственного значения, перенести их в личный архив экс-монарха. Эта работа была только начата, но вскоре прекратилась из-за ее сложности и незаинтересованности Альбертранди, который не мог рассчитывать на достойное вознаграждение от лишнего власти короля; все же часть бумаг попала в личный архив Станислава-Августа и ныне находится в AGAD, также пройдя через Яблонну. Что касается бумаг, специально связанных с деятельностью Итальянского отдела, то сразу после 1788 г. вышедший в отставку Гиджотти отобрал их, насколько то было возможно, из общего архива и сосредоточил в особом “большом шкафу”, предназначен для своего преемника по должности Федерико Баччарелли, к которому они и перешли после смерти прелата, причем Баччарелли соединил их с накопившимися бумагами его собственного ведомственного архива. О судьбе этого комплекса мы еще скажем ниже.

Познакомив читателя с личностью Гаэтано Гиджотти, перейду к краткому описанию пяти рязанских томов³.

ГАРО № 13097. Оригиналы писем аббата Джанфранческо Роккатани из Рима на имя Гиджотти (29 октября 1763 г. – 27 декабря 1772 г.). Много

² Об этом фонде см.: *Brańska E. Ksiadz Kajetan Ghigiotti i jego archiwum // Miscellanea Historico-Archivistica. Warszawa, 1987. Т. II. S. 133–156.*

³ В ГАРО не были пронумерованы ни листы этих томов, ни содержащиеся в них документы. В двух томах исходящих бумаг имеется нумерация по документам, принадлежащая самому Гиджотти.

писем личного содержания; сначала переписка имела дружеский характер, после возвышения Гиджотти обращение “Дорогой друг” исчезает, сменяясь обращением к “высокочтимому патрону”. Роккатани был вначале секретарем при кардинале-протекторе Польши Джанфранческо Альбани; после восшествия на трон Станислава-Августа стал через Гиджотти добиваться и добился своего назначения экспедитором польского представительства в Риме. Во второй половине 1770-х гг. интриговал против своего непосредственного начальника, посланника Античи и против самого Гиджотти, был смещен с должности.

ГАРО № 13098. Авторские копии писем Гиджотти в основном на имя кардинала-протектора Польши Джанфранческо Альбани (1720–1803): 84 письма от 7 сентября 1764 г. до 27 июля 1774 г. (после чего следует запись: “Этим письмом заканчивается корреспонденция с кардиналом – во всяком случае та, при которой изготовлялись и сохранялись черновики”). Кроме того, имеются еще копии трех писем племяннику папы Климента XIII кардиналу Карло Редзониго (11 сентября – 11 ноября 1765 г.) и одного письма продатариию короля кардиналу Кавалькини-Гвидобоно (от 26 декабря 1764 г.).

Письма к Альбани по годам распределены неравномерно, больше всего приходится на 1766 г. (25 документов). Имеются, в частности, сведения о намерениях Станислава-Августа усилить свое влияние в сфере сношений между Польшей и Ватиканом. 1 января 1766 г. Гиджотти сообщает о желании монарха постепенно, без официального о том объявления, утвердить правило обязательности его согласия при наделении бенефициями и поставлении новых лиц на польские кафедры (тогда как прелаты Речи Посполитой отправляли такого рода рекомендации непосредственно в Рим, стремясь иметь при папской курии своих собственных представителей). В феврале 1766 г., в связи с отзывом нунция Висконти, Гиджотти пишет, что король настаивает на своем праве одобрить или нет кандидатуру нового представителя папы; аббат даже указывает, какими личными качествами должен обладать нунций: “любезность в обхождении, знание света и изящная непринужденность (*gentile disinvoltura*) – вот те свойства, которые очень нравятся польской нации”. (И, разумеется, он должен хорошо знать французский язык – как же быть в Польше без этого!).

Затем, в 1768–1772 гг., в бурные годы между образованием Барской конфедерации и первым разделом Польши, количество копий резко сокращается (по годам соответственно: 2, 7, 2, 2, 4 документа), и притом они делаются усеченными: Гиджотти опускает все, что им было тогда написано о внутренних делах Польши (вместо чего ставится просто “*Nuove del paese*” или “*Nuove politiche*”) – явный признак того, что подборка составлялась специально для архива Итальянского отдела: преемнику не нужно было знать о тогдашних суждениях своего предшественника на столь острые темы, полный же текст копий остался в общей части архива Гиджотти.

ГАРО № 13096. Авторские копии 216 писем Гиджотти к польскому посланнику в Риме Томмазо Античи (8 января 1785 г. – 31 декабря 1788 г.). Подборка за четыре последних года “министерства” Гиджотти, видимо, полная и равномерная, письма отправлялись с частотой раз в неделю (от 51 до 56 писем в год). Немало внимания уделяется хлопотам польского двора о срочном производстве Античи в кардиналы.

Томмазо Античи (1731–1812) представлял собой тот характерный для века Просвещения тип духовного лица, которого связывала с церковью разве что одежда. Выходец из стародворянской семьи в городке Реканати, он не забывал о своем светском титуле маркиза, и именно к “маркизу Античи” адресовались посылаемые ему письма. Польским посланником он стал еще в 1766 г. и рекомендация в кардиналы была наградой за долгую службу. Он действительно стал кардиналом в апреле 1789 г., но конец его карьеры оказался необычным. 7 марта 1798 г., когда Рим был оккупирован французскими войсками генерала Бертье и была провозглашена Римская Республика, кардинал Античи объявил о своей лояльности к республиканским порядкам, сложил с себя сан и удалился в Реканати. В своем решении он вскоре раскаялся, в 1800 г. обратился к заседавшему в Венеции конклаву с покаянием и просьбой вернуть его в коллегия кардиналов – но получил решительный отказ, после чего доживал век на своей “малой родине”.

ГАРО № 13120. Сборник бюллетеней под названием “Новости из Рима с 1765 по 1769 г. включительно. Том I”. Около 300 сводок, посылавшихся Античи на имя Гиджотти от 13 июля 1765 г. по 30 декабря 1769 г. Помимо известий из Рима, сообщаются новости из других итальянских государств: из Неаполя, Милана, Турина, Генуи (в частности, о движении Паоли на Корсике), а также из Мадрида. Что касается церковных дел – особое внимание уделяется принявшей международный характер кампании против иезуитов; упоминается о недовольстве Климента XIII церковной политикой Станислава-Августа (ограничение юрисдикции церковных трибуналов, установление королевского надзора над имуществом монастырей и орденов и т.п.); наконец, есть секретные сведения о ходе конклава 1769 г.

ГАРО № 13120 доп. Сборник бюллетеней под названием “Новости из Рима с 1796 по 1798 г. включительно. Т. VIII”. Также около 300 документов за период от 20 февраля 1796 г. до 10 марта 1798 г. Если четыре вышеописанных тома однозначно связаны с фондом Гиджотти, то судьба этого последнего тома может вызвать вопросы. Организатором рассылки бюллетеней был аббат Бенедетто Баццани, личный секретарь кардинала-протектора Альбани. Вначале он посылал их Гиджотти в Варшаву, но смерть адресата (29 марта 1796 г.) не привела к прекращению корреспонденции: новым адресатом стал преемник Гиджотти по бывшему Итальянскому отделу Федерико Баччарелли. В 1796 г. он некоторое время жил при экс-короле в Гродно, и туда посылались римские бюллетени. Затем Баччарелли вернулся в Варшаву и бюллетени снова сменили адресата: им стал не называемый по имени вельможа с именованием “Славнейший синьор, высокочтимый патрон” (к Баччарелли писали просто: “Синьору Федерико Баччарелли”); видимо, им был Михал-Ежи Мнишек, гофмаршал двора свергнутого монарха (отсутствие в обращении титула “достопочтеннейшему” – *reverendissimo* – говорит о том, что адресат не был духовным лицом). Мнишек сопровождал Станислава-Августа, когда новый царь Павел I любезно пригласил того приехать в Петербург, после чего сводки стали поступать в российскую столицу.

Лишенный трона, последний монарх Польши мечтал обосноваться в Италии и доживать там свои годы – выбор, соответствовавший и его артистической натуре, и, может быть, памяти об итальянском происхождении

рода⁴. Он просил Екатерину II позволить ему это переселение, но бывшая любовница отделялась обещаниями; впрочем, чтение поступавших из Рима бюллетеней должно было убедить и самого Станислава-Августа в невозможности подобной поездки.

1796–1797 гг. – время завоевания Италии французами, первой итальянской кампании Наполеона. Вся Европа узнала тогда имя генерала Бонапарта. Первое упоминание о нем в римских бюллетенях (14 мая 1796 г.) забавно по своей, мягко говоря, неточности: “Французский генерал Буонапарте, который здесь воспитывался (?!), написал одной своей подружке, что в июле месяце он будет гулять с ней по площади Св. Петра”. Прошел только месяц после первых побед – а в Риме уже боятся...

Рязанский сборник представляет собой очень хорошую подборку материалов по истории итальянской кампании, как она виделась из Рима. Помимо собственно сводок, он богат документальными приложениями (копии и печатные экземпляры отдельных актов): материалы франко-папских переговоров, копии писем и декретов Бонапарта, антифранцузские памфлеты, эдикты папской администрации по организации обороны... Августом 1796 г. помечены два списка произведений искусства, которые пришлось отдать французам из римских церквей и Ватиканского дворца.

Есть и памфлеты шуточного характера. К бюллетеню от 7 января 1797 г. прилагается памфлет “Завещание города Мантуи”: этот осажденный французами город якобы завещает разным лицам и государствам картины с сатирическим смыслом. Генералу Бонапарту предназначалась “картина восьмиугольной формы, изображающая Полидаманта (атлет времен Сократа. – В.М.), задавленного скалами, которые он хвалился на себе выдержать; работа Пьетро Перуджино”. Там же Екатерина II (о смерти которой памфлетист еще не знал) получает в дар картину с изображением Нерона, играющего на лире во время пожара Рима (видимо, намек на то, что императрица предпочла расширение своих владений участию в тушении пожара французской революции). На полях этого “завещания” стоит помета: “Шуточное (*pièce à fantaisie*), для развлечения его величества” – прямое свидетельство того, что с римскими бюллетенями знакомился лично Станислав-Август.

Такая же помета стоит на юмореске, датированной “Брешиа, 22 декабря 1796 г.”, где “сообщалось”, какие представления будут разыгрываться в разных театрах во время карнавала 1797 г. “В Париже – Тирания Эццелино – трагедия, написанная Бонапартом и еще не напечатанная”. Эццелино да Романо – военачальник XIII в., завоевал почти всю Ломбардию, умер от полученных в бою ран, после чего покорившиеся ему города вернули себе свободу. Все та же, что и в мантуанском “завещании”, надежда на то, что завоевания Бонапарта окажутся непрочными – эту надежду перечеркнет битва при Риволи в январе 1797 г.

Станислав-Август выехал из Гродно 15 февраля и прибыл в Петербург 10 марта н.ст. 1797 г. “Романтический император” (определение Пушки-

⁴ Это была ветвь старого итальянского рода Торелли, о чем свидетельствовало изображение в родовом гербе бычка (итал. “*torello*”, откуда и пренебрежительное польское прозвище “*ciotek*”, “теленек”, прилагавшееся к Понятовским). Прапрадед короля Джузеппе-Салингверра Торелли переселился в Польшу в первой половине XVII в., его сын стал Понятовским по фамилии матери.

на), Павел вел себя по рыцарски: освободил пленных Костюшко и его соратников, осуждал польскую политику своей матери (как и весь стиль ее правления); говорил, что сам он был против разделов Польши, но теперь уже ничего не поделаешь... Бывший король был принят с большим почетом, его резиденцией стал Мраморный дворец (ранее дворец Григория Орлова – торжество справедливости!), он сопровождал Павла в Москву на коронацию и был непременным участником придворных торжеств. Так он прожил менее года и скончался 12 февраля н.ст. 1798 г.

Последний бюллетень, посланный из Рима, датирован 10 марта 1798 г. К тому времени в Италии должны были узнать о смерти Станислава-Августа, главного читателя сводок, и их составление прекратилось.

Покойного хоронили с королевскими почестями в костеле св. Екатерины на Невском проспекте⁵, Павел I участвовал в церемонии и лично возложил на голову усопшего корону.

Но почет почетом, а дело делом. Сразу после смерти Станислава-Августа на все бумаги его кабинета был наложен секвестр, и они оказались в распоряжении российских властей. Посмертная опись из 159 номеров⁶ не содержит, однако, никаких указаний на наличие в кабинете томов рязанского комплекса.

Что касается римских бюллетеней, то последний из них должен был прийти в Петербург в середине апреля, когда бумаги Станислава-Августа давно уже были опечатаны. Очевидно, эти бюллетени хранились не в кабинете; после смерти бывшего короля их тем или иным способом доставили в Варшаву и передали Баччарелли, который присоединил их к семи предшествующим томам “Новостей из Рима”, составлявшимся Гиджотти.

Относительно же томов писем Гиджотти и Роккатани можно сказать, что их нахождение в кабинете Станислава-Августа вообще было бы неправдоподобным. Хотя ему и присылали из Варшавы документы, необходимые для написания мемуаров, специальные вопросы церковной политики и отношений Польши с Ватиканом не привлекали внимания мемуариста.

Вопрос о судьбе выделенного из фонда Гиджотти архива Итальянского отдела был исчерпывающим образом освещен по польской документации в статье Е. Браньской⁷. До конца наполеоновских войн этот архив находился на дому у Баччарелли, который с 1815 г. начал хлопотать о его продаже. Вначале он предлагал совершить эту покупку властям созданного под скипетром Александра I Королевства Польского, но те не проявили интереса к делу, ссылаясь на отсутствие денег и устарелость фонда. В конечном счете архив был куплен за 2500 рублей российским министром духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыным (1773–1844) и в мае 1820 г. доставлен в Петербург. Министр счел, что документы о польско-ватиканских

⁵ Прах Станислава-Августа покоился там до 1938 г., когда в связи с предполагавшимся сносом костела останки последнего короля были переданы Польше.

⁶ Опул.: *Bañkowski P.* Archiwum Stanisława Augusta: Monografia archiwoznawcza. Warszawa, 1958. S. 65–74. Менее важные документы были через несколько лет переданы племяннику и наследнику короля князю Юзефу Понятовскому, остальное возвращено Польше по Рижскому миру 1921 г.

⁷ *Branska E.* Archiwum Departamentu Włoskiego z czasow Stanisława Augusta // *Archeion.* Warszawa, 1962. T. 38. S. 67–88.

отношениях могут представить интерес для входившего в состав его министерства Департамента духовных дел иностранных исповеданий.

Перед отправкой архива в Петербург Баччарелли составил его полную опись, опубликованную Е. Браньской⁸. Этот реестр имеет 27 рубрик под номерами и охватывает 168 единиц хранения в разных видах (переплетенные тома, тетради, картонки, связки). Рассмотрим его, отмечая соответствия с томами рязанского комплекса.

№ 2. “Министерские депеши, адресованные кардиналу Античи, польскому посланнику в Риме, с 1764 до 1797 г.” – 8 переплетенных томов, 6 тетрадей, 2 связки. Один из томов может соответствовать ГАРО № 13096.

№ 4. “Том министерских депеш, адресованных кардиналу-протектору Альбани” – 1 переплетенный том. ГАРО № 13098 (имеющаяся в нем вышеприведенная запись удостоверяет, что данный том писем к Альбани действительно был единственным).

№ 7. “Два тома депеш экспедитора Роккатани” – 2 переплетенных тома. Один из них – ГАРО № 13097.

№ 11. “Бюллетени или политические новости Европы, с 1764 по 1798 г.” – 8 переплетенных томов, 1 связка. ГАРО № 13120, 13120 доп. (т. I и VIII).

Как видим, после этого сличения оказалось, что все пять рязанских томов находят себе соответствия в описи Баччарелли. Итак, можно сделать уверенный вывод – рязанский комплекс является фрагментом архива Итальянского отдела, проданного в 1820 г. Ф. Баччарелли А.Н. Голицыну. Это законная российская собственность, купленная у законного владельца. Другой вопрос – как и когда эти тома попали из Петербурга в Рязань, и здесь нет никакой определенности.

Тома хранятся в научной библиотеке ГАРО, не будучи привязаны к какому-либо архивному фонду. Рязанские архивисты ничего не могли мне сообщить ни о времени, ни об обстоятельствах их поступления.

Они имеют два слоя старых шифров. Первый слой представляют инвентарные номера (пятизначные числа арабскими цифрами), зачеркнутые или не зачеркнутые; для ГАРО № 13120, 13120 доп., 13096 и 13097 они располагаются в диапазоне 23152–23163, ГАРО № 13098 имел инвентарный номер 23204. Второй слой – новые инвентарные номера (четырёхзначные числа арабскими цифрами); для первой группы располагаются в диапазоне 3392–3397, для ГАРО № 13098 второй инвентарный номер отсутствует. К этому же слою относятся “топографические” шифры, состоящие из трех элементов (шкаф, полка, место), арабскими цифрами. Для первой группы шифры соответственно: 22.3.1; 22.3.1; 22.3.4; 22.3.2. Шифр ГАРО № 13098–22.2.12. Переход в нумерации от первого слоя ко второму, очевидно, был связан с тем, что тома одной “серии” стали стоять под одним и тем же номером, что видно из совпадения шифров двух томов “Nuove di Roma”. Шифры не соответствуют ни манере, принятой королевским архивистом Альбертранди, ни системе, применявшейся в прошедшей через Яблонну основной части фонда Гиджотти: и в первом, и во втором случае наряду с цифрами применялись буквы. Нет соответствия и с довоенными шифрами AGAD: те состояли из четырех элементов, на первом месте стоял номер

⁸ Ibid. S. 82–87.

зала, обозначенный римскими цифрами. Итак, можно предположить, что рязанские тома сохранили шифры петербургского собрания.

Где находится основная часть архива Итальянского отдела, купленного Голицыным, и были ли другие из него изъятия? Прежде всего, естественно, следовало бы произвести поиски в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий (РГИА. Ф. 821, 29039 ед. хр. за 1809–1917 гг.)⁹.

Причастность самого А.Н. Голицына к изъятию томов из ведомственно-го фонда выглядит весьма маловероятной: он покупал архив у Баччарелли как министр, а не как коллекционер. Все же на всякий случай отметим, что в хранилищах СССР имелись всего два микроскопических личных фонда А.Н. Голицына. Оба находятся в С.-Петербурге: ОР РНБ. Ф. 203, 12 ед. хр. за 1807–1844 гг. и Архив СПб ИИ РАН. Ф. 238, 12 ед. хр. за 1760–1870 гг., совместно с другими Голицыными. В справочнике об А.Н. Голицыне сказано: “помещик Волынской, Курской, Московской и Орловской губерний” – Рязанская губерния в этом списке отсутствует¹⁰.

Создается впечатление, что изъятие пяти томов, попавших в Рязань, производилось едва ли не в спешке: были взяты тома из одного шкафа (22), с двух соседних полок (2 и 3), и что изымавший не был особо осведомленным человеком (зачем было брать малоинтересный сборник писем Роккати?).

Мне остается лишь выразить глубокую признательность профессору Варшавского университета г-же З. Зеленской за консультации и ценную помощь в работе над этой статьей. Я также весьма благодарен П.А. Трибунскому, который первый обратил мое внимание на хранящиеся в Рязани западные документы.

⁹ ЦГИА СССР в Ленинграде: Путеводитель. Л., 1956. Ч. I. С. 125. Здесь отмечается, в частности, наличие в этом фонде собрания папских булл за 1218–1799 гг.

¹⁰ Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. М., 1963. Т. I. С. 189, 193.

К ИСТОРИИ БЫТОВАНИЯ В XIX ВЕКЕ РУКОПИСИ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ТОЛСТОВСКОЙ ПСАЛТИРИ

Широко известная в научной литературе и неоднократно служившая ценным материалом для лингвистических и палеографических исследований Толковая псалтирь XI–XII вв., хранящаяся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (шифр: ОСРК, Ф.п.1.23), имеет название “Толстовская”. С этим именем манускрипт зафиксирован в Сводном каталоге¹, однако отмечается, что основания для такого названия неясны. Относительно истории рукописи в Сводном каталоге также констатируется, что “время и обстоятельства поступления рукописи в ПБ неизвестны”². Задачей данного исследования стала попытка ответить на эти вопросы.

Изучение записей, имеющихся на листах манускрипта, показывает, что ни в одной из них не упоминается граф Федор Андреевич Толстой (1758–1849) – тайный советник, сенатор, собравший коллекцию рукописей и старопечатных книг, которую в 1830 г. он продал Императорской публичной библиотеке³. Собрание Ф.А. Толстого было подробно описано К.Ф. Калайдовичем и П.А. Строевым⁴. Интересующая нас рукопись в каталоге не представлена.

Однако в известном рукописном “Кратком каталоге славянским манускриптам ИПБ”⁵, составленном А.Х. Востоковым и отражающем состояние фонда Депо манускриптов (как тогда назывался отдел рукописей) ИПБ

¹ Сводный каталог славяно-русских книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984. С. 86. № 47. В каталоге приведено краткое описание рукописи. Пергаменный фолиант на 270 листах, из которых л. 136–137 и 148–152 бумажные и на основании филиграней датируются серединой XV в. (филиграни: Голова быка – типа *Briquet*, № 15036 (1450 г.), № 15082 (1469 г.); Виноград – типа *Briquet*, № 13035 (1437 г.)). Тип письма – устав, на бумажных листах – полуустав. Инициалы старовизантийского стиля. Начало и конец рукописи не сохранились – текст начинается с 3-го стиха 15-го псалма и заканчивается 9-м стихом 146-го псалма. Имеются также утраты и в середине блока книги. Переплет рукописи изготовлен в Императорской публичной библиотеке – картон, оклеенный мраморной бумагой, с тиснением на кожаном корешке “Псалтырь съ толкованиемъ/ XII в./ И.Б.”. Манускрипт сохранил множество читательских записей и помет, относящихся к разному времени. На листе при переплете имеются записи библиотекарей-хранителей: 1) “270 л. – 1897 II/24” (без подписи); 2) запись А.Ф. Бычкова с номерами бумажных листов; 3) заверочные записи Ф.Я. Попова, датированные 1946, 1949, 1950 гг.

² Там же. С. 86.

³ Русский биографический словарь: Тобизен – Тургенев / сост. и предисл. М.П. Лепехин. М., 1999. С. 92–94.

⁴ Калайдович К.Ф., Строев П.А. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке гр. Ф.А. Толстого. СПб., 1825; М., 1827. № 272. С. 172.

⁵ Каталог А.Х. Востокова входит в Основное собрание рукописной книги, шифр: F.XVIII.12.

до 1844 г., исследуемая Псалтирь числится под № 464 и имеет следующее описание: “Псалтырь с толкованием, приписываемым св. Афанасию Александрийскому. На перг. 269 л. Уставом XII в. Правописания русского, с сохранением, однако, кое-где **А** и **а**. Начала и конца недостает. Начинается толкованием на пс. X ст. 2, прерывается на пс. CXLVII, ст. 3”⁶.

В следующем рукописном “Каталоге церковно-славянских и русских рукописей”, над которым работал А.Ф. Бычков, описание А. Х. Востокова дополняется: “Псалтырь, с толкованием, приписываемым Св. Афанасию Александрийскому. 270 листов, уставом XII века. Рукопись правописания русского, с сохранением, однако, кое-где **А** и **а**. Начала и конца недостает. Начинается толкованием на пс. XV ст. 2, прерывается на пс. CLXVI, ст. 9. Между 98 и 99 листами утрачен лист, на коем было толкование псалма LVIII от стиха 10 до 14. Текст псалмов разделен на весьма краткие стихи или периоды и после каждого такового стиха следует краткое же толкование. Внизу оборота 130 листа, позднейшею скорописью: *Servator noster vocat nos ad salutatem veritatis*. Спаситель наш созывает всех ко спасению. Листы 136 и 137 писаны на бумаге полууставом XVI века, так же как и листы 148, 149, 150, 151, 152. Заглавные буквы узорчатя писаны киноварью. В счет листов 173-й повторен дважды”⁷.

Итак, ни в одном из двух старейших каталогов фонда наша Псалтирь не имеет названия “Толстовской”. И хотя коллекция Ф.А. Толстого в это время уже находилась в Библиотеке, очевидно, что ни А.Х. Востоков, ни А.Ф. Бычков не соотносили эту Псалтирь с собранием рукописей Ф.А. Толстого. При этом ни в одном из упомянутых каталогов мы не находим сведений о том, когда и как она попала в Библиотеку. Однако источник поступления ценного манускрипта в Отдел был хорошо известен И.А. Бычкову. Об этом свидетельствует упоминаемая в библиографии к описанию рукописи в Сводном каталоге статья М. Н. Сперанского “Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы?”, опубликованная в 1928 г. в Праге в журнале *Slavia*⁸. В этой статье М.Н. Сперанский приводит “любезно сообщенную” ему И.А. Бычковым “выписку из донесения известного палеографа А.И. Ермолаева А.Н. Оленину в 1825 г. (2 июня), содержащую первое определение рукописи, только что купленной тогда библиотекой”, и заключает, что рукопись называется “Толстовской” ошибочно⁹. Статья Сперанского, по всей видимости, не была доступна исследователям: ни в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, ни в Библиотеке Академии наук, ни в Институте русской литературы нет экземпляров журнала *Slavia* за 1928 г., как нет и оттиска статьи¹⁰. Учиты-

⁶ ОСРК. F.XVIII.12. Л. 1, № 464.

⁷ ОСРК. Каталог церковно-славянских и русских рукописей. Т. 1. XIX – начало XX в. Л. 14 об. Расхождения с описанием А.Х. Востокова наблюдаются в указании на номера псалмов и стихов в начале и конце рукописи. А.Ф. Бычков последний псалом в рукописи обозначает римской цифрой CLXVI (166), что является опiskой, так как наибольшее число псалмов, которое может содержать псалтырь, – 151.

⁸ *Slavia*. Praha, 1928. Roc. 7, ses. 2. С. 516–535.

⁹ Сперанский М.Н. Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы? // *Slavia*. Praha, 1928. Roc. 7, ses. 2. С. 518–519.

¹⁰ Благодарю Димитра Пеева, гл. ассистента по старослав. языку Софийского университета “Святой Климент Охридский”, за помощь в получении цифровой копии этой публикации. Благодарю также Ж.Л. Левшину, ст. науч. сотр. Отдела рукописей РНБ, за содействие в установлении контактов с болгарскими коллегами.

вая данное обстоятельство, целесообразно вновь опубликовать донесение А.И. Ермолаева А.Н. Оленину, частично опубликованное и прокомментированное М.Н. Сперанским в 1928 г.

В результате нашего (повторного, вслед за И.А. Бычковым) обращения к документам, хранящимся в архиве РНБ, в деле № 9 за 1825 г.¹¹ действительно был обнаружен рапорт хранителя Депо манускриптов А.И. Ермолаева директору Библиотеки А.Н. Оленину.

Приводим полный текст этого документа, который содержит не только первое описание интересующей нас Псалтири и других рукописей, но и проливает свет на обстоятельства поступления рукописи в Библиотеку¹².

“Его Превосходительству Господину Директору Императорской Публичной библиотеки, Тайному Советнику и разных орденов Кавалеру Алексею Николаевичу Оленину от Хранителя Манускриптов Коллежского Советника Ермолаева.

По словесному разрешению Вашего Превосходительства куплены мною для Императорской Публичной Библиотеки следующие рукописи:

1. Псалтирь толковая, писанная на пергаменте в 4 долю листа уставом начала XII-го, а может быть, даже и исхода XI-го века. – В сей рукописи недостает начала до 3-го стиха псалма XV; в середине, так же, хотя довольно редко, встречаются небольшие недостатки, из коих некоторые заменены вшитыми бумажными листами, писанными не позже XV-го века; в конце утрачены последние листы и рукопись кончится 9-м стихом 146 псалма. – Всех листов в рукописи 269.

По древности языка и правописания, также по некоторым особенностям, встречающимся в сей рукописи в отношении к словенской палеографии, оную можно причислить к малому числу, весьма редких памятников нашей первобытной словесности.

2. Молитва для чтения при освящении приносимых плодов, писанная на пергаментном листе уставом начала XV-го века¹³. В нынешних требниках на случай помещена другая молитва.

3. Алфавит. Рукопись, писанная полууставом XVII-го века на тряпичной бумаге в 12 долю листа, коих содержит всего числом 219¹⁴. В сей рукописи помещены следующие статьи:

1 лист. Предисловие Алфавиту инос[тр]анных речей, иже обретаются во святых книгах словенского языка не преложены на русский язык.

7 л. Книга глаголемая Алфавит [содержит] в себе толкование неудобь понимаем[ых] [ре]чей, иже обретаются в святых книгах словенского языка иностранными глагола[ми] [по]ложены.

¹¹ Дело управления Императорской Публичной Библиотеки о покупаемых книгах, рукописях и пр. № 9. 1825 г. Л. 10–11.

¹² Текст рапорта приводится полностью, так как те рукописи, вместе с которыми наша Псалтирь поступила в ПБ, могли быть приобретены у одного и того же лица, которому принадлежали, и храниться в одном месте или же вместе перемещаться из одного места в другое до покупки их библиотекой, а, следовательно, могут косвенно пролить свет на историю интересующей нас рукописи; в частности, интересны приписки в Алфавите XVII в., одна из которых определяет эту рукопись как вклад в “Кирилов монастырь” монахом в 1704 г.

¹³ Эту рукопись удалось выявить в Основном собрании рукописной книги, шифр: Ф.п.1.49.

¹⁴ Рукопись обнаружена также в Основном собрании, шифр: О.XVI.1.

118 л. Сказание речем неведомым, еже [обре]таются во святых книгах от Греческого [языка] и от Сирского и от Еврейского и от Латинского и от Словенского.

123 л. обор. Святого Василия Великого [толко]вание священнического чина.

125 л. обор. Толкование есть о соборней [Апо]стольстей Церкви Святий Божи.

127 л. обор. От Никона, иже нарече[на] бысть Тактион, еже есть: чиновная о мечте.

128 л. Святого Василия. Там же на обор. О Богумилове ереси.

129 л. Послание Михаила Патриарха Константинограда, еже посла Патриарху Антиохийскому Петру о ересех Латинских.

134 л. Монокан (? вероятно ошибка вместо Номоканон). “Человек при смерти онемееет не годится его в чернцы стричи: мертвое бо овца на жертву не приводимо есть”.

Непосредственно за сим следует загадочная приписка, содержащая имя переводившего Лаодикийское послание, из коей открывается, что переводчиком оно было известный дьяк Федор Курицин, живший в княжение Великого князя Ивана Васильевича и посланный в 1494 году в Литву при посольстве для сватания Великокняжеской дочери (*так!*) Елены за Литовского Великого князя Александра, а потом по повелению Великого князя Ивана Васильевича сожженный за участие в открывшейся тогда в Новгороде ереси.

За сею статью следует разбор нескольких подобных загадочных приписок, а потом на

139-м л. Азбучный шифр.

142 л. Предисловие о буквоницы, рекше о азбуце.

163. Надписание языком Словенским о букве и о ее письменех, рекше о азбуце и о ее словех рассуждение и свидетельство. Вопросы ученичи и ответы учителя.

170 л. обор. Написание языком словенским о грамоте и о ее письменех. Вопрошан[ия] учительск[ие], яко в лицо учительско.

Из приписки внизу первых листов видно, что сия рукопись монахом Кирилова монастыря дана была вкладом в монастырь в 1704-м году.

За все сии рукописи заплачено мною собственных денег четыреста рублей, которые покорнейше прошу приказать мне возратить из сумм Императорской Публичной Библиотеки”, – завершает рапорт “Хранитель Манускриптов Коллежский Советник и Кавалер Александр Ермолаев. 1-го июня 1825-го года”.

На первом листе рапорта по левому полю запись Оленина: “Деньги [в сем] рапорте назначенные, а именно четыреста рублей, выдать немедленно под расписку Г-у Хранителю Манускриптов Ко. Со. А.И. Ермолаеву, дабы он мог иметь всегда готовую сумму на задатки или на покупку подобных предметов. Директ. А. Оленин”.

Итак, этот документ раскрывает нам время и отчасти обстоятельства поступления Псалтири в Императорскую публичную библиотеку, а также дает представление о деятельности Александра Ивановича Ермолаева (1779–1828), хранителя Депо манускриптов ИПБ (в 1812–1828 гг.), который пополнил фонд целым рядом ценнейших рукописей.

К сожалению, А.И. Ермолаев не указывает в своем рапорте, у кого приобретены рукописи. Почему же купленную им Псалтирь стали впоследствии называть “Толстовской”? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Первое опубликованное описание рукописи находим в книге-отчете П.А. Лавровского¹⁵, где она названа просто “Псалтырь с толкованием” без отнесения к какому-либо собранию. И.И. Срезневский в первом издании своей книги “Древние памятники русского письма и языка X–XIV веков” (СПб., 1863) описывает эту Псалтирь, как “Псалтырь толковую: рукопись ИПБ из книг М.П. Погодина” и датирует временем “до 1200”¹⁶. Во втором (посмертном) издании книги И.И. Срезневского (СПб., 1882), которое было дополнено и исправлено, эта же Псалтирь называется “Толковой псалтырью ИПБ из Толстовских рукописей” и датируется временем “до 1100”¹⁷. Речь, несомненно, идет об одной и той же рукописи, так как в обоих случаях есть ссылка на описание ее у П.А. Лавровского с указанием страниц 24–33. Интересно отметить, что в приложениях снимков к этим двум изданиям труда И.И. Срезневского нет фотографий с Псалтири, названной в первом издании “Погодинской”, а во втором “Толстовской”. Первый снимок был сделан сыном И.И. Срезневского В.И. Срезневским и напечатан в его книге “Древнеславянский перевод псалтыри” (СПб., 1877), где он также называет Псалтирь “Толстовской”, ссылаясь на отца¹⁸.

Итак, известно, что на момент покупки манускриптов (1825 г.), описанных в рапорте А.И. Ермолаева, собрание рукописей графа Ф.А. Толстого хранилось в Москве, о чем свидетельствует изданный в том же году каталог¹⁹. Изучая этот каталог, мы обнаружили, что в нем также есть “Афанасия Александрийскаго толкование Псалтири”²⁰. Возможно, путаница с “дополнительными” названиями Псалтири произошла в результате бесед И.И. Срезневского с А.Ф. Бычковым, который оказывал ему дружескую помощь в работе над книгой “Древние памятники русского письма и языка X–XIV веков” (СПб., 1863), а второе издание этой книги подготавливал, когда И.И. Срезневского уже не было в живых. Архивный документ, по-видимому, не был известен ученым XIX в. Только поэтому и могла произойти путаница с названием Псалтири (то Погодинская, то Толстовская) и закрепление названия по имени графа Ф.А. Толстого, очевидно, не имевшего к ней никакого отношения.

Таким образом, первостепенная роль в приобретении для Публичной библиотеки одной из древнейших толковых псалтырей принадлежит Алек-

¹⁵ Лавровский П.А. Описание 7 рукописей ПБ // ЧИОДР. М., 1858. Кн. 4. Отд. 3. С. 24–33.

¹⁶ Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка X–XIV веков. СПб., 1863. С. 39.

¹⁷ Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка X–XIV веков. СПб., 1882. Стб. 38.

¹⁸ Срезневский В.И. Древнеславянский перевод псалтыри. СПб., 1877. С. 1.

¹⁹ См. примеч. 2.

²⁰ Книга форматом в лист, но писана на бумаге, полууставом, текст расположен в два столбца – в одном псалом, в другом толкование (тогда как в “Толстовской” псалтыри тексты толкований не составляют особый столбец, а следуют непосредственно после текстов соответствующих псалмов). На форзаце на внутренней стороне верхней крышки переплета книги имеется экслибрис – “Из библиотеки Графа Ф.А. Толстова. Отдел. I. № 272”. В настоящее время рукопись входит в состав Основного собрания рукописной книги, шифр: F.I.72.

сандру Ивановичу Ермолаеву. Он первый изучил рукопись, весьма точно описал ее и датировал концом XI – началом XII в. Документ А.И. Ермолаева с описанием рукописи и статья М.Н. Сперанского 1928 г. о ней, оставались, к сожалению, не известными. Приведенные материалы показывают, что рукопись из Основного собрания рукописной книги (шифр Ф.п.1.23), во-первых, поступила в ПБ в 1825 г., что не отражено в Сводном каталоге славяно-русских книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. (М., 1984. С. 86. № 47), и, во-вторых, по праву может именоваться “Псалтирю Ермолаева”.

И.А. Голубева

ПЕТРОГРАД 1917 ГОДА ГЛАЗАМИ П.Н. СТОЛПЯНСКОГО

Петр Николаевич Столпянский (1872–1938) – один из крупнейших петербурговедов, чье научное наследие лишь в последние годы получило объективную оценку¹. Он автор более 250 публикаций, однако этим не исчерпывается тридцатилетняя научная деятельность историка. Его опубликованные работы следует расценивать как подготовительный материал к главному труду жизни – шеститомной “Истории Петербурга”. Не по вине автора этот замысел, над которым он работал с середины 1920-х годов вплоть до своей кончины, остался нереализованным. Условия, в которых оказалась в эти годы историческая наука в нашей стране, мало способствовали развитию той отрасли знания, которой ученый посвятил свою жизнь.

Уроженец Петербурга он, в силу обстоятельств, с 14 до 36 лет проживал в разных провинциальных городах, бывая в столице лишь наездами. Годы жизни в провинции связаны с журналистской работой, когда им были освоены все ступени газетно-издательского дела. Журналистская практика – важный момент для понимания творческого метода историка. П.Н. Столпянский первым обратил внимание на ценность газетных материалов как источниковой базы. До него ни один исследователь не использовал в таком объеме и с такой последовательностью материалы периодической печати. Как бывший хроникер, репортер, редактор ряда газет он, возможно, лучше других исследователей понимал, какой богатый материал содержат в себе даже самые мелкие печатные публикации. В одной из работ он пояснял: “...когда мы извлечем и подберем ряд однородных объявлений (речь идет о разделе “Объявления” в газете “Санкт-Петербургские ведомости”. – *И.Г.*) за громадный промежуток времени: с 1728 по 1799 г. [...] тогда перед нами явятся не образчики “курьезов”, а драгоценный бытовой и статистический материал, без которого невозможно обойтись исследователю нашей страны, причем многие данные, сообщаемые этим материалом, не сохранились ни в каких других источниках и являются, таким образом, первоисточником”².

С 1908 г. П.Н. Столпянский обосновался в столице, и столь рьяно погружился в исследование исторического прошлого нашего города, что уже к 1911 г. завоевал прочную репутацию исключительного знатока Петербурга.

Дореволюционные публикации историка, особенно сопровождающий их справочный аппарат, показывают, что П.Н. Столпянским были охвачены практически все крупные архивы Петербурга. Почерпнутые в них ма-

¹ Голубева И.А. Петр Николаевич Столпянский – историк Санкт-Петербурга. СПб., 2007.

² Столпянский П.Н. Старый Петербург: Садоводство и цветоводство в Петербурге в XVIII веке. СПб., 1913.

териалы составили значительную часть его уникальной Картотеки (ныне хранится в Отделе Вольного экономического общества РНБ). Накопленные материалы выходили за рамки даже грандиозной “Истории Петербурга”, но как исследователь П.Н. Столпянский отличался необыкновенной щедростью и всегда стремился сделать свои находки общим достоянием, по возможности публикуя их небольшими статьями или заметками. Однако в послереволюционные годы делать это было все сложнее и сложнее. В результате многие оформленные работы (в том числе части и главы “Истории Петербурга”) так и не вышли в свет.

В монографии, ссылаясь на косвенные данные, мы выдвигали предположение, что в годы проживания в Оренбурге (1902–1908) П.Н. Столпянский был членом социал-демократической партии, но в 1907 г. вышел из нее и более ни в какой политической партии не состоял³. Появившиеся в нашем распоряжении материалы дают основание по-новому взглянуть на общественно-политические пристрастия ученого. Но прежде чем обратиться к событиям 1917 г. хочется заострить внимание на следующих моментах.

П.Н. Столпянский остро, даже болезненно ненавидел самодержавие, считая его основным препятствием на пути развития свободной личности. Подчас это чувство принимало у него гипертрофированные формы, вызывая у слушателей лекций, например, такие комментарии: “...одна сторона меня особенно угнетает в ваших докладах, которая уж совсем неуместна в Обществе Старый Петербург. Оставьте свою манеру обливать грязью бывший строй и царей. Какое отношение к памятникам старины имеют нравственные качества их? Понравилось бы Вам, если, говоря о Ваших трудах и знаниях, всегда упоминали о Вашей злопамятности, озлобленности и, извините, невоспитанности? Я сам немало пострадал от царизма, но мне особенно обидно видеть в Вас черты малокультурного человека”⁴.

Относя себя согласно “внутренней хронологии” своего развития к людям 1860-х годов, П.Н. Столпянский стоял на позициях либерально-народнической идеологии. Слова в заметке, посвященной памяти экономиста и общественного деятеля А.И. Чупрова ярко иллюстрируют его “исторический идеал”: “Все, чем красна наша жизнь, идет оттуда – из шестидесятых годов [...] В вопросах экономической политики Чупров был народником в лучшем смысле этого слова: он защищал общинное землевладение, выдвигал на первый план интересы трудящихся и особенно крестьянства”⁵. Позже он будет неоднократно разрабатывать народническую тему. В 1920-х годах по заказу кинематографической конторы “Киносевер” он работал над киносценарием под названием “614 дней” (вариант названия – “Пролог”)⁶. В 1932 г. на заседаниях народовольческого кружка Общества бывших политкаторжан и ссыльнокаторжных П.Н. Столпян-

³ Голубева И.А. Указ. соч. С. 31.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 271. Л. 5 об.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 404. Л. 64 (уведомление конторы “Киносевер” от 2 апреля 1924 г. о назначении П.Н. Столпянскому гонорара в 200 руб. за предоставленные три части сценария). Кроме того, в архиве ученого сохранились 12 дел, содержащие отрывки, фрагменты и разрозненные листы сценария (Там же. Д. 8; Оп. 2. Д. 177–187).

ский читал главы из романа-хроники о “Народной воле”⁷. Таким образом, народники-шестидесятники были “историческими кумирами” Петра Николаевича на протяжении всей его жизни.

Итак, к 1917 г. П.Н. Столпянский – признанный знаток Петербурга, член (в некоторых случаях – почетный) многих авторитетных научных обществ, автор около двухсот публикаций, в том числе нескольких не очень больших по объему, но емких по содержанию монографий. Его официальное место службы в это время (с 1912 г.) – Художественный отдел Музея Александра III, где он занимал должность библиотекаря и библиографа. Однако если взглянуть на “Список опубликованных трудов П.Н. Столпянского”⁸, сразу бросается в глаза, что на 1917 г. приходится всего две научные публикации.

Возникает закономерный вопрос: было ли это снижением творческой активности, или причина кроется в ином?

П.Н. Столпянский восторженно встретил Февральскую революцию. Достаточно двух высказываний, чтобы представить себе охвативший его душевный подъем. “Россия [...] показывает изумленному миру образец великой революции, победы духа, гордой мысли над прахом земным. То, что свершилось в России, запишется неизгладимыми буквами на скрижали истории”. “Несмотря на общее тяжелое положение, будущее рисуется ярко, красиво, и это будущее заставляет сделаться оптимистом”⁹.

Свершившееся событие, согласно его собственным словам, разбудило в нем “инстинкт газетчика”, заставило на время оставить научные изыскания и обратиться к животрепещущим событиям.

С февраля по октябрь 1917 г. он вновь приступил к журналистской работе, ежедневно публикуя статьи, репортажи и обзоры в четырех газетах: “Русский инвалид”, “Биржевые ведомости”, “Вестник городского самоуправления”, “Народное слово”¹⁰. В архиве П.Н. Столпянского сохранилась тетрадь с вклеенными в нее вырезками его газетных материалов этих месяцев. На первом листе перечислены издания; вырезки сопровождаются авторскими пометками, фиксирующими дату публикации и количество строк в ней. В редких случаях вырезки сопровождаются пометкой, указывающей на издание (например: “Н.С.” – “Народное слово”, “Р.И.” – “Русский инвалид”). Значительная часть материалов опубликована без подписи (особенно это касается обзоров провинциальной и военной прессы), что является серьезным препятствием к их обнаружению на страницах газет. По этой причине, приводя многочисленные цитаты, мы будем ссылаться не на издание, а на номер архивного дела.

Наиболее крупные очерки он помещал в газете “Народное слово” – органе Трудовой народно-социалистической партии. Как известно, партия народных социалистов (энесы) выделилась в 1906 г. из правого крыла эсеров, а в апреле того же года возникла “Трудовая группа” (трудовики), объединившая депутатов из крестьян и интеллигентов народнического толка в 1-й Государственной думе. После Третьеиюньского переворота 1907 г. деятельность обеих партий фактически прекратилась и возобновилась

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 3; Оп. 2. Д. 724. Л. 13.

⁸ Голубева И.А. Указ. соч. С. 192–209.

⁹ ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 270. Л. 5, 48.

¹⁰ Там же. Д. 270.

лишь после Февральской революции. Идеиная близость трудовиков с народными социалистами привела к их объединению. На 6-м съезде трудовиков, проходившем 17–23 июня (30 июня–6 июля) 1917 г. в Петрограде было объявлено об образовании Трудовой народно-социалистической партии. Исследователь Г. Васюточкин обнаружил имя П.Н. Столпянского под 32-м номером в списках Трудового народно-социалистического блока в Петроградской городской думе (третьей по счету за 1917 г.)¹¹. К сожалению, роль и степень его участия как в деятельности самого блока, так и в деятельности Думы выяснить не удалось. Однако, то, что мы знаем о личности и пристрастиях историка, а также материалы, используемые в данной статье, заставляют признать в нем убежденного народника-социалиста, полностью разделявшего политическую программу партии¹².

В “Русском инвалиде” П.Н. Столпянский вел постоянную рубрику “А там во глубине России...”. С этой газетой он сотрудничал с 1911 г., помещая в ней статьи и заметки по истории российской армии. В 1917 г. характер его публикаций изменился: по материалам провинциальной прессы он составлял сводки происходивших в глубинке событий. Самая первая заметка этой рубрики начинается словами: «Что говорил, говорит и скажет наш таинственный сфинкс, наша “черноземная сила”, от которой, собственно говоря, все и зависит...». Здесь же он мотивирует важность доведения сведений такого рода до самых широких слоев общественности: “В настоящий момент не только важно, но более чем необходимо быть в курсе дела, улавливать настроение массы и осведомлять об этом настроении не только тыл, но и фронт, и нам кажется, что осведомление фронта о том, что творится там, в глубине России, более чем необходимо. Если фронт будет осведомлен, если фронту не придется задумываться над положением нашего нутра – тогда фронту будет легче нести свою службу, свой – выражаясь вовсе без прикрас – подвиг”¹³.

Приветствуя демократические начинания, в частности повсеместное распространение волостных комитетов, он дает следующий комментарий: «Посмотрите, как всколыхнулась Русь, сермяжная Русь, та Русь, которая считалась беспомощною, бестолковою, для которой специально был выдуман земский начальник, чтобы опекать и направлять, над которой владычествовали, издевались, насмехались десятки различных начальств от урядника вплоть до губернатора. И вот забитая, сермяжная Русь прямо творит чудеса – она высказывает такую сознательность в своих действиях, проявляет такую планомерность, такой политический такт, что приходится изумляться, не верить глазам [...] Из самых захолустных уголков доносятся одна другой отраднее вести: в Вологодской губернии уже выработано “положение о временных волостных комитетах”, то же самое сделано в Горбатовском уезде Нижегородской губернии, то же самое приводится в исполнение и в ряде других уездов. Везде образуются небольшие ячейки, и они возникают снизу, на широких демократических принципах и, идя вверх, до центрального управления, демократизируют и его»¹⁴. Он прислушивался

¹¹ Васюточкин Г. Круглый год – выборы. А в итоге? // Звезда. 2004. № 5. С. 78.

¹² Программа трудовой (народно-социалистической) партии // Народно-социалистическое обозрение. 1906. Вып. 1. С. 80–94.

¹³ ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 270. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 2 об.

к разговорам на улицах, анализировал взгляды и настроения, пытался уловить самые животрепещущие проблемы, в первую очередь те, которые касались земельного вопроса: “Да, земля. Об этой матушке-земле говорил не только крестьянин, не только солдат, но и прокопченный фабричным дымом, испачканный сажей длинных фабричных труб, отравленный металлической пылью рабочий. Земля! И как-то легче звучал голос, в уголках глаз загорался какой-то хороший огонек, губы невольно складывались в добрую улыбку хлебороба. Тягота к земле, это совершенно непонятное для западного пролетария чувство слишком велико, играет самую доминирующую роль. В этом вопросе и заключается наше будущее. Как ее получить, матушку землю, как бы сесть на нее, да сесть так, вплотную, сесть навсегда...”¹⁵ Его собственная позиция выражена следующими словами: “Ведь какие бы резолюции ни выносил город, ведь как бы ни юродствовали Ленины и К, все равно – последнее слово в земледельческой России будет принадлежать не городу, а деревне, всей бесконечной массе серой России...”¹⁶

Освещая съезд представителей учительских организаций Северного областного края, П.Н. Столпянский с нескрываемым удовольствием отмечает, что его делегаты “первым делом засвидетельствовали, что пославшие их организации доверяют Временному Правительству и желают продолжения войны до победного конца”. Анализируя постановления провинции о восьмичасовом рабочем дне, он приходит к выводу, что “в большинстве случаев провинция отнеслась к этому постановлению гораздо и гораздо более вдумчиво, чем столица [...] Принципиально, конечно, все говорили за восьмичасовой рабочий день, но тотчас подчеркивали, иногда и очень резко, что от принципа до практики и особенно при ведении войны с немцами, более чем далеко [...] и провинция хочет и сможет напрячь силы, и лишь победив врага заняться чисто экономическими вопросами”. Основную проблему он усматривал в том, что “в деревне, в глуши нет людей, которые сумели бы пояснить, направить пробуждающуюся мысль, которые смогли бы охватить движение – координировать его. И поэтому-то необходимо городу организовать и направить в деревню тех, кто бы смог и сумел разъяснить народу смысл происходящего. Необходимо сейчас же приступить к составлению популярной литературы, необходимы листовки об Учредительном собрании, о будущем волостном земстве, о будущих культурных начинаниях... Вот в этой литературе, в этих руководителях – инструкторах жизни, если так можно выразиться, ощущается большой недостаток и нужно кликнуть клич, чтобы все, кто только может, тем или иным способом оказали помощь деревне, той деревне, которая жаждет, которая хочет и, конечно, сможет понять и охватить вопросы дня во всей их полноте”¹⁷.

Освещая крестьянские съезды, “да не шуточные, не былые опереточные съезды, а очень и очень внушительные съезды”¹⁸, Петр Николаевич обращал особое внимание читателей на те, которые выносили постановления следующего рода: “Вся земля остается в пользовании прежних владельцев

¹⁵ Там же. Л. 4–4 об.

¹⁶ Там же. Л. 33.

¹⁷ Там же. Л. 7.

¹⁸ Там же. Л. 35.

до созыва Учредительного Собрания, правомочного в разрешении земельного вопроса”. В таких решениях он видел “сознательное стремление к порядку”. В высшей степени отрицательным и пагубным явлением он называл “разжигание страстей”, “игру на демагогических струнках”, свойственное некоторым ораторам “чуждым деревне и оторванным от земли”, которые “дошли до ничем не замаскированных призывов к завладению помещичьих земель, которые-де давно уже оплачены оброками и арендной платой”. «Если подобный агитатор выступит в собрании людей образованных, ему будет противопоставлено другое мнение и из этих противоположных мнений родится истина; но выступать на съезде с такими “зажигательными” речами – это или обнаруживать свою полную политическую незрелость или служить на руку темным силам, служить в большинстве случаев бессознательно, а иногда, может быть, и сознательно... И партии, посылающие своих агитаторов, должны относиться к ним очень серьезно и предъявлять большие требования»¹⁹.

Считая, что в новых исторических условиях реформации подлежат все государственные структуры и учреждения, П.Н. Столпянский немало внимания уделил и обзорам съездов духовенства, которые весной 1917 г. приобрели массовое явление. Это было началом движения за “обновление церкви”, декларирующее демократизацию управления и модернизацию богослужения, которое окончательно оформилось после октябрьского переворота. Будучи уверенным, что бюрократизация, карьеризм и казенщина, поразившие институт церкви, подлежат искоренению, он прекрасно понимал, что в столь сложное переходное время народ как никогда нуждается в духовных наставниках. “Безусловно, революция выдвинула на первое место новые требования, новых людей. Но если единицы, исключительные личности и не нуждаются в старых истинах, то для массы эти истины и нужны и, более того, их сейчас нечем заменить”. Опираясь на материалы съездов духовенства, он отмечал, что их характерной чертой является недовольство епископатом. Так съезд, состоявшийся в Красноярске, отказал в доверии епископу Никону; то же произошло в Твери в отношении епископа Серафима, которому было предложено оставить кафедру; пермское духовенство вовсе изгнало своего епископа со съезда и тому подобные случаи. “И так чуть ли не повсюду, только чересчур единичные представители высшей церковной власти получают одобрение пасомой им паствы. Тяжелое, более того странное явление! Но в том, что оно вскрывается, в том, что сейчас происходит основательная чистка верхов нашей церкви, в этом нельзя не видеть отрадного признака. Уйдут эти, – увы, не слуги Христа, не учителя церкви, а такие же бюрократы-карьеристы, и станет легче. И Россия, показавшая миру удивительную революцию, покажет тому же миру и другой пример – как создается истинная, свободная церковь”²⁰.

Одновременно с рубрикой “А там, во глубине России...” в том же “Русском инвалиде” П.Н. Столпянский вел ежедневные обзоры армейской прессы. Следует отметить, что по его собственным словам в 1917 г. в Петроград с театра военных действий поступало ежедневно до 50 газет. Несмотря на то что большинство из них были малоформатными, можно представить, с

¹⁹ Там же. Л. 39.

²⁰ Там же. Л. 75.

каким объемом информации ему приходилось иметь дело. “Полотна солдатских газет еще не очень велики. Видно, что в типографиях нет ротационных машин, довольствуются небольшими машинками, поэтому и размер газеты невелик: страничка с оборотом, много две, формата вечерней “Биржевки”...”²¹

Убежденный “революционный оборонец” он приветствовал повсеместное распространение в войсках выборных комитетов солдат и матросов²², особо отмечая, что многие из них принимали резолюции в пользу “всемерного содействия упрочению нового государственного строя”, “проявляют необыкновенную сознательность”, полны патриотического подъема и преданности идее освободительной войны “против германского рабства за счастье славянских народов”. Очень высоко оценивал работу тех гарнизонных офицерских собраний, которые заявили о поддержке Временного правительства и начали проводить среди подчиненных планомерную просветительскую работу с целью подготовки их к выборам в Учредительное собрание. Как правило, обзоры армейской прессы П.Н. Столпянский заканчивал сводкой культурных начинаний, организованных в той или иной воинской части (публичные чтения, разъяснительные беседы, курсы грамотности, организация библиотеки и т. д.), стараясь не обойти вниманием самые незначительные, на первый взгляд, события. Мероприятия такого рода, происходившие в частях, расквартированных в Петрограде, он выделял в самостоятельный материал. Например, в заметке под названием “Отрадное явление” Петр Николаевич описывал сад Крестовского острова, долгие годы простоявший заброшенным. Располагавшийся в саду летний театр также пребывал в запустении. В начале войны в саду разместился запасной батальон электротехников. Весной 1917 г. организовался «особый комитет из 40 человек – сюда вошли бывшие до призыва и артистами, и художниками, и механиками; привели в порядок сцену, нарисовали занавес, декорации и в день Св. Троицы начали спектакли пьесой “Безработные”». Комитет решил ставить спектакли все лето и обнародовал будущий репертуар, куда вошли пьесы Островского “На бойком месте”, Горького “На дне” и др. Так унылое заброшенное место стало средоточием культурной жизни Крестовского острова не только для расквартированного батальона, но для всего окрестного населения. “Сад был битком набит; артистов, игравших не только прилично, но даже хорошо, встречали и провожали громом аплодисментов”²³. Бурные революционные события мало располагали к освещению событий подобного рода. П.Н. Столпянский же видел в них ростки той огромной работы, которую предстояло проделать новой России.

В мае 1917 г. П.Н. Столпянский присутствовал на состоявшемся в Петрограде офицерском съезде и осветил его работу в большом очерке под

²¹ Там же. Л. 172.

²² Исходящий от ЦИК Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Приказ № 1 от 1 марта 1917 г. предписывал немедленное создание выборных комитетов из представителей нижних чинов. Согласно третьему пункту Приказа воинские части во всех политических выступлениях подчинялись теперь не офицерам, а выборным комитетам и Совету. Приказ также предусматривал передачу всякого рода оружия в распоряжение и под контроль солдатских комитетов.

²³ ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 270. Л. 130.

названием “Когда рождается новая свободная Россия”, опубликованном в 109-м номере “Русского инвалида” от 11 мая. Съезд проходил в зале Офицерского собрания, “одного из красивейших залов Петербурга”, по мнению П.Н. Столпянского. «На эстраде среди президиума появляется стройная, тонкая, изящная – точно далекий чинар южного Кавказа – фигура Церетели [...] Раздалась гортанная южная речь, полная безграничной веры. И чем дольше говорил гражданин министр, тем более разгорались румянцем его щеки, тем глубже западали его огненные глаза, энергичнее звучало слово, то слово, о котором, видимо, заждалось громадное большинство собравшихся с нашего фронта. И чуть министр остановился на секунду, подыскивая слово, – как зал задрожал, буквально задрожал от грома рукоплесканий [...] Весь зал поднялся как один человек, и как только что сказал Церетели – “не было сердца, которое не забилося бы от глубокого чувства, не было ума, который не понимал великой исторической роли переживаемого момента!”». П.Н. Столпянского привела в глубокое волнение речь И.Г. Церетели, который “сумел дать ответ на волнующие офицерство вопросы – дисциплина в армии, дисциплина не казовая, а та внутренняя, настоящая дисциплина, которая может спаять армию в одну цельную непобедимую силу. Об этой дисциплине позаботится Правительство, и так как оно обладает доверием демократии, то нет сомнения – достигнет желаемых результатов. *Дисциплина будет укреплена правительством.* Далее министр подчеркнул, что ни одна капля крови солдата не будет пролита даром. Наконец, министр выразил уверенность, что трудные роды новой Свободной России пройдут вполне удачно, так как, подчеркнул Церетели, есть полное единение Совета Рабочих и Солдатских депутатов с Временным Правительством”²⁴.

Лично присутствуя на митингах и демонстрациях, он помещал в газетах своего рода отчеты увиденного и услышанного. Так, описывая многотысячную демонстрацию инвалидов и сестер милосердия, состоявшуюся 16 апреля 1917 г. на Казанской площади, автор всей душой поддерживал лозунги демонстрантов, призывы к победоносной войне: «И над этой толпой многочисленные красные знамена с яркими надписями: “За войну и свободу положим остатки наших жизней, положим за победоносный мир!”, “Мы не прощаем пролитой нашей крови!”, “Для победы все и последние остатки!”, “Вернуть Ленина Вильгельму”, “Долой Ленина и его последователей”». Проследовав вместе с демонстрантами к Таврическому дворцу, где состоялся основной митинг, репортер с искренним удовольствием отмечал отрицательное отношение митингующих к В.И. Ленину, цитируя одного оратора, призывающего “отправить Ленина и его последователей обратно в Германию и предложить ему вести там пропаганду скорейшего мира”. Репортаж заканчивается оптимистично, однако очевидно, что автор в большой степени принимал желаемое за действительное: «Этот митинг, особенно принимая во внимание недавнюю резолюцию Совета Рабочих и Солдатских депутатов, ясно показывает, что Ленин и его “большевики” свою проповедь достигли совершенно не тех результатов, которых они желали. Эта проповедь заставила сплотиться более трезвых людей и дала, наконец, Петрограду видеть такую демонстрацию, которую едва ли видел

²⁴ Там же. Л. 101–102.

другой город. Манифестация инвалидов ясно свидетельствует, что идеи “пораженчества” терпят у нас полное поражение»²⁵.

Случалось, что он проводил на улицах города целые дни. Таков, например, репортаж, описывающий митинг на углу Садовой улицы и Невского проспекта, проходивший 22 апреля с 12 часов дня до позднего вечера. “Говорят по преимуществу солдаты и военные, причем речи принимают страстный характер, особенно если оратором является раненый или калека. Через этот перекресток, по выработанному кем-то маршруту следуют и рабочие демонстрации”. Репортер задается вопросом: как они организовались? Получает ответ от женщины-работницы: “Мы работали, вдруг появились приказания одеваться и выходить. Моментально, значит, я перепугалась, думаю, пожар что-ли, что наша помощь нужна. Пошли. Сейчас вижу, что не надо было идти”²⁶. Рабочие несли знамена с надписями “Долой Временное правительство”, “Да здравствует российская социал-демократическая партия”. «Очень редки были и надписи “Долой войну”. Эти надписи сильно возбуждали зрителей, особенно военных, негодование проявлялось в резкой степени, были даже попытки вырвать эти знамена. Считаю нужным указать, что плакаты с надписями “долой войну” несли женщины и подростки. На углу Невского проспекта и Садовой демонстранты проходили сквозь строй возмущенных зрителей, которые особенно не скупилась на выражения. “Стыдитесь, – кричал безногий георгиевский кавалер, – нужно работать! В окопах сидят без снарядов!” “Мы завоевали вам свободу, мы свергли прежнее правительство. Мы за Временное Правительство”. Некоторые рабочие группы пытались воздействовать на зрителей, заряжая на углу Невского свои винтовки [...] К счастью при этом заряджении не произошло ни одного несчастного случая»²⁷.

В газетных публикациях П. Н. Столпянского этого времени звучит самая негативная оценка деятельности большевистской партии, которую из статьи в статью он именовал не иначе как “фирма Ленин и К^о”. В большом очерке “Троицкая площадь” речь идет о посещении митинга, происходившего у дворца М.Ф. Кшесинской. Анализируя речи выступавших ораторов и комментарии, услышанные им в толпе собравшихся, Петр Николаевич включает в статью собственные рассуждения: «Для меня “Ленин” был не только Ленин, большевик, русский эмигрант, проехавший в запломбированном вагоне через Германию, для меня вставали в памяти и “заря туманной юности”, и Александр Ильич Ульянов – брат Ленина, повешенный в 1887 г., и его товарищи студенты, и маленькие комнатки на Петербургской стороне, и деревня Сиверская, и я вспоминал, как меня, 15–16-летнего реалиста, “распропагандировали” и с каким священным трепетом я слушал впервые хорошие, дивные слова – братство, свобода, равенство. Память жадно летела к незабвенным, дивным дням юности... И вдруг такая перемена: услышать речи Бог знает кого – решительно Бог знает кого, потому что то, что говорилось, не подходит ни к одному течению политической мысли, тут нет и намека на экономический материализм [...] И ужас охватывал все существо, когда вспоминалось, что эти “безумные” слова кида-

²⁵ Там же. Л. 42.

²⁶ Там же. Л. 53.

²⁷ Там же. Л. 54.

лись перед недисциплинированной толпой, перед той толпой, которую [...] возможно наэлектризовать, увлечь, побудить к самым неразумным поступкам. И это делает Ленин – Ильин, автор нашумевшей работы “Судьба капитализма в России”»²⁸. «На площади перед цирком Модерном была толпа [...] человек 300–400. Толпа эта разбивалась на отдельные кучки, в которых не ораторствовали, а вели беседу представители различных слоев общества. В некоторых кучках говорили и “молодые” представители ленинцы, – захлебываясь от внутреннего восторга, они с каким-то трагическим повышением голоса выкрикивали “страшные” слова, но их, этих ленинцев, во-первых, было очень мало, а во-вторых, отношение к ним ярко выразил какой-то высокий, с большою бородою крестьянин: “и стоит его слушать, слюновый-то говорит, хоть бы сопли вытер”. И этим молодым ленинцам предстояло печальное единство, кучки их слушателей все уменьшались и уменьшались». Продолжая свой путь по городу, репортер внимательно фиксировал речи и настроения различных групп людей: «А в других местах текла серьезная беседа, говорили все, кто только пожелает – и солдат, и рабочий, и человек в котелке, и барышня в шляпке, и изредка задавали вопрос и бабы в платочке. Разговор велся на две или три главные темы – “как быть с войной”, “как быть с Милюковым”, “что нужно в дальнейшем”. Войну кончать сейчас сразу нельзя, но нельзя вести войну для войны – вот лейтмотив первой темы»²⁹.

Не менее резкие выражения по адресу большевиков звучат в статье “Первое мая 1917 года”. Восторженно описав всеобщее ликование, царившее на улицах Петрограда, П.Н. Столпянский вновь пошел по городу, стремясь увидеть и услышать как можно больше. Как обычно, он отмечает, что группы демонстрантов были “организованные” и “неорганизованные”. “Организованные группы от Марсова поля дефилировали мимо дворца балерины Кшесинской, soit disant временного помещения новейшей фирмы Ленин et C. Надо отдать справедливость товарищам из этой фирмы! Научились они от немцев организованности, немецкой дисциплине, немецкому пунктуализму. Все разыгрывалось как по нотам. Но только беда была в том, что этой немецкой выучке подверглись лишь товарищи фирмы, да и то не все, а остальные и громадная толпа была не тевтонской нации, а широкого, мощного славянства...” Из речей выступавших большевиков более других П.Н. Столпянского возмутила речь некоего “товарища Сергея”, ораторствовавшего с углового балкона, выходящего на Дворянскую улицу. Особое его негодование вызвали призывы к гражданской войне и объявление А.И. Гучкова и П.Н. Милюкова “союзниками Вильгельма, так как они представители буржуазии”. Он отпускает колкости по адресу оратора, на котором заметил нарочито грязную рубашку и одновременно дорогое летнее пальто, под которым “обнаруживалась такая шелковая подкладка, которой не бывает в тех магазинах, где покупает настоящий рабочий”. Обращает внимание на заранее отрепетированную речь, имитирующую речь рабочего. «Выучка, заученность этой речи ясно проявлялась и в тех коротких “смешках”, которыми товарищ Сергей стремился придать оттенок задушевности [...] Увы, задушевности не было, скорее был слышен смех “немецкого” черта,

²⁸ Там же. Л. 7.

²⁹ Там же. Л. 32.

не Гетевского, мирового Мефистофеля, а именно того черта, в которого Лютер бросил чернильницу...». Одновременно исключительно позитивно он оценивал стремление людей послушать ораторов, вступить в дискуссию. «И если ораторствовал из толка ленинцев, то слышалось разочарование: “опять то же несет”, – и обыватель шел дальше. Это последнее стремление указывает на необходимость немедленной организации ряда чтений, докладов, собеседований на общие политические темы. И эти собеседования должны делаться в громадном масштабе»³⁰.

Излишне романтическое изображение действительности в публикациях П.Н. Столпянского обратило на себя внимание и вызвало нападки. Вероятно, они были настолько серьезны, что он счел необходимым ответить на них публично: “Мне приходится слышать упреки, что я большой оптимист и не замечаю мрачных и темных сторон русской действительности, а этих сторон будто бы очень много [...] Не забудьте, что прошел всего только месяц с той поры, как появилась возможность действовать [...] и когда вы увидите, какой приступ строительства происходит по всей Руси, вы согласитесь, что действительно велик Бог земли русской, что Россию, действительно, нельзя вымерить аршином, а в нее надо верить и верить”³¹.

Здесь уместно вспомнить, что еще в 1908 г. став редактором “Оренбургской газеты” П.Н. Столпянский предпринял попытку создать беспартийный печатный орган, “стремящийся только к культурной работе, не отклоняющийся ни влево, ни вправо”. Руководимая им газета стремилась “отмечать культурные начинания всюду, не обращая внимания, от кого исходили бы эти культурные начинания”³².

Искреннее убеждение в том, что массы можно воспитать только положительными примерами, заставляло его вступать в жесткую полемику с авторами, обнародовавшими негативные факты из жизни великих людей. Такова, например, была его реакция на доклад П.Е. Щеголева “Погиб поэт, невольник чести...”, в котором приводились новые факты последних дней жизни и дуэли А.С. Пушкина. “Ужасно то, что все это не осталось достоянием П.Е. Щеголева и небольшого кружка лиц, изучающих Пушкина, а стало достоянием массы [...] Зачем же давать возможность всем, этой безличной, громадной, страшной толпе черпать доказательства своей ничтожности в грехах и проступках великого человека”³³.

Приходится признать упреки в адрес П.Н. Столпянского-публициста справедливыми. Субъективность его газетных материалов первой половины 1917 г. очевидна; не вызывает сомнения, что автор сознательно исключал из них то, что, по его мнению, не могло положительно воздействовать на умы масс и способствовать развитию самосознания личности.

П.Н. Столпянский-историк предстает перед нами совершенно в другом виде: его труды сухи, предельно документированы, в них нет места эмоциям. Он был фанатичным приверженцем документов, тексты которых, порой весьма громоздкие, воспроизводил досконально, сохраняя не только стилистические особенности языка и орфографии, но и пунктуацию ис-

³⁰ Там же. Л. 45–51.

³¹ Там же. Л. 10.

³² Голубева И. А. Указ. соч. С. 31.

³³ Там же. С. 33.

точника. Научную позицию П.Н. Столпянского-ученого можно обозначить как отказ от умозрительных построений в пользу накопления, тщательной критической проверки и описания конкретных исторических фактов.

Между тем эйфория первых месяцев революции уступала место более трезвому взгляду на окружающую действительность. Все чаще в публикациях П.Н. Столпянского на место слова “отрадное” заступает эпитет “звериное”.

Катастрофические для русской армии события лета 1917 г., приведшие к июльскому кризису Временного правительства, побудили его еще пристальнее сосредоточить внимание на сведениях, поступающих с театра военных действий.

Реакцией на июльское поражение на фронте стала большая статья “Post factum”. Анализируя материалы армейских газет о случившихся событиях, он выделяет несколько основных причин, среди которых “большевики и большевизм” вызывает у него наиболее гневные чувства. “Предатели и изменники родины и революции под флагом анархо-большевизма вольно или невольно, сознательно или бессознательно сделали все, что могли сделать во вред российской революции и в угоду Вильгельму. Сознательно агитируя против наступления, бессовестно развращая армию, результатом чего явился прорыв фронта, они осуществили даже и то, что не решился осуществить последний из самодержцев России”. Пришло осмысление гибельной роли как для армии, так и для революции, которую сыграл Приказ № 1 от 1 марта 1917 г. “Страна получила жестокий урок, рассеявший розовые иллюзии о создании особой революционной свободной и самоуправляющейся армии. Подтверждается старая суровая истина, что армия до тех пор армия, пока она не контролирует и не обсуждает приказания начальства, не рассуждает о целях войны, а исполняет их в точности. Иначе вместо регулярной армии будет вооруженная толпа, не страшная врагу, но опасная для родины”³⁴.

Огромной гневной статьей под названием “Звериное наших дней” отреагировал П.Н. Столпянский на судебный процесс по делу Игнатия Дзевалтовского-Гинтовта, который развернул в войсках большевистскую агитацию, агитировал солдат за бросание оружия и братание, и вопреки полученному приказу о наступлении увел несколько полков в тыл. «Под флагом большевизма шла защита самых разнuzданных шкурных интересов: для крестьян Дзевалтовский доказывал необходимость немедленного, конечно, без всякого вознаграждения отчуждения в пользу крестьян земли; трусость некоторой части солдат, нежелание наступать находили себе идейное оправдание в словах Дзевалтовского: “Если вас убьют, то вам не нужна и свобода”. А чтобы привычка подчиняться приказам в полку не заставила солдат действовать вопреки рецептам Дзевалтовского, последний разъяснил им, что они не обязаны подчиняться приказам в полку, а также приказаниям офицеров, и что все распоряжения о наступлении должны исходить от солдат». Судебный процесс, на котором кроме И. Дзевалтовского судили еще 78 человек, длился около месяца и закончился оправданием всех обвиняемых. Решение суда привело П. Н. Столпянского в отчаяние: «И суд... и суд ответил: нет, не виноваты. Вот где начинается действитель-

³⁴ ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 270. Л. 262.

ный ужас. Если пропадет вера в суд, если поколеблется уверенность в институте присяжных, тогда – тогда действительно придется признать, что мы теряем “человеческий образ”, что наступает нечто звериное [...] Пока это предположение. Но горе стране, если эти предположения станут фактом. Горе стране, если и суд, последнее убежище, станет служить оружием партии, оружием политики. Тогда ... о нет, и так много ужасов, крови кругом, чтобы рисовать себе эту последнюю страницу разрушения»³⁵.

Свершившийся октябрьский переворот первоначально поверг П.Н. Столянского в растерянность и был воспринят как явление переходящее. “Октябрьское действо 1917 года” – так назвал он это событие и счел, что “тот угар, который охватил несчастный Петербург, тоже должен рассеяться... Даже и удушливые газы немцев, и те очень часто возвращались в немецкие же окопы!!”³⁶.

Вести, поступавшие из провинции, больше не внушали оптимизма: в столицу хлынул поток сведений о самовольных захватах земель, о грабежах, поджогах и разорениях помещичьих усадеб. Крайне болезненно реагируя на акции вандализма П.Н. Столянский остро откликнулся на них на страницах печати, хотя вопреки очевидному по-прежнему корень зла видел в политике бывшего режима: «То звериное, что безобразной, грязной волной катится по лицу нашей родины, есть плоть от плоти, кровь от крови политики Александра III, политики графа Дмитрия Толстого, Победоносцева, Дурново, Горемыкина [...] Плоды “сердечного попечения” земских начальников, твердой власти поместного дворянства сказываются в тех аграрных беспорядках, которые уничтожают и дворянские гнезда, и высококультурные имения»³⁷.

Закрытие ряда газет оппозиционных большевикам заставило П.Н. Столянского изменить форму публикаций. Теперь он реагирует на события современности опосредованно, прибегая к историческим аналогиям.

Серия больших статей под общим заглавием “У колыбели русской свободы” насыщена нравоучительными интонациями. Первую из них, посвященную истории Коломны начиная с Петровских времен и написанную еще до октябрьского переворота, предваряет пространное рассуждение о цели этих публикаций. «...Автор предполагает в ряде очерков дать путеводитель по революционному Петербургу, отметить те места, где жили, действовали, боролись, умирали те, совокупными, бесконечно тяжелыми трудами которых современное поколение получило, наконец, так долгожданную, желанную свободу. Жизнь кипит и бесконечно быстро мчится вперед. Происходит и переустройство и самой жизни и той обстановки, в которой совершается жизнь. Перестраивается и сам Петербург, так нелепо – конечно временно – переkreщенный в Петроград»³⁸. С каждым

³⁵ Там же. Л. 426.

³⁶ Там же. Д. 312. Л. 3. – Вырезка из газеты с пометкой П. Н. Столянского “В. Г. С. (“Вестник городского самоуправления”. – ИЛ). № 113. 7 XI. 1917”

³⁷ Там же. Д. 306. Л. 2. – Вырезка статьи П.Н. Столянского под названием “У колыбели русской свободы” с пометкой “Н.С. 1917” (“Народное слово”. – ИЛ).

³⁸ Будучи противником переименования города П.Н. Столянский использовал в своих статьях и заметках прежнее название – Петербург, неоднократно повторяя: “Нарочно подчеркиваю Петербург, а не Петроград, потому что я глубоко убежден в возврате старого названия, которое и вовсе не немецкое, и гораздо более соответствует “творению Петра”,

годом перестраивались старые дома, перепланировались даже части города, исчезал старый, былой Петербург. Это исчезновение не остановится и в будущем. Все труднее и труднее будет делать исторические разыскания, а для массы будет прямо невозможно представить, что там, где сейчас высится 7–8 этажный небоскреб, стоял небольшой двухэтажный домик, и в нем жил, например, неистовый Виссарион Белинский. Наша задача – поставить вежи, значки над теми местами, которые по нашему глубокому убеждению, должны находиться под охраной общественного “табу”, проходя мимо которых прохожий должен обнажать голову [...] И нам кажется, что сейчас, в тот момент когда происходит наиболее острая ломка всего прошлого, нужно начать – и как можно громче и убежденное – проповедь уважения к прошлому. Только ребенок, в беспечном непонимании может играть цветами на гробе матери... Взрослый человек видит в этих цветах глубокую, полную драматизма эмблему...». Доведя свой рассказ до того места Коломны, где стоял домик Петрашевского (в 1917 г. пустующий участок), он заканчивает очерк своего рода призывом к городским властям: «Нам кажется, что если нельзя приобрести вышеуказанный незастроенный участок, чтобы на нем создать какое-нибудь учреждение, посвященное памяти Петрашевского – музей социальных наук, например, ведь на пятницах Петрашевского было положено и изучение и начало создания русского социализма, то необходимо сейчас же отметить этот участок прибитием мраморной доски с лаконической надписью “здесь были пятницы Петрашевского”»³⁹. Основное содержание статей этой серии – события, связанные с деятельностью народовольческих организаций 1860–1880-х годов. Последняя – подробный рассказ о разгроме в ночь с 17 на 18 января 1880 г. “Петербургской вольной типографии” и конфискации частично отпечатанного третьего номера журнала “Народная воля”, в котором партия печатала свою программу Учредительного собрания. Назвав Учредительное собрание “панацеей от многих, многих бед”, автор завершает статью словами: “Вот когда мечтали о том, что должно было произойти лишь теперь, на наших днях”⁴⁰.

Многочисленные столкновения в Петрограде, очевидцем которых он был, стали поводом к серии статей под общим заглавием “Где льется кровь”⁴¹. Их содержание – история тех мест города, где в результате беспорядков произошло кровопролитие. Так 3 ноября он присутствовал при расстреле демонстрантов у здания Городской думы. “... в 60-е годы возникла маленькая часовня Иверской Божией Матери между Гостиным двором и зданием думы – за эту часовню, в паническом страхе, старалась укрыться толпа граждан свободной России, пришедшая к зданию своего городского самоуправления, выбранного на основании равного, всеобщего, тайного голосования, когда раздались выстрелы... Толпа разбежалась, осталось, к счастью, не много жертв: маленькая девочка, какая-то женщина... К счастью, говорим, не много жертв, но не везде было так: и на Петроградской стороне, и у Владимирского училища, куда мы отправимся сейчас, крови пролилось гораздо больше”. Небольшую заметку от 5 ноября, посвящен-

чем вновь испеченная смесь русского с южно-славянским” (ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 270. Л. 27).

³⁹ Там же. Л. 226–235.

⁴⁰ Там же. Д. 318. Вырезки заметок вложены в конверты; листы не пронумерованы.

⁴¹ Там же.

ную истории Фомина острова (Петроградская сторона) и его улиц (Колтовских, Зелениных, Гребецкой и др.), он закончил словами: “Вот что было в старом Петербурге, там, где в новом Петербурге, в том Петербурге, который должен был принести измученному пролетарию новое слово утешения, пролилась потоками братская кровь...”. 7 ноября появилась заметка полная тревоги о судьбе Пулковской обсерватории: «По отрывочным газетным сведениям видно, что “русско-русский” фронт проходил и через деревню Пулково, и что эта деревня пострадала от бомбардировки. В газетных заметках было указание лишь на деревню, не было даже и намек на Пулковскую обсерваторию. Что с нею? Неужели же?! Нет, не хочется даже и на мгновение допустить, что и с Пулковской обсерваторией могло произойти нечто подобное тому, что произошло с Кремлем»⁴².

Столкновения у Городской телефонной станции дали повод к заметке от 8 ноября: “Внимание петербуржцев привлекает к себе и телефонная станция ... Здесь тоже пролилась кровь [...] Само по себе здание телефонной станции, конечно, не представляет интереса, так как это здание перестроено сравнительно недавно – но весь этот квартал Морской улицы, между Кирпичным переулком и Гороховой улицей, довольно любопытен”. Далее следует небольшой, но емкий рассказ об этой части города. Дидактический характер заметок этой рубрики очевиден: соединяя историю и современность, автор стремился пробудить у читателей историческую память и чувство ответственности за происходящее. Такова заметка от 9 ноября, ставшая откликом на беспорядки у Государственного банка, когда при попытке устройства оборонительного заграждения толпа едва не использовала решетку, стоявшую вдоль Садовой улицы. “После решетки Летнего сада это одна из выдающихся решеток мира [...] На этот раз опасность миновала, но надолго ли? Вот вопрос, который заставляет беспокоиться каждого, кому дорога память прошлого, кто может видеть в этих как бы мертвых зданиях воплощение культуры... Эти здания для многих говорят сильнее, громче, чем фолианты исписанной бумаги... Они говорят о том, как некогда любили красоту, как стремились воплотить эту красоту в жизнь... И жалко, безумно жалко, что нет сил крикнуть так, чтобы содрогнулся весь мир: безумцы, остановитесь, пощадите прекрасное!”⁴³

1917 г. заканчивался для П.Н. Столпянского в напряженном ожидании: его поддерживала уверенность, что созыв Учредительного собрания, выборы в которое проходили с 12 (25) ноября до начала 1918 г., расставит все по местам. Надежды не сбылись. Разгон Учредительного собрания поверг его в полное отчаяние: «Первое Рождество и первый новый год при новом режиме... Впервые должна была прозвучать “благая весть о рождении Бога-человека” свободным россиянам в свободной России... Какие дивные должны были быть мгновения... Светлая рождественская елка должна была улыбнуться, должна была засверкать своими приветливыми огоньками свободным русским, свободным от цепей монархического деспотизма, удивившим весь мир размахом своего движения, широтою своей славянской натуры... Как должно было быть весело, ликующе и счастливо на душе... Должно было быть, а на самом деле... О, если бы было можно хоть

⁴² Там же. Д. 312. Л. 2.

⁴³ Там же. Л. 4.

на мгновение уйти от гнетущей действительности, позабыть то, что увя! не может быть забыто, то, что каиновой печатью выжжено на русском имени, заклеено навсегда, если б можно было хоть в прошлом найти утешение, отыскать бальзам успокоения на открывшиеся, горящие раны...»⁴⁴

Это последняя статья, в которой П.Н. Столпянский открыто выразил свое отношение к случившимся событиям.

Последующие публикации становятся все более и более завуалированными. Так в рубрике с многозначительным названием «Юбилей и поминки» (основной массив заметок этой рубрики приходится на начало 1918 г.) появилась заметка о том, как 50 лет тому назад, 14 февраля 1868 г. вышло Высочайше утвержденное распоряжение о закрытии газеты «Москвич», издававшейся Иваном Аксаковым в Москве, поскольку «она не что иное, как замаскированное продолжение приостановленной правительственным распоряжением газеты «Москва» [...] Вот где берет начало система, празднующая полвека своего существования в наши дни»⁴⁵. Думается, что поводом к написанию заметки стала ситуация с газетой «Народное слово»⁴⁶.

Реальное положение вещей предстало в своем истинном свете. Трезво оценивая сложившуюся в стране ситуацию, впредь Петр Николаевич будет осторожен в публичных высказываниях. В дневнике же историка появились поистине пророческие и провидческие слова: «Несчастливая Русь, несчастные люди. Сколько горя, ужаса и скорби впереди [...] А тут о социальной республике мечтают [...] тут пишут Бог знает какие вещи – и вопрос: серьезно это или это обман? [...] Ломается, коверкается – а что создается? Основной силы созидания – любви – еще нет, она еще не зародилась. Чертовски тягостно и трудно и жить и работать, но нужно во что бы то ни стало работать»⁴⁷.

⁴⁴ Там же. Д. 318. Листы в деле не пронумерованы. Вложенная в конверт вырезка большой статьи «В старом Петербурге» из неизвестной газеты с пометкой автора «№ 21. 24 XII». Пометка датирована по старому стилю, что соответствует 6 января – дню разгона Учредительного собрания.

⁴⁵ Там же. Д. 311. Л. 2.

⁴⁶ Газета «Народное слово», где продолжал печататься П.Н. Столпянский, только с 1 ноября по 1 декабря 1917 г. семь раз меняла название («Трудовое слово», «Слово народа», «Новое народное слово» и др.), прежде чем окончательно прекратить свое существование.

⁴⁷ Там же. Д. 31. Л. 36.

М.А. Котенко

**ВСЕРОССИЙСКАЯ МЕМУАРНАЯ БИБЛИОТЕКА
В ДОМЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМ. АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА**

В декабре 1975 г. в газете “Русская мысль” было опубликовано обращение Александра Солженицына “К русским эмигрантам, старшим революции”. Написано оно было в Цюрихе. Побудительные мотивы обращения русского писателя были, с одной стороны, просты, с другой – оказались необычайно провидческими. Простым был посыл писателя: в то время Солженицын работал над “Красным колесом”, и возникла потребность дополнить, конкретизировать, оживить и сделать более выпуклым время Великого перелома. Но при этом понимание, что поколение, пережившее трагический перелом, уходит и есть опасность, что оно так и останется неслышанным, подвигнуло Александра Исаевича просить стариков вернуться в свое прошлое мемуарами.

“После революции методически сокрывались и уничтожались все материалы и головы свидетелей, хранящих правду. Но десятью-двадцатью годами позже разыскивать истину будет еще безнадежнее. Живых современников той поры остается все меньше. А эпоха так изменилась, что даже черты быта, обычаев, житейских представлений – почти невозможно реконструировать по сегодняшнему времени...

Я надеюсь на вашу помощь, кому сейчас больше 65–70 лет. Многие из вас уже слабы и плохо видят, или условия жизни не благоприятны, отчего даже несколько страниц воспоминаний написать – для вас большой труд, да часто кажется и ненужным, раз политики, генералы и ученые эмиграции уже написали и опубликовали свои книги. Но это не так: свидетельство каждого из вас бесценно, если верно выбрать, о чем каждый может рассказать. Я очень прошу вас: совершите над собой такое усилие для восстановления прошлого России. Дорог всякий человеческий материал – и даже тем более, чем дальше он от великих событий, а ближе к простой жизни... Я заранее кланяюсь в пояс всем, кто откликнется для общего дела”**.

Обращение нашло адресатов во многих местах русского рассеяния, и люди, покинувшие родину много лет назад, вернулись в те трагические годы своими воспоминаниями. В Вермонт к Солженицыну стали приходиться мемуары здравствующих свидетелей Великого горя, накрывшего Россию в 1917–1922 гг. Весь социальный срез российского общества вдруг предстал перед писателем: бывшие депутаты Госдумы (М.В. Родзянко, М-40), бывшие военные (ген. Лукомский, А-74; ген. Рерберг, М-86; ген. Филатьев, Е-169), бывшие крестьяне, бывшие чиновники – все *бывшие*, мало кому удалось сохранить свою профессию, свой социальный статус на новой ро-

* Русская мысль. 25 декабря 1975. № 3083.

дине. Но первым в длинном списке корреспондентов А.И. Солженицына стал “потомственный русский крестьянин” (так он себя назвал) Федор Кострыкин из Германии (Е-1). С крестьянской вьедливостью рассказывал он о реформах на земле – царской, столыпинской, советской (так он их определил). Сам он оказался эмигрантом второй волны, поэтому у него была возможность узнать “дурацкую” советскую реформу. Крестьянская тема вообще очень достойно занимает место среди других рукописей. Светлые воспоминания А. Дудкина из Америки (А-55) “о первом выезде весеннего сева”, походившем скорее на обряд, чем на подготовку к весенним работам на земле, выливаются тоской выросшего в патриархальной крестьянской семье человека, где “во главе семьи стоял дедушка”. «Еще в детстве помню, как готовился первый выезд весеннего сева. Наша семья доходила до 17 человек с детьми. Во главе семьи стоял дедушка. Во дворе уже стояли в запряжке возы, где на возах лежали семена пшеницы, ралы (сохи), борона, а в доме зажигались лампадка и свечи, куда сходилась вся семья. Нас, детей, выдвигали вперед, бабушка читала молитвы, все стояли на коленях, а по окончании моления бабушка брала святую воду и шла к возам и кропила волов, возы с семенами: “Зароды, Боже, всякую пашницу. Ну, трогайте, хлопцы, с Богом”. Так делали все крестьяне, тихо и все с молитвой». Уничтожив то благоговейное отношение землепашца к кормилице, согнав его с родной земли, сгноив владельцев крепких хозяйств вместе с семьями в ссылках, тюрьмах, лагерях, советская власть уничтожила и желание вернуться у тех, кто, потеряв последнюю надежду, оставил родину: “Если кто-нибудь спросит меня, вернулся бы я на родину? – Нет. Они, коммунисты, отматчевали от родины навсегда”, – заканчивает свой рассказ Дудкин. Да и трудно принять власть тех, кто заставлял плясать зимой, на снегу, раздетого, босого сельчанина. И что может предложить та власть, при которой “дед вывозил на элеватор больше зерна, чем мы всем колхозом”? О безысходном положении крестьян после революции, о насаждении колхозов рассказывает бывший крестьянин, “рождения 1899”. Порой крестьянские воспоминания лишены конкретики, но всегда – это плач человека-труженика о земле.

Часто авторы мемуаров дают название своим воспоминаниям, как бы определяя нечто цементирующее в своем прошлом. “Счастливые годы” – записки Георгия Садовского пришли из Южной Америки (Аю-11). Счастливые годы Садовского пришлись на довоенное, дореволюционное время, на время его службы неперменным членом Землеустроительной комиссии в Невеле и в Витебске. Воспоминания – о том периоде, когда жизнь текла неспешно и лениво, а люди в то блаженное время ощущали если не мировой *порядок*, то хотя бы упорядоченность, размеренность бытия, в котором они пребывали и которое, казалось, будет вечно. Назначение на должность молодого еще тогда автора мемуаров являло собой *событие* – это было признание его профессиональных и деловых качеств, аванс к будущему продвижению по служебной лестнице и, наконец, хорошее жалованье, на которое он мог содержать семью. Вопросы землеустройства, организации хуторского хозяйства стояли на повестке дня, и горячий сторонник и последователь П. Столыпина в решении земельного вопроса, Садовский был неутомим в своем желании разрешить проблемы с земельными крестьянскими хозяйствами. Он даже порвал с партией эсеров, в которой состоял, именно по причине разногласий, возникших в отношении к вопросу о зем-

ле. Прекрасно налаженный быт, любимая семья, провинциальное светское общество, общение с друзьями, вера в царя, Отечество и столь же наивная вера в незыблемость законов, в неподкупность и кристальную честность российских чиновников (ну, может быть, где-то, за редким исключением – с этим автор мог согласиться), коим и он был, помогали думать, что так будет сегодня, завтра и *всегда*. Садовский делал свое дело, глубоко уверенный в правоте Столыпина, что только крепкое крестьянское хозяйство может дать российскому землепашцу настоящую свободу и решить многие его проблемы. Но... ушли в прошлое любимая работа, зимние и летние охоты, к описанию которых так часто обращается автор, в прошлом остались летние дачи, поездки за границу и на Кавказ. Новое время принесло новые заботы – заботы о собственном выживании. Правда, вначале, после Февральской революции, еще не виделось, что ждет там, впереди. Из Москвы, где он присутствовал на Всероссийском государственном совещании и слушал Милокува, Керенского, Родзянко, Садовский возвращается в родной Витебск уже без надежды продолжать свое дело. И только в речи ген. Каледина увидел он боль человека за будущее страны. После октябрьского переворота и особенно после посещения его ЧК осталось одно – решать свои собственные, личные проблемы.

Естественно, “на земле” жили не только те, кто ее обрабатывал. Дворянство, аристократия коротали время в своих поместьях, кто праздно, а кто трудился не меньше и самих крестьян. Князь Г.Е. Львов (Е-50) – из последних. Его воспоминания относятся к периоду середины и второй половины XIX века. Плачевное материальное и финансовое состояние семьи подвигнуло главу семьи к “нестандартному” решению: старший брат автора мемуаров, Сергей, оставил учебу с тем, чтобы вплотную заняться хозяйством в поместье Поповка. Родовое гнездо находилось в крайнем состоянии упадка. А ведь это было место, где жили и были счастливы все Львовы. Поповка – это то, что осталось в душе автора до веку. Природа, смена времен года, окрестные деревни, крестьянское окружение и соседи-помещики – все это оказалось едва ли не самым ценным в судьбе и памяти автора. Столичная жизнь не шла в сравнение с деревенской. Старший брат занялся хозяйством и возродил к жизни, казалось бы, уже безнадежное поместье. Как он и другие члены княжеской семьи работали, знали дворовые и крестьяне: князя вставали до рассвета и ложились с заходом солнца, весь день проводили на полях, в садах, в огороде. Своими руками сажали, сеяли, пололи, собирали урожай. Из гостиной господского дома убрали всю мебель – здесь стали хранить семена для весеннего сева. Сестра Маня штопала и обшивала всю семью, старший князь вместе с садовником копался в саду, вместе со своими работниками князь вернули поместье к новой жизни. Правда, были трудности особого порядка: отсутствие денег. Но и здесь нашлось “нестандартное” решение: в долг брали у своих крестьян и дворовых. Било это, правда, по самолюбию, но зато решало проблемы и крепило дворянско-крестьянские узы. Княгиня-мать не могла смириться и принять новое положение дел, но старший Львов во всем поддержал начинания своих детей и всячески помогал им в этом. Рождалось новое поколение русских, для которых сословные отношения не играли уже решающей роли, это поколение училось жить и работать. О крестьянах у автора разговор особый. Обитателям Поповки посвящена отдельная часть мемуаров. Память

сохранила множество лиц, с их именами, характерами, особыми судьбами. Воспевание деревни, земли, крепкого крестьянина – без слез умиления – основная тема мемуаров. При этом автор не затушевывает и отрицательные черты русского человека. Демократизм в отношении землевладельца и крестьянина автор считал основой нормальной жизни. Его рассуждения на тему “власть и народ” занимают не последнее место в воспоминаниях.

Другого рода воспоминания Великого князя Никиты Александровича “Елка у бабушки в Аничкове” (Е-97). На двух страницах описан всего один день – счастливый день – из жизни Никиты Александровича Романова. 25 декабря, Рождество, елка у бабушки, где было все: и радость встречи с родными, в том числе и с Государем и Наследником; и бабушка, такая ласковая и добрая, какой ее знали только внуки; и подарки, заблаговременно заказанные бабушке всеми внучатами; и огромная, сказочная елка...

Канва “Воспоминаний графа Владимира Владимировича Мусина-Пушкина” (Е-168) напоминает портретную галерею – в основном государственных деятелей, с которыми автору приходилось сталкиваться на государственном поприще. Каждое новое назначение графа или виток в жизни страны нашел отражение в записках в той или иной форме: это и суждения о некоторых моментах российской истории (распутинщина, деятельность Государственной думы, столыпинская реформа, Первая мировая война), портретные характеристики коллег, оценка их деятельности и возможностей, часто морально-нравственные качества героев воспоминаний. Нужно заметить, что оценки автора носят субъективный характер и оказываются очень суровыми – практически ни один из тех, о ком он пишет, не остается без жесткой характеристики мемуариста. И даже те, кому, казалось бы, удавалось найти и общий язык, и общность интересов как в сфере личной, так и на службе, не смогли до конца завоевать симпатий М.-П. и оказаться вне поля зрения его критики. Нелестно отзывается он о С.Ю. Витте и его записках, Д.С. Сипягине, П.Д. Мирском – “никуда не годном министре внутренних дел, но, бесспорно, государственном человеке”, Д.Н. Шипове и его воспоминаниях, А.Д. Самарине, В.Н. Львове, А.И. Гучкове, М.В. Родзянко, А.Н. Хвостове, земских деятелях В.М. Чернове, В.Ф. Джунковском, Долгорукове и др. Вся любовь автора принадлежит только “царю и Отечеству”. Революция тоже остается вне поля зрения М.-П. – лишь предвестие – скорее, даже предчувствие ее, витавшее в атмосфере всеобщего российского недовольства, находит некоторое отражение на страницах мемуаров графа В.В. Мусина-Пушкина.

Российская катастрофа 1917 г. в мемуарах Дома Русского Зарубежья предстает во всех ее проявлениях – географическом, временном, социальном (в смысле участия в ней всех слоев населения). Февральская и Октябрьская революции находят отражение почти во всех документах “Всероссийской мемуарной библиотеки”. (Собственно, такова была просьба и самого А. Солженицына – рассказать о революционных событиях на местах.) В письме Юрия Зяблова (А-124) – живое восприятие Февральской революции в Москве, в каждой строке письма своим близким. Тем ценнее дошедший до нас документ. В письме-“отчете” молодой офицер рассказывает своим родным о начавшейся революции. Напряженная обстановка в казарме 28 февраля и в ночь на 1 марта 1917 г., когда “возмутители спокойствия” из пришлых низших чинов и солдат поднимали казармы и за-

ставляли солдат выходить на улицы, 1 марта вылилась в революционное бурление на площадях, возле Госдумы, на Театральной площади. Нерешительных новобранцев и рассудительных старослужащих буквально выгнали из казарменных сараев. Многие, почувствовав свободу, с радостью покидали службу. Офицеры спешно разряжали орудия, солдаты – свои и чужие – стремительно разграбляли цейхгаузы. Под напором обстоятельств холодным мартовским утром (стоял 17-градусный мороз) офицерам пришлось со своими бригадами влиться в мощный революционный поток, захвативший уже всю Москву. Улицы заполнил ликующий народ. Казалось, больше всех проявляли революционный энтузиазм студенты, размахивающие револьверами и саблями. Правда, по словам автора, похожи они были, скорее, на малых детей, а не на людей, совершающих государственный переворот. Бригада Зяблова стояла возле Госдумы – то ли поддерживая порядок, то ли, подчинившись всеобщему настроению, поддерживая революцию... Не рассчитывая на то, что письмо его станет историческим документом, молодой еще автор в нем буквально по часам описывает события Февраля 1917 г.

Взгляд на Февральские события 1917 г. не известного нам Алексея (Е-100), стоявшего на красных баррикадах и принадлежавшего к той самой солдатской массе, интересен потому, что это взгляд человека мыслящего и способного уже тогда отделить зерна от плевел. Из мемуаров можно узнать, что автор вернулся из отпуска в петроградские казармы как раз перед февральскими потрясениями. Частичка того самого народа, прикрываясь именем которого рвали власть друг у друга партии и объединения, он сразу уяснил для себя, что будет на стороне революционных рабочих и солдат. Вместе со всем батальоном вышел он на улицы города, уже попав в орбиту набирающей обороты революции. Вместе со всеми снимал с крыш домов стреляющих оттуда жандармов, стучал в двери квартир и домов в поисках “контрреволюционеров”, отправлял неугодных в Таврический дворец на революционный суд, участвовал в митингах и шествиях. Но революция, повернувшись к нему кровавой своей стороной (самосуд над генералом Штокельбергом), оттолкнула его и заставила во многом усомниться. Алексей отказался стать депутатом Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов, но стал депутатом батальонного комитета. С развертыванием революции встал вопрос: с кем быть? Большевизм отвратил его своим нахрапом и кровавым красным цветом, другие были вялы и маловнятны. Он выбрал третье: действующую армию.

О решающем событии в развитии революции – взятии Зимнего дворца рассказывает непосредственный участник и свидетель этого А. Владимиров (А-56). Со всеми подробностями ведет автор свой рассказ о подготовке защиты Зимнего юнкерами Михайловского артиллерийского училища (в то время он сам был юнкером), о попытках отстоять дворец и о последующих (неудавшихся) планах уничтожения большевистских лидеров.

Москва и Петроград, Приморье, Сибирь, Дон... Революция прошла колесом по всему российскому простору. Почему, когда “нравственный императив русского человека той эпохи... Бог – Царь – Россия, давший смысл жизни”, пошатнулся, разрушился? Что заставило русского человека, богобоязненного, гнать “живоцерковников с присными, не допустив их даже до паперти собора”, разрушать храмы? Как думать о женщинах, которые тол-

пами ходили на Пасху в белых платочках, а увидев 16-летних гимназистов, кричали конвоирам: “Куда вы их ведете? Расстреливайте на месте!” Когда и с чьей помощью это произошло? Вопросы-загадки терзали А. Абрамова (А-53) несколько десятков лет. Революция в Сибири, установление советской власти в Благовещенске – тема эмоциональных воспоминаний автора. Семья богатого сибирского золотопромышленника в одночасье потеряла и золото, хранившееся в японских банках, и деньги и ценные бумаги, превратившиеся в огромную кучу мусора, пригодного разве что для топки печи в холодные сибирские зимы, дома и всяческую недвижимость, которые срочно продавались, с тем чтобы как-то свести концы с концами, а заодно и снять с себя клеймо “домовладельца” и “частника”. Взятие Благовещенска Красной армией, сопротивление Белой и отрядов самообороны, организованных горожанами, террор большевиков, который напугал даже председателя совдепа Мухина, “ужаснувшегося кровавому разгулу”, – Абрамов рассказывает, а больная память, возвращая к трагическим событиям тех лет, не дает уйти от вопроса: что за люди – большевики, из которых один хватает за револьвер при виде 14-летних подростков в гимназических шинелях, а другой делает знаки мальчишкам, спасая их от неминуемой расправы? Мемуары русского американца А. Абрамова эмоциональны, дают зримую картину установления советской власти в Сибири.

“Смутные годы в России” – воспоминания Натальи Львовны Муравьевой из Японии (Аз-1) представляют собой повесть о пережитом. Воспоминаниям предпослано предисловие автора, в котором она рассуждает о России, ее судьбе, о том времени (1917–1921), о некоторых аспектах русской истории. История семьи Муравьевой похожа на историю сотен других русских семей, покинувших родину с первой волной эмиграции. Разница лишь в том, что судьба направила их не к Черному морю и далее разметала по странам Европы и Америки, а к берегам Тихого океана – во Владивосток, а уже потом, через Китай, в Японию. Н. Муравьева, из старинного дворянского рода (дед, П.П. Муравьев – адмирал, заместитель морского министра), оставив волею судьбы блистательный Петербург-Петроград, где служил морским офицером ее отец, скитается вместе с семьей по распахнутым просторам вставшей на дыбы России. Из революционного города отца переводят в Севастополь, где Муравьевы становятся свидетелями резни, которую учинили матросы, одурманенные вином, революционными лозунгами и провозглашенными свободами. Далее, как из цветных стеклышек складывается мозаика, так из географических названий больших и малых городов, населенных пунктов, деревень и хуторов, где им пришлось быть, складывается судьба семьи старой русской аристократии: Рыбинск, Петроград, Гельсингфорс, Вятка, Пермь, Котельнич, Владивосток, Тяньцзинь и т.д. Выстраивается жизнь человека, душа накапливает и плохое, что пришлось вынести, и хорошее, что помогло выжить. Вспоминаются человеческое поведение, которое в определенные моменты выносило на поверхность или мерзость и неприглядность, о которых не подозревали раньше (таков случай с молодым офицером, спрятавшимся на квартире у М.), или чистоту и порядочность в тех случаях, когда на это уже не приходилось рассчитывать (матросы, служившие в подчинении у отца М., помогли ему и предупредили о предстоящем “посещении” матросов-революционеров). Мрачными остались воспоминания о русской деревне, которая поверну-

лась к беженцам своей самой темной стороной: невежество, грязь, озлобленность и тупое нежелание что-либо менять в этой жизни – те впечатления, которые вынесла автор, скитаясь по России. История расколола не только русское общество, но и семьи (Муравьева рассказывает историю крестьянки, у которой старший сын служил у красных, а младший воевал на стороне белых). Разошлись дороги отца и матери автора воспоминаний, так и не сумевших снова соединиться в семью. Четырнадцать лет разлуки и скитаний не прошли даром – у отца появилась новая семья (о ней, о новой жене отца, женщине, перенесшей не меньше страданий, чем Муравьевы, рассказывает автор в главе “Ледяное отступление. Трагедия Кати”). Мемуары насыщены множеством подробностей: здесь и упоминания о Колчаке (о его упорных ухаживаниях за сестрой матери, Клеопатрой), и о владивостокской жизни (будни города, образование, нацвопрос и т.д.). Особого внимания заслуживают рассказы о судьбах некоторых друзей, знакомых, о попутчиках, портреты людей, с которыми сталкивала судьба.

События на Украине в революционный период – особая тема. Вот где буйствовало смешение флагов, властей, народов. Неожиданное и поначалу кажущееся нелепым известие об отречении государя, нашептанное автору (неизвестный мемуарист из Америки – имя не указано, А-94) в театре его знакомым, становится первым в ряду катастрофических событий, потрясших Российскую империю. В Киеве первыми, откликнувшимися на него, стали молодежь, студенчество и... городовые, которые “тут же куда-то исчезли”. “Рухнул старый мир, а вместе с ним и все устои нашей жизни”. Правда, признаки загнивания власти чувствовались, виделись уже давно – вялая, бесперспективная война, распутинщина и т.д., не вызывали уважения к самодержавию, но падение его повергло большинство людей в шок. Революционное оживление уже ощущалось в обществе, а маховик, запущенный гр. Юсуповым убийством Старца, уже набирал обороты, приближая Россию к катастрофе. Новая власть на местах принимала уродливые формы, производя немыслимые “преобразования” в судействе, полицейском ведомстве, в военной сфере. Расстрелы, самосуд стали неотъемлемой частью установления нового порядка. Поражала автора покорность “золотопогонников”: идущие на смерть не делали даже попытки предотвратить ее. Немцы принесли с собой долгожданный порядок. На какое-то время люди были избавлены от “внимания” ЧК, красных и даже Петлюры. Но раскручивавшуюся спираль уже никто не мог остановить – ни белые, ни немцы, ни французы с греками. Украина постепенно становилась красной. Не ожидая окончательного торжества новой власти, неизвестный автор покинул Россию, в этом ему помог сосед-чех, отбывавший со своим полком на родину. Произошло это в конце 1918 г. Воспоминания интересны огромным количеством деталей, слухов, которые могли быть как достоверными, так и обычными сплетнями. Судить – читателю.

Воспоминания Александра Петровича Грекова “На Украине. 1917 г.” (Е-179) – это воспоминания русского генерала, имевшего самое непосредственное отношение как к формированию Украинской армии, так и к ее военным действиям. Первые части своих записок Греков озаглавил “На Украине. 1917 г.” и “Переговоры Украинской Директории с французским командованием в Одессе в 1919 г.”. Проводившаяся в 1917 г. “украинизация” корпусов на Юго-Западном фронте должна была, по мнению Штаба, при-

остановить распад армии. Греков был назначен генерал-квартирмейстером 1-й армии, служил под началом Петлюры. Далее автор рассказывает, как по поручению Директории он вел переговоры с французским командованием в Одессе, как был назначен главнокомандующим Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерний. Но автор касается не только и не столько происходившего – каждое событие или явление он показывает “изнутри”: тайные пружины происходящего, отношения между “факирами на час” (Петлюра, гетман Скоропадский, Скрепчинский), между французским командованием и Директорией. Человек военный, Греков вспоминает военные действия на Украине, анализирует и причины побед (на первых порах), и причины поражений и распада недолго просуществовавшей Украинской армии. В главах “Петлюровщина”, “Галицкая армия”, “Красная армия” Греков вообще отходит от жанра воспоминаний. Его наблюдения, суждения и выводы составляют содержание этих глав: петлюровщина как явление; русская (царская) и Красная армия – сила и недостатки каждой из них, наличие преемственности, русский и советский солдат, офицерство как каста в царское время, как явление – в советское. И наконец, заключительная часть мемуаров – “Восемь лет ссылки в Советском Союзе” – повествование о мытарствах, выпавших на долю 73-летнего австрийского подданного Александра Петровича Грекова в стране, “где так вольно дышит человек”. Будучи уже 25 лет подданным Австрии, он после окончания Второй мировой войны был насильственным образом возвращен на историческую родину. Тюрьмы и лагеря Сибири с 1947 по 1954 г. стали наказанием человеку, служившему много лет назад не тем идеалам, которые исповедовали сторонники и последователи большевизма.

Во время Гражданской войны (1918–1921) полковник Дмитрий Иванович Звегинцов состоял при Британской военной миссии в России (“Записки полковника Кавалергардского полка Д.И. Звегинцова за 1915–1920 годы”, Е-147). Как проводилась политика военной помощи России, Белой армии, рассказано в записках. Лично-бытовых описаний, эпизодов в документах нет, все подчинено одной цели: изложению сути дела – присутствию иностранных военных на нашей территории, так, как это было. При этом все происходившее сопровождается анализом автора, видно его отношение к различным сторонам момента истории. Первая мировая война (с августа 1915 г.), хотя и довольно подробно описана в сражениях на Юго-Западном фронте, тем не менее, не главное в “Записках”. Какова была политика БВМ в отношении России, ее территорий, нацменьшинств и их желания самоопределиваться, взаимодействие с большевиками, контактирование с Совдепией, оснащение и материальное снабжение Добрармии, инспекции военных миссионеров на фронтах – всему был свидетель Звегинцов. Автор не был немым очевидцем происходившего, он – непосредственный участник истории (переговоры по вопросу о принадлежности Бессарабии, обсуждение “кавказского вопроса”, тесная работа с представителями миссии – Перси, Маккиндером, которые вели переговоры с Деникиным, Врангелем). Помимо описания деятельности БВМ в России, их представителей и деятелей, на страницах записок можно найти суждения автора по тому или иному вопросу: о притязаниях казаков на самостоятельность, об отношении населения к войне, большевикам, белым, “крестьянский вопрос в России” в различных его освещениях (отношение крестьян к земле, Столыпин,

большевики), маленькие и большие города во времена потрясений, украинцы, евреи и русские и т.д.

Вообще, “еврейский вопрос” присутствует на страницах многих воспоминаний. Некоторые авторы не многим отличаются от тех, которые винят во всех бедах – страны и собственных – “жидов”. Тот же Садовский в слабом развитии деревни видел корень зла в том, что Шлемки и Мойши не давали нормально развиваться хуторским хозяйствам, беря под свой контроль всю торговлю сельхозпродуктами и весь товарообмен в округе, в городе, разлагали звонкой монетой сельских и городских мелких служащих. Но есть мемуары, которые несут в себе надежду, обращенную в прошлое. Едва ли не самое ценное в человеческих отношениях, не подверженное ни экономическим, ни финансовым ценностям и не подвластное никаким обстоятельствам, – это люди, которых дарит в подарок судьба. Об этом очерк Эммануила Иосифовича Гольда (Р-477), в котором – история семьи Левиных, история еврейской семьи начиная с конца XIX в., от переселения предков из Могилевской губернии в Туркестанский край, до отдельного рассказа о судьбе каждого члена семьи Левиных (до 80-х годов XX в.). В поисках лучшей жизни, в стремлении выбраться из бедности отправилась многочисленная семья Левиных в 90-х годах XIX в. из Белоруссии в далекий Туркестан. Но не только евреи в России искали лучшей доли – украинцы, русские, белорусы вместе с Левиными (или каждый своим путем) обживали южные границы России. Не было между ними ни зависти, ни предвзятости, никто не держал камня за пазухой – все вместе и каждый в отдельности стремились поддержать друг друга, кто добрым словом, кто куском хлеба, кто копейкой. Не было среди них ни жидов, ни москалей, ни хохлов, а были Цилии, Маруси, Оксаны... На всю жизнь запомнил каждый Левин помощь купца Радченко, принявшего еврейскую семью к себе в дом и помогшего в обустройстве их на новом месте, и деда Василия, по-свойски “привлекшего к ответственности” коммерсанта Шлегера, испоганившего маленькую дочку Цилии Левиной. У каждого Левина своя судьба, своя история жизни, и эти истории рассказаны автором каждая в отдельности.

Дореволюционная жизнь в России – еще одна тема собрания ВМБ. Та, прошлая жизнь вспоминается, конечно же, ностальгически, конечно же, с умилением, память без особого напряжения восстанавливает моменты, которые были и остались дороги человеку, а картины ушедшего – яркие и потому запоминающиеся. Таковы “Воспоминания о Могилеве” Андрея Алексеевича Власова (Е-19). Прекрасное воспроизведение дореволюционного Могилева в мемуарах поражает, возникает чувство, что человек только что вернулся из города детства и не было 60-летнего вчера. Улицы, мостовые, городские ворота, гимназии, аптеки, магазины, театры и парки – как на старой фотографии: яркость утрачена, но изображение четкое и контрастное – качество налицо. Можно рассмотреть даже обитателей губернского города: продавщицу книжного магазина, м-м Атливанникову; владельца магазина де Ноткина, убежденного в своем французско-аристократическом происхождении и претендующего на русское дворянство, а уж описание преподавателей могилевской мужской гимназии, где учился автор, позволяет увидеть лица, почувствовать характеры воспитателей юных душ. Губернаторский дом, где позже расположилась ставка Верховного Главноко-

мандования, описан во всех подробностях – ведь Власов был племянником губернатора Пильца и какое-то время жил в этом доме. Две части мемуаров (Могилев и мужская гимназия) – как два осколка старинной утвари, найденной при раскопках – не столько История, сколько бытописание человека.

Прелестны воспоминания Бехтеева (Аю-15) о дореволюционном Ельце. Внешний облик город, немного истории и географии – детские воспоминания дополняются суждениями взрослого человека.

Записки-воспоминания Ивана Григорьевича Редченко (А-44) достойны того, чтобы с ними ознакомился не только узкий круг специалистов, – несомненно, они представляют интерес для любого читателя. В прекрасно написанных очерковых заметках виден человек неординарный, обладающий природным юмором, талантом рассказчика, великолепно знающий историю своего края (Запорожья), своей местности (села Спасское и Очертоватое) и своей семьи. Иван Редченко жил по определенным правилам, и жизнь его была подчинена определенному порядку. Нарушение нравственного порядка заставляет его, солдата Преображенского полка, в Преображенском соборе, “то есть в соборе своего полка”, ужаснуться последствиям посещения святого места солдатами: на полу валялись кружки, фляги, палки, необходимые для устройства палаток. “...На стене были трофеи славных прадедов великих, а на полу – подлость правнуков подлых”. Нравственное здоровье не позволяет ему “подцепить” и “заразу” – привезенный в полк “хороший фильм” – по сути, порнография – вызывает в нем чувство омерзения; непонятно ему и разграбление вагонов на станции, при котором новые, только что полученные шинели менялись на точно такие же, но ворованные; наконец, “печально и стыдо было смотреть, как большой громила прикладом разбивал дверь (лавчонки)...” Очень четкие представления о порядке и целесообразности заставляют в разговоре с коммунистом, который уже задумался о результатах и последствиях великого эксперимента, Ивана Редченко воскликнуть: “Зачем же тогда огород городить, зачем строить то, что теперь уже знаешь наперед, что оно рано или поздно само собой развалится? Зачем бороться и умирать за то, за что надо умереть, чтобы его не было?” Судьба автора похожа на судьбы многих, не вписавшихся в советскую жизнь: 11 раз был в тюрьме сроком от двух дней до двух лет. К 1938 г. “...полностью закончил сталинскую академию и полностью прошел ежовскую практику и в 1938 г. был отправлен на Крайний Север...” Но об этом уже автор не пишет, лишь упоминает – его записки заканчиваются 1919 г., когда ему, казначею отряда Белой армии, чудом удалось избежать смерти. Воспоминания интересны, колоритны, написаны ярким художественным языком, особенно это касается истории родного края.

Уничтожение казачества – большая тема для России и эмиграции, целый ряд воспоминаний принадлежит донским, уральским, терским любителям Екатерины II. Свою тоску о былой вольной казачьей жизни на Кубани изливает в письмах к А.И. Солженицыну Николай Зайцев (Е-34). Из своих 84 лет проживший почти две трети за пределами России, болезненно воспринимает автор умирание казачества, а псевдоказачество, западную “Казачию” считает явлением недостойным и ничего общего не имеющим с настоящим казачеством. Кубань конца XIX – начала XX в. хорошо запомнилась ученику станичной начальной школы. С семилетнего возраста уже

сознательно постигал казачок премудрости и тонкости той жизни, которой жили его деды и прадеды. Премудрости науки закладывались вместе с премудростями бытовыми, житейскими, а позже и премудростями военной службы этой особой части российского населения. О казаках времен Первой мировой войны, революции и Гражданской войны рассказывает Зайцев с гордостью, умилением и... сожалением о невозвратном. Казачье единство, взаимопонимание и взаимовыручка всегда помогали в решении как общих, станичных, вопросов, так и личных, касающихся, может быть, одной семьи. С явным удовольствием рассказывается о выборах атамана – событии в местной жизни. В мемуарах приводятся песни, анекдоты и просто случаи из повседневной жизни станичников.

В воспоминаниях о Леониде Попова (А-128) донская староверческая станица Есауловская жила до поры спокойной, размеренной жизнью, той жизнью, которую выбрали прадеды, деды, отцы. Уклад обуславливался верой, с одной стороны, и казачьими традициями – с другой. Работали все от мала до велика, от зари до ночи. Потому и была Есауловская богатой станицей. Жизнь изменилась с появлением “комиссара”. Представления о том, кто такой комиссар и что значит само слово, было минимальным. Но уже то было плохо, что занял он место станичного атамана – в то время им был дед Л. Попова. Не верилось и в то, что царь “куда-то делся”. Множество слухов, один страшней другого, носилось от дома к дому. Появление первого большевика в станице было недолгим и нестрашным, но оно стало началом потрясений. Возвращались с фронта казаки, пьянство и разгул пришли в некогда строгую жизнь староверов. Новые нашествия комиссаров и “красногвардейцев” оборачивались уже трагедиями для казачьих семей. Казаки стали собираться – для отпора власти Антихриста. “Так началась гражданская война”, – заканчивает автор свои воспоминания.

Читая “Неоконченный дневник оренбургского казачьего офицера Андрея Осиповича Приданникова” (Ав-14), понимаешь, что вряд ли думал выпускник Оренбургского военного училища Приданников, что его военная служба закончится так быстро и где-то в далеком Китае, среди инородцев и вечно пьяных своих, русских, мало уже походивших на дисциплинированный военный отряд – скорее, на толпу беженцев, для которых главным стало – выжить, а следовательно, нужно было строить землянки и шить одежду, чтобы не замерзнуть в стужу, воровать лошадей и скот, чтобы иметь возможность передвигаться и не умереть с голоду, пить хану, чтобы не думать о настоящем и возможном будущем... Все это было в Китае. А до того – трудный путь, проделанный автором сначала вместе с русской Южной армией, а затем в казачьем отряде под командованием генерала Бакича. Отступление казачьих сотен шло в направлении китайской границы через киргизские, аральские степи. Что приходилось вынести отступающим – об этом очень подробно, шаг за шагом, день за днем рассказывает офицер-казак, ведя подробное и очень толковое повествование от лица как бы стороннего наблюдателя – личные впечатления и эмоции оставлены за рамками воспоминаний. И записки его – это рассказ о трудном пути сначала Южной армии, затем только казачьих отрядов, от города к займке, от кишлака к кишлаку, через лютой морозный беспредел и иссушающую жару – Омск, Ачинск, Курган, Кустанай, Кокчетав, Акмолинск, Семипалатинск, Уч-Арал и далее – Зайсан, Шарасуме – уже китайская тер-

ритория. Бесконечные переходы, усложненный до крайности быт, стычки с красными, киргизами, китайцами, монголами, трудность в принятии решения – возвращаться в Россию или уходить еще дальше, в Китай – то, с чем пришлось столкнуться русским, не нашедшим себе места в Советской России. Возникшие разногласия между командирами – генералом Бакичем и есаулом Кайгородовым, командиром “народников” (Русский инородческий отряд, уже действовавший в Китае), добавили еще проблем и вновь раздробили казачьи силы. Заканчиваются мемуары рассказом о том, как обустривались русские на чужой территории, как приспособлялись к новым условиям.

Как уходили русские из России – почти во всех мемуарах Всероссийской мемуарной библиотеки. “...Легкомысленно, бездарно, неорганизованно, если не сказать преступно, была проведена новороссийская эвакуация...” В чем выразилась преступность, Александр Николаевич Ребиндер (Е-28) рассказывает в своих кратких воспоминаниях. Большое число погибших, как военного, так и гражданского населения, паника и хаос, царившие в порту, неприкрытый, наглый грабеж города, активизация в связи со всем происходившим “зеленых” и пассивность французов, призванных в помощь добровольческой армии. Пережив хаос Новороссийска, став свидетелем безысходности и отчаяния и явного конца старой русской армии (запомнился автору потерявший надежду пожилой полковник, для которого освобождением могли бы стать французский корабль и чужая сторона, а не пуля, пущенная в лоб), автор, вероятно, имел право сравнить крымскую эвакуацию при “доблестном ген. Врангеле, когда все части Русской армии были эвакуированы и никто не остался в руках у большевиков...”, с новороссийской и назвать ее преступной.

Уходили в разных направлениях, кому куда уготовила судьба. Сибирская флотилия эвакуировалась из Владивостока, о чем командующий Сибирской флотилией контр-адмирал Ю.К. Старк подготовил “Отчет о деятельности Сибирской флотилии” (М-59). После решения об эвакуации перед командирами во главе с командующим встал вопрос о направлении исхода. Первоначальным пунктом похода стал Шанхай, куда флотилия и прибыла глубокой осенью 1922 г. Но отношение китайских властей и их внутренние проблемы не способствовали долгому пребыванию в китайских водах. С большим трудом удалось русским получить помощь (за собственные деньги) в ремонте нескольких кораблей, а также в пополнении продовольствия и топлива. В последнем случае и то и другое продавалось плохого качества по высоким ценам и со всяческими махинациями. После переговоров с американскими властями на Филиппинах было получено их согласие на прибытие русской беженской флотилии на острова. Здесь положение оказалось совсем иным: американцы (и в частности губернатор Филиппин Л. Вуд) и Красный Крест помогали русским в сносном их существовании в американской колонии. В январе 1923 г. части кораблей с беженцами была дана возможность эмигрировать в Северную Америку. Другая, менее удачливая, осталась на Филиппинах, где, по словам Старка, не смогла нормально устроить свою жизнь. Каково было будущее самого контр-адмирала – из рукописи неизвестно. Во всяком случае, отправив партию своих соотечественников в Новый Свет, он остался с остатками своей флотилии на островах. Воспоминания чрезвычайно

интересны, тем более что принадлежат они человеку военному, а значит четкому и не склонному к эмоциям, когда дело касается возложенных на него обязанностей. Помимо конкретики воспоминаний – пребывания русских в Шанхае и на Филиппинах, – в материале много распоряжений и приказов контр-адмирала по флотилии.

Не вся русская интеллигенция находила в себе силы служить новым идеалам. Семья Г.Г. Бюхтгер (Е-72), первое время пытавшаяся войти в иную жизнь, отказалась от этих попыток. Бегство в Финляндию по льду Финского залива семьи, где было двое маленьких детей, а третий должен был вот-вот родиться, было подготовлено тяжелыми условиями жизни в революционной России. Голодный Петроград погнал людей сначала в Новгород в поисках более сносных условий жизни. Но монастырское бытие (семье удалось устроиться в монастыре) оказалось еще менее сытым, и к тому же беженцам пришлось жить в постоянном напряжении и страхе: брат автора скрывался от призыва в Красную армию. Измотанные голодом, неустроенностью, гонимые страхом за будущее детей, за свою жизнь, они принимают решение пробираться во Францию через Финляндию. Одним из моментов подготовки к побегу была продажа имущества князю-спекулянту, который надеялся на то, что скоро “безобразия” прекратятся и обратно возвращающимся хозяевам он сможет вернуть их имущество – правда, за двойную цену. “Перевертыши” стали лицом революции, менялись не только цвета флагов, партий, власти, но и души людей.

Вместе с отступающей армией, пережив во время похода нападение “зеленых”, 13-летний Борис Павлов (А-41), семью которого “разбросало во все стороны”, попадает в Новороссийск. В Новороссийске полным ходом шло разграбление складов, по городу ходили, как призраки, табуны бездомных лошадей, потерявших своих хозяев... На дредноуте “Император Индии” Павлов покидает Россию. А ведь с сочувствием встретила семья мальчика (глава семьи – учитель гимназии в Торжке) победу большевиков. Но происходящий “психоз” иногда походил на театр абсурда – таков эпизод с похоронами двух убитых и ограбленных стариков-евреев (поговаривали, что они были очень богаты), которых хоронили с военным оркестром и красными флагами – как “жертв революции”. Жестоко подавленное крестьянское восстание в Ливненском уезде (в г. Ливны семья переехала в 1918 г.) – “телегами вывозили трупы крестьян и закапывали в общих могилах” – автор вспоминает как точку отсчета: “...Постепенно жизнь в Ливнах начала приходить в советскую норму”. “Советская норма” включала в себя опустевшие базары, продовольственные карточки, на которые ничего нельзя было купить; появившиеся “мешочки” стали непременным атрибутом жизни, не согласных с новыми требованиями деревенских “богатеев” “учили”, поливая ледяной водой на морозе. Поэтому, по словам автора, занявших город добровольцев встречали цветами. Оживилась городская жизнь, крестьяне повезли в город продукты. Но... “лес рубят – щепки летят” – несправедливо, “по ошибке”, убит освободителями учитель гимназии. В то время в Харькове, куда переехала из Торжка семья Павловых, находилась ставка ген. В.З. Май-Маевского. Его разгульная жизнь была у всех на устах, и это особенно печально, по мнению П., поскольку “...это был исключительно способный и боевой генерал, так неожиданно опустившийся”. Но всеобщее разложение уже наступило: “настоящего порядка в городе, конеч-

но, не было”, банды разбойников, переодетых в форму дроздовцев, терроризировали город. Граждане же “сами сражаться не стремились. Большинство надеялись, что кто-то другой их спасет и защитит”. Заканчивая свои воспоминания, автор пытается коротко проанализировать причины поражения Белого движения и возлагает большую часть ответственности на самих белых.

Анализ краха Империи и поражения Белого движения присутствуют в той или иной степени почти во всех рукописях ВМБ. Пытаясь осмыслить трагедию, русские, потерявшие родину, болезненно ищут причины трансформации России: когда появилась болячка, которая разрослась в раковую опухоль? Как стало возможным в такой богобоязненной стране разрушение храмов, уничтожение священников, осквернение образов и могил? Почему не разрослось Белое движение в движение общенародное и почему такой вялостью и неспособностью к сопротивлению отмечалось оно во многих уголках страны? И кто такие большевики? Ведь не все из них оказывались “убежденными”? Авторы воспоминаний, каждый по-своему, пытались ответить на мучившие их вопросы. Порой наивно, порой аналитически – природные данные позволяли многим, в меру отпущенных им свыше способностей к разумению, оценить прошлое. Так, интересны письма Михаила Казакова 1927 г., адресованные брату за границу (Е-60). Ценность документов не столько в изложении автором этапов своей жизни, сколько в видении настоящего и будущего России. Особенно показательны в этом отношении письмо к Мельникову – по сути, это взгляд человека, не обремененного эмоциональным грузом – ни злобы, ни отчаяния, ни подавленности, ни смирения, – на суть происходящего в России. Корреспондент размышляет о власти, диктатуре и о власти диктатуры (фашизм в Италии и коммунизм в России); о перспективах развития диктатуры пролетариата (считает, что этот процесс необходимо пустить “на самотек” – он сам, как и всякая диктатура, себя изживет, и Россия естественным образом встанет на путь демократического развития); о русской эмиграции и возможности ее участия в написании истории России (здесь – о неоднородности эмиграции и о невозможности части русских, агрессивно относящихся к Советской России, влиять на процесс восстановления нормальной российской жизни, поскольку их враждебность может перерасти в террор, а это приведет к новому кровопролитию); о войне и интервенции, считая, что это, в общем-то, одно и то же (рассуждения об амбициях Польши). Интересны письма людей, для которых несчастье родины – это не только своя, искалеченная жизнь, но и повод проанализировать и попробовать увидеть будущее России.

Есть материалы, которые вряд ли можно отнести к собственно воспоминаниям, “Хутор” неизвестного автора (Е-159) – один из них. Это, скорее, эссе на темы революционных событий. Тем не менее лучшего отражения состояния души русского человека в сложную эпоху перемен среди других воспоминаний не найти. Изо дня в день воспоминания, но не событийные, а воспоминания души, истерзанной, не находящей себе покоя, не видящей света в непроницаемом будущем. Зима, “зима души”... Лишь изредка, буквально несколькими брошенными фразами неизвестный автор возвращается в действительность, которая вызвала в нем такой всплеск душевных и нравственных переживаний: “Только что была в доме грязная и грубая

ватага людей, похожих, скорее, на диких зверей, с обыском и требованием оружия... После них остался на душе осадок грязи. Дом можно прибрать, но душу...” Ничего не известно об авторе, мучившемся почти гамлетовским “заснуть навсегда глубоким сном...”

Не все ставшие эмигрантами покинули родину в период потрясений. Многим пришлось пожить при большевистской власти и вкусить плодов новой жизни, построенной Совдепией. Жизнестойкость и способность не упасть духом в самые трудные минуты помогли А.С. Волошиной (Волошной, А-109) пережить и революцию, и Гражданскую войну, и массовые репрессии, и Великую Отечественную войну. Выходец из семьи интеллигентов (дед – из небогатых польских дворян, бабушка – пианистка, отец – адвокат), она, уже после установления советской власти в Ростове-на-Дону, прибавив к своим 15 годам еще три для солидности, идет на службу к большевикам. О причинах, двигавших ею, она ответила красным начальникам так: необходимость кормить мать и старшую сестру. “Дворянку” (так она при поступлении ответила на вопрос о социальном положении) в Продком приняли сразу. Все последующее время судьба хранила молодую женщину: одни красные “товарищи начальники” оказывались внутри белыми, другие (как печально известный Белобородов) ценили в ней хорошего работника (она была секретарем-машинисткой). Дамоклов меч сталинских репрессий тоже не обрушился на ее семью. Война, приход немцев – все было в судьбе Волошиной. Служба у немцев дала ей возможность узнать и увидеть, как много людей жили в ожидании освобождения из “социалистического рая”. В феврале 1943 г., когда оккупационные войска стали отступать, решила изменить свою судьбу и автор воспоминаний – с ребенком на руках, прибегая к помощи немецких “начальников”, она уехала из СССР.

Трагическая судьба человека в стране со столь же трагической судьбой предстает со страниц воспоминаний Ксении Ивановны Сопилко (А-108), простой женщины, прошедшей вместе с Белой армией весь ее крестный путь. Печальную картину представлял собой Юг России после установления власти Советов – разорение, налеты продотрядов, подчистую выбиравших последнее у крестьян, аресты, ссылки неугодных и неудобных (арестован и сослан муж автора). “Советская” и “хорошая” церковь, куда стекались на моления со всех окрестных деревень, и печальные судьбы батюшек, остававшихся верными служению Богу, а не власти, тоже стали реалиями новой жизни. Вслед за мужем пошла по тюрьмам и этапу сама Сопилко с малым детем на руках, оставив троих старших на милость новой власти (что с ними стало?). Но, как оказалось, тюрьмы и ссылка – не предел человеческих испытаний. Не менее жестокая жизнь ожидала женщину после возвращения в родные места: в больнице, куда она, сама больная, попала с больным сыном и где не на кого и не на что было надеяться, умер от болезни, холода и голода ее ребенок; чужие люди встретили ее в собственном доме и в доме отца – занят был дом новыми жильцами; встреча с родной сестрой, у которой умирала дочка, была безрадостной: измученная сестра рассказала о работе “на колхоз”, результатом которой стали истощенная, умирающая от голода и болезней ее дочка и запустение в доме. Много страшных моментов несут в себе воспоминания. Нельзя без содрогания читать печально излагаемые подробности очевидицы и страстотерпицы времен строительства социализма.

В своей жизни Мария Мейендорф (М-41) несла многочисленные потери: во время Первой мировой войны погибли ее брат, ушедший на фронт, и старшая сестра (она была сестрой милосердия), в период Гражданской войны мученическую смерть от махновцев приняли брат и муж сестры; большинство Мейендорфов покинули Россию, и многочисленная фамилия оказалась рассеянной по всему свету. Сама же Мария стала работать на новую власть – обучать детей математике, русскому языку. Власть “оценила” заслуги “недорезанной буржуйки”, посадив ее в 1928 г. сначала в тюрьму, затем сослав в Уральск на три года. По возвращении из ссылки она снова стала жить и работать в Одессе, вплоть до прихода туда немцев. Не было радости по поводу падения Советов – чужеземный захватчик все равно казался большим врагом. Тем не менее это не помешало ей эвакуироваться с немцами, когда стало ясно, что в войне произошел перелом. Так началась эмигрантская жизнь Марии Мейендорф. Дальнейшая жизнь автора за границей – это переезды от одних родственников к другим, из города в город, из страны в страну, нельзя сказать, что гнало ее плохое отношение близких, совсем наоборот – всем хотелось “заполучить” себе тетю Маню на жительство или хотя бы пригласить ее побыть какое-то время у них. Нашла свой последний дом Мария Мейендорф в Канаде, в многочисленной семье племянника. Последние страницы написаны одним из родственников автора – они о ее последних днях на этой земле и о ее смерти.

Великая Отечественная война дала еще одну волну эмиграции из России, по счету вторую. Добровольный или насильственный уход с завоевателями – для многих будущих невозвращенцев стал вехой в судьбе. Конечно же, не могли предположить будущие ДР-йцы, какую роль сыграют военные 40-е в их жизни, как не могли и думать, что военная мощь их Советской родины окажется плакатной. По словам С.Н. Дубровского (Сверчкова, М-17), служившего, вернее практически отслужившего службу на границе Белоруссии и готовящегося уже через пару дней демобилизоваться, неожиданность начала войны подействовала на людей уничтожающе. В одночасье армия (речь идет о частях, располагавшихся в Белоруссии) превратилась в неуправляемую, быстро уничтожаемую, совершенно деморализованную массу. Стремление выжить, спрятаться, забиться в угол превалировало над долгом защитника Родины. Тем более что многие из рядового и офицерского состава, по словам автора, мало симпатизировали советской власти. В какой-то мере вторжение немцев связывалось с ожиданием гибели существующего режима. Разбитые части, разбросанные по лесам, выбирались на дорогу, где уже всю командовали оккупанты. Кого-то сразу расстреливали, заставляя самих рыть себе могилы, другие попадали в плен. Среди последних оказался и автор, буквально чудом избежавший смерти. Период его пребывания на фронте оказался коротким – уже в начале июля попал в плен на белорусской территории, в сентябре – тот же плен, но уже на немецкой земле (Хаммельбург). Жуткие условия пребывания за колючей проволокой доводили людей до животного состояния, до гибели от голода или иных причин. В Германии бытовые условия были лучше, но голод – нестерпимым. По словам автора, к весне 1942 г. вымерли все молодые пленные в возрасте от 18 до 27–28 лет. Даже сделанная поначалу заявка – оставаться людьми и в плену – выдержала проверку временем только 2–3 месяца. Но здесь начало зарождаться антисоветское подполье.

Война – испытание для взрослого человека, мужчины, военного. Как быть детям, детдомовцам, которых судьба уже обделила, или тем, родители которых вынуждены были – в силу разных причин – отдавать детей государству? Девять лет было Марату Кузнецову, когда началась война (Р-448). Пионерский лагерь под Минском в первые же дни оказался в зоне немецкой оккупации. Родители понадеялись на государство: уж оно-то, конечно, позаботится о том, чтобы отправить ребят в безопасное место. Но и оно, и директор лагеря, который исчез в первые же дни войны, бросили детей на произвол судьбы. В детском доме, в который был превращен лагерь, воцарился немецкий порядок, голод и холод валили детишек с ног, лазарет был всегда полон. Когда детей отправили в Германию, автор не говорит – рассказывается уже о пути следования эшелона. В Германии малолетние рабы были разобраны хозяевами и использовались на всех мыслимых работах. Для автора этих воспоминаний возвращение на родину закончилось счастливо – он нашел своих родителей в Минске.

“Повесть-быль” другого мальчишки военного времени, 16-летнего Аркадия Иванова (Р-453), не похожа на судьбу Кузнецова: долгожданное возвращение на родину после войны из немецкой неволи стало трагическим. Воспоминания построены как рассказ автора случайному дорожному знакомому. История жизни Иванова похожа на биографии многих советских людей его поколения. Подростком летом 1941 г. оказался он на оккупированной территории в районе Смоленска, а в 1942 г. был угнан в Германию. Там работал на заводах и фермах, а по окончании войны с радостью вернулся на родину. Послевоенная биография мало чем отличалась от других: короткое время работал на заводе в Ташкенте, затем был арестован и обвинен по 58-й статье на 10 лет лагерей. Обвинение касалось его пребывания на оккупированной территории и в Германии. Общение с немцами не было для автора трагическим и не принесло ему горьких воспоминаний. Отменная вежливость и порядок, который принесли с собой завоеватели, ничем не нарушались, а пребывание немцев в российской деревне в первый период войны не носило характер уничтожения и унижения. Может быть, этому способствовал комендант, который, как выяснилось, много лет проработал в СССР, в Москве, и прекрасно говорил по-русски. В Германии А. Иванов получил рабочую специальность, работал на заводе, числился, как и многие другие его соотечественники, на хорошем счету. В фермерских хозяйствах отношение к остоvcу также было благожелательным и уважительным. Можно сказать, что человеку повезло – он не прошел те круги ада, которые выпали на долю других соотечественников. Прекрасное знание языка, умение работать сослужили ему хорошую службу: по окончании войны немцы просили его остаться в Германии, обещая хорошую жизнь, но... На родине остались дом, мать – все свое, родное. Чем закончится встреча с родиной, Иванов даже не предполагал.

Репрессивная машина в Советском государстве не знала отдыха и перерывов в работе, любой повод и даже отсутствие такового запускали механизм очередного дела. Не знала Мария Бабкина (Р-600) в свои 19 лет, что ее девичья привлекательность станет ее проклятием. В 1943 г., после освобождения от оккупации родного села, молодая учительница начальных классов решила вступить в комсомол. Вызванная на собеседование к партийцу, Бабкина не смогла уже вернуться домой – уж очень понравилась

она тому, от кого зависело ее комсомольское будущее. Отказав домогателью, тем самым она получила путевку на строительство железных дорог в Заполярье. Путевка не была комсомольской, а строительство железной дороги за колючей проволокой не было комсомольским порывом: 58-я статья для девушки стала мезьтвю коммуниста за отвергнутую любовь. Как сложилась ее судьба в условиях вечной мерзлоты, что ожидало ее после освобождения в 1952 г., М.П. Бабкина рассказывает в своих мемуарах. И все-таки автор находила и светлые моменты в десятилетнем своем пребывании за колючей проволокой: порой появлялось человеческое лицо в бесчеловечной системе перевоспитания “врагов народа” – начальник лагеря вдруг оказывался *человеком* и насколько это возможно смягчал условия существования заключенных. Но, увы, он был один на сотни других людей в форме НКВД.

Воспоминания об отце, докторе М.Е. Крыжановском, жизнь которого тоже перемололо и прервало ГПУ-НКВД, его дочь В.М. Керн (Крыжановская) назвала “Венок на могилу отца” (М-143). Наплодив армию беспризорников, революция пыталась воспитывать молодое поколение в духе безоглядной преданности революции. Детские дома и колонии, выроставшие, как грибы, и занимались этим тонким делом. Доктор Крыжановский, видевший страшное положение детей и подростков, стал директором сначала детского дома, а потом возглавил и Дом новорожденного. Занимаясь своими прямыми обязанностями врача, он еще как мог обустроивал жизнь своих подопечных: со страшными трудностями доставал продукты, выколачивал из революционных начальников одежду для детей и принадлежности для детского дома. Он видел невозможность помочь многим своим питомцам подняться на ноги и отдавал их в больницы, где питание было несколько лучше. Многие, очень многие в Черкассах были обязаны доктору своей жизнью и тем хорошим, что он сумел вложить в них. Государство же по-своему оценило заслуги Крыжановского. 1938 год стал роковым для него. “Я ждал этого”, – последние слова, которые он произнес дома во время ареста. Как ходила жена вместе с такими же, как и она, добиваться суда, рассмотрения дела мужа как можно скорее, как умоляла суровых тюремных начальников принять хотя бы передачу – отдельная история, которая занимает половину воспоминаний М. Керн. Равнодушные истинное и наносное (не полагалось служителям советской Фемиды относиться к “врагам народа” по-другому) встречало несчастных во всех органах правосудия. Лишь дважды – сердце почувствовало и добрые люди подсказали – удалось увидеть жене родного человека: ночью, когда перевозили больного доктора из тюрьмы в больницу, и перед самой отправкой его по этапу. Короток оказался век заключенного Крыжановского в Карагандинском лагере: в 1940 г. семья получила известие о смерти отца и мужа.

В сентябре 1977 г. в газете “Русская мысль” появилось “Обращение к российским эмигрантам” Александра Солженицына, в котором заявлялось о создании им Всероссийской Мемуарной Библиотеки.

*Русская мысль. 29 сентября 1977. № 3471.

“Русский Общественный Фонд, основанный мною три года назад, одной из целей своих ставит собирание всяких личных воспоминаний наших соотечественников с обязательством (от меня и моих наследников) – надежного хранения, постепенной перепечатки и каталогизации их, а как только наступит благоприятное для того время – перевозки их всех в один из городов Центральной России, где они будут соединены с подобными же воспоминаниями людей, проживших всю жизнь в СССР, и составят вместе с ними Всероссийскую Мемуарную Библиотеку, ступок народной памяти и опыта. Эта библиотека уже создается и принимает *все* присылаемые материалы – короткие (2–3 страницы) или пространные (до 1000 и более страниц), любым образом написанные, также и не на русском языке, при любом уровне грамотности – но содержащие материал из жизни нашего народа в XX веке... Я призываю моих соотечественников теперь же сесть писать такие воспоминания и присылать их – чтобы горе наше не ушло вместе с нами бесследно, но сохранилось бы в русской памяти, остерегая на будущее...”

Революция и Гражданская война – история от первого лица. Уникальный по своей задумке и мотивации проект состоялся в Москве в 1995 г. после возвращения писателя на родину. Городом в Центральной России стала столица – осуществить проект в Москве оказалось технически проще. Преобразование обычной районной библиотеки в Библиотеку-фонд “Русское Зарубежье” (так назывался ДРЗ при создании) произошло по решению Московского правительства. Рукописи Всероссийской Мемуарной Библиотеки были первым и на тот момент единственным фондом БФРЗ. Несколько лет шло описание рукописей по системе, разработанной самим писателем. Темы, интересовавшие его, были выделены при описании каждого мемуара. Все, что интересовало Солженицына, – Февральская и Октябрьская революции, июньские события и Гражданская война, предреволюционная жизнь, развал армии, русская дореволюционная деревня, голод, нэп, военный коммунизм и пр. – охватывало российскую географию полностью: Москва, Петроград, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток, российские окраины и Центральный район. Временные рамки событий тоже оказались расширенными – люди рассказывали не только о самом событии, но и предтеча событий сопровождала воспоминания авторов. Для авторов воспоминаний пределы означенных А. Солженицыным тем оказались тесными. Русская жизнь конца XIX – начала XX в. – крестьянская, дворянская, аристократическая – городская и поместная, интеллигенция и круг ее интересов, девичьи институты и военные училища, сельская школа, священнослужители и духовная жизнь человека, государственное и мелкое чиновничество на местах, Вторая мировая и Великая Отечественная война, репрессии, ГУЛАГ, обычная советская жизнь – круг тем оказался широк, как и сама жизнь. Социальный охват авторов почти полный – от представителей семьи Романовых и депутатов Государственной думы до крестьян. Разного качества изложения, разного объема – они не зависели от происхождения, образования и статуса автора. Воспоминания казака оказывались интереснее, живее и глубже мемуаров чиновника или аристократа, получившего лучшее образование и имевшего за спиной не одно поколение блестящих предков.

Все рукописи Всероссийской Мемуарной Библиотеки (ВМБ) описаны по системе, разработанной А.И. Солженицыным. На каждую рукопись сделана информационная карточка, в которой указаны темы воспоминаний с указанием страниц, очерчены хронологические рамки мемуаров, состав-

лены именной и географический указатели, приведены сведения об авторе (которые возможно было узнать из самой рукописи). По окончании описания материала все указанные в ней лица заносятся в общий, объединенный указатель имен ВМБ.

Сейчас в ВМБ насчитывается более 2000 рукописей, которые составляют уникальное собрание трагических человеческих судеб, вплетенных в российскую историю. Здесь не только воспоминания эмиграции первой и второй волн, но и отражены судьбы советских людей, никогда никуда не выезжавших – им тоже было что рассказать. ВМБ положила начало всему архивному собранию Библиотеки-фонда “Русское Зарубежье” (с 2010 г. – Дому Русского Зарубежья им. А. Солженицына).

На основе материалов ВМБ А.И. и Н.Д. Солженицыны основали серию книг “Всероссийская Мемуарная Библиотека. Наше недавнее”, которая начала издаваться в Париже русскоязычным издательством “УМСА-Press”. Самые интересные воспоминания вошли в эту серию, публикация материалов продолжается до сего дня уже московским издательством “Русский путь”.

В.Г. Бухерт

**КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
“ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ НАШЕЙ РОДИНЫ”
(1946–1952 гг.)**

Краткий биографический словарь “Выдающиеся деятели нашей Родины” был одним из издательских проектов Академии наук СССР. История работы над словарем, к созданию которого были привлечены крупные научные силы страны, представляет немалый интерес. Материалы редакции словаря хранятся в Архиве Российской академии наук (Ф. 609). Они могут быть использованы в научных и практических целях: для пополнения и уточнения библиографии трудов известных ученых, для подготовки энциклопедических и иных изданий.

Мотивы, побудившие Академию наук СССР поставить вопрос о необходимости создания биографического словаря отечественных выдающихся деятелей, в общей форме были определены в докладе президента С.И. Вавилова “О путях развития советской науки”. С ним он выступил на собрании научных работников Ленинского района г. Москвы 6 марта 1946 г. В докладе Вавилова отмечалось: “Взрыв патриотизма в годы Великой Отечественной войны необычайно поднял значение истории нашей Родины, ее культуры, ее отдельных великих людей” и делался вывод, что перед историками “стоит задача продолжать изучение истории народов Советского Союза”¹.

28 мая 1946 г. С.И. Вавилов выступил на заседании Президиума Академии наук СССР с докладом «Об издании словаря “Выдающиеся деятели нашей Родины”», в основу которого было положено соответствующее предложение от Комиссии по изданию научно-популярной литературы. В результате обсуждения доклада было решено выпустить краткий однотомный словарь объемом 100 печатных листов (приблизительно 1000 имен), под редакцией профессора Ф.Н. Петрова², во второй половине 1947 г. В словарь должны были войти биографии умерших деятелей от образования Русского государства и до современности. Наряду с этим, задумано было “приступить к подготовке издания большого исторического биографического словаря с древнейших времен до современности”³. Вопрос о нем решили предварительно рассмотреть в Отделении истории и философии⁴

¹ Вавилов С.И. О путях развития советской науки // Вестник Академии наук СССР. 1946. № 4. С. 7.

² Петров Федор Николаевич (1876–1973) – советский партийный и научный деятель, начальник Главнауки Наркомпроса РСФСР (1923–1927), председатель ВОКС (1929–1933), директор Государственного научного института “Советская энциклопедия” ОГИЗ при Совете министров СССР (1941–1949).

³ АРАН. Ф. 2 (Канцелярия Президиума АН СССР). Оп. 6. Д. 53. Л. 243.

⁴ Там же. Л. 244.

(академик-секретарь Б.Д. Греков). Для этого была образована специальная Комиссия в составе С.Л. Рубинштейна (председатель), С.Л. Соболя (уче- ный секретарь) и Б.Г. Вебера. На одном из заседаний Комиссии было за- слушано сообщение И.М. Кауфмана⁵ о подготовленном им к печати труде “Источники для биографического словаря русских деятелей”⁶. Ознакомив- шись с первоначальным вариантом словника к словарю, Греков писал 20 апреля 1946 г. в Комиссию по изданию научно-популярной литературы: «Мое внимание было сосредоточено главным образом на политических и общественных деятелях, и я прихожу к выводу, что в словнике мало имен, подходящих под понятие “выдающихся”. За более чем тысячелетнее суще- ствование Русского государства на общественной и политической арене вы- ступали многие сотни вполне “выдающихся” людей. Из них попала какая- нибудь сотая часть в словник. Нельзя сказать, что попали только лучшие из хороших, потому и среди этих последних можно назвать имена достойные перенесения в первую категорию. Я не возражаю против издания словаря даже в таком урезанном виде, но полагаю, что перед нами стоит другая настоятельно необходимая задача дать второе издание “Русского биогра- фического словаря” (кстати, не совсем законченного и в первом издании), пополнив его и заново отредактировав. Эта задача вполне выполнимая и соответствует великим планам, стоящим перед советской наукой и Ака- демией наук СССР в частности»⁷. Свое мнение о составе большого био- графического словаря выразил (в записке от 6 февраля 1947 г.)⁸ и А.В. Ар- циховский⁹. Он возражал против выявившегося к тому времени мнения, что отбор имен для словника должен быть тем строже, чем к более ран- ним этапам истории России будут переходить его составители. Возведение такого подхода в принцип, писал А.В. Арциховский, создаст у советских и зарубежных читателей словаря “превратные и вредные представления о бедности России историческими воспоминаниями”. Словарь, отмечал он, “в значительной мере” предназначен для научных работников и они долж- ны найти в нем “справки о тех деятелях древней Руси, которые в энцикло- педиях и других справочниках отсутствуют”. В большом биографическом словаре, считал А.В. Арциховский, надо поместить биографии “не только великих князей, но и тех удельных, походы и политическую деятельность которых можно проследить” (около 200 имен). Надо также дать биографии большинства бояр, думных дьяков, важнейших воевод и т.д. Московской Руси XV–XVII вв. (более 300 имен), новгородских посадников (более 100 имен). А.В. Арциховский отмечал далее, что “и церковных деятелей надо поместить немало (всех митрополитов киевских и московских, всех новго- родских владык, основателей главных монастырей и т.д.)”. Он также счи- тал, что не должны быть забыты “деятели ранней истории” народов СССР, только одна Средняя Азия “даст несколько сот имен”.

⁵ Кауфман Исаак Михайлович (1887–1971) – библиограф, книговед.

⁶ *Кауфман И.М.* Русские биографические и библиографические словари. М., 1950.

⁷ АРАН. Ф. 609 (Краткий биографический словарь “Выдающиеся деятели нашей Родины”). Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

⁸ Там же. Ф. 457 (Отделение истории и философии АН СССР). Оп. 1. 1946 г. Д. 56. Л. 21–21об.

⁹ Арциховский Артемий Владимирович (1902–1978) – археолог, профессор МГУ (с 1937 г.) чл.-корр. АН (с 1960 г.).

15 августа 1946 г. С.И. Вавилов писал начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Г.Ф. Александрову: “Необходимость в советском биографическом словаре давно назрела. Дореволюционные словари этого типа давно уже устарели, да они и не были полностью завершены”¹⁰. Вавилов запрашивал Александрова о возможности, “в целях исторической полноты”, включения в словарь биографий “реакционных деятелей”. В качестве примера приводились П.А. Столыпин и А.А. Аракчеев. Вавилов писал: “Мне представляется, что такого рода лица, игравшие крупную историческую роль, в ограниченном количестве могут быть помещены. Само собой понятно, что деятельность их будет критически разобрана и будет показана их отрицательная роль в развитии нашей страны”¹¹. Ни та, ни другая фамилия в утвержденный словник к словарю включена не была, однако в фонде редакции хранится статья “П.А. Столыпин”, написанная Б.Г. Верховенем.

Уже вскоре стало очевидным, что выдержать установленный срок издания краткого биографического словаря не удастся. Даже само название словаря не всем показалось удачным. Академик И.С. Бериташвили предложил его изменить и назвать биографический словарь “Выдающиеся люди народов СССР” (См.: Прил. № 3). Официальное название словаря все же осталось прежним. С 1949 г. в рабочих материалах редакции встречается и его сокращенное название: “Деятели нашей Родины”.

На заседании Бюро Редакционно-издательского совета (РИСО) Академии наук СССР 8 декабря 1950 г. был одобрен “Проект словника” словаря, включавший 1278 имен. Обсуждался также вопрос об иллюстративной части словаря, решено было “в начале тома поместить портрет товарища И.В. Сталина и редакционную статью”, портреты к статьям помещать как в тексте, так и на вкладных листах¹². Авторский гонорар был установлен в размере 4000 рублей за авторский лист, за редактирование платили 600 рублей.

В 1951 г. Издательство Академии наук СССР создало редакцию Научно-популярной литературы и словарей (заведующий Я.Б. Коган), занимавшуюся, среди прочего, и подготовкою Краткого биографического словаря “Выдающиеся деятели нашей Родины”. В штате редакции состояли старший научный редактор Н.А. Озерская, редактор Е.И. Володина и младший редактор А.В. Мрозовская. Фактически же всю основную работу по подготовке словаря, как и раньше, вели главный редактор Ф.Н. Петров и Н.А. Озерская.

Ответственными редакторами разделов словаря стали академики: В.В. Виноградов (литература русская (совместно с Н.К. Гудзием) литература народов СССР, и языковедение); И.М. Виноградов и М.А. Лаврентьев (математика), С.И. Вольфович (химия), И.Э. Грабарь (искусство), Б.Д. Греков (история СССР), А.А. Григорьев (география), В.Г. Фесенков (астрономия), В.В. Шулейкин (физика). Предложение “принять на себя редактирование раздела истории”¹³ получил М.Н. Тихомиров, но он отказался, о чем

¹⁰ АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 589. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 2 об.

¹² Там же. Д. 589. Л. 35.

¹³ Там же. Д. 583. Л. 9.

сообщил в письме Ф.Н. Петрову 28 февраля 1951 г.¹⁴, таким же образом поступили Н.М. Дружинин¹⁵ и С.П. Толстов¹⁶. Предложение редактировать раздел философии отклонил (12 марта 1951 г.) академик Г.Ф. Александров. К редактированию раздела геологии предполагалось привлечь академика В.А. Обручева, но и он не смог принять участие, однако, не ограничившись формальным отказом, сделал предложение по пополнению раздела рядом биографий, попутно высказав соображение, что планируемый объем статей “совершенно недостаточен”, чтобы “охарактеризовать работу и жизнь исследователя” (См.: Прил. № 5).

Авторский коллектив словаря насчитывал 574 человека из них 104 академика и члена-корреспондента Академии наук СССР и Академий наук союзных республик¹⁷. Некоторые из статей, написанных академиками и членами-корреспондентами, сохранились в составе фонда 609 Архива Российской академии наук (См.: Прил. № 1). Из авторов, не имевших академического звания, отметим следующих: А.И. Андреев (статья “С.П. Крашенинников”)¹⁸, Н.А. Бакланова (“П.П. Пекарский”), П.Н. Берков (“Иван Федоров”), Б.Э. Быховский (“А.И. Герцен”), М.Н. Гернет (“А.Ф. Кони”), Б.Б. Кафенгауз (“Петр I”, “И.Т. Посошков”), Г.А. Князев (“Е.Р. Дашкова”), В.Р. Лейкина-Свирская (“М.В. Буташевич-Петрашевский”), И.И. Смирнов (“И.И. Болотников”), Б.Е. Сыроечковский (“П.П. Пестель”), З.В. Удальцова (“В.Г. Васильевский”). Наибольшее число статей для словаря было написано А.А. Зиминым (“Аввакум, протопол”, “Владимир Мономах”, “Владимир Святой”, “Иван Грозный”, “Иван Федоров”, “В.О. Ключевский”, “Марфа Посадница”, “К. Минин и Д.М. Пожарский”, “Нестор Летописец” “А.А. Шахматов”, “Ярослав Мудрый”); шесть статей подготовил Н.Л. Рубинштейн (“И.Е. Забелин”, “В.О. Ключевский”, “Н.И. Костомаров”, “В.И. Семевский”, “С.М. Соловьев”, “А.П. Щапов”), четыре – Д.С. Лихачев (“Аввакум, протопол”, “Александр Невский”, “Нестор Летописец”, “А.А. Шахматов”)¹⁹, собиравшийся написать еще одну статью (“Дмитрий Донской”)²⁰.

Сообщив Лихачеву 13 декабря 1946 г., что его статья об Александре Невском для словаря “вполне подходит”, Ф.Н. Петров продолжал: “К моему большому огорчению не могу сказать того же о биографиях Шахматова и Аввакума. Они Вам не удалась, – не тот стиль. Надо дать в доступном изложении, но более строго научно. В биографии Аввакума самое ценное – его “Житие”. Это произведение следовало бы сделать центром биографии, показав его научное, литературное и политическое значение”²¹. Лихачеву пришлось подготовить новый вариант этих статей. С охотой взял на себя обязательство написать статьи для словаря академик Л.С. Берг.

¹⁴ Там же. Д. 584. Л. 12.

¹⁵ Там же. Д. 583. Л. 5–5 об.

¹⁶ Там же. Д. 584. Л. 13.

¹⁷ Там же. Д. 558. Л. 4.

¹⁸ Хотя известно о присылке этой статьи в редакцию словаря (АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 21. Л. 51.), в фонде редакции словаря эта статья отсутствует. Не удалось обнаружить сведений о присылке другой статьи А.И. Андреева (“Г.И. Шелехов”) (АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 579. Л. 2.).

¹⁹ АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 559. Л. 51.

²⁰ Там же. Д. 560. Л. 39.

²¹ Там же. Д. 559. Л. 53.

“Идея выпустить в свет такую книгу – писал он Ф.Н. Петрову 21 сентября 1946 г. – заслуживает полного сочувствия”²². Берг прислал для словаря шесть статей (“Д.Н. Анучин”, “В.И. Беринг”, “С.И. Дежнёв”, “И.Ф. Крузенштерн”, “Ф.П. Литке”, “Н.Н. Миклухо-Маклай”) и собирался написать еще одну – о П.П. Семёнове-Тян-Шанском²³. 15 октября 1946 г. Э.М. Мурзаев²⁴ выслал в редакцию словаря написанные им 10 статей (“Г.Е. Грум-Гржимайло”, “П.К. Козлов”, “И.В. Мушкетов”, “М.В. Певцов”, “Г.Н. Потанин”, “Н.М. Пржевальский”, “В.И. Робровский”, “Н.А. Северцов”, “П.П. Семёнов-Тян-Шанский”, “А.П. Федченко”)²⁵. Академик В.И. Смирнов, согласившийся подготовить биографии В.А. Стеклова, А.М. Ляпунова, Н.М. Гюнтера и И.А. Лаппо-Данилевского²⁶, писал 7 октября 1946 г. Ф.Н. Петрову: “Сравнительный объем биографий кажется мне не во всех случаях правильно установленным. В частности я считаю, что слишком мало места отведено биографиям Г.Ф. Вороного, Н.Е. Кочина и А.А. Фридмана”²⁷. Больше всего статей по разделу “Математика” были написаны Б.Н. Делоне (“Г.Ф. Вороной”, “Е.И. Золотарев”, “А.Н. Коркин”, “Л. Эйлер”, “П.Л. Чебышев”, “Н.Г. Чеботарев”). К подготовке статей о М.М. Ковалевском, В.Г. Белинском и Н.А. Добролюбове Вавилов пытался привлечь Г.Ф. Александрова²⁸, но тот, сославшись на занятость, отказался, порекомендовав вместо себя М.Т. Иовчука²⁹. Как “лестное предложение”, которое следует принять, воспринял академик Л.А. Орбели просьбу Ф.Н. Петрова подготовить статью об И.П. Павлове³⁰. И.Э. Грабарь, несмотря на то, что по собственному признанию был “чудовишно перегружен работой”, выразил готовность написать для словаря биографии В.И. Баженова, М.Ф. Казакова, И.Е. Репина и В.А. Серова³¹. Статью о патриархе Никоне “с большим удовлетворением” согласился написать И.И. Яковкин³².

Предложение подготовить ряд статей для словаря получил С.Н. Дурьлин³³. В ответ он писал Ф.Н. Петрову 26 января 1948 г.: «Всячески приветствую это начинание и готов работать для него. Из предложенных Вами тем я готов писать об Ермоловой, С. Кузнецове, Орленеве, Савиной. Это – мои темы, над которыми давно работаю. В Вашем письме сказано: “Многие биографии будут составляться по первоисточникам”. Вот именно так я и хочу писать для словаря. Темы: Мозжухин, Самойлов В., Самойлов П., я считаю для себя чужими: я не занимался специально этими актерами, – и я предпочел бы, чтобы их писал кто-нибудь другой. Наоборот, у меня собран большой неизданный материал [посвященный] последую-

²² Там же. Д. 561. Л.12.

²³ Там же. Л. 7–8. Статьи были присланы в редакцию 26 января и 1 марта 1948 г.

²⁴ Мурзаев Эдуард Макарович (1908–1998) – физико-географ и топонимист.

²⁵ АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 559. Л. 60.

²⁶ Там же. Д. 561. Л. 112–112 об.

²⁷ Там же. Л. 120–120 об.

²⁸ Там же. Ф. 596 (С.И. Вавилов). Оп. 3. Д. 1. Л. 1. Письмо С.И. Вавилова к Г.Ф. Александрову от 20 ноября 1946 г.

²⁹ Там же. Ф. 609. Оп. 1. Д. 559. Л. 18.

³⁰ Там же. Л. 65.

³¹ Там же. Д. 559. Л. 25. Письмо И.Э. Грабаря к Ф.Н. Петрову от 26 сентября 1946 г.

³² Там же. Л. 93.

³³ Дурьлин Сергей Николаевич (1877–1954) – литературовед, искусствовед, историк театра и критик, ст. научный сотрудник Института истории искусств АН СССР (с 1945 г.).

щим замечательным актерам: А.Р. Артём (любимый актер Чехова и Станиславского), Л.М. Леонидов, Н.И. Музиль (любимый актер Островского), Н.М. Радин, О.О. Садовская, М.П. Садовский, Л.В. Собинов, П.А. Хохлов (первый “Онегин”, любимый актер Чайковского, певец-общественник). Обо всех этих актерах я много писал, а для некоторых (О. Садовская и др.) являюсь единственным биографом. Вот об этих актерах я с удовольствием написал бы для словаря. Есть и писатели, над которыми я много работал как биограф (Гаршин, Лермонтов). Не знаю, вошел ли в Ваш список И.Ф. Горбунов (1831–1895), талантливый актер, замечательный писатель и гениальный рассказчик, истинно народный художник. О нем я написал монографию для одного из изданий Академии наук. Наконец, есть русский художник-живописец, единственным биографом которого являюсь я: это М.В. Нестеров: я располагаю большими неизданными материалами о нем; я писал о нем в “Правде”, издал в 1942 году книжку³⁴, а теперь закончил монографию в трех томах»³⁵.

Подготовить статью об Иване Грозном дал согласие Б.А. Романов³⁶ (См.: Прил. № 2, 4, 6). 20 февраля 1951 г. он сообщал Н.А. Озерской: условия его работы после весны минувшего года “настолько изменились”, что он не имеет возможности выполнить свое обещание³⁷. Не удалось привлечь С.Н. Валка (для подготовки статей о В.О. Ключевском и Н.И. Костомарове)³⁸, М.В. Нечкину (статьи о А.С. Грибоедове)³⁹. Пытались привлечь и М.Н. Тихомирова. 25 марта 1950 г. Ф.Н. Петров обратился к нему с просьбой написать биографии П.П. Ляпунова, К. Минина и Д.М. Пожарского⁴⁰ и получил согласие⁴¹. Статьи Тихомировым, по видимому, все же не были написаны. Отказался от предложения написать статью “А.Н. Крылов” М.В. Келдыш⁴². Среди возможных авторов словаря в материалах редакции упоминается и С.О. Шмидт, предполагалось, что он напишет статьи о И.И. Болотникове и Борисе Годунове⁴³. Статью “И.И. Болотников” написал другой автор (И.И. Смирнов), а Борис Годунов в окончательный вариант словника включен не был.

Академии наук союзных республик подключились к подготовке словаря только с 1949 г. Их участие выразилось в составлении списков “деятелей” и подборе авторов статей. Наибольшее число статей поступило в редакцию словаря из Грузии (59 статей)⁴⁴, Украины (33)⁴⁵, Армении (27)⁴⁶,

³⁴ См.: *Дурыйин С.Н.* Михаил Васильевич Нестеров. М.; Л., 1942; *Он же.* Нестеров – портретист. М.; Л., 1949; *Он же.* Нестеров в жизни и творчестве. М., 1965.

³⁵ АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 561. Л. 54.

³⁶ Там же. Д. 563. Л. 69.

³⁷ Там же. Д. 583. Л. 7.

³⁸ Там же. Д. 559. Л. 19.

³⁹ Там же. Д. 561. Л. 89.

⁴⁰ Там же. Д. 563. Л. 80.

⁴¹ Там же. Д. 583. Л. 10.

⁴² Там же. Д. 565. Л. 25.

⁴³ Там же. Д. 21. Л. 98–99.

⁴⁴ Там же. Д. 597. Л. 22–23.

⁴⁵ Там же. Д. 603. Л. 15, 17.

⁴⁶ Там же. Д. 595. Л. 12, 20, 23–24, 29.

Узбекистана (24)⁴⁷, Таджикистана (18)⁴⁸. Отбор “деятелей” носил субъективный и достаточно произвольный характер. Главным и, очевидно, не подлежавшим обсуждению мотивом включения в словарь статьи М.А. Казиева⁴⁹ “Х. Сафаралиев” было то обстоятельство в биографии героя статьи, что на его могиле с речью выступал И.В. Сталин. В списке, составленном вице-президентом Академии наук Белорусской ССР Я. Коласом, все 11 “деятелей” представляли главным образом белорусскую литературу⁵⁰. 9 статей было прислано из Азербайджана,⁵¹ столько же из Литвы⁵², в подготовке шести из них “непосредственное и основное участие” принял Б. Пранкус⁵³. Они были посвящены писателям, как и присланная из Эстонии статья академика Г. Наана “К.Р. Якобсон”⁵⁴. Из Киргизии было прислано всего 2 статьи (Б. Керимжановой “Д. Боконбаев”⁵⁵ и С.К. Керимбаева “Ч. Тулебердиев”⁵⁶), из Казахстана – вообще ни одной.

Наряду с Академиями наук СССР и союзных республик в подготовке словаря участвовали: Академия педагогических наук РСФСР (статьи академика Н.А. Константинова “И. Алтынсарин”, “Н.К. Крупская”, “К. Насыри”, “И.Я. Яковлев”)⁵⁷, Академии медицинских наук СССР (статьи академика В.Ф. Зеленина “М.Я. Мудров”, “А.А. Остроумов”), Академии художеств СССР (статьи члена-корреспондента Н.Г. Машковцева “К.П. Брюллов”, “А.Г. Венецианов”, “С.А. Коровин”).

Подготовка статей для словаря велась не только в союзных, но и в автономных республиках, где к этому делу были привлечены партийные органы. Так, Кабардинский обком ВКП (б) 1 июля 1949 г. выслал⁵⁸ (за подписью секретаря А.П. Кешокова) статьи “Ш.Б. Ногмов”⁵⁹, “Б.М. Пачев”⁶⁰, “А.А. Шогенцуков”⁶¹, которые оказались столь значительными по объему, что пришлось готовить их новый, сокращенный вариант.

К рецензированию написанных для словаря статей было привлечено 98 человек из них 31 – академики и члены-корреспонденты⁶². В качестве образца рецензии можно привести отзыв В.П. Адриановой-Перетц от 7 мая 1952 г. на статью Д.М. Лебедева “Афанасий Никитин”: «Статья в целом дает достаточно четкое представление о содержании “Хождения за три

⁴⁷ Там же. Д. 602. Л. 6–8, 10, 13, 16–18, 20–21, 24.

⁴⁸ Там же. Д. 600. Л. 11–12.

⁴⁹ Казиев Мамед Эмин Адиль оглы (1914–?) – историк, директор Музея истории Азербайджана АН Азербайджанской ССР (с 1954 г.), профессор Азербайджанского государственного университета (с 1962 г.).

⁵⁰ АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 596. Л. 5.

⁵¹ Там же. Д. 594. Л. 17–20.

⁵² Там же. Д. 591. Л. 15, 22.

⁵³ Там же. Д. 571а. Л. 22. Пранкус Бронюс (1902–1964) – литературовед.

⁵⁴ АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 593. Л. 14.

⁵⁵ Боконбаев Джоомарт (1910–1944) – киргизский поэт и драматург.

⁵⁶ Тулебердиев Чолпонбай (1922–1942) – рядовой, герой Советского Союза.

⁵⁷ АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 587. Л. 5–7.

⁵⁸ Там же. Д. 607. Л. 3.

⁵⁹ Ногмов Шора Бекмурзович (1794–1844) – кабардинский просветитель, филолог, историк, общественный деятель.

⁶⁰ Пачев Бекмурза Машевич (1854–1936) – кабардинский сказитель и поэт.

⁶¹ Шогенцуков Али Асхадович (1900–1941) – кабардинский поэт.

⁶² АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 558. Л. 4.

моря” и о личности писателя-путешественника. Желательно уточнить два эпизода статьи:

1) Преувеличенно звучит характеристика “Хождения”, противопоставляющая его всей предшествующей географической литературе об Индии: “первое достаточно достоверное и разностороннее изображение этой далекой страны, о которой в Европе того времени ходили легендарные рассказы” (стр. 2). Все-таки венецианец ди Конти⁶³ побывал в тех же местах еще в первой половине XV в., и хотя в его рассказе гораздо больше, чем у Никитина легенд, но сообщает он и достоверные факты. С другой стороны, не только в Западной Европе, но и в русской литературе до Никитина господствовали фантастические представления об Индии.

2) Характеризуя патриотизм Никитина (стр. 3), следовало бы подчеркнуть передовое содержание его мировоззрения, связав его с исторической действительностью. Никитин писал тогда, когда сохранялись еще следы политической раздробленности русских княжеств и областей (не “уездов”), но уже четко наметились предпосылки образования централизованного Русского государства. Тверское княжество – родина Никитина еще не вошло в территорию этого централизованного государства. Тем ценнее, что Никитин предпринимает свое путешествие в интересах всей Русской земли и тоску по родине выражает в обращениях ко всей Русской земле. Лучше было бы и следующую фразу не начинать словами: “В то же время”, вносящими некоторый оттенок противопоставления: ведь именно истинный патриотизм и побудил Никитина вспомнить о несправедливости, царящей на его родине.

На стр. 1 можно уточнить: “в нескольких списках”, указав их число – пять. На той же странице стилистически можно подправить выражение “на третьем по счету Черноморское побережье” – эта фраза может быть понята так, будто Никитин побывал на трех берегах Черного моря, хотя из примечания в скобках ясно, что третьим было вообще морское побережье (“на третьем по счету морское побережье – черноморское”)⁶⁴.

23 января 1952 г. состоялось совещание Ф.Н. Петрова с директором Издательства Академии наук СССР А.И. Назаровым⁶⁵. На нем было принято решение “создать самостоятельную группу” словаря, в связи с чем, Петров рекомендовал (в письме к Назарову от 26 марта 1952 г.) назначить на должность старшего научного редактора словаря А.М. Разгона⁶⁶, рекомендованного Н.Л. Рубинштейном, а на должность редактора – Л.М. Радкович⁶⁷. Одних кадровых решений оказалось недостаточно, и Назаров сообщал президенту Академии наук СССР А.Н. Несмеянову⁶⁸, что “при сохранении нынешней системы редакционной подготовки” словарь не может быть сдан в производство и в 1952 г. Причину задержки с изданием словаря Назаров объяснял так: авторы статей, являясь преимущественно сотрудниками институтов

⁶³ Конти Николо де (?–1469) – венецианский купец, в 1419–1444 г.г. странствовал по Западной, Южной и Юго-Восточной Азии.

⁶⁴ АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 551. Л. 13–13 об.

⁶⁵ Назаров Алексей Иванович (1905–1968) – директор Издательства Академии наук СССР (1946–1954, 1957–1961), зам. министра культуры СССР (1954–1957).

⁶⁶ Разгон Авраам Моисеевич (1920–1989) – историк, музеевед.

⁶⁷ АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 588. Л. 8.

⁶⁸ Там же. Д. 589. Л. 155–157.

Академии наук СССР, “не связанные какими-либо обязательствами” со стороны руководства институтов, “крайне неохотно” соглашались писать статьи и растягивали сроки выполнения работы до восьми – десяти месяцев. Однако главная трудность в работе над словарем состоит в том, писал Назаров, что “апробация” статей проводится отдельными учеными (рецензенты, ответственные редакторы разделов, редактор словаря), “в то время как политическую, научную, историческую оценку крупнейшим деятелям нашей Родины должны и могут дать авторитетная коллегия ученых, соответствующие научные учреждения Академии наук СССР и другие организации страны”. Представленные рецензии “свидетельствуют о разном в оценке деятельности отдельных ученых” со стороны авторов статей и рецензий. Предложения Назарова состояли в том, чтобы: 1) Образовать редколлегию словаря из “виднейших ученых различных областей” для окончательного утверждения словника и редакционной подготовки словаря к печати. 2) Создать аппарат редакции словаря в составе пяти лиц (трех старших научных редакторов, младшего редактора и машинистки). 3) Обязать институты Академии наук СССР включить составление статей для словаря в план работы на 1952 год, рассматривать и утверждать представляемые редакцией статьи. 4) Привлечь к рассмотрению и утверждению статей Институт Маркса – Энгельса – Ленина, Академии медицинских и педагогических наук.

Итог работы над словарем подводился в докладной записке Ф.Н. Петрова от 15 апреля 1952 г.⁶⁹, которую он направил П.Н. Третьякову и В.И. Данчеву, проводившим проверку работы редакции. В ней отмечалось, что из 1278 запланированных статей, редакцией словаря было получено 682, из которых только 10 были утверждены к набору.

В распоряжении Президиума Академии наук СССР от 21 ноября 1952 г. «О прекращении подготовки к изданию биографического словаря “Выдающиеся деятели нашей Родины”», отмечалось, несмотря на то, что работа над словарем ведется уже давно, она “все еще далека от завершения”, и “в значительной мере дублирует” работу редакции “Большой советской энциклопедии”. Выходящие в свет тома второго издания энциклопедии “фактически включают в себя содержание” словаря, поэтому подготовку его решено было прекратить, а статьи и другие материалы словаря (известив редакцию “Большой советской энциклопедии” о возможности их использования) направить в Архив Академии наук СССР⁷⁰, куда они и были сданы 12 февраля 1953 г.⁷¹

Хотя работа над Кратким биографическим словарем “Выдающиеся деятели нашей Родины” не была завершена можно предположить, что именно она инициировала публикацию Академией наук СССР в 1948 г. очерков о выдающихся деятелях естествознания и техники “Люди русской науки”. Некоторые статьи авторов, готовившиеся для словаря, были опубликованы в виде очерков, дополненных и переизданных в четырех томах в 1961–1965 гг. Так, например, произошло со статьей А.И. Андреева “С.П. Крашенинников”⁷².

⁶⁹ Там же. Д. 558. Л. 2–8.

⁷⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 13. Д. 108. Л. 50.

⁷¹ Там же. Дело фонда 609. Л. 19.

⁷² См.: Андреев А.И. Степан Петрович Крашенинников // Люди русской науки. М.; Л., 1948, Т. I. С. 533–544.

№ 1

В ниже публикуемый список включены только те статьи, авторами которых являются академики, и члены-корреспонденты Академии наук СССР и Академий союзных республик и которые имеются в наличии в фонде 609. Известно, например, о подготовке и присылке в редакцию словаря статей: членом-корреспондентом Д.Н. Насоновым (“Н.В. Насонов”), академиками В.И. Смирновым (“И.А. Лаппо-Данилевский”, “А.М. Ляпунов”, “В.А. Стеклов”, “Н.Я. Сонин”), И.С. Бериташвили (“Н.Е. Введенский”) и И.Н. Буланкиным (“А.Я. Данилевский”). Их местонахождение не установлено и они не включены в список. В фонде 609 полностью отсутствуют статьи по имеющимся в “Проекте словника” словаря разделам: “Математика”, “Биология, физиология и зоология”, “География”, “История ВКП (б)”, “Философия”, “Театр и кино”, “Музыка”, “Педагогика”, отсутствует большая часть статей по разделу “Физика”.

**Статьи, написанные для Краткого биографического словаря
“Выдающиеся деятели нашей Родины” академиками
и членами-корреспондентами**

а) Академия наук СССР

Авторы	Названия статьи
Адрианова-Перетц В.П.	“Ф.И. Буслаев”.
Арбузов Б.А.	“С.В. Лебедев”, “Ф.М. Флавицкий”.
Артоболовский И.И.	“Л.В. Ассур”, “А.С. Ершов”, “Н.И. Мерцалов”.
Бетехтин А.Г.	“А.К. Болдырев”.
Благодаров А.А.	“В.А. Дегтярёв”, “С.И. Мосин”.
Блажко С.Н.	“П.К. Штернберг”.
Бродский А.И.	“Л.В. Писаржевский”.
Булаховский Л.А.	“А.А. Потенция”.
Вольфович С.И.	“А.Н. Бах”, “Д.И. Менделеев”, “Я.В. Самойлов”.
Греков Б.Д.	“Владимир Святославович”, “Ярослав Мудрый”.
Данилов С.Н.	“В.Е. Тищенко”.
Дружинин Н.М.	“Н.М. Муравьёв”.
Дубинин М.М.	“Н.А. Шилов”.
Жемчужников Ю.А.	“Л.И. Лутугин”.
Иванов Л.А.	“И.П. Бородин”, “К.А. Тимирязев”.
Капустинский А.Ф.	“Н.Н. Бекетов”, “Г.Г. Гесс”, “Д.П. Коновалов”.
Кирпичёв М.В.	“В.Л. Кирпичёв”.
Лазарев В.Н.	“Андрей Рублёв”.
Наливкин Д.В.	“Ф.Н. Чернышёв”.
Панкратова А.М.	“Е.О. Заславский”, “А.И. Ульянов”.
Пиксанов Н.К.	“А.С. Грибоедов”.
Пистолькорс А.А.	“М.А. Бонч-Бруевич”.
Порай-Кошиц А.Е.	“Н.Н. Зинин”.
Прасолов Л.И.	“В.В. Докучаев”.
Предводителев А.С.	“Н.Н. Пирогов”, “Н.А. Умов”.
Ренгартен В.П.	“Г.В. Абих”, “А.П. Герасимов”.
Родионов В.М.	“Н.Н. Ворожцов”, “Н.М. Кижнер”, “А.П. Орехов”, “А.Е. Порай-Кошиц”.
Сперанский Г.Н.	“Н.Ф. Филатов”.
Старик И.Е.	“В.Г. Хлопин”.
Струве В.В.	“Б.А. Тураев”.

Тихов Г.А. “А.П. Ганский”.
Фёдоров С.Ф. “И.М. Губкин”.
Фриш С.Э. “Д.С. Рождественский”.
Шишкин Б.К. “П.Н. Крылов”.

б) Академии наук союзных республик

Армянская ССР
Иоаннисян А.Р. “И. Эмин”.
Белорусская ССР
Безбородов М.А. “Д.И. Виноградов”.
Грузинская ССР
Барамидзе А.Г. “Давид Гурамишвили”, “Сулхан Саба Орбелиани”,
“Шота Руставели”.
Джанелидзе А.И. “Г.А. Цулукидзе”.
Кекелидзе К.С. “Георгий Афонский или Святогорец”, “Евфимий
Афонский”, “Георгий Мерчули”, “Иоанн Сабанисдзе”,
“Иоанн Шавтели”, “Яков Цуртавели”, “Чахрухадзе”.
Шанидзе А.Г. “А.А. Цагарели”.
Таджикская ССР
Семенов А.А. “Авиценна (Абу-Али ибн Сина)”.
Узбекская ССР
Захидов В.Ю. “Абу Наср Мухаммед Фараби”.
Кары-Ниязов Т.Н. “Мухаммед Тарагай Улугбек”.
Украинская ССР
Гребень Л.К. “М.Ф. Иванов”.
Данилевский В.В. “В.И. Калашников”, “И.П. Кулибин”, “А.К. Нартов”,
“П.М. Обухов”.
Киприанов А.И. “С.Н. Реформатский”.
Петровский Н.Н. “Богдан Хмельницкий”.

№ 2

Б.А. Романов – Ф.Н. Петрову¹

4 ноября 1946 г.

Глубокоуважаемый тов. Петров.

Благодарю за приглашение принять участие в Словаре (Выдающ[ихся] деятелей). Как оно ни соблазнительно, сейчас я не имею возможности, взяв на себя какую-либо работу помимо наличной текущей (в частности по изданию трех больших моих работ², идущих одновременно с большой для меня перегрузкой). Я надеюсь выйти из этого круга лишь во 2-м квартале [19]47 года. И, если это не будет для Вас поздно, готов тогда присоединиться к Вашей работе.

Должен оговориться, что в деталях В[ашего] письма есть недоразумение: ни Грановский³, ни Хомяков⁴, ни Аксаков⁵, ни Бут[ашевич] – Петрашевский⁶ – не мои сюжеты. Летом тов. Радовский⁷ говорил со мной об Иване Грозном и С.Ю. Витте⁸.

С приветом
Б. Романов

АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д.559. Л. 76. Автограф.

№ 3

И.С. Бериташвили – Ф.Н. Петрову

3 февраля 1948 г.

Издательство Академии наук СССР

Многоуважаемый Федор Николаевич!

При сем прилагаю статью о Н.Е. Введенском⁹ для словаря “Выдающиеся деятели нашей Родины”. Одновременно разрешите сделать замечание по поводу названия словаря. Мне кажется, название “Выдающиеся деятели нашей Родины” подобрано неудачно: ведь наша родина имеет собственное название – СССР, поэтому правильнее было бы назвать “Выдающиеся люди народов СССР”. Надеюсь, в этом словаре будут биографии грузинского поэта XII века Шота Руставели, географа и историка Грузии XVIII века Вахушти¹⁰ и других. Для них родиной была Грузия в прошлом, а не современное социалистическое государство, которое объединяет Грузию с Россией.

Если мы назовем биографический словарь “Выдающиеся люди народов СССР”, тем самым мы даем ясное определение содержанию книги, что в этой книге помещены биографии выдающихся людей всех народов СССР и притом за все время их исторического развития.

Очень извиняюсь за эту критику названия. Прошу Вас довести об этом до сведения Сергея Ивановича Вавилова.

Кроме того, меня интересует – будет ли в этом словаре помещена биография известного физиолога И.Р. Тарханова.¹¹ В книге Х.С. Коштойнца¹² этот ученый не представлен достойным образом¹³. Может быть, следовало бы его биографию вводить в этот словарь.

С уважением.

Академик И. Бериташвили

АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 561. Л. 15–15 об. Машинопись, подпись – автограф.

№ 4

Б.А. Романов – Ф.Н. Петрову

9 июня 1950 г.

В редакцию Биографического словаря.
Профессору Ф.Н. Петрову.

В ответ на Ваше письмо от 11 мая с [его] г [ода] сообщаю, что я постараюсь исполнить Вашу просьбу написать биографию Ивана Грозного для Биографического словаря в июле месяце с [его] г [ода] в указанном объеме (6 тыс[яч] знаков).

Длительная болезнь помешала мне ответить Вам тотчас по получении Вашего письма.

Уважающий Вас Б. Романов

АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 563. Л. 69. Машинопись, подпись – автограф.

№ 5

В.А. Обручев – Ф.Н. Петрову

19 февраля 1951 г.

В Издательство Академии наук СССР
Главному редактору биографического словаря Ф.Н. Петрову

Получив Ваше предложение принять участие в работе по составлению биографического словаря в качестве его редактора, я спешу сообщить, что не могу взять на себя эту работу. По состоянию здоровья я живу уже второй год не в Москве, а

на академических дачах Мозжинка близь Звенигорода и в 70 км. от Москвы, куда езжу только 2–3 раза в год по самым срочным делам, требующим личного участия. Предлагаемая же работа потребует частого общения с авторами-составителями биографий, справок в библиотеках в случае сомнений в точности и полноте представленных редактору биографий, что я не буду в состоянии выполнять. Кроме того, я в настоящее время работаю над большой сводкой данных по географии и геологии Центральной Азии и Китая, которую должен закончить в течение ближайших двух лет, пока еще имею силы для научной работы. В свободные же часы в виде отдыха я пишу рецензии новой литературы по геологии для журналов “Известия Академии наук”, серия геологическая и “Природа”. Эти две работы совместимы с моей жизнью вдали от Москвы и занимают все мое время и силы.

Возвращаю, при сем присланные мне для ознакомления две биографии, приготовленные для словаря, и список имен, биографии которых намечено поместить в словаре. Относительно этого списка я должен заметить, что составитель его очевидно мало знаком с геологией Сибири, так как не поместил в нем имена крупных исследователей этой обширной области СССР, а именно: К.И. Богдановича¹⁴, А.П. Герасимова¹⁵, А.К. Мейстера¹⁶, Н.К. Высоцкого¹⁷, а из геологов прошлого столетия также Гельмерсена¹⁸, Кропоткина¹⁹, Ф.Б. Шмидта²⁰, К. Маака²¹, Чекановского²², Щуровского²³, Чихачева²⁴, Лопатина²⁵, Петца²⁶. Забыт также основоположник геологии Средней Азии И.В. Мушкетов²⁷. Найдутся и еще пропуски, которые сразу не вспомнить.

Отмечу еще, что при намеченном объеме в 100 авторских листов на 1000–1200 биографий, на каждую из последних придется только от 1,6 до 1,3 печатных страниц. Такой объем совершенно недостаточен и присланная мне в качестве образца биография Я.В. Самойловича²⁸ показывает, как мало можно охарактеризовать работу и жизнь исследователя при таком объеме²⁹.

С совершенным уважением
В.А. Обручев

АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 580. Л. 24–24 об. Автограф.

№ 6

Б.А. Романов – Н.А. Озерской

20 февраля 1951 г.

Уважаемая тов. Озерская!

Я получил Ваше письмо от 7 февраля [19]51 [г.] по вопросу о статье для Биографического словаря³⁰. К сожалению, после весны [19]50 г. условия моей работы настолько изменились, что – обещание или не обещание – у меня нет никакой возможности сейчас заняться составлением статьи об Иване Грозном. С осени [19]50 г. я целиком занят моей плановой работой в Институте истории и, помимо всего прочего, без разрешения моей дирекции и помыслить не мог бы сделать какую-нибудь работу “на сторону”, не входящую в мой план. Вы сами поймете, что всякая иная ситуация, пожалуй, свидетельствовала бы о том, что я не достаточно загружен по плану Института, в котором работаю. К тому же, если бы речь шла о расположении материала о Грозном в масштабе 60 000 знаков, можно было бы затратить на это, скажем, две ночи. При 6000 знаков, по формуле обратной пропорциональности, на это потребовалось бы что-то вроде 20 ночей. Первое – еще как-то мыслимо. Второе – очевидно, совершенно невозможно.

Уваж[ающий] Вас Б. Романов

АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 583. Л. 7. Машинопись, подпись – автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Данное письмо является ответом на письмо к Б.А. Романову Ф.Н. Петрова от 27 сентября 1946 г. с предложением принять участие в подготовке биографического словаря.
- ² Имеются в виду книги Б.А. Романова “Очерки дипломатической истории русско-японской войны”, “Люди и нравы древней Руси” и второй том “Правды Русской”, к которому Б.А. Романов сделал историографические комментарии.
- ³ Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855) – историк, общественный деятель, профессор Московского университета (с 1839 г.).
- ⁴ Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – философ, писатель, поэт, публицист, чл.- корр. АН (с 1856 г.).
- ⁵ Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860) – публицист, историк, лингвист и поэт.
- ⁶ Петрашевский (Бутаевич-Петрашевский) Михаил Васильевич (1821–1866) – революционер, утопический социалист.
- ⁷ Радовский Моисей Израилевич (1903–1964) – историк науки, ученый секретарь Комиссии по изданию научно-популярной литературы АН СССР.
- ⁸ Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – граф, министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1905), Совета министров (1905–1906), почетный член АН (с 1893 г.).
- ⁹ Введенский Николай Евгеньевич (1852–1922) – физиолог, чл.-корр. АН (с 1908 г.).
- ¹⁰ Вахушти (Багратиони) (ок. 1696–1784) – грузинский историк, географ и лексикограф.
- ¹¹ Тарханов (Тархан-Моуравов, Тарханишвили) Иван Романович (Рамазович) (1846–1908) – физиолог, профессор Медико-хирургической академии (1877–1895).
- ¹² Коштойанц Хачатур Седракович (1900–1961) – физиолог, чл.-корр. АН (с 1939 г.), академик АН Армянской ССР (с 1943 г.).
- ¹³ См.: *Коштойанц Х.С.* Очерки по истории физиологии в России. М.; Л., 1946.
- ¹⁴ Богданович Карл Иванович (1864–1947) – польский геолог, профессор Петербургского горного института (1902–1919), директор Геологического комитета (с 1914 г.).
- ¹⁵ Герасимов Александр Павлович (1869–1942) – геолог, председатель Всесоюзного минералогического общества (с 1935 г.).
- ¹⁶ Мейстер Александр Карлович (1887–1943) – геолог.
- ¹⁷ Высоцкий Николай Константинович (1864–1932) – геолог.
- ¹⁸ Гельмерсен Григорий Петрович (1803–1885) – геолог, директор Петербургского горного института (1865–1872), академик АН (с 1850 г.).
- ¹⁹ Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) – князь, географ, путешественник, теоретик анархизма.
- ²⁰ Шмидт Федор Богданович (1832–1908) – геолог, палеонтолог и ботаник, директор Минералогического музея АН (1873–1900), академик АН (с 1874 г.).
- ²¹ Маак Ричард Карлович (1825–1886) – географ и натуралист.
- ²² Сечановский Александр Лаврентьевич (1832–1876) – ученый, исследователь Восточной Сибири.
- ²³ Щуровский Григорий Ефимович (1803–1884) – геолог, профессор Московского университета (с 1835 г.).
- ²⁴ Чихачёв Петр Александрович (1808–1890) – географ-путешественник и геолог, почетный член АН (с 1876 г.).
- ²⁵ Лопатин Иннокентий Александрович (1838–1909) – геолог и географ.
- ²⁶ Петц Герман Германович (1868–1908) – геолог, приват-доцент Петербургского университета (с 1901 г.).
- ²⁷ Мушкетов Иван Васильевич (1850–1902) – геолог и географ, профессор Петербургского горного института (с 1877 г.).
- ²⁸ Самойлов Яков Владимирович (1870–1925) – минералог и геолог, профессор Московского сельскохозяйственного института (с 1906 г.), Московского университета (с 1917 г.).
- ²⁹ Автором статьи “Я.В. Самойлов” был академик С.И. Вольфкович.
- ³⁰ В письме от 7 февраля 1951 г. Н.А. Озерская напоминала Б.А. Романову о его “любезном обещании” написать биографию Ивана Грозного (АРАН. Ф. 609. Оп. 1. Д. 583. Л. 6.).

М.И. Давыдова

АРХИВ ПРОФЕССОРА И.Д. ЕРМАКОВА

Иван Дмитриевич Ермаков (1875–1942) – психиатр, психоаналитик, профессор, основатель и первый председатель Российского психоаналитического общества, организатор издания и редактор серии книг “Психологическая и психоаналитическая библиотека” (1922–1925), автор ряда работ, в которых произведения художественной литературы и искусства рассматриваются с позиций психоанализа, а также создатель произведений живописи и графики – участник многих художественных выставок.

Архив И.Д. Ермакова содержит рукописные и машинописные тексты его неопубликованных работ, отдельные оттиски его статей и публичных выступлений, графические и живописные произведения.

Автобиографические материалы представлены рукописной автобиографией 1926 г. (опубликована в книге “Ермаков И.Д. Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский М., 1999), а также дневниковыми записями (рукописными) с 90-х годов позапрошлого века до 10-х годов прошлого века. Здесь рассказано о путешествии по Сванетии (1901), о пребывании в странах Западной Европы с научными целями (1909–1914). К дневниковым записям примыкают письма И.Д. Ермакова разным лицам (видимо, снятые для себя рукописные копии), отражающие семейные и дружеские связи, события в личной жизни. Наиболее интересны письма к отцу, тифлисскому фотографу Д.И. Ермакову, по прибытии в Москву на учебу (1897), к сестре Л.Д. Терпиловской, а также к первой жене Наталье¹, которой он пишет о поездке на Дальний Восток на Русско-японскую войну (И.Д. Ермаков работал как врач-психиатр в госпиталях Иркутска, Харбина). В виде оттисков представлены в архиве его статьи и сообщения о психических заболеваниях в Русско-японскую войну.

Две работы 10-х годов прошлого века посвящены эротике – рукопись без заглавия около 15 небольших листов, и психологический этюд “Эротика и её уклоны” (рукопись более 30 страниц 1914 г.)². В двух работах говорится о влиянии сексуальных моментов на образование и развитие языка (перевод работы Н. Sperber, опубликованной в *Imago* в 1912 г., и работа И.Д. Ермакова – гипотеза о возникновении языка (машинопись без начала)). Это было вызвано, видимо, знакомством И.Д. Ермакова с учением З. Фрейда.

Значительную часть архива составляют материалы врачебной деятельности И.Д. Ермакова. Это тетради конца XIX – начала XX в. с характеристиками больных. Есть тетрадь наблюдений за состоянием художника М. Врубеля, в 1902 году находившегося в психиатрической клинике (И.Д. Ермаков был ассистентом его лечащего врача), тетрадь записей о

¹Ермаков И.Д. Письма Нюсе (1905–1906) // Ермаков-Альманах. Ижевск, 2010. С. 203–230.

²Ермаков И.Д. Эротика и ее уклоны. Ижевск, 2011. 56 с.

больных Слухо-речевого комбината (1930-е годы), тезисы лекции “Безволие и способы борьбы с ним при неврозах заикания”.

Широко представлены в архиве материалы о работе Детского дома “Международная солидарность” (1921–1924), Российского психоаналитического общества, основателем и первым председателем которого был И.Д. Ермаков, кружка по изучению художественного творчества с позиций психоанализа. Это учебные планы, конспекты лекций, в частности, по общей психологии, гипнотизму, протоколы заседаний кружка (обсуждений художественных произведений), характеристики детей – воспитанников Детского дома, отчеты о работе Детского дома. Есть в архиве и статьи о проблемах детского художественного творчества, об эволюции и инволюции детского рисования (1923), соображения об организации музея детского творчества. Материалы эти опубликованы в книге: *Ермаков И.Д. Опыт органического познания ребенка*. Ижевск, 2009 (Архив проф. И.Д. Ермакова; Т. IV).

Основную часть архива составляют работы И.Д. Ермакова, посвященные произведениям литературы и искусства. Две работы такого рода были опубликованы в 1920-е годы в серии “Психологическая и психоаналитическая библиотека” – “Этюды по психологии творчества А.С. Пушкина” и “Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя”. К ним примыкают и другие, сохранившиеся в машинописи с авторской правкой: “Ф.М. Достоевский (Он и его произведения)” (главы публиковались в журналах “Библиография” и “Новое литературное обозрение”, полностью произведение опубликовано в книге: *Ермаков И.Д. Психоанализ литературы*. Пушкин. Гоголь. Достоевский. М., 1999) и «“Похождения Чичикова или Мёртвые души” Гоголя» (опубликовано в сокращенном виде там же).

Художественной литературе посвящена также подготовленная в 1930-е годы книга (имеется в виде машинописи с авторской правкой) “Новеллы о творчестве” (есть варианты заглавия, в частности, “Этюды по литературе”). В архиве представлена рецензия В. Щербины на нее, посланная автору 23.12.1938 г. из издательства “Художественная литература”. Рецензия отрицательная с заключением о нецелесообразности издания книги. Очевидно, для этой книги предназначалась в качестве предисловия статья “Нравственность (этика) в творчестве великих людей” (машинопись с авторской правкой). Главы книги: “Слово о полку Игореве и его автор”, “Басни Крылова”, “Горе от ума и басни Крылова”, “Чацкий, Онегин и Печорин”, “Зимний вечер”, “Мопассан”, “Эдгар По”. Позже была написана глава об Анатоле Франсе. Глава “Слово о полку Игореве и его автор” опубликована в журнале “Психоаналитический вестник”, 2004, вып. 12. “Зимний вечер” в книге: *Ермаков И.Д. Психоанализ литературы*. М., 1999. Сохранилась машинопись работы о повести “Нос” Гоголя, вариант этой работы был опубликован в качестве послесловия к изданию повести 1921 г., а также в журнале “Психоаналитический вестник”, 2009, № 2. Наброски о стихотворении Пушкина “Пророк” существуют в виде рукописи.

В виде машинописи с авторской правкой в архиве имеются большие работы о художниках – А. Иванове, П. Федотове, «Психология композиции “Меланхолии” Дюрера», а также очерки о М. Врубеле (опубликован в журнале “Психоаналитический вестник” 2005. № 13) и П. Федотове (опубликован в журнале “Рабочий мир”. 1919, № 6 и “Психоа-

налитический вестник” 2005. № 13) К 1941 г. относится очерк о Ван Гоге (рукопись).

Изобразительному искусству посвящен ряд материалов, сохранившихся в машинописи с авторской правкой и связанных с работой И.Д. Ермакова в Третьяковской галерее заведующим экскурсионным отделом (1919–1923). Это статьи (очевидно, главы будущей книги) о том, как смотреть и понимать картину, об изобразительных и выразительных средствах живописи. Здесь И.Д. Ермаков выступает как психоаналитик и как художник – создатель многих живописных и графических работ, которые тоже сохранились в архиве. Сюда примыкает и рукопись “Что видит народ в Государственной Третьяковской галерее”, а также конспекты и наброски к лекциям в Третьяковской галерее о художниках.

Есть наброски, небольшие заметки о других видах искусства – танце, музыке, очерк об архитектуре “Ясень – дерево готики” с посвящением памяти деда архитектора Людовико Комбиаджо.

Несколько работ 1930-х годов явилось плодом изучения искусства крымских татар – в основном, вышивок. Это и незаконченный “Очерк текстильного и вышивального искусства на Востоке” (машинопись), и статья “Орнаменты вышивок”, и рукописные тетради черновых материалов “Тканевый и вышитый орнамент на полотенцах крымских татар”, и альбомы с фотографиями вышивок. Есть нотные записи песен крымских татар. Отчет о командировке в Судакскую область (1930 г.) характеризует задачи и результаты командировки.

В 1930-е годы И.Д. Ермаков писал очерки – “размышления об увиденном и воспринятом в том путешествии, которое называется жизнью” Это очерки автобиографического характера, зарисовки быта россиян первой четверти XX в., размышления о произведениях искусства, с которыми И.Д. Ермаков познакомился во время пребывания в странах Европы. В издательство “Художественная литература” были направлены очерки “Динамизм в жизни и творчестве китайцев”, “Минотавр в Мадриде”. “Шаги времени”, “Незнакомка (Дама в голубом)”, “Мистика пищеварения” как часть книги, предлагаемой к изданию. Сохранился отказ в публикации, подписанный директором издательства Н.Н. Накоряковым (23.11.1937). В машинописном виде с авторской правкой имеются и другие очерки, которые, очевидно, предназначались автором для этой книги: “Египет в Бретани”, “Страсти и ароматы”, “Ньютон и любовь”, “Мистика пищеварения”, “Минотавр в Мадриде”, “Жернова и жаворонки”, “Скелет”, “Бухгалтер”, “Перед объективом фотографа”. Очерк “Хиромантия” был написан как предисловие к этой книге. Некоторые из этих очерков были опубликованы: “Незнакомка (Дама в голубом)”, а также “Сказка о Содоме и Гоморре” – в книге: *Ермаков И.Д. “Психоанализ литературы”, “Бухгалтер” и “Перед объективом фотографа” в “Ежегоднике истории и теории психоанализа”, Ижевск, 2008. Т. 2.*

Особняком в этом ряду стоит статья 1930-х годов о цыганах – их обычаях, языке с рекомендациями о том, как способствовать их адаптации к современному обществу (машинопись с авторской правкой), а также наброски об отношении искусства к технике и неоконченная рукопись “Становление и жизнь машин”.

В архиве И.Д. Ермакова сохранились два сборника его стихотворений (рукопись), которые он писал в течение всей жизни, нередко под псевдонимом “Герман Коу”

Графические работы И.Д. Ермакова (более 60) выполнены черной тушью на античные, реже библейские сюжеты. Среди них есть и книжная графика (обложки)³. Живописные работы существуют в архиве в виде пейзажей Подмосковья, Крыма, Грузии, натюрмортов, портретов, альбома зарисовок.

И.Д. Ермаков продолжал работать до последних дней перед арестом 4 августа 1942 г. (ему было предъявлено обвинение по статьям 58–10 и 58–11, реабилитирован). Рукописи последних недель – наброски на разные темы, заготовки для будущих книг.

³См. обложки книг по психоанализу издательства “Когито-центр”.

П.А. Трибунский

ОБЗОР ЛИЧНОГО ФОНДА П.Н. МИЛЮКОВА В БАХМЕТЬЕВСКОМ АРХИВЕ¹

По количеству личных фондов Павел Николаевич Милюков (1859–1943) занимает уникальное место среди российских деятелей рубежа XIX–XX вв. Материалы, характеризующие его жизнь и труды, содержатся в общей сложности в семи личных фондах в России (два фонда в ГА РФ, по одному в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына, Архиве Дома Плеханова, в Культурном центре “Дом-музей Марины Цветаевой”) и США (по одному в Бахметьевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры и в Гуверовском институте войны, революции и мира). Материалы российских хранилищ давно и плодотворно используются исследователями последних лет императорской России, историками двух революций, Гражданской войны и “первой волны” эмиграции. Документы американских архивов не вошли в должной степени в научный оборот. Задача настоящего обзора познакомить заинтересованных специалистов с содержанием самого объемного заграничного личного фонда П.Н. Милюкова в Бахметьевском архиве.

История формирования личного фонда. Первая, небольшая часть бумаг Милюкова поступила в Архив русской и восточноевропейской истории и культуры (позже получивший название – “Бахметьевский”) при Колумбийском университете в 1954 г. Ее передал сын покойного, Николай, который весной 1943 г., ликвидируя парижскую квартиру отца, присвоил небольшую коллекцию его бумаг². Основная часть парижского архива П.Н. Милюкова, как известно, была конфискована немецкими оккупационными властями. После разгрома Германии архив был вывезен в СССР, где попал на хранение в ЦГАОР и СС (ныне – ГА РФ).

Среди переданных Н.П. Милюковым документов были рукописи и корреспонденция, тогда как записные книжки и дневники покойного отца он оставил в своем распоряжении. В конце 1956 г. представитель архива в Европе А.П. Вельмин получил доступ к собранию Н.П. Милюкова. Высоко оценив находку, Вельмин через Е.Д. Кускову смог убедить профессо-

¹ Считаю своим приятным долгом выразить благодарность Фонду Д.У. Фулбрайта, в рамках “Программы академических обменов для ученых и деятелей искусств” (2004–2005) которого были собраны материалы для настоящего обзора. Я также весьма признателен Т.Г. Чеботаревой, куратору Бахметьевского архива, за всемерную поддержку проекта.

² Б.И. Элькин – А.А. Титову, 21 марта 1956 г.; *Вельмин А.П.* Мои воспоминания. Часть 3-я: Моя жизнь во Франции с 7 октября 1945 г. С. 228, 237–238 // ВА. А.П. Vel'min papers. Box 7; А.П. Вельмин – Е.Д. Кусковой, 24 ноября 1956 г. Копия; Б.И. Элькин – Е.Д. Кусковой, 25 декабря 1956 г. Отпуск // ВА. P.N. Miliukov papers. Box 18; *Вельмин А.П.* [Записка, передаваемая вместе с архивом П.Н. Милюкова], 24 мая 1954 г. // ВА. General Collections Folders.

ра Гарвардского университета М.М. Карповича, редактора воспоминаний П.Н. Милюкова, заняться изданием дневников. При содействии Карповича архив выделил деньги на перепечатку отобранных Вельминым записных книжек. К концу 1957 г. перепечатка была закончена: один экземпляр был отправлен директору архива Ф.А. Мозли, один – Карповичу, два остались у Вельмина. В июле 1958 г. оригиналы дневников были куплены у вдовы Н.П. Милюкова и пересланы в архив³.

В ноябре 1956 г. душеприказчик П.Н. Милюкова Б.И. Элькин передал в архив рукопись воспоминаний политика, незадолго до того изданную нью-йоркским “Издательством им. Чехова”⁴. По-видимому, Б.И. Элькин (или его наследник А.Б. Элькин) также поступил с рукописью милюковских “Очерков по истории русской культуры” (Т. 1, ч. 2), изданных в 1964 г. гаагским издательством “Мутон”. Правда, документов, подтверждающих дату присылки рукописи, обнаружить не удалось.

Последняя часть фонда, материалы, связанные с завещанием и наследством П.Н. Милюкова, была передана в архив в 1980 г. А.Б. Элькиным с запретом на использование документов до 1990 г.

Объем и составные части фонда. Общий объем личного фонда П.Н. Милюкова – 19 стандартных американских архивных ящиков⁵. Фонд разделен на каталогизированную и организованную (arranged) серии. Внутри серий документы систематизированы по видам. Первая серия, воспринимаемая архивистами как наиболее важная часть коллекции, включает в себя письма (ящики 1–2)⁶, рукописи (ящик 2) и документы (ящик 2). Вторая – письма (ящики 3–6), рукописи (ящики 7–14), тематические подборки материалов (ящики 15–16), документы по наследству (ящики 17–18) и печатные издания (ящик 19). Рассмотрение материалов личного фонда Милюкова, организованных по формальному принципу, представляется непродуктивным. Более целесообразным видится выделение материалов по хронологическому (а внутри по предметному) принципам с последующим

³ Вельмин А.П. [Записка, передаваемая вместе с архивом П.Н. Милюкова], 24 мая 1954 г.; А.П. Вельмин – Ф.А. Мозли, 12 августа 1960 г. // ВА. General Collections Folders; А.П. Вельмин – Е.Д. Кусковой, 30 декабря 1956 г.; 18 февраля, 6 марта, 21 марта 1957 г. Отпуски // ВА. А.П. Vel'min papers. Box 1; Е.Д. Кускова – М.М. Карповичу, 29 января, 24 февраля, 3 марта, 19 марта 1957 г.; А.П. Вельмин – Е.Д. Кусковой, 13 марта 1957 г. // ВА. М.М. Карпович papers. Series 2. Box 5.

⁴ Б.И. Элькин – Ф.А. Мозли, 7 апреля, 4 мая, 2, 21 августа 1956 г. Отпуски; Р.Е. Mosely – В.И. Elkin, April 24, May 8, June 25, August 10, September 11, 1956; Б.И. Элькин – Л.Ф. Магеровскому, 24 мая, 30 июня, 22 августа, 8 октября, 8 ноября 1956 г. Отпуски; Л.Ф. Магеровский – Б.И. Элькину, 15 мая, 6 июля, 6 августа, 28 сентября, 11 октября 1956 г.; Agreement between Archive of Russian and East European History and Culture and V.I. Elkin, June 23, 1956; Pitt and Scott. Delivery order, November 7, 1956 // ВА. P.N. Miliukov papers. Box 18.

⁵ См. краткое описание фонда: http://findingaids.cul.columbia.edu/ead/nnc-rb/ldpd_4077838/dsc.

⁶ Здесь и далее в скобках в тексте будет даваться номер ящика из коллекции P.N. Miliukov papers (ВА). Более дробное деление – для каталогизированных материалов, находящихся в отдельных папках, – не воспроизводится, так как названия папок даются архивистами либо по фамилии корреспондента Милюкова, либо по автору и названию рукописи. Исследователям также необходимо иметь в виду практикуемые архивистами перемещения, в случае установления имени корреспондента или датировки документа, материалов из серии организованных в серию каталогизированных, а также внутри организованного раздела между папками.

подробным обзором наиболее важных документов. Материалы фонда условно можно разделить на три хронологические, не соприкасающиеся между собой, группы.

Первая группа – это письма П.Н. Милюкову как общественному деятелю начала XX в., редактору нескольких периодических изданий, члену Государственной думы 3-го созыва, его супруге, ряд рукописей (1889, 1893, 1897–1901, 1905–1912 гг.)⁷. Наличие материалов первой группы в американском архиве выглядит несколько необычно. Известно, что Милюков, покидая 25 октября 1917 г. Петроград, оставил свой дореволюционный архив и библиотеку на попечение заведующего отделением “Россика” Публичной библиотеки А.И. Браудо. По сведениям Милюкова, Браудо смог перевезти бумаги и книги в библиотеку, “благодаря своему положению” в ней. Какая-то часть милюковских материалов, отложившихся в документах кадетской партии, оказалась в Рукописном отделении Академии наук. В 1929 г. обе части архива были обнаружены, после чего объединенный фонд поступил в Московское отделение Центрального исторического архива РСФСР. Некоторые бумаги оказались в Особом отделе, а основная часть попала в Дрвелехранилище. С образованием в 1931 г. Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (теперешний РГАДА) туда были переданы фонды Дрвелехранилища. Именно из ГАФКЭ милюковский фонд был передан в 1941 г. в Центральный государственный исторический архив в г. Москве и позднее в его составе вошел в ЦГАОР и СС⁸. Когда Милюков в ноябре 1918 г. покидал Россию, то оставил все свои бумаги (по-видимому, накопившиеся в 1917–1918 гг. материалы) у С.Ф. Штерна⁹. Скорее всего, ранние документы, попавшие в США, находились на финской даче Милюкова, откуда были вывезены в 1920 г. вместе с его библиотекой в США представителем Гуверовской библиотеки Ф.А. Голдером. По ряду причин библиотека Милюкова не попала в Стэнфордский университет, куда она первоначально прибыла, а оказалась приобретенной Калифорнийским университетом в Беркли¹⁰. Судя по всему, Милюкову удалось заполучить остатки своего архива из Калифорнии. Вероятно, к этому эпизоду относит-

⁷ Для того чтобы вписать документы из личного фонда П.Н. Милюкова в контекст его биографии до 1904 г. мы использовали работу: *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904) / предисл. Т. Эммонса. Рязань, 2001 (Сер. “Новейшая русская история: исследования и документы”); Т. 1). Для освещения последующих лет биографии Милюкова, на мой взгляд, такой работы пока нет.

⁸ *Милюков П.Н.* Мои сношения с А.И. Браудо // Александр Исаевич Браудо, 1864–1924: очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 25–26; *Он же.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 186. Примеч. *; *Он же.* О моем “архиве” // Последние новости. 1932. 11 сентября; *Лапин Н.А.* [Предисловие] / Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. / подгот. к печати Н.А. Лапин // Красный архив. 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 122; *Берзин Я.А.* По поводу дневника П.Н. Милюкова // Дневник П.Н. Милюкова / Подг. к печати Я.А. Берзин и Н.А. Лапин // Там же. Т. 5–6 (54–55). С. 11; *Кут А.* Милюковские записки // Вечерняя Москва. 1932. 23 октября; *Архив П.Н. Милюкова* // Последние новости. 1932. 27 октября; *Каганович Б.С.* Начало трагедии: (Академия наук в 1920-е годы по материалам архива С.Ф. Ольденбурга) // Звезда. 1994. № 12. С. 141; ГА РФ. Дело фонда № 579 (П.Н. Милюков). Л. 1.

⁹ *Милюков П.Н.* [Дневник], 31 октября (14 ноября) – 19 декабря 1918 г. Запись за 1 (14) ноября 1918 г. // ВА. P.N. Miliukov papers. Box 9.

¹⁰ Подробнее о вывозе библиотеки П.Н. Милюкова из Финляндии и ее последующей судьбе см.: *Zalewski W., Sedik D.* The Miliukov Collection: Early Collecting of Russica in California Academic Libraries // Libri. 1984. Vol. 34. P. 186–197; *Zalewski W.* Collectors and Collections

ся письмо Ф.А. Голдера от 7 августа 1928 г. о посылке Милюкову ящика (с документами?)¹¹.

Вторая группа охватывает 1918–1939 гг., эпоху Гражданской войны и “первой волны” эмиграции. Здесь представлены переписка, рукописи статей Милюкова и третьих лиц, рукопись его воспоминаний, дневники и записные книжки, рукопись “Очерков по истории русской культуры” (Т. 1, ч. 2), разные материалы по истории общественных и политических партий и движений. Вторая группа представляет собой остатки парижского архива Милюкова (см. выше).

Третья группа охватывает период 1943–1969 гг. и состоит из материалов, появившихся в ходе деятельности душеприказчика П.Н. Милюкова, Б.И. Элькина, по исполнению завещания покойного.

Первая группа включает в себя переписку П.Н. и А.С. Милюковых, две черновых рукописи Милюкова, одну рукопись постороннего человека, реферат одного из милюковских студентов. Большинство корреспондентов представлено 1–2 письмами. Сохранившийся материал позволяет выделить и рассмотреть крупные тематические блоки.

Самым ранним документом, отложившимся в фонде, следует признать послание А.А. Копфа неизвестному (1889), в котором сообщалось о подготовке им книги “Археологические, исторические, письменные и литературные исследования первобытных и исторических времен Южной Руси (России)” (3). Вместе с письмом в фонде сохранились текст предисловия и макет обложки. Отметим, что указанная книга не вышла.

Самое раннее произведение Милюкова – черновик его речи, посвященной созданию и целям деятельности Комиссии по организации домашнего чтения при Учебном отделе Общества распространения технических знаний (1893) (13).

П.Н. Милюков в Рязани и Болгарии. Собственно документов, повествующих о пребывании Милюкова в административной высылке в провинциальном городе (1895–1897 гг.), в фонде нет. Но его активная общественная и научная деятельность в Рязани принесла свои плоды: и он сам, и его супруга, Анна Сергеевна, оказались в переписке со многими рязанцами. Последние сообщали своим корреспондентам о состоянии дел в Рязани, в местной ученой архивной комиссии, информировали о знакомых Милюковым лицах. Таковы письма А.А. Грунау (5.06.1900) (5), И.И. Проходцова (6.02.1900) (5), В.С. Малченко (24.06.1899) (1). Заслуги Милюкова в деле развития исторической науки в провинции были признаны в официальном письме ученой архивной комиссии (21.05.1900) (3). Отбывший на новое место службы в Пермь В.С. Малченко в ряде писем сообщал о своей деятельности в тамошней ученой архивной комиссии (7.04.1900, 12.06.1900, 24.09.1900) (1). К Милюкову за советом и помощью в деле публикации статей и книг обращались контактировавшие с ним в Рязани И.А. Давыдов (27.03.1900) (5), Н.С. Корвин-Круковский (19.01.1900, 22.11.1900) (5). С просьбой прислать материалы о политической деятельности Милюкова для собственной коллекции обращался А.В. Селиванов (22.01.1908) (5).

of Slavica at Stanford University: A Contribution to the History of American Academic Libraries. Stanford, 1985. P. 69–74 .

¹¹ F.A. Golder – P.N. Miliukov, August 7, 1928 // BA. P.N. Miliukov papers. Box 1.

В.Н. Сторожев (25.01.1900) (2) сообщал Милюкову о ходе издания “Писцовых книг Рязанского края”, проекте Рязанской ученой архивной комиссии, куда он был привлечен Милюковым.

От следующего этапа жизни Милюкова – пребывание в Болгарии и Македонии (1897–1899 гг.) – сохранилось в фонде несколько документов. Прежде всего это адрес комитета студенческого исторического общества (20.03.1897) (5), подписанный А.И. Угримовым, И.И. Шитцем, С.А. Котляревским, М.М. Хвостовым, С.П. Ордынским. Сожалая о неприсутствии Милюкова на праздновании двухлетнего юбилея Исторического общества при Московском университете, подписанты выражали надежду, что со временем ученый перенесет свою деятельность из Болгарии в Россию. Чудом дошла до нас тетрадь, озаглавленная “Римският колонат (le Colonat romain) от Fustel de Coulanges”. Это – реферат неизвестного студента Милюкова по Софийскому Высшему училищу, написанный по-болгарски, судя по всему, в весеннем полугодии 1896/97 учебного года (14). В письме русского консула А.А. Левитского сообщалось о высылке результатов измерений обнаруженной Милюковым во время поездки в Конию археологической находки и забытой у Левитского (27.05.1898) (1). Научная и общественная деятельность Милюкова вызвала к жизни ряд посланий. Директор Русского археологического института в Константинополе Ф.И. Успенский (3.09.1899) (2) сомневался, разрешат ли турецкие власти институту продолжить раскопки, начатые в 1898 г. под руководством Милюкова. Отвечая на вопрос последнего, Успенский всячески убеждал его поместить исследование о значении произведенных раскопок в “Известиях” института. Правда, Милюков подобную работу так и не написал. Позиция Милюкова по современному положению македонского вопроса интересовала болгар. Об этом письма В. Кынчева (21.11.1899, 3.07.1900) (5), И.Д. Шишманова (весна – лето 1900) (2), Д. Ризова (22.03.1908) (2), а также М. Палеблога (16.11.1922) (2).

В Болгарии Милюков также завязал знакомства, продолжившиеся в виде переписки после его отъезда. Таковы послания экономиста Б. Минцеса (2.12.1899), жившего в доме Милюкова после отъезда хозяев (3), участника музыкальных квартетов с семьей Милюковых композитора Д. Пака (б/д, получено 15.12.1899, 5.10.1900) (5), гувернантки-англичанки М.У. Рид, служившей в семье русского консула в Битоли А.А. Ростковского (31.10.1899, 3.01.1900) (5), супруги консула А.А. Ростковского (9.05.1900, 20.06.1900, 30.09.1900, 2.01.1901) (3). Директор заведений и научной библиотеки Королевского Высочества принца Болгарии Пауль Леверкюн (29.12.1900) (1) писал по поводу требовавшихся для Милюкова американских книг. Одно из поздних писем из Болгарии от Ш. Зильбермана (16.07.1911) (4), выступившего с предложением купить дом Милюкова в Софии.

Возвращаясь из Болгарии, Милюков остановился в Киеве, где получил письмо историка Н.П. Василенко (22.08.1899) (2), советовавшего посетить Г.Е. Афанасьева, в свое время рекомендовавшего Милюкова на профессорскую кафедру в Софии. Тот же Василенко в другом письме (1.10.1899) (2) информировал Милюкова о русских реалиях, сообщая о ситуации в Университете св. Владимира и о предстоящем диспуте С.Ф. Платонова.

П.Н. Милюков как редактор научного отдела журнала “Мир божий”. Хотя разрешение Милюкову на постоянное проживание в Санкт-Петербурге было получено от МВД только 4 ноября 1899 г., он начал исполнение ре-

дакторских обязанностей в журнале “Мир божий” еще задолго до этого. Одно из первых писем от имени редакции за подписью Милюкова было отправлено 22 октября неизвестному корреспонденту с выражением сожаления по поводу его ухода из журнала (1). С самого начала своей деятельности Милюков принялся реформировать журнал, стараясь усилить “Мир божий” за счет научных статей, для чего попытался привлечь к участию своих знакомых. Ответные письма последних, равно как и предложения сотрудничества от сторонних деятелей в большом количестве сохранились в фонде Милюкова: А.К. Дживелегов (конец 1899 – начало 1900) (1), М.К. Виноградова (9.01.1900) (5), Н.Н. Оглоблин (12.01.1900, 3.02.1900) (5), М.В. Довнар-Запольский (17.01.1900) (3), В.Н. Сторожев (25.01.1900, 25.04.1900) (2), Ю.Ф. Семенов (1.02.1900) (5), М.О. Гершензон (2.02.1900) (1), Н.В. Сперанский (20.12.1899) (2), К.Р. Качоровский (22.02.1900) (5), Е.А. Бобров (21.06.1900) (1), В.Д. Соколов (7.02.1900) (5), неизвестный (январь – март 1900) (3). В фонде отложились переписка Милюкова с авторами: Ф.Д. Батюшков (18.11.1899) (1), А.К. Дживелегов (30.01.1899, ошибка, надо: 1900, начало 1900, апрель 1900) (1), Н.В. Сперанский (19.01.1900, 14.02.1900) (2), С.Н. Булгаков (18.01.1900) (1), а также отпуск Милюкова неизвестному (конец 1899 – начало 1900) (1). Взаимоотношения Милюкова с издательницей “Мира божьего” А.А. Давыдовой, а также последующий скандал и уход из редакции слабо отражен в сохранившихся материалах. За восторженным посланием А.А. Давыдовой (конец 1899) об увеличении числа подписчиков до 10 000 благодаря деятельности Милюкова и его “Очеркам по истории русской культуры” вскоре последовало письмо (конец марта 1900), в котором Давыдова пыталась примирить Милюкова и фактического редактора журнала А.И. Богдановича (1). Попытка оказалась безрезультатной: с апреля 1900 г. Милюков отказался от “ближайшего участия” в “Мире божьем”¹².

П.Н. Милюков и “Большая энциклопедия”. Вслед за уходом из “Мира божьего” Милюкову последовало приглашение занять должность товарища редактора и редактора исторического отдела “Большой энциклопедии”. Милюков попытался привлечь к сотрудничеству в энциклопедии знакомых ему историков. Сохранившиеся материалы позволяют утверждать, что отрицательно ответили на это предложение А.А. Кизеветтер (28.10.1900) (1) и М.К. Любавский (14.06.1900) (1), согласились М.Н. Покровский (8.06.1900) (2), В.В. Водовозов (14.06.1900) (2). Последнего порекомендовал В.И. Семевский (8.06.1900) (2). Е.В. Тарле (14.06.1900) сам предложил себя в сотрудники энциклопедии (2).

В январе 1901 г. последовал конфликт между редактором энциклопедии С.Н. Южаковым и товарищем редактора Милюковым. Последний поднял вопрос, имеет ли он право неограниченного veto в энциклопедии. Речь шла о вмешательстве Милюкова в редактирование отделов “Русская литература XIX в.” и “Социология”, которыми заведовал лично Южаков. Редактор (22.01.1901) ответил отрицательно (1). В следующем письме Южаков (23.01.1901) попытался минимизировать ущерб от неизбежного расставания с Милюковым (1). Выход Милюкова из состава редакции энциклопедии произошел в мае 1901 г.

¹² Милюков П.Н. Письмо в редакцию // Мир божий. 1900. № 5. С. 118 отд. паг.

Общественная, научная и просветительская деятельность П.Н. Милюкова (до 1905 г.). По возвращении в Санкт-Петербург Милюков принял участие в деятельности Вольного экономического общества (ВЭО) и Союза взаимопомощи русских писателей при Русском литературном обществе. Послание неизвестного корреспондента (6.04.1900) посвящено делам ВЭО (3). Письмо президента общества П.А. Гейдена (11.04.1900) затрагивало щекотливый вопрос о выборе секретаря ВЭО. Граф интересовался, согласится ли Милюков баллотироваться на этот пост (1). Милюков согласился войти в члены Совета ВЭО, но от избрания на должность секретаря отказался. В последовавших заседаниях специальной комиссии под председательством В.И. Вешнякова для пересмотра устава общества Милюков принял активное участие, в том числе в составлении протоколов заседаний (Д.И. Рихтер (20.07.1901) (3)). Может быть, письмо К.К. Арсеньева (9.11 б/г) (1) о невозможности выступить на собрании с вступительным словом имеет отношение к заседаниям специальной комиссии.

Переписка по делам Союза взаимопомощи русских писателей началась с письма Н.К. Михайловского (2.01.1900) (1). На заседании Союза 28 января 1900 г. под председательством Милюкова было решено почтить память скончавшегося П. Л. Лаврова, а вопросы перенесения тела Лаврова в Россию и издания его сочинений – передать для решения комитету Союза. Получив сведения о памятном заседании, директор Департамента полиции С.Э. Зволянский (21.02.1900) предложил Милюкову как председателю посетить его 22 февраля (2). Визит закончился для Милюкова благополучно. В прошедших в начале 1901 г. заседаниях Союза, посвященных обсуждению проекта закона об авторском праве, Милюков принял самое активное участие, одним из результатов чего стало его письмо (1.02.1901) Н.Ф. Анненскому (1). Отметим, что в фонде сохранился членский билет Милюкова № 335 в Союзе (2).

От Петра Д. Долгорукова (23.01.1901) (1) Милюков получил приглашение прибыть на совещание по подготовке сборника статей “Мелкая земская единица”. Однако Милюков очерка об истории местного самоуправления в России не написал, после чего аналогичная просьба была сделана М.Н. Покровскому, который подготовил обстоятельную статью¹³.

Милюков принял участие в организации вечера, посвященного 30-летию со дня смерти А.И. Герцена (9.01.1900). О своем согласии участвовать в мероприятии Милюкову сообщили А.С. Лаппо-Данилевский (6.01.1900) (1) и М.И. Слоним (6.01.1900) (5). Ему же о технической стороне дела писал Л.Ф. Пантелеев (8.01.1900) (2).

Милюков не порывал связей и с научной общественностью. Судя по письму, Ю.А. Веселовский (12.01.1900) был рад возобновить знакомство (2). С.Н. Трубецкой (24.01.1900) просил дать статью в журнал “Вопросы философии и психологии” (2), особенно настаивая на участии Милюкова в выпуске, посвященном памяти умершего В.П. Преображенского (14.04.1900) (2). М.И. Брун (13.04.1900) интересовался возможностью для Милюкова написать некролог В.П. Преображенского для “Мира бо-

¹³ Покровский М.Н. Местное самоуправление в древней Руси // Мелкая земская единица: Сб. ст. / изд. П.Д. Долгорукова и Д.И. Шаховского при участии ред. газеты “Право”. СПб., [1903]. С. 186–239.

жьего” (5). Отделение этнографии Русского географического общества (20.12.1900) (3) просило сообщить удобный для прочтения Милюковым сообщения о Македонии день. В.А. Мякотин (13.01.1900) (1) ожидал окончания “Очерков по истории русской культуры”, дабы вступить в полемику. А.А. Кизеветтер (24.03.1900) просил взять под опеку занимавшегося историей России С.А. Князькова (1). Б.И. Сыромятников (10.01.1900) спрашивал у Милюкова советов и рекомендаций по подготовке к магистерскому экзамену по истории русского права (2). Непременный секретарь Академии наук Н.Ф. Дубровин (12.12.1900) (5), сообщая о готовящемся издании грамот Коллегии экономии, просил сообщить свои соображения по проекту.

В.Ф. Миллер (9.03.1900) (1) благодарил за статью в сборнике в его честь¹⁴. Вторым письмом В.Ф. Миллер (14.11.1900) (1) отвечал на запрос Милюкова о слависте А.И. Яцимирском, которого румыны обвиняли в краже печатного молитвенника 1508 г. По словам Миллера, Яцимирский отрицал свою причастность к делу, и все обвинения в хищении рукописей в Бухаресте по суду были с него сняты. Попытке возвращения Милюкова к академической карьере посвящено письмо А.С. Лаппо-Данилевского (10.03.1900) (1). Последний по просьбе профессора Университета св. Владимира П.В. Голубовского поинтересовался у Милюкова, не согласится ли тот занять должность приват-доцента по кафедре русской истории с фиксированным жалованием. Ответ Милюкова неизвестен, но, скорее всего, он был отрицательным. На указанную позицию был переведен приват-доцент Московского университета М.В. Довнар-Запольский¹⁵.

Не оставлял Милюков в стороне и просветительскую деятельность. Вероятно, к концу XIX – началу XX в. относится сохранившийся в фонде его “Проект энциклопедический элементарной программы для чтения” (12). Своей репутации Милюков был обязан приглашению прочесть ряд лекций в пользу бесплатной лечебницы для приходящих больных всех специальностей в Вильно (29.02.1900) (3). В.И. Семевский сообщал (26.03.1900) (2) о выборах Милюкова в члены Отдела для содействия самообразованию. А.К. Дживелегов (апрель 1900) агитировал его принять участие в сборнике в пользу евреев, пострадавших от неурожая (1). Соратница Милюкова по Комиссии по организации домашнего чтения (КПОДЧ) Е.Н. Орлова (17.06.1900) (2) информировала о тяжелом положении комиссии. Милюков был официально запрошен относительно его мнения о деятельности реформационной подкомиссии при КПОДЧ (20.01.1901) (3). М. Феофанов (4.04.1900) (5) просил разрешения перевести “Очерки по истории русской культуры” на немецкий язык. М.Н. Покровский (8.06.1900) (2) поднимал вопрос о дарственной записи на “Книгу для чтения по истории средних веков” пятерым wybranым лицам. Проект дарственной записи (22.01.1900) сохранился в бумагах Милюкова (19). В.Д. Соколов (7.02.1900, 14.02.1900)

¹⁴ Милюков П.Н. Что такое “море Виранское” и город “Леденец”? (Справка к вопросу о времени и месте происхождения былины о Соловье Будимировиче) // Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изд. его учениками и почитателями / под ред. Н.А. Янчука. М., 1900. С. 314–315.

¹⁵ Переписка А.С. Лаппо-Данилевского и П.Н. Милюкова / Подгот. к печати, предисл. и коммент. П.А. Трибунского // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2010. Vol. 3. P. 158–159, примеч. 210.

(5) сообщал о расчетах по сборнику “Римская империя”, подготовленного А.С. Милюковой в рамках “Библиотеки для самообразования”. Тот же Соколов (25.01.1901) (5) просил дать отзыв о рукописи В.Ф. Икономова, предположенной к публикации в той же серии. Отзыв, судя по всему, был положительным, и книга Икономова вышла в 1903 г.¹⁶

П.Н. Милюков в США. Письмом от 1.05.1900 Ф.Д. Батюшков приглашал на встречу с ректором У.Р. Харпером и промышленником Ч. Крейном, которые приехали рекрутировать преподавателей для чтения лекций в Чикагском университете (1). Написанная Милюковым по результатам лекций книга “Россия и ее кризис” была выпущена издательством Чикагского университета. Отчет издательства о продаже книги за 1909 г. сохранился в фонде (16). От американских поездок Милюкова сохранилось письмо возглавлявшего бюро исторических исследований в Институте Карнеги Д.Ф. Джеймсона (30.05.1905 н.с.) (1), который предложил Милюкову заняться в 1906 г. выявлением материалов по истории Америки в русских архивах. Но Милюкова, ушедшего с головой в политику, данное предложение не заинтересовало, и проект был осуществлен Ф.А. Голдером¹⁷.

Активная деятельность П.Н. Милюкова в ходе Первой русской революции выдвинула его в число ведущих политиков страны, и самым непосредственным образом отразилась на характере переписки, из которой практически исчез Милюков – частный человек. Теперь Милюкову массово писали отдельные люди и целые крестьянские общества, землячества и клубы, прося о содействии и помощи, обращая его внимание на разные несправедливости, ожидая от него участия в лекциях, встречах, съездах и т.д. В ящиках 3–5, 13, 15 отложились всевозможные материалы за 1906–1912 гг. на русском, французском, немецком, английском, болгарском и сербском языках. К указанным ящикам примыкают отдельные письма того же периода, которые по значимости корреспондентов Милюкова были внесены в каталогизированную часть фонда. Лев Шестов (29.12.1909) (2) просил хлопотать за сотрудника “Речи” Е.Г. Лундберга, незаконно обвиненного в политическом преступлении. В.И. Ламанский (8.04.1907) (1) хлопотал о содействии в приобретении российскими властями коллекции византийских и грузинских эмалей скончавшегося А.В. Звенигородского. Жена историка А.С. Трачевского, Ю. Трачевская, (7.02.1912) (5) жаловалась на Ученый комитет Министерства народного просвещения, который, по ее мнению, не давал одобрения учебникам покойного супруга ввиду политических взглядов автора. Консервативный публицист С.Ф. Шарапов (1.06.1908) (5), отдавая дань уважения Милюкову как противнику в еврейском вопросе, тем не менее не соглашался, приводя аргументы в пользу своей точки зрения. В.И. Семевский (10.10.1908) (2) просил прочесть лекции в пользу бывших узников Шлиссельбургской крепости. Директор женского медицинского

¹⁶ *Икономов В.Ф.* Накануне реформ Петра Великого: очерки государственного, общественного и частного быта Московской Руси XVII века. М., 1903 (Библиотека для самообразования. № 27).

¹⁷ См.: *Трибунский П.А.* “Обзор материалов по американской истории в российских архивах” Ф.А. Голдера: подготовка и публикация // Российско-американские отношения: конец XVIII – начало XX в.: мат-лы междунар. научной конф. “200 лет российско-американских отношений” (Москва, 8–10 ноября 2007 г.). М., 2008. С. 78–87.

института С.С. Салазкин (25.03.1910) (5) призывал Милюкова выступить с лекцией в пользу слушательниц.

Участие Милюкова в редактировании газеты "Речь" привело к появлению внушительного числа обращений к нему с просьбой напечатать статью или опровержение, разного рода информационных материалов по тем или иным вопросам русской действительности, писем с оскорблениями и угрозами. Из массы писем Милюкову как редактору "Речи" особый интерес представляют всего несколько штук. Прежде всего рекомендация С.Ф. Ольденбургом (8.10.1908) в число сотрудников газеты востоковеда А.Д. Руднева (2, архивистами ошибочно принят за С.С. Ольденбурга). Подобный же характер носит письмо публициста И.И. Горбунова-Посадова (9.05.1910) (1), рекомендовавшего И.М. Трегубова, ранее в газете "Русь" ведшего отдел религиозных народных движений. Обращение к Милюкову друга детства, врача М.С. Зернова (21.03.1909) (2), просившего напечатать статью о его санатории в Кисловодске. С просьбой защитить посредством газеты доброе имя к Милюкову обратился его бывший учитель латинского языка в Московской 1-й гимназии И.П. Млинарич (7(20).04.1909) (5). В фонде сохранилось несколько корректур статей для газеты "Речь" (19).

Послания с просьбами и ходатайствами, а также угрозами и оскорблениями усилились после избрания Милюкова депутатом Государственной думы 3-го созыва. Обсудить университетский вопрос приглашал Милюкова А.С. Фаминцын (2.10.1908) (1). Н.Н. Щепкин (17.01.1909, 7.01.1912) (2) писал о падении авторитета кадетской партии и фракции среди московских евреев, предлагая будировать еврейский вопрос, равно как и проведение законодательства о правах женщин-юристов. Прошение одесских евреев, посланное на имя О.О. Грузенберга (б/д) (1) было переадресовано Милюкову. Сочувствие Милюкову, которому предстояла дуэль с А.И. Гучковым, послал его бывший сотрудник по КПОДЧ В. Гебель (9.05.1908) (5). Морально поддерживала Милюкова после демонстрации октябристов против него Е.Я. Кизеветтер (б/д, получено 26.01.1908) (1). К депутатскому периоду относится расписка Н.С. Чхеидзе и Е.П. Гегечкори (17.12.1908) (2) о взятых у Милюкова 300 рублях, которые они обязались вернуть в течение двух месяцев.

О партийной деятельности писали Милюкову Павел Д. Долгоруков (11.09.1908, 25.05.1909, 29.08.1909) (1), А.А. Корнилов (б/д) (1). Полемике по вопросу о присоединении части Финляндии к Санкт-Петербургской губернии, а также дискуссии Милюкова с Н.В. Тесленко посвящены послания Ф.Ф. Кокошкина (4.09.1911, 19.10.1911) (1). Положение кадетских групп в Политехническом институте, институте путей сообщения и в женском педагогическом институте обрисовано в письме Н. Виноградова (27.10 б/г) (5). А.Л. Погодин (28.09.1906, б/д) (2) выражал желание принять участие в трудах кадетской партии.

К партийной деятельности относятся большинство сохранившихся рукописей и машинописных копий, авторизованных Милюковым. Таковы "Обсуждение платформы фракции к.д. к 4-й Думе" (15), "Об очередных задачах партийной тактики. Доклад IV партийному съезду" (15), тезисы докладов о политике (б/д) (15), черновики постановлений Московского общества славянской культуры, кадетской партии (15), записки Милюкова по политическим вопросам (15). Биографии С.Ю. Витте, готовившей-

ся Милюковым для энциклопедического словаря Гранат, посвящены “Мои вопросы и ответы на них С.Л. Полякова – со слов Витте – о решающих моментах его карьеры (для моей биографии Витте в словаре Гранат)” (ответы Полякова в виде писем). Ответы на другой список вопросов записаны лично Милюковым (13).

Большое значение имеют протоколирование собраний Государственной думы, съездов, совещаний, выполненные Милюковым (13, 15), а также различный печатный материал с его пометами (15, 19). Наблюдения над упомянутыми документами позволяют утверждать, что Милюков в эмиграции пытался привести архив в порядок. Об этом свидетельствуют данные Милюковым названия отдельным разделам, расшифровка лиц, событий. К сожалению, подавляющее большинство документов не датировано, и установление событий, к которым они относятся, потребует тщательных разысканий специалистов.

Небольшое количество материалов относятся к *поездке П.Н. Милюкова в США в 1908 г.* Д.Б. Рейнольдс (1.11.1907) (2) предлагал организовать ряд встреч с влиятельными американцами. Уточнение времени лекций в Нью-Йорке содержится в письме на бланке Civic Forum (14.11.1907) (2). После визита Милюков получил известность в США, и к нему с просьбой написать статью или поделиться мнением по тому или иному вопросу охотно обращались американские журналисты: Д. Вендровский (1908) (3), Д.С. Филипс (29.09.1909) (2).

Отрывочное освещение получила в фонде Милюкова *поездка российских общественных деятелей в Великобританию в 1909 г.* В его бумаги попало письмо главного инициатора Б. Пэрс (б/д) председателю Государственной думы Н.А. Хомякову (2), посвященное визиту. Самому Милюкову о приготовлениях к поездке писал депутат А.И. Звегинцев (25.05.1909) (4). Ход и результаты поездки детально описаны в письме М.В. Челнокова (27.07.1909) А.И. Шингареву (1), также осевшем в фонде Милюкова.

Международная известность и репутация специалиста по балканскому вопросу стала причиной того, что к Милюкову за содействием и интервью часто обращались иностранные органы периодической печати. Об интервью для польской и французской прессы просил Х. Радзижевски (29.02.1908) (2). Статью о кадетах для лондонской “The Standard” предлагал написать В.Э. Марсен (28.05.1907) (5), московский корреспондент помянутой газеты. К сотрудничеству в новом журнале “L’Orient” звал В. Жаботинский (9.09.1909) (1). Явно на содействие Милюкова надеялся А. Мазон (26.10.1910) (1), сообщая о желании франко-славянской ассоциации начать издание журнала. В письмах Б. Пэрс (12.09.1906, 10.01.1910) (2) обсуждал внутреннюю политику в России. У.Т. Стэд (19.09.1910) (2) обратился к Милюкову, рекомендуя Котаро Мочизуки, президента Международного Пресс Бюро Японии, приехавшего в Россию с целью создания благоприятного образа Японии в Европе. К Милюкову за рекомендациями к балканским деятелям обращался А.А. Стахович (9.05.1908) (5), собиравшийся в поездку по предложению И.Д. Сытина с целью наладить сбыт книг и карт издательства. Ему же А.А. Стахович (8.06.1910) (5) писал о славянском съезде 1910 г. в Софии. В фонде удалось найти запись доклада Милюкова (1909?) о положении на Балканах и политике А.П. Извольского (13).

Вторая группа документов – также многочисленна и представительна. Прежде всего рассмотрим материалы, относящиеся к Гражданской войне (1918–1920 гг.). Милюков был на территории России до ноября 1918 г., после чего выехал на Яское совещание, оттуда – в Турцию. Из Турции его путь лежал во Францию, которую, однако, он был вынужден покинуть вследствие яростной кампании тамошних газет и общественного мнения, обвинивших его в контактах с немцами. В декабре 1918 г. Милюков отбыл в Великобританию, где и оставался до конца 1920 г.

П.Н. Милюков и Добровольческая армия. Первое по времени письмо – Т.Г. Масарика (19.02.1918) (1) – информирует об отношении Масарика к белому движению, содержит советы по исправлению негативных сторон движения, оценивает перспективы чешского вмешательства в борьбу белых и красных. В подборке писем М.В. Алексеева (10.05.1918, 14.05.1918, 25.05.1918, 18.06.1918) (1) и ответов Милюкова (16.05.1918, 19.05.1918, 21.05.1918, 20.06.1918) (1) основная тема – отношение Добровольческой армии и немцев. Милюков, выступавший за сговор с немцами для борьбы с большевиками, не смог убедить Алексеева в полезности и необходимости этого союза. Письмо подполковника С.Н. Ряснянского (23.06.1918) (6), приехавшего на Украину агитировать солдат и офицеров присоединиться к Добровольческой армии, написано из тюрьмы, куда он был помещен немцами. Ряснянский сообщал о повышенном интересе немецких властей к контактам Милюкова с Добровольческой армией.

Документов, посвящённых визитам Милюкова в Румынию, Турцию и Францию в 1918 г. в фонде не обнаружено. Зато *двухгодичное пребывание Милюкова в Великобритании* представлено достаточно хорошо. Сохранилась одна из немногочисленных автобиографий Милюкова (б/д, 1919?) (12) на английском языке. Милюкова часто просили дать справки по русскому вопросу, приглашали выступать в большие аудитории с лекциями и на частные встречи, где он говорил о ситуации в России, о большевизме и его опасности для цивилизованного мира (Б.Г. Бурдиллон (13.03.1919) (1), Д.Х. Роуз (19.02.1919, 28.02.1919) (2), Г.П. Крофт (15.04.1919) (1), М.Э. Садлер (10.05.1919) (2), А.Р. Багатурянц (6.11.1919) (6), а также письма М.В. Брайкевич (5.11.1919) и А.М. Ону (4.11.1919) А.Р. Багатурянцу (6)). Находясь в Великобритании, Милюков старался помогать белому движению (агитация и пропаганда, попытки влияния на политику английского правительства по отношению к большевикам и их противникам, сбор средств и т.д.), в том числе и советами. К их числу относится коллективное обращение П.Н. Милюкова и В.Л. Бурцева (8.10.1919) (1) к А.И. Деникину с требованием прекратить еврейские погромы, поскольку сей факт могли использовать враги для дискредитации белого движения. Деятельность Милюкова в Великобритании вызвала одобрение со стороны одного из виднейших финансовых деятелей белой борьбы, М.М. Федорова. Последний предложил организовать поездку Милюкова в США с целью склонить тамошнюю элиту на сторону белого движения (9.07.1919, 28.10.1919) (1). О том же писала С.В. Панина (10.10.1919) (2). Труды Милюкова по редактированию журнала “The New Russia” привели к столкновению с И.В. Шкловским (29.04.1920, 19.11.1920) (2), отказавшимся от дальнейшего сотрудничества. По причине переезда в США и удаления от центров антибольшевистской борьбы участие в журнале прекратил М.И. Ростовцев

(сентябрь 1920) (2). Письмо известного переводчика и публициста Э. Мод (9.11.1920, 11.11.1920) (1) посвящено отношению к русским делам в Великобритании. Категорическое требование В.И. Лебедева (2.09.1920) (6), обвиненного Милюковым в речи в Государственной думе 1 ноября 1916 г. в связях с немцами, публично дать опровержение настигло Милюкова в Великобритании. К пребыванию в Великобритании относится автограф Милюкова "Six points for a sane policy for Russia" (1919) (12), написанный по просьбе Ч. Крейна. Вполне вероятно, что эта записка о желательной политике союзников по русскому вопросу, как и предшествующий мемуар, попал к президенту В. Вильсону¹⁸.

Состоянию разных территорий в годы Гражданской войны, а также положению первых беженцев из России посвящен целый ряд писем, отложившихся в фонде Милюкова. В.Д. Набоков (6.09.1920, 19.09.1920, 19.10.1920, 3.11.1920) (2) писал о положении русской эмиграции в Германии, В.А. Оболенский (4.12.1920) (2), А.В. Тыркова (7.10.1920, 1.12.1920) (2), С.В. Панина (11.10.1919, конец 1919 – начало 1920, 4.11.1920, 20.11.1920, 13.12.1920) (2), Н.И. Астров (1919, 3.02.1920, 26.03.1920, 27.03.1920, 10.04.1920) (1) – о положении на Юге России (в том числе в Крыму) и эмигрантов в Турции, собственно о Юге России – Г.П. Струве (23.04.1920) (2), приложив письмо отца (10.02.1920) (2), Б.Е. Малютин (21.08.1919, 9.10.1919) (6), Е.Н. Чириков (6.10.1920) в письме А.С. Милюковой (1), о беженцах в Сербии – Н.П. Милюков (29.03.1920) (6), о ситуации в Сибири – Н.В. Устрялов (1.08.1919) (2), эмигрантам в Польше и советско-польским отношениям посвящены письма А. Коростовец (20.08.1920) (6) и В.К. Коростовца (17.10.1920, 20.10.1920) (6), участь русских солдат, вывезенных англичанами на о. Лемнос, освещена в письме Ф.И. Ростовцева (29.09.1920) (6), письмо А.В. Карташева (1919) П.Н. Милюкову, А.В. Тырковой, М.И. Ростовцеву (1) посвящено делам на Северо-Западе России, русских эмигрантов в Германии и антибольшевистской борьбы на Северо-Западе касается А.И. Гучков (29.01.1920, 7.02.1920, 18.02.1920, 8.03.1920, 29.03.1920, 27.11.1920, 30.11.1920) (1), А. Гурович (27.04.1920, 29.04.1920, 25.05.1920, 31.05.1920) (6) сообщал о положении в Праге, условиях жизни и деятельности ученых-эмигрантов в Болгарии и Сербии посвящено послание Н.П. Кондакова (9.10.1920) (1), прибалтийским делам уделено внимание в сообщении Д.Д. Гримма (27.04.1920) (1). В фонде Милюкова отложились письма другим лицам, в которых сообщалось о судьбе ученых в Советской России (Д.Д. Гримм (15.04.1920) – Михаилу Ивановичу (Ростовцеву?) (1)), о положении дел в Туркестанском крае (Е.П. Джунковский (17.10.1918) – А.И. Деникину (1)), на Украине (В.В. Меллер-Закомельский (7.02.1919) – В.И. Гурко (6)), и в Прибалтике (Г. Новицкий (3.09.1919, 19.12.1919) – П.Б. Струве (6)).

Политическая деятельность ряда лиц также отразилась в письмах к Милюкову. В.Ф. Минорский (17.11.1919) (1) информировал о своих трудах в Закавказье и Персии. А.И. Коновалов (11.05.1919, 27.04.1920, 11.05.1920, 30.05.1920, 1.07.1920, 19.07.1920, 7.10.1920) (1) сообщал о работе на Омское правительство. А.Н. Мандельштам (12.11.1919, 30.01.1920) (6) писал о подготовке докладных записок для Парижской мирной конференции

¹⁸ P.N. Miliukov – C.R. Crane, October 17, 1919 // BA. Crane family papers. Box 4.

по польскому вопросу и пантюркизму. О своих книгах и статьях, направленных против большевиков, писал Д. Спарго (21.06.1920, 22.07.1920, 3.08.1920, 15.03.1921) (2). Об утопической миссии Д. Спарго, собиравшегося предложить большевикам добровольно отказаться от власти и передать управление Россией комитету прогрессивных деятелей, поддерживаемых Антантой, информировал М.И. Ростовцев (9.09.1920) (2). О политических делах писали В.А. Маклаков (7.09 б/г, 6.12 б/г) (1) и Г.Е. Львов (22.12.1920, 30.12.1920) (1).

Отставка главнокомандующего Вооруженных сил Юга России А.И. Деникина и избрание на этот пост П.Н. Врангеля стало важным событием в *истории кадетских групп в эмиграции*. Отношение к новому военному вождю обсуждалась на совещаниях от Парижа (М.С. Аджемов (7.05.1920) (1), М.М. Федоров (17.04.1920) (1)) до Белграда (А.В. Маклецов (8.06.1920) (6)). Сам Деникин, в апреле 1920 г. приехавший в Париж, отошел от военной и политической деятельности, сосредоточившись на писании мемуаров, материалы для которых он просил выслать Милюкова (2.05.1920, 13.12.1920, 29.12.1920, б/д) (1). Крах белого Крыма, *провозглашение Милюковым “Новой тактики”*, а также реакция на нее бывших однопартийцев в документах фонда отражены слабо. Удалось обнаружить лишь письма Н.И. Астрова (11–12.12.1920) (1), выступившего против “Новой тактики”, и поддержавшего Милюкова А.И. Коновалова (29.12.1920, 3.02.1921) (1). Позицию Астрова разделяли берлинские кадеты, о чем И.В. Гессен (22.02.1920, 5.07.1920) (1) сообщал А.И. Коновалову. “Крымской катастрофе” посвящены письма Б.А. Бахметьева В.А. Маклакову (11.11.1920, 15.11.1920) (1), отложившиеся в милюковском фонде. О совещаниях бывших членов Государственной думы и Государственного совета (по выборам), посвященных поиску выхода из кризисной ситуации, сообщал А.И. Гучков (27.11.1920, 30.11.1920) (1).

Малочисленны неполитические письма Милюкову. О попытках издания в Германии милюковской “Истории второй русской революции” писали А.И. Гучков (29.01.1920) (1) и И.В. Гессен (22.02.1920, 5.07.1920) (1). Последний также предлагал издать на немецком книгу Милюкова “Bolshevism: An International Danger”, вышедшую незадолго до того на английском языке (London, 1920). Проявлял Гессен интерес и к покупке прав на воспоминания А.И. Деникина. Н.К. Рерих (2.03.1920) (2) предлагал напечатать дневник скончавшегося Л.Н. Андреева. За содействием к Милюкову обращался редактор журнала “Русская книга” А.С. Яценко (29.11.1920) (1). В. Архипов (20.05.1920) (6) из берлинского журнала “Русь” просил поддержки, моральной и материальной. Послания Ф.А. Голдера (б/д, 1920, 10.11.1920, 20.11.1920) (1) посвящены вывозу из Финляндии библиотеки Милюкова. Отметим, что и более поздние письма Ф.А. Голдера (8.01.1921, 23.10.1921, 27.04.1926, 20.04.1927, 21.04.1927, 31.05.1928, 7.08.1928) (1) сосредоточены вокруг судьбы библиотеки Милюкова. Данные о судьбе дочери, Н.П. Милюковой, сообщил отцу С.Ф. Ольденбург (23.11.1920) (2, архивистами ошибочно принят за С.С. Ольденбурга).

Помимо эпистолярной фонд Милюкова содержит многочисленные документы эпохи Гражданской войны. Среди них подборка документов на русском, французском, английском языках о боевых действиях по всей территории России, сообщения “Азбуки”, о внутренней политике белых

правительств, копии документов иностранных дипломатов, протоколы собраний и совещаний, воззвания различных партий, организаций и учреждений и т.д. (15, 16). Отдельно собраны материалы (заявления, отзывы на доклады, резолюции, воззвания, выписки из протоколов) о деятельности кадетской партии в 1918–1920 гг. как в России, так и за границей (16). Многие отпечатанные документы имеют следы работы с ними Милюкова. Помимо кадетских в фонде присутствуют отдельные материалы Общества сочувствующих “Национальному центру”, Russian Liberation Committee, Совещания русских общественных организаций, Союза “Народоправство” и др. (16).

Повышенный интерес имеют материалы, связанные с деятельностью Милюкова. От весны 1918 г. дошли три документа. Первый – список фамилий рукой неизвестного (6) с разъяснением Милюкова: список – перечень министров, которых он должен был предложить 21 мая 1918 г. генералу П.Н. Краснову. Однако генерал от свидания уклонился и уехал в станцию Каменскую. Короткая записка рукой неизвестного (24.05.1918) (6) на имя Николая Егоровича (под этим именем скрывался Милюков) с просьбой встретиться содержит развернутый комментарий Милюкова: речь шла о составлении списка городской управы на случай, если бы социалистическая по своему составу дума Ростова-на-Дону отказалась бы подчиняться новому избирательному закону и ее пришлось бы распустить. Третий документ – проект антибольшевистской резолюции, внесенный Б.В. Савиновым в комитет при генерале М.В. Алексееве (1918) (2) с поправками Милюкова.

Милюков собирал письма и иные материалы 1918 г., в которых давалась оценка его контактам с немецким военным командованием (16). Милюков в тяжелые годы Гражданской войны и начала эмиграции остался верен своей привычке протоколировать собрания и совещания, на которых он присутствовал (1918–1920) (13). К сожалению, большинство дошедших до нас записей фрагментированы, не датированы и не имеет заголовков. То же можно сказать и о нескольких проектах постановлений (1918–1920), написанных Милюковым (13). Соотнесение упомянутых записей и черновиков с фактами биографии Милюкова – дело будущего.

В эмиграции Милюков с конца 1920 г. поселился в Париже, где и прожил до 1939 г. Первое время он активно участвовал в политических акциях, направленных одновременно на борьбу с Советской властью и на защиту интересов России, поддерживал активные контакты с видными представителями эмиграции. Среди его корреспондентов – Б.А. Бахметьев (30.03.1921, 14.04.1921, 15.04.1921) (1), писавший о политике США по отношению к большевикам, а также о влиянии Великобритании на это, о будущем России, дававшим оценку современных событий и определявшим их значение для формирования русской эмиграции, настаивавшем на необходимости объединения правых и левых политических групп и партий. Письма Бахметьева дополнялись копиями его посланий и телеграмм В.А. Маклакову (10.01.1921, 10.08.1921, 12.08.1921, 13.08.1921, 12.09.1921) (1), с которыми он просил знакомить Милюкова. Деятельность Бахметьева в США встречала серьезную критику в лице С.А. Корфа, который о своих несогласиях общал Милюкову (1920-е, вероятно, 1921, 12.04 б/г, 9.10 б/г) (1). Об упадке интереса к русским делам в США писал А. Зак (19.09.1922, 18.05.1927)

(6). Б.В. Савинков (22.08.1921) (2) информировал Милюкова об отношениях Русского политического комитета и генерала С.Н. Булак-Балаховича. В.Л. Бурцев (15.04.1921) (1) приглашал Милюкова на съезд русских национальных организаций в мае 1921 г. Однако единого антибольшевистского фронта русской эмиграции создать не удалось. О невозможности такого союза Милюков (1.05.1922) (1) написал Н.П. Савицкому, отцу известного евразийца П.Н. Савицкого.

“Новая тактика” П.Н. Милюкова привела к расколу партии кадетов. Политические идеалы и цели Милюкова претерпели существенные изменения, дав жизнь Республиканско-демократическому союзу (позже – объединению, РДО) и став основой для сотрудничества с левыми партиями и организациями. Деятельности РДО посвящена подборка печатных и рукописных материалов (постановления, резолюции и т.д.), в основном касающаяся 1920-х годов (16). Корреспонденция деятелей РДО редка: письмо Е.Х. Нилуса (15.03.1932) (6) о создании отдела в Харбине, и ряд посланий Д.И. Мейснера (13.12.1935, 19.10.1936, 22.11.1936, б/д) (1, в описи ошибочно: Мейслер) и Б.А. Евреинова (7.11.1928) (1), посвященных приездам Милюкова в Чехословакию, его выступлениям и лекциям перед членами РДО. О попытке союза группы Милюкова с эсерами писал А.Д. Марголин (23.09.1921) (6). Лидер младороссов А.Л. Казем-Бек (23.01.1933) (1) приглашал Милюкова на свои лекции, ожидая критики и обсуждения поднятых вопросов.

Милюков и его единомышленники занимались не только разоблачением политики большевиков и обсуждением вопросов будущего устройства России. РДО в союзе с “Крестьянской Россией” попыталось организовать доставку антисоветской литературы и создать ячейки на территории СССР. Эта малоизвестная деятельность Милюкова (финансирование операций, посылка эмиссаров, их отчеты, отношения с разведками пограничных государств, сворачивание проекта) получила отражение в письмах Г.М. Арнольди (б/д, 10.05.1929, 24.08.1929, 7.09.1929) (6), Б.А. Евреинова (14.03.1927, 6.11.1927, 15.06.1928, 26.09.1928, 7.11.1928, 20.03.1929, 18.04.1929, 18.05.1929, 27.05.1929, 14.09.1929, 14.06.1931, 15.07.1931, 14.12.1931) (1), а также в послании А.П. Вельмина (18.11.1931) Б.А. Евреинову (1).

Отношения Милюкова с другой политической организацией – *Всероссийским крестьянским союзом (ВКС) и его лидером, М.Е. Акацатовым (М. Антоновым)* – достаточно хорошо задокументированы, и сохранившиеся материалы, пожалуй, могут дать представление о том, что из себя представлял архив Милюкова в неразоренном виде. У историков есть серьезные сомнения, что подобная организация когда-либо существовала. Сам Акацатов предстает со страниц выявленных документов мошенником и авантюристом¹⁹. Однако Милюков видел в ВКС реальную силу с ячейками в СССР, каналами переправки туда литературы, считая Акацатова умелым руководителем и выразителем воли крестьянского населения. Подобная уверенность позволяла Милюкову финансово поддерживать ВКС.

¹⁹ Соколов М.В. Соблазн активизма: русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX века и ОГПУ СССР. М., 2011. С. 91–92.

Сохранилось 28 писем Акацатова Милюкову и отпуски шести ответных посланий (1926–1928) (6). В отдельную папку собраны различные документы, связанные с ВКС (рукописи произведений, статьи в периодической печати, документы, воззвания и т.д.) (6). Вместе с тем среди корреспонденции на имя Милюкова сохранились три письма Н.М. Полянова, одного из сторонников Акацатова (1925, у архивистов ошибка: Поляков) (6), послания близких Милюкову людей, так или иначе прикосновенных к контактам с ВКС (В.А. Харламов (б/д, 24.02.1927) (1), Л.М. Неманов (30.03.1929) (6)).

Не был чужд Милюков и *международной политике*. В фонде сохранилась внушительная по объему переписка немецкого консервативного политика и бизнесмена Вернера фон Алвенслебена (13.11.1930, 20.11.1930, 28.11.1930, 3.12.1930, 9.12.1930, 17.12.1930, 20.12.1930, 13.01.1931, 17.01.1931, 2.02.1931, 11.02.1931, 13.03.1931, 24.03.1931, 23.04.1931, 27.04.1931) (1) и Милюкова (отпуски 20.11.1930, 30.11.1930, 5.12.1930, 17.12.1930, 15.01.1931, 30.01.1931, 7.02.1931, 14.04.1931, 25.04.1931) (1). Основная тема – угроза большевизации Европы. Большой интерес представляет рукопись Милюкова без заглавия (1930) (12), посвященная его поездке в Берлин. 29 октября 1930 г. состоялась его встреча с Альвенслебеном, говорившим от имени министра рейхсвера В. Грёнера и статс-секретаря министерства рейхсвера К. фон Шлейхера. Помянутые лица выступали за изменение внешней политики Германии и сворачивание курса министра иностранных дел Ю. Курциуса, предполагая сблизиться с Францией, для чего сговориться с французскими военными (прежде всего, начальником Генерального штаба М. Вейгандом, человеком правых убеждений). Милюков выступил в роли посредника, сообщив 1 декабря на аудиенции о своей переписке и встрече министру авиации П. Пенлеве, приветствовавшему подобное развитие событий, увы, оставшееся лишь в планах.

Документов об общественной деятельности Милюкова в эмиграции в фонде отложилось немного. В основном, они касаются *Союза русских литераторов и журналистов в Париже*. Секретарь Союза, М.П. Миронов (7.05.1929) (6), писал председателю Милюкову о ненормальном ходе работы клуба Союза. Два послания преемника Милюкова на посту председателя В.Ф. Зеелера (14.05.1936, 4.02.1937) (2), а также отпуск Милюкова (1937) (2), посвящены третьей стороне между Л.Д. Любимовым и Милюковым.

Наибольшую известность Милюкову в эмиграции принесло *редактирование ежедневной газеты “Последние новости”* (1921–1940). В его фонде сохранились небольшое количество присланных статей, прозаических и стихотворных произведений (1920–1930-е годы), не помещенных в газете (14), а также прошений о помощи. К числу последних принадлежит письмо человека, проживавшего в Крыму и называвшего себя наследником, великим князем Алексеем Романовым (б/д) (6), и просившего Милюкова помочь найти сестру, великую княжну Ольгу.

С предложениями сотрудничества в “Последних новостях” к Милюкову обращались публицисты и писатели, известные – К.Д. Бальмонт (29.12.1922) (1), Л.Г. Мунштейн (Лоло) (18.07.1934) (1), С.В. Штейн (11.10.1935) (2) и не очень – А.Д. Павловский (1930-е) (6), Н. Андреев (псевдоним) (1928) (6) и др. Редакционным делам посвящено послание И.П. Демидова (1.07.1930, 3.08.1932) (1), а также письмо Е.Д. Кускова (17.09 б/г)

И.П. Демидову (1). Конфликт И.А. Бунина с “Последними новостями” отражен в письме И.И. Фондаминского (20.03.1933) (1). Публикации газеты, задевшие И.И. Колышко, обвиненного в связях с немцами во время Первой мировой войны, вызвали к жизни его письмо с требованием помещения опровержения (И.И. Колышко (1.08.1932) (6), И.П. Демидов (3.08.1932) (1)). В справке юриста А.Ф. Ступницкого “К письму г-на Колышко”, приложенного к письму Демидова (1) содержались аргументы “за” и “против” напечатания опровержения. Милюков собирал и хранил отчеты акционерного общества “Русское издательское дело в Париже”, владевшего газетой. В фонде отложились отчеты за 1926, 1927, 1935, 1936, 1937 гг., а также различного рода сметы, копии договоров (15).

Удалось обнаружить два письма, связанных с другими периодическими изданиями: журналом “Современные записки”, где Милюков выступал в качестве автора (И.Н. Коварский (19.06.1930) (1)), и журналом “Русские записки”, который он редактировал (о статье, посвященной Льву Шестову писал Н.О. Лосский (5.01.1939) (1)). Для какого издания прислал Милюкову статью Б.В. Савинков (б/д) (2) установить не удалось.

Небольшая часть переписки освещает *научную деятельность Милюкова в эмиграции*. С.Г. Сватиков (3.09.1928) (2) сообщал о выборе Милюкова депутатом на съезд русских академических групп. Письма В.В. Саханева (12.02.1937, 10.03.1937) (6) посвящены планам активизации Русского исторического общества в Праге и изданию нового альманаха. О делах Русского заграничного исторического архива (в том числе и о самом важном приобретении, собрании А.И. Герцена) информировали А.Ф. Изюмов (23.02.1929) (1) и дирекция архива (24.09.1935, 7.12.1936, 14.12.1936, 21.12.1936, 26.01.1937) (6). Вопросам, связанным с собранием А.И. Герцена, посвящено письмо одного его внука, В.А. Герцена (7.12.1936) (6). К Милюкову с просьбой поделиться воспоминаниями о социологе Я.А. Новикове обращался Д. Сапоснеков (10.06.1928) (6), готовивший о нем диссертацию в Колумбийском университете. О предполагаемой публикации милюковской “Истории второй русской революции” в Софии писала А.В. Жекулина (29.07.1921) (6). Слабо отражено участие Милюкова в реализации одного из внушительных проектов международной научной кооперации, “Энциклопедии общественных наук”: в фонде сохранился отпуск одного письма Милюкова Э.Р.А. Селигману (31.12.1929) (12) и черновики ряда заметок.

Организации лекций Милюкова в Великобритании посвящены послания С.А. Коновалова (9.02.1928, 30.10.1928) (1). Благодаря содействию Милюкова, написавшего рекомендательное письмо Б. Пэрсу, Коновалов получил работу в Оксфордском университете (неизвестный (12.11.1929) (6)).

Материалы фонда позволяют осветить ход составления первой более менее полной библиографии трудов Милюкова, выполненной Б.А. Евреиновым и напечатанной в сборнике, посвященном юбилею Милюкова²⁰. Оставшийся не у дел после прекращения заброски эмигрантов в СССР (см. выше), Евреинов лихорадочно искал применения своим силам: он пред-

²⁰ Евреинов Б.А. Библиография печатных трудов Павла Николаевича Милюкова (1886–1930) // П.Н.Милюков: Сб. материалов по чествованию его семидесятилетия / под ред. С.А. Смирнова, Н.Д. Авксентьева, М.А. Алданова, И.П. Демидова, Г.Б. Слизберга, А.Ф. Ступницкого. Париж, [1930]. С. 313–351.

ложил Милюкову заняться сбором материалов для его научной биографии (18.05.1929, 27.05.1929, 14.09.1929, 14.06.1931, 15.07.1931) (1), письмо Милюкова (10.06.1929) (1)). К сожалению, проект не был реализован.

Положению эмигрантов из России посвящено несколько писем, отложившихся в фонде Милюкова. О ситуации в Германии писал Б.И. Элькин (21.11.1926, 28.05.1928) (1), в Алжире – А.О. Бронштейн (15.11.1935) (6), в Болгарии – В.А. Мякотин (29.02.1932) (1), в Польше – Б.А. Евреинов (14.03.1927) (1). Отдельным видным эмигрантам (Винаверы, Петрункевичи, Коростовец) посвящены послания Р.Г. Винавер (11.07.1921, 12.07.1921) (2), В.К. Коростовца (1930, 5.11.1930, 26.11.1930, 8.12.1930) (6).

Завершая обзор корреспонденции Милюкова периода эмиграции, отметим, что в его фонде содержится масса кратких писем примечательных деятелей, носящих деловой характер: назначение встреч (Ч. Крейн (3.07 б/г, 1.08.1923, 29.07 б/г) (1), М.И. Ганфман (24.03.1922) (1), А.С. Изгоев (16.04.1930) (1), Т.Г. Масарик (18.10.1923) (1)), посылка книг (А.Д. Марголин (10.06.1928) (6)), сообщение о помощи разным лицам (М.С. Аджемов (11.04.1931) (1)), благодарность за присылку трудов Милюкова (Т.Г. Масарик (25.03.1937) (1), Э. Рут (18.07.1922) А. Заку (2)) и др.

Документы и письма Милюкову, имеющие бытовой и семейный характер, весьма разнообразны. Среди них материалы по арендованным квартирам (1930-е) (16), договор между П.Г. Масловым и Милюковым (1928) (13) на строительство дачи последнего, медицинские анализы Милюкова (16). О состоянии банковских счетов Милюкова в Великобритании сообщил А.Б. Элькин (13.11.1936) (6). Письма С.С. Ольденбурга (1.01.1921, 1.06.1921) (2) А.С. Милюковой содержат детали жизни Н.П. Милюковой в России.

В фонде отложилась небольшая подборка документов А.С. Милюковой периода эмиграции (читательские билеты, беженские книжки, справки, удостоверения и т.д.) (16)), а также письма, обращенные к ней. В Великобритании Милюкова находилась в 1919–1921 гг., перебравшись к мужу в Париж весной 1921 г. (П.Н. Милюков (25.03.1921, 1.04.1921) А.С. Милюковой (1)). В течение 1920–1921 гг. она была президентом комитета помощи русским детям. О делах комитета ей писали С. Брук (17.05.1921) (6), М. Кульчицкая (12.04.1927, 16.06.1927, 28.07.1927, 2.08.1927, б/д) (6). От лица комитета Милюкова обратилась к А.И. Куприну с предложением написать призыв помочь русским детям в эмиграции, который согласился перевести на английский язык Р. Киплинг. Куприн отказался (5.02.1921) (1), предложил обратиться к А.Н. Толстому, Саше Черному или А.А. Яблоновскому.

Рукописей П.Н. Милюкова (автографов и авторизованных машинописных копий) эпохи эмиграции на русском, французском, немецком и английском языках сохранилось в фонде внушительное количество (12, 13). Незнученность его биографии и отсутствие надежных и исчерпывающих библиографических указателей трудов за 1918–1943 гг. не позволяет с полной уверенностью ответить на вопрос, что из написанного им было опубликовано, а что нет.

Тематически рукописи могут быть разделены на несколько групп:

а) история России до 1917 г.: “Арийский вопрос и происхождение славянства” (1936) (13), “Восточные славяне и их соседи” (б/д) (12), записка о русско-польских отношениях (1921) (13), “Петр и его реформа” (1925) (13),

влияние французской революции на Россию в конце XVIII в. (1936) (13), “Н.И. Тургенев в Лондоне” (б/д) (12), конспект о революционном движении (б/д) (12);

б) революции 1917 г. и Гражданская война: “Десятилетие русской революции” (1927) (12), краткие очерки, посвященные событиям марта – октября 1917 г. (б/д) (12), конспект лекции о “белом движении” (1924) (13), часть рукописи книги “Россия на переломе” (1920-е) (12);

г) история Советской России: “Голод 1921–1922” (б/д) (12), “Внешняя политика Советской власти” (1923) (13), речь Милюкова в Civic Forum (1921) (13), “Russia to-day” (1933) (12, 13), статья об экономической политике Советов (1930-е) (13);

д) эмиграция: “Современная Россия и эмиграция” (1923) (13), “Russian literature outside and inside Russia” (1920-е) (13), “Russian and French emigrants” (1927) (13);

е) славянский вопрос и Т.Г. Масарик: “Возрождение чешской национальности” (1924) (13), “Славянский вопрос после войны” (1920-е) (12), “Thomas Garrigue Masaryk” (б/д) (12), “Масарик – историк русской интеллигенции” (б/д) (12), “Чему меня научил Масарик?” (б/д) (12);

ж) внешняя политика и международные отношения: “Безопасность и разоружение” (1920-е) (13), заметка о графе Л. фон Берхтольде (1931) (13), “Международные отношения в 1935 г.” (1935) (13), доклад о международных отношениях (1936) (13), “Византийская традиция” (б/д) (13);

з) философия истории: “Социологические основы русского исторического процесса” (1920-е) (12), “Русский национализм и европеизм в историческом освещении” (б/д) (12), “The past in the present of the Russian history” (б/д) (12), “Три постановки национального вопроса” (1920-е) (12), «Спор о “путях России”» (б/д) (13), “Eurasianism and Europeanism in Russian Culture” (1930) (12), тезисы доклада о евразийстве (1927).

Несколько неожиданными по тематике выглядят рукописи Милюкова “Биологическая основа изменчивости” (б/д) (12), “Наследуются ли приобретенные свойства?” (б/д) (12), а также запись лекций Милюкова по предмету “Ораторское искусство” (1926) (13).

Особняком стоят рукописи крупных работ Милюкова. Прежде всего,opus magnum – “*Очерки по истории русской культуры*” – юбилейное издание которых Милюков начал готовить после празднования своего 70-летия. В 1930–1937 гг. из печати вышло три тома “Очерков”. Над второй и третьей частью первого тома Милюков работал на склоне лет. В его фонде отложились авторизированная машинопись второй части первого тома с правкой и вставками Милюкова (11). Сохранились черновики и отдельные фрагменты текста, выписки из трудов других ученых, сделанные Милюковым в ходе работы над “Очерками”, вычерченные им карты на кальке (11). Помимо этого в ящике 11 находятся два варианта машинописи второй части первого тома, подготовленные для издания под редакцией Н.Е. Андреева. К первому варианту приложены карты и схемы, вычерченные Милюковым, наряду со списком карт и схем, составленным им. В ящике 12 сохранился небольшой отрывок автографа Милюкова из первой части первого тома “Очерков”, посвященный колонизации славян.

Второй труд – “*Мои воспоминания*” П.Н. Милюкова, автограф которых занимает ящики 7 и 8. Он писан черными и синими чернилами, вставки и

поправки выполнены карандашом и синими чернилами. Текст манускрипта разделен архивистами на 8 папок, и состоит из оглавления, 582 нумерованных и 22 литерных листов. Сам Милюков датировал начало работ над мемуарами сентябрем 1940 г. Почти весь 1941 – начало 1942 г. были заняты у Милюкова созданием монографии “From Nicholas II to Stalin: Half a Century of Foreign Politics”, заказанной ему Фондом Карнеги за международный мир. С марта 1942 г. Милюков возобновил писание воспоминаний, последние записи куда он внес, если доверять пометке его жены А.(Н.).В. Милюковой, утром 31 марта 1943 г., в день смерти.

В ящике 8 находится неполная машинопись воспоминаний Милюкова, выполненная для печатания его труда “Издательством им. Чехова”. Редакторы М.М. Карпович и Б.И. Элькин провели значительную работу, исправляя ошибки и опiski Милюкова, сглаживая языковые шероховатости. Желая “обеспечить издание воспоминаний П.Н. Милюкова в достойном его памяти виде”²¹, редакторы опустили в опубликованной версии два откровенных интимных эпизода периода юности (2 страницы), сцену с Н.К. Рерихом, в которой художник предавал в карикатурном виде (1 страница), и окончании воспоминаний (29 страниц), в которых речь шла о событиях начала июля – середины сентября 1917 г. Заявив, что указанный отрывок лишь черновой набросок, который должен был бы со временем быть обработан Милюковым для печати²², редакторы лукавили: текст носит законченный характер. Причины непомещения рассказа Милюкова о ситуации в России между восстанием большевиков и созывом Демократического совещания крылись в политике: Милюков дал настолько нелюбезную характеристику А.Ф. Керенского, что редакторы посчитали за лучшее не раздражать премьер-министра России в отставке.

Девятый ящик содержит в себе *дневники и записные книжки П.Н. Милюкова* за 1918–1933 гг. (с перерывами) в количестве тридцати четырех. Наиболее ценные и объемные дневники за 1918–1921 гг. занимают 15 разноформатных книг. Хронологически они охватывают в 1918 г. май–июль, август–декабрь, за 1919 г. более менее связное подневное изложение есть за январь–апрель, май–июнь, июль–октябрь, декабрь, за 1920 г. записи есть за январь–февраль, апрель, май, декабрь, в 1921 г. Милюков отмечал события в дневнике лишь в январе–феврале. По тексту дневников рассеяны признания самого Милюкова, по ряду причин не фиксировавшего происходящее. Представление о содержании восьми книжек дает публикация 2005 г., правда, с включением записей за 14–23 декабря 1920 г. и за 18 января – 9 февраля 1921 г., отсутствующих в сохранившихся дневниках (см. ниже). Остальные семь книжек кратко описаны²³.

К дневникам этого периода примыкают книжка вырезок, освещающая деятельность Милюкова в Великобритании, книжка с выписками из большевистских изданий, сделанных Милюковым в Британском музее, книжка вырезок из французских газет за 1919 г. о положении в России, ежедневник

²¹ Карпович М.М., Элькин Б.И. От редакторов // Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917) / под ред. М.М. Карповича и Б.И. Элькина. Нью-Йорк, 1955. Т. I. С. 6.

²² Там же.

²³ См.: Трибунский П.А. Дневник П.Н. Милюкова: наблюдения над публикаторской практикой в современной России // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2008. Vol. 1. P. 204–205.

Милюкова на 1919 г. с пометами о датах встреч, докладов и т.д. (9). Отметим, что к дневникам Милюкова за 1918–1921 гг., на мой взгляд, имеют определенное отношение записи на отдельных листах: доклад полковника Владимирова 31 марта 1920 г. о Северо-Западе; рассказ Д.Д. Гарднера об организации Общества помощи южной России в декабре 1919 г.; запись о втором заседании Верховного экономического совета 26 июня 1920 г. с участием русской торговой делегации (16).

Восемь записных книжек (1921–1922) содержат записи лекций Милюкова “The Russian Catastrophe”, прочитанных во время его визита в США. Содержание оставшихся семи книжек следующее: 1) с записями за 1924 и 1926 гг. (доклады: Л.А. Кроля о Дальнем Востоке, Е.Д. Кусковой о СССР и эмиграции, прения по ним в клубе РДО); 2) с записями за 1928 и 1933 гг. (речь Милюкова в заседании Лиги мира, его доклад в Королевском институте иностранных дел); 3) заметки (б/д) о внешней политике СССР; 4) с записями 1924 и 1925 гг. (доклад: Л.М. Неманова о пребывании в УССР, И.И. Серебренникова о национальном вопросе и правах меньшинств, А.А. Аргунова о политических группах в эмиграции, собрание в русском посольстве по вопросу о признании Францией СССР, конспекты трудов В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого); 5) книга записи дел на 1922 г.; 6) запись диспута Б. Пэрса и У. Галлахера (б/д); 7) с записями за 1924 г. (беседы с Т.Г. Масариком и Э. Бенешем об эмигрантах в Чехословакии, запись прений по докладу Милюкова о национальном вопросе, доклад С.С. Маслова по тому же вопросу).

В ящике 10 содержится машинописная версия дневника Милюкова, выполненная и правленая А.П. Вельминым (см. выше). В машинописи 826 нумерованных и 46 нумерованных и литерных листов. Качество расшифровки Вельминым дневников весьма впечатляет. Именно она легла в основу издания отрывков из дневника Милюкова в “Новом журнале” (см. ниже). Машинопись указанной публикации с редакторской правкой Р.Б. Гуля также находится в ящике 10.

В фонде Милюкова отложилось несколько десятков *рукописей разных лиц* (публицистические статьи, художественные и мемуарные произведения) (2, 14). Наибольший интерес представляют воспоминания, каковых насчитывается шесть. Мемуары [Н.?] Тандефельта, имевшего отношения к министерству путей сообщения (“На шести фронтах против большевиков. Отрывки из личных воспоминаний. Очерк первый”, (14)), охватывают период с марта по ноябрь 1917 г. Событиям, связанным с большевистским переворотом и последующей борьбой за власть, посвящены воспоминания командира XVII армейского корпуса генерал-лейтенанта Н.Н. Шиллинга (“XVII армейский корпус перед выступлением большевиков и в дни большевистского переворота”, (14)) и комиссара VIII армии К. Ведзягольского (“Пребывание в Гатчине 28, 29, 30 и 31 октября 1917 г. и последующие попытки борьбы с большевиками до 16–18 ноября т/г”, (14)). Ситуация на Украине в сентябре – ноябре 1918 г. описана В.К. Коростовцом (“Моя командировка из Киева в Яссы в 1918 году”, (14)). Трагическая жизнь родственников в Советской России – предмет мемуаров К. Морозова (“Русская печаль (из дорожного дневника)”, (14)). О том, как вышеперечисленные работы попали к Милюкову можно строить более менее уверенные догадки. Лишь труд Коростовца, по-видимому, был лично прислан

автором Милюкову, которого тот знал еще с 1918 г. Определенно можно говорить лишь о записках Ф.И. Родичева (“Воспоминания Ф.И. Родичева. 1917 год. Революция и поездка в Финляндию”, (1)), которые по просьбе его дочери, А.Ф. Родичевой, через посредство В.А. Маклакова (11.10.1934) (1) были пересланы Милюкову. Похожее на воспоминание пространное письмо В.К. Дебогория-Мокриевича (10.12.1922) (1) повествует о том, как он выбрался из Советской России. Из всех мемуарных произведений, оказавшихся в распоряжении Милюкова, опубликованы лишь записки Ф.И. Родичева²⁴.

Третья группа документов не может быть названа собственно милюковской (17, 18). Она сформировалась в ходе деятельности юриста Б.И. Элькина. В завещании Милюкова были указаны четыре душеприказчика (А.П. Шполянский, Н.К. Волков, А.Ф. Ступницкий, Б.И. Элькин), из которых лишь последний взялся за исполнение воли покойного²⁵. В течение 1945–1952 гг. он занимался улаживанием прежде всего финансовых споров между второй женой, А.(Н.).В. Милюковой, и сыном Милюкова от первого брака, Н.П. Милюковым. Платежи в пользу наследников Милюкова до 1969 г. организовывались Элькиным. В 1972 г. его не стало.

Помимо материальных вопросов Элькин занялся спасением творческого наследия П.Н. Милюкова. Именно благодаря настойчивости душеприказчика до нас дошли рукописи мемуаров Милюкова и второй части первого тома “Очерков по истории русской культуры”. При его непосредственном участии указанные труды Милюкова были подготовлены к печати, осуществлен поиск издателей, организованы рецензии на вышедшие книги.

В материалах по наследству содержится уникальная биографическая информация о второй жене Милюкова, А.(Н.).В. Милюковой, Н.П. Милюкове и его семье. Определенную ценность представляют письма А.(Н.).В. Милюковой Элькину и другим лицам, вовлеченным в наследственный процесс, в которых рассыпаны сведения о последних годах жизни П.Н. Милюкова. Документы, хранящиеся в указанных ящиках, позволяют восстановить состав архива, оставшегося после кончины Милюкова, историю посмертного бытования его рукописей и усилия по их изданию.

Закончить обзор хотелось бы рассмотрением ситуации, сложившейся в научном мире с изучением и публикацией материалов фонда П.Н. Милюкова в Бахметьевском архиве. Зарубежные историки уже с 1960-х годов начали использовать документы милюковской коллекции, изучая преимущественно дневники фондообразователя эпохи Гражданской войны (см. работы Д.М. Томпсона, Д. Бринкли и др.). В 1980–1990-е годы иностранные ученые стали проявлять интерес и к материалам, освещающим биографию Милюкова (М.К. Стокдейл, Т.М. Бон и др.). Отечественные историки получили доступ к милюковскому собранию лишь в 1990-е годы. Однако говорить об активном использовании документов фонда не приходится.

²⁴ См. перечень публикаций: Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Т. 1. С. 54. См. также: *Rodichev F.I. Vospominaniia i ocherki o russkom liberalizme* / Ed., annotated, and introduced by K.E. McKenzie. Newtonville, 1983. P. 96–116.

²⁵ См.: *Трибунский П.А.* Б.И. Элькин – душеприказчик П.Н. Милюкова // Университетский историк: Альманах. СПб., 2010. Вып. 7. С. 456–457.

Научное сообщество не может похвастаться и изданиями источников из милюковской коллекции.

Основная публикация – воспоминания П.Н. Милюкова, подготовленная к печати под редакцией М.М. Карповича и Б.И. Элькина (1955 г.)²⁶. Позже последовал ряд переизданий мемуаров, в том числе перевод на английский язык²⁷. Вторая часть первого тома “Очерков по истории русской культуры” смогла выйти благодаря настойчивости душеприказчика Милюкова, Б.И. Элькина, и редакторским усилиям Н.Е. Андреева²⁸. Из всех рукописей, сохранившихся в фонде, опубликована одна – “Социологические основы русского исторического процесса” – на немецком и русском языках²⁹. В 1961–1962 гг. отрывки из дневников Милюкова за 1918 и 1920 гг. были опубликованы “Новым журналом”³⁰. В 2005 г. дневники Милюкова за 1918–1921 гг. были изданы издательством “РОССПЭН”³¹. Несмотря на заверения публикаторов, в основу издания положен не автограф дневника Милюкова из Бахметьевского архива, а расшифровка дневников, выполненная в 1939 г. Н.Н. Кноррингом и дополненная рядом сопутствующих документов эпохи³². Из материалов, связанных с завещанием Милюкова, напечатана лишь посмертная опись рукописей историка³³.

Публикации корреспонденции Милюкова также немногочисленны. Еще в 1921 г. была издана часть переписки Милюкова и М.В. Алексева из архива наследников последнего³⁴. Письма Алексева публиковались,

²⁶ *Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917)* / под ред. М.М. Карповича и Б.И. Элькина. Нью-Йорк, 1955. Т. I–II.

²⁷ *Милюков П.Н. Воспоминания государственного деятеля*. Нью-Йорк, 1982; *Он же. Воспоминания (1859–1917)* [В 2 т.] / [сост. и авт. вступ. ст. М.Г. Вандалковская; коммент. А.Н. Шаханова]. М., 1990. Т. 1–2 (Сер. мемуаров “Память”); *Он же. Воспоминания* / [предисл. Н.Г. Думова]. М., 1991; *Он же. Воспоминания* / авт. вступ. ст. Н.Г. Думова. М., 2001 (Мой 20 век); *Он же. Political Memoirs 1905–1917* / Ed. by A.P. Mendel; Transl. by C. Goldberg. Ann Arbor, 1967. См. также публикации отрывков из воспоминаний: *Милюков П.Н. Студенческие воспоминания* // Новый журнал. 1955. Кн. 42. С. 188–204; *Он же. Лидер кадетов о Николае II* / публ. подг. В.В. Корнев // Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 108–110.

²⁸ *Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры* / Посмертн. изд. под ред. Н.Е. Андреева. The Hague, 1964. Т. 1: Земля. Население. Экономика. Сословия. Государство, ч. 2: От преистории к истории.

²⁹ “Soziologische Grundlagen des russischen historischen Prozesses” – ein unveröffentlichtes Manuskript Pavel N. Miljukovs aus der Pariser Emigration / Eingeleitet und kommentiert v. T.M. Bohn // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1996. № 2. S. 247–266; Неопубликованная рукопись П.Н. Милюкова периода парижской эмиграции / публ., вступит. ст. и коммент. Т.М. Бона, Е.Е. Милицких // Отечественная история. 2008. № 1. С. 156–167.

³⁰ Дневник П.Н. Милюкова: (Переговоры с немцами в 1918 году) // Новый журнал. 1961. Кн. 66. С. 173–203; Дневник П.Н. Милюкова: (Милюков и Белая армия) // Там же. 1962. Кн. 67. С. 180–218.

³¹ Дневник П.Н. Милюкова: 1918–1921 / [сост., коммент. Н.И. Канищевой; подгот. К.Г. Ляшенко]. М., 2004. (Обл. 2005).

³² См.: *Трибунский П.А. Дневник П.Н. Милюкова: наблюдения над публикаторской практикой в современной России* // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2008. Vol. 1. P. 189–220.

³³ Посмертная опись рукописей П.Н. Милюкова / подгот. к печати, предисл. и коммент. П.А. Трибунского // Ежегодник Дома Русского Зарубежья / отв. ред. Н.Ф. Гриценко. М., 2010. С. 225–230.

³⁴ Странички недавнего: (Из переписки П.Н. Милюкова с М.В. Алексеевым) // Новое время. 1921. 27 апреля, 10 мая, 2, 10, 26 июня.

судя по всему, по отпускам. По материалам того же собрания была подготовлена другая публикация писем Алексеева³⁵. Два послания А.С. Лаппо-Данилевского Милюкову 1900 г. были напечатаны в составе подборки писем двух историков³⁶.

Обзор материалов, смею думать, убедил читателей в ценности фонда П.Н. Милюкова, находящегося на хранении в Бахметьевском архиве. Хочется верить, что не за горами тщательное и интенсивное изучение милюковской коллекции, сопровождаемое публикацией наиболее ценных документов.

³⁵ Дневники, записи, письма ген. Алексеева и воспоминания об отце В.М. Алексеевой-Борель // Грани. 1982. № 125. С. 273–290.

³⁶ Переписка А.С. Лаппо-Данилевского и П.Н. Милюкова / подгот. к печати, предисл. и коммент. П.А. Трибунского // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2010. Vol. 3. P. 157–159.

П.А. Трибунский

ОБЗОР ЛИЧНОГО ФОНДА П.Н. МИЛЮКОВА В ГУВЕРОВСКОМ ИНСТИТУТЕ ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ И МИРА¹

Среди многочисленных личных фондов П.Н. Милюкова гуверовское собрание выглядит весьма скромно – один переплетенный том, машинописный экземпляр его сочинения “From Nicholas II to Stalin: Half a Century of Foreign Politics”. Краткие сведения о составе фонда присутствуют практически во всех обзорах “Россики” в США². Что не мешает российским исследователям приписывать указанному фонду несвойственное ему содержание³. Настоящий обзор ставит целью рассмотрение истории создания последнего исследования Милюкова, бытование сочинения после смерти автора, попытки его опубликования, и обстоятельства, приведшие к тому, что милюковский труд оказался в американском архиве.

После оккупации германскими войсками Франции П.Н. Милюков с супругой Антониной (Ниной) Васильевной оказался на территории вишистского государства, проживая поочередно в городах Монпелье (август 1940 – апрель 1941) и Эск-ле-Бен (апрель 1941 – март 1943). Ликвидация газеты “Последние новости” привела Милюкова к вынужденному бездействию, которое он решил заполнить писанием научных работ и воспоминаний. Оптимизм и бодрость духа, которые отмечали общавшиеся и переписавшиеся с Милюковым люди⁴, не корреспондировали с изменившимися бытовыми условиями и истощением материальных средств, поступление которых со счетов в Великобритании и оккупированной части Франции стало невоз-

¹ Считаю своим приятным долгом выразить благодарность Фонду Д.У. Фулбрайта, в рамках “Программы академических обменов для ученых и деятелей искусств” (2004–2005) которого были собраны материалы для настоящего обзора.

² *Palm C.G., Reed D.* Guide to the Hoover Institution Archives. Stanford, 1980. P. 156 (Hoover Bibliographical Series; № 59); *Grant S.A., Brown J.H.* The Russian Empire and Soviet Union: A Guide to Manuscripts and Archival Materials in the United States. Boston, 1981. P. 72; Guide to the Collections in the Hoover Institution Archives relating to Imperial Russia, the Russian Revolutions and Civil War, and the First Emigration / Comp. by C.A. Leadenham. Stanford, 1986. P. 28 (Hoover Press Bibliographical Series; № 68) и др.

³ Ср.: “Материалы личного фонда П.Н. Милюкова (1859–1943) дают представление о его многочисленных посещениях Америки” (*Петров Е.В.* Обзорение фондов русских историков-эмигрантов в архивах США // Проблемы славяноведения: Сб. науч. ст. и материалов / редкол.: С.И. Михальченко (отв. ред.) и др. Брянск, 2000. Вып. 2. С. 155; *Он же.* Фонды “русско-американских историков” в архивах США // Зарубежная архивная Россия: Итоги и перспективы выявления и возвращения: Мат-лы международной науч.-практ. конф., 16–17 ноября 2000 г. Москва / отв. сост. Е.Э. Новикова; главн. ред. В.П. Козлов. М., 2001. С. 43).

⁴ См., например: После Парижа: письма в Англию (из архива Б.И. Элькина) / вступ. ст., публ. и примеч. О.Р. Демидовой // *Russian studies = Études russes = Russische Forschungen.* [СПб.], 2000. Т. III, № 4. С. 193, 199.

возможным. Друзья и коллеги Милюкова предпринимали многочисленные попытки обеспечить получение им продовольственных посылок и денег.

Одно из таких усилий вызвало к жизни исследовательский проект, результат которого сейчас находится в Гуверовском институте войны, революции и мира. Инициатором этой кампании помощи Милюкову выступила проживавшая в Швейцарии Е.Д. Кускова, которая в письме от 26 октября 1940 г. Б.И. Элькину, другу и соратнику Милюкова, просила сделать все возможное, дабы раздобыть для П.Н. деньги. Находившийся в Великобритании Элькин мог лишь переадресовать просьбу в США своему давнему коллеге, юристу А.А. Гольденвейзеру, который, в свою очередь, обратился к работавшей в Толстовском фонде графине С.В. Паниной. Помимо личного участия в поддержке Милюкова Панина обратилась за помощью к бывшему послу России в США, профессору Колумбийского университета Б.А. Бахметьеву (Бахметеву). Последний в письме от 12 марта 1941 г. обратился к президенту Фонда Карнеги за международный мир Н.М. Батлеру с просьбой финансово помочь Милюкову. Напрямую (возможно, по совету Е.Д. Кусковой) и сам Милюков написал Батлеру с просьбой поддержать его научные занятия по русской истории⁵.

В целом одобряя идею поддержки Милюкова, Батлер в ответном письме указал, что персональная выплата выходит за рамки полномочий фонда. Только в случае выполнения Милюковым какого-нибудь исследования в рамках общей политики фонда денежные средства могли бы быть уплачены. Батлер отложил поиск вариантов использования Милюкова в качестве автора до возвращения из Южной Америки М.У. Дэвиса, курировавшего европейские проекты фонда. В меморандуме от 20 мая 1941 г. Дэвис предположил, что Милюков мог бы подготовить доклад на тему “Элементы преемственности во внешней политике России”, хронологически охватывающий период от Первой мировой войны до 1941 г., с гонораром в 600 долларов. Уже на следующий день предложение с уменьшенной до 500 долларов суммой гонорара было отправлено Милюкову, который в письме от 18 июня согласился с условиями гранта⁶. Через четыре дня Германия напала на СССР и тема исследования стала весьма актуальной.

В последовавшем обмене письмами между Милюковым и заместителем директора фонда Г.С. Хаскеллем были выяснены основные вопросы: а) гонорар (делился на три равные части, первая из которых переводилась

⁵ Б.И. Элькин – А.А. Гольденвейзеру, 12 ноября 1940 г. // А.А. Goldenweiser papers. BA. Box 36; В.А. Bakhmeteff – S.W. Panina, March 28, 1941 // В.А. Bakhmeteff papers. Ibid. Box 9; А.А. Гольденвейзер – Б.И. Элькину, 10 января 1941 г. // NBL. В. Elkin papers (Ms. Russian). D. 11. L. 22 r; N.M. Butler – В.А. Bakhmeteff, March 20, 1941 // RBML. Carnegie Endowment for International Peace Records (далее – CEIP Records). Box 90. № 89518; P.N. Miliukov – N.M. Butler, March 1941 // Ibid. № 89516; П.Н. Милюков – Б.И. Элькину, 11 мая 1941 г. // ЛА; Письма П.Н. Милюкова / [Публ. и коммент. М. Раева] // Новый журнал. [Нью-Йорк], 1997. № 209. С. 143.

⁶ N.M. Butler – В.А. Bakhmeteff, March 20, 27, 1941 // RBML CEIP Records. Box 90. № 89518, 89519; В.А. Bakhmeteff – N.M. Butler, March 25, 1941 // Ibid. № 89520; N.M. Butler – P.N. Miliukov, March 28, 1941 // Ibid. № 89514; P.N. Miliukov – N.M. Butler, May 4, 1941 // Ibid. № 89524; Davis M.W. Memorandum to President Butler, May 20, 1941 // Ibid. № 89517; H.S. Haskell – P.N. Miliukov, May 21, 1941 // Ibid. № 89521; P.N. Miliukov – H.S. Haskell, June 18, 1941 // Ibid. № 89526; В.А. Bakhmeteff – S.W. Panina, March 28, 1941 // В.А. Bakhmeteff papers. BA. Box 9.

через банк немедленно, вторая – 1 октября, последняя – по получению рукописи), б) срок представления работы – 15 ноября 1941 г., в) форма представления труда – машинопись, г) примерный объем книги, по подсчетам Милюкова, 200 страниц, д) невозможность для фонда помочь в получении визы историку, предполагавшему перебраться в Швейцарию для работы по проекту. Фонд оставлял на усмотрение Милюкова, включать или нет в сочинение события, связанные с нападением Германии на СССР. Учитывая сложность сношений с Европой, Хаскелль от лица фонда продлил крайний срок представления рукописи до конца декабря 1941 г.⁷

Согласившись с условиями гранта, Милюков, конечно же, отдавал себе отчет в тех сложностях, что его подстерегали: отсутствие специальной литературы в провинциальном французском городке, необходимость представить рукопись, отпечатанную на машинке и переведенную на английский язык. С просьбой помочь с присылкой книг, потребных для работы (в том числе написанной им истории советской внешней политики⁸), он обращался к своим друзьям и знакомым. Известны его письма к Б.И. Элькину, С.В. Познеру, Я.Б. Полонскому. Ряд книг был заказан Милюковым через книжные магазины. В августе – сентябре 1941 г., испытывая книжный голод, Милюков даже планировал перебраться или в Аннемас, город на границе со Швейцарией, откуда предполагал получить разрешение на кратковременные посещения библиотек Женевы, или в Гренобль, где имелись две недурных библиотеки – университетская и муниципальная⁹. По ряду причин Милюков остался в Эск-ле-Бен.

Материалы переписки Милюкова позволяют приблизительно восстановить темп его работ. К началу августа 1941 г. была готова первая глава. К концу месяца – вторая. Третья глава оказалась законченной к 20-м числам сентября. Четвертая и пятая главы были завершены к концу октября. В январе (феврале?) 1942 г. была написана шестая глава, в марте (апреле?) – седьмая. К середине мая было окончательно отделано заключение¹⁰. Милюков изучал английский язык в начале XX в., но предпочел написать свое исследование от руки на русском языке, предоставив перевод профессионалам. Полученные от фонда денежные средства позволили Милюкову нанять в качестве машинистки Н.А. Полякову, дочь секретаря редакции “Последних новостей” А.А. Полякова. Когда в декабре 1941 г. Поляковы приняли реше-

⁷ H.S. Haskell – P.N. Miliukov, July 18, August 4, September 16, October 13, 1941 // RBML. CEIP Records. Box 90. № 89525, 89528, 89531, 89534; P.N. Miliukov – H.S. Haskell, [July, 1941], August 29, September 24, 1941 // Ibid. № 89529, 89532, 89535.

⁸ *Milioukov P.* La politique extérieure des Soviets. Paris, 1934. VIII, 490 p. (Bibliothèque d'études sur la Russie contemporaine; № 1); *Idem.* La politique extérieure des Soviets. 2 éd. Paris, 1936. 530 p. (Bibliothèque d'études sur la Russie contemporaine; № 1).

⁹ П.Н. Милюков – Б.И. Элькину, 11 мая, 30 июня 1941 г. // ЛА; Последние связи: Письма П.Н. Милюкова С.В. Познеру / подгот. текста О.Р. Демидовой; вступ. ст. и коммент. О.Р. Демидовой и В.Е. Кельнера // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2005. Т. VII. С. 492, 493, 498; Глазами Милюкова – оккупация Франции и Восточный фронт: Письма П.Н. Милюкова Я.Б. Полонскому (1940–1942) // Время и мы. [Нью-Йорк; Тель-Авив; Париж], 1980. № 51. С. 193, 194, 197, 202, 204; P.N. Miliukov – H.S. Haskell, September 24, 1941 // RBML. CEIP Records. Box 90. № 89535.

¹⁰ P.N. Miliukov – H.S. Haskell, August 29, September 24, October 28 1941 // RBML. CEIP Records. Box 90. № 89532, 89535, 89536; Глазами Милюкова – оккупация Франции и Восточный фронт... // Время и мы. 1980. № 51. С. 194; Последние связи. С. 496, 498.

ние перебраться в США, то Милюков для ускорения работ привлек Папазулову и Гиммельшейна (Гиммельштейна), последнего рекомендовал ему С.В. Познер. По-видимому, труд Милюкова перепечатывался в четырех экземплярах. Переводом работы Милюкова на английский язык занимались, судя по всему, три человека: уже упомянутый Гиммельшейн, Ю.(Г.) И. Гессен, сын И.В. Гессена, и некая англичанка, проживавшая в Гренобле¹¹.

С такими темпами подготовки исследования и его перепечатки историк, конечно же, нарушал оговоренные сроки представления рукописи. В письме Хаскеллю от 9 декабря 1941 г. Милюков сообщал, что он закончил 6 глав (реально – лишь пять), доведя изложение до начала Второй мировой войны. Седьмая глава, подводящая итоги исследования, не была готова. Общий объем труда должен был составлять около 300 машинописных страниц. Милюков собирался в ближайшие дни выслать в фонд две первых отпечатанных главы и оглавление. В письме от 31 января 1942 г. он сообщил о посылке оглавления и отдельно – уже четырех глав. Однако сложности с почтовым сообщением с США заставили его искать дополнительную возможность оказания. Такой оказией стал Моисей Альтман (?–?). Альтман обучался в Брюссельском университете в 1920-е годы, но курса не кончил, и с 1927 г. зарабатывал на жизнь переводами и букинистической торговлей. В 1941 г. он окончил университет в Монпелье, где, возможно, и познакомился с Милюковым. 16 апреля 1942 г. Альтман прибыл в Нью-Йорк, однако рукопись Милюкова была конфискована на таможне для рассмотрения цензурой. В конце июня рукопись была возвращена Альтману, который в скором времени переправил ее в фонд¹².

Получив первую часть рукописи, фонд 13 августа 1942 г. запросил Милюкова об оставшихся трех главах. Последние уже были на пути в США. Второй оказией стал правовед, бывший профессор Университета Овьедо Альфредо Мендисабаль Вильяльба (Mendizábal Villalba; 1897–1981). Он получил приглашение в “Новую школу социальных исследований” и французскую “Свободную школу высших исследований” в Нью-Йорке, в коих преподавал с 1942 по 1946 г.¹³ Обстоятельства зна-

¹¹ П.Н. Милюков – А.А.Полякову, 5, 13, 15 декабря [1941 г.] // А.А. Poliakov papers. BA. Box 2; Глазами Милюкова – оккупация Франции и Восточный фронт... // Время и мы. 1980. № 51. С. 202; Последние связи. С. 494, 496.

¹² P.N. Miliukov – H.S. Haskell, December 9, 1941, January 6, 31, 1942 // RBML. CEIP Records. Box 90. № 89540, 89539, 89542; H.S. Haskell – P.N. Miliukov, March 10, 1942 // Ibid. № 89561; M. Altman – H.S. Haskell, May 12, 1942 // Ibid. № 89554; H.S. Haskell – M. Altman, May 13, July 1, 1942 // Ibid. № 89553, 89549; T.J. Hogue – H.S. Haskell, May 21, 1942 // Ibid. № 89551; [Miliukov P.N.]. Russia's Diplomacy from Nicholas II to Stalin // Ibid. № 89544; Inspector's Certificate of Baggage Retained in Customs Custody, April 16, 1942 // Ibid. № 89550; П.Н. Милюков – А.А.Полякову, 15 декабря [1941 г.] // А.А. Poliakov papers. BA. Box 2; П.Н. Милюков – М.А. Алданову, 6 июля 1942 г. // М.А. Aldanov papers. Ibid. Box 6; Глазами Милюкова – оккупация Франции и Восточный фронт... // Время и мы. 1980. № 52. С. 189.

¹³ Режим доступа: http://www.encyclopedia-aragonesa.com/voz.asp?voz_id=8729; R.S.T. Professors at N.S.S.R. // Archives. The New School for Social Research (USA). University in Exile. École Libre papers. Box 5; H.S. Haskell – P.N. Miliukov, August 13, 1942 // RBML. CEIP Records. Box 90. № 89548; The New School for Social Research. Curriculum. 1942–43. [N.Y., 1942]. P. 4, 85–86; École Libre des Hautes Études. 1944–1945. N.Y., [1944]. P. 9; Krohn C.-D. Intellectuals in Exile: Refugee Scholars and the New School for Social Research. Amherst, 1993. P. 208.

комства Мендисабалья и Милюкова неизвестны. Впервые его имя появилось в корреспонденции Милюкова в апреле 1942 г., причем Мендисабаль сразу же фигурировал как переводчик труда на испанский язык. Первоначально его отплытие в США (отметим, на одном пароходе с А.А. Поляковым и его семьей) планировалось на 10 июля, однако оно задержалось. Испанец прибыл в Нью-Йорк в конце ноября 1942 г. и незамедлительно вступил в переписку с Хаскеллем. Мендисабаль переслал в фонд остаток рукописи (три главы и заключение) и письмо Милюкова с рекомендацией его как переводчика труда на испанский язык. Однако ответ фонда был отрицательным: испаноязычное издание в ближайшем будущем не планировалось¹⁴. Более Мендисабаль к идее перевода не возвращался.

Посылая первую часть книги в США в январе 1942 г., Милюков проявил заинтересованность в том, чтобы труд был опубликован. Он даже имел некие контакты с представителями издательства “Макмиллан” в Европе, которые запросили его о возможности перевода (на испанский язык?). Однако Милюков хотел, дабы первым появилось американское издание его исследования. Ответ Хаскелля был уклончивым: фонд не имел точных планов относительно публикации работы Милюкова. И если “Макмиллан” или какое другое издательство выказали бы заинтересованность в издании, то со стороны фонда не было бы никаких препятствий. Милюков воспринял эту формулу как право свободного распоряжения рукописью¹⁵. Однако с октября 1942 г. прервались почтовые сношения Европы с США, и Милюков остался в неведении относительно судьбы рукописи и планов А. Мендисабалья Вильяльба по переводу ее на испанский язык.

После смерти П.Н. Милюкова 31 марта 1943 г. среди четырех его душеприказчиков оказался уже упоминавшийся выше Б.И. Элькин, который начал сбор сведений не только о материальном наследстве Милюкова, но и о его интеллектуальной составляющей. В письме от 30 мая 1943 г. он попросил А.А. Гольденвейзера выяснить судьбу рукописи Милюкова. Его обеспокоенность объяснялось, смею думать, также точкой зрения Е.Д. Кусковой, высказанной в письме от 26 сентября 1942 г., о тенденциозности мнений Милюкова, опубликование которых без исправлений не прибавило бы славы покойному. Гольденвейзер связался с фондом Карнеги, где получил ответ, что фонд принял решение не печатать

¹⁴ Глазами Милюкова – оккупация Франции и Восточный фронт: Письма П.Н. Милюкова Я.Б. Полонскому (1940–1942) // *Время и мы*. 1980. № 52. С. 189, 192, 202, 204; П.Н. Милюков – М.А. Алданову, 6 июля 1942 г. // М.А. Aldanov papers. BA. Box 6; A. Mendizábal – М.А. Aldanov, December 23, 1942 // *Ibid.* Box 9; П.Н. Милюков – Б.И. Элькину, 22 сентября 1942 г. // ЛА; Б.И. Элькин – А.А. Гольденвейзер, 30 мая 1943 г. // NBL. B. Elkin papers (Ms. Russian). D. 10. Folder “Uncatalogued correspondence”; A. Mendizábal – H.S. Haskell, November 21, December 4, 15, 1942 // RBML. CEIP Records. Box 90. № 89556, 89558, 89560; P.N. Miliukov – H.S. Haskell, March 21, 1942 // *Ibid.* № 89557; H.S. Haskell – A. Mendizábal, November 23, December 7, 17, 1942 // *Ibid.* № 89555, 89559, No №.

¹⁵ P.N. Miliukov – H.S. Haskell, January 31, 1942 // RBML. CEIP Records. Box 90. № 89542; H.S. Haskell – P.N. Miliukov, March 10, August 13, 1942 // *Ibid.* № 89561, 89548; П.Н. Милюков – Б.И. Элькину, 22 сентября 1942 г. // ЛА.

рукопись, однако не возражает против возможной публикации ее сторонним издательством¹⁶.

Сообщение об оказавшейся в США полностью оконченной рукописи одного из лидеров российских либералов и вождей демократического крыла эмиграции всколыхнуло друзей и почитателей покойного. Писатель и один из редакторов “Нового журнала” М.А. Алданов на пару с А.А. Гольденвейзером выступили в качестве инициаторов издания упомянутого труда. Посильную помощь им оказал профессор Гарвардского университета М.М. Карпович, настроенный весьма скептически как в отношении ценности труда Милюкова, так и относительно возможности найти издателя. Гольденвейзер, прочитавший рукопись и не нашедший в ней особых огрехов, взял на себя труд общения с фондом Карнеги и поиск заинтересованного издательства¹⁷.

Далее последовала почти трехлетняя эпопея с попыткой найти издательство, готовое взять на себя труд опубликовать последнюю книгу Милюкова. Сохранившиеся материалы позволяют назвать семь таких учреждений – издательства Йельского, Пенсильванского, Оксфордского и Стэнфордского университетов, “Макмиллан Компани Паблишерз”, “Философикал Лайбри Паблишерз”, “Интернэшнл Юниверситис Пресс”, куда безрезультатно обращался Гольденвейзер¹⁸. В 1944 г. эмигранты создали комитет для сбора средств на издание (М.М. Карпович, М.А. Алданов, А.И. Коновалов, Р.М. Бланк и А.А. Гольденвейзер)¹⁹, однако необходимой суммы, судя по всему, не нашлось.

Единственным реальным результатом усилий Гольденвейзера стала публикация в “Новом журнале” двух разрозненных глав (характеристика двух диктаторов, И.В. Сталина и А. Гитлера, и заключение), отобранных им и предложенных Алданову. Перевод на русский язык был осуществлен В.М. Зензиновым, который, по мнению Алданова, “перевел ... тяжело и неуклюже”. В девятом номере “Нового журнала” скомпилированный текст Милюкова был опубликован²⁰.

¹⁶ Б.И. Элькин – А.А. Гольденвейзеру, 30 мая 1943 г. // NBL. В. Elkin papers (Ms. Russian). D. 10. Folder “Uncatalogued correspondence”; Е.Д. Кускова – Б.И. Элькину, 26 сентября 1942 г. // Ibid. D. 9. L. 33; М.М. Карпович – А.А. Гольденвейзеру, 23 июня 1943 г. // А.А. Goldenweiser papers. BA. Box 2; А.А. Гольденвейзер – Б.И. Элькину, 17 июля 1943 г. // Ibid. Box 36; Б.И. Элькин – А.А. Гольденвейзеру, 2 августа, 18 октября 1943 г. // Ibid. Box 78; Б.И. Элькин – А.А. Гольденвейзеру, 16 августа 1943 г. // М.А. Aldanov papers. Ibid. Box 4. Подробнее об усилиях Б.И. Элькина как душеприказчика П.Н. Милюкова по публикации произведений покойного см.: *Трибунский П.А.* Б.И. Элькин – душеприказчик П.Н. Милюкова // Университетский историк / под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2010. Вып. 7. С. 456–457.

¹⁷ М.М. Карпович – А.А. Гольденвейзеру, 23 июня 1943 г. // А.А. Goldenweiser papers. BA. Box 2; А.А. Goldenweiser – H.S. Haskell, July 16, 1943 // RBML. CEIP Records. Box 90. № 89565; H.S. Haskell – А.А. Goldenweiser, July 19, 1943 // Ibid. № 89564; H.S. Haskell – E. Davidson, July 19, 1943 // Ibid. № 89563; А.А. Гольденвейзер – М.В. Вишняку, 19 июля 1943 г. // HIA. M.V. Vishniak papers. Box 2.

¹⁸ См. подборку переписки с издательствами в материалах А.А. Гольденвейзера (А.А. Goldenweiser papers. BA. Box 78. Folder “On Miliukov”).

¹⁹ А.А. Гольденвейзер – Б.И. Элькину, 24 июля 1944 г. // NBL. В. Elkin papers (Ms. Russian). D. 11. L. 131.

²⁰ А.А. Гольденвейзер – Б.И. Элькину, 16 сентября 1943 г. // NBL. В. Elkin papers (Ms. Russian). D. 11. L. 10; В.М. Зензинов – М.В. Вишняку, 25 сентября 1943 г. // HIA. M.V. Vishniak papers. Box 9; В.М. Зензинов – М.М. Карпович, 24 сентября 1943 г. // М.М. Karpovich papers. Series 1. BA. Box 3; М.А. Алданов – А.А. Гольденвейзеру, 21 августа 1943 г. // А.А. Goldenweiser papers. BA. Box 1; После Парижа. С. 210; *Милюков П.Н.* Положение накануне войны // Новый журнал. 1943. № 9. С. 186–202.

Неудача с поиском издательства охладила пыл Гольденвейзера, но полностью мысль об издании он не оставил. Следующая попытка датируется 1953 г., когда исполнилось 10 лет со дня смерти политика. Гольденвейзер написал в самое крупное русскоязычное “Издательство им. Чехова”²¹, но, судя по всему, последняя книга Милюкова интереса не вызвала. Другую попытку издания предпринял Б.И. Элькин. В конце 1955 г. он обратился к Гольденвейзеру с вопросом о местонахождении рукописи. В ответном письме от 17 января 1956 г. Гольденвейзер весьма подробно рассказал о своих предшествующих усилиях, подробно аргументировав необходимость серьезной редакционной переработки. По сравнению со своими заявлениями 1943 г. Гольденвейзер теперь настаивал на серьезном исправлении английского языка рукописи, а также на изъятии из текста мест, где шла речь о так называемом “патриотическом” одобрении политики И.В. Сталина, и заявления Милюкова, что “ежовская чистка 1930-х годов была необходима и подсудимые в процессах того времени были действительно виновны”. Вывод Гольденвейзера был однозначен: “Если не считать себя вправе это вычеркнуть из рукописи, то лучше ее вообще не печатать”. Элькин обратился в фонд, однако ответ библиотекаря Ли Эш оказался обескураживающим: в ходе переезда в 1948 г. управления фонда из Вашингтона в Нью-Йорк библиотека была продана Университету Джорджа Вашингтона, архив передан в Колумбийский университет, и обнаружить следы рукописи не представлялось возможным²².

Выше мы указывали, что количество машинописных экземпляров труда Милюкова равнялось, по-видимому, четырем. Один машинописный экземпляр был отправлен в США. В составе архива Милюкова, описанного в 1944 г. (?) бывшим сотрудником “Последних новостей” Е.В. Ратнером, находились рукопись книги “От Николая II до Сталина” на русском языке, папка с черновиками (на английском языке), один полный машинописный экземпляр переведенной работы “From Nicholas II to Stalin” и две отдельных главы (V и VI)²³. Эти материалы остались в распоряжении вдовы Милюкова и пропали после ее кончины. Иные машинописные копии труда Милюкова могли сохраниться у прикосновенных к перепечатке и переводу лиц. Возможно, от одного из них Элькин получил переведенный машинописный экземпляр труда Милюкова. На такое умозаключение наводит факт сохранения части машинописного экземпляра (титульный лист, оглавление, глава VII, заключение, все – с небольшими рукописными поправками, в том числе почерком Милюкова) в личном архиве Е.Н. Андреевой, дочери профессора Кембриджского университета Н.Е. Андрее-

²¹ А.А. Гольденвейзер – В.А. Александровой, 31 марта 1953 г. // А.А. Goldenweiser papers. BA. Box 36. О неопубликованной рукописи А.А. Гольденвейзер упомянул в рецензии на воспоминания П.Н. Милюкова (см.: *Goldenweiser A. Paul Miliukov – Historian and Statesman // Russian Review*. 1957. Vol. 16, № 2. P. 7).

²² Б.И. Элькин – А.А. Гольденвейзеру, 14 января 1955 г.; 24 января 1956 г.; 15 января 1957 г. // А.А. Goldenweiser papers. BA. Box 36; А.А. Гольденвейзер – Б.И. Элькину, 17 января, 12 октября 1956 г. // NBL. B.Elkin papers (Ms. Russian). D. 10. Folder “Uncatalogued correspondence”.

²³ [Ратнер Е.В.]. Опись рукописей П.Н. Милюкова [1944 г.] // P.N. Miliukov papers. BA. Box 17. См. публикацию описи: Посмертная опись рукописей П.Н. Милюкова / предисл., подгот. текста и коммент. П.А. Трибунского // Ежегодник Дома Русского Зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М., 2010. С. 228–229.

ва, бывшего ближайшим сотрудником Элькина в деле подготовки к печати второй части первого тома милюковских “Очерков по истории русской культуры” (1964). Судя по всему, и для публикации последней книги Милюкова Элькин обратился к Андрееву. К сожалению, детали предприятия выяснить не удалось.

Загадочной выглядит судьба американского экземпляра труда Милюкова. В письме В.А. Александровой от 31 марта 1953 г. А.А. Гольденвейзер утверждал, что после неудачных поисков издательства в 1943–1945 гг., способного опубликовать работу Милюкова, он вернул рукопись в фонд Карнеги²⁴. И в последовавших пертурбациях с фондом рукопись действительно могла быть утеряна (см. выше). Но такое предположение находится в явном противоречии с существованием полного машинописного экземпляра труда “From Nicholas II to Stalin: Half a Century of Foreign Politics” с рукописными пометами нескольких лиц (в том числе Милюкова!) в архиве Гуверовского института войны, революции и мира. Количество страниц гуверовского экземпляра совпадает с описанием поступившей в США рукописи. Документов архива, проливающих свет на время и обстоятельства поступления рукописи, нет, и, соответственно, предположения приходится строить на основании косвенных данных.

Издательство Стэнфордского университета было последним, куда обратился А.А. Гольденвейзер с предложением издать труд Милюкова. Гольденвейзер написал не прямо в издательство, а председателю Совета директоров Гуверовской библиотеки войны, революции и мира, специалисту по истории России Г.Г. Фишеру (23 июня 1944 г.), который взял на себя труд общения с издательством. 22 января 1945 г. фонд Карнеги отправил рукопись в Пало-Альто. 13 июня сотрудница фонда Е.Б. Сейр отправила в Калифорнию запрос относительно судьбы работы Милюкова²⁵. После этой даты ни в фонде А.А. Гольденвейзера, ни в бумагах фонда Карнеги не удалось обнаружить никаких документов о решении издательства и даже о возврате рукописи. Последнее выглядит необычно, так как ранее после отклонения издательством Йельского университета рукописи фонд практически сразу же попросил Гольденвейзера вернуть ее²⁶.

Создается впечатление, что по каким-то причинам Гольденвейзер и фонд Карнеги с лета 1945 г. внезапно перестали интересоваться судьбой рукописи Милюкова, которая, видимо, осела у Г.Г. Фишера, откуда попала первоначально на библиотечную полку, а оттуда – в архив. В пользу этого предположения говорит внешний вид рукописи, которая переплетена, и имеет шифр по классификации Библиотеки Конгресса (DK 66. M 644). Смеем думать, что именно машинописный экземпляр труда Милюкова, переправленный в фонд Карнеги, ныне сохраняется в гуверовском собрании.

²⁴ А.А. Гольденвейзер – В.А. Александровой, 31 марта 1953 г. // А.А. Goldenweiser papers. BA. Box 36.

²⁵ А.А. Goldenweiser – Н.Н. Fisher, June 23, 1944 // А.А. Goldenweiser papers. BA. Box 78; Н.Н. Fisher – А.А. Goldenweiser, June 30, 1944 // Ibid; M.W. Davis – W.A. Friend, January, 1945 // Ibid; E.B. Sayre – W.H. Davis, June 13, 1945 // Ibid; А.А. Гольденвейзер – Б.И. Элькину, 24 июля 1944 // NBL. B.Elkin papers (Ms. Russian). D.11. L. 131 г.

²⁶ M.W. Davis – А.А. Goldenweiser, November 10, 1944 // А.А. Goldenweiser papers. BA. Box 78.

Труд П.Н. Милюкова хронологически охватывает период с 1890-х годов по август 1941 г. включительно, с экскурсами в более ранние сюжеты. Автор анализирует внешнюю политику императорской России и Советского Союза, широко привлекая данные о внутреннем развитии страны. Составленная на основе немногочисленных пособий и запасах памяти Милюкова работа содержит ошибки и неверные суждения, является сочинением публицистического, нежели научного толка. Вместе с тем трактат бесценен для изучения политических и исторических взглядов Милюкова начала 1940-х годов, периода жизни и деятельности еще не становившихся предметом всестороннего исследования ни в России, ни за рубежом.

Д.С. Московская

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
К БИОБИБЛИОГРАФИИ Н.П. АНЦИФЕРОВА
(К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ)**

Имя историка-градоведа, культуролога – исследователя литературно-го образа Северной столицы Н.П. Анциферова (1889–1958) сегодня хорошо известно благодаря усилиям целого поколения петербургских (ленинградских) исследователей. Начатые в восьмидесятые годы прошлого столетия биобиблиографические разыскания О.Б. Враской¹, А.И. Добкина², А.Б. Рогинского³, А.М. Конечного⁴ помогли восстановить духовный облик, научную биографию и канву жизни ученого в “железном самотеке” российской истории. Заданная первыми книгами Анциферова⁵ тема отношения урбанистической образности к реальному источнику – монументальному облику Петербурга и его природному ландшафту, была развита в работах Д.С. Лихачева⁶, К.А. Кумпан⁷, Р.Д. Тименчика и А.Л. Осповатова⁸, В.Н. Топорова⁹. В XXI в. усвоение содержания междисциплинарных исследований Анциферова преодолело географические рамки “петербургского текста” русской культуры, тематически расширилось, развиваясь сразу по нескольким направлениям: школьного краеведения – в методике обучающих экскурсий¹⁰,

¹ Враская О.Б. Архивные материалы И.М. Гревса и Н.П. Анциферова по изучению города // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 303–315.

² Добкин А.И. Н.П. Анциферов: материалы к биобиблиографии // Анциферовские чтения: Мат-лы и тез. конф. (20–22 декабря 1989 г.). Л., 1989. С. 9–23; Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / сост., вступ. ст., примеч. А.И. Добкина. М., 1992.

³ Анциферов Н.П. Из воспоминаний / публ. А.И. Добкина, А.Б. Рогинского // Звезда. 1989. № 4. С. 117–165.

⁴ Конечный А.М. Н.П. Анциферов – исследователь Петербурга // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л., 1989. С. 154–161; Анциферов Н.П. “Непостижимый город”... Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина / сост. М.Б. Вербловская. Л., 1991. С. 5–23 (Конечный А.М., Кумпан К.А. “Петербург в жизни и трудах Н.П. Анциферова”).

⁵ Анциферов Н.П. Душа Петербурга. [Пб.], 1922; Он же. Петербург Достоевского. Пб., 1923; Он же. Быль и миф Петербурга. Пб., 1924.

⁶ Лихачев Д.С. В поисках выражения реального // Достоевский: материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 5–13.

⁷ Кумпан К.А., Конечный А.М. Наблюдения над топографией “Преступления и наказания” // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1976. Т. 35. С. 180–189.

⁸ Осповат А.Л., Тименчик Р.Д. “Печальную повесть сохранить...”: Об авторе и читателях “Медного всадника”. М., 1985.

⁹ Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003.

¹⁰ Коробкова Е.Н. Путешествие по улицам, уходящим в вечность: (Метод образовательных путешествий по городу) // Город, открываемый заново. СПб., 2006. С. 58–65.

исторического градоведения¹¹, методологии исторической науки¹² и литературоведения¹³.

И хотя по рождению Н.П. Анциферов не был петербуржцем, его имя справедливо ассоциируется с Северной столицей. Самые счастливые и драматические моменты его жизни связаны с Петербургом и его дворцами-пригородами. Здесь он обрел семью и друзей, сформировался как ученый, здесь были заложены теоретические основы его локально-исторического метода и увидели свет его первые, знаковые книги, посвященные городу “великого страдания”.

В отдел рукописей Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, где Анциферов работал помощником библиотекаря в 1916–1921 гг., согласно его последней воле, был передан домашний архив ученого. В фондах Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) и Петербургского Центрального государственного архива (ЦГА СПб) отложилась значительная часть материалов по его деятельности как заведующего кафедрой древней истории 2-го Педагогического института им. Н.А. Некрасова (1921–1923 гг.), члена общества “Старый Петербург” и Центрального бюро краеведения (1921–1929), преподавателя Петроградского экскурсионного института (1920–1924 гг.) и Государственного института истории искусств (1925–1928 гг.). Закономерно, что возвращение Анциферова к современному читателю началось именно в этом городе.

Москву Николай Павлович посетил впервые в четырнадцатилетнем возрасте. Она полюбилась ему сразу, породив мечту поселиться там, “где все дышало родной стариной, где Кремль, Художественный театр, Третьяковская галерея”¹⁴. Спустя пять лет она вновь показалась Анциферову “много милее Петербурга”. Тогда он остановился в номерах Гунста в Хрушевском переулке. Несколько сотен метров отделяли его от дома № 41 по Большому Афанасьевскому переулку, где в 1933 г. он найдет приют на двадцать три года московской жизни. Москва явилась Анциферову в своем самом “московском” обличье: в узоре арбатских переулков, “тогда еще обильных маленькими церквушками, колокольнями, колокольным звоном, и еще свободных от громадных, громоздких, холодных и скучных домов, которые дают теперь весь это уголок Москвы”¹⁵.

Высказывания Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Герцена о Москве были созвучны анциферовской московской “урбанистической интуиции”. Она формировалась под воздействием своеобразия архитектурного ландшафта города – с “округлостями” домов “под куполами”, усадьбами в окружении старинных садов и бесплановостью застройки. Спустя 40 лет в докладе, сделанном в Музее истории и реконструкции Москвы при обсуж-

¹¹ Голубева И.А. Петр Николаевич Столянский – историк Санкт-Петербурга. СПб., 2007.

¹² Анциферов Н.П. Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность: (Фрагменты) (1918–1942) / предисл. А. Свешникова, Б. Степанова // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник 2003. [6]. М., 2004.

¹³ Корниенко Н.В. Москва во времени: (Имя Петербурга и Москвы в русской литературе 10–30-х гг. XX в.) // Москва в русской и мировой литературе: Сб. ст. М., 2000. С. 210–248.

¹⁴ Анциферов Н.П. Из дум о былом. С. 134–135.

¹⁵ Там же.

дении книги Н.С. Ашукина “Москва в жизни и творчестве А.С. Пушкина”, Анциферов обратил внимание автора на то, чего не мог, по его убеждению, не заметить в новой Москве петербуржец Пушкин. Плановость, утвердившаяся при реконструкции ансамбля Театральной площади, отменила округлые московские архитектурные формы, вступив в противоречие с исторической “идеей” – “душой” города. По мнению Николая Павловича, эта смена архитектурных и смысловых доминант не могла “не броситься в глаза Пушкина”¹⁶.

Москва навсегда вошла в жизнь Николая Павловича в 1933 г. Освобожденный из Белбалтлага досрочно “за честную, подлинно ударную работу постановлением заседания коллегии ОГПУ от 22 июля 1933 года”¹⁷, он получил право свободного проживания в СССР без ограничения и поселился в старинном московском Замоскворечье. На один год его адресом стал дом № 28 по Пятницкой улице, квартира № 2. Эти данные указаны в редакционной “карточке движения рукописи” издательства “Academia”, датированной 2 декабря 1933 г.¹⁸ В тот же день издательство заключило договор с Анциферовым на составление книги “Герцен в воспоминаниях современников”. То было продолжением начатой незадолго до ареста в 1929 г. по заданию издательства “Academia” его работы над биографией Герцена¹⁹.

Еще одним проектом, в котором осенью 1933 г. принял участие Анциферов, был горьковский “краеведческий” замысел публикации на базе “Academia” серии “История городов”. Заслуживающим внимания в период социалистической реконструкции, по мысли Горького, был подбор материала о городе как об истории уходящего в прошлое быта. Серия ставила «целью своей освещение, обнажение системы коренных верований, специфических навыков мысли и всей “исторической” – бытовой действительности мелкого собственника»²⁰, мешанина.

Реализация проекта курировалась директором издательства Л.Б. Каменевым. В письме от 27 ноября 1933 г., адресованном редактору серии В.А. Десницкому, он сообщал о посещении редакции “тов. Анциферовым” (sic!), который хотел бы писать историю Ярославля. За право писать о Санкт-Петербурге уже боролся коллега Анциферова по обществу “Старый Петербург” и его идейный оппонент П.Н. Столпянский. Решение Каменева было *начать скромно*, “заказом трех городов: Ярославля, Новгорода и Тифлиса”²¹.

“Не чувствуя себя способным одному справиться с историей этого замечательного русского города, – вспоминал позже Николай Павлович, – я попросил дать мне в соавторы А.А. Золотарева. Издательство охотно согласилось”²². В положительном решении этого вопроса (предложенный Анциферовым соавтор также был репрессирован и только что вернулся в

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 40. Л. 4.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Ед. хр. П-4895 (Следственное дело Н.П. Анциферова). Л. 8.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 76.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1.

²⁰ Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М., 1963. С. 393–395.

²¹ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 7. Ед. хр. 529. Л. 12.

²² ОР РНБ. Ф. 423. Ед. хр. 644. Л. 4об.

Рыбинск из архангельской ссылки) сыграло свою роль каприйское знакомство редактора серии с Золотаревым.

Перу Анциферова принадлежат “Наметки плана монографии о Ярославле”, автограф которого сохранился в Российском государственном архиве литературы и искусства: “Город должен быть представлен в процессе своего развития, как единое диалектическое целое в связи с эволюцией социальных форм и классовых отношений, как выразитель сменяющихся культур.

Зарождению города должна быть предпослана характеристика геофизических условий края и его праисторического прошлого (первобытные стоянки на стыке водных путей).

При характеристике каждого исторического периода максимально используется социально-бытовой материал”²³.

С планом монографии, предложенным Анциферовым, ознакомился глава редакционного совета А.М. Горький. В конце марта 1934 г. он сообщил Каменеву: «План монографии о Ярославле показался мне очень полным и дельным. (...) Нужно отметить ярославских людей “мастеров культуры”. Вообще о людях как деятелях культуры надобно писать побольше, по верному указанию И.В. Сталина»²⁴.

Сохранившиеся материалы к книге о Ярославле показывают, что его авторы в своем замысле не отклонились от горьковских установок. Рукопись, носившая название “Ярославль: История. Культура. Быт”, исследовала исторические судьбы города по ее отражениям в его монументальном облике: монастырям и строениями Кремля. Народный обиход читался в городской номенклатуре, по анатомии застройки, в свидетельствах фольклора, в особенностях стиля и тематики церковных фресок, сочетающих реализм в изображении изб, утвари, одежды, пищи с экзотикой дальних стран. Ярославский край заговорил голосами крестьянских писателей, творчеством Н.А. Некрасова. Авторы вели своего “героя” – этот “нечеловеческий социальный организм”, географическими, экономическими и политическими путями его формирования. Книге надлежало закончиться разрушением Ярославля в годы Гражданской войны и обзором города в эпоху социалистической реконструкции. Последняя глава посвящалась “причинам избрания Ярославля центром строительства резинового комбината”, описанию социализации быта и перспективам города.

И хотя план монографии был почти безоговорочно поддержан Горьким, ее содержание вело к непростым ответам на вопрос об исторических политико-экономических и культурных перспективах города, утратившего свою этиологическую легенду. В набросках А.А. Золотарева к предисловию монографии прочитывается прямо невыраженное указание на исчерпанность исторического пути Ярославля и его населения: “Предмет нашей братской работы – город Ярославль – предмет живой, яркий, увлекательный... без малого девять веков непрерывной усердной службы Ярославля русской земле и русскому народу”²⁵.

²³ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 7. Ед. хр. 491. Л. 23–25.

²⁴ Горький М. Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко. М., 2000. С. 253.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 3. Ед. хр. 18. Л. 11.

Редакция “Истории городов” энергично приступила к подбору рукописей и авторов, и уже в мае 1934 г. “Литературная газета” рапортовала о начале издания книг по “Истории городов”. Серию должен был открыть “Ярославль”: готовая книга о Переславле-Залесском, написанная недавно освобожденным из заключения М.П. Смирновым, получила отрицательную рецензию А.Н. Тихонова. Редактор серии Десницкий торопил начало работы над “Ярославлем”. 1 октября 1934 г. в письме Каменеву он сообщал: “Был у меня два раза А.А. Золотарев (Ярославль). Нужно с ним (и Анциферовым) заключить договор, чтобы они скорее выполнили работу. Книгу о Ярославле было бы целесообразно выпустить одной из первых, а может быть, и первой”²⁶. В конце того же месяца в интервью “Литературной газете” Каменев обещал, что уже «в 1935 г. появятся первые издания из нашей новой серии “Города СССР”»²⁷, имея в виду монографию Золотарева и Анциферова. Однако договор с Анциферовым издательство заключило лишь в середине ноября 1934 г. со сроком подачи машинописи до 1 сентября 1935 г. Причиной этому послужило нарушение плана работы Анциферова над рукописью “Герцен в воспоминаниях современников”: он не успевал сдать материал к сроку²⁸.

Согласно предварительным наметкам, Анциферов должен был писать введение, главу, посвященную эпохе разложения феодализма XVIII в., а также главу о революционном Ярославле и его социалистической реконструкции. Однако уже в мае 1935 г. Николай Павлович попросил своего соавтора освободить его от последних закрепленных за ним глав: “Не сочтете ли Вы за лучшее для нашей книги, если две последние главы: Революционный Ярославль и Современный Ярославль – напишет какой-нибудь местный краевед, а я возьму на себя редакторство в плане подогнать его работу под общий стиль книги. Я бы перечислил на него соответствующую долю аванса. За редакторство я ничего бы не взял. Если бы Вы нашли такого человека, я бы показал ему нашу программу, не особенно связывая его. Мне кажется, во всех отношениях это было бы лучше”²⁹.

Работа над монографией шла параллельно, в Москве – Анциферовым, в Ленинграде, Ярославле и Рыбинске – Золотаревым. Частые визиты Анциферова в Ленинград и Пушкин, где проживали его дети и куда к брату часто наведывался Золотарев, встречи в не столь отдаленном от обеих столиц Ярославле, позволяли соавторам координировать написанное. “Мы читали друг другу написанные нами главы”, – свидетельствует Анциферов о совместной работе с Золотаревым. Работа требовала от Анциферова большого напряжения сил: в 1933 г. он получил должность старшего научного сотрудника Вводного отдела Коммунального музея Москвы и погрузился в подготовку ее постоянной экспозиции. В середине августа 1935 г. он сообщил Золотареву из Москвы в Ленинград:

“Дорогой Алексей Алексеевич, ужасно обрадовался, получив Вашу открытку. (...) Я в Academia был, Тихонова не застал, а потом он уехал в отпуск. Подал заявление об отсрочке сдачи книги в виду увечия руки на

²⁶ Там же. Л. 35–36.

²⁷ Литературная газета. 1934. № 142. 22 октября. С. 1.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 1.

²⁹ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 2.

месяц. (Во время пребывания в Ленинграде летом 1935 г. Анциферов был сбит трамваем. Травма задержала его работу над “Ярославлем” и “Летописью жизни Герцена”³⁰. – Д.М.) Без этого я не в состоянии справиться с 4-й главой. К тому же библиотека по вечерам открыта через день. {...} В Музее³¹ такая спешка, что дома и во сне все мерещатся дела музейные. Напишите, когда и куда высылать Вам деньги? Ведь теперь значительная доля моего аванса должна перейти к Вам, кроме (4-ой) главы, XVIII век, я ничего не могу изобразить”³².

Работая над Ярославлем, Анциферов следил за новыми архивными публикациями по теме, живя в Ленинграде, работал в Публичной библиотеке, в Москве регулярно посещал Ленинскую библиотеку. В письме соавтору он сообщал о скором выходе в “Литературном наследии” ярославского фольклора XVIII века и сетовал на то, что “библиотека Ленина закрыта по вечерам три раза в шестидневку, что ужасно мешает работе по Ярославлю”³³.

В соавторстве с Золотаревым Анциферов безраздельно отдавал первенство Золотареву. 22 сентября 1935 г. он писал соавтору из Москвы в Ярославль: “Я(рослав)ль в полном ходу, но о многом хотел бы посоветоваться с Вами. Очень тяготит, что не обновил впечатления от города. Писать трудно”³⁴. Собственный “книжный” подход к материалу Анциферов ценил неизмеримо ниже “локального чутья” своего старшего друга – человека *местного*: “...я постоянно ощущал разницу между тем, что написал я, чужой Ярославлю, и тем, что писал А.А. Золотарев – ярославец. Как у него за каждой фразой, за каждым, созданным им образом билось горячее сердце человека, корни которого глубоко в земле родного края”³⁵.

К концу 1935 г. “братский труд”³⁶ был завершен.

Дружба Н.П. Анциферова с А.А. Золотаревым не прервалась со временем. В трудную минуту он был готов помочь своему старшему другу всеми своими ресурсами. В послевоенные годы он хлопотал о материальной поддержке и переезде Золотарева в Москву:

«Как Вы меня обрадовали, дорогой Алексей Алексеевич, весточкой о себе. {...} О себе могу написать мало хорошего. Мой Светик погиб в Ленинграде. Моя дочь захвачена немцами в городе Пушкине. (Там же погиб мой архив и библиотека). Мой любимый городок – превращен в руины. Но что же, жизнь идет вперед, и я продолжаю ее любить неизменно и смиряюсь перед ней. Моя покойная жена мне всегда говорила: “Жизнь мудрее нас”.

О Вас я говорил с Бонч-Бруевичем. Он уже давно не Директор музея и вызвать Вас в Москву не может. Лит(ературный) музей имеет свой очень

³⁰ РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 31.

³¹ Летом 1935 года Анциферовым велась напряженная работа по открытию постоянной выставки Коммунального музея Москвы.

³² РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 3.

³³ Там же. Ед. хр. 68. Л. 4.

³⁴ Там же. Л. 5.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 423. Ед. хр. 644. Л. 5.

³⁶ Определение А.А. Золотарева: “Предмет нашей братской работы – город Ярославль – предмет живой, яркий, увлекательный... без малого девять веков непрерывной усердной службы Ярославля русской земле и русскому народу” // РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 3. Ед. хр. 18. Л. 11.

ограниченный лимит для вызовов своих постоянных сотрудников. Бонч-Бруевич посоветовал действовать через Литер(атурный) фонд. Я был у директора фонда. Тот дал мне следующие вопросы: 1) состояли ли Вы членом Союза Писателей 2) Имели ли Вы постоянную прописку в Москве? Если Вы не состоите, но имеете связи с какими-либо авторитетными писателями, то при их поддержке Вас могут вызвать. Лучше всего Вам добиться избрания в члены Союза писателей. Для этого нужно 1) Подать заявление в Президиум Союза. 2) Принести список трудов и краткую автобиографию 3) Два отзыва писателей о Вас. Обязательно укажите Вашу ненапечатанную работу о Горьком. <...> Бумаги пришлите по моему адресу”³⁷.

Усилившиеся в декабре 1934 г. после убийства Кирова репрессии убрали с политической арены Льва Каменева. Последовавшая в июне 1936 г. смерть Горького завершила существование его проекта: серия “История городов” была закрыта, ни одна из готовившихся в ее рамках книг не была издана.

В марте 1936 г. Анциферов был рекомендован для зачисления в члены Секции научных работников АН СССР профессором Ленинградского университета И.М. Гревсом и действительным членом Академии наук СССР историком-медиевистом Д.М. Петрушевским. Начавшийся в 1933 г. “московский период” жизни Анциферова, несмотря на его краткость (всего четыре года прошло до нового ареста и ссылки в Амурлаг) был чрезвычайно насыщенным научно-исследовательской работой. Начатое после ареста его сотрудничество с ГЛМ, затем, 11 марта 1937 г., переход туда на работу в качестве старшего научного сотрудника экспозиционного отдела позволили ему профессионально углубиться в литературоведение. Неизменными остались также его интересы графоведения и социального историка в области изучения русского общественного сознания.

В продолжившейся в тридцатые годы работе над историей жизни и творчества А.И. Герцена оттачивалась методология реального комментария Анциферова как текстолога и историка литературы. Характерной чертой его историко-литературных штудий было скрупулезное составление герценовского итинерария – обширного списка адресов писателя. Реальный комментарий к отвергнутой редакцией первой книге Анциферова “Герцен в воспоминаниях современников” (подробный ее проект сохранился в РГАЛИ) стремился к “целокупной” (термин И.М. Гревса) полноте представления не только судьбы, но самой личности писателя. Эта установка, как свидетельствует издательская переписка, и послужила главной причиной расторжения договора на книгу и составления нового, для работы над “Летописью жизни Герцена”. Отзыв заместителя руководителя редакционного совета Я.Э. Эльсберга, закрывший путь к изданию герценовской студии Анциферова, в качестве главного недостатка указывал недопустимо широкий охват “биографическим монтажом”³⁸ фактического материала. Комментарий включил не только мемуары писателя, но также его художественные и публицистические материалы, документы следственных дел и критические отзывы “с того берега”, вскрыв, по мнению составителя отзыва, “чрезвычайно спорные” проблемы творческого наследия “русского

³⁷ РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 7.

³⁸ Там же. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 26.

европейца”. Ни одна из книг о Герцене, составленных Анциферовым для “Academia”, не увидела свет. Подготовленные им к изданию рукописи, по-видимому, не сохранились. Впрочем, три переиздания – в Гослитиздате и ГИХЛе (1948 и 1956 гг.), пережила объемная (более 36 п.л.) книга Я.Э. Эльсберга “А.И. Герцен: Жизнь и творчество”.

Годы северной ссылки непреодолимой пропастью легли между петербургским и московским периодом жизни ученого: в 1929 г. в Детском Селе от чахотки умерла его жена Татьяна Николаевна Анциферова (Оберучева), вслед за ней, не дождавшись возвращения сына, в марте 1933 г. в Ленинграде умерла его мать. Дети-подростки, Сергей и Татьяна, остались на попечении “тети Ани”, сестры Татьяны Николаевны, и учились в школе города Пушкин. По настоянию друзей, Анциферов избрал местом жительства Москву. Здесь было меньше опасных для него дореволюционных связей, и его присутствие не могло грозить окружающим. После его ареста в 1929 г. за связь с Анциферовым пострадал ряд его близких друзей и коллег по работе, среди них – его воспитанник по Тенишевскому училищу и ближайший друг Георгий Александрович Штерн и брат Алексея Алексеевича Золотарева, профессор ЛГУ, этнограф Давид Алексеевич Золотарев. Оба, в частности, были обвинены в сборе денег для детей репрессированного врага народа Анциферова.

Древняя столица подарила осиротевшему ученому верного друга и помощника, коллегу по экскурсионной деятельности Софью Александровну Гарелину, ставшую в 1934 г. его женой. Анциферовы поселились на Арбате. В диссертации 1944 г., посвященной литературному урбанизму, он назвал устройство и население домов и квартир “социологическим срезом” жизни города, а в домах-“Капернаумах” и квартирах-“Ноевых ковчегах” эпохи империализма видел “клетки” большого социального организма этого нечеловеческого существа. В “Ноевом ковчеге” эпохи социализма по Афанасьевскому переулку, дом № 41, кв. 1, нашла приют новая семья Анциферова.

Квартира состояла из 7 комнат, в которых проживало 23 человека, с коридором, имевшим форму буквы “Г” и ведшим в отдаленную кухню с отдельным черным выходом во двор. До 1949 г. в квартире не было газа, и она обогревалась печным отоплением. Комната Анциферовых одной стеной граничила с ванной, и льющая вода порой мешала разговорам гостей Николая Павловича. Среди них в конце марта 1937 г. оказалась гимназическая подруга покойной жены Анциферова Е.В. Григорьева, дочь белогвардейского генерала Родзянко. Анциферов с женой торопились в театр и смогли уделить нежданной гостье не более получаса. Григорьева искала у Анциферова совета и помощи в освобождении мужа, Георгия Васильевича Григорьева. Служивший в Научно-исследовательском институте виноделия в Новочеркасске, он был арестован на основании данных “о его вредительской и разложенческой работе в системе научно-исследовательских Институтов виноградарства”, изобличен в связях с троцкистами, белоэмигрантскими монархическими кругами и шпионаже в пользу США. Разговор продолжения не имел и был вскоре забыт. Однако 5 сентября 1937 г. в квартиру № 1 по Афанасьевскому вошел сотрудник оперативного отдела Управления государственной безопасности с ордером “на производство ареста и обыска Анциферов Николая Павловича”. Основанием для начала

следствия послужили донос о визите к Анциферову жены врага народа и не полученная адресатом, но переданная услужливыми руками в ОГПУ, ее записка. В тот же день Анциферов был заключен в одиночную камеру Бутырской тюрьмы. 24 сентября ему было предъявлено обвинение в том, что он «бывш[ий] дворянин, в 1929 г. принимал активное участие в к[онтр]-[революционной] группировке, был арестован по ст. 58 п. 11, содействовал вредительству в Дострое»³⁹.

18 октября 1937 г. следствие по делу Н.П. Анциферова закончилось. Было установлено, что Анциферов «враждебно настроен к руководству партии и Советской власти, в прошлом являлся активным участником в контрреволюционной организации под названием “Воскресение”, которая была связана с Парижской белой эмиграцией. За к[онтр]-[революционную] деятельность и шпионаж Анциферов три раза судим: в 1925 г. на 3 года ИТЛ, в 1929 г. на 3 г. ИТЛ и в 1930 г. на 2 года ИТЛ. Находясь в тесной связи с белогвардейцем – врагом народа Григорьевым и дочерью бывш[его] генерала Родзянко Е.В., Анциферов до последнего времени вел к[онтр]-[революционную] разлагательскую работу»⁴⁰. 19 декабря того же года оперуполномоченный 4 отдела УГБ УНКВД Московской области, рассмотрев следственное дело, нашел его соответствующим обвинению: Анциферов “в течение нескольких лет вел контрреволюционную работу”, и счел его вину полностью доказанной⁴¹. Дело без суда было передано на рассмотрение тройки Управления НКВД Московской области. Ее решением от 20 декабря 1937 г. Анциферов был заключен “в исправительно-трудовой лагерь на восемь лет, считая срок с 6 сентября 1937 г.”⁴²

Сохранившиеся в Государственном архиве Российской Федерации материалы следственного дела позволили восстановить основания нового уголовного процесса, возбужденного против сорокавосемилетнего ученого, и обстоятельства его освобождения. Также они представляют новые достоверные сведения к его биографии и научной деятельности. Среди документов – обстоятельная справка за подписью Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича с политической и деловой характеристикой Н.П. Анциферова, данная по специальному запросу ОГПУ 14 сентября 1937 г. Документ времени, она подтверждает свидетельство старейшего сотрудника ГЛМ Г.Ф. Коган, писавшей в своих воспоминаниях о неустанных хлопотах первого директора Музея о своих сотрудниках. К указанному ею Владимиру Николаевичу Арнольду⁴³ следует добавить имя Н.П. Анциферова.

Сообщив об обстоятельствах приема прежде судимого Анциферова на работу в ГЛМ, Бонч-Бруевич скрупулезно перечислил документы, представленные Николаем Павловичем с мест заключения и прежней работы, подчеркивая “его высокую устойчивость”. Рассказывая о деятельности Анциферова в ГЛМ, Бонч-Бруевич не побоялся привести собственное мнение о политической благонадежности сотрудника. Он свидетельствовал, что не

³⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-4895. Следственное дело № 6698 по обвинению Анциферова Н.П. Л. 18.

⁴⁰ Там же. Л. 31.

⁴¹ Там же. Л. 31–32.

⁴² Там же. Л. 34.

⁴³ Коган Г.В. Музейная улица: Фрагменты воспоминаний // Звено 2006: Вестник музейной жизни. М., 2007. С. 166. (Запись на диктофон и подготовка к печати Д.С. Чернышевой.)

замечал за Анциферовым “каких-либо уклонов” в суждениях “от советских установок нашего времени” и в его работе на юбилейной герценовской выставке не обнаружил “ни одного промаха, недоговоренности, или неправильной оценки событий той чрезвычайно важной исторической и революционной эпохи”. Директор ГЛМ дал самую высокую оценку профессионализму Анциферова. Среди блестяще выполненных им работ он особо выделил “описание всех мест пребывания Герцена в Москве и под Москвой”, требовавших “больших литературоведческих и исторических знаний”. Основной областью интересов своего сотрудника он назвал литературоведение, связанное “с музеями и архивами”. Директор связывал с Анциферовым как архивистом большие надежды. «...я предлагал поручить ему разработку архива 40-х гг. для подготовки к печати в томах “Летописи” нашего музея, и к этой работе он должен был приступить в октябре месяце 1937 г.». Работавший в качестве эксперта на Всесоюзной Пушкинской выставке, Бонч-Бруевич выделил способности и умения Анциферова как музейного работника. Анциферову было поручено оформление большого зала одной из эпох пушкинской жизни, и “эту работу сделал он прекрасно. (...) Н.П. Анциферов показал себя и в этой области хорошим знатоком не только как пушкиновед, но как музейный работник в области экспозиции, а в области экспозиции таких работников у нас очень мало”⁴⁴.

Следственное дело сохранило материалы допросов соседей Анциферова по арбатскому “Ноеву ковчегу” и близких ему людей – друга детства Ф.А. Фортунатова и коллеги по ЦБК, пушкиниста М.Д. Беляева. Столь разные по социальному происхождению, образованию, возрасту люди дали одинаковые отрицательные ответы на вопрос о возможной принадлежности Анциферова к контрреволюционной организации и выражали сожаление в связи с арестом “честного советского гражданина и большого энтузиаста своего дела”.

Особый “жанр” в следственных делах – письма жен и матерей. В уголовном деле Н.П. Анциферова сохранилось пять писем Софьи Александровны Гарелиной. Написанные еще молодой женщиной – ровесницей века: в тот год ей исполнилось 37 лет – они, обращенные к всеильному наркому НКВД Ежову, поражают дерзостью, граничащей с отчаянием. “...я спрашиваю себя, что если дело мужа результат гнусной клеветы или чьей-либо трусливой перестраховки, с одной стороны, формального подхода в решении его – с другой (...). Тов. Ежов! Имею ли я право сидеть сложа руки и молчать? Разве честный советский гражданин не должен бороться за восстановление истины и справедливости, в которой он убежден?”⁴⁵

Ответа не последовало, и спустя месяц Софья Александровна в новом обращении к наркому просит вызвать ее в качестве свидетеля рокового разговора мужа с Родзянко-Григорьевой, вновь настаивает на невинности Анциферова: “Тов. Ежов, может быть непонятным, как я могу сейчас, когда вся страна глубоко потрясена гнусным процессом изменников думать о судьбе мужа, но мне кажется, что долг каждого из нас, рядовых граждан, помогать правительству бороться с ошибками, с извращениями. Мы должны сейчас все удесятить свои силы в служении родине, и каждый на

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-4895. Л. 8–9 об.

⁴⁵ Там же. Л. 70–71 об.

своем посту. Дайте же возможность моему мужу, специалисту-энтузиасту, вернуться к своей работе, которой он отдал столько внимания и сил. Прошу вас об одном, обратите внимание на это дело. (...) У моего мужа грудная жаба, и он в Москве жил под опасностью смертельного припадка, у него незалеченная тропическая малярия, а он в Уссурийском краю – если бы это могло повлиять на условия пересмотра”⁴⁶.

И вновь обращение осталось незамеченным. Вероятнее всего, третья ссылка уже немолодого и тяжело больного Анциферова завершилась бы его гибелью. Однако перевод в 1938 г. в Москву Л.П. Берии, которому было поручено ликвидировать “перегибы ежовщины”, на короткое время изменил политическую конъюнктуру, и новое письмо Софьи Александровны к вновь назначенному наркому от 20 февраля 1939 г. послужило к пересмотру дела ее мужа: “Да, муж мой привлекался по делу историков в Ленинграде в 1929 г. и был сослан. Тов. Берия! Но разве возможна вторичная кара за прежде содеянное без нового преступления? (...) Со своей стороны, решаюсь напомнить, что главные лица по делу историков, как Тарле, Готье и др. ныне пользуются доверием правительства, избраны в Академию. (...) Мой муж – не враг народа, он, наоборот, преданный честный энтузиаст своего дела, ученый и прекрасный педагог. (...) Правду о нем вы услышите от пионеров дома пионеров, с которыми он работал...”

Мне легко говорить о значимости моего мужа, т.к. у нас смежная специальность и работали мы рука в руку. Я на свободе, на прежней работе, пользуюсь доверием – он в концлагере.

Тов. Берия! Я прошу только внимания к его делу. Муж сейчас в ДЗК ст. Усури; 19 отд. Амурлага НКВД 16 колонна. Он до сих пор работает то землекопом, то кладовщиком, то истопником. При его грудной жабе – это яд. Неужели такие люди, как он, не нужны стране?”⁴⁷

28 октября 1939 г. УНКВД по Московской области приняло решение об отмене приговора тройки, и 6 ноября 1939 г. Анциферов был освобожден. Посетив сначала детей в Ленинграде и повидавшись с давними друзьями – семьей Лозинских, он вернулся в Москву, где вновь был принят на работу в ГЛМ высоко ценившим Анциферова В.Д. Бонч-Бруевичем.

Великая Отечественная война застала Анциферова в Москве. Всеми своими мыслями он был с родным ему городом, с детьми, оставшимися в Детском Селе. Научная работа тоже сосредоточилась на ленинградской теме. Но не забыта и Москва. Анциферовым была собрана картотека в 15 000 единиц с воспоминаниями писателей и литературно-художественными зарисовками столицы. Осенью 1941 г. Анциферов задумал две книги: о Петербурге-Ленинграде и “Героическая Москва и ее прошлое”. Книга о Москве выросла из лекций, которые непрерывно в первые осенние месяцы войны Анциферов читал бойцам и командному составу в госпиталях, воинских частях и военно-пересыльных пунктах столицы.

К весне 1942 г. книга о Москве была завершена, однако в июне того же года ее отвергла редакция ГИХЛ. В Российском государственном архиве литературы и искусства сохранился глубоко поразивший Николая Павловича отзыв на его рукопись. Составителя отзыва возмутило, что в книге о

⁴⁶ Там же. Л. 54–54 об.

⁴⁷ Там же. Л. 37–37 об.

“героической Москве” Анциферов коснулся негероических ее будней, ее повседневного быта, “языка” ее улиц и площадей – городской номенклатуры. Другой упрек поверг Анциферова в изумление: “Так как книга – о Москве, то автор счел нужным все остальное подвергать охаиванию. Особенно достается Петербургу”. Наконец, Анциферов был обвинен в идеологическом пособничестве финнам в войне против СССР: «Автор утверждает: в районе Москвы, “в те далекие времена жили финны, которых русские вытеснили отсюда, и таким образом, еще в те далекие времена, русским пришлось столкнуться с финнами, брошенными в 1941 г. Гитлером на подступы к этому древнему русскому городу”. Нечего и говорить, что такая “красивая фраза” только дает финнам оружие для “идейного” обоснования своей агрессии»⁴⁸.

“Мундирный” (определение Н.П. Анциферова такого рода рецензентов) автор отзыва, закрывшего книге о Москве путь к читателю, не мог знать оценок этого труда первыми его слушателями. Архив Государственного литературного музея сохранил десять таких отзывов-оценок лекций “профессора Н.П. Анциферова” по теме “Героическая Москва и ее прошлое”. Вероятно, отзывов было гораздо больше, ведь за период с декабря по июнь 1941–1942 гг. Николаем Павловичем было прочитано 59 лекций и проведено 15 бесед⁴⁹. Приведем наиболее характерные оценки: «Лекция на тему “Героическая Москва”, прочитанная командному и политическому составу тов. Анциферовым Н.П. прошла с успехом, образно, ярко и доходчиво. Перед аудиторией была воскрешена Москва. Прекрасно показан исторический путь становления Москвы и ее народные герои, ставшие во главе народного движения, направленного против иноземных захватчиков. С чувством большого удовлетворения командиры, политработники и бойцы прослушали интересную лекцию и искренно по-фронтовому горячо благодарят тов. Анциферова за доставленное удовольствие и отдых»⁵⁰. «С исключительным вниманием больные выслушали лекцию профессора тов. Анциферова “Героическая Москва” 7/X–42 г. По выражению больных “такая лекция лучше концерта”. Желательно чаще встречаться с профессором в нашем госпитале. Воен[ный] госпиталь института им. Обуха»⁵¹.

В годы войны Анциферов не покидал Москвы. Дом по Афанасьевскому не топили, и семья меняла адреса, переселяясь на время к друзьям. Смерть сына в блокадном Ленинграде и потеря дочери Татьяны – она была угнана из Детского Села в Германию, глубоко поразили Николая Павловича. Бомба, взорвавшаяся во время налета поблизости от него, не испугала, а лишь напомнила о скорой встрече с ушедшими родными и друзьями. Много сил отнимали лекции, побочные заработки, статьи, служба. А тут еще огород, поддерживавший семью в те голодные годы. Весной 1943 г. он выкорчевал кусты и засадил картошкой 60 кв. м на участке в “Заветах Ильича”, что в сорока километрах от Москвы по Ярославской железной дороге. Здесь с предвоенных времен располагались дачные наделы литературных органи-

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 2550. Оп. 2. Ед. хр. 646. Л. 5–7.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. А-629. Оп. 1. Д. 186а. Л. 8.

⁵⁰ Там же. Л. 67.

⁵¹ Там же. Л. 83.

заций и в десятке километров, на станции Лосиноостровская, проживал друг юности искусствовед-архитектор Федор Алексеевич Фортунатов.

14 апреля 1943 г. на заседании Президиума Союза советских писателей был рассмотрен вопрос о приеме в члены Союза Н.П. Анциферова, заслушаны отзывы на его труды В.О. Перцова и старых коллег и друзей – Б.В. Томашевского и М.Л. Лозинского. Выступавшие характеризовали Анциферова как человека “очень большой культуры”, автора книг, “которые известны тем, кто интересовался жизнью Ленинграда и Москвы”⁵². Оригинальной чертой его работ о городах было названо использование их отражений в классической литературе. Не был забыт и вклад Николая Павловича в литературоведение. Анциферов считался одним из лучших знатоков Герцена. Кандидатура была поддержана А.А. Фадеевым, и Анциферов стал членом Союза писателей СССР: “На днях избран в члены союза писателей. Сейчас это очень трудно. Из 21 кандидата прошло только 4”⁵³.

Отказ в публикации книги о Москве вывел на первый план работу над другим, столь же дорогим Николаю Павловичу замыслом – книгой о Петербурге–Ленинграде. В последних числах сентября 1942 года он сообщает друзьям о начале работы над диссертацией «на тему “Петербург Достоевского”»⁵⁴.

Урбанистическая тематика анциферовских трудов в период Великой Отечественной войны связана с углубленными занятиями в области социальной истории и футурологии русских столиц, реконструированных им в предвоенные годы по произведениям русской классики. Анциферов сосредоточился на загадке пророческой силы их хронотопической образности. Пути российской истории XX в., предугаданные писателями XIX в., открылись им, по мысли исследователя, как художникам, обладавшим способностями социальных историков. Поэтика исторической футурологии русской литературы стала главной темой монографии Анциферова “Проблемы урбанизма в русской художественной литературе”⁵⁵. Личный фонд Н.П. Анциферова в Отделе рукописей ИМЛИ РАН им. А.М. Горького сохранил документы ученого, подготовленные им к защите. Среди них датированное 22 октября 1943 г. заявление Анциферова с просьбой о допущении его к защите диссертации по указанной теме на соискание степени кандидата филологических наук. Тогда же были представлены тезисы диссертационного исследования, по свидетельству самого Николая Павловича, принятые “очень сочувственно”.

Завершающую главу диссертации Николай Павлович писал в последний месяц 1943 г., когда тезисы его работы уже были переданы в Ученый совет ИМЛИ. В преддверии скорого падения блокады Анциферов работал над последней, “пророческой главой” монографии: “Идея Петербурга и Зо-

⁵² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 620. Л. 23.

⁵³ Анциферов Н.П. Письмо Г.А. Штерну от 1 мая 1943 г. // ОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 167.

⁵⁴ Анциферов Н.П. Письмо Г.А. Штерну от 27 сентября 1942 г. // Там же.

⁵⁵ Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / вступ. ст. Н.В. Корниенко; подгот. текста, послесл. Д.С. Московской. М., 2009; *Московская Д.С.* “Жизнь сквозь город...”: Н.П. Анциферов – автор локального метода в литературоведении // Там же. С. 491–570; *Корниенко Н.В.* Статья от редактора: Филология прошлого и будущего // Там же. С. 5–12.

лотой век”. В письме другу он назвал ее самой важной для исследования. В декабре 1943 г. Борис Викторович Томашевский с ней ознакомился. Этот, по словам Анциферова, “очень скупой на похвалы критик”, на основании уже одной этой главы считал возможным поднять вопрос о предоставлении Николаю Павловичу сразу степени доктора.

В самом конце того же года были назначены официальные оппоненты Анциферова, В.Я. Кирпотин и А.Г. Цейтлин, вызвавшие сомнения Николая Павловича в перспективах своей защиты: “А вот мои оппоненты (...) совершенно чужды урбанических интересов, и я далеко не уверен, что получу даже степень кандидата”⁵⁶. Против ожиданий, оппоненты дали высокую оценку работе Анциферова. Возражение у них вызывало *все сказанное о “золотом веке”*.

Отзыв Б.В. Томашевского подтвердил уже высказанную при знакомстве с фрагментами диссертации ее высокую оценку: он призвал признать монографию достойной степени доктора филологических наук. Это предложение Томашевский аргументировал новым подходом диссертанта к анализу идейного содержания, стилового своеобразия и мировоззрения отечественных и зарубежных беллетристов: “Характерно, что эта область литературоведения является оригинально русской. Именно в этой области русские исследования менее всего испытали влияние западной науки. (...) Для наших русских работ характерна их проблемность, связанность данной темы с общими вопросами творчества изучаемого писателя. Именно в русском литературоведении эта тема не отрезана от основных вопросов литературной истории”⁵⁷.

Томашевский отметил существенную черту новой методологии, позволившей в художественном изображении местности вскрыть особенности мировоззрения писателя, обнаружить глубинные связи его музыки с пространством и временем современной ему социальной истории. Отзыв Томашевского акцентировал появление “литературоведческого урбанизма” как историко-литературного метода, ставящего во главу угла “власть места” над сознанием, волей, судьбой человека – литературного ли героя или его создателя, автора. Власть места над его населением определена природно-географическим пространством, в котором возник город, и теми социально-экономическими и политическими потребностями, что вызвали его к жизни. Эти факторы определяют содержание местного предания – этиологическую легенду местности. Отраженная в местном фольклоре, переданная хронотопической образностью художественной литературы, она живет в исторически изменчивом комплексе интерпретаций – исторических “функциях” предания, находящихся под воздействием развития и смены “физиологии” и “психологии” местности.

Этиологическая легенда местности была центром научного внимания Анциферова в течение почти двадцати пяти лет, с 1918 г. по 1942 год. В эти годы он не раз возвращался к “научному дневнику” своей жизни – работе над эссе “Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность”. Оставшаяся незавершенной, эта работа посвящена глубинным силам исторического процесса. В ней впервые Анциферов применил ни-

⁵⁶ Анциферов Н.П. Письмо Г.А. Штерну от 25 декабря 1943 г. // ОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 167.

⁵⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 427. Оп. 2. Д. 4. Л. 17.

где больше им не использовавшееся, заимствованное из наук о земле понятие “легенды местности” в значении архитектурно-монументальных, природно-ландшафтных и литературно-художественных, летописных, фольклорных исторических свидетельств о причинах возникновения и политико-экономической функции данной местности. Зародившаяся в неповторимом природно-географическом окружении, она сообщает местности “душу”, внося в ее историю некий факт, возможно не имевший места во внешней действительности.

В работе “Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность” Анциферов выдвинул понятие *внутренней действительности*, т.е. тех событий, которые восприняты сознанием человеческих сообществ, уверовавших в них, и в этом умозрении обретших свое бытие. Верой людской легенда превращается в *исторический факт, влияющий на ход истории*, что в терминах методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского, друга И.М. Гревса и преподавателя Анциферова в его бытность студентом историко-филологического факультета, обозначает ее *историческую действительность*.

Анциферов считал методологически важным, не отвергая “низких истин”, обратиться к исторической действительности “возвышающего обмана” легенды, “узаконенной сознанием человеческого общества и в нем обретшей свое историческое бытие”. Для пояснения своей мысли он обратился к истории посещения Рима ап. Петром, факту, исторической наукой “в лице подавляющего числа своих представителей” не признанному. Однако обращение к архитектурному облику столицы Италии свидетельствует обратное: «Те, кто был в “Вечном городе” (...) для тех весь Рим уже полон присутствием апостола Петра». Анциферов говорит об *излучении веры миллионов*, которая “в течение веков, тысячелетия наполняла город св. Петра”. Она насытила образом этого апостола “все камни Рима”.

Опыт социалистической реконструкции, совершенный не только рабским трудом, но колоссальной энергией веры в идеалы социализма, подтверждал высказанное в дневниковых записях Анциферова двадцатых годов наблюдение об “историческом идеализме” большевиков, начавших свою практическую деятельность с идеологической подготовки сознания общества. Социальный историк, по мнению Анциферова, не должен упускать из виду “внутреннюю действительность” истории. Вновь, в цитируемой работе, Анциферов возвращается к главной методологической идее, впервые высказанной им в работах двадцатых годов, о пригодности для социального историка “художественных” методов писателя: «Плох тот историк, который *совсем не поэт* (курсив наш. – Д.М.), который не способен ощутить действительное бытие легенды, связанной с “историческим местом”»⁵⁸.

Диссертация Анциферова строилась на фундаменте его “петербургской трилогии” и развивала ее с опорой на жизненный опыт, практическую деятельность автора и теоретическую разработку им методологии литературоведения в предыдущие годы. Главный вопрос, на который искал ответ в своей диссертации историк Петербурга Анциферов, был вопрос о последствиях, которые ожидают общество, попытавшееся отменить истори-

⁵⁸ Анциферов Н.П. Историческая наука как форма борьбы за вечность // ОР РНБ. Ф. 27. Д. 72. Л. 10–13.

ческую духовную “надстройку” местностей, разрушившее вещественные формы ее существования, однако оставшееся заложником исторического природного своеобразия и географического положения своей Родины. Этот вопрос не был услышан большинством его оппонентов.

Являясь в годы Великой Отечественной войны заведующим отделом литературы XIX в. ГЛМ, Анциферов разрабатывал темы, связанные с типологическими особенностями русской литературы. Еще в двадцатые годы он утверждал, что русская литература создана художниками с талантом и установками социального историка – краеведа-местнографа. Эта точка зрения Анциферова в сороковые годы нашла полную поддержку у Б.В. Томашевского и дополнительную с его стороны аргументацию.

Послевоенная научная деятельность Анциферова определялась во многом его профессиональными обязанностями. Его работу в эти годы достаточно освещают материалы ГЛМ, отложившиеся в фондах ГА РФ, РГАЛИ и ОР ГЛМ. Он подготавливал выставки и экспозиции, посвященные русским писателям и поэтам. Работа над разработкой экскурсий по Москве Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Герцена, Чехова выливалась в частично опубликованные статьи и книги по этой тематике, в цикл очерков “Литературная Москва”. Продолжилась работа по изучению пушкинского “Медного всадника”.

Особую ценность имеет предание, бережно сохраненное людьми, лично знавшими Н.П. Анциферова. Они сумели передать множество живых деталей, характеризующих образ жизни, бытовые привычки, традиции и привязанности Николая Павловича, его характер, манеру общения и темперамент. Среди тех, кто знал и помнил Анциферова, уже ушедшие из жизни его младший друг Игорь Константинович Фортунатов; сотрудники по ГЛМ – Галина Владимировна Коган, и Александра Андреевна Ширяева. Сегодня о Николае Павловиче могут рассказать Александр Борисовна Молчанова (Ася Бурого), хорошо знавшая его в послевоенные годы, и Сигурд Оттович Шмидт – один из первых слушателей воспоминаний Н.П. Анциферова. Память о Николае Павловиче бережно хранят его дочь Татьяна Николаевна Камендровская, внук Михаил Сергеевич и друзья их детства, ставшие друзьями и Николая Павловича: сосед по арбатской квартире Евгений Васильевич Садовников – ровесник Михаила Сергеевича; Алексей Георгиевич Штерн, сын ученика Анциферова – Георгия Александровича Штерна; Галина Александровна Андреева, близкая подруга Татьяны Анциферовой по годам учебы в школе Детского Села... В их воспоминаниях неизменно возникает образ необыкновенно благородного, исполненного внутреннего света и детской простоты человека. Он умел своей добротой и любовью, рожденной опытом собственной, полной утрат жизни, дать силы жить тем, кому, казалось, уже некуда было идти:

...Он проторенных не искал дорог,
Путем утрат и радости, страданья
Он шел, но на пути не изнемог
И выполнил свое обетованье:
Для нас открыл любви живой исток
И мысли просветленной обаянье.
(Георгий Штерн. “Памяти учителя
(К 75-летию со дня рождения)”. 1964 г.)⁵⁹

⁵⁹ Штерн Г.А. Мои стихи. СПб., 1999. С. 43

Урбанистическая проблематика историко-литературных исследований, зародившись в Петербурге в градоведческих семинариях И.М. Гревса, никогда не покидала круга научных интересов Анциферова. “Московский период” на первый план выдвинул разработку “литературоведческого урбанизма”. Локально-исторический метод, представленный Анциферовым в его диссертационном исследовании, не потерял научной актуальности и сегодня. В равной степени он отвечает тенденциям современной исторической науки, которая апробирует новые методики и подходы к социальной истории, и научным задачам литературоведения. Здесь особо следует выделить сферу истории и текстологии русской литературы, где локально-исторический метод более всего может послужить в деле “разработки идеологии реального комментария исторического события и текста литературного памятника”⁶⁰.

Говоря о методологическом значении литературоведческих работ Н.П. Анциферова, уместно будет вспомнить слова, прозвучавшие из уст Евгения Борисовича Тагера на защите диссертации Н.П. Анциферова 5 сентября 1944 г. По его мнению, работы Николая Павловича открыли новую страницу в отечественном литературоведении, “страницу, обязывающую, чтобы она была продолжена общими усилиями работников литературной науки”⁶¹. Для выполнения этого наказа необходимо восстановить по архивным материалам, рассеянным в периодике публикациям и ставшим библиографической редкостью книгам всю полноту научного наследия первооткрывателя “городского текста” русской культуры.

⁶⁰ Корниенко Н.В. Филология прошлого и будущего // Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. С. 12.

⁶¹ АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Д. 126. Л. 111.

Н.Н. Ростова

**АРХИВ ИСТОРИКА И АРХИВИСТА
Р.В. ОВЧИННИКОВА***

Доктор исторических наук Реджинальд Васильевич Овчинников (1926–2008) известен как специалист по истории России периода феодализма, источниковедению и историографии народных движений в России в XVII–XVIII вв., археограф, и в особенности, как исследователь двух взаимосвязанных тем – истории народного восстания 1773–1774 гг., и отображения этих событий в опубликованных произведениях А.С. Пушкина и его рукописном наследии. Архив историка готовится к передаче на постоянное хранение в ГА РФ и РГАДА и задача настоящего обзора – предварительно ознакомить с рукописным наследием ученого, состоящего из более чем 500 ед. хр. за 1941–2009 гг.

Р.В. Овчинников родился 27 марта 1926 г. в г. Ишим Тюменской области в семье служащих. В 1939 г. семья переехала в Москву. По окончании в 1941 г. 7-го класса средней школы в первые месяцы Великой Отечественной войны участвовал в строительстве оборонных сооружений на Смоленском направлении, откуда вернулся в Москву в начале октября 1941 г. В том же месяце был эвакуирован в Ташкент вместе с родителями, которые работали в Академии бронетанковых войск РККА. Трудовую деятельность он начал подростком в годы войны. Окончив в Ташкенте 8-й класс средней школы, поступил на работу учеником слесаря в ремонтные мастерские Академии бронетанковых войск (с 24 июня 1942 г. по 9 октября 1943 г.). В 1943–1947 гг. Р.В. Овчинников учился в Московском механическом техникуме Министерства сельскохозяйственного машиностроения СССР, по окончании которого, в 1947–1949 гг. работал техником-технологом на заводе № 67 того же министерства.

В те же годы он был студентом-заочником МГИАИ, а в 1949 г. перевелся на очное отделение, где его учителем стал А.А. Зимин. Институт Р.В. Овчинников закончил с отличием в 1952 г. До 1955 г. работал научным сотрудником в ГАУ МВД СССР, а в 1955–1963 гг. – в публикаторском отделе ЦГАДА.

В 1963–1965 гг. – аспирант МГИАИ. В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме “Архивные разыскания А.С. Пушкина по истории восстания Е.И. Пугачева”, и с этого времени до 1971 г. преподавал на кафедре археографии МГИАИ (с 1968 г. – доцент).

В течение тридцати лет (с 1971 г.), вплоть до выхода на пенсию 1 июня 2000 г. Р.В. Овчинников был старшим, а затем ведущим научным сотруд-

* Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Наталье Федоровне Демидовой за помощь в составлении данного обзора.

ником (с 1995 г. – ведущий научный сотрудник-консультант) ИИ СССР АН СССР (ныне ИРИ РАН). Здесь же в 1981 г. защитил докторскую диссертацию на тему “Манифесты и указы Е.И. Пугачева: Источниковедческое исследование”. Но и после ухода с работы он не оставил активных занятий наукой. После 2000 г. он опубликовал монографию, принимал активное участие в подготовке коллективных трудов, публикаций архивных документов, энциклопедий, комментировании нового издания сочинений А.С. Пушкина.

Материалы архива Р.В. Овчинникова могут быть систематизированы по следующим разделам:

1. Научные труды, научно-популярные работы и материалы к ним.
2. Отзывы Р.В. Овчинникова на работы других авторов.
3. Отзывы на его работы.
4. Биографические материалы.
5. Материалы по деятельности.
6. Переписка.
7. Оттиски его работ и оттиски, присланные ему другими авторами.
8. Иллюстративные материалы.

Центральное место в архиве занимают материалы первого раздела. Следует подчеркнуть, что тематика исследований, которыми Р.В. Овчинников занимался еще в начале научной биографии, оставалась неизменной на протяжении почти всей жизни. В фонде имеется, вероятно, первая научная работа автора – курсовая работа на 3-м курсе МГИАИ “Археографическая деятельность К.Ф. Калайдовича” (1950). Сохранились также фрагменты кандидатской и докторской диссертаций. На основании кандидатской диссертации исследователем была подготовлена книга «Пушкин в работе над архивными документами (“История Пугачева”)), сохранившаяся в архиве.

При подготовке и диссертации, и книги Р.В. Овчинников провел аналитическую работу по сверке архивных документов и соответствующих им текстов А.С. Пушкина в “Архивных тетрадах” и в “Истории Пугачевского бунта”. Сам ученый так вспоминал об этой работе: «Я сопоставил рукописные заготовки Пушкина и печатный текст “Истории Пугачевского бунта” с архивными документами, что дало возможность уяснить методы работы поэта с историческими источниками. Наряду с этим, провел полное описание на карточках всех документов из архивных дел, побывавших в руках Пушкина (этот каталог до сих пор исправно служит мне)¹, а так же скопировал и перепечатал на машинке все те документы, которые привлекли внимание Александра Сергеевича, оставили след в его рукописях и получили отображение в опубликованных им работах о Пугачеве, в том числе в романе “Капитанская дочка” (один экземпляр этого машинописного сборника, насчитывающего 1200 страниц, я передал в Пушкинский дом)»². В фонде сохранился второй экземпляр сборника. Характеризуя эту работу Р.В. Овчинникова, его учитель А.А. Зимин писал: “Редж наделен очень удачным сочетанием – примерное трудолюбие (такую работу, как он,

¹ Каталог помогал в работе и другим ученым. Например, кандидатам исторических наук А.И. Белому (Уральск); Л.Н. Большакову (Оренбург); И.М. Гвоздиковой (Уфа).

² “Занятия в архивах дают возможность познать вкус и азарт исследовательского поиска...”: Р.В. Овчинников о комментировании произведений А.С. Пушкина // ОА. 2007. № 3. С. 68.

о Пушкине выполнить вряд ли кто-либо смог бы) у него сочетается с сильным логическим умом”³.

По сути, этот труд является своеобразной лабораторией ученого, характеризующей методику его работы. Результатом переработки всех накопленных материалов стали и последние, к сожалению, незавершенные труды автора – дополненный и переработанный «Каталог архивных документов и соответствующих текстов Пушкина в его рабочих (“архивных”) тетрадях и в “Истории Пугачевского бунта”, архивных дел и документов, собранных Пушкиным после выхода в свет “Истории Пугачевского бунта”» и “Каталог собранных Пушкиным записей устных рассказов, преданий, песен”.

В результате изучения “пушкинской” темы появились книги, машинописи которых сохранились в фонде. Например, “Оренбургская Пушкинская энциклопедия” (1997), написанная в соавторстве с Л.Н. Большаковым. Энциклопедия посвящена произведениям Пушкина, связанным с изучением “пугачевской” тематики, его оренбургской поездкой 1833 г. Надо сказать, что некоторые статьи энциклопедии, подготовленные Р.В. Овчинниковым, утрачены, вернее они были использованы в других работах автора.

К этой же тематике относится работа, над которой ученый трудился в последние годы своей жизни. Это комментарии к одному из томов нового двадцатитомного издания сочинений А.С. Пушкина, подготавливаемого к изданию ИРЛИ РАН. Вот как говорил сам Реджинальд Васильевич об этой работе: «Комментирование заключалось во фронтальном сопоставлении текстов Пушкина строка за строкой, со всеми использованными им историческими источниками... отмечалось при комментировании и то, насколько точно и полно учел он в своем тексте содержание источника, как устанавливал истинность того или иного свидетельства путем критического сопоставления с параллельными известиями других источников. Обращено особое внимание на документы, вызвавшие у Пушкина наибольший интерес, например донесения крупных военачальников и администраторов с обобщенной характеристикой событий, их... оценкой. Столь же заинтересованно относится поэт к живым свидетельствам участников Пугачевского восстания и их очевидцев, протоколам допросов пленных пугачевцев, случайных попутчиков, перебежчиков и лазутчиков, показания которых изображали внутреннюю жизнь повстанческого лагеря. В комментариях нашли освещение и прочие источниковедческие и текстологические сюжеты, связанные с изучением “Истории Пугачевского бунта” и других трудов Пушкина по этой теме»⁴.

Многообразие задач, поставленных и решаемых в данном труде, сказалось и на объеме работы. Комментарии насчитывают около 700 страниц машинописи. Первый экземпляр комментариев передан в ИРЛИ РАН, второй – находится в архиве Р.В. Овчинникова.

Узнав об этой работе ученого, его соавтор по “Оренбургской Пушкинской энциклопедии” и корреспондент, Л.Н. Большаков, в последнем своем письме писал: «Меня искренне порадовало включение Р.В. в академиче-

³ Цит по: *Зимин А.А.* Дети становятся взрослыми // Александр Александрович Зимин / сост. В.Г. Зиминова, Л.Н. Простоволосова. М., 2005. С. 90.

⁴ “Занятия в архивах дают возможность познать вкус и азарт исследовательского поиска...” С. 72.

скую упряжь очередного пушкинского гиганта. Кому-кому, как не ему сделать этот гигантский труд... – тома “Истории Пугачева”. По сути дела, он работает на эту идею годы и годы, да как еще работает!» К этой же тематике относятся и машинописи научно-популярных книг – “Над пугачевскими страницами Пушкина” (1981), “За пушкинской строкой” (1988), “По следам исторической прозы А.С. Пушкина” (2002).

Что касается “пугачевской” темы, то она представлена источниковедческими монографиями “Манифесты и указы Е.И. Пугачева: (Источниковедческое исследование)” (1980), “Следствие и суд над Е.И. Пугачевым и его сподвижниками” (1995) и фундаментальным изданием “Салават Юлаев: Энциклопедия” (2004), где Р.В. Овчинников был одним из соавторов. К “пугачевской” теме относятся также сборники документов, где Р.В. Овчинников был составителем, автором вводных статей и комментариев – “Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений” (1975) (подготовительные материалы и верстка), “Емельян Пугачев на следствии” (1977) (машинопись с двумя вариантами примечаний – подробным и сокращенным). В архиве отложились также статьи, подготовленные автором для пятого–седьмого томов “Советской исторической энциклопедии”.

Помимо названных работ, автором было опубликовано около 140 статей, очерков, обзоров, тезисов докладов, рецензий, отзывов, публикаций исторических источников (аннотированная машинопись с их перечнем, а также журнальные и газетные вырезки статей ученого). Среди них: “Пугачевские бумаги в архивных тетрадях А.С. Пушкина” (АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 304–311); “К вопросу о работе А.С. Пушкина в русских провинциальных архивах” (СА. 1967. № 4. С. 63–70); “Оренбургская архивная Пушкиниана” (Двадцать седьмая Пушкинская конференция. К 150-летию оренбургской поездки А.С. Пушкина: Тез. докл. Оренбург, 1983); «Архивные документы на страницах повести А.С. Пушкина “Капитанская дочка”» (ОА. 2008. № 3. С. 16–30); “Автографы Пугачева” (Вопросы архивоведения. 1960. № 6. 56–59); «Пашпорт “Пугачева”» (Огонек. 1961. № 35); “Судьба семьи Е.И. Пугачева” (Крестьянская война в России 1773–1775 гг.: Восстание Пугачева. Л., 1970); о пугачевских атаманах А.П. Перфильеве, Гаврииле Лихачеве, Федоте Кочневе, И.Н. Зарубине-Чике, И.Ф. Арапове и др.

О широте научных интересов Реджинальда Васильевича свидетельствуют находящиеся в его архиве публикации и статьи и по другим темам. Так, Р.В. Овчинников выступил как автор предисловия, комментариев и один из составителей сборника документов “Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII в. (1601–1608)” (2003), (подготовительные материалы, машинопись и гранки). Правда, в данном случае мы имеем дело с понятным для исследователя интересом к раннему периоду крестьянского движения.

Значительно пестрее обширный статейный состав. Например, “Новые документы об И.А. Крылове” (1959); “Новые документы об экспедиции Джеймса Кука” (1961); “Новые страницы экспедиции Лаперуза” (1962); “Крушение полудержавного властелина” – публикации документов следствия по делу князя А.Д. Меншикова (1970) (предисловие и примечания к публикации составлены Р.В. Овчинниковым); “О казачьих предках Лики Мизиновой” (1983); «Пушкин в работе над архивными источниками “Исто-

рии Петра I» (1999); «Из документальных комментариев к автобиографическим запискам Пушкина “Мой дед, когда мятеж поднялся”» – по поводу версии причастности Льва Александровича Пушкина к дворцовому перевороту 1762 г.; «“Дед мой был человек пылкий и жестокий” – предание о расправе Л.А. Пушкина с домашним учителем» (2000); “По следам архивных разысканий В.Г. Короленко в Уральске” (2000); «Архивные документы к биографии героев повести Н.С. Лескова “Кадетский монастырь”» (2007) и др.

К этому можно прибавить не отраженную в фонде работу Р.В. Овчинникова, которой он занимался несколько лет во время работы в ЦГАДА – участие в ряде готовившихся сборников документов о внешней политике феодальной России. С его участием были подготовлены и изданы фундаментальные сборники по русско-индийским отношениям в XVIII в. и русско-белорусским связям в XVI–XVII вв. Документы, связанные с этими работами, отложились, по-видимому, в делопроизводстве и архиве РГАДА.

Наиболее полное представление о работах Р.В. Овчинникова дают “Список печатных работ” и “Список трудов”, составленные соответственно в 1993 и 2007 гг. Первый дает более детальное представление о статьях, опубликованных в “Советской исторической энциклопедии”. Второй дополнен работами, выпущенными уже в 2008–2007 гг. Отметим, что не только крупные научные труды Реджинальда Васильевича, но и практически все статьи, очерки и т.д. опубликованы.

Большую группу документов в архиве составляют подготовительные материалы к научным работам ученого. Это машинописные, фото- или ксерокопии архивных документов (протоколы всех допросов Е.И. Пугачева, протоколы допросов всех его сподвижников, указы и манифесты Пугачева, документы его ставки, повстанческих властей и учреждений и т.д.), выписки из документальных материалов и печатных изданий, иллюстрации к его работам (в основном по “пугачевским” сюжетам), карты и схемы Крестьянской войны 1773–1774 гг. и т.д.

Часть выписок собрана в досье об участниках этой войны (об И.Н. Зарубине-Чике, А.А. Овчинникове, Салавате Юлаеве и др.) или об офицерах правительственных войск (в том числе о В.А. Каре, А.П. Крылове, И.И. Михельсоне и др.), а также о второй жене Е.И. Пугачева – У.П. Кузнецовой, об Акулине Тимофеевне Блиновой (урожденной Мордвиновой) – бердской казачке, очевидице посещения А.С. Пушкиным Бердской станицы (в XVIII в. – слобода) и т.д. Собраны сведения о крепостях в окрестностях Оренбурга, за взятие которых шла борьба между пугачевцами и правительственными войсками, о регулярных войсках, участвовавших в подавлении Пугачевского восстания. Вероятно, самые важные, на взгляд автора, копии архивных документов разобраны и систематизированы по дням восстания, с августа 1773 г. по октябрь 1774 г. (правда, есть и более поздние документы). Эта подборка названа автором “Хроника” и соредоточена в четырех объемных папках.

В фонде хранятся и машинописные ксерокопии мемуаров участников подавления восстания Е.И. Пугачева – А.В. Папава, Ф.Ю. Фреймана и др., а также отзывы современников А.С. Пушкина на вышедшую в свет его работу “История Пугачевского бунта”.

К числу подготовительных материалов, вероятно, можно отнести и полистные картотеки 11 дел Секретной экспедиции Военной коллегии (РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1230–1240); дела № 143 фонда Военно-ученого архива РГВИА и № 527 фонда 6 “Собрания материалов, относящихся до Пугачевского бунта и принадлежащих управляющему Московским главным архивом Н.Н. Бантыш-Каменскому”. Этот подготовительный материал убедительно свидетельствует о солидности документальной основы всего творчества ученого.

По смыслу раздел отзывов очень тесно связан с первым разделом о научных трудах автора. Большинство отзывов не публиковалось и представляют определенную историографическую ценность. Самостоятельный интерес представляют не только высказывания ученого по различным вопросам отечественной истории периода феодализма, но и по таким вопросам и периодам, которыми сам Р.В. Овчинников вплотную не занимался.

Традиционными можно назвать отзывы на кандидатские диссертации аспиранток Р.В. Овчинникова – И.М. Гвоздиковой и А.С. Майоровой, отзывы на книгу В.И. Буганова “Бунтари российские” (XVII–XVIII вв.), на научно-популярные очерки Н.И. Павленко о Петре I и др. Ко второй группе относятся отзывы на биографический справочник “Страницы военного некрополя старой Одессы” И.В. Дивного, на научный доклад М.С. Корзуна “Русская православная церковь: деятельность и мировоззрение (X век – 1988 г.)”, на проект “Словаря видов и разновидностей документов”, составленный ВНИИДАД в 1971 г. и т.д.

Среди отзывов на работы Р.В. Овчинникова имеются отзывы заместителя директора ЦГВИА, кандидата исторических наук В.Н. Автокротова и начальника отдела ЦГВИА Е.И. Воронина на его кандидатскую диссертацию, кандидата филологических наук, литературоведа М.И. Гиллельсона и доктора филологических наук Н.Н. Петруниной на книгу “Пушкин в работе над архивными документами”, замечания доктора филологических наук Н.В. Измайлова на эту же книгу (редактором которой он был); заместителя директора Государственного музея А.С. Пушкина по научной работе кандидата филологических наук Н.И. Михайловой на книгу “За пушкинской строкой”; доктора исторических наук С.О. Шмидта на статью “К вопросу об архивных изысканиях А.С. Пушкина по истории пугачевского движения” и т.д.

Биографические материалы представляют значительный интерес при изучении жизни и деятельности Р.В. Овчинникова. Это свидетельство о рождении, ксерокопия справки о работе в 1942–1943 гг., удостоверения о награждении медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.” и другими медалями, дипломы и документы об образовании, членские билеты Всесоюзного общества “Знание” и “Всесоюзного Пушкинского общества”, грамоты о поощрениях и награждениях ученого, об успехах в командных и личных первенствах по шахматам в районных соревнованиях общества “Динамо”, грамоты и дипломы за первые места в конкурсах индивидуальных научно-исследовательских монографий и научно-популярной литературы. Трудовая книжка, пенсионное удостоверение, удостоверение ветерана Великой Отечественной войны, ветерана труда. Кроме того, это служебные характеристики Р.В. Овчинникова, данные ему в ГАУ МВД СССР (1955), МГИАИ (1968, 1971),

ИИ СССР АН СССР (1977, 1981, 1982 и без дат); личные карточка и листки по учету кадров (за 1961, 1968, 1988 гг.); материалы для участия в конкурсе на вакантную должность доцента по кафедре вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ.

Раздел “Материалов по деятельности” отражает с достаточной полнотой научную, организационную и общественную деятельность ученого. В разделе сохранились перечни документальных материалов ЦГАДА, отобранных для экспонирования на выставках: “Работа А.С. Пушкина в архивах”; по истории русско-польских отношений за XVI–XIX вв.; юбилейной выставки “Отечественная война 1812 г.”; в подготовке которых участвовал Р.В. Овчинников.

Сохранились документы о реорганизации ЦГАДА в 1963 г. и увольнении, в связи с этим, части сотрудников архива. В числе этих документов имеются копии протоколов заседаний и решений местного комитета профсоюза сотрудников архива (Р.В. Овчинников был председателем месткома) об отказе утвердить кандидатуры увольняемых сотрудников.

Очень ограниченно представлены материалы о педагогической деятельности Р.В. Овчинникова. Это рукописный курс лекций по археографии в МГИАИ за 1967 г., планы-графики лекционного спецкурса и программы спецкурса по темам “Советские публикации источников” и “Публикации источников по истории крестьянских войн в России XVII–XVIII вв.”. К работам приложены подготовительные материалы, на основании которых они и были написаны.

О работе в ИИ АН СССР (ИРИ РАН) можно судить по отчетам в секторе источниковедения истории СССР дооктябрьского периода с мая 1972 по апрель 1977 г., позднее – Центра изучения и издания исторических источников за 1993–1995, 1999 гг., по аннотациям на сборники статей сотрудников ИРИ РАН и других московских и иногородних учреждений, издаваемых Центром, ответственным секретарем которых был Р.В. Овчинников, по представлениям Центра директору ИРИ РАН о продлении сроков консультантства Р.В. Овчинникова за 1998, 1999, 2000 гг.

В архиве хранятся и материалы многочисленных командировок ученого – участника всесоюзных и региональных конференций, симпозиумов, чтений, на которых он выступал с докладами, сообщениями, тезисами, к которым глубоко и основательно готовился. В основном материалы этого подраздела – приглашения, программы, тезисы, газетные и журнальные вырезки с интервью Р.В. Овчинникова, его небольшие статьи на обсуждаемые темы, фотографии участников совещаний.

Творческую и общественную деятельность Р.В. Овчинникова отражает также его переписка с научными учреждениями, издательствами, архивами по вопросам публикаций книг, документальных сборников, статей и т.д. Переписка ученого представляет несомненный интерес для исследователей творчества Р.В. Овчинникова. Она позволяет не только восстановить круг лиц, с которыми общался автор, но и выяснить окружающую его атмосферу научного творчества и деловых отношений, дополнительно установить интересующие его научные и научно-организационные вопросы.

Писем самого Р.В. Овчинникова сохранилось немного, в основном – за последние годы жизни. Это письма З.Г. Ураксину – академику АН Республики Башкортостан, директору Института истории, языка и литературы

АН РБ; кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику этого же института И.М. Гвоздиковой о работе по подготовке энциклопедии “Салават Юлаев”.

В письмах к доктору филологических наук, сотруднику ИРЛИ РАН, В.П. Старку затрагиваются вопросы комментирования пушкинской “Истории Пугачевского бунта”, даются предложения о расположении материалов по этим сюжетам в новом издании Полного собрания сочинений А.С. Пушкина. Литературоведу, старшему научному сотруднику ИМЛИ АН СССР Ю.Г. Оксману Р.В. Овчинников пишет о местонахождении рукописи А.С. Пушкина “Реестр, что украден у надворного советника Буткевича”, законспектированной Пушкиным с документов Секретной экспедиции Военной коллегии в РГВИА. Литературному редактору Ленинградского отделения издательства “Наука” сообщаются ответы на ее замечания по книге «“Пушкин в работе над архивными документами” (“История Пугачева”)».

В письмах к М.В. Воробьеву (заведующему Архивным управлением Смоленского облисполкома); кандидату исторических наук И.А. Гилязову (Казань); доктору исторических наук Н.Ф. Демидовой, кандидату филологических наук С.Р. Долговой; докторам исторических наук В.М. Панеяху, Н.А. Соболевой; О.П. Сухановой – однокурснице, заведующей отделом обеспечения сохранности РГИА, и др. содержатся просьбы об установлении и уточнении ряда фактов по темам, интересующим ученого.

Значительный интерес представляют письма многочисленных корреспондентов Р.В. Овчинникова. Среди них: С.Н. Валк, А.А. Зимин, Н.В. Измайлов, Р.Г. Кузеев, В.В. Мавродин, В.М. Панеях, А.П. Пронштейн, И.Г. Рознер и другие. Большое количество писем принадлежит краеведам, сотрудникам музеев, архивов и библиотек о просьбах уточнить те или иные факты по сюжетам, которые разрабатывал ученый. Много писем от читателей его книг с отзывами на них.

В письмах его корреспондентов, таких как С.Х. Алишева (старший научный сотрудник и заведующий сектором Института языка, литературы, истории им. Г. Ибрагимова – г. Казань); А.И. Белого (доцент Уральского педагогического института); Л.Н. Большаков (кандидат исторических наук, литературовед); И.П. Ермолаева (доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории до XX в. Казанского государственного университета); Н.Н. Петруниной (доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН), затрагиваются многие научные проблемы, интересующие как корреспондентов, так и самого Р.В. Овчинникова. В письмах аспиранток А.С. Майоровой и Н.В. Середы – сообщения о работе над диссертациями, вопросы по темам работ, сообщения о выполнении просьб научного руководителя по уточнению ряда фактов по темам его изысканий.

Любопытно, что Р.В. Овчинникова разыскал, по его печатным работам, потомок Михаила Александровича Шванвича, офицера-пугачевца, послужившего прообразом Швабрина в “Капитанской дочке”. И между Р.В. Овчинниковым и Алексеем Борисовичем Шванвичем завязалась довольно оживленная переписка.

Но самыми большими по объему являются собрания писем Инги Михайловны Гвоздиковой и Сергея Александровича Попова. И.М. Гвоздико-

ва – аспирантка Р.В. Овчинникова, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. В архиве сосредоточены ее письма начиная с 1972 г. и до конца жизни адресата.

С С.А. Поповым Р.В. Овчинников познакомился и подружился в Оренбурге. Попов был крупным исследователем истории Оренбургского края и знатоком местных архивных фондов⁵. Письма С.А. Попова охватывают период с 1974 по 1986 г. Немалый объем архива занимают оттиски работ автора, а также журнальные и газетные вырезки его статей, очерков, обзоров, публикаций отдельных архивных документов. Но имеются оттиски и целых глав совместных монографий. Так, например, оттиск двух глав монографии “Крестьянская война в России в 1773–1774 гг.: Восстание Пугачева” (Т. II. Л., 1966) – “Обзор источников” и “Идеология восставших”; глава из монографии “Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: Проблемы, поиски, решения”. (М., 1974) – “Из опыта изучения и реконструкции документов Военной коллегии Е.И. Пугачева” и др. Значительно в фонде число оттисков статей дарственными надписями Р.В. Овчинникову.

В разделе иллюстративных материалов пока находится всего несколько документов – ксерокопии дружеских шаржей на Р.В. Овчинникова, подготовленных сотрудниками РГАДА.

В целом материалы обзора свидетельствуют о большой ценности личного архивного фонда Р.В. Овчинникова. Они дают возможность проследить основные этапы его жизненного и творческого пути, становления как крупного ученого со своим направлением и стилем работы; как человека, очень увлеченного своей работой, полного глубокого интереса к изучаемым им проблемам, стремящегося к точному и полному изучению источников и их критическому анализу, проверке исторических сведений путем привлечения большого количества рукописных источников и тщательности в разработке проблем.

Документы архива Р.В. Овчинникова, несомненно, представляют интерес для историков, краеведов, архивистов, музейных работников, будущих биографов и исследователей творчества ученого и истории исторической науки его времени.

⁵ Как вспоминал Р.В. Овчинников, С.А. Попов, работавший в краеведческом музее г. Оренбурга, “человек редкостного трудолюбия, много времени отдавал занятиям в местном архиве, где выявил неведомые дотоле документы о Пугачевском восстании, посещении Пушкиным Оренбурга и уральских казачьих станиц, здешних старожилов, поделившихся с поэтом своими воспоминаниями о временах пугачевщины” (“Занятия в архивах дают возможность познать вкус и азарт исследовательского поиска...” С. 69).

ПУБЛИКАЦИЯ ПЕРЕПИСНОЙ КНИГИ КУРСКА 1678 ГОДА*

Рецензируемая книга представляет собой научную публикацию текста переписной книги г. Курска 1678 г. Издание включает предисловие составителей с изложением правил издания текста переписной книги, статью Н.Д. Борщик “Из истории проведения переписей населения в России и в Курском уезде до конца XVIII в.”; статью А.И. Раздорского “Переписная книга Курска 1678 г.: (Источниковедческий обзор)”, текст самой переписной книги, а также два указателя – именной и географо-топографический. Кроме того, в издании воспроизведены образцы почерков двух публикуемых рукописей.

Издание является публикацией текста двух рукописей. Одна из них датируется второй половиной XVII в., а вторая – 20-ми годами XVIII в. Первую рукопись (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 21. № 2310) издатели назвали подлинником XVII в., а вторую (РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1, ч. 3. № 133) списком XVIII в. Создание обоих списков имело отношение к делопроизводственной документации. Так, список XVII в. содержит две скрепы: “К сем переписным книгам Григорей Мезиньцов места переписи <...>” (конец записи утрачен) и “К сим переписным книгам подьячей Иван Оловеников руку приложил”¹. Как отметил А.И. Раздорский, Г.А. Мезенцов в документах 1688–1689 гг. фигурирует в качестве курского воеводы². Из начальных строк переписной книги следует, что согласно царскому указу от 15 декабря 1677 (1677) г. Курск с уездом должны были описывать Никита Алексеевич Бунин и подьячий Иван Оловеников³ – тот самый, кто подписал список XVII в. Следовательно, есть основания считать список XVII в. если и не подлинником, то находящимся в непосредственной близости к черновым материалам описания. Начало рукописи (л. 3–8 об.) занимает фрагмент списка дворовладельцев Курского уезда, по-видимому, относящийся к той же переписи. Не удивительно поэтому, что в XVIII в. этот кодекс был назван “подлинной переписной книгой” Курска 186-го года – соответствующая запись помещена на первом листе рукописи. Список XVIII в. также содержит подписи неких официальных лиц (без указания должностей) – Дмитрия Лукина и Максима Каменева. Поскольку рукопись хранится в фонде Поместного приказа, где должен был находиться и беловой список Переписной книги, можно предположить, что список XVIII в. сделан там же, а лица, скрепившие его текст своими подписями, являлись служащими этого учреждения. Таким обра-

* Переписная книга Курска 1678 г. / изд. подгот. И.Д. Борщик, А.И. Раздорский. Курск, 2007. 150 с.

¹ Там же. С. 49.

² Раздорский А.И. Переписная книга Курска 1678 г.: (Источниковедческий обзор) // Переписная книга Курска 1678 г. С. 18.

³ Переписная книга Курска 1678 г. С. 27.

зом, есть все основания считать, что привлеченные к изданию рукописи содержат действительно материалы переписи г. Курска, осуществленной по царскому указу в 1677–1678 гг.

Следует отметить, что публикуемый источник был введен в научный оборот сравнительно недавно. Еще в 1990 г. Я.Е. Водарский писал, что курская переписная книга 1678 г. не обнаружена. Хотя, как отметил А.И. Раздорский, с текстом этого источника был знаком курский исследователь Л.Н. Позняков, что получило отражение в опубликованной им в 1932 г. статье⁴. Список XVIII в. отметили в своем фундаментальном указателе древнерусских писцовых материалов Т.Б. Соловьева и Л.А. Тимошина. Список же XVII в. остался неизвестен и им. Ссылка на него появилась в изданном в 2002 г. труде генеалогической направленности об истории рода курских купцов Голиковых. Таким образом, до настоящего издания переписная книга Курска 1678 г. источниковедчески не изучалась. В практике отечественной археографии известны два вида научных изданий: издания, предшествующие детальному изучению текста, дающие материал для такого изучения, и издания, подводящие итог источниковедческому исследованию. Иными словами, существуют издания предварительные и окончательные. Рассматриваемое издание, безусловно, относится к первой категории, со всеми вытекающими из этого особенностями.

При подготовке научного издания перед исследователем встает проблема прочтения и установления текста. С первой задачей публикаторы переписной книги Курска успешно справились. Как отмечает ознакомившаяся с подлинниками Л.А. Тимошина, текст источника в издании передан исправно⁵. В этом нетрудно убедиться, сравнив текст рукописи на опубликованных иллюстрациях с текстом издания⁶.

Установление текста явилось задачей более сложной. Дело в том, что в списке XVII в. читается только начальный фрагмент переписной книги. Список же XVIII в. содержит текст значительно больший по объему, практически “перекрывающий” текст списка XVII в. (в списке XVIII в. утрачено самое начало переписной книги). В конце, по подсчетам Л.А. Тимошиной, утрачены один или два листа. Таким образом, список XVIII в. содержит текст переписной книги почти полностью. Странность, однако, в том, что в совпадающей части текст обоих списков не идентичен. Текст совпадает в границах небольших фрагментов, сами же фрагменты в списках XVII и XVIII в. расположены в разном порядке. А.И. Раздорский сопроводил публикацию таблицей взаимного расположения совпадающих фрагментов в обоих списках⁷. Текст переписной книги опубликован по обоим спискам последовательно: сначала помещен текст списка XVII в., а затем – текст списка XVIII в. Против такого взгляда на проблему установления текста решительно возразила Л.А. Тимошина. Исследовательница обратила вни-

⁴ Раздорский А.И. Переписная книга Курска 1678 г.: (Источниковедческий обзор). С. 26.

⁵ Тимошина Л.А. По поводу издания “Переписная книга Курска 1678 г.” // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2008. Вып. 12. С. 424–425.

⁶ Вызывает некоторые возражения только внесение в основной текст публикации отметок в списке XVII в. “№ 1”, “№ 2”, “№ 3”, и “№ 4” (Переписная книга Курска 1678 г. С. 28, 34, 36, 42), которые были внесены, как пишет А.И. Раздорский, позднее создания списка. Было бы правильнее приводить такие пометки в примечаниях.

⁷ Раздорский А.И. Переписная книга Курска 1678 г.: (Источниковедческий обзор). С. 24.

мание, что в списке XVIII в. скрепы читаются непоследовательно. Так, скрепа “Чол Дмитрий Лукин” на л. 1 начинается со слога “ки”, а первый слог фамилии “Лу” читается на л. 5. Кроме того, на шести листах скрепа находится не на лицевой, а на оборотной стороне листа (л. 71, 77, 83, 84, 85, 103)⁸. Замечательно наблюдение Л.А. Тимошиной, что листы в списке XVIII в. перепутаны местами (а шесть листов к тому же перевернуты обрезаем к корешку). Если восстановить правильность расположения скреп, то текст списка XVIII в. будет соответствовать списку XVII в. Ответственность за путаницу листов в кодексе можно возложить на реставраторов, которые переплели кодекс, не восстановив правильного расположения листов. Ответственность же за эту путаницу в издании несут, конечно же, публикаторы. Теперь, благодаря наблюдениям Л.А. Тимошиной, можно восстановить первоначальный текст списка XVIII в. Оказывается, что он в целом соответствует списку XVII в. Однако имеются и разночтения. На их наличие обратил внимание и А.И. Раздорский, описывая рукопись в своей статье, предваряющей издание⁹. Эти разночтения можно разделить на две группы. Первая представляет собой по-разному переданные имена собственные, числительные и пр., например: Афонка – Алфимка, Мальцов – Малышев, 5 лет – 15 лет¹⁰. Эти разночтения объясняются писцовыми ошибками. Вторая группа разночтений более существенна. Здесь речь идет о добавочных чтениях одного списка относительно другого и о незначительных перестановках текста. В ряде случаев список XVII в. содержит фрагменты текста, отсутствующие в списке XVIII в. К таким добавочным чтениям списка XVII в. относятся общие подсчеты населения отдельных слобод¹¹. Например: “Всего сто дватцать два двора, а людей в них сто осмнатцать человек да четыре вдовы, да с ними ж живут братьев тринатцать человек да детей сто девяноста три человека, племянников четыре человека, внучат дватцать один человек, зятьев два человека, приемышев пять человек, работников четыре человека, обоево опричь вдов триста шестьдесят человек. Да в той же Девичьей слободке живут прихожие люди да разрядной избы и ротной подьясие да донской казак” (список XVII в. Л. 16 об., список XVIII в. Л. 24, 71). Встречаются и более подробные указания списка XVII в. относительно списка XVIII в. Например, после описания двора Гаврила Максимова и его женатого сына Григория в списке XVII в. следует пояснение: “А по скаске ево, что де он пришел ис Колуги в Куреск собою и живет в Курску лет с шесть, а в Кулуге де он был в посаде, а ныне он в Курску в посаде ж и подати всякие с курскими посадцкими людьми платит” (список XVII в., л. 17), в списке же XVIII в. его нет, а только Гаврило Максимов назван “пришлым человеком калуженином” (список XVIII в. Л. 71). О подьячем Дмитриии Бледного в списке XVIII в. написано “ва дворе на посадской земле разрядной избы подьячей Дмитрий Бледного, а преж сего отец ево в посаде не бывал, а был в пасаде вотчим ево” (л. 83 об.), в списке же XVII в. часть записи о Дмитриии Бледного утрачена, но ее сохранившаяся

⁸ Тимошина Л.А. По поводу издания “Переписная книга Курска 1678 г.” С. 419.

⁹ Раздорский А.И. Переписная книга Курска 1678 г.: (Источниковедческий обзор). С. 22–23, 25.

¹⁰ Там же. С. 22–23

¹¹ На это обратили внимание А.И. Раздорский (Там же. С. 21) и Л.А. Тимошина (По поводу издания “Переписная книга Курска 1678 г.” С. 423).

концовка показывает, что эта запись была значительно подробнее, чем в списке XVIII в.: “⟨...⟩ посаде отец ево Кондрашка ⟨...⟩ Бледного. А по скаске старо[сты] ⟨...⟩ преж сего отец ево и он в поса[де] не бывали, а живет на купленной земли посадцкого” (л. 17 об.) и др.

В некоторых случаях добавочная относительно списка XVII в. информация присутствует в списке XVIII в. Например, после упоминания Д.Г. Кривошеина, которое читается в обоих списках, в списке XVIII в. следует уточнение “Отец ево живет в бегах, а двор продал посадскому человеку Петру” (л. 104 об.) – в списке XVII в. этой фразы нет (л. 14 об.)¹² и др.

Следует отметить также многочисленные перестановки в тексте. Их наличие отмечено и А.И. Раздорским, и Л.А. Тимошиной¹³. Здесь представляется важным замечание Л.А. Тимошиной, что большое число таких перестановок наблюдается в тех случаях, когда идет речь о людях, ранее в Курске не живших, или о запустевших дворах. Как отмечает Л.А. Тимошина, особенно много их в части, описывающей дворы Девичьей и Божедомской слобод¹⁴, что и неудивительно, поскольку об этих разделах сами составители переписной книги написали так: “да в той Девичьей слободке живут прихожие люди да разрядной избы и ротной подьячие да донской казак”¹⁵, “да в той же Божедомской слободке живут прихожие и иных чинов люди”¹⁶. Таким образом, перестановки в порядке следования дворов приходится в основном на те части переписной книги, где фиксируются дворы, появившиеся в недавнем прошлом. Иными словами, в этих местах данная переписная книга содержит отличия от предыдущей. Можно предположить, что черновик переписной книги 1678 г. представлял собой текст переписной книги 40-х годов XVII в. с исправлениями. В качестве примера можно указать на писцовую книгу Орловского уезда 1629 г. с исправлениями на полях и в конце текста, которые фиксируют состояние землевладения в Орловском уезде вполоть до 1665 г. (РНБ, НСРК, Q.854)¹⁷. Возможно, такой вид имел и черновик переписной книги Курска 1678 г., его источником была, можно думать, предыдущая переписная книга. Данные об изменениях относительно середины XVII в. могли быть написаны на полях или в конце текста. Вполне естественно, что при изготовлении с этого черновика независимых друг от друга списков текст глосс оказался в разных местах основного текста. Получается, что и список XVII в., и список XVIII в. восходят к черновику. Если это так, то можно попытаться реконструировать историю текста курской переписной книги 1678 г. Л.А. Тимошина обратила внимание на не совсем обычное оформление списка XVII в. Вместо переписчика в нем расписался Г.А. Мезенцов, о котором известно, что лишь спустя 11 лет он стал курским воеводой. Родственники второго официального лица, чья роспись стоит в рукописи, подьячего Ивана Оло-

¹² См. *Раздорский А.И.* Переписная книга Курска 1678 г.: (Источниковедческий обзор). С. 22.

¹³ Там же. С. 25; *Тимошина Л.А.* По поводу издания “Переписная книга Курска 1678 г.” С. 423.

¹⁴ Там же. С. 423.

¹⁵ Переписная книга Курска 1678 г. С. 34.

¹⁶ Там же. С. 42.

¹⁷ Новые поступления в Отдел рукописей РНБ (1994–2000): Каталог. СПб., 2004. Ч. 2. С. 112–113.

венникова, служили в Разрядном приказе, в каковом фонде рукопись хранится и сейчас. Кроме того, Л.А. Тимошина отождествила почерк росписи И. Оловенникова с почерком основного текста рукописи. Получается, что данный список был сделан производящим перепись чиновником, но в качестве второго официального лица подписался не Н.Ф. Бунин, возглавлявший перепись Курска, а Г.А. Мезенцов, который подписался к тому же “вместа переписчика”. Обратимся к еще одному наблюдению Л.А. Тимошиной. Как отмечает А.И. Раздорский при описании рукописи, л. 29 об.–30 об. написаны более размашисто. Л.А. Тимошина предположила, что перед нами стремление писца скопировать листы подлинника – передать такое же расположение текста на странице. Здесь Л.А. Тимошина сделала, на мой взгляд, неправильный вывод, предположив, что протограф списка XVII в. имел формат в лист. В таком случае не нужно было писать размашисто. Так, в издании текст на л. 29 об. занимает примерно восемь строк, на л. 30 – шесть строк, на л. 30 об. – шесть с половиной строк¹⁸. Текст на каждом из остальных листов, где он написан в обычной манере писца, а не размашисто, занимает примерно от 13 до 20 строк, т.е. вдвое больше. Получается, что протограф списка XVII в. был форматом в четвертую долю листа. В таком случае им явно не был беловой официальный список переписной книги, как предполагает Л.А. Тимошина. Приведенные наблюдения и соображения, как кажется, позволяют предположить, что список XVII в. был изготовлен с черновика переписной книги для отправки в Разрядный приказ. С того же черновика, видимо, был сделан еще один список – официальный беловой экземпляр переписной книги, отправленный в Поместный приказ. Список XVIII в. может быть копией этого белового экземпляра.

В любом случае, поскольку на повестке дня стоит “окончательное” издание переписной книги Курска 1678 г. (если считать рецензируемое издание предварительным), следует определить характер этого издания. С одной стороны, как доказано Л.А. Тимошиной, оба списка содержат один текст. С другой стороны, различия между ними подчас достаточно значительны. К тому же есть основания считать, что оба списка независимо друг от друга восходят к черновику переписной книги, т.е. ни один из них не является совершенно вторичным относительно другого. В такой ситуации, как представляется, необходимо опубликовать тексты обоих списков и в этом вопросе согласиться с Н.Д. Борщик и А.И. Раздорским. Но стоит ли поступать так, как они, опубликовав сначала текст списка XVII в., а потом – текст списка XVIII в. Общее и различия в тексте списков при таком их расположении не очевидны. Можно прибегнуть к иному способу расположения текстов. Нижегородский краевед А.С. Гациский издал Нижегородский летописец по нескольким спискам, расположив их тексты параллельно, столбцами¹⁹. К такому же приему прибегли издатели Никоновской летописи для того, чтобы привлечь к изданию текст Лицевого свода. Здесь, правда, в двух столбцах публиковались тексты Никоновской летописи и Лицевого свода только в тех местах, где текст кардинально расходился. При издании же переписной книги Курска 1678 г. тексты обоих списков можно опубликовать полностью, учитывая их небольшой объем. При раз-

¹⁸ Переписная книга Курска 1678 г. С. 47–48.

¹⁹ Нижегородский летописец / Работа А.С. Гациского. Нижний Новгород, 1886.

мещении их в параллельных столбцах будет нагляден характер разночтений. Кроме того, станет ясным и изначальный состав переписной книги – ведь список XVII в. содержит только начало текста, а в списке XVIII в. отсутствуют первые строки.

Изучение переписной книги Курска 1678 г. еще впереди. Рецензируемое издание нельзя признать удачным, но оно вводит в активный научный оборот ценный источник, делает доступным его текст. Следует отметить и краеведческий характер данной публикации. Издание осуществлено силами исследователей истории Курского края, увидело свет в Курске. Несомненно ценный материал издание предоставляет и для биографических и генеалогических разысканий²⁰. Хочется пожелать публикаторам не останавливаться на этом этапе и подготовить новое, текстологически продуманное издание курской переписной книги 1678 г. В таком случае классическая “триада” стадийности изучения средневекового текста будет соблюдена: предварительное издание – изучение текста – окончательное издание. Возможно, имеет смысл опубликовать текст переписной книги Курска 1678 г. в комплексе с более поздними (а, если это возможно, и более ранними) кадастровыми материалами, фиксирующими состав жителей Курска.

А.В. Сиренов

²⁰ Например, при подготовке издания А.И. Раздорский установил имя неизвестного ранее родоначальника семьи святого Серафима Саровского (*Раздорский А.И. О древнейшем известном предке Серафима Саровского // Клио. 2008. № 1. С. 121–122*).

А.М. Савинов

**СПИСОК КНИГ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫХ В ИЗДАНИЕ
“БИБЛИОТЕКА В.И. ЛЕНИНА
В КРЕМЛЕ: КАТАЛОГ” (М., 1961)**

В настоящее время личная библиотека Ленина – неотъемлемая часть коллекции музея “Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле”, который с 1994 г. входит в состав Государственного исторического музея-заповедника “Горки Ленинские”. Библиотека комплектовалась главным образом в 1918–1923 гг. При этом в ее составе имеется небольшое количество книг симбирского периода жизни семьи Ульяновых, а также ряд изданий, привезенных из эмиграции. Самыми старыми в собрании являются три тома “*La divina comedia di Dante Aligheri. Con note di Paolo Costa*” (“Данте Алигьери. Божественная комедия”), изданные в Риме в 1842 г. Самые поздние издания относятся к 1923 г.

Определение “личная” библиотека Ленина носит несколько условный характер, ибо при жизни Владимира Ильича это книжное собрание было семейным. Им пользовались и его пополняли Н.К. Крупская и М.И. Ульянова. Об этом свидетельствует значительное количество книг по вопросам народного образования и по проблемам советской печати, т.е. изданий, относившихся к сфере их деятельности.

Источники комплектования библиотеки были самыми разными. Например, тома Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона ранее находились в юридической библиотеке при Московских Судебных установлениях, которые до 1917 г. размещались в здании Сената. Некоторая часть русской литературной классики приобреталась семьей Ульяновых на книжных развалах. Очень небольшое количество книг было “позаимствовано” в других библиотеках или у прежних хозяев этих изданий. Так, на сентябрьской книжке журнала “Русское богатство” за 1893 г. стоит штамп “Александровская публичная библиотека г. Самары”, а на III томе сочинений Н.В. Гоголя имеется факсимиле А.Н. Хардина, присяжного поверенного, помощником которого служил в Самаре В.И. Ульянов.

Несколько сот книг Ульяновы получили в качестве подарков. Через советских дипломатических и торговых представителей за рубежом к В.И. Ленину поступала эмигрантская литература, занявшая целый шкаф в его рабочем кабинете. Но большую часть изданий Председатель СНК получал централизованно, согласно его заказам. На сотнях книг ленинской библиотеки стоят пометы-автографы: “В.И. Ленину”, “Тов. Ленину”, “Ленину”, сделанные, очевидно, работниками книжных коллекторов.

Личная библиотека В.И. Ленина стала объектом внимания исследователей с момента открытия музея “Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле” в 1955 г. Однако посвященные ей работы весьма немногочисленны. Наиболее известны книги Ш.Н. Манучарьянц “В библиотеке Владимира Ильича”

(М., 1965), Ю.П. Шарапова “Ленин как читатель” (М., 1976), Л.Л. Шестаковой “За строкой дарственной надписи” (М., 1985).

Значительным событием своего времени стала публикация в 1961 г. издания “Библиотека В.И. Ленина в Кремле: Каталог”, ставшего своеобразным итогом изучения книжного собрания В.И. Ленина. Каталог был подготовлен специалистами Всесоюзной книжной палаты. Он обладает всеми достоинствами, присущими подобного рода изданиям: обстоятельной вступительной статьей, вспомогательными указателями: именным и указателем заглавий. Наряду с этим, “Каталог” не позволяет составить исчерпывающее представление о личной библиотеке Ленина по причинам, которые носят как технический, так и конъюнктурный характер.

Всего каталог содержит 8450 названий книг, журналов, газет и других произведений печати. Внутренняя же музейная опись библиотеки В.И. Ленина заканчивается номером 10 701. Такая огромная разница объясняется прежде всего тем, что составители каталога подошли к этому книжному собранию с позиций библиографов, а не историков. Описание изданий ими было произведено по “Единым правилам описания произведений печати для библиотечных каталогов небольших библиотек и библиографических указателей”.

По этой причине, все многотомные издания (собрания сочинений, энциклопедии), журналы одного и того же названия указаны в каталоге под одним номером. В упомянутой музейной описи коллекции библиотеки В.И. Ленина каждая книга, являясь единицей хранения, имеет собственный номер. Кроме этого, 646 изданий, список которых приводится ниже, вообще не указаны в каталоге. Эти книги можно разделить на группы в соответствии с причинами, по которым они не вошли в каталог.

К первой группе относятся издания, вышедшие в 1924, 1925 и 1926 гг., т.е. после смерти В.И. Ленина. Эти книги попали в библиотеку случайным образом. Возможно, они были внесены туда родными Владимира Ильича. В каталог не были включены имеющиеся в библиотеке книги поронинского периода жизни Ленина. После ареста Владимира Ильича в 1914 г. в Новом Тарге и заключения его в тюрьму эти книги попали к одному поляку, который подарил их библиотеке г. Быдгощ. И только в 1960-е годы, уже после выхода каталога, они были переданы в ленинскую библиотеку в Кремле. Также после выхода в свет каталога вернулся в ленинское книжное собрание III том сочинений Н.В. Гоголя издания 1893 г. Книга в 1960 г. была сдана в букинистический магазин г. Куйбышева, где сотрудники обнаружили на ее титульном листе красный овальный штамп “Помощникъ присяжнаго повереннаго В.И. Ульяновъ”.

Большую группу книг, не отмеченных в каталоге, составляют дуплетные экземпляры тех или иных изданий. В нижеприведенном списке они имеют пометку “Повторн. экз.”. Такая пометка необходима, иначе не будет понятно, почему в каталог не вошли произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и самого В.И. Ленина.

Более сотни книг не попали в каталог по соображениям секретности. Это – “Агентурные сводки Разведуправления Штаба РККА” и “Материалы стратегической разведки”. По этим же соображениям не упомянуты материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем вооруженными силами на юге России:

“Акт расследования по делу об аресте и убийстве заложников в Пятигорске в октябре 1918 года”, «Акт расследования по делу о взрыве большевиками бомб на учебном судне “Рион”», “Сведения о массовых убийствах, совершенных большевиками (коммунистами) в июне–июле 1918 г. в г. Ставрополе (Кавказском)” и др.

Примерно 250 книг не вошли в каталог, потому что они принадлежат перу людей (или посвящены людям), имена которых в период подготовки каталога считались одиозными. Речь идет Л.Д. Троцком, Н.И. Бухарине, Л.Б. Каменеве, Г.Е. Зиновьеве, К.Б. Радеке, М.П. Томском, Г.И. Сафарове, Х.Г. Раковском, И.Т. Смилге, Г.Я. Сокольникове, Н.А. Скрыпнике, З.И. Лилиной, Г.А. Гапоне. Из работ Бухарина упомянута лишь “Экономика переходного периода”, очевидно, потому, что на десятках страниц этого труда имеются пометы и замечания, сделанные рукой Ленина, а на шести свободных страницах в конце книги – ленинский отзыв на работу автора. Ныне подлинник книги “Экономика переходного периода” хранится в Российском государственном архиве современной политической истории (РГАСПИ, ранее – ЦПА ИМЛ). Там же находятся около 900 книг, журналов и газет с пометками и автографами В.И. Ленина, причем половина из них поступила из кремлевского книжного собрания.

В ленинской библиотеке кремлевского музея большая часть переданных в Центральный партийный архив книг представлена дубликатами. В некоторых из них ленинские пометки воспроизведены.

Последняя группа книг, из тех, что не вошли в каталог, состоит из изданий, которые в период составления каталога находились на исследовании в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Об этом свидетельствуют имеющиеся на отдельных изданиях штампы “Архивного фонда библиотеки ИМЭЛ”.

Приведенные в нижеследующем списке издания даны в алфавитном порядке. Их номера соответствуют номерам «Инвентарной книги № 5 библиотеки “Кабинета и квартиры В.И. Ленина в Кремле”» и «Инвентарной книги № 6 библиотеки “Кабинета и квартиры В.И. Ленина в Кремле”».

- А.Р. Из прошлого Венгерской социал-демократии. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1919. – 15 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 6931”. Инв. № 1090.
- Агентурная сводка Регистрационного Управления Полевого Штаба при Революционном Военном Совете Республики. К 18 апреля 1919 года. № 28. – Б.м., б.г. – 16 с. Имеется гриф “Секретно”. На обл. чернилами (рукой неустановл. лица): “Председателю Совета Народных комиссаров тов. Ленину”. Инв. № 9547.
- Агентурная сводка Регистрационного Управления Полевого Штаба при Революционном Военном Совете Республики. К 5 декабря 1920 года. № 110. – Б.м., б.г. – 54 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9548.
- Агентурная сводка Регистрационного Управления Полевого Штаба при Революционном Военном Совете Республики. К 27 февраля 1921 года. № 9. – Б.м., б.г. – 48 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9549.
- Азграма России. Новые оз.-моря. Аремо, ареозы. – Б.м., б.г. 78, 4 с. (Машинописн. и рукописн. текст с правкой карандашом и чернилами); 10 л. карт и схем. Инв. № 1843.
- Азграма России. Новые озера, моря. Аремо и ареозы. – Б.м., б.г. – 76, 6 с. (Машинописн. и рукописн. текст с правкой карандашом и чернилами); 9 л. карт. Инв. № 3823.
- Алтаев Ал. и Феличе Ар. Под знаменем “Башмака”. Крестьянская война в Гер-

- мании: Историческая повесть из XVI века. – Пб.: Государственное издательство, 1920. – 217 с. с ил. На обл. черн. чернилами (рукой А. Алтаева (?)): «Марии Ильиничне Ульяновой на добрую память о “Смольном” соседстве. Автор. 1921 г. 4 авг[уста]». Инв. № 5706.
- Андерсен-Нексе М.* Дитя человеческое / пер. с датск. А.В. Ганзен. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1924. – Книга третья. – 192 с. Инв. № 5174.
- Андерсен-Нексе М.* Дитя человеческое / пер. с датск. А.В. Ганзен. – Л.: Гос. изд-во, 1924. – Книга пятая. – 232 с. Инв. № 5175.
- Андреев А.* К новым задачам профессиональных союзов. – М.: Государственное издательство, 1921. – 27 с. (Повторн. экз.) На обл. син. чернилами (рукой неустановл. лица): “Корректур”. Имеется штамп “Библиотека ИМЭЛ. Архивный фонд. Ц9085”. Инв. № 1851.
- Анналы: Журнал всеобщей истории. – Пг.: Росс. акад. наук. – 1924. № 4. Инв. № 5798.
- Антонов Н.* Германская социал-демократия и война. М.: Изд. Моск. Ком. и Обл. Бюро ЦК РСДРП, 1917. – 32 с. (Повторн. экз.) Имеется штамп “Библиотека ИМЭЛ. Архивный фонд. Ц9083”. Инв. № 1097.
- Бабахан Н.* Крымское подполье (1919–1920). – Ялта: Изд. Ялтинского комитета РКП(б), 1921. – 62 с. На шмуцтит. карандашом (рукой автора): “Марии Ильиничне в знак глубочайшего уважения. 6/V 21 г. Н. Бабахан. Санаторий Мисхор”. Инв. № 5708.
- Бebelь А.* Профессиональное движение и политические партии / пер. с нем. – М.: Изд. ВЦСПС, 1923. – 39 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина № 4041”. Инв. № 1966.
- Бедный Демьян.* Всякому свое: Басни. С ил. худ. К.Н. Фридберга. – Пг.: “Жизнь и знание”, 1917. – 39 с. с ил. На тит. л. черн. чернилами (рукой автора): “М.И. Ульяновой от автора с любовью. Демьян Бедный”. Инв. № 5709.
- Бедный Демьян.* Земля обетованная. – М.: “Прибой”, 1918. – 32 с. На с. 1 черн. чернилами (рукой автора): “Милому товарищу Марье Ильиничне на добрую память от каверзного Демьяна. 27/IV 1918”. Инв. № 5711.
- Бедный Демьян.* Красноармейцы. М.: Изд. Военного отд. ВЦИК, 1919. – 56 с. с ил. На тит. л. чернилами (рукой автора): “Марье Ильиничне с любовью. Демьян Бедный. 30/IV [19]19”. Инв. № 5712.
- Бедный Демьян.* Правда и кривда: Басни. С ил. худ. К.Н. Фридберга. – Пг.: “Жизнь и знание”, 1917. – 31 с. с ил. На тит. л. черн. чернилами (рукой автора): “М.И. Ульяновой на добрую память. Демьян Бедный. 4/I 1918”. Инв. № 5717.
- Бедный Демьян.* Про землю, про волю, про рабочую долю: Повесть в 2-х частях. С рис. худ. А.З. – Пб.: “Прибой”, 1917 (на обл. 1918). – 128 с. с ил. На тит. л. черн. чернилами (рукой автора): “Дорогому товарищу Мар. Ильин. Ульяновой от Демьяна. 7/III 1918”. Инв. № 5718.
- Бедный Демьян.* Сытый голодного не разумеет: Басни. С рис. худ. К.Н. Фридберга. – Пг.: “Жизнь и знание”, 1917. – 31 с. с ил. На тит. л. черн. чернилами (рукой автора): “Тов. Марье Ильиничне Ульяновой с крепкой товарищес. любовью. Демьян Бедный. 4 января 1918 г.”. Инв. № 5719.
- Бельтов Н. (Плеханов Г.В.)* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Изд. 5-е, с 2 прил. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 303 с. Книга не разрезана. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 1477”. Инв. № 8872.
- Библиотечное обозрение. – Пг.: Гос. изд-во, 1920. – Книга вторая. – 296 с. На обл. чернилами (рукой неустановл. лица): “Н.К. Ульяновой”. Инв. № 3689.
- Библиотечное обозрение. – Пг.: Государственное издательство, 1920. – Книга вторая. – 296 с. Инв. № 3690.
- Биржевые известия: Журнал биржи, финансов, торговли и промышленности. – 15 января 1919. – № 3. Инв. № 5804.
- Богданов А.* Новый мир: (Статьи 1904–1905). – М.: Изд-во С. Дороватовского и Чарушикова, 1905. – 16 с. Инв. № 947.
- Бонч-Бруевич В.* Программа для собирания сведений по исследованию и изучению русского сектантства и раскола. – СПб., 1908. – 12 с. Инв. № 533.
- Бонч-Бруевич В.* Программа для собирания сведений по исследованию и изучению русского сектантства и раскола. – СПб., 1908. – 12 с. Инв. № 534.
- Бородин Д.Н.* Итоги работы первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. – СПб., 1910. – [208 с.]; 5 л. ил. Отсутств. обл. и оконч. Инв. № 3040.
- Буров Я.* Красный трактир / С предисл. В. Карпинского. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. – 36 с. (Повторн. экз.) На тит. л. зелен. чернилами (рукой автора): “Кре-

- стьянство у нас является решающим фактором. Н. Ленин. На память мою маленькую работу тов. Н.К. Крупской. Харьков. 12. XII-23". Инв. № 5608.
- Бухарин Н.* Анархический или коммунистический строй. – Смоленск: Изд-во ЦК КПБ; Л., 1920. – 7 с. Имеется штамп "Библиотека Н. Ленина. № 6558". Инв. № 1106.
- Бухарин Н.* Всеобщая дележка или коммунистическое производство. – М.: Изд-во ВЦИК, 1918. – 8 с. Имеется штамп "Библиотека Н. Ленина. № 5531". Инв. № 1312.
- Бухарин Н.* Долой международных разбойников! – М.: ВЦИК, 1918. – 30 с. Имеется штамп "Библиотека Н. Ленина. № 6559". Инв. № 4750.
- Бухарин Н. и Преображенский Е.* Азбука коммунизма: Популярное изложение программы Российской Коммунистической партии большевиков. – М.: Государственное издательство, 1919. – 341 с. На тит. л. чернилами (рукой автора): "Дорогой Марье Ильиничне. Н. Бухарин". Инв. № 5720.
- Бухарин Н.* Кризис капитализма и коммунистическое движение. – М.: "Красная Новь", 1923. – 84 с. Имеется штамп "Библиотека Н. Ленина. № 4871". Инв. № 795.
- Бухарин Н.* О задачах профессиональных союзов: (Содоклад, прочитанный на собрании активных работников Петроградской организации РКП 3 января 1921 года). – Пг.: Изд. коммунистической фракции бюро Цектрана, 1921. – 15 с. Копия. С воспроизведением надписи кр. чернилами на обл.: "Вл. Ильичу. Тут есть 2–3 интер. места. Советую прочитать. Г. Зинов." и пометок В.И. Ленина на с. 2, 5, 7. Имеется штамп "Библиотека Н. Ленина. № 2581. Инв. № 10 541".
- Бухарин Н.* Политическая экономия рантье: (Теория ценности и прибыли австрийской школы). – М.: Ред.-изд. отд. ВСНХ, Б.г. – 203 с. На тит. л. чернилами (рукой автора): "Дорогому Владимиру Ильичу. Н. Бухарин". Инв. № 5321.
- Бухарин Н.* Программа коммунистов (большевиков). – М.: "Коммунист", 1918. – 64 с. Имеется штамп "Комиссариат по делам страхов. и борьбы с огнем". Инв. № 694.
- Бухарин Н.* Программа коммунистов (большевиков). – М.: "Волна", 1918. – 16 с. В книге отсутствуют с. 17–64. Инв. № 695.
- Бухарин Н.* Программа коммунистов (большевиков). – Пг.: Изд. Петроградского Совдепа, 1919. – 61 с. Имеется штамп "Библиотека Н. Ленина. № 2963". Инв. № 696.
- Бухарин Н.* Программа коммунистов (большевиков). – Пг.: Изд. Петроградского Совдепа, 1919. – 61 с. Имеется штамп "Библиотека Н. Ленина. № 1044". Книга не разрезана. Инв. № 10 551.
- Бухарин Н.* Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. – М.: Гос. изд-во, 1921 (на обл.: 1922). – 383 с. На тит. л. чернилами (рукой автора): "Дорогой и милой Марье Ильиничне от безалаберного автора". Инв. № 5721.
- Бухарин Н.И.* Работница, к тебе наше слово! С приложением лозунгов. – М.: Гос. изд-во, 1919. – 15 с. Инв. № 3052.
- Бухарин Н.* Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. – Пг.; М.: Гос. изд-во, 1923. – 383 с. Инв. № 399.
- Бухарин Н.* Экономика переходного периода. – М.: Гос. изд-во, 1920. – Часть I: Общая теория трансформационного процесса. – 157 с.; 4 л. диагр. На фронтисп. чернилами (рукой автора): "Дорогой Марье Ильиничне от непослушного автора". Инв. № 5722.
- Быстрянский В.* Меньшевики и эсеры в русской революции. – Пб.: Гос. изд-во, 1921. – 79 с. (Повторн. экз.) Инв. № 1108.
- Бьюкенен Д.* Моя миссия в России: Воспоминания дипломата. – Берлин: "Обелиск", 1924. – Том первый / пер. с англ. Д.Я. Блох. – 187 с.; 1 л. портр. Имеется штамп "Библиотека Н. Ленина. № 2038". Инв. № 4295.
- Бюллетени Высшего совета народного хозяйства. – М., 1918. – № 1. (Повторн. экз.) Инв. № 5811.
- Бюллетени Государственной комиссии по электрификации России. – М.: Гостехиздат, 1920. – № 1. (Повторн. экз.) Инв. № 5818.
- Бюллетень II Конгресса Красного Интернационала Профсоюзов в Москве в Колонном зале 1-го Дома Союзов 19-го ноября 1922 года. – М.: Красный Профинтерн, 1922. – 160 с. (Повторн. экз.) Отсутств. обл. и с. 123–160. Инв. № 1970.
- Бюллетень Института В.И. Ленина при ЦК РКП. – М.: "Красная Новь", 1923. – № 1. – 16 с. (Повторн. экз.) Инв. № 323.
- Бюллетень соединенного заседания делегатов 8-го съезда Советов, ВЦСПС и МГСПС – членов РКП. 31 декабря 1920 г.

- Прил. к газете “Профессиональное движение”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. №...”. Инв. № 10 542.
- Бюллетень соединенного заседания делегатов 8-го съезда Советов, ВЦСПС и МГСПС – членов РКП. 31 декабря 1920 г. Приложение к газете “Профессиональное движение”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. №...”. Инв. № 10 543.
- Вандервельде Э.* Парижская Коммуна / пер. с фр. – М.: ВЦИК, 1918. – 16 с. (Повторн. экз.) Инв. № 5002.
- Века: Исторический сборник. – Пг.: “Наука и школа”, 1924. – [Т.] I / под ред. А.И. Заозерского и М.Д. Приселкова. – 199 с. Имеются штампы “Библиотека Н. Ленина. №...” и “Библиотека ИМЭЛ. Архивный фонд. Ц9098”. Инв. № 4298.
- Великая пролетарская революция. Октябрь 1917–1920. – Тифлис: “Юный пролетарий”, 1920. – 76 стб. Пометки син. и кр. карандашом (рукой неустановл. лица) на стб. 17, 19, 22, 24. Инв. № 10 696.
- Вестник Областного комиссариата внутренних дел (Союза Коммун Сев. обл.). – Пг., 1918. – № 2. (Повторн. экз.) Инв. № 6331.
- Вестник Областного комиссариата внутренних дел (Союза Коммун Сев. обл.). – Пг., 1918. – № 3. (Повторн. экз.) Инв. № 6333.
- Вестник рабочей кооперации. – М.: Всерос. Совет раб. кооп., 1918. – № 4. Инв. № 6354.
- Вестник рабочей кооперации. – М.: Всерос. Совет раб. кооп., 1918. – № 5/6. Инв. № 6355.
- Вестник рабочей кооперации. – М.: Всерос. Совет раб. кооп., 1918. – № 7. Инв. № 6356.
- Витязев П.* Частные издательства в Советской России. – Пг., 1921. – 64 с. (Повторн. экз.) На обл. черн. чернилами (рукой неустановл. лица): “т. Ленину”. Имеется штамп “Библиотека ИМЭЛ при ЦК РКП”. Инв. № 347.
- Восточный альбом: Поездка поезда “Красный Восток” в 1919–1920 гг. Альбом фотографий. – Б.м., 1921. На 2-й с. обл. черн. и красн. тушью: “Тов. Владимиру Ильичу Ленину от Отдела агитационно-инструкторских поездов и пароходов ВЦИК. 12-го февраля 1921 г.” Инв. № 10687.
- Вперед: Сборник статей, посвященных памяти Петра Лавровича Лаврова / под ред. П. Витязева. 1900 г. – 7-го февраля – 1920 г. – М.: “Колос”, [1920]. – 64 с. с портр. На фронтисп. типогр. способом: “Марии Ильиничне Ульяновой. От редакции”. Инв. № 5723.
- Вторая сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва. Бюллетень № 1. – М.: ВЦИК, 1923. – 14 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3306”. Инв. № 2838.
- Вторая сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва. Бюллетень № 2. – М.: ВЦИК, 1923. – С. 15–64. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3306”. Инв. № 2839
- Вторая сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва. Бюллетень № 3. – М.: ВЦИК, 1923. – С. 65–106. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3306”. Инв. № 2840.
- Вторая сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва. Бюллетень № 4. – М.: ВЦИК, 1923. – С. 107–152. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3306”. Инв. № 2841.
- Вторая сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва. Бюллетень № 5. – М.: ВЦИК, 1923. – С. 153–196. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3306”. Инв. № 2842.
- Вторая сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва. Бюллетень № 6. – М.: ВЦИК, 1923. – С. 197–232. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3306”. Инв. № 2843.
- Вторая сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва. Бюллетень № 7. – М.: ВЦИК, 1923. – С. 233–261. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3306”. Инв. № 2844.
- [Вырезки из иностранных газет]. – Б.г. – 16 л. Пометки кр. карандашом (рукой неустановл. лица) на л. 1–2, 10–12. Инв. № 9687.
- Гапон Г.* Священника Георгия Гапона ко всему крестьянскому люду воззвание. – Б.м., б.г. – 16 с. На 1-й с. черн. чернилами (рукой автора): “Глубокоуважаемому товарищу Ленину на добрую память от автора. 14-го марта 1905. Георгий Гапон”. Инв. № 5338.
- [*Геркнер Г.*] Рабочий труд в Западной Европе / проф. Г. Геркнера; пер. со 2-го нем. изд. – СПб.: Изд. журн. “Образование”, 1899. – 512, XXXIX с. На форзаце син. карандашом (рукой М.И. Ульяновой): “М У”. На с. 24, 39, 43, 103, 247, 291 пометки карандашом (рукой М.И. Ульяновой(?)). Инв. № 2078.

- Гоголь Н.В.* Сочинения. Изд. одиннадцатое / ред. Н.С. Тихонравов. – СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1893. – Том третий. – 584 с.; 2 л. портр.; 2 л. факсим.; 3 л. ил. В книге отсутствуют портреты и 1 лист факсимиле. На первой с. чернилами: «Настоящая книга продана 28 января 1960 г. т. Мацкевичем с двумя штампами: “Хардин” и “Ульянов”. 29/IV-60 г. 3/маг. (подпись неразборч.)». На с. 235, 237, 245, 282 пометки черн. и красн. карандашом (рукой неустановл. лица). Имеется штамп “Помощник присяжного поверенного В.И. Ульяновъ”, факсим. “Хардин” и штамп магазина № 15 Книготорга г. Куйбышева. Инв. № 5099.
- Готфрид Алексей.* Две жизни: Драма в 1-м действии из прошлой жизни пролетарского таланта. – М.: Изд. кружка драматургов “Революционная сценопись”, 1922. – 12 с. На обл. черн. чернилами (рукой автора): “Многоуважаемой Марье Ильиничне тов. Ульяновой на добрую память. Автор А. Готфрид”. Инв. № 5724.
- Гурвич Г.С.* Основы Советской Конституции. – Изд. 3-е испр. и доп. – М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. Вып. I. – 223 с. Штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3279” зачеркнут. Инв. № 2749.
- Гуров П.Я.* Что делать с дешевыми ценами на хлеб. – М.: “Новая деревня”, 1924. – 36 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 6811”. Инв. № 1778.
- Дальний Восток сквозь призму дальневосточной дипломатии. (Машинописн. экземпляр). – Б.м., б.г. – 172 л. Имеется гриф “Секретно”. На тит. л. черн. чернилами: “Вождю Мировой Революции дорогому Владимиру Ильичу Ленину от И.Л. Дзевялтовского. 25. XII. 1921 г. Г. Москва”. Инв. № 9562.
- Двухнедельная сводка деятельности русских белогвардейцев за границей и по внутреннему фронту к 15 июня 1921 г. № 1. Разведывательное Управление Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. – Б.м., б.г. – 10 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9564.
- Двухнедельная сводка деятельности русских белогвардейцев за границей и по внутреннему фронту к 15 июля 1921 г. № 21. Разведывательное Управление Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. – Б.м., б.г. – 41 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9565.
- Двухнедельная сводка деятельности русских белогвардейцев за границей и по внутреннему фронту к 1 августа 1921 г. № 3. Разведывательное Управление Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. – Б.м., б.г. – 26 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9566.
- Двухнедельная сводка деятельности русских белогвардейцев за границей и по внутреннему фронту к 1 сентября 1921 г. № 5. Разведывательное Управление Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. – Б.м., б.г. – 29 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9567.
- Двухнедельная сводка деятельности русских белогвардейцев за границей и по внутреннему фронту к 1 сентября 1921 г. № 5. Разведывательное Управление Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. – Б.м., б.г. – 29 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9568.
- Двухнедельная сводка деятельности русских белогвардейцев за границей и по внутреннему фронту к 15 сентября 1921 г. № 6. Разведывательное Управление Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. – Б.м., б.г. – 14 с. На обл. “1 сентября” испр. на “15 сентября”; “№ 5” на “№ 6”. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9569.
- Двухнедельная сводка деятельности русских белогвардейцев за границей и по внутреннему фронту к 15 сентября 1921 г. № 6. Разведывательное Управление Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. – Б.м., б.г. – 14 с. На обл. “1 сентября” испр. на “15 сентября”; “№ 5” на “№ 6”. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9570.
- Двухнедельная сводка деятельности русских белогвардейцев за границей и по внутреннему фронту к 1 ноября 1921 г. № 8. Разведывательное Управление Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. – Б.м., б.г. – 31 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9571.
- Двухнедельная сводка Разведывательного Управления Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. К 1 сентября 1921 года. № 27. – Б.м., б.г. – 79 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9572.
- Двухнедельная сводка Разведывательного Управления Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. К 1 сентября 1921 года. № 27. – Б.м., б.г. – 79 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9573.
- Двухнедельная сводка Разведывательного Управления Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. К 15 сентября 1921 года. № 28. – Б.м., б.г. – 45 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9574.

- Двухнедельная сводка Разведывательного Управления Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. К 15 сентября 1921 года. № 28. – Б.м., б.г. – 45 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9575.
- Двухнедельная сводка Разведывательного Управления Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. К 1 октября 1921 года. № 29. – Б.м., б.г. – 75 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9576.
- Двухнедельная сводка Разведывательного Управления Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. К 15 ноября 1921 года. № 32. – Б.м., б.г. – 54 с. Имеется гриф “Секретно”. На обл. чернилами (рукой неустановл. лица): «В папку “Военное”. I/ХП – 21 г.». Инв. № 9577.
- Двухнедельный отчет-сводка № 1 о деятельности Московского комитета обороны. За время с 17 октября по 1 ноября 1920 г. – М., 1920. – 21 нумерованная с. Имеется гриф “Совершенно секретно”. В строке “Кому” чернилами (рукой неустановл. лица): “В.И. Ленину”. Инв. № 9578.
- Двухнедельный отчет-сводка № 1 о деятельности Московского комитета обороны. За время с 17 октября по 1 ноября 1920 г. – М., 1920. – 21 нумерованная с. Имеется гриф “Совершенно секретно”. В строке “Кому” кр. чернилами (рукой неустановл. лица): “тов. Фотиевой”. Инв. № 9579.
- Двухнедельный отчет-сводка № 2 о деятельности Московского комитета обороны. За время с 1 ноября по 15 ноября 1920 г. – М., 1920. – 19 с. Имеется гриф “Совершенно секретно”. В строке “Кому” чернилами (рукой неустановл. лица): “тов. Фотиевой”. Инв. № 9580.
- Декреты о наследовании и дарении. – М.: НКЮ, 1918. – 14 с. (Повторн. экз.) Инв. 2647.
- Детская дефективность, преступность и беспризорность: По материалам I Всероссийского съезда [деятели по борьбе с детской дефективностью] 24/VI – 2/VII 1920 г. – М.: Государственное изд-во, [1922]. – 100 с. (Повторн. экз.) Инв. № 3302.
- Детская дефективность, преступность и беспризорность: По материалам I Всероссийского съезда [деятели по борьбе с детской дефективностью] 24/VI – 2/VII 1920 г. – М.: Гос. изд-во, [1922]. – 100 с. (Третий экз.) Инв. № 3303.
- Дмитриев А. Соображения о необходимости механизации земельно-мелиоративных работ и применении при этом электрической энергии: Труды Государственной Комиссии по электрификации России. М.: Гос. техн. изд-во, б.г. – 46 с. (Повторн. экз.) На обл. черн. чернилами (рукой неустановл. лица): “Яковлеву”. Инв. № 2244.
- Доклад по экономической части [Серпуховское уездн. земск. собр. (сессия 1902 года)] – [М., 1902.] – 89 с. (Повторн. экз.) На с. 55 пометки син. карандашом (рукой неустановл. лица). Имеется штамп “РСДРП. Библиотека и архив”. Инв. № 4319.
- Доклады т. Троцкого о международном положении Советской республики и т. Каменева об итогах работы 7 Моск. Губпартконференции на общих собраниях членов РКП Красно-пресненского района 5 октября и 2 ноября 1921 года. – М., 1922. – 47 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина”. № 5053. Инв. № 1254.
- Достоевский и революция: (Вместо предисловия). – Б.м., б.г. Отсутствует обложка. – С. 3–14. Инв. № 8593.
- Дохман-Гармиза Г.И. Естественно-научный кружок в клубе: Методы работы, программа, примерные беседы, указатель литературы. Просмотр. К.А. Тимирязевым. – М.: Изд. ЦК РКСМ, 1922. – 45 с. На тит. л. красн. чернилами (рукой автора): “Надежде Константиновне в знак глубочайшего уважения. Г. Дохман-Гармиза”. В брошюре вложен лист с замеч. опечатками (машинописн. текст). Инв. № 5619.
- [Евреинова]. Культурно-просветительная работа: Тезисы тов. Евреинова к VII съезду профсоюзов. – М.: ВЦСПС, б.г. – 13 с. На с. 1–5, 11 пометки карандашом (рукой Н.К. Крупской). Инв. № 3589.
- Ежемесячник статистики народного образования. 1919. – № 1. – М.: НКП, 1919. – 64 с. Инв. № 3141.
- Елизарова А.И. Основы социального воспитания с точки зрения Коммунизма. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 12 с. (Повторн. экз.) Инв. № 3228.
- Елизарова А.И. Основы социального воспитания с точки зрения Коммунизма. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 12 с. (Повторн. экз.) Инв. № 3229.
- Елизарова А.И. Основы социального воспитания с точки зрения Коммунизма. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 12 с. (Повторн. экз.) Инв. № 3230.
- Елизарова А.И. Основы социального воспитания с точки зрения Коммунизма. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 12 с. (Повторн. экз.) Инв. № 3231.

- Елизарова А.И.* Основы социального воспитания с точки зрения Коммунизма. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 12 с. (Повторн. экз.) Инв. № 3232.
- Елизарова А.И.* Основы социального воспитания с точки зрения Коммунизма. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 12 с. (Повторн. экз.) Инв. № 3233.
- Елизарова А.И.* Основы социального воспитания с точки зрения Коммунизма. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 12 с. (Повторн. экз.) Инв. № 3234.
- Елизарова А.И.* Основы социального воспитания с точки зрения Коммунизма. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 12 с. (Повторн. экз.) Инв. № 3235.
- Елизарова А.И.* Основы социального воспитания с точки зрения Коммунизма. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 12 с. (Повторн. экз.) Инв. № 3236.
- Емшианов А.И.* О работе Отдела организации производства Цектрана за июль–декабрь 1920 г.: Доклад расширенному пленуму Цектрана. – М., 1920. – 69 с. (Повторн. экз.) Инв. № 2570.
- Жордания Н.* Происхождение и развитие политических партий в Германии. – СПб.: Изд. Н. Глаголева, б.г. – 112 с. (Повторн. экз.) Инв. № 1133.
- Журнал Народного комиссариата социального обеспечения. М., 1918. – № 1. (Повторн. экз.) Инв. № 6152.
- За партию: Газета ячеек Кремлевского куста. – М.: Ячейка ВЦИК, 1923. На 1-й с. карандашом (рукой неустановл. лица): “Получил сие от Марии Ильинишны в библиотеку Вл. Ильича. Есть еще несколько экз. (Дата и подпись неразборч.)” Инв. № 6498.
- Задачи профессиональных союзов. (Тезисы Рабочей оппозиции). (К 10-му съезду партии). – М.: Гос. изд-во, 1921. – 14 с. (Повторн. экз.) Имеется гриф “Только для членов РКП”. Инв. № 822.
- Зиновьев Г.* Австрия и мировая война. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 99 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4955”. Инв. № 4829.
- Зиновьев Г.* Армия и народ: Советская власть и офицерство. – Пб.: Гос. изд-во, 1920. – 32 с. Книга разрезана не полностью. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4956”. Инв. № 2921.
- Зиновьев Г.* Беспартийный или коммунист: Речь т. Зиновьева на собрании в театре Речкина за Московской заставой. С прил. статьи Г. Зиновьева “Вступайте в партию”. – М.: Гос. изд-во, 1919. – 32 с. Инв. № 722.
- Зиновьев Г.* Бессмертное в русской революции. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1922. – 13 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2464”. Инв. № 4685.
- Зиновьев Г.* Владимир Ильич Ленин: Очерк жизни и деятельности. – М.; Пг.: Гос. изд-во, б.г. – 63 с.; 1 л. портр. Книга не разрезана. На 3-й с. типогр. способом: “Дорогой Надежде Константиновне”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4616”. Инв. № 5784.
- Зиновьев Г.* Война и кризис социализма. – Пг.: Изд. Союза Коммун Северной области, 1919. – Часть вторая. – 437 с. На обл. черн. чернилами (рукой В.И. Ленина): “Ленин”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 837”. Книга разрезана не полностью. Инв. № 10555.
- Зиновьев Г.* Вопросы XII съезда Российской коммунистической партии. – Пг.: “Прибой”, 1923. – 76 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2463”. Инв. № 823.
- Зиновьев Г.* Второй конгресс Коммунистического Интернационала: Его значение: Доклад на заседании Петроградского Совета. – М.: Изд-во Коминтерна, 1920. – 37 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 715”. Инв. № 636.
- Зиновьев Г.* Г.В. Плеханов: (Вместо речи на могиле). – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 31 с. с портр. На обложке черн. чернилами (рукой неустановл. лица): “III № 74”. “№ 74”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4993”. Инв. № 426.
- Зиновьев Г.* Г.В. Плеханов: (Вместо речи на могиле). – Пг.: Изд. Петроград. Совдепа, 1918. – 31 с. с портр. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. 1437”. Инв. № 8889.
- Зиновьев Г.* Германский кризис и задачи партии. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. – 56 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4974”. Инв. № 4900.
- Зиновьев Г.* Главные этапы в развитии Коминтерна. – М.: Гос. изд-во, [1922]. – 14 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5294”. Инв. № 637.
- Зиновьев Г.* Две речи т. Г. Зиновьева на чрезвычайных собраниях Петроградского Совета 18 и 29 мая. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 40 с. (На обл. загл.: Г. Зиновьева. Хлеб, мир и партии. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4968”. Инв. № 1510.

- Зиновьев Г.* Двенадцать дней в Германии. – Пб.: Гос. изд-во, 1920. – 120 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4975”. Инв. № 638.
- Зиновьев Г.* Доклад т. Зиновьева о Коммунистическом Интернационале на Всероссийской конференции РКП(б). (Декабрь 1921). – Самара: Изд. Информ.-Инструкторск. Подотдела Самарского губкома РКП(б), б.г. – 22 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 705”. Инв. № 639.
- Зиновьев Г.* За что борется Красная Армия: Речь тов. Г. Зиновьева на конференции красноармейцев 30 июля 1919 года. – Пг.: Гос. изд-во, 1919. – 28 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4977”. Инв. № 4763.
- Зиновьев Г.* Задачи коммунистической партии: Доклад тов. Г. Зиновьева на общем собрании членов и кандидатов Петинского района КПУ 20 мая 1920 года. – Харьков: Всеукраинское изд-во, 1920. – 29 с. Инв. № 723.
- Зиновьев Г.* Задачи рабочей и крестьянской молодежи: Речь Г. Зиновьева делегатам крестьянской и рабочей молодежи 2 февраля 1919 г. – Пг.: Изд. Петроградского Совдепа, 1919. – 12 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4976”. Инв. № 913.
- Зиновьев Г.* Задачи рабочей и крестьянской молодежи: Речь Г. Зиновьева делегатам крестьянской и рабочей молодежи 2 февраля 1919 г. – Гомель: Гомельск. отд. Гос. изд-ва, 1919. – 16 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 6690”. Инв. № 914.
- Зиновьев Г. и Луначарский А.* Карл Маркс и Социалистическая революция: Две речи, произнесенные Г. Зиновьевым и А. Луначарским 11 мая на торжественном заседании Петроградского Совета раб. и кр. депутатов в столетнюю годовщину со дня рождения К. Маркса. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 32 с. Инв. № 69.
- Зиновьев Г. и Луначарский А.* Карл Маркс и Социалистическая революция: Две речи, произнесенные Г. Зиновьевым и А. Луначарским 11 мая на торжественном заседании Петроградского Совета раб. и кр. депутатов в столетнюю годовщину со дня рождения К. Маркса. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 48 с. Инв. № 70.
- Зиновьев Г. и Сталин К.* Кто виноват в поражении на фронте? – Пб.: “Прибой”, 1917. – 47 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4981”. Инв. № 4654.
- Зиновьев Г. и Троцкий Л.* Карл Либкнехт и Роза Люксембург: Речи Г. Зиновьева и Л. Троцкого, произнесенные на заседании Петроградского Совета 18 янв. 1919 г. – Пг.: Изд-во Союза Коммунистической партии Северной области, 1919. – 31 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 1552”. Инв. № 9666.
- Зиновьев Г.* Из истории нашей партии. Лекция, прочитанная перед собранием организаторов-коммунистов в Петрограде. – Пг.: Изд. Петроградского Совета Рабочих и Красн. Депутатов, 1919. – 28 с. Инв. № 724.
- Зиновьев Г.* Из истории нашей партии: Лекция, прочитанная перед собранием организаторов-коммунистов в Петрограде. – Пг.: Изд. Петроградского Совета Рабочих и Красн. Депутатов, 1919. – 28 с. Инв. № 725.
- Зиновьев Г.* Интеллигенция и революция: (Доклад на Всеросс. съезде научных работников 23-го ноября 1923 г.) – М.: “Красная новь”, 1924. – 37 с. Инв. № 4739.
- Зиновьев Г.* История Российской коммунистической партии (большевиков): Популярный очерк. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. – 195 с.; 2 л. ил. Инв. № 727.
- Зиновьев Г.* Коминтерн и единый рабочий фронт: Доклад на Всероссийской конференции РКП. – Пб.: Гос. изд-во, 1922. – 45 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 707”. Инв. № 640.
- Зиновьев Г.* Контрреволюция и задачи рабочих: Речь на заседании Петроградского Совета 15 июня 1918 г. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 15 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4980”. Инв. № 4764.
- Зиновьев Г.* Крестьяне и Советская власть. Беспартийные съезды. – Пб.: Гос. изд-во, 1920. – 56 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4982”. Инв. № 2248.
- Зиновьев Г.* Мировая революция и Коммунистический Интернационал. Речь на съезде немецкой Независимой партии в Галле 14 окт. 1920 г. – Пг., 1920. – 98 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 731”. На 4-й с. обл. карандашом (рукой неустановл. лица): “Ленину”. Инв. № 10 521.
- Зиновьев Г.* Н. Ленин: Владимир Ильич Ульянов. Очерк жизни и деятельности. – Пб.: Гос. изд-во, 1922. – 70 с., 1 л. портр. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2128”. Инв. № 9411.
- Зиновьев Г.* Н. Ленин: Владимир Ильич Ульянов. Очерк жизни и деятельности. –

- Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 72 с., 1 л. портр. Книга не разрезана. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2129”. Инв. № 9412.
- Зиновьев Г.* Наболевшие вопросы партийной жизни. – М.: “Красная Новь”, 1923. – 59 с. Инв. № 728.
- Зиновьев Г.* Наболевшие вопросы рабочего движения. Пг.: Изд-во Коминтерна, б.г. – 128 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 714”. Инв. № 641.
- [*Зиновьев Г.*] Наше положение и задачи создания Красной Армии: Речь, произнесенная в день Карсной Армии тов. Г. Зиновьевым в Народном доме. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 16 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4986”. Инв. № 2936.
- Зиновьев Г.* Новые задачи нашей партии (От войны к хозяйству): Речь, произнесенная на общем собрании членов партии, кандидатов и сочувствующих Петербургского района 28 января 1920 г. – Пб.: Гос. изд-во, 1920. – 31 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4988”. Инв. № 729.
- Зиновьев Г.* Новые задачи нашей партии: К X съезду. Речь т. Г. Зиновьева на собрании активных работников, районных комитетов, бюро коллективов и фракции РКП профсоюзов в Петрограде, во дворце Урицкого 13 декабря 1920 года. – Пг.: “Красный Петроград” (на обл.: “Изд. Петроградского Союза и Секции Полиграфического Производства), 1921. – 31 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4866”. Инв. № 824.
- Зиновьев Г.* Новые задачи партии. *Зеленский И.* Что нужно для партработы. – М.: Изд. Краснопресненского РК РКП(б), б.г. – 32 с. На обл. карандашом (рукой неустановл. лица): “Ленину”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4882”. Инв. № 730.
- Зиновьев Г.* О причинах краха Германской социал-демократии. – Пг.: “Волна”, 1917. – 29 с. Имеется штамп “Центральный комитет РСДРП”. Инв. № 1136.
- Зиновьев Г.* О роли профессиональных союзов: Доклад и заключительное слово на дискусионном собрании в Москве 30-го декабря 1920 г. в составе фракции VIII съезда Советов и ВЦСПС. Содокладчиком выступил т. Троцкий. – Пб.: Гос. изд-во, 1921. – 71 с. Имеются гриф “Только для чл. РКП” и штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4953”. Инв. № 1867.
- Зиновьев Г.* О хлебе насущном. С прил.: 1. Декрета СНК; 2. Декрета съезда Советов Сев. обл.; 3. Воззвания Петрогр. Совдепа и ЦСПС. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 20 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4991”. Инв. № 1779.
- Зиновьев Г.* Отчет Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала Второму Всемирному конгрессу Коммунистического Интернационала. – Пг.: Изд-во Коминтерна, 1920. – 61 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 720”. Инв. № 642.
- Зиновьев Г.* Очередные вопросы. Наши задачи. Государство и партия: Доклад о парторганизации на XI съезде. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. – 95 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 1065”. Инв. № 825.
- Зиновьев Г.* Партейтаг независимых и положение в Германии: Доклад на заседании Московского комитета РКП в Большом театре. – М.: Изд. Коминтерна, 1920. – 47 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 710”. Инв. № 4902.
- Зиновьев Г.* Партия и профессиональные союзы в Советской России. С прил. тезисов и проекта резолюции о профессиональных союзах. – Пб.: Гос. изд-во, 1920. – 96 с. На с. 9, 11–13, 15, 16, 59, 66 пометки синим карандашом (рукой неустановл. лица). Инв. № 1868.
- Зиновьев Г.* Письмо к крестьянам: Зачем рабочие посылают продовольственные отряды в деревню? – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 16 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4992”. Инв. № 2186.
- Зиновьев Г.* Польское наступление: Речь на IV Всеукраинском съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – Харьков: Всеукр. изд-во, 1920. – 30 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4995”. Инв. № 4765.
- Зиновьев Г.* Проблемы германской революции. – М.: “Красная Новь”, 1923. – 85 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4996”. Инв. № 4903.
- Зиновьев Г.* Пролетарский праздник 1-ое мая. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 16 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4998”. Инв. № 672.
- [*Зиновьев Г.*] Работница, крестьянка и Советская власть: Речь, произнесенная т. Г. Зиновьевым на съезде работниц и крестьянок Коммуны Северной Области. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1919. – 16 с. Инв. № 3058.

- Зиновьев Г.* Рабочая партия и профессиональные союзы: (О “нейтрализме” профессионального движения). – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 96 с. Инв. № 1869.
- Зиновьев Г.* Рабочая партия и профессиональные союзы: (О “нейтрализме” профессионального движения). – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 96 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4024”. Инв. № 1976.
- Зиновьев Г.* Русская революция и международный пролетариат: К двухлетию пролетарского переворота в России. – Пг.: Гос. изд-во, 1919. – 32 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4961”. Инв. № 4686.
- Зиновьев Г.* Рурские события и задачи Коминтерна. – М.: “Красная новь”, 1923. – 38 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 717”. Инв. № 643.
- Зиновьев Г.* Слово к красноармейцам. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 25 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4963”. Инв. № 2922.
- Зиновьев Г.* Сочинения. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. – Том I: Из истории большевизма. – 360 с. с ил. В книгу вложена аннотация “Зиновьев. Сочинения. Краткое содержание томов I–XVI”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2500”. Инв. № 720.
- Зиновьев Г.* Сочинения. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. – Том II: Из истории большевизма. – 316 с. с ил. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2501”. Инв. № 721.
- Зиновьев Г.* Спор о профессиональных союзах (доклад в Петербурге). – Пб.: Гос. изд-во, 1921. – 31 с. Инв. № 1870.
- Зиновьев Г.* Спор о профессиональных союзах (доклад в Петербурге). – Пб.: Гос. изд-во, 1921. – 31 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4025”. Инв. № 1871.
- Зиновьев Г.* Строительство жизни и Советская власть: Речь на общегородском совещании представителей фабрик и заводов 13 апреля 1921 г. Пг.: Изд. Петрогр. Губсовпрофа, 1921. – 47 с. На обл. карандашом (рукой Г. Зиновьева?): “Н.К. Ульяновой. Главполитпросвет”. В брошюре вложены 3 листа: “Состав делегатов общегородского совещания представителей фабрик, заводов и др. предприятий” (машинописн. текст, рукописн. правка). Инв. № 5624.
- Зиновьев Г.* Студенчество и пролетарская революция. – Пг.: Гос. изд-во, 1921. – 40 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4962”. Инв. № 1247.
- Зиновьев Г.* Тактика Коминтерна: Послеловие к работам III Всемирного конгресса. – Пб.: Гос. изд-во, 1921. – 11 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 718”. Инв. № 644.
- Зиновьев Г.* Третий Коммунистический Интернационал: К истории международной организации пролетариата. – Пг.: Гос. изд-во, 1921. – 44 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 719”. Инв. № 645.
- Зиновьев Г.* III Коммунистический Интернационал и международная контрреволюция. – Ростов н/Дону: Ростовск. отд. Гос. изд-ва, 1920. – 16 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 711”. Инв. № 646.
- Зиновьев Г.* IV конгресс Коммунистического Интернационала: Доклад на собрании ответственных работников Петроградской организации РКП(б). – Пг.: “Прибой”, 1923. – 63 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 709”. Инв. № 647.
- Зиновьев Г.* Тройственный союз и тройственное согласие. – Пб.: “Прибой”, б.г. – 31 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина”. № 4966. Инв. № 1255.
- Зиновьев Г.* Франц Меринг. – Пг.: Изд. Союза Коммунов Сев. обл., 1919. – 8 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4967”. Инв. № 4901.
- Зиновьев Г.* Чехословаки, белогвардейцы и рабочий класс: Речь на заседании Петроградского Совета 15 июня 1918 г. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 16 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4970”. Инв. № 4766.
- Зиновьев Г.* Что делать в деревне. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1919. – 24 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4969”. Инв. № 2249.
- Зиновьев Г.* Что должен знать и помнить коммунист-красноармеец: Речь тов. Зиновьева на конференции красноармейцев 15 января 1919 г. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1919. – 15 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4971”. Инв. № 1256.
- Зиновьев Г.Е.* Н. Ленин. Владимир Ильич Ульянов: Очерк жизни и деятельности. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 70 с., 1 л. портр. Инв. № 326.
- Зиновьев Г.Е.* Текущий момент и задачи партийного строительства: Доклад на общегородском партийном собрании в Тифлисе 25 января 1923 г. – Тифлис, 1923. – 22 с. В брошюре не подшиты с. 3–4 и 21–22.

- Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4721”. Инв. № 731.
- [*Зиновьев Г. и Троцкий Л.*] Карл Либкнехт и Роза Люксембург: Речи Г. Зиновьева и Л. Троцкого, произнесенные на заседании Петроградского Совета 18 января 1919 г. – Пг.: Изд. Союза Коммунист. Сев. обл., 1919. – 32 с. Инв. № 4912.
- Известия Государственного контроля. – М., 1918. Сентябрь. – № 6. Инв. № 6203.
- Известия Научно-экспериментального торфяного института. – М., 1922. – № 1. Журнал не разрезан. На обл. чернилами (рукой неустановл. лица): “Т. В.И. Ленину”. Инв. № 6228.
- Ильин Вл.* Экономические этюды и статьи: К характеристике экономического романтизма. – Пермская кустарная перепись. – Перлы народнического проектерства. – От какого наследства мы отказываемся. – К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике. – СПб., 1899. – 290 с. (Повторн. экз.) Инв. № 318.
- Ильин Вл.* Экономические этюды и статьи: К характеристике экономического романтизма. – Пермская кустарная перепись. – Перлы народнического проектерства. – От какого наследства мы отказываемся. – К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике. – СПб., 1899. – 290 с. (Третий экз.) На форзаце карандашом (рукой неустановл. лица): “Копия”. Имеются штампы “Российская Социал-Демократическая Рабочая партия. Библиотека и архив при ЦК” и “Библиотека Истпарта. ЦК ВКП(б)”. Пометки син. и кр. карандашом (рукой неустановл. лица) на с. 224, 225, 227, 228, 231, 233–255, 257, 259–261. Инв. № 319.
- Инструкция о порядке составления и направления смет по народному просвещению. – М., 1918. – 8 с. (Повторн. экз.) Инв. № 3147.
- Информационные материалы стратегической разведки РСФСР: Румыния. Данные о румынской армии. (К 15-му ноября 1920 г.) – М., 1920. – 25 с. Имеется гриф “В. Секретно”. Инв. № 9650.
- Иссерсон Г.* Современная германская пехота. – М.: Изд. Развед. Отдела Штаба РККА, 1923. – 44 с., 2 л. табл. и схем. В книгу вложен сопроводительный документ на имя Председателя СТО В.И. Ленина. Инв. № 9581.
- Истинная свобода: Религиозно-философский, общественный и литературный журнал / под ред. Вал. Булгакова и Алексея Сергеевского. – 1920, август. № 5. Журнал разрезан не полностью. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 1295”. Инв. № 8774.
- История революции Туркестана 1917–1921: Альбом фотографий. – Б.м., б.г. На обл. типогр. тиснение: “Великому творцу нового мира. Вождю Мирового пролетариата В.И. Ленину. 1917–1921 от освобожденных мусульманских масс пролетарии Туркестана. Изд. Б. Капустянский”. Инв. № 10 668.
- Итальянско-русский карманный словарь. – Отсутств. тит. л. – 781 с. На форзаце син. карандашом (рукой неустановл. лица): “Джидованни”. Инв. № 371.
- Кадили П.И.* Научные основы педагогики труда. – Б.м., б.г. – 52 с. На обл. чернилами (рукой автора): “На память тов. Лениной-Крупской. П. Кадили, завед. шк. подотделом Рязского Совета (Ряз. г.)” На посл. стр. карандашом (рукой автора): “Брошюра еще не закончена, всего будет около 70 стр. П. Кадили”. Инв. № 5627.
- Каменев Л.* 2-ой съезд III Интернационала (Пособие для агитаторов). – М.: Гос. изд-во, 1920. – 23 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. №5311”. Инв. № 648.
- Каменев Л.* Борьба за мир: (Отчет о мирных переговорах в Бресте). С прил. договора о перемирии, германских и русских условий мира, декларации и этнографической; политической и военной карты предложенной германцами границы. – Пг.: “Жизнь и знание”, 1918. – 82 с. Карты отсутствуют. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5000”. Инв. № 1258.
- Каменев Л.* Внешняя и внутренняя политика РСФСР в 1922 г. (Доклад X Всероссийскому съезду Советов). – М.: “Новая Москва”, 1923. – 76 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5001”. Инв. № 2852.
- Каменев Л.* Доклад Л.Б. Каменева на 2-м собрании уполномоченных Всеросс. Центр. Союза Потреб. Об-в (Центросоюза). – М.: Изд. Центросоюза, 1921. – 15 с. На обл. карандашом (рукой неустановл. лица): “Ленину”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5005”. Инв. № 1259.
- Каменев Л.* Между двумя революциями: Сборник статей. – М.: “Новая Москва”, 1923. – XI, 632 с. На форзаце чернилами (рукой автора): “В библиотеку Вл. Ил. ЛК”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5007”. Инв. № 4527.
- Каменев Л.* О роли и значении профсоюзов: (Доклад и заключительное слово на заседании Московского комитета РКП

- 17 января 1921 г.). – М.: Изд. Бюро фракции МГСПС, 1921. – 24 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4022”. Инв. № 1873.
- [Каменев Л.] Поднимайте производительность сельского хозяйства! Из речи тов. Каменева, произнесенной на съезде председателей уездных и волостных земотделов 19 января 1921 г. – М.: Изд. Моссовета, 1921. – 16 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 416”. Инв. № 2261.
- Каменев Л. Положение в стране и в партии: Доклад и заключительное слово на общем собрании Замоскворецкого района 6.12.23. – М.: “Красная Новь”, 1923. – 48 с. На с. 6 пометка карандашом (рукой неустановл. лица). Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4887”. Инв. № 1071.
- Каменев Л. Социалистическая республика в капиталистическом окружении: (Проект тезисов тов. Л. Каменева к 10-му съезду РКП). (Не подлежит опубликованию в печати). – Б.м., б.г. – 3 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2517”. Инв. № 10 454.
- Каменев Л. Центр и места: Доклад по советскому строительству на VII Всероссийском съезде Советов Депутатов. – М.: Гос. изд-во, 1919. – 24 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5011”. Инв. № 2853.
- Каменев Л.Б. История партии коммунистов в России и В.И. Ленин: (Речь). – М.: Изд. Моссовета, 1919. – 54 с. Инв. № 744.
- Каменев Л.Б. История партии коммунистов в России и В.И. Ленин: (Речь). – Харьков: Всеукраинское изд-во, 1920. – 61 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4626”. Инв. № 745.
- Каменев Л.Б. История партии коммунистов в России и В.И. Ленин: (речь). – М.: Изд. Моссовета, 1919. – 54 с. Книга разрезана не полностью. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2130”. Инв. № 9413.
- Каменев Л.Б. Между двумя революциями: Сборник статей. – М.: “Новая Москва”, 1923. – XI, 632 с. На фронтисп. чернилами (рукой автора): “Тов. Надежде Константиновне. Л. Каменев”. Инв. № 5628.
- Каменев Л.Б. Между двумя революциями: Сборник статей. – М.: “Новая Москва”, 1923. – XI, 632 с. На фронтисп. чернилами (рукой автора): “М.И. Ульяновой. Л. Каменев”. Инв. № 5725.
- Каменев Л.Б. Очередные задачи партии. – М.: “Новая Москва”, 1923. – 91 с. На с. 19, 79 пометки карандашом (рукой неустановл. лица). Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4885”. Инв. № 746.
- Каменев Ю. Крушение Интернационала. – Пг.: “Волна”, 1917. – 24 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5288”. Инв. № 4255.
- Каменев Ю. Экономическая система империализма. – Пг.: “Жизнь и знание”, 1916. – 104 с. Инв. № 1322.
- Каутский К. Аграрный вопрос: Обзор тенденций современного сельского хозяйства в связи с аграрной политикой социал-демократии. – СПб.: “Новый мир”, 1906–1907. – Часть I. Пер. с нем. под ред. А.Б. Фейнберга; Часть II: Социал-демократическая аграрная политика / пер. с нем. под ред. С.А. Алексеева; послесл. П. Маслова. – 408, 192 с. Инв. № 2192.
- Каутский К. Карл Маркс и его заслуги перед рабочим движением: Речь, произнесенная 17 марта 1906 г. на рабочем собрании и в Лейпциге в память революции 1848 г. / пер. с нем. – СПб.: “Трибуна”, 1906. – 28 с. На обл. и тит. л. штамп “VL. OULIANOFF”. Инв. № 73.
- Каутский К. Классовые интересы. – М.: Изд-во Е.Д. Мягкова “Колокол”, 1905. – 32 с. Имеется штамп “Центральный комитет РСДРП”. Инв. № 971.
- Книга о голоде: Экономический, бытовой, литературно-художественный сборник. Весь чистый сбор поступит в пользу голодающих. – Самара: Самарск. отд. Госиздата, 1922. – 146 с., 8 л. ил. (Повторн. экз.) Инв. № 1783.
- Книгоиздательство “Жизнь и знание”: [Каталог]. – СПб., б.г. – 8 с. (Повторн. экз.) Отсутств. обл. и тит. л. Имеется штамп “VL. OULIANOFF”. Инв. № 3754.
- Книжный листок Центросоюза. М.: Хоз.-изд. отд. Центросоюза, 1923. – № 1. Инв. № 6524.
- Книжный листок Центросоюза. М.: Хоз.-изд. отд. Центросоюза, 1923. – № 2. Инв. № 6525.
- Книжный листок Центросоюза. М.: Хоз.-изд. отд. Центросоюза, 1923. – № 3. Инв. № 6526
- Коваленко П. Книжка политической грамоты. Четвертое изд. – М.: “Моск. рабочий”, 1922. – 80 с. На обл. чернилами (рукой автора): “М.И. Ульяновой. П. Коваленко. 12/IX – 1922 г.”. Инв. № 5729.
- Коваленко П. Книжка политической грамоты. Шестое изд. – М.: “Моск. рабочий”, 1923. – 104 с. На тит. л. черн. чернилами (рукой автора): «Хранителю заветов ста-

- рой “Правды” Марье Ильиничне. П. Коваленко. 13/II – 1923». Инв. № 5727.
- Козлова Е. Аскания-Нова: Зоопарк в южно-русских степях.* – Пг.: “Начатки знаний”, 1923. – 134 с. (Повторн. экз.). – Инв. № 3882.
- Коллонтай А.* Рабочая оппозиция. На правах рукописи. М., 1921. – 48 с. (Повторн. экз.) Имеется гриф “Только для членов X-го съезда РКП”. Инв. № 749.
- Комиссариат социального обеспечения: (Екатерининский институт). – М., 1918. – 60 с. На обл. чернилами (рукой неустановл. лица): “Всероссийский съезд Комиссаров Соц. Обесп. С 26 июня по 2 июля 1918 г.”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 101”. Инв. № 2990.
- Коммунистическая партия и организация работников: Пособие для пропагандисток. – М.; Пг.: “Коммунист”, 1919. – 132 с. (Повторн. экз.) На обл. черн. чернилами (рукой Н.К. Крупской): “Работница и нар. образование”. На с. 3, 10, 20, 21, 119–122 пометки карандашом и чернилами. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2469”. Инв. № 3079.
- Конколь М.* Коммуна 71 года: Краткая история восстания парижских рабочих в 1871 году / пер. с польск. А. Котика. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 24 с. (Повторн. экз.) Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 7585”. Инв. № 5008.
- Корнилов А.* Курс истории России XIX века. – М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1912. – Часть I. – 283 с. На тит. л. чернилами (рукой М.А. Ульяновой): “Дорогой Марусичке. 6/II 1913 г.”. Инв. № 5730.
- Корнилов А.* Курс истории России XIX века. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1912. – Часть II. – 272 с. Инв. № 4349.
- Короленко Владимир.* Очерки и рассказы. М.: Ред. журн. “Русская мысль”, 1888. – [Книга первая]. Изд. третье. – 402 с.; Книга вторая. Изд. второе. – 409 с. На перепл. тисн.: “М.У.” Инв. № 5731.
- Краткие сведения о вооруженных силах Великобритании империи. – М.: Изд. Отчетно-организационного отдела Организационного управления Всероссийского Главного Штаба, 1919. – 44 с., 2 л. Прил. Имеется гриф “Секретно”. Книга не разрезана. Инв. № 9584.
- Краткие сведения о вооруженных силах Северо-Американских Соединенных Штатов. – М.: Изд. Отчетно-организационного отдела Организационного Управления Всероссийского Главного Штаба, 1919. – 32 с., 1 л. прил. Имеется гриф “Секретно”. Книга не разрезана. Инв. № 9585.
- Критика и библиография. (Вырезка из журнала). – С. 181–182. Имеется штамп “VL. OULIANOFF”. Инв. № 3756.
- Кузовков Д.В.* Азбука финансовой политики. Удостоено премии экспертной комиссии ЦЕКУБУ при Совнарком. – М.: “Красная Новь”, 1923. – 128 с. (Повторн. экз.) Имеются штампы “Библиотека Н. Ленина. № 537” и “Библиотека ИМЭЛ. Архивный фонд. Ц9474”. Инв. № 2474.
- Кунов Г.* Возникновение религии и веры в бога / пер. и предисл. И. Степанова. – М.; Пг.: “Коммунист”, 1919. – 162 с. Пометки карандашом (рукой неустановл. лица) на с. 5–22, 25, 26, 28, 29. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5411”. Инв. № 563.
- Лавринович Ю.* Кто устроил погромы в России. – Berlin: Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren J. Ladyschnikow, б.г. – VIII, 296 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 1681”. Инв. № 4647.
- [*Лавров П.Л.*] Собрание сочинений Петра Лавровича Лаврова / под ред. Н. Русанова, П. Витязева и А. Гизетти. – Пг.: Изд. т-ва “Революционная мысль”, 1917. – Серия I: Статьи по философии. – Выпуск II. – 217 с. На обл. черн. чернилами (рукой П. Витязева): “Марии Ильиничне – добрая память северных дней совместного изгнания. От П. Витязева. Москва 17 августа”. Инв. № 5733.
- [*Лавров П.Л.*] Собрание сочинений Петра Лавровича Лаврова / под ред. Н. Русанова, П. Витязева и А. Гизетти. Пг.: Изд. т-ва “Революционная мысль”, 1918. – Серия III: Статьи научного характера. – Выпуск V. – 168 с. На обл. черн. чернилами (рукой П. Витязева): “Дорогой Марии Ильиничне на память от редактора. 18 сентября 1918 г. Г. Москва”. Инв. № 5734. В книгу вложена записка черн. чернилами (рукой П. Витязева): “18 сентября. Многоуважаемая Мария Ильинична! Мне очень хотелось бы повидать Вас и как можно скорее. Я был бы Вам признателен, если бы Вы известили меня открыткой по адресу: 3-я Мещанская, 24, Латышский отряд, мне, когда и где я смогу с Вами встретиться, Пока, крепко жму руку. Всего доброго. Уважающий и преданный П. Витязев”. Инв. № 5734.
- [*Лавров П.Л.*] Собрание сочинений Петра Лавровича Лаврова / под ред. Н. Русанова, П. Витязева и А. Гизетти. – Пг.: Изд.

- т-ва “Революционная мысль”, 1918. – Серия III: Статьи научного характера. – Выпуск VIII. – 244 с. На обл. черн. чернилами (рукой П. Витязева): “Марии Ильинишне на память о тех днях, когда мы были вместе, от П. Витязева. Москва, 17 августа”. Инв. № 5735.
- [Лавров П.Л.] Собрание сочинений Петра Лавровича Лаврова / под ред. Н. Русанова, П. Витязева и А. Гизетти. – Пг.: Изд. т-ва “Революционная мысль”, 1917. – Серия V: Статьи по истории религии. – Выпуск I. – 272 с. На обл. черн. чернилами (рукой П. Витязева): “Глубокоуважаемой Марии – воспоминания о далеких днях Севера. П. Витязев. Москва, 17 августа”. Инв. № 5736.
- Лазарев В. Основные принципы организации производства. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 16 с. (Повторн. экз.) Имеются штампы “Библиотека Н. Ленина. № 37” и “Библиотека ИМЭЛ. Архивный фонд. Ц9481”. Инв. № 1729.
- Лебедев Платон. Библиотека социал-демократа: Систематический указатель социал-демократической литературы с приложением программ для чтения, примерных библиотек, списков книг по трудности и поверочных вопросов. Изд. 2-е, перераб. и значит. доп. – Нижний Новгород: изд. Т-ва “Н.И. Волков и К.”, б.г. – 112 с. (Повторн. экз.) Пометки карандашом и чернилами (рукой неустановл. лица) на с. 4–14, 22, 23, 25, 35–38, 60–67, 69. Инв. № 3758.
- Лебедев Платон. Библиотека социал-демократа. Систематический указатель социал-демократической литературы с приложением программ для чтения, примерных библиотек, списков книг по трудности и поверочных вопросов. Изд. 2-е, перераб. и значит. доп. – Нижний Новгород: Изд. Т-ва “Н.И. Волков и К.”, б.г. – 112 с. (Третий экз.) Пометки чернилами (рукой неустановл. лица) на с. 14, 16, 23, 29–32, 35–37, 40, 43–46, 49–54, 57–59, 109. Инв. № 3759.
- Лелевич Г. (Л. Могилевский). В дни Самарской Учредилки. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 44 с. Инв. № 4776.
- [Ленин В.И.] От штурма к осаде: (Речь тов. Ленина, произнесенная на 7-й Московской губернской партийной конференции 29 октября 1921 г.) – М.: Гос. изд-во, 1921. – 15 с. (Повторн. экз.) Инв. № 258.
- Ленин В.И. Предисловие к книге Степанова. – Машинопись, вырезки из газет. – 4 нумерованных листа. Слова “к книге Степанова” написаны син. карандашом (возможно, рукой В.И. Ленина). Инв. № 10 611.
- [Ленин В.И.] Проект: Наказ СТО (Совета Труда и Оборона) местным советским учреждениям. – Б.м., б.г. – 20 с. (Повторн. экз.) Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4534”. Инв. № 244.
- Ленин В.И. и Луначарский А.В. Речи на 1-м Всероссийском съезде по внешкольному образованию 6–19 мая 1919 года. 1. А.В. Луначарский. Задачи внешкольного образования в Советской России. 2. В.И. Ленин. Приветственная речь к членам съезда. 3. В.И. Ленин. Об обмане народа лозунгами свободы и равенства. – М.: Изд. внешкольного отдела НКП, 1919. – 53 с. (Повторн. экз.) Инв. № 291.
- Ленин В.И. О диктатуре пролетариата (Рукопись 1920 г.). Факсимильное воспроизведение. – М.: Институт Ленина при ЦК РКП (б), 1925. – 5, 12 с. Инв. № 9358.
- Ленин В.И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибке тов. Троцкого: Речь на дискуссионном собрании членов фракции РКП 8-го Всероссийского съезда Советов 30 декабря 1920 г. – Пб.: Гос. изд-во, 1921. – 32 с. (Повторн. экз.) Имеется гриф “Только для членов РКП”. Инв. № 253.
- Ленин В.И. Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой! (Рукопись 1918 г.) Факсимильное издание. – М.: Ин-т Ленина при ЦК РКП(б), б.г. – 5, [2], 14 с. Инв. № 307.
- Ленин В.И. Три речи. (Речь на IX съезде Советов и две речи на XI съезде РКП). Вырезки из газеты “Известия” от 24 декабря 1921 г. № 290 и газеты “Правда” от 28 и 30 марта 1922 г. № 70 и 72. Инв. № 10 672.
- Ленин Н. (В. Ульянов). Собрание сочинений. – М.: Гос. изд-во, 1924. – Том I: Первые шаги рабочего с.-д. движения. 1893–1900 гг. – 678 с. Пометки простым, син. и кр. карандашом, черн. и фиол. чернилами (рукой неустановл. лица) на с. 89, 90, 93, 96–99, 102, 103, 105, 110, 111, 115, 118, 119, 122, 129–134, 138, 140, 141, 152, 155, 164, 165, 167, 178–180, 183, 188–190, 203, 207–209, 218, 224, 233, 236, 284, 285, 295, 345–348, 351, 361, 372–374, 385, 386, 396, 436, 437, 485. В книгу вложена квитанция из “Ателье мод” на пошив платья М.И. Ульяновой. Инв. № 137.
- Ленин Н. (В. Ульянов). Собрание сочинений. – М.: Гос. изд-во, 1921. – Том VII: Революция 1905–1906 годов, – часть I. –

- 352 с. (Повторн. экз.) Пометки простым, син. и кр. карандашом, черн. и фиол. чернилами (рукой неустановл. лица) на с. 3–4, 17, 21, 27, 31, 35–40, 49, 51, 52, 54–57, 59–72, 75–78, 80–81, 112, 185–186, 193–194, 196–199, 201–202, 204–207, 209–213, 215, 222–224, 226–231, 234–237, 244–246, 252, 266, 285, 296, 298, 314, 351. Инв. № 144.
- Ленин Н. (В. Ульянов).* Собрание сочинений. – М.: Гос. изд-во, 1924. – Том XII, часть I: Новый подъем 1912–1914 гг. – 340 с. Имеются штампы “Библиотека Н. Ленина. № 4425” и “Центральный музей В.И. Ленина. № 4304”. Инв. № 152.
- Ленин Н. (В. Ульянов).* Собрание сочинений. – М.: Гос. изд-во, 1924. – Том XII, часть II: Новый подъем 1912–1914 гг. – 631 с. Пометки простым, син. и кр. карандашом (рукой неустановл. лица) на с. 40, 43–45, 55, 57–59, 143–145, 156–158, 167–168, 219, 225, 370–371, 378–379, 407, 437, 467, 523, 578, 627–631. Инв. № 153.
- Ленин Н. (В. Ульянов).* Собрание сочинений. – М.: Гос. изд-во, 1924. – Том XIII: Мировая война 1914–1916 гг. – 537 с. Инв. № 154.
- Ленин Н. (В. Ульянов).* Собрание сочинений. – М.: Гос. изд-во, 1921. – Том XIV, часть I: Буржуазная революция 1917 г. – 317 с. (Повторн. экз.) На с. 317 штамп “Библиотека Института В.И. Ленина”. Инв. № 162.
- Ленин Н. (В. Ульянов).* Собрание сочинений. М.: Гос. изд-во, 1921. – Том XIV, часть II: Буржуазная революция 1917 г. – 536 с. (Повторн. экз.) Инв. № 163.
- Ленин Н. (В. Ульянов).* Собрание сочинений. – М.: Гос. изд-во, 1921. – Том XIX: Национальный вопрос (1910–1920 гг.). – 300 с. (Повторн. экз.) Инв. № 165.
- Ленин Н. (В. Ульянов).* Собрание сочинений. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. – Том XX, часть I: Дополнительный: 1895–1915 гг. – 576 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 7432”. Инв. № 166.
- Ленин Н. (В. Ульянов).* Собрание сочинений. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. – Том XX, часть II: Дополнительный: 1917–1922. – 608 с. Пометки простым, син. и кр. карандашом (рукой неустановл. лица) на с. 112, 117, 121, 221, 261, 264–267, 291–293, 301–309, 313, 334, 375, 396, 397, 437, 445, 446, 448, 449, 470, 487, 488, 491–497, 499, 501, 505–507, 523, 524, 533, 547, 548, 605–608. Инв. № 167.
- Ленин Н. (Вл. Ульянов).* Пролетарская революция и ренегат Каутский. – М.; Пг.: “Коммунист”, 1918. – 135. (Повторн. экз.) Инв. № 275.
- Ленин Н.* Борьба за хлеб: Речь, произнесенная на чрезвычайном заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов крестьян, рабочих, солдат и каз. депутатов. – М.: ВЦИК, 1918. – 29 с. (Повторн. экз.) Инв. № 173.
- Ленин Н.* Великий почин: (О героизме рабочих в тылу. По поводу “коммунистических субботников”). Изд. второе. – М.: Гос. изд-во, 1919. – 32 с. (Повторн. экз.) Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4479”. Инв. № 176.
- Ленин Н.* Доклад и заключительная речь на 3-м Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 16 с. (Повторн. экз.) Инв. № 193.
- Ленин Н.* Доклад и заключительная речь на 3-м Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. – М.: ВЦИК, 1919. – 16 с. (Повторн. экз.) Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4460”. Инв. № 195.
- Ленин Н.* Доклад об объединительном съезде РСДРП: Письмо к Петербургским рабочим. – М., 1906. – 110 с. (Повторн. экз.) Инв. № 197.
- Ленин Н.* Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тов. Троцкого и Бухарина. – М.: Изд. Отдела печати Моссовета, 1921. – 32 с. (Повторн. экз.) Инв. № 201.
- Ленин Н.* К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 15 с. (Повторн. экз.) Имеется штамп “Политпросвет НКП. Библиотечный п/отдел. Библиотека”. Инв. № 220.
- Ленин Н.* Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии. – СПб.: “Вперед”, 1906. – 32 с. (Повторн. экз.) Имеется штамп “Российская Социал-Демократическая Рабочая партия. Центральный Комитет”. Инв. № 227.
- Ленин Н.* Карл Маркс: Краткий биографический очерк с изложением марксизма. – М.: “Красная Новь”, 1923. (Повторн. экз.) Инв. № 231.
- Ленин Н.* Памяти Герцена. – Пб.: Гос. изд-во, 1920. – 14 с. (Повторн. экз.) Имеется штамп “Политпросвет НКП. Библиотечный п/отдел. Библиотека”. Инв. № 262.
- Ленин Н.* Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов: (Ответ на статьи “Русского богатства” против марксистов). Выпуски первый и третий / с предисл. Л. Каменева и статья-

- ми С. Мицкевича, А. Ганшина и В. Масленникова. – М.: “Московский рабочий” и “Новая Москва”, 1923. – 205 с., 1 л. портр., 1 л. ил. (Повторн. экз.) Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4560”. Инв. № 316.
- Либкнехт В.* К юбилею мартовской революции / пер. с нем. Б. Александровой. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдела, 1918. – 140 с. (Повторн. экз.) Инв. № 4909.
- Ликвидаторам неграмотности: Практическое руководство. (Коллективная работа курсантов Всероссийских курсов по ликвидации неграмотности) / под ред. Д. Элькиной. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 151 с. (Повторн. экз.) На обл. кр. чернилами (рукой неуставл. лица): “Тов. Ульяновой. Обложка согласована Госиздатом без ведома ВЧКА”. Инв. № 5643.
- Лилина З.* Безымянные героини: (Участие трудящихся женщин в классовой борьбе Франции). – Пб.: Гос. изд-во, 1921. – 36 с.; 1 л. ил. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4268”. Инв. № 4941.
- Лилина З.* Организуйте женщин! – Пб.: “Прибой”, 1917. – 14 с. Инв. № 3080.
- Лилина З.* Организуйте женщин! – Пг.: Изд. Петрогр. Совдела, 1918. – 20 с. На с. 3, 7, 8, 13, 15, 17, 19 пометки черн. чернилами и карандашом (рукой неуставл. лица). Инв. № 3081.
- Лилина З.* От коммунистической семьи к коммунистическому обществу. – Пб.: Гос. изд-во, 1920. – 104 с. На с. 9, 48, 49 пометки син. карандашом (рукой неуставл. лица). Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 1953”. Инв. № 1004.
- Лилина З.* От коммунистической семьи к коммунистическому обществу. – Пб.: Гос. изд-во, 1920. – 104 с. Копия. Пометки В.И. Ленина не воспроизведены. Книга не разрезана. Инв. № 10 561.
- Лилина З.* Первомайский праздник – праздник молодежи. – Пб.: Гос. изд-во, 1920. – 24 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 6880”. Инв. № 673.
- Лилина З.* “Солдаты тыла”: (Женский труд во время и после войны). – Пг.: Изд. Петрогр. Совдела, 1918. – 123 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4267”. Инв. № 3082.
- Лилина З.* Социальное воспитание. – Пб.: Гос. изд-во, 1920. – 15 с. Инв. № 3248.
- Лилина З.* Социально-трудовое воспитание. Итоги четырехлетней работы с Октябрьской революции 1917 г. до октября 1921 г. – Пб.: Гос. изд-во, 1921. – 18 с. Инв. № 3247.
- Лилина З.И.* Шесть лет пролетарской революции. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. – 63 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2774”. Инв. № 4696.
- Литература Востока: Сборник статей. – Пб.: “Всемирная литература”, 1919. – Выпуск I: Статьи С.Ф. Ольденбурга, И.Ю. Крачковского [и др.] – 69 с. Инв. № 4149.
- Лобковиц В.* Организация французской пехоты. – М.: Изд. Развед. Отдела Штаба РККА, 1922. – 43 с., 2 л. схем. Инв. № 9588.
- Ломский И.И.* Из тьмы жизни: Социальная драма из жизни печатников. В 3-х действиях. – М.: “Книгопечатник”, 1922. – 46 с. На тит. л. чернилами (рукой автора): “Дорогой Марии Ильиничне Ульяновой. Ив. Ломский. 19/Х-22 г.” Инв. № 5740.
- Лондон Джек.* Как я стал социалистом / пер. П. Охрименко. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923 (на обл.: 1922), – 84 с. На тит. л. чернилами (рукой переводчика): “Дорогой Марии Ильиничне в знак глубокого уважения. От П. Охрименко. Москва, ноябрь, 1922”, Инв. № 5739.
- Люблинский П.И.* О доказательстве в уголовном суде: Практический комментарий к главе IV Угол.-процесс. кодекса – М.: “Право и жизнь”, 1924. – 62 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 9507”. Инв. № 2785.
- Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / пер. с 5-го нем. изд. под ред. А. Свечина. – М.: Гос. изд-во, 1924. – Том второй. – IV, 315, 6 с., 2 л. карт. Имеются штампы “Библиотека Н. Ленина. № 3101” и “Библиотека ИМЭЛ. Архивный фонд. Ц9512”. Инв. № 4849.
- [*Макаров Н.П.*] Полный французско-русский словарь, составленный Н.П. Макаровым. Заслужил одобрительный отзыв Императорской Академии Наук, одобрен Ученым комитетом Министерства народного просвещения, а равно и прочими учебными комитетами, и принят во все учебные заведения. – СПб.: Изд. Н.П. Макарова, 1875. – Часть I–II. Изд. второе, тщательно исправленное и умноженное. – [9], 509, 545, XII с. В книгу вложен фрагмент финской (?) газеты с фотографическим портретом В.И. Ленина, выполненным в 1916 г. Инв. № 373.
- Малышев С.* К свету: Повесть. – Пг.: Изд. “Пролеткульт”, 1918. – 52 с. На тит. л. кр. чернилами (рукой автора): “Дорогому товарищу Марии Ильиничне Ульяновой на память нашей совместной работы по

- созданию грозного большевизма. Автор. 15/19. Г. Москва". Инв. № 5741.
- Маркс К.* Гражданская война во Франции (1870–1871 г.) / с предисл. Ф. Энгельса; пер. с нем. под ред. Н. Ленина. Второе изд. – Одесса: “Буревестник”, 1905. – 71 с. (Повторн. экз.) На обл. и тит. л. штамп “VL. OULIANOFF”. Имеется штамп “Архив ИМЭЛ. № 707 кн.” Пометки карандашом и черн. чернилами (рукой В.И. Ленина(?)) на с. 3–8, 10, 14–26. Инв. № 3.
- Маркс К.* Исторические очерки. – Киев: изд. Е.М.Алексеевой, 1905. – I: Очерки из истории Германии 1848–1850 гг. / пер. с нем. – 108 с. (Повторн. экз.) На обл. и тит. л. штамп “VL. OULIANOFF”. Имеется штамп “Архив ИМЭЛ. № 591 кн”. Инв. № 12.
- Маркс К.* Капитал: Критика политической экономии / соч. Карла Маркса, изданное под ред. Фридриха Энгельса; пер. с нем. СПб., 1885. – Том второй, книга II: Процесс обращения капитала. – XIX, 403 с. (Повторн. экз.) Пометки чернилами и карандашом (рукой неустановл. лица) на с. V, 71–73, 76, 79, 81, 105, 106, 109, 111, 112, 113, 120, 121, 131, 137, 153, 157, 181, 183, 205, 207, 231, 251, 254, 257, 259, 271, 280, 345, 373. Инв. № 16.
- Маркс К.* Критика Готской программы / пер. Н. Алексеева. СПб.: “Эпоха”, 1906. – 32 с. (Повторн. экз.) Инв. № 22.
- Маркс К.* Революция и контрреволюция в Германии / с предисл. К. Каутского. – М.: ВЦИК, 1919. – 120 с. (Повторн. экз.) На обл. кр. карандашом (рукой неустановл. лица): “Дубл.” Инв. № 43.
- Маркс К.* Революция и контрреволюция в Германии / с предисл. К. Каутского. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1919. – 128 с. (Повторн. экз.) Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4346”. Инв. № 44.
- Маркс К.* Теория прибавочной стоимости. Из неизданной рукописи “К критике политической экономии” К. Маркса. – СПб., 1906. – Выпуск первый: Зачатки теории прибавочной стоимости до Адама Смита включительно. Перевел с издания К. Каутского П. Стрельский; под ред. и с предисл. Г. Плеханова. – 335 с. Инв. № 46.
- Маркс К. и Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии / пер. П. Орловского. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 32 с. (Повторн. экз.) Инв. № 53.
- Материалы для оценки земельных угодий. Демянский уезд. Таблицы оценочных данных (Приложение к обвинительной записке). – Б.м., б.г. – 13 с. Отсутств. обл. и тит. л. Имеется штамп: “РСДРП. Библиотека и архив”. Инв. № 1451.
- Материалы Ленинградского комитета РКП. – Л.: “Прибой”, 1924. Выпуск 7: Март 1923 – апрель 1924. – 328 с. с табл. и диагр., 2 л. табл. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4926”. Инв. № 892.
- Материалы по оценке недвижимых имуществ Вяземского уезда: Оценка фабрик, заводов и мелких промышленных заведений. По исследованию 1901 года / составлен инж.: Е. Богатыревым, П. Козляковским и И. Чернышевым. – Смоленск: Смол. губ. земск. управа, 1902. – XIX, 42, 95, 58, 182, IV, IV с.; 3 л. план., 3 л. диагр. На обл. черн. чернилами (рукой неустановл. лица): “Ленину”. Имеется штамп: “РСДРП. Библиотека и архив”. Инв. № 1405.
- Материалы по пересмотру партийной программы / под ред. и с предисл. Н. Ленина. – Пг.: “Прибой”, 1917. – 32 с. (Повторн. экз.) Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4493”. Инв. № 757.
- Материалы по пересмотру партийной программы / под ред. и с предисл. Н. Ленина. – Пг.: “Прибой”, 1917. – 32 с. (Третий экз.) Инв. № 758.
- Материалы стратегической разведки: Авганистан (sic! – А.С.) и Персия. Состояние вооруженных сил к 1 июля 1921 г.: периодический обзор Разведупра РККА. – М.: Изд. Развед. Отдела Штаба РККА, 1921. – 34 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9589.
- Материалы стратегической разведки: Австрия. Обзор вооруженных сил и политического и экономического состояния по данным к 1-му августа 1921 г. / составил и обработал слушатель Военной академии РККА Жигур. – М.: Изд. Развед. Отдела Штаба РККА, 1921. – 129 с., 4 л. схем и карт. Имеется гриф “Секретно”. В книгу вложен сопроводительный документ на имя Председателя СТО В.И. Ленина. Инв. № 9590.
- Материалы стратегической разведки: Германия. – М.: Изд. Развед. Отдела Штаба РККА, 1921. – Часть I: Обзор вооруженных сил и политического и экономического состояния по данным к 1-му августа 1921 г. / составил и обработал Р.Р. Натус. – 59 с., 8 л. схем и карт. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9592.

- Материалы стратегической разведки: Германия. – Часть I: – М.: Изд. Развед. Отдела Штаба РККА, 1921. Обзор вооруженных сил и политического и экономического состояния по данным к 1-му августа 1921 г. / составил и обработал Р.Р. Натус. – 59 с., 8 л. схем и карт. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9592.
- Материалы стратегической разведки: Германия. Обзор вооруженных сил по данным к 1 марта 1923 года / составили: слушатель Военно-Академических Курсов Высшего Комсостава РККА И.А. Ринк, красочный Э.Г. Биддер и военмор Н.Н. Горский. – М.: Изд. Развед. Отдела Штаба РККА, 1923. – [1], 221, [1] с., 7 л. табл., схем и карт. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9593.
- Материалы стратегической разведки: Италия. Обзор вооруженных сил по состоянию к 1 апреля 1922 года / составили и обработали: слушатель Военной Академии РККА С.Н. Красильников и военный моряк Н.Н. Горский. – М.: Изд. Развед. Отдела Штаба РККА, 1922. – [1], 268, с., 14 л. табл., схем и карт. Имеется гриф “Секретно”. В книгу вложен сопроводительный документ на имя Председателя СТО В.И. Ленина Инв. № 9597.
- Материалы стратегической разведки: Италия. Состояние вооруженных сил к 1 июля 1921 г. Периодический обзор Разведупра РККА. – М.: Изд. Развед. Отдела Штаба РККА, 1921. – 46 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9594.
- Материалы стратегической разведки: Италия. Состояние вооруженных сил к 1 июля 1921 г. Периодический обзор Разведупра РККА. – М.: издание Развед. Отдела Штаба РККА, 1921. – 46 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9595.
- Материалы стратегической разведки: Италия. Состояние вооруженных сил к 1 октября (на обл. “ноября”) 1921 г. Периодический обзор Разведупра РККА. – М.: Изд. Развед. Отдела Штаба РККА, 1921. – 46 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9596.
- Материалы стратегической разведки: Контрреволюционные вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России. Состояние, организация и деятельность по данным к 1-му октября 1921 г. Периодический обзор Разведупра РККА – М.: Изд. Разведывательного Управл. Штаба РККА, 1921. – 71 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9598.
- Материалы стратегической разведки: Контрреволюционные русские политические группы и вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России. Состояние, организация и деятельность за период с 1 июля по 1 октября 1922 года. Периодический обзор Разведупра Шт. РККА – М.: Изд. Разведывательного Управления Штаба РККА, 1922. – 35 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9599.
- Материалы стратегической разведки: Контрреволюционные русские политические группы и вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России. Состояние, организация и деятельность за период с 1 октября 1922 г. по 1 января 1923 г. Периодический обзор Разведупра Шт. РККА – М.: Изд. Разведывательного Управления Штаба РККА, 1922. – 28 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9600.
- Материалы стратегической разведки: Латвия. – М.: Изд. Разведывательного Отдела Штаба РККА, 1923. – Часть I: Обзор вооруженных сил по данным к 1 января 1923 года / составил слушатель Военной Академии РККА А.Ю. Гайлис. – [2], 279, с., 4 л. схем и карт. Имеется гриф “Секретно”. На обл. карандашом (рукой не установлен. лица): “Ленину”. В книгу вложен сопроводительный документ на имя Председателя СТО В.И. Ленина. Инв. № 9601.
- Материалы стратегической разведки: Литва. Обзор вооруженных сил, военно-стратегическое описание и обзор политической и экономической жизни по данным к 1 января 1923 года / составили тт.: Е.И. Рея, слушатель Военной Академии Я.М. Жигур и Ц.Я. Плоткин. – М.: Изд. Разведывательного Отдела Штаба РККА, 1923. – [2], 159, с., 2 л. схем и карт. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9602.
- Материалы стратегической разведки: Литва и Польша. Состояние вооруженных сил к 1 июля 1921 года. Периодический обзор Разведупра РККА. – М.: Изд. Разведывательного Управл. Штаба РККА, 1921. – 96 с., 1 л. табл. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9603.
- Материалы стратегической разведки: Литва и Польша. Состояние вооруженных сил к 1 июля 1921 года. Периодический обзор Разведупра РККА. – М.: Изд. Разведывательного Управл. Штаба РККА, 1921. – 96 с., 1 л. табл. Имеется гриф

- “Секретно”. Пометки син. карандашом (рукой В.И. Ленина?) на с. 18–19, 33, 40. Исправл. фиол. чернилами (рукой неустановл. лица) на с.: 29, 36, 71. Инв. № 9604.
- Материалы стратегической разведки: Литва и Польша. Состояние вооруженных сил к 1 октября 1921 года. Периодический обзор Разведупра РККА. – М.: Изд. Разведывательного Управл. Штаба РККА, 1921. – 92 с., 1 л. табл. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9605.
- Материалы стратегической разведки: Персия. Обзор вооруженных сил с приложением очерка экономического и политического положения по данным к 1 июля 1923 года / составил Ф.П. Львов. – М.: Изд. Разведывательного Отдела Штаба РККА, 1923. – VIII, 136 с., 2 л. табл. и карт. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9606.
- Материалы стратегической разведки: Румыния. Состояние вооруженных сил к 1 июля 1921 года. Периодический обзор Разведупра РККА. – М.: Изд. Разведывательного Управл. Штаба РККА, 1921. – 36 с., 2 л. табл. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9607.
- Материалы стратегической разведки: Румыния. Состояние вооруженных сил к 1 июля 1921 года. Периодический обзор Разведупра РККА. – М.: Изд. Разведывательного Управл. Штаба РККА, 1921. – 36 с., 2 л. табл. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9608.
- Материалы стратегической разведки: Румыния. – М.: Изд. Разведывательного Управления Штаба РККА, 1922. – Часть I: Обзор вооруженных сил по данным к 1 октября 1922 года / Составил и обработал П.И. Демяшкевич – [2], 276 с., 9 л. табл, карт и схем. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9609.
- Материалы стратегической разведки: Страны Востока и Америка. (Дагестан, Турция, Персия, парготряды, армия Семеновы, Китай и Япония). Состояние вооруженных сил к 1 марта 1921 г. Периодический обзор Разведупра РККА. – М., 1921. – 58 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9610.
- Материалы стратегической разведки: Страны Западной Европы. (Германия, Англия, Голландия, Бельгия и Франция). Состояние вооруженных сил к 1 марта 1921 г. Периодический обзор Разведупра РККА. – М., 1921. – 35 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9611.
- Материалы стратегической разведки: Турция. Состояние вооруженных сил к 1 ноября 1921 года. Периодический обзор Разведупра РККА. – М.: Изд. Разведывательн. Управл. Штаба РККА, 1921. – 40 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9612.
- Материалы стратегической разведки: Финляндия. Состояние вооруженных сил к 1 марта 1921 г. Периодический обзор Разведупра РККА. – М., 1921. – 36 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9613.
- Материалы стратегической разведки: Финляндия. Обзор вооруженных сил по состоянию к 1 июня 1921 года. – [М.]: Изд. Разведывательного Управления Штаба РККА, 1921. – 152 с., 12 л. табл. и схем. Имеется гриф “Секретно”. В книгу вложен сопроводительный документ на имя Председателя СТО В.И. Ленина. Инв. № 9614.
- Материалы стратегической разведки: Финляндия. Состояние вооруженных сил к 1 июля 1921 г. Периодический обзор Разведупра РККА. – [М.]: Изд. Разведывательного Управл. Штаба РККА, 1921. – 33 с., 1 л. карт. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9615.
- Материалы стратегической разведки: Чехословакия, Венгрия и Швейцария. Состояние вооруженных сил к 1 июля 1921 г. Периодический обзор Разведупра РККА. – [М.]: Изд. Разведывательного Управл. Штаба РККА, 1921. – 23 с., 1 л. схем. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9616.
- Материалы стратегической разведки: Эстония и Латвия. Состояние вооруженных сил к 1 июля 1921 г. Периодический обзор Разведупра РККА. – [М.]: Изд. Разведывательного Управл. Штаба РККА, 1921. – 43 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9617.
- Материалы стратегической разведки: Эстония и Латвия. Состояние вооруженных сил к 1 октября 1921 г. Периодический обзор Разведупра РККА. – М.: Изд. Разведывательн. Управл. Штаба РККА, 1921. – 42 с., 1 л. схем. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9618.
- Материалы стратегической разведки: Югославия. Состояние вооруженных сил к 1 июля 1921 г. Периодический обзор Разведупра РККА. – М.: Изд. Разведывательн. Управл. Штаба РККА, 1921. – 21 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9619.
- Материалы стратегической разведки: Югославия. Состояние вооруженных сил к 1 июля 1921 г. Периодический обзор

- Разведупра РККА. – М.: Изд. Разведывательн. Управл. Штаба РККА, 1921. – 21 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9620.
- Мендельсон С.* Парижская Коммуна 18 марта: Ее происхождение и значение / пер. с нем. – М.: ВЦИК, 1919. – 80 с. (Повторн. экз.) Инв. № 5012.
- Меринг Ф.* История германской социал-демократии. – СПб.: Изд. Т-ва “Бр. А. и И. Гранат и К.”, 1906. – Том первый: До революции 1848 г. / пер. со 2-го нем. изд. М.Е. Ландау. – 397 с. (Повторн. экз.) Инв. № 1163.
- Меринг Ф.* История германской социал-демократии. – СПб.: Изд. Т-ва “Бр. А. и И. Гранат и К.”, 1906. – Том второй: До прусского конституционного конфликта (1862 г.) / пер. со 2-го нем. изд. под ред. М.Е. Ландау. – 387 с. (Повторн. экз.) Инв. № 1165.
- Месячная политическая сводка Разведывательного Отдела Управления 1-го помощника Начальника Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. К 1-му января 1924 года. – М.: Изд. Разведывательного Отдела Штаба РККА, 1924. – № 1. – 33 с., 1 л. схем. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9628.
- Месячная сводка Разведывательного Отдела 1-го помощника Начальника Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. К 1-му января 1923 года. – М.: Изд. Разведывательного Отдела Штаба РККА, 1923. – № 15. – 75 с. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9627.
- Месячная сводка Разведывательного Отдела 1-го помощника Начальника Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. К 1-му апреля 1923 года. – М.: Изд. Разведывательного Отдела Штаба РККА, 1923. – № 3. – 79 с., 3 л. табл. и схем. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9621.
- Месячная сводка Разведывательного Отдела 1-го помощника Начальника Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. К 1-му мая 1923 года. – М.: Изд. Разведывательного Отдела Штаба РККА, 1923. – № 4. – 102 с., 1 л. схем. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9622.
- Месячная сводка Разведывательного Отдела Управления 1-го помощника Начальника Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. К 1-му ноября 1923 года. – М.: Изд. Разведывательного Отдела Штаба РККА, 1923. – № 10, часть I. – 45 с. Имеется гриф “Секретно”. На обл. штамп “Архив т. Ленина”. В книгу вложена накладная о пересылке данного экз. Председателю СТО В.И. Ленину. Инв. № 9623.
- Месячная сводка Разведывательного Отдела Управления 1-го помощника Начальника Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. К 1-му ноября 1923 года. – М.: Изд. Разведывательного Отдела Штаба РККА, 1923. – № 10, часть II. – 82 с., 3 л. карт и схем. Имеется гриф “Секретно”. Инв. № 9624.
- Месячная сводка Разведывательного Отдела Управления 1-го помощника Начальника Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. К 1-му декабря 1923 года. – М.: Изд. Разведывательного Отдела Штаба РККА, 1923. – № 11, часть I. – 46 с. Имеется гриф “Секретно”. На обл. штамп “Архив т. Ленина”. Инв. № 9625.
- Месячная сводка Разведывательного Отдела Управления 1-го помощника Начальника Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. К 1-му декабря 1923 года. – М.: Изд. Разведывательного Отдела Штаба РККА, 1923. – № 11, часть II. – 79 с., 1 л. схем. Имеется гриф “Секретно”. На обл. штамп “Архив т. Ленина”. В книгу вложена накладная о пересылке данного экз. Председателю СТО В.И. Ленину. Инв. № 9626.
- Месячный политический обзор Региструпра РВСР. По данным к 1 февраля 1921 г. – М., 1921 – 48 с. Книга не разрезана. Инв. № 9629.
- Милютин Н.* Организация социальной взаимопомощи в деревне. 2-е изд. – М.: НКСО, 1922. – 16 с. (Повторн. экз.) Имеется штамп “Библиотека ИМЭЛ. Архивный фонд. Ц9566”. Инв. № 2293.
- Мирбо О.* 628 – Е8. Путешествие в автомобиле. – Киев: “Шиповник”, 1908. – 34 с. Имеется штамп книжн. магазина С.И. Иванова и К. в Киеве. Инв. № 5166.
- Митницкий Л.* Герой Кнопкин: (повестушка). – М.: Высш. Военн. Ред. совет, 1923. – 43 с. с ил. На тит. л. черн. чернилами (рукой автора): “Многоуважаемой Марии Ильинишне от Л. Митницкого. Москва. 26/II-23 г.” Инв. № 5743.
- Морозов Н.* Под сводами: Сборник повестей, стихотворений и воспоминаний, написанных заключенными в старой Шлиссельбургской крепости / сост. Н. Морозов. – М.: “Звено”, 1909. – 307 с. (Повторн. экз.) Инв. № 5171.
- Народная мысль: Литературный общественно-политический двухнедельник. 1915. – № 1. Имеется штамп “VL. OULIANOFF”. Инв. № 6680.

- Народный дом. – Казань: “Молодые силы” (на обл.: Госиздат), [1922]. – Вып. V: Народный дом как местный социальный центр. Оборудование и постройка Народного дома. – 88 с. с черт. Инв. № 3623.
- Настольная книга для работников просвещения трудовой школы. – Оренбург: Киргосиздат, 1922. – Вып I: Принципы и методы работы / сост. по поруч. Киргласоца В.Я. Струминским. – 191 с. Инв. № 3343.
- Настольная книга для работников просвещения трудовой школы. – Оренбург: Киргосиздат, 1922. – Вып. 2: Программы для семилетней трудовой школы. – 177 с. Инв. № 3344.
- Научный сборник Сибирского института с[ельского] х[озяйства] и пр[омышленности]. – Омск, 1921. – 63 с.; 3 л. табл. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 393”. Инв. № 2301.
- Наша трестированная промышленность (по данным Технопромышленной Инспекции) / под ред. и с предисл. А. Троянского. – М.: НК РКИ, 1922. – 71 с. (Повторн. экз.) Имеется штамп “Библиотека ИМЭЛ. Архивный фонд. Ц15913”. Инв. № 1738.
- Обзор деятельности Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона СССР к 2-му съезду Советов Союза Сов. Соц. Республик. – [М., 1923]. – 54 с. Инв. № 2862.
- Обрадович С.* Взмах: Стихи. – Пг.: Изд. “Пролеткульта”, 1921. – 47 с. На тит. л. черн. чернилами (рукой автора): “Товарищу М.И. Ульяновой с признательностью и с лучшим чувством товарища от рабочего-поэта. С. Обрадович. 14/IX-21. Москва”. Инв. № 5744.
- Обрадович С.* Стихи о голоде. – М., 1921. – 14 с. На тит. л. син. карандашом (рукой автора): “Марии Ильиничне Ульяновой. Автор. 10/X-21”. Инв. № 5747.
- Объявления. – 1915. – № 5. Имеется штамп “VL. OULIANOFF”. Инв. № 7564.
- Овсянко-Куликовский Д.Н.* Собрание сочинений. – М.: Гос. изд-во, 1924. – Т. VII: История русской интеллигенции, часть I. Изд. шестое. – 269 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 9864”. Инв. № 4156.
- Овсянко-Куликовский Д.Н.* Собрание сочинений. – М.: Гос. изд-во, 1924. – Т. VIII: История русской интеллигенции. – Часть II. От 50-х до 80-х годов. Изд. шестое. – 228 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина”. № 9865. Инв. № 4157.
- Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при Главнокомандующем вооруженными силами на юге России. Акт расследования по делу об аресте и убийстве заложников в Пятигорске в октябре 1918 года. Подлинный акт за подписью Председателя и Членов Особой Комиссии. – Ростов н/Д, 1919. – 24 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 1734. Инв. № 9691.
- Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при Главнокомандующем вооруженными силами на юге России. Акт расследования по делу о взрыве большевиками бомб на учебном судне “Рион”. Акт расследования по делу об убийстве в г. Армавире М.Ю. Вармап, ее грудного ребенка и баронессы О.Ю. Кроненберг. Сведения о массовых убийствах, совершенных большевиками (коммунистами) в июне–июле 1918 г. в г. Ставрополе (Кавказском). Подлинное за подписью Председателя и Членов Особой Комиссии. – Б.м., 1919. – 15 с. Книга разрезана не полностью. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 1776”. Инв. № 9692.
- Особая секция восстановления сельского хозяйства при комитете содействия с.-х. ВЦИК. – М.: Изд. Особ. Секции К.С.С.Х. ВЦИК, 1924. – Бюллетень № 1. – 71 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3916”. Инв. № 2314.
- От редакции “Рабочей газеты”: Несколько слов товарищам-рабочим. – Б.м., б.г. – 2 с. Имеются штампы “VL. OULIANOFF” и “Библиотека ИМЭЛ. Архивный фонд”. Инв. № 361.
- Отголоски. – СПб., 1907. – Сборник IV. – 80 с. На с. 9, 21, 40, 53–63, 65–69, 77, 79–80 пометки карандашом (рукой неустановл. лица). На обл. и тит. л. штамп “VL. OULIANOFF”. Инв. № 1138.
- Отчет Народного комиссариата здравоохранения XII-му Всероссийскому съезду Советов. – М.: НКЗ, 1925. – 121 с. Имеются штампы “Библиотека Н. Ленина. № 6281” и “Библиотека ИМЭЛ. Архивный фонд. Ц9879”. Инв. № 2870.
- Отчет о работе транспортного отдела НКВТ в Эстонии за период 1 января – 30 июня 1922 г.: Альбом. Б.м., 1922. На обл. типогр. тиснение: “Председателю Совета Народных Комиссаров тов. В.И. Ульянову-Ленину от транспортного отдела НКВТ в Эстонии”. Инв. № 10686.
- Отчет Первой высшей социал-демократической пропагандистско-агитатор-

- ской школы для рабочих (Август – декабрь 1909 года). – Париж: Изд. Совета школы, 1910. – 24 с. На с. 4–5 пометки карандашом (рукой неустановл. лица). Имеется штамп “VL. OULIANOFF”. Инв. № 3181.
- Охрана матери и младенца в Москве и Московской губернии: Иллюстрированный сборник. – М.: Изд. К-та по проведению недели охраны материнства и младенчества, 1923. – 50 с. с ил. Инв. № 3352.
- Ошанин М.* О призрании покинутых детей. 1912 год. – Ярославль, 1912. – IV, с. 1–16. Отсутств. окончание. Инв. № 3353.
- Педагогическое творчество в Германии: Отчет о Германской конференции педагогов. 11–20/VI 1921 г. – М., 1921. – 127 с. (ЦК Всерос. союза работников просвещения. Б-ка “Работника просвещения”. Вып. 4). (Повторн. экз.) Инв. № 3256.
- Первое мая: Сборник воспоминаний. – [Саратов]: Гос. изд-во, 1922. – Книга вторая. – 76 с. На тит. л. чернилами (рукой В. Зеленского): “Чуткой, искренней, дорогой Марии Ильиничне Ульяновой. Редактор сбнрика Леонтий Котомка (В. Зеленский). Май 1922 г. Саратов”. Инв. № 5748.
- Петроградская потребительская коммуна (Петрокоммуна). – Пб., [1920]. – 4 с.; 1 л. карт. (Повторн. экз.) На обл. загл.: “Петрокоммуна”. Инв. № 5262.
- Пламя: Еженед. общедоступный науч.-лит. и худож.-ил. журнал. – Пг.: изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – № 1. Инв. № 7290.
- Платон.* Полное собрание творений Платона: в 15 томах / новый пер. под ред. С.А. Жебелева, Э.Л. Радлова. – Л.: ACADEMIA, 1924. – Том IX: Гиппий Большой, Гиппий Маленький, Ион, Менексен, Клитофонт. – Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 7743”. Инв. № 461.
- Покровский М.* Русская история в самом сжатом очерке. – М.: “Красная Новь”, 1923. – Часть III: XX век, Выпуск 1-й: 1896 – 1906. – 295 с.; 1 л. карт. На тит. л. черн. чернилами (рукой автора): “Дорогому товарищу Надежде Константиновне Крупской от автора. 4/1-24”. Инв. № 5671.
- Польская армия. – Б.м.: Изд. Революционного Военного Совета Западного Фронта, [1920]. Часть I. / Составлено Регистрационным отделом РВС Запфронта по сведениям к 1 декабря 1920 г. – 46 с. Имеется гриф “Секретно”. На обл. черн. чернилами (рукой неустановл. лица): № 177. Председателю Совета Народных Комиссаров тов. Ленину. – 1 экз.” Инв. № 9641.
- Польская армия. – Б.м.: Изд. Революционного Военного Совета Западного Фронта, [1920]. – Часть II / Составлено Регистрационным отделом РВС Запфронта по сведениям к 1 декабря 1920 г. – 33 с., 10 л. рис. Имеется гриф “Секретно”. На обл. черн. чернилами (рукой неустановл. лица): “№ 177. Председателю Совета Народных Комиссаров тов. Ленину”. Инв. № 9642.
- Понов А.* Организация пехотной дивизии Сев.-Америк. Соед. Штатов. – М.: Изд. Разведывательного Отдела Штаба РККА, 1923. – 38 с. Инв. № 9643.
- Постановления IX Всероссийского съезда Советов. М.: ВЦИК, 1921. – 43 с. (Повторн. экз.) Имеются штампы “Библиотека Н. Ленина. № 2357” и “Библиотека ИМЭЛ. Архивный фонд. Ц9934”. Инв. № 2880.
- Постановления и резолюции VIII Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьян., красноарм., и казачьих депутатов (23–29 декабря 1920 года). – М., 1920. – 20 с. (Повторн. экз.) Инв. № 2883.
- Предметный указатель распоряжений по Наркомфину, опубликованных в “Вестнике Финансов” за 1922 г. и январь–сентябрь 1923 г. по вопросам организационным, кассового устройства, сметно-бюджетным, денежного обращения и банковских операций финорганов / составлен Инспекцией Бюджетного управления НКФ СССР. – М.: Фин.-эконом. бюро, 1923. – 48 с. (Повторн. экз.) Имеются штампы “Библиотека Н. Ленина. № ...” и “Библиотека ИМЭЛ. Архивный фонд. Ц9737”. Инв. № 2512.
- Преображенский Е.* Вопросы финансовой политики. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 75 с. (Повторн. экз.) Инв. № 2514.
- Приложения к материалам I-го Всеукраинского съезда политработников Красной Армии и Флота. – Харьков: Изд. Укрпура, 1921. – 52 с. с разд. паг. Инв. № 9646.
- Программа для совпартшкол I и II ступени. – М.: “Красная Новь”, 1923. – Выпуск VI: Экономическая география. – 16 с. (Повторн. экз.) Инв. № 3654.
- Программа доклада об очередном цикле лабораторной работы ЦИТа (принятого Учен. Сов. 9. III). – Б.м., б.г. – 21 с. (Машинописн. текст). Инв. № 2041.
- Проект постановления X съезда РКП по вопросу о роли и задачах профессиональ-

- ных союзов, внесенный на рассмотрение ЦК РКП группой членов ЦК и членов профессиональной комиссии при ЦК. Платформа эта подписана следующими товарищами: Н. Ленин, Г. Зиновьев, М. Томский, Я. Рудзутак, М. Калинин, И. Сталин, Артем Сергеев, Г. Петровский, А. Лозовский, Л. Каменев. М.: изд. Моссовета, б.г. – 23 с. (Повторн. экз.) Инв. № 868.
- Проект постановления X съезда РКП по вопросу о роли и задачах профсоюзов. Настоящий проект предлагается Л. Троцким, Н. Бухариным, А. Андреевым, Ф. Дзержинским, Н. Крестинским, Е. Преображенским, Х. Раковским, Я. Серебряковым, Ю. Лариным, Г. Сокольниковым, В. Яковлевой, А. Гольцманом, Н. Ивановым, В. Касиором, Ф. Коном, Ю. Пятаковым, В. Авериним, Т. Кином и др. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 22 с. Инв. № 870.
- Пролетарская революция на Дону. – Ростов н/Д: Ростовск. отд. Госиздата, 1922. – Сборник второй / под ред. А.А. Френкеля. – 133, 3 с. (Повторн. экз.) Имеются штампы “Библиотека Н. Ленина. № ...” и “Библиотека ИМЭЛ. Архивный фонд. Ц9750”. Инв. № 4717.
- Промышленность и торговля: (Материалы к XI партийному съезду РКП). – М.: ВСНХ, 1922. – 91 с. (Повторн. экз.) Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 1716”. Инв. № 872.
- Протокол заседаний съезда учителей Богородского уезд[а]. 21–25 сентября 1918 г. – Б.м., б.г. – 40 с. Инв. № 3188.
- Протоколы №№ 7–23 заседаний Коллегии Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции СССР (июнь–сентябрь 1924 г.) – Б.м., б.г. – Разд. паг. В конце каждого протокола имеется печать Наркомата РКИ. Инв. № 2965.
- Пути революции: Историч. журнал Татбюро Истпарта. – Казань, 1922. – № 2. Инв. № 6890.
- [Пушкин А.С.] Сочинения А.С. Пушкина. Полное собрание в десяти томах. С портретом, биографией и письмами Пушкина / под ред. А. Скабичевского. – СПб.: изд. Ф. Павленкова, 1887. – Том первый и второй. – 366, 303 с. В книге нет тит. л. первого тома. На форзаце черн. чернилами (рукой М.А. Ульяновой): “Моей дорогой Маничке. 10-го апреля 1892-го года”. Имеются пометки карандашом рукой неустановл. лица. Инв. № 5752.
- [Пушкин А.С.] Сочинения А.С. Пушкина. Полное собрание в десяти томах. С портретом, биографией и письмами Пушкина / под ред. А. Скабичевского. – СПб.: изд. Ф. Павленкова, 1887. – Том третий и четвертый. – 398, 340 с. На форзаце карандашом (рукой неустановл. лица): “Сикерская, Арнольд, Петров, Баранов”. Инв. № 5753.
- Рабочие союзы. Перевод с латышского. – Женева: Изд. социал-демократической организации “Жизнь”, 1902. – 32 с. (Повторн. экз.) Инв. № 2001.
- Радек К.* Анархисты и Советская Россия. – Пг.: изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 6 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 6992”. Инв. № 1196.
- Радек К.* Внешнее и внутреннее положение Советской России и задачи Российской Коммунистической партии: (Доклад на собрании коммунистической фракции Генштаба Красной Армии 27 февраля с/г). – М.: Изд. МК РКП, 1921. – 22 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5961”. Инв. № 1287.
- Радек К.* Война польских белогвардейцев против Советской России: (Доклад на собрании агитаторов Московской организации К.П. 8. V. 1920 г.) – М.: Гос. изд-во, 1920. – 24 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4843”. Инв. № 4786.
- Радек К.* Грядущая германская революция и рабочий класс России: Речь тов. К. Радека, произнесенная на заседании Московского Совета Р. и К. Д. 28 августа. – М.: “Красная Новь”, 1923. – 39 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5235”. Инв. № 4922.
- Радек К.* Грядущая германская революция и рабочий класс России: Переработанные для брошюры автором стенограммы докладов на пленумах Моск. Совета от 28/VIII с.г. и Харьковского Совета с участием правлений профсоюзов, фабзавкомов и членов КП(б)У от 8/IX с.г. – Харьков: “Путь просвещения”, 1923. – 32 с. Инв. № 4923.
- Радек К.* Итоги XII съезда РКП. – М.: “Красная Новь”, 1923. – 42 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2510”. Инв. № 878.
- Радек К.* Крушение германского империализма и задачи международного рабочего класса: (Доклад, прочитанный 2-го октября в Московском Советском театре). – М.: Изд. ВЦИК, 1918. – 45 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5989”. Инв. № 1289.

- Радек К.* Лондонские переговоры: Политическое перемирие. – Саратов: Саратовское отд. Госиздата, 1920. – 12 с. с портр. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5064”. Инв. № 1291.
- Радек К.* На службе германской революции / пер. с нем. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 269 с. На тит. л. черн. чернилами (рукой автора): “Тов. Ленину от автора. 7. V. 21”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5238”. Инв. № 5517.
- Радек К.* Октябрьская революция и ее место в истории. – М.: Гос. изд-во, 1922. – 18 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4810”. Инв. № 4722.
- Радек К.* Перспективы германской революции: Доклад тов. Радека 14-го сент. 1923 г. – М.: “Московский рабочий”, 1923. – 32 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5241”. Инв. № 4924.
- Радек К.* Путь Коммунистического Интернационала: Речь, произнесенная на III конгрессе Коммунистического Интернационала. – Пг.: изд. Коминтерна, 1921. – 51 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5303”. Инв. № 660.
- Радек К.* Развитие мировой революции и тактика коммунистической партии в борьбе за диктатуру пролетариата / пер. с нем. – М.: Гос. изд-во. 1920. – 88 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5990”. Инв. № 4265.
- Радек К.* Развитие мировой революции и тактика коммунистической партии в борьбе за диктатуру пролетариата / пер. с нем. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 88 с. На тит. л. чернилами (рукой автора): “Марии Ильиничне; ангелу-хранителю правды. Автор. 18/7–20”. Инв. № 5755.
- Радек Карл.* Внешняя политика Советской России. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. – 112 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5962”. Инв. № 1288.
- Радек Карл.* Ликвидация Версальского мира: Доклад IV конгрессу Коммунистического Интернационала. – М.: Изд. Коминтерна, 1922. – 64 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5302”. Инв. № 1290.
- Радек Карл.* Перед новой волной революционных потрясений (две речи). – М.: “Красная Новь”, 1923. – 83 с. Инв. № 1292.
- Радек Карл.* Программа социалистического строительства. – Пб.: Гос. изд-во, 1920. – 60 с. Инв. № 1647.
- Разведывательная служба в мирное и военное время. – М.: Изд. Разведывательного Отдела Штаба РККА, 1923. Часть I: Разведывательная служба в мирное время и тайная агентура в мирное и военное время / составил штатный преподаватель Военной Академии до революции Рябиков. Перепечатано с Томского (1919 г.) издания. – 194 с. В книгу вложен сопроводительный документ на имя Председателя СТО В.И. Ленина. Инв. № 9647.
- Разведывательная служба в мирное и военное время. – М.: Изд. Разведывательного Отдела Штаба РККА, 1923. – Часть II: Разведывательная служба в военное время. Составил штатный преподаватель Военной Академии до революции – Рябиков. Перепечатано с Томского (1919 г.) издания. – VIII, 109 с. В книгу вложен сопроводительный документ на имя Председателя СТО В.И. Ленина. Инв. № 9648.
- Раковский Х.* Борьба за освобождение деревни. – Харьков: Изд. ПО Укрсовтрударма, 1920. – 59 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3926”. Инв. № 2333.
- Раковский Х.* Задачи комсомола: Доклад, прочитанный на Харьковском общегородском собрании КСМ 18 июля 1923 года. – Харьков: “Молодой рабочий”, 1923. – 32 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 6710”. Инв. № 926.
- Раковский Х.* Накануне Генуи. – М.: Гос. изд-во, 1922. – 32 с. На обл. карандашом (рукой Раковского (?)): “Над. Конст. (т. Крупской)”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5966”. Инв. № 1293.
- Раковский Х.* Что дали незаменимым их комитеты. – Харьков: Всеукр. Госиздат, 1921. – 32 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 6678”. Инв. № 2334.
- Розенталь И.* Экономическая политика и финансовая система в эпоху диктатуры пролетариата. – М., 1922. – 30 с. На обл. черн. чернилами (рукой неустановл. лица): “т. Ленину”. Инв. № 1354.
- Роллан Р.* Махатма Ганди / пер. с рукописи Н. Берберовой. – Берлин: “Эпоха”, 1924. – 114 с. На посл. с. обл. карандашом (рукой неустановл. лица): “2-39-33, 2-63-12 – (фамилия неразборч.)” Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2413”. Инв. № 5195.
- Роспись общегосударственных доходов и расходов Российской Соц. Федеративн. Сов. Респ. на январь–июнь 1919 года с объяснительной запискою Народного Комиссара Финансов. – Пг.: НКФ, 1919. – VI, XVI, 219, 131 с. (Повторн. экз.) Инв. № 2525.

- Руководителям занятий ВЧК л.б. при Главполитпросвете. – 1922. – № 5. Инв. № 7331.
- Русское искусство: Художественный журнал. – М.: “Творчество”, 1923. № 1. Инв. № 10693.
- [Рыбкин Н.] Сборник геометрических задач на вычисление. – М., 1912. – Часть I: Планиметрия / сост. Н. Рыбкин. Изд. восьмое. – 126 с. Отсутств. обл. На с. 8–15, 19, 20, 22, 24, 25, 32, 63, 70, 71, 74, 77, 79, 108, 118, 119 пометки черн. и кр. карандашом, черн. чернилами (рукой неустановл. лица). В книгу вложены листы с решениями задач и засушенные цветы. Имеется факсим. “Геранин”. Инв. № 3541.
- Рязанов Д. Англо-русские отношения в оценке К. Маркса: (Историко-критический этюд). – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 127 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4379”. Инв. № 4422.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений. – СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1905. – Т. I, кн. 3. – С. 419–649. (Сборник “Нивы”). Инв. № 5199.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений. – СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1905. – Т. II, кн. 6. – С. 369–543. (Сборник “Нивы”). Инв. № 5200.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений. – СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1905. – Т. III, Кн. 10. – С. 497 – 664. (Сборник “Нивы”). Инв. № 5201.
- Самойлова К. Всероссийское совещание и организация работниц. – М.: “Коммунист”, 1919. – 40 с. (Повторн. экз.) Инв. № 3096.
- Самоучитель английского языка для взрослых: Метода Туссэна и Лагенмейдта / Обработал для русских А. Редкин. – СПб., б.г. – 1-й выпуск. Отделы [1–100]. – 450 с.; прилож. с. 23–26. Инв. № 3542.
- Сарабьянов В. Исторический материализм: Популярные очерки. Изд. третье. – М.: “Московский рабочий”, 1922. – XIII, 121 с. На обл. черн. чернилами (рукой автора): «Хорош марксистский метод, но недостаточен, чтобы принудить дорогую Марию Ильиничну помещать “экон. отд.”. А может быть М.И. не знает теории базиса и надстройки? А ведь экономика – одна из сторон базиса. Любящий и уважающий автор, имеющий несчастье быть Фаустом экон. отд. в “Правде”, где Мефистофелем состоит тот, кому “на вечную память” преподашу сие третье издание. Автор. 20/XI-22 г.» Инв. № 5756.
- Сафаров Георгий. Буржуазный порядок и коммунистическая революция: (Эволюция буржуазного права и государства и коммунистическая революция). – Пб.: Гос. изд-во, 1919. – 59 с. На тит. л. кр. чернилами (рукой автора): «Дорогой Марье Ильиничне на память о работе в “Правде”. Г. Сафаров». Инв. № 5757.
- Сафаров Г. Колониальная революция: (Опыт Туркестана). – М.: Гос. изд-во, 1921. – 148 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5356”. Инв. № 1241.
- Сафаров Г. Колониальная революция: (Опыт Туркестана). – М.: Гос. изд-во, 1921. – 148 с. На тит. л. кр. карандашом (рукой автора): “Марии Ильиничне. Г.С.” Инв. № 5758.
- Сафаров Г. Национальный вопрос и пролетариат. – Пг.: Гос. изд-во, 1922. – 204 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5357”. Инв. № 1242.
- Сафаров Г. О научных основах коммунизма. – Пб.: Гос. изд-во, 1921. – 111 с. На тит. л. син. карандашом (рукой автора): “Владимиру Ильичу от Г. Сафарова”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 7695”. Инв. № 5526.
- Сафаров Г. Общество и государство. – Пг.: Гос. изд-во, 1919. – 116 с.; 1 л. портр. На тит. л. кр. чернилами (рукой автора): «Дорогой Марье Ильиничне на память о работе в “Правде”. Г. Сафаров». Инв. № 5759.
- Сафаров Г. Победить разруху, значит победить капитализм. – Б.м.: Изд. отд. РОСТА при поезде ВЦИК “Красный Восток”, б.г. – 32 с. На обл. красн. чернилами (рукой автора): “Владимиру Ильичу. Г. Сафаров”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 7696”. Инв. № 5527.
- Сафаров Г. Проблемы Востока. – Пг.: Гос. изд-во, 1922. – 184 с. На тит. л. чернилами (рукой автора): “Владимиру Ильичу. Г. Сафаров”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5358”. Инв. № 5528.
- Сафаров Г. Путь к власти. – Б.м.: Изд. Уральского обл. ком. РКП, [1919]. – 120, [3] с. На 3-й с. синим карандашом (рукой автора): “В.И. Ленину, учителю пролетариата от Г. Сафарова”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 7807”. Инв. № 5529.
- Сафаров Г. Тактика большевизма: Основные этапы развития тактики РКП: Конспективный очерк. – Пг.: “Прибой”, 1923. – 85 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 7697”. Инв. № 779.

- Сафаров С. Россия № 2 1/2. – Статья, опубликованная в газ. “Правда” от 27 июля 1922 г. № 192. Вырезка из газеты. Инв. 10 671.
- Сборник декретов и распоряжений по финансам. 1917–1919. – Пг.: НКФ, 1919. – 440 с. (Повторн. экз.) На тит. л. чернилами (рукой неустановл. лица): “Владимиру Ильичу”. Имеется штамп “Библиотека ИМЭЛ. Архивный фонд. Ц15312”. Инв. № 2531.
- Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству, опубликованных за ноябрь 1922 г. – М.: Изд. газ. “Экономическая жизнь”, 1922. – № 2. – 74, IV с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3733”. Инв. № 1663.
- Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству, опубликованных за декабрь 1922 г. – М.: Изд. газ. “Экономическая жизнь”, 1923. – № 3. – 71 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3734”. Инв. № 1664.
- Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству, опубликованных за январь 1923 г. – М.: Изд. газ. “Экономическая жизнь”, 1923. – № 1(4). – 103, V с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3735”. Инв. № 1665.
- Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству, опубликованных за апрель 1923 г. – М.: Изд. газ. “Экономическая жизнь”, 1923. – № 4(7). – 100, IV с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3736”. Инв. № 1667.
- Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству, опубликованных за июнь 1923 г. – М.: Изд. газ. “Экономическая жизнь”, – 1923. № 6(9). – 136, V с. На обл. карандашом (рукой неустановл. лица): “т. Ленину”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3737”. Инв. № 1668.
- Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству, опубликованных за октябрь 1923 г. – М.: Изд. газ. “Экономическая жизнь”, 1923. – № 1(13). – VIII, 72 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3738”. Инв. № 1669.
- Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству, опубликованных за ноябрь 1923 г. – М.: Изд. газ. “Экономическая жизнь”, 1923. – № 2(14). – X, 118 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3739”. Инв. № 1666.
- Сборник материалов по полит.-просвет. работе РКСМ. – М.: Юношеский отд. Гос. изд-ва, 1921. – 40 с. (Библиотека юного коммуниста; № 5.) Инв. № 6934.
- Сборник пролетарских писателей / с предисл. М. Горького; Под ред. Н. Сереброва. – СПб.: “Прибой”, 1914. – 168 с. (Повторн. экз.) Инв. № 5205.
- Сборник узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. – Б.м., 1918. – № 2–24. – 384 с. разд. паг. На с. 1 карандашом рукой неустановл. лица: “тов. Ленину”. Имеются карандашные пометы. В книгу вложено сопроводительное письмо нач. особого отдела ВЧК при III армии Русанова В.И. Ленину. Инв. № 4789.
- Свердлов В. К вопросу о концессии Уркарта. – М.: Изд. “Торгово-промышленной газеты”, 1923. – 38 с.; 1 л. карт. Инв. № 1671.
- Сверчков Д. На боевом посту: (К 50-летию Христиана Георгиевича Раковского). – М.: “Красная новь”, 1923. – 38 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2437”. Инв. № 4598.
- Свобода и труд. Анархизм-Синдикализм. – СПб.: “Волна”, 1907. – Сборник I. – III, 148 с. На тит. л., на с. II, 4, 6–8, 10–13, 15–17, 23, 82–83, 85–86, 89–91, 97, 99, 101, 105–113, 116, 117, 120–121, 123–124, 129, 131, 135–138, 140–141, 147–148 пометки карандашом (рукой неустановл. лица). На обл. и тит. л. штамп “VL. OULIANOFF”. Инв. № 1209.
- Сводка “Народное хозяйство за 20, 21 и январь 22 года”. Отдельные номера газет в папке. Инв. № 10 619.
- Серополко С.О. Основные вопросы внешнего образования. М.: Изд. журн. “Народный учитель”, 1913. – 63 с. (Библ. народного учителя; № 16). – Инв. № 3196.
- Сидоров Д.А. Организованные расстрелы общественных деятелей в Московской Бутырской тюрьме: Из материалов и под редакцией военного корреспондента Ф. Купчинского: (Рассказ спасшегося от расстрела поручика Д.А. Сидорова). – Ростов н/Д, 1919. – 15 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 1827”. Инв. № 9907.
- Систематический указатель важнейших материалов по экономическим вопросам (по периодической общей и экономиче-

- ской печати). – М.: Ред. газ. “Экономическая жизнь”, 1922. – № 8. На обл. карандашом (рукой неустановл. лица): “Тов. Ленину”. Инв. № 6959.
- Скрытнич.* О работе расширенного пленума ИККИ. – Б.м., б.г. – 8 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 8116”. Инв. № 662.
- Смилга И.* На повороте: Заметки к 10-му съезду партии. – Б.м.: Изд. Политотдела Кавфронта, 1921. – 31 с. На 1-й и 4-й стр. обл. простым и фиолетовым карандашом (рукой неустановл. лица): “тов. Ленину” и “т. Ленину”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4202”. Инв. № 10540.
- Смилга И.* На повороте: Заметки к X-му съезду партии. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 31 с. Инв. № 895.
- Смилга И.* Очередные вопросы строительства Красной Армии: К 10-му съезду РКП. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 31 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4203”. Инв. № 10 539.
- Смоленский М.* Троцкий. – Берлин: Русское Универсальное изд-во, 1921. – 62 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2254”. Инв. № 4606.
- Современный мир: Ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1913. – № 9. Имеется штамп “Biblijoteka miejska w Bydgoszezy”. Инв. № 6980.
- Современный мир: Ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – 1913. – № 12. Имеется штамп “Biblijoteka miejska w Bydgoszezy”. Инв. № 6981.
- Современный ребенок / под. ред. К.Н. Корнилова и Н.А. Рыбникова. М.: “Работник просвещения”, 1923. – 78 с. (Повторн. экз.) (Перед загл. авт.: Г. Роков, К. Корнилов [и др.]) Инв. № 3266.
- Соколов Б.* Спасите детей! (О детях Советской России). – Прага: “Воля России”, 1921. – 71 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 1844”. Инв. № 4740.
- Сокольников Г.* Задачи финансовой политики. Инструктивный доклад, прочитанный агитаторам МК 17 марта 1922 г. – М.: Гос. изд-во, 1922. – 23 с. Копия. Инв. № 10 579.
- Сокольников Г.Я.* Государственный капитализм и новая финансовая политика. – М.: НКФ, 1922. – 32 с. На обл. чернилами (рукой неустановл. лица): “Ленину”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 557”. Инв. № 2538.
- Сокольников Г.Я.* Государственный капитализм и новая финансовая политика. – М.: Гос. изд-во, 1922. – 32 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 561”. Инв. № 3215.
- Соловьев А. (Нелюдим).* Полеты: Сборник стихотворений. – Галич: Изд. Совета раб., крестьянск. и красноарм. депутатов, 1920. – I. – 128 с. На посл. с. чернилами (рукой автора): “Глубокоуважаемому товарищу Марии Ильиничне Ульяновой. Автор А. Соловьев (Нелюдим). 14/X-21 г.” Инв. № 5761.
- Список населенных мест: Новоторжский уезд Тверской губернии. – Тверь, б.г. – 222 с.; 1 л. карт. Отсутств. обл., тит. л. и с. 9–24. Имеется штамп: “РСДРП. Библиотека и архив”. Инв. № 1445.
- Справочник. – Вырезка из газ. “Правда” от 8 мая 1922 г. № 101. Имеются пометки син. карандашом (возможно рукой В.И. Ленина). Инв. № 10613.
- Срединский С.Н.* Основы газетного дела: Краткое руководство. Со статьей Н. Ленина “О характере наших газет”. С прилож. “Устава Союза советских журналистов”. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 75 с. (Повторн. экз.) Инв. № 364.
- Статистические сведения о Ржевском уезде: Таблицы. Местное исследование 1883 г. – Тверь: Изд. Тверской губ. земск. упр., б.г. – 376, 55, 12 с.; 1 л. карт. Имеется штамп: “РСДРП. Библиотека и архив”. Инв. № 1447.
- Статьи И. Скворцова-Степанова (7 статей), опубл. в газ. “Правда” в 1922 г. Вырезки из газет. Инв. № 10682.
- Статьи о пролетарской культуре (10 статей). Опублик. в газ. “Правда” в октябрь-ноябре 1922 г. Вырезки из газет. Имеются пометки черн. чернилами, син. и фиолет. карандашом (рукой неустановл. лица). Инв. № 10670.
- Статьи тт. Бухарина и Преображенского. 1. “По поводу порядка дня партийного съезда” – Бухарин. 2. “Пора” – Преображенский. Опубл. в “Правде” от 25 января 1923 г. № 16. Вырезки из газеты. Инв. № 10 669.
- Статья о пролетарской культуре, опубликованная в газ. “Экономическая жизнь” от 26 ноября (?) № 268. Вырезка из газеты. Инв. № 10681.
- Стенографические отчеты Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1919 г. – [М., 1919]. – № 6: Заседание пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. – С. 85–100. На с. 85 карандашом (рукой Л.Б. Каменева): “Резолюция о кооп. Стр. 93. Кам.”. На с. 93 карандашом (рукой Л.Б. Каменева).

- нева (?) выделена часть текста. Инв. № 2901.
- Степанов И.* Беседы о вере. Третье изм. изд. – Тверь: Тверск. отд. Госиздата, 1920. – 71 с. (Речи и беседы пропагандиста; № 12). На обл. син. карандашом (рукой автора): “Дорогому тов. Н.К. Ульяновой благословение от автора, патриарх[а] РСФСР. 4/XI 1921”. В брошюру вложена записка син. карандашом рукой автора: «Дорогая Надежда Константиновна, посылаю Вам “Капитал”, III[том], I–II [части]. Очень прошу по использовании возвратить: необходимы справки из-за печатающегося повторного издания. Заранее посылаю Вам книжку в свое патриаршее благословение. Крепко жму Вашу руку. И. Скворцов. 4/XI 1921». Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5470”. Инв. № 5685.
- Столклицкий А.* Рур. – М.: “Красная Новь”, 1923. – 39 с. На тит. л. черн. чернилами (рукой автора): “Тов. М.И. Ульяновой от автора. А. Ст. Москва. 19/II-23”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5074”. Инв. № 5764.
- Суханов Ник.* Записки о революции. – – Пб.: Изд. З.И. Гржебина, 1919. – Книга первая. – 263 с. (Повторн. экз.) Имеются штампы “Библиотека Н. Ленина. № 2751” и “Библиотека ИМЭЛ. Архивный фонд. Ц15016”. Инв. № 4609.
- Так писал Фридрих Энгельс: (К столетию со дня его рождения). – Пб.: Гос. изд-во, 1920. – 13 с. Книга не разрезана. Инв. № 9528.
- Тезисы Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала ко 2-му конгрессу Коммунистического Интернационала. – Б.м., 1920 – 66 стб. (Повторн. экз.) Инв. № 5284.
- Тезисы ЦК РКП о мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд. (Докладчик т. Троцкий). – Б.м., б.г. – 8 с. (Повторн. экз.) Инв. № 789.
- Томский М.* Принципы организационного строительства профессиональных союзов. – М.: ВЦСПС, 1919. – 32 с. Инв. № 1924.
- Томский М.* Принципы организационного строительства профессиональных союзов. Второе, доп. и перераб. изд. – М.: ВЦСПС, 1923. – XII, 92 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4082”. Инв. № 1925.
- Томский М.* Профессиональные союзы на новых путях. – М.: ВЦСПС, 1923. – 47 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4083”. Инв. № 1926.
- Томский М.П.* Современное положение российских профессиональных союзов. – М.: ВЦСПС, 1923. – 31 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4084”. Инв. № 1927.
- Тотомиану В.Ф.* Кооперация в России. – Прага: “Наша Речь”, 1922. – 173 с., 1 л. портр. (Повторн. экз.) На обл. карандашом (рукой неустановл. лица): “т. Ленину”. Имеется штамп “Библиотека ИМЭЛ. Архивный фонд. Ц15101”. Инв. № 2431.
- Троцкий Л.* 61,6%: К вопросу о сращивании (Ошибка тов. Ленина). – Самара, 1921. – 14 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2516”. Инв. № 1932.
- Троцкий Л.* 1905. – М.: Гос. изд-во, 1922. 419 с. с ил.; 12 л. ил. Инв. № 4649.
- Троцкий Л.* 1905. 2-е изд. – М.: Гос. изд-во, 1922. – 427 с. с ил.; 19 л. ил. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5088”. Инв. № 4650.
- Троцкий Л.* В плену у англичан. Изд. 2-е. – М.: ВЦИК, 1918. – 14 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5049”. Инв. № 4614.
- Троцкий Л.* Война и революция: Крушение Второго Интернационала и подготовка Третьего. – Пг.: Гос. изд-во, 1922. – Т. I. – 371; 8 л. ил. и портр. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2973”. Инв. № 667.
- Троцкий Л.* Война с Польшей: Что говорит т. Троцкий о русско-польской войне. – Саратов: Саратовск. отд. Госиздата, 1920. – 15 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5047”. Инв. № 4795.
- Троцкий Л.* Доклад т. Троцкого “О задачах производственных союзов”, прочитанный на собрании активных работников профдвижения совместно с делегатами 8-го Всероссийского съезда Советов 24-го декабря 1920 г. – 51 с. В книгу вложена газ. “Трудовой путь” от 20 дек. 1920 г. № 3. Инв. № 1931.
- Троцкий Л.* Долговечные и недолговечные. – М.: Лит.-изд. отд. ПУ РВРСР, 1920. – 7 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5054”. Инв. № 1297.
- Троцкий Л.* Задачи XII съезда РКП. К более систематическому – более плановому – разрешению тех же задач! С приложением статьи “Мысли о партии”. – М.: “Красная Новь”, 1923. 71 с. В книге перепутаны с 67–68 и 69–70. Имеется штамп

- “Библиотека Н. Ленина № 2561”. Инв. № 903.
- Троцкий Л. и Кабакчиев Х.* Очерки политической Болгарии. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. – VIII, 203 с.; 2 л. карт. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5079”. Инв. № 4867.
- Троцкий Л.* Как вооружалась революция: (На военной работе) – М.: Высш. воен. ред. совет, 1923. – Том первый: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. – 430 с.; 6 л. карт. (*Троцкий Л.* Материалы и документы по истории Красной Армии. В трех томах). Инв. № 2950.
- Троцкий Л.* Коммунистическое движение во Франции: (Речи, статьи, письма и др. материалы). – М.: “Московский рабочий”, 1923. – 456 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5060”. Инв. № 4951.
- Троцкий Л.* Красная Армия: Речь Л.Д. Троцкого на Заседании Центрального Исполнительного Комитета 22 апреля 1918 г. – М.: ВЦИК, 1918. – 32 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5061”. Инв. № 2951.
- Троцкий Л.* Международное положение и Красная Армия: (Лекция прочитанная Л. Троцким в Сергиевском Народн. Доме 16 июня 1918 г.). – М.: Изд-во ВЦИК. Воен. отд., 1918. – 24 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5064”. Инв. № 1298.
- Троцкий Л.* Мировое экономическое положение и наши задачи: (Доклад, сделанный на объединенном заседании Моск. ком. РКП, Коммунистической фракции Моск. Совета, райкомов и активных работников г. Москвы, 15 апреля 1921 г.). – М.: Гос. изд-во, 1921. – 30 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5065”. Инв. № 1501.
- Троцкий Л.* Мобилизация труда: (Доклад на объединенном заседании 3-го съезда Советов народного хозяйства и Московского съезда рабочих и красноармейских депутатов). – М.: Гос. изд-во, 1921. – 48 с. На с. 5, 7–11, 13, 14, 17–24, 26, 27, 30–38, 40–42, 44–47 пометки карандашом (рукой Н.К. Крупской?). Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5066”. Инв. № 2914.
- Троцкий Л.* На борьбу с голодом! (Речь, произнесенная 9 июня 1918 г. на народном собрании в Сокольниках). – М.; Пг.: “Коммунист”, 1918. – 63 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5067”. Инв. № 1815.
- Троцкий Л.* На производственный путь. – М., 1921. – 20 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5068”. Инв. № 1930.
- Троцкий Л.* Наше военное строительство и наши фронты: Доклад на 7-ом Всероссийском съезде Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и трудовых казацких депутатов 7-го декабря 1919 года: (Стенографический отчет). – М.: ПУ Реввоенсовета Республики, 1919. – 32 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5069.” Инв. № 2952.
- Троцкий Л.* Новый этап: Мировое положение и наши задачи. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 160 с.; 3 л. схем. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 913”. Инв. № 1299.
- Троцкий Л.* О задачах производственных союзов: Доклад, прочитанный на собрании активных работников профдвижения совместно с делегатами 8-го Всероссийского съезда Советов 24-го декабря 1920 г. Приложения: 1) Содоклад тов. Томского, 2) Выступления тт. Рязанова, Кассиора, Лутовинова, Лозовского и др. 3) Заключительное слово тов. Томского и тов. Троцкого, 4) Практические выводы. – М.: Изд. бюро фракции РКП Цетрана, 1920. – 51 с. Копия. С воспроизведением надписи на обл. черн. чернилами: “Экз. Ленина”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2681”. Инв. № 10 548.
- Троцкий Л.* Октябрьская революция. – М.; Пг.: “Коммунист”, [1918]. – 125 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 4817”. Инв. № 4729.
- Троцкий Л.* Организация Красной Армии: Доклад Л. Троцкого на 5-м Всерос. съезде Советов р., с., к., и к. деп. – М.: ВЦИК, 1918. – 24 с. На с. 3–8, 10, 16 пометки карандашом (рукой неустановл. лица). Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5074”. Инв. № 2953.
- Троцкий Л.* Организация труда: Доклад на IX съезде РКП. – М.: Политуправление РВС Республики, 1920. – 38 с. На с. 8–38 пометки фиолет. карандашом (рукой неустановл. лица). Инв. № 904.
- Троцкий Л.* Основные вопросы промышленности. – М., 1923. – 67 с.; 1 л. диагр. На обл. чернилами (рукой неустановл. лица): “т. Ленину”. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5075”. Инв. № 1680.
- Троцкий Л.* Очередные задачи хозяйственного строительства: Доклад на IX съезде Рос. Ком. Партии. – Ростов н/Дону: Ростовск. отд. Гос. изд-ва, 1920. – 31 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5078”. Инв. № 905.

- Троцкий Л.* Производственный Союз железнодорожников и задачи транспорта: Доклад на 2-м Всероссийском съезде профессионального Союза железнодорожников 21-го июля 1920 года. – М.: литер.-издат. Отдел Главполитпути, 1920. – 16 с. Копия. С воспроизведением надписей на обл. черн. чернилами: “Ленин” и “с. 6” и пометок В.И. Ленина на с. 1, 6–8. Инв. № 10 549.
- Троцкий Л.* Путь к единому хозяйственному плану: К VIII съезду Советов. – Б.м., б.г. – 23 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2355”. Инв. № 10 406.
- Троцкий Л.* Пятый год учебы. Вырезка из газеты “Правда” от 23 марта 1922 г., № 43. Инв. № 10 372.
- Троцкий Л.* Роль и задачи профессиональных союзов. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 32 с. Копия. С воспроизведением надписей на обл. карандашом: “т. Ленину” и черн. чернилами: “Экз. Ленина” и пометок В.И. Ленина на с. 3, 5–32. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 2617”. Инв. № 10 550.
- Троцкий Л.* Слово русским рабочим и крестьянам о наших друзьях и врагах и о том, как уберечь и упрочить Советскую Республику. Речь, произнесенная на рабочем собрании 14 апреля 1918 года. – Пг.: Изд. Петрогр. Совдепа, 1918. – 31 с. Инв. № 1300.
- Троцкий Л.* Советская власть и международный империализм: Лекция, прочитанная в Москве 21 апреля 1918 г. – М.: Изд-во ВЦИК, 1918. – 24 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5083”. Инв. № 1301.
- Троцкий Л.* Советская Россия и буржуазная Польша: Речь на митинге в Гомеле 10 мая 1920 года. – М.: ПУ РВС Республики, 1920. – 15 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5084”. Инв. № 4792.
- Троцкий Л.* Терроризм и коммунизм. – Пб.: Гос. изд-во, 1920. – 179 с. Инв. № 668.
- Троцкий Л.* Труд, дисциплина, порядок спасут социалистическую Советскую Республику: Доклад на Московской городской конференции Российской Коммунистической партии. 28 марта 1918 г. – М.: “Жизнь и знание”, 1918. – 32 с. В книгу вложен лист бумаги с автографом Н.К. Крупской (черн. чернила, карандаш). Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5089”. Инв. № 906.
- Троцкий Л.* Туда и обратно. – Пг.: Гос. изд-во, 1919. – 63 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5090”. Инв. № 4615.
- Троцкий Л.* Что нужно сделать крестьянам, чтобы вывести хозяйство из разорения: (Письмо т. Троцкого крестьянину Пермской губ. Ивану Андреевичу Сигунову). – М.: Гос. изд-во, 1920. – 16 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5092”. Инв. № 2353.
- Троцкий Л.Д.* Годы великого перелома: (Бельгия и Сербия в войне). – М.: “Коммунист”, 1919. – 128 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5052”. Инв. № 4666.
- Троцкий Л.Д.* Годы великого перелома: (Война и техника). М.: “Коммунист”, 1919. – 164 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5050”. Инв. № 4668.
- Троцкий Л.Д.* Годы великого перелома: (люди старой и новой эпох). М.: “Коммунист”, 1919. – 152 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5051”. Инв. № 4667.
- Труды I-го Всероссийского съезда земотделов, комитетов бедноты и коммун. – М.: НКЗемледелия, 1919. – 50 с. На обл. автограф (чернилами): “Вл. Мещеряков”. Пометы син. карандашом рукой В. Мещерякова (?) на с. 1, 39, 41–43. Инв. № 2358.
- Труды секции промышленности и товарообмена. – М.: НКФ, 1920. – Том первый. – 191 с.; 3 л. диагр. (Повторн. экз.). Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3773”. Инв. № 1685.
- Туркестан: Альбом фотографий. – Б.м., б.г. Инв. № 10 688.
- Указатель постановлений ВЦСПС, помещенных в “Бюллетенях ВЦСПС” за 1922 г. №№1(32) – 21(52). Сост. Б.М. Броварским. – М.: ВЦСПС, 1923. – 38 с. Инв. № 3773.
- [*Ульянов И.Н.*] Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1879 гражданский год, составленный директором народных училищ И. Ульяновым. – Симбирск, 1881. 41 с.; 3 л. табл. Имеется штамп “Уфимской губернской земской управы”. На с. 7, 11, 22, 26–31, 35 пометки черн. и кр. карандашом (рукой неустановл. лица). Инв. № 3202.
- [*Ульянов И.Н.*] Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии в 1880 году. Симбирск, 1881. – 47 с. (В конце текста – авт.: “И. Ульянов”). Имеется штамп “Симбирская (?) губернская земская управа. Статистическое отделение”. Инв. № 3203.
- Устинов Г.* Трибун революции (Л.Д. Троцкий). – М.: “Денница”, 1920. – 71 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 5073”. Инв. № 1619.

- Филипенко Иван.* Эра славы: Стихи и поэмы. 1913–1918 / предисл. Ю. Балтрушайтиса, В. Брюсова. – М.: Гос. изд-во, 1918. – 152 с. На обл. тисн.: “Марии Ильиничне Ульяновой от автора”. Инв. № 5765.
- Филипенко Иван.* Эра славы: Стихи и поэмы. 1913–1918 / предисл. Ю. Балтрушайтиса, В. Брюсова. – М.: Гос. изд-во, 1918 (на обл.: 1920). – 152 с. На тит. л. черн. чернилами (рукой автора): “Дорогому товарищу Марии Ильиничне – солнышку, ласково греющему. Автор. 11/ХІІ 1920 г.” Инв. № 5766.
- Церковь и государство. – Б.м., 1918. – 36 с. Инв. № 629.
- Цеткин К.* Женщина и ее экономическое положение / пер. с нем. 2-е изд. СПб.: “Молот”, 1905. – 42. На обл. факсим.: “Я.М. Геев”; карандашом: “Н. Геевой”; син. карандашом: “Моя книга”. На с. 3–6, 13–17, 19–24, 27–29 пометки карандашом (рукой неустановл. лица). Инв. № 3114.
- Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений в 10 томах с 4 портретами. – СПб.: изд. М.Н. Чернышевского, 1906. – Том VIII: Современник 1861: (Критика и библиография. Статьи экономические. Отдел “Политика”). – XXII, 530 с., 1 л. портр. (Повторн. экз.). На обл. типогр. тиснен.: “Nie pozycza sie do domu”, “Z prywatney biblyoteki LENINA”, “Dar Adama Grzyvaly Sedleckiego”. Имеется штамп и экслибрис библиотеки г. Быдгощ. Инв. № 1049.
- Чехов А.П.* Полное собрание сочинений. Изд. второе. – СПб.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркса, б.г. – Т. I–III. – 222, 224, 206 с. Отсутств. некоторые стр. Инв. № 5248.
- ЧОН: Положения, руководства, циркуляры. На правах рукописи. М.: Изд. Шта-
чонресп, 1921. – 88 с. Имеется гриф “Совершенно секретно”. На обл. штамп “Архив т. Ленина”. Книга не разрезана. Инв. № 9661.
- Шейнин М.* Рабочие корреспонденты. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. – 55 с. с илл. На 3-й с. типогр. способом посвящение М.И. Ульяновой. Инв. № 5767.
- Шлегер Л.К.* Практическая работа в детском саду. Изд. третье. – Берлин: Гос. изд-во РСФСР, 1922. – 63 с. с ил. На обл. кр. чернилами (рукой А.И. Ульяновой?): “Елизарова”. Инв. № 3388.
- Э.Р.* Моему брату-крестьянину. – М.: “Воля”, 1905. – 16 с. (Повторн. экз.) Имеются штампы “Библиотека Н. Ленина. № ...” и “Библиотека ИМЭЛ. Архивный фонд. Ц9579”. Инв. № 2374.
- Энгельс Ф.* Бакунисты за работой / пер. с нем. под ред. и с предисл. Мартынова. – СПб.: “Новый мир”, 1906. – 23 с. (Повторн. экз.) Книга разрезана не полностью. Инв. № 102.
- Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах. С приложениями: I. К. Маркс о французском материализме XVIII ст. II. К. Маркс о Фейербахе / пер. с предисл. и примеч. Г.В. Плеханова. – СПб.: Всеобщая библиотека Г.Ф. Львовича, 1906. – 134 с. (Повторн. экз.) На обл. штамп “VL. OULIANOFF”. Инв. № 114.
- Южная металлургия по материалам обследования Югостали Комиссией ЦКК и НК РКИ под председательством горного инженера П.В. Грунвальда. – М.: НК РКИ, 1924. – 175 с.; 10 л. табл. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3683”. Инв. № 1704.
- Юревич Г.Я.* Сборник арифметических задач. 51-е перераб. изд. – Пг., 1922. – 20 с. Инв. № 3565.
- Ілін В. (Н. Лєнін).* Держава і революція: Наука марксизму про державу і завдання пролетаріату в революції. – Нью Йорк: виданє Української федерації Комуністичної партії в Америці, 1919. – Випуск I. З російського перевів Павло Ладан. – 176 с. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3040”. Инв. № 8434.
- Bally C.* Precis de Stylistique. Esquisse d'une methode, fondee sur l'etude du francais moderne. – Genève: A. Eggimann et Co, s.a. – 185 p. На обл. имеется надпись карандашом (рукой М.И. Ульяновой): “М. Ульянова”; карандашные пометки (рукой М.И. Ульяновой?) на с. 10, 41, 53–55, 58, 83, 91; на стр. 184 карандашом (рукой М.И. Ульяновой?): “Когда обвиненному Ж.Ж. Дантону президент трибунала задал обычный вопрос о местожительстве, Д-н ответил: “Bientot le neant et mon nom au Pantheon”. Инв. № 8184.
- Bibliothèque populaire des amis de l'instruction du XIV-e arrondissement de Paris. Catalogue general. – Paris, 1906. – 192 p. На обл. простым карандашом (рукой М.И. Ульяновой?): “М. У.” Пометки черн. чернилами, простым, синим и химич. карандашом (рукой М.И. Ульяновой?) на с.

- 84–85, 90–91, 93, 95, 99, 101, 103, 110, 113, 116, 119, 125, 128–130, 136–139, 146, 151, 157, 159. Инв. № 8186.
- Boukharin N.* Programme of the communists (Bolsheviks). – Published, by The Group of English Speaking Communists in Russia, 1919. – 80 p. Инв. № 8042.
- Bucharin N.* Das Programm der Kommunisten (Bolschewiki). Mit einem Vorwort von K. Radek. Übersetzung auf dem Russischen. – Zürich: “Union”, 1918. – XXVII, 87 S. На тит. л. чернилами (рукой автора): “Дорогому Владимиру Ильичу, к счастью и радости всех нас уже вставшему. От Н. Бухарина”. Инв. № 7583.
- Bucharin N.* Das Programm der Kommunisten (Bolschewiki). Mit einem Vorwort von K. Radek. Übersetzung auf dem Russischen. – Zürich: “Union”, 1918. XXVII, 87 S. (Книга не разрезана). Инв. № 7681.
- Bucharin N.* Der Klassenkampf und die Revolution in Russland. – Petrograd: Verlag der Kommunistischen Internationale, 1920. – 71 S. (Книга не разрезана). Инв. № 7679.
- Bucharin N.* Der Klassenkampf, und die Revolution in Russland. – Petrograd: Verlag der Kommunistischen Internationale, 1920. – 71 S. (Книга не разрезана). Инв. № 7680.
- Bucharin N.* Vom Sturze des Zarismus bis zum Sturze der Bourgeoisie. – Zürich: “Union”, 1918. – 84 S. На обл. чернилами (рукой неустановл. лица): “Здесь издано”. Инв. № 7682.
- Bucharin N.* Vom Sturze des Zarismus bis zum Sturze der Bourgeoisie. – Zürich: “Union”, 1918. – 84 S. Инв. № 7683.
- Bulletin du III-e Congrès de L’Internationale Communiste. – № 1–24. – Moscou, 1921. Инв. № 10513.
- Bulletin of the IV Congress of the Communist International. – № 1–32. – Moscow, 1922. Инв. № 10516.
- Clédat L.* Grammaire classique de la langue française. – Paris, 1896. – 377 p. Пометки карандашом (рукой М.И. Ульяновой?) на с. 2, 5–13, 17–18, 21–24, 31, 35, 37, 43, 46, 56, 60–62, 75–78, 80, 84, 85, 87–89, 95, 108–110, 112–113, 115, 117–127, 130–135, 137, 139–145, 148, 149, 151, 152, 154–156, 158–166, 168, 170–174, 176–179, 181–185, 188, 189, 191–196, 200–213, 215, 218–220, 222–227, 230–232, 234–239, 244, 254, 255, 260, 261, 265, 266, 271, 283, 284, 287, 288, 300, 304, 307–311, 313–318, 322, 324, 325, 327, 328, 336, 337, 340, 346, 353–358, 360, 362, 363, 366, 367. На заднем форзаце карандашом (рукой М.И. Ульяновой): “Le peuple c’est la sombre faiblesse et c’est la force sombre”. Инв. № 8197.
- The Communist: An organ of the Third (communist) International – 1922. – No. 77. Инв. № 8157.
- Conference russo-turque a Moscou. Annexes. 1) Projet elabore en Aout 1920. 2) Projet Russe. 3) Expose du projet turc. 4) Texte du traite. – Б.м., б.г. – 28 с. с разд. пар. Инв. № 10622.
- Cours de vacances de français moderne. Genève: L’Universite de Genève, s.a. – 94 p. Пометки фиол. чернилами и карандашом (рукой М.И. Ульяновой) на с. 1, 3, 85, 93. Инв. № 8207.
- Extracts from “The Capital” of Karl Marx. Translated by Otto Weydemeyer. – Published by F.A. Sorge, Hoboken, New Jersey, s.a. – 42 p. Инв. № 8054.
- Heyse J.Ch.A.* Leitfaden zum gründlichen Unterrichte in der deutschen Sprache für höhere und niedere Schulen, sowie zum Selbstunterrichte. – Gannover; Leipzig, 1904. – 157 s. На форзаце карандашом (рукой М.И. Ульяновой): “М. Ульянова”. Инв. № 8477.
- Il perche di un nuovo numero del “Mondo delle favole e della verita”. – Mantova: Editore-Cjmpilatore Arturo Frizzi, s.a. – 64 p. Отсутствует обложка. Инв. № 8478.
- Intercourse between Bolshevism and Sinn Fein. Presented to Parliament by Command of His Majesty. – London, 1921. – 5 p. На первой странице имеется почтовый штемпель с датой “10 jun 1921” и надпись красными чернилами (рукой неустановл. лица): “Т. Ленину”. Инв. № 8079.
- Kautsky K.* Elsas-Lothringen: Eine historische Studie von Karl Kautsky. – Stuttgart, 1918. – 84 S. Инв. № 7770.
- Maupassant G. de.* Sur l’eau. – [Paris, 1901] – 250 p. Без обл. и тит. л. На с. 1 карандашом (рукой М.И. Ульяновой): “М. Ульянова”. Между некоторыми страницами засушенные растения. Инв. № 8307.
- Negri A.* Tempeste. Sesto migliaio. – Milano: Fratelli Treves, editori, 1896. – 319 p. На форзаце карандашом (рукой неустановл. лица): “Елизар...”. Инв. № 8390.
- Die Neue Zeit. 1919. – 24 S. Инв. № 7889.
- Radek K.* De la Constitution soviétiste. (Lettre aux ouvriers étrangers). – Moscou: Edition du Groupe communiste Français, 1919. – 16 p. Инв. № 8338.

- Radek Karl.* Die internationale Lage und die äussere Politik der Räteregierung. – 1918. – 17 S. Инв. № 7919.
- Radek Karl.* Die internationale Lage und die äussere Politik der Räteregierung. – 1918. – 17 S. Инв. № 7920.
- Radek Karl.* Die internationale Lage und die äussere Politik der Räteregierung. – 1918. – 17 S. На обл. чернилами (рукой автора): “Привет. Радек”. Инв. № 7921.
- Radek Karl.* Ein offener Brief an Seine Exzellens den kaiserlichen Minister ohne Portefeuille Herrn Philipp Scheidemann, den Führer der gewesenen deutschen Sozialdemokratie, der Partie ohne Prinzipien. – S.a. – 8 S. Инв. № 7923.
- Radek Karl.* Ein offener Brief an Seine Exzellens den kaiserlichen Minister ohne Portefeuille Herrn Philipp Scheidemann, den Führer der gewesenen deutschen Sozialdemokratie, der Partie ohne Prinzipien. – S.a. – 8 S. Инв. № 7924.
- Radek K. Lenin:* Sein Leben, sein Werk / Herausgegeben vom Neuen Deutschen Verlag. Berlin, s.a. – 31 S. Инв. № 7922.
- Radek Karl.* Rosa Luxemburg, Karl Liebknecht, Leo Jogiches. – Hamburg: Verlag der Kommunistischen Internationale, 1921. – 48 S., 5 S. III. На тит. л. черн. чернилами (рукой неустановл. лица): “Lenin von Verlaner (?). 9. I. 21.” Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 1548”. Инв. № 9277.
- Radek Karl.* Rosa Luxemburg, Karl Liebknecht, Leo Jogiches. – Hamburg: Verlag der Kommunistischen Internationale, 1921. – 48 S., 5 S. III. Отсутствует суперобложка. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 1548”. Инв. № 9278.
- Radek Karlo.* Rosa Luxemburg, Karlo Liebknecht, Leo Jogiches. – Roma: Edizioni dell’Internazionale Comunista, 1922. – 77 p., 5 p. III. На обл. черн. чернилами (рукой неустановл. лица): “Т. Ленину”. Книга не разрезана. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 1547”. Инв. № 9279.
- Reissner Larissa.* Hamburg auf dem Barrikaden. Erlebtes und Erhörtes aus dem Hamburger Aufstand 1923 von Larissa Reissner. – Berlin: Neuer deutscher Verlag, 1923. – 86 S. На обл. карандашом роспись М.И. Ульяновой. Инв. № 7929.
- Sinowjew G.* Die 21 Bedingungen der Leninschen Komintern. Vorsitzendem der Komintern einstimmig gewählt auf dem 5. Weltkongress der Kommunistischen Internationale. – Berlin: Verlag der “Fahne des Kommunismus”, s.a. – 32 S. Инв. № 7957.
- Sinowjew G.* Die Russische Revolution und das Internationale Proletariat: Zum zweiten Jahrestag der proletarischen Umwälzung in Rußland. – Petrograd: Verlag der Kommunistischen Internationale, 1919. – 31 S. Инв. № 7955.
- Sinowjew G.* Die Russische Revolution und das Internationale Proletariat: Zum zweiten Jahrestag der proletarischen Umwälzung in Rußland. – Petrograd: Verlag der Kommunistischen Internationale, 1919. – 31 S. Инв. № 7956.
- Sinowjew G und Trotzky L.* Karl Liebknecht und Rosa Luxemburg. Reden von G. Sinowjew und L. Trotzky auf der Sitzung des Petrograder Sowjets am 18. Januar 1919. – Petrograd: Verlag der Kommunistischen Internationale, 1920. – 32 S. Инв. № 7953.
- Sinowjew G und Trotzky L.* Karl Liebknecht und Rosa Luxemburg. Reden von G. Sinowjew und L. Trotzky auf der Sitzung des Petrograder Sowjets am 18. Januar 1919. – Petrograd: Verlag der Kommunistischen Internationale, 1920. – 32 S. Инв. № 7954.
- Socialism made Plain and “The Unemployed”:* Being two Manifestoes of the Social-Democratic Federation. – New York, 1886. – 15 p. Инв. № 8148.
- Tchéou-Weï S.* Essai sur l’Organisation juridique de la Sossité internationale. Avec une Preface du Dr. E. Bise. – Genève: Librairie “ATAR”; Paris: Librairie Georges Cres & C, 1917. – 183 p. На фронтисписе черными чернилами (рукой автора): “A Monsieur Lenin President de Bolseviki a Petrograd. Hommage de l’auteur. Dr. Tchéou-Weï. Thoune, le 20 avril 1917”. На обратной стороне фронтисписа черными чернилами роспись автора на латинице и иероглифами. На тит. л. возле фамилии автора карандашом (рукой неустановл. лица) приписано: “(China)”. В книгу вложена визитная карточка с типогр. текстом: “S. Tchéou-Weï. Docteur en droit. Ingenieur des constructions civiles (P. et Ch.)” и припиской черн. чернилами (рукой автора): “Adresse son salut et son admiration a la nouvelle Russie ainci qu’aux democrats de cette grande de nation. Je souhaite un rapprochement fraternel entre le deux grands peuplsvoisin, la Russie et la Chine. Villa Saldanella – a Thoune – Suisse”. Инв. № 8357.
- Trotzki L.* Arbeit, Disziplin und Ordnung werden die sozialistische Sowjet-Republik retten: Vortrag auf der Moskauer städtischen

- Konferenz der Russischen Kommunistischen Partei am 28. März 1918. – Basel: Verlag der Buchhandlung des Arbeiterbundes Basel, 1919. – 29 S. Инв. № 7988.
- Trotzki L.* Arbeit, Disziplin und Ordnung werden die sozialistische Sowjet-Republik retten. Vortrag auf der Moskauer städtischen Konferenz der Russischen Kommunistischen Partei am 28. März 1918. – Basel: Verlag der Buchhandlung des Arbeiterbundes Basel, 1919. – 29 S. Инв. № 7989.
- Trotzki L.* Arbeit, Disziplin und Ordnung werden die sozialistische Sowjet-Republik retten: Vortrag auf der Moskauer städtischen Konferenz der Russischen Kommunistischen Partei am 28. März 1918. – Basel: Verlag der Buchhandlung des Arbeiterbundes Basel, 1919. – 29 S. Инв. № 7990.
- Trotzki L.* Die Sowjet-Macht und der internationale Imperialismus: Vorlesung gehalten am 21. April 1918 in Moskau. – Belp-Bern: Promachos-Verlag, 1918. – 48 S. Инв. № 7991.
- Trotzki L.* Die Sowjet-Macht und der internationale Imperialismus. Vorlesung gehalten am 21. April 1918 in Moskau. – Belp-Bern: Promachos-Verlag, 1918. – 48 S. Инв. № 7992.
- Trotzki L.* Die Sowjet-Macht und der internationale Imperialismus: Vorlesung gehalten am 21. April 1918 in Moskau. – Belp-Bern: Promachos-Verlag, 1918. – 48 S. Инв. № 7993.
- Trotsky L.* Terrorisme et Communisme (L'anti-Kautsky). – Petrograd: edition de l'Internationale Communiste, 1920. – 241 p. Книга не разрезана. Инв. № 8360.
- Trotsky L.* Terrorisme et Communisme (L'anti-Kautsky). – Petrograd: edition de l'Internationale Communiste, 1920. – 241 p. Книга не разрезана. Инв. № 8361.
- Trotzki L.* Terrorismus und Kommunismus (Anti-Kautski) – Petrograd: Verlag der "Kommunistischen Internationale", 1920. – 166 S. Инв. № 7994.
- Trotzki L.* Terrorismus und Kommunismus (Anti-Kautski) – Petrograd: Verlag der "Kommunistischen Internationale", 1920. – 166 S. Инв. № 7995.
- Trotzki Leo.* Von der Oktober-Revolution bis zum Brester Friedens-Vertrag. – Belp-Bern: Promachos-Verlag, 1918. – 120 S. На тит. л. черн. чернилами (рукой автора): "Дорогому Владимиру Ильичу от крепко преданного Троцкого в тревожные дни... 5/IX 1918". Инв. № 7638.
- Trotzki Leo.* Von der Oktober-Revolution bis zum Brester Friedens-Vertrag. – Belp-Bern: Promachos-Verlag, 1918. – 120 S. Инв. № 7996.
- Trotzki Leo.* Von der Oktober-Revolution bis zum Brester Friedens-Vertrag. – Belp-Bern: Promachos-Verlag, 1918. – 120 S. Инв. № 7997.
- Trotzky L.* What is a peace program? Published by the bureau of international propaganda attached to Commissariat for Foreign Affairs of the Provisional Workmen's and Peasant's Government of the Russian Republic. – Petrograd, 1918. – 24 p. Инв. № 8161.
- Werner P.* Eugen Leviné. – Berlin: Vereinigung Internationaler Verlagsanstalten, 1922. – 58 S.; 1 S. Ill. На 3-й с. черн. чернилами (рукой неустановл. лица): "Дорогому Ленину от сына и жены Левинэ. Москва, 21-го сент. 1922 г." Инв. № 7640.
- Williams A. R.* Through the Russian Revolution. – New York: Boni and Liveright, 1921. – 311 p, 28 p. ill. Имеется дарственная надпись автора А.И. Ульяновой. Инв. № 8167.
- Zinoviev G.* Army and people: The Soviet Government and the Corps of Officers. – Petrograd: The Communist International, 1920. – 58 p. Книга не разрезана. Инв. № 8171.
- Zinoviev G.* Army and people: The Soviet Government and the Corps of Officers. – Petrograd: The Communist International, 1920. – 58 p. Книга не разрезана. Инв. № 8172.
- Zinoviev G.* L'armée et le peuple: Le pouvoir soviétique et les officiers. – Petrograd: Édition de l'Internationale Communiste, 1920. – 59 p. Книга не разрезана. Инв. № 8370.
- Zinoviev G.* L'armée et le peuple: Le pouvoir Soviétiste et les officiers. – Petrograd: Édition de l'Internationale Communiste, 1920. – 59 p. Книга не разрезана. Инв. № 8371.
- Zinoviev G.* Les origines du Parti communiste-bolchévique Russe. – Petrograd: Édition de l'Internationale Communiste, 1920. – 47 p. Книга не разрезана. Инв. № 8376.
- Zinoviev G.* L'Internationale Communiste. – Petrograd: Édition de l'Internationale Communiste, s.a. – 48 p. Книга не разрезана. Инв. № 8368.
- Zinoviev G.* L'Internationale Communiste. – Petrograd: Édition de l'Internationale Communiste, s.a. – 48 p. Книга не разрезана. Инв. № 8369.

- Zinoviev G. N. Lénin (W.J. Oulianov). Sa vie et son activité.* – Petrograd: Édition de l'Internationale Communiste, 1919. – 52 p. Книга не разрезана. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3047”. Инв. № 8372.
- Zinoviev G. N. Lénin (W.J. Oulianov). Sa vie et son activité.* – Petrograd: Édition de l'Internationale Communiste, 1919. – 52 p. Книга не разрезана. Инв. № 8373.
- Zinoviev G. N. Lenjin. Vladimir Iljič Ulianov. Opis života i rada.* – Moskva: Izdanje Centralnoga Biro-a Jugoslavenskih Sekcija Ruske Komunističke stranke (boljsev.), 1921. – 52 с. Книга разрезана не полностью. Имеется штамп “Библиотека Н. Ленина. № 3048”. Инв. № 8473.
- Zinoviev G. et Trotsky L. Karl Libknecht et Rosa Luxembourg. Discours, prononcés par G. Zinoviev et L. Trotsky a la réunion du Soviet de Pétrograd, le 18 janvier 1919.* – Pétrograd: Édition de l'Internationale Communiste, 1919. – 30 p. Книга не разрезана. Инв. № 8374.
- Zinoviev G. et Trotsky L. Karl Libknecht et Rosa Luxembourg. Discours, prononcés par G. Zinoviev et L. Trotsky a la réunion du Soviet de Pétrograd, le 18 janvier 1919.* – Pétrograd: Édition de l'Internationale Communiste, 1919. – 30 p. Книга разрезана не полностью. Инв. № 8375.
- Zinoviev G. et Trotsky L. Pétrograd 1917–1919.* (Deux articles de G. Zinoviev et L. Trotsky, publiés a l'occasion deuxieme anniversaire de la Revolution d'Oktobre. – Pétrograd: Édition de l'Internationale Communiste, 1920. – 16 p. Инв. № 8377.
- Программа Коммунистической партии. – М., 1919. – 9 с. На кит. яз. Инв. № 8475.
- Βιβλίον ψυχοφελέστατον περί της συνεχούς μεταλήψεως των Αχράντων του Χριστού Μυστηρίων. Πόνημα του Αγίου Μακαρίου Νοταρά, απλοποιηθεν υπο του αιδίμου Νικόδημου Αγιορείτου. Το πρώτον τυπωθεν εν Βενετία το 1873 υπό Αντωνiu Βορτόλη το δεύτερον και τρίτον παρά του μοναχού Κωνστ. Χ. Δουκάκη. Εγκρισει της Ιεράς Συνόδου της εκκλησίας της Ελλάδος νη δε το τεταπτον εις κοινήν ωφέλειαν τον ορθοδόξων χριστιανών υπο Γαβριήλ Κ. Ανδρεοπούλου. Αθήνα: Εκ του τυπογραφείου “Νομίκης” Πέτρου Δ. Βεργιαντιου, 1922. 136 σ. На тит. л. черными чернилами (рукой неустановл. лица): “C'est mérite de lecture et d'aplication par tous les peuples. Présent divin”. Инв. № 8479. [свт. Никодим Коринфский, преп. Никодим Святогорец. Книга душеполезнейшая о непрестанном причащении Святых Христовых Тайн].

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ

Л.Н. ПУШКАРЕВА

(К 90-летию со дня рождения)*

1947

Рец. на кн.: Руны и исторические песни / пер. и предисл. В. Евсеева. Петрозаводск, 1946. 87 с. // СЭ. № 3. С. 175–177.

Замечательный самородок: [Сказочник А.С. Калинин] // Закарпатская Украина. Ужгород. 27 апреля. С. 3.

1948

Рец. на кн.: Базанов В.Г. Народная словесность Карелии. Петрозаводск, 1947. 280 с. // СЭ. № 3. С. 209–211. Совм. с Л.А. Старцевой.

Рец. на кн.: Колпакова Н. Книга о русском фольклоре: Пособие для учащихся средних школ. Л., 1948. 192 с. // СЭ. № 9. С. 110–112. Совм. с Л.А. Старцевой.

1949

Из истории революционно-демократической этнографии: И.А. Худяков. [Прил.: Список трудов ученого, рец. на них, работы о нем] // СЭ. № 3. С. 183–200.

Рец. на кн.: Маскаев А. Мордовская народная сказка. Саранск, 1947. 184 с. // СК. № 4. С. 114–116.

Рец. на кн.: Парилев И.Г. Русский фольклор Нарыма. Новосибиргиз, 1948. 232 с. // СЭ. № 1. С. 241–243. Совм. с Л.А. Старцевой.

Рец. на кн.: Фольклор Воронежской области / сост. и автор вступ. ст. В.А. Тонков. Воронеж. обл. гос. изд-во. 1949. 300 с. // СК № 11. С. 103–107.

1950

Рукописный фонд И.Г. Прыжова, считавшийся утерянным // СЭ. № 1. С. 183–187.

Подг. публ., сост.: Таможенные книги Московского государства XVII века / под ред. и с археогр. введ. члена-корр. А.И. Яковлева. М.; Л. Т. I. 887 с. Совм. с З.Е. Аллендорф, З.Н. Бочкаревой и др.

Рец. на кн.: Карельский фольклор: Новые записи / вступ. ст. пер., подг. текста и примеч. В. Евсеева; под ред. проф. В.Я. Проппа. Петрозаводск, 1949. 220 с. // СЭ. № 3. С. 219–221.

Рец. на кн.: Братья Гримм. Сказки / пер. с нем. Г. Петникова, ст. В. Неустоева. М., 1949. 790 с. // СЭ. № 4. С. 216–221.

1951

Подг. публ., сост.: Таможенные книги Московского государства XVII века / под ред. и археогр. введ. члена-корр. А.И. Яковлева. М. Т. II. 897 с. Совм. с З.Н. Бочкаревой, Н.Г. Савич и др.

* Составители: И.М. Пушкарева, Ю.В. Андрияшайтите.

Полный список печатных работ ученого (кроме работ в Интернете) подготовлен впервые. Использована фундаментальная библиография Н.Я. Крайневой и П.В. Прониной “Труды Института истории (с 1968 г. Институт истории СССР) АН СССР за 1936–1984 гг.” Вып. 1–4. Под ред. академика М.В. Нечкиной (М., 1968–1985. Ротапринт). Она охватывает книжную продукцию, изданную под грифом Института, его Ленинградского отделения, при участии других учреждений, а также под грифом Отделения истории АН СССР, если она выполнена сотрудниками Института. Использован авторский список работ (научные и научно-популярные книги, статьи, публикации, рецензии, редактирование в разных изданиях (в том числе за рубежом)). Большая часть проверена *de visu*, остальная – по библиографиям, каталогу персоналий в Справочно-библиографическом отделе Библиотеки при ИРИ РАН. Выражаем благодарность за помощь их сотрудникам. Списки монографий имеются в приложении к статьям о Л.Н. Пушкареве в работах А.А. Чернобаева. В рецензии Е. Казинца на монографию ученого 1975 г. есть неполный список его трудов за 1949–1975 гг. (Kritika. Cambridge (Mass.), 1977. Vol. XIII. № 2. P. 126–129). Данный список включает работы за 1947–2010 гг., расположенные по хронологическому принципу, внутри годов – по значимости жанров: книги и коллективные труды, монографии, статьи, публикации, рецензии, редактирование работ. Если автор статьи участвует и в редколлегии того же издания, то эти описания даны рядом, как и в тех случаях, когда даны статьи одной темы, в остальном – по алфавиту. В отличие от библиографии Института, сохраняется понятие «ученый секретарь редколлегии», а членство автора в редколлегиях серий отмечается только в работах, которые он готовил непосредственно.

- Подг. публ., сост.:* То же, Т. III. 888 с. Совм. с З.Н. Бочкаревой, Н.Г. Вершининой и др.
Рец. на кн.: Сказки Смоленщины / сост. Б. Шурыгин. Смоленск. обл. госиздат. 1949. 66 с. // СЭ. № 1. С. 218–220.
Рец. на кн.: Волшебное кольцо: Русские сказки / Пересказал А. Платонов; под общей ред. М. Шолохова. М., 1950. 126 с. // СЭ. № 2. С. 246–248.

1952

- Из наблюдений над творчеством фронтовиков (репертуары и вопросы бытования) // ИАН СССР. Отд. литературы и языка. М. Т. XI, вып. 6. С. 527–540.
 Неизвестные записки декабриста И.И. Горбачевского // ВИ. № 12. С. 127–129.
Рец. на кн.: Базанов В.Г. Павел Иванович Якушин. Орел, 1950. 80 с. // ИАН СССР. Сер. истории и философии. М. Т. IX, № 1. С. 71–75.

1953

- Труд как основа социальных идеалов в традиционной волшебной сказке // Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия. М. Т. XX. С. 127–150.
 В Институте истории АН СССР // ВИ. № 5. С. 126–129.
 Подготовка публикаций исторических источников // ВИ. № 10. С. 149–150.
Подг. публ., вступ. ст.: Новый список «Сказания о киевских богатырях» // ТОДРЛ. М.: Л. Т. IX. С. 361–370. Факсимиле л. 71 списка.
 К вопросу о происхождении Русского государства // Советский воин. М. 5 марта. С. 4.
 Великий пример дружбы народов [К 300-летию воссоединения Украины с Россией] // Пограничник. М. № 24. С. 19–27.

1954

- Из истории сооружения памятника Богдану Хмельницкому в Киеве (1870–1888) // Докл. и сообщ. Ин-та истории [АН СССР]. М.; Л. Вып. 2. С. 98–108. Совм. с В.А. Познанским.
 Критика церкви и духовенства в трудах И.Г. Прыжова // Вопросы истории религии и атеизма: Сб. статей / отв. ред. В.Д. Бонч-Бруевич. М. Т. 2. С. 128–153.
 То же. Пер. сб. на польск. яз.
 Рукописные сборники литературного характера Центрального государственного литературного архива: [Описание] // ТОДРЛ. М.; Л. Т. X. С. 459–465.

- Выдающийся государственный деятель и полководец [Богдан Хмельницкий] // КП. № 120. С. 3.
Сост., введение: Трехсотлетие воссоединения Украины с Россией: Сб. документов. Для препод. сред. школы / под ред. А.М. Панкратовой. М. 252 с. Совм. с А.Я. Костенко. С. 5–23.

- Рец.:* Документы славной истории [Воссоединение Украины с Россией]: Документы и материалы / ред. П.П. Гудзенко, А.А. Новосельский, А.Л. Сидоров и др.: в 3 т. М., 1953. Т. 1. 586 с. // УГ. 16 января. С. 3.
 Нерушимая дружба русского и украинского народов // Сельское хозяйство. М. 17 января. С. 2.
 Воссоединение Украины с Россией // НШ. М. № 1. С. 18–21.
Рец. на кн.: Сказки Абрама Новопольцева / ред. и вступ. ст. Э.В. Померанцевой. Куйбыш. обл. гос. изд-во, 1952. 291 с. // СЭ. № 3. С. 165–167.
Отв. секр. редкол.: Исторический архив / отв. ред. А.А. Новосельский. Ред. т. 10. А.Л. Сидоров, сост. А.А. Брегман, Б.М. Виноградов. М.; Л. 343 с. [Публ. дневника полковника С.А. Рашевского (Порт-Артур. 1904). ЦГВИА]

1955

- Устное народное творчество. Общественно-политическая мысль и литература. Научные знания. Школа и просвещение // Очерки истории СССР: Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. М. Гл. 1. С. 165–194.
 Устное народное творчество // Там же. Гл. 2. С. 405–408.
 Отражение крестьянской войны и иностранной интервенции в русской публицистике начала XVII в. // Там же. Гл. 3. С. 604–615.
 Русская культура: Устное народное творчество. Литература. Театр // Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII век. М. Гл. 5. С. 591–615, 658–664. Совм. с С.К. Богоявленским.
 Начало формирования русской нации // Там же. Заключение. С. 966–970. Совм. с А.А. Новосельским и Н.В. Устюговым.
 Критика религии и церкви И.А. Худяковым // Вопр. истории религии и атеизма: Сб. статей. М. Т. 3. С. 184–213.
Предисловие [без подписи. С. 4]. Гл. II. Установление текста. Гл. III. Заголовки. Гл. IV. Легенды. Гл. X: Внешний вид издания // Правила публикации исторических документов [созданы комиссией сотрудников

Института истории, ГАУ и МГИАИ]. М. 72 с. Совм. с С.Н. Валком и А.А. Новосельским.: с. 11–41, 67–68.

Обсуждение проекта правил издания документов [в Институте истории АН СССР] // ИА. № 1. С. 249–251. Совм. с Ю.У. Томашевичем.

Вопросы научной публикации документов (совещание в Институте истории) // Вестн. АН СССР. № 1. С. 122.

Подг. публ., предисл.: Новые документы о 9 января 1905 г. // Там же. С. 72–82. Совм. с Н.С. Трусовой.

Подг. публ., предисл.: Новые документы о вооруженном восстании в Москве в декабре 1905 г. // Там же. № 11. С. 92–97. Совм. с К.И. Буковым.

9 января 1905 г. – начало первой русской революции // Лесная промышленность. М. № 10. С. 4.

Документы о первой русской революции // УГ. № 48.

Новые документы о первой русской революции // Советский флот. М. № 118. С. 3.

Новые документы о восстании на броненосце «Потемкин» // Там же. № 143. С. 3.

Новые документы о восстании на «Потемкине» // Советский моряк. М. № 11. С. 12–13.

Чл. редкол., археограф. обработка док.: Начало первой русской революции. Январь–март 1905 г.: Документы и материалы / отв. ред. Н.С. Трусова. М. Т. 1. 960 с. (Сер.: Революция 1905–1907 гг. в России: Документы и материалы)

Уч. секр. редкол.: Материалы по истории СССР / отв. ред. А.А. Новосельский. М. Вып. I. 520 с.

Отв. сост., уч. секр. редкол.: То же. М. Вып. II: Документы по истории XV–XVII вв. 321 с.

Подг. текста, введ. ст., описание рукописей с повестью: Повесть «о зачале Москвы» // Там же. С. 211–246. [Публ. по списку ГПБ. Титов, 2759. Прил.: Описание рукописей]

1956

Русская культура XVII в. // История СССР: Учебник для истфаков университетов и пединститутов / под. ред. Л.В. Черепнина. М. Т. 1: С древнейших времен до 1861. С. 410–411.

То же в пер. на лит., молд., узбек., укр., нем. яз.

И. Пересветов и его связи с русской литературной традицией // Сочинения И. Пересветова / подг. текста А.А. Зиминова; под ред. Д.С. Лихачева. М.; Л. С. 57–77.

Неизвестная работа И.Г. Прыжова о декабристах в Сибири // Литературное наследство. М. Т. 60, кн. 1. С. 629–640 [фотокопии листов этой работы].

Новое издание документов революции 1905–1907 гг. в России // Докл. и сообщ. ИИ СССР [АН СССР]. М. Вып. 6. С. 90–96. Совм. с Л.Ф. Кузьминой и И.М. Расчетновой.

Уч. секр. редкол.: Материалы по истории СССР. М. Вып. III. 328 с.

Рец. на кн.: Крупянская В.Ю., Минц С.И. Материалы по истории песни Великой Отечественной Войны [1941–1945 гг.: Тексты с коммент.] (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия. М., 1953. Т. XIX. 211 с.) // СЭ. № 2. С. 150–154.

1957

К вопросу о принципах публикации фольклорных текстов // ИА. № 2. С. 196–198.

Об оценке деятельности Юрия Крижанича: [По поводу статьи В.П. Епифанова (ВИ. 1953. № 10)] // ВИ. № 1. С. 77–86.

Рукописи житейного содержания Центрального государственного архива литературы и искусства // ТОДРЛ. Т. XIII. С. 543–554.

Уч. секр. редкол.: Материалы по истории СССР. М. Вып. IV. 473 с.

Отв. сост., уч. секр. редкол.: То же. Вып. V. 878 с.

Уч. секр. редкол.: То же. Вып. VI. 800 с.

1958

Русские пословицы XVII века о церкви и ее служителях // Вопр. истории религии и атеизма: Сб. статей. М. Т. 6. С. 153–168.

«Повесть о разуме человеческом» // ТОДРЛ. Т. XIV. С. 322–325.

Четыре года работы сектора источниковедения и издания исторических документов дооктябрьского периода (1953–1957) // АЕ за 1957 г. М. С. 486–493.

Riwajat Basatentara Igor [«Слово о полку Игореве»] // Negeri Soviet. Джакарта. № 13. С. 22–23 (на индонез. яз.).

1959

К вопросу об издании списка Царского Софийской I летописи // Проблемы источниковедения. М. Т. VIII. С. 432–444.

Рец. на кн.: Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958. 498 с. // ВИ. № 4. С. 185–189.

1961

Обработка А. Шамиссо древнерусской повести «Шемякин суд» // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей. М. С. 516–532. Рез. на фр. яз.

1962

[Выступ. в Институте истории АН СССР на обсуждении статьи С.М. Каштанова и А.А. Курносова «Некоторые вопросы теории источниковедения»] // ИА. № 4. С. 192.

[Выступл. о творчестве Ю. Крижанича] // IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. М. Т. I. С. 89–90.

Лечебники Древней Руси // Неделя. М. № 48. С. 20.

Сост.: [Документы по истории Украины XVI–XVII вв.] // Хрестоматия по истории СССР XVI–XVII вв. / сост.: В.А. Александров и В.И. Корецкий; под ред. А.А. Зимины. М. Разд. IV, Гл. 16. С. 591–649.

Рец.: Залог успеха – в источниковедческом анализе. [Шевченко Ф.П. «Політичні та економічні зв'язки України з Росією в середині XVII ст.». Київ, 1958. 500 с.] // ИСССР. № 2. С. 174–178.

Рец.: Серьезное научное пособие [Музейное собрание рукописей: Описание. № 1–3005. (ОР ГБЛ)]. М., 1961. Т. I // ИА. № 1. С. 229–232.

Рец.: Чтобы дети знать могли... [Кончаловская Н. Наша древняя столица: Картины прошлого Москвы. М., 1962. 320 с.] // Известия. М. № 259. С. 5.

1963

Вопросы классификации источников в русской исторической науке XIX–XX вв. // ИСССР. № 5. С. 79–93.

Ред.: Народные сказки о боге, святых и попах (русские, белорусские, украинские) / сост. М.К. Азадовский; подг. текст Н.И. Савушкина. М. 230 с.

Вступ. ст.: Там же. С. 5–18.

1964

Отражение событий крестьянской войны и интервенции в русской публицистике начала XVII в. // История СССР (Учебник для истфаков гос. университетов и педаг. ин-тов) / отв. ред. Л.В. Черепнин. 2-е изд. М. Т. 1: С древнейших времен до 1861 г. Гл. X. § 10. С. 325–326.

Русская культура // Там же. Гл. XV, § 1. С. 408–414.

Пер. учебника на узбек. яз. (1966 г.)

Из воспоминаний фольклориста-фронтовика // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л. С. 325–344.

Чл. редкол.: Малоисследованные источники по истории СССР XIX–XX вв. / Источниковедческий анализ: Сб. статей / Отв. ред. А.А. Новосельский. М. 231 с.

Рец. на кн.: Введенський А., Дядиченко В., Стрельський В. Допоміжні історичні дисципліни. Київ, 1963. 207 с. // УДЖ. № 4. С. 147–148.

1965

Классификация источников в советском источниковедении: (1917–1964 гг.) // ВА. № 1. С. 22–30.

Новое в отечественном источниковедении: [Обзор трех работ 1964 г.] // ВИ. № 10. С. 141–144.

Отв. ред.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в.: Документы и материалы. В 3 т. / редкол.: действ. член АН МССР Я.С. Гросул и др. М. Т. I. 363 с. Публ. на языках оригиналов с пер. на рус. и рум. яз. / пер. Г.Ф. Богача; сост. Д.П. Богдан, В.А. Костакэл, Е.М. Руссев.

Предисл.: Там же. С. 5–21. На рус. и румын. яз. (без подписи).

Рец.: Начало, нуждающееся в продолжении [Источниковедение истории советского общества: Сб. статей. М., 1964] // ВА. № 2. С. 118–121.

1966

Научная конференция историков-архивистов Украины // ИСССР. № 1. С. 242–244. Совм. с И.Л. Бутычем.

Формы и содержание исторического источника // СА. № 5. С. 34–40.

Географічне середовище та історичне джерело // УДЖ. № 7. С. 15–21.

Историческое джерело та історичне дослідження // УДЖ. № 9. С. 40–46.

1967

Общественно-политическая мысль второй четверти XVIII в. // История СССР: С древнейших времен до наших дней. В 2 сериях. В 12 т. 1-я серия. М. Т. III / отв. ред. Л.Г. Бескровный. Гл. 15. С. 365–367. Просвещение и наука. Русская литература и искусство. Быт // Там же. Гл. 23. С. 577–604.

Литературные обработки повести о Ерусилане Лазаревиче в XVIII в. // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М. Вып. 2. С. 206–236.

1968

- Источниковедческие проблемы кино-фото-документов // СА. № 2. С. 89–92.
- Определение исторического источника в русской историографии XVIII–XX вв.* // АЕ за 1966 год. М. С. 75–86.
- Исторический источник в практике преподавания истории в школе // Преподавание истории в школе. № 6. С. 75–79.
- Памяти Веры Дмитриевны Кузьминой // Бадалич Й.М., Кузьмина В.Д. Памятники русской школьной драмы XVIII века (по Загребским спискам). М. С. 302–303.
- Виды письменных историчних джерел // УІЖ. № 9. С. 24–31.
- Стальць форми історичного джерела // І Д та ІХ В. Київ. Вып. 3. С. 31–40.
- Рец. на кн.: Einführung in das Studium der Geschichte / Herausgegeben von W. Eckerman und H. Mohr. В., 1966. 535 S. // УІЖ. № 5. С. 151–153. На укр. яз.
- Рец.: Книга, обращенная в будущее [Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. М., 1967. 114 с.] // СА. № 4. С. 115–116.
- Чл. редкол.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в.: Документы и материалы. В 3 т. М. Т. 2. 446 с. Совм. с Е.М. Руссевым (отв. ред.), В.А. Костакэл.

1969

- Типологическая классификация русских письменных источников по отечественной истории: Автореф. дис. ... док-ра ист. наук. М. (ИИ СССР АН СССР). 26 с.
- Древнерусские рукописи в коллекциях Пушкинского Дома // СА. № 5. С. 116.
- «Восточная» редакция повести о Еруслане Лазаревиче // ТОДРЛ. Т. XXIV. С. 214–217.
- Источниковедческие проблемы археографического изучения древних рукописей. 3–5 ноября 1969 г., Тбилиси: Тез. докл. Тбилиси: С. 50–51.
- Новое в украинском источниковедении // ВИ. № 5. С. 143–149. [об УІЖ, “Исторические источники и их использование”, работах М.А. Варшавчика, В.И. Стрельского и др.]
- Солдатская песня – источник по истории военного быта русской регулярной армии XVIII – первой половины XIX в. // Вопросы военной истории России / Под ред. В.И. Шункова. С. 422–433.

- Вплив форми історичного джерела на його зміст // І Д та ІХ В. Київ. Вып. 4. С. 81–90. Рез. на рус. яз.
- Втілення і відображення дійсності в історичному джерелі // УІЖ. № 10. С. 56–65.
- Рец. на кн.: Бадалич Й.М., Кузьмина В.Д. Памятники русской школьной драмы XVIII в. (по Загребским спискам). М., 1968. 304 с. // УІЖ. № 6. С. 148–150.
- Рец.: Новое учебное пособие по теоретическому источниковедению [Стрельский В.И. Теория и методика источниковедения истории СССР: Учеб. пособие для студентов истфаков ун-тов. Киев, 1968. 264 с.] // СА. № 4. С. 120–122.
- Рец. на кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1968. 255 с. Вып. IV. // СЭ. № 4. С. 168–171.

1970

- Исторический источник в системе нравственного воспитания учащихся (VII класс) // Преподавание истории в школе. № 3. С. 77–84. Совм. с П.В. Снесаревским.
- Исторический источник в свете ленинской теории отражения // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: Сб. ст. М. С. 64–84.
- Чл. редкол.: Там же / отв. ред. Л.Л. Муравьева, совм. с В.Т. Пашуто, Л.В. Черепниным. 468 с.
- Вера Дмитриевна Кузьмина (1908–1968) // АЕ за 1968 год. М. С. 467–469.
- Специфика фольклора как исторического источника // Современное состояние народного творчества: Программа конференции в ИРЛИ (Пушкинский Дом) и тез. докл. Л. С. 21–22.
- Про деякі теоретичні проблеми радянського джерелознавства // УІЖ. № 10. С. 20–26.
- Чл. редкол.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV–начале XVIII в.: Документы и материалы в 3 т. М. Т. 3. 415 с. Совм. с В.А. Костакэл (отв. ред.), Е.М. Руссевым.

1971

- Повесть о Еруслане Лазаревиче в русской лубочной картинке XIX – начала XX в. // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII – начало XVIII в.): Сб. ст. М. С. 351–371.
- В.Д. Кузьмина как исследовательница судеб переводного романа и повестей Древней Руси // Там же. С. 397–401.

* В статье анализ до 1917 г.

Обзор коллекции рукописных книг собрания ЦГАЛИ в ЦГАДА: (Слова, проповеди, поучения) // ТОДРЛ. Т. XXVI. С. 329–337.

В.Д. Кузьмина как исследовательница связей древнерусской литературы с культурой Нового времени // Там же. С. 363–367.

Визначення історичного джерела в радянській історіографії (1917–1968) // І Д та їх В. Київ. Вып. 6. С. 3–18. Рез. на рус. яз.

Рец.: Черты живые [Бажова-Гайдар А.П. Дом на углу: Воспоминания о моем отце [П.П. Бажове]. Свердловск, 1970. 88 с.] // Семья и школа. М. № 1. С. 49.

1972

Симеон Полоцкий // Жуков Д.А., Пушкирев Л.Н. Русские писатели XVII века / предисл. акад. Д.С. Лихачева. М. С. 197–336 (Сер. ЖЗЛ).

Рец.: Осетров Е. Огонь и перо // Литературная Россия. 1973. 12 окт. С. 11; Золотусский И. Люди, история, книги // ЛГ. 1974 г. 4 окт.

К переговорам Молдавии и Валахии с Россией в 1674 году // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. ст., посвящ. акад. Л.В. Черепнину. М. С. 351–359. Совм. с Л.Е. Семеновой.

Рец. на кн.: Копылов А.Н. Культура русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1968. 168 с. // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. № 1 (196). С. 148–150.

Рец.: На переднем крае исторической науки [Новосельцев А.П., Пащито В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма: (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. 338 с.] // Новый мир. № 3. С. 272–274.

Рец. на кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1971. Вып. 5. 234 с. // СЭ. № 2. С. 150–152.

Рец. на кн.: Пронштейн А.П. Методика исторического исследования. Ростов н/Д., 1971. 467 с. // ИСССР. № 2. С. 146–149.

1973

Пословицы в записях XVII века как источник по изучению общественных отношений // ИЗ. М. Т. 92. С. 312–335.

1974

Академия наук и русская культура XVIII века // ВИ. № 5. С. 28–38.

Вклад Академии наук в русскую культуру XVIII–XIX в. // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII–XIX вв.): Междунар. конф. Москва, 25–30 ноября 1974 г.: Тез. докл. М. С. 25–30.

Древлекранилищу Пушкинского Дома – 25 лет // СА. № 3. С. 119–121.

Пословицы, поговорки и приметы XVII в. как источник по изучению сельскохозяйственного опыта русского крестьянина // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М. Сб. VIII. С. 112–127.

Русские народные пословицы в записях XVII века // ВИ. № 1. С. 153–161.

Рец. на кн.: Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. / отв. ред. Л.А. Гольденберг. Новосибирск, 1974. 252 с. // ВИ. № 11. С. 160–163.

Рец.: Сборник статей по историографии и источниковедению славяно-германских отношений: [Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений / редкол.: В.Д. Королюк (отв. ред.) и др. М., 1973. 286 с.] // СА. № 6. С. 109–111.

Рец. на кн.: Славянский фольклор / отв. ред. Б.Н. Путилов, В.К. Соколова М., 1972. 328 с. // СЭ. № 2. С. 156–159.

1975

Классификация русских письменных источников по отечественной истории / отв. ред.: акад. Л.В. Черепнин. М. 281 с.

Рец.: Черепнин Л.В. // КО. 1976. 14 мая. С. 3; Иванов Г.М. // ВИ. 1978. № 3. С. 145–147; Медушевская О.М. О проблемах классификации исторических источников // СА. 1978. № 5. С. 108–110; Анчабадзе Г.А. // Грузинское источниковедение. Тбилиси, 1978. № 5. С. 153–164; Kasinec E. // Kritika. Cambridge (Mass), 1977. Vol. XIII, № 2. P. 111–123. Appendix I, II – p. 124–129 (Схема классификации источников и список трудов автора); Krause H.-T. // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. В., 1978. № 3. S. 261–262; Huttová M. // Slovenska archivistika. Bratislava, 1979. Č. 2. S. 129–131.

Государство и власть в общественно-политической мысли конца XVII в. // Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвящ. 70-летию акад. Л.В. Черепнина. М. С. 189–197.

Чл. редкол.: Там же. Совм. с В.Т. Пашуто (отв. ред.) и др.

И.Г. Прыжов о декабристах в Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск. С. 94–114.

Рец.: Из прошлого культуры Сибири [Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск, 1974] // В мире книг. М. № 3. С. 71–72.

Рец. на кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1974. Вып. 6. 192 с. // СЭ. № 3. С. 170–172.

Предисл. к публ.: Волнения работных людей и приписных крестьян на металлургических заводах России в первой половине XVIII в. / Сост. З. М. Новикова. М. Ч. I. С. III–XVIII. Совм. с Е.И. Заозерской. Ротапринт.

Ред.: То же. 227 с. Совм. с Е.И. Заозерской. Ротапринт.

Ред.: То же. Ч. II–III. 437 с. и 569 с. Совм. с Е.И. Заозерской. Ротапринт.

Чл. редкол.: Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. чл.-кор. С.Г. Бархударов. М. Вып. 2.

1976

Диалектическое единство объективного и субъективного в определении исторического источника // Материалы конференции “Вопросы изучения и издания письменных источников по истории Грузии. Октябрь 1976”. Тбилиси. С. 6.

О предмете, методе и задачах советской археологии // СА. № 1. С. 75–80.

Понятие исторического источника в некоторых работах советских философов // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1975. М. Вып. 2. С. 75–86.

[Выступ. на науч. конф. “Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины”. Геленджик. Сентябрь 1975 г.] // Изв. СКНЦ ВШ. 1976 г. № 2. С. 6. Краткое изложение.

Чл. редкол.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М. Вып. 3.

Рец. на кн. Давидсон А.Б., Макрушин В.А. Облик далекой страны. М., 1975. 423 с. // ВИ. № 9. С. 174–177.

1977

Вопросы историко-медицинского источниковедения // Советское здравоохранение. М. № 3. С. 72–74.

Некоторые источниковедческие проблемы археологического изучения древних рукописей // СА. № 2. С. 56–64.

Подвиг декабристок в освещении поэта и историка: (Н.А. Некрасов и И.Г. Пры-

жов) // Декабристы и Сибирь. Новосибирск. С. 227–290.

[Выступление в прениях на Симпозиуме по актуальным проблемам источниковедения (Таллин, 1972)] // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1976. М. С. 233–234.

Ред., подг. публ., предисл., вступ. ст.: Древнерусский лечебник / сост. З.Н. Бочкарева, М.Е. Бычкова // Редкие источники по истории России. М. Вып. 1. С. 3–4, 5–12. Совм. с А.А. Новосельским.

Ред.: Там же. Вып. 2: Новые родословные книги / введ. М.Е. Бычковой. Совм. с А.А. Новосельским. 186 с.

Рец.: Город на Красной Мече [Малеванов Н. Ефремов: Город на Красной Мече]. Тула, 1976. 220 с.] // КО. № 4. С. 6.

Рец. на кн.: Лихачев Д.С., Панченко А.М. “Смеховой мир” Древней Руси. Л., 1976. 204 с. // ВИ. № 7. С. 167–170.

Чл. редкол.: Словарь русского языка XI–VII вв. М. Вып. 4.

Чл. редкол., от редакции: Источниковедение африканской истории: Сб. статей. М. 300 с. С. 5–7. Совм. с А.Б. Давидсоном (отв. ред.) и др.

Poesie = Begegnung [о переводе стихов Н.С. Тихонова на нем. яз.] // Freie Welt. Berlin. № 27. S. 33.

1978

Вклад Академии наук в русскую культуру XVIII–XIX вв. // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII–XIX вв.). М. С. 346–354.

Волнения приписных крестьян во второй четверти XVIII в. // ИЗ. М. Т. 102. С. 360–367.

Культурные связи народов России, Молдавии и Валахии и формирование централизованных государств // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. ст. / под ред. Л.В. Черепнина. М. С. 346–354.

Повесть о Еруслане Лазаревиче в русской анонимной лубочной книжке XIX – начала XX в. // “Слово о полку Игореве”: Памятники литературы и искусства XI–XVII вв. М. С. 258–282.

Рец.: Африка и ее история: [Источниковедение африканской истории]. Сб. ст. М., 1977. 300 с.] // КО. № 13. С. 5.

Рец. на кн.: Tichonow N. Wie Diamanten fallen die Sterne: Balladen / Hrsg. und mit einem Nachwort versehen von I. Schäfer. B., 1977. 126 S. // Sonntag. Berlin. № 27. S. 2. Текст параллельно на рус. и нем. яз.

Рец. на кн.: Этническая история и фольклор: Сборник / отв. ред. Р.С. Липец. М., 1977. 259 с. // СЭ. № 5. С. 168–170.

Чл. редкол.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М. Вып. 5.

Не по долгу, а по душе [об организации лекций в Нарьян-Маре] // Нарьяна Ванвер. № 154. С. 5.

1979

Диалектическое единство объективного и субъективного в определении исторического источника // Вопросы изучения и издания письменных источников по истории Грузии: Тез. докл. Тбилиси. С. 50–52.

Культурные связи Украины и России после их воссоединения (вторая половина XVII в.) // ИСССР. № 3. С. 85–95.

Навеки вместе // Голос Родины. М. № 2. С. 14–15.

Летописец России: [об историке С.М. Соловьеве] // Там же. № 41. С. 6–7.

Рец.: Рядом с отцом [Бажова-Гайдар А.П. Глазами дочери: о П.П. Бажове. М., 1978. 193 с.] // Литературная Россия. № 3. С. 20.

Рец.: Доступно, интересно [Голубева Т.С., Геллерштейн Л.С. Рассказы по истории СССР для 4-го класса: Учебная книга. 8-е изд. М., 1978. 208 с.] // УГ. № 81. С. 3.

Рец. на кн.: Иванов В.Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII века. Новосибирск, 1979. 240 с. // СА. № 6. С. 70–71.

Рец. на кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1977. Вып. 7. // СЭ. № 5. С. 165–168.

Чл. редкол.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М. Вып. 6.

1980

Сказка о Еруслане Лазаревиче / отв. ред. Э.В. Померанцева [Прил.: публ. Повесть по списку ОР ГПБ. Ф. 588 (М.П. Погодин). Оп. 2. 1556. Л. 117–125 об. (40-е годы XVIII в.); Перечень рукописных списков Повести.] М. 183 с. (Сер. “Литературоведение и языкознание”).

Рец.: Липец Р. // Demos. В., 1982. № 2. С. 132–133; Ciel V. // Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte. В., 1983. Т. 26. С. 251–252; Slavia orientalis. Roczn. XXXII, № 1–2. Warszawa, 1983. С. 190–191.

Ред., предисл. к публ.: Волнения рабочих людей на мануфактурах текстильной промышленности России во второй четверти

XVIII в. / сост. З.М. Новикова. М. Ч. I, вып. 1. 192 с. С. 3–15. Совм. с Е.И. Заозерской.

Ред.: То же. Ч. II, вып. 2. С. 193–329. Совм. с Е.И. Заозерской.

“Публичные чтения о Петре Великом” С.М. Соловьева // ВИ. № 6. С. 50–61.

Рукописные сборники нравственно-поучительного характера собрания ЦГАЛИ и ЦГАДА // ТОДРЛ. Л. Т. XXXV. С. 397–416.

Русь накануне Куликовской битвы // Голос Родины. М. № 9. С. 13–14.

Князь Дмитрий Иванович // Там же. № 18. С. 14–15.

Соратники // Там же. № 23. С. 14–15.

Битва // Там же. № 27. С. 14.

“О побоище иже Дону” // Там же. № 31. С. 16–17.

Слава ранняя русской земли // Там же. № 35. С. 14–15.

Поле великой победы // Слово лектора. М. № 8. С. 33–34.

“Взошла и расточилась мгла...”: [В связи с 600-летием Куликовской битвы] // КП. 7 сентября. С. 4.

Преемственность времен. – Поле нашей славы: [Статьи с предисл. ред.] // Там же.

К вопросу об отражении Куликовской битвы в русском фольклоре // Куликовская битва: Сб. статей. М. С. 265–274.

Повести о Куликовской битве в русской лубочной картинке и книжке XIX – начала XX в. // Куликовская битва в литературе и искусстве: Сборник. М. С. 129–153. Совм. с Л.П. Сидоровой.

600 лет Куликовской битве (1380–1980): Метод. материал в помощь лектору. М. 40 с.

Приобщать к богатствам русской культуры // Знания – народу. М. № 10. С. 23–28.

Определение, систематизации и использование исторических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки: Сб. ст. Калинин. С. 102–108.

Чл. редкол., вступ. ст.: Становление российского самодержавия в современной зарубежной историографии // Современная зарубежная историография российского государственного строя XV–XVII вв.: Рефер. сборник (ИНИОН). М. С. 5–22. Совм. с А.А. Петровым, И.Н. Кравченко и др.

Про використання прислів'я в уході вивчення вітчизняної історії в школі // УІЖ. № 12. С. 120–125.

Рец. на кн.: Очерки молдавско-русско-украинских литературных связей (с

древнейших времен до середины XIX в.). Кишинев, 1978. 236 с. // Лимба ши литература молдовеняскэ. Кишинэу. № 2. С. 75–77.

Чл. редкол.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М. Вып. 7.

1981

Ермак в кругу богатырей русского эпоса // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: Тез. докл. и сообщений Всесоюз. науч. конфер. (13–15 октября 1981 г. / гл. ред. А.П. Окладников. Новосибирск. Вып. 1: (Сибирь в эпоху феодализма и капитализма). С. 18–19.

Карамзин Н.М., Одоевский А.И. // Их именами названы улицы Черемушкинского района [Москвы] / Редкол.: Л.И. Иванова, Ю.А. Поляков, С.О. Шмидт. М. С. 40–42, 63–65. Информ. мат-л в помощь лекторам и пропагандистам.

Научная конференция в Калуге, [посвящ. 600-летию Куликовской битвы. Излож. докл. и сообщ.] // ИСССР. № 2. С. 241–243. Совм. с П.В. Снесаревским.

Представления человека о природе по памятникам русского фольклора XVII в. // Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия. М. С. 293–301.

400 лет присоединения Сибири к России // Знания – народу. М. № 10. С. 43–48.

Рец.: Дипломатия Древней Руси [Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980. 358 с.] // В мире книг. М. № 6. С. 67–68.

Ред. публ.: Волнения рабочих людей на мануфактурах текстильной промышленности России во второй четверти XVIII в. / сост. З.М. Новикова. М. Ч. II, вып. 3, 4. С. 329–605. Совм. с Е.И. Заозерской.

Чл. редкол.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М. Вып. 8.

1982

Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века: Очерки истории / отв. ред. А.И. Клибанов. М. 288 с.

Рец.: Пустарнаков В. // КО. 1983. 1 апреля. С. 2; Робинсон А.Н. // ИСССР. 1984. № 1. С. 202–204; Kritika. Cambridge (Mass.). Winter 1983. Vol. XIX, № 1. P. 56–57; Cracraft J. // Slavic Review. Urbana – Champaign. Winter 1983. Vol. 42, № 4. P. 688–689; Neubauer H. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Wiesbaden, 1984. Bd. 32, H. 3. S. 428–429;

Kurunczi J. // Századok. Budapest, 1985. 119. Évf. N. 4. Old. 1061–1062.

Ленинская теория отражения и понятие исторического источника // Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников: Всесоюз. науч. сессия, посвящ. 60-летию образования СССР. 26–28 окт. 1982 г. Сухуми: Тез. докл. Тбилиси. С. 76–77.

Становление понятийного аппарата истории культуры: (историографические заметки) // Историографические и исторические проблемы русской культуры: Сб. статей. М. С. 5–21.

Отв. ред., предисл.: Там же. С. 3–4. (Бригадир сборника Т.В. Мякушева.) 209 с.

Чл. редкол.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М. Вып. 9.

Sociales Gedankengut im russischen Sprachwort: Quellenkundliche Probleme, demonstriert am Materialien des 17. Jahrhunderts // Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte. B., 1982. Bd. 24. S. 97–115.

1983

Сост., автор предисл.: Описание списков хронографа редакции 1512 г., хранящихся в ГБЛ / отв. ред. В.И. Буганов. М. 204 с. С. 3–7.

Атеизм в общественной борьбе России в 60-х гг. XIX в.: (Н.Г. Чернышевский, И.А. Худяков, И.Г. Прыжов) // Историографические и исторические проблемы русской культуры: Сб. статей. М. С. 112–130.

Отв. ред., предисл.: Там же. С. 3–7.

Отражение истории Русского централизованного государства в устном народном творчестве XVI–XVII вв. // Россия на путях централизации: Сб. статей. М. С. 250–255.

Юрий Крижанич в Тобольске // Simpozij o životu i djelu Jurja Križaniča. Zagreb. S. 25–29.

Юбилейные даты в истории городов как форма пропаганды идей патриотизма: В помощь лектору. М. 40 с.

Рец. на кн.: Бажова А.П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. 288 с. // Новый мир. № 6. С. 270–271.

Рец. на кн.: Ценный труд [Словарь русского языка XI–XVII вв. М. Вып. 1–10] // КО. № 39. С. 10.

Чл. редкол.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М. Вып. 10.

Чл. редкол.: История Украинской ССР. В 10 т. Киев, 1983. Т. 3 / гл. ред. Ю.Ю. Кондуфор; редкол. Г.Я. Сергиенко (отв. ред.) и др. 719 с.

- Юрий Крижанич: Очерк жизни и творчества / Отв. ред. В.И. Буганов. М. 213 с.
Рец.: Калениченко Т. // КО. 10 июля 1985 г. С. 2; Преподавание истории в школе. 1985. № 5. С. 36; *Schippan M.* // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. В., 1985. Jg. Н. 8. S. 759–760; *Sielicki F.* // Slavia orientalis. Warszawa, 1985. № 3–4. S. 367–370; *Baron S.H.* // The Russian Review. Stanford, 1986. Vol. 45. № 1. P. 67–68; *Golub I.* Važna knjiga o Jurju Križaniču // Zbornik Zadova za povijesne znanosti Istraživačkog centra Jugoslavenske akademie znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1988. Vol. 15. S. 133; *Чистякова Е.В.* // ИСССР. 1987. № 3. С. 191–193.
- Чл. редкол., сост., подг. текста, коммент., указ. имен: Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом / отв. ред. В.И. Буганов. М. 232 с. (Сер. “Памятники исторической мысли”).
- “Публичные чтения о Петре Великом” С.М. Соловьева как памятник исторической и общественно-политической мысли // Там же. М. С. 178–204.
- [Выступ. на III Всесоюз. источниковедческой конф. 1979 г. в Новороссийске о понятии “исторический источник”] // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: Ст. и мат. М. С. 185–186.
- Диалектическое единство объективного и субъективного в определении исторического источника // Источниковедческие разыскания. 1979: Сб. ст. Тбилиси. С. 163–169.
- Некоторые особенности духовной культуры России конца XV – первой половины XVI в. в освещении советской историографии // Источниковедческие и историографические аспекты русской культуры: Сб. статей. М. С. 106–122.
- Отв. ред., предисл.:* Там же. 212 с. С. 9. Ротапринт.
- Освещение истории общественно-политической мысли России конца XVII в. в советских учебниках и обобщающих трудах (1917–1981) // История и историки: Историограф. ежегодник. 1980 / отв. ред. М.В. Нечкина. М. С. 51–63.
- Русский лубок как памятник народной культуры (И.С. Ивин-Кассиров) // Проблемы взаимосвязи литературы и фольклора: Межвузовский сборник науч. трудов. Воронеж. С. 86–96.

- Устное народное творчество // История северного крестьянства / гл. ред. В.Т. Пашуто. Архангельск. Т. 1. С. 85–89.
- Методологічні проблеми вивчення історії суспільної думки // УІЖ. № 3. С. 55–65. Рез. на рус. яз.
- Рец. на кн.: Азбелев С.Н.* Историзм былин и специфика фольклора. М., 1982. 327 с. // ИСССР. № 2. С. 183–185.
- Рец. на кн.: Киреева Р.А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. 216 с. // КО. № 10. С. 2.
- Рец.:* Нужное, полезное издание [к выходу в свет на русском языке кн. “Историко-ведческие разыскания. 1979 г.”. Тбилиси, 1984] // Изв. АН Грузинской ССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусств. Тбилиси. № 3. С. 162–165. (на груз. яз.)
- Рец. на кн.: Фольклор и историческая этнография: Сб. статей / отв. ред. Р.С. Липец.* М., 1983. 261 с. // СЭ. № 2. С. 135–137.
- Чл. редкол.:* Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы / отв. ред. А.Л. Нарочницкий, Н. Петрович; сост. А.П. Бажова и др. М. 430 с.

1985

- Вопросы истории русской культуры в отечественной историографии // Изучение истории СССР дооктябрьского периода в советской историографии 1980–1984 гг.: Сб. ст. М. С. 154–185. Совм. с А.Е. Ивановым, А.Н. Копыловым, А.М. Станиславской, Я.Н. Щаповым.
- Подг. публ., предисл., примеч., указ. имен:* Декабристы в Сибири на Петровском заводе: из фонда И.Г. Прыжова / отв. ред. В.А. Федоров. М. С. 97–99. 252 с. Ротапринт.
- Ленинская теория отражения и понятие исторического источника // Источниковедческие разыскания. 1982: [Сб. докл. и решений Всесоюз. науч. сессии “Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников” (Сухуми. 1982 г.)] Тбилиси. С. 17–32.
- Методологическое значение классификации исторических источников // Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников. Всесоюз. науч. сессия 17–19 окт. 1985 г., г. Батуми: Тез. докл. Тбилиси. С. 88–89.
- Мой первый бой в рядах 3-ей Московской коммунистической дивизии // В годы войны: Статьи и очерки. М. С. 42–51.

Рец.: Колонист без маски [Давидсон А.Б. Сесиль Родс и его время. М., 1984. 367 с.] // КО. № 12. С. 3.

Рец. на кн.: Руссев Е.М. Молдавское летописание – памятник феодальной идеологии. Кишинев, 1982. 372 с. // ИСССР. № 5. С. 176–178.

Рец. на кн.: Томас Л. История Сибири. С древнейших времен до современности. Берлин, 1982. 232 с. (Geschichte Sibiriens, Von den Anfängen bis zur Gegenwart. В., 1982. 232 S.) // ИСССР. № 2. С. 200–202.

Чл. редкол.: Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. / вступ. ст., очерки, сост. и примеч. И.А. Соловкова. М. 363 с. (Сер. “Антология педагогической мысли в СССР”; Т. 1). Совм. с С.Е. Егоровым и Я.Н. Шаповым.

Чл. редкол.: Предварительный список библиографических источников для подготовки библиографии по истории русской культуры дооктябрьского периода, изданных в 1917–1980 гг. М. 51 с. Совм. с Е.Г. Капустиной (отв. сост.) и А.Н. Копыловым (отв. ред.)

1986

Письменные источники по истории культуры русского крестьянства XVIII века // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС: XXI сессия Всесоюз. симпозиума по изучению проблем аграр. истории: Тез. докл. и сообщ. Казань, 22–25 окт. 1986 г. М. С. 174–176. Ротапринт.

Русская литература XIV–XVI вв. в исследованиях советских ученых (1917–1984) // Вопросы истории русской культуры в отечественной и зарубежной историографии: Сб. ст. М. С. 14–32. Ротапринт.

Чл. редкол.: Там же. Совм. с А.Н. Копыловым (отв. ред.), А.Е. Ивановым.

Юрий Крижанич (1618 1683) // Русская речь. М. № 1. С. 96–99.

Предисл.: Есинов В. “Мы чашу выпили до дна...” [Повесть о сибирском периоде жизни русского историка И.Г. Прыжова] // Байкал. Улан-Удэ. № 2. С. 131–139. На рус. и бурят. яз.

Рец. на кн.: Магидов В.М. Зримая память истории. М., 1984. 142 с. [О документальном кино в СССР] // СА. № 1. С. 89–90.

Рец.: О деятельности В.Н. Татищева [Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в / отв. ред. А.А. Преобра-

женский. М., 1985. 367 с.] // Наука сегодня. Ежег. справ. М. Вып. 14. С. 215–218.
Чл. редкол.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11.

1987

Классификация и систематизация исторических источников и природа исторического познания // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск. С. 125–126.

Л.В. Черепнин – человек и ученый // Феодализм в России: Сб. статей и воспоминаний, посвящ. памяти академика Л.В. Черепнина / отв. ред. член-корр. АН СССР В.Л. Янин. М. С. 58–67.

Рец. на кн.: Источниковедческие разыскания: Сборник. 1982. Тбилиси, 1985. 266 с. // СА. № 4. С. 99–100.

Рец. на кн.: Померанцева Э.В. Русская устная проза М., 1985. 271 с. // Литературное обозрение. М. № 4. С. 84–85.

Чл. редкол.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М. Вып. 12.

Чл. редкол.: То же. М. Вып. 13.

1988

Важнейшие проблемы истории русской культуры IX – начала XX в. в новейшей литературе // Новое в советской исторической науке. М. С. 18–26.

Источниковедческие проблемы истории русской общественной мысли эпохи феодализма // Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников. Всесоюз. науч. сессия. Тез. докл. Тбилиси. С. 108–109.

В интересах науки [о работе издательства “Наука” АН СССР] // КО. № 48.

Рец. на кн.: Аласания Г.Г. Классификация грузинских письменных исторических источников. Тбилиси. 1986. 242 с. // ИСССР. № 6. С. 175–177.

Рец. на кн.: Запаско Я., Исаевич Я. Пам’ятники книжкового мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні. Львів, 1981–1984. Кн. 1–2 // ИСССР. № 2. С. 179–181.

Чл. редкол.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М. Вып. 14.

1989

Методологическое значение классификации исторических источников в современной историографии // Источниковедческие разыскания. 1985. Тбилиси. С. 22–31. Основные периоды развития общественной мысли феодальной России X–XVII вв. //

Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования за 1987 г. М. С. 152–159.

Памяти Р.К. Кикнадзе // Изв. АН ГрузССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси. № 3. С. 174–176.

Русская культура IX–XVIII вв. в трудах советских ученых // Общественно-политические проблемы истории СССР в 80-е гг.: Итоги и задачи: Сб. ст. М. С. 144–174. Совм. с А.Н. Казакевичем, А.Н. Копыловым, Я.Н. Щаповым.

Рец. на кн.: *Миронец Н.И.* Революционная поэзия Октября и гражданской войны как исторический источник. Киев. 1988. 173 с. // СЭ. № 4. С. 165–166.

Рец. на кн.: Отечественная общественная мысль эпохи Средневековья: Историко-философские очерки: Сб. науч. трудов / редкол.: В.С. Горский и др. Киев, 1988. 324 с. // УДЖ. № 11. С. 141–142.

1990

Культура развитого феодализма. Середина XIII–XVI в. // Русская культура IX–XVIII веков в исследованиях советских авторов: 1917–1984 гг. М. С. 62–123.

Зам. отв. ред.: Там же. Совм. с А.Н. Копыловым (отв. ред.) и др. 318 с.

Материальная и духовная культура русской деревни. Распространение грамотности в среде крестьянства. Новые виды фольклора и народного искусства // История крестьянства в СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М. Т. 2: Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. С. 157–165, 502–505.

Некоторые вопросы источниковедения истории русской общественной мысли X – начала XIX в. // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.: Тез. докл. и сообщ. первых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимина. Москва, 13–18 мая, 1990 г. М. Ч. 2. С. 232–235.

Памятники общественной мысли в системе классификации источников // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докладов. Киев. С. 56–57.

Проблема мира и войны в творчестве русских просветителей XVIII в. // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн: X – начало XX в.: Сб. науч. трудов. М. С. 179–193.

Рец. на сб. (в том числе на ст. Пушкирева): *Juszkiewicz J.* // *Slavica Wratislaviensia*

LXXVI. Wrocław, 1993. Vol. 7. S. 127–129.

Рец. на кн.: Описи Київського намісництва 70–80 років XVIII ст.: Описово-стат. джерела. Київ. 1989. 389 с. // ИСССР. № 4. С. 189–191.

Рец. на кн.: *Савушкина Н.И.* Русская народная драма: Художественное своеобразие. М., 1988. 231 с. // СЭ. № 1. С. 157–160.

1991

Жизненные идеалы и общественные взгляды русского крестьянства в XVII в. // СЭ. № 6. С. 39–48.

Проблема периодизации русской общественной мысли эпохи феодализма // Актуальные проблемы истории русской культуры: Сб. науч. трудов. М. С. 5–27.

Чл. редкол.: Там же. Совм. с А.Н. Копыловым (отв. ред.). 220 с.

Новое в грузинском источниковедении // Изв. АН ГрузССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусств. Тбилиси. № 1. С. 24–36. Совм. с Р.К. Кикнадзе. Рез. на англ. яз.

1992

Содержание и границы понятия “общественная мысль” // ОИ. № 3. С. 73–81.

Вопросы периодизации переломного этапа в развитии русской культуры XVII–XVIII веков // Русская культура в переходный период от Средневековья к Новому времени: Сб. статей. М. С. 18–21.

Чл. редкол.: Там же. Совм. с А.Н. Копыловым (отв. ред.) и др.

Рец. (в том числе на ст. Пушкирева): *Sielicki F.* // *Slavica Wratislaviensia*. Wrocław, 1994. Vol. LXXXVII. S. 145–146.

Общечеловеческие и социальные аспекты русской общественной мысли XVII в. // Спорные проблемы истории русской общественной мысли (до начала XIX в.): Науч. конф. Москва, 12–14 мая 1992 г.: Тез. докл. М. С. 3.

Отв. ред.: Там же. 102 с.

1993

Крестьянское прикладное искусство и устное творчество: Прикладное искусство крестьян. Устное народное творчество. Крестьянская интеллигенция, культурные взаимосвязи многонационального крестьянства России // История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. М. Т. 3: Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. – 1861 г.), ч. I. С. 248–254; ч. II. С. 542–566.

Купцы – читатели и хранители древнерусской повести // Российское купечество от Средних веков к Новому времени: Науч. конф., Москва, 2–4 ноября 1993 г.: Тез. докл. М. С. 129–130.

О месте памятников общественной мысли в системе классификации источников // Грузинское источниковедение. Тбилиси. Т. VIII. С. 236–245. На груз. яз. Рез. на рус. и англ. яз.

Сказал – как отрезал: мир крестьянской половицы // Москвичка. М. № 3. С. 3.

1994

Духовный мир русского крестьянства по пословицам XVII–XVIII вв. / отв. ред. А.Н. Сахаров. М. 192 с.

Рец.: Кантор А.М. // ОИ. 1997. № 6. С. 164–166.

Важнейшие особенности менталитета русского крестьянина конца XVII – первой половины XVIII века // Русская история: проблемы менталитета: Тез. докл. науч. конф. Москва, 4–6 октября 1994 г. М. С. 97–98.

Чл. редкол.: Там же. Совм. с А.А. Горским (отв. ред.) и др.

Историко-культурные аспекты воссоединения Украины с Россией // 340 лет Переяславской Рады: Междунар. науч. конф.: Тез. докл. Донецк. Вып. 1. С. 20–21.

Менталитет как часть духовной культуры // Русский вопрос: история и современность: Мат-лы докл. Второй Всерос. науч. конф. Омск. Ч. I. С. 64–66.

Менталитет сословий: источники его изучения // Источниковедение истории Грузии: Тез. науч. сессии. Тбилиси. С. 48.

Письменные источники по изучению менталитета русского крестьянства XVIII в. // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): Сб. ст. М. С. 76–93.

Отв. ред., предисл.: Там же. С. 3–5. 206 с.

Рец.: Нужная полезная книга (о монографии М. Абашидзе) // АЕ за 1992 год. М. С. 278–290.

1995

По дорогам войны: Воспоминания фольклориста-фронтовика / отв. ред. и автор предисл. акад. А.М. Самсонов. М. 310 с.

Рец.: Шаратов Ю.П. // ОИ. 1996. № 5. С. 208–209; Фрейденберг М. // Вестн. Тель-Авив. 1998. 6 мая. С. 2.

Письменная форма бытования фронтового фольклора // ЭО. № 4. С. 25–35. [Публ. записи бойцов (иногда с фамилиями) на

транспарантах, указателях дорог, танках, вагонах; боевой листок по записной книжке автора]. Рез. на англ. яз.

Сказка и война: (Из наблюдений фольклориста-фронтовика) // Живая старина: Журнал о рус. фольклоре и традиц. культуре. М. № 2 (6). С. 2–3.

Когда царь Иван еще не был Грозным... // Сельская новь. М. № 8. С. 18–20.

Некоторые аспекты изучения культурных связей Украины и России во второй половине XVII в. // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М. Вып. 1. С. 79–88.

Проблемы менталитета и их место в школьном преподавании истории // Преподавание истории в школе. № 2. С. 2–6.

Тульский металл в народной пословице XVII–XVIII вв. // Российское предпринимательство: История, традиция, памятники: Тез. II Всерос. науч. конф. “Тульский металл в истории промышленности и предпринимательства”. Тула. Ч. 2. С. 23–24.

Что такое менталитет: Историографические заметки // ОИ. № 3. С. 158–166.

Рец. на кн.: Воронина Т.А. Русский лубок 20–60-х годов XIX в.: производство, бытование, тематика. М., 1993. 234 с. // ЭО. № 3. С. 167–169.

Рец. на кн.: Карпов Г.М. Русская культура на пороге новой эпохи: XVII век. М., 1994 // Преподавание истории в школе. № 3. С. 67–68.

Рец. на кн.: Europäische Mentalitätsgeschichte: Hauptthemen in Einzeldarstellungen. Stuttgart, 1993. 663 S. // ВИ. № 8. С. 167–169.

1996

Старообрядчество как явление менталитета // Старообрядчество: история, культура, современность: Тез. конф. в г. Муроме. 1996 г. М. С. 101–103.

Отв. ред., введение: // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв.: Сб. статей. 216 с. М. С. 3–11.

Морской флот в менталитете петербургского общества первой четверти XVIII в. // Воронеж – колыбель российского военно-морского флота: Тез. докл. и сообщ. республик. науч. конф., посвящ. 300-летию русского военно-морского флота. Воронеж, 16–18 мая 1996 г. Воронеж. С. 8–10.

Юрий Крижанич – певец славянского единства // Вестн. Костромского гос. пед. ун-та им. Н.А. Некрасова. № 2 (6). С. 48.

Русский флот в менталитете петербургского общества первой четверти

- XVIII в. // Там же. Кострома. Спец. выпуск. С. 24–25.
- Менталитет и политическая история России: переломные этапы // Менталитет и политическое развитие России: Тез. докл. конф. Москва. 29–31 октября 1996 г. М. С. 3–6.
- Чл. редкол.:* Там же. Совм. с А.А. Горским (отв. ред.) и др.
- Три года работы с Б.Д. Грековым: [К 60-летию Ин-та российской истории] // ОИ. № 6. С. 152–157.
- “В мире, аки в море...” // Родина. М. № 7/8. С. 8–9. С ил.
- Рец. на кн.: Суций С.Я., Дружинин А.Г.* Очерки географии русской культуры. Ростов-н/Д, 1994. 576 с. // ОИ. № 2. С. 199–201.
- 1997**
- “Вы что, умнее классиков марксизма-ленинизма?” Из воспоминаний известного ученого [о члене-корреспонденте АН СССР А.И. Яковлеве] // Советская Чувашия. Чебоксары. 15 янв. С. 3.
- Рец.:* Дневник Жиркевича – источник непреходящего значения [Жиркевич А.В. Встречи с И.Я. Яковлевым (“Лик Чувашии за 1995–1996 гг.”)] // Там же. 13 марта. С. 3.
- Наедине со старым профессором: [воспоминания о беседах с И.Я. Яковлевым] // Там же. 7 мая. С. 3.
- Рец.:* “Чуваши Богом не обижены” [Александров Г.А. Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары, 216 с.] // Там же. 5 июня. С. 3.
- Рец.:* Новая книга об И.Я. Яковлеве [Александров Г.А. Иван Яковлевич Яковлев: фрагменты жизни. Чебоксары, 1997. 193 с.] // Там же. 14 ноября. С. 3.
- Б.Л. Флауменбаум на фронте (воспоминания однополчанина) // Памяти академика Б.Л. Флауменбаума. Одесса. Ч. 1: Воспоминания друзей и учеников. С. 39–49.
- Благоустройство Москвы. Культура и быт Москвы XVIII в. Московское общество размышляет // История Москвы. С древнейших времен до наших дней. В трех томах / под общей ред. члена-корр. РАН А.Н. Сахарова. М. Т. I: История Москвы XII – XVIII вв / редкол.: А.Л. Хорошкевич (отв. ред.), А.В. Ковальчук и др. Гл. VIII. § 2. С. 289–293; § 9. С. 351–380; § 10. С. 380–386.
- Думы о мире в русском фольклоре и в общественной мысли XVII–XVIII вв. // Долгий путь российского пацифизма. М. С. 57–71.
- История в общественном сознании России XVII века // ВИ. № 9. С. 36–47.
- Источники, раскрывающие роль женщины в науке и образовании // Женщины в отечественной науке и образовании. Иваново. С. 1–5.
- Необходимо отдельное издание [дневника А.В. Жиркевича о чувашском просветителе И.Я. Яковлеве] // ДН. № 5. С. 169–170.
- Открытое сердце России: Многонациональная культура Москвы XVIII века // ДН. № 9. С. 171–176.
- Певец славянского единства // Крижанич Юрий. Политика / подг. к печ. В.В. Зеленин; пер. и коммент. А.П. Гольберга. 2-е изд. М. С. 3–10.
- Праведные и неправедные войны в менталитете русского общества XVII–XVIII вв. // Армия в истории России: Мат-лы междунар. науч. конф.: Тез. Курск. С. 10–12.
- Роль русской провинции XVIII – первой половины XIX в. в сохранении древнерусского рукописного наследия // Российская провинция и ее роль в истории государства, общества и развития культуры народа. Кострома. Ч. 1: Культурный потенциал и духовная жизнь российской провинции. С. 37–41.
- “Свое” и “чужое” как одна из проблем европейского менталитета // Россия и внешний мир: Диалог культур: Сб. статей. М. С. 273–283.
- Своеобразие русской культуры последней трети XVIII века – времени Екатерины Второй // Русская культура последней трети XVIII века – времени Екатерины Второй: Сб. статей. М. С. 3–21.
- Отв. ред.:* Там же. 207 с.
- “Ум государственный, ревность, знание России” ... (Канцлер А.А. Безбородко) // Там же. С. 102–113.
- Славяне и “немцы” в творческом наследии Юрия Крижанича // Славяне и немцы: Средние века – раннее Новое время: Сб. тезисов 16-й конф. памяти В.Д. Королюка / отв. ред. Л.В. Заборовский. М. С. 131–134. (Сер. “Славяне и их соседи”).
- Фольклорные мотивы в повестях XVII в. о начале Москвы // ЭО. № 5. С. 60–64. Рез. на англ. яз.
- Рец. на кн.: Биск И.Я.* Введение в писательское мастерство историка: Литературная форма исторического труда: Учеб. пособие. Иваново, 1996. 144 с. // НиНИ. № 5. С. 242–243.

Рец. на кн.: Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996 // ЭО. № 3. С. 177–179.

1998

Верховная власть в менталитете русских государей XVI – начала XVIII в. // Российская монархия: Вопросы истории и теории: Межвузов. сб. ст., посвящ. 450-летию учреждений царства в России (1547–1997 гг.) Воронеж. С. 32–40.

Гендерные отношения по русским рукописным пословицам рубежа XVII – XVIII вв. // Женщины в российском обществе. Иваново. № 1. С. 21–33.

Лубок как источник для изучения менталитета русского народа // ЭО. № 3. С. 48–55. Рез. на англ. яз.

О выборе основания деления // Конференция, посвящ. памяти Р.К. Кикнадзе 12–14 октября 1998 г.: Тез. Тбилиси. С. 32–33. Рез. на груз. яз.

Природа в традиционной медицине русских: Народная фитотерапия // Традиционный опыт природопользования в России / отв. ред. Л.В. Данилова, А.К. Соколов. М. С. 323–335.

Русские пословицы XVII в. как источник по изучению гендерных отношений // Женщины России на рубеже XX–XXI веков: Мат-лы междунар. науч. конф. Иваново, 23–24 апреля 1998 г. Иваново. С. 237–238.

Саратов и Петр I // РИЖ (Балашов). № 4 (20). С. 39–40.

Что такое гендер? (Терминологический этюд) // Женщины в российском обществе. Иваново. № 4. С. 8–14.

Отв. ред.: Жиркевич А.В. Мои встречи с И.Я. Яковлевым: Из дневника за 1916–1924 гг. / подг. текста, ст. и коммент. Г.А. Александра. Чебоксары. 467 с.

Ввод. ст.: “От редактора”: Дневник как исторический источник // Там же. С. 3–12.

1999

Богоизбранность монарха в менталитете русских придворных деятелей рубежа Нового времени // Мировосприятие и самосознание русского общества. М. Вып. 2: Царь и царство в русском общественном сознании. С. 59–69.

Чл. редкол.: Там же. Совм. с А.А. Горским (отв. ред.), А.И. Куприяновым. 179 с.

Понятие “менталитета” в современной зарубежной историографии // Там же. Вып. 3: Российская ментальность: методы и проблемы изучения. С. 78–93.

Чл. редкол.: Там же. Совм. с А.А. Горским и Е.Ю. Зубковой (отв. ред-ры) и др. 250 с.

Гендер в русской культуре: сферы и методы его применения // Гендерные отношения в России: история, современной состояние, перспективы: Мат-лы междунар. науч. конф. Иваново, 27–28 мая 1999 г. Иваново. С. 60–61.

Гендерный анализ и его применение к изучению истории культуры // ОИ. № 1. С. 19–29.

Гендерные отношения по русским рукописным повестям XVII в. // Женщина в российском обществе. Иваново. № 2 (14). С. 11–27.

И.Е. Забелин как историк усадьбы // Историк и историография: Мат-лы науч. конф., посвящ. 90-летию Л.А. Дербова. Саратов, 5–6 окт. 1999 г. Саратов. С. 35–40.

И.Я. Яковлев – чувашский просветитель и педагог [воспоминания и отрывки из дневника А.В. Жиркевича] // ВИ. № 2. С. 143–147.

Мы вместе работали и рядом жили: [воспоминания] // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Папуто / под. ред. Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельниковой. М. С. 285–293.

Неоконченные споры вокруг образа Руслана // ЭО. № 3. С. 15–21. Рез. на англ. яз.

“Поверьте, в истории мало незыблемых истин”: [воспоминания] // РИЖ. № 2. С. 3–11.

Предисл.: Кантор А.М. Духовный мир русского горожанина: Вторая половина XVII века: Очерки. М. С. 7–8. 119 с.

Ранние русские пословицы и поговорки эротического содержания // “...А се грехи злые, смертные...”: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.): Тексты. Исследования: Сб. ст. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М. С. 631–640.

Сектор публикации источников Института истории АН СССР: (Из воспоминаний) // АЕ за 1998 год. М. С. 164–175.

Сферы и методы применения гендера при изучении теоретико-культурных проблем // Женщина в российском обществе. Иваново. № 1. С. 13–14.

Сын великого просветителя (к 120-летию со дня рождения А.И. Яковлева) // Молодежный курьер. Чебоксары. № 1. С. 7.

Юрий Крижанич и его идея объединения славян // Славяне и их соседи: Межславянские взаимоотношения и связи: Средние века – раннее Новое время: Сб. тезисов 18-й конф. памяти В.Д. Королюка / отв. ред. Б.Н. Флоря. М. С. 134–136.

- Война глазами воина-добровольца: москвичи на защите Москвы в 1941 г. // Волжский рубеж. Кострома. № 1. С. 73–75.
- Рец. на кн.: *Историографический сборник: Межвузовский сб. научных трудов. Саратов, 1999. Вып. 18. 249 с. // РИЖ. № 4 (24). С. 60–62.*
- Рец. на кн.: *Fisch Y. Tödliche Rituale: Die indische Witwenverbrennung und andere Formen die Totenfolge. Frankfurt-am-Main; New York. 1998. 576 S. // ЭО. № 5. С. 175–177.*

2000

- Человек о мире и самом себе: (Источники об умонастроениях русского общества рубежа XVII–XVIII вв.). М. 261 с.
- А.А. Зимин: (из воспоминаний) // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф. М. С. 107–113.
- Гендерные отношения в русской драматургии конца XVII – первой половины XVIII в. // Женщина в российском обществе. Иваново. № 4 (20). С. 39–46.
- Гендерные отношения в русской поэзии XVII–XVIII вв. // Там же. № 2 (10). С. 2–11.
- Источники по изучению менталитета православного духовенства // Христианство: прошлое, настоящее, будущее. 11–17 октября 2000 г.: Краткое сод. докл. / под ред. Марии Чхартишвили и Ладно Мирианшвили. Тбилиси. С. 90–91.
- Культурные связи России и Украины во второй половине XVII в. // ВИ. № 7. С. 136–143.
- Моя служба в пятом отдельном батальоне химзащиты: [воспоминания] // Волжский рубеж. Кострома. № 2. С. 39–45. [Публ. боевой листовки с записями бойцов].
- Образ сводок в русских пословицах XIX в. // Альманах “Личность и мир”. М. Вып. 6: Личность и свобода. С. 44–46.
- Петербургский менталитет: начальный этап формирования // Феномен Петербурга: Тр. Междунар. конф., сост. 3–5 ноября 1999 г. во Всероссийском музее А.С. Пушкина. СПб. С. 288–298.
- Русская культура как поле гендерных отношений // Русский вопрос: история и современность: Сб. науч. трудов. Омск. С. 48–50. (Серия “Культурное наследие народов Западной Сибири”).
- Человек на войне: (источники по изучению менталитета фронтовиков в годы Великой Отечественной войны) // ЭО. № 3. С. 109–121. Рез. на англ. яз.

Юрий Крижанич о западных соседях славянского мира // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: (Памяти Ю.С. Борисова). М. Вып. 1. С. 41–53.

- Рец. на кн.: *Есинов В.В. Провинциальные споры в конце XX века. Вологда, 1999. 238 с. // ЭО. № 6. С. 135–136.*
- Рец. на кн.: *Россия и Африка: Документы и материалы: XVIII в. – 1960 г. М., 1999. Т. I: XVIII в. – 1917 г. / отв.ред. А.Б. Давидсон. 285 с. // НиНИ. № 2. С. 240–241.*
- Рец. на кн.: *То же. Т. II: 1918–1960. 397 с. // Там же. № 6. С. 193–194.*
- Рец. на кн.: *Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. 383 с. // ЭО. № 4. С. 166–168.*
- Рец. на кн.: *Хромов О.Р. Русская цельногравированная лубочная книга: (Исследование по истории книжной культуры и технике производства). М., 1998. 219 с. // Там же. С. 157–159.*
- Отв. ред.: *Артемова Е.Ю. Культура России глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII в.) М. 253 с.*

2001

- Записи на книгах как источник по истории культуры: (На материалах книг Симеона Полоцкого) // АЕ за 2000 год. М. С. 115–128. [Прил.: Публ. записей на книгах, изданных С. Полоцким. С. 121–128].
- Лев Владимирович Черепнин – человек и ученый // ОИ. № 1. С. 175–183.
- Лубочные писатели-сказочники второй половины XIX – начала XX века // Традиционная культура. М. № 2. С. 24–32.
- Мои встречи с А.И. Яковлевым [воспоминания. Примеч. Г.А. Александрова] // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Чебоксары. Вып. 2. С. 238–270.
- Своеобразие монашеского менталитета и его роль в формировании нравственности в обществе // Уваровские чтения. III: Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность: Мат-лы науч. конф., посвящ. 900-летию Муромского Спасо-Преображенского монастыря. Муром, 17–19 апреля 1996 г. Муром. С. 7–9.
- Сибиряки на защите Москвы в 1941 г.: (из воспоминаний фольклориста-фронтовика) // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. Омск. С. 60–62.
- Словесные источники для изучения ментальности советского народа в годы Ве-

- ликой Отечественной войны // ВИ. № 4. С. 127–134.
- Три года работы с А.И. Яковлевым // Историографический сборник: Межвузовский сб. науч. трудов. Саратов. Вып. 19. С. 156–170.
- Рец. на кн.: Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба. М., 1999. 414 с. // ЭО. № 3. С. 138–139.
- Рец. на кн.: Леценко В.Ю. Семья и русское православие (XI–XIX вв.). СПб., 1999. 393 с. // Там же. № 5. С. 158–159.
- Рец.: Смутное время [Морозова Л.Е. Смута начала 17 века глазами современников. М., 2000. 464 с.] // РИЖ. М. № 1 (28). С. 50–52.

2002

- Песни из фронтового госпиталя // Армия и общество: Мат-лы междунар. науч. конф. 28 февр. 2000 г. Тамбов. С. 141–147.
- Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) // Военно-историческая антропология: Ежегодник. 2002. М. С. 319–333.
- Чл. редкол.: Там же / отв. ред. и сост. Е.С. Сеньявская. 399 с.
- Рец. на кн.: История предпринимательства в России. М., 2000. Кн. 1: От Средневековья до середины XIX в. 480 с.; Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX в. 574 с. // ЭО. № 1. С. 175–176.
- Рец. на кн.: Boškovska N. Die russische Frau im 17. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 1998. 497 S. // ВИ. № 2. С. 171–174.

2003

- Менталитет русского общества на рубеже XVI–XVII веков: (Эпоха Смуты) // Мировосприятие и самосознание русского общества. М. Вып. 4: Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. С. 11–22.
- Тема войны и мира в русском фольклоре // Миротворчество в России: Церковь. Политика. Мыслители: от раннего Средневековья до рубежа XIX–XX столетий. М. С. 77–84.
- Идеи мира в русской общественной мысли (XVII – первая половина XVIII в.) // Там же. С. 85–102.
- Образ русского богатыря и поэма А.С. Пушкина “Руслан и Людмила” // Уваровские чтения. IV: Богатырский мир: эпос, миф, история. Муром, 14–16 апреля 1999 г. Муром. С. 50–53.

Предисл.: Александров Г.А. Чувашские интеллигенты: Биографии и судьбы. Чебоксары. С. 3–4.

- Рец. на кн.: Рожков Ю.А. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. Краснодар, 2002. Т. 1. (404 с.); Т. 2. (205 с.) // ЭО. № 4. С. 173–174.
- Рец. на кн.: “Взойду ли я на гору высокую, увижу ли я бездну глубокую...”: Старообрядческий фольклор Нижегородской области / сост. и коммент. О.А. Савельева, Л.Н. Новикова. Новосибирск, 2001. 266 с. // ЭО. № 5. С. 161–162.

2004

- Историограф великого города [об И.Е. Забелине] // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. трудов. Саратов. Вып. 21. С. 65–79.
- Юмор на фронте: (Из воспоминаний фольклориста-фронтовика) // Клио: Журнал для ученых. СПб. № 3 (26). С. 299–305.
- Рец. на кн.: Баня и печь в русской народной традиции / отв. ред. В.А. Липинская. М., 2004. 287 с. // ЭО. № 3. С. 171–172.
- Рец. на кн.: Scheide C. Kinder, Küche, Kommunismus: Das Wechselverhältnis zwischen sowjetischen Frauenalltag und Frauenpolitik von 1921 bis 1930 am Beispiel Moskauer Arbeiterinnen. Zürich, 2002. 390 S. // Женщина в Российском обществе. Иваново. № 1/2. С. 83–85.

2005

- Война в моей судьбе // Аргументы и факты. № 30. С. 14.
- Досуг фронтового госпиталя: [воспоминания] // ВИ. № 2. С. 149–152.
- Женская частушка на фронте: (Из воспоминаний фольклориста-фронтовика) // Женщина в российском обществе. Иваново. № 1/2. С. 34–35.
- Из воспоминаний участника обороны Москвы (октябрь–декабрь 1941 г.) // ОИ. № 2. С. 50–54.
- Памяти Натальи Александровны Горской // ОИ. № 1. С. 220.
- La famille et l'éducation des enfants d'après les recueils manuscrits de proverbes russes du XVIIe siècle // Revue des études slaves. P., 2005. Vol. 75, Pasc. 2–3. P. 191–202. Рез. на рус. яз.
- Рец. на кн.: Бычкова М.Е., Смирнов И.Н. Генеалогия в России: история и перспективы. М., 2004. 272 с. // ЭО. № 1. С. 165–166.
- Рец. на кн.: Керов В.В. “Се человек и дело его...”: Конфессионально-этические фак-

торы старообрядческого предпринимательства в России. М. 2004. 658 с. // ВИ. № 10. С. 171–173.

2006

Начальный этап в изучении иностранцами русского языка (вторая половина XVI–XVII вв.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М. Вып. 3. С. 221–231.

Рец. на кн.: Истомина Э.Г. Золотые руки мастеров Подмосковья: Истоки и традиции ремесел и промыслов. М., 2005. 256 с. // ВИ. № 9. С. 164–165.

2007

Женские фронтовые сказы (Из воспоминаний фольклориста-фронтовика) // Женщина в российском обществе. Иваново. № 3 (44). С. 3–7.

У истоков фронтового сказа: (Устные рассказы периода Великой Отечественной войны) // Клио. № 4 (35). С. 3–6.

Некоторые вопросы источниковедения истории русской общественной мысли X–XIX вв. // Научн. вед. Белгородского гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Белгород. № 3 (34). С. 80–84. Рез. на англ. яз.

Прыжов Иван Гаврилович // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М. Т. 5. С. 171–173.

Рец. на кн.: Алексеева Е.В. Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. Екатеринбург, 2006. 254 с. // ОИ. № 6. С. 182–183.

Рец. на кн.: С истфаком в сердце: [Воспоминания студентов МГУ выпуска 1952 г.]. М. 2007. 184 с. // НиНИ. № 5. С. 230–231.

2009

Мои фронтовые командиры: (Из воспоминаний воина-добровольца) // Рейтар: Военно-исторический журнал. М., № 4 (46). С. 217–227.

Рец. на кн.: Фольклор и современность: (Савушкинские чтения). IV–V: Мат-лы Всерос. научно-практич. конф.). М., 2007. 272 с. // ЭО. № 4. С. 185–187.

Рец. на кн.: Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: Материалы и исследования / сост.: И.В. Реброва, С.С. Сачук, Е.Н. Стрекалова. СПб., 2008. 292 с. // Клио. № 2 (45). С. 147–148.

2010

Гитлер в частушке периода Великой Отечественной войны: (из воспоминаний фольклориста-фронтовика) // Клио. № 1 (48). С. 38–40.

Оборона Москвы в 1941 г. во фронтовом фольклоре: (из воспоминаний фольклориста-фронтовика) // Былые годы. Сочи. № 2 (16). С. 17–25.

Песни “данцигских полонянок”: (из воспоминаний фольклориста-фронтовика) // Женщина в российском обществе. Иваново. № 2 (55). С. 3–9.

Победный 1945 год во фронтовом фольклоре: [воспоминания] // Российская история. М. № 3. С. 53–57.

Фронтовой фольклор – важный источник для изучения менталитета солдат Великой Отечественной войны // ЭО. № 5. С. 119–128.

Хочу рассказать правнуку... // Народное образование: (Альманах Победы). М. № 4. С. 75–77. Портрет.

Рец. на кн.: Козлов В.П. Бог сохранил архивы России. Челябинск, 2009. 543 с. // НиНИ. № 6. С. 207–209. Совм. с И.М. Пушкаревой.

Рец.: В преддверии юбилея Великой Победы: [Память о Великой Отечественной войне в общекультурном пространстве современной России: Мат-лы и исслед. СПб., 2008] // Исторический сборник. Саратов. Вып. 24. С. 183–186.

Статьи в энциклопедиях

БСЭ. 2-е изд. М., 1949–1956. Без подписи. Азбуковники // Т. 1. С. 431–432; Барды // Т. 4. С. 233; Богатыри // Т. 5. С. 339–340; Боян // Т. 6. С. 11; Буслав Василий // Там же. С. 371; Бывальщина // Там же. С. 419; Воинская повесть // Т. 8. С. 561–562; Вольга Святославович // Т. 9. С. 52; Межевые книги // Т. 27. С. 48; Поучение // Т. 34. С. 299; Предание // Там же. С. 393. Притча // Там же. С. 545.

БСЭ. 3-е изд. М., 1972. Источники исторические // Т. 10. Стб. 1723–1725. С подписью. СИЭ. М., 1961–1965. С подписями. Азбуковники // Т. 1. Стб. 223; Былины как исторический источник // Т. 2. Стб. 884–886; Источники исторические // Т. 6. Стб. 591–592; Источниковедение // Там же. Стб. 592–601. Детская энциклопедия. 2-е изд. М., 1967.

- Татаро-монгольские захватчики. Как изучали историю Куликовской битвы. История челобитных Ивана Пересветова // Т. 7. С. 236–246; 258–261.
- Детская энциклопедия. 3-е изд. М., 1975.
- Батыево нашествие. От документа к познанию прошлого // Т. 8. С. 188–200.
- Педагогическая энциклопедия. М., 1964–1966. С подписями. Азбуковники // Т. 1. Стб. 46–47; Киево-Могилянская академия // Т. 2. Стб. 380; Славяно-греко-латинская академия // Т. 3. Стб. 862–863.
- Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. Худяков И.А. // Т. 8. Стб. 345. С подписью.
- Советская военная энциклопедия. М., 1976. Без подписи. Богатырь // Т. 1. С. 509; Былины военные // Там же. С. 629.
- Дипломатический словарь. М., 1961; 2-е изд. 1971 г. “Куранты” (“вести”, “вестовые письма”) // Т. 2. С. 157 (2-е изд. С. 156–157); Масса, Исаак (1587–1635) // Там же. С. 262 (2-е изд. С. 254); Олеарий, Адам (1599–1671) // Там же. С. 572 (2-е изд. С. 571); (Поссевин) Антонио (1563–1613) // Там же. С. 572 (2-е изд. С. 571).

Литература о научной деятельности и поэтическом творчестве Л.Н. Пушкирева*

- Партигруппорги участвя [начали с лекции Л.Н. Пушкирева о II съезде РСДРП] // Заря коммунизма. Ефремов. 1973. 14 июля.
- Л.Н. Пушкирев. “Русские писатели XVII в.” (М., 1972), в котором опубликовал очерк о Симеоне Полоцком. Статьи о книге: Осетров Е. Огонь и перо // Литерат. Россия, 1973. 12 окт. С. 11; Золотусский И. Люди, история, книги // Литерат. газета. 1974. 4 окт.
- Статья и портрет об издании книги 1972 г. серии ЖЗЛ. Вып. 4 (511) // ЖЗЛ. Каталог. 1933–1973 / отв. ред., сост. С.П. Семенов. М., 1974. С. 24, 191, 241.
- Казинец Е. Рецензия на кн. Л.Н. Пушкирева 1975 г. с публикацией его схемы классификации источников и списка работ автора за 1949–1975 гг. // Kritika. Cambridge (Mass.). 1977. Vol. XII. № 2. P. 111–129.
- К 80-летию Льва Никитовича Пушкирева // ВИ. 1998. № 2. С. 215–216.
- Пушкирев Лев Никитич // Чернобаев А.А. Историки России: Кто есть Кто в изучении отечественной истории: Биобиблиогр. словарь. Саратов, 1998. С. 295. Прилож.: Список трудов.
- Пушкирев Лев Никитич // Там же. 2-е изд. [Саратов], 2000. С. 425. / Автор-сост. Чернобаев А.А., под ред. В.А. Динеса.
- Лев Пушкирев: [Биогр. статья]. Публ. пер. из Г. Гейне, стихи военных и послевоенных лет “История Института Истории СССР” (1968 г.). Портрет // Вторая муза историка / сост., коммент. А.А. Сванидзе. М., 2003. С. 268–288.
- Пушкирев Лев Никитич // Чернобаев А.А. Историк России XX века: Библиографический словарь / под ред. В.А. Динеса. Саратов, 2005. Т. 2. С. 238.
- Байрамова Анна. “Умом одаренный и речью благой...” <http://www.efremov.net/new216/> Портрет (19 марта 2006 г.).
- Литературная страница. Лев Пушкирев. Тоска. Стихи // Заря. Ефремов, 2007. № 42. С. 12.
- Поэтической строкой: Л.Н. Пушкирев. [Краткая биография. Стихи “Двенадцать девушек”] // Заря. Ефремов. 2007. № 19. С. 5.
- Пушкирев Лев. Первый бой. Стихи. Февраль 1942, Калининский фронт // Заря, Ефремов. 2007. 23 июня.
- Стихотворение Л.Н. Пушкирева “Двенадцать девушек” // Там же. 2010. 23 февр.
- Юбилей Льва Никитовича Пушкирева // ОИ. 2008. № 4. С. 208–209.
- Слово об авторе [Л.Н. Пушкиреве и его стихи 9 мая 1985 г. “Ветеранам”] // Заря. Ефремов. 2010 г. 13 февр. С. 5.
- Фронтовик, историк, фольклорист, поэт. Лев Пушкирев: Размышления к юбилею в 60 лет. Стихи // Там же. 2011. № 5. С. 5.
- Титов Н. Солдат – интеллигент // Там же. 2012. 18 февр. 2 Портрета.

* Расположение по хронологии.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ С.В. ЧИРКОВА

(К 60-летию со дня рождения)*

1970

- Работа А.Е. Преснякова по историографии русского летописания / [публ. текста, предисл.] // АЕ за 1968 год. М. С. 416–431.
- Неопубликованная рукопись А.Е. Преснякова по историографии русского летописания // Городская межвуз. студ. конф. “Студенты Москвы – науке, культуре, производству”. Педагогические и гуманитарные науки. 2–5 марта 1970 г.: Программа и тезисы. М. С. 101–102.
- Письмо А.Е. Преснякова А.А. Шахматову: (К характеристике преподавательской деятельности А.Е. Преснякова) // Мат-лы научн. студ. конф. МГИАИ. Май 1970 г. М. Вып. 2: Источниковедение и историография. С. 48–52.

1971

- А.А. Шахматов и А.Е. Пресняков: (По материалам архива А.Е. Преснякова) // Изд. М. Кн. 88. С. 384–395.
- Обзор архивного фонда А.Е. Преснякова // АЕ за 1970 год. М. С. 307–314.
- Список трудов А.Е. Преснякова // Там же. С. 323–331.

1973

- “Образование великорусского государства” А.Е. Преснякова в американском издании // ИСССР. № 6. С. 204–207.

1974

- Переписка Н.П. Павлова-Сильванского и А.Е. Преснякова о проблемах феодализма в России / [публ. текста, предисл.] // АЕ за 1972 год. М. С. 319–339.
- Археографические проекты А.А. Шахматова / [публ. текста, предисл.] // АЕ за 1973 год. М. С. 293–297.
- “Историографические портреты” русских ученых в творчестве А.Е. Преснякова // Вопросы методологии истории и историографии: Докл. научн. конф. ТГУ. Томск. Вып. 2. С. 65–68.

1975

- А.Е. Пресняков как источниковед и археограф: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 31 с.

- Археографическая деятельность А.Е. Преснякова // Проблемы социально-экономической и политической истории СССР: Научн. конф. молодых ученых: Тез. докл. М. С. 84–89.
- Вопросы публикации летописей Археографической комиссией в начале XX в. // АЕ за 1974 год. М. С. 24–37.
- Историография русского летописания в трудах А.Е. Преснякова // Вопросы историографии в высшей школе: (Всесоюзн. конф. преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории ун-тов и пед. ин-тов). Смоленск. С. 244–251.
- К истории летописной археографии в начале XX в. // Южноуральская конф. по археографии и источниковедению истории литературы и языка: Тез. докл. и сообщ. Уфа. С. 17.
- 25-летие студенческого научного кружка // СА. 1975. № 2. С. 117–118.

1976

- Археография русского летописания в трудах А.Е. Преснякова // АЕ за 1975 год. М. С. 117–128.

1977

- С.Н. Валк – исследователь истории русской исторической науки (начало XX в.) // АЕ за 1976 год. М. С. 309–310.

1978

- Ред.: Историография истории СССР советского периода: Республиканский сборник научных трудов. Л. 90 с.
- Изучение летописей в лекционном курсе А.Е. Преснякова // Там же. С. 61–75.

1979

- Великоустюжская летопись и местное летописание XVIII–XIX вв. // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР: Северный археографический сборник. Вологда. Вып. VII. С. 88–97.
- О методике камеральной археографии в начале XX в. // Всесоюзн. научн. конф. “Проблемы научного описания памятников письменности”: Тез. докл. Л. С. 47–48.

* 12 января 2007 г. исполнилось 60 лет историку-архивисту, источниковеду, историографу, члену редколлегии “Археографического ежегодника” Сергею Васильевичу Чиркову.

1980

- Чл. редкол.:* Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сб. статей. М. 206 с.
- Научная работа кружка источниковедения истории СССР (1950–1980 гг.) // Там же. С. 158–171.

1981

- Некоторые проблемы камеральной археологии в начале XX в. // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Мат-лы Всесоюзн. конф. Л. С. 134–143.
- Рец.:* Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области): К методике изучения истории советского исторического краеведения. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и авт. ст. С.Б. Филимонов // СА. № 4. С. 81–82.

1982

- О применении термина “археология” в начале XX в. // АЕ за 1981 год. М. С. 21–26.

1983

- Записка М.Н. Тихомирова 1937 г. о задачах историко-архивного образования // АЕ за 1982 год. М. С. 219–223.

1984

- Тихомировские чтения 1984 года // СА. № 5. С. 111–112.

1985

- Некоторые проблемы развития русской археологии в начале XX в. // АЕ за 1983 год. М. С. 12–26.
- Из рукописного наследия М.Н. Тихомирова: (По материалам Архива Академии наук СССР) // Там же. С. 225–249.
- Документы ЦГАДА о начале научной деятельности М.Н. Тихомирова // Там же. С. 223–224. Совм. с М.И. Автократовой.

1986

- Советская археология в период развитого социализма (1960–1980 гг.): Археологическая деятельность Академии наук СССР, академий наук союзных республик и Министерства иностранных дел СССР: Учебн. пособие. М. 123 с. Совм. с Е.М. Добрушкиным и др.

К истории разработки правил издания исторических источников в начале XX в. // АЕ за 1984 год. М. С. 64–74.

Хроника заседания “Об археологической подготовке студентов университетов и педагогических институтов”: (Тихомировские чтения 1984 года) // Там же. С. 230–234.

Деятельность Археологической комиссии в 1984 году // Там же. С. 310–316.

Разработка правил издания исторических источников Археологической комиссией в XIX – начале XX в. // АЕ за 1985 год. М. С. 107–112.

Рец.: Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. // ВИ. № 1. С. 132–133.

1987

Археология летописей XVI века: (Вопросы атрибуции и интерпретации) // Археология и изучение духовной культуры: III Уральские археологические чтения: Тез. докл. Свердловск. С. 7–9. Совм. с В.В. Морозовым.

Уралец – исследователь русского летописания // Там же. С. 63–65.

Рец.: Историография и источниковедение архивного дела в СССР. М., 1984. // СА. № 1. С. 103–104.

1988

[Подгот. текста, примеч.:] Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: “Наука”. 696 с. (“Памятники ист. мысли”).

Н.П. Павлов-Сильванский и его книги о феодализме // Там же. С. 600–638.

Археологическая деятельность в дореволюционной России // Документальные памятники: выявление, учет, использование: Учебн. пособие. М. С. 45–79.

Археологическая деятельность Н.П. Павлова-Сильванского // Актуальные вопросы теории, методики и истории публикации исторических документов. М. С. 111–115.

1989

Некоторые проблемы теории археологии в трудах С.Н. Валка // АЕ за 1988 год. М. С. 149–151.

Доклад М.Н. Тихомирова “Об обеспечении сохранности, состоянии и использовании документальных материалов в учреждениях Академии наук СССР” // Там же. С. 258–261.

Рец.: Книга об учителе (Рец. на кн.: *Чистякова Е.В.* Михаил Николаевич Тихомиров. М., 1987) // Там же. С. 275–277.

Дом в Хохловском переулке // *Куранты: Историко-краеведческий альманах* М. Вып. 3. С. 288–293.

Местные летописи XVIII–XX вв. как источник по истории города и городской культуры // II Всесоюзн. конф. по историческому краеведению: Тез. докл. Пенза. С. 111–112.

Жития севернорусских святых в творчестве В.О. Ключевского: (Археографические аспекты) // *Археография и источниковедение истории Европейского Севера СССР: Тез. выступл. на республ. научн. конф.* Вологда. Ч. 2. С. 131–133.

Древнерусская книжность в творчестве В.О. Ключевского // *Письменность и книгопечатание: Мат-лы научн. конф. к 1100-летию создания славянского алфавита и 200-летию книгопечатания в Сибири.* Тюмень. С. 54–56.

1990

Факсимильное издание письменных источников: Учебн. пособие. М. 72 с. Совм. с Г.И. Королевым.

Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX в. // АЕ за 1989 год. М. С. 19–27.

Археография и проблемы истории научных школ // *Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. и сообщ.* V Всесоюзн. конф. Киев. С. 182–183.

Факсимильное издание письменных памятников в России XIX – начала XX в. // *Издание исторических документов в СССР: (Вопросы истории, теории и методики).* М. С. 111–115.

1991

В.О. Ключевский о русской археографии // *Актуальные вопросы теории, методики и истории публикации исторических документов: Межвуз. сб. научных трудов.* М. С. 32–43.

В.О. Ключевский и русская археография // В.О. Ключевский и современность: Тезисы. Пенза. С. 111–112.

Проблемы этнической и культурной истории Западной Руси в концепции А.Е. Преснякова // *Наш радавод: Мат-лы междунар. научн. конф.* Гродно. Кн. 3, ч. 1. С. 132–136.

40-летие научного студенческого кружка // *ИСССР.* 1991. № 2. С. 202–203.

1992

В.О. Ключевский и отечественная археография // АЕ за 1990 год. М. С. 9–25.

М.Н. Тихомиров и преподавание специальных исторических дисциплин // Там же. С. 206–210.

Иконография – портреты исторических лиц // *История: еженед. прил. к газ. “Первое сентября”.* 1992. Ноябрь, № 4. С. 4–5.

1993

Как прочитать древнерусскую миниатюру // *История: прил. к газ. “Первое сентября”.* 1993. № 5–6. С. 6.

1994

Об источниковедении историографии // *Мир источниковедения: (Сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта).* Москва; Пенза. С. 403–409.

Из истории факсимильного издания письменных памятников в России (XIX – начало XX в.) // АЕ за 1992. М. С. 11–22.

М.Н. Тихомиров и Полное собрание русских летописей // Там же. С. 207–212.

70-летие С.О. Шмидта // Там же. С. 340–346.

1995

Николай Павлович Павлов-Сильванский (1869–1908) // *Историки России XVIII–XX веков.* М. Вып. 2. С. 43–50 (*Архивно-информационный бюллетень; № 10.* Прил. к журн. “Ист. архив”).

Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929) // Там же. С. 71–79.

1996

А.С. Лаппо-Данилевский в Археографической комиссии // АЕ за 1994 год. М. 263–268.

Историк русского феодализма: Николай Павлович Павлов-Сильванский (1869–1908) // *Историки России, XVIII – начало XX века.* М. С. 577–591.

Проникновенный источниковед: Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929) // Там же. С. 553–576.

1997

Подгот. текста, примеч., указат.: Тихомиров М.Н. Средневековая Москва / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: “Книжный сад”. 480 с.

Хохловский переулок, 7 // *У Покровских ворот.* М. С. 117–222. (“Биография московского дома”).

А.Е. Пресняков – археограф и архивист: (К 125-летию со дня рождения) // АЕ за 1995 год. М. С. 29–34.

Историки петербургской школы о И.Е. Забелине // Там же. С. 309–313.

Научная конференция в Пензе по истории культуры российской провинции // Там же. С. 376–377.

Летописи архива в Колпачном переулке // АЕ за 1997 год. С. 236–242.

Учитель глазами учеников (к 75-летию С.О. Шмидта) // ОА. № 2. С. 112–123. Совм. с К.Е. Новохатским, Л.И. Шохиным, Р.Б. Казаковым.

1998

Проблемы археологии в трудах Археологической комиссии // АЕ за 1996 год. М. С. 43–48.

2000

Николай Павлович Павлов-Сильванский (1869–1908) // Портреты историков: Время и судьбы. Москва; Иерусалим. Т. 1: Отечественная история. С. 90–99.

Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929) // Там же. С. 136–152.

Чл. редкол.: Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М. 519 с.

Архаические черты в русской провинциальной историографии XVIII–XIX вв. // Там же. С. 365–367.

2002

Преодоление кустарной археологии // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Докл. и тез. XIV научн. конф. РГГУ 18–19 апр. 2002 г. М. С. 507–509.

2003

А.С. Лаппо-Данилевский – археолог // Историческая наука и методология истории в России XX века. СПб. С. 190–204. (Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории; Вып. 1).

Сост.: Тихомиров М.Н. Труды по истории Москвы / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: “Языки славянской культуры”. 685 с. (“Наследие москвоведения”).

2004

Сост.: Справочник по фондам Центрального государственного архива Московской области. Жуковский: “Кучково поле”. 472 с. Совм. с С.С. Бузиновой, И.В. Рыжовой, И.Е. Сизоненко.

Чл. колл. публикаторов: Православная Москва в 1917–1921 годах: Сб. док. и матлов. М.: Главархив Москвы. 692 с.

Документы о роли духовенства в антисоветском народном восстании в Звенигороде 15 мая 1918 г. // Там же. С. 565–573.

2005

Археология в творчестве русских ученых конца XIX – начала XX века / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: “Знак”. 317 с.

Чл. редкол.: В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: Мат-лы научн. конф. Пенза, 25–26 июня 2001 г. М. Кн. 1–2.

В.О. Ключевский и развитие отечественной археологии в конце XIX – начале XX века // Там же. Кн. 1. С. 10–155.

2007

Первые документы Мосгубсовдепа (май – август 1917 г.) // ОА. № 6. С. 4–12.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ

Л.И. ШОХИНА

(К 50-летию со дня рождения)*

1980

Неопубликованная работа Л.В. Черепнина "В.О. Ключевский как источниковед" // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М. С. 104–106.

1981

Публ.: Неопубликованный доклад Л.В. Черепнина "В.О. Ключевский как источниковед" // АЕ за 1980 год. М. С. 331–340.

1984

План описания столбцов Поместного приказа в МАМЮ // Источниковедение и историография архивного дела в СССР. М. С. 16–24.

1986

Об одном археографическом замысле Н.В. Калачова: (Подготовка издания приговоров и актов Боярской думы и приказов) // АЕ за 1985 год. М. С. 100–106.

Публ.: М.Н. Тихомиров – член Общества истории и древностей российских // Там же. С. 315–317.

1987

Московский архив Министерства юстиции (1852–1917): История и методика описания документов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 25 с.

Сост.: Библиографический указатель печатных трудов С.О. Шмидта. М. 80 с.

Об участии Н.А. Попова в подготовке издания сочинений В.Н. Татищева // АЕ за 1986 год. М. С. 185–190 (совм. с А.Б. Каменским).

Неопубликованная статья В.В. Шереметевского "Послесловие к описанию Разряда" // Там же. С. 196–200.

Малоизвестные документы о деятельности М.В. Довнар-Запольского в области архивного дела // Архіви України. № 1. С. 68–70.

Описание документов в Московском архиве Министерства юстиции во второй половине XIX – начале XX в. // СА. № 2. С. 53–58.

1988

Н.В. Калачов во главе Московского архива Министерства юстиции (по неопубликованным документам) // АЕ за 1987 год. С. 132–143.

О работе Н.Н. Оглоблина над "Обозрением столбцов и книг Сибирского приказа" // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск. С. 198–210.

1989

К истории публикации документов во второй половине XIX – начале XX в. // АЕ за 1988 год. С. 165–176.

Тихомировские чтения 1988 года: Хроника заседания // АЕ за 1988 год. С. 159–164.

Деятельность Археографической комиссии в 1988 году: Хроника // АЕ за 1988 год. М. С. 322–324.

Начало переописания фонда Поместного приказа в 1918 году // Архивы СССР: (История и современность): Межвуз. сб. научн. трудов. М. С. 72–81.

Описание книг Записей Литовских в начале XX века // Исследования по истории Литовской метрики. М.: Институт истории. Вып. 1: С. 138–141.

1990

О подготовке серийного документального издания "Сборник Московского архива Министерства юстиции" // АЕ за 1989 год. С. 199–213.

Н.Г. Бережков как архивист // СА. № 1. С. 76–81.

Из истории описания и издания документов Литовской метрики в МАМЮ в конце XIX века // Исследования по археографии и источниковедению отечественной истории XVI–XX вв. Днепропетровск. С. 4–12.

Сост.: Список печатных трудов Б.Г. Литвака // АЕ за 1989 год. М. С. 271–275.

1991

Систематизация, описание и изучение материалов по генеалогии в МАМЮ во второй половине XIX – начале XX в. // ВИД. Вып. 22. С. 52–64.

* Составитель К.В. Баранов. 29 ноября 2007 г. исполнилось 50 лет историку-архивисту и археографу Леониду Игоревичу Шохину.

Н.Н. Ардашев – исследователь и издатель писцовых книг // Исследования по истории СССР дооктябрьского периода. М.: Институт истории. С. 219–225.

1992

Архивные материалы С.Д. Шереметева об открытии памятника Н.М. Карамзину в Остафьево в 1911 году // Венки Карамзину. М. С. 100–112.

Обработка, описание и реставрация приказных столбцов и книг, хранящихся в МАМЮ // ОА. № 5. С. 26–30.

Сост.: Тихомиров М.Н. Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М.: Московский рабочий. 320 с.

Сост.: Литература 1984–1990 гг. о жизни и деятельности М.Н. Тихомирова // АЕ за 1990 год. С. 216–217.

1993

Публ.: “Повседневное описание случившегося”: Из дневника историка-архивиста И.С. Беляева о событиях в Москве 28 февраля – 6 марта 1917 г. // ИА. № 2. С. 36–45.

1994

Дневник И.С. Беляева // АЕ за 1991 год. С. 191–195.

Н.В. Калачов и Д.Я. Самоквасов как реформаторы архивного дела в России: (Опыт характеристики по архивным документам) // АЕ за 1992 год. С. 183–190.

Впечатления архивистов МАМЮ о Первой мировой войне // ОА. № 4. С. 102–105.

О неудавшемся плане Д.Я. Самоквасова по изданию описания грамот Коллегии Экономии (1906–1911 гг.) // Мир источниковедения: (Сб. ст. в честь С.О. Шмидта). Москва; Пенза. С. 272–274.

Сост.: Список печатных трудов С.О. Шмидта // АЕ за 1992 год. С. 281–307. Совместно с О.Б. Гайсиной.

Сост.: Перечень дипломных работ, подготовленных в Историко-архивном институте под руководством С.О. Шмидта // Мир источниковедения: (Сб. ст. в честь С.О. Шмидта). Москва; Пенза. С. 377–387 (без подписи).

Публ.: Архивисты об архивах и историках: (из писем И.С. Беляева графу С.Д. Шереметеву 1892–1917 гг.) // Архив русской истории. М. Вып. 5. С. 152–175.

Публ.: Записка Н.Н. Ардашева о методике составления архивных справок // ОА. № 2. С. 80–84.

Публ.: “Считаю долгом совести...”: Письмо А.П. Сабурова С.Д. Шереметеву 1905 г. // ИА. № 3. С. 212–214.

Публ.: Из переписки графа С.Д. Шереметева // Историческая генеалогия. № 4. С. 20–29.

Публ.: “Государь действует твердо и неуклонно...”: Очерк графа С.Д. Шереметева об императоре Александре III // ИА. № 4. С. 196–206.

Публ.: “Все рушится и тонет в море анархии...”: (А.К. Варженевский С.Д. Шереметеву, 1917 г.) // Источник. № 6. С. 28–40.

1995

К истории журнальных публикаций архивистов во второй половине XIX в. // АЕ за 1993 год. С. 147–156.

Публ.: А.П. Барсуков об аудиенциях у Николая II: (письма А.П. Барсукова графу С.Д. Шереметеву) // АЕ за 1993 год. С. 331–339.

Публ.: Письмо Н.К. Никольского С.Д. Шереметеву о дьяках Кирилло-Белозерского монастыря Огурцово и Истомино, 8 июня 1898 г. // Архив русской истории. М. Вып. 6. С. 170–180.

Публ.: Письмо С.Ю. Витте к С.Д. Шереметеву 1901 г. // Российский архив: история отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М. Вып. 6. С. 375–376.

Публ.: Письмо М.В. Катковой к С.Д. Шереметеву 1906 г. // Российский архив. М. Вып. 6. С. 444–446.

Публ.: Из дневника графа С.Д. Шереметева 1917 г. // Российский архив. М. Вып. 6. С. 487–492.

Публ.: “Для избежания жертв должно не воевать...”: Письма С.Ю. Витте С.Д. Шереметеву 1904 г. // Источник. № 2. С. 16–20.

Публ.: Неизвестное письмо В.О. Ключевского графу С.Д. Шереметеву // Ключевский: сб. материалов. Пенза. Вып. 1. С. 342–343.

1996

Неопубликованная работа С.Д. Шереметева о Смутном времени “Лев Сапега и Федор Шереметев” // АЕ за 1994 год. С. 185–191.

С.Д. Шереметев – историк в своих дневниковых записях // АЕ за 1994 год. С. 191–222.

Публ.: “Пошлая сказка об убийстве Годуновым царевича Димитрия”: (Письма

- Н.М. Павлова С.Д. Шереметеву 1898–1901 гг. // Источник. № 1. С. 4–15.
- Публ.: “Картина была потрясающая!”: (Из дневника С.Д. Шереметева о коронации Николая II в 1896 г.) // ОА. № 1. С. 84–90.
- Публ.: “Никто не подозревал, что дни его сочтены”: Воспоминания графа С.Д. Шереметева о цесаревиче Николае Александровиче (1843–1865) // ИА. № 2. С. 205–211.
- Публ.: “Воцарившийся государь ни для кого не был сфинксом” (Воспоминания С.Д. Шереметева о начале царствования Александра III) // ОА. № 4. С. 56–70.
- Публ.: “Мать мою, родимую Россию уродуют...”: Письма К.П. Победоносцева С.Д. Шереметеву 1904–1907 гг. // Источник. № 6. С. 4–32.
- Сост.: И.С. Беляев. Обзорение Москвы: Внешний вид столицы // Московский архив: историко-краеведческий альманах. М. Вып. 1. С. 405–420.
- Публ.: Несколько штрихов из истории Москвы в переписке графа С.Д. Шереметева // Московский архив. Вып. 1. С. 439–440.

1997

- Учитель глазами учеников: (из дневника и воспоминаний об С.О. Шмидте) // ОА. № 2. С. 36–40.
- О московских архивистах-современниках Первой русской революции // АЕ за 1995 год. М. С. 314–320.
- Архив на Девичьем поле // АЕ за 1997 год. С. 254–262.
- Публ.: “Воспитанный на чуждых нам началах...”: Очерк графа С.Д. Шереметева о графе П.П. Шувалове // ИА. № 1. С. 189–194.
- Публ.: “Мы счастливы видеть Вас в первопрестольной столице”: Граф С.Д. Шереметев об Александре III, 1889 г. // ИА. № 3. С. 54–58.
- Публ.: С.К. Богоявленский в РГАДА // АЕ за 1995 год. М. С. 365–371.
- Публ.: Из дневника архивиста И.С. Беляева // ОА. № 4. С. 61–74.
- Публ.: Граф С.Д. Шереметев о коронации Александра III в Москве // АЕ за 1997 год. М. С. 546–556.
- Публ.: Письма священника В.И. Востокова Шереметевым // Московский журнал. № 10. С. 26–29, 58–61.

1998

- Публ.: “Светлый взор его умел проникать в сердца людей”: Воспоминания С.Д. Шереметева об окружении наследника престола // Источник. № 2. С. 11–25.

- Публ.: Дневниковые записи С.Д. Шереметева о С.Ю. Витте // ОИ. № 2. С. 149–163.
- Публ.: Письма Н.П. Лихачева С.Д. Шереметеву // ВИД. Вып. 26. С. 48–54.
- Публ.: “Петербургское общество большого света (1863–1868)” (из воспоминаний С.Д. Шереметева) // Мусины-Пушкины в истории России. Рыбинск. С. 255–259.
- Публ.: Из воспоминаний графа С.Д. Шереметева // ВИ. № 9. С. 173–174 (публикация в извлечениях в письме в редакцию о детских воспоминаниях С.Д. Шереметева).

1999

- Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX в. М. 528 с. (Памятники исторической мысли).
- Фонд Иосифо-Волоколамского монастыря в РГАДА: Обзор документов фонда 1192, опись 1 // История Волоколамского края и перспективы “Золотого наследия Руси”: Сб. докл. научно-практич. конф., 30 октября 1998 г. М. С. 13–31. Совм. с К.В. Барановым и И.Л. Жучковой.
- Канцелярия МАМЮ // Российский государственный архив древних актов: Путеводитель. М. Т. 4. С. 437–442 (статья без подписи).
- Об открытии памятника А.С. Пушкину в Остафьеве // ОА. № 2. С. 83–86.
- Наследие МАМЮ в деятельности ЦГАДА–РГАДА // АЕ за 1998 год. С. 114–125.
- Публ.: Переписка С.Д. Шереметева с К.П. Победоносцевым 1877 г. // Российский архив. М. Вып. 9. С. 288–305.
- Публ.: Письмо И.А. Зиновьева к Ф.А. Бюлеру // Российский архив. М. Вып. 9. С. 323–325.
- Публ.: Ардашев П.Н. “Петербургский дневник” и “Петербургские отголоски” // Российский архив. М. Вып. 9. С. 371–382.
- Публ.: Князь Ф.М. Касаткин-Ростовский о своем роде // Российский архив. М. Вып. 9. С. 519–525.
- Публ.: Из воспоминаний графа С.Д. Шереметева о петербургском великосветском обществе 1860-х годов: (князь В.И. Барятинский, граф М.А. Корф, Т.Б. Потемкина) // Невский архив: историко-краеведческий сборник. СПб. Вып. 4. С. 5–25.

2000

- Московский архив Министерства юстиции и губернские ученые архивные комиссии // Источниковедение и краеведение

в культуре России: Сб. в честь 50-летия служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М. С. 405–406.

Переписка графа С.Д. Шереметева о пушкинских материалах в Остафьевском архиве в начале XX века // АЕ за 1999 год. М. С. 187–192.

Обзор переписки М.А. Оболенского с историками Я.И. Бердниковым, Н.Г. Устряловым и А. Хыждеу // АЕ за 1999 год. М. С. 277–285. Совм. с В.Г. Бухертом.

Публ.: “Только Великая Екатерина окончила период Древней Руси”: заметка графа С.Д. Шереметева по истории России XVIII–XIX вв. // ИА. № 6. С. 188–199.

2001

Публ.: Мемуары графа С.Д. Шереметева. М.: Индрик. 735 с.

Публ.: Дневниковая запись графа С.Д. Шереметева о приезде Александра III в Москву в 1891 г. // Два века: Журнал российской истории XVIII–XIX столетий. № 7 (www.dvaveka.pp.ru)

Публ.: “Я не духовный человек, а церковный”: Воспоминания графа С.Д. Шереметева об А.Н. Муравьеве // Два века: Журнал российской истории XVIII–XIX столетий. № 8 (www.dvaveka.pp.ru)

Публ.: Встреча Государя после крушения поезда в Борках // Шереметевы в судьбе России: Воспоминания. Дневники. Письма. М. С. 205–210.

Публ.: Приезд Александра III в Москву на Французскую выставку // Шереметевы в судьбе России. М. С. 210–215.

Публ.: Из “дневника” С.Д. Шереметева 1897–1918 годов // Шереметевы в судьбе России. М. С. 216–220.

Публ.: “Древнейшая история нашей культуры хранится в языческих могилах центральных губерний”: Письма профессора Д.Я. Самоквасова графу А.А. Бобринскому об археологии, 1886–1890 гг. // ИА. № 5. С. 185–196.

Публ.: “Вот зародыш движения 14 декабря 1825 г.”: Россия и Запад: Граф С.Д. Шереметев об истории России XVIII–XIX вв. // Два века: Журнал российской истории XVIII–XIX столетий. № 9 (www.dvaveka.pp.ru).

Памяти Михаила Петровича Лукичева // Два века: Журнал российской истории XVIII–XIX столетий. № 9 (www.dvaveka.pp.ru).

Публ.: Об архивно-археологической деятельности Д.Я. Самоквасова, И.Я. Стел-

лецкого, В.К. Клейна // АЕ за 2000 год. М. С. 453–459.

Публ.: Письмо Д.Я. Самоквасова великому князю Сергею Александровичу о назначении директором МАМЮ // Вестник архивиста. № 6 (66). С. 311–312.

2002

Дневниковые записи С.Д. Шереметева о П.А. Столыпине // АЕ за 2001 год. М. С. 359–371.

Публ.: Шумаков С.А. Обзор “Грамот Коллегии экономии”. Вып. 5. М.: Древлехранилище. 298 с.

Публ.: Доклад ГАФКЭ в 1939 г. // Там же. С. 279–290.

Михаил Петрович Лукичев (1950–2001) // Там же. С. 291–296 (некролог с приложением отзвья М.П. Лукичева на “Послеловие к описанию Разряда”).

Публ.: “Любительская страсть к загадочным людям”: Письма С.Д. Шереметева К.Н. Бестужеву-Рюмину о Смутном времени // ИА. № 1. С. 145–157.

Публ.: Записки графа С.Д. Шереметева по дворянскому вопросу 1897 и 1902 гг. // Вестник архивиста. № 3 (69). С. 271–295.

Публ.: Записка графа С.Д. Шереметева об истории Остафьевского архива князей Вяземских // АЕ за 2001 год. М. С. 406–410.

2003

История и методика описания документов РГАДА: (от упразднения МАМЮ до образования ЦГАДА). 1918–1941 гг. // ОА. № 6. С. 12–22.

Об описи столбцов Преображенского приказа 1925 года // Вестник архивиста. № 1 (73). С. 112–115.

Сост.: Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века 1601–1608 гг.: сб. документов. М.: Наука. 495 с. Совместно с Т. Б. Соловьевой и др.

Публ.: Переписка Н.В. Султанова и С.Д. Шереметева // Кремли России: Материалы и исследования. М. Т. 15. С. 468–470. Совм. с Ю.П. Савельевым.

2004

“Архивы суть не только складочное место покойников” // Пензенский временник. Вып. 14. С. 161–167.

Отзывы о Н.М. Карамзине и его влиянии на русскую культуру в переписке графа С.Д. Шереметева (1897–1917 гг.) // АЕ за 2002 год. М. С. 127–132.

- Архивист И.С. Беляев о русско-японской войне и предреволюционной эпохе // Вестник архивиста. № 2. С. 264–273.
- Ученик В.О. Ключевского в МАМЮ // Пензенский временник любителей старины: научный и научно-популярный сборник. Пенза. Вып. 13. С. 97–101.
- Публ.*: Мемуары графа С.Д. Шереметева. М.: Индрик. Т. 1. 736 с. 2-е изд., испр., с портр. гр. С.Д. Шереметева.
- Публ.*: Письмо кн. П.П. Вяземского К.П. Победоносцеву об издании романа Э. Золя “Нана” // Пензенский временник. Вып. 13. С. 102.
- Публ.*: Образ Н.П. Кондакова в переписке С.Д. Шереметева с Н.В. Султановым // Мир Кондакова. М.: Русский путь. С. 150–182. Совм. с Ю.Р. Савельевым.
- Публ.*: Переписка К.К. Романова, С.Д. Шереметева и А.А. Остен-Сакена // Мир Кондакова. М.: Русский путь. С. 188–190. Совм. с Ю.Р. Савельевым.

2005

- С.Д. Шереметев об С.Ю. Витте: (по страницам дневника) // АЕ за 2004 год. М. С. 400–409.
- Ардашев Николай Николаевич, Беляев Иван Степанович, Гоздаво-Голомбиевский Александр Александрович // Чернобаев А.А. Историки России XX века: Библиографический словарь. Саратов. Т. 1. С. 55, 100, 217–218.
- Оглоблин Николай Николаевич, Шумаков Сергей Александрович // Чернобаев А.А.

Историки России XX века. Саратов. Т. 2. С. 138–139, 558.

- Сост.*: Мемуары графа С.Д. Шереметева: Воспоминания о себе и о своей семье. М. Т. 2. 560 с. Совм. с К.А. Вах.
- Сост.*: Мемуары графа С.Д. Шереметева: Воспоминания о родственниках и друзьях. М. Т. 3. 535 с. Совм. с К.А. Вах.
- Публ.*: “Истинная свобода, где ж она?": Письма историка-архивиста И.С. Беляева графу С.Д. Шереметеву о революционных событиях в Москве в 1905 г. // ОА. № 6. С. 92–104.
- Публ.*: “Я жизнь бы отдала, чтобы предотвратить от России зло” (Письма М.С. Гудович-Шереметевой отцу) // Алексеева А.И. Звенигородская усадьба [Введенское]. М. С. 132–151.

2006

- Дневник графа С.Д. Шереметева (1894–1917 гг.) // Памяти Лукичева: Сб. статей по истории и источниковедению. М. С. 483–492.
- Публ.*: “Клин выбивается только клином”: Переписка графа С.Д. Шереметева с К.Н. Пасхаловым. 1905–1906 гг. // Вестник архивиста. 2005. № 5–6 (89–90). С. 283–295; 2006. № 1 (91). С. 226–238; № 2–3 (92–93). С. 393–402; № 4–5 (94–95). С. 314–327; № 6 (96). С. 341–348.

2007

- Развитие научно-справочного аппарата РГАДА в 1946–1960 гг. // ОА. № 1. С. 18–26.

III. ПУБЛИКАЦИИ

“ПЛАН ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РОССИИ ДЛЯ СОБИРАНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ”

1805 года

“План путешествия по России для собирания древностей” был обнаружен В.А. Бильбасовым в семейном архиве графов Мордвиновых среди бумаг адмирала Н.С. Мордвинова и опубликован вместе с другими документами этого архива¹. План датирован 1 (13) ноября 1805 г.; в тексте есть указание, что составлен он в Петербурге, однако имя автора отсутствует. Публикатор в примечании высказал предположение, что автором этого документа мог быть хранитель рукописей Депо манускриптов Публичной библиотеки Петр Петрович Дубровский². И действительно, в опубликованном тексте Плана ничто не противоречит такому предположению. Обратившись же к рукописи, которая хранится ныне в личном фонде Мордвиновых в РГИА, выясняем, что в издание оказались не включены некоторые из примечаний, сделанных на полях тем же почерком, которым написан основной текст документа. Среди них особенно важным представляется указание на то, что текст Плана был подан начальнику Депо манускриптов, каковым в 1805 г. был П.П. Дубровский: “Проект сей, как поданный начальнику оного Депо, клонился к тому, чтобы рукописями приумножить Депо. Впрочем, куда повелено будет”. Текст этого примечания свидетельствует о том, что Дубровский не мог быть автором Плана. Другие примечания, не включенные В.А. Бильбасовым в издание, указывают на обращение автора Плана к тексту своего произведения спустя несколько лет. Так, описывая предполагаемую экспедицию, автор Плана в особом примечании пишет о последующей реализации своего плана, имея в виду экспедицию К.М. Бороздина 1809 г.: “Отправленным 2-м чиновникам дано 5 тысяч рублей, полагая оные ежегодно”. В другом месте он замечает, что очерченная им внешнеполитическая ситуация в Европе относится к более раннему времени: “Т[о] е[сть] 1805 г., когда это было писано”. Из приведенных данных следует, что, во-первых, автор Плана спустя несколько лет снабдил текст отдельными примечаниями, из чего делаем вывод, что рукопись Плана является автографом его автора, и во-вторых, этим автором не мог быть П.П. Дубровский. Данные почерка подтверждают последний вывод: текст Плана написан не рукой Дубровского. Обращение к почерку

¹ Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 3. С. 588–614.

² Это предположение утвердилось в историографии: *Козлов В.П.* Кружок А.И. Мусина-Пушкина и “Слово о полку Игореве”. М., 1988. С. 79–80; *Он же.* Российская археография конца XVIII – первой половины XIX века. М., 1999. С. 69.

и некоторые соображения позволяют предположить, что автором Плана является К.М. Бороздин, который и возглавил экспедицию, представляющую собой реализацию Плана и заложившую основы полевой археографии в России³. Следует отметить, что участие в составлении Плана П.П. Дубровского весьма вероятно. Не являясь автором Плана, он, можно думать, был консультантом еще юного и неопытного в то время К.М. Бороздина⁴.

Помимо мелких ошибок и пропусков, в издании В.А. Бильбасова, как указано выше, отсутствует целый ряд авторских примечаний к тексту Плана. Это обстоятельство делает оправданным переиздание данного документа, сыгравшего немалую роль в становлении археографии в России. Настоящее издание осуществлено по рукописи (РГИА. Ф. 994 (Мордвиновы). Оп. 2. № 460. Л. 1–38) с модернизацией орфографии согласно существующим правилам издания источников этого времени.

А.В. Сиренов

³ *Сиренов А.В.* Об авторстве «Плана путешествия по России для собирания древностей» 1805 г. и историографического обзора в журнале Корифей // АЕ за 2006 год. М., 2011. С. 244–250.

⁴ *Шмидт С.О.* К юбилею П.П. Дубровского: Дипломат-коллекционер в контексте развития отечественной культуры и общественной мысли второй половины XVIII – начала XX века // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 321.

План путешествия по России для собирания древностей, представленный 1-го ноября 1805 г.

Содержание

- I. О пользе манускриптов русских
- II. О пользе вообще всех древностей, в России находящихся
- III. Изыскание древностей необходимее всего для России
- IV. Где ныне находятся русские древности?
 - A. В России
 - B. В чужих краях
- V. Каким образом собрать их?
- VI. Проект-инструкция и пр[o]ч[ее]

I*. О пользе манускриптов или древних рукописей^{1*}

Польза древних рукописей признана повсеместно. Ученые люди знают их цену, любители – их достоинство. Государи всех народов и времен полагали за тщеславие хранить у себя сии драгоценные остатки, как единственные залогов прошедшего. Не говоря о Птоломеи, Цезаре и Августе, которые основали славнейшие книгохранилища в свете, в новые времена Карл V¹ заслужил бессмертное имя собранием рукописей. Константин, Меровет², Медицис³, Людвиг XIV и многие другие ему последовали и спасли потерянные науки. Даже теперь, когда сделаны уже такие приобретения в сей части, начиная от нынешнего двора французского

^{1*}-^{1*} *Написано на поле более светлыми чернилами.*

до трона Типпо-Саиба, уважение к древним^{2*} рукописям не охладело: собрания их умножаются, искатели не перестают путешествовать, Англия делает бесчисленные издержки, посылая во все края света своих антиквариев. Джонсы⁴, Чандлеры⁵, Вуды⁶ непрестанно обогащают Британский музей. Испания, при всей своей набожности и лени, не забывает платить миссионерам своим (в Тунисе и Марокко и везде, куда только любопытство завести может) великие суммы, чтоб отыскивать новые остатки древности, и не тщетно! Она открывает нам Тита-Ливия, возвращает ученому свету потерянное перло Истории. Сие благородное любопытство к познанию древностей, своих особенно, возрастает вместе с любовью к своему Отечеству. Наконец, укоренясь, заставляет почитать память своих предков и благоговеть ко всему тому, что освящено воспоминаниями об них. Свидетели тому самые номады, которые, живучи в катающихся домах, имеют свои священные хартии*.

Наконец, щастливому царствованию Александра I-го предоставлено было украсить Россию заведением *особого хранилища манускриптов* и положить основание такому месту, которое будет вечно напоминать потомству любовь его к наукам и славу его правления⁷.

За сии всеобщие попечения государей манускрипты наградили их незаменимым благом – просветили их народ. Они разогнали темноту варварских веков; положили твердое основание классической учености, сохранили веру и деяния народов – сохранили все то, что было столь любезно для памяти людей; споспешествовали обогащению дарований, поощрению умов, заведению училищ, сему всеобщему образованию; исправили хронологию; познакомили нас с древними народами, их обычаями, любомудрием, законами, художествами; образовали вкус; наконец – родили книги; служили верными руководителями критикам, философам, литераторам, типографщикам. Такую пользу принесли рукописи вообще всем народам; но в особенности для России они сделались необходимыми и доставили с некоторого времени важные сведения, ибо до нынешнего мало еще занимались ими, необходимыми потому, что Россия, сие странное и по всем отношениям видное государство, не имеет еще истории^{**}. До времен Петра I мы не имели никакой истории кроме монастырской или, лучше сказать, писанной одними духовными особами, которые, по званию и образу жизни, не могли иметь нужных для историка способностей. Но когда нашли Кенигсбергской список Нестора⁸, когда Академия собрала несколько важнейших манускриптов наших и оные издала, тогда Бейеры⁹, Миллеры¹⁰ и другие начали от[к]рывать^{3*} свои отечественные древности, тогда вдруг явилось множество историков; в один век мы составили свою историю и побудили говорить о себе и своих писателей, и чужестранных. При столь похвальных усилиях история наша все еще остается недостаточною и останется всегда такою без помощи древних рукописей. Вся она основывается на одном списке Нестора, изданном неисправно и не сверенном с другими¹¹, которые, может быть, гораздо полнее и старше Кенигсбергскаго. Надобно отыскать их, надобно дополнить *Депю* манускриптов такими рукописями, которые составили бы всеобщий *репертуар или архив истории* нашей. Если цель сего заведения к тому клонится, чтоб доставить ученым людям способ работать с большим основанием над историсю своего Отечества, то должно снабдить его самыми драгоценными, оригинальными рукописями, какие только могут сыскаться в пределах России. Долго ли еще оставаться им в пренебрежении, в сырых и невыгодных кладовых

^{2*} Буква е дописана над строкой.

* Именно наши калмыки и пр[о]ч[ии]. (Написано более светлыми чернилами. – А.С.)

** Т[о] е[сть] хорошей истории, такой как Гиббонова, такой как прусская г[осподи]на Миллера, италиянская Гвичардини и пр[о]ч[ие]. (Написано более светлыми чернилами; здесь упомянуты «История уадака и разрушения Римской империи» английского историка Э. Гиббона и «История Италии» Франческо Гвичардини. – А.С.)

^{3*} В рукописи отрывать.

монастырских, в местах удаленных, где не знают ни важности их, ни достоинства, где они чем далее, приходят в истление и совершенную потерю? Век уже не тот, чтоб почитать книги, писанные уставом (uncial), принадлежащими одной церкви; не тот также, в котором вся ученость заключалась в монастырях и в них только находила убежище. Пора освободить древности наши от сего невольного укрывательства, к которому принудило их буйство преобладающих татар. Теперь можно найти для них приличнейшие места, нарочно для сего приготовленные и открытые любителям. Сверх того, никакой связи не имеет история с обителями, где люди, по большей части, оставя мирские суеты, посвятили жизнь свою одному уединению и Богу. Да если б и была она, то сии люди не могут теперь заниматься историею или перепискою манускриптов, как бывало в древние времена, например, времена Владимировы или Ярослав[о]вы^{4*}. Мнения переменялись, и светские писатели заняли место духовных с большим успехом; следовательно, сии писатели и вправе требовать себе таких пособий, которыми те не пользуются. Притом же хранение рукописей по разным местам задерживает успехи в истории. Обширность России, невозможность частного человека обозреть все сии места, трудность иметь доступ и случай их видеть, все заставляло до сего времени любителя древностей рус[с]ких или сидеть сложа руки, или сличать и списывать старые и всеми повторенные уже хроники.

Сии уважения заставили меня напоминать о путешествии еще с 1802 года^{*}, но по открытии Депо манускриптов мысль сия сделалась для меня столь занимательною, что я осмелился представить правительству сей план, полагая, что и многие другие любители сделают то же^{**}, и что общее стечение мнений о сем предмете тем скорее побудит привести его в действие.

Изяснив пользу, происходящую от приобретения рукописей, должно заметить, что собирание их не основывается на одном любопытстве или удовольствии тщетном. Охота к собиранию эстампов, минералов, медалей не равняется с сею. Собирание рукописей древних есть государственная необходимость образованного народа. Ни один не пренебрегал ею в просвещенные веки; собирание оных есть дело, имеющее общую пользу, для которого беспрестанно все государи посылали нарочных чиновников и не щадили издержек. Птоломей за одни творения греческих трагиков заплатил 15 талантов золота^{***} и обязался посылать несколько^{5*} кораблей хлеба афинянам. Чего же стоили^{6*} ему 52 тысячи томов? Чего стоила^{7*} Сен-Жерменская библиотека, в которой было 80 тысяч манускриптов? Приобретения сии не могут цениться деньгами.

II. О пользе вообще всех древностей или антиков

Не одни рукописи составляют богатство древностей рус[с]ких. Они служат более к словесной части, более к исправлению летописей наших, нежели к познанию обычаев и рукоделий тех народов, кои издавна обитали в пределах России и коих самые следы начинают истребляться. Для сего служат оставшиеся на земли памят-

^{4*} В рукописи Ярослававы.

^{*} В 1-й и 2-й книге Корифея, в журнале Лицей и пр[о]ч[ее]. (Речь идет об изданиях первого десятилетия XIX в. – Я.А. Галинковского «Корифей или ключ литературы» и И.И. Мартынова «Лицей». – А.С.).

^{**} В сем я и не ошибся, ибо в мае месяце 1809 г. отправлены два чиновника для сего путешествия.

^{***} То есть около 12 тысяч рублей, считая народн[ый] талант по 750 руб[лей] (см. Изьясн[ения] Еванг[елия]. Стр. 101 и пр[о]ч[ие]).

^{5*} В рукописи нисколько.

^{6*} В рукописи стояли.

^{7*} В рукописи стояла.

ники или антики, собственно так называемые. *К первому роду их*^{8*} принадлежат *могильные холмы*, старые городища, развалины, пещеры, подземелья и прибрежья рек, прежде обитаемые степи, кумиры, каменные бабы, гробовые камни, надписи, башни, стены и, наконец, готические церкви и пр[очее]. *Ко второму* – все *искусственные изделия*^{9*}: орудия военные^{10*}: шлемы, прилбицы, кольчуги, папорзи или латы, щиты (латинские, оварские), булавы, палицы, пращи, мечи, сабли, засапожники, тулы, луки, стрелы, копья, серебряные древка, стяги или знамена, и пр[o]ч[ее]; *уборы конские*^{11*}, как-то: паполумы или попоны, чеппи, уздечки и пр[o]ч[ее]. Орудия стеноломные^{12*}: стрипусы, шерешеры и пр[o]ч[ее]; *возничные*^{13*}: возы, сани; *домашние* утвори^{14*}, ларцы, чаши, блюда, ножи, запонки, застежки, или аграфы на шапках, кольца, кресты; *церковные*^{15*}: иконы, сосуды, ризы, камеи или разные дорогие камни, и прочее драгоценное узорочье. К сему надобно прибавить старинные *одежды*^{16*}: охабни, кожухи, епанчи, пояса и все прочие женские и му[ж]ские наряды. Все сии вещи, вероятно, находятся еще в России по разным местам; без сомнения, они хранятся как драгоценности. Но если бы они и целые веки пролежали в сем сохранении, то какая из того последует общественная польза? Надобно обнародовать их, показать каждому, каков был ум и дарования наших предков; возродить охладевающее внимание ко всему своему, отечественному, сколько-нибудь возвысить древность нашего народа, придать благородства его родоначанию (генеологии) и отдать больше справедливости прошедшему его просвещению.

Греки и римляне служат нам разительным примером, когда спрашивается о пользе собрания сих антиков. Без них все просвещение, вся образованность сих славных народов погибли бы безвозвратно. Антики раскрывают нам образ жизни древних, их нравы, обычаи, облачение (костюмы), утвари (мебели), знакомят нас с их вкусом, с их познаниями, обогащают воображение художников и поэтов, служат чрезвычайною подпорою театру и знанию одевать древние лица, показывают нам прекрасные образцы во всяком роде изящности и, что всего дороже, служат священными памятниками многих почитаемых лиц, которые одни только и остались залогом их бытия на земле. Каких преимуществ, каких успехов в образовании мира лишился бы род человеческий, если бы просвещенные нации не успели исторгнуть^{17*} из челюстей времени драгоценных остатков древности? Вкус, таланты, понятия о всем прекрасном, выгоды жизни, дарованные нам искус[с]твами и художеством – все погибло бы безвозвратно, и мы бы остались назад 10-ю веками. Отнимем усилия чужестранцев и представим, чтоб вся Европа была в такой беспечности, в коей мы со стороны сего изыскания до сего времени оставались – что бы вышло? Мы бы остались готами до сего времени; мы бы все столько же знали, столь же имели вкуса, как в средних варварских веках; то есть, если б надобно нам было^{18*} представить на картине или на театре *царя Приама* или *Елену*, то мы бы иначе сделать не могли, как одеть его по своему манеру в наше ру[с]ское

^{8*} На поле написано а) Местные или на самой земле оставшиеся еще памятники – здания [и прочее] (слова «здания [и прочее]» приписаны более темными чернилами, слова «и прочее» обозначены значком).

^{9*} На поле написано б) Все искусственные изделия.

^{10*} На поле написано 1. Орудия военные.

^{11*} На поле написано 2. Уборы конские.

^{12*} На поле написано 3. Орудия стеноломные.

^{13*} На поле написано 4. Снаряды возничные.

^{14*} На поле написано 5. Домашние утвари.

^{15*} На поле написано 6. Церковные утвари.

^{16*} На поле написано с) Одежда древняя.

^{17*} Написано над строкой.

^{18*} Написано над строкой.

платье – так, например, как представлены они в Троянском романе (манускрипт 8 века)? Почему бы могли мы знать, как одевались греки? Как они жили, какой имели вкус, какие науки, художества? Какой театр могли бы мы иметь, не имея понятия о древностях? Какого Приама или Елену могли бы мы показать на зрелище? Какого Эдипа, Федру и пр[о]ч[их]? От одного сего сравнения можно перейти и к прочим. Зодчество, которое сохранило древнюю величавость и красоту в своих колоннах; живопись, для которой остались нам богатые рисунки и колера; ваяние, которое одушевило мрамор и представило пленяющие округлости тела; все художества, процветающие ныне, потеряли бы свое достоинство, были бы готически грубы, низки, подлы, без вкуса, размера и красоты (elegance), достоинства, которые заимствовали они большею частию у своей учительницы – древности. Антики одушевляют художества, дают крылья воображению, огонь кисти и душу ваятельному резцу. Антики, собственно рус[с]кие, кроме частной нашей пользы, вообще ученому свету принесли бы много новых открытий. Они послужили бы вместе с рукописями к лучшему образованию северной истории, которая за нами остается в великом недостатке.

Музей древностей славянских и, следовательно, рус[с]ких составил бы великую редкость в Европе, и его только одного недостает во всех творениях славных антиквариев. Давид¹², Монфокон¹³ и пр[о]чи[е] ученые почти не умели ничего сказать, когда дело дошло до древностей славянских.

III. Изыскание древностей необходимее всего в России

Недостатки нашей истории, неполнота первоначального периода, великие промежутки, перепутанность дел, неисправность в летоисчислении, темные места, басни и невероятность – все делает необходимым изыскание древних манускриптов и антиков рус[с]ких. Нигде так не нужно оно, как у нас; нигде не оставались национальные древности так долговременно и в таком решительном забвении, нигде опять не были они столько растеряны. Почему? Ни одно политическое тело не подвергалось таким превратностям, такому раздроблению, таким сильным переделкам, как наше. Сии переходы от идолопоклонства к христианству, от княжений до царств и от царств до империи* всегда вели^{19*} за собою сильные опустошения. Россия попеременно возрождалась и умирала; непрестанные перевороты сии сделали из нее царство развалин, на которых едва в XVII-й век начало созидаться новое здание. Там нападали на нее угры, здесь половцы; с той стороны татары, с другой – литовцы и поляки; итак, перемешали народ с невежественными ордами наносных сих деспотов, так раздробили его, что едва начал он соединяться в один народ около 15-го века. В хаосе переворотов, среди мятежей внутренних и браней внешних, в толпе разнообразных нашествий иноплеменников, из которых каждая толпа была одна другой жесточе и несмысленнее – все погибло, все истреблено огнем и мечем; иное погрязло в воде, другое закопано в земле; то лежит под развалинами, а это заслонено неизвестностью. Перемена веры нанесла первый удар нашим древним памятникам. Все, что было старое, идолопоклонническое, сделалось несносным для христианства: храмы (которых никак не предполагать не можно), кумиры и, что всего достойнее сожаления, древния *деи народа*, жрецами хранимые – все уже не годилось по крещении, все казалось языческим, богопротивным, достойным анафемы. Нашествие татар поновило сии потери, и они ис-

* Этого мало; раздробление России на уделы, ошибки в наследственном распоряжении трона, внутренние войны князей и князьков, вечные бунты, крамолы и вооружения одного против другого и переход народа от одного господства к другому, от одного деспота к другому и пр[о]ч[ее] – черты нашей истории, коим нет примера.

^{19*} *Написано над строкой.*

требили остальное, сожгли киевские монастыри, владимирскую библиотеку князя Константина*, ограбили древние иконы, утвари, сосуды. Разорили Россию и, что всего хуже, смешали свое грубое наречие и свои дикие нравы с нашими и рассеяли повсюду невежество и ужас. Политика их требовала сего невежества, и они, отослав всю премудрость в монастыри, отдали духовным ключ рабства, а сами держали народ целые веки в окопах, грозя над главою его мечем и крестом. В сей эпохе, мрачнейшей всех времен, родилось суеверное раскольничество или старообрядство, которое только тем достойно терпимости, что в нем свято сохраняются наши обычаи. Между тем, когда по свержении сего ига, Россия начала образоваться, соединяться в одно тело, возрастать и мало помалу просвещаться, последовал новой перелом в начале 18 столетия. Надобно было преобразить русских – и мы преобразились! Перемена сия пошла скоро, быстро, так, что мы не успели оглянуться, как у нас исчезли наши бороды, длинные кафтаны, а вместе с ними – наши нравы, обычаи и пр[о]ч[ее], и пр[о]ч[ее]. Мы оставили свой азиатский тон и приблизились к европейскому. Сия перемена впоследствии возвысила, однако же, политическое бытие России и привела ее в новое устройство: началось другое воспитание граждан, устроилось воинство, открылась торговля, мореплавание. Во все течение 17 и 18-го века Россия была славна, непобедима. Она доказала свету, что может равняться со всеми образованными нациями. Но, имея удивительный дар подражания, русские слишком прилепились к чужестранным преимуществам. Тон века и образ мыслей увлекают непрестанно далее: не можно уже возвратиться назад, полюбить прежнюю свою простоту, надеть свои старинные кафтаны, приняться за свои прежние азиатские обычаи, за свои предковские нравы. Это общая участь народов. Греки подражали македонянам, римляне – грекам**; обычаи предков забывались, простота исчезала; и во времена Августа консулы не ходили уже за плугом и не ели чечевицы. Всему свое время. Так и у нас; было время, когда русские никому не подражали, когда предавали они проклятию и насмешкам всякую чуждую новизну. Теперь стоят они наряду с образованными народами и должны не уступать им ни в чем. При таком сильном переломе немудрено, если русские забывают своих предков, а вместе с ними и их памятники. Сии памятники погибают, и никто не жалеет о них; никому нет нужды восставить из праха и забвения какой-нибудь панцырь своего пращура или молитвенник своей родоначальницы. Сверх того, может ли частной человек отважиться на сей подвиг? Может ли иметь довольно средств, к сему предприятию необходимых? Самой доступ в те места, где древности наши сокрыты? Путевые издержки и пр[о]ч[ее]? И для того то у нас необходимее, нежели где-либо, чтобы правительство само взяло на себя сию обязанность и поручило на своем иждивении отыскивать наши древности. Я нарочно должен был бросить взгляд на историю нашу, чтоб показать, какими обстоятельствами приведены мы в такое положение, в котором не можно нам иначе быть, как мы есть. Чем далее, наши коренные обычаи, наши древности должны теряться и приходить в забвение. Между тем, некоторая нерадивость, общее небрежение о сем предмете доведут, наконец, до того, что еще чрез одно столетие не по чему будет писателю и художнику справляться. Он должен будет то же делать, что делают с нами французы. Когда надобно представить^{20*} русских, они одевают^{21*} нас либо поляками, либо татарами. Свидетели тому костюмы живописца Давида¹⁴ и пр[о]ч[их]. Свидетели тому самые театральные представления, в которых весьма редко попадаются настоящие древние наши уборы. Да и может ли декоратор знать их, при всем своем искусстве, не имея подлинника, с котораго бы он копировал?

* Подозревают, что это был умысел татар, а другие говорят, что она сгорела от случившегося пожара.

** и мы французам.

^{20*} Написано по стертому.

^{21*} Написано по стертому.

Может ли академик удачно кончить свою *программу* из Нестора, когда у него нет пред глазами ни *костюмов*, ни *орнаментов* приличных; и неужели ему с кистью в руках должно будет бежать в оружейную московскую или путешествовать по России, чтобы составить картину*? Воображение тут не замена. Впрочем, какая польза, что наши антики лежат разбросаны по разным местам обширной сей империи и привлекают одно только пустое любопытство? Вместо того, что в столице они бы приводили в удивление путешественников и заставляли работать ученого и^{22*} мастера, они лежат в заключении, как деньги у Гарпагона? Какая польза, наприм[ер], что в Соловецком монастыре находится целой арсенал старинных оружий, когда он окружен полгода неприступными льдами и когда никто из любителей не может пожить там несколько времени, ибо, кроме трудности в пути, и те, кои по обещанию для поклонения мощам препод[обного] Савватия ездят, не более суток могут оставаться в монастыре, по уставу оного? Какая польза, что мы имеем столько богатых ризниц и оружейных палат? Когда описания им не изданы, каталоги не сделаны, все это не приведено по годам в порядок, не обращено в общую пользу, то это есть только предмет роскоши и тщеславия! В государстве образованном ничто не лежит даром; из всего извлекается употребление и польза. Когда же приличнее, когда надежнее заняться можно сим изысканием наших древностей, как не в такое время, когда и сам государь любит и распространяет науки, когда начинают действительно думать о просвещении народа и доставить пособия людям ученым? Присоединение Музея древностей рус[с]ких к Депо манускриптов я почитаю тем приличнее, что все эти вещи, как принадлежащие к одному классу (т[о] е[сть] к археологии), были бы тогда вместе, и что столица всегда имеет на сие больше права, нежели прочие частные места.

Скажу короче: 1-е, нам надобно поторопиться отыскать свои древности, пока они совсем не распропали. Теперь дано уже о сем некоторое понятие, внимание на сию часть пробудилось; частные люди будут стараться захватить их в свои руки, и тогда от сих тщеславных любителей ни за какие деньги получить их не можно будет. *Второе*, без помощи древностей мы не будем никогда иметь настоящей истории. Долго ли же нам переписывать одного Нестора и Никона^{15?}

IV. Где ныне находятся русские древности?

А) В России

Несмотря на опустошения, которые время и войны сделали внутри России, есть еще священные места, хранящие наши древности. Таким образом, путешественник никогда не проедет мимо гор Киевских и берегов Днепра, не будучи поражен глубокими воспоминаниями древней истории нашей. Начиная с 5-го века, сии места были уже театром наших деяний. Наиболее берега рек должен примечать всякий изыскатель. Для того нужно осмотреть днепровские берега до самых порогов и далее, порыться, поискать пещер, пригоров и других признаков, особливо относящихся до периода идолопоклонства, потому что по древним манускриптам открывается, что на берегах Днепра были языческие храмы и жили многие народы, которых и следы теперь изгладились. Сверх того, близ порогов, при урочище *Белобережье* зимовал Святослав с своим войском, убит и погребен на сем месте. Гробницу его весьма бы было любопытно отыскать. Кроме того, сколько славных походов, сколько сражений происходило на сих достопамятных бере-

* Это было писано 1805 г. Теперь облегчена несколько сия трудность, если издание Музея русских древностей, находящихся в Москве, будет совершенно. (*Видимо, речь идет об описании Оружейной палаты «Историческое описание древнего Российского музея», первая часть которого вышла в 1807 г. – А.С.*)

^{22*} *Дописано над строкой.*

гах! Окружности Киева и самый город представляет обширное поле к изысканию. Я не говорю уже о том, что наверху лежит, что все знают, то есть о монастырях, богатых ризницах, пещерах, антиках и пр[o]ч[ее]; всего более надобно трудиться над копаньем (fouilles). Земля все поглотила и, так как общее вместилище вещей, должна хранить их в своем лоне. Примечательнейшие места: Десятинная церковь, Щекавица, Крещатик и пр[o]ч[ее].

После Киева и днепровских берегов, берега Дона и Донца, Каялы, Сулы, Трубежа, Десны, Удая, на которых Ольга, Владимир и Ярослав построили многие города, достойны великого внимания. Известно, сколько произошло при них славных сражений, сколько упало на поле оружий, затоптано в болотах людей со всем убором, сколько должно быть в земле различных вещей и даже денег! Вся южная полоса России требует глубочайшего разыскания. Надобно пройти вдоль и поперек сей край с заступом и шестом, и не оставить ни одного места без испытания, а особливо замечательного по истории. Множество их тотчас представляется, когда откроем *Нестора, песнь Игоря* и другие старинные летописи, которая всегда должны быть под рукою искателя.

Кроме помянутых городов должно обыскать все прочие и самые деревни, например такие, как Ольгино село *Будутино* близ Пскова (думаю – Выбутино); село под Черниговом, где было славное сражение Изяслава Ярославича в 1078 году, и пр[o]ч[ие] монастыри, городища, холмы и особливо могильные насыпные курганы, которых великое множество в Малороссии. Жители сами полагают, что в них находится еще много сокровищ, но не смеют копать по суеверию и по другим причинам. Предания сему вспомоществуют; вы везде услышите, что на такой-то ниве найдены старые деньги, в такой-то могиле выкопан сидячий рыцарь на коне, с золотым убором, там отыскана статуя богини и пр[o]ч[ее]. Названия урочищ немало облегчат путь искателя, ибо и до сего времени на Переяславских полях знают урочище *сражения при Алте* и стоит каплица или часовня Бориса и Глеба; знают около Лубна *Богинин Яр, Батыевы могилы* и пр[o]ч[ее]. К сему служит очевидное доказательство.

На берегах реки Ингула (в 1760-м году) найдены были прекрасные могильные вещи, которые и ныне находятся в Кунсткамере и которые относятся до глубокой древности. Миллер пишет, что они найдены между вершинами рек Большого и Малого Ингула, 7 верст к западу от Черного леса, около 30 верст от крепости св[ятой] Елисаветы, в урочище Кучеровых Буераков. Все сии места, а особливо плодородные и реками изобильные равнины, окружающие Черный лес (более 100 верст от Днепра к западу простирающийся), почитает он драгоценным театром переходящих народов, как то: готов, гуннов, болгар, аваров или оваров (по пес[не] Игоря), хозар, угров, печенегов и половцев. Здесь-то надлежало бы раскопать признаки и порыться в земле, здесь-то поискать сокрытых под спудом древностей! Припомним, что все сказанные народы делали частные набеги на ру[с]ские земли, грабили оные и брали дань с побежденных; что они имели наши деньги и дорогие вещи с самого первого перехода угров, упоминаемого Нестором. Предприятие сие покажется трудным. Как выехать на голую степь, покрытую курганами и лесом, и доказывать, что тут есть древности! Правда; но когда следы найдены, то половина работы уменьшилась. Как же мы поступили бы, если б нас послали искать развалин храма Солнцева в Пальмире или древнего Илиона в Трояде? Как бы мы отважились приняться за работу Волнея, Касса, Лешевалье, Денона¹⁶ и прочих путешественников? Почему эти люди не утомлялись и не находили невозможным ничего, что только в силах человеческих? Почему они не отчаивались найти доказательств на свои ученые *ипотезы* в земле, которую осмелились раскрыть спустя 3 т[ысячи] лет? Если можно было найти гробницы Ахилла и Патрокла, когда можно было отыскать следы древней Трои, то как не найти гробниц Рюрика, Олега, Игоря и пр[o]ч[их]? Нам только остается 4-я доля времени против чужестранных антиквариев.

Но это предложение частное. Мы будем продолжать исследование, где находятся ныне наши древности. Отрытые в Екатеринославе каменные бабы^{23*}, или^{23*} идолы, заслуживают также подробнейшее рассмотрение. Оне имеют некоторое сходство с Мекленбургскими бронзами. Чтобы не распространяться в исчислении всех достопамятных мест, кажется, можно бы взять *четыре главные дороги*, по которым могут и[д]ти изыскатели ру[с]ских древностей. Сей род *итинерера их* или путевого хода, послужит вместе к обозначению мест, где наиболее предполагаются наши антики.

*1-й царской путь**, по которому шли разные династии владетелей наших и переносили свои троны. В сей полосе заключаются: Новгород (разумеется, с губернией), Тверь, Москва (с окрестными губерниями Смоленскою, Владимирскою, Ярославскою, Нижегородскою), Калуга, Тула, Рязань, Орел, Новгородо-Северск, Курск, Чернигов, Харьков, Воронеж, Донская область, Кавказ, Таврида, Екатеринослав и Киев (здесь стоят они не по хронологическому порядку, но по карте).

Главнейшие^{24} в них пункты^{24*}:*

а) Новгород, которому нужно определить прежнее пространство, изобразить старую его план, назначить 5 концов**, снять ситуации окрестных мест, срисовать готические здания и драгоценные сосуды в ризнице, осмотреть все монастыри и рукописи, посетить скиты раскольнические, их слободы и стараться достать у них древности ру[с]ские. Покопаться на старых кладбищах, поискать могильных холмов Гостомысла и Рурика; так же в Броницах, на берегах Мсты и Волхова; в Старой Русе и других местах, по Нестору и Новгородскому летописцу¹⁷ заметных, особливо подробно осмотреть и покопать в монастыре Софийском – срисовать медные врата в оном и гробницы:

XI века – Ингерды
(супруги Ярослава)
[XI] в. – сына ее Владимира
(строителя сего монастыря и пр[о]ч[их])

Поискать развалин или признаков училища Ярославова, заведенного им в 1031 году для 300 учеников; также определить места вечей, порыться на площади, не найдется ли чего древнего; на дне Волхова приказать рыбакам и всем прибрежникам отыскивать, что попадется из^{25*} орудий и других вещей^{25*}; осмотреть монастырь Перунский, по мнению *Олеария*¹⁸, построенный на том месте, где стоял Перун; Старую Руссу, пещеры, озера и пр[о]ч[ее].

б) Москва; Патриаршая библиотека – славнейшие греческие манускрипты***, Архив иностранных дел (тут вся старая наша дипломатика), Старой печатной двор, в которой множество рукописей было отослано Ив[аном] Вас[ильевичем] Грозным для печатания книг, разных пергаментных кодексов и пр[о]ч[ее]. Ризницы Кремлевские: в Успенской – шапка Мономахова или корона, скипетр, бармы и крест, деланные в XI в[еке], а может быть и ранее; сосуды, уборы, камни и пр[о]ч[ия] драгоценности. Оружейная палата, составляющая величайший и драгоценный

^{23*-23*} *Дописано над строкой.*

* Имена сии выдуманы произвольно только для отличия одного пути от другого. Впрочем, можно бы разделить путешествие по России на полосы или иначе – в этом нет важности.

^{24*-24*} *Написано на поле.*

** С того времени преосвящен[ный] Евгений много трудился над сею частью, и план старого Новгорода издал. (*Имеется в виду книга митр. Евгения (Болховитинова) «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода», изданная в 1808 г. – А. С.*)

^{25*-25*} *Дописано над строкой.*

*** Из коих столько выписал Маттеи. (*Профессор Московского университета эллинист Христиан Фридрих Маттеи (1744–1811) описывал греческие рукописи Синодальной библиотеки. – А. С.*)

музей русских древностей, над которым должно более всего поработать*. Кремль с теремом и Грановитую палату, первая церковь Спаса на Бору, монастыри, гробницы государей, старые готические церкви, кладбища, могилы, заметные урочища и пр[о]ч[ее], и пр[о]ч[ее]. (Чтоб осмотреть Москву со всем богатством ее в древностях, отправленной миссионер должен составить общество с теми, кои уже трудятся на месте, изыскивая древности, и с ними сделать совет. Ему же прилично бы было дать и план, как описывать и рассматривать все входящие в музей древности, и пр[о]ч[ее]. Посланной путешествовать должен привести из^{26*} Москвы^{26*} богатой портфель рисунков для Депо манускриптов**).

с) Киев (по древнему правопис[анию] и наречию Кыев). – урочище Угорское, где погребен Оскольд в 9 веке; урочище *Скавика*, известное в летописях под именем горы Щековицы, где должно искать могилы Олега; старая Десятинная церковь, коей развалины протянулись по горам; в ней гробницы:

X века – св[ятой] Ольги 964 г.
 XI века – Владимира 1015 г.
 [XI века] – Изяслава Ярославича 1073 г.

Софийский собор, построенный Ярославом в 1037 г. наподобие Цареградского; в нем примечательны олтарь, одетый мусиею, или мозаиком, и гробницы:

XI в. – великаго Ярослава..... 1054 г.
 (мозаическая; по Нестору рака мраморяна)
 [XI в.] – сына его Всеволода..... 1093 г.
 XII в. – Мономахова..... 1125 г.
 [XII в.] – сына его Мстислава..... 1132 г.

Новая печерская церковь (или монастырь), заложенная Святославом II в XI веке, для которой сам он копал ров с боярами, куда брошены должны быть старинные монеты и прочие металлические изделия; в ней погребена дочь Изяслава, *Праскевия* или Аделаида, бывшая супруга несчастн[ого] цесаря римс[кого] Генриха IV, в 1109 году. Сей монастырь изобилует бесчисленными древностями; кроме того, достойны замечания *пещеры*, сделанные варягами со^{27*} времени Олега и обитаемые прежде ими, а потом схимниками. Михайловский монастырь (на Выдыбницах, где низвержен был Перун), построенный Святополком II, где и гробница его. Жена его греческая царевна *Варвара Комнена* привезла с собою мощи великомученицы (утвари и гробница, в которой они привезены, принадлежат к XI веку и, следовательно, достойны пристального обозрения и списков). Вышград, в 7 верстах от Киева, где ныне село, бывший увеселительный замок Владимира и пр[о]ч[их]. Все окрестности Киева и вся сия полоса изобилуют драгоценными остатками древностей, приближающимися к периоду идолопоклонства.

д) Владимир. Собор Рождест[ва] Богородицы, берега Клязьмы, Плавучее озеро***, куда брошены многие преступники и несчастная княгиня Боголюбская в 1176 году; в соборе примечательные гробницы:

XII в. – Андрея Юрьевича Боголюбскаго..... 1177 г.
 XIII в. – Дмитрия или Всеволода III, Юрьевича..... 1213 г.
 [XIII в.] – Константина Всеволодовича..... 1215 г.

Также примечания достойны города Муром, Суздаль и пр[о]ч[ие].

* Все сие теперь уже описывают, но сей план писан 1805 г.

^{26*}–^{26*} *Дописано над строкой.*

** Так было говорено 1805 г., как выше сказано.

^{27*} *В рукописи во.*

*** По Мальгину. (По всей видимости, имеется в виду книга Т.С. Мальгина «Зерцало российских государей», впервые изданная в 1789 г. – А.С.).

2-й побочный путь, или путь областей, в коих обитают покоренные Руссиею народы. В сей полосе заключаются: берега Белого, прежде Кронийского или Урманского, моря и Балтийские (те только, кои^{28*} прилежать к Олонецкому наместничеству); берега озер: Ладожского, Онежского и Чудского; губернии: С[анк]т-Петербургская, Олонецкая, Выборгская, Ревельская, Рижская, Курляндия, Полотск, Могилев и весь приобретенный край, так называемый польский, но бывший некогда собственный наш и занятый удельными княжениями*.

а) Старая Ладога – развалины, слыvuщие домом Рурика; старое Городище, где был замок с башнями и глубокими под оным погребамн, возобновленной посадником Павлом в 1116-м году; древняя земля финнов; изыскание отечества Рурика и братьев его Олега, Бояна и пр[o]ч[их]; Бярмы, ныне Кексгольм, куда укрылся Буривой¹⁹, если верить преданию; Пайда (может быть, от финскаго слова пайве – солнце), ныне Вейсенштейн; Ракобор, Везенберг; утесы, горы, церкви в ущелиях; одежды Ив[ана] Вас[ильевича] Грознаго; Юрьев-Дерпт, Ярославом основанный 1030 года, и другие примечательные места в Финляндии.

б) Псков, основанный великою княгинею Ольгою 965 г.; собор св. Троицы; ризница; древности, меч **Всеволода** или Гавриила Мстиславича, принадлежащий к XI веку; слова на нем и пр[o]ч[ее]; берега рек, холмы, село Выбутино, упоминаемое в 9 веке, где родился Владимир: оно называется Будутино (а может быть, и Дудутино, по песни Игоря).

с) Полотск – древнейший город в Белоруссии, славный во времена Владимира и доставшийся ему по женитьбе на Рогнеде; здесь надобно отыскивать ее гробницу, вместе с прочими^{29*} полотскими князьями. Ризницы, древности, развалины.

д) Могилев – знаменитая надгробная надпись, найденная близ города Орши (в 1792 г.), на коей высечен год 1171 и какого-то Мономахова внука имя; изъяснить обстоятельнее сию надпись, сделать слепок и рисунок**. Мстиславль, при Вехре реке, основанный князем Романом 1180 года, и пр[o]ч[ее].

3-й путь удельной или северный. В сей полосе заключаются: поморие Северного океана до Карского залива; области: Архангельская, Вологодская, Костромская, Нижегородская, Вятская, Пермская, Казанская, Симбирская, Пензенская, Тамбовская, Саратовская, Оренбургская и степь кочующих народов от Хвалынского Каспийского моря до реки Иртыша.

Главнейшие^{30*} в нем пункты^{30*}:

а) Поморие Северного океана; берега рек Северн[ой] Двины, Пинеги, Выми и Печоры; Удория, Мезень, Самоядская земля по реке Мезени и Печоре. Нумбожество. Идолы, обряды, богослужения; тадибек-кудесники по Нестору, барабан их или пензер; одежды сих кудесников и пр[o]ч[ее] (изыскания, нужные для сравнений о нашем прежнем идолопоклонстве). Соловки или Соловецкий остров и

^{28*} Дописано над строкой.

* Начиная от Малороссии вдоль по Галиции до Карпатских гор нет инаго народа кроме малороссиян или древних славяноруссов, везде самые поселяне так себя называют: не поляками или галичанами и пр[o]ч[ими], но просто рус[скими].

^{29*} В рукописи прочили.

** Такой как его прево[сходительство] А.Н. Оленин о Тмутараканском камне и которой служит образцом для других любителей древности, в изданиях новых древностей. (Имеется в виду труд А.Н. Оленина «Письмо к графу Ал. Ив. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792-м году», изданный в 1806 г. – А.С.).

^{30*–30*} Написано на поле.

монастырь: стены*, ризницы, оружейная; определение места старого Холмограда, по карте Рудбекия²⁰ положенного на Двине (может быть, Холмогоры). Пещеры варяжские, о коих академик Лепехин упоминает в IV томе своего путешествия²¹. Примечания достойные места сего края, куда ездили в древние времена на поклонение славному кумиру Юмале (Смотр[еть] северных историков шведских, датских и шотландских).

b) Устюг – монастыри, ризницы.

c) Зыряне – их богослужение и утвари; иные обращены в нашу веру в 14 веке; берега Вычегды, Выми и пр[o]ч[ее].

d) Кострома – в 1270 году столица всего великого княжения русского. Оба берега протекающей Волги. Галич – удельной город; берега Ветлуги, Унжи и пр[o]ч[ее]. Нижний Арзамас.

e) Вотьяки, или древняя Арима, вотцкая земля. Черемисы, по разным местам Казани и Уфы; богослужение в лесах, обряды. Хлынов, ныне Вятка, населенный новгородцами 1180 года, почему татары называют его и по сие время Науград.

[f)]^{31*} Чердынь – в древности главный город всей Перми. Берега Камы, Чусовой, Исети, Туры. Рифейские, Римникские или Уральские горы. С северной стороны Югорский хребет, куда Новгородская Республика посылала с разными металлами. На берегах Камы найдены уже многие древности. Народы: пермяки, зыряне, черемисы, вогуличи; их богослужение и пр[o]ч[ее].

e) Берега Волги (древний театр множества прошедших народов), текущей почти чрез всю сию полосу; удивительные местоположения сих берегов; горы, древние исторические признаки; царство Болгарское, Золотая Орда в 13-м веке, под рекою Русланою, впадающею в Волгу с левой стороны, между озерами, по правую сторону р. Самары (по карте Олеария): Волгу реку, которую Олеарий* называет прекраснейшею в свете, должно осмотреть с особливым вниманием и покопаться в разных местах. Многие исторические урочища видеть можно в описании сей реки (изданном в 4). Между прочим, Олеарий замечает одну чудную гору, называемую Девичьею, и припоминает какое-то предание, которое требовало бы подробнейшего исследования. Она лежит на повороте Волги в треугольнике близ вершины Аспулы реки и окружена водами Иссы, делится на разноцветные уступы, на кои посажены сосны в равном расстоянии; они, мешая свою зелень с цветами уступов синих, красных и желтых, делают чрезвычайное для глаз зрелище. Гора сия едва ли натуральна, говорит Олеарий. Не служит ли она каким-нибудь памятником надгробным? (стр[аница] 426**)
Долина^{32*} Яблунская; замечательные острова, напр[имер], Добрынин и пр[o]ч[ие].

h) Кроме того, реки: Хопр, Медведица, Царица, Белая, Самара, Римн или Урал, Орь, Ика, и пр[o]ч[ие] требуют прилежного обозрения; народы: мещеряки, черемисы, мордва или меря, бухарцы; древняя их торговля; монгольцы – по реке Селенге и других, в нее впадающих, поколение мунгал или татар, поработивших нас в 13 веке.

Примечание. Главнейший предмет миссионера сего пути должен в том состоять, чтоб исправить и объяснить период идолопоклонства в рос[сийской] истории, и потому наиболее надобно будет делать хорошие сличения с верою язычников, здесь обитающих; потому что они, вероятно, древние наши и божавшие от гонений из Новгорода, Киева и других мест и, натурально, чрез такое множество лет, смешавшиеся с коренными жителями. Для сего примечать их обряды, срисовать идолов, собрать настоящих, где можно. Сей путь есть один из важнейших.

* Которые хотя и в XV веке складены, точно такой же работы, как первые древнейшие здания, найденные в Америке, в Перу и пр[o]ч[ее], т[o] е[сть] кучи складен[ных] камней без обески и смазки. Храм Архангельской и пр[o]ч[ее].

^{31*} В рукописи пропущено.

* Стр[аница] 425 и пр[o]ч[ие].

** Почему называется Девичьею? Нет ли об ней какого местного предания?

^{32*} Перед этим словом в рукописи стоит знак (*).

4-й сибирской путь, или азиатской, остальной от 3-х первых; в нем заключается вся Сибирь, начиная от берегов Оби и Иртыша, разделяющих надвое Россию, до крайних берегов Восточного океана.

В^{33*} нем главнейшие пункты^{33*} (показаны в Истории Фишера, Миллера²² и пр[о]ч[их]):

Наиболее примечательны берега Иртыша, Оби* и Енисея. Кумиры богов, золотые вещи, монастырь в Тобольске** и пр[о]ч[ее]. Здесь не можно описать вкратце всех мест, в которых точно есть и должны быть антики наши; довольно и сего будет для общей основы. Все сии места должны быть пространнее обозначены в путевой записке каждого изыскателя.

В. В чужих краях.

В иностранных землях древние наши славянск[е] манускрипты находятся во многих старинных университетах и загородных дворах; например, в Эскуриале, в Национальной библиотеке в Париже, в Вене, Флоренции, Венеции, в библиотеке св. Марка и Ватиканской; в Дании Упсальской; в Швеции, в Галле, в Померании, в Мекленбурге, в Берлине и пр[о]ч[ее]. Для обозрения рукописей русских в чужих краях можно придерживаться отчасти путешествия богемца *Добровского*, который путешествовал для собрания рукописей богемских и открыл множество любопытных славянских (книга его издана 1896 года в Праге)²³. Кроме того, древности рус[с]кие, как-то: кумиры, или *симулакры* богов, жертвенные орудия и пр[о]ч[ее], находятся в Померании, в Прилбице, в Лаузице и других местах. Наиболее искать их должно в Богемии, Моравии, Галлиции, Сербии, Венгрии и далее до самой Венеции, везде где только жили одноплеменные с нами народы; даже в Византии и в греческих монастырях, рассеянных в Архипелаге, и древней Палестине, уповательно, можно бы еще отыскать несколько наших манускриптов. Миссионеры, отправляемые в чужие края, должны иметь особую инструкцию и письма к нашим министрам, которые употребят все средства достать у иностранных наши антики.

* * *

Древние русские антики и рукописи отыскать можно путешествиями.

V. Каким образом собрать их, чтоб составить всеобщий Музей древностей рус[с]ких

- 1-е. внутренним по всей России, где показаны признаки и
2. внешним в чужих краях.

Прозект

1.

Со времени учреждения особенного хранилища древних русских рукописей государственная польза требует, чтоб все прочие манускрипты, в пределах России^{34*} находящиеся, собраны были в одно место для составления исправнейшей отечественной Истории.

2.

Любовь к древностям своего народа, к памятникам их прошедшего величия и славы побуждает исхитить оные из забвения и лоно земли по примеру прочих

^{33*-33*} *Написано на поле.*

* Здесь стоял известной наш кумир Золотая Баба.

** Куда епископы наши завезли многие рукописи.

^{34*} *Исправлено из Российских.*

образованных государств, и собранием сим объяснить нравы, обычаи и всю промышленность (industrie) наших предков.

3.

Для изыскания сих драгоценных остатков^{35*}, от времени и небрежения истребляющихся, назначается путешествие по России и чужим краям на казенный щот.

4.

Оно вверяется людям ученым, знающим хорошо историю своего Отечества, имеющим дар приятно писать, сведущим в языках^{36*} и словесности, и публики известным по своим сочинениям*.

5.

Число их простирается от 2-х до 4-х человек; им дается приличное сему ученому подвигу название миссионера или собирателя древностей русских, государственного антиквария и пр[o]ч[ее].

6.

Миссионеры отправляются по полосам или трактам России, прежде сего назначенным. Они имеют центром своей работы губернской город и получают казенную квартиру, свечи, дрова и пр[o]ч[ее].

7.

Им дается инструкция, показывающая полное их делопроизводство, и, кроме того, открытые повеления: 1-е почтовым местам – нигде не задерживать их по дорогам; 2-е местному начальству – вспомоществовать всеми силами их изысканиям доброю волею, без всякой остановки.

8.

Миссионеры обязаны присылать каждой месяц уведомления к своему начальству в виде писем, из коих делается выписка для доклада министру.

9.

Путешествие каждого миссионера оканчивается в год (буди нужда не потребует далее оставаться на месте). В течение сего времени сочиняют они свой *итинерер* или *путевую записку*, с подробным описанием своего путешествия и открытий.

10.

Примерный штат миссионеров:

Миссионеров 4 по 2 т[ысячи] руб[лей] 8 тыс[яч]**
При них 4 рисовальщика из академических или вол[ь]нонаемных, каждому по 500 руб[лей] 2
По 2 писаря, каждому, из коих один каллиграф, двум тысяча рублей.... 4

^{35*} В рукописи остатках.

^{36*} В рукописи языкам.

* Предположение сие к общей радости почитателей своих древностей ныне исполняется по высочайшему повелению, по коему назначены уже для путешествия два чиновника (1809).

** Жалование положено в сходство с прочими пансионерами, посылающимися для наук в чужие края, из них и теперь некоторые получают по 350 гиней из Кабинета. (На боковом поле следующей страницы приписано более темными чернилами Отправленным 2-м чиновникам дано 5 тысяч рублей, полагая оные ежегодно).

На экстренные расходы, содержание канцелярии, укладки ящиков, путевые издержки по маршруту, сколько следует за прогоны.....8 (каждому миссионеру по 2 тыс[ячи])

Итого.....22 т[ысяч] р[ублей]

II

Миссионер, осмотрев всю губернию, все монастыри, библиотеки, ризницы, берега рек и пр[o]ч[ее], найденные им вещи миссионер укладывает в ящики, употребляя для сего писарей и (ежели нужно) штатную команду, дает квитанцию в получении забранных вещей местному начальству, а^{37*} сам отправляет оные при своем рапорте и реестре начальнику^{37*} Депо манустриптов*. Сии посылки повторяет он (если случатся) из каждого губернского города.

Примечание. Прочие подробности сего путешествия и нужные к оному дополнения могут быть сделаны удобнее в то время, когда одобрится самое намерение.

Прозект инструкции

1

Инструкция должна быть сочинена начальником сего путешествия и содержать следующие главные статьи:

2

Ехать миссионеру по данному ему маршруту, осматривая именно только ту полосу, которая ему назначена.

3

Прибыв в губернс[кой] город, из которого, как из центра, начинать должен он свои частные поездки по губернии, явиться к губернатору, представить имянное повеление и пр[o]ч[ее].

4

Потом объявить чрез подписку (нарочно для сего приготовленную) жителям о намерении правительства отыскивать древности и пригласить желающих вспомоществовать скорейшему их открытию, в которой обещать приличные награды крестьянам (как первым знакомцам земли), а дворянам самое благоволение государя.

5

Немедля посетить духовное начальство, которому вручив сообщение губернатора о монаршей воли, тотчас испросить реестры монастырей и библиотек, в ведомстве их находящихся, также реестры вещам, в ризницах, оружейных, кладовых и других местах хранящихся.

Примечание[е]. Здесь следует важной вопрос: отбирать ли оригинальные рукописи или только брать сколки (fac simile) и срисовать в них заглавные листы,

^{37*–37*} Написано на нижнем поле со знаком вставки, над строкой стерто несколько слов.

* Прозект сей, как поданный начальнику оного Депо, клонился к тому, чтобы рукописями приумножить Депо. Впрочем, куда повелено будет.

арабески, флероны, буквы и все, что примечания достойно (но срисовать оные^{38*} подражательно, точно как есть в натуре), не одни буквы, но самой цвет и пятна пергамина или бумаги*, и точные колера красок? Если отбирать, то чтоб не последовало общего роптания или чтоб, совокупя вместе такое количество манускриптов, не лишиться их каким-нибудь несчастным случаем, чему примером служить могут Цезарейская и Сен-Жерменская библиотеки. Многие думают, что лучше взять самые верные и раскрашенные сколки, также меру, формат манускрипта, число листов и прочия подробности. При сем случае можно бы порекомендовать духовным особам для лучшей бережи сделать на них футляры из доходов монастырских и оставить их на месте. Таким образом поступить должно и с дорогими вещами, из коих требуются более рисунки, нежели самая вещи, ибо нам нужно их историческое, а не вещественное достоинство; выключая воинские уборы, которые не имеют своей внутренней цены^{39*}. Впрочем, предположения сии остаются на воли правительства, которому лучше известны свои выгоды, нежели частному лицу.

6

Дело миссионера – все осматривать, а особливо в монастырях. Манускрипты, взятые в кабинет епископов, сочиняющих по ним, должны быть с позволения их пересмотрены; сколки с них сняты и описания сделаны. Также ризницы, кладовыя, погреба; ничто не должно остаться без примечания. Наиболее пещеры, могильные холмы, готические здания, надгробные надписи, божницы, врата, образа, сосуды, одежды, мебели – все должно быть как можно вернее скопировано, раскрашено и правильным рисунком очерчено. Манускрипты должны быть перенумерованы и по листам перемечены. Опись или реестр об них за подписом миссионера, останется в монастыре, а, наоборот, миссионер возмет с собою другой – за подписанием монастырского начальства.

7

Рисовальщик должен беспрестанно заниматься сею частью, и где не достанет одних его рук, миссионер заимствует из семинаристов или других казенных учеников, какие где случатся рисовальщики**; то же разумеется и о писцах.

8

Миссионер имеет полную над ними обеими власть, и они состоят в одном его распоряжении. Он сменяет их за неисправность и замещает другими, только бы не было в деле остановки; в случае важной шалости их относится к губернатору, которой назначает им приличное наказание. Однако ж они при смене доставляются до своего места на казенной щет.

9

Миссионер должен быть чрезвычайно сведущ в древностях, научен признакам антиков и ознакомлен с распознаением рукописей. Для сего дается ему особенная инструкция, как узнавать рукописи, как находить их, чтоб не припрятали, а особливо в скитах раскольничих, как определять время и достоинство их, и пр[o]-ч[ee], и пр[o]ч[ee], и пр[o]ч[ee]. Сии сведения, касающиеся до археологии, препо-

^{38*} *Дописано над строкой.*

* Многие диссертации, изданные на французс[ком] яз[ыке] о древностях с рисунками, гравированными и раскрашенными, послужат тому примером.

^{39*} *Далее в строке несколько слов зачеркнуты и не читаются.*

** Напр[имер], архитекторов губерньских, уездных учителей и пр[o]ч[их].

даст ему начальник сей миссии или^{40*} профессор археологии. Он также экзаминирует и отправляемых миссионеров.

10

По окончании месячной работы в губернии миссионер сочиняет свою путевую записку и отправляет найденное на почту, а сам путешествует далее. Вещи на почту принимаются как обыкновенно казенные.

11

Внутри губернии миссионер употребляет обывательских лошадей; для его свиты дается^{41*} придворная коляска, а сам он должен снабдить себя собствен[ным]^{42*} экипажем, но подчинка оного должна быть казенная, из суммы на расходы ему вверенной.

12

Миссионер должен быть зауряд 7 класса, носить мундир ученой, академической.

Примечание. Поелику сию инструкцию* должен писать сведущий антикварий, то здесь и предложены только первые основания; да и весь план содержит одни начальные черты сего предприятия. Что касается до путешествия по чужим краям^{43*}, то оно основывается на таких же правилах, только миссионер адресуется к нашим посланникам, консулам и другим дипломатическим лицам, при иностранных дворах находящимся. Но сие путешествие по теперешним военным беспокойствам вряд ли произвести можно с пользою. Однако ж северные края, как то Данию, Швецию и Норвегию, а особливо Померанские берега, теперь** под прикрытием рус[с]ких войск находящиеся, осмотреть бы весьма прилично и необходимо было. Стоило бы послать артиквариюв (да и на месте оне сыщутся) под защиту командующих там генералов***.

Примечание. Проект повестки и указа оставляются до приведения в действие сего плана.

Примечания

¹ Карл V Габсбург (1500–1558) – король Испании, император Священной Римской империи.

² Меровой (или Меровиг) – легендарный основатель династии Меровингов, правил в 447–458 гг.

³ Медичи Лоренцо (1449–1492) – глава Флорентийской республики.

⁴ По всей видимости, имеется в виду Джонс Уильям (Jones William) (1746–1794) – английский востоковед-индолог.

⁵ Чандлер Ричард (Chandler Richard) (1738 – 1810) – английский антиковед, археолог.

⁶ Вуд Роберт (Wood Robert) (1717 – 1771) – английский путешественник, антиковед.

⁷ Имеется в виду основанное в 1804 г. Депо манускриптов Императорской Публичной библиотеки.

⁸ Имеется в виду Радзивилловская летопись, обнаруженная в начале XVIII в. в городском архиве Кёнигсберга и привезенная в Петербург в 1758 г. в качестве трофея Семилетней войны.

^{40*} *Приписано над строкой.*

^{41*} *Приписано над строкой*

^{42*} *Далее зачеркнуто слово* своим.

* В ней некоторые статьи относятся к проекту.

^{43*} *Приписано над строкой.*

** Т[о] е[сть] 1805 г., когда это было писано.

*** Ноябрь 13-го числа 1805 в С[анкт]-П[етер]бурге.

- ⁹ Байер Теофил (Готлиб) Зигфрид (1694–1738) – историк-востоковед, академик Петербургской Академии наук.
- ¹⁰ Миллер Герард Фридрих (1705–1783) – историк, археограф, академик Петербургской Академии наук.
- ¹¹ Имеется в виду первое издание Радзивилловской летописи 1767 г.
- ¹² Видимо, имеется в виду прусский хронист XVI в. Лука Давид.
- ¹³ Монфокон Бернар де (Montfaucon Bernard de) (1655–1741) – французский византист, палеограф.
- ¹⁴ Давид Жак Луи (David Jacques-Louis) (1748–1825) – французский художник.
- ¹⁵ Имеются в виду издания Радзивилловской (1767 г.) и Никоновской (1767–1792 гг.) летописей.
- ¹⁶ Вольней Константин Франсуа (Volney Constantin François) (1757–1820) – французский востоковед, философ; Лешевалье Жан-Батист (Lechevalier Jean-Baptiste) (1752–1836) – французский путешественник и археолог; Денон Доминик Виван (Denon Dominique Vivant) (1747–1825) – французский египтолог, основатель и первый директор Луврского музея.
- ¹⁷ Имеется в виду издание Синодального списка Новгородской I летописи старшего извода (1781 г.).
- ¹⁸ Олеарий Адам (Olearius Adam) (1599–1671) – немецкий дипломат, автор записок о путешествии в Россию, первое издание которых вышло в 1647 г. Во втором издании 1656 г. текст записок существенно переработан автором. В таком виде он переиздавался позднее и, по всей видимости, этот текст имеется в виде в данном случае.
- ¹⁹ Буриной – легендарный славянский князь, отец князя Гостомысла, известный только по Иоакимовской летописи, согласно которой был разбит варягами и бежал в город Бярмы.
- ²⁰ Рудбек Олаф (1660–1740) – шведский естествоиспытатель.
- ²¹ Лепехин Иван Иванович (1740–1802) – ботаник, путешественник, академик Петербургской Академии наук; в 1768–1772 гг. совершил путешествие по России с научными целями, описание которого было впоследствии издано.
- ²² Имеются в виду исследования по истории Сибири Иоганна Эбергарда Фишера (издано на немецком языке в 1768 г., на русском – в 1774 г.) и Герарда Фридриха Миллера (издано в 1750 г.).
- ²³ Чешский славист Йозеф Добровский в 1792 г. по заданию пражского Королевского общества науки предпринял поездку в Швецию и Россию для выявления славянских рукописей, увезенных из Праги шведами во время Тридцатилетней войны. По результатам этой поездки в 1796 г. была издана упоминаемая здесь книга.

НЕИЗДАННАЯ РАБОТА А.М. ФОКИНА 1943 г. “КЛЮЧЕВСКИЙ И ПЛАТОНОВ”

Историк, геолог и писатель Анатолий Михайлович Фокин (1892–1979) родился 10 (22) февраля в Киеве, в семье потомственного дворянина, врача М.Д. Фокина¹. Предки А.М. Фокина отличились на военном поприще. Его прадед – Василий Федорович Фокин – служил адъютантом у А.В. Суворова, дед – Дмитрий Васильевич (1820–1892) был участником обороны Севастополя². Мать А.М. Фокина – М.В. Фокина³. Впоследствии семья Фокиных перебралась в Москву, где А.М. Фокин поступил в только что

¹ Фокин Михаил Дмитриевич (1860–1936) – врач-дерматолог, сотрудник Московского областного клинического института (МОКИ-Медвуз).

² АРАН. Ф. 1604 (Н.М. Дружинин). Оп. 4. Д. 817. Л. 117.

³ Фокина (урожд. Огданович) Мария Викторовна (1865–1923) – жена М.Д. Фокина (с 1891 г.), мать А.М. Фокина.

открывшуюся в 1901 г. Медведниковскую частную гимназию⁴, возглавлявшуюся В.П. Недачиным⁵. Среди преподавателей гимназии был М.К. Любавский, которому А.М. Фокин, по его признанию, был “многим обязан”⁶. Из учеников гимназии А.М. Фокину запомнился А.А. Сидоров⁷.

В раннем детстве А.М. Фокина к семье его отца, которого он характеризовал как человека эволюционировавшего от увлечения народничеством до правых взглядов, был “особенно близок” К.М. Станюкович⁸, посвятивший А.М. Фокину свое произведение – “Похождения одного матроса”⁹. В 1910–1912 гг. А.М. Фокин был близок к семье Тургеневых. На Анне Алексеевне (Асе) Тургеневой¹⁰ был женат Андрей Белый¹¹, с которым Фокин виделся “чуть ли не каждый день” и слушал чтение “свеженаписанных глав” романа “Петербург” в “домашнем кругу”¹².

Окончив гимназию с золотой медалью в 1910 г. А.М. Фокин в том же году поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который закончил в 1915 г. Темой его выпускного (кандидатского) сочинения стала: “Очерк внутренних и внешних сношений Угличской провинциальной канцелярии (20-е годы XVIII в.)”. По ходатайству М.М. Богословского и М.К. Любавского А.М. Фокин был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. Тему своей будущей магистерской диссертации, трактуя ее довольно оригинально, он определил так: “Генеральное межевание в Смоленской губернии”¹³. Свой замысел он пояснял следующим образом: “Мне хотелось изобразить феодально-анархический передел земли, когда сильные сшивали лоскутные латифундии (каждая пустошь – исчезнувший владелец!), а слабые тоннули в народном море. Крепостное право мне мыслилось не голым насилием и обезличением крестьян, а совместным трудом, причем в собирании лоскутных латифундий собиратели имели в своих крепостных адвокатах иногда идейных помощников. Любуясь красками среднерусских лужаек на расписанных цветами фарфоровых вазах раннего Попова¹⁴, я с негодованием отвергал мысль, что художник работал из-под палки”¹⁵. Среда, в которой прошло детство А.М. Фокина, определила и его научные интересы: “Рос я в атмосфере семейных рассказов о прадедах и прапрадедах, вследствие чего генеалогическая роспись служила мне лестницей, по которой я спускался в загадочно манящий XVIII век”¹⁶. Любимым историческим

⁴ Точное название: “Московская гимназия имени И. и А. Медведниковых”.

⁵ Недачин Василий Павлович (1863–1936) – филолог, директор Московской гимназии имени И. и А. Медведниковых (1901–1918), Русской гимназии в Париже (1920–1931).

⁶ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 247 об.

⁷ Там же. Л. 63 об. Сидоров Алексей Алексеевич (1891–1978) – историк искусства, чл.-корр. АН (с 1946 г.).

⁸ Станюкович Константин Михайлович (1843–1903) – писатель.

⁹ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 74.

¹⁰ Тургенева Анна Алексеевна (1890–1966) – художница, антропософка.

¹¹ Белый Андрей (псевдоним Бориса Николаевича Бугаева) (1880–1934) – писатель.

¹² АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 44, 74 об., 104.

¹³ Там же. Л. 11 об.

¹⁴ Попов Алексей Гаврилович (1770–?) – московский купец 2-й гильдии, владелец фарфорового завода в д. Горбуново Дмитровского у. Московской губ. (с 1811 г.).

¹⁵ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 11 об.

¹⁶ Там же. Л. 203.

временем для А.М. Фокина на всю жизнь остался период от воцарения императрицы Елизаветы Петровны до восстания декабристов¹⁷. Генеалогическая проблематика приковывала внимание Фокина и к более позднему периоду русской истории: “В XIX веке меня интересовала проблема молодого дворянства. Просматривая послужные списки и дела в депутатском собрании, я убедился, что основным источником пополнения была выслуга даточных рекрутов. Войны Румянцева и Суворова дали выслугу, жадно поглощенную крепостной деревней в десятилетие генерального межевания. Выслугу наполеоновских войн деревня впитать не могла, и эти солдатские обер и штаб-офицерские сыновья сделали основой николаевской бюрократии, которой бы без них не было. Отсюда вывод, что освобождение крестьян в административном отношении было неосуществимо ранее 20-х годов прошлого столетия, как и Киселевская реформа не получила бы окружных начальников”¹⁸.

С 1909 по 1923 г. А.М. Фокин записывал устные предания “начав с анекдотов и перейдя к широкому бытописанию”, записав 3,5 тысячи рассказов четырехсот рассказчиков, собрав их в восемь толстых томов, названных М.С. Цявловским¹⁹ “ценной хроникой пяти поколений”²⁰. Свой труд А.М. Фокин озаглавил “Заметки и материалы по изучению быта старого времени (и по семейным преданиям)”²¹. Познания в профессии историка А.М. Фокин расширял, состоя в 1912/13 учебном году слушателем археографического отделения Археологического института.

В 1916 г. А.М. Фокин становится членом Исторического общества при Московском университете, на заседаниях которого прочитал два реферата: “Церковные архивы, как материал для социально-бытовых реконструкций смоленской деревни в последнее пятидесятилетие крепостного права” (18 октября 1917 г.) и “Корочанский предводитель в 40-х годах” (16 (29) мая 1918 г.)²².

Свою реакцию на последующие события в стране он описывал так:

“Революция меня оттолкнула еще в феврале, отбросив в оппозицию, где меня шокировали единомышленники. Пришлось одному искать дорогу”²³. Об эволюции своих политических взглядов он писал: “Вспоминаю, как [19]17 год сделал меня из умеренного русского либерала азартным тори, следы чего сохранились и в чертах характера и в уме”²⁴. А.М. Фокин характеризовал себя как консервативного либерала²⁵.

19 декабря 1918 г. он поступает на службу в Главное управление архивным делом (ГУАД) на должность инспектора²⁶.

¹⁷ Там же. Л. 39.

¹⁸ Там же. Л. 11 об.

¹⁹ Цявловский Мстислав Александрович (1883–1947) – литературовед.

²⁰ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 218 об.

²¹ Подробнее см.: *Наумов О.Н.* А.М. Фокин – историк смоленского дворянства // ВА, 2000. № 1 (55). С. 119–129.

²² ГА РФ. Ф. Р-5325 (Главное архивное управление при Совете Министров СССР). Оп. 12. Д. 2050. Л. 2.

²³ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 203.

²⁴ Там же. Л. 209.

²⁵ Там же. Л. 71 об. В другом письме Н.М. Дружинину он писал, что в молодости был “умеренным консерватором”. (АРАН. Ф. 1604. Оп. 2. Д. 100. Л. 55).

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 2050. Л. 1.

С 25 января 1919 г. А.М. Фокин заведовал созданным при ГУАД Хранилищем частных архивов (Хранчасар)²⁷. В одном из писем Н.М. Дружинину он вспоминал об этом периоде своей жизни: “В 1919 г., состоя на службе архивного управления, я организовал привоз в Москву гомельского архива Паскевичей, преобладающая часть его, в отличном порядке, относилась к владению Гомелем Потоцкими. Как я слышал, этот архив был передан Польше. Не познакомились ли Вы с ним, когда занимались Киселевым?²⁸ При мне ящики выгружались в доме на Никитском бульваре, где умер Гоголь”²⁹.

С 1 июня 1920 г. А.М. Фокин был уволен из архивного ведомства в связи с переходом на службу в Отдел сельскохозяйственных мероприятий Главного лесного комитета³⁰.

При Московском университете А.Ф. Фокин состоял до 1 августа 1920 г.³¹ За это время в его судьбе произошло важное событие. 8 января 1920 г. он венчался в церкви Успения на Остоженке с дочерью М.М. Любощинского³² – землевладельца села Никольского Козловского уезда Тамбовской губернии М.М. Любощинской³³. Она приходилась племянницей В.И. Вернадскому, с которым А.М. Фокин, таким образом, породнился. Первая встреча А.М. Фокина с В.И. Вернадским произошла еще задолго до этого, в 1910 г. у Д.Д. Бекарюкова³⁴ – тестя Ф.Ф. Ольденбурга³⁵. В отношениях со своим родственником А.М. Фокин ощущал определенную дистанцию, которую объяснял Н.М. Дружинину таким образом: “Личное мое знакомство с Владимиром Ивановичем было семейным, я стеснялся высказываться перед ним, еще не найдя себя и слишком будучи по этой причине поглощенным собой. Более интимные отношения связывали меня с Дмитрием Ивановичем Шаховским, иногда бравшим на себя роль посредника между Владимиром Ивановичем и мной”³⁶. Лишь с годами пришло осознание, что общение с великим ученым дало А.М. Фокину “очень многое, даже, как показало время, гораздо больше, чем думалось”³⁷. Весьма близкое знакомство с В.И. Вернадским делает свидетельства А.М. Фокина о нем ценным источником. В одном из писем к Н.М. Дружинину А.М. Фокин писал: “Хочу только разъяснить некоторые неточности. В.И. Вернадский не уехал в 1920 году из Крыма, потому что ему претила стадная паника

²⁷ Подробнее см.: *Быкова Л.А.* Хранилище частных архивов в Москве (Хранчасар), 1919 г. // А.Е. за 1993 год. М., 1995. С. 289–308.

²⁸ Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872) – граф, государственный деятель, министр государственных имуществ (1837–1856).

²⁹ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 197–197 об. Письмо от 26 апреля 1973 г.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 2050. Л. 27.

³¹ ЦИАМ. Ф. 418 (Московский университет). Оп. 93. Д. 457. Л. 53.

³² Любощинский Марк Маркович (старший) (1865–1953) – юрист, земский деятель, в эмиграции в Чехословакии (с 1931 г.).

³³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 93. Д. 457. Л. 53. Л. 9. Любощинская (в замужестве Фокина) Мария Марковна (1894–1988) – племянница В.И. Вернадского.

³⁴ Бекарюков Дмитрий Дмитриевич (1861–1934) – деятель школьной гигиены.

³⁵ Ольденбург Федор Федорович (1862–1914) – педагог. (См.: *Фокин А.М.* Некоторые черты характера и научного облика В.И. Вернадского // *Очерки по истории геологических знаний.* М., 1963. Вып. 11. С. 7).

³⁶ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 149.

³⁷ *Фокин А.М.* Указ. соч. Л. 8.

эвакуации, а Георгий Владимирович³⁸ не мог не уехать, ведь он входил в состав правящей группы у Врангеля³⁹, возглавляя ОСВАГ⁴⁰. Никаких шансов не стать жертвой террора у него не было. Сейчас деликатно замалчивают крымский массакр⁴¹, но когда-нибудь историки займутся его освещением. Различия во взглядах между отцом и сыном были всегда, но не сказывались на взаимном уважении, с годами (последний раз В[ладимира] И[вановича] выпустили за границу, если не ошибаюсь, в 1937 году) они сглаживались⁴². Касаясь тех же событий он сообщал в другом письме: “На Вернадских удручающее впечатление произвел именно тот факт, на который я указываю, в частности гибель сына А.И. Яроцкого⁴³, одного из старых друзей”⁴⁴. Опубликованные воспоминания А.М. Фокина о В.И. Вернадском и по сей день принадлежат к лучшему, из того, что написано о нем⁴⁵.

В связи с упразднением Хранчасара А.М. Фокин покидает архивную службу. В октябре 1924 г. он был арестован ГПУ⁴⁶, содержался в Бутырской тюрьме и освобожден 15 января 1926 г. по ходатайству Д.Б. Рязанова⁴⁷. В том же 1926 г. А.М. Фокин выступил с докладом в РАНИОН по теме своей многолетней научной работы (о записи устных преданий крепостной деревни). Доклад вызвал резкую критику со стороны С.В. Бахрушина⁴⁸, назвавшего труд А.М. Фокина “коллекцией нервов”. Такую реакцию А.М. Фокин связывал с тем, что его с С.В. Бахрушиным разделял “острый социальный антагонизм”⁴⁹. Не столько критика со стороны авторитетного ученого, сколько сам ход событий заставил А.М. Фокина отойти от занятий историческими исследованиями.

В послереволюционное время А.М. Фокин “особенно близко сошелся”⁵⁰ с Д.И. Шаховским⁵¹ и С.Л. Толстым⁵², смоленским земцем П.А. Келлером⁵³. Впоследствии он признавался Н.М. Дружинину: “Заветным желанием моим было написать биографию Д.И. Шаховского, но оторванность от Москвы лишила такой возможности. С Дмитрием Ивановичем я не схо-

³⁸ Вернадский Георгий Владимирович (1888–1973) – историк, профессор Йельского университета (1946–1956).

³⁹ Врангель Петр Николаевич (1878–1928) – барон, генерал-лейтенант, главнокомандующий Русской армии (с 1920 г.), организатор и председатель “Русского общевоинского союза” (с 1924 г.).

⁴⁰ ОСВАГ – Осведомительное агентство, с 1919 г. – Отдел пропаганды при правительстве Вооруженных сил Юга России, пропагандистский орган, существовавший в 1918–1920 гг.

⁴¹ Бойня (*франц.*)

⁴² АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 251. Письмо от 8 января 1975 г.

⁴³ Яроцкий Александр Иванович (1866–1944) – врач, профессор Юрьевского университета.

⁴⁴ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 133–134. Письмо от 30 ноября 1969 г.

⁴⁵ Фокин А.М. Указ. соч. С. 7–20.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 2050. Л. 28.

⁴⁷ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 122. Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870–1938) – историк, управляющий Главным управлением архивным делом (1918–1931), директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса (1921–1931), академик АН (с 1929 г.).

⁴⁸ Бахрушин Сергей Владимирович (1882–1950) – историк, чл.-корр. АН (с 1939 г.).

⁴⁹ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 218 об.

⁵⁰ Там же. Л. 74 об.

⁵¹ Шаховской Дмитрий Иванович (1861–1939) – князь, один из организаторов партии кадетов, министр государственного призрения (1917).

⁵² Толстой Сергей Львович (1863–1947) – композитор, профессор Московской консерватории (1926–1930).

⁵³ Келлер Петр Альфредович (1868–?) – общественный деятель.

дился во взглядах, как и с Вами, но соединяло нас то, что мы не сомневались в честности друг друга”⁵⁴. О Д.И. Шаховском А.М. Фокин писал Н.М. Дружинину, что “преждевременный уход его из жизни, на которую он не уставал откликаться, тяжело и больно меня поразил”⁵⁵. Кроме Д.И. Шаховского, он был “душевно близок”⁵⁶ и с Н.В. Голицыным⁵⁷. Оба знакомых А.М. Фокина, как известно, подверглись репрессиям, не избежал и он участи многих представителей дореволюционной интеллигенции. С 1930 г. он находился в ссылке на севере (Архангельск, Онега, Печора, Кольский полуостров, Карелия)⁵⁸. Своим духовным “руководителем” Фокин считал архиепископа Луку, В.Ф. Войно-Ясенецкого⁵⁹, с которым познакомился в августе 1931 г. в Архангельске. Впоследствии А.М. Фокин состоял с ним в переписке⁶⁰. О возвращении А.М. Фокина из ссылки есть упоминание в письме В.И. Вернадского к жене от 16 июня 1933 г. Сообщая об этом событии, В.И. Вернадский с уважением писал о А.М. Фокине: “Он молодцом выходит из трудностей жизни”⁶¹.

С 1935 г. А.М. Фокин обосновался на Кавказе, и находился там с 1941 г. почти безвыездно, “лишь с кратковременными вылазками”⁶². С В.И. Вернадским он виделся в последний раз в мае 1941 г. перед отъездом на геологические работы в Заилийский Алатау⁶³.

В Тбилиси, где поселился А.М. Фокин, жил и известный историк, ученик С.Ф. Платонова – М.А. Полиевктов⁶⁴, однако А.М. Фокин с ним не встречался⁶⁵, М.А. Полиевктов к тому времени был тяжело болен и вскоре умер.

В период своей жизни в Тбилиси А.М. Фокин продолжал интересоваться исторической литературой. 30 апреля 1964 г. он писал Н.М. Дружинину: “При очередном посещении здешнего букиниста увидел “Вотчинника XVII века” А.А. Новосельского⁶⁶ и с радостью его купил. Упивался цитатами из древних актов, языком XVII века, воскресившим во мне историка. Сама трактовка темы автором мне показалась малооригинальной. По этому поводу мне вспомнилось предупреждение нашего общего учителя М.М. Богословского против изображения какого-либо социального

⁵⁴ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 81 об. Письмо от 9 января 1966 г.

⁵⁵ Там же. Оп. 2. Д. 100. Л. 55. Письмо от 21 июня 1962 г. С Д.И. Шаховским А.М. Фокин, по его признанию, “сблизился в [19]30-х годах”.

⁵⁶ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 85 об.

⁵⁷ Голицын Николай Владимирович (1874–1942) – князь, историк, архивист, директор Государственного и Петроградского главного архивов МИД (1915–1917).

⁵⁸ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 189 об.

⁵⁹ Лука (Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) (1877–1961) – хирург, духовный писатель, архиепископ Красноярский (1942–1944), Тамбовский и Мичуринский (1944–1946), Симферопольский и Крымский (с 1946 г.).

⁶⁰ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 102.

⁶¹ *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской 1909–1940. М., 2007. С. 232.

⁶² АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 189 об.

⁶³ *Фокин А.М.* Указ соч. С. 7.

⁶⁴ Полиевктов Михаил Александрович (1872–1942) – историк, приват-доцент Петербургского (1903–1915), профессор Тбилисского (с 1920 г.) университетов.

⁶⁵ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 20.

⁶⁶ Новосельский Алексей Андреевич (1891–1967) – историк, профессор МГИАИ (1946–1956), ст. научный сотрудник Института истории АН (с 1946 г.). (См.: *Новосельский А.А.* Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.; Л., 1929).

слоя по материалам уголовных палат. Такие материалы соблазняют ложной красочностью”⁶⁷. 30 мая 1966 г. А.М. Фокин вновь делился с Н.М. Дружининым своими впечатлениями: “Недавно прочел воспоминания М.Д. Бонч-Бруевича”⁶⁸, сначала отпугнувшие названием и обложкой. Насколько они человечней, глубже и историчней поверхностного и фатовского рассказа Игнатьева⁶⁹ и сухих мемуаров Брусилова^{70,71}.

“Истинным своим призванием” А.М. Фокин считал литературное творчество⁷². В 1938 г. он написал исторический памфлет “Падение старого режима в России”, критиком которого явился Д.И. Шаховской⁷³. В 1938–1948 гг. А.М. Фокиным были написаны четыре романа: “Крушение”, “Конец колонии”, “Человек толпы”, “Конец всего”, охватывавших период с 90-х годов XIX века до конца Второй мировой войны⁷⁴. А.М. Фокин – также автор трех повестей “Мустафа-Гирей” (1941 г.), “Волк” (1954 г.) и “Напролом” (1958 г.), написанных в стиле, который сам автор определял как романтический реализм⁷⁵. Повести вошли в цикл, названный А.М. Фокиным “Несломленные”. Свои произведения Фокин писал под псевдонимом “Андрей Александрович Шагаров”⁷⁶. Он избрал в качестве псевдонима фамилию своих родственников с отцовской стороны по женской линии. Шагаровы являлись землевладельцами в Корочанском и Белгородском уездах. А.М. Фокин считал, что унаследовал тип внешности представителей этого рода⁷⁷. Как писатель, А.М. Фокин находился под влиянием А.К. Толстого, считая его наиболее близким себе “литературным мыслителем”⁷⁸.

Последнюю попытку опубликовать хотя бы одно из литературных произведений А.М. Фокина (роман “Крушение”) предпринимала его старшая дочь Мария, вместе с мужем Н.С. Вертинским⁷⁹. Предполагалось обратиться за содействием к Н.С. Тихонову⁸⁰.

В Тбилиси А.М. Фокин работал в Кавказском институте минерального сырья (КИМС), в должности старшего научного сотрудника и ученого секретаря, преподавал в Тбилисском политехническом институте⁸¹. В 1956 г. А.М. Фокин защитил кандидатскую диссертацию. От идеи защитить докторскую диссертацию А.М. Фокин отказался, ибо “органически не мог и не считал себя вправе жертвовать работой по призванию”⁸², подразумевая

⁶⁷ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 59 об.

⁶⁸ Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870–1956) – военачальник, генерал-лейтенант, председатель Высшего военного совета (1917–1918).

⁶⁹ Игнатьев Алексей Алексеевич (1877–1954) – дипломат, генерал-лейтенант, писатель.

⁷⁰ Брусиллов Алексей Алексеевич (1853–1926) – генерал от кавалерии, верховный главнокомандующий (1917), инспектор кавалерии (1923–1924).

⁷¹ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 85 об.

⁷² Там же. Л. 38.

⁷³ Там же. Л. 86.

⁷⁴ Там же. Л. 11.

⁷⁵ Там же. Л. 6.

⁷⁶ Шагаров Андрей Александрович (1753–1824) – родственник А.М. Фокина по материнской линии.

⁷⁷ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 63.

⁷⁸ Там же. Л. 72.

⁷⁹ Там же. Л. 242. Об этом А.М. Фокин писал Н.М. Дружинину 14 октября 1974 г.

⁸⁰ Тихонов Николай Семенович (1896–1979) – писатель, общественный деятель.

⁸¹ Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. М., 2001. С. 104.

⁸² АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 143 об.

под этим литературное творчество. Об одной из своих попыток заняться собственно историческим исследованием А.М. Фокин вспоминал в письме к Н.М. Дружинину от 19 июня 1966 г.: «Лет 15 тому назад местное издательство заказало мне биографию П.И. Багратиона⁸³, я ее написал – по поводу нее возникли возражения, которые мне пришлось сформулировать так: “Вы хотите, чтобы в книге не было ни Багратиона, ни меня – на это я не согласен” и взял рукопись обратно»⁸⁴. В 1969 г., по просьбе В.С. Неаполитанской⁸⁵ им были написаны новые воспоминания о В.И. Вернадском⁸⁶.

В 1970 г. А.М. Фокин перешел на службу в Грузинское геологическое управление⁸⁷.

Крутые повороты судьбы, с лихвой выпавшие на долю А.М. Фокина, не сломили его. Он писал Н.М. Дружинину: “Жаловаться на судьбу, положив руку на сердце, не приходится. Если бы я остался на первоначальном пути обок с Вами и нормально продвигался по нему, то нет никаких вероятий, что пережил бы середину 30-х годов. Исключению из правил обязан только геологическим самоссылкам, порой тягостным и обидным”⁸⁸.

Разнообразие жизненного опыта и независимость характера, по видимому, позволяли А.М. Фокину зорче других вглядываться в будущее. Он был уверен в неизбежности радикальных перемен во всем строе общественной жизни Советского Союза. Отмечая отличие своих взглядов на будущее от взглядов Н.М. Дружинина, А.М. Фокин писал ему 9 января 1966 г., что приближающийся “идеологический кризис” ему представляется “глубже” и переоценка ценностей “радикальней”, чем его корреспонденту. “Поднимется или уже поднимается из недр элита и постарается закрепить свое положение историческими санкциями. Переворот в системе землепользования поведет к оздоровляющей дезурбанизации и вершителем судеб станет человек не из дома коробки, а из коттеджа на берегу Оки, Днепра или в лесистом ущелье Грузии. Новые средства связи и транспорта по существу ликвидируют само понятие захолустья. Историческое чувство на этнической основе, замирающее в каких-нибудь черемушкинских крольчатниках, найдет доступ к уму и сердцу неорязанца и неокалужца. Люди станут жить не из года в год, а широким историческим диапазоном, что соответствует растущему расширению всех горизонтов”⁸⁹. До последних лет жизни А.М. Фокин не утратил способность живо интересоваться происходящим не только в стране, но и за ее пределами. В одном из писем Н.М. Дружинину он писал: “Вызывают опасения новые определения убийства. Во все времена истории на войнах убивали и калечили людей, но называли это своими именами. Теперь во вьетнамских сводках приходится читать об “уничтожении” такого или иного числа человеческих единиц противника. Слово выдает мысль”⁹⁰.

⁸³ Багратион Петр Иванович (1865–1912) – князь, генерал от инфантерии.

⁸⁴ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 88.

⁸⁵ Неаполитанская Валентина Сергеевна (1907–1998) – хранитель Кабинета-музея В.И. Вернадского в ГЕОХИ РАН.

⁸⁶ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 132.

⁸⁷ Там же. Л. 143–143 об.

⁸⁸ Там же. Л. 99. Письмо от 2 июля 1967 г.

⁸⁹ Там же. Л. 82.

⁹⁰ Там же. Л. 179. Письмо от 8 октября 1972 г.

Разведясь с первой женой – М.М. Любошинской – А.А. Фокин в 1948 г. женился на Л.Л. Чернявской⁹¹. После смерти второй жены, А.М. Фокин женился в третий раз на Антонине Григорьевне Поповой. От брака с первой женой у А.М. Фокина было четыре дочери. Первая – Анна, родившаяся в 1920 г., умерла в 1929 г., вторая – Мария (1922–1979) впоследствии, окончив Институт иностранных языков, работала в Библиотеке иностранной литературы, она вышла замуж за Николая Сергеевича Вертинского, музеоведа, двоюродного племянника А.Н. Вертинского⁹². Третья дочь – Наталия (род. в 1927 г.) – окончила ВГИК и преподавала там сценарное искусство. Ее мужем был Л.А. Кулиджанов⁹³. Четвертая дочь – Софья (род в 1928 г.), филолог по образованию, вышла замуж за инженера-строителя и ученого К.С. Завриева и посвятила себя воспитанию детей. Один из них – сын Сергей Константинович Завриев (род. в 1957 г.) – математик, профессор МГУ. С ним у А.М. Фокина были связаны его лучшие надежды. Он писал о своем внуке Н.М. Дружинину 15 февраля 1974 г.: «Однообразная моя жизнь с февраля стала оживленной. Приезжал один из трех моих внуков, сын младшей дочери Завриевой. Мальчик – талантливый математик и прошлой осенью в возрасте 15 лет без труда преодолел конкурс и поступил на вычислительное отделение физико-математического факультета. Беседа с ним меня поразила осведомленностью его в русской истории. Например, когда я сказал о попытке Петра ввести майорат для дворянских имений, он скромно меня поправил “закон об единонаследии”, мимоходом заметив, что прочел “всего Ключевского”. В дальнейшем выяснилось, что он знает “Пана Тадеуша”⁹⁴ лучше меня и, наконец, хорошо знаком с обоими изданиями Брокгауза и Русским биографическим словарем. В моей библиотеке он набросился на первоисточники и не выпускал из рук книгу С.Б. Веселовского⁹⁵ о служилых землевладельцах⁹⁶. По его словам такая разносторонность разделяется его товарищами по математической школе, которую он кончил в прошлом году. На градуснике моего оптимизма ртуть поднялась»⁹⁷. В другом письме он приходил к выводу: «Внук мой, по видимому, исключительно одарен, хоть бы судьба сложилась благоприятно и дала ему развернуться! На днях послал ему из моей библиотеки Токвиля»^{98, 99}.

⁹¹ Там же. Л. 44 об. Чернявская Лидия Леонидовна (урожд. Воско) (1900–1971) – жена А.М. Фокина.

⁹² Вертинский Александр Николаевич (1889–1957) – эстрадный артист, киноактер, композитор, поэт и певец.

⁹³ Кулиджанов Лев Александрович (1924–2002) – кинорежиссер, сценарист и педагог, председатель правления Союза кинематографистов СССР (1965–1986), профессор ВГИК (с 1977 г.).

⁹⁴ Имеется в виду поэма А. Мицкевича, изданная в 1834 г.

⁹⁵ Веселовский Степан Борисович (1876–1952) – историк, академик АН (с 1946 г.).

⁹⁶ См.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

⁹⁷ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 227 об.

⁹⁸ Токвиль Алексис (1805–1859) – французский историк, социолог и политический деятель.

⁹⁹ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 237. Письмо от 18 июля 1974 г.

Летом 1979 г. А.М. Фокин переехал в Москву, где скончался 21 декабря 1979 г. и был похоронен на Введенском кладбище¹⁰⁰.

Статья А.М. Фокина “Ключевский и Платонов” написана 3–4 января 1943 г. На ее экземпляре, хранящемся в личном фонде Н.М. Дружинина в АРАН (Ф. 1604), имеется дарственная надпись автора, датированная 19 июня 1961 г.

Об одном из героев статьи – В.О. Ключевском встречается упоминание в письме А.М. Фокина, делящегося с Н.М. Дружининым своими впечатлениями от изданного в 1968 г. известного сборника документов¹⁰¹: “Стало немного досадно, что критическое свободомыслие ученого вылилось в кадетизм до такой степени, что заставило предпочесть Кизеветтера¹⁰² нашему с Вами руководителю. Поступив в университет осенью 1910 г., я еще слушал лекции Кизеветтера по русской истории XIX века, в которых он глушил нас статистикой. Писал он, разумеется, гораздо лучше, но ведь речь шла о занятии кафедры”¹⁰³. Касаясь общей оценки “Курса русской истории” А.М. Фокин писал: “Сила Ключевского с XVIII века ослабевает, он летит слишком низко, а не парит как над заселяемыми беженцами с юга суздальскими лесами”¹⁰⁴.

В.Г. Бухерт

А.М. Фокин

КЛЮЧЕВСКИЙ И ПЛАТОНОВ¹

Получив в свое время историческое образование, я пережил мощное влияние руководивших тогда историков – московской школы Ключевского и петербургской – Платонова. Оба они вылились в моем познавательном воображении в цельные образы, вероятно субъективные и не могущие не вызвать возражений со стороны тех, кто знал их ближе, но для меня *мой* Ключевский и *мой* Платонов обладают повелительной реальностью и сами просятся на бумагу. Я чувствую себя обязанным им обоим в моем развитии и не могу не послать их памяти благодарного привета.

Ключевский отпечатлелся у меня в виде живого образа, когда я еще учился в старших классах гимназии. Тогдашний просвещенный круг был между собой знаком и отец мой встречался с Ключевским и даже по какому-то поводу был у него – отца поразило сочетание научной талантливости с неказистой внешностью и бытовыми вкусами сельского причетника. О лекциях Ключевского восторженно отзывался гимназический учитель словесности, и они нас манили при выборе историко-филологического факультета. Будучи гимназистом, я прочел ставшие выходить тома “Истории” Ключевского, носившие в первом издании авторский штампель, и книги эти сыграли очень большую роль в моем образовании. Давались они мне не без труда, – обычно первые вводные страницы я прочитывал абзацами по несколько раз – не хотело подчиняться научной мысли резвое воображение, – но постепенно я вчитывался, глотал страницу за страницей, жил книгой

¹⁰⁰ Сведения получены от внука А.М. Фокина – С.К. Завриева.

¹⁰¹ См.: *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.

¹⁰² Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) – историк, профессор Московского университета (1909–1911).

¹⁰³ АРАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 817. Л. 119. Письмо от 22 декабря 1968 г.

¹⁰⁴ Там же. Л. 119 об.

и долго носил в себе очарование. Наиболее трудный для меня первый том покорила меня проникновенно яркой картиной переселения славян в финские леса и создания, путем смешения с финнами, великорусского племени. Перед затаенным вниманием моим выросли монастыри в дремучих лесах, прошел двор богатейшего московского князя, новгородские концы, система управления грозного Иоанна², развернулась пестрая избяно-церковная Москва XVII-го века, окруженная рощами и полями, и, наконец, вырос из невских болот молодой Петербург под стук топоров, с рангоутами кораблей у набережных и исполинской фигурой своего основателя – хозяина³. Я все это переживал, прислушивался к шепоту древних речей и биению пульса национального организма. Это было чудо – ухо мое припадало к самой матери – сырой земле. Боже, сколько природы здесь было! Степи не дались Ключевскому, и в Киеве он был не дома, но Ока, Москва, костромские леса, переходящие в северные болота, с бледно-голубым небом, теплым летним солнцем, снегами и лесными далями сквозили в каждой странице, выглядывали через оконца учебного кабинета – кельи. Слышался говор русской толпы в тулупах, монашеских и иерейских рясах, стрелецких кафтанах, дьяческих фережах, но... бояре казались мне упрощенными – дьяками и купцами в горлатных шапках, а не лихими и хитрыми воеводами. Я не находил резких воинственных черт и родовой гордости Курбского⁴ и Пожарского⁵ и ученый и добродетельный Ртищев⁶ слишком отдавал духовной школой и гражданской простотой. Тогда я это ощущал еще очень смутно.

В университет я поступил осенью 1910 года, и послушать Ключевского мне не привелось. Объявленный курс новой русской истории он по болезни не прочел, и в мае 1911 года мы его торжественно хоронили. Подходя в бесконечной веренице студентов к небольшому гробу, чтобы поцеловать образок в мертвых руках, я загляделся в обросшее, как у гнома, лицо с крупными чертами – скульптор Коненков⁷ таким изваял из дерева старичка – лесовичка. Позади меня раздался чей-то нетерпеливый голос: “Товарищ, скорей!” и я нехотя оторвал жадный взгляд и скрылся в толпе. Итак – желанной встречи в университете не произошло – мы разъехались в пути, как это нередко бывает в жизни.

Кафедра русской истории Московского университета благоговейно чтит Ключевского – его не принято было называть по фамилии, он, как в жизни, оставался Василием Осиповичем Ключевским. На студенческих занятиях и впоследствии, состоя оставленным при университете, в профессорских кабинетах, архивах и на заседаниях ученых обществ, я на каждом шагу слышал магическое имя, окруженное воспоминаниями, вздохами, восклицаниями и хвалой. Не раздавалось ни одного слова критики и... яркий живой образ сусалился и тускнел, становился не портретом, а иконой, писанной ремесленником по канону. Мое молодое сердце возмущалось и, в противовес этому мертвящему культу, у меня просыпалось озорное осуждение. Сравнивая Ключевского, хотя бы с Костомаровым⁸, я не находил у него реально-ярких красок, шума боя, оживления пиров – недаром он предпочел “Слову о полку Игореве” “Русскую Правду”, доказав ее монастырское происхождение, и не только Москву, но даже воинственный Петербург превратил из штаба в интендантство. У него не только не было ничего видно в прорубленное окно в Европу, но даже из стрельчатых оконца Посольского приказа не были видны разбойничий Крым, могущественная Порты Оттоманская, узорная Персия и далекий Китай. Взбаламученная Москва XVII-го века варилась в собственном соку, и дух обновления шел со стороны Киевской духовной академии через ее Заиконоспасский филиал, а не с живописных улиц Немецкой слободы, и Гордон⁹, Лефорт¹⁰ и Брюс¹¹ чересчур отдавали коммерческими бюргерами наподобие тех, которые во времена Ключевского торговали на Кузнецком Мосту и на Мясницкой.

После смерти Ключевского вышли в свет его статьи, очерки и речи, заставившие меня пережить вдохновенные часы моей юности, когда передо мной открылись чу-

десные перспективы русской истории в изображении Ключевского. Снова славный историк выступил передо мной в своей живой силе без туманящей дымки фимиама.

Я был пленен тонкостью вкуса и живым откликом на самые интимные вопросы русской культуры, и за диапазон от преподобного Сергия¹² до Пушкина и Лермонтова можно поистине только снять шапку с благодарной почтительностью. И здесь нет масла, но карандаш и акварель очень идут для интимных зарисовок на небольших картонах. Удивительно хороши уголки русского XVIII-го века – от этюдов мы не требуем того, чего хотим от панорамы больших холстов. Как зорок глаз, как тонко вьется мысль, сколько теплоты в трактовке драмы Новикова¹³ и умственных увлечений Екатерины!¹⁴

Литературное наследство Ключевского, изучаемое в целом, дает прекрасный и художественно-оригинальный синтез русского прошлого. Ключевский подошел к нему со вдумчивой пронизательностью природолюбца и человеколюбца – в таинственном сочетании этих начал духовной жизни, с правдой истинного художника. Он не убоился мистических глубин церковного свода, несмотря на царившие вокруг него позитивистские принципы, уже скатывавшиеся в пропасть материализма. Секрет обаяния оживотворенных им исторических картин кроется в этой их углубленной реальности.

Мирный по своей природе, как тихий и вдохновенный францисканец, Ключевский по-своему миропониманию и жизнесприятию оказался честным представителем породившей его социальной среды. В кругу его зрения оказались монастырь, школа, слобода, приказ и лесная деревушка и вне его очутились княжеский терем, ратный строй, посольский двор и усадьба. Его близорукие поклонники оказали дурную славу его достойной памяти, объявив эту художественно-индивидуальную схему русской истории объективно-всеобъемлющей. Наш долг быть благодарным Ключевскому за то, что он нам дал, и за это признательно чтить его, не требуя от него лишнего.

Еще одно последнее замечание. Русское православное духовенство сделало богатый вклад в национальную культуру, и представители его подвизались на всех поприщах. Со второй половины прошлого столетия вошло в моду превозносить роль критических умов сыновей священников, как Добролюбов¹⁵ и Чернышевский¹⁶. Оставив в стороне виднейших государственных деятелей – Сперанского¹⁷ и Победоносцева¹⁸, военных – Котляревского¹⁹ и некоторых других, я считаю бесспорным, что главное участие сыны духовного сословия приняли в созидательно-синтетической культурной работе – в первую очередь на ниве духовного просвещения по прямому своему призванию, начиная с глубоких теоретиков до практиков строительства душ – приходских священников, а во-вторых, в области научных исследований – имена Соловьевых²⁰, Павлова²¹ и других достаточно хорошо известны. Ключевский был одним из наиболее одаренных представителей этой плеяды – он со всей силой врожденного таланта взглянул на наше прошлое глазами священника сердцеведача, соединившего в глубине своей души любовь к родной природе и народу с зоркой остротой и энергией крупнейшего ученого. Он дал лучшее, что он мог дать, и выполнил свое назначение с честью.

О Платонове я получил понятие тоже на гимназической скамье – по его “Учебнику русской истории” мы учились. Нужна была сектантская нетерпимость, чтобы изъять из обращения эту исключительно ясную, полную, широко поставленную и толково изложенную фактическую сводку, заменив ее слабыми подражаниями, засоренными грубой публицистикой. Факты сами ложились в голову, закреплялись в памяти. “Учебник русской истории” Платонова остается пока непревзойденным справочным руководством. В университете я познакомился с изданными лекциями Платонова по русской истории, представляющими собой такое же стройное научно-литературное произведение, в котором с удивительным чувством меры, без диспропорций и нарушений логической архитектоники нашли свое место и

содержательный историографический обзор и остроумные и оригинальные концепции ряда событий и эпох. Для студента трудно себе было представить лучший сборник примеров воссоздания исторического факта. Даже беглое знакомство с лекциями Платонова по русской истории сразу дает возможность убедиться, что темой жизни автора являются исследования Смутного времени. Кажется, что Платонов, будучи непревзойденным мастером распутывания наиболее трудных узлов, выбрал труднейший и одержал блестящую исследовательскую победу – прямо не верится, что сложнейшая эпоха Смуты (*elle porte bien son nom!*)* и в специально-исследовательском отношении могла вылиться в такую исчерпывающе убедительную, логически твердую и кристально-ясную схему без всяких малодушных уступок широте и сложности. Вполне естественным следующим моим шагом было знакомство с платоновскими “Очерками по истории Смутного времени”. Здесь исследовательская методика была развернута во всей полноте и также, наконец, выступило человеческое лицо автора. Если Ключевский любит Ртищева и Ордина-Нащокина²² и привязан к царю Алексею Михайловичу²³, то у Платонова истинным героем является царь Борис Годунов²⁴. Как опытный адвокат, Платонов силой сжатых и неотразимых аргументов очищает память своего любимца от толстого слоя исторической клеветы. Задача его очень трудна, между прочим, ему приходится рассеивать гипноз художественного образа, созданного Пушкиным, но он ни перед чем не останавливается, неуклонно и твердо идет к своей цели и одерживает полную победу. Любит Платонов царя Бориса за его преданность государственной идее, широкий кругозор, европейскую ориентацию и, наконец, за то, что он добился всего своими талантами. Все современники меркнут перед этим ярким образом, и также в платоновской концепции русской истории блекнет сила анархических устремлений и центробежности русского народа, по его глубокому убеждению призванного судьбой к государственному величию. Отпрыск провинциальной дворянской семьи с феодальными преданиями и радикально-политическими традициями, воспитанный славянофильско-земской Москвой, я воспринимал идейные построения петербургского историка с уважением, но с холодным сердцем.

Впервые я увидел Платонова на магистерском диспуте А.И. Яковлева²⁵ и тогда же услышал его спокойную и четкую речь. Коротко подстриженные седые волосы, острая бородка и аккуратная небольшая фигура, манеры, шляпа, более европейская, чем носили московские профессора русской истории, изобличали типичнейшего представителя среднего бюрократического Петербурга царствований Александра III²⁶ и Николая II²⁷. В Платонове чувствовался человек порядка, органически враждебный анархизму во всех его проявлениях и исторических одеждах.

Совсем случайно личность Платонова открылась мне в другом аспекте. Известный историк А.С. Лаппо-Данилевский²⁸ был женат на Елене Дмитриевне Бекарюковой²⁹, происходившей из семейства, теснейшими узами связанного с нашим. Лаппо-Данилевский был до мозга костей культурный русский барин, державшийся на академическом Олимпе одиночкой и нисколько этим не тяготившийся. Между обоими петербургскими историками была открытая и непримиримая вражда, являвшаяся притчей во языцех довольно широкого круга. Платонов был петербургский чиновник, Лаппо-Данилевский степной помещик в кабинете академической квартиры на Васильевском острове, Платонов – апологет петербургского патриотизма, Лаппо-Данилевский – европеец – космополит, увенчанный оксфордской докторской шапочкой, Платонов – преподаватель истории в царской семье, Лаппо-Данилевский – либеральный член Государственного совета.

Наступила революция. Не было на свете Ключевского, умер Лаппо-Данилевский. Платонов царил среди смутившегося стада русских историков. Я поступил на службу в архивное ведомство и в один из приездов Платонова в

* Он метко назвал! (фр.)

Москву был представлен ему моими учителями Любавским³⁰ и Богословским³¹. Помню умные холодные серые глаза, невозмутимое спокойствие в то время, когда все волновались, и умение ладить с большевистской властью. “Чиновник...”, подумал я с возмущением и досадой. Однако Платонов оставался Платоновым. Я пошел на его публичную лекцию в Политехническом музее, посвященную исследованию физического типа династии Романовых. Ключевского я не слышал, но никогда мне не приходилось слышать такого блестящего изложения темы по русской истории. Слово было не красноречиво – больше этого: свободная от патетических потуг спокойная мысль падала в идеально точных и веских выражениях. Неопровержимость аргументации сочеталась с поразительной широтой кругозора. Словно шутя, Платонов решал запутанные исследовательские проблемы, между прочим, наперекор вульгарному мнению, доказал происхождение Павла³² от Петра III³³. Положение его – бывшего преподавателя русской истории в царской семье – было очень скользким и ко многому обязывало – я с затаенным дыханием ждал, как он из него выйдет. Платонов превзошел мои ожидания, не коснувшись, а детально разобрав все рискованные ситуации с невозмутимым достоинством и абсолютной корректностью. Я вышел восхищенный и почти потрясенный.

С большим опозданием – в 1932 году, уже полностью оторвавшись от профессиональной исторической жизни, я прочел брошюру Платонова “Петр Великий”³⁴. Подобно реабилитации царя Бориса Годунова, эта статья была тоже апологией – историк защищал Петра от произвольных и безграмотных изображений новейшими русскими писателями. И здесь в полном блеске сочетались спокойствие изложения и сила мысли. Не только это! Холодный Платонов нашел теплые слова и даже пафос гражданского протеста. На той поре брошюра “Петр Великий” была исключительно смелым выступлением и, несомненно, сыграла свою роль в стечении обстоятельств, приведших Платонова в тюрьму и в ссылку, где он и умер.

В противоположность мягкому мечтательному Ключевскому, Платонов был резким и часто суховато-непримиримым человеком. На заседание Академии наук, посвященном десятилетию со дня смерти Лаппо-Данилевского, он не явился, а прислал речь, прочитанную в его отсутствие. Наперекор обычаям уважения к покойнику – *de mortuis aut bene, aut nihil** – он разразился жестокими обвинениями и упреками по адресу своего, умершего десять лет тому назад, врага, даже не постеснявшись отметить аристократизм Лаппо-Данилевского, что по тем временам могло оказаться небезразличным для его вдовы и сына³⁵... Сидя рядом с последним, безвременно умершим математиком И.А. Лаппо-Данилевским, я не знал, куда спрятать мой взгляд. Платонову были чужды не только идея христианского всепрощения, но само христианское мировоззрение, – это был законченный рационалист, жестокий поборник государственного начала.

При жизни обоих историков и существовании, как казалось, долговечных форм проявления деятельности московской и петербургской школ – было принято их противопоставлять и спорить об их сравнительном достоинстве. Такая точка зрения наивна и неверна. Каждый не исключает другого, а его дополняет. Сельская провинция и Московский университет воспитали Ключевского, дореволюционный Петербург дал Платонова. Разность их натур, культурных апперцепций и творческих приемов создали возможность разностороннего освещения прошлого России. И жизнь и наука сильно страдают, когда ученые штампуются по одному шаблону.

Величайшие потрясения бросили жизнь далеко вперед к таинственно-грозному будущему. И Ключевский, и Платонов остались при таком стремительном ходе далеко позади – они уже не руководители живых научных школ, а только мате-

* О мертвых либо хорошо, либо ничего (лат.).

риал – красочный и богатый материал не только для исследования давно прошедших эпох, но и той эпохи, в которую они оба жили.

После всего происшедшего мы не можем заглядывать в историческую даль ни с индивидуалистическим идеализмом Ключевского, ни с холодным государственным анализом Платонова – наши бури были подготовлены прошлыми бурями и ошибались те, кто очищал от мрака, клокочущего гнева и неутоленной боли, переживавшейся в поколениях, людской поток, выбросивший нас в зону испепеляющих лучей беспощадного солнца.

3–4 января 1943 г.

Красная Поляна.

А. Фокин.

АРАН. Ф. 1604 (Н.М. Дружинин). Оп. 4. Д. 917. Л. 1–12. Машинопись, подпись – автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ На первой странице текста имеется дарственная надпись: “Дорогому Николаю Михайловичу Дружинину на память о годах нашей молодости. 19.VI.1961 г. Тбилиси. А. Фокин”.
- ² Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584) – великий князь “всея Руси” (с 1533 г.), первый русский царь (с 1547 г.).
- ³ Петр I Великий (1672–1725) – русский царь (с 1682 г.), первый российский император (с 1721 г.).
- ⁴ Курбский Андрей Михайлович (1528–1583) – князь, боярин, писатель.
- ⁵ Пожарский Дмитрий Михайлович (1578–1642) – князь, боярин (с 1613 г.), полководец.
- ⁶ Ртищев Федор Михайлович (1623–1673) – дворецкий, окольничий.
- ⁷ Коненков Сергей Тимофеевич (1874–1971) – скульптор, действительный член Академии художеств СССР (с 1954 г.).
- ⁸ Костомаров Николай Иванович (1817–1885) – историк, писатель, профессор Петербургского университета (с 1859 г.), чл.-корр. АН (с 1876 г.).
- ⁹ Гордон Патрик (1635–1699) – русский генерал и контр-адмирал, шотландец.
- ¹⁰ Лефорт Франц Яковлевич (1655/56–1699) – русский адмирал (с 1695 г.), швейцарец.
- ¹¹ Брюс Яков Вилимович (1670–1735) – государственный и военный деятель, президент Берг- и Мануфактур-коллегии (с 1717 г.), генерал-фельдмаршал (с 1726 г.).
- ¹² Сергей Радонежский (ок. 1321–1391) – основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря.
- ¹³ Новиков Николай Иванович (1744–1818) – просветитель, писатель, журналист, издатель.
- ¹⁴ Екатерина II Алексеевна (1729–1796) – российская императрица (с 1762 г.).
- ¹⁵ Добролюбов Николай Александрович (1836–1861) – литературный критик, публицист, революционный демократ.
- ¹⁶ Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) – революционер-демократ, ученый, писатель, литературный критик.
- ¹⁷ Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) – граф, государственный деятель, генерал-губернатор Сибири (1819–1821).
- ¹⁸ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – юрист, обер-прокурор Синода (1880–1905).
- ¹⁹ Котляревский Петр Степанович (1782–1852) – генерал от инфантерии.
- ²⁰ Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) – историк, ректор Московского университета (1871–1877), академик АН (с 1872 г.); Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – религиозный философ, поэт, публицист.
- ²¹ Павлов Иван Петрович (1849–1936) – физиолог, академик АН (с 1907 г.).
- ²² Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (ок. 1605–1680) – дипломат, боярин, воевода.
- ²³ Алексей Михайлович (1629–1676) – русский царь (с 1645 г.).
- ²⁴ Борис Годунов (ок. 1552–1605) – русский царь (с 1598 г.).
- ²⁵ Яковлев Алексей Иванович (1878–1951) – историк, чл.-корр. АН (с 1929 г.).
- ²⁶ Александр III (1845–1894) – российский император (с 1881 г.).
- ²⁷ Николай II (1868–1918) – российский император (с 1894 г.).
- ²⁸ Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) – историк, академик АН (с 1899 г.).
- ²⁹ Лаппо-Данилевская (урожд. Бекарюкова) Елена Дмитриевна (1868–1942) – жена А.С. Лаппо-Данилевского (с 1891 г.).

- ³⁰ Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936) – историк, ректор Московского университета (1911–1917), академик АН (с 1929 г.).
- ³¹ Богословский Михаил Михайлович (1867–1929) – историк, академик АН (с 1921 г.).
- ³² Павел I (1754–1801) – российский император (с 1796 г.).
- ³³ Петр III Федорович (1728–1762) – российский император (с 1761 г.).
- ³⁴ См.: *Платонов С.Ф.* Петр Великий. Л., 1926.
- ³⁵ Лаппо-Данилевский Иван Александрович (1895–1931) – математик, чл.-корр. АН (с 1931 г.).

ОТЗЫВЫ М.Н. ТИХОМИРОВА 1940 г. О ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ Н.Л. РУБИНШТЕЙНА “РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ (РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ)

В 2008 г. вышло в свет второе издание труда Николая Леонидовича Рубинштейна “Русская историография”¹. Монография выдающегося советского историка прошла нелегкий путь к читателю в 1941, а затем в конце 40-х годов с трудом удержалась на полках библиотек, такая же участь постигла ее и в наше время: из-за технических и идеологических проблем переиздание затянулось на десять лет. Первое крупное исследование, охватывающее историю российской исторической науки со времен летописания до первой четверти XX в., до сих пор остается уникальной попыткой дать историографию на фоне развития европейской философско-исторической мысли вообще и науки, в частности. Следует учитывать, что для времени ее написания монография имела особое значение, так как до нее в области историографии приходилось пользоваться разрозненными статьями и книгами об отдельных историках, большинство из которых не раскрывали полностью значение того или иного автора и не давали полноценного научно-сравнительного анализа работ, и тем более не охватывали историографию на протяжении девяти веков. На одном из заседаний 1941 г., при обсуждении книги как учебника, М.В. Нечкина подчеркнула в своем выступлении, что “эта работа представляет собой первую попытку создать руководство по русской историографии. В литературе до сих пор не было подобной работы. Имеющиеся у нас работы – это прежде всего, старые бурж[уазные] работы, которые ставили только несколько первых проблем, и не доводили их до конца. Даже отдельные попытки, которые имели место после революции, принадлежали, во-первых, Покровскому, были связаны с его личной концепцией, а во-вторых, они представляли собой сборник отдельных глав по историографии, не преследуя цель дать систематическое изложение вопроса. Большой заслугой Николая Леонидовича является то, что ... он дал систематический, очень широкий охват с очень богатой тематикой концепции исторического развития, концепции истории нашей науки. Эта тематика иногда обогащена совершенно новыми главами. Это относится как к древним временам, к освещению некоторых проблем феодальной историографии, так и к более поздним временам. Целый

¹ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография / под ред. А. Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеевой, М.В. Мандрик. СПб., 2008. 938 с. В издании выверены сноски и приводимые автором цитаты, усовершенствован и дополнен справочный аппарат.

ряд глав более поздних времен дает новый материал, захватывает такой материал, как характеристика исторической концепции Сперанского и др. деятелей. ... Кроме того, все проблемы, которые поставлены, чувствуется, поставлены на самостоятельном изучении автором того, что мы называем историографическим первоисточником. Надо отметить, что разработка дана в очень приемлемо педагогической форме, несмотря на очень большой и глубокий охват тематики”². И даже сегодня, несмотря на многочисленные издания курсов по историографии, монографий, посвященных отдельным историкам, исследование Н.Л. Рубинштейна не потеряло своего значения и остается не только памятником своего времени, но и своеобразной энциклопедией исторической мысли России. С выводами в “Русской историографии” можно не соглашаться, но пройти мимо них – нельзя.

Первыми откликами на исследование Н.Л. Рубинштейна стали отзывы официальных оппонентов его докторской диссертации, которая являлась первоначальным вариантом будущей монографии. Высокому уровню диссертации, под названием “Русская историография (Развитие русской исторической науки)”, соответствовал и научный диспут, разгоревшийся на защите. Оппоненты – академик Ю.В. Готье³ и М.Н. Тихомиров⁴, выступали лично, а отзыв находившейся в Саратове А.М. Панкратовой зачитывался в ее отсутствие. В диспуте также активно участвовали С.В. Бахрушин и Н.М. Дружинин. Диссертация никого не оставила равнодушным, все участники дискуссии высказывали свою точку зрения по отдельным вопросам, не всегда совпадающую с мнением диссертанта, однако никто не подверг сомнению важность и своевременность работы. Мнения участников можно резюмировать словами академика Ю.В. Готье: “Это не простая историография. Это попытка осмыслить весь исторический процесс на фоне историографии, на фоне изучения исторической мысли... это не просто диссертация, и это не просто докторская диссертация. Это – громадный трактат широкого объема и богатого содержания, который, по удалению из него небольшого количества недоразумений... в целом будет представлять большую работу. Такие работы редко появляются на историческом фронте”⁵.

² НИОР РГБ. Ф. 521. К. 24. Д. 40. Л. 3–4. – На докторском диспуте об этом же говорил и С.В. Бахрушин: “... даже в буржуазное время, когда историографическая тематика была гораздо проще, а количество проблем было меньше (объем историографии тоже был меньше), мы все же не имели полной историографии, если не считать курса Милюкова, который не удовлетворял нас и в то время, потому что он заканчивался, дойдя до Соловьёва” (НИОР РГБ. Ф. 521. К. 3. Д. 1. Л. 31 об.).

³ С Юрием Владимировичем Готье историограф познакомился еще в 1925 г., когда начинающим ученым приезжал в московские архивы. Встречи с московской и ленинградской профессурой произвели тогда на Н.Л. Рубинштейна приятное впечатление. О Ю.В. Готье у него остались воспоминания как об отзывчивом и обаятельном человеке, и он вряд ли мог предположить, что через 15 лет тот будет оппонентом на защите его докторской диссертации (*Рубинштейн Н.Л. О путях исторического исследования // ИСССР. 1962. № 6. С. 96*).

⁴ Годом ранее, в 1939 г., Н.Л. Рубинштейн вместе с С.В. Бахрушиным и Б.Д. Грековым выступал оппонентом на защите докторской диссертации М.Н. Тихомирова, с которым у него на протяжении многих лет сохранялись теплые дружеские и профессиональные отношения, о чем наглядно свидетельствует переписка ученых.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 521. К. 3. Д. 1. Л. 26 об.–27; 29 об.

Публикуемый ниже отзыв Михаила Николаевича Тихомирова на докторскую диссертацию Н.Л. Рубинштейна дополнен текстом его выступления на самом докторском диспуте, который состоялся 15 мая 1940 г. на Ученном совете Московского института философии, литературы и искусства. В документах часть текста во многом идентична, однако в стенограмме защиты докторской диссертации встречаются значительные дополнения, которые интересны как для характеристики самой монографии, так и для иллюстрации историографических взглядов М.Н. Тихомирова. Документы хранятся в личном фонде Н.Л. Рубинштейна в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ⁶.

М.В. Мандрик

Отзыв о работе Н.Л. Рубинштейна “Историография СССР”

Труд Н.Л. Рубинштейна привлекает к себе внимание уже по своей теме. Историография является одной из важнейших исторических дисциплин. Именно она должна формировать историческое познание и направлять его на правильный путь, показывая ошибки и достижения исторической науки в прошлом. Между тем до сих пор отсутствует сколько-нибудь полная историография СССР. Труд Иконникова¹ охватывает только историографию, поданную в особом специфическом разрезе. Работа Милюкова не только устарела, но и в ряде положений не верна и просто вредна². Статьи и книга Покровского по историографии также требуют основательной проверки и критики многих положений³. Труд Н.Л. Рубинштейна выгодно отличается от перечисленных выше работ своей полнотой. Н.Л. Рубинштейн старается рассматривать все исторические труды с точки зрения марксистской, положив в основу своих выводов высказывания основоположников марксизма-ленинизма⁴. Положительной стороной работы Н.Л. Рубинштейна является также стремление автора рассматривать историографию СССР не в разрыве, а в непосредственной связи с западно-европейскими течениями историко-философской мысли⁵.

В целом ряде разделов автору удалось совершенно по новому осветить вопросы историографии СССР. Таковы главы, посвященные ранним историческим трудам XVII века – Синописису, компиляции Грибоедова и др. Полно и любопытно очерчена деятельность В.Н. Татищева. В отличие от других исследователей Н.Л. Рубинштейн правильно отмечает передовой характер труда Татищева⁶. Очень полно и интересно рассмотрены труды других историков XVIII века – Ломоносова⁷, Щербатова, Болтина и др. Ярко и выразительно представлено значение Погодина в русской исторической мысли⁸, нередко замалчиваемое в работах по историографии. Особенно большие трудности представляли автору при изучении историографии XX века. Но и здесь Н.Л. Рубинштейн успешно разрешил ряд вопросов. Главы о Павлове-Сильванском, Милюкове, Рожкове, Покровском интересны и дают глубокий анализ их трудов по истории⁹.

Как всякие работы по историографии, диссертация Н.Л. Рубинштейна выставляет и ряд спорных положений, с которыми не всегда можно согласиться. В частности автор иногда готов расценивать значение тех или иных исторических работ только со стороны высказанных ими критических мыслей. Поэтому весьма преувеличенно рисуется роль Каченовского и так называемой скептической школы. В действительности и Каченовский был очень скромной фигурой в деле разра-

⁶ В деле отзывы расположены после стенограммы.

ботки исторических вопросов и очень нескромной в своих претензиях. Сравнение Каченовского с Нибуrom – одно недоразумение¹⁰. Нибуr был величайшим знатоком древностей, Каченовский едва знал начатки русской истории, и наука отвергла все выводы Каченовского, выражавшего только “взгляды”, но не пожелавшего изучить историю. Между тем в работе Н.Л. Рубинштейна фигура Каченовского, как историка, признается самой передовой. Продолжателем его идей объявляется даже С.М. Соловьев, настоящий научный антипод Каченовского. Ученая деятельность Карамзина в работе Н.Л. Рубинштейна невольно отступает на второй план перед Каченовским. Нет никакой нужды отрицать реакционность построений Карамзина, но не следует забывать и того, что Карамзин первый сделал русскую историю доступной для чтения широких кругов. “История государства Российского” на целое столетие сделалась основным источником сведений по русской истории для историков-любителей. Значение Карамзина прекрасно объяснил Пушкин в своих замечаниях по “Истории” Полевого¹¹. Кроме того, не следует забывать и другой особенности “Истории” Карамзина. Отказываясь в тексте “Истории” от критического рассмотрения известий, Карамзин переносит критические замечания в свои примечания. И здесь он показывает себя глубоким знатоком источников во всеоружии критики того времени. Поэтому так скоро текст “Истории государства Российского” сделался архаичным для нового поколения историков, а примечания Карамзина не потеряли своего значения и в наше время¹². Вообще в работе Н.Л. Рубинштейна должна быть усилена описательная часть и при обработке к печати более подробно рассмотрены крупные работы отдельных ученых. Наименее удачной представляется глава о течениях буржуазной исторической мысли в XX веке. Так, чересчур снижено значение трудов Шахматова, Платонова и Преснякова¹³. Недостаточно ясно изложено о деятельности ученых обществ и организаций в эту эпоху. Кроме того порядок глав представляется мне не всегда обоснованным. Глава 24 “Ленин и русская историческая наука” поставлена несколько рано, причем вслед за ней следует глава “Разработка исторических вопросов в буржуазной историографии”, в которой указаны авторы, писавшие в основном в начале XX века. После этого Н.Л. Рубинштейн неожиданно ставит главы о Павлове-Сильванском, Милюкове и пр. Здесь заметна какая-то неточность в расстановке глав, которая легко может быть устранена¹⁴.

Указанные недочеты не мешают признать, что в целом работа Н.Л. Рубинштейна является ценным и серьезным исследованием по историографии СССР. Везде Н.Л. Рубинштейн выступает как исследователь, со своим собственным взглядом на историографические явления, обосновывая свои выводы целым рядом доказательств. Исследовательский характер работы Н.Л. Рубинштейна придает его труду особый интерес: автор идет своим собственным, а не проторенным путем. Потому и работа Н.Л. Рубинштейна вносит много нового и порой неожиданного в нашу историографию. К этому следует добавить, что труд Н.Л. Рубинштейна, несмотря на сложность поставленных перед автором задач, написан четким и ясным языком и читается с большим интересом¹⁵. Это также является немалой заслугой автора, т.к. историография рассчитана не только на узких специалистов, но и на широкие читательские круги. Все-го сказанного, кажется, вполне достаточно, чтобы признать, что Н.Л. Рубинштейн вполне заслуживает присуждения ему ученой степени доктора исторических наук.

Доктор исторических наук /Тихомиров/ 20. IV. 40 г.

НИОР РГБ. Ф. 521. К. 3. Д. 1. Л. 45–48. Машинопись без подписи

**Выступление на заседании Ученого совета
Института философии, литературы и истории
15 мая 1940 г.**

ТИХОМИРОВ:

Работа Н.Л. Рубинштейна является действительно работой весьма выдающейся по своему характеру и по ее выполнению, а также по теме, которую выбрал автор.

Я вполне согласен с предыдущим оппонентом в том, что редко приходится встречать такие работы, которые читались бы с большим интересом, чем эта работа. Работа проф. Рубинштейна читается с большим интересом, и, я бы сказал, с большим волнением. В самом деле, ведь историография является той дисциплиной, которая для нас, историков, представляется организующей наше сознание формой. С этой стороны сама постановка темы говорит о большой смелости автора.

Надо сказать, что в основном работа, конечно, удалась Н.Л. Ценным качеством работы прежде всего является то, что Н.Л. рассматривает историографию не оторвано, а в связи с явлениями XVIII–XX вв. Работа эта очень полно использует высказывания основоположников марксизма-ленинизма¹⁶. Работа написана интересно и, я бы сказал, вполне понятным языком, при всей трудности изложения отдельных вопросов, которые стояли перед автором.

И, наконец, (это надо отметить) – эта работа является в полном смысле этого слова исследовательской работой. Автор заново ставит вопросы и их разрешает. Кроме этого, он использует такое громадное количество литературы, что можно с уверенностью сказать, что после этой работы Н.Л. основные историографические вопросы несомненно будут разобраны.

Все, что я сказал, показывает значение этой работы. Но совершенно естественно, что такая работа, как работа о русской историографии, не может являться работой, ставящей и разрешающей бесспорно все вопросы.

Для нас, историков, очень важно остановиться на некоторых спорных вопросах, по которым мы не согласны с Н.Л. Часть этих вопросов отметил уже академик Готье. На остальных остановлюсь я.

Все, кто знает Н.Л., знают, как он относится к вопросам о развитии исторической мысли. Я видел, что автор главной своей задачей ставит вопрос о развитии исторической мысли. По существу это правильно, но ведь развитие исторической мысли идет различными путями и, надо сказать, что Н.Л. иногда увлекается большими веками, а маленькие веки в развитии исторической мысли его занимают иногда недостаточно. Но нельзя сказать, чтобы это касалось только маленьких веков. Очень часто он упускает те работы, которые ему не imponируют взглядами их авторов. Поэтому целый ряд произведений очень крупных, связанных с открытием новых памятников и описанием их, также упоминается только мельком. Это сводится до незначительных моментов историографии. Я не говорю, что он обошел кого-нибудь из крупных фигур, но иногда он говорит об этом мельком. Все это может быть вполне восстановлено и легко исправлено самим автором.

Но мне думается, что в силу этого, и получается некоторая неясность, неточность, может быть и в расстановке отдельных исторических сил, которыми занимается автор. Вот пример, на котором остановился академик Готье – это вопрос о Каченовском и Карамзине. Н.Л. отводит большую главу Карамзину, но тот представляется ему с реакционной точки зрения. Трудно, конечно, его реабилитировать, но нельзя забыть, что Карамзин выступает перед нами в двух лицах и это подчеркивает и Н.Л. Примечания Карамзина и текст “Истории государства Российского” – это не одно и то же. И это не случайно. Ясно, что в тексте Карамзин был связан с рядом цензурных условий и положением историографа, а в приме-

чаниях он оказывается гораздо смелее. Значение Карамзина гораздо больше, чем указывает Н.Л., особенно до выхода истории Соловьева. “История государства Российского” – Карамзина была основным трудом, которым пользовались и после выхода трудов Соловьева.

Я думаю, что было бы неправильно, если бы эта точка зрения не была подчеркнута в работе, а я считаю, что она подчеркнута недостаточно.

Если взять примечания Карамзина, то мы увидим, что он стоит на высокой ступени исторической науки. Посмотрите, как он разбирает отдельные вопросы, связанные с источниками. Глаз у Карамзина очень острый. С этим надо считаться и последующим исследователям, так как это имеет большое значение. А между тем Н.Л., говоря о Карамзине весьма подробно, говорит о нем довольно отрицательно, а, вместе с тем, чрезвычайно крупное место он отводит скептической школе, о чем уже говорилось. Получается довольно странная картина: Каченовский приравнивается к Нибуру¹⁷. Возможно ли это?

С одной стороны, человек, который представлял собой историка, великолепно знавшего предмет, а, с другой стороны, человек, который по существу высказал несколько мыслей, не нашедших впоследствии никакого развития. Получается, что Каченовский был руководителем той школы, от которой произошел потом и Соловьев.

Может быть вам это замечание покажется недостаточно обоснованным, но я хочу сослаться на мнение одного беспристрастного современника, голос которого будет для вас достаточно авторитетен – я имею в виду А.С. Пушкина.

Пушкин пишет о Каченовском:

“Если господин Каченовский, не написав ни одной книги, достоин некоторого внимания, и не напечатал ни одной статьи, снискал себе бессмертную славу, то чего же можно ждать от него, когда он примется за дело не на шутку”.

В другом месте Пушкин пишет:

“Юноша, обогнавший издателей всей Европы...

(читает)

... и медь звенящая”.

Тот же Пушкин подчеркивает значение Карамзина:

“Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России”.

Я думаю, что с мнением такого авторитета, как Пушкин, который сам был историком, следует считаться.

Я должен указать на то, что Ваше увлечение сказалось и на другой части работы, что мне тоже бросилось в глаза – на послеленинском периоде. Прежде всего тут получилось какое-то недоразумение: некоторые авторы попали слишком рано, другие – слишком поздно. Некоторые историки почти выпали из поля зрения.

О Шахматове Вы говорите на половине странички. Я не знаю можно ли за последнее время указать на какого-нибудь историка, который бы оказал такое же влияние, как Шахматов. Откровенно говоря, мне было как-то не по себе, когда я узнал, что Вы единственным потомком его назвали М.Д. Приселкова. При всем уважении к нему, по-моему, нельзя сказать, что он является продолжателем традиций Шахматова¹⁸, ибо у последнего было одно достоинство, которое всегда выделяло его из ряда других, – способность к кропотливому исследованию текста, на основании чего он приходил иногда к результатам, которые были почти математическими.

Я напомним Вам историю с обнаружением свода 1460 года. Он был найден в рукописях XVIII в. Недавно этот свод нашли в рукописях XVI в. Путем сравнения – это можно было восстановить.

Я хочу это отметить потому, что мне кажется, что по целому ряду вопросов Вы на это не обратили достаточного внимания. Может быть, это результат того, о чем говорил академик Готье – результат грандиозности самого плана¹⁹.

Видимо, кое-что в дальнейшем Вам придется еще дополнить, так как ограничиться тем, что сделано – нельзя.

Эти замечания мои сводятся, в конце концов, к прошлому. Дело в том, что Вы больше внимания обратили на те вехи, которые Вас особенно пленяют и на важные вехи в исторической литературе, а надо обратить внимание и на промежуточные моменты. Это не принижает значения Вашей работы. Было бы неправильно, если бы мы требовали, чтобы Вы один сейчас все это сделали. Это дело большой длительности.

Сейчас мы можем сказать, что вами проведена громадная работа и по ее интересу, и по ее значению, работа непосильная для одного человека, но Вам она оказалась по силам.

Отсюда вытекает один вывод: Н.Л., конечно, вполне достоин степени доктора исторических наук.

НИОР РГБ Ф. 521. К. 3. Д. 1. 29 об.–31. Машинопись, неправленнная стенограмма.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. 2 т. Киев, 1891–1908. Третья книга второго тома подготовлена к печати Санкт-Петербургским филиалом Архива РАН совместно с Институтом украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского Национальной Академии наук Украины (г. Киев).
- ² Работа П. Н. Милюкова “Главные течения русской исторической мысли” сложилась из лекций автора 1886–1887 гг. (так же как и монография Н.Л. Рубинштейна, в основу которой легли лекции в МГУ в 1930-е годы). Во “Введении” к монографии Н.Л. Рубинштейн отмечал: «Надо сказать, что уже самое название книги отражает характер трактовки темы. “Историческая мысль” фактически целиком и полностью оторвана автором от исторических основ ее формирования. Речь идет лишь о сменяющихся идеологических течениях» (*Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 16).
- ³ Лекции М.Н. Покровского по историографии, изданные под названием “Историческая наука и борьба классов”. Вып. 1–2. М.; Л., 1933.
- ⁴ Указать на этот момент было необходимо как самому автору, так и всем рецензентам. Однако, стоит особо отметить, что на страницах “Русской историографии” встречается мало ссылок на работы как В.И. Ленина и И.В. Сталина, так и основоположников марксизма. По законам советской науки цитатничество было делом обычным, и вызывает удивление, что Н.Л. Рубинштейну удалось сделать так мало ссылок на классиков марксизма-ленинизма, как это было только возможно в условиях его времени и в рамках выбранной им темы. Это бросалось в глаза и в приказе министра высшего образования СССР С.В. Кафтанова от 19 июня 1948 г., где указано на несоответствие “Русской историографии” требованиям к учебным пособиям и учебникам: “Книга пронизана объективизмом, в ней отсутствует боевой дух, марксистско-ленинская партийность. Академизм, абстрактность и аполитичность в постановке и решении важнейших вопросов исторической науки являются характерными чертами указанной работы” (НИОР РГБ. Ф. 521. К. 1. Д. 11. Л. 1).
- ⁵ При выдвижении монографии на Сталинскую премию присутствующие на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ 27 января 1943 г. особо отметили, что “большим достоинством книги Н.Л. Рубинштейна является то, что она написана на фоне общего развития историко-философской мысли не только в России, но и в Западной Европе. На этом фоне становятся особенно понятными явления русской исторической мысли, борьба западников и славянофилов, историко-юридическая школа и т.д. В этом отношении выход книги Н.Л. Рубинштейна представляет собой весьма выдающееся событие для русской исторической науки” (НИОР РГБ. Ф. 521. К. 1. Д. 10. Л. 3).
- ⁶ По Н.Л. Рубинштейну, «“История” Татищева подвела итог предшествующему периоду русской историографии, она действительно явилась переходом к исторической науке, давая направление русской исторической науке на целое столетие вперед. “Историей” Татищева в рукописи пользовались В.М. Ломоносов и Г.-Ф. Миллер; Г.-Ф. Миллер начал с того, на чем кончил свою работу Татищев. На работах Татищева формировались исторические взгляды И.Н. Болтина. Отражение взглядов Татищева мы найдем и у Н.М. Карамзина, и даже у А.-Л. Шлёцера. “История” Татищева, однако, не стала достоянием

сколько-нибудь широкого круга читателей. Ее не “читали” – для этого она была слишком громоздка и сложна, в ней было еще слишком много тяжелой первоначальной собирательской работы, сырого материала. Но иначе и не могло быть» (*Рубинштейн Н. Л. Русская историография*. С. 85).

⁷ К анализу историографического творчества М.В. Ломоносова будут претензии во времена борьбы с космополитизмом, но были они и у первого оппонента, Ю.В. Готье: “Я, например, не согласен с оценкой Ломоносова как историка с пропуском тех обстоятельств, которые толкали Ломоносова заняться историей, хотя сам по себе он не был историком. Это, конечно, правильно. История была ему заказана свыше и от этого он не мог отступить, но так как он не историк в душе, то это могло отразиться на некоторых отрицательных моментах, в смысле составления его истории, на тех местах, которые могут дать возможность для понижения всей русской историографии XVIII в.” (НИОР РГБ. Ф. 521. К. 3. Д. 1. Л. 28 об.).

⁸ В начале главы об историке Н.Л. Рубинштейне писал: “Погодин как историк в разработке исторического метода, в постановке вопроса исторической закономерности, в трактовке отдельных исторических вопросов выступает представителем научной мысли XIX в. Но Погодин не только ученый, историк, он публицист и политический деятель, состоящий на службе у самодержавия, у николаевской крепостнической монархии. Политической идеологии самодержавия он подчиняет свой научный метод и исторический материал. Переплетение и столкновение этих двух начал отразилось на исторических взглядах Погодина” (*Рубинштейн Н.Л. Русская историография*. С. 255).

⁹ Надо отдать должное Н.Л. Рубинштейну, что он не снизошел до уровня критики того времени и почти избежал перегибов в характеристике творчества Н.А. Рожкова, П.Н. Милюкова и М.Н. Покровского, двое последних находились под особым прицелом историографов-марксистов. За попытку объективного анализа творчества Н.П. Павлова-Сильванского Н.Л. Рубинштейну “воздадут” в конце 40-х годов. На заседании Ученого совета Института истории АН СССР, 24 марта 1949 г., А.Л. Сидоров утверждал, что «в книге “Русская историография истории народов СССР” (так в тексте стенограммы. – М.М.) проф. Рубинштейн последовательно проводил взгляды буржуазного космополитизма, преклонения перед иностранцами и отрицал самостоятельный характер русской исторической науки. Он утверждал, что историческая наука в России не существовала как самостоятельная, что основоположниками исторической науки являлись немецкие ученые Шлёцер, Эверс. Он смазывал значение марксистско-ленинского учения в развитии исторической науки и превозносил Павлова-Сильванского. Космополит Минц рекламировал Рубинштейна в качестве одного из передовых историков в статье “Ленин и развитие советской исторической науки”, напечатанной в “Вопросах истории” № 1. Он пишет: “Впервые с марксистской точки зрения изучен русский феодализм...” Рубинштейном. В действительности Н.Л. Рубинштейн поднял на щит не марксистско-ленинское учение о феодализме, а буржуазного историка, кадета Павлова-Сильванского, рассматривавшего феодализм лишь как политическую организацию и целиком игнорировал марксистско-ленинское учение о феодализме как общественно-экономической формации» (АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 207. Л. 28–29).

¹⁰ В опубликованной работе Н.Л. Рубинштейна эта мысль выражена следующим образом: «В лице М.Т. Каченовского и скептической школы русская научная мысль знакомится непосредственно с началами “высшей критики”, хотя это критическое направление в условиях недостаточной подготовки материальной базы новой науки выступает еще в искаженной, гипертрофированной форме, неспособное развить позитивный смысл той критики, которую в Западной Европе принес в историческую науку Б.Г. Нибура» (*Рубинштейн Н.Л. Русская историография*. С. 210). В современном учебнике для вузов “Историография истории России до 1917 года” вывод Н.Л. Рубинштейна воспроизводится почти полностью: «Под влиянием историко-критического метода немецкого историка Б.-Г. Нибура Каченовский поставил вопрос о необходимости “высшей”, или исторической, критики», которая из-за низкого еще уровня развития исторической науки привела к недоверию к древнейшим памятникам русской истории (*Шикло А.Е. Критическое направление в отечественной историографии 20–40-х годов XIX в. ... // Историография истории России до 1917 года / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М., 2004. Т. 1. С. 243, 244–247*). Однако вывод историографа о том, что М.Т. Каченовский оказал существенное влияние на С.М. Соловьева, не встретил поддержки не только у современников, но и у последующих историков.

¹¹ “Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегами хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий. Нет ни единой эпохи, ни единого важного происшествия, которые не были бы удовлетворительно развиты Карамзиным” и т.д. (*Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. М., 1959. Т. 6: Критика и публицистика*).

¹² Оба оппонента выразили несогласие со взглядами Н.Л. Рубинштейна на значение наследия историографа. Исторiku необходимо было дать развернутый ответ, который бы устроил всех: и его, как автора и на тот момент лучшего знатока вопроса, и оппонентов, каждый из которых был специалистом высокого уровня: “В XIX в. главный вопрос – это вопрос о Карамзине. То, что я говорил по этому поводу с точки зрения исторического знания и является тем вопросом, исходя из которого мне делали упреки. Я согласен с тем, что, может быть, надо еще подчеркнуть значение Карамзина в распространении исторического знания. Может быть, эту сторону надо несколько усилить. О примечаниях я говорил, но, по-моему, сомнительно утверждение проф. Тихомирова о том, что невнесение этих моментов в историю Карамзина определялось цензурой и официальным положением Карамзина. Думаю, что вопрос не в этом. Вопрос идет не о внешних условиях, а о внутреннем подходе Карамзина к вопросам истории. Вопрос идет о литературном направлении, которое сильно сказывается у Карамзина, в сравнении с примечаниями. Это яркий показатель. Я должен сказать, что такое отношение к своим примечаниям, как у Карамзина, я встретил только у одного историка – у Костомарова, где также нет соответствия между примечаниями и текстом” (НИОР РГБ. Ф. 521. К. 3 Д. 1. Л. 37). Неоднозначное отношение к наследию Н.М. Карамзина отразилось и в окончательном тексте опубликованной монографии. Н.Л. Рубинштейн особо подчеркнул, что в “Истории” Н.М. Карамзина “на первом месте поставлена политико-назидательная задача; история... служит нравоучению, политическому наставлению, а не научному познанию. Самому нравоучению придано при этом резко реакционное содержание в соответствии с окончательно оформившимися политическими воззрениями автора...” (*Рубинштейн Н.Л. Русская историография. С. 173*). Историк не преминул отметить, что «примечания состоят, главным образом, из выдержек из источников, изображающих те события, о которых рассказывает Карамзин в своей “Истории”. Обычно даются параллельные тексты из нескольких источников... Это огромное количество документального материала сохранило свою свежесть в ряде случаев до конца XIX в., тем более что некоторые списки и памятники, которыми пользовался Карамзин, погибли во время московского пожара 1812 г. или от других стихийных бедствий. К примечаниям Карамзина долго продолжал обращаться историк, уже перестав читать его “Историю”; ценность этих примечаний совершенно бесспорна» (Там же. С. 176). Кроме того, он обратил внимание читателей и на тот малоизвестный факт, что “в самой работе по розыску и обработке этих документов значительную роль сыграли выдающиеся деятели русской археографии начала XIX в. Им и принадлежит значительная доля указанной заслуги “Истории” Карамзина... Они не только высылают ему дела, представляющие ценность и важность для этого периода, но и сами, по его поручению, делают подбор документов, выборку и систематизацию чернового подготовительного материала к заданной теме или вопросу”. Но замечания оппонентов все же возымели воздействие и историограф признал, что “Карамзин не ограничивается в своих примечаниях одним формальным воспроизведением источника. Примечания Карамзина свидетельствуют о том, что его длительная и углубленная работа над документальным материалом, его обширные исторические познания поставили его в известной мере в уровень с требованиями критического метода, принесенного А.-Л. Шлёцером в историческую науку. Историк русского летописания М.Д. Приселков отметил тонкое критическое чутье Карамзина в отборе использованных им летописных текстов – Ипатьевской, Лаврентьевской, Троицкой. Его примечания о составе Русской Правды, о церковных уставах Владимира и Всеволода, частое сопоставление разных исторических источников для разрешения отдельных научных контроверз сообщают примечаниям Карамзина не только археографическое, но и историческое значение. Не случайно к мнению Карамзина прислушивались в спорных вопросах специалисты-археографы”. Однако, Н.Л. Рубинштейн не смог отойти от своей точки зрения, высказанной в диссертации: «И все же в общей системе исторических взглядов Карамзина, в общем построении его “Истории” весь этот источниковедческий, критический аппарат сохраняет чисто формальный, отсылочный характер. Карамзин в примечаниях дает выписки из источников, изображающих те события, которые он описывает в своей

истории. Но при этом тот самый критический материал, который содержится в примечаниях, остается неотраженным в самой “Истории”, остается за рамками повествования. В плане последнего Карамзину важны не критика источников и раскрытие внутреннего содержания явлений. Он берет из источника только факт, явление само по себе. Этот разрыв между примечаниями и текстом переходит иногда и в прямое противоречие, так как эти две части работы Карамзина подчинены двум разным принципам или требованиям» (Там же. С.177). В несколько противоречивом виде характеристика Н.М. Карамзина вошла в книгу и во многом определила отношение к первому историографу России на протяжении 60 лет. О популярности выводов историка свидетельствует, к примеру, тот факт, что большинство процитированных выше строк было полностью и почти дословно приведено в учебнике “Историография истории России до 1917 года” (Т. 1. М., 2004), правда, без указания имени Н.Л. Рубинштейна в списке использованной литературы. А. Н. Шаханов также указывает, что “История государства Российского” “утратила свой официальный статус” с 1850-х годов. (Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 4).

¹³ Этим ученым Н.Л. Рубинштейн уделил от страницы до двух с половиной, что, естественно, не соответствовало их вкладу в историческую науку (при этом наименьшего внимания был удостоен С.Ф. Платонов). Можно предположить, что если об историках прошлого уже существовали работы (в виде статей и даже монографий), то о старших современниках историографу приходилось писать самому, а при большом количестве имен у него не было возможности остановиться на каждом подробно. Кроме того, могла влиять и идеологическая конъюнктура. С.Ф. Платонов умер в ссылке, когда писалась докторская, посвящая ему целую главу было опасно. В более позднее время коллег Н.Л. Рубинштейна не смущало, что репрессированному историку уделено так мало внимания, но претензии к недооценке вклада А.А. Шахматова оставались. Так, 21 февраля 1948 г., на одном из заседаний в МГУ проходило очередное обсуждение книги Н. Л. Рубинштейна (в связи с борьбой с космополитизмом). В своем дневнике Б.Б. Кафенгауз записал: «Я [...] указал неправильность отрицательной оценки Карамзина, ненужность отдельных глав о Полевом и Погодине, неправильность определения взглядов Ключевского как “буржуазный экономизм”; необходима глава о Шахматове и его методе. Меня поддержал Тихомиров, а С. Дмитриев говорил даже, что надо ввести в работу то, что сделали русские ученые по истории Западной Европы, как М. Ковалевский и др.» (АРАН Ф. 1580. Оп. 2. Д. 44. Л. 8 об.). Эта запись еще раз иллюстрирует, как историки по-разному видели развитие российской историографии. Если одни считали главы о Н.А. Полевом и М.П. Погодине – достижением, другие – не видели в них необходимости, о А.А. Шахматове вместо двух страниц предлагалось вставить целую главу, материал для которой мог бы составить отдельную монографию и т.д.

¹⁴ При обсуждении “Русской историографии” как учебника М.В. Нечкина высказалась по этому вопросу весьма резко: “Заключение мне представляется крайне неудачным, и ни в какой мере не может быть принято. В лице Ленина и Сталина мы имеем руководящего значения материал исторических высказываний и было бы совершенно неуместно как-то перемежать этот материал чередованием историков, являющихся профессионалами. Внешнее впечатление, что будто бы там учение классиков марксизма в какой-то мере вклинивается в этапы развития науки самостоятельными главами. Это производит какое-то неприятное впечатление, будто бы приняты критерии некоторой равноценности этих работ, а между тем, по существу их происхождение идет из другого общественного ствола. Главы о Ленине и Сталине надо выделить, объединить и поставить, как заключительные” (НИОР РГБ. К. 24. Д. 40. Л. 6). Н.Л. Рубинштейн принял это замечание оппонентов (с Н.М. Тихомировым во время диспута солидаризировался и Ю.В. Готье, в официальном отзыве на это указала А.М. Панкратова) и порядок глав был изменен.

¹⁵ Как по-разному воспринимался труд Н.Л. Рубинштейна, свидетельствует и диспут, разгоревшийся в начале марта 1941 г. на заседании экспертной комиссии по делам высшей школы, где рассматривался вопрос – предоставить или нет “Русской историографии” статус вузовского учебника? В комиссию входили почти все главные участники докторской защиты – Ю.В. Готье и М.Н. Тихомиров, а также М.В. Нечкина, А.В. Шестаков и др. А.В. Шестаков заявил, что у Н.Л. Рубинштейна “ученость чересчур выпирает, она выпирает в таких формулировках, которые простому человеку непонятны”, “безусловно, эта работа трудна и на всем этом изложении можно сломать ногу”, и может быть, необходимо “уменьшить, не нужно показывать всю свою образованность”, которая приводит

к “терминологическим туманностям” (НИОР РГБ. Ф. 521. К. 24. Д. 40. Л. 9 об., 12–12 об.). По поводу этих замечаний академик Ю.В. Готье высказал следующее пожелание: “Я с Вами согласен не в отношении заметки, которую Вы приводили насчет философии, но у Н.Л. есть тенденция к отвлеченному мышлению, против этого я и протестую, протестую и против введения в историографию философского метода. Мы не будем отрицать, что наши крупные историки были под влиянием и Шеллинга и других, по преимуществу германских философов, но я боюсь, что у вас этих элементов может быть чрезмерно много не для Вашего учебного трактата, а для книги, предназначенной быть учебником или учебным пособием. Студенты, которые всегда имеют склонность к философскому мышлению, справятся с этим, но другие не справятся, и самое выступление Андрея Васильевича показало, что это может случиться и с каждым из нас. Кое-что кажется непонятным. Так что, если Вы найдете возможным кое-где облегчить эти философские вещи, то было бы хорошо” (Там же. Л. 15). М.Н. Тихомиров встал на защиту не только Н.Л. Рубинштейна, но и студентов: «С работой его я знаком от самого начала и до конца. Прочел весьма подробно и несколько был удивлен тем выводом, которые здесь сделал А.В. Шестаков. Дело в том, что хорошо думать о студентах, беспокоиться, чтобы они усвоили, но надо задать следующий вопрос – сдавали ли студенты по этому курсу или нет? В этом году студенты 5 курса МГУ сдавали историографию по стенограммам проф. Рубинштейна. Конечно, сдавать по стенограммам гораздо труднее, чем по напечатанному тексту, но результаты были прекрасные, не было случая, чтобы студенты говорили, что они не поняли. Если вопрос ставился таким образом, что студент 5 курса рассматривается человеком, который, вообще говоря, и философии не нюхал, то это переварить действительно невозможно. Но если считать, что студенты 5 курса все-таки прошли историю философии, сдавали историю философии, сдавали основы марксизма-ленинизма, читали Ленина, то я тогда не понимаю, почему так можно ставить вопрос. Тогда “Эмпириокритицизм” невозможно прочитать. Разве, по Вашему, эта книга написана популярно? Там есть те же слова, есть те же трудности. Почему же это доступно, а это нет? Это мне непонятно. Я считаю, что надо прийти к мысли, что студенты, 5 курса, в особенности студенты университетов, есть образованные люди и что образованные люди должны держаться на каком-то уровне, соответствующем образованным людям. Это такой простой вывод, из которого и надо исходить. Кроме того, у нас есть философские факультеты. В ИФЛИ существует философский факультет. [...] Следовательно, говорить, что этот труд не может быть пособием только на основе этого, мне представляется весьма странным» (НИОР РГБ. Ф. 521. К. 24. Д. 40. Л. 17–17 об.). По мнению Н.М. Тихомирова, монография была очень нужна в провинции и ее необходимо издавать. На это А.В. Шестаков заметил, что книга выйдет и без грифа учебника. “Если Вы не поставите грифа, – парировал Н.М. Тихомиров, – то, значит, вы бракуете, значит, Вы нашли дефекты, а я считаю, что в книге дефектов не указано” (Там же. Л. 17 об.). Его поддержал Ю. В. Готье: “[...] насчет визы Комитета: я бы дал, но это дело Комитета. С моей стороны, мне кажется, возможно отдельные поправки”. Члены Экспертной комиссии приняли Соломоново решение: дать гриф только на верстку, т.к. рукопись должна была проходить еще дальнейшую рецензию, и если бы она была не годна как учебное пособие, то ее могли не пропустить в высших инстанциях (Там же. Л. 27).

¹⁶ В тексте эта фраза, по странной прихоти стенографа, повторена дважды.

¹⁷ Академик Ю.В. Готье так же не смог пройти мимо определения роли скептической школы в русской историографии: “Вы видите здесь новаторов, но в этом я и сомневаюсь. Что такое Каченовский? Это грек, который, будучи пехотным офицером, занимался и другими делами. Через кафедру Московского университета он стал русским историком в 1820 г. Так продолжалось до 1840 г., когда его описывает Соловьев, как пергаментного старичка, который иногда зажигался, говоря о предмете, который его занимал. Скептицизм – это явление настолько закономерное и естественное, что он должен был проявляться тогда, но он не создал у нас крупной фигуры в области историографии... Каченовский, совершив земное поприще, совершил и свое историографическое поприще, а Н.Л. делает Соловьева его учеником. С этим я согласиться не могу” (НИОР РГБ. Ф. 521. К. 3. Д. 1. Л. 29). Н.Л. Рубинштейн парировал на возражения оппонентов следующим образом: “Говоря о Каченовском, Вы (М.Н. Тихомиров. – М.М.) сослались на Пушкина. Конечно, это яркий показатель, но согласиться с конечной оценкой, данной Вами, – я все-таки не могу. Я готов признать, что одна формулировка у меня неточна, преувеличена. Я имею в виду указания на Соловьева, как на продолжателя линии Каченовского. Это, конечно, слишком сказано. Но совершенно свести его на нет, по-моему, нельзя. Мы Каченовско-

го будем расценивать с точки зрения развития не исторического знания, а исторической мысли. Здесь говорилось о слабости школы Каченовского. Почему действует этот термин? Выступающие не случайно указывали на то, что о школе в полном смысле слова можно говорить только у Соловьева. Это правильно. Но если мы имеем этап, элемент которого представляет собою школу Каченовского, вокруг которого группировалась небольшая группа историков, то это же говорит о его значении. Другой вопрос – оценка его в современной исторической литературе. Соловьев при всех расхождениях – очень высоко ставил Каченовского и выделял его значение как историка. Допустим, что он был пристрастен. Но и Кавелин, который ценил Погодина, тоже отмечал большое значение Каченовского и ставил его выше, в смысле выявления поступательного хода развития исторической мысли. Не только люди, близкие к Каченовскому, как Скраменко и др., но и П.М. Строев выделяет Каченовского, противопоставляя его Погодину. Беренников подчеркивает значение Каченовского. Все это показывает, какое значение придавали ему современники-историки. Это заставляет более осторожно подойти к практической оценке его роли в последующие периоды” (НИОР РГБ. Ф. 521. К. 3. Д. 1. Л. 37–37 об.). В современной историографии выдвигается тезис о существовании “скептической школы” и скептического направления (см.: *Умбрашко К.Б.* Русская историография о составе “скептической школы” и скептического направления // *Россия в новое время: поиск формулы национальной истории: Материалы Российской межвузовской научной конференции 27–28 апреля 2001. М., 2001. С. 38–41).*

¹⁸ Современные историки придерживаются в большинстве мнения Н.Л. Рубинштейна.

¹⁹ Ю.В. Готье выступал на защите сразу после вступительного слова Н.Л. Рубинштейна. Академик, который сам в 1916/17 уч. г. в Московском университете читал курс по историографии, начиная его с летописей и кончая современными исследованиями, лучше всех подходил на роль оппонента. Стоит отметить, что ни в отзыве, ни во время диспута он ни разу не упомянул о своих лекциях; объясняется ли это скромностью ученого или нежеланием вспоминать свою работу до революции, не ясно. По воспоминаниям его студента Б.Б. Кафенгауза, сам историк считал этот курс одним “из лучших своих курсов ... отличался ясностью и яркостью, слушателям легко и хорошо запоминался, это был как всегда заново оригинально разработанный им курс” (АРАН. Ф. 1580. Оп. 1. Д. 25. Л. 3; Об историографических работах Ю.В. Готье см. в частности: *Галахов В.В.* Историографические материалы в фондах академика Ю.В. Готье // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 236–237).

Ю.В. Готье подчеркнул, что работа диссертанта «это не простая историография. Это попытка осмыслить весь исторический процесс на фоне историографии, на фоне изучения исторической мысли. Я запнулся сейчас не даром: я хотел сказать “русской” исторической мысли. Но это было бы неверно. В концепции проф. Рубинштейна имеется в виду общее развитие человечества, общее развитие его мышления, его установок, самых широких и общих, которое из глубин первобытной общины, или, по крайней мере, из глубин начатков феодального строя, доводят его до коммунизма. ... Вместе с тем мы слышали сейчас из уст самого Н.Л., что для правильного уразумения развития исторического процесса данного народа, в том числе и русского, надо учитывать, надо принять во внимание еще нечто гораздо более широкое, а, может быть, отчасти и устаревшее, нежели только марксистско-ленинское учение. Надо все время не терять связи с общим развитием исторического процесса Европы. Следует все время увязывать ход собственных мыслей с развитием философских наук Западной Европы. Спросим себя, каков же этот план? Это грандиозный план. Можно поставить и другой вопрос: справляется ли с этим планом наш диссертант? Мое мнение таково ... что план слишком грандиозен для того, чтобы он мог быть разрешен во всех его частях с одинаковым успехом одним человеком, тем более что, наряду с грандиозным планом, остается еще второй, более узкий и скромный план: дать руководство и притом учебное руководство для изучения в широком смысле этого слова русской историографии. ... Сочетание этих двух планов – очень широкого, общечеловеческого, часто выходящего за рамки более скромного плана русской историографии, – и делает то, что в осуществлении грандиозного плана, применительно к русской историографии встречаются некоторые разрывы» (НИОР РГБ. Ф. 521. К. 3. Д. 1. Л. 26 об.–27).

ПИСЬМА Е.Э. ГРАНСТРЕМ К А.Д. ЛЮБЛИНСКОЙ 1941–1942 гг. ИЗ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Имя Евгении Эдуардовны Гранстрем (1911–1991) как ученого-палеографа, исследователя памятников византийской и древнерусской письменности известно каждому, когда-либо работавшему с греческими рукописями отечественных книгохранилищ. О ее научной деятельности написан ряд статей¹, однако до сих пор нет еще полного биографического очерка всесторонне освещающего ее неординарную личность.

Иногда у людей, даже долгие годы проработавших рядом с Евгенией Эдуардовной, складывалось впечатление, что это суховатый, замкнутый и малодоступный человек. Такое представление о себе Гранстрем и не пыталась опровергнуть. Она была человеком закрытым, нелегко вступала в дружеский контакт и в свою душу пускала очень немногих. Во многом она была максималисткой и не любила компромиссов. Она была верна и преданна в дружбе и того же ждала в ответ.

В марте 1934 г. Гранстрем поступила на службу в Государственную Публичную библиотеку, а осенью 1935 г. – в аспирантуру Библиотеки по специальности “греческая палеография”. Помимо специальных дисциплин она осваивала греческий язык, с которым ранее не была знакома². Ее научный руководитель выдающийся византинист В.Н. Бенешевич высоко оценивал трудолюбие, рвение в работе молодой аспирантки и писал, что видит ее “сначала помощником, а потом и преемником по отделу греческих рукописей”. Действительно, в Рукописном отделе Евгения Эдуардовна проработала 40 лет, став замечательным знатоком греческих рукописей. После ареста в 1937 г. В.Н. Бенешевича консультантами Гранстрем стали О.А. Добиаш-Рождественская (по палеографии и описанию рукописей) и П.В. Ернштедт (по греческому языку и общему руководству). В эти же годы она познакомилась, а затем подружилась с Александрой Дмитриевной Люблинской³, которую также считала своей наставницей не только в науке, но и в жизни. Эта дружба, требовательная и нежная одновременно, продолжалась в течение многих лет. Но особенно она проявилась в трудные годы Великой Отечественной войны.

В августе 1941 г. Александра Дмитриевна вместе с сестрой и маленьким племянником эвакуировалась в Молотовскую (Пермскую) область, Евгения Эдуардовна осталась в Ленинграде. Она тоже хотела уехать из го-

¹ См.: Самодурова З.Г. Об изучении греческого рукописного наследия в СССР (1945–1971 гг.) // АЕ за 1971 год. М., 1973. С. 50–57; АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 71–81; Фонкич Б.Л. Е.Э. Гранстрем как исследователь греческих рукописей советских собраний: (К 75-летию со дня рождения) // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 152–155; Цамутали А.Н. Петербургская школа византиноведения // ВИД. Л., 1991. Вып. 23. С. 5–19; Лебедева И.Н. Евгения Эдуардовна Гранстрем (1911–1990) // АЕ за 1991 год. М., 1994. С. 335–337.

² В 1932 г. Е.Э. Гранстрем закончила английское отделение Ленинградского института истории, философии, литературы и лингвистики (ЛИФЛИ).

³ Люблинская Александра Дмитриевна (1902–1980) – историк западноевропейского Средневековья и Нового времени, палеограф, ученица и преемница О.А. Добиаш-Рождественской в ОР ГПБ в 1934–1949 гг.

рода, но военкомат не давал разрешения на эвакуацию ее матери Евгении Евстафьевне, врачу по профессии. Выехать же вдвоем с сыном, оставив в осажденном городе мать, Евгения Эдуардовна не представляла для себя возможным. Это ее решение не было только эмоциональным; оно было совершенно осознанным. Она прекрасно понимала, какой опасности подвергает жизнь маленького сына и свою, понимала, что с точки зрения здравого смысла, может быть, поступает неразумно, но по-другому поступить не могла.

В Ленинграде Евгения Эдуардовна пробыла всю блокаду и войну. Пешком с Кировой улицы (ныне Салтыкова-Щедрина) добиралась на работу в Публичную библиотеку, разбирала завалы, сушила книги, собирала свидетельства военных дней (письма, дневники). В 1943 г. она приняла в ведение архив Библиотеки и впервые за все время его существования занялась не только приведением его в порядок, но также изучением и научной обработкой. Несмотря на слабое здоровье, усугубляемое голодом, холодом, отсутствием воды, она находила в себе силы дежурить в госпитале. Будучи “беседчиком”, рассказывала античные мифы, приносила и читала вслух книги, изданные ее дедом Э.А. Гранстремом⁴.

Часто Евгения Эдуардовна писала Александре Дмитриевне Люблинской, находившейся до октября 1942 г. в деревне Вавилово (Молотовской) Пермской области, а затем до ноября 1943 г. – в Москве⁵. Она не жаловалась на жизнь; писала лишь, что очень устает от того, что приходится по несколько раз за ночь спускаться в бомбоубежище, что книги из-за сырости начинают портиться. Писала и о том, что мечтает, если доживет до окончания войны, есть досыта и совсем не думать о фигуре; и о том, что нынешняя жизнь представляется совершенно нереальной, что надеется, однажды проснувшись, убедиться в том, что это был только кошмар. Иногда, правда, писала, что хочется и совсем не проснуться, хочется покоя... Ее письма, искренние и безыскусные, раскрывают облик скромного и незаурядного человека. Как нам представляется, они важны не только для понимания личности самой Е.Э. Гранстрем, но и как источник для жизни осажденного города, и как своеобразная хроника Публичной библиотеки в годы блокады.

Письма Е.Э. Гранстрем к А.Д. Люблинской хранились у сына Евгении Эдуардовны М.П. Гранстрема. В конце 2006 г. они были переданы им в архив Санкт-Петербургского института истории РАН, присоединены к фонду Е.Э. Гранстрем и пока еще не описаны. Приношу глубокую благо-

⁴ Гранстрем Эдуард Андреевич (1843–1918), в 1881 г. основал в Петербурге издательство, которое просуществовало до 1916 г. Был не только издателем, но также переводчиком (в частности, перевел сказки З. Топелиуса, работал над стихотворным переводом “Калевалы”) и писателем для юношества (“Столетие открытий в биографиях замечательных мореплавателей и завоевателей XV–XVI вв.” и др.).

⁵ О жизни А.Д. Люблинской в эвакуации см.: *Вольфцун Л.Б.* А.Д. Люблинская в Вавилово: (По материалам переписки А.Д. и В.С. Люблинских, 1941–1942 гг.) // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 151–159; *Она же.* А.Д. Люблинская в Москве в 1942–1943 гг. (По материалам переписки А.Д. и В.С. Люблинских) // АЕ за 2003 год. М., 2004. С. 182–192; *А.Д. Люблинская.* Письма военных лет / подгот. текста, предисл. и коммент. Л.Б. Вольфцун // История библиотек: Исследования, материалы, документы. СПб., 2002. Вып. 4. С. 307–417.

дарность Михаилу Петровичу Гранстрему, предоставившему мне возможность опубликовать несколько писем его матери, относящихся к периоду Великой Отечественной войны. Поскольку все они посланы из Ленинграда, то указаны только даты написания. Письмо Г.В. Никольской внутри второго письма выделено курсивом.

Л.Б. Вольфцун

1

12. 10. 1941 г.

Моя дорогая Блоха¹, не правда ли чудная бумага? Я “выкрала” ее из архива Дмитриевского², который я теперь должна разбирать. Попов³ так его и не кончил. За последние дни мы все получили сразу много писем. Буся⁴ показал мне твои. Насколько я знаю, библиотека в Юрьевском Университете⁵ действительно довольно хорошая. Там были хорошие византилисты. Очень буду рада, если у тебя устроится с Университетом. Обязательно навести Наташу⁶ и приласкай ее – ей очень грустно, она тоскует о муже, и мы ничего утешительного написать не можем. О нем нет вестей с конца августа, я пыталась навести справки и мне ответили, что он числится среди пропавших без вести. Ты ей этого не говори, я и от мамы скрыла, может быть, он еще и вернется. Адрес Наташи – гор. Молотов, ул. Ленина, д. 11, кв. 1, в квартире проф. Александра Серг[еевича] Лебедева⁷.

Я сижу сейчас в Рукописном, на твоём месте, окружена тьмой и холодом. Сегодня воскресенье, но мой выходной день – вторник. Я работаю теперь на целой ставке, половина – в Рукописном, половина – в иностр[анной] отметке⁸ – дублирую карточки. Мать⁹ временно перешла на полставки и ездит к себе в поликлинику только 3 раза в неделю. Это хорошо, т.к. у нее район очень бурный. Буся меня навещает и обо мне заботится. Я ему очень благодарна, но сама навещать Марусю¹⁰ совершенно не могу – нет ни одной свободной и спокойной минуты. Как назло, слишком ясная погода и дождей совсем нет. Все наши общие знакомые здоровы. У Ивана Афан[асьевича]¹¹ выбиты стекла, но он не хочет никуда переходить из своей квартиры. У Ухмыловой¹² в доме больше жить нельзя, ей дали другую комнату. Левченко¹³ взят в армию. Недавно встретила на улице Сливинскую¹⁴, она здорова, но очень подурнела. Буся здоров и бодр. От Ивана Афан[асьевича], Михайловой¹⁵ и нашей институтскообразной уборщицы Полины Семеновны тебе привет. Майков¹⁶ поправился, но в Б[иблите]ку еще не ходит; Марья Семен[овна]¹⁷ эксплуатирует его и всех, кого только может. Ольга Павловна¹⁸ была больна, теперь опять ходит в Б[иблите]ку и кланяется тебе. Получили вести из Мелекесса¹⁹. Пока что все книги и рукописи целы. Меня очень интересует, что они там делают. Судя по письмам, занимаются своим хозяйством, гл[авным] образом, борьбой с клопами. Ты написала мне, что я поступила (или хотела поступить) умнее, чем ты с Лялей²⁰. Несмотря на все трудности нашей жизни, я знаю, что я поступила правильно. Я могла ехать только с матерью, оставить ее здесь одну было бы преступлением. Конечно, не знаю, что я буду думать дальше. Ну, ничего. Это все не так страшно. Ты все-таки пиши мне хоть изредка, мне без тебя очень горько. Вдобавок, не вижу и питона²¹. Да я тебе уже об этом писала. Если увидишь Наташу, напиши нам о ней поподробнее.

Странно видеть совершенно пустой и полный чуждым элементом Рукописный Отдел. Вернется ли опять сюда его хозяйство? Как ты думаешь?

Напиши, как по-твоему, правильно ли я сделала, что не уехала без матери. Миша²² пока что страдает только от того, что ему ночью часто приходится вставать, а так, как будто ничего. Но на душе очень грустно и пусто. Левченко, уходя

в армию, говорил о том, что надо готовить 2-й том Визант[ийского] Сборника, но это совершенно нереально. Я теперь вижу, что мой уход из Академии²³ – к лучшему. Правда, там есть несколько живых людей (в Библиотеке – только Ольга Павловна и Буся), но уж очень трудно работать сейчас далеко от дома. Кроме того, заниматься сейчас историей визант[ийских] библиотек или чем-нибудь в этом роде просто невыносимо, сейчас не до того.

Так ты мне все-таки пиши. Хотя я знаю, что тебе приятнее писать Гале Сливинской, но ты помни, что для меня твои письма – радость и поддержка, а для нее – она без них может и обойтись, ей это не так нужно.

В свой свободный день хочу с Мишуткой идти в театр – совсем, как афиняне во время чумы. Пиши мне, моя дорогая Туленька, и вспоминай иногда обо мне. Я надеюсь все же увидеть тебя раньше, чем через год. У меня хуже почерк, чем обычно, ты прости это – здесь очень холодно и я уже целую неделю не спала, как следует.

Целую и люблю блошью душу. Женя.

Привет всем – Ляле и семейству и Наташе.

Если можно будет приехать с семейством, нам втроем – примете ли Вы нас – Мишу, маму и меня?

2

15. 04. 1942 г.

Дорогая моя Туленька, мое письмо будет сегодня очень грустным.

Умерла Гали Всеволодовна²⁴ 4 числа. Я была сегодня у ее матери – она осталась совершенно одна и в отчаянии. Последнее письмо Г[али] Вс[еволодовны] к тебе я пишу и посылаю тебе копию, т.к. подлинник хочет сохранить ее мать. Сохраняю графию, пунктуацию и аббревиатуры.

1942 30/III

Дорогая моя Александра Дмитриевна, пишу, лежа в постели и пишу на бумаге, которой 40 лет. Не удивляйтесь содержанию ее оборота, это из "архива" моего отца. В постель я слегла два дня тому назад, надорвалась предыдущими неделями, хождениями в рынок, помощью маме и т.п.

Вдобавок у меня болит, распухла вся полость рта. Не дает ни есть, ни пить, ни говорить, ни спать... Все время шла носом кровь, а вчера так обильно, что я рано утром послала к Евг[ении] Эд[уардовне] – просить ее мать дать мне совет хотя заглазно. Е[вгения] Эд[уардовна] через час сама пришла, принесла лекарство, рецепты, даже немножко сахара.

Она – единственная, кто из Рукоп[исного] отд[ела] сохранила со мной хотя некоторую связь, и я страшно ей благодарна. Я – вне жизненных связей, благодаря тому, что не работаю. Буду помирать – никакие стационары СНР ко мне на помощь не придут, так как формальной связи у меня нет ни с чем, и всем не до меня, да и не осталось никого... Поэтому я особенно благодарна нашей ЖЕНЕЧКЕ за ее участие. Она, м[ежду] пр[очим], очень тепло отозвалась о Влад[имире] Серг[еевиче], и я, слушая ее, пожалела, что не могу с ним повидаться. Как ни дико, но Вы в этом отношении счастливее меня: Вы можете с В[ладимиром] С[ергеевичем] переписываться, а я лишена и этого. Не знаю, финал ли мой то, что есть, или только болезнь, которая может пройти. Для ее преодоления я все еще концентрирую в себе все нравственные силы, всю душевную сопротивляемость. Это, конечно, многое, но не все... Неужели, это мое письмо к Вам последнее? Оно же даст Вам возможность проверить Ваши графологические способности, т.к. для чтения оно, кажется, малодоступно.

Если когда-ниб[удь] увидимся, буду с Вами говорить откровенно, как с лучшим другом. Мне бы хотелось рассказать Вам всю свою жизнь (конечно, не внешнюю) – она по содержанию, как увидите, была жизнью совсем необычной. Хотелось бы рассказать об эпизоде с Наташей. Этот эпизод, в сущности, сыграл для меня роль трагическую и гибельную (в мои годы).

Но, скорее всего, все окажется нерассказанным. О Вас – мысли хорошие и теплые, мой дорогой друг. Верю, если бы Вы были здесь, я не была бы так ужасно одинока – до ужаса.

Обнимаю и целую Вас от всей души. Не забывайте меня подольше, независимо от того последнее ли это мое письмо окажется в Вашем архиве.

Ваша Г[али] Н[икольская].

Приписка на полях: Сил нет, здоровья нет, будущего нет, а жить все-таки хочется. Какая неразумная гадость!..

Вот и все, моя милая блоха. Грустно мне было сегодня у ее матери, она совсем одинока, в полном отчаянии. Чем я могла им помочь? Помочь хочешь, но сделать ничего не можешь.

Бумаги Г[али] Вс[еволодовны]²⁵, по завещанию, надо передать в Б[иблиоте]ку, что, вероятно, придется делать мне. Вот и все. Маме моей посл[едние] дни лучше. Уедем отсюда как только можно будет и будем стараться жить вместе с тобой – мне это так нужно. Мишутка здоров; доволен очагом²⁶, много и хорошо рисует. Буся твой в полном порядке, выглядит неплохо, и чувствует себя, по его словам, недурно. Ольга Павловна здорова, она думает о Бусе то же, что и я. Сейчас тебе нет оснований беспокоиться о его здоровье – он в лучшем положении, чем многие здесь. А от случайностей не застрахован никто из нас. Я простудилась, кашляю, но это не страшно. Мой тbc вообще не в очень сильной степени, а одышка просто невыносима, ходить мучительно тяжело.

Зельце²⁷ должен был внезапно уехать. Иван Аф[анасьевич] пока относительно здоров. Больше всего хочу тебя видеть и хочу видеть Ернштедта, но когда это будет возможно – не знаю, несмотря на разницу в расстоянии от тебя и от него.

Любящий тебя Барбос.

Приписка на полях: Встретила В.Г. Геймана²⁸ – он здоров, такая это радость!

Я любила раньше твоего Бусю ради тебя, теперь – ради него самого и от благодарности. Как много он помогал мне в эту зиму! И Гали Вс[еволодовне] он за 3 дня до смерти послал табачку.

3

16. 06. 1942 г.

Дорогая моя Туленька, сейчас получила твою милую телеграмму, но наш отъезд еще оч[ень] далек, т.к. маму не отпускают. Посл[едние] дни надеюсь послать тебе несколько писем с оказией, что ускорит их доставку. Буду теперь писать на одном листе, а другой оставлять тебе для ответа, т.к. у тебя, возможно, нет бумаги. У нас все по-старому. Недавно узнала о смерти Дины Сам[ойловны] Крым²⁹. В Библ[иоте]ке посл[едние] дни начинается более деятельная жизнь. Стало немного теплее. Видела вчера Ив[ана] Аф[анасьевича], к[ото]рый хочет работать, но в Библ[иоте]ке слишком холодно. Он шлет тебе привет. Какое утешение видеть его и говорить с ним. Ольга Павл[овна] чувствует себя не оч[ень] хорошо, ослабела, похудела, но держится молодцом. Многие с интересом спрашивают о тебе и радуются, видя твоего Буську – он часто приходит в Библ[иотеку]. Погода у нас довольно холодная, что сейчас очень кстати, т.к. нет мух и миазмов. Каждое твое письмо для меня – большое радостное событие, но читая их, я всегда ощущаю некот[орый] стыд – скверный у меня и злой характер, всегда был, а теперь и

еще хуже стал. Правда, уж чересчур я устала от нашей жизни, от всех трудностей жизни в осажденном городе. Особенно сильно я чувствую свою усталость в свободный день – как сегодня, когда я сижу дома одна и ничего-то мне не хочется делать, только бы лежала не двигаясь. К счастью, сплю б[ольшей] ч[астью] хорошо, хотя и часто довольно приходится просыпаться от разных неприятных звуков. Ты пишешь, что твоя тамошняя жизнь для тебя менее реальна, чем наша. А для меня вся наша жизнь соверш[енно] нереальна, кажется такой временной, будто я живу на постоялом дворе. Помнишь древнюю легенду о короле с воинами, к[ото]рые, сидя ночью у огня в сарае, сравнивали жизнь с птицей, случайно залетевшей из темноты на этот свет и вновь улетевшей во тьму? Вот именно так и я воспринимаю теперь жизнь. Все мгновенно, все пройдет, не все прошедшее будет мило, но чем скорей пройдет жизнь и наступит покой, тем лучше. Недавно была у матери Г[али] В[сесолодовны] Никольской и читала там открытку от Попова, к[ото]рый надеется осенью вернуться в Ленинград. Вот дурак-то! Оч[ень] мне жаль, что ты одинока в своей семье. Да, видно, нам надо жить вместе, так как моральная поддержка не менее важна, чем все прочее. Но в Самарканд вряд ли мы поедем – не стоит, лучше на Алтай, если поедем вообще дорогая. Целую и люблю.

Любящий Барбос.

Приписка на полях: Мой милый питон в Ленинграде, на Васильевском – а это теперь доступно с большим трудом.

4

08. 09. 1942 г.

Дорогая моя Тулечка, вчера видела твоего неизменно веселого Буську. Хотелось бы ему верить, да не хватает больше сил. У нас все без изменений, со страхом ждем тьмы и холода. Надо ли посылать тебе маленькие книжки? Мы думаем, что надо. Недавно в одном архиве нашла автограф Буденного.

[Оч]ень спешу.

Целую и люблю. Барбос.

Пришли талоны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ “Блоха”, так иногда называли А.Д. Люблинскую ее друзья в память об одном эпизоде ее туристской жизни.

² Дмитриевский Алексей Афанасьевич (1856–1929) – историк церкви, чл.-кор. Петербургской АН (с 1903 г.). После смерти А.А. Дмитриевского его архив поступил в ГПБ.

³ Попов Федор Яковлевич (1879–1958) – сотрудник ГПБ (1925–1955), с 1935 г. работал в Отделе рукописей.

⁴ Буся – домашнее прозвище Владимира Сергеевича Люблинского (1903–1968) – медиевиста, историка книги, сотрудника ГПБ (1922–1949). С начала войны он был мобилизован и служил в системе МПВО Куйбышевского района Ленинграда.

⁵ Библиотека Юрьевского университета была частично передана в Пермский университет, где А.Д. Люблинская во время эвакуации читала лекции.

⁶ Гранстрем Наталия Эдуардовна – врач-психиатр, старшая сестра Е.Э. Гранстрем. Во время эвакуации жила в Молотове (Перми).

⁷ Вероятно, имеется в виду доктор медицинских наук, профессор Молотовского гос. стоматологического ин-та А.С. Лебедев (1884–1955).

⁸ “Иностранная отметка” – это подразделение, которое занималось поиском и уточнением книжных шифров на читательские требования по иностранной литературе.

⁹ Гранстрем Евгения Евстафьевна (1881–1957) – врач-педиатр.

¹⁰ Филипова Мария Филипповна – домработница Люблинских, о судьбе которой Александра Дмитриевна очень беспокоилась.

- ¹¹ Бычков Иван Афанасьевич (1858–1944) – археограф, чл.-кор. Петербургской АН (с 1903 г.), сотрудник ГПБ (1881–1944). Долгие годы заведовал Рукописным отделением Библиотеки.
- ¹² Ухмылова Татьяна Константиновна (1893–1970) – сотрудник ГПБ, с 1934 г. – заместитель И.А. Бычкова, 1944–1948 – заведующая Отделом рукописей.
- ¹³ Левченко Митрофан Васильевич (1890–1955) – историк-византинист, доктор исторических наук.
- ¹⁴ Сливинская Галина – аспирантка А.Д. Люблинской.
- ¹⁵ Михайлова Анна Николаевна (1904–1968) – литературовед, архивист, сотрудник ОР ГПБ (1936–1950).
- ¹⁶ Майков Владимир Владимирович (1863–1942) – археограф, палеограф, чл.-кор. АН, сотрудник ОР ГПБ с 1900 г.
- ¹⁷ Боровкова-Майкова Мария Семеновна (1879–1942) – жена В.В. Майкова, историк литературы.
- ¹⁸ Захарьина Ольга Павловна (1871–1961) – историк, библиотековед, сотрудник ГПБ (1923–1953).
- ¹⁹ г. Мелекес (с 1972 г. – Димитровград) Ульяновской области – место эвакуации ГПБ.
- ²⁰ Стефанович Елена Дмитриевна (1905–1994) – сестра А.Д. Люблинской.
- ²¹ Имеется в виду эллинист, филолог П.В. Ернштедт.
- ²² Миша – сын Е.Э. Гранстрем.
- ²³ С мая 1941 г. Е.Э. Гранстрем была приглашена в группу византиноведения ЛОИИ в качестве и.о. ст. науч. сотр., откуда уволилась вскоре после начала войны. Работу в ГПБ не прерывала.
- ²⁴ Никольская Гали Всеволодовна (1897–1942) – библиограф, литератор, сотрудник Отдела рукописей в 1933–1941 гг. О ней подробнее см.: *Вольфцун Л.Б. Гали Всеволодовна Никольская – библиограф и архивист // Историко-библиографические исследования: Сб. науч. трудов. СПб., 2000. Вып. 8. С. 138–148.*
- ²⁵ После смерти Г.В. Никольской остались ее литературные произведения и воспоминания о Рукописном отделе. Они поступили в отдел, но позже были отвергнуты, как “не представляющие ценности”. Литературные труды Никольской пропали, а ее воспоминания были сохранены А.Д. Люблинской. Воспоминания опубликованы: *Портреты сослуживцев (из воспоминаний Г.В. Никольской) / предисл., подгот. текста и примеч. Л.Б. Вольфцун / Российская Национальная библиотека: страницы истории. СПб., 2001. С. 176–179; Об Иване Афанасьевиче Бычкове: (Воспоминания Г.В. Никольской) / подгот. Л.Б. Вольфцун // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 462–467; Воспоминания Г.В. Никольской о Рукописном отделении / предисл., подгот. текста и примеч. Л.Б. Вольфцун // История библиотеки... Вып. 4. С. 268–307.*
- ²⁶ “Очагами” назывались детские учреждения для дошкольников (ясли и детский сад).
- ²⁷ Зельцле Бернгард Рудольфович (1897–1942) – библиотековед. Сотрудник ГПБ с 1928 г., в 1940–1942 гг. – зам. директора по научной работе. В апреле 1942 г. ему, как немцу, было предложено покинуть Ленинград. Покончил жизнь самоубийством.
- ²⁸ Гейман Василий Георгиевич (1887–1965) – историк, археограф, многолетний сотрудник ОР ГПБ и ЛОИИ.
- ²⁹ Крым Дина Самойловна (1883–1942) – библиограф, сотрудник ГПБ с 1922 г.

**“МЫ ВООБЩЕ ТАК МНОГО УЗНАЛИ
И ПОНЯЛИ ЗА ЭТОТ ГОД”:
из переписки М.И. Стеблин-Каменской и С.Н. Валка
(20.11.1942–27.02.1943)**

В условиях, когда одним из магистральных направлений развития исторической науки становится изучение источниковедения историографии, чрезвычайно важным оказывается обращение к такой разновидности источников, как материалы эпистолярного наследия ученых. Активно вводятся в научный оборот письма, написанные учеными в годы Великой Оте-

чественной войны¹. К категории последних принадлежат и сохранившиеся в фонде С.Н. Валка письма М.И. Стеблин-Каменской, написанные в блокадном Ленинграде в период с 20 ноября 1942 г. по 27 февраля 1943 г.² Эти письма – не только источник информации о “научной” жизни военного города, но и (что, возможно, еще важнее) – уникальный психологический документ. Наряду с подробностями блокадного быта 1942–1943 гг., сетованиями на сохраняющуюся даже в это время бюрократическую рутину, известиями о контактах с “большой землей”, они содержат поразительные по точности свидетельства того, что Л.Я. Гинзбург назвала “катастрофическим опытом чувств”.

Автор этих писем – Мария Ивановна Стеблин-Каменская, родилась 9 июля 1894 г. Училась на Бестужевских курсах, в годы Первой мировой войны была сестрой милосердия, в 1921 г. получила свидетельство Петроградского университета на звание “преподавателя дошкольных заведений”. С 1934 г. она сотрудник Ленинградского историко-архивного института АН СССР, где под руководством М.П. Вяткина работала над кандидатской диссертацией на тему “Младшая Казахская орда во второй трети XIX в.”, принимала участие в составлении ряда сборников документов по истории Казахстана. После эвакуации института из Ленинграда, с июля 1942 г. – она уполномоченный Ленинградского отделения Института истории АН СССР. На этой должности она оставалась вплоть до своей смерти в марте 1943 г.³ Материалы ее архивного фонда, составляющего единый фонд с материалами ее учителя, М.П. Вяткина, содержат, в основном, сведения об их научной деятельности по изучению истории Казахстана⁴. Письма, отложившиеся в фонде С.Н. Валка, оказываются, таким образом, практически единственным источником личного происхождения, рассказывающим о последних месяцах жизни исследовательницы, чьими (совместно с К.Н. Сербиной) самоотверженными усилиями в тяжелое военное время был сохранен уникальный архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

О смерти М.И. Стеблин-Каменской С.Н. Валку сообщила К.Н. Сербина: “15 марта М.И. и я целый день работали в цоколе БАН, где отчаянно замерзли, задержались там до 5 часов дня, когда пришли в столовую, то там ничего, кроме зеленых щей и студня не оказалось. Обе взяли и то и другое. Вечером 15/III М.И. сделалось плохо. Через три дня ее отвезли в больницу с диагнозом – отравление. В больнице пытались сделать промывание желудка (совершенно бессмысленная затея, т.к. обычно промывание имеет смысл лишь немедленно), но какая-то опухоль, м.б. и злокачественного порядка, в пищеводе не дала возможности ввести зонд ... рука, старав-

¹ См., например: Александр Ильич Копанев: Письма 1940–1945 годов // АЕ за 2005 год. М., 2007. С. 112–121; Из писем Николая Евгеньевича Носова (1942–1946 гг.) // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 557–589.

² Архив СПбИИ РАН. Ф. 297. Оп. 3. Д. 326.

³ См.: Алтаева В.Д. Обзор фондов ученых – историков, погибших во время блокады Ленинграда: (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР) // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 249–250; Коротенко В.В., Стеблин-Каменский И.М., Шумков А.А. Стеблин-Каменские (Стеблинские, Стеблин-Каминские): Опыт историко-генеалогического исследования. СПб., 2005. С. 158–160.

⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 267.

шаяся во что бы то ни стало ввести зонд сделала прободение, в результате чего внутреннее кровотечение, перитонит, 19/III в 12 часов спешно была сделана операция, но спасти М.И. было уже совершенно невозможно, через 7 часов после операции она скончалась. Смерть ее была совершенно неожиданна и для меня и для ее семьи. 22/III М.И. была похоронена на Новодеревенском кладбище рядом с ее матерью.

Примириться со смертью М.И. не могу до сих пор, т.к. очень уж она нелепа и несвоевременна, т.к. жизнь за последнее время стала значительно лучше, да и сама М.И. в последнее время, особенно после получения дополнительной карточки очень окрепла, пополнила, посвежела. Между прочим, в последний месяц своей жизни М.И. совершенно изводила меня разговорами о смерти, о том, что она скоро умрет и т.д., а 15/III ... указала мне место (в цоколе БАН. – В.А.), где надо будет положить ее бумаги после ее смерти. Я пыталась сломать ее дурное настроение, старалась шутить, сердиться, т.к. я твердо уверена в том, что подавленное настроение снижает жизненный тонус и всегда предрасполагает к болезням и т.д. ... Зима была исключительно теплой, солнечной и прошла совершенно незаметно, с дровами было хорошо, с питанием стало значительно лучше, бытовые условия – электричество, водопровод, бани, прачешная и т.п. учреждения работали и работали нормально, что значительно упрощает и облегчает жизнь.

15/III прощаясь с М.И. у трамвайной остановки я обратила внимание М.И. на исключительно синее небо, яркое солнце и совсем теплый, весенний воздух, на что она мрачно ответила: “... неужели Вам серьезно хочется жить? Я устала от жизни, не хочу больше жить и совершенно спокойно умру. Смерти я не боюсь, но меня беспокоит судьба моей маленькой племянницы, с кем она останется, если я умру?” ... Институт в ее лице потерял не только старейшего, но и бесспорно лучшего сотрудника, и коллектив исключительно чуткого, отзывчивого, доброго и верного товарища⁵.

В.Г. Ананьев

№ 1

20. 11. 42.

Многоуважаемый Сигизмунд Натанович,

На днях получила Ваше милое письмо, которое меня обрадовало до глубины души, – это первая весточка от уехавших товарищей (не считая письма Е.И. Бочкаревой¹). Мы ведь очень долго ничего не знали о судьбе тех, кто эвакуировался 12 июля, – все Институты получали письма от своих товарищей, но мы – ни строчки ни от кого. Наконец, К.Н. Сербина² получила письмо от Ал[ексан]дра Игн[атьевича]³.

Нас здесь сейчас только трое: К[сения] Н[иколаевна], я и Анна Капитоновна⁴. В Институте обстановка мрачная, – холодно и темно. Но скоро обещают поставить печь и топить. Завидую, что в Ташкенте собрался весь (уцелевший) коллектив ЛОИИ и что у вас идет хорошая работа. Мы же с Ксенией Николаевной никак не можем дорваться до своих диссертационных работ, т[ак] к[ак] все время уходит на текущие дела: занимались приведением в порядок Архива (сверили все^{1*} по опи-

⁵ Архив СПБИИ РАН. Ф. 297. Оп. 3. Д. 224. Л. 1–1 об.

^{1*} Вписано над строкой.

си все имеющиеся материалы в цоколе, составили топографич[еский] указатель Архива, сделали надписи и т.д.), разобрали материалы в столах сотрудников и все ценное перенесли в цоколь, разместив по авторам; затем занимались инвентаризацией имущества ЛОИИ (ужасная работа), писали отчеты и т.д., и т.д. Трудно поверить, но нет дня, чтобы не приходила бумажка, а то и две из Адм[инистрации], из Упр[авления], Райдо или еще от куда-нибудь с требованием дать какие-нибудь сведения и немедленно. Все это довольно скучно.

Несколько раз видела Бориса Михайловича⁵, он хорошо выглядит, – похудел и принял военный вид. Настроение у него бодрое. Я тоже пока стараюсь не падать духом, т[ак] к[ак] твердо уверена, что^{2*} (в наших условиях, по крайней мере)^{2*}, человек умирает изнутри, т.е. стоит потерять внутреннюю пружину, начнешь опускаться и погибнешь. Мне всегда вспоминается, как однажды этой зимой, в самый страшный период (конец января – начало февраля), в лютой мороз, кто-то^{3*} на улице^{3*} обратился к одной старушке с вопросом: “Ну, что, бабушка, помрем?” А она с неожиданной для своего возраста бодростью и силой ответила: “Кто силен духом, тот выживет, а кто слаб, тот погибнет”. Меня поразили эти слова, и я почувствовала, что в них глубокая истина.

Сейчас мне особенно нужно держаться, т[ак] к[ак] на моем попечении осталась племянница 3-х лет: мать ее мобилизована в действ[ующую] армию, а отец (мой брат) на казарменном положении⁶. Но чем больше ответственности, тем больше энергии (по моему характеру).

Дорогой Сигизмунд Натанович, напишите когда-нибудь еще, каждая весточка здесь оч[ень] радует. Я все же решила никуда не уезжать, т[ак] к[ак] думаю, что самое тяжелое позади. Страшно вспомнить, что нам пришлось пережить, и, если б не материальная и моральная искренняя поддержка друзей (большая часть которых теперь погибла или эвакуировалась), я бы давно была “на том свете”. Всегда повторяю свою любимую пословицу: “Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей”. Боюсь, что Вам будет трудно разобрать мой почерк, от холода (в ЛОИИ, дома у меня пока тепло) руки стыннут.

Посылаю Вам с т[оварищем] Дионесовым через Казань Ваши материалы по Русской Правде, найденные у Вас в столе. В Архивохранилище были только черновики I тома. Всего, всего лучшего. Большой привет всем товарищам от меня, К.Н. Сербиной и Анны Капитон[овны].

Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 297. Оп. 3. Д. 326. Л. 1–2 об.

№ 3

2. 02. 43.

Многоуважаемый и дорогой Сигизмунд Натанович,

Ваше письмо от 7. 01. получила 30-го. Большое Вам спасибо за интересные сообщения о жизни Института. Так приятно, что налаживается регулярная переписка с Ташкентом. Письма теперь идут, как правило, 3 недели, мое задержалось ведь не в пути, – оно долго лежало у Дионесова, который все еще неизвестно, когда поедет. На днях (28. 01) послала Вам и Вас[илию] Георг[иевичу]⁷ телеграмму с просьбой сообщить, как быть с Вашими материалами, – посылать ли их с okazji (а пока единственная – Дионесов) или заказной бандеролью, которые начали принимать с середины января. Часть Ваших материалов, относящихся к “Русской Правде”, и брошюры ЛОИИ (Вторая отеч[ественная] война)⁸ лежат с 20.11. запакованные в ящиках у Дионесова. Другие Ваши работы (Историография для VII т., 26 рук[описных] листов, История изучения “Русской Правды”, 191 маш[иннописных]

^{2*-2*} Вписано над строкой.

^{3*-3*} Вписано над строкой.

лл., Монархия Александра III, 371 маш[инописных] лл.⁹⁾ – взятые нами из цоколя и лежат пока у нас. Как быть с ними? Ждем ответа от Вас, Вас[илия] Георг[иевича] и Бориса Алекс[андровича], который просил Кс[ению] Ник[олаевну] выслать ему “Русско-японскую войну”¹⁰. М[ожет] б[ыть], выслать бандеролью машинописные док[ументы], а рукописи отправить с Дионесовым?

На днях заходила к Вам на Гулярную¹¹, чтобы узнать о состоянии Вашей библиотеки и квартиры, но неудачно: в квартиру не достучалась, а управхоз ушла на собрание, и я ее не дождалась. Девушка из МПВО, поселенная у Вас, мне ничего не написала. В ближайшее время зайду опять к Вам.

С Борисом Мих[айловичем] регулярно переписываемся, но давно его не видала, сейчас к нему не попасть. Очень было бы приятно получить книжные новинки из Ташкента, но боюсь, дорогой Сигизмунд Натанович, вводить Вас в расход, – хотя Вы и ничего не пишете о Ваших бытовых условиях, но знаю из писем других товарищей, что жизнь в Т[ашкенте] у Вас не очень легка.

У меня очень много времени отнимают всякие домашние хозяйственные дела, так что совсем не успеваю не только заниматься, но даже и читать. Ни в театрах, ни в филармонии не бываю. Только раз летом слушала “Шестую симфонию” Шостаковича, которая на меня произвела меньшее впечатление, чем я ожидала, раза 2 была в кино и была на чтении “Пулковского меридиана” Верой Инбер. Последнее произвело на меня потрясающее впечатление. М[ожет] б[ыть] потому, что я дополняла слышанное пережитым и пережитым, а м[ожет] б[ыть] это и на самом деле такая сильная вещь.

Я Вам, кажется, писала о моих наблюдениях относительно^{4*} связи между^{4*} состоянием психики и здоровья^{5*} (в условиях Ленинграда)^{5*}. Оказывается, то, что заметили обыватели, подтвердила наука. На днях один из сотрудников Академии рассказывал мне, что акад[емик] Ухтомский¹² установил на основании экспериментов следующее: в известных случаях, при сильной дистрофии, вегетативная нервная система, играющая обычно доминирующую роль, – отходит на второй план, и решающее значение переходит к центральной нервной системе. Так, неоднократно, наблюдались случаи, когда медицина ставила диагноз – смертельный исход неизбежен, а человек выживал, только благодаря наличию очень сильной нервной зарядки. М[ожет] б[ыть] я не совсем правильно передала, но Вы поймете смысл.

Мы живем пока во всех отношениях по-прежнему, но морально все кажется легче после прорыва блокады и успехов на фронте. Надеюсь, до скорого свидания.

Привет большой всем товарищам.

Ваша М. Стеблин-Каменская.

На л. 7 вписано между строк: Относительно сына Анат[олия] Вас[ильевича]¹³ пока никаких дополнительных сведений не получали, хотя запрос сделан давно. По получении ответа сразу напишу.

Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 297. Оп. 3. Д. 326. Л. 7–8 об.

№ 4

[Из письма от 17. 02. 43]

У нас тоже тепло, – солнечная мягкая погода, пахнет весной. Но проклятый год научил нас бояться солнечных дней. Он хочет нас окончательно замучить. Вчера и сегодня (пока) наслаждаемся тишиной <...> На днях напишу Шн[ееру] Менд[елевичу]¹⁴, если буду жива.

Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 297. Оп. 3. Д. 326. Л. 9.

4*–4* Вписано над строкой.

5*–5* Вписано над строкой.

Многоуважаемый и дорогой Сигизмунд Натанович,

не могу Вам выразить, как я тронута Вашим вниманием и добротой: только что получила Ваше письмо от 26. 01., в котором Вы предлагаете свое содействие в вопросе кандидат[атского] минимума.

Большое Вам спасибо, но ведь диссертация моя не двигается, хотя так бы хотелось закончить ее. В Институте – (мы помещаемся в 2-х маленьких комнатках 4 института) – отвлекают текущие дела, которым, как ни странно, конца не предвидится, дома – домашние хлопоты. “Ист[орические] записки” у нас еще не получены, так что статьи своей я еще не видела⁶. Гонорара за нее тоже не высылают. Писала в Москву 3 раза, но ответа не получила. Сейчас Ал[ександр] Игн[атьевич] обещал свое содействие. Живем мы сейчас неплохо. Благодаря дополнит[ельной] карточке и щедрой помощи друзей, я последний месяц (впервые с октября 1941 г.) сыта, а это такое счастье, которое может вполне понять только ленинградец. Мы вообще так много узнали и поняли за этот год. Мы поняли, например, почему народ говорил “корочка” и “хлебушко”, потому что сами стали совсем невольны так говорить.

Мы поняли сколько ласки и благодарности заключено в слове “кормилец”. Поняли и многое, многое другое, потому что все чувства так обостряются, когда смерть неотлучно стоит рядом в течение многих длинных месяцев^{6*}. Ведь мы более 1 1/2 года никогда не говорили даже о самом ближайшем будущем, не прибавляя “если я”^{7*} доживу ... Это трелько прорыв блокады так помутил наши рассудки, что мы^{8*} иногда стали себе легкомысленно разрешать не прибавлять эту формулу. Но Гитлер живо отрезвил нас.

Я часто говорила, – в частности, кажется и Вам, – что война, эвакуация^{9*}, оборонные работы^{10*} – раскрыли людей до конца. Это неверно. До конца раскрыл всю сущность людей только голод. Он обнажил самое сокровенное, – то, что м[ожет] б[ыть] и сам человек в себе не знал, – глубочайшую мерзость и недостижимую высоту. И мы видели это. Это не забудется никогда.

В этом году люди уже иные в Ленинграде, – все ушло снова глубоко внутрь. Интересно, что в^{11*} этом году люди стали очень распускаться – легко плачут, раздражаются, перебраниваются в трамваях и т.д. В прошлом году никто не плакал. Было молчание и остановившиеся глаза. Сейчас постоянно^{12*} люди оплакивают прошлогодние потери, которые в свое время не вызвали ни одной слезы. Вспоминаются слова Маяковского: “Вот, когда и горевать не в состоянии, это, Александр Сергеевич, много тяжелей”.

И это мы поняли до конца только теперь.

Дорогой Сигизмунд Натанович, Вы, верно, получили теперь мои письмо и открытку с сообщением о том, что Ваша квартира и библиотека в сохранности. На мои тревожные вопросы о Ваших книгах (мне^{13*} сообщили о краже у девушки из МПВО), управхоз пренебрежительно сказала, махнув рукой: “Да кому они нужны? У девушки-то был белый материал!”

^{6*} Далее зачеркнуто: А

^{7*} Далее зачеркнуто: буду

^{8*} Далее зачеркнуто: несколько

^{9*} Далее зачеркнуто: трудовые

^{10*} Далее зачеркнуто: помогли

^{11*} Далее зачеркнуто: прошлом году

^{12*} Вписано над строкой.

^{13*} Вместо зачеркнутого: управхоз

На днях начала писать Шн[ееру] Менд[елевичу], но Гитлер помешал, письмо так и осталось неоконченным.

Вчера видела Дагмару Константиновну¹⁶ из БАН'а, она отыскала у себя № госпиталя, в котором лежал и скончался сын Анат[олия] Васильевича. Обещала сообщить^{14*} мне завтра этот № и я немедленно съезжу в^{15*} госпиталь. Ответ, полученный нами из ФЭП'а на наш запрос, ничего не значит, я очень жалею, что Кс[ения] Ник[олаевна] послала^{16*} этот ответ^{16*} Анат[олию] Вас[ильевичу] и тем подала ему надежду. Ведь Дагм[ара] Конст[антиновна] получила летом официальное извещение из госпиталя о смерти сына Анат[олия] Вас[ильевича]. До свидания. Всего, всего лучшего. Спасибо за письмо, внимание, доброту и интересные сообщения о жизни Института. Большой привет всем товарищам.

Напоследок грустное известие. На днях умерла Варвара Николаевна Смирнова¹⁷. Она очень худела, хотя питалась хорошо. М[ожет] б[ыть] какое-ниб[удь] скрытое заболевание. Очень, очень мы были огорчены. Она была прекрасный человек.

На Л. 10 вписано над верхней строкой: Большое спасибо и за переговоры с Бор[исом] Дм[итриевичем]¹⁸ относительно меня, но я ни в коем случае не хочу утверждения в должности ст[аршего] сотр[удника], – это обязывает слишком к многому.

На Л. 11 об. вписано на полях: Очень ослабела Над[ежда] Ник[олаевна] Полянская¹⁹.

На Л. 11 об. вписано над верхней строкой: Еще раз до свидания. Привет от К.Н. С[ербиной]. Ваша М. Стеблин-Каменская.

Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 297. Оп. 3. Д. 326. Л. 10–11 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бочкарева Екатерина Ивановна (1899– ?) – историк, сотрудник ЛОИИ АН СССР, секретарь парторганизации, секретарь ученого совета. В 1926 г. как партийный работник была принята на двухгодичное подготовительное отделение московского Института Красной Профессуры. Затем окончила трехгодичное основное отделение того же института по специальности “История СССР”. В конце 1941 г. – и.о. заведующего институтом. В 1940 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему “История столыпинского аграрного указа 9 ноября 1906 г.”. В июне 1946 г. освобождена от работы в институте. На предшествовавшем этому заседании ученого совета института А.И. Андреев так охарактеризовал ее статью, представленную для готовившегося сборника “Петровский Петербург”: “Это очень слабая компиляция, которая ни в какой мере не может быть названа научной работой”. Сохранившаяся в ее личном деле автобиография – важный источник по социологии и психологии отечественной науки первой половины XX в. В ней Е.И. Бочкарева писала: «Летом 1917 г. ... я живя в г. Темникове (на родине) девочкой 17 лет впервые в жизни увидела и посещала там митинги и собрания эсеров, сочувствуя им по несознательности. В глухом городишке, удаленном от ж[елезной] д[ороги] на 150 км, помню, что абсолютно ничего не было слышно о большевиках. Газет не читала. Из книг помню увлеклась Бебель “Женщина и социализм”». Лишь в ноябре 1917 г., когда она впервые попала в Нижнем Новгороде на митинги большевиков, “впервые я и поняла, что все мои мысли и борьба на стороне ВКП(б)”. В сентябре 1918 г. она вступила в партию. Об этом времени она вспоминала так: “Первые 2 года в уезде приходилось вплоть до винтовки в руках бороться с 2 эсеров-кулацкими восстаниями”, но и далее – «за все 20 лет пребывания и работы моей в ВКП(б) я активно всегда и везде боролась за генеральную линию партии Ленина-Сталина, никогда не было никаких колебаний в беспощадной борьбе с троцкистско, зиновьевскими и бухаринскими наемниками фашизма, когда они прикрывались маркой “оппозиции”». Историческая наука продолжала оставаться линией фронта: «Известно, что в годы моей учебы в ИКП-е 1926–1931 гг. это были годы очень острой борьбы сначала с троцкистами, – зиновьевцами, “леваками” (Стэн – Ломинадзе), а потом “школой” (в ИКП) Бухаринцев, – этих изменников социалистической родины. Поэтому и

^{14*} Далее зачеркнуто: его

^{15*} Далее зачеркнуто: этот

^{16*–16*} Вместо зачеркнутого: его

- в ИКП, в очень сложной обстановке, где их было много, я активно боролась за генеральную линию партии Ленина-Сталина, где слушала доклад товарища Сталина “На хлебном фронте”». В январе 1936 г. она была назначена на работу в ленинградский Комвуз им. Сталина, где проработала “всего 3 месяца в начале 1936 г., когда затем там в мае 1936 г. была НКВД разоблачена банда врагов народа, занимавших там буквально все командные посты. Считаю, что проглядела этих бандитов, занимавших там командные высоты. Правда после этого я вела борьбу там с охвостьем этой банды во главе с ректором Предз, о котором ставила вопрос в Ленобкоме и письменно и устно. Он был разоблачен как враг народа год спустя после этого. Но это было позднее”. Смольнинским райкомом ВКП(б) ей (хотя и без занесения в личное дело) был объявлен выговор, за то, что в начале 1936 г. “в комвузе проглядела, что враги народа занимают там командные посты”, а также за то, что при обмене партийных документов в карточке не указала, что в течение нескольких месяцев лета 1917 г. сочувствовала эсерам (хотя и не состояла в их партии), написав об этом лишь в биографии. О своей дальнейшей работе она писала так: “выполнением заданий партии, повышением бдительности, – приложу все силы, чтобы оправдать боеготовность за дело партии Ленина-Сталина”. См.: СПбФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 152. Л. 7–27. Судя по документам, ее деятельность в ЛОИИ СССР, действительно, в первую очередь заключалась в “оправдании боеготовности” за дело партии.
- ² Сербина Ксения Николаевна (1903–1990) – историк, ученица М.Д. Приселкова и А.И. Андреева. С 1927 г. – сотрудник Постоянной историко-археографической комиссии. В 1938 г. арестована и как жена “врага народа” приговорена к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Через несколько месяцев, усилиями Б.Д. Грекова, освобождена и вновь принята на службу в институт. См.: “Что вы делаете со мной!” Как подводили под расстрел: Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина / сост., вступ. статья и примеч. Р.Ш. Ганелина. СПб., 2006. С. 215–226. В августе 1941 г. “в связи с распоряжением НКФ о сокращении штатов по ЛОИИ на время войны” вновь уволена, но в феврале 1942 г. восстановлена. Единственный научный сотрудник института, оставшийся на работе на протяжении всей блокады. С марта 1943 г. – уполномоченный Ленинградского отделения Института истории АН СССР.
- ³ Андреев Александр Игнатьевич (1887–1959) – историк, археограф, ученик А.С. Лаппо-Данилевского. Арестован в 1929 г. по “Академическому делу”, осужден к пяти годам ссылки в г. Енисейск. В 1935 г. вернулся в Ленинград, где работал в Институте народов Севера. В июле 1942 г. эвакуирован из Ленинграда, с декабря 1942 г. – в Москве. Сотрудник Института истории СССР АН СССР, в 1943–1949 гг. заведующий кафедрой Вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института. В 1949 г. был вынужден оставить Москву и вернуться в Ленинград. Письма к нему К.Н. Сербиной, сохранившиеся в архивном фонде А.И. Андреева (См.: СПбФА РАН. Ф. 934. Оп. 5. Д. 311), дают яркую картину жизни в военном Ленинграде. О них см.: *Ананьев В.Г.* Письма К.Н. Сербиной А.И. Андрееву военного времени как исторический источник // ВИД. СПб., 2010. Т. 31. С. 456–476.
- ⁴ Анна Капитоновна Туманова – технический сотрудник института.
- ⁵ Борис Михайлович Кочаков (1906–?) – историк, учился в Саратовском и Ленинградском университетах у С.Н. Чернова, П.Г. Любомирова, Б.Д. Грекова и С.Н. Валка. С 1936 г. в ЛОИИ СССР АН СССР. С 18 сентября 1941 г. “в целях организации военного обучения” переведен на казарменное положение в помещении Института. См.: СПбФА РАН. Ф. 133. Оп. 1 (1941). Д. 1. Л. 97. С 1 июня 1942 г. мобилизован в РККА. См.: СПбФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 93. Л. 27.
- ⁶ Брат Марии Ивановны, Михаил Иванович Стеблин-Каменский (1903–1981), в будущем известный филолог-скандинавист, доктор наук и профессор ЛГУ, в это время работал в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) АН СССР. Его супруга, О.С. Шидловская (1913–1985), после войны защитит кандидатскую диссертацию по географии. Их дочь, Наталья, родилась в 1939 г. См.: *Коротенко В.В., Стеблин-Каменский И.М., Шумков А.А.* Стеблин-Каменские (Стеблинские, Стеблин-Каменские): Опыт историко-генеалогического исследования. СПб., 2005. С. 167–171, 180.
- ⁷ Гейман Василий Георгиевич (1887–1965) – историк, сотрудник Публичной библиотеки и ЛОИИ СССР АН СССР.
- ⁸ С самого начала Великой Отечественной войны историки активно включились в пропагандистскую работу. Е.В. Тарле публиковал многочисленные статьи в центральной печати и уже в 1941 г. выпустил брошюру “Отечественная война 1812 г. и разгром империи

- Наполеона". См.: *Кольцов А.В.* Ленинградские учреждения Академии Наук в годы войны и блокады // Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Очерки. Воспоминания. Документы. М., 1996. С. 28. Был издан сборник документов и материалов "Отечественная война 1812 года", вышедший под редакцией Е.В. Тарле и А.В. Предтеченского, выпущена брошюра Б.М. Кочакова, Ш.М. Левина и А.В. Предтеченского "Великое народное ополчение". Двое последних, вместе с С.И. Ковалевым, в конце июля 1941 г. были мобилизованы для проведения пропагандистской работы в частях действующей Красной Армии. См.: *Кольцов А.В.* Ленинградские учреждения АН СССР в 1934–1945 гг. СПб., 1997. С. 94–97. О роли исторической науки в военные годы, см.: *Бурдей Г.Д.* Социальные функции советской исторической науки в годы Великой отечественной войны: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990; *Он же.* История и война, 1941–1945. Саратов, 1991. В целом о судьбе ЛОИИ в годы войны см.: *Цамутали А.Н.* Историческая наука и Великая Отечественная война: (По материалам СПбФ ИРИ РАН) // Ленинградская наука в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995. С. 33–43.
- ⁹ С.Н. Валк был автором главы "Монархия Александра III: Политическая реакция 80-х годов" во втором томе вузовского учебника по истории СССР, вышедшем в 1940 г. под редакцией М.В. Нечкиной. Об этой его работе см.: *Чернуха В.Г.* Сигизмунд Натанович Валк // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 319–320.
- ¹⁰ Романов Борис Александрович (1889–1957) – историк, ученик А.Е. Преснякова. Арестован в 1930 г. по "Академическому делу", приговорен к заключению в концлагерь сроком на 5 лет. Освобожден в 1933 г. С 1941 г. сотрудник Института истории материальной культуры АН СССР. С 1944 г. – старший научный сотрудник ЛОИИ СССР АН СССР. В феврале 1941 г. защитил докторскую диссертацию по теме "Русско-японская война: (экономика, политика, дипломатия). 1895–1905", о рукописи этой работы, подготовленной к печати еще до войны, здесь и идет речь. Подробнее о нем см.: *Панях В.М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.
- ¹¹ С.Н. Валк жил по адресу ул. Гулярная (с 1952 г. – ул. Лизы Чайкиной), д. 18.
- ¹² Ухтомский Алексей Алексеевич (1875–1942) – физиолог, академик. Отказался эвакуироваться из блокадного Ленинграда. Несмотря на тяжелую болезнь и преклонный возраст, продолжал трудиться до последнего дня жизни. Незадолго до смерти составлял тезисы работы "Система рефлексов в восходящем ряду". См.: *Кольцов А.В.* Ленинградские учреждения Академии Наук в годы войны и блокады. С. 32.
- ¹³ Речь идет о сыне Анатолия Васильевича Предтеченского (1893–1966) – историка, специалиста по русской истории XVIII–XIX вв., сотрудника ЛОИИ СССР АН СССР, Анатолии Анатольевиче. Он был арестован в 1938 г., еще будучи студентом исторического факультета ЛГУ, однако вскоре, после "разоблачения" Н.И. Ежова, освобожден. После окончания университета был призван в армию и находился на фронте с первых дней войны. Умер от истощения в апреле 1942 г. См.: *Жуковская Т.Н.* Анатолий Васильевич Предтеченский (1893–1966) // А.В. Предтеченский. Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 14.
- ¹⁴ Левин Шнеер Менделевич (1897–1969) – историк, сотрудник ЛОИИ СССР АН СССР. Специалист по истории русской общественной мысли. Активно включился в пропагандистскую деятельность, разрабатывал тему "Героическая Москва", читал лекции в госпиталях и военных частях. См.: *Кольцов А.В.* Ленинградские учреждения Академии Наук в годы войны и блокады. С. 35.
- ¹⁵ Имеется в виду: *Стеблин-Каменская М.И.* К истории восстания султана Кенесары Касымова // Исторические записки. 1942. Т. 13. С. 234–255.
- ¹⁶ Александрова Дагмара Константиновна (1906–?) – в 1938–1942 гг. служила старшим библиотекарем Библиотеки Академии наук СССР, в 1942–1945 гг. находилась на службе в армии, проходила курсы усовершенствования офицерского состава, служила в библиотеке Высшего Военно-морского училища имени М.В. Фрунзе. См.: СПбФА РАН. Ф. 158. Оп. 7. Д. 978. Л. 2–17.
- ¹⁷ Смирнова Варвара Николаевна (1859–1943) – научно-вспомогательный сотрудник ЛОИИ СССР АН СССР с 1925 г. (со времени Постоянной исторической комиссии), занималась первоначальной подготовкой материалов для издания (снятие копий с документов, подготовка легенд и т.д.), обучала начинающих сотрудников палеографии. См.: СПбФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 108. О ее смерти К.Н. Сербина писала А.И. Андрееву: "Сегодня ночью скорострительно умерла Варвара Николаевна, видимо, от сердечного приступа. Легла спать и во сне умерла. Я видела ее несколько дней тому назад. Она произвела на меня кошмарное впечатление своей худобой и совершенно затухшим, мертвым взглядом

всегда таких живых глаз. На мой вопрос, почему она так плохо выглядит, она мне сказала, что питается хорошо и чувствует себя хорошо, но вид зависит от склада лица... Я ее очень любила за добрый, отзывчивый нрав... Итак, ушел еще один из добрых товарищей” (См.: СПбФА РАН. Ф. 934. Оп. 5. Д. 311. Л. 62).

¹⁸ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – историк, академик, в 1937–1953 гг. директор Института истории АН СССР.

¹⁹ Полянская Надежда Николаевна (1889–?) – сотрудник библиотеки ЛОИИ АН СССР, с 1942 г. – заведующая библиотекой. В характеристике, написанной на нее в 1943 г., К.Н. Сербина писала, что Н.Н. Полянская “в годы Великой Отечественной войны проявила себя не только как знающий и добросовестный библиотекарь, но и как человек беззаветно преданный своему делу. В тяжелых условиях блокированного города, не считаясь со своим нездоровьем и личными утратами Н.Н. Полянская ни на один день не покидала своего служебного поста, все время работала с неослабевающей энергией”. См.: СПбФА РАН. Ф. 158. Оп. 7. Д. 1347. Л. 14–14 об.

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ в 2007–2008 годах

29 января 2007 года исполнилось 75 лет со дня рождения председателя АК чл.-корр. С.М. Каштанова¹.

4 апреля АК приняла участие в работе круглого стола “Преподавание археографии в РГГУ: современное состояние и перспективы развития”, состоявшегося в зале Ученого совета РГГУ. На заседании обсуждался широкий круг теоретических и методологических аспектов преподавания археографии как учебной дисциплины, нормативная и методическая база публикаторской работы, история преподавания археографии в МГИАИ, электронные аспекты археографической практики и др. В работе круглого стола приняли участие руководители и преподаватели РГГУ, руководители и сотрудники Росархива, Мосгорархива, ВНИИДАД, АК, директора федеральных архивов, научные работники учреждений РАН. Председатель АК С.М. Каштанов выступил с докладом об истории археографии в России и современных условиях ее развития. Почетный председатель АК С.О. Шмидт, руководивший основной частью заседания, изложил свое видение работы вновь воссозданной кафедры археографии РГГУ. Хроника заседания, стенограмма выступлений всех участников и рекомендации круглого стола опубликованы в “Вестнике РГГУ”².

16–18 апреля АК приняла участие в работе “Первых Всероссийских краеведческих чтений”, организованных кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ и приуроченных к 85-летию почетного председателя АК С.О. Шмидта. При открытии конференции С.О. Шмидт выступил с пленарным докладом “Первые Всероссийские краеведческие чтения. Взгляд в будущее”.

19 июня состоялись традиционные ежегодные Тихомировские чтения, организованные АК совместно с Главным архивным управлением г. Москвы и ИАИ РГГУ и посвященные теме: “Новое в москвоведении: публикации 1997–2007 гг.”³.

26 ноября состоялось пленарное заседание АК организованное совместно с ГА РФ и АРАН на тему “Современное состояние изучения и издания архивных материалов о событиях 1917 года”⁴.

10 июня 2008 г. сотрудник АК Б.Н. Морозов сделал сообщение о продолжении изучения рукописей конца XV – начала XVI в., содержащих записи, сделанные пермской азбукой на древнем коми языке⁵. В ходе этой работы, к которой подключился известный исследователь древнерусской математической и естественно-научной мысли Р.А. Симонов было сделано важное наблюдение о том, что созданный в конце XIV в. просветителем народа коми-зырян Стефаном Пермским алфавит представлял собой оригинальную цифровую систему, позволявшую оперировать числами до миллиона. Следы ее практического применения сохранились в нумерации тетрадей буквами пермской азбуки в двух кириллических рукописях нач. XVI в. Доклады об этом были сделаны Б.Н. Морозовым и Р.А. Симоновым на ряде российских и международных конференций, основные выводы исследования изложены в публикации “Об открытии цифровой системы Стефана Пермского (XIV в.)” в академическом журнале ВИЕиТ (2008. № 1. С. 3–21). Находка московских ученых привлекла большое внимание прессы Республики Коми, при под-

¹ См.: *Столярова Л.В.* К юбилею Сергея Михайловича Каштанова // Ростовский вестник. 2007. 20 февр. С. 8; Юбилей Сергея Михайловича Каштанова // Вестник церковной истории. 2007. № 3 (7). С. 295–296.

² См.: Вестник РГГУ. 2008. № 8. Серия: “История” (Документоведение, архивоведение). С. 9–53.

³ См. наст. издание. С. 238–264.

⁴ См. наст. издание. С. 265–292.

⁵ О начале работы над этим проектом см.: Деятельность Археографической комиссии в 2006 году // АЕ за 2006 год. М., 2011. С. 436–437.

держке руководства Национального музея которой осуществляется данный проект⁶.

19–20 июня в Санкт-Петербурге в Зале заседаний РНБ состоялась “Всероссийская научная конференция памяти академика Сергея Федоровича Платонова (К 75-летию со времени кончины) – Тихомировские чтения 2008 г. Археографической комиссии РАН”. Конференция была организована комиссией под патронажем Отделения историко-филологических наук РАН совместно с СПБНИ, БАН, ИРЛИ, РНБ и СПбГУ и являлась частью инициированного АК “Плана мероприятий в честь 75-летия со дня смерти и 150-летия со дня рождения академика С.Ф. Платонова в 2008–2010 гг.”⁷.

17 октября было, наконец, осуществлено давнее намерение АК об открытии мемориальной доски академику С.Ф. Платонову в Санкт-Петербурге на доме 75/73 по Каменно-Стровскому проспекту, в котором выдающийся российский ученый и педагог жил в 1916–1930 гг. и где он был арестован. Установка доски включена была в план мероприятий по увековечиванию памяти историка, утвержденного Отделением историко-филологических наук РАН, и реализована благодаря содействию Фонда имени Д.С. Лихачева и Международного благотворительного фонда “Константиновский”, разработавшим проект доски и выделившим средства. Идею установки доски поддержали СПБНИ РАН, ИРЛИ, СПбГУ, РНБ. В этот день Почетный председатель АК С.О. Шмидт, сотрудники, члены АК и ее Санкт-Петербургского отделения приняли участие в церемонии открытия доски.

23–26 сентября сотрудник АК Е.Н. Швейковская, председатель Оргкомитета Симпозиума по проблемам аграрной истории Восточной Европы, участвовала в работе XXXI сессии Симпозиума, состоявшейся в Вологодском педагогическом университете, в год 50-летия со времени создания этого представительного научного форума⁸.

12 ноября на Международной научной конференции “Архив Академии наук – достояние национальной и мировой науки и культуры”, приуроченной к 280-летию Архива РАН, состоялся доклад С.О. Шмидта “Архив РАН и Археографическая комиссия РАН.

Тихомировские традиции”, ставший основой статьи, опубликованной в сборнике материалов конференции⁹.

29 ноября на X юбилейной международной ярмарке интеллектуальной литературы non/fiction состоялось заседание в связи с выпуском в свет первой книги избранных трудов М.М. Богословского “Российский XVIII век”, подготовленных к печати под грифом АК. С сообщениями о проделанной работе выступили составитель А.В. Мельников и ответственный редактор издания С.О. Шмидт, своими впечатлениями от издания поделился профессор РГГУ В.А. Муравьев.

Ст. н.с. АК Ю.В. Андрушайтите на основе книги Н.А. Долдобановой “Библиографический указатель продолжающихся изданий Археографической комиссии РАН и ее отделений” (М., 2000) подготовила к печати аннотированный «Указатель содержания книг “Археографического ежегодника” за 1957–2006 годы», который предполагается опубликовать в АЕ.

Новые издания Археографической комиссии в 2007–2008 годах

Археографический ежегодник за 2005 год / отв. ред. С.О. Шмидт; РАН, Отд-ние ист.-филол. наук; АК; Федерал. архивн. агентство. М.: Наука, 2007. 596 с., ил.

Каталог личных архивных фондов отечественных историков / отв. ред. С.О. Шмидт; РАН. АК. М.: РОССПЭН, 2007. Вып. 2: Первая половина XIX века / сост.: Т.В. Медведева, М.П. Мироненко. 719 с.

Die Grossen Lesemenäen des Metropolitän Makarij. Uspenskij spisok = Великие Минси четъи митрополита Макария. Успенский список. 1–8 мая. Weher-Freiburg Y. Br., 2007. 728 с.

Die Grossen Lesemenäen des Metropolitän Makarij. Uspenskij spisok: Kritischer Apparat-Velike Minse четъи митрополита Макария. Успенский список: Критический аппарат. Weher-Freiburg Y. Br., 2007. 210 с.

Богословский М.М. Российский XVIII век / РАН. АК; отв. ред. С.О. Шмидт, сост., подготовка текста, примеч. А.В. Мельникова. М.: Интелвак, 2008. Кн. 1. 536 с., портр.

А.В. Мельников

⁶ Сивкова А. Цифровой код Стефана Пермского и автограф Ивана Куратова: Открывшаяся в СГУ конференция о книжной культуре оказалась богатой на сенсации // Республика. 2008. 17 мая; Григорян В. Стефановские числа. Ученый Борис Морозов: “Свт. Стефан создал не только азбуку, но и систему счисления, более совершенную чем греческая или славянская” // Вера: Христианская православная газета Севера России. 2008. № 11.

⁷ Хронику заседания см. в наст. изд. С. 293–295.

⁸ См. наст. издание. С. 565–566.

⁹ См.: Шмидт С.О. Архив РАН и Археографическая комиссия РАН: Тихомировские традиции // Архив Академии наук – достояние национальной и мировой науки и культуры: Мат-лы междунар. научной конф. Москва, 10–14 ноября 2008 г. М., 2009. С. 70–116.

К 85-ЛЕТИЮ С.О. ШМИДТА

15 апреля 2007 г. исполнилось 85 лет Сигурду Оттовичу Шмидту – почетному председателю АК РАН и Союза краеведов России, советнику РАН, академику РАО, заслуженному профессору и заведующему кафедрой москвоведения ИАИ РГГУ, главному редактору “Московской энциклопедии”. К этому событию были приурочены Первые Всероссийские краеведческие чтения, организованные РГГУ 16–18 апреля. На первом пленарном заседании в здании РГГУ было чествование С.О. Шмидта, и он выступил с докладом “Первые Всероссийские краеведческие чтения: Взгляд в будущее”. Информация о чтении напечатана в журнале “Отечественные архивы” (2007. № 3. С. 109–110), в газете “Тверская, 13” (номер от 16 апреля). Материалы этой научной конференции изданы отдельной книгой под названием “Первые Всероссийские краеведческие чтения: История и перспективы развития краеведения и москвоведения” (М., 2009). В книгу вошли и некоторые материалы юбилейного жанра, включая перепечатку газетных статей, и в разделе научных статей и сообщений текст доклада А.А. Севастьяновой “С.О. Шмидт и открытие краеведческих центров в провинции в 1990-е годы” (С. 377–399). Позднее был издан и посвященный С.О. Шмидту сборник статей “Проблемы истории. России.” (Екатеринбург, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации) со статьей А.Г. Мосина “К 85-летию Сигурда Оттовича Шмидта” (С. 8–12).

Юбилею исследователя, педагога, общественного деятеля отведено было место в некоторых журналах и газетах: в журнале “Университетская книга” (2007. № 3. С. 76–84) помещена беседа юбиляра с Н. Гусевой

под заголовком: “Университетское издательство – основа развития и распространения научных знаний: К 85-летию академика РАО Сигурда Оттовича Шмидта”; в журнале “Отечественные архивы” (2007. № 3. С. 98–107) под шапкой “85-летию С.О. Шмидта посвящается” помещен такой материал: «“Ценность работ С.О. Шмидта по истории Русского государства середины XVI в. мною неоднократно уже подчеркивалась”: Из документального наследия М.Н. Тихомирова» – это подготовленные к печати А.В. Мельниковым (с его введением и примечаниями) отзывы на дипломную работу, кандидатскую и докторские диссертации С.О. Шмидта, находящиеся в личном фонде академика М.Н. Тихомирова в АРАН. На Украине опубликована статья “Феномен Сигурда Оттовича Шмидта (до 85-річчя від дня народження)” в издании “Рукописна та книжкова спадщина України: Археографічні дослідження унікальних архівних та бібліотечних фондів” (К., 2007. Вип. 12. С. 429–432).

В газетах опубликованы статьи: *Акиншин А., Ласунский О.* Лихачевский лауреат (Воронежский курьер. 12 апр.); беседа с Д. Шеваровым “Сын челюскинца, сын Арбата: Разговор с замечательным историком и педагогом Сигурдом Оттовичем Шмидтом” (Труд. 14 апр.); «Сигурд Шмидт, москвовед: “Арбат должен стать символом Москвы”» (Вечерняя Москва, 17 апр.); *Рахматулин Р.* Замечательный человек – не обязательно великий (Известия. 25 апр.); приветствия в газете “Арбатские вести” (2007. № 8); беседа с К. Смирновым: «Твердый знак истории: Академик РАО Сигурд Шмидт: “Заденешь прошлое – отзовется современность”» (Новая газета. 18 июня).

ПРОФЕССОРУ В.М. МАГИДОВУ –

70 ЛЕТ

22 марта 2008 года исполнилось 70 лет профессору, доктору исторических наук, декану факультета технотронных архивов и документов ИАИ РГГУ Владимиру Марковичу Магидову. В связи с этим знаменательным событием 18 апреля в Российском государственном гуманитарном университете, в здании Историко-архивного института на Никольской улице, состоялось торжественное чествование юбиляра.

В.М. Магидов – ведущий и признанный во всем мире специалист в области историографии, источниковедения и архивоведения кинофотофонодокументов. Он стал основоположником нового, неповторимого по своему содержанию и своим масштабам направления научно-исследовательской работы – технотронного источниковедения и архивоведения. Для его реализации и формирования профильной научно-

педагогической школы В.М. Магидов стал вдохновителем и организатором создания в рамках Историко-архивного института уникального структурного подразделения – факультета технотронных архивов и документов. Именно развитию данного факультета не только в области аудиовизуальных, но также научно-технических, экономических и электронных документов он посвящает свою повседневную работу. Этот факультет по праву притягивает к себе молодых и стремящихся к знаниям юношей и девушек, которые с первых дней вдохновляются встречами и общением с Владимиром Марковичем Магидовым. Именно от него они узнают об основных навыках исследовательской работы и главных аспектах дальнейшей профессиональной деятельности. Поэтому в кабинете Владимира Марковича постоянно можно увидеть людей с горящими от жажды познания глазами и душой, устремленной к знаниям.

В течение своего яркого и продолжительного жизненного пути В.М. Магидов неустанно занимался научно-исследовательской работой. О ее плодотворности и успешности свидетельствует тот неопровержимый факт, что им подготовлено более двухсот впоследствии опубликованных научных трудов различной жанровой принадлежности. Прежде всего это две монографии. Первая из них – “Зримая память истории” – открыла широкому кругу читателей знания об осуществлении киносъемок дореволюционного периода и затем революционных событий 1917 г., а также об их содержании и составе в рамках Архивного фонда нашей страны. Эта книга – итог длительной исследовательской работы в архивах, музеях и рукописных отделах библиотек, начатой еще при подготовке кандидатской диссертацией.

Вторая книга, получившая еще больший резонанс в профессиональной среде, была опубликована сравнительно недавно в Издательском центре РГГУ. О масштабности ее замысла и содержания свидетельствует само название данной работы – “Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания”. В этой книге впервые в комплексном ключе нашли отражение все актуальные вопросы, связанные с раскрытием и анализом историографического наследия, документальной базы и бытования в архивно-библиотечной среде кинодокументов, фотодокументов и звукозаписей. В то же время значение данной работы не ограничивается только текстом глав данного исследования.

Готовя свою монографию к изданию, Владимир Маркович Магидов выявил весь спектр сведений и о структуре и документальной базе отечественных хранилищ аудиовизуальных документов, имеющих государственный и ведомственный статус. Следует отметить, что перечень этих хранилищ в еще более полном и, следовательно, более информативном виде был представлен в таком значительном коллективном труде, подготовленном под редакцией В.М. Магидова, как сборник статей “Аудиовизуальные архивы на рубеже XX–XXI веков (отечественный и зарубежный опыт)”. Структура этого сборника свидетельствует о большом авторитете Владимира Марковича в профессиональной среде исследователей и сотрудников специализированных архивов, культурологов, искусствоведов, философов и этнологов. Большинство этих специалистов, проявляющих устойчивый интерес к проблематике аудиовизуальных документов, опубликовало результаты своих новейших разработок в данном сборнике.

Сотрудничество с этими учеными и практическими работниками архивной отрасли Владимира Марковича продолжилось спустя годы в связи с подготовкой конференции и сборника статей, посвященных его славному юбилею. Следует подчеркнуть, что ученики В.М. Магидова продолжают вносить значительный вклад в обеспечение сохранности, организацию комплектования и использования различных видов технотронных документов. В своей профессиональной деятельности они опираются, прежде всего, на нормативные документы и методические пособия, которые были подготовлены под руководством и при активном практическом участии Владимира Марковича. Прежде всего, это “Основные правила работы государственных архивов с кинофотофонодокументами”, опубликованные в 1980 г.; “Основные правила работы ведомственных архивов с кинофотофонодокументами и видеофонограммами”, вышедшие в свет в 1989 г.; специальные разделы о кинофотофонодокументах в “Правилах издания исторических документов в СССР” 1990 г. Эти пособия, а также методические рекомендации обо всех направлениях и аспектах работы с изобразительными, звуковыми и аудиовизуальными документами, стали образцами творческой работы для современных поколений ученых-архивистов, руководством к действию для работников архивных учреждений. К их содержанию постоянно обращаются сотрудники средств массовой информации, которые также зани-

маются организацией хранения и использования указанных источников исторического знания.

Практическая значимость научно-исследовательской работы В.М. Магидова на Центральной студии документальных фильмов, во ВНИИДАД, в ИАИ РГГУ многогранна.

В сфере популяризации аудиовизуального наследия особого внимания заслуживает выработанная Владимиром Марковичем методика публикации кинокадров, осуществляемая нетипографским способом. В области подготовки научно-педагогических кадров важно подчеркнуть, что В.М. Магидов много работал и продолжает плодотворно работать со студентами не только Российского государственного гуманитарного университета, но и исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Именно на этом факультете началась учебная деятельность Владимира Марковича: он является выпускником кафедры истории Средних веков, подготовил и защитил кандидатскую диссертацию по кафедре источниковедения истории СССР. Спустя многие годы именно на этой кафедре В.М. Магидов читал специальный курс, посвященный кинофотофонодокументам как историческому источнику и объекту архивного хранения. Этот курс привлек к себе многих студентов, приступивших после окончания учебы к плодотворной профессиональной деятельности. В Историко-архивном институте В.М. Магидов подготовил несколько кандидатов исторических наук, посвятивших свои диссертационные исследования проблемам архивоведения и источниковедения кинофотофонодокументов. Эти и другие многочисленные ученики с благодарностью вспоминают ту неоценимую помощь, которую оказывал им благодаря опыту и профессионализму их наставник.

В день своего юбилея В.М. Магидов собрал своих коллег, друзей и учеников в актовом зале Историко-архивного института РГГУ. В солнечный весенний день они выступили с теплыми поздравлениями и искренними пожеланиями в адрес юбиляра.

Руководитель Федерального архивного агентства *В.П. Козлов* поблагодарил В.М. Магидова за плодотворное участие в практической работе отечественных архивов и наградил юбиляра Почетной грамотой Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ.

От имени Археографической комиссии РАН юбиляра поздравил почетный предсе-

датель комиссии, заслуженный профессор РГГУ *С.О. Шмидт*.

Ректор РГГУ профессор *Е.И. Пивовар* напомнил о том, как настроенно поначалу отнеслись архивисты и руководство РГГУ к понятию “технотронный” в период создания факультета технотронных архивов и документов и о постепенном признании этого понятия в профессиональной среде, чему немало способствовали авторитет и многочисленные выступления и публикации В.М. Магидова. *Е.И. Пивовар* сообщил о присвоении В.М. Магидову звания “Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации” и сердечно поблагодарил юбиляра за многолетнюю успешную работу в должности декана ФТАД ИАИ РГГУ.

Коллеги В.М. Магидова – первый проректор РГГУ профессор *В.В. Минаев*, директор ИАИ РГГУ профессор *А.Б. Безбородов*, директор Института экономики, управления и права РГГУ профессор *Н.И. Архипова*, декан факультета истории, политологии и права ИАИ РГГУ профессор *А.П. Логунов*, декан факультета документоведения ИАИ РГГУ профессор *Т.Г. Архипова*, директор Центра визуальной антропологии и эгоистории РГГУ профессор *Н.И. Басовская*, преподаватели *А.Л. Юрганов*, *Ф.А. Гедрович* вспомнили основные вехи профессионального пути В.М. Магидова, единодушно отметили его эрудицию, трудолюбие, чуткость и благожелательное отношение к людям, чувство юмора и оптимизм, пожелали дальнейших творческих успехов и плодотворной работы в стенах университета.

На вечере прозвучали поздравления от представителей Российского государственного архива научно-технической документации, Центрального архива ФСБ РФ, Гостелерадиофонда, Союза кинематографистов РФ, Московского государственного университета, Российской академии государственной службы при Президенте РФ, Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, Института повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Российского института культурологи, НИИ киноискусства, компании “Всемирные русские студии”. Выступили руководители крупнейших федеральных архивов – директор ГА РФ *С.В. Мироненко*, директор РГАКФД *Н.А. Калантарова*, директор РГАФД *В.А. Коляда*, директор РГАЛИ *Т.М. Горяева*, а также директор Центрального архива

электронных и аудиовизуальных документов Москвы *С.К. Кушнарев*. Архивисты поблагодарили В.М. Магидова за постоянное участие в решении важнейших научных и практических проблем архивов, за успешное воспитание профессиональных архивных кадров.

Журналист и драматург *Г.А. Скороходов*, кинорежиссеры *В.Ф. Коновалов* и *Г.М. Евтушенко* засвидетельствовали высокое признание научных работ В.М. Магидова в кинематографической среде и выразили благодарность за бескорыстную помощь, профессиональную и дружескую поддержку со стороны юбиляра.

На встрече были оглашены поздравительные телеграммы от председателя Правления Союза кинематографистов РФ *Н.С. Михалкова* и руководителя Федерального агентства по культуре и кинематографии *М.Е. Швыдкого*. В телеграммах были указаны многочисленные заслуги юбиляра перед сообществом работников кинематографа, телевидения и радиовещания; высказывались пожелания дальнейшего светлого творческого пути юбиляру

Программу вечера завершили выступления студенческой самодеятельности ФТАД.

Г.Н. Ланской, М.М. Жукова

ВЕЧЕР ПАМЯТИ Н.И. БУХАРИНА В ГЛАВНОМ АРХИВНОМ УПРАВЛЕНИИ г. МОСКВЫ

19 марта 2008 г. в Главном архивном управлении города Москвы состоялся вечер памяти Николая Ивановича Бухарина – яркого представителя российских профессиональных революционеров, одного из видных руководителей РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б), члена ВЦИК, ЦИК СССР и Президиума исполкома Коминтерна, действительного члена Академии наук СССР, главного редактора газет “Правда” и “Известия”. Вечер был приурочен к 120-летию со дня его рождения, 70-летию со дня смерти и 20-летию со дня реабилитации.

Организаторами вечера выступили Главное архивное управление города Москвы, Ассоциация исследователей российской обществу (АИРО-XXI), Международный фонд имени Николая Бухарина и Анны Лариной-Бухариной, Московское городское общество историков-архивистов. В заседании приняли участие историки, архивисты, общественные деятели Москвы, Нижнего Новгорода, Сургута, Челябинска, других регионов России, США, Германии, Японии, родственники Н.И. Бухарина. Вечер вели директор ЦМАМЛС Л.И. Смирнова и руководитель Международного совета научных проектов и издательских программ АИРО-XXI профессор Г.А. Бордюгов.

Открывая вечер, начальник Главного архивного управления города Москвы В.А. Манькин отметил значение подобных мероприятий для развития исторической науки: “Современная эпоха уже дает нам возможность объективной оценки исторических событий начала XX в., сейчас есть все условия для спокойного анализа политической истории России, одним из известных пред-

ставителей которой являлся Н.И. Бухарин. Он дает пример революционера-романтика, в жизни которого всегда доминировала идейность”. На вечере памяти Н.И. Бухарина выступили: историк, профессор Нью-Йоркского университета (США) *Ст. Коэн*, речь которого приводится ниже; академик РАН и председатель Московского городского общества историков-архивистов *Ю.А. Поляков*; ректор Российского государственного торгово-экономического университета *С.Н. Бабурин*, дочь Анны Михайловны Лариной, жены Н.И. Бухарина, *Н.Ф. Фадеева*; почетный председатель АК РАН, академик РАО *С.О. Шмидт*; двоюродная сестра Светланы Николаевны Гурвич-Бухариной, дочери Н.И. Бухарина, *Э.Б. Гурвич*; историк и публицист *Р.А. Медведев*; доктор исторических наук, заведующий сектором Центра научного использования и публикации архивного фонда (ЦНИИПАФ) Главархива Москвы *А.Н. Пономарев*; драматург, почетный академик РАЕН *М.Ф. Шатров*, и др.

Участникам вечера была предоставлена возможность ознакомиться с историко-документальной выставкой “Николай Иванович Бухарин: личность, политик, ученый – в документах Центрального московского архива-музея личных собраний и частных семейных архивов”. Выставку подготовили сотрудники ЦМАМЛС, Выставочного центра Главархива Москвы, Центра микрофильмирования и реставрации документов, Сектора общественных связей Главархива Москвы: В.А. Арцыбашев, Л.М. Горохова, М.В. Добренькая, В.В. Колодежный, А.Н. Солопов (автор концепции), Л.И. Смирнова (руководитель авторского коллектива),

Е.Н. Черненкова, В.И. Якута. В оформлении экспозиции приняли участие А.В. Герасимова, Е.А. Ладисова, Н.Н. Перевалова, М.А. Саввина, И.В. Фомина, О.Г. Чебелев.

На выставке были представлены семейные фотографии, вещественные источники, живописные работы Н.И. Бухарина, рукописи и книги, в том числе созданные в тюрьме на Лубянке, когда он отчаянно боролся за спасение своих принципов и семьи, находясь в состоянии “между жизнью и смертью”. В марте 1938 г. на судебном процессе по делу “антисоветского правотроцкистского блока” Н.И. Бухарин был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР, приговорен к смертной казни и в марте 1938 г. расстрелян.

Документы выставки были посвящены семье Н.И. Бухарина, участию его в деятельности РСДРП, в ряды которой он вступил в 1906 г. С первых лет советской власти Н.И. Бухарин большое внимание уделял анализу политических и экономических проблем развития социалистического общества, и в экспозиции были представлены его известные произведения “Азбука коммунизма”, “Экономика переходного периода”, “Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз” и др.

Экспонаты выставки свидетельствовали о трудной судьбе родных и близких Н.И. Бухарина, в первую очередь – дочери Светланы и ее матери Эсфири Исаевны Гурвич и сына Юрия и его матери Анны Михайловны Лариной-Бухариной. Были приведены многочисленные обращения членов семьи в раз-

личные инстанции с просьбой о реабилитации Н.И. Бухарина. Однако только в 1988 г. Пленум Верховного суда СССР отменил приговор в отношении Николая Ивановича и реабилитировал его, в июне Комитет партийного контроля ЦК КПСС восстановил в партии, а в октябре того же года он был восстановлен в звании действительного члена АН СССР.

Подтверждением того, что личность Николая Ивановича Бухарина со всеми его достоинствами, заслугами и недостатками, принадлежит истории нашего государства, являются представленные в экспозиции издания последних лет.

На вечере состоялась презентация нового сборника – “Узник Лубянки: Тюремные рукописи Николая Бухарина” (М., 2008. 1020 с.), в который вошли четыре книги: исследование о современной культуре и цивилизации “Социализм и культура”, философский трактат “Философские арабески”, подборка стихотворений из “Томика стихов” и неоконченный роман о собственном детстве в дореволюционной Москве “Времена”. Все это, находясь в состоянии “между жизнью и смертью”, Н.И. Бухарин нашел в себе силы, физические и моральные, написать без малого за год – без пишущей машинки, без необходимых источников и даже без нужного количества бумаги.

Нет никакого сомнения, что подобные мероприятия могут и должны послужить толчком для новых исследований и публикаций по отечественной истории первой половины XX века.

Слово профессора Стивена Козна на открытии Фонда семьи Бухариных

19 марта 2008 г.

Создание Фонда семьи Бухариных является радостным и важным событием. Оно означает, что историки получают возможность изучать жизнь Николая Ивановича Бухарина и эпопею замечательной русской семьи. Оно также значит, что семья, которую жестоко разделила политика, отныне будет единой в Истории. За это мы должны быть признательны руководству Главархива Москвы.

Фонд стал возможен благодаря вкладу каждой из трех семей, чьи судьбы соединило родство с Николаем Ивановичем: Бухарины, Гурвич и Ларины. Самые важные материалы: мемуары, автобиографии, другие личные документы – принадлежат перу тех

членов семьи, которые пострадали особенно сильно. Это Владимир Иванович Бухарин, Эсфирь Исаевна и Светлана Николаевна Гурвич, Анна Михайловна Ларина и сам Николай Иванович, который в страшной сталинской Лубянке, в тени смерти, уже нависшей над ним, написал замечательную автобиографическую повесть о своем детстве.

Многие из этих уникальных документов сохранили для нас и для Истории другие члены этой большой семьи: Надежда Федоровна Фадеева, Михаил Федорович Фадеев, Галина Владимировна Юркевич и Эмма Борисовна Гурвич. Без их вклада этот Фонд едва ли был бы возможен.

Наконец, все мы глубоко признательны Геннадию Аркадьевичу Бордюгову. Уже более десяти лет он посвящает много времени, энергии и сил публикации важнейших рукописей семьи Бухарина, включая новое издание тюремных тетрадей Николая Ивановича, представленное здесь сегодня. Геннадий Аркадьевич также сыграл очень важную роль в создании Фонда.

Что касается меня, то я очень счастлив лично, что теперь есть такой Фонд. И вот почему. Более тридцати лет назад Анна Михайловна приняла меня в свою семью. Она и ее дети: Юрий, Надя и Миша – стали моей русской семьей, моим “домом вдали от дома”, как мы говорим в Америке. Чуть позже они так же тепло приняли мою жену Катрину. А когда родилась наша дочь Ника, мы назвали ее Никола Анна – в честь Николая Ивановича и Анны Михайловны, которая стала ее “булей” (бабулей).

Близким другом для нас стала и Светлана Николаевна, дочь Бухарина. Она тепло отнеслась ко мне как к товарищу по историческому исследованию, но особенно Светлана Николаевна любила Нику. У нас до сих пор сохранились одежки, которые она вязала для любимого мишки Ники.

Поэтому я чувствую себя тоже частью этого семейного Фонда. На днях я передал в Архив некоторые из материалов, которые собрал за многие годы исследования. И, когда я завершу мою новую, расширенную, биографию Николая Ивановича, я передам все мои материалы Фонду. Таким образом, они вновь вернуться в Россию – туда, где должны быть.

Есть еще один человек, который внес важный вклад в сегодняшнее событие. В свое время Анна Михайловна приняла в семью еще одного члена – Валерия Писигина. Он был ее “чудесным мальчиком из провинции” – как она впервые представила его мне. Многие из вас знают, что Валерий Фридрихович сыграл очень важную роль в деле реабилитации Бухарина, еще до того как Михаил Горбачев сделал это официально. И свой уникальный личный архив Валерий тоже передает Фонду.

* * *

Конечно, больше всего этот Фонд будет важен для ученых, которые захотят пересмотреть роль Бухарина в советской истории. Сегодня объективный пересмотр этой роли пока еще вряд ли возможен.

Семьдесят лет историческое реноме Бухарина – и в вашей стране, и даже в моей –

ограничивалось в основном его ролью политика. Во время “холодной войны” советские историки-сталинисты и многие американские советологи-антисталинисты, хотя и по разным мотивам, писали советскую историю без реальных альтернатив. В такой истории герои и результаты событий всегда представляются как неизбежные. Бухарин поэтому был либо “враг”, либо фигура незначительная. Но в истории всегда есть альтернативы – другие, не пройденные пути. И история, написанная без учета этих других путей, не является реальной историей.

В Советском Союзе подход к истории изменился при Горбачеве. Тогда, в период перестройки, “идея альтернативности” стала популярной. Но, как показали в своей книге Геннадий Бордюгов и Владимир Козлов, новая репутация Бухарина по-прежнему определялась политикой. Просто минусы эпохи сталинизма сменились на перестроечные плюсы.

Даже в наши дни историческая репутация Бухарина остается в плену политики. В моей стране, с тех пор как не стало Советского Союза, все первые советские лидеры рассматриваются как протосталинисты или как незначительные персонажи. Новый американский триумфализм в описании событий 20-го века – это тоже история без альтернатив.

В России сегодня Бухарин чаще всего – хотя и не всегда – считается фигурой, не заслуживающей внимания или уважения. Казалось, русские националисты могли бы уважать его за попытку защитить крестьянство – “народ” – от грядущего уничтожения. Но, вместо этого, многие националисты поносят его имя – либо за то, что он однажды выступил с критикой поэзии Есенина, либо за оппозицию сталинскому “великому перелому”. А сегодняшние российские коммунисты могли бы чтить Бухарина как своего предшественника с более социал-демократическими убеждениями. Но нет, они тоже обходят его вниманием или уважением.

Но придет время, и русские историки будут изучать советскую историю не ради конъюнктуры, а ради объективности. Невозможно писать историю без плюсов и минусов, но можно – и нужно – пытаться находить баланс между ними. Для этого есть только один способ: мы должны стараться понять исторических деятелей не в контексте нашего времени, ценностей и ретроспективных знаний, а в контексте того времени, когда жили они сами.

Вот важный пример из истории моей страны. Когда я учился в школе, наши учителя не говорили нам, что большинство “отцов-основателей американской демократии” были рабовладельцами. Нам не говорили, что первые пятьдесят лет после создания Соединенных Штатов все наши президенты либо владели рабами, либо поддерживали институт рабства. Сегодня мы говорим об этом своим детям. И американские историки пытаются объективно писать о наших отцах-основателях, учитывая все их плюсы и минусы, стараясь понять Вашингтона, Джефферсона и других как людей своего времени.

Время оказало глубокое влияние на Бухарина – особенно насилие и бесчеловечность Первой мировой войны, революции и русской Гражданской войны. Сначала он признавал насилие как историческую неизбежность, но скоро отказался от этого принципа. С тысяча девятьсот двадцать первого года и до самой смерти он старался – словом и делом – показывать, что есть ненасильственные пути решения советских проблем.

Поиск этих ненасильственных путей четыре раза приводил Бухарина на развилки советской истории. Я не хочу сказать, что он был главным альтернативным лидером советского государства. Верховная власть была не для него. Я хочу сказать, что четыре раза, в решающие моменты истории, Бухарин, в силу своего политического статуса, оказывался представителем альтернативного советского курса. Эти развилки, я уверен, еще долгие годы будут изучать и дебатировать историки. Вы их знаете, поэтому я только коротко напомню.

Первая случилась после смерти Ленина, когда Бухарин стал главным идеологом НЭПа. Николай Иванович не был демократом, в сегодняшнем смысле слова. Но он надеялся, что НЭП будет развиваться в этом направлении. Вот почему, к примеру, он писал Дзержинскому в тысяча девятьсот двадцать четвертом году: «Я считаю, что мы должны скорее переходить к более “либеральной” форме Соввласти». Бухарин имел в виду то, что Горбачев позднее назвал “политическим НЭПом”. Но был ли у НЭПа “более либеральный” потенциал? Вопрос этот требует нового осмысления, а вместе с ним – и идеи Бухарина.

Вторая, более известная, бухаринская альтернатива возникла, конечно, в двадцать восьмом – двадцать девятом годах, когда он выступил против сталинской на-

сильственной коллективизации крестьян во имя ускоренной индустриализации. Все знают экономические аргументы Бухарина против “великого перелома”, но его политические доводы были не менее важны. Он понимал, что сталинский курс приведет к массовому насилию и “полицейскому государству”, и он предупреждал об этом в двадцать восьмом году. Поэтому бухаринская альтернатива конца 20-х годов должна рассматриваться не только как другой вариант экономического развития. Это была еще и политическая альтернатива.

Снова Бухарин возник как представительная фигура четыре года спустя. В тридцать четвертом году некоторые члены сталинского окружения захотели ослабить слишком жесткий политический и экономический курс, взятый в двадцать девятом году. Бухарин политической власти уже не имел. Но благодаря своим прежним заслугам и, особенно, своей новой позиции – главный редактор газеты “Известия” – он стал символическим представителем того течения, которое двадцать лет спустя будет названо “оттепель”. Если историки внимательно изучат газету “Известия” за те два года, когда ею руководил Бухарин, то, возможно, они найдут еще одну упущенную альтернативу.

Наконец, в середине тридцатых Бухарин стал также самым заметным советским антифашистом. Он был убежден, что компромисс с Гитлером, так называемая политика умиротворения, будет глубокой ошибкой, так как насилие лежит в самой природе нацистской идеологии. Предложенная Бухариным новая идея “социалистического гуманизма” была, таким образом, одновременно, попыткой либерализации сталинской системы и предупреждением об опасности любого союза с Гитлером. И это тоже был указатель поворота, за пропуск которого пришлось заплатить ужасной ценой.

Поскольку Бухарин задал эти важнейшие альтернативы, российские историки не смогут полностью пересмотреть свое советское прошлое без пересмотра роли Бухарина в нем. На каждой из тех исторических развилочек он выбирал тот путь, который может быть назван не-катастрофической альтернативой. Возможно, это окажется актуальным и сегодня – или завтра. И это тоже позволяет думать, что следующая реабилитация Николая Ивановича будет менее политической и более прочной.

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ РАБОТЫ СИМПОЗИУМА ПО ПРОБЛЕМАМ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Симпозиум по проблемам аграрной истории Восточной Европы 23–26 сентября 2008 г. отметил 50-летний юбилей и прошел в Вологде при соучастии Вологодского государственного педуниверситета XXXI сессию. На ней обсуждались “Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы”. В работе Симпозиума участвовало около 100 исследователей, представлявших научные учреждения РАН, вузы и архивы Москвы и Санкт-Петербурга, городов европейской России от Вологды до Краснодара и Ростова-на-Дону, от Калининграда до Саратова и Йошкар-Олы, Урала и Сибири.

Историю симпозиума охарактеризовала в пленарном докладе “50 лет работы Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы” председатель Оргкомитета Е.Н. Швейковская. Симпозиум был создан в 1958 г. по инициативе акад. АН СССР С.Д. Сказкина, д-ра исторических наук В.К. Яцунского и их эстонских коллег во главе с чл.-корр. АН СССР, акад. АН Эстонской ССР Х.Х. Круусом при заинтересованной поддержке Отделения исторических наук АН СССР. На протяжении всех этих лет возглавляет и направляет работу Симпозиума Оргкомитет. Его председателями с 1958 г. были последовательно академик С.Д. Сказкин, чл.-корр. В.И. Шунков, академики Ю.В. Бромлей и В.Л. Янин, чл.-корр. В.Т. Пашуто, академик И.Д. Ковальченко. В 1991–2007 годов председателем Оргкомитета был академик Л.В. Милов, а с 2008 г. – доктор исторических наук Е.Н. Швейковская. С 1991 г. Симпозиум работает в рамках Научного совета по проблемам аграрной истории Восточной Европы.

Организационная структура сессии, как обычно, была представлена тремя хронологическими секциями: 1) Киевская Русь – середина XIX в., 2) вторая половина XIX в. – начало XX в., 3) 1917 г. – современность. Таким образом, главная проблема, выдвинутая на сессию, рассматривалась в развитии и на материале различных эпох по секционным темам, отвечавшим наиболее актуальным вопросам соответствующего исторического периода.

Особое внимание вызвала серия выступлений на тему “Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы в лицах”

о Л.В. Милове, В.К. Яцунском, Н.А. Горской, Н.В. Устюгове, В.П. Данилове. В них авторы показали активную роль ученых в организации и проведении сессий Симпозиума, сотрудничестве в издании его трудов и, в целом, большой вклад в развитие аграрной истории России. Наследие ученых-аграрников также характеризовалось в выступлениях на секциях, например, А.М. Анфимова, И.Е. Зеленина.

В первой секции (Киевская Русь – середина XIX в.) обширная группа выступлений была посвящена историографическим аспектам изучения разных тем – зависимого населения в древнерусском господском хозяйстве, сельской общины в монастырской вотчине в XVII–XVIII в., земледельческого освоения юго-востока Европейской России в середине – второй половине XVII в., роли города в инфраструктуре аграрного социума и др. Вторую группу составили доклады и сообщения общен исторического характера о феодальной вотчине середины XVIII в. и ее демографо-социальном составе, о пространственно-демографических изменениях на Северо-Западе России в XV–XVI вв. и размещении крестьянских хозяйств, о власти и собственности в России в эпоху петровских преобразований. Выделялась группа выступлений, в которых акцент был сделан на новых компьютерных методиках анализа источников, в частности писцовых книг и материалов Генерального межевания XVIII в., вскрывающих тенденции в развитии феодального землевладения в Центре России в XVII–XVIII вв.

На заседаниях второй секции (вторая половина XIX в. – 1917 г.) значительная часть выступлений была посвящена анализу историографии крупных проблем: столыпинской аграрной политики, крестьянского движения пореформенного времени, экономического положения крестьянства в XIX – начале XX столетия. Были подняты давно назревшие источниковедческие аспекты, важные для общего понимания аграрного строя рубежа XIX–XX веков. Дискутировались вопросы о кооперативном движении в дореволюционной русской деревне, о жизнедеятельности крестьянской общины в условиях ускоренной модернизации России. Живо обсуждались различные стороны финансовой политики государства, а также позиция русских консерваторов в отношении деревни.

Секция “1917 г. – современность”, была на сессии разделена на две подсекции, и рубежом стал 1940 г. Большая часть докладов была посвящена проблемам российской деревни 1920-х годов: о социальных сдвигах в сибирской деревне в 1920 г., взаимоотношениях города и деревни в годы НЭПа, об альтернативных оценках в историографии НЭПа. Оживленную дискуссию вызвали доклады и сообщения, посвященные деревне 1930-х годов, аграрной модернизации в России. В значительном числе выступлений были рассмотрены источниковедческие вопросы, связанные с материалами бюджетных обследований крестьянских хозяйств, в том числе массовыми – по истории крестьянского двора России 1917–1920-х годов, документами о голоде в Поволжье, а также о политических настроениях крестьянства и др. Во многих докладах и сообщениях затрагивались методологические аспекты изучаемых тем.

В тематике выступлений, относящихся к послевоенной деревне, ведущими стали несколько проблем. Во-первых, историко-демографическое развитие села: демографические процессы в колхозной деревне и семье, современное демографическое состояние села, эволюция сельской миграции. Во-вторых, это вопросы, связанные с урбанизацией деревни и перспективами ее изучения. Третья группа представленных на секции выступлений относилась к изучению

аграрных реформ Н.С. Хрущева и целинной эпопеи. Четвертый блок составили выступления о современном аграрном развитии России, социальной стратификации сельского общества, которые показали разброс мнений в оценке перспектив развития современного села – от крайне пессимистических до осторожно оптимистических. Необходимо также выделить выступления, связанные с источниковедческими вопросами изучения аграрной истории второй половины XX в., особенно по архивным материалам.

В целом было констатировано, что Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы в очередной раз за 50 лет своего существования продемонстрировал высокий научный потенциал. Работа сессии по осмыслению историографических итогов и научных запросов в агро- и крестьяноведении показала, что исследователи всех периодов мобилизовали обширный по хронологическому диапазону и разнообразный по видовым параметрам источниковедческий материал, привлекли многоаспектную по тематике и концептуальному содержанию историографическую литературу от начала XVIII в. до первых лет нынешнего XXI столетия, продемонстрировали владение новейшими методиками и использовали оригинальные подходы в исторических исследованиях. Были высказаны пожелания продолжать анализ научного наследия известных историков-аграрников.

Е.Н. Швейковская

**МАРГАРИТА
ВЛАДИМИРОВНА
КУКУШКИНА
(1925–2007)**

В декабре 2002 г. в Библиотеке Академии наук отмечалось замечательное событие: 50 лет прошло с того дня, как пришла на работу в Отдел рукописей и редкой книги Маргарита Владимировна Кукушкина. По-разному складываются судьбы людей, про Маргариту Владимировну можно, не сомневаясь ни минуты, сказать, что ее жизнь неразрывно связана с любимыми ею Библиотекой АН и Отделом рукописей. Более полувека отдавала она все свои силы, стараясь делать все возможное для сохранения и изучения доверенного ей национального наследия. События красивой и стройной биографии ученого гармонично переплетены с жизнью БАН, где она трудилась более полувека, вплоть до ухода на пенсию в 2005 г.

Родилась Маргарита Владимировна Кукушкина в мае 1925 г. в Ленинграде. В 1949 г. она окончила исторический факультет ЛГУ и в 1952 г. аспирантуру при Ленинградском отделении Института истории АН, в котором под руководством известного историка профессора С.Н. Валка подготовила и защитила кандидатскую диссертацию на тему "Движение помещичьих крестьян в великорусских губерниях в 1856–1861 гг.". По окончании аспирантуры она поступила по распределению в Отдел рукописей и редкой книги Библиотеки АН.

Придя на работу в БАН, Маргарита Владимировна со свойственной ей планомерностью и последовательностью стала овладевать новым для нее историческим материалом. Благодаря проделанной ею кропотливой работе большой объем накопившихся в отделе за многие годы копий разного рода рукописных документов был превращен в отдельное Собрание воспроизведен и составлена его опись. В составе собрания имеются не только материалы, хранящиеся в БАН, но и копии малодоступных рукописей из хранилищ всего мира. Созданный фонд помогает в ряде случаев избегать необоснованного обращения к оригиналам уникальных памятников письменности. Работая под руководством заведующих Отделом рукописей известных ученых В.Ф. Покровской, а затем А.И. Копанова, она активно включилась в работу по научному описанию хранящихся здесь древнерусских рукописей. Сложнейшая работа по раскрытию фонда стала главной в деятельности Маргариты Владимировны. Совместно с другими сотрудниками отдела она подготовила три выпуска серии "Описания Рукописного отдела БАН." (Том 3: Рукописи исторического содержания. Вып. 1–3), а впоследствии явилась инициатором и одним из участников описания Архангельского собрания рукописей БАН (Том 7. Вып. 1). Ра-

ботая над описаниями, Маргарита Владимировна выявила, исследовала и опубликовала целый ряд ранее неизвестных в науке древнерусских повестей. Среди них “Повесть о Псковском взятии” (1960 г.), великоустюжская Повесть о событиях Смутного времени (1961), “Повесть о Леопольде и его сестре Маргарите” (1969), “Повесть о пожаре 1610 г. в Великом Устюге” (1987). Знание истории средневековой Руси позволило ей принять участие в написании комментариев к изданию “Московской хроники” Конрада Гуссова 1584–1613 гг. (1961). В последние годы жизни исследовательница искала возможность переиздания этого уникального исторического памятника, первая публикация которого стала малодоступной.

Особый круг прикладных проблем источниковедения, которыми занималась Маргарита Владимировна, был связан с исследованием филиграней на бумаге русских бумажных фабрик XVIII–XIX вв. Сразу по приходу на работу в БАН молодому специалисту Кукушкиной было поручено разобрать хранящийся в БАН фонд бумаг Соляной конторы в качестве собрания русской бумаги ручного производства. Маргарита Владимировна провела эту большую работу и подготовила справочник по истории бумажных фабрик в России и водных знаков, использовавшихся при маркировке их продукции (1958). Работа получила высокую оценку в рецензии Л.А. Дмитриева. В дальнейшем она продолжила изучение водяных знаков в содружестве с видным историком отечественной бумаги С.А. Клепиковым, результатом которого стала работа “Филигрань Pro Patria на бумаге русского и иностранного происхождения” (1965; 1973).

Значителен вклад Маргариты Владимировны в изучение истории Библиотеки Академии наук. В фундаментальной “юбилейной” монографии “История Библиотеки Академии наук СССР: 1714–1964” ей было поручено написание трех глав, посвященных событиям 1917–1940 гг. – самому сложному периоду в жизни библиотеки и отечественной науки в целом. С этой задачей она успешно справилась и впоследствии неоднократно обращалась в своих статьях к страницам истории БАН (1964, 1970).

Работа по описанию и изучению древнерусских рукописей породила интерес к изучению монастырских библиотек. По совету А.И. Копанева М.В. Кукушкина продолжила работы бывших сотрудников Рукописного отдела Н.К. Никольского и его ученика Н.Н. Зарубина по изучению и публикации описей древнерусских монастыр-

ских библиотек, атрибуции сохранившихся рукописей, а также писцов, вкладчиков, читателей, организации книгописания, выявлению интересов древнерусских книжников и др. Особое внимание исследовательницы было обращено на реконструкцию библиотеки Антониево-Сийского монастыря, большая часть которой хранится в БАН, а также на изучение книжных собраний Соловецкого, Николо-Корельского и Александро-Свирского монастырей, книгописной школы архиепископа Афанасия Холмогорского. Характерной особенностью методики ее работы, продолжающей труды предшественников, стало сопоставительное изучение древних описей и сохранившихся рукописных книг, что сделало возможным глубокое проникновение в творческую мастерскую древнерусских книжников. Итогом этого изучения стала защищенная в 1975 г. докторская диссертация “Монастырские библиотеки Русского Севера: (Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков)” и одноименная книга, вышедшая в издательстве “Наука” в 1977 г.

С 1970 г. Маргарита Владимировна была назначена заведующей Отделом рукописной и редкой книги БАН, которым успешно руководила вплоть до 1986 г. От прежнего заведующего А.И. Копанева, перешедшего на работу в ЛОИИ (ныне Санкт-Петербургский институт истории РАН), под ее руководство был передан талантливый и сплоченный коллектив сотрудников, болеющих за общее дело. Уже при ней Отдел пополнился такими заметными впоследствии учеными как А.А. Амосов, И.Ф. Мартынов. При Маргарите Владимировне, в значительной мере благодаря ее неиссякаемой энергии и организаторским способностям, Отдел стал крупным, можно сказать, всесоюзным методическим центром по описанию рукописей. Совместно с Археографической комиссией (действительным членом которой являлась М.В. Кукушкина) в БАН были проведены три Всесоюзные конференции по проблемам описания разноязычных рукописей и подготовки факсимильных изданий, а также конференция по истории книги в России и методологический семинар. Под ее редакцией (совм. с С.О. Шмидтом) вышел сборник “Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности” (Л., 1981) и два выпуска серийного издания: “Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги” (1978 и 1987).

В годы руководства Маргариты Владимировны в Отделе рукописей БАН про-

должалась археографическая деятельность, развернутая еще в 60-е годы по инициативе А.И. Копанева. В нескольких археографических экспедициях и командировках она участвовала лично (Архангельск, Каргополье, Кимры), организации других активно содействовала. В период ее заведования Отдел рукописной и редкой книги пополнился тысячами рукописных и старопечатных книг, привезенных из экспедиций и купленных у коллекционеров.

Особенно много стараний прилагала Маргарита Владимировна, добываясь издания хранящихся в Рукописном отделе замечательных “лицевых” рукописей. Задуманное еще при А.И. Копаневе издание “Лицевого летописного свода” Ивана Грозного было начато изданием входящей в его состав “Повести о Куликовской битве”, подготовленным Отделом к 300-летию великой битвы. В полном виде факсимильное издание “Повести” под редакцией М.В. Кукушкиной удалось издать лишь в 1984 г.

Не менее значителен вклад Маргариты Владимировны в отечественную науку за последние 20 лет ее работы в БАН, когда она освободилась от административных обязанностей по руководству Отделом. В эти годы особую энергию и настойчивость проявила Маргарита Владимировна при многолетнем “пробивании” через высшие структуры Академии наук и Министерства культуры средств на факсимильное издание древнейшей русской иллюстрированной летописи конца XV в. – Радзивилловской. Впервые в археографической практике издание было снабжено подробными описаниями всех “украшающих” летопись цветных миниатюр. Описания 206 миниатюр летописи принадлежат М.В. Кукушкиной. Это замечательное издание увидело свет в 1994 г. и было по достоинству оценено на правительственной презентации 14 марта 1995 г. В эти же годы М.В. Кукушкина работала над описанием рукописей Архангельского собрания БАН, вышедшего под ее редакцией и с ее участием в 1989 г. Последней значительной фундаментальной работой Маргариты Владимировны, над которой она работала несколько лет, стала монография “Книга в России в XVI веке” (СПб., 1999), где были проанализированы и обоб-

щены достижения ученых в области русского книговедения XVI в. Книга, выполненная в рамках задуманной С.П. Лупповым монографической серии “Книга в России”, была отмечена государственной премией на Всероссийском конкурсе научных работ по библиографии и книговедению.

Маргарита Владимировна была очень доброжелательна и отзывчива по отношению к своим коллегам и сотрудникам. Она сердечно заботилась о молодых ученых, старалась создать им благоприятные условия для научной деятельности. Стиль ее руководства Отделом никогда не был авторитарным: все научные и организационные вопросы решались коллегиально, на научно-методическом совете, на заседания которого приглашались видные петербургские ученые Л.А. Дмитриев, А.И. Копанев, Г.Н. Моисеева, Г.М. Прохоров, Н.Н. Розов и др. По представлению М.В. Кукушкиной Президиум РАН в 70-х годах назначил члена-корреспондента Д.С. Лихачева куратором Отдела по вопросам использования памятников письменности, и это долгое время помогало Отделу в отстаивании строго научного подхода к использованию хранящегося здесь общенародного культурного достояния. Маргарита Владимировна всегда была глубоко благодарна ученым, помогавшим ее становлению и творческому росту как исследователя. Ею написаны работы, посвященные жизни и научной деятельности ее учителя Сигизмунда Натановича Валка (1977, 2001), коллег и сотрудников: Сократа Александровича Клепикова (1984), Александра Ильича Копанева (1992), Александра Александровича Амосова (1998), Сигурда Оттовича Шмидта (2000).

В 2002 г. Библиотека отметила 50-летие научной и общественной деятельности Маргариты Владимировны Кукушкиной. К знаменательной дате был напечатан библиографический указатель ее научных работ. А в феврале 2007 г. ее не стало – ушел из жизни выдающийся ученый, историк, археограф и источниковед, организатор научных исследований по изучению древнерусской рукописной книги. Близкие и коллеги Маргариты Владимировны продолжают помнить, любить ее и использовать ее научные работы в своих изысканиях.

Н.Ю. Бубнов, В.Г. Подковырова

**НИНА
АНДРЕЕВНА
ДОЛДОБАНОВА
(1924–2007)**

19 августа 2007 г. ушла из жизни Нина Андреевна Долдобанова – старейший сотрудник Археографической комиссии¹. Для многих “Археографический ежегодник” и образ Нины Андреевны неотделимы. Она подключилась к работе над материалами еще “Археографического ежегодника за 1957 год”, а в предисловии ко второй книге “Археографического ежегодника” (АЕ за 1958 год) ответственный редактор его академик М.Н. Тихомиров отметил, что “общее наблюдение за изданием вела Н.А. Долдобанова”. С оформлением в 1968 г. редакционной коллегии издания, Нина Андреевна – постоянный член ее и ответственный секретарь.

Н.А. Долдобанова по окончании с золотой медалью школы в родном ей Курске стала студенткой исторического факультета МГУ. Там она была рекомендована в аспирантуру по кафедре этнографии, но жизненные обстоятельства заставляли отдавать основные силы работе в Отделении исторических наук Академии наук еще в период, когда им руководил академик Б.Д. Греков. Ставший в 1953 г. академиком-секретарем Отделения М.Н. Тихомиров обратил внимание на совмещение в молодой красивой женщине

большого личного обаяния с замечательной деловитостью и редкостным чувством ответственности и умелой исполнительностью. И когда М.Н. Тихомиров осознал, что именно Археографическая комиссия, возрожденная его усилиями, становится теперь главным полем его научно-организационной деятельности, уговорил Нину Андреевну перейти на основную работу туда и именно ей доверил организацию работы по подготовке к печати создаваемого по его почину “Археографического ежегодника”.

Вклад Нины Андреевны в обеспечение высокого научного, литературного и полиграфического уровня основного печатного органа Комиссии исключительно велик. В течение полувека она поддерживала повседневные связи с многочисленными авторами ежегодника и редакционным коллективом издательства “Наука”. Ее природные такт, ум, отзывчивость и доброта в сочетании с высокой требовательностью и профессионализмом немало способствовали укреплению этих научных, деловых и дружественных связей.

Работа с авторами требовала и эрудиции, и долготерпения при проверке приводимых в их материалах данных, и уверенной

¹ Шмидт С.О. Памяти Н.А. Долдобановой // ОА. 2007. №. 6. С. 135.

четкости в стилистике и оформлении научного аппарата, а среди авторов, особенно с 1980-х годов, было немало лишь начинающих печататься в научных изданиях, и провинциалов, не всегда знакомых с правилами столичных издательств. Нина Андреевна обладала теми привлекательными человеческими чертами, которые обусловили необременительность для нее редакторской работы и обогащение авторов редактируемых ее текстов – она самоотверженно старалась совершенствовать текст, хотя сознавала, что приобретаемые достоинства будут воспринимать как результат работы самого автора.

Н.А. Долдобанова подготовила к изданию ценный библиографический справочник, раскрывающий содержание всех томов “Археографического ежегодника” и других продолжающихся изданий Археографической комиссии РАН и ее отделений (в том числе ежегодника “Вспомогательные исторические дисциплины”, издаваемого Санкт-Петербургским отделением комиссии) до 2000 г. включительно². Это роспись материалов по оглавлениям изданий (иногда с

элементами аннотаций). В книге указатели имен и авторов, подготовивших материалы к изданию, и историков, о которых есть материалы (списки трудов, обзоры архивных фондов, юбилейные заметки, некрологи и др.). Это важное библиографическое пособие для тех, кто занят проблемами историографии, источниковедения, архивоведения, археографии, и, конечно же, собственно истории.

Нина Андреевна и в последние годы жизни, когда ее стали одолевать болезни, душу и силы продолжала отдавать делам Археографической комиссии. Именно она особенно много способствовала созданию атмосферы доброжелательства и творчества в коллективе сотрудников Археографической комиссии. Она была всеми уважаема и любима; юбилей Нины Андреевны был отмечен коллегами с большой теплотой и статьей в “Археографическом ежегоднике”³.

Для Археографической комиссии кончина Нины Андреевны Долдобановой – невосполнимая потеря, для многих и тяжелая личная утрата.

В.А. Черных, С.О. Шмидт

² Библиографический указатель продолжающихся изданий Археографической комиссии РАН и ее отделений / сост. Н.А. Долдобанова; отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2000. 230 с.

³ Шмидт С.О. Юбилей Нины Андреевны Долдобановой // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 374–375.

**АНАТОЛИЙ
ТИМОФЕЕВИЧ
ШАШКОВ
(1953–2007)**

16 сентября 2007 г. на 55-м году жизни скоропостижно скончался заведующий кафедрой истории России Уральского государственного университета, кандидат исторических наук Анатолий Тимофеевич Шашков.

А.Т. Шашков родился 27 января 1953 г. в небольшом городке Тонки в Кемеровской области. С 1970 по 1975 г. он учился на отделении истории гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. Деятельное участие в семинаре Н.Н. Покровского, ставшего его научным руководителем, и в археографических экспедициях НГУ способствовали формированию Анатолия Тимофеевича как историка, источниковеда и археографа, а увлеченность личностью Максима Грека и книжно-рукописной традицией урало-сибирского старообрядчества на многие годы определила направление его научных исследований, воплотившихся с защищенной в 1982 г. кандидатской диссертацией “Сочинения Максима Грека в старообрядческой рукописной традиции и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – первой половине XVIII в.”.

Проработав некоторое время после окончания университета по распределению в школе, а затем инженером по рекламе на Берском радиозаводе, А.Т. Шашков в

1977 г. переезжает в Свердловск и поступает на работу на исторический факультет Уральского государственного университета. Все последующие тридцать лет его жизни были самым тесным образом связаны с этим факультетом, с кафедрой истории СССР досоветского периода (позднее кафедра истории России), на которой он прошел путь от аспиранта до заведующего кафедрой, и с образованной при этой кафедре в 1975 г. Лабораторией археографических исследований.

Будучи воспитанником Сибирской археографической школы академика Н.Н. Покровского, поддерживая дружеские и творческие связи с сотрудниками крупнейших археографических центров страны, прежде всего с Древлехранилищем Института русской литературы (Пушкинского Дома), Библиотеки Академии наук, археографическими группами многих университетов, Анатолий Тимофеевич внес огромный вклад в превращение Лаборатории археографических исследований УрГУ в один из ведущих центров полевой и камеральной археографии страны. Постоянный участник экспедиций уральских археографов с 1978 г., руководитель одного из экспедиционных отрядов, А.Т. Шашков непосредственно участвовал в комплектовании большинства территориальных собраний старопечатных

книг и рукописей ЛАИ УрГУ, был организатором описания и изучения собранных рукописей.

Вклад А.Т. Шашкова в изучение старообрядческой книжности, истории урало-сибирского старообрядчества трудно переоценить. Одним из важнейших результатов его работы в этом направлении в 1980-е годы стала подготовка и издание в соавторстве с В. И. Байдиным двух томов серии “Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья”.

Организаторский талант Анатолия Тимофеевича в полной мере раскрылся в начале 1990-х годов, когда он стал директором и научным руководителем научно-производственного многопрофильного предприятия “Волот”, созданного им совместно с коллегами по историческому факультету УрГУ. Позднее, в 1999 г., он возглавил также Угорский научно-исследовательский центр УрГУ. Под руководством и при непосредственном участии А.Т. Шашкова было подготовлено и издано более трех десятков монографий, сборников статей и документов по истории Северо-Западной Сибири, в том числе книги по истории Сургута, Нягани, Коды, Югорска, а также учебник “История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней” (Екатеринбург, 2000), подготовленный и изданный в рамках учебно-методического комплекса по истории Югры и заслуживший особое признание как научного, так и педагогического сообщества¹.

Научное наследие А.Т. Шашкова велико и многообразно: это более 250 работ в области древнерусской и старообрядческой книжности, истории урало-сибирского старообрядчества, хозяйственного и культурного освоения пространств Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVIII вв. Среди них – научные и научно-популярные статьи, раз-

делы коллективных монографий и учебных пособий, статьи в “Словаре книжников и книжности Древней Руси”, “Православной энциклопедии”, “Уральской исторической энциклопедии”, “Сибирской исторической энциклопедии” и других авторитетных справочных изданиях². Для его публикаций характерны высокая исследовательская культура, скрупулезная точность и добросовестность в работе с источниками, какое-то поистине рыцарское служение идее поиска научной истины, а еще – замечательное чувство языка и несомненное литературное дарование, в полной мере раскрывшееся в многочисленных публикациях в журнале “Родина” и других научно-популярных и художественно-публицистических периодических изданиях и в таких коллективных монографиях, как “Книги старого Урала” (Свердловск, 1989).

В Анатолии Тимофеевиче органично сочетались талант исследователя и педагога и замечательные человеческие качества, столь высоко ценимые его друзьями и коллегами: щедрость души, доброжелательность по отношению к окружающим, бескорыстная преданность науке, высокая степень ответственности и надежности в выполнении своих обязанностей, инициатива, побуждавшая его взваливать на свои плечи все больший и больший груз научной, организационной, просветительской работы. Друзьям и коллегам казалось, что его силам и энергии не будет конца...

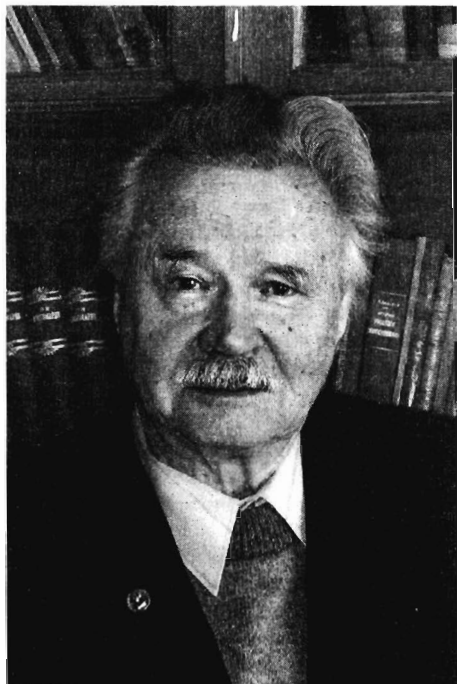
Безвременная кончина Анатолия Тимофеевича Шашкова оставила незавершенными многие его труды, в том числе докторскую диссертацию. Она отозвалась болью в сердцах его друзей, коллег и многочисленных учеников³, продолжающих идти проторенными им путями научных поисков и открытий.

А.Г. Мосин

¹ См.: *Зыкова Е.* Книги “Волота”: от рукописи до оригинал-макета // *Вестн. УрО РАН: Наука. Общество. Человек.* 2007. № 4 (22). С. 145–147.

² См.: Список научных трудов А.Т. Шашкова за 1974–2002 гг. // *Уральский сборник: История. Культура. Религия.* Екатеринбург, 2003. Вып. 5. С. 312–332.

³ См.: *Мосин А.Г.* “Он между нами жил...”: Памяти Анатолия Тимофеевича Шашкова // *Вестн. УрО РАН: Наука. Общество. Человек.* 2007. № 4 (22). С. 67–71; *Памяти Анатолия Тимофеевича Шашкова* // *Вестн. церковной истории.* 2007. № 4(8). С. 293–294; *Покровский Н.Н.* О Толе // *Уральский сборник: История. Культура. Религия.* Екатеринбург, 2009. Вып. 7, ч. 1: Социально-политическая история. С. 5–10; *Манькова И.Л.* Слово об учителе // Там же. С. 11–14.

СЛОВО О ЛЕОНИДЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ МИЛОВЕ

В ноябре 2007 г. российская историческая наука простилась с академиком РАН, профессором, заведующим кафедрой истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ Леонидом Васильевичем Миловым (1929–2007). Научное гуманитарное сообщество потеряло выдающегося ученого, принадлежавшего к яркой плеяде учеников академика М.Н. Тихомирова. Именно у него Л.В. стал специализироваться во время учебы на истфаке МГУ (1948–1953), а затем в аспирантуре (1953–1956). Большая часть творческого и жизненного пути Л.В. Милова была связана с истфаком МГУ (1960–1966, 1976–2007) и двумя его кафедрами: источниковедения истории СССР и истории СССР периода феодализма (с 1992 г. переименована в кафедру истории России до начала XIX в.), которую он возглавлял с 1989 г. до своей кончины. Вместе с тем в течение 1966–1976 гг. Л.В. работал в Институте истории СССР АН СССР, был заместителем главного редактора журнала «История СССР», а с 1971 г. возглавлял лабораторию по применению математических методов в исторических исследованиях. В течение 1956–1960 гг. Л.В. был сотрудником Института славяноведения, работая в Археографической комиссии. Историк защитил кандидатскую – 1958 г., докторскую – 1973 г. диссертации, получил звание профессора в 1978 г., был избран в 1990 г.

членом-корреспондентом АН СССР, в 2000 г. академиком РАН. В 1999 г. он получил звание Заслуженного профессора МГУ, в 2003 г. – Ломоносовскую премию в области преподавания. За труд «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» (М., 1998) историк был удостоен Государственной премии РФ.

В университете Л.В. выбрал для специализации историю России периода феодализма и в качестве руководителя – академика М.Н. Тихомирова, который уже со студенческой скамьи мастерски направлял исследовательское становление своих учеников, прививал им любовь к историческому документу, навыки квалифицированного анализа источников. Приобретенные у М.Н. знания, природные способности Л.В. и умение концентрироваться, преодолевать трудности, упорно трудиться, выработанное еще до поступления в университет во время учебы и работы в танцевальном ансамбле Игоря Моисеева, привели к успехам в науке.

Талант Леонида Васильевича сравним с даром классиков исторической науки С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Он – автор 200 научных работ, в их числе шести монографий. Ему были подвластны проблемы отечественной истории широкого тематического охвата и огромного хронологического диапазона. В поле его зрения – памятники Древней Руси и византийского права, такие как под-

готовленное под руководством М.Н. Тихомирова научное издание древнего славянского законодательного памятника – “Закона Судного людем” (Закон Судный людем краткой редакции. М., 1961; Закон Судный людем пространной и сводной редакций. М., 1961), последовавшие позже исследования (статьи) о славянском переводе византийского кодекса закона VIII в. “Эклоги”, о Пространной редакции Русской правды, Мериле Праведном. Совокупность статей историка по проблемам древнерусского права, объединенных цельностью замысла, увидела свет после его кончины (Милов Л.В. Исследования по истории памятников средневекового права. М., 2009). Привлекла внимание ученого атрибуция авторства “Повести временных лет” и “Слова о полку Игореве” с применением математических методов, а работа в этом направлении руководимым им коллективом была подытожена в монографии “От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства” (М., 1994).

Большой вклад Л.В. Милов внес в изучение социально-экономической истории России XVII–XIX вв. и источниковедческую оценку материалов писцовых описаний первой четверти XVII в. и “Экономических примечаний” к Генеральному межеванию, ведомостей о хлебных ценах второй половины XVIII–XIX вв., что воплотилось в его трудах: монографии «Исследование об “Экономических примечаниях” к Генеральному межеванию» (М., 1965), и совместной с И.Д. Ковальченко книге “Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX века. (М., 1974), а также в монографии, идея, основные подходы и источниковедческие принципы которой разработаны Леонидом Васильевичем: Милов Л.В. Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия: Источник, компьютер и методы исследования (М., 1986).

Творческое дарование выдающегося ученого, умноженное на вживание в исторический материал, тонкий источниковедческий анализ, глубокий интерес к узловым аспектам российской истории придает его трудам фундаментальность. Научные искания Леонида Васильевича были направлены на постижение глубинных, корневых процессов в социальной, экономической и политической сферах истории России. Он был первопроходцем не только в освоении малоизученных источников, но и в разработке и применении новых, количественных методов в исторических исследованиях. Открытость возникающим научным веяниям, свойственная ученому, способствовала созданию им новых исследовательских направлений и методик.

Леонид Васильевич в своем творчестве никогда не следовал политической конъюнктуре. Он не раз смело и полемично выступал с взвешенной критикой по темам, которые были догматически непререкаемы, убежденно и аргументировано отстаивал свою точку зрения на тот или иной, нередко дискуссионный, вопрос. Ученый внес весомый вклад в решение важнейших проблем отечественной историографии, таких как причины возникновения крепостничества, генезис капитализма, классовая борьба крестьянства в XVII–XVIII вв.

Изучение аграрной составляющей российской экономики занимало большое место в творчестве Л.В. Милова. Свои наблюдения и выводы, основанные на обстоятельной проработке источников, об особенностях землевладения, землепользования и землеустройства, об эволюции систем земледелия, специфике агрикультуры, урожайности зерновых культур ученый неоднократно докладывал на сессиях Симпозиума по проблемам аграрной истории Восточной Европы, участником которых он был с 1961 г. В 1991 г. Милов возглавил работу этого научного форума историков-аграрников и стал председателем Научного совета по проблемам аграрной истории при отделении историко-филологических наук РАН. Много сил и творческой энергии ученый отдавал работе на посту председателя Оргкомитета Симпозиума. Обладая огромной профессиональной эрудицией, он генерировал идеи, важные для аграрной истории (и не только в ее сфере). Затем Л.В. предлагал их коллегам и побуждал к совместному обсуждению на заседаниях Оргкомитета, в результате они становились главными проблемами для очередных сессий Симпозиума. Во время работы сессий Симпозиума Л.В. не ограничивался участием в обсуждении тем, близких его непосредственным научным интересам, а живо реагировал на новые доводы, соображения и оценки, высказываемые в докладах по аграрной истории XIX и XX вв.

Ученого очень волновали проблемы современного состояния в области аграрной экономики и аграрные реформы 1990-х годов. Осознание особенностей российского исторического процесса, которое воплотилось в его фундаментальной монографии о великорусском пахаре, сопереживание тяжкому труду земледельца, угнетенному и приниженному положению крестьянина в России на протяжении ее длительной истории – свидетельство гражданского позиции незаурядного ученого и замечательного руководителя Симпозиума по аграрной истории.

Е.Н. Швейковская

**К КОНЧИНЕ
ОЛЬГИ
МИХАЙЛОВНЫ
МЕДУШЕВСКОЙ
(1922–2007)**

9 декабря 2007 г. от нас ушла Ольга Михайловна Медушевская – заслуженный профессор РГГУ, выдающийся историк, источниковед, историограф, авторитетнейший специалист по проблематике методологии истории, друг нашей Археографической комиссии, членом которой она была с 1980 г. Специализируясь первоначально на тематике исторической географии и картографии, она, не расставаясь с этими сюжетами, все в большей мере становилась ведущим источниковедом и историографом источниковедения – отечественного и зарубежного. Ольга Михайловна очень много сделала для сближения методики работы архивистов и археографов с приемами источниковедов.

Ольга Михайловна – автор многих книг и статей, докладов на научных форумах. Казавшееся особенно важным из сделанного ею на рубеже веков было суммировано в книге историко-философского плана “Теория и методология когнитивной истории” (М., 2008), изданной уже посмертно. Ольга Михайловна и после 85-ти лет была

полна новыми научными намерениями и с прежним любовным вниманием относилась к аспирантам и студентам родного ей Историко-архивного института, оставалась и ученым секретарем Ученого совета РГГУ. И, можно полгать, и погибла, сбита машиной, от того что, переходя улицу, отдалась своим научным размышлениям.

Ольга Михайловна была верным и постоянным участником начинаний Археографической комиссии – ее изданий, заседаний, не раз выступала с докладами на организуемых Комиссией научных конференциях. И в Археографической комиссии ее любили и почитали: к 70-летию ученого и педагога поместили статью о ее творчестве в “Археографическом ежегоднике за 1992 год”¹; запланирована была и статья к ее 85-летию, публикуемая в настоящем томе². В статью учитывается уже и вышедшее после кончины Ольги Михайловны – написанное ею и о ней. А отклики на посмертное издание ее книги и кончину были во многих изданиях. Памяти ее были посвящены и чтения

¹ Бельский И.Л. Путь научного поиска: (К юбилею О.М. Медушевской // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 212–220.

² См. наст. издание С. 198–222.

в РГГУ – научная конференция “Когнитивная история – методы, исследовательские практики”, материалы которой изданы отдельной книгой, где и статьи, специально посвященные жизни и творчеству Ольги Михайловны³.

В Археографической комиссии глубоко переживают эту большую утрату науки и педагогики и как потерю умного, образованнейшего, чуткого к новой мысли, благожелательного к нам человека.

³ Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф. Научное наследие Ольги Михайловны Медушевской // Когнитивная история: концепция – методы, исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской. М., 2012. С. 9–36; Шмидт С.О. Ольга Михайловна Медушевская как профессор Историко-архивного института // Там же. С. 37–46.

**ТАМАРА
ПАВЛОВНА
ВОРОНОВА
(1921–2008)**

14 ноября 2008 г. ушла из жизни Тамара Павловна Воронова, историк-медиевист, палеограф и археограф. Тамара Павловна родилась 2 февраля 1921 г. в г. Старая Русса. В 1929 г. вместе с семьей переехала в Ленинград, где в 1939 г. закончила с отличием среднюю школу и поступила на исторический факультет Ленинградского государственного университета. В Ленинграде она пережила страшную блокадную зиму 1941–1942 гг., в январе 1942 г. вместе с университетом эвакуировалась в Саратов. По возвращении в Ленинград в июне 1944 г. Т.П. Воронова получила диплом с отличием об окончании университетского курса и в сентябре того же года была зачислена в аспирантуру на кафедру истории Средних веков. Ее учителем и научным руководителем была профессор А.Д. Люблинская, известный специалист по истории Франции.

После окончания аспирантуры в 1947 г. Тамара Павловна поступила на работу в Государственную публичную библиотеку в Ленинграде (с 1992 г. Российская национальная библиотека) сначала библиографом в Отдел комплектования, а затем в Отдел рукописей хранителем западных и восточных фондов. Вместе со своими коллегами она выполняла ответственную работу по приему, проверке и расстановке реэвакуированных из Мелекесса западно-

европейских рукописей, составлению актов проверки, шкафных описей, паспортов фондов. В 1951 г. Тамара Павловна защитила в ЛГУ кандидатскую диссертацию на тему “Социально-экономические отношения и классовая борьба в Лионе в первой половине XVII в.”.

Делом всей жизни Т.П. Вороновой стало изучение истории всемирно известной коллекции П.П. Дубровского. Благодаря ее трудам была восстановлена биография коллекционера – основателя и первого хранителя “Депю манускриптов”, описаны и опубликованы многие документы из его собрания, исследованы великолепные средневековые иллюминированные кодексы.

В 1950-х годах в Отделе рукописей работала еще одна выпускница кафедры Средних веков ЛГУ, талантливый палеограф Т.В. Луизова. Под руководством и при участии А.Д. Люблинской Тамара Павловна и Тамара Владимировна провели инвентаризацию западноевропейской части собрания автографов Дубровского. В процессе работы были составлены подробные описания каждого документа, созданы хронологическая и алфавитная картотеки для этих материалов, а также суммарная инвентарная опись сборников. Позднее в сотрудничестве с Т.Н. Копреевой Тамара Павловна приняла участие в работе над инвентарем польских

автографов той же коллекции, составила инвентарную опись сложного по составу собрания грамот Дубровского, в котором представлены документы XII–XVIII вв.

Повседневная кропотливая работа хранителя нашла отражение во многих печатных изданиях. Так, на основе изучения документальной части коллекции Дубровского был подготовлен ряд каталогов. Первый из них “Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI–XVIII из собрания П.П. Дубровского”, в котором представлены автографы Эразма Роттердамского, Лейбница, Вольтера, Руссо и др., вышел в свет в 1963 г. Его составителями стали Т.В. Воронова и Е.В. Бернадская. В 1979 г. был издан каталог “Сборники документов коллекции П.П. Дубровского”, содержащий систематический перечень 146 сборников (в 162 томах) и полный алфавитный указатель имен всех корреспондентов и адресатов, чьи официальные и частные письма, донесения, инструкции и пр. представлены в собрании. Одной из последних работ Т.П. Вороновой стал “Каталог писем государственных и политических деятелей Франции XV в. из собрания П.П. Дубровского” (СПб., 1993).

Т.П. Воронова принимала активное участие в публикации тематических комплексов документов из западного фонда ОР: “Документы по истории гражданских войн во Франции. 1561–1563 гг.” (М., 1962) и “Внутренняя политика французского абсолютизма. 1633–1649 гг.” (М., 1966–1980). Оба издания были осуществлены авторским коллективом под руководством А.Д. Люблинской. Биография П.П. Дубровского и история его коллекции отражены в целой серии статей, наиболее значимыми из которых являются “П.П. Дубровский и Сен-Жерменские рукописи”, «П.П. Дубровский – первый хранитель “Депю манускриптов” “Публичной библиотеки”», “Литературный конкурс в Гамбурге, посвященный Екатерине II (По материалам архива П.П. Дубровского)”. Некоторые из этих статей вызвали большой интерес английских ученых и были изданы в журнале “The Book collector” (Лондон, 1956, 1978).

Внимание Т.П. Вороновой привлекло и другое крупное собрание западноевропейских документов – коллекция автографов П.К. Сухтелена. Она составила инвентарь французских автографов этого собрания и опубликовала аннотированный каталог документов эпохи Великой французской революции (СПб., 1992).

В течение многих лет Тамара Павловна являлась членом Археографической комиссии. Она вела архивную практику и занятия по латинской палеографии со студентами-медиевистами исторического факультета ЛГУ. В рамках проводимой Археографической комиссией работы по составлению Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, в 1973 г. возглавила группу по подготовке краткого описания латинских рукописей V–XII вв. из фондов ГПБ. Описание, в котором отражены 257 кодексов и фрагментов, было издано в 1983 г.

Первые международные проекты Публичной библиотеки проходили при непосредственном участии Т.П. Вороновой. В 1969 г. она стала руководителем проблемной группы по изданию “Корпуса читательских помет Вольтера”. За 25 лет группа подготовила и выпустила в свет пять томов публикаций. Издание было осуществлено издательством “Akademie-Verlag” (Берлин, 1979–1994) и получило самое высокое признание мирового научного сообщества. В настоящее время “Корпус” издается в Оксфорде в составе полного собрания сочинений Вольтера.

Знания Тамары Павловны и ее опыт библиографа оказались неоценимы в процессе работы по реконструкции книжного собрания видного дипломата эпохи Петра I А.А. Матвеева, проводившейся Государственной библиотекой СССР им. В.И. Ленина, Государственной Публичной библиотекой и библиотекой Хельсинского университета (1986 г.).

Работа Т.П. Вороновой над средневековыми иллюминированными рукописями начиналась со скромных подборок открыток с введением и аннотацией для каждой воспроизводимой миниатюры. В 1993 г. она подготовила факсимильное издание великолепно иллюстрированного географического атласа, созданного в середине XVI в. в мастерской знаменитого венецианского картографа Дж.-Б. Аньезе. Итогом многолетнего изучения Тамарой Павловной этой ценнейшей части западного рукописного фонда стал репрезентативный альбом-каталог, впервые представивший в цвете и с подробными описаниями все богатство и разнообразие хранящихся в РНБ образцов западноевропейской книжной живописи VIII–XVI вв. (1996 г.). Благодаря этому труду рукописные сокровища Санкт-Петербурга получили широкую известность в странах Западной Европы и США и привлекли к себе внимание многих зарубежных издательств. Альбом вышел на четырех язы-

ках и с тех пор неоднократно переиздавался за рубежом.

Диапазон научных интересов Т.П. Вороновой был очень широк. И все же большинство опубликованных ею трудов посвящены одной главной теме – истории Франции. Кажется, нет такого исторического периода, который в той или иной форме не нашел бы отражения в работах Т.П. Вороновой: Средневековье и Возрождение, гражданские войны и расцвет французского абсолютизма, век Просвещения и Великая французская революция, Парижская коммуна и война 1812 г. При этом в каждом своем исследовании – идет ли речь о нормандских финансовых документах XIV в. или о библиотеке Рене Анжуйского, о рукописном наследии Дидро или маргиналиях Вольтера – Тамара Павловна всегда опиралась на документальные источники, хранящиеся в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Поэтому неудивительно, что отечественные и зарубежные ученые неизменно обращаются к подготовленным ею каталогам, обзорам, публикациям и исследованиям западноевропейских рукописных книг и документов, т.е. к тем трудам, что внесли неоценимый вклад в раскрытие богатейших западных фондов Российской национальной библиотеки.

Благодаря превосходному знанию истории Западной Европы, многолетнему опыту археографа и хранителя западноевропейских рукописей Т.П. Воронова неоднократно представляла библиотеку на международных выставках, симпозиумах и конференциях в Германии, Ватикане, Финляндии и Франции.

Долгий жизненный путь Т.П. Вороновой отмечен правительственными наградами – медалями “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”, “За оборону Ленинграда”, “В память 250-летия Ленинграда”, “30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”, “40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”. За многолетнюю плодотворную работу она была удостоена звания “Ветеран труда”.

Вся ее жизнь является примером бескорыстного служения науке, научные изыскания и достижения, реализованные в многочисленных трудах, еще долго будут востребованы историками. Благодарную память о Тамаре Павловне – образцовом хранителе, неутомимом ученом, знатоке и ценителе рукописей навсегда сохранят ее коллеги, российские и зарубежные ученые.

*О.Н. Блескина, Н.А. Елагина,
М.Г. Логутова*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИ – “Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею”
- АК – Археографическая комиссия
- АН СССР – Академия наук СССР
- АРАН – Архив Российской академии наук
- АСЭИ – “Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–XVI веков”
- БАН – Библиотека Академии наук
- БГУ – Белорусский государственный университет
- ВА – “Вестник архивиста”
- ВИ – “Вопросы истории”
- ВИД – “Вспомогательные исторические дисциплины”
- ВИЕиТ – “Вопросы истории естествознания и техники”
- ВНИИДАД – Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
- ВСМЗ – Владимиро-суздальский музей-заповедник
- ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
- ГАУ – Главное архивное управление
- ГАФКЭ – Государственный архив феодально-крепостнической эпохи
- ГЕОХИ РАН – Институт геохимии и аналитической химии Российской академии наук им. В.И. Вернадского
- ГИМ – Государственный Исторический музей
- ГЛМ – Государственный литературный музей
- ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (совр. РНБ)
- ГПИБ – Государственная публичная историческая библиотека
- ИА – “Исторический архив”
- ИАН СССР – “Известия Академии наук СССР”
- ИЗ – “Исторические записки”
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- ИИ СССР АН СССР – Институт истории Академии наук СССР
- ИМЛИ – Институт мировой литературы
- ИМЭЛ – Институт Маркса, Энгельса, Ленина
- ИРИ РАН – Институт российской истории Российской академии наук
- ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
- ИСССР – “История СССР”
- І Д та їх В – “Історичні джерела та їх використання”
- КО – “Книжное обозрение”
- КП – “Комсомольская правда”
- ЛА – Личный архив Е.Н. Андреевой (Oxford, UK)
- ЛГ – “Литературная газета”
- ЛГУ – Ленинградский государственный университет
- ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР
- МАМЮ – Московский архив Министерства юстиции
- МГАМИД – Московский главный архив Министерства иностранных дел
- МГИАИ – Московский государственный историко-архивный институт
- МГУ – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
- НиНи – “Новая и новейшая история”

НИОР РГБ	– Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
НИУ ВШЭ	– Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”
НСРК	– Новое собрание рукописных книг
НШ	– “Начальная школа”
ОА	– “Отечественные архивы”
ОИ	– “Отечественная история”
ОИДР	– Общество истории и древностей российских
ОИК	– Отдел истории книги
ОПИ	– Отдел письменных источников
ОР	– Отдел рукописей
ПСЗ	– “Полное собрание законов Российской империи”
РАЕН	– Российская академия естественных наук
РАН	– Российская академия наук
РАО	– Российская академия образования
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов (бывш. ЦГАДА)
РГАКФД	– Российский государственный архив кинофотодокументов
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства (бывш. ЦГАЛИ)
РГАНИ	– Российский государственный архив новейшей истории (бывш. ЦХСД)
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории
РГАФД	– Российский государственный архив фонодокументов
РГБ	– Российская государственная библиотека
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив (бывш. ЦГВИА)
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	– Российский государственный исторический архив (бывш. ЦГИА СССР)
РГНФ	– Российский государственный научный фонд
РГПУ	– Российский государственный педагогический университет
РИБ	– “Русская историческая библиотека”
РИЖ	– “Российский исторический журнал”
РНБ	– Российская национальная библиотека (бывш. ГПБ)
РО	– Рукописный отдел
СА	– “Советские архивы”
СК	– “Советская книга”
СКНЦ ВШ	– Северо-Кавказский научный центр высшей школы
СО АН СССР	– Сибирское отделение Академии наук СССР
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СПБНИИ РАН	– Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
СПбФА РАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СПбФ ИРИ РАН	– Санкт-Петербургский филиал Института российской истории Российской академии наук
СЭ	– “Советская этнография”
ТГУ	– Томский государственный университет
ТОДРЛ	– “Труды Отдела древнерусской литературы”
УГ	– “Учительская газета”
УрО РАН	– Уральское отделение Российской академии наук
УИЖ	– “Український історичний журнал”
ФТАД	– Факультет технотронных архивов и документов
ЦГА ВМФ	– Центральный государственный архив Военно-Морского флота
ЦГАДА	– Центральный государственный архив древних актов (совр. РГАДА)
ЦГАОР и СС	– Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства
ЦГАСА	– Центральный государственный архив Советской Армии

ЦГВИА	– Центральный государственный военно-исторический архив (совр. РГВИА)
ЦГИА СССР	– Центральный государственный исторический архив СССР (совр. РГИА)
ЦИАМ	– Центральный исторический архив Москвы
ЦМАМЛС	– Центральный московский архив-музей личных собраний
ЦПА ИМЛ	– Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма
ЧОИДР	– “Чтения в Обществе истории и древностей российских”
ЭО	– “Этнографическое обозрение”
ВА	– Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Butler Library. Columbia University in the City of New York (USA)
НИА	– Hoover Institution Archives. Stanford University (USA)
NBL	– The University of Oxford. New Bodleian Library. Department of Special Collections and Western Manuscripts. Modern Papers Reading Room (UK)
RBML	– Rare Book and Manuscript Library. Butler Library. Columbia University in the City of New York (USA)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>Р.Г. Пихоя.</i> “Архивная революция”: двадцать лет спустя. Часть I. Архивы для России. 1990–1991	3
<i>Е.А. Мельникова.</i> Подводя первые итоги: К 45-летию издания Свода “Древнейшие источники по истории Восточной Европы”	35
<i>А.С. Янушкевич</i> (Томск). В.А. Жуковский сегодня: между 1983-м и 2008-м годами (К изданию его “Полного собрания сочинений и писем”)	51
<i>О.В. Хлевнюк.</i> Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. 1937 год	74
* * *	
<i>А.С. Усачев.</i> Книга “владыки Офонасия”: О владельце сборника сочинений Дионисия Ареопагита РНБ. Соф. № 1188	92
<i>М.В. Корогодина</i> (Санкт-Петербург). Новонайденные списки Кормчей Вассиана Патрикеева	100
<i>Д.М. Володихин.</i> Заметки о семействе Г.Л. Скуратова-Бельского	113
<i>К.А. Левинсон.</i> Некоторые наблюдения относительно языка государственного делопроизводства в городах Священной Римской империи в раннее Новое время	126
<i>В.Б. Перхавко.</i> Использование слов “купчина” и “купечество” в допетровской Руси	147
<i>А.И. Раздорский</i> (Санкт-Петербург). Таможенные книги XVII–XVIII вв. как исторический источник и их географическая номенклатура	157
<i>Шумейко М.Ф.</i> (Беларусь, Минск). Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии 1926 года	171
<i>А.Н. Бачинин.</i> Неизданный курс лекций по источниковедению русской истории И.П. Козловского	181
<i>А.Н. Медушевский.</i> Ольга Михайловна Медушевская: интеллектуальный портрет ...	198
<i>В.Ю. Афиани, В.П. Козлов.</i> Александр Александрович Фурсенко как источниковед и публикатор документов XX века	223
<i>О.Г. Агеева, А.Е. Иванов, А.М. Кантор.</i> Юбилей Льва Никитовича Пушкирева	234
<i>Тихомировские чтения 2007 года</i> <i>“Новое в москвоведении: Публикации 1997–2007 гг.”</i>	
<i>В.Ч.</i> Хроника заседания	238
<i>В.Н. Быков.</i> Московская городская дума: публикации и выставки в 1997–2007 гг.	241
<i>В.Ф. Козлов.</i> Десять лет деятельности Издательского центра “Москвоведение”. 1997–2007 гг. Итоги и перспективы	257

*Пленарное заседание Археографической комиссии РАН
“Современное состояние изучения и издания архивных
материалов о событиях 1917 года”*

<i>А.В. Мельников.</i> Хроника заседания	265
<i>С.О. Шмидт.</i> Вступительное слово	270
<i>С.В. Мироненко.</i> О выставке Государственного архива Российской Федерации “Мифы революции”	274
<i>В.Ю. Афиани.</i> История революций 1917 года в публикаторской деятельности Архива Российской академии наук	281
<i>А.А. Чернобаев.</i> Новейшие публикации документов о событиях 1917 г. в России в журнале “Исторический архив”	288

*Тихомировские чтения 2008 года
“Всероссийская научная конференция памяти
академика Сергея Федоровича Платонова
(К 75-летию со времени кончины)”*

<i>А.В. Мельников.</i> Хроника заседания	293
--	-----

II. Обзоры, описания, библиография

<i>В.Н. Малов.</i> Западные рукописи в провинциальных хранилищах России: Польско-итальянские документы Рязанского архива	296
<i>Т.В. Романова</i> (Санкт-Петербург). К истории бытования в XIX веке рукописи так называемой Толстовской псалтири	304
<i>И.А. Голубева</i> (Санкт-Петербург). Петроград 1917 года глазами П.Н. Столпянского	310
<i>М.А. Котенко.</i> Всероссийская мемуарная библиотека в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына	326
<i>В.Г. Бухерт.</i> Краткий биографический словарь “Выдающиеся деятели нашей Родины” (1946–1952 гг.)	346
<i>М.И. Давыдова.</i> Архив профессора И.Д. Ермакова	360
<i>П.А. Трибунский</i> (Рязань). Обзор личного фонда П.Н. Милюкова в Бахметьевском архиве	364
<i>П.А. Трибунский</i> (Рязань). Обзор личного фонда П.Н. Милюкова в Гуверовском институте войны, революции и мира	389
<i>Д.С. Московская.</i> Новые материалы к биобиблиографии Н.П. Анциферова (К 50-летию со дня кончины)	398
<i>Н.Н. Ростова.</i> Архив историка и архивиста Р.В. Овчинникова	415
<i>А.В. Сиренов</i> (Санкт-Петербург). Публикация переписной книги Курска 1678 года	424
<i>А.М. Савинов.</i> Список книг, не включенных в издание “Библиотека В.И. Ленина в Кремле: Каталог” (М., 1961)	430
Список печатных трудов Л.Н. Пушкарева (К 90-летию со дня рождения) (<i>сост. И.М. Пушкарева, Ю.В. Андрюшайтите</i>)	467
Список печатных трудов С.В. Чиркова (К 60-летию со дня рождения)	486
Список печатных трудов Л.И. Шохина (К 50-летию со дня рождения) (<i>сост. К.В. Баранов</i>)	490

III. Публикации

“План путешествия по России для собирания древностей” 1805 года (<i>подгот. А.В. Сиренов</i> (Санкт-Петербург))	495
--	-----

Неизданная работа А.М. Фокина 1943 г. “Ключевский и Платонов” (подгот. В.Г. Бухерт).....	513
Отзывы М.Н. Тихомирова 1940 г. о докторской диссертации Н.Л. Рубинштейна “Русская историография (Развитие русской исторической науки) (подгот. М.В. Мандрик (Санкт-Петербург))	528
Письма Е.Э. Гранстрем к А.Д. Люблинской 1941–1942 гг. из блокадного Ленинграда (подгот. Л.Б. Вольфун (Санкт-Петербург))	540
“Мы вообще так много узнали и поняли за этот год”: из переписки М.И. Стеблин-Каменской и С.Н. Валка (20.11.1942–27.02.1943) (подгот. В.Г. Ананьев (Санкт-Петербург)).....	546

IV. Хроника

<i>А.В. Мельников.</i> Деятельность Археографической комиссии в 2007–2008 годах	556
Новые издания Археографической комиссии в 2007–2008 годах.....	557
К 85-летию С.О. Шмидта	558
<i>Г.Н. Ланской, М.М. Жукова.</i> Профессору В.М. Магидову – 70 лет	558
Вечер памяти Н.И. Бухарина в Главном архивном управлении г. Москвы. <i>Приложение:</i> Слово профессора Стивена Козна на открытии Фонда семьи Бухариных....	561
<i>Е.Н. Швейковская.</i> К пятидесятилетию юбилею работы Симпозиума по проблемам аграрной истории Восточной Европы.....	565
<i>Н.Ю. Бубнов</i> (Санкт-Петербург), <i>В.Г. Подковырова</i> (Санкт-Петербург). <i>Маргарита Владимировна Кукушкина</i> (1925–2007).....	567
<i>В.А. Черных, С.О. Шмидт.</i> <i>Нина Андреевна Долдобанова</i> (1924–2007).....	570
<i>А.Г. Мосин</i> (Екатеринбург). <i>Анатолий Тимофеевич Шашков</i> (1953–2007).....	572
<i>Е.Н. Швейковская.</i> Слово о Леониде Васильевиче Милове (1929–2007)	574
К кончине Ольги Михайловны Медушевской (1922–2007)	576
<i>О.Н. Блескина</i> (Санкт-Петербург), <i>Н.А. Елагина</i> (Санкт-Петербург), <i>М.Г. Логутова</i> (Санкт-Петербург). <i>Тамара Павловна Воронова</i> (1921–2008).....	578
Список сокращений	581

Научное издание

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
за 2007–2008 годы**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук*

Редактор *М.М. Леренман*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая,*
Т.А. Печко, Е.А. Сысоева

Подписано к печати 02.11.2012
Формат 70 × 100¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 37,0. Усл.кр.-отт.48,1. Уч.-изд.л. 62,0
Тираж 1000 экз. Тип. зак.1995

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ООО “Цифровая типография № 21”
123022, Москва, Рочдельская ул., 15, стр. 13

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА” РАН

Магазины “Книга-почтой”

- 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-78-01
Сайт: www.LitRAS.ru E-mail: info@LitRAS.ru
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 “Б”; (код 812) 235-40-64
ak@akbook.ru

Магазины “Академкнига” с указанием букинистических отделов и “Книга-почтой”

- 690002 Владивосток, Океанский проспект, 140 (“Книга-почтой”);
(код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга-почтой”);
(код 343) 350-10-03 kniga@sky.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 (“Книга-почтой”); (код 3952) 42-96-20 aknir@irlan.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru
220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52, 292-50-43
www.akademkniga.by
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 495) 124-55-00
(Бук. отдел (код 495) 125-30-38)
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; (код 495) 621-55-96
(Бук. отдел)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; (код 495) 334-72-98
105062 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; (код 495) 624-72-19
(Бук. отдел)
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 383) 221-15-60
akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 (“Книга-почтой”);
(код 383) 330-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга-почтой”);
(код 49677) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65
199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1; (код 812) 328-38-12
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга-почтой”); (код 3472) 23-47-62,
23-47-74 UfaAkademkniga@mail.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85 (Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Академкнига. г. Москва
Телефон для оптовых покупателей:
(код 499) 143-84-24; 143-89-35
Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@LitRAS.ru
Склад, телефон (код 495) 932-74-71
Факс (код 499) 143-89-35

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru*

ISBN 978-5-02-037599-4

9 785020 375994

g2M²

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

2007
2008